

БИБЛИОТЕКА
ФАКУЛЬТЕТА ПОЛИТОЛОГИИ МГУ

**БИБЛИОТЕКА
ФАКУЛЬТЕТА ПОЛИТОЛОГИИ МГУ**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р ист. наук Шутов А.Ю. (председатель),
д-р полит. наук Ширинянец А.А. (заместитель председателя),
канд. филос. наук Осадченко З.Н. (ответственный секретарь),
канд. ист. наук Андерсон К.М., д-р полит. наук Ахременко А.С.,
канд. полит. наук Демин И.Ю., канд. филос. наук Демчук А.Л.,
канд. ист. наук Евгеньева Т.В., д-р филос. наук Коваленко В.И.,
д-р филос. наук Кудряшова М.С.,
д-р полит. наук, академик РАН Пивоваров Ю.С.,
д-р полит. наук Туровский Р.Ф., д-р филос. наук Цыганков П.А.,
канд. полит. наук Чихарев И.А., д-р филос. наук Шестопад Е.Б.,
д-р полит. наук Якунин В.И.

**РУССКАЯ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА
ХРЕСТОМАТИЯ**

Издательство Московского университета
2011

УДК 32(091)
ББК 66.3 (2Рос) ОЯ73
Р89

Печатается по решению
Ученого совета факультета политологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

К юбилею кафедры
истории социально-политических учений
(1971—2011)

Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / Сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин; подг. текстов: А.М. Репьева, М.К. Ковтуненко, А.И. Волошин; под ред. А.А. Ширинянца. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 880 с.

ISBN 978-5-211-06187-3

В хрестоматию, составленную в соответствии с программой учебного курса «История социально-политических учений России», читаемого на факультете политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, вошли произведения В.Г. Белинского, М.В. Буташевича-Петрашевского, Н.В. Гоголя, Н.М. Карамзина, И.В. Киреевского, Н.М. Муравьева, П.И. Пестеля, М.П. Погодина, М.М. Сперанского, Ф.И. Тютчева, С.С. Уварова, А.С. Хомякова, П.Я. Чаадаева, С.П. Шевырева. Издание снабжено комментариями.

Для студентов гуманитарных факультетов университетов, всех, кто интересуется историей русской социально-политической мысли.

Ключевые слова: история социально-политических учений; Россия, первая половина XIX века; русская социально-политическая мысль.

УДК 32(091)
ББК 66.3 (2Рос) ОЯ73

Russian Social and Political Thought. First half of the 19th century. A reader / Comp. by A.A. Shirinyants, I.Yu. Dyomin; texts prepared by A.M. Rep'eva, M.K. Kovtunencko, A.I. Voloshin; ed. by A.A. Shirinyants. — Moscow: Moscow University Press, 2011. — 880 p.

This reader complies with the curriculum of the course on History of Social and Political Doctrines in Russia provided by the Faculty of Political Science of Moscow State University. The book includes commented works by V.G. Belinsky, M.V. Butashevich-Petrashevsky, N.V. Gogol, N.M. Karamzin, I.V. Kireyevsky, N.M. Muravyov, P.I. Pestel, M.P. Pogodin, M.M. Speransky, F.I. Tyutchev, S.S. Uvarov, A.S. Khomyakov, P.Ya. Chaadaev, S.P. Shevryov.

The book will be of interest for students of Humanities and for everybody who is interested in the history of Russian social and political thought.

Keywords: history of social and political doctrines; Russia in the first half of the 19th century; Russian social and political thought.

Издание осуществлено при поддержке
Открытого акционерного общества
«АК „Транснефть“»

© Факультет политологии МГУ
имени М.В. Ломоносова, 2011
ISBN 978-5-211-06187-3 © Издательство Московского университета, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Сперанский Михаил Михайлович	
Еще нечто о свободе и рабстве	18
Введение к уложению государственных законов.	20
О силе правительства.	71
<i>Комментарии</i>	75
Карамзин Николай Михайлович	
О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении.	79
<i>Комментарии</i>	141
Муравьев Никита Михайлович	
Конституция Н. Муравьева	157
<i>Комментарии</i>	181
Пестель Павел Иванович	
Русская Правда или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского служащая Заветом для Усовершенствования Государственного Устройства России и Содержащая Верный Наказ как для Народа так и для Временного Верховного Правления.	185
<i>Комментарии</i>	300
Уваров Сергей Семенович	
О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения.	303
Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843.	307
Доклад Императору Николаю I о славянстве.	363
Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа	369
<i>Комментарии</i>	374
Погодин Михаил Петрович	
Взгляд на русскую историю. Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г.	391
Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала.	399
К графине Б.....ой, о начавшейся войне (1853 года, Декабря 7)	412
<i>Комментарии</i>	419
Шевырев Степан Петрович	
Взгляд Русского на современное образование Европы	451
<i>Комментарии</i>	480

Чаадаев Петр Яковлевич	
Философические письма. Письмо первое	485
Апология сумасшедшего	501
Комментарии	515
Хомяков Алексей Степанович	
Несколько слов о Философическом письме, напечатанном в 15 книжке «Телескопа» (Письмо к г-же Н.)	
О старом и новом	536
Мнение иностранцев о России	549
Мнение русских об иностранцах	568
<О сельской общине>	597
Комментарии	604
Киреевский Иван Васильевич	
В ответ А.С. Хомякову	613
Каких перемен желал бы я в теперешнее время в России?	623
О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. Письмо к графу Е.Е. Комаровскому	
Комментарии	665
Гоголь Николай Васильевич	
Выбранные места из переписки с друзьями	677
Комментарии	717
Белинский Виссарион Григорьевич	
Литературные мечтания (Элегия в прозе)	723
История Малороссии. Николая Маркевича. Москва. 1842. Четыре тома	740
Письмо к Н.В. Гоголю. 15 июля н.с. 1847 г. Зальцбрунн	757
Комментарии	765
Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич	
Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Нация	
[Объяснение о системе Фурье и о социализме]	776
Комментарии	796
Тютчев Федор Иванович	
Россия и Революция	805
Римский вопрос	815
Россия и Запад	830
<Отрывок>	847
Комментарии	847

ПРЕДИСЛОВИЕ

История политической мысли, другими словами, «критика идей», наряду с политической философией и политической социологией — важнейшая, фундаментальная часть политологии. Известно, что без истории нет теории. Более того, можно утверждать, что в известном смысле история политической мысли — это сама политология, политическая наука, представляющая собой, как и любая наука, массив непрерывно пополняемого и обновляемого научного наследия. С такой точки зрения совершенно справедливым будет следующее умозаключение: с одной стороны, представление о том, что такое история политологии, основано на определенном видении того, что такое политология, с другой — представление о том, что такое политология, определяется тем, как осмыслена ее история.

История социально-политической мысли России — национальная часть особого направления политологии, раскрывающего процесс эволюции мировой политической мысли, политических исследований и научного знания. Как и мировая политическая мысль, политическая мысль России полиморфна (включает многообразие форм) и полисемантна (имеет многообразие значений, многозначность). Но в русской культуре, в отличие от западной, не было резкого размежевания политической мысли и религиозной традиции. Русская мысль синкретична. Данное обстоятельство привело к тому, что большую часть времени своего существования в России политические идеи развивались не в рационалистическом ключе, а в религиозном, мифологическом, метафизическом, утопическом и т.п., т.е. были тесно связаны с религиозно-философскими размышлениями, историей и литературой, не выделялись из общего контекста общественной, социальной мысли. Поэтому вполне целесообразно обозначать русскую политическую мысль как *социально-политическую*.

Имея в конечном счете целью определение роли политических идей в истории русского народа, история социально-политической мысли России представляет составляющие эту мысль учения, идеи и т.п. как типологически и хронологически различающиеся, а не как некоторую единую и неизменную определенность. Поэтому объектом истории социально-политической мысли России является генезис русской социально-политической мысли — формирование представлений о мире политики, становление и развитие разнообразных школ и направлений политических исследований, эволюция методологии

и приемов изучения социально-политической действительности в России X—XX вв.

Содержательно история социально-политической мысли России выражена в совокупности фактического материала, выводов и оценок, характеризующих достигнутый в тот или иной конкретный период исторического развития России уровень изучения мира политики, т.е. накопленные знания и освоенные способы анализа социально-политической действительности. Эти накопленные знания обычно носят характер фундаментальный и «поисковый». Они выражаются в первом случае в сумме устоявшихся знаний, принципов, апробированных на практике и в разных теориях, ставших базовыми, развитых до элементарных простейших понятий, во втором же случае — в гипотезах и проектах, утопиях и антиутопиях.

Еще одна характерная сторона политологического знания, выступающего предметом исследования истории социально-политических учений, впрочем, как и оценочная сторона этого знания, связана не с прикладной наукой бихевиористского толка, стремящейся все измерить и подсчитать, а с «критикой идей» — когда теория, руководящая исследованием, направляет интерес на те способы мышления, толкования смысла и ценностные представления, которые лежат в основе политических процессов и структур.

Необходимо отметить и то, что, будучи частью гуманитарного знания, история социально-политической мысли всегда субъективна и приближительна, так как, по большому счету, она исследует не просто историко-политологические факты, представленные в виде особых, имеющих значение для исследователя идеализированных объектов, но, изучая тот или иной текст или образ (например, смыслообразы «почва», «соборность», «европейничанье», «русофобия» или же идеалы-образы России как «Нового Израиля», а Москвы как «Нового Сиона» и «Нового Иерусалима» и т.д.), вторгается в область знаков, символов, значений, смыслов. Гуманитарный характер политологического знания обуславливает и то, что трудно, а подчас невозможно разделить корпус исследуемых в курсе истории социально-политических учений России текстов на сугубо «научные», «политологические» и «художественные», так как форма и содержание большинства источников, особенно ранних периодов, характерны скорее для художественных и публицистических произведений, чем для научных трактатов. Как правило, политические идеи того времени не имели четко выраженной концептуальной формы, а имплицитно содержались в образно-символических, аллегорических, легендарно-иносказательных и мифологических текстах. Вплоть до XIX в., когда начался процесс институционализации политической науки в России, русские мыслители в своем творчестве не только предпочитали «ненаучные»,

художественные приемы (метафора, ирония и т.п.), но использовали прежде всего дедуктивные, логико-философские и морально-аксиологические подходы к объяснению и оценке окружающей действительности (того, что есть) и идеалов (того, что должно быть). Это еще один аргумент в пользу корректности обозначения русской политической мысли как мысли социально-политической.

Предметная область исследования истории социально-политической мысли России охватывает взаимодействия политической мысли (существующей в форме тех или иных учений, идей, школ, доктрин, концепций, теорий, наконеч, в более общей форме направлений) с религиозной, философской, социологической, правовой и другой гуманитарной и естественно-научной мыслью, с различными идеологическими формами; влияние мифов, утопий (антиутопий) и идеологий на эволюцию политической мысли и их способы отображения мира политики; протонаучные образы в становлении политической философии и науки; процесс обновления понятийно-категориального аппарата политической философии и науки в различные периоды общественного развития; основные этапы и особенности развития отдельных научных школ, направлений, политических учений; политические идеи и проекты русских мыслителей; общее (универсальное, повторяющееся) и специфичное (уникальное) в развитии русской социально-политической мысли в контексте мировой политологии; роль направлений (течений мысли) и отдельных учений, идей, школ, доктрин, концепций и отраслевых теорий в развитии российской и мировой политической науки.

Критерием выбора творчества того или иного мыслителя, ученого в качестве предмета исследования в рамках истории социально-политической мысли России выступает множество факторов, главными из которых представляются следующие. Во-первых, влияние идей и концепций, теорий и доктрин мыслителя на формирование национальной и этнокультурной специфики политических отношений в России, роль и место его трудов в исследовании характерных черт этой специфики. Во-вторых, степень соответствия рассуждений и теоретических построений того или иного русского мыслителя уровню развития европейской и мировой науки того времени, их включенность в то или иное парадигмальное русло развития этой науки, с одной стороны, с другой — новизна по сравнению с предшествующими, оригинальность его размышлений о политической организации и политической жизни общества, о проблемах внутренней и внешней политики, новизна его представлений об идеальной политической системе общества и адекватной системе приемов, методов, форм, способов осуществления политической власти в обществе, о роли и месте России, русской цивилизации во «всемирном

воспитании человечества», т.е. во всемирной политической истории, и др. Нужно добавить, в-третьих, что интеллектуальная деятельность мыслителя и ученого подчинена определенным нормам (прежде всего нормам формальной логики), в свою очередь эти нормы подчинены высшему принципу — принципу долженствования, который конкретизируется в системе высших человеческих ценностей, в политике — в представлениях о наилучшем или о лучшем из возможных устройстве жизни общества и государства. Поэтому степень отнесения политической эмпирии к этим ценностям (религиозным, моральным, «общечеловеческим», «национальным» и др.), а также качество проявления личных ценностных предпочтений в политике (консерватизм, либерализм, радикализм, монархизм, республиканизм, анархизм и т.д. и т.п.) — немаловажный критерий включения трудов конкретного мыслителя или ученого в предметное поле историко-политологической науки.

Настоящая хрестоматия ориентируется на программу учебного курса «История социально-политических учений России», преподавание которого началось на философском факультете в 2004 г. и продолжается на новом факультете политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Органической частью этого фундаментального курса^{*} является история социально-политической мысли России первой половины XIX в.^{**} — времени, когда были высказаны замечательные идеи, намечены важнейшие проблемы общественно-политического характера, на долгие годы определившие направленность идейных исканий русских мыслителей.

В этом отношении мыслителями, творчество которых заслуживает первоочередного внимания, в то время были М.М. Сперанский и Н.М. Карамзин; Н.М. Муравьев и П.И. Пестель; С.С. Уваров, М.П. Погодин и С.П. Шевырев; П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков и И.В. Киреевский; Н.В. Гоголь и В.Г. Белинский; М.В. Буташевич-Петрашевский, Ф.И. Тютчев.

Открывают этот небольшой перечень имена М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина. Государственный секретарь Сперанский — теоретик либеральных реформ, с осени 1809 г. до весны 1812 г. являвшийся «первым и единственным министром империи» (*Ж. de Месгр*), автор знаменитого труда «Введение к уложению государственных законов»

^{*} Курс читается студентам в течение четырех учебных семестров и охватывает десять столетий развития русской социально-политической мысли — от Древности до первой половины XX в.

^{**} Под первой половиной мы имеем в виду период 1801—1855 гг., от даты последнего в российской истории дворцового переворота, приведшего к власти императора Александра I, до смерти императора Николая I — финальной точки одной из немногих «общеевропейских» эпох в истории России.

(1809), систематизировавшего идеи императора Александра I и его правительства по проблеме политического реформирования. Его оппонент — официальный историограф Карамзин, убежденный, а не конъюнктурный сторонник самодержавия, в своей записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811) доказательно и афористично обозначивший важнейшие принципы русского политического консерватизма. Противостояние Сперанского и Карамзина было принципиальным. Об этом свидетельствует хотя бы то, что отстаиваемые ими максимы («при дурной системе правления и хорошие люди ничего не сделают» и «самые лучшие учреждения бессильны там, где люди дурные») до сих пор разделяют людей на два противоположных лагеря в политике и государственном строительстве.

Традицию политического радикализма в русской мысли XIX в. заложили участники декабристского заговора, создавшие проекты революционного преобразования России, — капитан Генерального штаба Н.М. Муравьев и полковник, командир Вятского пехотного полка П.И. Пестель. «Конституция» (1821—1826) Муравьева рисует картину будущего государственного устройства России, в котором царит право и свобода, но... без гарантий. «Русская Правда или Заповедная Государственная Грамота Великаго Народа Российскаго, служащая Заветом для Усовершенствования Государственного Устройства России и Содержащая Верный Наказ как для Народа так и для Временнаго Верховнаго Правления» (1821—1824) Пестеля представляет прообраз «гарантийного», или, как сейчас принято говорить, тоталитарного государства, в котором господствует «гарантийный деспотизм». Заявленная здесь антитеза «свободы без гарантий» и «гарантийного деспотизма» характерна не только для теоретических дискуссий, многократно звучавших в истории отечественной социально-политической мысли, противостояние это было пережито русским народом на практике, в реальной истории страны.

Идейными антагонистами декабристов стали представители так называемой «теории официальной народности». В 1830-е гг. министр народного просвещения и президент Петербургской академии наук С.С. Уваров предпринял первую в России Нового времени попытку создания государственной идеологии на основе триединой формулы «Православие — Самодержавие — Народность». Теоретическое обоснование эта формула получила в работах профессора Московского университета историка М.П. Погодина. К Уварову и Погодину примкнули многие современники, в том числе еще один представитель Московского университета — филолог С.П. Шевырев, выдвинувший идею «европейско-русского» синтеза общечеловеческих ценностей и великой православно-русской духовной культуры.

Совершенно иначе мыслил отставной гвардейский ротмистр П.Я. Чаадаев. «Живая протестация» (*А.И. Герцен*), Чаадаев в своем первом «философическом письме», написанном в конце 1829 г. и ставшем достоянием широкой публики спустя семь лет, нарисовал такую убийственно-уничажительную картинку прошлого и настоящего отставшей от «просвещенной» Европы «варварской» России, что вызвал оглушающий общественный резонанс, эхо которого доносится и до нас. Именно Чаадаев зафиксировал в национальном самосознании факт экономической, социально-политической и культурной отсталости России. Пытаясь каким-то манером оправдаться, Чаадаев в «Апологии сумасшедшего» (1837), оставив неизменными прежние аргументы, менял полярность выводов, главный из которых гласил теперь уже о преимуществах российской «отсталости»: последняя стала не чем иным, как залогом будущего величия страны.

Тема национальной специфики, уникальности исторического пути России, ее «мессианского» и «миссианского» (*Н.А. Бердяев*) предназначения с особой силой прозвучала в полемике западников и славянофилов. Отставной штаб-ротмистр поэт А.С. Хомяков и журналист, издатель И.В. Киреевский — первые представители «московского», «православно-русского» (*В.В. Зеньковский*) направления русской общественной мысли, неудачно названного в свое время славянофильским. «Обмен мнениями» между ними, случившийся в зимний сезон 1838—1839 гг. («О старом и новом» — «В ответ Хомякову»), положил начало славянофильству и дальнейшему разделению русской мысли на тех, кто ратовал за возврат к самобытному пути древней Руси — России, и тех, кто призывал следовать в фарватере европейского развития. Отцы-основатели славянофильства не только обратили внимание погрязшей в «европейничаньи» образованной части русского общества на важность национальных начал и исторических традиций русского народа, но и поставили перед русской социально-политической мыслью неразрешимую проблему: чьи интересы выше — человечества или народа, что важнее в политике — общечеловеческое или народное?

Славянофилам искренне сочувствовал великий мастер слова, русский писатель Н.В. Гоголь, в расцвете лет вдруг решивший поделиться со всем миром открывшимися ему религиозными истинами и житейской мудростью («Выбранные места из переписки с друзьями», 1847). В ответ он получил гневную отповедь литературного критика В.Г. Белинского. «Неистовый Виссарион» (*Н.В. Станкевич*), с одинаковой неистовостью отстаивавший сначала монархические, а затем социалистические ценности, в конце концов, в своем письме к Гоголю (от 15 июля 1847 г.) сформулировал «программу российской демократии» (*все советские обществоведы*).

За «первым русским революционным демократом» Белинским в нашей книге следует чудаковатый переводчик министерства иностранных дел М.В. Буташевич-Петрашевский, увлекшийся в 1840-е гг. экзотическим для крепостной России фурыеризмом и задумавший обратиться в свою социалистическую веру не только Ф.М. Достоевского и других участников своего кружка, но и... следователей, ведших его уголовное дело («Объяснение о системе Фурье и о социализме», 1849).

Завершает перечень русских мыслителей, чьи произведения вошли в хрестоматию, «русский выходец» из Европы, дипломат, поэт и публицист Ф.И. Тютчев. В своих политических статьях Тютчев раскрывал и объяснял феномен русофобии, анализировал причины антирусских настроений, получивших распространение в Западной Европе. Главная причина, абсолютно верно замечал он — стремление вытеснить Россию из Европы если не силой оружия, то силой презрения. Западная русофобия, по Тютчеву, проистекает и от незнания «целой половины европейского мира». По его замыслу русофобии и революции должна противостоять славяно-русская империя, которая будет образована на востоке Европы («Россия и Запад», 1849). Подобные идеи были поддержаны М.П. Погодиным и позже подхвачены Ф.М. Достоевским, Н.Я. Данилевским, В.И. Ламанским, И.С. Аксаковым, К.Н. Леонтьевым, ранним В.С. Соловьевым.

Составляя перечень произведений русских мыслителей для включения в хрестоматию, мы выбирали из них самые главные, на наш взгляд, и, памятуя о важности контекста, старались сохранить целостность публикуемых работ, обойтись без «купирования», допуская изъятия авторского текста лишь в крайних и необходимых случаях.

Значительно облегчил наш труд выход в свет фундаментальной 117-томной «Библиотеки отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века»*, материалы которой были использованы при подготовке текстов к печати. При составлении примечаний и библиографических справок мы воспользовались энциклопедиями, словарями и справочниками проекта «Рубрикон» компании Russ Portal, справочными материалами Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» (ФЭБ), ресурсами интернет-портала электронных публикаций Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН и др.; энциклопедическими изданиями Института общественной мысли**, а также комментариями и примечаниями к различным изданиям произведений

* Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). М., 2010.

** Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005; Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

русских мыслителей: *М.М. Сперанского* — В.С. Парсамова; *Н.М. Карамзина* — П.Н. Беркова, Д.В. Ермашова, М.В. Иванова, И.В. Исаковича, Ю.М. Лотмана, Г. П. Макогоненко, Ю.С. Пивоварова, А.Ю. Сегеня, А.А. Ширинянца; *Н.М. Муравьева* — Н.М. Дружинина; *П.И. Пестеля* — М.В. Нечкиной, А.А. Покровского; *С.С. Уварова* — В.С. Парсамова, С.В. Удалова, М.М. Шевченко; *М.П. Погодина* — К.В. Рясенцева, А.А. Ширинянца; *С.П. Шевырева* — М.К. Кирюшиной, В.М. Марковича, М.И. Медового, К.В. Рясенцева, Л.И. Соболева, Е.Ю. Филькиной, А.А. Ширинянца; *П.Я. Чаадаева* — С.Г. Блинова, М.Б. Велижева, Л.З. Каменской, З.А. Каменского, М.П. Лепехина, В.В. Сапова, М.И. Чемерисской; *А.С. Хомякова* — Н.В. Балашова, В.А. Кошелева, В.М. Лурье, Н.В. Серебренникова, Н.И. Цимбаева, А.В. Чернова, В.А. Чернякова; *И.В. Киреевского* — Н.Ю. Лазаревой, А.Ф. Мальшевского; *Н.В. Гоголя* — Ю.В. Манна; *В.Г. Белинского* — Ю.М. Лотмана, А.П. Могилевского, В.С. Спиридонова, Е.Ю. Тихоновой; *М.В. Буташевича-Петрашевского* — В.Е. Евграфова, А.И. Володина, *Ф.И. Тютчева* — Б.Н. Тарасова.

Значительную работу по подготовке текстов к публикации проделала А.М. Репьева, часть научно-вспомогательной работы провели М.К. Ковтуненко, А.И. Волошин, которым составители выражают искреннюю благодарность.

Издание не состоялось бы без поддержки президента Открытого акционерного общества «АК «Транснефть»» Николая Петровича Токарева и внимания к нашему проекту руководства факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова — декана Андрея Юрьевича Шутова, заместителя декана Константина Валерьевича Коваленко.

д-р. полит. наук, профессор *А.А. Ширинянец*,
канд. полит. наук, доцент *И.Ю. Демин*

Сперанский Михаил Михайлович, граф (1839), государственный деятель, действительный статский советник (1827), почетный член Императорской АН (1819), действительный член Российской академии наук (1831)

Родился 01.01.1772 в селе Черкутино Владимирского уезда Московской губернии в семье сельского священника. Окончил Владимирскую (1790) и Главную Александро-Невскую (1791) духовные семинарии. В 1792 оставлен при Александро-Невской семинарии преподавателем, преподавал математику, физику, философию и риторику. В 1795 поступил секретарем к князю А.Б. Куракину, в 1797 по прошению уволен из духовного звания. С 1797 служил в Сенате, с 1803 — директор Департамента Министерства внутренних дел, ближайший сотрудник графа В.П. Кочубея. С 1807 состоял при императоре Александре I, с 1808 — товарищ (заместитель) министра юстиции и председатель Комиссии составления законов, в 1810—1812 — государственный секретарь, фактически первый министр. По поручению императора составил план реформ законодательства России — «Введение к уложению государственных законов» (1809). В результате интриг уволен со службы 17.03.1812 и сослан в Нижний Новгород, а затем в Пермь. В 1816—1818 — губернатор Пензы, 1819—1821 — генерал-губернатор Сибири. В 1821 вызван в столицу и назначен членом Государственного совета. В декабре 1825 подготовил манифест о восшествии на престол императора Николая I. В правление Николая I участвовал в Верховном уголовном суде над декабристами, возглавлял II отделение Собственной его императорского величества канцелярии, на которое возлагалась задача систематизации российского законодательства. Под его руководством были составлены и изданы Полное собрание законов Российской империи (в 45 т.), Свод законов Российской империи (в 15 т.) и др. сборники законодательных актов. Умер в Санкт-Петербурге 11.02.1839.

СОЧИНЕНИЯ

Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002.

План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М.: Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ), 2004.

Проекты и записки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

ЛИТЕРАТУРА

Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского. М., 1905.

Ермолинский Н.П. Михаил Сперанский. Иркутск, 1997.

Корф М.А. Жизнь графа Сперанского: В 2 т. СПб., 1861.

Осипов И.Д. Философия политики М.М. Сперанского. К 230-летию со дня рождения. СПб., 2002.

Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М.М. Сперанского. М., 1991.

Томсинов В.А. Сперанский. М., 2006.

Нольде А.Э. М.М. Сперанский. Биография. М., 2004.

Сперанский С.И. Учение М.М. Сперанского о праве и государстве. М., 2004.

Федоров В.А. А.А. Аракчеев и М.М. Сперанский. М., 1995.

Хитрова С.Ф., Худушина И.Ф. Русский реформатор М.М. Сперанский. М., 2001.

Чибиряев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1989.

ЕЩЕ НЕЧТО О СВОБОДЕ И РАБСТВЕ¹

Есть два рода свободы в обществе: свобода политическая и гражданская (politique et civil).

Свобода политическая есть когда классы государственные более или менее участвуют в действии власти законодательной и исполнительной, когда народ управляется законом общею волею принятым или охраняемым.

Свобода гражданская или, лучше сказать, земская есть независимость каждого класса от произвола другого в обязанностях личных и вещественных.

Рабство политическое есть когда воля одного или многих составляет закон всех.

Рабство гражданское есть когда один класс народа в повинностях личных или вещественных зависит от воли другого.

Были и теперь есть государства, кои обладают политическою свободою в верховной степени.

Но не было ни одного государства, которое бы имело совершенную гражданскую свободу, в коем бы все состояния были равны, т.е. ни одно не зависело бы от произвола другого.

Но каким образом можно достигнуть сей степени? Зависит ли свобода гражданская от свободы политической? Может ли первая существовать без последней?

В государствах деспотических даже не чувствуют и цены свободы гражданской. L'esclavage politique, говорит Монтескьез, établi dans le corps de l'état fait que l'on sent peu l'esclavage civil. Ceux que l'on appelle hommes libres ne le sont guère plus que ceux qui n'y ont pas ce titre; la condition d'un homme libre et celle d'un esclave s'y touchent de fort près. De l'esprit de loix, livre XV, cap. XIII².

В государстве, где утверждена свобода политическая, гражданское рабство уменьшается само собою, если только не будет какого-либо особенного правила к поддержанию его как то было в Спарте. Рабы переходят в отпущенники, дети отпущенников делаются свободны.

Но никакая сила не может родить в государстве свободы гражданской, не установив свободы политической. Это бы было переменить отношения рабства и силу многих деспотов соединить воедино. Но один деспот не может управлять всеми лично; ему необходимо нужны помощники, и, следовательно, политическое рабство не может стоять без рабства гражданского.

Отчего в Европе рабство гражданское изгладилось? Оттого, что по разрушении Рима все почти государства учредились на правилах политической свободы. Таков был разум феодальных установлений, вредных по многим отношениям, но весьма полезных для будущего раскрытия свободы.

Хотите ли уменьшить в государстве число рабов и деспотов? Начните с себя — введите закон на место произвола. Утвердите политическую свободу. Желать, чтоб государство было составлено из рабов, друг от друга не зависимых и покоренных воле одного под именем деспота, — есть желать невозможного.

Каким образом устанавливается политическая свобода в государстве?

Воли одного государя к сему недостаточно. Нужно единообразное устремление сей воли к свободе в продолжение многих лет. Нужно, чтобы народ столько привык к сему единообразному действию, чтобы не представлял себе и возможным другой образ управления. Уверенность сия производит, наконец, общее мнение, а общее мнение служит оплотом закону и свободе.

Il est des institutions qui sont faits pour accélérer l'établissement de l'opinion publique. Telles sont les institutions des senats, d'un corps de noblesse et cet.

Les institutions ne garantissent pas la liberté par elle même, mais en présentent au peuple des images de la liberté et de... elles entretiennent l'opinion publique et lui font prendre des accroissements nécessaires jusqu'à ce qu'elle soit parvenue à ce degré de maturité qui fait de la liberté et des loix³.

Причины сему есть следующие.

Великие политические пользы разных классов народа удобно могут быть определены законами, утверждены силою равновесия или поддержаны действием общего мнения. Но какими законами можно определить все частные отношения слабого к сильному, бедного к богатому, земледельца к помещику? Какая полиция может обнять все мелкие и несметные в сих отношениях перемены? Какой суд разберет меру злоупотребления и положит справедливое возмездие? Свобода таковая слишком дорога бы стала государству и была бы хуже всякого рабства.

Таким образом, в государствах самых свободных в политическом смысле всегда было и по необходимости должно быть великое множество рабов в смысле гражданском.

Есть, однако же, степени в сем роде рабства. Наименьшая из них есть та, в коей никто не может быть принужден к труду единым произволом другого и в коей труд составляет неотъемлемую каждого ответственность. Сея есть величайшая степень свободы и равенства, какую только можно иметь в обществе.

1802 г.

ВВЕДЕНИЕ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ⁴

Введение сие содержит в себе два отделения. *В первом* излагается план и распределение предметов, входящих в состав государственного уложения; *во втором* представляются начала и разум, в коем оно составлено.

Глава первая

О ПЛАНЕ УЛОЖЕНИЯ

Чтобы определить план государственного уложения, надлежит прежде всего составить истинное понятие вообще о законах государственных.

I. О свойстве законов государственных

Общий предмет всех законов есть учредить отношения людей к общей безопасности лиц и имущества.

В великой сложности сих отношений и законов, от них возникающих, необходимо нужно поставить главные их разделения.

Началом сих разделений приемлются самые предметы законов: отношения людей, в обществе живущих.

Отношения сии двояки: каждое лицо имеет отношение ко всему государству и все лица в особенности имеют отношения между собою.

Отсюда возникают два главные разделения законов:

Законы государственные определяют отношение частных лиц к государству.

Законы гражданские учреждают отношения лиц между ими*.

Законы государственные суть двух родов: одни суть преходящие, другие коренные и неподвижные.

Законы преходящие суть те, коими определяется отношение одного или многих лиц к государству в одном каком-либо случае. Таковы суть: законы публичной экономии, законы мира и войны, уставы полиции и проч. Они по существу своему должны изменяться по изменению обстоятельств.

Законы коренные, напротив, состоят в началах неподвижных и неизменяемых, с коими все другие законы должны быть соображаемы.

Нужно рассмотреть их свойство и степень необходимости.

II. О свойстве государственных коренных законов

Законы существуют для пользы и безопасности людей, им подвластных.

Но польза и безопасность суть понятия неопределенные, подверженные разным изменениям.

Если бы законы изменялись по различному образу сих понятий, они вскоре пришли бы в смешение и могли бы соделаться даже противными тому концу, для коего они существуют.

Посему во всяком благоустроенном государстве должны быть начала законодательства положительные, постоянные, непреложные, неподвижные, с коими бы все другие законы могли быть соображаемы.

Сии положительные начала суть коренные государственные законы.

Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная.

Начало и источник сих сил в народе: ибо они не что другое суть, как нравственные и физические силы людей в отношении их к обществу.

Но силы сии в рассеянии их суть силы мертвые. Они не производят ни закона, ни прав, ни обязанностей**.

* Так, например, закон, налагающий подать или личную службу, есть закон государственный, ибо он определяет отношения частного лица к государству, но закон о разделе имущества между наследниками есть закон гражданский, ибо он устанавливает отношения между частными людьми. (Здесь и далее — *примеч. М.М. Сперанского.*)

** Таково есть состояние сих сил в естественном положении человека или анархии.

Чтобы сделать их действующими, надлежало их соединить и привести в равновесие.

Соединенное действие сил составляет державную власть.

Сопряжения их в державной власти могут быть многообразны.

Из сих многообразных сопряжений коренные законы определяют один постоянный и непременный.

Итак, предмет и свойство государственных коренных законов есть определить образ, коим силы государственные сопрягаются и действуют в их соединении.

III. Предметы коренных законов

Определив таким образом общее свойство коренных законов, не трудно будет в особенности означить все их предметы.

В самом деле, силы государственные, составляющие общий предмет законов коренных, могут быть рассматриваемы в двух положениях: или в состоянии их соединения, или в состоянии их личного разделения*.

В состоянии их соединения они производят державную власть и политические права ее.

От державной власти возникает закон и его исполнение.

В состоянии раздельном силы государственные рожают права подданных⁵.

Если бы права державной власти были неограниченны, если бы силы государственные соединены были в державной власти в такой степени, что никаких прав не оставляли бы они подданным, тогда государство было бы в рабстве и правление было бы деспотическое.

Рабство сие может быть двояко: политическое вместе и гражданское, или одно только политическое.

Первого рода рабство бывает, когда подданные не только не имеют никакого участия в силах государственных, но и, сверх того, не имеют и свободы располагать лицом их и собственностью в связи их с другими.

Рабство второго рода бывает, когда подданные, не участвуя в силах государственных, имеют однако же свободу в лице их и собственности**.

Из сего видно, что при державной власти силы государственные, остающиеся в расположении подданных, суть двояки: одними пользуются они в их соединении; другими — каждый особенно. От первых рождаются *права подданных политические*, определяющие степень их

* Прежде нежели существовала державная власть, лица, ею обладаемые, существовали. Каждый имел свою волю, свой закон и свое исполнение.

** Крепостные люди в России находятся в первом положении, все государство — во втором. В Турции рабство есть второго рода, ибо там нет крепостных.

участия в силах государственных. От вторых происходят *права гражданские*, определяющие степень их свободы в лице и имуществе.

Хотя права гражданские и могут существовать без прав политических, но бытие их в сем положении не может быть твердо.

В самом деле, права гражданские в существе своем не что другое суть, как те же права политические, но действующие раздельно и лично для каждого. Сие раздельное их действие не могло бы иметь никакой твердости, если бы не предполагало оно другого их действия соединенного*.

Из сего следует, что истинные права гражданские должны быть основаны на правах политических, точно так же, как и закон гражданский вообще не может быть тверд без закона политического. Здесь открывается причина и образ, в коем права гражданские могут иметь место в коренном законе государственном. Они должны быть в нем означены в виде первоначальных гражданских последствий, возникающих из прав политических. Дальнейшие же их сопряжения должны быть предоставлены постановлением закона гражданского**.

Из сего происходят три главные предмета, входящие в состав коренных законов:

I. Права державной власти.

II. Закон, возникающий из прав державной власти.

III. Права подданных.

К каждому из сих главных предметов принадлежат свои разделения. Нужно определить их с точностию.

И, во-первых, права державной власти не иначе могут быть приводимы в действие, как приложением их к одному лицу или ко многим. В монархическом правлении они прилагаются к единому. Отсюда необходимость определить лицо, власть державную представляющее, порядок сего представления и ближайшие его последствия.

Таким образом, состав первого отделения коренных законов должен заключать в себе следующие предметы:

Отделение первое. О державной власти

I. О правах державной власти в трех отношениях:

- 1) в силе законодательной;
- 2) в силе исполнительной;

* Пример: контракт на куплю и продажу есть право гражданское. Но какую достоверность имело бы сие право, если бы закон политический не определил вообще, что *всякая собственность есть неприкосновенна*, и если бы не было власти исполнительной, приводящей сей закон в действие.

** Так, например, в законе государственном определяется, что каждый может располагать своею собственностью по произволу. На сем основании закон гражданский распределяет, каким образом собственность должна переходить из одного владения в другое по общему согласию.

3) в силе судной.

II. О лице, представляющем державную власть, или Императоре, и правах его в силах государственных.

III. Порядок представления:

- 1) наследство престола;
- 2) образы восприятия державной власти;
- 3) состав Императорской фамилии;
- 4) часть экономическая.

Первое действие державной власти есть закон и его исполнение.

И поелику в правах державной власти означено, что закон не иначе составляется и исполняется, как установленным порядком, то в сем отделении и должно означить образ составления закона и его исполнения.

Таким образом, предметы сего отделения расположатся в следующем виде:

Отделение второе. О законе

I. Определение отличительных свойств закона.

II. Составление закона:

- 1) предложение;
- 2) рассмотрение;
- 3) утверждение.

III. Исполнение закона:

- 1) устав и учреждение;
- 2) обнародование;
- 3) действие обнародования;
- 4) пределы действия закона — давность и отмена.

Определив сим образом державную власть и главные ее действия, постановятся все существенные начала, по коим государственные силы действуют в их соединении. Остается после сего определить действие сих сил в раздельном их состоянии, и сие есть общий предмет третьего отделения.

Выше было примечено, что раздельное действие сил государственных составляет права подданных. Права сии принадлежат или каждому лицу особенно, или многим в соединении. Первые суть гражданские, другие — политические. В коренных законах определяются одни только главные прав гражданских основания.

Но в определении тех и других прав прежде всего надо определить: 1) в чем точно состоит понятие подданного и 2) всем ли поданным равно должны принадлежать права сии.

Первый из сих вопросов ведет к началам, определяющим свойство подданного, отличающее его от иностранца.

Второй — к разделению состояний.

Таким образом, предметы третьего отделения представляются в следующем виде:

Отделение третье. О правах подданных

I. Определение отличительных свойств российского подданного.

II. Разделение состояний.

III. Основания прав гражданских, всем поданным общих.

IV. Права политические, присваиваемые разным состояниям:

- 1) в составлении закона;
- 2) в исполнении его.

В сих трех отделениях должны содержаться все существенные части государственного устройства. Началами, в них постановленными, силы государственные во всех отношениях должны быть измерены, между собою уравновешены и составлены.

Но в сем составе действовать они еще не могут: им должно иметь органы действия, потребны установления, кои бы приводили их в действительное упражнение.

Сие ведет к четвертому отделению коренных законов, к законам органическим.

От тройкого свойства сил государственных возникает тройкий порядок их действия и, следовательно, три главные установления: законодательное, судное и исполнительное.

Все сии установления соединяются в державной власти, яко в первом и верховном их начале.

Но каким образом власть державная должна действовать на сие установление?

По разнообразию их, пространству и многосложности их предметов нельзя предполагать, чтобы лицо державное, само собою и непосредственно на них действуя, могло сохранить с точностью их пределы и во всех случаях сообразить все различные их отношения.

Посему надлежит быть особенному месту, где бы начальные их правила и действия были единообразно сохраняемы.

Отсюда происходит необходимость четвертого установления, в коем бы три предыдущие во всех их отношениях к державной власти сливались воедино и в сем единстве восходили бы к верховному ее утверждению.

Посему четвертое отделение будет иметь следующий вид:

Отделение четвертое. Законы органические

I. Устройство порядка законодательного.

Сюда принадлежит устройство первоначальных, средних и высшего законодательного сословия, образ их действия, их образы и проч.

II. Устройство порядка судного.

Сюда принадлежит устройство верховного суда и постепенностей, от него зависящих.

III. Устройство управления, или исполнения.

Сюда принадлежит устройство министерств и назначение мест, от них зависящих.

IV. Устройство сословия, в коем все сии распорядки должны соединяться и чрез которое власть державная будет на них действовать и принимать их действие.

В сем состоят все главные предметы, существенно входящие в состав коренных государственных законов.

Сравнивая сие распределение со всеми известными конституциями, нельзя не приметить, что все его части столь естественно связаны между собою, что ни одной из них нельзя исторгнуть из своего места, не разрушив целого, и что все они держатся на одном начале.

Преимущество сие весьма легко изъясняется. Конституции во всех почти государствах устрояемы были в разные времена, отрывками, и по большей части среди жестоких политических превращений.

Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правительные формы.

Глава вторая

О РАЗУМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЛОЖЕНИЯ

Царства земные имеют свои эпохи величия и упадка, и в каждой эпохе образ правления должен быть соразмерен тому степени гражданского образования, на коем стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает или предвывает сей степень, он испровергается с большим или меньшим потрясением.

Сим вообще изъясняются политические превращения, кои и в древние времена и во дни наши прелагали и изменяли порядок правлений.

Сим изъясняются также и те неудачи, коими нередко были сопровождаемы самые благотворные усилия политических перемен, когда образование гражданское не предуготовило еще к ним разум*.

Итак, время есть первое начало и источник всех политических обновлений**. Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может.

* Таков был разум всех почти политических превращений, коих целью была перемена образа правления. Примеры первого рода представляют древний Рим, Англия и в последние времена Франция. Примеры второго рода можно видеть в тщетных усилиях Иосифа II, в замыслах политических систем, бывших в России во времена Императрицы Анны, и особенно Императрицы Екатерины II.

** Le plus grand novateur est le temps (Vacon) <величайшим новатором является время (Бэкон) (фр.)>.

Посему первый и главный вопрос, который в самом преддверии всех политических перемен разрешить должно, есть благовременность их начинаний.

История государственных перемен и настоящее положение нашего отечества представляют к разрешению сего вопроса следующие истины.

Три великие системы издревле разделяли политический мир: система республик, система феодальная и система деспотическая.

Первая под разными именованиями и формами имела то отличное свойство, что власть державная умерялась в ней законом, в составе коего граждане более или менее участвовали⁶.

Вторая основана была на власти самодержавной, ограничиваемой не законом, но вещественным или, так сказать, материальным ее разделением.

Третья ни меры, ни границ не допускала.

Примеры первой системы мы видим в республиках греческих и особенно в римской.

Вторая система основалась на Севере и оттуда распространилась по всей Европе.

Третья утвердила свое владычество на Востоке.

Все политические превращения, в Европе бывшие, представляют нам непрерывную, так сказать, борьбу системы республик с системою феодальною. По мере как государства просвещались, первая приходила в силу, а вторая — в изнеможение.

Одно важное обстоятельство на западе Европы ускорило особенно ее перевес. Крестовые походы, устремив все виды частных владельцев на восточные завоевания, представили власти самодержавной случай и возможность исторгнуть уделы власти из прежнего их обладания и соединить их в один состав.

Установление регулярных войск и первое образование порядка в государственных сборах довершили впоследствии сие соединение.

Таким образом, на развалинах первой феодальной системы утвердилась вторая, которую можно назвать феодальным самодержавием; в ней остались еще следы первых установлений, но сила их совершенно изменилась. Правление было еще самовластное, но не раздельное. Ни политической, ни гражданской свободы еще не было, но в той и другой положены уже были основания.

И на сих-то основаниях время, просвещение и промышленность предприняли воздвигнуть новый вещей порядок, и приметить должно, что, невзирая на все разнообразие их действия, первоначальная мысль, движущая их, была одна и та же — достижение политической свободы.

Таким образом, приуготовился третий переход от феодального правления к республиканскому, основался третий период политического состояния государств.

Англия первая открыла сей новый круг вещей; за нею последовали другие государства: Швейцария, Голландия, Швеция, Венгрия, Соединенные Американские области и, наконец, Франция.

Во всех сих превращениях время и состояние гражданского образования были главным действующим началом. Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение; сопротивление ее воспалило только страсти, произвело волнение, но не остановило перелома.

Сколько бедствий, сколько крови можно бы было сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа⁶.

Тот же самый ряд происшествий представляет нам история нашего отечества.

Удельные владения князей образуют у нас первую эпоху феодального правления и, что весьма замечательно, переход от сей первой эпохи во вторую, то есть к самодержавию, точно подобные имел причины. Вместо крестовых походов были у нас походы татарские, и хотя предмет их был не одинаков, но последствия равные. Ослабление удельных князей и победы царя Ивана Васильевича⁷, действуя соединенно с духом сего сильного государя, испровергли удельный образ правления и утвердили самодержавие.

С того времени до дней наших напряжение общественного разума к свободе политической всегда более или менее было приметно; оно обнаруживалось разными явлениями. Следующие можно особенно здесь приметить.

Еще при царе Алексее Михайловиче⁸ почувствована была необходимость ограничить самодержавие, и если по разуму того века нельзя было основать прочных для сего установлений, по крайней мере внешние формы правления представляли первоначальное тому очертание. Во всех важных мерах признаваемо было необходимым призывать на совет просвещеннейшую по тогдашнему времени часть народа, бояр, и освящать меры сии согласием патриарха; приметить

⁶ Какое, впрочем, противоречие: желать наук, коммерции и промышленности и не допускать самых естественных их последствий, желать, чтобы разум был свободен, а воля в цепях, чтобы страсти утонялись и переменялись, а предметы их, желания свободы, оставались бы в одном положении, чтобы народ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащения — свободой. Нет в истории примера, чтобы народ просвещенный, коммерческий мог долго в рабстве оставаться.

здесь должно, что советы сии не были делом кабинета, но установлением публичным и в самых актах означаемым^{*}.

Петр Великий во внешних формах правления ничего решительно не установил в пользу политической свободы, но он отверз ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле. Без точного намерения дать своему государству политическое бытие, но по одному, так сказать, инстинкту просвещения он все к тому приуготовил^{**}.

Вскоре начала, им положенные, столько усилились, что при восшествии Императрицы Анны на престол Сенат мог и дерзнул пожелать политического существования и поставил себя между народом и престолом⁹.

Здесь можно видеть первое доказательство, сколь усилия сии были преждевременны и сколь тщетно предварять обыкновенный ток вещей; одно дворское, так сказать, движение испровергло все сии замыслы.

Век Императрицы Елисаветы¹⁰ тщетно протек для славы государства и для политической его свободы. Между тем однако же семена свободы, в промышленности и торговле сокровенные, возрастали беспрепятственно.

Настало царствование Екатерины II-й¹¹. Все, что в других государствах введено было для образования генеральных штатов; все то, что в политических писателях того времени предполагалось наилучшего для успехов свободы; наконец, почти все то, что после, двадцать пять лет спустя, было сделано во Франции для открытия последней революции, — все почти было ею допущено при образовании Комиссии Законов¹². Созваны депутаты от всех состояний, и созваны в самых строгих формах народного законодательного представления, дан наказ¹³, в коем содержалось сокращение лучших политических истин того времени, употреблены были великие пожертвования и издержки, дабы облечь сословие сие всеми видами свободы и величия, — словом, все было устроено, чтобы дать ему, и в лице его России, бытие политическое; но все сие столь было тщетно, столь незрело и столь преждевременно, что одно величие предприятия и блеск деяний последующих могли только оградить сие установление от всеобщего почти осуждения. Не только толпа сих законодателей не понимала ни цели, ни меры своего предназначения, но едва ли было между ними

^{*} С благословением патриаршим Государь повелел и бояре приговорили — так подписывались важнейшие акты того времени.

^{**} По разуму того времени не было еще точного понятия о политической свободе. Сие доказывается учреждением Петра Великого (1714 года) о праве первородства. Сие установление, совершенно феодальное, могло бы уклонить Россию на несколько веков от настоящего ее пути.

одно лицо, один разум, который бы мог стать на высоте сего звания и обозреть все его пространство.

Таким образом, громада сия, усилием одного духа, без содействия времени составленная, от собственной своей тяжести пала, оставив по себе одну долголетнюю и горестную укоризну всем подобным сему предприятиям.

С сего времени мысли сей государыни, как можно заключать из всех ее установлений, совершенно изменились. Неудачный сей опыт охладил и, так сказать, привел в робость все ее помышления о внутренних политических преобразованиях. Среди войны и непрестанных внешних развлечений она ограничилась одними первоначальными чертами управления; а в государственных законах грамоты дворянству и городам остались единственными памятниками великих ее замыслов.

При покойном Государе Императоре издан важный в государственных постановлениях акт наследия престола, фамильное учреждение и, сверх того, постановление о разделе поселянских работ с ограничением их тремя днями, постановление весьма примечательное, потому что оно со времени укрепления крестьян помещикам есть в сем роде первое¹⁴.

В настоящем царствовании из разных установлений следующие должно отнести к государственным:

- 1) Открытие всем свободным состояниям права собственности на земли¹⁵;
- 2) Учреждение состояния свободных земледельцев¹⁶;
- 3) Устройство министерств с ответственностью¹⁷;
- 4) Лифляндское положение, яко пример и опыт ограничения повинностей крестьянских¹⁸.

К сим главным учреждениям должно присоединить некоторые правила не менее действительные, хотя и не составляют они особенных постановлений.

Таковы суть:

Правила, принятые к умерению налогов по частным жалобам¹⁹;

Правила, принятые о неотдаче казенных людей в крепость²⁰.

В сем состоят все покушения, какие правительство само собою доселе делало к политическому государства освобождению.

Два последствия из них извлечь можно:

- 1) Что начинания, при Императрице Анне и Екатерине II-й сделанные, очевидно были преждевременны и потому никакого не имели успеха;

2) Что, в общем движении человеческого разума, государство наше стоит ныне во второй эпохе феодальной системы, то есть в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе*.

Но на сем обширном поприще каким образом определить истинную точку расстояния и какими признаками можно в ней удостовериться?

Удостоверение сие весьма важно и оно одно может разрешить вопрос, выше предложенный, о времени политических преобразований.

Здесь не место исследовать в подробности сей вопрос; довольно предположить, что время сие или настало, или настать может, и в сем предположении должно рассмотреть разум, на коем имеет быть основано сие преобразование как вообще, так и в частях его.

Следующие признаки кажутся достоверны:

I. *Перемена в предметах народного уважения.* Не разумом, но силою воображения действует и владычествует ими правительство на страсти народные. Для сего установлены между прочим чины и почести. Доколе сила воображения поддерживает их в надлежащей высоте, дотоле они сопровождаются уважением. Но как скоро по стечению обстоятельств сила сия их оставит, так скоро и уважение исчезает. Чины и почести в сем положении могут быть еще лестны, но в одном только том отношении, что они служат знаком доверия или милости; внутренняя же их очаровательная сила, впечатление на народ, мало-помалу изглаживается и пропадает.

Не должно думать, чтобы явление сие зависело у нас от одного образа мыслей государя или от стечения случайных обстоятельств: оно точно таково было и во всех других государствах в той эпохе, когда феодальная система приближалась к своему падению**. Основание сему очевидно: когда разум начинает распознавать цену свободы, он отменяет с небрежением все детские, так сказать, игрушки, коими забавлялся он в своем младенчестве***.

* Направление сие у нас действительно прямее, нежели было оно в других государствах. Причины сему суть следующие:

1) В самом начале испровергнуто у нас право первородства; установление сие во всех прочих государствах, тот же путь совершивших, было великим камнем преткновения.

2) Опыты превращений, вокруг нас бывших, имели, без сомнения, сильное влияние на мысли большей части людей, ими занимающихся.

3) В общем счете времени успехи в России идут несравненно быстрее, нежели шли они в те же эпохи в других государствах.

** Перед революцией французские вельможи сами смеялись и над чинами, и над лентами. В настоящем смысле или тоне того времени было казаться простым гражданином.

*** В некоторых классах чины у нас еще уважаются, но не по внутреннему их свойству, а единственно по праву владения крестьян, с ними сопряженному, или в виде достижения важных государственных должностей.

II. *Ослабление власти.* Различать должно два рода власти: одну физическую, другую моральную.

Если физическая власть осталась в прежнем положении, то моральная, без сомнения, весьма ослабела. Какая мера правительства не подвержена ныне осуждению? Какое благотворное движение не искажено и не перетолковано? — Дух партий и злонамеренность, без сомнения, имеют в сем участие; но дух партий не имел бы столько силы, если бы общий разум не расположен был к его впечатлениям.

С горестию, но с достоверностию можно сказать, что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но морального повиновения, не могут иметь действия. Тщетно ищут изъяснить сие из личных свойств министров. Сравнивая одни пороки с другими, перевес, без сомнения, будет на временах протекших. Одна есть истинная сему причина: образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления.

III. *Невозможность частных исправлений.* Все жалуются на запутанность и смешение гражданских наших законов. Но каким образом можно исправить и установить их без твердых законов государственных? К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми, когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания? К чему гражданские законы, когда скрижали их каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия? — Жалуются на запутанность финансов. Но как устроить финансы там, где нет общего доверия, где нет публичного установления, порядок их охраняющего?* Жалуются на медленность успехов просвещения и разных частей промышленности. Но где начало, их животворящее?

К чему послужит рабу просвещение? К тому только, чтобы яснее обозрел он всю горечь своего положения.

IV. *Наконец, сие всеобщее неудовольствие,* сия преклонность к горестным изъяснениям всего настоящего есть не что другое, как общее выражение пресыщения и скуки от настоящего вещей порядка.

Войны и политические происшествия, без сомнения, занимают тут свое место. Но были и тягости, были войны, и дух народный не был, однако же, подавлен ими до такой степени, как ныне. Неужели дороговизне, сахару и кофе можно, в самом деле, приписать начало сих неудовольствий? Уменьшилась ли от них роскошь? Обеднел ли

* В настоящем положении нельзя с успехом положить какой-нибудь налог, к исправлению финансов необходимо нужный, ибо всякая тягость народная приписуется единственно самовластию. Одно лицо Государя ответствует народу за все постановления, Совет же и министры всегда, во всякой мере тягостной, могут отречься от участия там, где нет публичных установлений.

в самом деле народ? Где те жестокие несчастья, кои его на самом деле постигли? Все вещи остались в прежнем почти положении, а между тем дух народный страждет в беспокойствии. Как можно изъяснить сие беспокойствие иначе, как совершенным изменением мыслей, глухим, но сильным желанием другого вещей порядка.

Таковы суть главные признаки, по коим можно определить место, которое Россия ныне занимает на лестнице гражданского образования. По сим признакам можно, кажется, с достоверностию заключить, что настоящая система правления несвойственна уже более состоянию общественного духа и что настало время переменить ее и основать новый вещей порядок*.

Но, приступая к сей важной перемене, должно со всею зрелостию размыслить и определить разум сего преобразования как вообще, так и особенно в частях его.

I. **Об общем разуме преобразования**

Общий предмет преобразования состоит в том, чтобы правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом законе.

Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон и исполнять его.

Отсюда необходимость установлений, действующих в составлении закона и его исполнении.

Из тройкого порядка государственных сил возникает тройкий порядок сих установлений. Одно из них должно действовать в образовании закона, другое — в исполнении, третье — в части судной. Разум всех сих установлений может быть различен.

Первое и главное различие происходит от самой силы установлений и внешних их форм.

Два различные устройства с первого воззрения здесь представляются.

Первое состоит в том, чтобы облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия.

Второе устройство состоит в том, чтобы не внешними только формами покрыть самодержавие, но ограничить его внутреннею и существенною силою установлений и учредить державную власть на законе не словами, но самим делом.

* Все исправления частные, все, так сказать, пристройки к настоящей системе были бы весьма непрочны. Пусть составят какое угодно министерство, распорядят иначе части, усилят и просветят полицейские и финансовые установления, пусть издадут даже гражданские законы: все сии введения, быв основаны единственно на личных качествах исполнителей, ни силы, ни твердости иметь не могут.

В самом преддверии преобразования должно решительно избрать одно из сих двух устройств. Избрание сие определяет истинный его разум.

Если будет избрано первое устройство, тогда все установления так должны быть соображены, чтобы они в мнении народном казались действующими, но никогда не действовали бы на самом деле. Главные черты сего устройства состоять могут в следующем:

1) Установить сословие, которое бы представляло силу законодательную, свободную, но на самом деле было бы под влиянием и в совершенной зависимости от власти самодержавной.

2) Силу исполнительную так учредить, чтобы она по выражению закона состояла в ответственности, но по разуму его была бы совершенно независима.

3) Власти судной дать все преимущества видимой свободы, но связать ее на самом деле такими учреждениями, чтобы она в существе своем всегда состояла во власти самодержавной*.

Если, напротив, предпочтено будет второе устройство, тогда все сии установления расположены быть должны на следующих правилах:

1) Законодательное сословие должно быть так устроено, чтобы оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтобы мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное.

2) Сословие судебное должно быть так образовано, чтобы в бытии своем оно зависело от свободного выбора, и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству.

3) Власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству; но поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно ее поставить в ответственности власти законодательной.

Таков есть общий разум двух систем, коим можно следовать в составлении коренных законов.

Сравнивая сии две системы между собою, нет сомнения, что первая из них имеет только вид закона, а другая — самое существо его; первая под предлогом единства державной власти вводит совершенное самовластие, а другая ищет в самом деле ограничить его и умерить. Первая издаека готовит сама себе прекращение, а другая, при благоприятных обстоятельствах, может утвердиться, долгое время без важных перемен постепенно следовать за гражданским усовершенением; первая может быть оправдана в народе своевольном, непостоянном,

* На сих трех главных правилах основано настоящее политическое устройство Франции.

преклонном ко всем новым умствованиям и особливо тогда, как народ сей выходит из анархии с превратными привычками; но вторая одна может быть свойственна народу, который имеет более доброго смысла, нежели пытливости, более простого и твердого разума, нежели воображения, коего характер трудно обольстить, но легко убедить простою истиною, — словом, она может быть свойственна такому народу, коего нет нужды прельщать и обманывать по добронравию его и некоторой лености, всем народам северным природной.

Определив сим образом общий разум коренных законов, свойственных настоящему положению России, нужно приложить его к разным частям, государственное уложение составляющим.

II. О разуме законов в державной власти

В разуме законов, державную власть определяющих, должно изобразить, какое действие власть сия должна иметь в порядке законодательном, в судном и исполнительном.

1. О действии державной власти в порядке законодательном

Порядок законодательный слагается из трех начал: из предложения закона, уважения его и утверждения.

Предположив по общему разуму коренных законов бытие законодательного сословия, в действии верховной власти должно определить, какие из сих трех начал принадлежат ей исключительно.

Политические системы других народов определяют сие разнообразно.

В одних, как то в Англии, предложение закона принадлежит как законодательному сословию, так и власти державной.

В других, как то во Франции, предложение закона принадлежит одной власти державной исключительно.

Уважение закона во всех системах принадлежит законодательному сословию, и правительство участвует в нем единственно голосами своих министров или изъяснениями ораторов.

Утверждение закона везде принадлежит власти державной, с тем только ограничением, что в Англии и во Франции не может она утвердить закона, большинством голосов не уваженного, а в Англии сверх того может не утвердить закона, хотя бы он и всеми был уважен.

Из сих различных постановлений какое может быть наиболее свойственно России?

а) В предложении закона.

Нет, кажется, сомнения, что предложение закона должно предоставить исключительно правительству. Пространство Империи, разнообразие населения и степень нашего просвещения требуют, чтобы правительство имело всю возможную силу действовать во благо, и сила сия в одном только злоупотреблении ее должна быть умеряема.

Если источник закона поставить в некоторых случаях вне пределов державной власти, тогда может произойти безмерное в видах разнобразия и несвязность; тогда часто в законодательном собрании будет теряться время в предложениях невместных или неблагоприятных; тогда для самого порядка сих предложений должно будет учредить в законодательном сословии множество форм и обрядов, коих охранение может, особенно у нас, произвести великую сложность и затруднение; тогда правительство может быть поставлено в неприятное положение отвергать или не давать своего утверждения на такие предметы, кои будут законодательным сословием приняты*.

По сим причинам нет, кажется, сомнения предложение закона исключительно присвоить державной власти. Быв окружена во всех своих важных деяниях Государственным советом, коего бытие устанавливается не произволом ее, но коренным государственным законом, нет сомнения, что власть державная всегда будет иметь более способов предлагать законы с зрелостию, нежели каждый член законодательного сословия. И, впрочем, какая польза для нее отлагать предложение закона полезного или предлагать закон вредный? Первым она стеснит только себя в собственных своих деяниях, а второй будет отвергнут в законодательном сословии.

Есть однако же исключение, которое необходимо должно допустить в сем правиле.

1) Когда какою-либо мерою правительства явное сделано будет нарушение коренному государственному закону, как то личной или политической свободе**.

2) Когда правительство в установленное время не представит узаконенных отчетов.

В сих только двух случаях законодательное сословие может собственным своим движением, предварив однако же правительство, предложить дело на уважение и возбудить узаконенным порядком следствие против того министра, который подписал сию меру, и просить вместе с тем ее отмены.

б) В уважении закона.

Хотя уважение закона собственно принадлежит законодательному сословию, нельзя однако же исключить из оного министров. Если подвержены они ответственности в мерах, ими принимаемых, то са-

* Известно, что в английской конституции искали избежать сей несообразности введением отказа, сокрытого под предлогом: *le roi s'avisera* <король рассудит — *фр.*>. Уклонение, несовместное ни с достоинством, ни с правотою державной власти.

** Во Франции право сие дано Сенату, в Англии — Нижнему парламенту. Сверх сего, во Франции существуют на словах при законодательном корпусе, вместо трибунала, две комиссии: одна для охранения личной свободы, другая для свободы книгопечатания.

мая справедливость требует дозволить им лично объяснять и поддерживать предложения правительства*.

2. О действии державной власти в порядке исполнительном

Существо части исполнительной требует по всей необходимости единства. Истина сия всеми единогласно признана. В самых республиках исполнение большею частью всегда вверяемо было одному лицу.

Посему нет сомнения, что в России вся исполнительная часть должна принадлежать власти державной.

Но выше уже было замечено, что образ исполнения может столько отступать от разума закона, что, если часть сия составлена будет без всякой связи с порядком законодательным, она может самый закон соделать игрищем прихоти и произвола. Отсюда происходит необходимость ответственности, коей формы могут быть различны, но существо одинаково.

Существо ответственности состоит в следующих предположениях:

1) Предполагается, что власть державная, предлагающая и отвергающая закон, никогда не может действовать сама собою против его разума.

2) Предполагается также, что Совет, яко сословие, содействовавшее предложению и утверждению закона, не может поступить против его разума. А посему:

3) Всякая мера, приемлемая в нарушение закона, вменяется не державной власти и не Совету ее, но подчиненным ей исполнителям или министрам, кои посему лично, каждый по своей части, подвергаются за них ответу, и сие обязательство приемлют они на себя самым подписыванием актов. Отсюда происходит:

4) Что подписание актов всегда предполагается совершенно свободным.

Внешние формы сей ответственности должны быть самые простейшие, и они будут, без сомнения, таковыми, когда постановится правилом, чтобы члены законодательного сословия имели право предъявлять обвинение их против министров, и, когда предъявление их большинством голосов за благо будет принято, тогда приступали бы к предметам самого обвинения. Когда обвинение большинством голосов признано будет основательным и вместе с тем утверждено будет державною властью, тогда наряжается суд или следствие.

В сих пределах ответственности власть державная, действуя в исполнении закона, всегда будет освещаемая мнением народным и, сле-

* В Англии министры обыкновенно стараются и получают место и голос в Нижней камере Парламента. Во Франции, хотя и не имеют они места в сословии законодательном, но имеют оное в Сенате, а по устройству сего государства Сенат есть одно из первых политических сословий, и самые важнейшие постановления в нем совершаются.

довательно, будет действовать с достоверностью и без всякого внимания к слухам посторонним.

3. О действии державной власти в порядке судном

Власть судная в источнике своем не что другое есть, как власть исполнительная. Всякое дело, всякий спор, предмет суда составляющий, есть не что другое в существе своем, как жалоба на нарушение закона.

Власть судная удостоверяется в сем нарушении и восстанавливает закон в его силу, то есть приводит его в исполнение.

По сему понятию порядок судный, яко часть порядка исполнительного, принадлежит по существу своему власти державной, и для сего-то везде и у всех народов суд ее именем производится*.

В порядке исполнительном предполагается ответственность; по сему надлежало бы таковую же ответственность допустить и в порядке судном.

Но каким образом учредить сию ответственность во множестве и разнообразии частных споров? Для сего надлежало бы допустить по каждому делу жалобы частных людей в законодательное сословие и по каждому делу ответственность и объяснение министра юстиции.

Очевидное неудобство сего предположения заставило искать других способов учредить судную ответственность. Положено, чтобы судьи избираемы были самими теми лицами, для коих суд устанавливается. Таким образом, власть судная по существу своему осталась в правах власти державной, но исполнение ее вверила она избранию тех самых лиц, кои могли бы приносить на нее жалобы. Сим учреждением сила ответственности слагается уже с власти исполнительной и переходит прямо на самих судей и первоначальных их вверителей.

Но ответственность в суде может быть двоякая: в существе дела и в судебных обрядах.

Власть державная, вверив лицам избранным суд в существе его, не могла однако же вверить им охранение обрядов. Обряды судные составляют часть публичного права; они по всей необходимости требуют единообразия. Они столько суду существенны, что часто перемена или нарушение их изменяет самое существо дела. Каким образом можно предположить, чтобы тысячи избранных судей могли соблюсти их единообразие? Какое смешение могло бы произойти, если бы в одной провинции по одному и тому же делу понимали формы судные иначе, нежели в другой?

Отсюда необходимость, чтобы охранение судебных форм основано было на том же правиле единства, на коем вообще часть исполнительная должна быть поставлена.

* В древнем Риме судья был один претор, окруженный юрисконсультами. В Англии и во Франции хотя суд производится посредством избранных лиц, но всегда именем державной власти.

По сему понятию о порядке судном, он слагается из двух установлений: первое из них, относящееся к существу дела, державная власть вверяет свободному выбору подданных и, слагая вследствие того ответственность сей части, передает ее, так сказать, тому же началу, от коего истекает и власть законодательная. Второе установление — надзор и охранение форм судебных — остается и с ответственностью, к тому принадлежащую, исключительно в порядке исполнительном.

Из сего следует, что действие власти державной в суде должно быть ограничено одним установлением власти, надзирающей и охраняющей судебные обряды.

Определив сим образом права державной власти, государственное уложение поступает к определению первого и главного ее действия — к составлению закона.

III. О разуме государственного уложения в составлении закона

Составление закона имеет три стихии: предложение его, уважение и утверждение.

Выше были означены причины и ограничения, по коим две из сих стихий закона, предложение и утверждение, вверяются исключительно державной власти.

Уважение закона принадлежит законодательному сословию.

В органических законах будет означен состав и движение сего сословия.

Здесь нужно только определить с точности предмет его; определение сие весьма существенно: от него зависит сила самого установления.

Если понятие закона распространить на все постановления без изъятия, тогда все соделается предметом законодательного сословия, дела придут в совершенное смешение и единство исполнения исчезнет.

Если, напротив, понятие закона так стеснить, чтобы оно относилось только к одним самым общим положениям, тогда власть исполнительная не будет иметь своих пределов, и под видом исполнения самый закон разорится*.

* По личным причинам державной власти во Франции смешение понятий о законе, допущенное в конституции, есть главною причиною ее нестройности и должно соделаться со временем причиною ее перемены. В конституции сей допущено три рода законов: 1) *Le loi* <закон> — составляется в законодательном сословии; 2) *Senatus consultes organiques* <Сенатское решение органическое> образуются в Сенате и под видом дополнения могут даже переменить конституцию; 3) *Senatus consultes* <Сенатское решение> могут остановить действие закона. Таким образом, во Франции установлено два законодательных сословия; одно из них избирается народом, другое совершенно почти зависит от правительства. Державная власть почти по произволу может избирать тот из сих двух путей, который для видов ее может быть удобнее и послушнее; а как Сенат более от нее зависит, то и предпочитает она обыкновенно через его посредство переводить все свои постановления. Сословие законодательное есть почти пустой обряд.

Нужно найти в сем истинную середину, определить характер, коим закон отличается от мер исполнения и разных учреждений.

Все постановления, коими государство управляется, составляют неразрывную связь последствий, из одного начала истекающих. Начало сие весьма просто: не делай другому того, чего не желаешь себе*.

Но не все сии последствия равно существенны для политической и гражданской свободы.

В отношении к свободе они могут быть разделены на два главные класса:

В первом должно положить те постановления, коими вводится какая-либо перемена в отношениях сил государственных или в отношениях частных людей между собою.

Во втором те, кои, не вводя никакой существенной перемены, учреждают только образ исполнения первых.

Первым принадлежит в точном смысле толкование закона, вторым уставов и учреждений.

Первые должны составлять предмет законодательного сословия, вторые же относятся к действию власти исполнительной.

Здесь представляется одно существенное примечание. Хотя уставы и учреждения не переменяют законов, тем не менее, определяя образ их исполнения, они могут столько их обессилить, что самое существо их останется ничтожным, хотя и сохраняются все внешние их формы. Сие-то уважение было началом установления ответственности.

Понеже закон не мог всего объять и учредить, и учреждения и уставы, быв оставлены одной власти исполнительной, могли самый закон испровергнуть, то и принято правилом, чтобы закон был исключительно предметом законодательного сословия, но учреждения и уставы стояли бы под его же ответственностью.

Таким образом, действие законодательного сословия разделилось на две части: одно прямое — составление закона; другое косвенное — выискание ответа во всех уставах и учреждениях.

Прямое действие законодательного сословия не может быть уничтожено без уничтожения самого существа сословия; но косвенное всегда может быть обращено в прямое, если правительство того пожелает, ибо сим не уменьшается власть законодательного сословия, но возрастает.

Из сего следует:

1) Что никакой закон не может иметь силы, если не будет он составлен в законодательном сословии.

* Бесчисленные последствия, из сего начала возникающие, все имеют одно общее свойство, в том состоящее, что все они ограничивают отдельную и естественную свободу человека и приводят ее в совместность со свободой других, и, следовательно, все они могут быть признаваемы законом. Закон положительный не что другое есть, как ограничение естественной свободы человека.

2) Что, напротив, учреждения и уставы состоят во власти правительства, но с ответственностью его в том, что не нарушают они закона.

3) Что ответственность сию может правительство сложить, внося уставы и учреждения в законодательное сословие.

По сему понятию о законе и учреждениях, сила и именование закона присвоются следующим постановлениям:

1) Уложению государственному и законам органическим, к нему принадлежащим;

2) Уложению гражданскому;

3) Уложению уголовному;

4) Уложению коммерческому;

5) Уложению сельскому;

6) Всем общим дополнениям и изъяснениям предметов, в уложения сии входящих.

Сверх сего вносятся в законодательное сословие и подчиняются порядку закона следующие уставы и учреждения:

7) Устав судебный;

8) Все уставы, определяющие положение какой-либо части в связи ее с другими;

9) Общие судебные и правительственные учреждения, как то учреждения судебных и правительственных мест;

10) Все постановления о налогах и общих народных повинностях, как временных, так и всегдашних;

11) Продажа и залог государственных имуществ и исключительных на них привилегий;

12) Вознаграждение частных людей за имущества, для общей пользы необходимые.

Исключая сих статей, все прочие уставы и учреждения остаются на ответственности правительства и в его расположении.

Сюда принадлежат:

1) Постановления о мире и войне;

2) Все великие меры, приемлемые правительством к спасению Отечества среди каких-либо бедствий;

3) Все частные инструкции, учреждения и распоряжения, удостоверяющие, изъясняющие и дополняющие прежние уставы и учреждения и разрешающие частные в них сомнения и затруднения.

Определив сим образом разум закона, уставов и учреждений и окончив сим действие государственных сил в их соединении, Государственное уложение поступает к означению их действия в отдельном их состоянии, к начертанию прав подданных.

IV. О разуме законов в правах подданных

Здесь представляются два важные вопроса к разрешению:

1) должно ли в России допускать разделение состояний;

2) в чем должно состоять сие разделение.

1. Причины разделения состояний

Выше было примечено, что Россия стоит ныне во второй эпохе феодального состояния, в эпохе, когда власть самодержавная, соединив в себе все силы государственные, обладает свободой подданных, как политической, так и гражданской.

Но обладание сие имеет у нас три степени.

Первый и самый высший степень обладания падает на ту часть народа, которая не имеет ни политической, ни гражданской свободы.

В сем положении находятся крестьяне помещичьи.

Второй степень обладания простирается на тех подданных, кои имеют гражданскую свободу, но не имеют политической. В сем положении находятся у нас так называемые люди свободного состояния: купцы, мещане и государственные крестьяне.

Третий степень обладания относится к тем, кои хотя и не имеют прав политических, но, имея право гражданское, сверх того разделяют с державною властью право обладания в первой степени. В сем положении находится дворянство.

Таким образом, народ российский разделяется ныне на три класса.

Первый класс, дворянство, представляет остаток тех древних феодальных установлений, в коих державная власть, то есть соединение прав политических и гражданских, разделялась между известными родами. В последствии времени политические права от них отторгнуты, но гражданские остались неприкосновенны, и роды сии наследственно делят их с державною властью*.

Второй класс, купечество, мещанство и прочее, основался переходом и постепенным освобождением из третьего.

Третий класс, крепостные люди, вначале имели некоторый степень гражданских прав. Они могли иметь собственность и право перехода с одних земель на другие**. Но впоследствии, по мере того, как от удельных владельцев права политические переходили и присоединялись ко власти державной, права гражданские сего последнего класса, как бы в вознаграждение первых, переходили к их помещикам и, наконец, разными обстоятельствами, особенно же системою составления военных наших сил, быв укреплены к земле, потеряли как личную, так и вещественную свободу.

Таково есть настоящее разделение состояний в России.

Два только могут быть источника всех разделений: права гражданские и политические.

* Каждый дворянин, в существе своего состояния, представляет потомство тех родов, кои некогда обладали частию народа самодержавно и зависели от великих князей более словом, нежели делом.

** До царя Ивана Васильевича и даже по Уложению царя Алексея Михайловича различались еще люди кабальные и холопы от крестьян.

Первый источник. Права гражданские, то есть безопасность лица и имущества, суть первое и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в общество. Противно природе человека предполагать, чтобы кто-либо согласился жить в таком обществе, где ни жизнь, ни имущество его ничем не обеспечены.

Рабы однако же всегда и везде существовали. В самых республиках число их почти равнялось числу граждан, а участь их там была еще горше, нежели в монархиях.

Не должно, однако, из сего заключать, чтобы рабство гражданское было необходимо. Конституция древних республик и нравы века были причиной сего установления. Мы видим, напротив, государства обширные и многонаселенные, в коих рабство сего рода малопомалу уничтожилось.

Нет никакого основания предполагать, чтобы в России не могло оно уничтожиться, если приняты будут к тому действительные меры.

Но чтобы меры сии были действительны, они должны быть постепенны.

Гражданская свобода имеет два главные вида: свобода личная и свобода вещественная.

Существо первой состоит в следующих двух положениях:

- 1) Без суда никто не может быть наказан;
- 2) Никто не обязан отправлять личную службу иначе, как по закону, а не по произволу другого*.

Существо свободы второго рода, то есть вещественной, основано на следующих положениях:

- 1) всякий может располагать своею собственностью по произволу сообразно общему закону; без суда никто собственности лишен быть не может;
- 2) никто не обязан отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей иначе, как по закону или по условию, а не по произволу другого.

Должно ли оба сии рода гражданской свободы предоставить всем вообще подданным без всякого ограничения?

Два уважения здесь представиться могут:

- 1) *В свободе личной.* Закон, личную свободу определяющий, не может быть для всех одинаков. Есть род службы, предполагающий особенный образ воспитания и науки, который не может быть совместим со всеми родами промышленности. Такова есть служба высших чинов в порядке судном, в управлении и в войске. Если допустить ра-

* Первое из сих положений дает крепостным людям право суда и, отъемля его от помещиков, ставит их наравне со всеми перед законом. Второе предложение отъемлет право отдавать в службу без очереди. На сих двух основаниях утверждается личная свобода.

венство во вступлении в службу и всех без различия подчинить одной очереди, тогда высшие звания наполнятся людьми, воспитанием к ним не приуготовленными, и один из важнейших предметов общественного образования исчезнет.

Из сего следует, что закон, определяющий службу, не может быть без изъятия; он должен допустить сие изъятие в пользу тех, кои наукою и воспитанием будут приуготовляться к высшим родам службы; но ни в каком предположении никого не должен он освобождать от службы.

Здесь открывается первое различие, которое должно по необходимости допустить в личном гражданском праве; никто не должен быть его лишен, но не все могут иметь его в равной степени.

2) *В свободе вещественной.* Основание свободы вещественной есть собственность. Закон, определяющий сию свободу, также должен иметь свои степени. Право собственности движимой и недвижимой, но не населенной, должно принадлежать всем без различия; но собственность населенная предполагает такие отношения, к коим не все могут быть способны. Она предполагает управление и, следовательно, знание законов правительства, коего нельзя достигнуть без особенного к тому образования. Странно бы было допустить, чтобы помещичий крестьянин, разбогатея по случаю, купил деревню, населенную другими подобными крестьянами, и управлял бы ею по закону, тогда как власть его, воспитанием не предуготовленная, ни познания закона, ни морального к себе уважения приобрести не может.

Из сего следует, что собственность недвижимых имений населенных не может принадлежать всем без различия, и должен быть класс людей, коему бы право сие принадлежало исключительно.

Отсюда происходят следующие общие заключения:

I. Права гражданские, как личные, так и вещественные, разделяются на два рода: одни суть общие всем подданным российским, другие особенные некоторым состояниям.

а) Права гражданские общие:

1) Никто без суда наказан быть не может.

2) Никто не обязан отправлять личную службу по произволу другого, но по закону, определяющему род службы по состояниям.

3) Всякий может приобретать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону; но приобретение собственности недвижимой населенной принадлежит известным только состояниям.

4) Никто не обязан отправлять вещественных повинностей по произволу другого, но по закону или добровольным условиям.

б) Права гражданские особенные:

1) Быть изъятим от общей очередной службы, но не быть однако же свободным от особенной службы, которая на известные состояния особенно положена законом.

2) Иметь право приобретать недвижимую собственность населенную, но управлять ею не иначе, как по закону.

II. Из различия прав гражданских, общих и особенных возникает различие состояний, различие, которое по самой необходимости допустить должно.

В древних республиках различие сие не было допускаемо. Всякий гражданин мог иметь всякого рода собственность, но сие происходило оттого, что собственность большею частью обрабатываема была рабами, кои сами считались вещью.

Во Франции сие различие хотя сначала и не было допускаемо в законе, но впоследствии признано было нужным допустить его.

Для сего установлено право первородства, по коему собственность без продажи должна обращаться навсегда в известных только родах.

В Англии и в Соединенных Штатах сие различие также не допускается; но приметить должно, что там земли обрабатываются большею частью наймом и крестьяне не имеют твердой оседлости.

В России распорядок сей был бы невозможен: 1) потому что воинская наша система и пространство земель ненаселенных непременно требуют оседлости; 2) что наймом обрабатывать у нас земель по пространству их и по малости населения также невозможно; 3) наконец, ежели бы система сия и была возможна, то в нравственных уважениях участь крестьянина сим безмерно бы отяготилась, а земледелие потерпело бы великую расстройку. Участь крестьянина, отправляющего повинности по закону и имеющего в возмездие свой участок земли, несравненно выгоднее, нежели положение бобылей, каковы суть все рабочие люди в Англии, во Франции и в Соединенных Штатах.

Второй источник разделения состояний суть права политические. Выше было означено, что они состоят в участии в силах государственных: законодательной, судной и исполнительной.

Всем ли вообще подданным российским должны принадлежать равно права политические?

С тех пор как основалась в европейских государствах система выборов, или народного представления, участие народа в силах государственных разделилось на два главные действия: право избирания и право представления. Следовательно и вопрос о принадлежности прав политических имеет два вида: в первом определяется, все ли вообще подданные должны иметь право избирания; во втором — все ли могут иметь право представления.

К разрешению вопроса в первом виде представляются следующие уважения.

Закон составляется в защиту лица и собственности. Следовательно, положив право личное равным, чем более человек приемлет участия в собственности, тем естественно более печется о ее охранении.

Сверх сего, самое приобретение собственности в обыкновенном порядке предполагает разум и трудолюбие.

Из сего следует, что в общем исчислении человек, имеющий собственность, по уважению собственных своих польз, более приемлет участия в доброте закона и более соединяет вероятностей к правильному его усмотрению, нежели человек без собственности или бобыль*.

Следовательно, нет сомнения, что люди, имеющие собственность, все без различия должны быть допускаемы к участию в правах политических.

Но если вместе с ними допустить к сему участию и людей, собственности не имеющих, тогда голос и суждение сих последних по числу их, без сомнения, возьмет перевес, и, следовательно, все избирательные силы народа перейдут в руки тех самых, кои наименее в доброте сих выборов имеют участие и наименее способов к правильному их усмотрению**.

На сем-то основано то важное правило, по коему во всех государствах, в самой Франции среди революции, право выборов ограничено было только теми людьми, кои имеют собственность.

Нет сомнения, что и у нас тому же правилу должно следовать и потому постановить, что в составлении выборов никто не может участвовать, кто не имеет недвижимой собственности или капиталов промышленности в известном количестве.

Сверх сего, есть в обществе положения, кои по образу жизни и воспитания не позволяют предполагать ни довольно разума, ни столько любочестия, чтобы допустить людей, ими занимающихся, к участию в составлении закона. Таковы суть состояния домашних слуг, ремесленных и рабочих людей и поденщиков, хотя бы они и имели собственность, в капиталах состоящую.

К разрешению вопроса во втором виде представляются те же уважения. Если собственность должна быть принята основанием в праве выборов, то колыми паче она должна быть предпочтена в праве представления. По сим-то причинам во всех государствах полагается известный доход для права представления, и доход сей должен быть выше, нежели оклад для выборов.

Из сего обозрения прав гражданских и политических открывается, что все они в рассуждении принадлежности их на три класса могут быть разделены:

- 1) Права гражданские общие, всем подданным принадлежащие.

* Какая, например, нужда человеку без собственности ограничивать закон о податях вещественных, когда закон сей на него не падает.

** Сие состояние общества называется олигархия.

2) Права гражданские частные, кои должны принадлежать тем только, кои образом жизни и воспитания к ним будут приуготовлены.

3) Права политические, принадлежащие тем, кои имеют собственность.

Из сего происходит следующее разделение состояний:

- 1) дворянство;
- 2) люди среднего состояния;
- 3) народ рабочий.

Определив сим образом разделение состояний, должно определить с точностию: 1) права, каждому состоянию принадлежащие, и состав его; 2) переход из одного состояния в другое.

2. Права состояний

1) Права дворянства

1) Дворянство пользуется всеми гражданскими правами, подданным российским вообще принадлежащими.

2) Сверх сих общих прав, дворянство имеет то особенное право, что оно свободно от личной службы очередной, но обязано непременно отправлять оную в гражданском или воинском звании не менее 10-ти лет по своему выбору, но без перехода, исключая случаев, особным законом определяемых.

3) Дворянство имеет особенное право приобретать недвижимые имения населенные, управляя ими по закону.

4) Дворянство имеет политические права в выборе и представлении, но не иначе, как на основании собственности.

5) Все свободные промыслы, дозволенные законом, открыты дворянству. Оно может вступать в купечество и другие звания, не теряя своего состояния.

Состав дворянства:

6) Дворянство разделяется на личное и потомственное; личное не простирается далее одного лица.

7) Дворянство потомственное приобретается по праву родом, со службою сопряженным.

8) Дети дворянина потомственного до совершения положенных лет службы суть дворяне личные. Окончив службу, они приобретают дворянство потомственное, а дети их суть дворяне личные.

9) Дворянство личное без рода приобретается службою.

10) Дети личных дворян суть люди среднего состояния.

11) Но личное дворянство не превращается в потомственное одним совершением службы; к сему потребны особенные заслуги, по уважению коих Императорскою властью в течение службы или по окончании ее даруется потомственное дворянство и удостоверяется особным дипломом.

12) Титла дворянские личные производят дворянство личное, а потомственные дают дворянство потомственное.

13) Но сохранение сих титл зависит так же от продолжения службы, как и сохранение прав дворянских.

14) Дворянство потомственное пресекается и превращается в личное уклонением от службы.

15) Вообще дворянство теряется:

а) судом и публичным наказанием;

б) вступлением в класс людей рабочих.

2) *Права среднего состояния*

1) Среднее состояние имеет права гражданские общие, но не имеет особенных.

2) Личная служба людей среднего состояния определяется по их званиям и промыслам особным законом.

3) Лица среднего состояния имеют политические права по их собственности.

4) Все свободные промыслы им открыты, и из одного в другой переходят они свободно, исполнив возложенные на них повинности.

5) Они достигают личного дворянства службою, когда вступят в оную по своему выбору, но не прежде, как исполнив службу, законом на них возложенную.

Состав среднего состояния:

б) Среднее состояние составляется из купцов, мещан, однодворцев и всех поселян, имеющих недвижимую собственность в известном количестве.

3) *Права народа рабочего*

1) Народ рабочий имеет общие права гражданские, но не имеет прав политических.

2) Переход из сего класса в следующий всем отверзт, кто приобрел недвижимую собственность в известном количестве и исполнил повинности, коими обязан был по прежнему состоянию.

Состав сего класса:

3) К классу рабочего народа причисляются все поместные крестьяне, мастеровые их работники и домашние слуги.

В сем состоит разум тех прав, кои принадлежат российским подданным в разных состояниях.

В разделе сих состояний паче всего уважена постепенность усовершенствования и перехода из состояния низшего в высшее. Для сего в каждом состоянии назначена, так сказать, черта, соединяющая его с последующим. Так, дворянство личное связует состояние первое со вторым. Приобретение недвижимой собственности связует второе с третьим, и, таким образом, те самые лица, кои по положению их не

имеют прав политических, могут их желать и надеяться от труда и промышленности.

Определив сим образом права подданных, государственное уложение поступает к последней его части, законам органическим.

[IV] О РАЗУМЕ ЗАКОНОВ ОРГАНИЧЕСКИХ

Законы органические коренные должны определить устройство тех установлений, коими силы государственные действуют.

Установления сии суть: совет, законодательное сословие, сенат и министерства.

В общем разуме сих установлений должно означить: 1) состав каждого из них, 2) предметы его и 3) порядок действия.

Каждое из сих установлений, соединяясь в державной власти и образуя первенствующие государственные сословия, должно простирается на всю империю и, разделяясь постепенно, нисходить к самым последним селениям.

Следовательно, прежде нежели можно определить порядок сих установлений в высших их отношениях, нужно рассмотреть и назначить те степени, чрез кои они проходить должны.

Сие ведет к разделению империи в порядке законодательном, в судном и в порядке управления.

Первое правило сего разделения состоит в том, чтобы стараться сколь возможно все степени сил государственных совместить между собою. Сего требует экономия их упражнений, надзора и издержек.

Второе правило, не менее важное, состоит в том, чтобы, избегая излишней раздробительности, доставить всем подданным, в установлениях сих участвующим, удобность в них действовать.

Третье правило. Все устройства, слишком сложные и составленные из великого числа людей, движутся медленно. Напротив, те установления, кои не имеют достаточных сил, вместе действующих, обыкновенно падают в слабости и неуважения. Следовательно, в числе лиц, составляющих сословие, должна быть средняя мера.

Четвертое правило. Установления законодательные по существу своему требуют содействия многих лиц в суждении и единства в утверждении. Установления судные требуют также содействия многих лиц в суждении и единства в надзоре. Установления исполнительные, напротив, требуют единства во всех своих действиях.

В настоящем положении империя в порядке судном и исполнительном делится на губернии и каждая губерния — на уезды; ниже сих двух степеней есть еще третья, но не совершенно образованная, в волостях казенных — волостное правление, в помещичьих — власть помещика, в удельных — приказы.

В порядке законодательном не могло быть никаких степеней, когда и самый порядок сей еще не существует.

Должно ли оставить сие разделение в его силе и приспособить к нему степени порядка законодательного?

Без сомнения, легче бы казалось сохранить его; но соображая настоящее положение с общими правилами, выше постановленными, открываются следующие неудобства:

1) В разделении губерний на уезды доселе большею частью принимается в счет одно расстояние. Население их весьма различно. Есть уезды, в коих совсем почти нет людей, коим по настоящему государственному положению должны принадлежать права политические, и есть другие, в коих число их очень мало. Следовательно, в одних совсем нельзя основать никаких начал законодательного порядка, а в других начала сии будут весьма слабы.

2) Даже в порядке судном и исполнительном, ныне существующем, раздробление уездов производит разные затруднения. Есть уезды, в коих дворянство так слабо, что некому ни выбирать, ни быть избираемым. Посему наполнение мест, хотя и чинится по выборам, но в самом деле зависит большею частью от произвола губернатора.

3) Нет почти возможности, раздробив управление губернаторское на 12 частей, для каждой из них приискать столько надежных и исправных чиновников, сколько суд и добрая полиция их требует, и объять все сии части одним надзором губернатора и прокурора.

Отсюда, между прочим, происходит слабость уездных судов и земской полиции и недостаток ответственности и взыскания.

Чтобы поставить разделение империи в большую сообразность с расположением государственных сил и с правилами, выше изображенными, представляется следующее положение:

I. Российская империя разделяется на области и губернии.

II. Именованье областей присволяется тем частям империи, кои по пространству и населению своему не могут войти в общий распорядок управления. Сии области суть:

- 1) Сибирь, по хребет Уральских гор;
- 2) край Кавказский и Астраханский с Грузиею;
- 3) край Оренбургский;
- 4) Земля донских казаков;
- 5) край Новороссийский.

III. Области имеют особенное устройство с применением к ним общих государственных законов по местному их положению.

IV. Губерния составляет население от 100 до 300 тысяч душ*.

* Разделение губерний можно оставить ныне существующее.

V. Губерния разделяется на округа. В каждой губернии полагается самое меньшее два и самое большее число пять округов.

VI. Округ имеет несколько волостей и волостных городов, к коим они приписаны. Приняв сие разделение, следующие устанавливаются в нем степени:

Первая степень порядка законодательного, судного и исполнительного будет в волостных городах, округ составляющих*.

Вторая степень — в окружном городе.

Третья — в губернском.

Четвертая — в столице.

В сих четырех степенях силы государственные, образуясь, восходят, наконец, к державной власти и в ней соединяются.

Разум сего образования состоит в следующем:

1. Порядок законодательный

Степень первая

В каждом волостном городе или в главном волостном селении каждые три года из всех владельцев недвижимой собственности составляется собрание, под названием *волостной думы*. Казенные селения от каждого пятисотного участка посылают в думу одного старшину.

Волостная дума прежде всего избирает председателя и секретаря.

В волостной думе все голоса равны. Никто голоса своего заочно передать не может.

Предметы волостной думы суть:

1) Выбор членов волостного правления.

2) Отчет в сборах и употреблении сумм, вверенных волостному правлению.

3) Выбор депутатов в думу окружную; число их не может превысить двух третей всего числа владельцев.

4) Составление списка 20-ти отличнейших обывателей, волость населяющих, хотя бы некоторые из них были в отсутствии.

5) Представление окружной думе об общественных волостных нуждах.

Окончив сии предметы, дума распускается, а место ее занимает избранное ею правление.

Срок созыва и время заседания, образ отчетов и рассуждений, все сие определяется особенным законом.

Степень вторая

Из депутатов волостных дум каждые три года в окружном городе составляется собрание, под именем *думы окружной*.

Окружная дума избирает председателя и главного секретаря. В думе наблюдается равенство голосов.

* Где нет удобных городов, к коим бы волости могли быть приписаны, там правительство назначает селения.

Предметы окружной думы:

- 1) Выбор членов окружного совета.
- 2) Выбор членов окружного суда.
- 3) Выборы депутатов в губернскую думу. Число их не может превышать двух третей окружной думы
- 4) Из списков, представленных от волостных дум, составляется список 20-ти отличнейших обывателей округа. Отсутствующие не исключаются.
- 5) Отчет прежнего начальства в суммах, на общественные издержки собираемых.

6) Представление окружной думе об общественных нуждах, основанное на рассмотрении представлений дум волостных.

Для рассмотрения отчетов и представлений о нуждах дума составляет из членов своих комиссии.

Окончив сии предметы, дума распускается.

Срок созыва ее, время заседаний и образ рассуждений определяются особенным законом.

Третья степень

Из депутатов окружных дум составляется в губернском городе каждые три года собрание, под именем *губернской думы*.

Губернская дума, собравшись, прежде всего избирает председателя и секретаря.

Голоса в губернской думе все равны, и отсутствующие не могут их передать другим.

Предметы губернской думы:

- 1) Выбор членов губернского совета.
- 2) Выбор членов губернского суда.
- 3) Выбор членов в государственную думу из обоих состояний, политические права имеющих. Число их в каждой губернии назначается законом.
- 4) Составление списка 20-ти отличнейших в губернии обывателей по спискам окружным, не исключая и отсутствующих.
- 5) Отчет губернского управления о суммах, на общественные издержки собираемых.

6) Представление о общественных нуждах, сообразно представлениям дум окружных.

Для рассмотрения отчетов и представления о нуждах дума составляет из членов своих особенные комиссии.

Окончив сии предметы, председатель за подписанием всех членов собрания препровождает в Государственный Совет:

I. На имя *канцлера юстиции*²¹ списки всех членов, избранных в правления волостные и суды окружные и губернский;

II. На имя *канцлера Государственной думы*: 1) списки членов, избранных в советы окружные и губернский; 2) членов, избранных в законодательное сословие; 3) отличнейших губерний обывателей; 4) представления о нуждах каждой губернии.

Сим оканчивается действие губернской думы, и место ее занимает совет губернский.

Примечание общее. Все губернии в отношении к выборам разделяются на пять классов, и выборы располагаются так, чтобы в двух близко смежных губерниях никогда вместе выборов не было и чтобы в десяти губерниях ежегодно они совершались.

Степень четвертая

Из депутатов, представленных от губернской думы, составляется законодательное сословие, под именем *Государственной думы*.

Государственная дума есть место, равное Сенату и министерству.

Государственная дума собирается по коренному закону и без всякого созыва ежегодно в сентябре месяце.

Срок действия ее определяется количеством дел, ей предлагаемых.

Действие государственной думы пресекается двояким образом:

1) отсрочкою его до будущего года; 2) совершенным всех членов ее увольнением.

Отсрочка производится актом державной власти в Государственном совете.

Увольнение производится таким же актом, но с означением в нем же новых членов, назначенных последними выборами губерньских дум.

Кроме общего увольнения, члены Государственной думы не могут оставить свое место, разве смертью или определением Верховного суда, или определением в Совет, в Сенат и министерство.

В сих двух последних случаях места членов занимают непосредственно одним из кандидатов, в списке последнего выбора означенных.

Председатель Государственной думы избирается из членов ее и утверждается державною властью.

Особенный чиновник определяется ему в помощь под именем секретаря Государственной думы.

В первых собраниях Государственная дума образует следующие законодательные комиссии.

- 1) Комиссию законов государственных.
- 2) Комиссию законов гражданских.
- 3) Комиссию уставов и учреждений.
- 4) Комиссию министерских отчетов или взыскания ответственности.
- 5) Комиссию представления о государственных нуждах.
- 6) Комиссию финансов.

Каждая из сих комиссий имеет своего председателя и секретаря по выбору думы.

Дела Государственной думе предлагаются от имени державной власти одним из министров или членов Государственного совета.

Исключаются из сего:

- 1) Представления о государственных нуждах.
- 2) Представления об уклонении от ответственности.
- 3) Представления о мерах, нарушающих государственные коренные законы.

В сих трех случаях предложение с наблюдением надлежащих форм может быть внесено от членов думы.

В прочем образ действия, рассуждение и формы Государственной думы определяются подробно в коренных законах.

2. Порядок судный

Степень первая. Суд волостной

Существо волостного суда состоит более в мирном разбирательстве гражданских дел через посредников и во взыскании за маловажные полицейские проступки означенных в законе пеней и наказаний, нежели в формальном и письменном их производстве.

Волостной суд состоит из главного волостного судьи, его товарища и волостных судей, постоянно пребывающих.

Закон определяет некоторый род дел, и особливо преступлений, в коих главный волостной судья не иначе может положить решение, как пригласив в суд двух депутатов из волостного совета, которые и будут в сем случае представлять присяжных, а судья будет их председателем (*directeur de jury*)*.

В прочем, пределы власти и образ действия волостного суда определяются подробно особенным уставом.

Степень вторая. Суд окружной

Суд окружной в порядке формального судопроизводства представляет первоначальное судебное место.

Он делится на два отделения: на гражданское и уголовное.

Число членов определяется общим о судах учреждением, соразмерно населению округа.

Каждое отделение имеет председателя не в виде судьи, но в виде охранителя форм и судебных обрядов.

* Депутаты, оба или по крайней мере один, избираются из того состояния, к коему принадлежит подсудимый; если же таковых нет, то подсудимый отсылается в окружной суд.

Председатель избирается из 20-ти отличнейших обывателей округа* и утверждается министром юстиции.

Закон определяет случаи, в коих председатель, особливо в отделении уголовном, обязан требовать депутатов из окружного совета для составления суда присяжного. В сем случае сохраняется равенство состояний подсудимого и депутатов.

В прочем пределы власти, образы и действия сего суда определяются общим судебным уставом и учреждением.

Степень третья. Суд губернский

Сей суд составляется на тех же началах, как и окружной. Председатели его по губернскому списку избираются министром юстиции и определяются с утверждения Государственного совета.

Четвертая степень. Сенат

Сенат есть верховное судилище для всей империи.

Он имеет четыре департамента: два гражданских и два уголовных, по равному числу в обеих столицах.

Он составляется из определенного числа членов; места их по смерти или увольнении замещаются утверждением державной власти лицами, избранными в губернских думах и внесенными в государственный избирательный список. Канцлер юстиции хранит и представляет сей список.

Каждый департамент сената каждые три года избирает из членов своих трех кандидатов и чрез канцлера юстиции представляет державной власти для утверждения одного из них президентом.

Должность президента есть охранять порядок рассуждений в Сенате. Он представляет чрез канцлера юстиции те случаи, кои сенат в законе найдет сомнительными или недостаточно определенными, для дополнения и пояснения их установленным порядком.

По предложению президента Сенат может в делах затруднительных наименовать комиссии из трех сенаторов для предварительного их рассмотрения и доклада Сенату.

Действие каждого департамента во всех вообще делах слагается из двух частей: 1) производство дела (*informatio*), 2) суждение (*judicium*).

Для производства дела при каждом департаменте находится известное число рекетмейстеров²² под председательством обер-прокуроров²³.

Обер-прокуроры и рекетмейстеры определяются Высочайшею властью по представлению министра юстиции.

* Если в округе не будет людей, способных к сему званию, то председатели определяются из губернского списка, в недостатке же и сих последних — из списка государственного, но в сем последнем случае потребно министру разрешение Совета.

Должность рекетмейстеров есть, собрав все нужные сведения, привести дело в совершенную ясность и изготовить его к предложению Сенату.

Если при рассмотрении дела, не касаясь существа его, усмотрено будет нарушение существенных форм в губернском суде, тогда дело по общему приговору рекетмейстеров, с утверждения министра юстиции, обращается для исправления в губернский суд, а поступок председателя, яко блюстителя форм, допустившего таковое нарушение, передается уважению Государственного совета.

По изготовлении дела к слушанию изложение его представляется в краткий срок обеим сторонам на рассуждение.

Если стороны усмотрят существенное в изложении упущение, они приносят жалобу министру юстиции.

Если министр юстиции признает жалобу основательною, он предписывает сделать дополнение. В противном же случае дает делу установленное движение.

Изложение дела, таким образом изготовленное, передается тиснению с пошлиною на счет виновной стороны и вносится обер-прокурором в Сенат в надлежащем количестве экземпляров, с означением дня его вступления и изготовления.

Суждение и решение Сената производятся по очереди при открытых дверях публично.

Если при рассмотрении дела Сенат найдет упущение в его производстве или излишнюю медленность, президент его чрез канцлера юстиции вносит сие на уважение Совета, по рассмотрении коего чинится в деле надлежащее дополнение, а с виновных в медленности взыскание.

Решения Сената предаются тиснению, прилагаются к изложению и вместе с ним составляют акт, который скрепляется канцлером юстиции, утверждается государственною печатью и отдается для хранения в государственный судный архив, а экземпляры акта чрез министра юстиции выдаются обеим сторонам и посылаются в надлежащие места к исполнению. В решении дел уголовных приемлются те же основания.

Но есть дела уголовные особенного рода, как по важности своей, так и по качеству лиц преступивших. Таковы суть преступления государственного бунта, или измены, или важного какого-либо потрясения государственной безопасности. Таковы суть преступления членов Совета, Государственной думы, Сената, министров и их товарищей, главных директоров, управляющих частями, генерал-губернаторов и губернаторов. Суд над сими лицами, по особенному влиянию их примера, требует особенного образования.

Для сего в самом Сенате устанавливается *Верховный уголовный суд*.

Суд верховный открывается актом державной власти, изданным в Совете.

Он составляется из одной трети сенаторов обоих департаментов, из всех членов Государственного совета, из всех министров и из известного числа депутатов Государственной думы.

Президент сего суда на каждый случай определяется верховною властью из четырех государственных сословий.

Канцлер юстиции занимает в нем место министра юстиции; несколько сенаторов избираются для производства дела, а министр юстиции занимает место обер-прокурора.

Суд совершается установленным в законах порядком и представляется на уважение и окончательное утверждение верховной власти.

3. Порядок исполнительный

Порядок исполнительный, подобно прочим частям, слагается из четырех главных разделений: 1) управление государственное, или министерство, 2) управление губернское, 3) окружное, 4) волостное.

Начало, на коем порядок сей должен быть устроен, есть единство действия и ответственность.

Поелику порядок сей истекает из державной власти, то все низшие его разделения должны быть сколь можно более сообразны высшему.

Посему в образовании частей его прежде всего должно устроить высшее его разделение, или министерство.

1) Министерство

Нет сомнения, что учреждением министерств в 1802-м году положено весьма важное начало устройству государственного управления*. Следовательно, должно не только сохранить его, но по возможности усовершенствовать и усилить, а для сего нужно рассмотреть настоящие его несовершенства.

Три есть источника сих несовершенств:

- 1) Недостаток ответственности.
- 2) Некоторая неточность и несоразмерность в разделении дел.
- 3) Недостаток точных правил или учреждения, на коем должно действовать министерство.

Нужно кратко обозреть каждое из сих уважений, чтобы из существа их извлечь самые простые и удобные способы исправления.

* Нет сравнения между сим порядком и тем, который ему предшествовал. Если бы крутые обстоятельства политические постигли Россию в том неустойчивом, когда все гражданское управление состояло в хаосе дел, вверенных почти одному генерал-прокурору, тогда замешательство и затруднение дошло бы до самой высшей степени, и не только движение частей не было бы соразмерно быстроте происшествий, но и совсем бы в некоторых отношениях оно остановилось.

а) Недостаток ответственности

Выше было примечено, что ответственность государственная, которую всегда должно отличать от ответственности личной*, состоит в том, что правительство, принимая на себя уставы и учреждения, обязуется пред законом не допускать в них ничего ему противного.

Обязанность сия не должна состоять только в словах; она должна быть существенною; а чтобы быть таковою, она должна предполагать особенный порядок составления закона и его охранения, следовательно, установив государственную ответственность, надлежало установить и государственное сословие, перед коим она должна быть изъясляема.

Предполагаемо было, что Сенат может занять место сего сословия. На сей конец весьма основательно признано было нужным дать или возратить ему некоторые права на некоторый вид бытия политического**.

Но бытие политическое образуется не словами, а внутренним началом, из коего состав его слагается. Никогда место, по существу своему исполнительное и во всех отношениях от произволения державной власти зависящее, не может на себя принять характера политического, не может заменить сословие государственное, составленное посредством народного представления.

Таким образом, ответственность министерская не могла доселе у нас существовать, и если бы сами министры утвердить ее пожелали, они не могли бы в сем успеть, ибо где закон сам не стоит на твердом основании, там и отвечать перед ним нельзя***.

Таким образом, в настоящем устройстве министерств недостает одного из главных начал, установлению сему свойственных.

А от сего недостатка происходит, что все действия его восприяли вид произвола и вместо правильного суда подверглись сим странным,

* Под именем ответственности личной разуметь должно взыскания только те, кои от державной власти происходят в неисполнении данных уставов и учреждений, а государственная ответственность состоит в сообразности самих сих уставов с законами. В первой министр отвечает только за исполнение принятой меры, а во второй он отвечать должен за самую доброту и правильность меры, им предложенной.

** Может быть, в других обстоятельствах, в высшей степени просвещения, люди, права сии получившие, пользуясь их наружностью и мало-помалу их усовершенная, предупредили бы дать им со временем истинное бытие; но у нас не могло сие совершиться и, впрочем, жалеть о сем нельзя, ибо из сего образовалось бы сословие аристократическое, истинным пользам России и самому духу правительства нашего совершенно противное.

*** Всего менее доказывает сие опыт. Известно, что ответственность министров сначала обратила на себя некоторое внимание; потом, не быв утверждена на свойственном ей основании, она начала слабеть и, наконец, ныне почти о ней забыли.

так сказать, пересудам, где мнение общественное, не находя свойственной ему точки соединения, теряется в пустых догадках и нареканиях и вместо того, чтобы служить оплотом достоинству правительства, само падает в злословие.

И понеже с самыми лучшими намерениями нет способа укрыться от сей, так сказать, заразы общественного мнения, то министрам в настоящем вещей порядке и не остается другой защиты, как или отречься от мер, ими принятых, слагая их одному на другого, или с горестью и в молчании переносить тяжесть своего положения.

В том и другом случае необходимо зарождается и усиливается в правительстве дух робости и уклонение от всех тех мер, кои предполагают силу и твердость, и, напротив, устанавливается привязанность и излишнее уважение к тому роду текущих дел, который вошел, так сказать, в навык, ибо он один служит мерою действия и ограждением от общего злословия*.

б) Недостаток точности в разделении дел

В системе разделения дел на министерства, без сомнения, более был уважен порядок предшествовавший, нежели естественная их связь и отношение. Казалось несходственным — и заключение сие было весьма правильно — пуститься с первого шага в большие уновления и, строя новое здание, разрушить все прежнее до основания.

Отсюда, вероятно, произошел недостаток истинной соразмерности в разделении дел.

Должно прежде всего найти сию соразмерность в самых ее основаниях, чтобы потом определить, до какой степени может она быть приложена к местным обстоятельствам каждого государства. Сей один есть истинный способ открыть истинную черту разделения дел, с коею можно соображаться в многосложных и разнообразных его приложениях.

Порядок исполнительный по самому существу и именованию своему есть не что другое, как способ, коим законы приводятся в действие.

Следовательно, сколько есть разнообразных частей закона, столько должно быть отдельных частей исполнения.

Всеми принято и выше было примечено, что законы, во-первых, разделяются на государственные и гражданские.

Законы государственные разделяются потом на право публичное внешнее и внутреннее. От первого рождаются внешние сношения и государственная оборона; от последнего — внутренняя публичная экономия и установление внутренней безопасности.

* С сего времени все искусство министерского поведения состоит в большей угодливости и в некотором роде тактике, чтоб ничего на себя не принимать и казаться, однако же, действующим.

Из сего разделения законов открывается, что в порядке исполнительном есть пять главных и отдельных частей:

- I. Внешние сношения.
- II. Устройство внешней безопасности.
- III. Публичная экономия.
- IV. Устройство внутренней безопасности.
- V. Устройство и надзор суда.

Нельзя предполагать, чтобы во всяком государстве каждая из сих частей имела одинаковое пространство. Естественно, одна другой должна быть сложнее и обширнее. Отсюда происходят разделения каждой части.

И, во-первых, часть внешних сношений, или иностранных дел, по самому существу своему не терпит разделения. Отсюда происходит I Министерство иностранных дел.

Во-вторых, устройство внешней безопасности в государстве, коего положение есть вместе морское и сухопутное, естественно делится на две части: отсюда II Министерство военное и III Министерство морское.

В-третьих, публичная экономия заключает в себе две отдельные части: 1) народную промышленность, яко источник всех государственных доходов; 2) доходы или финансы, яко следствие и участок произведения народной промышленности, на государственные нужды определенный. Отсюда два Министерства: IV внутренних дел и V финансов.

Четвертое. Как внешние сношения были бы ничто без военной силы, их поддерживающей и ограждающей внешнюю безопасность, так точно публичная экономия, то есть народная промышленность и финансы, не могли бы существовать, если бы не было силы, их покровительствующей и безопасность их ограждающей. Сила сия есть полиция. Отсюда происходит VI Министерство полиции.

Пятое. Наконец, от необходимости суда гражданского и уголовного происходит VII Министерство юстиции. Таким образом, семь есть необходимых министерств в естественном разделении исполнительного порядка.

Местные уважения могут в каждом из них основать новые разделения. Так, например, в министерстве внутренних дел может быть допущена особенная *часть просвещения*. В министерстве финансов может быть допущено министерство казначейства.

Но, допуская сии подразделения, должно, по необходимости, держаться естественной их связи. И, например, нельзя к народной промышленности присоединить полицию, которая сама по себе составляет особенную часть и столько же отдельную, как Министерство внешних дел должно быть отдельно от Министерства военного.

Из сего открывается в настоящем устройстве следующая несоразмерность с естественным их порядком:

I. В Министерстве внутренних дел. К народной промышленности отнесены: 1) полиция, 2) часть финансов, 3) соль. Отсюда произошло смешение и несвязность дел: соль, фабрики и полиция мало имеют общего.

II. В Министерстве коммерции. Часть сия, особенно у нас, сама по себе не что другое есть, как ветвь общей народной промышленности; а таможенные доходы принадлежат к финансам точно так же, как и все другие.

III. Оставлена без особого устройства одна из важнейших частей: общая полиция.

в) Недостаток учреждений

При установлении министерств нельзя, конечно, было снабдить их вдруг полными учреждениями. В манифесте означен только главными и общими чертами круг их действия. Но впоследствии первая обязанность каждого министра должна была состоять в том, чтобы устроить внутренний их порядок и правильным разделением работ ускорить и облегчить ход дел. Сего, однако же, не было сделано. Министерства юстиции, коммерции, просвещения, финансов остались и по сие время в точно том же положении, в каком они в первые два месяца были, то есть сделаны оклады жалованья, или штаты, переименованы канцелярии в департаменты, и на сем все остановилось.

Ни внутри их, ни в частях, от них зависящих, не сделано никакого правильного образования*.

Отсюда произошло, что дела, не быв разделены на свои степени, все по-прежнему стекаются в одни руки и естественно производят пустое многоделие и беспорядок. Время главного начальника непрерывно пожирается тем, что должен бы был делать один из низших его подчиненных.

Отсюда происходит, что развлеченное на множество текущих дел внимание министра не может обозреть их в целости и вместо того, чтобы остановиться на главных и существенных усмотрениях, непрерывно рассеивается в мелком надзоре исполнения.

Отсюда происходит, что большими департаментами, как то юстиции, финансов и внутренних дел, при самых лучших намерениях, управлять с честью никому невозможно, не переменяв их устройства; невозможно управлять большим кругом дел, где нет другой постепенности, как только министр, докладчик и писец.

Обнаружив сим образом недостатки настоящего устройства министерств, в самом существе сих недостатков должно найти способы к их исправлению.

* Из сего должно только исключить устройство университетов.

Первый недостаток есть в ответственности.

Как скоро учредится законодательное сословие с правом требовать в положенные сроки отчетов, то ответственность министерская сама собою установится; останется только определить в учреждениях министерства подробные ей формы.

Второй недостаток есть несоразмерность в разделении дел. Сие требует подробнейшего соображения.

Приняв правила, выше постановленные, о естественной связи исполнительных дел, проистекающей из самого разделения государственных законов, следующий распорядок сам собою представляется в учреждении министерств.

Предметы		Министерства
I. Внешние сношения		I. Иностранных дел
II. Сухопутные силы	охранение внешней безопасности	II. Военное
III. Морские силы		III. Морское
IV. Народная промышленность		IV. Внутренних дел
V. Государственные доходы и расходы		V. Финансов
VI. Охранение внутренней безопасности		VI. Полиции
VII. Суд и расправа		VII. Юстиции

Сверх сих частей, есть еще одна, коей управление, ныне рассеянное по разным департаментам, требует совокупности. Сие есть часть духовных дел. Отделив от Сената часть управления, необходимо нужно будет назначить место, где дела духовные разных исповеданий должны быть ведомы. По существу своему ни к промышленности, ни к юстиции, а еще менее того к финансам и полиции, они принадлежать не могут. Посему и нужно составить из них особенный департамент. Начальник оного, под именем обер-прокурора Синода, будет действовать на том же основании, как и министры, и должен иметь особенный устав и учреждение.

Предметы трех первых министерств сами собою определяются во всех их отношениях; но предметы трех последующих требуют особенного рассмотрения.

И, во-первых, в Министерстве внутренних дел. Постановив главным предметом сего министерства промышленность, с первого воззрения открывается, что к существу его принадлежат следующие части:

- 1) земледелие,
- 2) фабрики,
- 3) торговля.

Сверх сих трех существенных частей, есть другие предметы, кои хотя сами по себе и не составляют промышленности, но принадлежат к ней или как средства, коими движения ее совершаются — таковы суть почты и пути сообщения, или как естественные последствия труда и усовершеня физических способностей — такова есть вообще часть учебная.

Посему в естественном разделении дел и сии предметы не могут ни к какому департаменту приличнее относиться, как к Министерству внутренних дел.

Но выше уже было примечено, что естественное разделение дел должно иметь в виду, как главное правило, но никак не должно запрещать себе делать из него изъятия, когда местные уважения их необходимо требуют. Так, например, в Англии и во Франции, где учебная часть стоит давно уже на твердых основаниях и не предполагает со стороны правительства другого надзора, кроме охранения от злоупотреблений, Министерство внутренних дел с удобностию может управлять сим департаментом вместе с другими его предметами.

Но в России, где все еще надобно заводить и вновь строить, та же самая часть должна составить обширный круг дел, коего пространство во многих случаях было бы несовместно с другими предметами того же министерства.

Те же самые уважения можно приложить к путям сообщения.

Посему предметы промышленности весьма правильно ныне разделены на три департамента: 1) Министерство внутренних дел, 2) Министерство просвещения и 3) главная дирекция водяных коммуникаций.

Из сего следует, что к числу восьми министерств и в новом разделении должно будет присоединить еще два: 1) Департамент просвещения и 2) Департамент путей сообщения. Название главного директора или министра не делает в сем важной разности.

Во-вторых, Министерство финансов. Предметы сей части определяются самым ее именованьем. Все источники казенных доходов должны состоять в одном министерстве, ибо нет ни одного из них, который бы с другим не имел тесной связи. Слабость или истощение одного должно быть дополняемо другим, а сего без общего соображения сделать невозможно.

Но в предметах сего министерства должно различать три главные разделения: 1) источники доходов, их управление и распределение по расходам; 2) движение капиталов, в казначейство входящих, их отпуск и верный счет; 3) отчеты в их употреблении.

Трудно предполагать, чтобы в пространном государстве один министр мог управлять сими тремя частями. Последняя из них — отчет (*contrôle*) — должна быть даже по существу своему от него независима, ибо он сам некоторым образом был бы в ней истец, ответчик и судья.

Таким образом, часть финансов должна заключать в себе три департамента: 1) финансов, 2) казначейства и 3) отчетов.

В-третьих, Министерство полиции.

Выше были означены причины, по коим департамент сей составляет часть отдельную. Причины сии кратко состоят в том, что внутренняя государственная безопасность сама по себе есть столько же предмет уважительный и обширный, как и все другие части управления. Прежде нежели можно думать о промышленности и народном богатстве, прежде нежели можно помышлять о казенных доходах, должно оградить лицо и стяжание каждого безопасностью; посемуто и выше было замечено, что часть сия должна служить всем другим внутренним частям утверждением и некоторым ручательством в успехе их предприятий.

Существо дел, департаменту сему свойственных, определяется самым предметом его учреждения. Внутренняя безопасность ограждается: 1) мерами предупреждения; 2) мерами пресечения. Отсюда происходят два главные разделения полиции:

1) *Полиция учредительная* (*police administrative*). Сюда принадлежат все учреждения, коими предупреждается нарушение безопасности. Одни — публичные; к ним принадлежат: паспорта, надзор зрелищ, публичных собраний и проч.; другие — сокровенные; сюда принадлежат: не приметный надзор за иностранными и все те меры наблюдения за движением общественного духа, кои известны под именем *высшей полиции*.

Все меры сии, как публичные, так и сокровенные, должны быть:

1) в тесной связи между собою, ибо одни другим служат поверкою и способом к открытию; 2) они должны иметь для всей империи надлежащую степень единства, ибо развлеченное их действие никогда не доставит полных и правильных заключений*.

2) *Полиция исполнительная* (*police exécutive*). Сюда принадлежат все меры, коими пресекается нарушение безопасности, коего нельзя было отвратить мерами предупреждения. Сюда принадлежат: устройство внутренней стражи, разные учреждения смирительные, рабочие, темничные и пр. Все сии учреждения должны быть между собою в такой же связи и единстве, как и действия полиции учредительной.

* Так, например, в Петербурге появились бы ложные ассигнации; но корень их может быть на какой-либо фабрике в отдаленной губернии. Если министр полиции не имеет там своих связей, то скоро появление ассигнаций огласится, и нить, связующая их с началом, пресечется.

Третий недостаток в настоящем положении министерств есть недостаток внутреннего их состава и образования.

Два рода постановлений необходимо нужны к устройству всякой исполнительной части: 1) устав и 2) учреждение.

Устав должен определить с точностию главные правила, на коих министр должен управлять вверенною ему частию.

Учреждение должно установить предметы его, пределы его власти, образ его действия и постепенное исполнение.

Так, например, министр внутренних дел должен управлять мануфактурами по их уставу; следовательно, первая его обязанность есть пересмотреть и дополнить сей устав или вновь его составить. Приметить здесь должно, что нет лучшего способа уменьшить множество дел текущих, как составлением устава*. Посему первое и самое существенное упражнение каждого министерства должно состоять в дополнении и усовершенствии его уставов. Но прежде нежели уставы будут составлены, каждое министерство должно иметь свое внутреннее учреждение, или распорядок разных его частей и постепенности их управления.

Постепенность сия заключает в себе один из важнейших способов сохранить единство в обширном круге действия.

Для сего необходимо должно установить во всех обширных министерствах для важных частей особенных директоров, кои бы управляли ими по уставам, относились к министру в тех только случаях, когда предстанет дело, уставом не определенное и коего нельзя разрешить по его смыслу; и сверх того в установленные сроки они должны представлять ему табели о положении их частей.

Таким образом, разделенный на части труд пойдет успешнее, а единство ничего не потеряет, ибо еще раз приметить должно, что

* О делах текущих много и часто рассуждали. Нужно составить о них точное понятие. Делами текущими называются те дела, коих предметы периодически или, по крайней мере, часто, в одном и том же виде, приходят на разрешение начальства. Чем менее есть общих положительных правил, чем пределы власти менее определены, тем естественно должно быть более дел текущих, ибо тогда каждое дело несет с собою новое затруднение. Никто не знает, что он может на себя принять и чего не должен: отсюда все идет на Высочайшее разрешение и, при видимой поспешности, все терпит великую остановку. От двух причин увеличилось, с 1796 года, количество дел текущих; 1) оттого, что вообще дух народный, возбужденный разными обстоятельствами, даже успехами промышленности, стал беспокойнее и пытливее; 2) что самовластие местных начальств, которое до 1796 года одно служило достаточным ответом на все вопросы, подвергнувшись с того времени большому надзору и частым объяснениям, нарочито уменьшилось. Отсюда произошло, что губернатор во всем ищет разрешения от министра, а министр, не имея ни правил, ни устава, по необходимости, должен просить оного от верховной власти. Итак, один устав и постепенное разграничение власти может уменьшить сию громаду текущих дел, под коею стонут все министерства.

единство состоит не в подписи руки, но в единообразии главных усмотрений.

На сих основаниях составленное министерство, окруженное законною ответственностию, соразмерное в делах своих естественною их связью и снабженное уставами и учреждениями, будет действовать с силою и уважением и станет на той высоте, которую ему первое его установление предназначило, но коей оно доселе не могло еще достигнуть.

2) Губернское управление

Состав губернского управления должен быть основан на том же правиле единства и постепенности, которое всему порядку исполнительному свойственна.

В губернии находятся в меньшем размере те же самые предметы внутреннего управления, какие и в министерстве.

Они представляются в следующем порядке:

I. Полиция:

- 1) учредительная;
- 2) исполнительная.

II. Финансы:

- 1) приходы и расходы;
- 2) казначейство;
- 3) отчет.

III. Народная промышленность:

- 1) земледелие;
- 2) фабрики;
- 3) торговля;
- 4) почты.

Предметы сих трех частей не равны между собою: некоторые из них требуют особенного управления, другие же — одного общего надзора. Части, требующие особенного управления, суть:

- 1) полиция;
- 2) финансы;
- 3) казначейство;
- 4) управление казенными крестьянами;
- 5) лесоводство;
- 6) межевание земель;
- 7) почты.

В настоящем порядке одна только полиция состоит прямо в управлении губернатора, на прочие части он имеет косвенное только влияние. Отсюда происходит недостаток связи и непрерывные почти приращения одной части к другой.

Следующие начала можно положить основанием губернского управления.

I. Губернское управление везде соединить с казенною палатою под именем *губернского правительства*.

II. Губернское правительство разделяется на следующие экспедиции:

1) *Полицейская*. Сюда принадлежать будут все действия полиции учредительной и исполнительной, губернская и окружная стражи, рекрутский набор и проч.

2) *Экспедиция народной промышленности*. Межевание земель, фабрики, торговля, учебные заведения, почты.

3) *Экспедиция казенная*. Сюда принадлежат все казенные сборы, соль, вино, управление казенными крестьянами, лесоводство, часть строительная.

III. Каждая экспедиция имеет столько отделений, сколько есть обширных частей, в нее входящих; так, например, экспедиция казенная может иметь пять отделений: 1) казенных сборов, 2) соль и вино, 3) управление казенных крестьян, 4) лесоводство, 5) часть строительная.

IV. Каждая экспедиция имеет одного управляющего.

V. Каждая экспедиция управляется по своим уставам и учреждениям.

VI. В делах важных, коих род особенно определяется, все управляющие составляют общее собрание, коего председатель есть губернатор.

VII. Губернатор имеет надзор над движением всех частей, и все предписания министерства к нему обращаются.

VIII. Он отвечает министерству, а управляющие отвечают ему.

IX. В каждой экспедиции есть род дел, кои не могут быть решены без его утверждения.

X. При каждом правительстве находится совет, составленный из депутатов всех состояний, собственность в губернии имеющих.

XI. Совет собирается один раз в году в установленное время.

XII. Губернатор дает отчет совету в сборе и употреблении денег на земские повинности и предлагает смету оных на будущий год.

XIII. Совет, рассмотрев сей отчет, делает на оный примечания; один экземпляр сих примечаний, за подписанием всех, доставляется к министру финансов, другой остается у губернатора для надлежащих объяснений.

XIV. Рассмотрев отчет прошедшего года, совет чинит раскладку на будущий и доставляет таковые же экземпляры.

XV. Вместе с сим и таковым же порядком совет чинит представления о нуждах губернии.

На сих основаниях составленное губернное управление будет иметь целость и единство во всех делах своих. Законная власть его, с одной стороны, не будет развлекаема, как ныне, на разные части, не

будет теряться в пустых состязаниях, а с другой — будет умеряема действием совета.

3) *Управление окружное*

Управление окружное должно быть составлено в меньшем виде на тех же самых правилах.

Вице-губернатор должен занимать в нем место губернатора.

Управление волостное сохранит тот же образец в своем составе, но будет иметь еще меньший размер.

Начальник волостного управления будет отвечать один начальнику окружному, сей — губернатору, а он — министерству.

Таким образом, все части управления придут в надлежащее единообразие и от министра до последнего волостного начальника дела пойдут, так сказать, прямою линией, не кружась, как ныне, во множестве изворотов, где не можно найти ни конца, ни следов разным злоупотреблениям.

[4]. *Государственный совет*

Коренные государственные законы определяют состав Совета, существо и главные формы его действия.

Особенные учреждения определяют подробно предметы его и образ производства дел.

1) *Основание коренных законов, определяющих существо и действие Государственного совета*

I. В порядке государственных установлений Совет представляет сословие, в коем все действия порядка законодательного, судного и исполнительного в главных их отношениях соединяются и чрез него восходят к державной власти и от нее изливаются.

II. Посему все законы, уставы и учреждения в первых их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном совете и потом действием державной власти поступают к предназначенному им совершению.

III. Никакой закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь своего совершения без утверждения державной власти.

IV. Совет составляется из особ, Высочайшею доверенностью в сословие сие призываемых.

V. Члены совета могут иметь звания в порядке судном и исполнительном.

VI. Министры суть члены совета по их званию.

VII. В совете председательствует Император или лично, или назначением одного из его членов.

VIII. Назначение члена председательствующего возобновляется по временам по Высочайшему усмотрению.

IX. Совет разделяется на департаменты:

- 1) законов;
- 2) дел военных;
- 3) дел гражданских и духовных;
- 4) государственной экономии.

X. Каждый департамент имеет определенное число членов, из коих один председательствующий.

XI. Члены всех департаментов составляют общее собрание Совета.

XII. Члены совета, при определении коих не будет наименован особенный департамент, присутствуют в общих собраниях.

XIII. Распорядок членов по департаментам и их председателей возобновляется по временам по Высочайшему усмотрению.

XIV. Присутствия департаментов и общих собраний имеют положенные дни, но по уважению дел во всякое время они могут быть созваны особенным Высочайшим повелением.

XV. Все постановления, исходящие из совета, по Высочайшем их утверждении, имеют следующую форму:

1) Уставы и учреждения и их дополнения имеют форму манифестов, во вступлении коих означается: *Вняв мнению Государственного совета, повелеваем или учреждаем*, и проч.

2) Изъяснения уставов и учреждений, не постановляющие ничего нового, но определяющие точный разум прежних, имеют вид докладов, коих утверждение имеет форму: *Быть по сему*.

2) *Основания к учреждениям Совета*

По отделении от сената всех предметов управления они будут входить в совет чрез министерство и будут разделяемы по департаментам следующим порядком:

Предметы департаментов Совета

В департамент законов будет входить все то, что по существу своему составляет предмет закона. Комиссия законов будет вносить в сей департамент все первоначальные начертания законов, в ней составляемых.

В департамент военных дел будут входить предметы Министерств военного и морского.

В департамент гражданских и духовных дел будут входить дела юстиции, управления духовного и полиции.

В департамент публичной экономии будут принадлежать дела по Министерствам внутренних дел, финансов, казначейства и отчетов.

Исключая дел, кои особенным наказом в каждом министерстве предоставлены будут непосредственному докладу, все прочие дела, превышающие власть министра, в общем наказе подробно означенные, вносятся в департаменты Совета по их принадлежности.

Предметы общих собраний Совета

Законы, уставы, учреждения и их дополнения, быв рассмотрены в своем департаменте, вносятся в общее собрание.

Общие внутренние меры, в чрезвычайных случаях приемлемые и коренными законами действию исполнительной власти предоставленные, входят непосредственно в общее собрание.

Объявление войны и заключение мира и другие важные политические внешние меры вносятся в общее собрание Совета, когда, по соображению обстоятельств, найдено будет сие нужным.

Ежегодные сметы (бюджеты) доходов и расходов и чрезвычайные финансовые меры, преявля назначенный им степень предварительных соображений в департаменте, предлагаются общему собранию Совета.

Все дела о вознаграждении частных людей за имущества, на государственные нужды взимаемые, все дела, по коим отчуждается кака-либо часть казенных доходов или имущества в частное владение, быв рассмотрены в своем департаменте, входят на уважение Совета.

Отчеты всех министерств входят в общее собрание Совета. Сверх сего, министр казначейства каждый месяц представляет совету положение доходов и расходов и предлагает благовременно нужные меры к соблюдению определенной в них соразмерности.

[5]. Об установлениях, при Совете состоящих*а) Комиссия законов*

Поелику первое начертание и приуготовление законов, уставов и учреждений относится ко всем министерствам и не принадлежит ни к одному из них исключительно, то и следует комиссии законов относиться прямо в Совет посредством ее управляющего.

Таким образом, все законы, уставы и учреждения, изготовляемые в комиссии, будут вносимы сначала в департамент законов, а оттуда в общее собрание и потом уже, следуя существу их, поступать или в порядок законодательный, или же обращаться к исполнению по надлежащем их утверждении.

б) Статс-секретари

При четырех департаментах совета находится по одному статс-секретарю, коих должность есть приуготовление дел, в Совет поступающих, дополнение их нужными сведениями и предложение их Совету.

Сверх сего, статс-секретари, под председательством одного члена Совета, составляют комитет для рассмотрения прошений, входящих на Высочайшее имя. Особенный наказ определит подробно действие сего комитета.

в) Аудиторы

От каждого министерства находится при совете по одному аудитору. Существенная их должность есть доставлять все сведения по де-

лам каждого министерства, в совете нужные, и быть помощниками статс-секретарей в приуготовлении и в предложении дел Совету.

г) Государственная канцелярия

Как Государственный совет есть общее средоточие всех государственных дел, так Канцелярия должна быть общим средоточием окончательного их приуготовления.

Все, что восходит к утверждению державной власти, должно иметь в формах своих самый высший степень достоинства, точности и единства.

Посему каждый закон, устав и учреждение, в Совете предложенное и удостоенное Высочайшего утверждения, получает окончательную свою форму в Государственной канцелярии.

Из сего изъеются те только дела, кои по наказам министров предоставлены особенному их докладу.

Государственный канцлер есть главный начальник государственной канцелярии. Государственный секретарь управляет ею непосредственно.

К составу ее принадлежат статс-секретари и их помощники.

В Государственной канцелярии хранятся все оригинальные постановления законов, уставов и учреждений.

К ведомству ее принадлежат все государственные архивы.

В Государственной канцелярии находятся самые точные сведения о положении всех частей внутреннего управления в главном и общем их изображении.

Она имеет пять отделений: четыре, соответствующие департаментам Совета, и пятое отделение для распорядка государственных архивов.

По роду дел ее она ограничена самым умеренным числом лучших делопроизводителей.

Все дела, в Совет входящие и из совета исходящие, идут чрез государственную канцелярию, в ней приуготовляются и от нее по утверждении их отправляются к надлежащему их исполнению.

О СИЛЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА²⁴

Часто рассуждают о силе правительства; все утверждают, что сила сия необходима, все желают видеть ее в действии но не все, и может быть редкие, знают, в чем именно состоит сия сила и какими средствами она приобретает.

Люди, воспитанные в дворских уважениях, думают, что сила сия состоит в великолепии двора, в пышности государских титулов, в таинственном слове самодержавия. Они приписывают магическому

действию воображения то, чего изъяснить естественными причинами не умеют.

Другие силу правительства полагают в строгости взысканий и в щедрости наград. Страхом и удовольствием, говорят они, управляется род человеческий. Скорая казнь и обильные награды: вот все таинство сильного управления.

Любовию, твердят другие, привлекайте сердца. Взирайте часто и на самые проступки со снисхождением, и вы будете сильны.

Разум, уверяют иные, есть начало силы. Надобно, чтоб правительство всегда действовало убеждением, и тогда веления его с точностию будут исполняемы.

Все сии причины, коим приписывают силу правительства, суть или ложны, или по крайней мере в действии своем весьма ограничены.

Чтоб определить истинные причины, от коих происходит сила правительства, должно прежде определить, в чем состоит сия сила.

Сила правительства в точном подчинении всех моральных и физических сил одному движущему верховному началу власти и в самом деятельном и единообразном исполнении всех ее определений.

Должно различать силу правительства от силы государства. Хотя силы сии одна без другой стоять не могут, но в данной эпохе может быть, что государство будет сильно, а правительство слабо.

Сила государства есть масса всех его сил моральных и физических.

Сила правительства есть соединение и направление сих самых сил государственных к известной и определенной цели.

Сколько бы государство в самом себе ни было сильно, но в настоящем положении Европы, без силы правительства, оно двигаться и долго сохранить себя не может.

Истинные причины, производящие силу правительства, суть следующие.

I. Законы

Первый источник силы правительства суть законы.

Если законы так устроены, что они оставляют правительству довольно власти, чтоб действовать всегда во благо, а в случаях нужды принимать даже скорые и сильные меры, то правительство будет иметь в законах истинную силу.

Но власть должно различать от самовластия. Власть дает силу правительству, а самовластие ее разрушает, ибо самовластие даже и тогда, когда оно поступает справедливо, имеет вид притеснения и, следовательно, действует без доверия и всегда принужденно.

Из сего следует, что правильное законодательство дает более истинной силы правительству, нежели неограниченное самовластие.

В Англии закон дает правительству власть, и потому оно может быть там сильно; в Турции закон дает правительству самовластие, и потому оно там всегда должно быть слабо.

Известно, что в России власть правительства в законе не ограничена, а потому истинная сила правительства в сем отношении всегда у нас была весьма слаба и пребудет таковою, доколе закон не установит ее в истинных ее отношениях.

II. Образ правления

Образ правления дает правительству силу: 1) правильным дел разделением, 2) единством управления, 3) выбором исполнителей.

Правильное разделение дел умножает силу правительства потому, что приводит все предметы в ясность, облегчает надзор и исполнение.

Единство управления умножает силу правительства потому, что все части подчиняет одному началу, одинаковым соображениям и объемлет одним надзором.

Нет нужды доказывать, что выбор исполнителей есть одна из главных причин, производящих силу правительства.

Прилагая сии понятия к России, легко можно удостовериться, что и в сем отношении сила правительства у нас всегда была слаба. Мало есть государств, где бы управление, собственно так называемое (администрация), менее было устроено.

III. Воспитание

Не довольно, чтоб правительство имело в данной какой-либо эпохе добрых исполнителей; надлежит, чтоб оно удостоверило себе навсегда непрерывное их продолжение.

Сего иначе достигнуть невозможно, как общественным воспитанием. Правительство должно совершенно обладать сею частию, дабы подчинить, так сказать, себе и ввести в виды свои целое рождение.

Всем известно, что в России нет почти общественного воспитания, ибо нет ни целости в плане, ни единообразия в исполнении. Великие издержки, сделанные на сию часть правительством, есть совершенная потеря и времени и денег.

IV. Войско

Воинская сила есть верх и утверждение всех других сил государственных. И сие не только в отношении к внешней безопасности, но и в отношении к внутренней силе правительства. Без воинской силы ни законы, ни управление действовать не могут.

Хотя экономическое устройство наших войск и разные учреждения имеют некоторые недостатки, но с основательностию можно утверждать, что сей род силы правительство наше имеет в весьма начитой степени совершенства.

V. Финансы

Все соглашаются, что обилие государственных доходов составляет силу правительства.

Но в приложении сей истины к делу те же самые люди, кои на словах столь преданы престолу, столь привязаны к монарху, столь жарко защищают права и преимущества самодержавной его власти, на деле переменяют и речь свою, и рассуждения; при первом вопросе об умножении государственных доходов вдруг нападает на них безмерная нежность и чувствительность к нуждам народным, страх отягощения, опасность потерять любовь и преданность народа и множество других подобных сему призраков, коими лезть и невежество часто оглушают внимание государей.

Здесь-то, в сих опасных совещаниях полагается первое начало ослабления силы правительства. Здесь зарождаются сии бедственные ассигнационные и им подобные системы, коими под видом легкого и удобного исправления финансов истощаются его доходы и подтачивается власть его в самом ее корне²⁵.

Советы сии, во всех времена вредные, в настоящем положении всех европейских держав суть совершенно пагубны, и если бы у нас не происходили они от явного неразумения, то можно бы было назвать их государственным преступлением. Во всех времена первое правило правительства есть быть справедливым, но в наше время первая нужда есть быть сильным и богатым.

Есть в свойстве нашего народа ожидать и всем жертвовать в крайности, но предвидеть сию крайность заранее, исчислить ее приближение и принять сильные и благовременные против нее меры нет у нас ни в нравах, ни в обычаях.

История наших финансов и самый образ их исправления доказывают сие неоспоримо.

В 1787 г. доходы наши составляли до 100 м. серебром.

В 1809 г., через двадцать два года, в течение коих присоединено к России семь губерний и более 10 м. народа, доходы составляли около 60 м. серебром, 125 м. ассигнациями.

Когда приступили к их исправлению, сколько споров, сколько пререканий о том, чтоб в наполнение истинных государственных нужд уделить от доходов помещичьих пять миллионов рублей.

Но чего требует правительство, возвышая своих доходы?

Требует, чтоб возвращено ему было то, что ложными советами было от него отторгнуто и в частные руки захвачено; требует, чтоб даны были ему способы защищать и покровительствовать ту же самую частную собственность, которая сама не может защищать себя.

Заключение. Истинная сила правительства состоит: 1) в законе, 2) в образе управления, 3) в воспитании, 4) в военной силе, 5) в финансах.

Из сих пяти элементов три первых у нас почти не существуют.

Сим изъясняется, почему в России все предписывается и ничто почти не исполняется.

Из двух последних воинская сила одна почти составляет всю силу правительства.

Финансы начинают поправляться и могут быть приведены в твердое положение, если малодушные совещания, всегда легкие, удобные, не превозмогут над предположениями здравыми, хотя и трудными²⁶.

Комментарии

Сперанский Михаил Михайлович

¹ ЕЩЕ НЕЧТО О СВОБОДЕ И РАБСТВЕ

Рукописный набросок М.М. Сперанского, датированный 1802 г., впервые был опубликован в работе: *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 77—83.

Печатается по: *Сперанский М.М.* Избранное / Сост., автор вступ. ст. и коммент. В.С. Парсамова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 243—245. Сверено с изданием: *Сперанский М.М.* Еще нечто о свободе и рабстве // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 269—271.

² Сперанский цитирует работу французского мыслителя Ш. Монтескье (1689—1755) «О духе законов» (1748): «Рабство политическое, установленное в государстве, ведет к тому, что начинает мало-помалу ощущаться рабство гражданское. Те люди, которых называют свободными, на самом деле являются ими не более чем те, которые не носят этого названия. Положение свободного человека и положение раба здесь в огромной степени совпадают» (О духе законов. Кн. XV. Гл. XIII / Пер. с фр. В.С. Парсамова).

³ «Существуют учреждения, которые установлены для того, чтобы поспешествовать формированию общественного мнения. Таковыми являются сенаты, дворянские собрания и т.д. Эти учреждения не гарантируют свободы сами по себе, но, являя в глазах народа образы свободы... они поддерживают общественное мнение и дают ему возможность возрасти до той необходимой степени зрелости, которая составляет силу свободы и законов» (Там же).

⁴ ВВЕДЕНИЕ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ

Впервые в извлечениях этот труд Сперанского был напечатан на французском языке Н.И. Тургеневым в приложениях к книге: *Tourgeneff N.* La Russie et les Russes. Vol. 3. Paris, 1847. P. 423—430. Полный вариант на русском языке по рукописи впервые был опубликован в сб.: Историческое обозрение. Т. 10. СПб., 1899. Это сочинение Сперанского представляет собой план государственного преобразования, над которым он работал по поручению Александра I в 1809 г. В этом сочинении автор подводит итог своим многолетним размышлением о том, как превратить деспотическую Россию в «правильную монархию». Основные положения этой работы обсуждались Сперанским в многочисленных беседах с Александром I с глазу на глаз, что позволяет говорить об императоре как о своего рода соавторе этой работы. (*Примеч. В.С. Парсамова.*)

Печатается по: Сперанский М.М. Избранное / Сост., автор вступ. ст. и коммент. В.С. Парсамова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 306—366. Комментарии В.С. Парсамова даны с небольшими дополнениями.

Сверено с изданиями: Сперанский М.М. Записки и проекты. М.; Л., 1961. С. 143—222; Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 335—394.

⁵ Против этого места на поле зачеркнуто: «Закон связует права верховные с подданными [?]. Без закона все остается на одной стороне и рождается или анархия или деспотия. Анархия есть силы государственных в разделении. О начале и происхождении сил государственных. Доказательство, что они могут действовать только в соединении. Сила державная в рассеянии есть разум и воля. Каждый себе назначает закон и исполняет его по своему усмотрению. A quel point la liberté civile est précieuse sans liberté politique <В какой-то степени гражданская свобода преждевременна без свободы политической>. Право неограниченное есть насилие».

⁶ В данной работе термин «республика» Сперанский понимает широко — как представительное правление. В этом смысле его «правильная монархия» оказывается равнозначностью республики, а реально существующий в современной ему России строй он определяет как феодальное самодержавие.

⁷ Иван III Васильевич (1440—1505) — великий князь московский с 1462 г. При нем процесс централизации Руси вокруг Москвы принял необратимый характер.

⁸ Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь с 1645 г., второй из династии Романовых.

⁹ Имеется в виду неудачная попытка, предпринятая в 1730 г. членами Верховного тайного совета во главе с князьями Голицыными и Долгорукими, ограничить властные полномочия избранной ими же на престол Анны Иоанновны.

¹⁰ Елизавета Петровна (1709—1761) — дочь Петра I, русская императрица с 1741 г.

¹¹ Екатерина II вступила на престол в результате дворцового переворота 28 июня 1762 г.

¹² Имеется в виду Комиссия для составления нового уложения, созданная Екатериной II летом 1767 г. в Москве. Подробнее о работе этой комиссии Сперанский говорит в статье «Обозрение исторических сведений о Своде законов».

¹³ Имеется в виду «Наказ» Екатерины II депутатам Комиссии для составления нового уложения, над которым императрица работала в 1764—1766 гг. Источниками для написания этого сочинения послужили труды европейских философов и юристов, в первую очередь «О духе законов» Ш. Монтескье и «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа, а также статьи из Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера, произведения Бильфельда, Готтлиба фон Юсти, Ф. Кене и др.

¹⁴ Имеются в виду важнейшие указы Павла I, изданные им в день его коронации 5 апреля 1797 г.: 1) Акт о престолонаследии, по которому наследник должен был определяться не по завещанию монарха, а строгим законом в порядке старшинства сначала по мужской, а затем и по женской линии; 2) «Учреждение об императорской фамилии», регламентирующее права «царствующего дома» как особой юридической категории; 3) Манифест о трехдневной барщине, ограничивающий работу крестьянина на помещика тремя днями в неделю.

¹⁵ Имеется в виду указ от 12 декабря 1801 г. о разрешении купцам и казенным крестьянам покупать ненаселенные земли.

¹⁶ Имеется в виду указ от 20 февраля 1802 г., разрешающий помещикам, по их усмотрению, переводить своих крестьян в разряд «вольных хлебопашцев», т.е. освобождать их с землей.

¹⁷ Имеется в виду манифест об учреждении министерств 8 сентября 1802 г., которым предусматривалась ответственность министров перед Сенатом. Однако на деле ответственность носила чисто формальный характер, так как, по словам Н.М. Карамзина, «министры, <...> сказав: “я имел счастье докладывать государю”, заграждали уста сенаторам, а сия мнимая ответственность была доселе путем обрядом». (Примеч. В.С. Парсамова.)

¹⁸ Имеется в виду «Положение для поселян Лифляндской губернии» от 20 февраля 1804 г., регулирующее взаимоотношения крепостных крестьян и помещиков. «Хотя закон и обеспечивал фактическое и юридическое преимущество помещика, но все же “Положение” было первой в истории российского крестьянства попыткой устранения из крепостного права рабовладельческого элемента» (Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 176).

¹⁹ Имеется в виду указ от 2 апреля 1801 г., обещавший государственным крестьянам впредь не облагать их новыми налогами и дающий им право вести беспрепятственно заграничную торговлю.

²⁰ Имеется в виду указ от 31 июля 1802 г., запрещавший покупку заводами государственных крестьян из отдаленных селений. Смысл этого распоряжения заключался в том, чтобы не лишать крестьян принадлежащих им участков земли.

²¹ Канцлер юстиции — здесь: должностное лицо, призванное осуществлять правовой контроль в государстве.

²² Рекетмейстер (от нем. Requetenmeister), докладчик прошений царю, императору, какому-либо высшему государственному органу в России.

²³ Обер-прокурор — здесь: должностное лицо, возглавлявшее департамент в Сенате.

24 О СИЛЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Статья 1811 г. впервые была опубликована в журнале: «Русская старина». 1902. № 12. С. 495—499. Датируется на основании маргинальной пометки Сперанского: «Читано его императорскому величеству декабря 3-го дня 1811 г.». (Примеч. В.С. Парсамова.)

Печатается по: Сперанский М.М. Избранное / Сост., автор вступ. ст. и коммент. В.С. Парсамова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 382—385.

Сверено с изданием: Сперанский М.М. О силе правительства // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 411—415.

²⁵ Одновременно с планом государственных преобразований Сперанский разработал план оздоровления финансовой системы, который лег в основу манифеста 2 февраля 1810 г. Одной из главных причин расстройств финансов Сперанский считал фактически бесконтрольный выпуск ассигнаций, приводящий к инфляционному росту. Поэтому, согласно его плану, ассигнации признавались не деньгами, а государственным долгом, и выпуск их в дальнейшем должен был прекратиться.

²⁶ Для увеличения государственных доходов Сперанский осуществил ряд непопулярных мер. Он увеличил подати и налоги со всех категорий податного населения, а также затронул финансовый иммунитет дворянства, введя временный сбор со всех владельцев недвижимости. Кроме того, стремясь навести порядок в расходовании государственных средств, он потребовал строгой финансовой отчетности от представителей высшей бюрократии. С этой целью в 1811 г. было создано Главное управление ревизии государственных счетов. Финансовая политика Сперанского вызвала негативную реакцию почти у всех слоев населения.

Карамзин Николай Михайлович, историк, писатель, журналист, поэт, один из основоположников русского консерватизма, член Российской академии (1818), почетный член Петербургской АН (1818), действительный статский советник (1824)

Родился 01.12.1766 в селе Михайловка Бузулукского уезда Симбирской губернии в дворянской семье. Образование получил в частных школах. С 1782 служил в лейб-гвардии Преображенском полку в С.-Петербурге. В 1784 вышел в отставку. В 1785—1789 был членом масонской ложи, состоял в «Дружеском ученом обществе» Н.И. Новикова, вел активную литературную и публицистическую деятельность. В 1789—1790 совершил заграничное путешествие, по возвращении из которого занялся издательской деятельностью и литературным трудом. В русской литературе утвердил направление сентиментализма, внес огромный вклад в становление современного литературного языка. В 1803 стал официальным историографом. В 1803—1811 создал первые пять томов «Истории государства Российского». В 1811 подал императору Александру записку «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», где обосновал концепцию русского самодержавия и сформулировал ставшие классическими принципы русского консерватизма. В 1813 возобновил работу над «Историей государства Российского», восемь томов которой вышли в свет в 1818 (9-й том в 1821, 10-й и 11-й — в 1824, 12-й том издан посмертно). С 1816 до конца дней жил в С.-Петербурге, был близок с императорским семейством. Умер 22.05.1826.

СОЧИНЕНИЯ

Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Полное собрание сочинений: В 18 т. М.: Терра-Книжный клуб, 1998—2009.

ЛИТЕРАТУРА

Ермашов Д.В., Ширинянец А.А. У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М., 1999.

Карамзин: pro et contra: личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: антология. СПб., 2006.

Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина. М., 1976.

Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.

Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997.

Муравьев В.Б. Николай Карамзин. М., 2005.

Смирнов А.Ф. Николай Михайлович Карамзин. М., 2005.

Эйдельман Н.Я. «Последний летописец». М., 1983.

О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ В ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОМ И ГРАЖДАНСКОМ ОТНОШЕНИЯХ¹

Несть лъсти в языке моем

(Псал. 138)

Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее.

От моря Каспийского до Балтийского, от Черного до Ледовитого, за тысячу лет пред сим жили народы кочевые, звероловные и земледельческие, среди обширных пустынь, известных Грекам и Римлянам более по сказкам баснословия, нежели по верным описаниям очевидцев. Провидению угодно было составить из сих разнородных племен обширнейшее Государство в мире.

Рим, некогда сильный доблестью, ослабел в неге и пал, сокрушенный мышцею варваров Северных. Началось новое творение: явились новые народы, новые нравы, и Европа восприняла новый образ, донныне ею сохраненный в главных чертах ее бытия политического. Одним словом, на развалинах владычества Римского основалось в Европе владычество народов Германских.

В сию новую общую систему вошла и Россия. Скандинавия, гнездо Витязей беспокойных — officina gentium, vagina nationum² — дала нашему Отечеству первых Государей, добровольно принятых Славянскими и Чудскими племенами, обитавшими на берегах Ильменя, Белаозера и реки Великой. «Идите, — сказали им Чудь и Славяне, наскучив своими внутренними междоусобиями, — идите княжить

и властвовать над нами. Земля наша обильна и велика, но порядка в ней не видим». Сие случилось в 862 году; а в конце X века Европейская Россия была уже не менее нынешней: то есть во сто лет она достигла от колыбели до величия редкого. В 964 году Россияне, как наемники Греков, сражались в Сицилии с Аравитянами, а после в окрестностях Вавилона.

Что произвело феномен столь удивительный в Истории? Пылкая, романическая страсть наших первых Князей к завоеваниям и единовластие, ими основанное на развалинах множества слабых, несогласных Держав народных, из коих составила Россия. Рюрик, Олег, Святослав, Владимир не давали образумиться Гражданам в быстром течении побед, в непрестанном шуме воинских станов, платя им славою и добычею за утрату прежней вольности, бедной и мятежной.

В XI веке Государство Российское могло, как бодрый, пылкий юноша, обещать себе долголетие и славную деятельность. Монархи его в твердой руке своей держали судьбы миллионов; озаренные блеском побед, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановением воздвигали рать и движением перста указывали ей путь к Воспору Фракийскому или к горам Карпатским. В счастливом отдохновении мира Государь пировал с Вельможами и народом, как Отец среди семейства многочисленного. Пустыни украсились городами, города — избранными жителями; свирепость диких нравов смягчилась Верою Христианскою; на берегах Днепра и Волхова явились искусства Византийские. Ярослав³ дал народу свиток законов гражданских, простых и мудрых, согласных с древними Немецкими⁴. Одним словом, Россия не только была обширным, но, в сравнении с другими, и самым образованным Государством.

К несчастью, она в сей бодрой юности не предохранила себя от Государственной общей язвы тогдашнего времени, которую народы Германские сообщили Европе: говорю о системе удельной⁵. Счастье и характер Владимира⁶, счастье и характер Ярослава могли только отсрочить падение Державы, основанной единовластием на завоеваниях. Россия разделилась.

Вместе с причиною ее могущества, столь необходимого для благоденствия, исчезло и могущество, и благоденствие народа. Открылось жалкое междоусобие малодушных Князей, которые, забыв славу, пользу Отечества, резали друг друга и губили народ, чтобы прибавить какой-нибудь ничтожный городок к своему уделу. Греция, Венгрия, Польша отдохнули: зрелище нашего внутреннего бедствия служило им поручительством в их безопасности. Дотол боялись Россиян — начали презирать их. Тщетно некоторые Князья великодушные — Мономах⁷, Василько⁸ — говорили именем Отечества на торжественных

съездах; тщетно другие — Боголюбский⁹, Всеволод III¹⁰ — старались присвоить себе единовластие: покушения были слабы, недружны, и Россия в течение двух веков терзала собственный народ, пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло, не менее гибельное. Народ утратил почтение к Князьям: Владетель Торопца или Гомеля мог ли казаться ему столь важным смертным, как Монарх всей России? Народ охладел в усердии к Князьям, видя, что они для ничтожных личных выгод жертвуют его кровию, и равнодушно смотрел на падение их тронов, готовый всегда взять сторону счастливейшего или изменить ему вместе с счастьем; а Князья, уже не имея ни доверенности, ни любви к народу, старались только умножать свою дружину воинскую: позволили ей теснить мирных жителей сельских и купцов; сами обирали их, чтобы иметь более денег в казне на всякий случай, и сею политикою, утратив нравственное достоинство Государей, сделались подобны судиям-лихоимцам или тиранам, а не законным властителям. И так, с ослаблением Государственного могущества, ослабела и внутренняя связь подданства с властью.

В таких обстоятельствах удивительно ли, что варвары покорили наше Отечество? Удивительнее, что оно еще столь долго могло умирать по частям и в сердце, сохраняя вид и действия жизни Государственной или независимость, изъясняемую одною слабостью наших соседей. На степях Донских и Волжских кочевали орды Азиатские, способные только к разбоям. Польша сама издыхала в междоусобиях. Короли Венгерские желали, но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими, и Галиция, несколько раз отходя от России, снова к ней присоединялась. Орден Меченосцев едва держался в Ливонии. Но когда воинственный народ, образованный победами Хана Могольского, овладев Китаем, частию Сибири и Тибетом, устремился на Россию, она могла иметь только славу великодушной гибели. Смелые, но безрассудные Князья наши с горстью людей выходили в поле умирать Героями. Батый¹¹, предводительствуя полумиллионом, топтал их трупы и в несколько месяцев сокрушил Государство. В искусстве воинском предки наши не уступали никакому народу, ибо четыре века гремели оружием вне и внутри Отечества; но слабые разделением сил, несогласные даже и в общем бедствии, довольствовались венцами мучеников, прияв оные в неравных битвах и в защите городов бранных.

Земля Русская, упоенная кровию, усыпанная пеплом, сделалась жилищем рабов Ханских, а Государи ее трепетали Баскаков¹². Сего не довольно. В окрестностях Двины и Немана, среди густых лесов, жил народ бедный, дикий и более 200 лет платил скудную дань Россиянам. Утесняемый ими, также Прусскими и Ливонскими Немцами, он

выучился искусству воинскому и, предводимый некоторыми отважными витязями, в стройном ополчении выступил из лесов на феатр мира; не только восстановил свою независимость, но, приняв образ народа Гражданского, основав Державу сильную, захватил и лучшую половину России, то есть Северная осталась данницею Моголов, а Южная вся отошла к **Литве** по самую Калугу и реку Угру. Владимир, Суздаль, Тверь назывались **Улусами Ханскими**; Киев, Чернигов, Мценск, Смоленск — городами Литовскими. Первые хранили, по крайней мере, свои нравы; вторые заимствовали и самые обычаи чуждые. Кажется, что Россия погибла на веки.

Сделалось чудо. Городок, едва известный до XIV века, от презрения к его маловажности долго именуемый селом Кучковым, возвысил главу и спас Отечество. Да будет честь и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России, и хитрый Иоанн Калита¹³, заслужив имя **Собрателя земли Русской**, есть Первоначальник ее славного воскресения, беспримерного в летописях мира. Надлежало, чтобы его преемники в течение века следовали одной системе с удивительным постоянством и твердостью, — системе, наилучшей по всем обстоятельствам и которая состояла в том, чтобы употребить самих Ханов в орудие нашей свободы. Снискав особенную милость Узбека¹⁴ и вместе с нею достоинство Великого Князя, Калита первый убедил Хана не посылать собственных чиновников за данью в города наши, а принимать ее в орде от Бояр Княжеских, ибо Татарские Вельможи, окруженные воинами, ездили в Россию более для наглых грабительств, нежели для собрания Ханской дани. Никто не смел встретиться с ними: как скоро они являлись, земледельцы бежали от плуга, купцы — от товаров, граждане — от домов своих. Все ожило, когда сии хищники перестали ужасать народ своим присутствием: села, города успокоились, торговля пробудилась, не только внутренняя, но и внешняя; народ и казна обогатились, дань Ханская уже не тяготила их. Вторым важным замыслом Калиты было присоединение частных уделов к Великому Княжеству. Усыпляемые ласками властителей Московских, Ханы с детскою невинностью дарили им целые Области и подчиняли других Князей Российских, до самого того времени, как сила, воспитанная хитростью, довершила мечем дело нашего освобождения.

Глубокомысленная политика Князей Московских не удовлетворялась собранием частей в целое: надлежало еще связать их твердо, и единовластие усилить самодержавием¹⁵. Славяне Российские, признав Князей Варяжских своими Государями, хотя отказались от Правления общенародного, но удерживали многие его обыкновения. Во всех древних городах наших бывало так называемое **Вече**, или Совет народный, при случаях важных; во всех городах избирались Тысяц-

кие или Полководцы не Князем, а народом. Сии республиканские учреждения не мешали Олегу¹⁶, Владимиру, Ярославу самодержавно повелевать Россиею: слава дел, великодушие и многочисленность дружин воинских, им преданных, обуздывали народную буйность. Когда же Государство разделилось на многие области независимые, тогда граждане, не уважая Князей слабых, захотели пользоваться своим древним правом Веча и Верховного законодательства; иногда судили Князей и торжественно изгоняли в Новгороде и других местах. Сей дух вольности господствовал в России до нашествия Батыева, и в самых ее бедствиях не мог вдруг исчезнуть, но ослабел приметно. Таким образом, История наша представляет новое доказательство двух истин: 1) для твердого самодержавия необходимо Государственное могущество; 2) рабство Политическое не совместно с гражданскою вольностию. Князья пресмыкались в Орде, но, возвращаясь оттуда с милостивым ярлыком Ханским, повелевали смелее, нежели в дни нашей Государственной независимости. Народ, смиренный игом варваров, думал только о спасении жизни и собственности, мало заботясь о своих правах гражданских. Сим расположением умов, сими обстоятельствами воспользовались Князья Московские и, малопомалу истребив все остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавие. Умолк Вечевой колокол во всех городах России. Димитрий Донской¹⁷ отнял власть у народа избирать Тысяцких, и, вопреки своему редкому человеколюбию, первый установил торжественную смертную казнь для Государственных преступников, чтобы вселить ужас в дерзких мятежников. Наконец, что началось при Иоанне I или Калите, то совершилось при Иоанне III¹⁸: столица Ханская на берегу Ахтубы, где столько лет потомки Рюриковы преклоняли колена, исчезла навеки, сокрушенная местию Россиян. Новгород, Псков, Рязань, Тверь присоединились к Москве вместе с некоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древние Югозападные Княжения потомков Владимировых еще оставались в руках Польши, за то Россия, новая, возрожденная, во времена Иоанна IV¹⁹ приобрела три царства: Казанское, Астраханское и неизмеримое Сибирское, дотоле неизвестное Европе.

Сие великое творение Князей Московских было произведено не личным их Геройством, ибо, кроме Донского, никто из них не славился оным, но единственно умною политическою системою, согласною с обстоятельствами времени. Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием.

Во глубине Севера, возвысив главу свою между Азиатскими и Европейскими Царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних Восточных нравов,

принесенных Славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с Моголами; Византийских, заимствованных Россиянами вместе с Христианскою верою, и некоторых Германских, сообщенных им Варягами. Сии последние черты, свойственные народу мужественному, вольному, еще были заметны в обыкновении судебных поединков, в утехах рыцарских и в духе местничества, основанного на родовом славолубии. Заключение женского пола и строгое холопство оставались признаком древних Азиатских обычаев. Двор Царский уподоблялся Византийскому. Иоанн III, зять одного из Палеологов²⁰, хотел как бы восстановить у нас Грецию соблюдением всех обрядов ее церковных и придворных: окружил себя Римскими Орлами и принимал иноземных послов в **Золотой Палате**, которая напоминала **Юстинианову**²¹. Такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и Россияне любили оную как свою народную собственность.

Хотя двухвековое иго Ханское не благоприятствовало успехам гражданских искусств и разума в нашем Отечестве, однакож Москва и Новгород пользовались важными открытиями тогдашних времен: бумага, порох, книгопечатание сделались у нас известны весьма скоро по их изобретении. Библиотеки Царская и Митрополитская, наполненные рукописями Греческими, могли быть предметом зависти для иных Европейцев. В Италии возродилось зодчество; Москва в XV веке уже имела знаменитых Архитекторов, призванных из Рима, великолепные церкви и Грановитую Палату; иконописцы, резчики, золотари обогащались в нашей столице. Законодательство молчало во время рабства. Иоанн III издал новые Гражданские Уставы²², Иоанн IV — полное Уложение²³, коего главная отмена от Ярославовых законов состоит в введении торговой казни²⁴, неизвестной древним независимым Россиянам. Сей же Иоанн IV устроил Земское войско, какого у нас дотоле не бывало: многочисленное, всегда готовое и разделенное на полки областные.

Европа устремила глаза на Россию: Государя, Папы, Республики вступили с нею в дружелюбные сношения, одни для выгод купечества, иные — в надежде обратить ее силы к обузданию ужасной Турецкой Империи, Польши, Швеции. Даже из самой глубины Индостана, с берегов Гангеса, в XVI веке приезжали послы в Москву²⁵, и мысль сделать Россию путем Индейской торговли была тогда общею. Политическая система Государей Московских заслуживала удивление своею мудростию: имея целию одно благоденствие народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые к миру, уклоняясь от всякого участия в делах Европы, более приятного для суетности Монархов, нежели полезного для Государства, и, восстановив Россию

в умеренном, так сказать, величии, не алкали завоеваний неверных, или опасных, желая сохранять, а не приобретать.

Внутри самодержавие укоренилось. Никто, кроме Государя, не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием Монаршей. Жизнь, имение, зависели от произвола Царей, и знаменитейшее в России титуло уже было не Княжеское, не Боярское, но **титло слуги Царева**²⁶. Народ, избавленный Князьями Московскими от бедствий внутреннего междоусобия и внешнего ига, не жалел о своих древних Вечах и Сановниках, которые умеряли власть Государеву; довольный действием, не спорил о правах. Одни Бояре, столь некогда величавые в удельных господствах, роптали на строгость самодержавия; но бегство или казнь их свидетельствовали твердость оногo. Наконец, Царь сделался для всех Россиян земным Богом.

Тщетно Иоанн IV, быв до 35 лет Государем добрым и по какому-то адскому вдохновению возлюбив кровь, лил оную без вины и сек головы людей, славнейших добродетелями. Бояре и народ во глубине души своей, не дерзая что-либо замыслить против Венценосца, только смиренно молили Господа, да смягчит ярость Цареву, сию казнь за грехи их! Кроме злодеев, ознаменованных в Истории названием **опришники**²⁷, все люди, знаменитые богатством или саном, ежедневно готовились к смерти и не предпринимали ничего для спасения жизни своей! Время и расположение умов достопамятно! Нигде и никогда грознее самовластие не предлагало столь жестоких искушений для народной добродетели, для верности или повиновения; но сия добродетель даже не усумнилась в выборе между гибелью и сопротивлением.

Злодеяние, в тайне умышленное, но открытое Историю, пресекло род Иоаннов: Годунов²⁸, Татарин происхождением, Кромвель умом, воцарился со всеми правами Монарха законного и с тою же системою единовластия неприкосновенного. Сей несчастный, сраженный тению убитого им Царевича²⁹, среди великих усилий человеческой мудрости и в сиянии добродетелей наружных, погиб, как жертва властолюбия неумеренного, беззаконного, в пример векам и народам. Годунов, тревожимый совестью, хотел заглушить ее священные укоризны действиями кротости и смягчал Самодержавие в руках своих: кровь не лилась на лобном месте; ссылка, заточение, невольное пострижение в монахи были единственным наказанием Бояр, виновных или подозреваемых в злых умыслах. Но Годунов не имел выгоды быть любимым, ни уважаемым, как прежние Монархи наследственные. Бояре, некогда стояв с ним на одной ступени, ему завидовали; народ помнил его слугою придворным. Нравственное могущество Царское ослабело в сем избранном Венценосце.

Не многие из Государей бывали столь усердно приветствуемы народом, как Лжедмитрий³⁰ в день своего торжественного въезда в Москву: рассказы о его мнимом, чудесном спасении, память ужасных естественных бед Годунова времени и надежда, что Небо, возвратив престол Владимирову потомству, возвратит благоденствие России, влекли сердца в сретение юному Монарху, любимцу счастья.

Но Лжедмитрий был тайный Католик, и нескромность его обнаружила сию тайну. Он имел некоторые достоинства и добродушие, но голову романическую и на самом троне характер бродяги; любил иноземцев до пристрастия, и не зная Истории своих мнимых предков, ведал малейшие обстоятельства жизни Генриха IV³¹, Короля Французского, им обожаемого. Наши монархические учреждения XV и XVI века приняли иной образ: малочисленная Дума Боярская, служив прежде единственно Царским Советом, обратилась в шумный сонм ста правителей мирских и духовных, коим беспечный и ленивый Дмитрий вверил внутренние дела Государственные, оставляя для себя внешнюю политику; иногда являлся там и спорил с Боярами к общему удивлению, ибо Россияне дотоле не знали, как подданный мог торжественно противоречить Монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумия и той величественной скромности, которая для Самодержавцев гораздо нужнее, нежели для монахов Картезианских³². Сего мало. Дмитрий явно презирал Русские обычаи и веру: пировал, когда народ постился; забавлял свою невесту пляскою скоморохов в Монастыре Вознесенском; хотел угощать Бояр яствами, гнусными для их суеверия³³; окружил себя не только иноземною стражею, но и шайкою Иезуитов; говорил о соединении Церквей и хвалил Латинскую. Россияне перестали уважать его, наконец, возненавидели и, согласясь, что истинный сын Иоаннов не мог бы попирать ногами Святыню своих предков³⁴, возложили руку на Самозванца.

Сие происшествие имело ужасные следствия для России; могло бы иметь еще и гибельнейшие. Самовольные управы народа бывают для Гражданских Обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений Государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного изступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителей. Москвитяне истерзали того, кому недавно присягали в верности: горе его преемнику и народу!

Отрасль древних Князей Суздальских и племени Мономахова, Василий Шуйский³⁵, угодник Царя Бориса, осужденный на казнь и помилованный Лжедмитрием, свергнув неосторожного Самозванца, в награду за то приял окровавленный его скипетр от Думы Боярской и торжественно изменил Самодержавию, присягнув без ее согласия

не казнить никого, не отнимать имений и не объявлять войны. Еще имея в свежей памяти ужасные исступления Иоанновы, сыновья отцев, невинно убиенных сим Царем лютым, предпочли свою безопасность Государственной и легкомысленно стеснили дотоле неограниченную власть Монаршую, коей Россия была обязана спасением и величием. Уступчивость Шуйского и самолюбие Бояр кажутся равным преступлением в глазах потомства, ибо первый также думал более о себе, нежели о Государстве, и, пленяясь мыслию быть Царем, хотя и с ограниченными правами, дерзнул на явную для Царства опасность.

Случилось, чему необходимо надлежало случиться. Бояре видели в Полумонархе дело рук своих и хотели, так сказать, продолжать оное, более и более стесняя власть его. Поздно очнулся Шуйский и тщетно хотел порывами великодушия утвердить колеблемость трона. Воскресли древние смуты Боярския, и народ, волнуемый на площади наемниками некоторых коварных Вельмож, толпами стремился к Дворцу Кремлевскому предписывать законы Государю. Шуйский изъяснял твердость: «Возьмите венец Мономахов, возложенный вами на главу мою, или повинуйтесь мне!», — говорил он Москвитянам. Народ смирялся и вновь мятежничал в самое то время, когда самозванцы, прельщенные успехом первого, один за другим, на Москву восставали. Шуйский пал, сверженный не сими бродягами, а Вельможами недостойными, и пал с величием, воссев на трон с малодушием. В мантии инока, преданный злодеями в руки чужеземцам, он жалел более о России, нежели о короне; с истинною Царскою гордостью отвечивал на коварные требования Сигизмундовы³⁶ и вне Отечества, заключенный в темницу, умер Государственным мучеником.

Недолго многоглавая гидра Аристократии³⁷ владычествовала в России. Никто из Бояр не имел решительного перевеса; спорили и мешали друг другу в действиях власти. Увидели необходимость иметь Царя и, боясь избрать единомышленника, чтобы род его не занял всех степеней трона, предложили венец сыну нашего врага, Сигизмунда, который, пользуясь мятежами России, силился овладеть ее Западными странами. Но вместе с Царством предложили ему условия: хотели обеспечить веру и власть Боярскую. Еще договор не совершился, когда Поляки, благоприятствуемые внутренними изменниками, вступили в Москву и прежде времени начали тиранствовать именем Владислава³⁸. Шведы взяли Новгород. Самозванцы, козаки свирепствовали в других областях наших³⁹. Правительство рушилось, Государство погибло.

История назвала Минина⁴⁰ и Пожарского⁴¹ Спасителями Отечества: отдадим справедливость их усердию, не менее и Гражданам, которые в сие решительное время действовали с удивительным едино-

душием. Вера, любовь к своим обычаям и ненависть к чужеземной власти произвели общее славное восстание народа под знаменами некоторых верных Отечеству Бояр. Москва освободилась.

Но Россия не имела Царя и еще бедствовала от хищных иноплеменников; из всех городов съехались в Москву избранные знаменитейшие люди и в храме Успения, вместе с Пастырями Церкви и Боярами, решили судьбу Отечества⁴². Никогда народ не действовал торжественнее и свободнее; никогда не имел побуждений Святейших; все хотело одного — целости, блага России. Не блистало вокруг оружие; не было ни угроз, ни подкупа, ни противоречий, ни сомнения. Избрали юношу, почти отрока, удаленного от света; почти силою извлекли его из объятий утраченной матери-инокини и возвели на Престол, орошенный кровию Лжедмитрия и слезами Шуйского. Сей прекрасный, невинный юноша казался агнцем и жертвою, трепетал и плакал. Не имея подле себя ни единого сильного родственника, чуждый Боярам Верховным, гордым, властолюбивым, он видел в них не подданных, а будущих своих тиранов, и, к счастью России, ошибся. Бедствия мятежной Аристократии просветили граждан и самих Аристократов; те и другие, единогласно, единодушно наименовали Михаила Самодержцем, Монархом неограниченным; те и другие, воспламененные любовью к Отечеству, зывали только: **Бог и Государь!** Написали хартию и положили оную на престол⁴³. Сия грамота, внушенная мудростию опытов, утвержденная волею и Бояр, и народа, есть священнейшая из всех Государственных хартий. Князья Московские учредили Самодержавие; Отечество даровало оное Романовым.

Самое личное избрание Михаила доказывало искреннее намерение утвердить единовластие. Древние Княжеские роды, без сомнения, имели гораздо более права на корону, нежели сын племянника Иоанновой супруги, коего неизвестные предки выехали из Пруссии⁴⁴, но Царь, избранный из сих потомков Мономаховых, или Олеговых, имея множество знатных родственников, легко мог бы дать им власть Аристократическую и тем ослабить Самодержавие. Предпочли юношу, почти безродного; но сей юноша, свойственник Царский, имел отца мудрого, крепкого духом, непреклонного в советах, который долженствовал служить ему пестуном на троне и внушать правила твердой власти. Так строгий характер Филарета⁴⁵, не смягченный принужденною монашескою жизнью, более родства его с Феодором Иоанновичем⁴⁶ способствовал к избранию Михаила.

Исполнилось намерение сих незабвенных мужей, которые в чистой руке держали тогда урну судьбы нашей, обуздывая собственные и чуждые страсти. Дуга небесного мира воссияла над тронном Российским. Отечество под сению Самодержавия успокоилось, извергнув

чужеземных хищников из недр своих, возвеличилось приобретениями и вновь образовалось в Гражданском порядке, творя, обновляя и делая только необходимое, согласное с понятиями Народными и ближайшее к существующему. Дума Боярская осталась на древнем основании, то есть Советом Царей во всех делах важных, политических, гражданских, казенных. Прежде Монарх рядил Государство чрез своих наместников, или воевод; недовольные ими прибегали к Нему: он судил дело с Боярами. Сия **Восточная простота** уже не ответствовала Государственному возрасту России, и множество дел требовало более посредников между Царем и народом. Учредились в Москве Приказы⁴⁷, которые ведали дела всех городов и судили наместников. Но еще суд не имел Устава полного, ибо Иоаннов оставлял много на совесть или произвол судящего. Уверенный в важности такого дела, Царь Алексей Михайлович⁴⁸ назначил для оного мужей Думных и повелел им вместе с выборными всех городов, всех состояний, исправить судебник, дополнить его законами Греческими, нам давно известными, новейшими Указами Царей и необходимыми прибавлениями на случаи, которые уже встречаются в судах, но еще не решены законом ясным. Россия получила **Уложение**⁴⁹, скрепленное Патриархом, всеми значительными Духовными, мирскими чиновниками и выборными городскими. Оно, после хартии Михайлова избрания, есть доныне важнейший Государственный завет нашего Отечества.

Вообще царствование Романовых: Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению Россиян с Европою как в Гражданских учреждениях, так и в нравах от частых Государственных сношений с ее Дворами, от принятия в нашу службу многих иностранцев и поселения других в Москве. Еще предки наши усердно следовали своим обычаям, но пример начинал действовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верх над старым навыком в воинских Уставах, в системе дипломатической, в образе воспитания или учения, в самом светском обхождении, ибо нет сомнения, что Европа от XIII до XIV века далеко опередила нас в Гражданском просвещении. Сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы **нехотя**, применяя все к нашему и новое соединяя с старым.

Явился Петр⁵⁰. В его детские лета самовольство Вельмож, наглость Стрельцов и властолюбие Софии⁵¹, напоминали России несчастные времена смут Боярских. Но великий муж созрел уже в юноше и мощною рукою схватил кормило Государства. Он сквозь бурю и волны устремился к своей цели: достиг, и все переменялось.

Сею целию было не только новое величие России, но и **совершенное** присвоение обычаев Европейских... Потомство воздало усердную

хвалу сему бессмертному Государю и личным его достоинствам и славным подвигам. Он имел великодушие, проникание, волю непоколебимую, деятельность, неутомимость редкую: исправил, умножил войско, одержал блестящую победу над врагом искусным и мужественным; завоевал Ливонию, сотворил флот, основал гавани, издал многие законы мудрые, привел в лучшее состояние торговлю, рудокопни, завел мануфактуры, училища, Академию, наконец поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы. Говоря о превосходных его дарованиях, забудем ли почти важнейшее для Самодержцев дарование употреблять людей по их способностям? Полководцы, Министры, Законодатели не рождаются в таком или таком Царствовании, но единственно избираются; чтобы избрать, надобно угадать; угадывают же людей только великие люди — и слуги Петровы удивительным образом помогали ему на ратном поле, в Сенате⁵², в Кабинете. Но мы, Россияне, имея пред глазами свою Историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть Творец нашего величия Государственного?.. Забудем ли Князей Московских: Иоанна I, Иоанна III, которые, можно сказать, из ничего воздвигли Державу сильную, и — что не менее важно — учредили твердое в ней Правление единовластное? Петр нашел средства делать великое, Князья Московские приготавливали оное. И слава славное в сем Монархе, оставим ли без замечания вредную сторону его блестящего царствования?

Умолчим о пороках личных; но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество Государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во время Самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному; не что иное, как уважение к своему народному достоинству. Искореня древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, Государь России унижал Россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и Гражданина к великим делам? Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного. Просвещение достохвально, но в чем состоит оно? В знании нужного для благоденствия: искусства, искусства, науки не имеют иной цены. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два Государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им Уставы есть насилие, незаконное и для Монарха Самодержавно-

го. Народ в первоначальном завете с Венценосцами сказал им: «Блюдайте нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частию для спасения целого», — но не сказал: «Противоборствуйте нашим невинным склонностям и вкусам в домашней жизни». В сем отношении Государь по справедливости может действовать только примером, а не указом.

Жизнь человеческая кратка, а для утверждения новых обычаев требуется долговременность. Петр ограничил свое преобразование Дворянством⁵³. Дотоле от сохи до Престола Россияне сходились между собою некоторыми общими признаками наружности и в обычаях; со времен Петровых высшие степени отделились от нижних, и Русский земледелец, мещанин, купец увидел Немцев в Русских Дворянах ко вреду братского, народного единодушия Государственных состояний.

В течение веков народ обык чтиль Бояр, как мужей, ознаменованных величием; поклонялся им с истинным уничижением, когда они с своими благородными дружинами, с Азиатскою пышностью при звуке бубнов являлись на стогнах, шествуя в храм Божий или на совет к Государю. Петр уничтожил достоинство Бояр — ему надобны были Министры, Канцлеры, Президенты! Вместо древней славной Думы явился Сенат, вместо Приказов — Коллегии, вместо Дьяков — Секретари и проч. Та же бессмысленная для Россиян перемена в воинском чиновачалии: Генералы, Капитаны, Лейтенанты изгнали из нашей рати Воевод, Сотников, Пятидесятников и проч. Честию и достоинством Россиян сделалось подражание.

Семейственные нравы не укрылись от влияния Царской деятельности. Вельможи стали жить открытым домом; их супруги и дочери вышли из непроницаемых теремов своих; балы, ужины соединили один пол с другим в шумных залах; Россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и Европейская вольность заступила место Азиатского принуждения. Чем более мы успевали в людскости, в обходительности, тем более слабели связи родственные; имея множество приятелей, чувствуем менее нужды в друзьях и жертвуем свету союзом единокровия.

Не говорю и не думаю, чтобы древние Россияне под Великокняжеским или Царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, то есть иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что действительно порочно; однакож должно согласиться, что мы с приобретением добродетелей человеческих утратили гражданские. Имя Русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его присвоивая себе многие выгоды иноземных обы-

чаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный Россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а **Святая Русь** — первое Государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим Гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных Европейцев **неверными**, теперь называем **братьями**; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию — **неверным** или **братьям**? То есть кому бы она, по вероятности, должна была более противиться? При Царе Михаиле или Феодоре Вельможа Российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших Государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виною Петр.

Он велик без сомнения; но еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум Россиян без вреда для их гражданских добродетелей. К несчастью, сей Государь, худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узнал и полюбил Женевца Лефорта⁵⁴, который от бедности заехал в Москву и, весьма естественно, находя Русские обычаи для него странными, говорил ему об них с презрением, а все Европейское возвышал до небес. Вольные общества Немецкой Слободы, приятные для необузданной молодости, довершили Лефортово дело, и пылкий Монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландией.

Еще народные склонности, привычки, мысли имели столь великую силу, что Петр, любя в воображении некоторую свободу ума человеческого, долженствовал прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания своих, впрочем, столь верных подданных. Тайная Канцелярия день и ночь работала в Преображенском⁵⁵: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования Государственного. Многие гибли за одну честь Русских кафтанов и бороды, ибо не хотели оставить их и дерзали порицать Монарха. Сим бедным людям казалось, что он, вместе с древними привычками, отнимает у них самое Отечество.

В необыкновенных усилиях Петровых видим всю твердость его характера и власти Самодержавной. Ничто не казалось ему страшным. Церковь Российская искони имела главу сперва в Митрополите, наконец в Патриархе. Петр объявил себя Главою Церкви, уничтожив Патриаршество, как опасное для Самодержавия неограниченного. Но заметим, что наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти — ни Княжеской, ни Царской: служило ей полезным орудием в делах Государственных и совестью в ее случайных укло-

ниях от добродетели. Первосвятители имели у нас одно право: вешать истину Государям, не действовать, не мятежничать; право благословенное не только для народа, но и для Монарха, коего счастье состоит в справедливости. Со времен Петровых упало Духовенство в России. Первосвятители наши уже только были угодниками Царей и на кафедрах языком Библейским произносили им слова похвальные. Для похвал мы имеем стихотворцев и придворных; главная обязанность Духовенства есть учить народ добродетели, а чтобы сии наставления были тем действительнее, надобно уважать оное. Если Государь председательствует там, где заседают главные сановники Церкви; если он судит их или награждает мирскими почестями и выгодами, то Церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный; усердие к ней слабеет, а с ним и вера, а с ослаблением веры Государь лишается способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для Отечества и где Пастырь душ может обещать в награду один венец мученический. Власть духовная должна иметь особенный круг действия вне гражданской власти, но действовать в тесном союзе с нею. Говорю о законе, о праве. Умный Монарх в делах Государственной пользы всегда найдет способ согласить волю Митрополита или Патриарха с волею Верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданнической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти от гражданской предполагает мнение, что первая бесполезна или, по крайней мере, не есть необходима для Государственной твердости: пример древней России и нынешней Испании⁵⁶ доказывает совсем иное.

Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае Государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток. Еще не имея ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание наших Государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах. Иноземный путешественник, въезжая в Государство, ищет столицы обыкновенно среди мест плодотворнейших, благоприятнейших для жизни и здравия; в России он видит прекрасные равнины, обогащенные всеми дарами природы, осененные липовыми, дубовыми рощами, пресекаемые реками судноходными, коих берега живописны для зрения, и где, в климате умеренном, благорастворенный воздух способствует долголетию, видит и, с сожалением оставляя сии приятные страны за собою, въезжает в пески, в болота, в песчаные леса сосновые, где царствуют бедность,

уныние, болезни; там обитают Государи Российские, с величайшим усилием домогаясь, чтобы их Царедворцы и стража не умирали голодом и чтобы ежегодная убыль в жителях наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человек не одолеет натуры!

Но Великий муж самыми ошибками доказывает свое величие: их трудно или невозможно изгладить; как хорошее, так и худое делает он навеки. Сильною рукою дано новое движение России; мы уже не возвратимся к старине!.. Второй Петр Великий мог бы только в 20 или 30 лет утвердить новый порядок вещей гораздо основательнее, нежели все наследники Первого до самой Екатерины II. Несмотря на его чудесную деятельность, он многое оставил исполнить преемникам, но Меншиков⁵⁷ думал единственно о пользах своего личного властолюбия; так и Долгорукие⁵⁸. Меншиков замышлял открыть сыну своему путь к трону; Долгорукие и Голицыны⁵⁹ хотели видеть на Престоле слабую тень Монарха и господствовать именем Верховного Совета. Замыслы дерзкие и малодушные! Пигмеи спорили о наследии великана. Аристократия, Олигархия губили Отечество, и в то время, когда оно изменило нравы, утвержденные веками, потрясенные внутри новыми, важными переменами, которые, удалив в обычаях Дворянство от народа, ослабили власть духовную, могла ли Россия обойтись без Государя? Самодержавие сделалось необходимее прежнего для охранения порядка, и дочь Иоаннова, быв несколько дней в зависимости осьми Аристократов, восприяла от народа, Дворян и Духовенства власть неограниченную⁶⁰. Сия Государыня хотела правительствовать согласно с мыслями Петра Великого и спешила исправить многие упущения, сделанные с его времени. Преобразованная Россия казалась тогда величественным недостроенным зданием, уже ознаменованным некоторыми приметам близкого разрушения: часть судебная, воинская, внешняя политика находились в упадке. Остерман и Миних, одушевленные честолюбием заслужить имя великих мужей в их втором Отечестве, действовали неутомимо и с успехом блестящим; первый возвратил России ее знаменитость в Государственной системе Европейской⁶¹, цель усилий Петровых; Миних исправил, оживил воинские учреждения и давал нам победы⁶². К совершенной славе Аннина царствования недоставало третьего мудрого действующего для законодательства и внутреннего гражданского образования Россиян. Но злосчастная привязанность Анны к любимцу⁶³ бездушному, низкому омрачила и жизнь, и память ее в Истории. Воскресла Тайная Канцелярия Преображенская с пытками; в ее вертепах и на площадях градских лились реки крови. И кого терзали? Врагов ли Государыни? Никто из них и мысленно не хотел ей зла; самые Долгорукие виновны были только пред Отечеством, которое примирилось

с ними их несчастьем. Бирон, не достойный власти, думал утвердить ее в руках своих ужасами: самое легкое подозрение, двусмысленное слово, даже молчание казалось ему иногда достаточною виною для казни или ссылки. Он без сомнения имел неприятелей: добрые Россияне могли ли видеть равнодушно Курляндского Шляхтича почти на троне? Но сии Бироновы неприятели были истинными друзьями Престола и Анны. Они гибли; враги наушника Бирона гибли; а статный конь, ему подаренный, давал право ждать милостей Царских.

Вследствие двух заговоров злобный Бирон и добродушная Правительница утратили власть и свободу. Лекарь Француз и несколько пьяных Гренадеров возвели дочь Петрову на престол⁶⁴ величайшей Империи в мире с восклицаниями: **гибель Иноземцам! Честь Россиянам!** Первые времена сего Царствования ознаменовались нахальством славной Лейб-Компании, возложением голубой ленты на Малороссийского певчего и бедствием наших Государственных благодетелей, Остермана и Миниха, которые никогда не были так велики, как стоя под эшафотом и желая счастья России и Елисавете. Вина их состояла в усердии к Императрице Анне и во мнении, что Елисавета, праздная, сластолюбивая, не могла хорошо управлять Государством. Несмотря на то, Россияне хвалили ее Царствование: она изъясляла к ним более доверенности, нежели к Немцам; восстановила власть Сената, отменила смертную казнь, имела любовников добродушных, страсть к весельям и нежным стихам. Вопреки своему человеколюбию, Елисавета вмешалась в войну кровопролитную и для нас бесполезную⁶⁵. Первым Государственным человеком сего времени был Канцлер Бестужев⁶⁶, умный и деятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усыпленная негою, Монархия давала ему волю торговать политикою и силами Государства; наконец свергнула его и сделала новую ошибку, торжественно объявив народу, что сей Министр, душа почти всего ее Царствования, есть гнуснейший из смертных! Счастье, благоприятствуя мягкосердой Елисавете в ее правление, спасло Россию от тех чрезвычайных зол, коих не может отвратить никакая мудрость человеческая, но счастье не могло спасти Государства от алчного корыстолюбия П.И. Шувалова⁶⁷. Ужасные Монополии сего времени долго жили в памяти народа, утесняемого для выгоды частных людей и ко вреду самой Казны. Многие из заведений Петра Великого пришли в упадок от небрежения, и вообще Царствование Елисаветы не прославилось никакими блестящими деяниями ума Государственно-го. Несколько побед, одержанных более стойкостью воинов, нежели дарованием военачальников, Московский Университет и оды Ломоносова остаются красивейшими памятниками сего времени. Как при Анне, так и при Елисавете, Россия текла путем, предписанным ей рукою Петра, более и более удаляясь от своих древних нравов и сооб-

разуясь с Европейскими. Замечались успехи светского вкуса. Уже Двор наш блистал великолепием и, несколько лет говорив по-Немецки, начал употреблять язык Французский⁶⁸. В одежде, в экипажах, в услуге вельможи наши мерялись с Парижем, Лондоном, Веною. Но грозы Самодержавия еще пугали воображение людей: осматривались, прознося имя самой кроткой Елисаветы или Министра сильного; еще пытки и Тайная Канцелярия существовали.

Новый заговор — и несчастный Петр III⁶⁹ в могиле с своими жалкими пороками...⁷⁰ Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело сей незабвенной Монархини состоит в том, что **ею смягчилось Самодержавие, не утратив силы своей**. Она ласкала так называемых Философов XVIII века и пленялась характером древних Республиканцев, но хотела повелевать как земной Бог — и повелевала. Петр, насильствуя обычаи народные, имел нужду в средствах жестоких; Екатерина могла обойтись без оных, к удовольствию своего нежного сердца, ибо не требовала от Россиян ничего противного их совести и гражданским навыкам, стараясь единственно возвеличить данное ей Небом Отечество или славу свою победами, законодательством, просвещением. Ее душа гордая, благородная, боялась унизиться робким подозрением, и страхи Тайной Канцелярии исчезли⁷¹; с ними вместе исчез у нас и дух рабства, по крайней мере, в высших гражданских состояниях. Мы приучились судить, хвалить в делах Государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась с собою, но побеждала желание мести — добродетель превосходная в Монархе! Уверенная в своем величии, твердая, непреклонная в намерениях, объявленных ею, будучи единственною душою всех Государственных движений в России, не выпуская власти из собственных рук — без казни, без пыток, влияя в сердца Министров, Полководцев, всех Государственных чиновников живейший страх сделаться ей негодным и пламенное усердие заслуживать ее милость, Екатерина могла презирать легкомысленное злословие, а где искренность говорила правду, там Монархиня думала: «Я властна требовать молчания от Россиян современников, но что скажет потомство? И мысль, страхом заключенная в сердце, менее ли слова будет для меня оскорбительна?» Сей образ мыслей, доказанный делами 34-летнего владычества, отличает ее Царствование от всех прежних в новой Российской Истории; то есть Екатерина очистила Самодержавие от примесей тиранства. Следствием были спокойствие сердец, успехи приятностей светских, знаний, разума.

Возвысив нравственную цену человека в своей Державе, она пересмотрела все внутренние части нашего здания Государственного и не оставила ни единой без поправления: Уставы Сената, Губерний, Су-

дебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внешняя политика сего Царствования достойна особенной хвалы: Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в Государственной Европейской системе. Воинствуя, мы разили. Петр удивил Европу своими победами, — Екатерина приучила ее к нашим победам. Россияне уже думали, что ничто в мире не может одолеть их; заблуждение славное для сей великой Монархини! Она была женщина, но умела избирать вождей так же, как Министров или Правителей Государственных. Румянцев, Суворов стали на ряду с знаменитейшими Полководцами в мире; Князь Вяземский заслужил имя достойного Министра благоразумною Государственной экономией, хранением порядка и целостности. Упрекнем ли Екатерину излишним воинским славолубием? Ее победы утвердили внешнюю безопасность Государства. Пусть иноземцы осуждают раздел Польши — мы взяли свое. Правил Монархини было не мешаться в войны чуждые и бесполезные для России, но питать дух ратный в Империи, рожденной победами.

Слабый Петр III, желая угодить Дворянству, дал ему свободу служить или не служить. Умная Екатерина, не отменив сего закона, отвратила его вредные для Государства следствия: любовь к Святой Руси, охлажденную в нас переменами Великого Петра, Монархиня хотела заменить гражданским честолюбием; для того соединила с чинами новые прелести или выгоды, вымышляя знаки отличий⁷², и старалась поддерживать их цену достоинством людей, украшаемых оными. Крест Св. Георгия не рождал, однакож усиливал храбрость. Многие служили, чтобы не лишиться места и голоса в Дворянских Собраниях; многие, несмотря на успехи роскоши, любили чины и ленты гораздо более корысти. Сим утвердилась нужная зависимость дворянства от Трона.

Но согласимся, что блестящее царствование Екатерины представляет взору наблюдателя и некоторые пятна. Нравы более развратились в палатах и хижинах: там от примеров Двора любострастного, здесь от выгодного для казны умножения питейных домов. Пример Анны и Елисаветы извиняет ли Екатерину? Богатства Государственные принадлежат ли тому, кто имеет единственно лице красивое? Слабость тайная есть только слабость; явная — порок, ибо соблазняет других. Самое достоинство Государя терпит⁷³, когда он нарушает Устав благонравия; как люди ни развратны, но внутренне не могут уважать развратных. Требуется ли доказательств, что искреннее почтение к добродетелям Монарха утверждает власть его? Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходные качества души, невольно воспоминаем ее слабости и краснеем за человечество. Заметим еще, что правосудие не цвело в сие время; вельможа, чувствуя несправедливость свою в тяжбе с Дворянином, пере-

носил дело в Кабинет; там засыпало оно и не пробуждалось. В самых Государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянию вещей, но красивейшее по формам. Таково было новое учреждение Губерний⁷⁴, изящное на бумаге, но худо примененное к обстоятельствам России. Солон⁷⁵ говорил: «Мои законы несовершенные, но лучшие для Афинян». Екатерина хотела умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем, полезнейшем действии оных; дала нам суды, не образовав судей; дала правила без средств исполнения. Многие вредные следствия Петровой системы также яснее открылись при сей Государыне: чужеземцы овладели у нас воспитанием; Двор забыл язык Русский; от излишних успехов Европейской роскоши, дворянство одолжало; дела бесчестные, внушаемые корыстолюбием для удовлетворения прихотям, стали обыкновеннее; сыновья Бояр наших рассыпались по чужим землям тратить деньги и время для приобретения Французской или Английской наружности. У нас были Академии, высшие училища, народные школы, умные Министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и Великая Монархиня: не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни. Любимец Вельможи, рожденный бедным, не стыдился жить пышно. Вельможа не стыдился быть развратным. Торговали правдою и чинами. Екатерина — Великий Муж в главных Собраниях Государственных — являлась женщиною в подробностях Монаршей деятельности, дремала на розах, была обманываема, или себя обманывала; не видала, или не хотела видеть многих злоупотреблений, считая их, может быть, неизбежными и довольствуясь общим, успешным, славным течением ее Царствования.

По крайней мере, сравнивая все известные нам времена России, едва ли не всякой из нас скажет, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина Российского; едва ли не всякой из нас пожелал бы жить тогда, а не в иное время.

Следствия кончины ее заградили уста строгим судиям сей Великой Монархини, ибо особенно в последние годы ее жизни, действительно, слабейшие в правилах и исполнении, мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину, от привычки к добру уже не чувствуя всей цены оного и тем сильнее чувствуя противное; доброе казалось нам естественным, необходимым следствием порядка вещей, а не личной Екатерининной мудрости, худое же — ее собственною виною.

Павел⁷⁶ восшел на Престол в то благоприятное для Самодержавия время, когда ужасы Французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства; но что сделали Якобинцы в отношении к Республикам, то Павел сделал в отношении к Самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оного. По

жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных, претерпенных им неудовольствий⁷⁷, он хотел быть Иоанном IV; но Россияне уже имели Екатерину II, знали, что Государь не менее подданных должен исполнять свои святые обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и низвергает народ с степени гражданственности в хаос частного естественного права. Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность Отечества: к неизъяснимому изумлению Россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким Уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды — прелесть; унизил чины и ленты расточительностию в оных; легкомысленно истреблял долговременные плоды Государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери; умертвил в полках наших благородный дух воинский, воспитанный Екатериною, и заменил его духом капральства⁷⁸. Героев, приученных к победам, учил маршировать; отвратил Дворян от воинской службы; презирая душу, уважал шляпы и воротники⁷⁹; имея, как человек, природную склонность к благотворению, питался желчию зла; ежедневно вымышлял способы устрашать людей и сам всех более страшился; думал соорудить себе неприступный Дворец и соорудил гробницу⁸⁰! Заметим черту, любопытную для наблюдателя: в сие Царствование ужаса, по мнению иноземцев, Россияне боялись даже и мыслить: нет, говорили, и смело; умолкали единственно от скуки частого повторения, верили друг другу и не обманывались. Какой-то дух искреннего братства господствовал в столицах; общее бедствие сближало сердца, и великодушное остервенение против злоупотреблений власти заглушало голос личной осторожности. Вот действия Екатеринина человеколюбивого царствования: оно не могло быть истреблено в 4 года Павлова и доказывало, что мы были достойны иметь Правительство мудрое, законное, основанное на справедливости.

Россияне смотрели на сего Монарха как на грозный метеор, считая минуты и с нетерпением ожидая последней; она пришла, и весть о том в целом Государстве была вестью искупления; в домах, на улицах люди плакали от радости, обнимая друг друга, как в день светлого Воскресения. Кто был несчастливее Павла? Слезы горести лились только в недрах его Августейшего семейства; тужили еще некоторые, им облагодетельствованные, но какие люди! Их сожаление не менее всеобщей радости должноствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлучении с телом озаренная наконец светом истины, могла воззреть на землю и на Россию! К чести благоразумнейших Россиян не умолчим об их суждении. Сведав дело, они жалели, что зло вредного царствования пресечено способом вредным⁸¹. Заговоры суть бедствия, колеблют основу Государств и служат опасным примером

для будущности. Если некоторые Вельможи, Генералы, телохранители присвоят себе власть тайно губить Монархов или сменять их, что будет Самодержавие? Игралищем Олигархии, и должно скоро обратиться в безначалие, которое ужаснее самого злейшего властителя, подвергая опасности всех граждан, а тиран казнит только некоторых. Мудрость веков и благо народное утвердили сие правило для Монархий, что закон должен располагать тронем, а Бог, один Бог, жизнию Царей. Кто верит Провидению, да видит в злом Самодержже бич гнева Небесного! Снесем его, как бурю, землетрясение, язву, — феномены страшные, но редкие, ибо мы в течение 9 веков имели только двух тиранов⁸²; ибо тиранство предполагает необыкновенное ослепление ума в Государе, коего действительное счастье неразлучно с народным, с правосудием и с любовью к добру. Заговоры да устрашают народ для спокойствия Государей! Да устрашают и Государей для спокойствия народов. Две причины способствуют заговорам: общая ненависть или общее неуважение к Властителю. Бирон и Павел были жертвою ненависти, Правительница Анна и Петр III — жертвою неуважения. Миних, Лесток и другие не дерзнули бы на дело, противное совести, чести и всем уставам Государственным, если бы свержены ими властители пользовались уважением и любовью Россиян.

Не сомневаясь в добродетели Александра⁸³, судили единственно заговорщиков, подвигнутых местию и страхом личных опасностей; винили особенно тех, которые сами были орудием Павловых жестокостей и предметом его благодеяний. Сии люди уже большею частию скрылись от глаз наших в мраке могилы или неизвестности: едва ли кто-нибудь из них имел утешение Брута или Кассия⁸⁴ пред смертью или в уединении. Россияне одобрили юного Монарха, который не хотел быть окружен ими, и с величайшею надеждою устремили взор на внука Екатерины, давшего обет властвовать **по ее сердцу**.

Доселе говорил я о царствованиях минувших: буду говорить о настоящем, с моею совестью и с Государем, по лучшему своему разумению. Какое имею право? Любовь к Отечеству и Монарху, некоторые, может быть, данные мне Богом способности, некоторые знания, приобретенные мною в летописях мира и в беседах с мужами великими, то есть в их творениях. Чего хочу? С добрым намерением испытать великодушие Александра и сказать, что мне кажется справедливым и что некогда скажет История.

Два мнения тогда были господствующими в умах: одни хотели, чтоб Александр к вечной славе своей взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь бедственного при его родителе, другие, сомневаясь в надежном успехе такого предприятия, хотели единственно, чтобы он восстановил разрушенную систему Екатеринина Царствования, столь счастливую и мудрую в сравнении с систе-

мою Павла. В самом деле, можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной Царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: «Можно; надобно только поставить закон еще выше Государя». Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые Государем или Государством? В первом случае они угодники Царя, во втором — захотят спорить с ним о власти; вижу Аристократию, а не Монархию. Далее: что сделают Сенаторы, когда Монарх нарушит устав? Представят о том его Величеству? А если он десять раз посмеется над ними, объявят ли его преступником? Возмутят ли народ? Всякое доброе Русское сердце содрагается от сей ужасной мысли. Две власти Государственные в одной Державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга; а право без власти есть ничто. Самодержавие основало и воскресило Россию; с переменою Государственного Устава ее, она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия? Если бы Александр, вдохновенный великодушною ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных законов, кроме Божиих и совести, то истинный добродетельный гражданин Российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь! ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред Святым Олтарем вручила Самодержавие Твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание Твоей власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!..» Но вообразим, что Александр предписал бы Монаршей власти какой-нибудь Устав, основанный на правилах общей пользы, и скрепил бы оный святостию клятвы. Сия клятва без иных способов, которые все или невозможны, или опасны для России, будет ли уздою для премников Александровых? Нет, оставим мудрствования ученические и скажем, что наш Государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! Да приучит подданных ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих Государей в пределах законной власти. Чем? Страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после Государя мудрого — никогда! «Сладкое отвращает нас от горького», сказали послы Владимировы, изведав веры Европейские⁸⁵.

Все Россияне были согласны в добром мнении о качествах юного Монарха: он царствует 10 лет, и никто не переменит о том своих мыслей; скажу еще более, все согласны, что едва ли кто-нибудь из Государей превосходил Александра в любви, в ревности к общему благу; едва ли кто-нибудь столь мало ослеплялся блеском венца и столь умел быть человеком на троне, как он! Но здесь имею нужду в твердости духа, чтобы сказать истину. Россия наполнена недовольными: жалуются в Палатах и в хижинах; не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры. Удивительный Государственный феномен! Обыкновенно бывает, что преемник Монарха жестокого легко снискивает всеобщее одобрение, смягчая правила власти. Успокоенные кротостию Александра, безвинно не страшась ни Тайной Канцелярии, ни Сибири и свободно наслаждаясь всеми позволенными в гражданских обществах удовольствиями, каким образом изъясним сие горестное расположение умов? Несчастливыми обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками Правительства, ибо, к сожалению, можно с добрым намерением ошибаться в средствах добра. Увидим...

Начнем со внешней политики, которая имела столь важное действие на внутренность Государства. Ужасная французская революция была погребена, но оставила сына, сходного с нею в главных чертах лица⁸⁶. Так называемая республика обратилась в Монархию, движимую гением властолюбия и побед. Умная Англия, испытав невыгоду мира, старалась снова поднять всю Европу на Францию⁸⁷, и делала свое дело. Вена тосковала о Нидерландах и Ломбардии⁸⁸: война представляла ей великие опасности и великие надежды. Берлин хитрил, довольствуясь учтивостями: мир был для него законом благоразумия. Россия ничего не утратила и могла ничего не бояться, то есть находилась в самом счастливейшем положении. Австрия, все еще сильная, как величественная твердыня, стояла между ею и Франциею, а Пруссия служила нам уздою для Австрии. Основанием Российской политики долженствовало быть желание всеобщего мира, ибо война могла изменить состояние Европы; успехи Франции и Австрии могли иметь для нас равно опасные следствия, усилив ту или другую. Властолюбие Наполеона теснило Италию и Германию; первая, как отдаленнейшая, менее касалась до особенных польз России; вторая долженствовала сохранять свою независимость, чтоб удалить от нас влияние Франции. Император Александр более всех имел право на уважение Наполеона: слава Героя Итальянского еще гремела в Европе и не затмилась стыдом Германа и Корсакова⁸⁹. Англия, Австрия были в глазах Консула⁹⁰ естественными врагами Франции; Россия казалась только великодушною посредницею Европы и, неотступно ходатайствуя за Германию, могла напомнить ему Требию и Нови⁹¹, в случае, если бы он

не изъявил надлежащего внимания к нашим требованиям. Министр, знаменитый в хитростях дипломатической науки⁹², представлял Россию в Париже; избрание такого человека свидетельствовало, сколь Александр чувствовал важность сего места, и даже могло быть приятно для самолюбия Консулова. К общему изумлению, мы увидели, что Граф Марков пишет свое имя под новым разделом Германских южных областей⁹³ в угодность, в честь Франции и к ее сильнейшему влиянию на землю Немецкую; но еще с большим изумлением мы сведали, что сей Министр, в важном случае оказав излишнюю снисходительность к видам Наполеона, вручает грозные записки Талейрану⁹⁴ о каком-то Женевском бродяге⁹⁵, взятом под стражу во Франции; делает разные неудовольствия Консулу в безделицах и, принужденный выехать из Парижа, получает голубую ленту⁹⁶. Можно было угадать следствия; но отчего такая перемена в системе? Узнали опасное властолюбие Наполеона? А дотоле не знали его?.. Здесь приходит мне на мысль тогдашний разговор одного молодого любимца Государева и старого Министра⁹⁷. Первый, имея еще более самолюбия, нежели остроумия, и весьма не сильный в Государственной науке, решительно объявил при мне, что Россия должна воевать для занятия умов праздных и для сохранения ратного духа в наших армиях; второй с тонкою улыбкою давал чувствовать, что он способствовал Графу Маркову получить голубую ленту в досаду Консулу. Молодой любимец веселился мыслию схватить ее в поле с славным Бонапарте; а старый Министр торжествовал, представляя себе бессильную ярость Наполеона. Несчастные! Одним словом, история Маркова посольства, столь несогласно в правилах, была первою нашею политическою ошибкою.

Никогда не забуду своих горестных предчувствий, когда я, страдая в тяжкой болезни, услышал о походе нашего войска... Россия привела в движение все силы свои, чтоб помогать Англии и Вене, то есть служить им орудием в их злобе на Францию без всякой особенной для себя выгоды. Еще Наполеон в тогдашних обстоятельствах не вредил **прямо** нашей безопасности, огражденной Австриею, Пруссиею, числом и славою нашего воинства. Какие замыслы имели мы в случае успеха? Возвратить Австрии великия утраты ее? Освободить Голландию, Швейцарию? Признаем возможность, но только вследствие десяти решительных побед и совершенного изнурения Французских сил: что оказалось бы в новом порядке вещей? Величие, первенство Австрии, которая из благодарности указала бы России вторую степень, и то до времени, пока не смирила бы Пруссии, а там объявила бы нас Державою Азиатскою, как Бонапарте. Вот счастливая сторона — несчастная уже известна!.. Политика нашего Кабинета удивляла своею смелостию: одну руку подняв на Францию, другою грозили мы Пруссии, требуя от нея содействия! Не хотели терять времени в пред-

варительных сношениях, — хотели одним махом все решить. Спрашиваю, что сделала бы Россия, если бы Берлинское Министерство ответствовало Князю Долгорукову⁹⁸: «Молодой человек! Вы желаете свергнуть Деспота Бонапарте, а сами, еще не свергнув его, предписывали законы политики Держав независимых!.. Иди своим путем: мы готовы утвердить мечем свою независимость». Бенигсен⁹⁹, Граф Толстой¹⁰⁰ ударили бы тогда на Пруссию? Прекрасное начало; оно стоило бы конца! Но Князь Долгоруков летел с приятнейшим ответом¹⁰¹: правда, нас обманули, или мы сами обманули себя.

Все сделалось наилучшим образом для нашей истинной пользы. Мак в несколько дней лишился Армии¹⁰²; Кутузов¹⁰³ вместо Австрийских знамен увидел пред собою Наполеоновы, но с честью, славою, победою отступил к Ольмюцу. Два сильные воинства стояли готовые к бою. Осторожный, благоразумный Наполеон сказал своему: «Теперь Европа узнает, кому принадлежит имя храбрейших: вам, или Россиянам», — и предложил нам средства мира. Никогда политика Российская не бывала в счастливейших обстоятельствах, никогда не имела столь мало причин сомневаться в выборе. Наполеон завоевал Вену, но Карл¹⁰⁴ приближался, и 80 000 Россиян ждали повеления обнажить меч. Пруссия готовилась соединиться с нами. Одно слово могло прекратить войну славнейшим для нас образом: изгнанник Франц¹⁰⁵ по милости Александра возвратился бы в Вену, уступив Наполеону, может быть, только Венецию; независимая Германия оградилась бы Рейном; наш Монарх приобрел бы имя благодетеля, почти восстановителя Австрии и Спасителя Немецкой Империи. Победа должна была быть, по крайней мере, сомнительною: что мы выигрывали с нею? Едва ли не одну славу, которую имели бы и в мире. Что могло быть следствием неудачи? Стыд, бегство, голод, совершенное истребление нашего войска, падение Австрии, порабощение Германии и т.д. Судьбы Божие неисповедимы: мы захотели битвы! — Вот вторая политическая ошибка (молчу о воинских)!

Третья, и самая важная следствиями, есть мир Тильзитский¹⁰⁶, ибо она имела непосредственное влияние на внутреннее состояние Государства. Не говорю о жалкой истории полуминистра Убри¹⁰⁷, не порицаю ни заключенного им трактата (который был плодом Аустерлица), ни Министров, давших совет Государю отвергнуть сей лаконический договор. Не осуждаю и последней войны с Французами¹⁰⁸ — тут мы должны были вступить за безопасность собственных владений, к коим стремился Наполеон, волнуя Польшу. Знаю только, что мы в течение зимы должны были или прислать новых 100 тысяч к Бенигсену, или вступать в мирные переговоры, коих успех не был вероятен. Пултук и Прейсиш-Эйлау ободрили Россиян¹⁰⁹, изумив Французов... Мы дождались Фридланда¹¹⁰. Но здесь-то следовало по-

казать отважность, которая в некоторых случаях бывает глубокомысленным благоразумием: таков был сей. Надлежало забыть Европу, проигранную нами в Аустерлице и Фридланде, надлежало думать единственно о России, чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, то есть не принимать мира, кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англиею и воевать со Швециею, в противность святейшим Уставам человечества и народным. Без стыда могли бы мы отказаться от Европы, но без стыда не могли служить в ней орудием Наполеоновым, обещав избавить Европу от его насилий. Умолчим ли о втором необходимом для нашей безопасности условии, от коего мы должны были отступить, разве претерпев новое бедствие на правом берегу Немана, условии, чтобы не быть Польше ни под каким видом, ни под каким именем? Безопасность собственная есть вышний закон в политике: лучше было согласиться, чтоб Наполеон взял Шлезию, самый Берлин, нежели признать Варшавское Герцогство.

Таким образом, великие наши усилия, имев следствием Аустерлиц и мир Тильзитский, утвердили господство Франции над Европою и сделали нас чрез Варшаву соседями Наполеона. Сего мало: убыточная война Шведская и разрыв с Англиею произвели неумеренное умножение ассигнаций, дороговизну и всеобщие жалобы внутри Государства. Мы завоевали Финляндию: пусть Монитор славит сие приобретение! Знаем, чего оно нам стоило, кроме людей и денег¹¹¹. Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честью, справедливостию, вредим последнему. Мы взяли Финляндию, заслужив ненависть Шведов, укоризну всех народов, и я не знаю, что было горестнее для великодушия Александра — быть побежденным от Французов или принужденным следовать их хищной системе.

Пожертвовав союзу Наполеона нравственным достоинством великой Империи, можем ли надеяться на искренность его дружбы? Обманем ли Наполеона? Сила вещей неодолима. Он знает, что мы внутренне ненавидим его, ибо его боимся; он видел усердие наше в последней войне Австрийской, более нежели сомнительное. Сия двоякость была необходимым следствием того положения, в которое мы поставили себя Тильзитским миром, и не есть новая ошибка. Легко ли исполняется обещание услуживать врагу естественному и придавать ему силы! Думаю, что мы, взяв Финляндию, не посовестились бы завоевать Галицию, если бы предвидели верный успех Наполеонов. Но Карл мог еще победить; к тому же, и самым усердным исполнением обязанности союзников мы не заслужили бы искреннего доброджелательства Наполеонова: он дал бы нам поболее, но не дал бы средств утвердить нашу независимость. Скажем ли, что Александру

надлежало бы пристать к Австрийцам; Австрийцы не пристали к нам, когда Бонапарте в изнурении удалялся от Прейсиш-Эйлау и когда их сотысячная Армия могла бы доконать его. Политика не злопамятна, без сомнения, но 30 или 40 тысяч Россиян могли бы также не подоспеть к решительной битве, как Эрц-Герцог Иоанн к Ваграмской¹¹²; Ульм, Аустерлиц находились в свежей памяти. Что бы вышло? Еще хуже: Бонапарте, увидев нашу отважность, взял бы скорейшие, действительнейшие меры для обуздания оной. На сей раз лучше, что он считает нас только робкими, тайными врагами, только не допускает мириться с Турками, только из-под руки страшает Швециею и Польшею. Что будет далее, известно Богу, но людям известные сделанные нами политические ошибки; но люди говорят: для чего Граф Марков сердил Бонапарте в Париже? Для чего мы легкомысленно войною навели отдаленныя тучи на Россию? Для чего не заключили мира прежде Аустерлица? Глас народа — глас Божий. Никто не уверит Россиян, чтобы Советники Трона в делах внешней политики следовали правилам истинной, мудрой любви к Отечеству и к доброму Государю. Сии несчастные, видя беду, думали единственно о пользе своего личного самолюбия: всякий из них оправдывался, чтобы винить Монарха.

Посмотрим, как они действовали и действуют внутри Государства.

Вместо того чтобы немедленно обращаться к порядку вещей Екатеринына Царствования, утвержденному опытом 34 лет, и, так сказать, оправданному беспорядками Павлова времени; вместо того, чтобы отменить единственно излишнее, прибавить нужное, одним словом, **исправлять** по основательному рассмотрению, Советники Александровы захотели новостей в главных способах Монаршего действия, оставив без внимания правило мудрых, что всякая новость в Государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости: ибо одно время дает надлежащую твердость уставам; ибо более уважаем тот, что давно уважаем и все делаем лучше от привычки. Петр Великий заменил Боярскую Думу сенатом, Приказы Коллегиями и не без важного усилия сообщил оным стройную деятельность. Время открыло некоторые лучшие способы управления, и Екатерина II издала **учреждение Губерний**, приводя его в исполнение по частям с великою осторожностью. Коллегии дел Судных и казенных уступили место Палатам; другие остались, и если правосудие и Государственное хозяйство при Екатерине не удовлетворяли всем желаниям доброго гражданина, то никто не мыслил жаловаться на формы или на образование: жаловались только на людей. Фельдмаршал Миних замечал в нашем Государственном чине некоторую пустоту между Троном и Сенатом, но едва ли справедливо. Подобно древней Боярской Думе, Сенат в начале своем имел всю власть, каковую только вышнее Правительствующее место в Самодержавии иметь

может. Генерал-Прокурор служил связью между им и Государем; там вершились дела, которые надлежало бы вершить Монарху: по человечеству не имея способа обнять их множество, он дал Сенату свое верховное право и свое око в Генерал-Прокуроре, определив, в каких случаях действовать сему важному месту по известным законам и в каких требовать его Высочайшего соизволения. Сенат издавал законы, поверял дела Коллегий, решал их сомнения или спрашивал у Государя, который, принимая на него жалобы от людей частных, грозил строгою казнию ему в злоупотреблении власти или дерзкому челобитчику в несправедливой жалобе. Я не вижу пустоты, и новейшая История от времен Петра до Екатерины II свидетельствует, что учреждение Верховных Советов, Кабинетов, Конференций было несовместно с первоначальным характером Сената, ограничивая или стесняя круг его деятельности: одно мешало другому.

Сия система Правительства не уступала в благоустройстве никакой иной Европейской, заключая в себе, кроме общего со всеми, некоторые особенности, сообразные с местными обстоятельствами Империи. Павел, не любя дел своей Матери, восстановил разные уничтоженные ею Коллегии¹¹³, сделал перемены и в учреждении Губерний, но благоразумные, отменив малонужные Верхние Земские Суды с Расправами, отняв право исполнения у решений Палатских и проч. Движимый любовью к общему благу, Александр хотел лучшего, советовался и учредил Министерства¹¹⁴, согласно с мыслями Фельдмаршала Миниха и с системою Правительств иностранных. Прежде всего, заметим излишнюю поспешность в сем учреждении: Министерства уставлены и приведены в действие, а не было еще наказа Министрам, то есть верного, ясного руководства в исполнении важных их обязанностей! Теперь спросим о пользе. Министерские бюро заняли место Коллегий. Где трудились знаменитые чиновники, Президент и несколько Заседателей, имея долговременный навык и строгую ответственность Правительствующего места, там увидели мы маловажных чиновников, Директоров, Экспедиторов, Столоначальников, которые под щитом Министра действуют без всякого опасения. Скажут, что Министр все делает и за все отвечает; но одно честолюбие бывает неограниченно. Силы и способности смертного заключены в пределах весьма тесных. Например, Министр Внутренних Дел, захватив почти всю Россию, мог ли основательно вникать в смысл бесчисленных входящих к нему и выходящих от него бумаг? Мог ли даже разумеать предметы столь различные? Начали являться одни за другими Комитеты: они служили сатирою на учреждение Министерств, доказывая их недостаток для благоуспешного Правления. Наконец, заметили излишнюю многосложность Внутреннего Министерства. Что же сделали? Прибавили новое, столь же много-

сложное¹¹⁵ и непонятное для Русских в его составе. Как! Опекун принадлежит Министру Полиции? Ему же и Медицина? И проч., или сие Министерство есть только часть внутреннего, или названо не своим именем. И благоприятствует ли славе мудрого Правительства сие второе преобразование? Учредили и после говорят: «Извините, мы ошиблись: сие относится не к тому, а к другому Министерству». Надлежало бы обдумать прежде; иначе, что будет порукою и за твердость иного Устава? Далее: основав бытие свое на развалинах Коллегий, ибо самая Военная и Адмиралтейская утратили важность свою в сем порядке вещей, Министры стали между Государем и народом, заслуживая Сенат, отнимая его силу и величие, хотя подведомые ему отчетами, но сказав: «Я имел счастье докладывать Государю!» — заграждали уста Сенаторам, и сия мнимая ответственность была доселе пустым обрядом. Указы, законы, предлагаемые Министрами, одобряемые Государем, сообщались Сенату только для обнародования. Выходило, что Россиею управляли Министры, то есть каждый из них по своей части мог творить и разрушать. Спрашиваем: кто более заслуживает доверенность, один ли Министр, или собрание знатнейших Государственных Сановников, которое мы обыкли считать Высшим Правительством, главным орудием Монаршей власти? Правда, Министры составляли между собою Комитет; ему надлежало одобрить всякое новое установление прежде, нежели оно утверждалось Монархом; но сей Комитет не походит ли на Совет 6 или 7 разноземцев, из коих всякой говорит особенным языком, не понимая других? Министр Морских сил обязан ли разуместь тонкости судебной науки или правила Государственного хозяйства, торговли и проч.?.. Еще важнее то, что каждый из них, имея нужду в сговорчивости товарищей для своих особенных выгод, сам делается сговорчив.

«Просим терпения, — отвечают Советники Монарха: мы избретаем еще новый способ ограничить власть Министров». Выходит Учреждение Совета¹¹⁶.

И Екатерина II имела Совет, следуя правилу: «Ум хорошо, а два лучше». Кто из смертных не советуется с другими в важных случаях? Государь более всех имеют в том нужды. Екатерина в делах войны и мира, где ей надлежало произнести решительное **да** или **нет**, слушала мнение некоторых избранных Вельмож; вот — Совет ее, по существу своему **Тайный**, то есть особенный, лично Императорский. Она не сделала его Государственным, торжественным, ибо не хотела уничтожить Петрова Сената, коего бытие, как мы сказали, несовместно с другим Высшим Правительствующим местом. Какая польза унижать Сенат, чтоб возвысить другое Правительство? Если члены первого недостойны Монаршей доверенности, надобно только переменить их: или Сенат не будет Правительствующим, или Совет не может **тор-**

жественно и под своим именем рассматривать за ним дел и, мимо Сената, издавать с Государем Законы. Мы читаем ныне в Указах Монарших: «Вняв мнению Совета». Итак, Сенат в стороне? Что же он? Останется ли только судилищем? Увидим, ибо нам велят ждать новых дополнительных Уставов Государственных, преобразования Сенатского, Губерний и проч. «В Монархии», пишет Монтескье¹¹⁷: «Должно быть хранилище законов»¹¹⁸ — «le conseil du Prince n'est pas un dépôt convenable. Il est par sa nature le dépôt de la volonté momentanée du Prince qui exécute, et non pas le dépôt des lois fondamentales. De plus, le conseil du Monarque change sans cesse; il n'est pas point permanent: il ne sauroit être nombreux, il n'a point un assez haut degré la confiance du peuple; il n'est donc pas en état de l'éclairer dans les temps difficiles, ni de le ramener à l'obéissance». Что ни будет, но сказанное нами не изменится в главном смысле: Совет будет Сенатом или его половиною, отделением. Сие значит играть именами и формами, придавать им важность, которую имеют только вещи. Поздравляю изобретателя сей новой формы, или предисловия законов — «вняв мнению Совета!», Государь Российский внемлет только мудрости, где находит ее: в собственном ли уме, в книгах ли, в голове ли лучших своих подданных; но в самодержавии не надобно никакого одобрения для законов, кроме подписи Государя, он имеет всю власть. Совет, Сенат, Комитеты, Министры суть только способы ее действий, или поверенные Государя; их не спрашивают, где он сам действует. Выражение Le conseil d'état entendu¹¹⁹ не имеет смысла для Гражданина Российского; пусть Французы, справедливо или несправедливо, употребляют оное! Правда, и у нас писали: «Государь указал, Бояре приговорили», но сия законная пословица была на Руси несколько лет панихидою на усопшую Аристократию Боярскую. Воскресим ли форму, когда и вещь, и форма давно истребились?

Совет, говорят, будет уздою для Министров. Император отдает ему рассматривать важнейшие их представления; но между тем они все будут править Государством именем Государя. Совет не вступает в обыкновенное течение дел, вопрошаемый единственно в случаях чрезвычайных, или в новых постановлениях, а сей обыкновенный порядок Государственной деятельности составляет благо или зло нашего времени.

Спасительными уставами бывают единственно те, коих давно желают лучшие умы в Государстве, и которые, так сказать, предчувствуются народом, будучи ближайшим целебным средством на известное зло: учреждение Министерств и Совета имело для всех действие внезапности. По крайней мере, Авторы должны были изъяснить пользу своих новых образований: читаю и вижу одни сухие формы. Мне чертят линии для глаз, оставляя мой ум в покое; говорят Россиянам:

«Было так; отныне будет иначе». Для чего? — не сказывают. Петр Великий в важных переменах Государственных давал отчет народу: взгляните на Регламент духовный¹²⁰, где Император открывает вам всю душу свою, все побуждения, причины и цель сего Устава. Вообще новые законодатели России славятся наукою письмоводства более, нежели наукою Государственною. Издают проэкт Наказа Министерского¹²¹, что важнее и любопытнее? Тут, без сомнения, определена сфера деятельности, цель, способы, должности каждого Министра? Нет! Брошено несколько слов о главном деле, а все другое относится к мелочам Канцелярским: сказывают, как переписываться Министерским Департаментам между собою, как входят и выходят бумаги, как Государь начинает и кончит свои рескрипты! Монтескье означает признаки возвышения или падения Империи¹²². Автор сего проэкта с такою же важностию дает правила судить о цветущем и худом состоянии Канцелярии. Искренно хвалю его знания в сей части, но осуждаю постановление: «Если Государь издает Указ, несогласный с мыслями Министра, то Министр не скрепляет оного своею подписью». Следственно, в Государстве Самодержавном Министр имеет законное право объявить публике, что выходящий Указ, по его мнению, вреден? Министр есть рука Венценосца, — не более! Рука не судит головы. Министр подписывает Именные Указы не для публики, а для Императора, во уверение, что они написаны, слово в слово так, как Государь приказал. Подобные ошибки в коренных Государственных понятиях едва ли извинительны. Чтобы определить важную ответственность Министра, Автор пишет: «Министр судится в двух случаях: когда преступит меру власти своей или когда не воспользуется данными ему способами для отвращения зла». Где же означена сия мера власти и сии способы? Прежде надобно дать закон, а после говорить о наказании преступника. Сия громогласная ответственность Министров в самом деле может ли быть предметом торжественного суда в России? Кто их избирает? — Государь. Пусть он награждает достойных своею милостию, а в противном случае удаляет недостойных без шума, тихо и скромно. Худой Министр есть ошибка Государева: должно исправлять подобные ошибки, но скрытно, чтобы народ имел доверенность к личным выборам Царским.

Рассматривая таким образом сии новые Государственные творения и видя их незрелость, добрые Россияне жалеют о бывшем порядке вещей. С Сенатом, с Коллегиями, с Генерал-Прокурором у нас шли дела, и прошло блестящее Царствование Екатерины II. Все мудрые законодатели, принуждаемые изменять уставы политические, старались, как можно менее, отходить от старых. «Если число и власть сановников необходимо должны быть переменены, — говорит умный Макиавель¹²³, — то удержите хотя имя их для народа». Мы поступаем

совсем иначе: оставляем вещь, гоним имена, для произведения того же действия вымышляем другие способы! Зло, к которому мы призываем, для нас чувствительно менее нового, а новому добру как-то не верится. Перемены сделанные не ручаются за пользу будущих: ожидают их более со страхом, нежели с надеждою, ибо к древним Государственным зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет, и не в образе дикой Орды, но в виде Государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из темных лесов Американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой. Если История справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным Державам, то оно в наше время не будет ли еще страшнее? Где, в какой земле Европейской блаженствует народ, цветет правосудие, сияет благоустройство, сердца довольны, умы спокойны? Во Франции? Правда, там есть Conseil d'état, Secrétaire d'état, Sénat Conservateur, Ministres de l'Interieur, de la Justice, des Finances, de l'Instruction publique, de la Police, des Cultes¹²⁴; правда, что Екатерина II не имела ни сих правительств, ни сих чиновников. Но где видим гражданское общество, согласное с истинною целию оного, — в России ли при Екатерине II, или во Франции при Наполеоне? Где более произвола и прихотей самовластия? Где более законного, единообразного течения в делах Правительства? Мы читаем в прекрасной душе Александра сильное желание утвердить в России действие закона... Оставив прежние формы, но двигая, так сказать, оные постоянным духом ревности к общему добру, он скорее мог бы достигнуть сей цели и затруднил бы для наследников отступление от законного порядка. Гораздо легче отменить новое, нежели старое; гораздо легче придать важности Сенату, нежели дать важность нынешнему Совету в глазах будущего преемника Александра; новости ведут к новостям и благоприятствуют необузданностям произвола.

Скажем ли, повторим ли, что одна из главных причин неудовольствия Россиян на нынешнее Правительство есть излишняя любовь его к Государственным преобразованиям, которые потрясают основу Империи, и коих благотворность остается доселе сомнительною.

Теперь пройдем в мыслях некоторые временные и частные постановления Александра Царствования; посмотрим, какие меры брались в обстоятельствах важных и что было их следствием.

Наполеон, одним махом разрушив дотоле знаменитую Державу Прусскую, стремился к нашим границам. Никто из добрых Россиян не был покоен; все чувствовали необходимость усилий чрезвычайных и ждали, что сделает Правительство. Выходит Манифест о милиции...¹²⁵ Верю, что Советники Государевы имели доброе намерение, но худо знали состояние России. Вооружить 600 000 человек, не имея

оружия в запасе! Прокормить их без средства везти хлеб за ними или изготовить его в тех местах, куда им идти надлежало! Где взять столько Дворян для предводительства? Во многих Губерниях недоставало и половины чиновников. Изумили Дворян, испугали земледельцев; подвозы, работы остановились; с горя началось пьянство между крестьянами; ожидали и дальнейших неистовств. Бог защитил нас. Нет сомнения, что благородные сыны Отечества готовы были тогда на великодушные жертвы, но скоро общее усердие простыло: увидели, что Правительство хотело невозможного; доверенность к нему ослабела, и люди, в первый раз читавшие Манифест с слезами, чрез несколько дней начали смеяться над жалкою милициею! Наконец, уменьшили число ратников; имели 7 месяцев времени и не дали Армии никакой сильной подмоги! За то — мир Тильзитский... Если бы Правительство, вместо необыкновенной для нас милиции, потребовало от Государства 150 тыс. рекрутов с хлебом, с подводами, с деньгами, то сие бы не произвело ни малейшего волнения в России и могло бы усилить нашу Армию прежде Фридрихской битвы. Надлежало бы только не дремать в исполнении. В случае Государственных чрезвычайных опасностей и жертв, главное правило есть действовать стремительно, не давать людям образумиться, не отступать в мерах, не раздумывать. Я читал переписку Русских Воевод при Лжедмитрии, когда мы не имели ни Царя, ни Совета Боярского, ни столицы: сии Воеводы худо знали грамоте, но знали Россию и спасли ее самыми простейшими средствами, требуя друг от друга, что каждый из них мог сделать лучшего по местным обстоятельствам своего Начальства. Сию статью заключу особенным примечанием. Во время милиции все жаловались на недостаток оружия и винили беспечность Начальства: не знаю, воспользовались ли мы опытом для нашей будущей безопасности? Арсеналы наполняются ли пушками и ружьями на всякой случай? Слышу только, что славный Тульский завод приходит в упадок, что новые паровые машины действуют не весьма удачно и что новые образцовые ружья причиною разорения мастеров; так ли?

Все намерения Александровы клонятся к общему благу. Гнушаясь бессмысленным правилом держать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее, он употребил миллионы для основания Университетов, Гимназий, школ: к сожалению, видим более убытка для казны, нежели выгод для Отечества. Выписали Профессоров, не приготовив учеников; между первыми много достойных людей, но мало полезных; ученики не разумеют иноземных учителей, ибо худо знают язык Латинский, и число их так невелико, что Профессоры теряют охоту ходить в классы. Вся беда от того, что мы образовали свои Университеты по Немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. В Лейпциге, в Геттингене надобно Профессору только стать на кафед-

ру, зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук. Дворяне служат, а купцы желают знать существенно Арифметику или языки иностранные для выгоды своей торговли. В Германии сколько молодых людей учатся в Университетах для того, чтобы сделаться Адвокатами, Судьями, Пасторами, Профессорами! Наши Стряпчие и Судьи не имеют нужды в знании Римских прав; наши Священники образуются кое-как в Семинариях и далее не идут, а выгоды ученого состояния в России так еще новы, что отцы не вдруг еще решались готовить детей своих для оногo. Вместо 60 Профессоров, приехавших из Германии в Москву и другие города, я вызвал бы не более 20 и не пожалел бы денег для умножения числа казенных питомцев в Гимназиях; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость Государя, и призренная бедность чрез 10, 15 лет произвела бы в России ученое состояние. Смею сказать, что нет иного действительнейшего средства для успеха в сем намерении. Строить, покупать дома для Университетов, заводить Библиотеки, Кабинеты, ученые Общества, призывать знаменитых иноземных Астрономов, Филологов — есть пускать в глаза пыль. Чего не преподают ныне даже в Харькове и Казани? А в Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка Русского; а в целом Государстве едва ли найдешь человек 100, которые совершенно знают правописание, а мы не имеем хорошей Грамматики; а в Именных Указах употребляются слова не в их смысле; пишут в важном Банковом учреждении: «Отдать деньги бессрочно» вместо «a perpétuité» — «без возврата»; пишут в Манифесте о торговых пошлинах: «Сократить ввоз товаров» и проч., и проч. Заметим также некоторые странности в сем новом образовании ученой части. Лучшие Профессоры, коих время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свеч и дров для Университета! В сей круг хозяйственных забот входит еще содержание ста или более училищ, подведомых Университетскому Совету. Сверх того Профессоры обязаны ежегодно ездить по Губерниям для обозрения школ. Сколько денег и трудов потерянных! Прежде хозяйство Университета зависело от его особой Канцелярии, и гораздо лучше. Пусть Директор училищ года в два один раз осмотрел бы уездные школы в своей Губернии; но смешно и жалко видеть сих бедных Профессоров, которые всякую осень трясутся в кибитках по дорогам! Они, не выходя из Совета, могут знать состояние всякой Гимназии, или школы по ее ведомостям: где много учеников, там училище цветет; где их мало, там оно худо; а причина едва ли не всегда одна — худые учителя. Для чего не определяют хороших? Их нет или мало. Что виною? Сонливость здешнего Педагогического Института (говорю только о Московском, мне известном). Путешествия Профессоров не исправят сего недостатка. Вообще Министерство так называемого Просвещения в России до-

ныне дремало, не чувствуя своей важности и как бы не ведая, что ему делать, а пробуждалось, от времени до времени, единственно для того, чтобы требовать денег, чинов и крестов от Государя.

Сделав многое для успеха наук в России и с неудовольствием видя слабую ревность Дворян в снискании ученых сведений в Университетах, Правительство желало принудить нас к тому и выдало несчастный Указ об экзаменах¹²⁶. Отныне никто не должен быть производим ни в Статские Советники, ни в Ассесоры, без свидетельства о своей учености. Доселе в самых просвещенных Государствах требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки Инженерной от Инженера, Законоведения от Судьи и проч. У нас Председатель Гражданской Палаты обязан знать Гомера и Феокрита, Секретарь Сенатский свойство кислорода и всех газов¹²⁷, ВицеГубернатор Пифагорову фигуру, Надзиратель в доме сумасшедших Римское право, или умрут Коллежскими и Титулярными Советниками. Ни 40-летняя деятельность Государственная, ни важные заслуги, не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласного с их целью! Забавно, что сочинитель сего Указа, предписывающего всем знать Риторику, сам делает в нем ошибки грамматические. Не будем говорить о смешном, заметим только вредное. Доныне Дворяне и не Дворяне в Гражданской службе искали у нас чинов или денег: первое побуждение невинно, второе опасно, ибо умеренность жалованья производит в корыстолюбивых охоту мздоимства. Теперь, не зная ни Физики, ни Статистики, ни других наук, для чего будут служить Титулярные и Коллежские Советники? Лучшие, то есть честолюбивые, возьмут отставку; худшие, то есть корыстолюбивые, останутся драть кожу с живого и мертвого. Уже видим и примеры. Вместо сего нового постановления надлежало бы только исполнить сказанное в Уставе Университетском, что впредь молодые люди, вступая в службу, обязаны предъявлять свидетельство о своих знаниях. От начинающих можно всего требовать; но кто уже давно служит, с тем нельзя по справедливости делать новых условий для службы; он поседел в трудах, в правилах чести и в надежде иметь некогда чин Статского Советника, ему обещанного законом; а вы нарушаете сей контракт Государственный. И вместо всеобщих знаний должно от каждого человека требовать единственно нужных для той службы, коей он желает посвятить себя: Юнкеров Иностранной Коллегии испытывайте в Статистике, Истории, Географии, Дипломатике, языках; других только в знаниях Отечественного языка и Права Русского, а не Римского, для нас бесполезного; третьих в Геометрии, буде они желают быть землемерами и т.д. Хотеть лишнего или не хотеть должно равно предосудительно.

Указ об экзаменах был осыпан везде язвительными насмешками; тот, о коем теперь хочу говорить, многих оскорбил и никого не порадовал, хотя самое святейшее человеколюбие внушило его мысль Государю. Слыхали мы о Дворянах-извергах, которые торговали людьми бесчеловечно: купив деревню, выбирали крестьян, годных в солдаты, и продавали их врознь. Положим, что такие звери были в наше время, надлежало бы грозным Указом запретить сей промысел и сказать, что имение Дворян, столь недостойных, будет отдаваемо в Опеку. Губернаторы могли бы наблюдать за исполнением. Вместо сего, запрещают продажу и куплю рекрут. Дотоле лучшие земледельцы охотно трудились 10, 20 лет, чтобы скопить 700 или 800 рублей на покупке рекрута и тем сохранить целостность семьи своей; ныне отнято у них сильнейшее побуждение благодетельного трудолюбия, промышленности, жизни трезвой. На что богатство родителю, когда оно не спасет любезного его сына? Правда, винные откупщики радуются, но отцы семейств плачут. Для Государства необходимы рекруты, лучше брать их из людей злосчастных, нежели счастливых, ибо судьба последних несравненно горестнее в солдатстве. Спрашиваю: крестьяне тирана-помещика, который из жадности к золоту мог бы продать их в рекруты, наслаждаются ли благоденствием от того, что сия продажа запрещена? Может быть, они сделались бы менее злополучны в полках! С другой стороны, небогатые владельцы лишились средства сбывать худых крестьян или дворовых людей с пользою для себя и для общества: ленивый, невоздержный исправился бы в строгой школе воинской, а работающий, трезвый, остался бы за сохою. Пример также имел бы спасительное действие: иной унялся бы от пьянства, зная, что Господин может продать его в рекруты. Чем теперь владелец мелкопоместный, коему нет очереди рекрутской, устрасит крестьян распутных? Палкою? Изнурительным трудом? Не полезнее ли им страшить палки в роте? Скажут, что ныне у нас лучше солдаты, но справедливо ли? Я спрашивал у Генералов; они сего не заметили. По крайней мере верно то, что крестьяне стали хуже в селениях. Отец трех, иногда двух сыновей заблаговременно готовит одного из них в рекруты и не женит его; сын знает свою долю и пьянствует, ибо добрым поведением не спасется от солдатства. Законодатель должен смотреть на вещи с разных сторон, а не с одной; иначе, пресекая зло, может сделать еще более зла.

Так, нынешнее Правительство имело, как уверяют, намерение дать господским людям свободу. Должно знать происхождение сего рабства. В девятом, десятом, первом-на-десять веке были у нас рабами одни холопы, то есть или военнопленные и купленные чужеземцы, или преступники, законом лишенные гражданства, или потомки их; но богатые люди, имея множество холопей, населяли ими свои

земли: вот первые, в нынешнем смысле, крепостные деревни. Сверх того, владелец принимал к себе вольных хлебопашцев в кабалу на условиях, более или менее стеснявших их естественную и гражданскую свободу; некоторые, получая от него землю, обязывались и за себя, и за детей своих служить ему вечно: вторая причина сельского рабства! Другие же крестьяне, и большая часть, нанимали землю у владельцев только за деньги, или за определенное количество хлеба, имея право по истечении урочного времени идти в другое место. Сии свободные переходы имели свое неудобство: вельможи и богатые люди сманивали к себе вольных крестьян от владельцев малосильных, которые, оставаясь с пустою землею, лишались способа платить Государственные повинности. Царь Борис отнял первый у всех крестьян волю переходить с места на место, то есть укрепил их за господами: вот начало общего рабства. Сей устав изменялся, ограничивался, имел исключения и долгое время служил поводом к тяжбам, наконец, утвердился во всей силе, и древнее различие между крестьянами и холопами совершенно исчезло. Следует: 1) что нынешние господские крестьяне не были никогда владельцами, то есть не имели собственной земли, которая есть законная, неотъемлемая собственность Дворян; 2) что крестьяне холопского происхождения также законная собственность Дворянская и не могут быть освобождены лично без особенного некоторого удовлетворения помещикам; 3) что одни вольные, Годуновым укрепленные за господами земледельцы могут по справедливости требовать прежней свободы; но как 4) мы не знаем ныне, которые из них происходят от холопей и которые от вольных людей, то Законодателю предстоит немалая трудность в распутывании сего узла Гордиева¹²⁸, если он не имеет смелости рассечь его, объявив, что все люди равно свободны: потомки военнопленных, купленных, законных невольников, и потомки крепостных земледельцев; что первые освобождаются правом естественным, так же как вторые правом Монарха Самодержавного отменять Уставы своих предшественников. Не вступая в дальнейший спор, скажем только, что в Государственном общежитии право естественное уступает Гражданскому и что благоразумный Самодержец отменяет единственно те Уставы, которые делаются вредными или недостаточными и могут быть заменены лучшими.

Что значит освободить у нас крестьян? Дать им волю жить где угодно, отнять у господ всю власть над ними, подчинить их одной власти Правительства. Хорошо. Но сии земледельцы не будут иметь земли, которая, в чем не может быть и спора, есть собственность Дворянская. Они или останутся у помещиков с условием платить им оброк, обрабатывать господские поля, доставлять хлеб куда надобно, одним словом, для них работать, как и прежде; или, недовольные

условиями, пойдут к другому, умереннейшему в требованиях владельцу. В первом случае, надеясь на естественную любовь человека к родине, господа не предпишут ли им самых тягостных условий? Дотоле щадили они в крестьянах свою собственность: тогда корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических. Напишут контракт, и земледельцы не исполнят его — тяжбы, вечные тяжбы! Во втором случае, буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей, не потерпит ли и земледелие? Не останутся ли многие поля не обработанными, многия житницы пустыми? Не вольные земледельцы, а Дворяне наиболее снабжают у нас рынки хлебом. Иное зло: уже не завися от суда помещиков, решительного, безденежного, крестьяне начнут ссориться между собою и судиться в городе — какое разорение! Освобожденные от надзора господ, имевших собственную земскую исправу, или Полицию, гораздо деятельнейшую всех Земских Судов, станут пьянствовать, злодействовать: какая богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников, но как худо для нравов и Государственной безопасности! Одним словом, теперь Дворяне, рассеянные по всему Государству, содействуют Монарху в хранении тишины и благоустройства: отняв у них сию власть блюстительную, он, как Атлант, возьмет себе Россию на рамена...¹²⁹ Удержит ли? Падение страшно. Первая обязанность Государя есть блюсти внутреннюю целостность Государства; благотворить состояниям и лицам есть уже вторая. Он желает сделать земледельцев счастливее свободою, но ежели сия свобода вредна для Государства? И будут ли земледельцы счастливее, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву их собственным порокам, откупщикам и судьям бессовестным? Нет сомнения, что крестьяне благоразумного помещика, который довольствуется умеренным оброком или десятиною пашни на тягло, счастливее казенных, имея в нем бдительного Попечителя и заступника. Не лучше ли под рукою взять меры для обуздания господ жестоких? Они известны Начальникам Губернии. Ежели последние верно исполняют свою должность, то первых скоро не увидим; а ежели не будет в России умных и честных Губернаторов, то не будет благоденствия и для поселян вольных. Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возратить оную. Тогда они имели нарек людей вольных, ныне имеют нарек рабов. Мне кажется, что для твердости бытия Государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным: а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением? В заключении скажем доброму Монарху: «Государь! Исто-

рия не упрекнет тебя злом, которое прежде тебя существовало (положим, что неволя крестьян и есть решительное зло), — но ты будешь ответствовать Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных уставов».

Не осуждаю Александрова закона, дающего право селениям откупаться от господ с их согласия, но многие ли столь богаты? Многие ли захотят отдать последнее за вольность? Крестьяне человеколюбивых владельцев довольны своею участью: крестьяне худых — бедны; то и другое мешает успеху сего Закона.

К важнейшим действиям нынешнего Царствования относятся меры, взятые для уравнивания доходов с расходами, для приведения в лучшее состояние торговли и вообще Государственного хозяйства. Две несчастные войны: Французские, Турецкая и в особенности Шведская — заставили казну умножить количество ассигнаций. Случилось необходимое: цены на вещи возвысились, и курс упал; а разрыв с Англиею довершил сие бедствие. Грузные товары наши могут быть единственно отпускаемы морем; число иностранных кораблей в Российских гаванях уменьшилось, а произведения фабрик Европейских, легкие, драгоценные, входили к нам и морем, и сухим путем. Исчезло всякое равновесие между ввозом и вывозом. Таково было состояние вещей, когда показался Манифест о налогах¹³⁰; вместо того чтобы сказать просто: «Необходимое умножение казенных расходов требует умножения доходов, а новых ассигнаций не хотим выпускать», Правительство торжественно объявило нам, что ассигнации не деньги, но составляют необъятную сумму долгов Государственных, требующих платежа металлом, коего нет в казне!.. Следствием было новое возвышение цен на все вещи и падение курса: первое от новых налогов, второе от уменьшения доверенности иноземцев к нашим ассигнациям, торжественно оглашенным сомнительными векселями¹³¹. Скажем о том и другом несколько слов.

Умножать Государственные доходы новыми налогами есть способ весьма ненадежный и только временный. Земледелец, заводчик, фабрикант, обложенные новыми податями, всегда возвышают цены на свои произведения, необходимые для казны, и чрез несколько месяцев открываются в ней новые недостатки. Например, за что Коммисариат платил в начале года 10 тысяч руб., за то, вследствие прибавленных налогов, подрядчики требуют 15 тысяч руб.! Опять надобно умножать налоги, и так до бесконечности. Государственное хозяйство не есть частное: я могу сделаться богаче от прибавки оброка на крестьян моих, а Правительство не может, ибо налоги его суть общие и всегда производят дороговизну. Казна богатеет только двумя способами: размножением вещей или уменьшением расходов, промышленностью или бережливостью. Если год от года будет у нас более

хлеба, сукон, кож, холста, то содержание Армий должно стоить менее, а тщательная экономия богаче золотых рудников. Миллион, сохраненный в казне за расходами, обращается в два; миллион, налогом приобретенный, уменьшается ныне в половину, завтра будет нулем. Искренно хваля Правительство за желание способствовать в России успехам земледелия и скотоводства, похвалим ли за бережливость? Где она? В уменьшении Дворцовых расходов? Но бережливость Государя не есть Государственная: Александра называют даже скупым; но сколько изобретено новых мест, сколько чиновников ненужных! Здесь три Генерала стерегут туфли Петра Великого; там один человек берет из 5 мест жалованье; всякому столовые деньги; множество пенсий излишних; дают займы без отдачи и кому? Богатейшим людям! Обманывают Государя проектами, заведениями на бумаге, чтобы грабить казну; непрестанно на Государственное иждивение ездят Инспекторы, Сенаторы, чиновники, не делая ни малейшей пользы своими объездами; все требуют от Императора домов и покупают оные двойною ценою из сумм Государственных, будто бы для общей, а в самом деле для частной выгоды, и проч., и проч. Одним словом, от начала России не бывало Государя, столь умеренного в своих особенных расходах, как Александр, и царствования, столь расточительного, как его. В числе таких несообразностей заметим, что мы, предписывая Дворянству бережливость в Указах, видим Гусарских Армейских офицеров в мундирах, облитых серебром и золотом! Сколько жалованья сим людям? И чего стоит мундир? Полки красятся не одеждою, а делами. Мало остановить некоторые казенные строения и работы, мало сберечь тем 20 миллионов: не надобно тешить бесстыдного корыстолюбия многих знатных людей, надобно бояться всяких новых штатов, уменьшить число туенядцев на жалованье, отказывать невеждам, требующим денег для мнимого успеха наук, и, где можно, ограничить роскошь самых частных людей, которые в нынешнем состоянии Европы и России вреднее прежнего для Государства.

Обратимся к ассигнациям¹³². Многие простодушные, впрочем, неглупые люди доньше думают, что Советники Правительства в сем случае имели свои тайные виды и хотели умышленно повредить Государственному кредиту. Я изъясняю себе загадку, как и в других случаях, одною известною хвастливостию неосновательных умов и не менее известною их охотою умничать. Доселе назывались в России Государственными долгами только те суммы, которые наше Правительство занимало в Голландии или в других землях; никто не причислял ассигнаций к оным, и всякой считал их деньгами, ибо они служили, как деньги в купле. Жители Мальдивских островов не знают иной монеты, кроме ничтожных раковин, имея торговлю внутреннюю и внешнюю. Кто дает цену деньгам? Правительство, объявляя,

что оно будет принимать их в дань народную вместо таких и таких вещей. Если бы Государь дал нам клейменные щепки и велел ходить им вместо рублей, нашедши способ предохранять нас от фальшивых монет деревянных, то мы взяли бы и щепки. Монеты введены не для делания из них сосудов, пуговиц, табакерок, но для оценки вещей и сравнения их между собою. Пусть металлическая монета, как доказывают Бюш¹³³ и другие, есть наилучшая, уже быв известною и во времена Иова¹³⁴; но сильное Государство, богатое вещами, должно ли признать себя нищим, должно ли не иметь ни Армии, ни флотов для того, что у него по обстоятельствам нет в избытке ни серебра, ни золота? Самое золото имеет гораздо более воображительного, нежели внутреннего достоинства. Кто бы за его блесточку отдал зимою теплую шубу, если бы оно ценилось только по своей собственной пользе? Но отдаю шубу и беру блесточку, когда могу обойтись без первой, а на вторую купить себе кафтан. Если мне дают кафтан и за бумажку, то бумажка и блесточка для меня равно драгоценны. Ассигнации уменьшаются в цене от своего размножения; золото и серебро также. Открытие Америки произвело в оценке Европейских товаров действие, подобное тому, что видим ныне в России от ассигнаций. Сей закон соразмерности непреложен. От IX до XIV века предки наши не имели собственной металлической монеты, а единственно кожаные. Правительством заклеюванные лоскутки, называемые **кунами**¹³⁵, то есть ассигнациями, и торговали с Востоком и Западом, с Грециею, с Персиею, с Немецкою Ганзою; от IX в. до 1228 года лоскутки сии не унижались в цене относительно к серебру, ибо Правительство не рачило их, но унизились до крайности, быв после того размножены неумеренно. Достоинно примечания, что сии кожаные ассигнации были у нас заменены серебряною и медною монетою в самые мятежные и варварские времена ига Ханского, когда Баскаки уважались более Князей. Татары не хотели брать **кун**, а требовали серебра. Россиянин мог откупиться от мук, от смерти, от неволи куском сего металла; отдавал за него все, что имел, и с презрением отвергал **куны**, так, что они сами собою долженствовали исчезнуть. Прежде серебро шло в Киев из Греции, после в Новгород из Сибири чрез Югорию¹³⁶, туда же из немецкой земли чрез города Анзеатические¹³⁷, наконец, в Москву из самой Орды, с коею мы завели торговлю. Но количество добываемых купечеством металлов было столь невелико, что Россияне, отменив куны, внутри Государства долженствовали большею частью меняться вещами: дело весьма неблагоприятное для успехов торговли и следствие варварства! Царь Иоанн Васильевич истощил казну многими, дотоле необыкновенными, расходами и, видя недостаток серебра, снова думал ввести кожаные деньги. Хотя торговля с Англиею и приобретение богатой Сибири с ее рудниками наделяли

нас изрядным количеством металлов, однакож Петр Великий нуждался в оных, и серебро в России было тогда дороже, нежели в других землях Европейских, почему купцы иноземные охотно привозили к нам червонцы и талеры. Несмотря на то, редкость денег препятствовала успехам торговли внутри Государства: из самых отдаленных Губерний возили в столицу сухим путем хлеб и другия дешевые вещи, ибо не могли продавать их на месте. В Петербурге, в Архангельске, в Москве сыпалось золото и серебро; в Симбирске, в Пензе, в Воронеже едва показывалось. В бумагах времен Императрицы Анны и Правительницы¹³⁸ видим жалобы умнейшего из Российских Министров на великой недостаток в легкой монете: Остерман предполагал несколько раз закупить большое количество серебра в Голландии, не имея мысли об ассигнациях, и едва ли зная, что Россия в новом Государственном порядке Европы первая и столь долго употребляла оные. Наконец, Екатерина II изданием ассигнаций сперва изумила, но скоро облегчила народ во всех платежах и торговых сделках. Увидели удобность и пользу. Дотоле заемные и купеческие обороты производились у нас векселями, с сего времени ассигнации заступили место векселей и распространили внутреннюю торговлю. Правительство обязывалось выдавать металлические деньги за оные; но знало, что публика, однажды навсегда удостоверенная в действительности бумажек, станет требовать от Банка единственно малых сумм, нужных для мелочных расходов. Так и было в Царствование Екатерины к пользе Государственной и народной: казна приобрела знатный капитал и могла в чрезвычайных случаях обходиться без умножения податей; народ перестал нуждаться в деньгах, и серебро, уже менее необходимое, долго держалось в одной цене с ассигнациями, после возвысилось безделицею, потом более, и наконец, в 1 1/2 раза, вместе с постепенным возвышением всех иных цен — необходимое следствие прибавки 200 миллионов к денежной сумме, бывшей у нас дотоле в обращении. Где мало денег, там вещи дешевы; где много первых, там последние дороги. Серебряная монета, замененная ассигнациями, сделалась в отношении к ним дороже, не как монета, предпочитаемая бумажкам, но как товар. Стали замечать общую дороговизну, которая однакож не выходила из меры и не была решительным злом. Справедливо жаловались на Правительство, когда оно в последние годы Екатеринина Царствования не могло удовлетворять народному требованию в выдаче мелкой разменной монеты. Время Павлово не произвело никакой важной перемены в Государственном хозяйстве, ибо казна не умножала ассигнаций; но в нынешнее Царствование излились оные рекою, и вещи удвоились, утроились в цене. Не осуждаем Правительства за выпуск, может быть, 500 миллионов бумажных рублей. Находились ли иные лучшие способы для удовлетворения Го-

сударственным потребностям, не знаю, даже сомневаюсь. Но когда сделалось неминуемое зло, то надобно размыслить и взять меры в тишине, не ахать, не бить в набат, от чего зло увеличивается. Пусть Министры будут искренни пред лицом одного Монарха, а не пред народом; сохрани Боже, если они будут следовать иному правилу, обманывать Государя и сказывать всякую истину народу! Объявите, что отныне фабрика ассигнационная останется без дела. Хорошо, но к чему толковать слова: «Объявителю платит Государственный Банк» и проч. Я позволил бы сказать Вам, что ассигнации не деньги, если бы Вы могли отворить Банки и ящики, наполненные серебром, для вымена бумажек; позволил бы сказать, что ассигнации не деньги, если бы у нас были другие. Какие же? Серебряные? Медные? Сколько их теперь в России? И думаете ли, что бедная сумма оных могла бы удовлетворять Государство в торговых его оборотах? В древней России ходили куны вместе с серебром и золотом, в новой ходят ассигнации вместе с металлами, тогда и ныне редкими. Кожаный лоскуток не лучше бумажного, но древние Князья Киевские, Славянские, Новгородские не изыскали народу, что куны — вексель, и Россия 500 лет довольствовалась оными, благословляя сие счастливое изобретение: привычка сильнее мудрования! Несмотря на вексельную форму ассигнаций, мы не считали Государя должником своим, не ждали от него платы за бумажки, не осведомлялись о состоянии казны, будучи довольны тем, что мы имели за них все вещи по желанию. Пусть ассигнации — вексель, но Государственный, свойством отличный от Купеческого или Гражданского. Правительство выпускает их в обращение под видом векселей; но вошедши в общее употребление, они уже делаются монетою там, где нет иной в достаточном количестве. Необходимость есть Закон для Правительства и народа. Если бы купец сказал о своих заемных письмах то, что в Манифесте сказано об ассигнациях¹³⁹; если бы объявил торжественно, что надавал их непомерное множество и крайне заботится о следствиях: едва ли бы кто на другой день согласился продать ему свое имение на вексель; а за наши ассигнации и теперь продают все. Они унизились ценою в отношении к вещам не для того, чтобы лишились доверия или кредита, но следуя общему закону соразмерности между вещами и деньгами; одним словом, вопреки Манифесту, ассигнации и теперь остаются у нас деньгами, ибо иных не имеем; но купцы иноземные, купцы, гораздо ученейшие Россиян в языке и в признаке Государственного банкротства, усумнились иметь дела с нами, — курс упал более и более, уменьшая цену Российских произведений для иноземцев и возвышая оную для нас самих.

Что сказать о так называемом **разуме Манифеста**¹⁴⁰, всюду разосланном вместе с оным? Надобно, чтоб разум находился в самом Ма-

нифесте, а не в особенном творении какого-нибудь школьника Секретаря, который с смешною важностию толкует нам слова повторением их или перестановкою, гордо объявляя, что одни слабоумные считают нужным перелив монеты сообразно с ее нынешнею ценою и что пуд меди, стоящий во всех других вещах 40 р., в деньгах должен ходить за 16 р.: ибо, если мы из медного рубля сделаем два, то все цены удвоятся. Нет, г. изыяснитель, медная монета есть у нас только разменная, в коей мы теперь имеем крайнюю нужду и которая уменьшается от тайного переплавливания в вещи или от вывоза в чужие земли. Не надобно из рубля меди без необходимости делать десяти, чтобы не было фальшивой монеты; но не должно делать и 16 р. из 40, чтобы монету не переплавливали в кубы и проч. Ни в каком Государстве металлы не ходят в деньгах ниже своей цены. Вопреки сему **Разуму** Правительство уставио переменить медную монету и сделать из 16—24 р.; для чего же не 40, не 50? Не так легко делание фальшивой монеты, если бы медь чрез несколько времени и весьма унизились в цене, чему доказательством служит собственный наш пример, когда медные деньги со времен Петра Великого ходили в России несравненно выше своего внутреннего достоинства. Все жалуется на Правительство, что оно, имея действительно способ доставить нам все нужное для размена количество медной монеты, позволяет меновщикам грабить людей, торгуют даже и мелкими ассигнациями: неужели Советникам Банка трудно их подписывать, или жаль бумаги?

Я развертывал книги о Государственном хозяйстве, слышал, как люди ученые судят о нынешнем хозяйственном состоянии России, и замечал более слов, нежели мыслей, более мудрований, нежели ясных понятий. Зло не так велико, как думают. Все дорого, правда, но с умножением расходов не прибавились ли и доходы? Владелец, имеющий деревни на пашне или фабрики, не терпит от дороговизны, купцы также; господин оброчных крестьян терпит более или менее; денежные капиталисты и люди, живущие жалованьем, более всех теряют. Сравнивая выгоды и невыгоды, вижу, что нынешняя дороговизна есть вообще зло, а как она произошла от умножения ассигнаций, то надобно ли уменьшить их количество?

«Надобно», думает Правительство и взяло меры учредить Заемный Банк и продает казенные имения... Желательно, чтоб сие намерение не совсем исполнилось; иначе явится другое зло, которое в течение минувшего лета едва ли кто-нибудь мог предвидеть.

Цены на вещи возвышались не только по соразмерности прибавляемых ассигнаций, но и по вероятностям их будущего выпуска, также вследствие новых податей и низкого курса. Дороговизна ежедневно возрастала. В пятницу хотели взять за товар более, нежели в четверг; в субботу более, нежели в пятницу, следуя иногда привычке и вкусу

слепого корыстолюбия. Уже не действует сила, приведшая в действие шар, но шар еще катится. Верят и не верят, чтобы казна перестала издавать новые ассигнации. Наконец, открывается нечаянность: большая нужда в деньгах, то есть в ассигнациях! Купцы в Москве с изумлением спрашивают друг у друга, куда они девались, и предлагают заимодавцам три процента на месяц. Ассигнаций не ubyло, но по дороговизне делается мало, то есть излишне высокие цены в последнее время вышли из соразмерности с суммою оных. Например, купец имел прежде 10 000 р. в капитале, ныне имеет 15 тысяч, но как цена покупаемого им товара удвоилась, то он, чтобы не уменьшить своей торговли, должен признать 5 тысяч рублей.

Если казна посредством Банка и продажи имений вынет теперь из обращения миллионов 200, увидим страшный недостаток в деньгах; винные откупщики разорятся, крестьяне не заплатят оброку господину; купцы не купят или не продадут товара; найдется недоимка в казенных сборах. Не думайте, чтобы вдруг оказалась дешевизна: нет, первые продавцы не скоро уступят вам вещь за половину ее бывшей цены, но делается остановка в торговле и в платежах. Неудовольствиям, жалобам не будет конца, и многие скажутся банкротами прежде, нежели установится новый порядок в оценке вещей, соразмерный с количеством денег в Государстве. Великие переломы опасны. Вдруг уменьшить количество бумажек так же вредно, как и вдруг умножить оное. Что же делать? не выпускать их более: сего довольно: цены спадают без сомнения, ибо возвысились несоразмерно с прибавлением ассигнаций, как мы сказали; но спадают постепенно, без кризиса, если Россия не будет иметь каких-нибудь несчастий.

Вторая мысль Заемного Банка, или так называемого **Погашения долгов**, есть унижить серебро обещанием уплатить чрез несколько лет рубль сим металлом за два бумажные. Если бы внести в сей Банк миллионов 200, то Правительство нашлось бы в крайнем затруднении по истечении срока: нелегко приготовить 100 миллионов серебром для расплаты! К счастью, взнос невелик, ибо у нас нет праздных капиталов, но достохвально ли учреждение, коему для Государственного блага нельзя желать успеха? Автор, кажется, полагал, что в течение 6 лет рубль серебряный унижится, напр., до 150 к. ассигнациями, и что заимодавцы с радостью возьмут всю сумму бумажками. Хорошо, а если того не будет? Заметим, что цена серебра возвысилась у нас гораздо более иных цен. Куль муки за 4 года пред сим стоил в Москве серебром 41/2 р., а теперь стоит менее 21/2. Возьмите в пример и другие Российские произведения: за все платите серебром почти вдвое менее прежнего; виною то, что умножился расход оного для содержания заграничных Армий и для тайной покупки иноземных товаров. Хотите ли уронить цену серебра? Не выменивайте его для Армий,

уймите запрещенную торговлю, которая вся производится на звонкую монету; дайте нам более разменных денег, или вы хотите невозможного. Теперь дороговизна благородных металлов убыточна не для народа, а для казны и богатых людей, имеющих нужду в иноземных товарах, коих цена возвышается по цене серебра. У нас ходит оно только в столицах, и городах пограничных, в приморских: внутри России не видят и не спрашивают его, в противность сказанному в Манифесте, что единственная Российская Банковская монета есть рубль серебряный. Нет, серебро у нас товар, а не деньги.

Для внешней законной торговли также не требуется металлов. Англичанину нет нужды, какие ходят у нас деньги, — медные ли, золотые, или бумажные; если он за лоскуток бумаги получает у нас вещь, за которую сходно ему дать свою вещь, ценою в гинею, то Английская гинея будет равняться в курсе с Российскою бумажкою, ибо торговля Государств основана в самом деле на мене вещей. Не существенная, но торговая цена монет определяет курс. Напр., наш рубль уменьшился бы в количестве своего металла, но, если за него дают в России столько же вещей, как и прежде, то сия убавка в существенной цене рубля не имеет влияния на курс, буде нет иной причины к упадку оного. Но если деньги нам нужнее в чужих землях, нежели иностранцам — Российские, если более впускаем, нежели выпускаем товаров, то курс наш упадет. Сии причины изъясняют, каким образом рубль мог обратиться в 18 су или 8 штиверов¹⁴¹. Кроме уменьшения цены бумажек внутри Государства и несоразмерности ввоза с вывозом товаров, страх, чтобы первые еще более не унизились, заставил многих купцов иностранных, имевших у нас денежные капиталы, переводить оные в Англию или в другие места.

Правительство наше крайне заботится о лучшем курсе, но хочет невозможного. Пока не восстановится свободная морская торговля, дотол не будет равновесия в привозе и выпуске товаров, не будет иностранцам нужды в Русских деньгах для закупки большого количества наших произведений. Новым Манифестом о Тарифе мы позволяем все вывозить, а многое для ввоза запрещаем; но много ли кораблей найдем для первого? Здесь видим новую неудобность. Позволяют, например, выпуск шерсти, то есть сводят иностранных купцов с нашими: бой весьма неравный! Иностранцу выгодно дать за пуд ее 2 червонца, как и прежде; тогда червонец стоил 31/2, а теперь он стоит 12 р.; следственно, и мы, имея в шерсти необходимую надобность для делания сукон, будем давать за пуд 25 р. — гораздо более, нежели втрое, в сравнении с прежнею ценою, и почти вдвое в сравнении с нынешнею! Теперь спрашиваем: намерено ли Правительство возвысить цену солдатских сукон в России, что должно быть неминуемым следствием вывоза шерсти? Если бы курс упал только соразмерно

с уменьшением цены бумажек в России, то мы могли бы без убытка купечествовать с Европою и торговаться в цене наших собственных произведений; но теперь Французы, Голландцы, Немцы имеют слишком много выгод перед нами и могут в совместном торге разорить покупателей Русских. Сошлемся на хитрых Англичан: для общей пользы желая у себя дешевизны некоторых вещей, они запрещают их вывоз. Отпуск шерсти может ли приметно улучшить курс? Но весьма приметно возвысит цену ее в России. Давно ли Правительство употребляло самые несправедливые средства, чтоб иметь дешево сукна для войска? На вольные фабрики налагали оброк, давали хозяину самую малую цену, подчиняли его закону насилия; теперь вдруг казна подчиняет себя необходимости платить вдвое за сукна.

Мысль ограничить ввоз товаров, по малому выходу наших, весьма благоразумная. Я не стал бы жаловаться на Правительство, если бы оно вместе с сукнами, шелковыми и бумажными тканями, запретило и алмазы, табак, голландские сельди, соленые лимоны и проч. Жалею только, что в Манифесте не назначен срок для продажи запрещенных товаров; под видом старых увидим в лавках и вновь привозимые, разумеется, тайно. Не будет клейма — и фальшивые? А кто из покупателей смотрит на клеймо? Вообще надобно взять строжайшие меры против тайной торговли: она уносит миллионы. Все говорят об ней, но у знатных таможенных чиновников уши завешены золотом! Другое зло то, что лавочники, не ограниченные сроком для продажи, день ото дня возвышают цену запрещенных сукон и тканей, а мы все покупаем, пока есть товар. Не надобно давать пищи столь алчному и бессовестному корыстолюбию.

Впрочем, строгость Начальства и верность таможни сделали бы нечто в пользу нашего курса, но немногое: он бывает единственно для такой земли, которая более продает, нежели покупает, сверх того, имеет безопасное существование Государственное, не боится ничего извне и внутри, управляется духом твердого порядка, не знает опасных перемен, не ждет ежеминутно Указов о новых мерах Государственного хозяйства, не ждет новых толкований на ассигнации, новых доказательств, что они не суть деньги. Надобно не только отворить наши гавани для всех кораблей на свете, надобно еще, чтобы иностранцы захотели переводить к нам капиталы, менять свои гинеи и червонцы на русские ассигнации и не считали бы оных подозрительными векселями.

Оставляя предмет Государственных доходов, ассигнаций и торговли, упомяну о Манифесте, который, думаю, вышел в 1806 году¹⁴² и в коем определяются права купеческих степеней; он назван **Коренным Уставом**, долженствовал быть написан золотыми буквами на хартии и положен в хранилище законов на память векам. Не говорю о слоге, не

говорю о порядке мыслей, но страннее всего, что Законодатель, описав и права, и выгоды каждой степени, отлагает до другого времени предложить обязанности, или условия, на коих сии права даны будут купечеству, а только издали страшит их возвышением купеческих податей. На что же обнародовали сей Манифест, когда еще не время было сказать, чего потребуются от желающих иметь описанные в оном выгоды? Трудно угадать, а меланхолики говорили: «Не трудно, хотят беспокоить все состояния! Еще не выдумали налога, спешат предвестить его и, в утешение, обещают право носить саблю!» Но теперь у нас есть Совет, где рассматриваются проекты общих Государственных постановлений. Ожидаем впрямь более зрелости в мыслях законодательных.

Скоро увидим, как основательна сия надежда! Книги общего Гражданского Законодательства готовятся для России.

Уже Царь Феодор Алексеевич видел недостаток Уложения: вышли новые статьи в прибавление. Петр Великий, все обнимая, хотел полной книги Законов и собственною рукою написал о том Указ Сенату, желая, чтобы правила оных были утверждены на основательном рассмотрении всех наших и чужестранных Гражданских Уставов. Екатерина I¹⁴³ несколько раз побуждала Сенат заниматься сим важным делом. Петр II¹⁴⁴ указал из каждой Губернии прислать для оногo в Москву по несколько выборных Дворян, знающих, благомысленных. Императрица Анна присоединила к ним и выборных из купечества, но Граф Остерман в наставлении Правительнице говорит: «Уже более 20 лет трудятся при Сенате над сочинением книги Законов, а едва ли будет успех, если не составят особенной для того Комиссии из двух особ Духовных, пяти или шести Дворян, Граждан и некоторых искусных Законоведцев...» Прошло и Царствование Елисаветы, миновал и блестящий век Екатерины II, а мы еще не имели Уложения, несмотря на добрую волю Правительства, на учреждение в 1754 году особенной Законодательной Комиссии, на план уложения, представленный ею Сенату, несмотря на шумное собрание Депутатов в Москве, на красноречивый Наказ Екатерины II, испещренный выписками из Монтескье и Беккари¹⁴⁵. Чего не доставало? способных людей. Были ли они в России? — по крайней мере, их не находили; может быть, худо искали. Александр, ревностный исполнить то, чего все Монархи Российские желали, образовал новую Комиссию¹⁴⁶; набрали многих Секретарей, Редакторов, Помощников; не сыскали только одного и самого необходимейшего: человека, способного быть ее душою, избрести лучший план, лучшие средства и привести оные в исполнение наилучшим образом. Более года мы ничего не слышали о трудах сей Комиссии. Наконец, Государь спросил у Председателя и получил в ответ, что медленность необходима; что Россия имела дотолe одни

Указы, а не Законы, что велено переводить Кодекс Фридриха Великого¹⁴⁷. Сей ответ не давал большой надежды. Успех вещи зависит от ясного, истинного об ней понятия. Как? У нас нет Законов, но только Указы? Разве Указы (edicta) не Законы? И Россия не Пруссия: к чему послужит нам перевод Фридрихова Кодекса? Не худо знать его, но менее ли нужно знать и Юстинианов, или Датский, единственно для общих соображений, а не для путеводительства в нашем особенном Законодательстве! Мы ждали года два. Начальник переменялся; выходил целый том работы предварительной: смотрим и протираем себе глаза, ослепленные школьною пылью. Множество ученых слов и фраз, почерпнутых в книгах, ни одной мысли, почерпнутой в созерцании особенного Гражданского характера России. Добрые соотечественники наши не могли ничего понять, кроме того, что голова Авторов в Луне, а не в земле Русской, и желали, чтобы сии умозрители или спустились к нам, или не писали для нас Законов. Опять новая декорация: видим кормило Законодательства в другой руке¹⁴⁸. Обещают скорый конец плаванью и верную пристань. Уже в Манифесте объявлено, что первая часть Законов готова, что немедленно готовы будут и следующие. В самом деле, издаются две книжки, под именем **проекта Уложения**. Чтож находим? Перевод Наполеонова Кодекса!¹⁴⁹

Какое изумление для Россиян! Какая пища для злословия! Благодаря Всевышнего, мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя; у нас еще не Вестфалия, не Италиянское Королевство, не Варшавское Герцогство, где Кодекс Наполеонов, со слезами переведенный, служит Уставом Гражданским. Для того ли существует Россия, как сильное Государство, около тысячи лет; для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно пред лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже 6-ю или 7-ю экс-адвокатами и экс-якобинцами? Петр Великий любил иностранное, однакож не велел, без всяких дальних околичностей, взять, напр., Шведские законы и назвать их Русскими¹⁵⁰, ибо ведал, что законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств. Мы имели бы уже 9 Уложений, если бы надлежало только переводить. Правда, благоразумные Авторы сего проекта иногда чувствуют невозможность писать для Россиян то, что писано во Французском подлиннике, и, дошедши в переводе, до главы **о супружестве, о разводе**, обращаются от Наполеона к **Кормчей книге**¹⁵¹, но везде видно, что они шьют нам кафтан по чужой мерке. К стати ли начинать, напр., Русское Уложение главою **о правах Гражданских**, коих в истинном смысле не бывало и нет в России? У нас только Политические или особенные права разных Государственных состояний; у нас Дворяне, купцы, мещане, земледельцы и

проч. — все они имеют свои особенные права: общего нет, кроме названия Русских. В Наполеоновом Кодексе читаю: Participation aux droits civils ciapres¹⁵²; а далее говорит Законодатель о праве собственности, наследства, завещания; вот, Гражданские права во Франции; но в России господский и самый казенный земледелец имеет ли оные, хотя и называется Русским? Здесь мы только переводим и в иных местах неясно, например, в подлинном сказано о человеке, лишенном прав Гражданских: il ne peut procéder en Justice, ni en défendant, ni en demandant¹⁵³, а в переводе: что он не может быть в Суде ни истцем, ни ответчиком; следовательно, прибьет Вас, ограбит и за то не ответствует? — Переводчики многое сокращают: они могли бы выпустить и следующие постановления, ими сохраненные в описании движимого и недвижимого имущества: les glaces d'un appartement sont censées mises a perpetuelle demeure, lorsque le parquet sur lequel elles sont attachées fait corps avec boiserie... Quant aux statues, elles sont immeubles, lorsqu'elles sont placées dans une niche pratiquée exprés pour les recevoir, encore qu'elles puissent etre enlevées sans fracture, ni détérioration¹⁵⁴. Могли бы также не говорить об Alluvion¹⁵⁵. От начала России еще не бывало у нас тяжбы о сих предметах, и никто из Русских, читая сей проэкт, не догадался бы, что он читает наше Гражданское Уложение, если бы не стояло того в заглавии: все не Русское, все не по-Русски, как вещи, так и предложение оных: кто поймет, для чего при нашем учреждении опек быть семейственному Совету? Но в сем отделении Французского кодекса говорится о conseil de famille!¹⁵⁶ Кто поймет сию краткость в важном, где не надобно жалеть слов для ясности, и сию плодovitость в описании случаев, совсем для нас неизвестных. Я слышал мнение людей неглупых: они думают, что в сих двух изданных книжках предлагается только содержание будущего Кодекса, с означением некоторых мыслей. Я не хотел выводить их из заблуждения и доказывать, что это самый Кодекс; они не скоро бы мне поверили. Так сия Наполеоновская форма Законов чужда для понятия Русских. Есть даже вещи смешные в проэкте, напр.: «Младенец, рожденный мертвым, не наследует». Если Законодатель будет говорить подобные истины, то наполнит оными сто, тысячу книг. Я искал сей аксиомы в Code Napoléon и вместо ее нашел: celui la n'est pas encore constitué enfant, qui n'est pas né viable¹⁵⁷. Здесь переводчики делаются Авторами. Не привязываюсь к новым словам, однакож скажу, что в книге Законов странно писать **о ложе реки** (le lit de la rivière) вместо: **желобовины, русла**. Самая выписка из наших Церковных Уставов о позволенных браках и разводах сделана наскоро; напр., забыта главная вина развода: неспособность к телесному совокуплению. Вижу крайний страх Авторов предлагать отмены в делах духовных: но в уложении надлежало бы по крайней мере сказать, что Епископы в своих Епархиях

могут по усмотрению позволять браки, сомнительные свойством жениха с невестой¹⁵⁸; иначе в небольших деревнях скоро нельзя будет никому жениться от размножения свойства. Хвалю Закон о разделе имущества между братьями и сестрами, детьми и родителями, уже давно предлагаемый общим мнением. Не знаю, можно ли сверх того похвалить что-нибудь в сем проекте.

Оставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать Россиянам Законы Французские, хотя бы оные и могли быть удобно применены к нашему Гражданственному состоянию? Мы все, так! Все, любящие Россию, Государя ее, славу, благоденствие, ненавидим сей народ, обогранный кровию Европы, осыпанный прахом столь многих Держав разрушенных, и в то время, когда имя Наполеона приводит сердца в содрогание, мы положим его Кодекс на святой Олтарь Отечества?

Для старого народа не надобно новых Законов: согласно с здравым смыслом, требуем от Комиссии систематического предложения наших. Русская Правда и Судебник, отжив век свой, существуют единственно как предмет любопытства. Хотя Уложение Царя Алексея Михайловича имеет еще силу закона, но сколько и в нем обветшалого, уже для нас бессмысленного, непригодного? Остаются указы и постановления, изданные от времен Царя Алексея до наших: вот содержание Кодекса! Должно распорядить материалы, отнести уголовное к уголовному, Гражданское к Гражданскому, и сии две главные части разделить на статьи. Когда же всякий Указ будет подведен под свою статью, тогда начнется второе действие: соединение однородных частей в целое, или соглашение Указов, для коего востребуется иное объяснить, иное отменить или прибавить, буде опыты судилищ доказывают или противоречие, или недостаток в существующих законах. Третье действие есть общая критика Законов: суть ли они лучше для нас по нынешнему Гражданскому состоянию России? Здесь увидим необходимость исправить некоторые, в особенности, Уголовные, жестокие, варварские, их уже давно не исполняют: для чего же они существуют к стыду нашего Законодательства?

Таким образом собранные, приведенные в порядок, дополненные, исправленные Законы, предложите в форме книги систематически, с объяснением причин; не только описывайте случаи, но и все другие возможные решите общими правилами, без коих нет полных Законов и которые дают им высочайшую степень совершенства. Сих-то правил недостает в Уложении Царя Алексея и во многих Указах. Говорят: «Если будет такой случай, решите так». А если встретится другой, не описанный Законодателем? Надобно идти в доклад? Не умствуйте высокопарно, но рассуждайте, чтоб просветить Судью: лучше, удобнее впечатлеть ему в память простые начала, нежели многообразные

следствия оных. Русское право так же имеет свои начала, как и Римское; определите их, и вы дадите нам систему Законов. Сие последнее действие Законодательства назову **систематическим предложением**. О порядке материй спорить много не буду: начнете ли с Гражданских или уголовных Законов, с людей или с вещей, с рассуждений или предписаний, но думаю, что лучше начать с важнейшего и последовать не Кодексу Наполеонову, не Фридрихову, а Юстинианову и Царя Алексея Михайловича. Оградите святыню Закона неприкосновенность Церкви, Государя, чиновников и личную безопасность всех Россиян; утвердите связи Гражданские между нами, потом займитесь целостию собственности, наследствами, куплею, завещаниями, залогами и проч.; наконец, дайте устав для производства дел.

Сей труд велик, но он такого свойства, что его нельзя поручить многим. Один человек должен быть главным, истинным Творцом Уложения Российского; другие могут служить ему только советниками, помощниками, работниками. Здесь единство мысли необходимо для совершенства частей и целого; единство воли необходимо для успеха. Или мы найдем такого человека, или долго будем ждать Кодекса.

Есть и другой способ. Мы говорили доселе о систематическом Законодательстве: когда у нас нет людей способных для оного, то умерьте свои требования, и вы сделаете еще немалую пользу России. Вместо прагматического Кодекса, издайте полную, сводную книгу Российских Законов или Указов по всем частям судным, согласив противоречия и заменив лишнее нужным, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложение Царя Алексея Михайловича, и на Морской Устав, и на 20 Указов, из коих иные в самом Сенате не без труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великих усилий разума, ни гения, ни отличных знаний ученых. Не будем хвалиться ею в Европе, но облегчим способы правосудия в России, не затрудним Судей наших галлицизмом и не покажемся жалкими иностранцам, что, без сомнения, заслужим переводом Наполеонова Кодекса.

Прибавим одну мысль к сказанному нами о Российском Законодательстве. Государство наше состоит из разных народов, имеющих свои особенные Гражданские Уставы, как Ливония, Финляндия, Польша, самая Малороссия. Должно ли необходимо ввести единство законов? Должно, если такая перемена не будет существенным, долговременным бедствием для сих областей; в противном случае не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, без насилия и действуя на мягкий ум юношества. Пусть молодые люди, хотящие там посвятить себя законоведению, испытываются в знании и общих Законов Российских, особенно языка нашего; вот самое лучшее приготовление к желаемому единству в Гражданских Уставах! Впрочем, надобно исследовать основательно, для

чего, напр., Ливония или Финляндия имеют такой-то особенный закон? Причина, родившая оный, существует ли и согласна ли с Государственным благом? Буде существует и согласна, то можно ли заменить ее действия иным способом? От новости не потерпят ли нравы, не ослабеют ли связи между разными Гражданскими состояниями той земли? «Какая нужда, — говорит Монтескье, — одним ли законам следуют граждане, если они верно следуют оным?» Фридрих Великий, издавая общее Уложение, не хотел уничтожить всех частных статуты, полезных в особенности для некоторых провинций. Опасайтесь внушения умов легких, которые думают, что надобно только велеть и все сравняется!

Мы означили главные действия нынешнего Правительства и неудачу их. Если прибавим к сему частные ошибки Министров в мерах Государственного блага — постановление о соли, о суконных фабриках, о прогоне скота, имевшие столь много вредных следствий — всеобщее бесстрашие, основанное на мнении о кротости Государя, равнодушие местных начальников ко всяким злоупотреблениям, грабеж в судах, наглое взяткобрательство Капитан-Исправников¹⁵⁹, Председателей Палатских, Вице-Губернаторов, а всего более самих Губернаторов, наконец, беспокойные виды будущего, внешние опасности, то удивительно ли, что общее мнение столь не благоприятствует Правительству? Не будем скрывать зла, не будем обманывать себя и Государя, не будем твердить, что люди, обыкновенно, любят жаловаться и всегда недовольны настоящим. Сии жалобы разительны их согласием и действием на расположение умов в целом Государстве.

Я совсем не меланхолик, и не думаю, подобно тем, которые, видя слабость Правительства, ждут скорого разрушения; нет, Государства живущи и в особенности Россия, движимая самодержавною властью. Если не придут к нам беды извне, то еще смело можем и долгое время заблуждаться в нашей внутренней Государственной системе; вижу еще обширное поле для всяких новых творений самолюбивого, неопытного ума, но не печальна ли сия возможность? Надобно ли изнурять силы для того, что их еще довольно в запасе? Самым худым Медикам нелегко уморить человека крепкого сложения, только всякое лекарство, данное некстати, делает вред существенный и сокращает жизнь.

Мы говорили о вреде, говорить ли о средствах целебных? И какие можем предложить? Самые простейшие.

Минувшего не возвратит. Было время (о чем мы сказали в начале), когда Александр мог бы легко возобновить систему Екатеринина Царствования, еще живого в памяти и в сердцах, по ней образованных: бурное Царствование Павлово изгладилось бы, как сновидение в мыслях. Теперь поздно: люди и вещи большею частию переменя-

лись; сделано столько нового, что и старое показалось бы нам теперь опасною новостью; мы уже от него отвыкли, и для славы Государя вредно с торжественностию признаваться в десятилетних заблуждениях, произведенных самолюбием его весьма неглубокомысленных Советников, которые хотели своею творческою мудростию затмить жену Екатерину и превзойти мужа Петра. Дело сделано: надобно искать средств, пригоднейших к настоящему.

Главная ошибка Законодателей сего Царствования состоит в излишнем уважении форм Государственной деятельности: от того — изобретение разных Министерств, учреждение Совета и проч. Дела не лучше производятся; только в мстах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны. Пусть Министерства и Совет существуют: они будут полезны, если в Министерстве и в Совете увидим только мужей, знаменитых разумом и честью. Итак, первое наше доброе желание есть, да способствует Бог Александру в счастливом избрании людей! Такое избрание, а не учреждение Сената с Коллегиями ознаменовало величием Царствование Петра во внутренних делах Империи. Сей Монарх имел страсть к способным людям, искал их в кельях Монастырских и в темных каютах: там нашел Феофана и Остермана¹⁶⁰, славных в нашей Государственной Истории. Обстоятельства иные и скромные, тихие свойства души отличают Александра от Петра, который везде был сам, со всеми говорил, всех слушал и брал на себя по одному слову, по одному взору решить достоинство человека; но да будет то же правило: **искать людей!** Кто имеет доверенность Государя, да замечает их вдали для самых первых мест. Не только в республиках, но и в Монархиях кандидаты должны быть назначены единственно по способностям. Всемогущая рука Единовластителя одного ведет, другого мчит на высоту; медленная постепенность есть закон для множества, а не для всех. Кто имеет ум Министра, не должен поседеть в Столначальниках или Секретарях. Чины унижаются не скорым их приобретением, но глупостию или бесчестьем сановников; возбуждается зависть, но скоро умолкает пред лицом достойного. Вы не образуете полезного Министерства сочинением Наказа; тогда образуете, когда приготовите хороших Министров. Совет рассматривает их предложения, но уверены ли вы в мудрости его членов? Общая мудрость рождается только от частной. Одним словом, теперь всего нужнее люди!

Но люди не только для Министерства, или Сената, но и в особенности для мест Губернаторских. Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых Губерниями; если там пойдут дела как должно, то Министры и Совет могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверен-

ное каждому из них благо полумиллиона Россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних Чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят Земледельцев, ободрят Купечество и промышленность, сохраняют пользу казны и народа. Если Губернаторы не умеют или не хотят делать того, виною худое избрание лиц; если не имеют способа, виною худое образование Губернских властей.

1) Каковы ныне, большею частию, Губернаторы? Люди без способностей и дают всякою неправдою наживаться Секретарям своим, или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что такой-то Губерний Начальник глупец и весьма давно! В такой-то грабитель, и весьма давно! Слухом земля полнится, а Министры не знают того, или знать не хотят. К чему же служат ваши новые Министерские образования? К чему писать законы, разве для потомства? Не бумаги, а люди правят. 2) Прежде Начальник Губернии знал над собою один Сенат; теперь, кроме Сената, должен относиться к разным Министрам; сколько хлопот и письма! А всего хуже то, что многие части в составе Губерний не принадлежат к его ведомству: школы, удельные имения, казенные леса, дороги, воды, почта — сколько пестроты и многочисленности! Выходит, что Губерния имеет не Начальника, а Начальников, из коих один в Петербурге, другие в Москве; система Правления весьма не согласная с нашею старинною, истинно-Монархическою, которая соединяла власти в Наместнике для единства и силы в их действиях. Всякая Губерния есть Россия в малом виде; мы хотим, чтобы Государство управлялось единою, а каждая из частей оного — разными властями. Страшимся злоупотреблений в общей власти, но частная разве не имеет их? Как в большом доме не может быть исправности без домоправителя, дающего во всем отчет господину, так не будет совершенного порядка и в Губерниях, пока столь многие чиновники действуют независимо от Губернаторов, ответствующих Государю за спокойствие Государя. Так, за спокойствие, и гораздо более всех живущих в Петербурге Министров, Членов Совета, Сенаторов: одна сия мысль не убеждает ли в необходимости возвысить сан Губернаторский всеобщим уважением? Да будет Губернатор, что были Наместники при Екатерине: дайте им достоинство Сенаторов, согласите оное соотношениями их к Министрам, которые в самом деле должны быть единственно Секретарями Государя по разным частям — и тогда умеете только избирать людей.

Вот главное правило. Второе, не менее существенное, есть: **умеете обходиться с людьми!** Мало ангелов на свете, не так много и злодеев, гораздо более смеси, то есть добрых и худых вместе. Мудрое Правление находит способ усиливать в чиновниках побуждение добра, или обуздывает стремление ко злу. Для первого есть награды, отличия,

для второго — боязнь наказаний. Кто знает человеческое сердце, состав и движение Гражданских обществ, тот не усумнится в истине сказанного Макиавелем, что страх гораздо действительнее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертных. Если вы, путешествуя, увидите землю, где все тихо и стройно, народ доволен, слабый не утеснен, невинный безопасен, то скажете смело, что в ней преступления не остаются без наказания. Сколько агнцев обратилось бы в тигров, если бы не было страха! Любить добро для его собственных прелестей есть действие высшей нравственности, явления, редкого в мире: иначе не посвящали бы Олтарей добродетели. Обыкновенные же люди соблюдают правила честности не столько в надежде приобрести тем особенные некоторые выгоды, сколько опасаясь вреда, сопряженного с явным нарушением сих правил. Одно из важнейших Государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают Сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты, честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяточбратель и взятодатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей и дают им чины, ленты, в ожидании, чтобы кто-нибудь на них подал жалобу. А сии недостойные чиновники, в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге, беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, коего они условно лишились; в два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни. Иногда видим, что Государь, вопреки своей кротости, бывает расположен и к строгим мерам: он выгнал из службы двух или трех Сенаторов и несколько других чиновников, оглашенных мздоимцами; но сии малочисленные примеры отвечают ли бесчисленности нынешних мздоимцев? Негодяй так рассуждает: «Брат мой N. N. наказан отставкою; но собратья мои, такие-то, процветают в благоденствии: один многим не указ; а если меня и выгонят из службы, то с богатым запасом на черный день, еще найду немало утешений в жизни». Строгость, без сомнения, неприятна для сердца чувствительного, но где она необходима для порядка, там кротость не у места. Как живописцы изображают Монарха? Воином и с мечем в руке, не пастишком и не с цветами. В России не будет правосудия, если Государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за Судьями. У нас не Англия; мы столько веков видели Судью в Монархе и добрую волю его признавали вышним Уставом. Сирены¹⁶¹ могут петь вокруг трона: «Александр, воцари закон в России» и проч. Я возьмусь быть толкователем сего хора: «Александр! Дай нам, именем закона, господствовать над Россиею, а сам покойся на троне, изливай единственно милости, давай нам чины, ленты, деньги!» В России Государь есть живой

Закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не бояться Государя — не бояться и закона! В Монархе Российском соединяются все власти: наше Правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола: так и Монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести. Чего Александр не сведает, если захочет ведать? И да накажет преступника! Да накажет и тех, которые возводят его на степень знаменитую! Да ответствует Министр, по крайней мере, за избрание главных чиновников! Спасительный страх должен иметь ветви; где десять за одного бояться, там десять смотрят за одним; начинайте всегда с головы: если худы Капитан-Исправники, виновны Губернаторы, виновны Министры. Не сему правилу следовали те, которые дали Государю совет обесчестить снятием мундира всех Комиссариатских и Провиантских Чиновников, кроме Начальников¹⁶². Равные не могут ответствовать друг за друга; если они все причиною бедствий Армии, то мало лишит их мундира; если еще не доказаны виноватые, то надобно подождать; а казнь виновного вместе с правым отнимает стыд у казни. Малейшее наказание, но бесполезное, ближе к тиранству, нежели самое жестокое, коего основанием есть справедливость, а целию — общее добро. Ненавидят тирана, но мягкосердие тогда есть добродетель в Венценосце, когда он умеет превозмогать оное долгом благоразумной строгости. Единственно в своих личных, тайных оскорблениях Государь может прощать достохвально, а не в общественных; когда же вредно часто прощать, то еще вреднее терпеть; в первом случае винят слабость, во втором — беспечность или непроницание. Мы упомянули о личных оскорблениях для Монарха: они редко бывают без связи со вредом Государственным. Так, напр., не должно позволять, чтоб кто-нибудь в России смел торжественно представлять лице недовольного, или не уважать Монарха, коего Священная особа есть образ Отечества. Дайте волю людям, они засыплют вас пылью. Скажите им слово на ухо, они лежат у ног ваших.

Говорив о необходимости страха для удержания нас от зла, скажем нечто о наградах: они благодетельны своею умеренностию; в противном же случае делаются или бесполезны, или вредны. Я вижу всех Генералов, осыпанных звездами, и спрашиваю: сколько побед мы одержали? сколько Царств завоевали? Ныне дают голубую ленту, — завтра лишают Начальства. Сей, некогда лестный, крест Св. Георгия висит на знаменитом ли витязе? Нет, на малодушном и презренном в целой Армии. Кого же украсит теперь Св. Георгий? Если в Царствование Павла чины и ленты упали в достоинстве, то в Александрово, по крайней мере, не возвысились, чего следствием было и есть требовать иных наград от Государя, денежных, ко вреду казны и народа, ко

вреду самых Государственных добродетелей. О бережливости говорили мы в другом месте. Здесь напомним две аксиомы: 1) за деньги не делается ничего великого; 2) изобилие располагает человека к праздной неге, противной всему великому. Россия никогда не славилась богатством, у нас служили по должности, из чести, из куска хлеба, не более! Ныне не только воинские, но и Гражданские чиновники хотят жить большим домом на счет Государства. И какая пестрота: люди в одном чине имеют столь различные жалованья, что одному нечего есть, а другой может давать лакомые обеды; ибо первый служит по старым, а второй по новым штатам; первый в Сенате, в Губернии, а второй — у Министра в Канцелярии, или где-нибудь в новом месте. Не думают у бедных офицерах, удовлетворяя корыстолюбию Генералов арендами и пенсиями. Ставят в пример Французов, для чего же не Русских времени Петрова, или Екатерины? Но и Французские Генералы всего более недовольны Наполеоном за то, что он, дав им богатство, отнимает у них досуг и способ наслаждаться оным. Честь, честь должна быть главною наградою. Римляне с дубовыми венками завоевали мир. Люди в главных свойствах не изменились: соедините с каким-нибудь знаком понятие о превосходной добродетели, то есть награждайте им людей единственно превосходных, и вы увидите, что все будут желать оного, несмотря на его ничтожную денежную цену! Слава Богу, мы еще имеем честолюбие, еще слезы катятся из глаз наших при мысли о бедствиях России; в самом множестве недовольных, в самых нескромных жалобах на Правительство вы слышите нередко голос благодарной любви к Отечеству. Есть люди, умейте только обуздывать их в зле и поощрять к добру благоразумною системою наказаний и наград, но — повторим — первое еще важнее. Сие искусство избирать людей и обходиться с ними есть первое для Государя Российского; без сего искусства тщетно будете искать народного блага в новых органических Уставах! Не спрашивайте, как писаны Законы в Государстве, сколько Министров, есть ли Верховный Совет? Но спрашивайте, каковы Судьи, каковы Властители? Фразы для газет, только правила для Государства.

В дополнение сказанного нами, прибавим некоторые особенные замечания: Самодержавие есть Палладиум¹⁶³ России: целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы Государь, единственный источник власти, имел причины унижать Дворянство, столь же древнее, как и Россия. Оно было всегда не что иное, как братство знаменитых слуг Великокняжеских или Царских. Худо, ежели слуги овладеют слабым господином, но благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честью. Права благородных суть не отдел Монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие, двигающее состав Государственный. Монтескье сказал: point de

Monarque, point de noblesse; point de noblesse, point de Monarque¹⁶⁴. Дворянство есть наследственное; порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей и чтобы Монарх знал, где ему искать деятельных слуг отечественной пользы. Народ работает, купцы торгуют, Дворяне служат, награждаемые отличиями и выгодами, уважением и достатком. Личные подвижные чины не могут заменить Дворянства родового, постоянного, и хотя необходимы для означения степеней Государственной службы, однакож в благополучной Монархии не должны ослаблять коренных прав его, не должны иметь выгод оно. Надлежало бы не Дворянству быть по чинам, но чинам по Дворянству, то есть для приобретения некоторых чинов надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у нас со времен Петра Великого не соблюдается: офицер уже есть Дворянин. Не должно для превосходных дарований, возможных во всяком состоянии, заграждать пути к высшим степеням; но пусть Государь дает Дворянство прежде чина и с некоторыми торжественными обрядами, вообще редко и с выбором строгим. Польза ощутительна: 1) Если часто будете выводить простолюдинов в Министры, в вельможи, в Генералы, то с знатностию приведется давать им и богатство, необходимое для ее сияния; казна истощается. Напротив того, Дворяне, имея наследственный достаток, могут и в высших чинах обойтись без казенных денежных пособий. 2) Оскорбляете Дворянство, представляя ему людей низкого происхождения на ступенях трона, где мы издревле обыкли видеть Бояр сановитых. Ни слова, буде сии люди ознаменованы способностями редкими, выпренными; но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если бы сии высшие места занимались Дворянами. 3) Природа дает ум и сердце, но воспитание образует их. Дворянин, облагодетельствованный судьбою, навикает от самой колыбели уважать себя, любить Отечество и Государя за выгоды своего рождения, пленяться знатностию, уделом его предков, и наградою личных будущих заслуг его; сей образ мыслей и чувствований дает ему то благородство духа, которое сверх иных намерений было целию при учреждении наследственного Дворянства: преимущество важное, редко заменяемое естественными дарами простолюдина, который в самой знатности боится презрения, обыкновенно не любит Дворян и мыслит личною надменностию изгладить из памяти людей свое низкое происхождение. Добродетель редка. Ищите в свете более обыкновенных, нежели превосходных душ. Мнение не мое, но всех глубокомысленных политиков есть, что твердо основанные права благородства в Монархии служат ей опорой. Итак, желаю, чтобы Александр имел правилом возвышать сан Дворянства, коего блеск можно назвать отливом Царского сияния; возвышать не только Государственными хартиями, но и сими, так сказать, невинными, легкими

знаками внимания, столь действительными в Самодержавии. Напр., для чего Императору не являться иногда в торжественных Собраниях Дворянства в виде его Главы, и не в мундире офицера Гвардейского, а в Дворянском?¹⁶⁵ Сие произвело бы гораздо более действия, нежели письмо красноречивое и словесные уверения в Монаршем внимании к Обществу благородных; но ничем Александр не возвысил бы оногo столь ощутительно, как законом принимать всякого Дворянина в воинскую службу Офицером, требуя единственно, чтобы он знал начала Математики и Русский язык с правильностию: давайте жалованье только комплектным; все благородные, согласно с пользою Монархии, основанной на завоеваниях, возьмут тогда шпагу в руку вместо пера, коим ныне, без сомнения, ко вреду Государственному, и богатые, и не богатые Дворяне вооружают детей своих в Канцеляриях, в Архивах, в Судах, имея отвращение от солдатских казарм, где сии юноши, деля с рядовыми воинами и низкие труды, и низкие забавы, могли бы потерпеть и в здоровьи, и в нравственности. В самом деле, чего нужного для службы нельзя узнать Офицером? Учиться же для Дворянина гораздо приятнее в сем чине, нежели в Унтер-Офицерском. Армии наши обогатились бы молодыми, хорошо воспитанными Дворянами, тоскующими ныне в полатых¹⁶⁶. Гвардия осталась бы исключением: единственно в ней начинали бы мы служить с Унтер-Офицеров; но и в Гвардии надлежало бы отличать сержанта благородного от сына солдатского. Можно и должно смягчать суровость воинской службы там, где суровость не есть способ победы. Строгость в безделицах уменьшает охоту к делу. Занимайте, но не утомляйте воинов игрушками или вахт-парадами. Действуйте на душу еще более, нежели на тело. Герои вахт-парада оказываются трусами на поле битвы; сколько знаем примеров! Офицеры Екатеринина века ходили иногда во фраках, но ходили смело и на приступы. Французы не педантствуют — и побеждают. Мы видели Прусских Героев!

Как Дворянство, так и Духовенство бывает полезно Государству по мере общего к ним народного уважения. Не предлагаю восстановить Патриаршество; но желаю, чтоб Синод¹⁶⁷ имел более важности в составе его и в действиях; чтобы в нем заседали, напр., одни Архиепископы; чтоб он в случае новых коренных Государственных постановлений сходился вместе с Сенатом для выслушания, для принятия оных в свое хранилище Законов и для обнародования, разумеется, без всякого противоречия. Ныне стараются о размножении Духовных училищ, но будет еще похвальнее Закон, чтобы 18-летних учеников не ставить в священники и никого без строгого испытания. Закон, чтоб Иереи¹⁶⁸ более пеклись о нравственности прихожан, употребляя на то данные им от Синода благоразумные, действительные средства, о коих мыслил и Государь Петр Великий. По характеру сих важных

Духовных сановников можете всегда судить о нравственном состоянии народа. Не довольно дать России хороших Губернаторов; надобно дать и хороших Священников; без прочего обойдемся и не будем никому завидовать в Европе.

Дворянство и Духовенство, Сенат и Синод, как хранилище Законов, над всеми Государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание Российской Монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами Царствующих.

Державы, подобно людям, имеют определенный век свой: так мыслит Философия, так вешает История. Благоразумная система в жизни продолжает век человека; благоразумная система Государственная продолжает век Государств. Кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкогоконечного бедствия, но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит; вижу опасность, но еще не вижу погибели.

Еще Россия имеет 40 миллионов жителей и Самодержавие, имеет Государя ревностного к общему благу. Если он, как человек, ошибается, то без сомнения с добрым намерением, которое служит нам вероятностию будущего исправления ошибок.

Если Александр вообще будет осторожнее в новых Государственных творениях, стараясь всего более утвердить существующие и думая более о людях, нежели о формах; ежели благоразумною строгостию обратит Вельмож, чиновников к ревностному исполнению должностей; если заключит мир с Турциею и спасет Россию от третьей, весьма опасной, войны с Наполеоном, хотя бы и с утратою многих выгод так называемой чести, которая есть только роскошь сильных Государств и не равняется с первым их благом или с целостию бытия; если он, не умножая денег бумажных, мудрою бережливостию уменьшит расходы казны и найдет способ прибавить жалованья бедным чиновникам воинским и гражданским; если таможенные Уставы, верно наблюдаемые, приведут в соразмерность ввоз и вывоз товаров; если — что в сем предположении будет необходимо — дороговизна мало-помалу уменьшится, то Россия благословит Александра; колебания утихнут; неудовольствия исчезнут; родятся нужные для Государства привычки; ход вещей делается правильным, постоянным; новое и старое сольются в одно; реже и реже будут вспоминать прошедшее; злословие не умолкнет, но лишится жала. Судьба Европы теперь не от нас зависит. Переменит ли Франция свою ужасную систему или Бог переменит Францию, неизвестно, но бури не вечны. Когда же увидим ясное небо над Европою и Александра, сидящего на троне **целой** России, тогда восхвалим Александрово счастье, коего он достоин своею редкою добротою.

Любя Отечество, любя Монарха, я говорил искренно. Возвращаясь к безмолвию верноподданного с сердцем чистым, моля Всевышнего, да блюдет Царя и Царство Российское!

Комментарии

Карамзин Николай Михайлович

¹ О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ В ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОМ И ГРАЖДАНСКОМ ОТНОШЕНИЯХ

Записка составлена Н.М. Карамзиным по просьбе великой княгини Екатерины Павловны, младшей сестры Александра I, и представлена императору в марте 1811 г. в Твери. Первую научную публикацию, сверив более 30 списков, осуществил А.Ю. Сегень (см.: Литературная учеба. 1988. № 4. С. 135—142).

Печатается по: Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Н.М. Карамзин. М., 2001. С. 80—145.

² *Officina gentium, vagina nationum* — гнездо племен, колыбель народов (*лат.*). Скандинавия почиталась историками XVIII — начала XIX в. местом зарождения племен, разрушивших Западную Римскую империю. — Здесь и далее приводятся примечания А.Ю. Сегеня с дополнениями и исправлениями составителей.

³ *Ярослав Владимирович Мудрый* (ок. 978—1054) (христианское имя Георгий или Юрий) — великий князь киевский (с 1019), второй сын киевского князя Владимира Красное Солнышко и полоцкой княжны Рогнеды Роговолодовны. С его именем связана древнейшая часть первого свода русских законов — Русской правды (т.н. Правда Ярослава, или Древнейшая правда, составленная около 1016 г.).

⁴ Мысль о норманском происхождении свода законов Ярослава Мудрого, являвшегося первой из двух частей Русской правды, в дальнейшем была отвергнута исторической наукой. При некотором сходстве с т.н. *leges barbarorum* более заметным является влияние греко-римского права.

⁵ Разделение княжений между внуками Ярослава, которое Карамзин рассматривает как заимствованное у народов германских, было лишь частным случаем. Удельная система как порядок княжеского владения окончательно утвердилась позднее — после Владимира Мономаха.

⁶ *Владимир I Святославич* (ок. 956—1015) — великий князь киевский и первый христианский правитель Киевской Руси.

⁷ *Владимир Всеволодович Мономах* (1053—1125) — великий князь киевский (с 1113).

⁸ *Василько Ростиславич* (около 1066—1124) — князь теребовльский (с 1085), младший сын Ростислава Владимировича Тмутараканского, правнук Ярослава Мудрого.

⁹ *Андрей I Боголюбский* (ок. 1111—1174) — великий князь Владимирский (с 1157), сын Юрия Долгорукого и половецкой княжны.

¹⁰ *Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо* (1154—1212) — великий князь владимирский (с 1176), десятый сын Юрия Долгорукого, сводный брат Андрея Боголюбского, византиец по матери.

¹¹ *Батый* (ок. 1207—1256) — монгольский хан, сын Джучи, внук Чингисхана. В 1236—1240 гг. разгромил южнорусских князей, в 1240 г. опустошил Киевское княжество и подчинил себе всю Русь.

¹² Баскак (от *тюркск.* давить) — представитель монгольского хана в завоеванных землях. На Руси баскачество сформировалось в 1250—1260-х гг. В каждое княжество назначался особый баскак. «Великий баскак» имел резиденцию во Владимире. Баскаки контролировали местные власти, в XIII—XIV вв. собирали с русских земель дань Золотой Орде. Также баскаки вели учет населения в завоеванных землях. В распоряжении баскаков могли быть большие вооруженные отряды, для обеспечения своевременного сбора дани.

¹³ *Иоанн I* (Иван) Данилович Калита (1288—1340) — князь московский (с 1325), великий князь владимирский (ярлык от хана в 1328), князь новгородский (с 1328 по 1337).

¹⁴ *Узбек* (?—1342) — хан Золотой Орды в 1313—1342 гг., способствовал возвышению Москвы своим покровительством московским князьям.

¹⁵ Во время Ивана III термин «самодержец» обозначал монарха, не платящего никому дани. При Иване IV он обозначал уже монарха абсолютного, которому принадлежит вся полнота верховной власти. Здесь Карамзин использует термины «самодержец» и «самодержавие» в обоих смыслах, так как говорит и о свержении татарского ига, и об истреблении остатков права веча.

¹⁶ *Олег* (?—912) — древнерусский князь. Правил в Новгороде (с 879), в Киеве (с 882).

¹⁷ *Дмитрий Донской* (Дмитрий) (1350—1389) — великий князь московский (с 1359) и владимирский (с 1362), сын великого князя Ивана II Красного.

¹⁸ *Иоанн III* (Иван) (1440—1505) — великий князь всея Руси (с 1462), сын великого князя Василия II.

¹⁹ *Иоанн IV* (Иван) Грозный (1530—1584) — великий князь всея Руси (с 1533), первый русский царь (с 1547), сын великого князя Василия III.

²⁰ Иоанн III был женат вторым браком на дочери правителя (деспота) Морей (Пелопоннеса) Фомы Палеолога, племяннице последнего византийского императора Константина XI, погибшего при взятии Константинополя турками в 1453 г. — Софье Фоминичне (1443/1449—1503). Став в 1472 г. супругой правителя России, она начала продвигать идею России как Третьего Рима, тогда при дворе возникли строгий этикет и небывалая до того времени пышность; был введен новый герб страны, в нем герб московского княжества, изображавший Георгия Победоносца, сочетался с двуглавым орлом Византийской империи.

²¹ *Юстиниан I* (Justinianus) Великий (482 или 483—565) — император Византии (Восточной Римской империи) (с 527 г.). При нем была произведена знаменитая кодификация римского права: в 528—529 гг. комиссия из десяти правоведов кодифицировала указы императоров от Адриана до Юстиниана в двенадцати книгах «Кодекса Юстиниана», а к 534 г. было выпущено 50 книг «Дигест» — юридическо-го канона по обширному материалу всего римского законодательства.

²² Имеется в виду Судебник 1497 г., расширивший русское законодательство на основе Русской правды, Псковской судной грамоты, уставных грамот, великокняжеских указов и обычного права.

²³ Судебник 1550 г., основываясь на Судебнике Ивана III, усилил роль централизованных государственных судебных органов.

²⁴ Торговая казнь — одно из наиболее жестоких телесных наказаний в России, заключающееся в публичном битье кнутом на торгах (отсюда название), на площадях, у присутственных мест или вообще в местах скопления народа. Впервые узаконена в Судебнике 1497 г. как наказание за кражу и за перепахивание межи.

²⁵ Известно, что в сентябре 1533 г. в Москву прибыл караван индийского купца Гусейна Хози, который привез для великого князя Московского и всея Руси Василия III Ивановича грамоту от своего владыки — основателя государства Великих Моголов в Индии Захир-ад-дина Мухаммеда Бабура (1483—1530), к тому времени уже умершего, с предложением «быть в дружбе и братстве».

²⁶ Имеется в виду дворянский титул, который в середине XVI в. в соответствии с политикой Ивана IV делался выше других; а в XVII в. термин «дворяне» уже включал в себя и титулы княжеские, и боярские, и собственно дворянские.

²⁷ Оприщина, опричнина (от *древнерусс.* опричный — особый) — название отряда телохранителей Ивана IV Грозного и части государства (государева удела), выделенной в особое управление ради их содержания в 1505 г. В опричнину на-

брали 1000 человек — князей, дворян и пр., но число их скоро достигло 6000. Им было выделено несколько улиц в Москве и 20 городов с волостями. Остальное государство («земщина») управлялось по-старому «земскими» боярами. 300 человек опричников в Александровской слободе изображали род монастырской братии Грозного. Опричники пировали с царем, производили розыски и казни, наезды на Москву и др. города.

²⁸ *Годунов* — Годунов Борис (около 1552—1605) — русский царь (избран Земским собором 17 февраля 1598 г.). Сын боярина Федора Годунова.

²⁹ Имеется в виду Дмитрий Иванович (1582—1591) — сын царя Ивана IV Грозного и Марии Нагой, последний Рюрикович. Получил в удел Углич, куда был отправлен вместе с матерью после смерти отца (1584) Борисом Годуновым, где и погиб. Существуют две версии причин его смерти: 1) убит по приказу Бориса Годунова, желавшего устранить претендента на престол; 2) закололся ножом в припадке падучей болезнью — эта версия была признана официальной, так как специальная комиссия (боярин князь В.И. Шуйский, окольныйничий А.П. Клешнин, думный дьяк Е. Вылузгин, а также митрополит Геласий) во второй половине мая 1591 г. провела расследование, допросив около 150 человек, и пришла к мнению, что смерть царевича случилась во время припадка эпилепсии, когда он упал и закололся ножом.

³⁰ *Лжедмитрий I* (Лжедмитрий) (?—1606) — самозванец, выдававший себя за сына царя Ивана IV царевича Дмитрия, царь с 1605 г. Настоящее имя, предположительно, Юрий Богданович Отрепьев (в монашестве Григорий). Из мелкопоместных галицких дворян. Около 1600—1601 гг. бежал в Польшу, где объявил себя наследником российского престола, тайно принял католичество. В 1604 г. с польско-литовскими отрядами перешел русскую границу, был поддержан частью горожан, казаков и крестьян. В июле 1605 г., после смерти царя Бориса Годунова и убийства его сына Федора, вступил во главе войска в Москву и венчался на царство. Убит боярами-заговорщиками во главе с князем В.И. Шуйским, которые сожгли его труп, пеплом зарядили пушку и выстрелили на запад — туда, откуда он пришел.

³¹ *Генрих* (Henri IV) (1553—1610) — король Франции (с 1589 г., фактически с 1594 г.), первый из династии Бурбонов; король Наварры (с 1562).

³² Устав монашеского ордена картезианцев, учрежденного в 1170 г. во Франции, отличался крайне аскетическим характером и, в частности, вменял обет молчания. В литературе XVIII в. образ монаха-картезианца олицетворял собою блаженное уединение от суеты.

³³ Например, телятиной, «которая считалась у нас заповедным, грешным яством» (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. XI. Гл. IV).

³⁴ Святыня своих предков — здесь: Православие.

³⁵ *Василий IV Шуйский* (1552—1612) — русский царь в 1606—1610 гг. Сын князя Ивана Шуйского. Возглавлял тайную оппозицию царю Борису Годунову, поддержал Лжедмитрия I, затем организовал заговор против него. Став царем, подавил восстание И.И. Болотникова. В целях организации обороны против войск Речи Посполитой и Лжедмитрия II заключил союз со Швецией, который привел к захвату шведами Пскова и Новгорода. Низложен во время восстания в Москве, умер в польском плену.

³⁶ Сверженный с престола и насильно постриженный в монахи Шуйский, будучи представлен польскому королю Сигизмунду, отказался кланяться, вел себя гордо, с достоинством.

³⁷ От мифической многоглавой змеи (Лернейская гидра), у которой вместо каждой отрубленной головы отрастали две новые. Образ «гидры Аристократии» Карамзин применяет в отношении Семибоярщины, «седемочисленных бояр» —

правления, образовавшегося в июле 1610 г. после свержения Шуйского, в состав которого вошли князь Ф.И. Мстиславский, князь И.М. Воротынский, князь А.В. Трубецкой, князь А.В. Голицын, князя Б.М. Лыков, И.Н. Романов, Ф.И. Шереметев. Одним из первых ими было принято решение не избирать царем представителей русских родов.

³⁸ Речь идет о Смутном времени, наступившем в России после смерти в Угличе в 1591 г. царевича Дмитрия, последнего представителя династии Рюриковичей, и продолжавшемся до избрания в 1613 г. на российский престол представителя династии Романовых — Михаила Федоровича (1596—1645). До этого одна часть московского боярства (Семибоярщина) пыталась утвердить на российском престоле польского королевича, старшего сына Сигизмунда III — Владислава (1595—1648) из династии Ваза, который в 1610 г. был даже избран на Московское царство с именем Владислава Жигимонтовича (т.е. Сигизмундовича), но так царем и не стал; новгородские же бояре в 1611 г., а затем второе русское ополчение К.М. Минина и князя Д.М. Пожарского — в противовес польским претендентам — выдвигали кандидатуру сына шведского короля Карла IX — Густава Адольфа (1594—1632) из династии Ваза, ставшего в 1611 г. королем Швеции.

³⁹ Явление самозванства было вообще одной из отличительных черт Смутного времени; во главе всякого бунта вставал непременно самозванец, объявлявший себя сыном Ивана Грозного или Федора Ивановича и претендующий на престол. «Козаками» историки первой половины XIX в., в том числе Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев и др., называли крестьян, по складу своего характера более склонных к разбою и смутам, нежели к землепашеству, а Смутное время позволило им в полной мере проявить свои наклонности.

⁴⁰ Минин Кузьма Минич (?—1616) — нижегородский посадский человек, с сентября 1611 г. земский староста. Инициатор и один из руководителей Второго ополчения 1611—1612 гг., соратник князя Д.М. Пожарского. В сражениях за Москву против польского гарнизона проявил личную храбрость. В 1612—1613 гг. вместе с князем Д.Т. Трубецким и Д.М. Пожарским член земского правительства («Совета всей земли»), где занимался финансово-хозяйственными вопросами. После избрания в 1613 г. царем Михаила Романова он получил чин думного дворянина и вотчину в селе Богородском под Нижним Новгородом с 9 деревнями «в род неподвижно», вошел в состав Боярской думы.

⁴¹ Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642) — князь. В 1598 г. стряпчий и член Земского собора, с 1602 г. стольник, с 1613 г. боярин. В 1608—1610 гг. соратник Василия Шуйского в его борьбе с Лжедмитрием II. С 1610 г. воевода в Зарайске. Участник Первого ополчения 1611 г. С октября один из руководителей Второго ополчения 1611—1612 гг. и Земского правительства. В 1615 г. руководил боевыми действиями против польских интервентов, в 1618 г. участвовал в отражении похода войска польского королевича Владислава на Москву. В 1617—1640 гг. возглавлял ряд приказов, участвовал в переговорах с английскими, польскими и крымскими послами, был воеводой в Новгороде (1628—1630).

⁴² Земский собор 1613 г. избрал на царство Михаила Федоровича Романова.

⁴³ Имеются в виду ограничительные условия, предложенные при избрании Михаила: «предоставить полный ход правосудия по старым законам страны; никого не судить и не осуждать высочайшею властью; без собора не вводить никаких новых законов, не отягчать подданных новыми налогами и не принимать самонадеянных решений в ратных и земских делах».

⁴⁴ Родоначальником рода Романовых считается Андрей Иванович Кобыла, отец которого Гланда-Камбила Дивонович, в крещении Иван, приехал в Россию в XIII в. из Литвы или, как указывается в летописи, «из Прусс».

⁴⁵ Филарет (в миру Федор Никитич Романов) (ок. 1554/55—1633) — патриарх Московский и всея Руси в 1608—1610 гг. и с 1619 г. Двоюродный брат царя Федора I Ивановича. Отец царя Михаила Федоровича. Боярин (1587), приближенный царя Федора Ивановича, при Борисе Годунове с 1600 г. — в опале, пострижен в монахи. Возвращен в Москву Лжедмитрием I, митрополит Ростовский (1605). В 1608—1610 гг. в Тушинском лагере Лжедмитрием II возведен в патриархи. В 1610 г. возглавлял «великое посольство» к Сигизмунду III под Смоленск, до 1619 г. — в польском плену. По возвращении в Москву — фактический соправитель страны.

⁴⁶ Федор Иоаннович — Федор I Иванович (1557—1598) — последний русский царь (с 1584) из династии Рюриковичей. Сын Ивана IV.

⁴⁷ Не совсем четкое утверждение: система приказов существовала в Московском государстве уже с XIV в.

⁴⁸ Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь (с 1645), второй представитель династии Романовых на российском престоле.

⁴⁹ Соборное уложение 1649 г. — продолжение Русской правды и судебников, знаменующее более высокую ступень феодального права. Оно закрепило слияние поместий и вотчин, окончательно установило государственную систему крепостного права, сделало более централизованным судебно-административный аппарат. В сфере политической Уложение 1649 г. отразило начальный этап перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Более 200 лет оно не утрачивало своего значения и в первой половине XIX в. еще являлось основой свода законов Российской империи.

⁵⁰ Петр I Великий (1672—1725) — русский царь (с 1682), первый российский император (с 1721), сын царя Алексея I Михайловича Романова от второй жены — Н.К. Нарышкиной. Был возведен на престол после смерти бездетного царя Федора Алексеевича в обход своего старшего брата Ивана (сына Алексея Михайловича от первого брака — с М.И. Милославской). Однако в результате Московского восстания 1682 г. (по имени князя И.А. Хованского, руководителя стрелецкого движения, начальника Стрелецкого приказа, восстание получило название «Хованщина», в нем участвовали стрельцы и старообрядцы — сторонники Милославских, которые расправились со сторонниками Нарышкиных) «старшим» царем был объявлен Иван V Алексеевич, а Петр — «младшим», при правительнице царевне Софье. В 1682—1689 гг., т.е. до своего совершеннолетия, Петр вместе с матерью жил в подмосковном селе Преображенском, выезжая в Москву лишь для приема иностранных послов и других дворцовых церемоний.

⁵¹ Софья (Софья) Алексеевна (1657—1704) — правительница России в 1682—1689 гг., одна из 13 детей царя Алексея Михайловича от брака с Марией Милославской. После смерти своего брата — царя Федора Алексеевича (27 апреля 1682 г.) активно участвовала в борьбе придворных партий, так как была недовольна избранием на царский престол 10-летнего Петра I. Воспользовавшись Московским восстанием 1682 г., партия Милославских захватила власть, а Софья фактически возглавила правительство, опираясь на В.В. Голицына, Ф.Л. Шакловитого и др. В 1689 г. группировка, поддерживавшая Петра I, одержала победу, Софья была заточена в Новодевичий монастырь, а после подавления Стрелецкого восстания 1698 г., во время которого сторонники Софьи намеревались «выкликнуть» ее на царство, пострижена в монахини.

⁵² Сенат (*lat. senatus, от senex* — старик) — Правительствующий сенат учрежден Петром I в 1711 г. как высший государственный орган России по делам законодательства и управления, подчиненный императору.

⁵³ Многочисленные придворные и военно-служилые чины, не имевшие даже общего названия, при Петре I стали называться шляхетством, а позднее — дворянством. В приказе 1714 г. о единонаследии и в Табели о рангах были утверждены

права новых дворян, и огненные получение дворянских титулов в связи с продвижением по службе стало узаконенным. Это позволило большому количеству европейцев стать русскими дворянами.

⁵⁴ *Лефортом* (Lefort) Франц Яковлевич (1656—1699) — сподвижник Петра I, родился в Женеве, с 1676 г. в России, участвовал в различных военных кампаниях. С осени 1690 г. Петр I часто бывал в Немецкой слободе в доме Лефорта, который стал одним из главных организаторов и участников военных «потех» Петра; в 1691 г. Лефорт произведен в генерал-лейтенанты, в 1693 г. — в полные генералы. В 1692 г. на деньги Петра I к дому Лефорта была пристроена большая зала для приемов (на 1500 человек), в которой проходили деловые встречи и увеселения Петра I. В 1693 и 1694 гг. Лефорт сопровождал Петра I в его поездках в Архангельск. В 1694 г. участвовал в «потешном» Кожуховском походе (в деревне Кожухово, между Москвой и Коломенским). Во время Азовских походов 1695—1696 гг. Лефорт командовал русским флотом. Возвращение из Азовского похода было отмечено шествием через всю Москву до Немецкой слободы и празднеством. За этот поход Лефорт получил титул новгородского наместника и вотчины в Епифанском и Рязанском уездах. Не без его влияния задумана была поездка Петра за границу в составе Великого посольства — русской дипломатической миссии в 1697—1698 гг. в Западную Европу, которую он сам официально и возглавил (фактический руководитель — Петр I — находился в составе посольства под именем Петра Михайлова). По возвращении в Москву в 1698 г. участвовал в суде над участниками Стрелецкого восстания. С 1698 г. отстроенный специально для него дворец на Яузе стал своеобразным центром русской политической и придворной жизни 1698—1699 гг.; здесь проходили все важные встречи Петра I и многочисленные придворные праздники.

⁵⁵ Тайная канцелярия, центральное государственное учреждение в России, орган политического следствия и суда, была создана Петром I в феврале 1718 г. для следствия по делу царевича Алексея Петровича. Находилась под личным контролем царя. Следствия проходили с применением пыток. Располагалась Тайная канцелярия в петербургской Петропавловской крепости. Преображенский приказ, выполнявший те же функции, существовал с середины XVII в. в селе Преображенском. Впоследствии оба учреждения были слиты воедино.

⁵⁶ Скорее всего, Карамзин имеет в виду попытки разрушить тотальное господство католической церкви в Испании, которые предприняли братья Бонапарты (император французов Наполеон и король испанцев Жозеф) в 1808—1809 гг., закрыв две трети монастырей, распустив все монашеские ордена, упразднив Инквизицию и конфисковав ее имущество.

⁵⁷ *Меньшиков* (Меншиков) Александр Данилович (1673—1729) — светлейший князь (1707), генералиссимус (1727), сподвижник Петра I. 25 мая 1727 г. во дворце Меншикова на Васильевском острове произошло обручение его дочери Марии и 12-летнего императора Петра II. Но стараниями его врагов — Долгоруких и Голицыных, 8 сентября того же года Меншиков был арестован и отправлен в ссылку. Петр II отказался от «невесты».

⁵⁸ Долгорукие (Долгоруковы) — русский княжеский род, происходящий от святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского. В 1830 г. половину из 8 членов Верховного тайного совета составляли Долгорукие (князья Василий Лукич, Иван Алексеевич, Василий Владимирович и Алексей Григорьевич), которых поддерживали братья Голицыны (Дмитрий и Михаил Михайловичи).

⁵⁹ Голицыны — княжеский род, происходящий от великого князя литовского Гедимина. Во второй половине 20-х гг. XVIII в. Голицыны наряду с Долгоруковыми — влиятельнейший в России аристократический род.

⁶⁰ Верховный тайный совет, созданный по указу Екатерины I в 1726 г. и состоявший из 7, а затем из 8 членов, являлся высшим правительственным учреждением

России в 1726—1730 гг. Деятельность Совета стала воплощением борьбы между новым дворянством и родовой знатью, между «голштинской» и боярской партиями. 18 января 1730 г. возведенная на престол Анна Ивановна подписала «кондиции» — условия, ограничивающие ее власть, но уже 25 февраля того же года она разорвала «кондиции», а манифестом 4 марта 1730 г. Верховный тайный совет был упразднен.

⁶¹ *Остерман* Андрей Иванович (1686—1747) — государственный деятель, дипломат, граф (1730), с приходом к власти Анны Ивановны стал главным действующим лицом русской внешней политики, им были улажены многие спорные вопросы, заключены договоры с Англией и Голландией, окончена разорительная война с Турцией.

⁶² *Миних* Христофор Антонович (1683—1767) в 1732 г. был назначен президентом военной коллегии и генерал-фельдмаршалом, прославился взятием Хотина во время Крымского похода 1738 г.

⁶³ *Бирон* Эрнест-Иоанн (1690—1772) после расправы Анны Ивановны с Верховным тайным советом по существу сосредоточил в своих руках всю власть в России, будучи регентом малолетнего Ивана Антоновича. В 1740 г. Бирон был свергнут Минихом, но через год Елизавета Петровна вернула ему свободу и имения.

⁶⁴ Редкий для Карамзина случай сатирического описания событий истории. В 1741 г. французский посол Шетарди и шведский барон Нолькен решили возвести Елизавету Петровну на престол. Посредником между послами и Елизаветой был лейб-медик Лесток Иоганн-Герман (1692—1767). Шведы объявили войну правительству Анны Леопольдовны под предлогом освобождения России от ига иноземцев. Перед выступлением русских войск 25 ноября 1741 г. Елизавета явилась в казармы гренадерской роты Преображенского полка и с помощью гренадеров совершила государственный переворот. Остерман и Миних были приговорены к смертной казни, которую заменили ссылкой. Гренадерская рота Преображенского полка получила название Лейб-кампании, солдаты не из дворян зачислены в дворяне, им даны поместья, а офицеры приравнены к генеральским чинам. Буйство солдат в первые дни вступления Елизаветы на престол доходило до крайностей и вызывало кровавые столкновения. Алексей Разумовский, сын простого украинского казака, получил голубую ленту — т.е. орден Андрея Первозванного, высший в России; а в 1744 г. он уже был графом Римской империи. Разумовский — мorganатический супруг Елизаветы Петровны.

⁶⁵ Так называемая Семилетняя война (1756—1763) из-за Силезии между Пруссией и Англией, с одной стороны, Австрией, Саксонией, Россией, Францией и Швецией — с другой, закончилась победой англо-прусской коалиции.

⁶⁶ Граф Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766) в 1744 г. был назначен канцлером, добился устранения Воронцова Михаила Илларионовича (1714—1767) и Лестока, составил план возведения на престол Екатерины Алексеевны. После неудачи России в Семилетней войне был обвинен в придворной интриге, приговорен к смертной казни, которую заменили ссылкой.

⁶⁷ Граф Петр Иванович Шувалов (1710—1762) в 1750-х гг. направлял внутреннюю политику России; был автором проектов экономических и финансовых реформ; обладал монополией на некоторые промыслы и экспорт леса.

⁶⁸ Распространение в Европе галломании было связано с блестящей внешней стороной царствования Людовика XIV. В России подражание французам приняло чрезмерные формы особенно при Елизавете и в начале царствования Екатерины II.

⁶⁹ *Петр III* Федорович (1728—1762) — российский император (с 1761). Сын голштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и дочери императора Петра I Великой Анны Петровны, муж Екатерины.

⁷⁰ Карамзин, видимо, опасаясь, что его записка и так чересчур смела, опускает описание недолгого правления этого государя. Между тем многое заслуживает

внимания именно в свете проблем данного сочинения — выпущенный Петром III указ 18 февраля 1762 г. о вольности дворянства, освобождавший дворян от обязательной службы и являвшийся предшественником екатерининской жалованной грамоты дворянству; указ другой — об уничтожении Тайной канцелярии; личные пороки Петра III — страсть ко всему прусскому и презрение к русскому, ненависть к православной церкви, любовь к развлечениям сомнительного свойства и т.п.

⁷¹ Карамзин приписывает Екатерине уничтожение Тайной канцелярии, видимо, для того чтобы скрасить описание ее царствования.

⁷² При Екатерине II были учреждены ордена Св. Георгия Победоносца и Св. Владимира.

⁷³ Терпит — здесь: страдает.

⁷⁴ Россия была разделена на губернии Петром I в 1708 г. В 1775 г. Екатерина II учредила Губернское правление, которое, по ее мысли, было совещательным органом при губернаторе, губернатор же один имел решающий голос. В таком виде, несмотря на несовершенство, это учреждение, включенное в Свод законов Российской империи, продержалось до 1845 г., когда было издано новое положение о губернских правлениях, по которому дела губерний разделялись на три категории — дела судные, решаемые коллегиально; дела распорядительные, требующие решения губернатора; и дела исполнительные, решаемые по отделениям губернского правления.

⁷⁵ Солон (между 640 и 635 — около 559 до н. э.) — афинский политический деятель и социальный реформатор, поэт, один из «семи мудрецов» Древней Греции.

⁷⁶ Павел I (1754—1801) — российский император (с 1796), сын Петра III и Екатерины II.

⁷⁷ Отрицательные свойства характера Павла, доведенная до абсурда ненависть его ко всем образованиям Екатерины, склонность к бессмысленному тиранству — все это в значительной мере было вызвано обстоятельствами жизни этого государя: смерть Петра III, низложенного Екатериной, произошла при загадочных обстоятельствах; отношение Екатерины к сыну было крайне пренебрежительным, «die schwere Bagage» (тяжелый груз) — так называла она семью Павла; а в последние годы жизни Екатерина и вовсе намеревалась изменить порядок престолонаследия, с тем чтобы царствующий монарх сам назначал наследника престола; намерение это было вызвано желанием Екатерины оставить трон после себя не Павлу, а внуку — Александру Павловичу, которого она сама воспитывала, что к тому же задевало и отцовские амбиции Павла.

⁷⁸ В русской армии звание капрала было первым, в которое повышались рядовые. Заменено в царствование Николая I званием отдельного унтер-офицера. Дух капральства — дух муштровки, которая была в армии плодом парадомании, «военного дурачества» Павла I.

⁷⁹ Борясь с памятью о царствовании Екатерины, Павел стремился, чтобы и в одежде его подданные полностью отличались от подданных его матери. «Прежде всего была объявлена беспощадная война круглым шляпам, отложным воротничкам, фракам, жилетам, сапогам с отворотами, панталонам. Всем предписывалось употребление пудры для волос, косичек, башмаков; волосы следовало зачесывать назад, а отнюдь не на лоб...» (Шильдер Н.К. Император Павел Первый). Специальные отряды полиции следили на улицах за соблюдением правил одежды, и человека во фраке или в жилете могли попросту раздеть, не считаясь с правилами приличия.

⁸⁰ В 1797 г. на месте разрушенного Летнего дворца, в котором Павел родился, началось строительство Михайловского замка, который должен был затмить собою Зимний дворец, ненавистный Павлу, поскольку в нем жила и царствовала Екатерина. Переехав 1 февраля 1801 г. из Зимнего дворца в Михайловский замок,

Павел произнес пророческие слова: «На этом месте я родился, здесь хочу и умереть». Ему суждено было прожить в собственном дворце всего лишь 39 дней: в ночь с 11 на 12 марта в одном из покоев Михайловского замка Павел был убит заговорщиками.

⁸¹ Любимая тема Карамзина в «Истории государства Российского», особенно в последних томах: даже самые благородные замыслы не оправдывают злодейства.

⁸² Первый, без сомнения, — Иван IV; кто второй — Петр I или Павел I, — не ясно.

⁸³ Александр I Павлович (1777—1825) — российский император (с 1801).

⁸⁴ Брут Марк Юний (Marcus Junius Brutus) (85—42 гг. до н. э.) — римский политический деятель. В борьбе между Цезарем и Помпеем Брут стоял на стороне последнего. После поражения Помпея при Фарсале (48 г.) Брут был назначен Цезарем, стремившимся привлечь его к себе, наместником в Цизальпинской Галлии (46 г.), затем претором в Риме (44 г.). Вместе с Кассием Лонгином Гаем (Gaius Cassius Longinus) (?—42 гг. до н. э.) Брут возглавил заговор (44 г.) против Цезаря. По преданию, Брут одним из первых нанес Цезарю удар кинжалом. Покинув Рим после убийства Цезаря, Брут и Кассий встали во главе республиканцев в борьбе со вторым триумвиратом. Под их властью оказались Македония, Греция, Малая Азия и Сирия. После поражения при Филиппах Брут и Кассий покончили с собой.

⁸⁵ Имеется в виду эпизод, связанный с крещением Руси, когда великий князь Владимир в 987 г. отправил «десять мужей добрых и смысленых», дабы они на местах ознакомились с новыми верами. Послы эти побывали у волжских болгар, затем у немцев, исповедовавших латинскую веру, и в Царьграде. Возвратившись домой, они дали отрицательные отзывы о богослужении магометан и немцев и с восторженным умилением рассказывали о богослужении греков. «Когда пришли мы к грекам, — говорили послы, — нас ввели туда, где они служат Богу своему, и мы не знали, на небе ли мы находимся или на земле: забыть этой красоты мы не можем, ибо всякий человек, вкусив сладкого, отвращается от горького, так и мы “не имамы зде быти”, не хотим оставаться в прежней языческой вере».

⁸⁶ Имеются в виду Великая французская революция (1789—1794) и Наполеон Бонапарт — сначала революционер-якобинец (1792), республиканский генерал (1793), затем первый консул (1799) и, наконец, император (1804).

⁸⁷ Франция не соблюдала условий Амьенского мирного договора с Англией, и в мае 1803 г. Англия вновь объявила ей войну.

⁸⁸ Согласно с условиями мирного договора, заключенного между Францией и Австрией в 1797 г. в Кампо-Формио, в обмен на Венецию, Зальцбург и часть Баварии Австрия уступила Франции Ломбардию, Бельгию и весь левый берег Рейна.

⁸⁹ Герой Итальянский — русский полководец Александр Васильевич Суворов (1729/1730—1800), разгромивший в 1799 г. армию Директории во время Итальянского похода; генерал от инфантерии Герман Иван Иванович (?—1801) командовал десантом англо-русской экспедиции в Голландию и был разбит французами в битве при Бергене 8 сентября 1799 г.; генерал-лейтенант Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753—1840) возглавлял армию, действовавшую против французов в Швейцарии, был разбит генералом Массена 14 сентября 1799 г. под Цюрихом.

⁹⁰ До 1804 г. Наполеон носил титул первого консула Франции.

⁹¹ В сражениях на р. Требии (6—8 июня 1799) и у города Нови (4 августа 1799) в Италии А.В. Суворов уничтожил французские армии Макдональда и Жубера.

⁹² Посланник России во Франции граф Морков Аркадий Иванович (1747—1827), находившийся в Париже с июля 1801 по декабрь 1803 г. Иногда, как у Карамзина, встречается иное написание фамилии этого дипломата — Марков.

⁹³ 26 сентября 1801 г. между Россией и Францией был заключен мирный договор, а еще через два дня Морков и министр иностранных дел Франции Талей-

ран подписали «Секретную конвенцию между его высочеством Императором Всероссийским и Французской республикой» о сферах влияния в Европе, где Россия соглашалась с притязаниями Франции на часть баварских земель.

⁹⁴ *Талейран*, Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord) Шарль Морис (1754—1838) — французский дипломат, государственный деятель.

⁹⁵ В 1803 г. французскими властями по обвинению в деятельности, направленной против французского правительства, был арестован некто Кристен — швейцарец по происхождению, он в 1794—1802 г. состоял на русской службе. У Карамзина мелкая неточность: ноту протеста Талейрану подал не Морков, а Убри Петр Яковлевич (1774—1847), бывший в 1803 г. секретарем русского посольства в Париже. В ноте Кристен назван надворным советником русской службы, каковым он уже не являлся.

⁹⁶ Летом 1803 г. Бонапарт потребовал от Александра I, чтобы тот отозвал Моркова. Осенью отношения между Наполеоном и Морковым еще более ухудшились. Посланник подал Александру прошение о вызове его из Парижа. 15 октября император отправил ему рескрипт, разрешающий Моркову покинуть Францию. Вместе с рескриптом Морков получил знаки ордена Андрея Первозванного — голубую ленту, крест и звезду.

⁹⁷ По-видимому, речь идет о Чарторыйском Адаме Адамовиче (1770—1861), бывшем в 1802—1806 г. товарищем министра иностранных дел, и Воронцове Александре Романовиче (1741—1805), занимавшем с 1802 по 1805 г. пост министра иностранных дел.

⁹⁸ В 1805 г. князь Долгоруков Петр Петрович (1744—1815) ездил в Берлин для переговоров о разрешении прохода русских войск через Пруссию.

⁹⁹ *Беннигсен* Леонтий Леонтьевич (1745—1826) — генерал от кавалерии. В Русско-пруско-французской войне 1806—1807 г. командовал корпусом, затем был главнокомандующим; потерпел поражение при Фридланде (1807).

¹⁰⁰ *Толстой* Петр Александрович (1761—1844) — в 1806—1807 г. дежурный генерал при Беннигсене.

¹⁰¹ 22 октября 1805 г. в Потсдаме были заключены Русско-прусская конвенция о совместных действиях против Франции и Декларация о присоединении Австрии к этой конвенции.

¹⁰² *Макк* (Mask) Карл (1752—1828) — австрийский генерал, в 1805 г. двинулся во главе своей армии к Ульму, но у р. Иллера был атакован французами, потерпел поражение и капитулировал с 20 тыс. войска.

¹⁰³ *Кутузов* Михаил Илларионович (1745—1813) — русский полководец, командуя во время Русско-австро-французской войны 1805 г. корпусом, совершил Ульмско-Ольмюцкий отступательный марш-маневр, ставший классикой военного дела XIX в.

¹⁰⁴ *Карл* (Karl) Людвиг Иоанн (1771—1847) — австрийский эрцгерцог, полководец, сын императора Леопольда II.

¹⁰⁵ *Франц II* (Franz) (1768—1835) Габсбург — последний император Священной Римской империи германской нации (1792—1806), первый император Австрии (с 1804, в качестве императора австрийского носил имя Франца I), враг Наполеона, участвовал в войнах против него, в 1805 г. вынужден был бежать из Вены, сдав французам столицу, затем потерял в борьбе с неприятелем не только ряд земель Австрийской империи, но и свою дочь Марию-Луизу, которая в 1810 г. стала второй женой Наполеона.

¹⁰⁶ Тильзитский мир заключен в июне—июле 1807 г. в Тильзите; Пруссия лишилась половины своих территорий, Александр признал завоевания Наполеона в Европе.

¹⁰⁷ П.Я. Убри подписал 8 июля 1806 г. русско-французский мирный договор, однако ему пришлось отступить от предписанных ему министерством иностранных дел инструкций, что дало Александру I основание издать манифест об отказе от ратификации договора. Это было вызвано изменением политической обстановки, в связи с которым русское правительство посчитало Россию способной продолжать войну.

¹⁰⁸ Война России и Пруссии против Франции в 1806—1807 гт.

¹⁰⁹ В 1806 г. под Пултуском Беннигсен нанес поражение французам, а в 1807 г. он же победил французскую армию при Прейсиш-Эйлау и у Гутштадта.

¹¹⁰ Успешные действия русско-прусской коалиции закончились поражением в битве под Фридландом 14 июня 1807 г.

¹¹¹ Кровопролитная Русско-шведская война 1808—1809 гт. закончилась Фридрихсгамским мирным договором, по которому к России отошла Финляндия. «Монитор» («Moniteur Universel») — французская газета, выходившая с 1789 по 1868 г. Недовольство Карамзина восторженными откликами французской прессы на дела русской политики объясняется его враждебным отношением к союзу Александра с Наполеоном. Неспроста французские историки Э. Лависс и А. Раμπο в своем знаменитом труде «История XIX века» оценивают статью «О древней и новой России» как «антифранцузский манифест».

¹¹² Отдаленность войск эрцгерцога Иоанна от основной австрийской армии решила исход сражения при Ваграме 5 и 6 июля 1809 г., в котором Наполеон разгромил австрийцев.

¹¹³ Павел I восстановил упраздненные Екатериной II берг- и мануфактур-коллегии.

¹¹⁴ Манифест об учреждении министерств вышел 8 сентября 1802 г.

¹¹⁵ При преобразовании министерств в 1810 г. было создано министерство полиции, в дела которого входило очень многое, в том числе продовольственное снабжение, общественное призрение и опекунов, медицина, статистика и др. В 1819 г. министерство полиции присоединено к министерству внутренних дел.

¹¹⁶ Государственный совет, высшее законосовещательное учреждение Российской империи, был преобразован, а по сути дела, образован в соответствии с «Планом» Михаила Михайловича Сперанского (1772—1839) 1 января 1810 г. Рассматривал все законопроекты перед утверждением их царем.

¹¹⁷ *Монтескье* (Montesquieu) Шарль Луи (1689—1755) — французский правовед и философ-просветитель, автор сочинения о «О духе законов» (1748).

¹¹⁸ См.: *Монтескье Ш.-Л.* О духе законов. Кн. II. Гл. IV. Перевод далее приведенной цитаты: «Состоящий при государе совет не может служить подобным хранилищем. По своей природе он является исполнителем стихийных проявлений воли монарха, которому подчиняется, а не хранителем прочных законов. К тому же, состоящий при монархе совет непрерывно меняется, он не действует постоянно, не может быть многочисленным, он не пользуется в достаточно высокой степени доверием народа и потому не в состоянии ни вразумить его в затруднительных обстоятельствах, ни привести его к покаянию». Хотя во всех копиях будущее время глагола *savoit* написано по современным правилам — *saurait*, мы решили сохранить архаичное написание, поскольку в тех изданиях Монтескье, которыми мог пользоваться Карамзин, оставалась именно эта форма — *savoit*.

¹¹⁹ «Вняв мнению Государственного совета» (*фр.*).

¹²⁰ «Регламент или устав духовных коллегий...» — главный акт петровского законодательства относительно церкви, заключающий в себе важнейшие начала реформы и целый ряд отдельных мер, из которых самое видное место занимает замена единоличной патриаршей власти коллегияльным управлением Синода. Написанный Феофаном Прокоповичем и исправленный самим Петром Регла-

мент помещен в Полном собрании законов Российской империи и датирован 25 января 1721 г. В 1722 г. был еще раз исправлен Петром и издан повторно.

¹²¹ Наказ министерский определял пределы и степень власти министров, отношения их к высшим государственным установлениям, их ответственность и т.п. Имея название «Общее учреждение министерств», он был издан манифестом 25 июня 1811 г. Первоначально «Общее учреждение министерств» выносилось в виде проекта на рассмотрение Государственного совета и прошло в нем без каких-либо замечаний и перемен. Этот проект строился на основе «Плана всеобщего государственного образования» М.М. Сперанского.

¹²² Имеется в виду книга Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734).

¹²³ Многие рассуждения итальянского политического деятеля и писателя Макиавелли (Machiavelli) Никколо ди Бернардо (1469—1527) нашли свое продолжение в трудах Монтескье. Карамзину близки были идеи Макиавелли о национальном единстве, необходимости абсолютизма, неограниченной, но просвещенной монархии.

¹²⁴ Государственный совет, государственный секретарь. Консервативный сенат, министры внутренних дел, юстиции, народного просвещения, полиции, культуры (*фр.*).

¹²⁵ Манифест Александра I от 30 ноября 1806 г. указывал на необходимость создания временного ополчения в помощь регулярной армии «в связи с поражением Пруссии и Австрии и возросшей угрозой вторжения французских армий в пределы России». Численность ополчения определялась в 612 тыс. человек.

¹²⁶ Имеется в виду указ 6 августа 1809 г., сущность которого состояла в том, чтобы впредь никого не производить в чин коллежского асессора, даже если он и выслужит определенное количество лет, без предъявления свидетельства одного из русских университетов о том, что представленный к производству успешно окончил в нем курс; без свидетельства же можно было получить чин, лишь выдержав экзамены.

¹²⁷ М.А. Корф в своей книге «Жизнь графа Сперанского» так комментирует это место: «Острословие увлекло здесь Карамзина за пределы истины». Действительно, знания Гомера, Феокрита от не обучавшихся в университетах соискателей асессорского чина не требовались — в программе экзаменов перечислялись следующие предметы: русская грамматика, сочинение, один иностранный язык и перевод с него на русский, естественное право, Римское право, частное гражданское право с приложением его к русскому законодательству, государственная экономика, уголовное законодательство, отечественная история, всеобщая история с географией и хронологией, основы статистики (особенно Русского государства), основы математики и физики. Но критика Карамзина справедлива — следовало соотносить предметы экзаменов с той сферой деятельности, которой экзаменуемый собирался себя посвятить.

¹²⁸ Гордий (*греч.* Gordios), легендарный основатель Фригийского царства, согласно легенде, был избран царем по указанию оракула как первый встречный, которого фригийцы увидели ехавшим на телеге. Став царем, он принес в дар Зевсу свою телегу и установил ее в храме, привязав при этом ярмо к дышлу таким сложным узлом, что никто не мог его развязать. Предсказание оракула, якобы, гласило, что тот, кто развяжет этот «гордиев узел», получит господство над миром. Согласно преданию, Александр Македонский в 334 г. до н. э. в ответ на предложение распутать этот узел разрубил его мечом. Отсюда выражение «разрубить гордиев узел», т.е. быстро и смело решить запутанный и сложный вопрос.

¹²⁹ Атлант — в греческой мифологии внук Урана и Геи, титан, осужденный богами держать на плечах (раменах) небесный свод.

¹³⁰ Манифест 2 февраля 1810 г., огласивший правила финансовой реформы.

¹³¹ Вексель (от нем. Wechsel — обмен) — ценная бумага в виде долгосрочного обязательства, составленного в письменном виде по определенной форме.

¹³² В России ассигнации были введены в 1769 г. Екатериной II. Павел I и затем Александр I пытались бороться с охватившей страну инфляцией, но тщетно: к 1810 г. цена ассигнаций дошла до 252,5 коп. Несколькими манифестами Александр I в 1810 г. резко уменьшил количество ассигнаций, был открыт срочный внутренний заём в 100 млн руб. Но неудержимое распространение фальшивых ассигнаций все более сокращало их цену. С 1817 г. ассигнации постепенно начинают изыматься из обращения, но окончательное их исчезновение произошло лишь в 1843 г., когда они были заменены кредитными билетами.

¹³³ Бюш (Büsch) Иоганн Георг (1728—1800) — немецкий экономист, автор многих научных трудов, в том числе трактата о денежном обращении («Abhandlung von dem Geldumlauf in anhaltender Rücksicht auf Staatswirtschaft und Handlung (Ledereinband)», 1780).

¹³⁴ Иов — персонаж Ветхого Завета, живший в патриархальные времена.

¹³⁵ Куна — денежная единица Древней Руси; в XII—XIV вв. содержание серебра в куне соответствовало 1/50 гривен.

¹³⁶ Югория — Пермские земли.

¹³⁷ Города Анзатические — северонемецкие города, входящие в Ганзейский торговый союз во главе с Любеком.

¹³⁸ Правительница — Анна Леопольдовна (1718—1746), правившая Россией в 1740—1741 гг. при малолетнем сыне — императоре Иване VI Антоновиче.

¹³⁹ В манифесте 2 февраля 1810 г. говорилось: «Все находящиеся в обращении ассигнации признаются действительным государственным долгом, обеспеченным на всех богатствах империи». Это вызвало сильное волнение в обществе.

¹⁴⁰ Вместе с манифестом 2 февраля 1810 г. разослано было и сокращенное извлечение из плана финансов, названное «разумом манифеста» и объясняющее, что государственной монетой является серебро, а не медь, что необходимо сокращение ассигнаций и что нужно производить это сокращение посредством вымена ассигнаций на серебро и уничтожения выменянных. Возмущение Карамзина, как и возмущение всего общества, было вызвано, во-первых, признанием того, что до сих пор финансовое дело в России велось из рук вон плохо, а во-вторых, путаностью и малопонятностью как манифеста, так и разума манифеста, которые являлись детищами финансовой политики Сперанского.

¹⁴¹ Су, штивер — соответственно французская и голландская разменные монеты.

¹⁴² Манифест, установивший размеры капиталов купцам по гильдиям.

¹⁴³ Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская) (1684—1727) — российская императрица с 1725 г., вторая жена Петра I, мать императрицы Елизаветы Петровны.

¹⁴⁴ Петр II Алексеевич (1715—1730) — российский император (с 1727), внук Петра I.

¹⁴⁵ Труд Екатерины II, посвященный обработке российских законов, названный «Наказом», во многом основывался на идеях Монтескье и Чезаре Беккариа. «О духе законов» вообще являлось одним из наиболее популярных произведений в XVIII веке. О Монтескье Екатерина отзывалась так: «Будь я папой, я признала бы его святым, даже не выслушав речей адвоката сатаны». «Его “Дух законов” должен быть молитвенником монархов со здравым смыслом». Примерно такого же мнения она придерживалась относительно Беккариа и его книги «О преступлениях и наказаниях». Многие в «Наказе» было напрямую заимствовано у Монтескье и Беккариа, в чем Екатерина сама же признавалась: «Я на пользу моей империи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надеюсь, что если бы он с того света увидал меня работающею, то простил бы эту литературную кражу».

во благо двадцати миллионов людей, которое из того последует». «Во всем труде мне принадлежит лишь распределение предметов по статьям и в разных местах то строчка, то слово; если бы собрали все, прибавленное мною туда, я не думаю, что вышло бы свыше двух, трех листов. Большая часть извлечена из “Духа законов” президента Монтескье и из сочинения “О преступлениях и наказаниях” Беккариа». (Высказывания Екатерины взяты из ее писем к Д’Аламберу, Фридриху II и Марии-Терезе Жоффрен.)

¹⁴⁶ В 1803 г. была создана десятая со времен Петра I Комиссия законов.

¹⁴⁷ Главный секретарь Комиссии лифляндский барон Розенкампф Густав Андреевич (1762—1832) заменил большинство русских членов Комиссии немцами и французами. Работа Комиссии при Розенкампфе состояла лишь в переводах прусских законов на русский язык.

¹⁴⁸ Сперанский был введен в совет Комиссии в 1808 г., в конце того же года он был назначен товарищем министра юстиции и фактически возглавил работу Комиссии.

¹⁴⁹ В 1809 г. Комиссия составления законов издала «Проект Гражданского Уложения Российской Империи», созданный на основе Французского гражданского кодекса 1804 г.

¹⁵⁰ Некоторая неточность: есть законы Петра I, целиком переведенные со шведского, голландского и немецкого, например часть воинского устава, все военные артикулы, генеральный регламент, устав главного магистрата.

¹⁵¹ Кормчая книга, содержащая церковные и светские законы Византии (Номоканоны), дополненные нормами русского права, появилась на Руси в XIII в., а была впервые напечатана в 1650 г.

¹⁵² Раздел о гражданских правах (*фр.*).

¹⁵³ Он не может выступать в суде ни истцом, ни ответчиком (*фр.*).

¹⁵⁴ «Зеркала, находящиеся в помещениях, признаются установленными навсегда, если пол, к которому они прикреплены, составляет целое с их обрамлением». «Что касается статуй, то они признаются недвижимостями, если они помещены в нише, сделанной нарочно для них, даже если их можно убрать без повреждения или ухудшения интерьера» (Французский гражданский кодекс 1804 г. Кн. II. Титул I. Гл. I. § 525). В данном случае замечание Карамзина несправедливо. В «Проекте...» сказано лишь: «Недвижимую принадлежностью домов и строений почитается все то, чего нельзя отделить от тех строений без повреждения их» (Ч. II. Гл. I. § 5).

¹⁵⁵ Аллювий, нанос реки (*фр.*). В «Проекте...» сказано: «Приращения берегов, от приносу земли, или от постепенного удаления и отлива вод произшедшие, принадлежат прибрежным владельцам...» (Ч. II. Гл. V. § 45).

¹⁵⁶ Семейственный совет (*фр.*).

¹⁵⁷ «Поэтому не способны наследовать: 1) тот, кто еще не зачат, 2) ребенок, который родился нежизнеспособным» (*фр.*) (Французский гражданский кодекс 1804 г. Кн. III. Титул I. Гл. II. § 725).

¹⁵⁸ В «Проекте...» сказано: «Брак запрещается сообразно правилам Греко-Российской Церкви, изображенным в постановлении Святейшего Синода: ...между братом и женою, оставшеюся после другого брата; между сестрою и мужем другой ее сестры... Между племянником и женою дяди, между племянницею и мужем тетки... Между двоюродным братом и двоюродною его сестрою... Два брата родные, также отец и сын, дед и внук не могут жениться ни на двух сестрах родных, ни на дочери и матери, ни на бабке и внучке: равным образом две сестры родные, мать и дочь, бабка и внучка не могут выйти замуж ни за двух братьев, ни за отца и сына, ни за деда и внука» (Ч. I. Гл. VI. § 124). Против этих запретов и выступает Карамзин.

¹⁵⁹ Капитан-исправник — высшая полицейская власть в уезде.

¹⁶⁰ Феофан Прокопович (1681—1736) — проповедник, государственный деятель, сподвижник Петра I, писатель-панегирист петровских преобразований; А.И. Остерман был впервые представлен Петру в 1707 г. на корабле вице-адмирала русского флота Крюйса Корнелия Ивановича (1657—1727), у которого Остерман служил секретарем. Поговорив с Остерманом четверть часа, Петр обнаружил в нем незаурядный ум и взял его к себе письмоводителем. В 1721 г. Остерман стал тайным советником и бароном, в 1727 г. получил Андреевскую ленту, при Анне Иоанновне он сделался графом, а при Анне Леопольдовне был назначен генерал-адмиралом русского флота. При воцарении Елизаветы Остерман, как ее противник, был сослан в Сибирь, где и скончался.

¹⁶¹ Сирены — в древнегреческой мифологии полуженщины-полуптицы, своим волшебным пением увлекавшие мореходов, которые гибли в морской пучине.

¹⁶² 28 июня 1807 г. вышел именной, данный Военной коллегии указ о запрещении комиссариатским и провиантским чиновникам носить общий армейский мундир, где, в частности, говорилось: «Во время продолжавшейся между Российской Империей и Францией войны... Комиссариатский и Провиантский департаменты не исполнили обязанности своей в снабжении и пропитании армии; ...ибо большая часть чиновников, имеющих в виду обогащение свое из сумм, им вверяемых, полагали тому непреодолимые препоны. С жадными поставщиками делили они сие хищение... Мы повелели примерно наказать тех, кои уже оказались и кои еще найдутся виновными в помянутых преступлениях; всем же служащим в Комиссариатском и Провиантском Департаментах запрещаем употребление общаго армейскаго мундира, изъемя только из сего запрещения Генерал-Кригс-Коммисара Обрескова и Генерал-Провиантмейстера Князя Шаховскаго, которые, служив с честью в поле и недавно вступя по воле Нашей в сие звание, не имели еще времени изтребить зла укоренившася» (Полное собрание законов Российской империи. Т. 29. СПб., 1830. С. 1208. № 22542).

¹⁶³ Палладиум (у греков — Палладион) — изваяния богини Паллады, считавшиеся у греков и римлян святыней, обладание которой составляло залог общественной безопасности и благополучия.

¹⁶⁴ Нет монарха, нет и дворянства; нет и монарха (*фр.*) (*Монтескье III.-Л. О духе законов. Кн. вторая. Гл. IV.*)

¹⁶⁵ Дворянские мундиры были введены в России Екатериной II «к отвращению разорительной роскоши». Устанавливались и различия в мундирах дворян разных городов и областей России; так, например, для петербуржцев кафтаны светло-синие, для москвичей — красные, для киевлян — темно-вишневые и т.д.

¹⁶⁶ Пovýтье — дело, которым ведает столоначальник.

¹⁶⁷ Святейший правительствующий синод (от *греч.* *synodos* — собрание) — высший государственный орган церковного управления, создан Петром I в 1721, объединял высших церковных иерархов, во главе которых стоял назначавшийся императором гражданский чиновник (обер-прокурор). Ведал делами Русской православной церкви (занимался толкованием религиозных догматов, надзором за соблюдением обрядов, вопросами духовной цензуры и просвещения, боролся с «еретиками» и «раскольниками»).

¹⁶⁸ Иерей — греческий синоним слова «священник».

Муравьев Никита Михайлович, капитан гвардии, глава Северного общества декабристов

Родился 09.09.1795 в Санкт-Петербурге в семье известного государственного деятеля, сенатора, писателя и педагога М.Н. Муравьева. Получил домашнее образование, обучался в Московском университете. С 1813 на военной службе, участник заграничных походов русской армии 1813—1814. С 1814 офицер Гвардейского Генерального штаба. Один из организаторов тайных обществ декабристов (с 1816), член Верховной думы и «правитель» Северного общества (1821—1825). В 1821—1825 разработал либеральный проект будущего государственного устройства России (т.н. Конституцию). В 1826 Верховным уголовным судом приговорен к смертной казни, замененной 20-ю годами каторги в Сибири. Умер 28.04.1843 в селе Урик Иркутской губ.

СОЧИНЕНИЯ

Конституция Н.Муравьева (хранившаяся в бумагах И.И. Пущина) // Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. С. 303—366.

Конституция Никиты Муравьева // Декабристы. Избранные источники. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 194—207.

Муравьев Н.М. Проект Конституции // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 1. С. 295—329.

ЛИТЕРАТУРА

Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. Драма междоусобия. СПб., 2006.

Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. Книга вторая. Трагедия мятежа. СПб., 2006.

Гордин Я.А. Мятеж реформаторов 14 декабря 1825 г.: После мятежа: (Хроника). СПб., 1997.

Дружинин Н.М. Декабрист Н. Муравьев // Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М., 1985.

Ланда С.С. Дух революционных преобразований. М., 1975.

Нечкина М.В. Декабристы. М., 1982.

Рубаник С.А. Государственно-правовые воззрения П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева. М., 2009.

Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции. М.: Канон, 2007.

Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

Федоров В.А. Декабристы и их время. М., 1992.

Эйдельман Н.Я. Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы. М., 2001.

КОНСТИТУЦИЯ Н. МУРАВЬЕВА (хранившаяся в бумагах И.И. Пущина)¹

Глава I.

О народе Руском и правлении.

1. Руской народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник Верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основныя постановления для самого себя.

Глава II.

О Гражданах.

3. Гражданство есть право, в определенном в сем Уставе порядке участвовать в общественном управлении: посредственно, т.е. выбором чиновников или избирателей, непосредственно, т.е. быть самому избираемым в какое-либо общественное звание по законодательной, исполнительной или судебной части.

4. Граждане суть те жители Российской Империи, которые пользуются правами выше определенными.

5. Чтобы быть Гражданином, необходимы следующие условия:

1) не менее 21 года возраста,

- 2) Известное и постоянное жительство,
- 3) Здоровье ума.
- 4) Личная независимость.
- 5) Исправность платежа общественных повинностей.
- 6) Непорочность перед лицом закона.

6. Иностранец, не родившийся в России, но жительствовавший 7 лет сряду в одной [и приобретший в одной недвижимую собственность по крайней мере в одной имеет право просить себе Гражданства Российской Империи у судебной власти, отказавшись наперед клятвенно от правительства, под властью которого прежде находился.

7. Иностранец, не получивший Гражданства, не может исполнять никакой общественной или военной должности в России — не имеет права служить рядовым в войске Российской Империи и не может приобрести земель.

8. Через 20 лет по приведении в исполнение сего Устава Российской Империи никто, не обучившийся Руской грамоте не может быть признан Гражданином.

9. Права Гражданства теряются на время:

- 1.) Судебным объявлением о разслаблении ума.
- 2.) Нахождением под судом.
- 3.) Судебным определением о временном лишении прав².
- 4.) Объявленным банкротством.
- 5.) Общественною недоимкою.
- 6.) Нахождением в услужении при ком либо,
- 7.) Незнанием местопребывания, занятий и средств к пропитанию³.

На всегда:

- 1.) Вступлением в подданство иностранного государства,
- 2.) Принятием службы или должности в чужой земле без согласия своего правительства,
- 3.) Приговором суда к безчестному наказанию, влекущему за собой лишение Гражданских прав,
- 4.) Если Гражданин без согласия Веча примет подарок, пенсию, знак отличия, титул или звание почетное, или приносящее прибыль от иностранного правления, Государя или народа.

Глава III.

О состоянии, личных правах и обязанностях Руских.

10. Все Руские равны перед законом⁴.

11. Рускими почитаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившихся в России, достигшие совершеннолетия, доколе они не объявят, что не хотят пользоваться сим преимуществом.

12. Каждый Русский обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям Отечества и явиться на защиту Родины, когда востребует того закон.

13. Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земли Руской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается поелику противно Вере, по которой все люди братья, все рождены на благо по воле Божьей, все рождены для блага и все просто люди: ибо все слабы и несовершенно⁵.

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению Граждан и преследуются пред судом и подлежат присяжным.

15. Существующие ныне Гильдии и цехи в купечестве, ремеслах уничтожаются.

16. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: земледелием, скотоводством, охотою, рыбною ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею и так далее.

17. Всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистаго серебра (25 рублей серебром) поступает на суд присяжных.

18. Всякое уголовное дело производится с присяжными.

19. Подозреваемый в злоумышлении может быть взят под стражу постановленными Уставом властями и учрежденным порядком, но в 24 часа (под ответственностью тех, которые его задержали) должно ему объявить письменно о причине его задержания, в противном случае он немедленно освобождается⁶.

20. Заключенный, если он не обвинен по уголовному делу, немедленно освобождается, если найдется за него порук а.

21. Никто не может быть наказан, как в силу закона, обнаруженного до преступления и правильно законным образом приведенного в исполнение⁷.

22. Устав сей определит, каким Чиновникам и в каких обстоятельствах предоставляется право давать письменные приказания задерживать кого-либо из Граждан, сделать домовый обыск, забрать его бумаги и распечатать письма его. Равным образом определит оный ответственность за таковые поступки⁸.

23. Право собственности, заключающее в себе одне вещи, священно и неприкосновенно.

24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земельскими орудиями и скотом, им принадлежащим⁹.

25. Крестьяне Экономические и Удельные будут называться Общими Владельцами равно как и ныне называющиеся Волынскими хлебопашцами, поелику земля, на которой они живут, представляется им в общественное владение и признается их собственностью. Удельное Правление крестьян уничтожается¹⁰.

26. Последующие законы определят, каким образом сии земли поступят из общественного в частное владение каждого из поселян, и на каких правилах будет основан сей раздел общественной земли между ними.

27. Поселяне, живущие в арендных имениях равно делаются волынскими, но земли остаются за теми кому они были даны, и по то время, по которое были даны.

28. Военные поселения немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками рядовых вступают в звание общих владельцев.

29. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские Чины, заимствованные у Немцев и ничем не отличающиеся между собою, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа Русаго. Названия и сословия Однодворцев, Мещан, Дворян, именитых Граждан заменяются все названием Гражданина или Русаго.

30. Жалование священнослужителям будет производиться и впредь. Равным образом они освобождаются от постоя и подвод¹¹.

31. Кочующия племена не имеют прав Гражданских. Право участвовать в выборе Волостного старшины предоставляется однакож и оным¹².

32. Граждане имеют право составить всякаго рода Общества и Товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения ни утверждения: лишь только бы действия оных не были противузаконными¹³.

33. Каждое такое общество имеет право делать себе постановления, лишь бы оныя не были противны сему Уставу и законам общественным¹⁴.

34. Никакое иностранное общество не может иметь в Росии подведомственных себе Обществ или сотовариществ.

35. Никакое нарушение закона не может быть оправдано повелением начальства. Сперва наказывается нарушитель закона, потом подписавшие противузаконное повеление¹⁵.

36. Граждане имеют право обращаться со своими жалобами и желаньями к народному Вечу, к Императору и к правительствующим сословиям Держав.

37. Подземелья и Казематы крепостные, вообще все так называемая Государственные темницы уничтожаются; никто не может быть

заключен иначе, как в назначенных на сей предмет общественных темницах.

38. Обвиняемые¹⁶ не должны быть заключены в одних местах с осужденными, заключенные за долги или за легкие проступки с преступниками и злодеями.

39. Тюремное начальство должно быть избираемо Гражданами из людей добросовестных, и которые были бы в состоянии отвечать за всякий противузаконный и безчеловечный поступок с заключенными.

40. Нынешния Полицейския Чиновники отрешаются и заменяются по выборам жителей¹⁷.

41. Всякий Гражданин, который бы насилем или подкупами нарушил свободный выбор народных представителей, предается суду.

42. Никто не может быть, безпокоиваем в отправлении своего Богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушил законов природы и нравственности.

Глава IV.

О России.

43. В законодательном и исполнительном отношениях все России делятся на 13 Держав, 2 области и 368 Уездов или Поветов.

Все население полагается в 22.630.000 жителей мужского пола, и по сему предположению разочтено представительство оной:

Жит.	Державы	Столица
450,000	I. Ботническая Держава	Гельсингфор.
1,685,000	II. Волховская	Г. св. Петра.
750,000	III. Балтийская	Рига.
2,125,000	IV. Западная	Вильна.
2,600,000	V. Днепровская	Смоленск.
3,365,000	VI. Черноморская	Киев.
750,000	VII. Кавказская	Тифлис.
3,500,000	VIII. Украинская	Харьков.
2,450,000	IX. Заволжская	Ярославль.
2,000,000	X. Камская	Казань.
1,425,000	XI. Низовская	Саратов.
490,000	XII. Обийская	Тобольск.
250,000	XIII. Ленская	Иркутск.
	Московская область	Москва.
	Донская	Черкасск.

Державы делятся на Уезды, уезды на волости от 500 до 1.500 жителей мужского пола.

В судебном отношении державы делятся на округа равные нынешним губерниям.

Глава V.

О внутреннем устройстве Волостном и Уездном или Поветовом.

44. В каждом Уезде Граждане, имеющие недвижимой собственности на 500 рублей серебром или движимой на 1000 рублей серебром, собираются в уездном городе и выбирают Тысяцкого на один год.

1) Те, которые пользуются землями в общественном¹⁸ владении, не суть владельцы и следовательно, сюда не принадлежат.

45. Общие владельцы не имеют права каждый лично участвовать в выборе Тысяцкого, народных представителей и других чиновников, но все общество на сходке имеет право назначить одного избирателя с каждых 500 жителей мужского пола, и сии избиратели, назначенные общими владельцами, подают голоса, наравне с прочими Гражданами как уполномоченные целым обществом, лишь только они предъявят поверительныя грамоты своего общества, засвидетельствованныя Волостными Старейшинами. Впрочем каждый из общих владельцев, имеющий капитал, означенный выше, участвует в выборах непосредственно и не лишается прав избирательства качеством общего владельца. За то он не участвует в избрании уполномочивающаго общества.

46. Чтобы быть Тысяцким, должно иметь, по крайней мере, 21 год от рождения. Непорочнаго поведения и недвижимаго имения в собственном своем владении ценю не менее 1500 фунтов чистаго серебра (30,000 рублей серебром) или движимаго не менее 3,000 фунтов чист. серебра (60,000). Если избранный в сие звание не владеет таким имением, то он не должен принимать сего звания. В противном случае он лишается места и вносит пеню 100 фунтов чистаго серебра (2,000 рублей сереб.).

47. Должность Тысяцкого состоит в следующем:

1) Он созывает Граждан для выборов Представителей, выборных, Членов Дум, Держав и пр. и председательствует в их собраниях

2) Исполняет определения судей, посылает вызовы к суду, объявляет определения правителей Держав, составляет список присяжных,

3) Собирает доходы общественные,

4) Наблюдает за общественными темницами и исполнением уголовных наказаний.

5) Охраняет судей во время отправления ими их должности, представляет требования Уезда, говорит всегда от его имени, берет под стражу нарушителей порядка: в сем случае каждый обязан ему повиноваться и вспомоществовать при востребовании,

6) Составляет два списка тех из Граждан уезда, кои владеют недвижимым имением ценю не менее 1500 фунтов чистаго серебра или движимым ценю не менее 3000 фунтов чистаго серебра; 2-й тех, кои владеют движимым имением не менее 250 фунтов или движимым не менее 500 фунтов чистаго серебра. Граждане первого списка могут быть (ежели при том отвечают условиям) избраны в Члены Верховной Думы, Правители Держав, Наместники Державных Правителей, Тысяцкие и члены Державных Дум и члены Державных Судов¹⁹.

Граждане второго списка могут быть присяжными и Избирателями.

Граждане первого списка пользуются правами и второго списка. Граждане, коих имена не внесены в сии списки, не лишены тем прав остальных Граждан.

48. Все списки должны быть напечатаны и обнародованы.

49. В Уездах, в которых вовсе не находилось людей, владеющих имением в 1500 фунтов чистаго серебра, или в которых находилось бы менее 20, должно выбирать на те места, в которыя требуется сие условие, из определенаго большинством голосов избирателей числа владельцев и капиталистов, которые приближаются своим имуществом к требуемому состоянию, включая в число сие и тех немногих или того, кто бы пользовался означенным имуществом. Сей дополнительный список печатается вместе с первым списком.

50. Тысяцкой, приняв сие званье, должен непременно объявить обстоятельно, сколь велико его имение. Сие записывается в особую книгу, хранящуюся у него, и каждый имеет право требовать себе копию с его показания, дабы удостовериться в том, что он пользуется, требуемым имением. Если кто потребует от тысяцкого на то доказательства, то он обязан представить своему противнику в суде требуемые доказательства и документы. После сего обвинитель может отказаться от своего иска, заплатив пеню в 150 рублей серебром. В случае же тяжёнаго опровержения его иска, он подвергается пени в 500 рублей серебром.

51. Тысяцкой должен иметь жительство в Уезде. Он может быть выбран несколько раз сряду²⁰.

52. Тысяцкой избирает себе двух или трех помощников, смотря по величине уезда, и назначает себе писарей и ездовых.

53. Он наблюдает за их поведением, может отрешить и заменить другими²¹.

54. Каждый Тысяцкой, Помощник и Старейшина получают вознаграждение по окончании года: Тысяцкой в 1,500 рублей серебром, Помощник в 500 рублей серебром, Старшина в 100 рублей серебром²².

55. Когда Уезд с лишком обширен, чтобы все те, которые пользуются правом Гражданства, могли бы удобно собираться в одно место, то Тысяцкой назначает два, три или четыре собрания в разных местах в одно и то же время. В одном присутствует он сам, в другом его помощники²³.

56. В выборе волостном участвуют все Граждане без изъятия и различия²⁴.

57. Обыватели каждой Волости избирают на год или более Волостного Старейшину. Обязанности его есть, кроме управления волостного, отбирать показания обывателей, имеющих недвижимую или движимую собственность, разделить их на вышеозначенные статьи и представить Тысяцкому.

58. Волостные старейшины находятся под особенным начальством Тысяцкаго, который поверяет доставленные ими сведения, принимает обвинение жителей и показания их. Убедясь гласною расправою, Тысяцкой имеет право внести пропущенных в списки или вычеркнуть имена тех, которые не должны в них находиться.

Глава VI.

О народном Вече.

59. Народное Вече, состоящее из верховной Думы и Палаты народных представителей, облечено всей законодательной властью.

Глава VII.

О Палате Представителей, о числе и выборе Представителей.

61. Палата представителей составлена из Членов, выбранных на два года гражданами Держав.

62. Во время своего избрания представитель должен жительствовать в избравшей его Державе.

63. Лица, принявшие на себя подряды и поставки на общественные требы, не могут до совершенного окончания оных быть представителями²⁵.

64. Кроме означенных в § 5 условий чтоб быть представителем, требуется только Доверие большего числа избирателей Уезда или Поведа с следующими однакож ограничениями:

1) Иностранец, получивши права Рускаго Гражданства, может быть избран в представители только через 7 лет после его Гражданствования.

65. Число представителей определяется соразмерно населению следующим образом:

Каждые 50,000 обывателей мужескаго пола посылают в палату представителей одного представителя. В числе сих 50,000 должно только полагать жителей, имеющих оседлость, постоянное жилище, не принимая в счет кочующих племен.

66. Подробное исчисление всех жителей должно быть сделано три года после приведения сего Устава в исполнение, а потом через каждые 10 лет должна происходить новая перепись таким образом, как определит особый на то закон.

67. До тех пор назначается число представителей 450. Каждые 2 года последний вторник сентября месяца имеют быть сходки для выбора народных представителей под председательством уездных или поветовых и тысяцких и их помощников. Первые выборы должны воспоследовать немедленно по обнародования сего Устава.

67. Писарь, назначенный Тысяцким, записывает имена всех присутствующих избирателей и сколько кто получил голосов. Четыре дня полагаются окончательным сроком для выбора.

68. Список сей утверждается подписью всех присутствующих чиновников и писарей, запечатывается и немедленно отправляется к Державному Дьяку, к которому оный должен быть доставлен в продолжение двух недель непременно²⁶.

69. Державы дают представителей:

Ботническая	9	Украинская	70
Волховская	33	Заволжская	40
Балтийская	14	Камская	40
Западная	42	Низовская	28
Днепровская	52	Обийская	10
Черноморская	69	Ленская	5
Кавказская	15	Московская обл.	10
Донская обл.	15	ВСЕГО	450

70. Правительственной власти каждой Державы предоставляется распределить число представителей на Уезды или Поветы и означить, сколько представителей избирает один Уезд или Повет, или в малочисленных краях, сколько Уездов или Поветов участвует в выборе одного представителя.

71. Ежели в представительстве какой-либо Державы откроются места, то исполнительная власть той Державы немедленно созывает избирателей, чтобы оное наполнить²⁷.

72. Палата представителей сама избирает своего председателя, она одна пользуется правом предавать суду Сановников Империи.

Глава VIII.

О Думе верховной.

73. Верховная Дума состоит из трех Граждан каждой Державы, двух Граждан Московской области и одного Гражданина Донской области. Всего 42 Члена. Члены Верховной Думы избираются правительственными сословиями Держав и Областей, т.е. обеими соединенными в одно место палатами в борных и державными Думами.

74. Немедленно по прибытии в столицу Членов Верховной Думы они разделяются на три разряда, по возможности, равных. Члены первого разряда выходят из Думы по истечении 2-х лет. Члены второго разряда по истечении 4, члены третьего разряда по истечении 6 лет, так что треть всей Думы возобновляется каждые два года новым избранием. Если же в продолжение двух годов между выходами откроются места, смертью членов, или увольнением оных, то исполнительная власть сих Держав делает временное назначение (если это случилось в такое время, когда правительное собрание Держав распущено), пока Правительное собрание не заменит онога²⁸.

75. Условия, необходимые, чтобы быть Членом Верховной Думы, суть: 30 лет возраста, 9 лет Гражданства в России для иностранца и жительство во время избрания в той Державе, которая его избирает, недвижимого имения ценою на 1,500 фунтов чистаго серебра или движимаго на 3,000 фунтов чистаго серебра.

76. Дума избирает сама своего председателя. Наместника председателя и прочих своих Чиновников. Председатель наблюдает за порядком разсуждений, но не имеет права голоса. Наместник занимает его место, когда он в отсутствии²⁹.

77. Верховной Думе принадлежит Суд над Министрами, Верховными Судьями и всеми прочими Сановниками Империи, обвиненными народными представителями. Никто не может быть объявлен виновным, как только $\frac{2}{3}$ ³⁰ голосов всех присутствующих Членов. Дума не имеет права назначить другого наказания, как только объявить подсудимаго виновным и лишить его занимаемаго им места и звания. Дальнейшее суждение над виновным продолжается в присутственных местах обыкновенным порядком судебным с присяжными, по письменному обвинению Верховнаго

Блюстителя. Изобличенный Судом Государственный Сановник подвергается казни, определенной законами.

Дума участвует вместе с Императором в заключении Мира, в назначении судей верховных судебных мест, Главнокомандующих сухопутных и морских сил, корпусных командиров, начальников эскадр и Верховнаго Блюстителя. Для сего потребно большинство $\frac{2}{3}$ членов Думы.

Глава IX.

О власти, преимуществах Народнаго Веча и составлении законов.

78. Народное Вече собирается, по крайней мере, раз в год. Открытие его заседаний назначается в первый вторник Декабря месяца, доколе законом не будет определено другого срока.

79. Каждая Палата сама судит о правах и выборе своих Членов. В обеих большинство достаточно, чтобы судить о делах, но четвертая часть оных имеет право отсрочивать заседания от дня на день, до съезда остальных членов и уполномочена принудить отсутствующих Членов прибыть к заседаниям таковыми пенями, каковы будут по сему предмету установлены обеими Палатами.

80. Каждая Палата имеет право сделать свое постановление наказывать Членов своих за непристойное поведение и в случае преступления, но отнюдь не мнений, исключить члена определением $\frac{2}{3}$ голосов.

81. Заседания обеих Палат публичныя. Обе Палаты однако же по предложению Императора разсуждают с замкнутыми дверями, выслав наперед всех посторонних. Сие происходит равным образом в Палате представителей, когда 50 Членов оной востребуют тайнаго совещания, и в Верховной Думе по востребованию 5 Членов. Женщины и несовершеннолетние до 17-летнего возраста не допускаются на заседания обеих Палат³¹.

82. Каждая Палата ведет дневныя записки своих разсуждений и печатает оныя от времени до времени, кроме того, что они определяют оставить тайным. Мнения Членов каждой Палаты в пользу или против какого либо предложения должны быть записаны в журнал по востребованию $\frac{1}{5}$ числа присутствующих членов.

83. Члены Верховной Думы и представители получают из общественной казны вознаграждение за свое служение, за каждый день, в котором они присутствовали на заседаниях, равное 21 золотнику чистаго серебра (5 руб. серебром). За каждья 100 верст, которыя им нужно проезжать от своего местопребывания до столицы и обратно к себе, получают они также вознаграждения, равныя 43 золотникам чистаго серебра (10 рублей серебром).

84. Ни в каком случае кроме и з м е н ы, преступления и нарушения общественного порядка, нельзя брать под стражу Членов Народного Веча ни во время заседаний, ни на пути их в столицу, ни во время возвращения их. Нигде нельзя их тревожить за то, что они говорили каждый в своей Палате, и никто не в праве требовать от них объяснений речей их³². Член Палаты, уличенный в преступлении, до приговора судебного исключается своею Палатою.

85. Никакой должностной человек, в службе общественной находящийся, не может быть Членом ни той, ни другой Палаты, пока он будет сохранять свою должность³³.

86. Никакой Член Думы, ни представитель в продолжение всего того времени, на которое он избран в сие звание не может быть назначен ни в какую Гражданскую должность, которая была бы учреждена, или которой бы выгоды были в то время увеличены или умножены³⁴.

87. О всяком предложении налогов или набора ратников должно быть наперед разсуждаемо в Палате Представителей, но Дума может делать оным изменения, как и во всяком предложении. Изменения сии в предложении о налогах тогда только становятся действительными, когда Палата Представителей оныя допустит.

88. Всякий проект закона прочитается три раза в каждой Палате. Между всяким чтением должно пройти три дни по крайней мере, после каждого чтения происходят разсуждения. После первого чтения проект закона печатается и раздается всем присутствующим Членам.

89. Всякое предложение, получившее согласие Думы и Палаты представителей должно еще быть представлено И м п е р а т о р у, чтобы получить силу з а к о н а. Если Император одобряет предложение, то подписывает оное, ежели не одобряет, то отсылает с своими замечаниями в ту Палату в которую оно сначала поступило; Палата записывает в свой журнал все замечания Императора против сего предложения и вновь открывает об оном³⁵ разсуждения. Если после сего вторичного суждения о предложении $\frac{2}{3}$ членов остаются в пользу предложения, то оное поступает со всеми замечаниями Императора в другую Палату, которая начнет также разбирать оное вновь, и там если таковых б о л ь ш и н с т в о одобряет оное, оно становится уже от того з а к о н о м. В подобных сему случаях Члены Палаты должны подавать свои голоса через одно выражение Д а и л и Н е т, и в журнале каждой Палаты записываются имена всех Членов подававших голоса в пользу или против сего п р е д л о ж е н и я.

90. Ежели Император по прошествии 10 дней (исключая Воскресного) не возвратит представленного ему проекта, то оный получает силу закона. Если же Народное Вече отсрочит между тем свои заседания, то предложение не становится законом. Всякое приказание, решение, или прокламация и манифест, требующие содействия обеих

Палат (исключая разсуждения об отсрочке заседании), должно быть представлено Императору и утверждено им, чтобы быть приведенным в исполнение. Если же он отвергнет оное, то оно должно быть снова принято $\frac{2}{3}$ обеих Палат, сходно с правилами вышеозначенными.

91. Проект, отвергнутый одной из Палат, может быть вновь представлен только в следующий съезд народного Веча.

92. Народное Вече имеет власть постановлять и отменять законы судные и исполнительные, то есть:

1) Издавать для России Уложение Гражданское, Уголовное, Торговое и Военное; оставить Учреждения по благочинию и правила Судопроизводства и внутреннего управления присутственных мест.

2) Объявлять законом в случае нашествия или возмущения, что такая область находится на военном положении и под В о е н н ы м и з а к о н а м и.

3) Обнародовать закон о В с е п р о щ е н и и.

4) Распускать правительныя собрания Держав в случае, если бы оныя преступали пределы своей Власти, и повелеть и з б р а т е л я м приступить к новым выборам.

5) Объявлять войну³⁶.

6) Устройство, содержание, управление, расположение и движение войск сухопутных и морских, система укрепления пределов, берегов, пристаней, набор, пополнение войск и внутренняя стража зависят от узаконении Народного Веча³⁷.

7) Налоги, займы, поверки расходов, пенсии, жалованья, все сборы и издержки, одним словом, все финансовыя меры. Но оно не может утвердить никакой бюджет более, нежели на два года.

8) Все меры Правительства о промышленности, о богатстве народном, учреждения ямов, почт, содержание сообщений сухопутных и водяных, заведение новых, учреждение банков.

9) Покровительствует Наукам и полезным Искусствам, дает сочинителям и изобретателям исключительное право пользоваться определенное число лет их сочинениями и изобретениями³⁸.

10) Постановления правил награждения для Гражданских чиновников, устройство порядка службы во всех отраслях управления и статистические отчеты всех частей правительства.

11) Получа донесение Министра, в случае болезни телесной или нравственной Императора, кончины или отречения объявляет регентство или провозглашает Наследника Императором.

12) Избирает Правителей Держав.

93. Народное Вече не имеет власти учреждать новых к о н с т и т у ц и о н н ы х з а к о н о в, ни отменять существующих, одним словом, не имеет права издавать постановления ни о каком предмете, не помещенном в сем исчислении прав его³⁹.

94. Народное Вече, составленное из мужей избранных народа Русского и представляя Его собою, приемлет наименование Его Величества⁴⁰.

95. Народное Вече определяет общие налоги и издержки, предоставляя частным распоряжениям правительственных собраний Держав. Существующие долги признаются народным Вечем, которое ручается в платеже оных.

96. До будущих установлений Народного Веча подати остаются те же, за исключением только того

1) Люди известные ныне под названием мещан, освобождаются от платежа излишней против экономических и других пошлин подушной подати и сравниваются в платеже с ними⁴¹.

2) Что невзрослые до 17 лет и достигшие 60-летнего возраста равно освобождаются от подушного оклада.

3) Что подать сия распространяется на всех остальных Граждан, поелику все равны перед законом и обязаны нести одни и те же повинности.

97. Народное Вече от времени до времени издает в общенародное сведение подробный отчет всякого общественного прихода и расхода. Казначейство Российское не отпускает никакой суммы, как вследствие утвержденного Народным Вечем закона.

1) Право изменить Устав или избрать другое поколение на царство принадлежит Народному и Державным соборам, а не Народному Вечу⁴².

98. Народное Вече не имеет власти ни постановлять, ни запрещать какое-либо Вероисповедание или Раскол. Вера, совесть и мнения Граждан пока оныя не обнаруживаются противозаконными действиями не подлежат власти Народного Веча. Но Раскол, основанный на разврате или на действиях противуестественных, преследуется присутственными местами на основании общих постановлений. Народное Вече не имеет власти нарушать свободы речей и книгопечатания.

99. Народное Вече не разсуждает во присутствии Императора и в то же время не собирают голосов. На речь Императора Председатели обеих Палат должны отвечать, что Народное Вече займется предлагаемыми ему предметами.

100. Народное Вече имеет право взять частную собственность в общественное употребление за справедливое вознаграждение⁴³, но для сего должен быть предварительно выдан Закон обыкновенным порядком, т.е. оный должен пройти через обе Палаты и быть утвержден Императором; в сем законе должны быть изъяснены подробно:

1) Количество и настоящая цена имения (частного лица или частных лиц), котораго приобретение необходимо для общественного употребления.

2) Условия или суммы, предлагаемая частным лицам в вознаграждение за принужденную продажу. К тому же должны быть приложены достоверные свидетельства, что показанная цена имения есть настоящая⁴⁴.

3) Власти, которыя Устав сей не поручает никакому из означенных в оном собраний или сановников, предоставляется всему Народу Русскому⁴⁵.

Глава X.

О верховной исполнительной власти.

101. Император есть: Верховный Чиновник Российского Правительства. Его права и преимущества суть:

1-ое. Власть его наследственная по прямой линии от отца к сыну, но от тестя она не переходит к зятю.

2) Он соединяет в особе своей всю исполнительную Власть.

3) Он имеет право останавливать действие законодательной власти и принуждать ее ко вторичному разсмотрению закона.

4) Он Верховный Начальник сухопутной и морской силы⁴⁶.

5) Он Верховный Начальник всякаго отделения Земских Войск, поступающего в действительную службу Империи.

6) Он может требовать письменного мнения главнаго чиновника каждаго исполнительнаго Департамента о всяком предмете, с его обязанностью сопряженном.

7) Ведет переговоры с иностранными державами и заключает мирные трактаты с совета и с согласия Верховной Думы, лишь только две трети присутствующих Думы на то согласились. Трактат, таковым образом заключенный, поступает в число Верховных законов⁴⁷.

8) Он назначает Посланников, Министров и Консулов и представляет Россию во всех ея отношениях с иностранными Державами. Он назначает всех Чиновников, о которых не говорено в сем Уставе.

9) Неможеет однакож помешать в трактатах статей, нарушающих права и состояние Граждан внутри Отечества. Равным образом не может включать в оные без согласия Веча Народнаго условия напасть на какую либо землю, не может уступить никакого участка земель, принадлежащих России⁴⁸.

10) Назначает Судей Верховных судебных мест с совета и согласия Верховной Думы.

11) Он наполняет все места, сделавшиеся свободными, когда Народное Вече распушено, и дает от себя постановленным временным чиновникам Грамоты на сии места, которыя имеют силу до окончания перваго съезда Думы⁴⁹.

12) Он означает и постановляет по каждой отрасли дел или в каждом Приказе Главу, как то:

- 1 — Главу казначейского Приказа (М. Фин.).
- 2 — Главу Приказа сухопутных сил (Мин. Военного).
- 3 — Главу Приказа морских сил (Мор. Мин.).
- 4 — Главу Приказа внешних сношений⁵⁰.

13) Он обязан при каждом съезде обеих Палат доставлять Народному Вечу сведения о состоянии России и представлять его суждению принятия мер, которые ему покажутся необходимыми или приличными.

14) Он имеет право созывать обе Палаты, а Верховную Думу в случае переговоров или суда.

15) Не может употреблять войска внутренности России, в случае возмущения, не сделав о том предложения Народному Вечу, которое немедленно обязано удостовериться посредством следствия в необходимости Военного положения⁵¹.

16) По востребованию его обе Палаты разбирают его предложение в тайном совещании, ежели сие покажется ему нужным.

17) Если Палаты не согласились между собой на время отсрочки их заседаний, то Он может отсрочить оные, но не более, как на три месяца.

18) Он принимает послов и уполномоченных иностранных Правительств⁵².

19) Наблюдает за строгим исполнением общественных законов.

20) Дает Грамоты назначения всем Чиновникам Империи.

21) Ему дается титул Его Императорского Величества, никакой другой не допускается. Выражения: Имянное повеление, Высочайшее соизволение, соизволение быть по сему и тому подобное уничтожаются, яко неприличные и не имеющие никакого значения в земле благоустроенной.

22) Народное Вече определяет, с каким обрядом новый Император принимает сие званье.

23) Император при вступлении своем в правление произносит следующую присягу посреди Народного Веча:

«Я клянусь торжественно, что буду верно исполнять обязанности Императора Российского и употреблю все мои силы на сохранение и защиту сего конституционного Устава России.»

102. Кабинет уничтожается, якак Сибирских Народов и все так называемыя регалии поступают в общественное Казначейство, но Император получает на содержание свое и своего семейства ежегодно из Общественного Казначейства сумму, равную цене 102,000 фунтов чистаго серебра (2,000,000 рублям серебряным), в которых он никому не обязан давать отчета.

103. Особы, составляющия Семейство Императора, не отличаются от частных лиц, подчинены тем же учреждениям и тому же влиянию Правительства, как и все прочие, и не пользуются никакими особыми правами и преимуществами.

104. Так называемый Двор не может иметь существования, признанного законами в земле благоустроенной, и для того Император властен иметь Обер Камергеров, Камергеров, Обер Гофмаршалов, Обер Церемониймейстеров, Обер Гофмейстеров, Обер Шенков, Шталмейстеров, Камер Юнкеров, Камер Пажей, Пажей, Штатс дам, Гоф-фрейлин и прочее. Но все сии звания иностранные не дают особам, носящим оныя, права почитаться в общественной службе, когда они себя посвятили служению одного лица, и потому они не получают ни жалования, ни каких либо вознаграждений из общественного Казначейства, но Император имеет право давать им жалование из отпускаемых ему 8,000,000. Сверх того, они лишаются на то время прав Гражданства, т.е. права избирать и преимущества быть избранным в общественныя должности, поелику оне находятся в частном служении⁵³.

105. Правитель Империи не может удалиться из оной без важных неудобств:

1. Ход дел в Правлении замедляется.

2. Равновесие властей разстраивается.

3. Неприлично, чтобы первослужитель Народа находился не среди онаго.

4. Народ может претерпеть важныя оскорбления в лице его от Иностранцев.

5. Такое путешествие повлечет за собой издержки возбраненныя сим Уставом

6. Сверх того, в отделении от Отечества Император может скорее следовать внушениям иностранных завистников и сделаться орудием их злоумышлений, а потому Император ни в каком случае не имеет права выехать из пределов Отечества, даже в заморския владения Отечества⁵⁴.

106. Выезд Императора из России не иначе представляется, как оставлением оной и отречением от звания Императорского; в таком случае Народное Вече немедленно провозглашает наследника его Императором.

107. Совершеннолетие Императора полагается 18 лет. В случае объявленной Министрами неспособности телесной или нравственной Императора и признанной Народным Вечем Наследник его заступает место временнаго Правителя (Регента), буде это временный недуг, или место Императора, буде нет надежды на поправление его здоровья.

108. В случае, если бы Наследник Императора⁵⁵ еще не достиг 18-летнего возраста, тогда место Правителя России занимает Председатель Думы Верховной, председательство же Думы Верховной переходит его Наместнику. Через каждые 4 года избирается новый Правитель поочередно — в первый раз Думою из всей Палаты Представителей, во второй Палатою представителей из среды Верховной Думы и так далее до совершеннолетия Наследника.

109. Член Думы или Народный Представитель, занимающий место Правителя России, во все время получает вознаграждение, ежегодно, равное ценности 2,000 фунтов чистого серебра (40,000 рублей серебрянных). Временный Правитель пользуется всеми правами, предоставленными сим Уставом Императору⁵⁶.

110. Если бы болезненный припадок или кончина Императора случились в такое время, когда распушено Народное Вече, то Главы Приказов обязаны под своею ответственностью созвать немедленно обе Палаты или, по крайней мере, Верховную Думу.

111. Женщины не наследуют Императорской власти и не доставляют никому на оную права посредством брака⁵⁷ — общество людей свободных не есть отчина и не может служить венком. Императорское звание учреждено наследственным для удобства, а не потому, чтобы оно было в самом деле семейственным достоянием. И так, по пресечении мужского поколения, народ учредит вид правления или приступит к избранию другого семейства. Н.В. Право Сие было превозглашаемо и признано даже теми Императорами Российскими, которые почитали себя источниками всякой власти и, следовательно, не предполагали никакой власти в народе.

112. Кроме мирных трактатов, отчетов, представляемых Народному Вечу, о состоянии России, предложения мер или издания законов, грамот Посланникам, Чиновникам Империи и законов, утвержденных Народным Вечем, Император не подписывает ни одной бумаги. Все остальные бумаги, отчеты, предписания и донесения подписывают Главы Приказов, каждый по своей части, а иногда все вместе, когда дело идет о постановлении для всех общем, или когда они подают свое мнение Вечу.

113. Все Гражданское Чиновники, Главы Приказов, Правитель временный и пр. могут быть лишены своих должностей, если вследствие обвинения Палатою Представителей уличены будут Думою в измене, расхищении общественной казны или сделали еще какие-либо преступления и наконец ежели окажутся неспособными.

114. Всякой Чиновник исполнительной власти отвечает за каждое свое действие; никто не может оправдаться полученным приказанием, ибо в Гражданском быту слепое повиновение не может быть допущено, и всякий исполнитель противузаконного веления будет наказан так, как и подписавший веление. Император не подлежит суждению, если же сам Император лично учинит какое-либо преступление, за которое никто другой не подлежит ответственности, то сие приписывается нравственному недугу Народным Вечем, которым, в таком случае, учреждается Регентство, посредством особаго закона⁵⁸.

Глава XI.

О внутренних властях и о правительствах Держав.

115. Правительство каждой Державы состоит из трех отдельных независимых друг от друга властей, но содействующих к одной цели, а именно: правительствующей, исполнительной и судной.

Глава XII.

О правительствующей власти Держав.

116. Правительствующая власть каждой Державы поручается правительствующему собранию, состоящему из Палат Выборных и из Думы. Правительственное собрание созывается в столичном городе каждой Державы.

117. Раздел первый. — О Палате Выборных:

1) Палата Выборных составлена из членов, избранных Гражданами на один год. Они вступают в должность в последний вторник Ноября и остаются до послед. понедельника Ноября следующего года, в который они заключают свои заседания и расходятся дабы уступить свое место новым выборным, которые вступают на другой день, т.е. в последующий Вторник Ноября.

2) Что бы быть Выборным, должно отвечать условиям в § 5, 1 жителство в Державе, для иностраннаго уроженца семилетнее исправление Российскаго Гражданскаго звания, не должно находиться в подрядах общественных на то время.

3) Число Выборных определяется следующим образом: каждые 10,000 жителей мужского пола посылают одного Выборнаго в Правительствующее собрание своей Державы, и так число оных выборных будет следующее:

I. В Ботническом Правительственном собрании	45 Выборных.
II. В Волховском	181 Выб.
III. В Балтийском	75 Выб.
IV. В Западном	212 Выб.
V. В Днепровском	260 Выб.
VI. В Черноморском	345 Выб.
VII. В Кавказском	75 Выб.
VIII. В Украинском	350 Выб.
IX. В Заволжском	245
X. В Камском	201
XI. В Низовском	142
XII. В Обийском	49
XIII. В Ленском	25
1. В Московском	50
2. В Донском	51 Выб.

4) Каждый год в последний Вторник Сентября месяца имеют быть сходки Граждан для избрания Выборных и четвертой части Членов Державной Думы (кроме первого раза, в который избираются все Члены Державных Дум) под председательством Тысяцкого и его помощников. 4 дня полагаются сроком окончательным для выборов.

5) При приведении в действие сего Устава Тысяцкой утверждает список назначенных Выборных, обнародывает оный, в продолжении двух недель доставляет каждому выборному от своего имени позыв ехать в Державную столицу. По приведении же сего Устава в действие Тысяцкой обязан доставить сей подписанный им и засвидетельствованный список в продолжении двух недель на рассмотрение и суждение Правительствующаго собрания, которое от своего уже имени посылает новым избранным правительственные грамоты. Правитель и его совет участвуют в семь разборе и суждении вместе с обеими Палатами.

118. Раздел второй — О Державной Думе.

1) Дума составлена из членов, избранных на 4 года теми же избирателями, как и Выборные, и на тех же сходках в последний Вторник Сентября месяца: на первый раз по введении сего Устава все Члены Державных Дум избираются на одной сходке. Впоследствии на ежегодных сходках будет избираться только $\frac{1}{4}$ Думы для замены выбывающей ежегодно $\frac{1}{4}$ части Членов.

2) Члены Думы должны отвечать следующим условиям: иметь крайней мере 30 лет возраста, иметь жительство в Державе, которая их избирает на то время, и пользоваться уже 9-летним Гражданством в России, если они неродились Рускими, быть непорочными в поведении, иметь недвижимого имения, коего цена равнялась 750 фунтам чистаго серебра или движимаго на 1500 фут. чистаго серебра (от 150,00 до 30000 сереб. рублей).

3) Число Членов Державных Дум полагается около трети числа выборных, а именно:

I. В Ботнической Державе	24 Чл. Думы.
II. В Волховской	60
III. В Балтийской	15
IV. В Западной	70
V. В Днепровской	86
VI. В Черноморской	115
VII. В Кавказской	25
VIII. В Украинской	115
IX. В Заволжской	80
X. В Камской	67
XI. В Низовской	47
XII. В Обийской	16
XIII. В Ленской	8
1. В Московской	16
2. В Донском	5

4) Дума по собрании своем немедленно разделяется на четыре части, по возможности равныя, из коих одна ежегодно по жребию выходит и заменяется новыми Выборными, так что в продолжение 4-х лет вся Дума возобновляется.

119. Раздел третий — О внутреннем устройстве и власти правительствующих собраний.

1) Каждый год правительствующее собрание съезжается в столичном городе Державы в последний Вторник Ноября месяца. Второй съезд оного в Сентябре следующего года. Продолжение съезда зависит от большего или меньшаго занятия правительствующаго собрания.

2) Каждая палата избирает сама своего Председателя и делает постановления для внутреннего своего управления; получив от Тысяцкого списки Выборных пересуживает их правильность, посылает пригласительныя грамоты тем, кои правильно избраны, уничтожает неправильные выборы и повелевает приступить к новым выборам на сии места. За каждый день заседания Члены Палат получают вознаграждение равное 8-ми золотникам чистаго серебра (2 руб. сереб.).

3) В обеих Палатах выбывшие Члены могут быть снова избраны. Если вдруг по необычайной смертности или иным каким-либо причинам выбыло много Членов, то Палаты имеют право повелеть приступить в Уездах или Поветах к дополнительным выборам⁵⁹.

4) Никакой должностной человек не может, пока он будет сохранять свою должность, быть Членом ни той, ни другой Палаты. Право делать предложение о постановлениях принадлежит обеим Палатам и исполнительной власти Державы (Правителю) с следующими отличиями. Всякое предложение о налогах поступает сперва в Палату Выборных. Дума может делать в оном изменения, как и во всяком другом предложении. Право обвинять общественных Чиновников принадлежит Палате выборных, право судить их Думе. Осужденные Думою лишаются своего места и судятся потом в присутственных местах обыкновенным порядком по обвинению письменному Державнаго Блюстителя.

5) Заседания обеих Палат происходят при открытых дверях; по предложению Правителя Палаты должны совещаться тайно, равным образом, когда в Палате Выборных или в Думе $\frac{1}{3}$ наличных членов того востребует. Каждая Палата ведет дневныя записки своих разсуждений и печатает оныя от времени до времени, кроме того, что оне предложат оставить в тайне. Ни которая из Палат не может без согласия другой отсрочить своих заседания более, нежели на 3 дни, ни перенести оных в другое место, кроме того, в котором заседают обе Палаты.

6) Ни в каком случае, кроме и з м е н ы, преступления или нарушения общественного порядка, нельзя брать под стражу Членов Пра-

вительствующего собрания ни во время заседаний, ни на путь их в державный город, ни во время возвращения из оного. Члены не отвечают за обнаруженное ими мнение в Палате.

7) Каждая Палата имеет право отринуть предложение другой Палаты или правителя Державы. Дума однакож обязана судить чиновников, обвиненных выборными. Предложение получившее согласие обеих Палат, идет на Утверждение Правителя Державы. Подпись Правителя Державы дает оному силу Закона. Державный Правитель обязан возвратить предложение в ту Палату, в которой оно начало восприяло, в продолжение 10 дней с своими возражениями. В противном случае по прошествии сего срока предложение становится законом.

8) Если Правитель сделал возражение против предложения, то происходит в Палатах вторичное об оном разсуждение; как в Народном Вече $\frac{2}{3}$ голосов решат. Всякое приказание, решение и проч., требующее содействия обеих Палат (исключая разсуждения об отсрочке заседаний), должно быть представлено Правителю и им утверждено. Вообще, правительныя собрания руководствуются правилами, изложенными для Народного Веча.

9) Правительственное собрание каждой Державы имеет право:

1) Делать постановления, касающиеся до внутренняго управления Держав.

2) Делать новое разделение края, более сообразное с нуждами и средствами жителей.

3) Устанавливать, в каких городах или местечках будет происходить выбор народных представителей, и каким образом сей выбор должен происходить.

4) Делать всякия постановления, сообразныя с сим Уставом и с постановлениями, оным не отмененными.

5) Учреждать налоги для собственнаго управления Державы⁶⁰ и потребностей оной как то дорог, каналов, строений, издержек на правительственное собрание, оплату чиновников исполнительной власти, на судебную часть и прочее, зависят от власти правительственнаго собрания каждой Державы. Общия налоги для содержания войска сухопутнаго и морского, крепостей, почт, связей с Иностранными Государствами, вознаграждение членов Народнаго Веча, платы Верховных Чиновников, проложение сообщений, превозмогающих местныя средства, одним словом, для всех нужд и потребностей всей общины Российской, назначаются Народным Вечем.

6) Делать всякаго рода общественныя заведения, учебныя учреждения, школы и прочее.

7) Содержать и приводить в порядок сообщения.

8) Правительствующее собрание имеет право просить Народное Вече о созыве Народнаго собрания для изменения конституционнаго Устава.

10) Правительственныя собрания немогут иметь места в городах, занятых неприятелем или возмудившихся. Если Правительственное собрание останется в таковом случае⁶¹, то действия оногo противозаконны и теряют свою силу. Равным образом всякий Сановник Империи, без исключения, находящийся во власти неприятеля, теряет во время своей неволи и пока не возвратится всю власть и права, коими он облечен. Никакая конституционная, законодательная, судебная, ни исполнительная власть не может существовать в краю, занятом неприятелем⁶².

Глава XIII.

О исполнительной власти Держав.

120. Исполнительная власть каждой Державы поручена Державному Правителю, его Наместнику и Совету. Условия, чтобы быть Правителем, суть следующие:

1. 30 лет возраста, для Иностранца, получившаго право Гражданства, девяти-летнее пользование оным, жительство в той Державе, недвижимое имение, равное цене 1,500 фунтов чистаго серебра, или движимое, равное цене 3,000 фунтов чистаго серебра (30,000 или 60,000 серебр. рублей).

121. Через каждые 3 года Народное Вече избирает Правителей из списков кандидатов, на сие звание, доставленных в оное Правительствующими собраниями. Сей выбор производится общими соединенными вместе Палатами Народнаго Веча и утверждается Императором.

122. Права и занятия Правителя суть следующие.

1. Подтверждать законы, предполагаемые Правительствующим собранием, или принуждать оное ко вторичному разсуждению об оных, имеет право предлагать законы на разсмотрение обеих Палат⁶³.

2. Отсрочивать заседание обеих Палат на то время, на которое оне того желают; в случае же, если бы оне не были в том между собой согласны, он имеет право, чтобы согласить их, отсрочить заседания до того времени, которое ему покажется приличным.

3. Не может однако же, хотя бы и в несколько приемов, отсрочить заседания Правительствующаго собрания более, нежели на 90 дней сряду.

4. Закрывает ежегодно заседания Палаты выборных и распускает членов оной накануне последняго Вторника Ноября месяца.

5. В случае заразительной болезни или какой-нибудь другой опасности, угрожающей жизни Членов Правительствующаго собрания, он может созвать оное в другом каком-либо городе или месте той Державы.

6. Он начальствует над Земским войском своей Державы, не может однако же без согласия Правительствующаго собрания высылать

оное из пределов Державы. Не может также, даже в случае возмущения, велеть земскому войску действовать против жителей, пока Правительствующее собрание не издаст закона о Военном положении Державы.

7. Назначает по представлению своего совета

Державнаго Блюстителя законов.

Судей Державных

и других чиновников из числа особ, нанесенных на 1-ом списке.

8. Получает ежегодное вознаграждение, равное цене 500 фунтов чистаго серебра (10,000 руб. серебр.).

123. Правитель по окончании своего служения может быть назначен на то же место вторично только по прошествии четырех лет. Сие правило относится также до Наместника его и Советников.

124. В последний Вторник Ноября месяца каждые три года обе Палаты собираются в комнату и приступают вместе к выбору посредством баллотировки Наместника и Советников. Выбор производится⁶⁴ $\frac{2}{3}$ голосов всех присутствующих Членов.

125. Чтобы быть Наместником Державным и Советником те же⁶⁵ условия нужны, что и для Правителя.

126. Число Советников для каждой Державы следующее:

1. Для Держав:

I. Волховской

II. Западной

III. Днепровской

IV. Черноморской

V. Украинской

VI. Заволжской

VII. Камской

} по девяти

2. Для Держав:

I. Балтийской

II. Кавказской

III. Низовской

} по семи

3. Для Держав:

I. Ботнической

II. Обийской

III. Ленской

} по пяти

4. Для областей:

I. Московской

II. Донской

} по пяти

127. Из 9-ти 5-ть, из 7-ми 4, из 5 — 4 находится всегда налицо.

128. Постановления и мнения Совета вписываются в особую книгу и подписываются присутствующими Членами. Обе Палаты имеют право требовать к себе книгу сию для рассмотрения, когда только сие покажется оным полезно.

129. Если Член Совета несогласен с мнением большинства, то имеет право требовать, чтобы мнение его было записано и сполна. Совет участвует во всех мерах и постановлениях Правителя.

130. В случае равенства голосов мнение Правителя решит. Советники за каждое заседание во все время съездов Правительствующаго Собрания получают то же вознаграждение, что выборные и члены Думы.

131. Члены Совета выбывают по третям ежегодно и замещаются, как и выбывшие по другим причинам, как сказано в § 118.

132. Наместник Правителя имеет следующие права:

1. В продолжение временнаго отсутствия правителя⁶⁶ председательствует в Совете, но не имеет голоса, и так Совет имеет всю исполнительную власть в отсутствии Правителя.

2. Если же место Правителя сделалось праздным его смертью, болезнью или по другой какой-либо причине, то Наместник занимает его место совершенно и вступает в его права.

3. Получает вознаграждение ежегодное, равное цене 150 фунтов чистаго серебра (5,000 рублей серебр.).

133.

1) Державный Дьяк.

2) Державный Казначей.

3) Державный Собиратель пошлин.

Все три избираются каждые три года обеими соединенными в одну комнату Палатами.

134. Правитель, Наместник, Блюститель, Дьяк, Казначей и все Гражданские Чиновники могут быть лишены своих ...ний, естли в следствии обвинения Палатою Выборных будут уличены Думою и осуждены за измену, расхищение общественных денег, другия какия либо преступления или порочное поведение.

Комментарии

Муравьев Никита Михайлович

1 КОНСТИТУЦИЯ Н. МУРАВЬЕВА

«Конституция» — рукописный проект устройства Русского государства, разработанный Н.М. Муравьевым в 1821—1826 гг. Проект не был принят в качестве программного документа, но был известен участникам декабристского движения. Автограф «Конституции» был сожжен Муравьевым перед арестом в 1825 г. В на-

стоящее время существуют три редакции этого документа: копия 1822 г., принадлежащая С.П. Трубецкому (так называемый вариант Трубецкого), копия 1824 г., принадлежащая И.И. Пушкину (так называемый пушинский вариант), собственноручное изложение «Конституции», сделанное Муравьевым 13 января 1826 г. в Петропавловской крепости по требованию следствия (так называемый тюремный вариант). Наиболее полный вариант — копия 1824 г., рукопись которого с сохранением орфографии и пунктуации подлинника (за исключением «ять», «і» и «ь») Н.М. Дружинин в 1933 г. опубликовал в Приложении к своей монографии о Н.М. Муравьеве.

Печатается по: Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Изд-во Всеобщего общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. С. 303—366.

² Пометка Н. Муравьева — NB (здесь и далее Н.М. Дружинин приводит заметки Н. Муравьева, сделанные на оригинале).

³ ...за преступление лишает..

⁴ NB.

⁵ NB.

⁶ NB. В чужих краях взятие под стражу бывает непременно при 12 человеках присяжных — не худо бы и здесь.

⁷ 22.

⁸ 21.

⁹ NB. Ежели огород, то земля (После слов «и скотом») «и прочим».

¹⁰ Земли, на коих поселены Экономические, Удельные и Государственные крестьяне, остаются общественными (beins nationaux) и в ведении Казначейского Приказа: кроме дворов их, скота и земледельческих орудий, которые признаются их собственностью. (далее исправлено) Министерства Финансов и Уделов.

NB. есть множество крестьян, которые имеют свои земли на имя своих господ: как поступить с теми?

¹¹ NB. От всех податей.

¹² О нынешних чиновниках. (ниже) Об Евреях.

¹³ Общества, но не тайные. Тайные все вредны.

¹⁴ NB.

¹⁵ Иногда приказание может иметь вид противозаконный, но быть законное — гораздо лучше отвечать тому кто ... иначе подчиненность всегда найдет способы к противоречию.

¹⁶ обвиняемые

¹⁷ Полицейский надзор, но не пожарная команда.

¹⁸ NB.

¹⁹ NB. Почему богатство только определяет достоинства правителей? Это не согласно с законами нравственности.

²⁰ NB.

²¹ NB.

²² NB. От 100—25.

²³ Тысячкой получал приговор к позорному наказанию или уведомлять о банкротстве или общественной недоимке объявляет о том в Уезде или Поведе исключает те лица из списков.

²⁴ Волостном.

²⁵ Потому что это мешает их личному пребыванию или по чему-нибудь другому? Значит живущий подрядами должен отказаться от своего существования или не может никак быть представителем?

²⁶ NB.

²⁷ NB. Не лучше ли избирать кандидатов? (ниже) Правда.

²⁸ Также кандидатами.

²⁹ NB. за что лишит силы ума достойного человека избранного думою.

³⁰ -ми.

³¹ NB.

³² Там произнесенных.

³³ Ежели членами палат будут одни не служащие обществу — это обида для тех, которые служат ему и не имеют права вступать в распоряжение.

³⁴ Ежели будет злоупотреблений по службам — не должно ли бы сих служб иметь своих представителей?

³⁵ Свои.

³⁶ Не лучше ли отдать власть сию Императору — так как он есть представитель целого народа, то политические обстоятельства чаще в сих случаях требуют действия одной особы.

³⁷ Народному Вечу подлежит упразднение общественными (ныне Государственными) лесами и землями (далее) NB. Не положить ли это на отчет Министров, которые за это отвечают перед вечем.

³⁸ NB. Имеет право предлагать Держ. Прав. собраниям повсеместное преподавание Закона Божия, языка Российского, Общественного Устава и Военных Наук — но отнюдь не может ограничивать в сем смысле свободы оным и частного преподавания.

³⁹ Каждые 20 лет необходимо влекут за собою перемены, а потому надобно собираться нарочно для поправления постановлений.

⁴⁰ Почти ненужно — лучше оставить титула государю.

⁴¹ Все будет равно состоянием, но заплатят половину со своих промыслов. Мещанин будет извозничать, мещанин будет бриллианщик, но первой заплатит менее второго.

⁴² Пояснить.

⁴³ NB. Какую? движимую или недвижимую?

⁴⁴ Цену покажут присяжные.

⁴⁵ Непонятно.

⁴⁶ Худо вверять такую силу такому человеку, с которым надобно быть в беспрестанной борьбе.

⁴⁷ Гоф.-кригс-рат — смотри замечание на § 92.

⁴⁸ Ежели востребуется нужда действовать секретно, Министры требуют на то позволения и в следующее вече должны дать отчет в законности своих поступков.

⁴⁹ Какие места? — Зачем же сказано: собираться вече для назначения членом на убылье места? — если военные и гражданские должности, то должно предоставить исполнительной власти.

⁵⁰ а Министр внутр. дел. — просв...

⁵¹ Где присутствует вече.

⁵² Зачем же вечу титулы. Кто его станет титуловать?

⁵³ Представитель нации должен иметь соответственную званию своему помпу — так как и титулы, которые сами по себе ничего не знача, признаются законами; что же будет значить император, встречающий посланника посреди своих слуг.

⁵⁴ NB. Следственно Император не может быть главным начальником войск, как у меня при § 101.4 сделано замечание.

⁵⁵ еще.

⁵⁶ Почему же Император остается в это время без содержания.

⁵⁷ Как же зять наследует тестю. Статья: 101, — параграф 1.

⁵⁸ В Гражданском еще можно допустить сие, но в военном слепое повиновение необходимо.

⁵⁹ NB. Кандидаты.

⁶⁰ и составлять казну частные налоги для собственного управления каждой Державы.

⁶¹ Месте.

⁶² NB.

⁶³ Правители Держав имеют надзор за находящимися в Державе Чиновниками Министерств.

⁶⁴ определяется.

⁶⁵ условия нужны.

⁶⁶ наместник.

Пестель Павел Иванович, полковник, глава Южного общества декабристов

Родился 24.06.1793 в Москве в семье крупного чиновника И.Б. Пестеля — петербургского почт-директора, затем сенатора и Сибирского генерал-губернатора. Лютеранин, имя при крещении — Пауль Бурхард. Получив начальное домашнее образование, в 1805—1809 учился в Дрездене. В 1810 вернулся в Россию, обучался в Пажеском корпусе. В 1811 выпущен «первым по успехам с занесением имени на мраморную доску» и зачислен прапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк. Участвовал в Отечественной войне 1812 и заграничных походах русской армии 1813—1814. За храбрость, проявленную в Бородинском сражении, был награжден золотой шпагой, а в 1821 произведен в чин полковника, назначен командиром Вятского пехотного полка. Участник масонских лож и других тайных обществ («Соединенные друзья», «Три добродетели», «Союз спасения», «Союз благоденствия»), организатор и глава Южного общества декабристов (1821—1826). В 1822—1825 разработал проект радикального переустройства России, названный им в 1824 «Русская правда...». В 1826 Верховным уголовным судом приговорен к смертной казни и повешен.

СОЧИНЕНИЯ

Восстание декабристов. Документы. Т. VII. «Русская Правда» П.И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие. М.: Госполитиздат, 1958. С. 111—209.

Пестель П.И. Русская Правда // Декабристы. Избранные источники. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 59—189.

Пестель П.И. Русская правда... // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 2. С. 73—162.

ЛИТЕРАТУРА

Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. Драма междуцарствия. СПб., 2006.

Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. Книга вторая. Трагедия мятежа. СПб., 2006.

Гордин Я.А. Мятеж реформаторов 14 декабря 1825 г.: После мятежа: (Хроника). СПб., 1997.

Денисова Н.Д. Национальный вопрос в конституционном проекте П.И. Пестеля «Русская правда». М., 2004.

Киянская О.И. Пестель. М., 2005.

Ланда С.С. Дух революционных преобразований. М., 1975.

Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Сб. Л., 1975. С. 25—74.

Нечкина М.В. Декабристы. М., 1982.

Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

Федоров В.А. Декабристы и их время. М., 1992.

Эйдельман Н.Я. Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы. М., 2001.

РУССКАЯ ПРАВДА

или Заповедная Государственная Грамота Великого
Народа Российского служащая Заветом для
Усовершенствования Государственного Устройства
России и Содержащая Верный Наказ как для Народа
так и для Временного Верховного Правления¹

ВВЕДЕНИЕ.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

§ 1.

**Всякое Общество имеет свою цель
и избирает средства для достижения оной.**

Всякое Соединение нескольких человек для достижения какой либо цели называется *обществом*. Побуждением к сему соединению или целью онаго бывает Удовлетворение *общим* нуждам, которыя, происходя от общих и одинаковых свойств природы человека, бываюот для всех Людей одинаковы. Из сего следует что члены *всякого* общества могут единодушно согласиться в *цели*. Но когда они обратятся к Действию или к *средствам*, коими цель должна быть достигнута, тогда должны возродиться между ими сильные Споры и безконечныя Несогласия, потому что *избрание средств* не столько зависит от об-

щих свойств природы человеческой, сколько от особенного нрава и личных качеств каждого человека в особенности. Нрав и личные качества Людей бывают столь различны, что ежели каждый пребудет Непреклонен в своем мнении, не внимая мнению других, то никакой не будет возможности избрать средства для достижения предназначенной цели; а тем еще менее устроить оныя, и к действию приступить. В таком случае ничего не останется делать как разрушить общество прежде всякаго Действия. А ежели члены не хотят общество уничтожить, то каждый из них должен уступить часть своего мнения и собственных мыслей дабы составить только *одно* мнение, по которому могли бы средства для сего Действия быть избраны.

§ 2.

Разделение Членов Общества на Повелевающих и Повинующихся.

Но кто представит такое *окончательное* мнение, кто избрет средства, кто определит способы, кто расположит Действие? Все сии Затруднения разрушаются двояким образом. В *первом* случае Нравственное превосходство одного или нескольких членов соглашает все сии различныя Затруднения и увлекает за собою прочих силою сего превосходства, коему содействуют иногда и другия посторонния обстоятельства. Во *втором* случае возлагают члены общества на одного или на нескольких из них обязанность избирать средства, предоставляя им право распоряжаться общим Действием. В том и другом случае разделяются члены общества на *Повелевающих* и на *Повинующихся*. Сие разделение неизбежно и потому что происходит от природы человеческой, а следовательно везде существует и существовать должно. На естественном сем разделении основано различие в обязанностях и правах тех и других.

§ 3.

Разделение Государства на Правительство и Народ.

Все здесь сказанное об обществах вообще относится равным образом и до *Гражданских обществ*, которыя, будучи устроены и в порядок приведены, получают название *Государства*. Гражданское общество, как и всякое другое, имеет свою *цель* и должно избирать *средства* для достижения оной. Цель состоит в *Благоденствии всего общества вообще и каждого из членов онаго в особенности*. В сей *цели* все согласны. Для достижения оной нужны *средства* или Действия. Действия сии разделяются на общия и частныя. *Общим* Действием называется то, которое касается всего Общества а следовательно и производится от лица всего общества. *Частным* то, которое составляет занятия

и упражнения каждого члена в особенности. Избрание Средств для достижения сказанной цели и Действие сообразное с сим избранием ведет к разделению членов Гражданскаго Общества на *Повелевающих* и *Повинующихся*. Действие от лица всего общества составляет обязанность первых; Действие от лица частных членов предоставляется вторым. Когда Гражданское общество получает название *Государства*, тогда Повелевающие получают название *Правительства*, а повинующиеся название *Народа*. Из сего явствует что Главныя или Первоначальныя составныя части каждого Государства суть: *Правительство* и *Народ*.

§ 4.

Взаимные отношения Правительства и Народа.

Правительство имеет *обязанность* распоряжаться общим действием и избирать лутчия средства для доставления в Государстве Благоденствия всем и каждому; А по сему имеет оно *Право* требовать от Народа чтобы оный ему повиновался. Народ же имеет *обязанность* Правительству повиноваться; но за то имеет *право* требовать от правительства чтобы оно непременно стремилось к общественному и частному Благоденствию и только бы то повелевало что истинно к сей цели ведет и без чего не могла бы оная быть достигнута. На сем единственно равновесии взаимных обязанностей и взаимных Прав может существование какого бы то ни было Государства быть основано; а по сему и переходит Государство при потере сего равновесия из природнаго и здраваго своего Положения в состояние Насильственное и Болезненное. Установление сего Равновесия на твердых основах есть Главная цель сея Русской Правды и коренная обязанность каждого Законодателя.

§ 5.

Каждое Право основано быть должно на предшествующей обязанности.

Об *обязанностях* было упомянуто здесь прежде нежели о *правах* потому что право есть одно только последствие обязанности, и существовать иначе не может как основываясь на обязанности ему предшествовавшей. Первоначальная обязанность Человека, которая всем прочим обязанностям служит источником и порождением состоит в сохранении своего бытия. Кроме естественнаго разума сие доказывается и словами Евангельскими, заключающими весь закон Христианский: *люби Бога, и люби ближняго, как самого себя*, словами вмещающими и любовь к самому себе, как необходимое условие природы человеческой, закон Естественный, следственно, обязанность нашу.

От сей обязанности происходит право пользоваться для пищи плодами и прочими произведениями природы. Человек имеет сие последнее право только потому что он обязан сохранять свое Бытие. Точно так и во всяком случае может право, какое бы оно ни было только тогда существовать и признаваемо быть Действительным, когда оно бывает необходимо для выполнения той обязанности, которая оному праву предшествует, и на которой оно опирается или основывается. Право же без предварительной обязанности есть ничто, не значит ничего и признаваемо быть должно одним только Насилием или Злоу властием.

§ 6.

Основные Понятия о Государственном Благоденствии и сопряженных с ним обязанностях.

Главное Дело в Государстве есть посему Понятие об обязанностях из коих каждая имеет соответствующее ей право. Обязанности в Государстве истекают из цели Государства. Цель же Государственного Устройства должна быть Возможное Благоденствие Всех и Каждого. А посему все ведущее к Благоденствию есть обязанность. Но поелику понятия о Благоденствии бывают весьма различны и разнообразны, то и нужно сему положить некоторыя основныя или коренныя правила. Обязанности на человека от Бога посредством Веры наложенныя суть первейшия и непременнейшия. Они связывают духовный Мир с Естественным, жизнь брнную со жизнью Вечною; и потому все Постановления Государственныя должны быть в связи и Согласии с обязанностями человека в отношении к Вере и Всевышнему Создателю Миров. Сей первой род обязанностей касается мира Духовнаго. Оне нам известны из Священнаго Писания. Второй род обязанностей касается мира Естественнаго. Оне нам известны из законов природы и нужд Естественных. Бог творец Вселенныя есть и творец законов природы, нужд естественных. Сии Законы глубоко впечатлены в сердцах наших. Каждый человек им подвластен, никто не в силах их низвергнуть и потому Постановления Государственныя должны быть в таком же Согласии с неизменными Законами природы как и со святыми Законами Веры. Наконец Третий Род обязанностей порождается составлением Гражданских обществ или Государств. Первое правило в сем деле состоит в том что всякое стремление в Государстве к доставлению оному Благоденствия должно быть согласно с Законами Духовными и законами Естественными. Второе правило: что все Государственныя постановления должны стремиться единственно к Благоденствию Гражданскаго общества: при чем всякое Действие сему Благоденствию противное или ему вредящее призна-

ваемо быть должно преступлением. Третье правило: что Благоденствие общественное должно считаться важнее Благоденствия частнаго и ежели оныя находятся в противуборстве, то первое должно получать перевес. Четвертое правило: что Благоденствием общественным признаваемо быть должно Благоденствие совокупности Народа; из чего следует что истинная цель Государственного Устройства должна непременно быть: Возможно Большое Благоденствие многочисленнейшаго числа Людей в Государстве; почему и должны всегда Выгоды части или одного Нераздельнаго уступать Выгодам целаго: признавая целым Совокупность или Массу Народа. Пятое наконец правило состоит в том что частный Человек, делая усилия к доставлению себе благоденствия не должен выступать из круга своего Действия и входить в круг Действия другаго; то есть что Благоденствие одного человека не должно наносить вреда а тем еще менее гибели другому. Коль скоро все Деяния как Правительства так и частных Людей на сих правилах основаны будут то Государство несомненно пользоваться будет Возможным Благоденствием. Все же Законы и Постановления Государственныя должны непременно с сими правилами в полной мере совершенно согласоваться.

§ 7.

Основное Понятие о Народе и его Значении.

Выше пояснено что Государство состоит из Правительства и Народа. Народ есть совокупность всех тех Людей, которые принадлежат к одному и тому же Государству, составляют Гражданское Общество имеющее целью своего существования, возможное Благоденствие Всех и каждого. Непреложный Закон Гражданских обществ заключается в том что каждое Государство состоит из Народа и Правительства, следовательно Народ не есть Правительство, и каждое из оных имеет свои особенныя обязанности и права; однако же Правительство существует для Блага Народа и не имеет другаго основания своему Бытию и Образованию, как только Благо Народное; между тем как Народ существует для собственного своего Блага и для Выполнения Воли ВсеВышняго призвавшаго Людей на сей земле прославлять его Имя, быть добродетельными и щастливыми. Сей Закон Божий постановлен для всех Людей в равной мере и следовательно все имеют равное право на его исполнение. А по сему Народ Российский не есть принадлежность или Собственность какаго либо лица или Семейства. На против того Правительство есть принадлежность Народа и оно учреждено для Блага Народнаго а не Народ существует для Блага Правительства.

§ 8.

Основное Понятие о Правительстве и разделение онаго на Верховную Власть и Государственное Правление.

Правительство есть Совокупность Всех лиц занимающихся отправлением Дел общественных. Оно поставлено в обязанность доставлять Народу Благоденствие и потому право имеет Государством управлять для достижения сей предназначенной цели. Обладая сим правом оно должно иметь и соразмерную власть дабы обязанность могла быть выполнена и право было бы действительным. Сия Власть посредством которой Правительство исполняет свою обязанность, употребляет свое право и достигает предназначенной цели есть *Верховная Власть*. — Из общаго Предмета или Состава Благоденствия Государства истекают особенные предметы сей общей цели и как общей цели благоденствия соответствует Верховная Власть, так должно соответствовать каждому особенному предмету: особенная обязанность, особенное право и особенная Власть. Сии особенныя Власти истекают из Верховной, которая объемлет всю цель учреждения Правительства; почему и должны особенныя Власти совершенно Зависеть от Верховной и действовать по Направлению от нея исходящему. Совокупность всех сих особенных или частных Властей составляет *Государственное правление*, которое также названо быть может *Чинопачальством*. — Из сего явствует что правительство не может выполнить своей обязанности и Государству доставить Благоденствие если не будет иметь Власти соразмерной важности и обширности цели Гражданскаго общества и что сия Власть распространяет свое Действие по всем предметам на Целое Государство: имея при том много подчиненных Властей, кои уже действуют на отдельныя только предметы или на отдельныя только части онаго. Общая Власть именуется Верховною Властью а совокупность частных Государственным Правлением или Чинопачальством. Посему и разделяется всякое *Правительство на Верховную Власть и на Государственное Правление или Чинопачальство*.

§ 9.

Разделение Государственнаго Благоденствия на Безопасность и Благосостояние.

Государственное Благоденствие состоит из двух главных предметов: из *Безопасности* и *Благосостояния*. Отличительное и главное качество Безопасности есть *охранение*, а Благосостояния есть *приобретение*. Безопасность должна быть первою Целью правительства потому что может быть достигнута посредством общаго только Действия соединенных Сил и Волей: каковое Соединение в правительстве имянно и представляется и что она отвечает *первоначальной* обязанности

человека состоящей в сохранении своего Бытия. Сверх того не может быть благосостояния если не существует Безопасности; а потому и служит она основанием сооружению Государственнаго здания. — Благосостояние должно быть *Второю* целью Правительства ибо понятия об оном до такой степени различны, что приобретение онаго должно быть предоставлено каждому члену Гражданскаго Общества особенно и что участие Прав в сем отношении должно быть ограничено дарованием защиты и удалением тех препятствий, которыя бы могли превышать силы и способы частных Людей: тем более что частные Люди собственными трудами могут доставить себе благосостояние, но не могут одними частными своими силами утвердить Безопасность.

§ 10.

Необходимость России переобразовать и Новые законы издать.

Таковы Коренныя Начальныя понятия на которых основаны быть должны существование, жизнь и образование всякаго благоустроеннаго Государства: дабы оное находилось под властью и управлением Законов общественных а не прихотей личных Властителей и доставляло бы Возможное Благоденствие Всем и каждому а не злоупотребовало над всеми для Выгоды Единаго или нескольких. Все что от сих правил удаляется а тем паче оным противуречит есть Злоупотребление, испровержение прав и уничтожение, нареkanie наносящее и Гибель совершающее. Применяя сии неизменныя и непреложныя Коренныя правила к России ясно видеть можно что самыя сии коренныя правила непременно требуют изменения существующаго ныне Государственнаго порядка в России и введения на место его такого Устройства которое было бы основано на одних только точных и справедливых Законах и Постановлениях, не предоставляло бы ничего личному самовластью и в совершенной точности удостоверяло бы Народ Российский в том что он составляет устроенное Гражданское Общество а не есть и никогда быть не может чьею либо собственностью или принадлежностью. Из сего явствуют две главныя для России необходимости: Первая состоит в совершенном Переобразовании Государственнаго порядка и Устройства а вторая в издании полнаго новаго Уложения или свода Законов, сохраняя при том все полезное и уничтожая все вредное.

§ 11.

О Необходимости Русской Правды и Временнаго Верховнаго Правления.

Сия двойная Цель не может иначе с успехом быть достигнута как посредством учреждения Временнаго Верховнаго Правления и обнародования Русской Правды ко Всеобщему сведению. Причины

тому суть следующие: предполагаемый новой Порядок, по обширности Государства и многочисленности статей и предметов переобразованию подлежащих не может быть введен вдруг одним разом. Для сего нужно множество мер приуготовительных или переводных, которые должны постепенно в ход и Действие быть приводимы дабы Государство не подверглось беспорядкам, волнениям и превращениям, которые вместо улучшения могли бы только свергнуть оное в гибель. Все происшествия в Европе в последнем полустолетии случившиеся доказывают что Народы возмечтавшие о возможности внезапных Действий и отвергнувшия постепенность в ходе Государственного Преобразования впали в ужаснейшия бедствия и вновь покорены игу Самовластия и Беззакония. Сие доказывает необходимость приступить к переобразованию Государства постепенными мероприятиями. Кому может быть поручено исполнение сего важнаго Дела как не Временному Верховному правлению: Прежняя Верховная Власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу Народа Русскаго; а представительный Собор не может быть созван ибо начала представительнаго Верховнаго Порядка в России еще не существуют. Но поелику Россия должна иметь залог в том что Временное Верховное Правление точно будет действовать для одного только Блага России и для Всевозможнаго Усовершенствования Положения и состояния ея по всем предметам и статьям, то необходимым оказывается издание Русской Правды в виде Наказа Верховному Правлению. С другой стороны составление Уложения или полнаго свода Законов есть Дело обширное, многотрудное, требующее много времени и больших соображений дабы все статьи онаго в совершенном между собою находились согласии и соответствии. А по сему и не может оное быть вдруг ныне издано. К тому же Государственное Уложение должно содержать одни только точные или положительные Законы и Постановления утверждающие *Будущий* Порядок в Государстве а следовательно и не должно оно содержать: 1) Ни воспоминания о ныне существующем порядке: ибо оный прекратит свое существование; 2) Ниже изложения переводных и приуготовительных мероприятий или средств коими нынешний порядок заменен будет предполагаемым новым: ибо приуготовительныя и переводныя меры суть Действия преходящия; 3) Ниже наконец пояснения основных умозрительных Соображений и Правил на коих Государственное здание имеет быть сооружено: ибо умозрения не могут входить в Состав Положительных Законов или Уложения. Но поелику сии три предмета преимущественно важны и России непременно известны быть должны при самом начале Ея возрождения и Переобразования, то тем еще более оказывается Необходимость в Русской Правде, которая излагая коренныя Начала и основания сего Переобразования, содержала бы Указания на Целое Государство и на все онаго части члены и Отрасли.

§ 12

Определение: цель и Действие Русской Правды

Русская Правда есть по сему Верховная Всероссийская грамота определяющая все перемены в Государстве последовать имеющая, все предметы и Статьи уничтожению и низпровержению подлежащие и наконец коренныя Правила и начальныя основы, долженствующия служить неизменным руководством при сооружении новаго Государственного порядка и составлении новаго Государственного Уложения. Она содержит определение некоторых важнейших положительных законов и Постановлений будущаго порядка Вещей, изчисление главных предполагаемых переводных мероприятий и вместе с тем пояснение коренных Соображений, начальных причин и основных Доводов утверждающих предполагаемое для России Государственное Устройство. И так Русская правда есть Наказ или Наставление Временному Верховному Правлению для его Действий, а вместе с тем и объявление Народу от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может. Она содержит Обязанности на Временное Верховное Правление возлагаемыя и служит для России ручательством что Временное Верховное Правление единственно ко Благу отечества действовать будет. Недостаток в таковой Грамоте свергнул многия Государства в Ужаснейшия бедствия и междуособия потому что в оных Правительство действовать всегда могло по своему произволу, по личным страстям и частным видам не имея перед собою яснаго и полнаго наставления коим бы обязано было руководствоваться, и что Народ между тем никогда не знал что для него принимают, никогда не видел ясным образом к какой цели стремятся Действия Правительства и волнуемый разными страхами, а потом и разными страстями часто предпринимал беспокойныя Действия и наконец междуособия производил. Русская Правда отвращает своим существованием все сие Зло и приводит Государственное Переобразование в положительныя ход и Действие тем что все определяет и на все предметы коренныя правила издает. По сему обязаны с нею в полной мере сообразоваться как Временное Верховное Правление со всеми частями, отраслями и степенями Правительства, так равно и весь Народ со всеми онаго членами или Гражданами. Временное Верховное Правление обязано новый Государственный Порядок Русскою Правдою определенный постепенными мероприятиями ввести и устроить а Народ обязан сему введению не только не противиться но на против того Временному Верховному Правлению усердно всеми силами содействовать и неуместным нетерпением не вредить преуспеванию Народнаго Возрождения и Государственного Преобразования.

§ 13.

Разделение Русской Правды на Главы.

Для сего составлена Русская Правда из Десяти Глав:

Первая Глава разсуждает о границах Государства и о разделении земельного пространства онаго: она показывает где обретается Российское Государство.

Вторая Глава разсуждает о Народе в отношении к различным племенам Российское Государство населяющим.

Третья Глава разсуждает о Народе в отношении к различным Словиям в Российском Государстве обретающимся.

Четвертая Глава разсуждает о Народе в отношении к приуготовляемому для него Политическому или общественному Состоянию.

Пятая Глава разсуждает о Народе в отношении к приуготовляемому для него Гражданскому или частному Состоянию.

Шестая Глава разсуждает о Правительстве в отношении к Устройству и образованию Верховной Власти.

Седьмая Глава разсуждает о Правительстве в отношении к Устройству и образованию Государственного Правления.

Осьмая Глава разсуждает о Правительстве в отношении к Устройству Безопасности в Государстве.

Девятая Глава разсуждает о Правительстве в отношении к Устройству Благосостояния в Государстве.

Десятая Глава содержит Наказ для составления Государственного Уложения должствующаго быть полным сводом всех Законов и всех постановлений. Сверх сего содержит Русская Правда в виде Предисловия изложение общих Понятий и об основах всякаго Государственного Установления, а в Виде Заключения краткое извлечение из Русской Правды, содержащее главнейшия определения и постановления русскою правдою учиненныя. При сем надлежит Заметить: 1.) что Вторая, Третья, Четвертая и Пятая Главы разсуждают о Народе, а Шестая, Седьмая, Осьмая и Девятая Главы разсуждают о Правительстве. 2.) Что из четырех глав разсуждающих о Народе первыя две касаются ныне еще существующаго порядка Вещей указывая на перемены которыя с оными воспоследовать имеют а последния Две касаются нововводимага порядка Вещей с изложением коренных Оснований сего Новаго порядка и 3.) Что из четырех Глав, разсуждающих о Правительстве, первыя две касаются Главных основ образования Правительства или общаго Учреждения онаго, а последния две касаются частных подробностей и Действий Правительства. При разсуждении о каждом предмете в сих четырех Главах излагаются наставления как для изменения существующих Установлений, так и для введения новых с Целью Благоустроеннаго Государства сообразнейших.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О ЗЕМЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОСУДАРСТВА

§ 1.

Право Народности и Права Благоудобства.

Определение границ Государству столь пространному и Великому какова Россия есть Дело Важное. Многочисленно Количество племен различных от Востока до Запада, от Юга до Севера Великому Народу Российскому подвластных и к Его Государству присоединенных. Не число их нужно умножать, не о распространении пределов помышлять, но единственно стараться о водворении Благоденствия в сих обширных владениях. Не менее того, поелику от хороших границ много зависит Безопасность Государства, а следовательно и Благоденствие онаго, то и надлежит пределы обстоятельно рассмотреть и с точностью постановить.

Есть ли бы каждое Государство из одного только племени или Народа состояло, то границы Его сами собою определялись бы пространством, на котором бы тот народ был поселен; но так как все почти большие Государства а тем паче Россия содержат в своем составе много различных племен, то и определение Границ соделывается труднейшим. От двух противоположных желаний происходит затруднительность. Народы подвластные Большому Государству и происходящие не от Господствующаго в оном, но от других племен желяют всегда для себя Независимости и отдельнаго политическаго существования: утверждаясь на праве составлять особыя Государства и называя оное *Правом Народности*. С другой же стороны стремится всякое Большое Государство к установлению Границ крепких местным положением и сильных естественными оплотами, а вместе с тем стремится и к тому чтобы Силы маленьких народов его окружающих умножали силы собственныя его а не силы какого либо другаго соседственнаго большого Государства: основывая сие стремление и старание на праве и называя оное *Правом Благоудобства*.

Сии два противоположныя желания основанныя: одно на праве народности племен подвластных а другое на праве Благоудобства для Народа Господствующаго, в сущности своей оба Естественны но имеют однако же оба свои ограничения и во взаимных отношениях своих имеют случаи в коих одно другому уступать должно. Сей перевес на сторону Права Народности или на сторону права Благоудобства должен определяться третьим правилом или третьим соображением состоящим в том что право Народности существует истинно для тех только Народов которыя пользуясь оным, имеют возможность оное

сохранить и что право Благоудобства принимается в соображение для утверждения Безопасности а не для какого либо тщеславного распространения пределов Государства. Таким образом племена подвластные Большому Государству не могущие по слабости своей пользоваться самостоятельную политическою независимостью и долженствующие следовательно непременно состоять под властью или Покровительством котораго либо из больших соседственных Государств, не могут ограждаться правом Народности ибо оно есть для них мнимое и не существующее. К тому же маленькие Народы между большими находящеяся, служат всегдашним поприщем Военным Действиям раззорениям и гибельным Бедствиям всякаго рода; А посему лутче и полезнее будет для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим Государством и совершенно сольют свою Народность с народностью Господствующаго Народа составляя с ним только один Народ, и переставая бесполезно мечтать о Деле Невозможном и Несбыточном. Сильное же Государство, опирающеяся на Народ Великой, должно всегда помнить, что Могущество ему дано от провидения не для утеснения Соседей но для действий праведных и согласных с чистою справедливостью; и что хоть оно конечно Неоспоримое право устанавливать для себя границы крепкия, присоединять к себе по Благоудобству племена немогущия пользоваться действительною Народностью и все то предпринимать и устраивать что для истинной его Безопасности необходимо, однакоже имеет вместе с тем и обязанность не распространять своих пределов для пресыщения одного только тщеславия, охотно принимать в свою Народность племена присоединенныя дабы они составляли в Государстве не только худо-прилепленныя к нему части, но сливались бы совершенно в общий Состав, забывали бы свою прежнюю безсильную Народность и вступали бы с удовольствием в новую Величественнейшую Народность и наконец не должно противиться враждебными чувствами и Действиями правильному отдельному Существованию Народов могущих пользоваться полною политическою независимостью.

Из всего здесь сказаннаго явствует что для правильного и положительнаго Установления Границ надлежит непременно руководствоваться тем соображением что Право Народности должно брать верьх для тех Народов, которые могут самостоятельную политическою независимостью пользоваться; а что право Благоудобства должно брать верьх над теми Народами которые сею самостоятельную политическою независимостью пользоваться не могут и непременно должны состоять под властью какого либо сильнейшаго Государства.

§ 2.

Распределение иноплеменных Народов на подлежащих правилу благоудобства и на подлежащих правилу Народности.

Обращая теперь Коренныя сии общия правила и соображения на Государство Российское, можно ясное и несомненное вывести заключение какия должны быть приняты меры в отношении ко всем Народам и Землям к России присоединенным, ея Государству подвластным и с ея пределами смежным, и что должно последовать с каждым из оных.

Финляндия, Естляндия, Лифляндия, Курляндия, Белоруссия, Малороссия, Новороссия, Бессарабия, Крым, Грузия, Весь Кавказ, Земли Киргизов, все Народы Сибирские и разныя *Другия племена* внутри Государства обитающие никогда не пользовались и никогда пользоваться не могут самостоятельную независимостью и всегда принадлежали или самой России или же по временам, естли не России, то Швеции, Дании, Пруссии, Польше, Турции, Персии и вообще какому нибудь сильному Государству. Да и на будущая времена, по слабости своей никогда не могут составлять особых Государств; а по сему и подлежат все они Праву Благоудобства долженствуя при том на веки отречься от права отдельной Народности. В следствие сего подводятся все вышеназванныя страны со всеми племенами в них обитающими под право Благоудобства для России и объявляются в удовлетворение оному и на основании онаго на вечныя времена оставаться имеющими в Составе Российскаго Государства.

Что же до *Польши* касается, то пользовалась она в течении многих Веков совершенною Политическою Независимостью и составляла большое Самостоятельное Государство. Она могла бы и ныне сильное получить существование естли бы соединила опять в общий Государственный Состав все свои части разобранныя могущественными соседями. Из сего явствует что в отношении к Польше право Народности должно по чистой справедливости брать верьх над правом Благоудобства. Да и подлинно Великодушию славнаго Российскаго Народа прилично и свойственно даровать самостоятельность Низверженному Народу в то самое время когда Россия и для себя стяжает новую жизнь. И так: по правилу Народности должна Россия даровать Польше независимое существование. Но окончательное определение Границ между Россиею и Польшею должно быть предоставлено правилу Благоудобства для России и должно сие самостоятельное восстановление Польши устроено быть на таковых Началах и Условиях, которыя бы в полной мере обезпечивали Россию на будущая времена на шет всяких Действий могущих быть противными твердой ея безопасности или совершенному ея спокойствию. В следствии сего разрешается

Временное Верховное Правление даровать Польше зависимое самостоятельное Политическое существование в виде Государства с тем только:

1.) Чтобы Границы между Россиею и Польшею определены были Российским Правительством по правилу Благоудобства для России и Польша бы сему определению Границ ни в каком отношении не преклонила и приняла бы оное за неизменный Закон коренной.

2.) Чтобы возстановление Польскаго Государства последовало не чрез собственное отторжение Польши от России, но чрез Правильную сдачу Российским Временным Верховным Правлением губерний предназначенных к отделению в состав Польскаго Государства, новому Польскому Правительству: оставляя Все в теперешнем Положении до воследования сей сдачи, которая по утверждению всех Условий немедленно исполнена быть имеет.

3.) Чтобы между Россиею и Польшею заключен был Тесный Союз на мирное и Военное Время; в следствие коего бы Польша обязалась все Войско свое присоединять на случай войны к Российской Армии дабы тем в полной мере доказать что благодеяние Россиею Польше оказываемое сия последняя с должною признательностью принимает и чувства искренней Дружбы и Преданности к России питает и всегда питать будет. Зато берет Россия Польшу под свое покровительство и служить будет ей Ручательством в неприкосновенности ея пределов, а тем паче ея существования. Наконец,

4.) Так как сношения между Государствами производятся чрез посредство их правительств и потому твердость и Дух сих Сношений преимущественно зависит от образования Правительств, то чтобы в следствие сего само Устройство польскаго Государства служило России залогом и обеспечением; а потому и постановляются главными условиями сего Устройство без коих не должна Россия даровать Польше независимости следующие три: А.) Верховная Власть должна быть устроена в Польше одинаковым образом как и в России на основании 6 Главы Русской Правды. Б.) Назначение и выбор всех лиц и чиновников во все правительственные и присудственные места должны происходить по тем же точно правилам в Польше как и в России на основании 4 и 9 Глав Русской Правды и В.) Всякая Аристократия, хоть на Бога и Имуществах, хоть на привилегиях и правах родовых основанна должна совершенно навсегда быть отвергнута и весь народ Польской одно только Сословие составлять на основании 4 Главы Русской Правды. На сих единственно Условиях и Началах может возстановление Польскаго Государства последовать.

На сих единственно Условиях и Началах может Возстановление Польскаго Государства последовать.

Кроме инородных Земель долженствующих оставаться в Составе Российскаго Государства и кроме Земли Польской могущей отойти от России надлежит еще обратить внимание на некоторыя земли с Россиею ныне смежныя, коих необходимо и надобно к России присоединить для твердаго установления Государственной Безопасности. Сии Земли суть: 1.) Молдавия. 2.) Те Земли Горских Кавказских Народов России не Подвластных которыя лежать к Северу от Границ с Персиею и Турциею а в том числе и Западную приморскую часть Кавказа Турции ныне принадлежащую. 3.) Земли Киргиз Кайсакских орд кочующих к северу от хребта гор идущаго от Бухтарминской крепости прямо к Аральскому морю и 4.) часть Монголии, так чтобы все течение Амура начиная от озера Далая принадлежало России. Сии приобретения необходимы: 1) Касательно Молдавии потому что Народ Молдавской и Бессарабской одно племя составляют между тем как двум различным Государствам принадлежат и по произведениям природы имеют большую необходимость во взаимных вспоможениях между тем как от Постановления границы Государства всякаго свободного сообщения лишены а также и потому что Прут составляет довольно длинную и весьма худую границу, что Карпатская Горы на Запад от Молдавии образовали бы отличную Государственную Межу, что расстояние от Дуная до Карпатских гор чрез Фокшаны будучи весьма короткое удобно бы означало границу и наконец что Турки, собрав Войско в Молдавии могут чрез Хотин миновав Бессарабию вдруг очутиться за Днестром в недрах России. 2) Касательно Кавказских Земель потому что все опыты сделанные для превращения Горских народов в мирные и спокойные Соседы ясно и неоспоримо уже доказали невозможность достигнуть сию цель. Сии Народы не пропускают ни малейшаго случая для нанесения России всевозможнаго вреда и одно только то остается средство для их усмирения чтобы совершенно их покорить; покуда же не будет сие в полной мере исполнено нельзя ожидать ни тишины ни безопасности и будет в тех странах вечная существовать война. На щеть же приморской части Турции принадлежащей надлежит в особенности заметить что нет возможности окончательно усмирить хищные Горские Народы Кавказские пока будут они иметь средство чрез Анапу и всю вообще приморскую часть лежащую получать от Турок Военные Припасы и все средства к безпрестанной войне.

3) Касательно Киргизских Земель потому что сии прекрасныя места изобилуя всеми произрастениями могли бы обратиться в отличную страну которая бы обогащала Россию многими произведениями Природы и многими способами для самой выгоднейшей и Деятельнейшей Торговли, между тем как ныне сие все совершенно теряется от необузданности и невежества киргизов. К тому же находятся сии

народы под покровительством России и следовательно не имеет на них права никакая другая Держава; Они же сами не могут иметь самостоятельную Независимость. Сверх сего составление из сего края особеннаго Удела на подобие Донскаго, как то ниже объяснено будет, доставит России большия преимущества и твердую с сей стороны Безопасность.

4) Касательно Монголии потому что сии места находятся под мнимым владением Китая ибо обитаемы кочующими никому непокоряющимися народами а следовательно для Китая бесполезны между тем как большия бы доставили России выгоды и Преимущества для ея торговли а равно и для устройства флота на Восточном океане. Вообще можно сказать что неизчислимы все выгодныя для России последствия от приобретения вышеназванных частей Кавказских Киргизских и Монгольских Степей произойти могущих чрез удобность Сношений котория сии приобретения доставят России со всеми почти Народами Азии. Присоединяя все сии причины к тому обстоятельству что названные четыре страны никогда отдельных Государств образовать не могут и что оне следовательно подлежат совершенно и единственно Праву Благоудобства разрешается Временное Верховное Правление присоединить к России на вечныя времена Молдавию и все вышеописанныя части Кавказских, Киргизских и Монгольских Земель. Далее же отнюдь пределов не распространять.

§ 3.

Определение Границ Российскому Государству.

В следствие Всего Вышесказаннаго обнаруживаются следующие Границы Российскому Государству: На *Север*, Ледовитое Море. — На Восток, Большой океан. — На Юг, Китай, Саянския и Алтайския Горы, Туркестан, Бухария, Непроходимые пески между Каспийским и Аральским морями, Персия, Турция, Черное Море, Дунай и Валахия. — На Запад, Венгрия, Польша, Пруссия, Балтийское море, Ботнический Залив и Швеция. — Подробности сего Границоположения предоставляются благоусмотрению Временнаго Верховнаго Правления обязаннаго из общих сих назначений не выходить. — Что же касается до Границ между Россиею и Польшею, то могут оне быть постановлены двоякия смотря на обстоятельства. — Естли Польской Народ устранился от вышепомянутых Условий необходимых для дарованья Польше независимаго существования и не будет к оным охотствовать то и вовсе не будет тогда Государственной Границы между Польшею и Россиею существовать, Польша останется тогда областью Российскаго Государства и Россия будет на сем пространстве сохранять теперешния свои Границы с Австриею и Пруссиею. Но так

как нельзя предполагать чтобы Польша устранилась от Условий не только России но по содержанию своему несравненно еще более самой Польше полезных, то и постановляются следующие Границы в предположении что Польша заслужит самостоятельную Независимость поступками своими и образом своего Действия в роковое время Российскаго Возрождения и Государственнаго Переобразования. — Сия граница имеет идти от Полангена прямейшею чертою на Динабург. От Динабурга Двиною до Полоцка. От Полоцка рекою Ушачью до Березины. От сель Линиею Березинскою по направлению к Припету. Потом болотами припетскими по направлению к Городу Острогу Волынской Губернии. От Острога до Карпатских Гор. — Из сего явствует: 1) Что Польское Королевство, вся Гроднеская Губерния и вся Белостокская область предназначаются к отделению от России в состав предполагаемаго Польскаго Государства и 2) Что Виленская, Минская и Волынская Губернии частями остаются навсегда за Россиею и частями предназначаются к отделению в состав Польскаго Государства. Подробности сего Границоположения предоставляются подобным же образом усмотрению Временнаго Верховнаго Правления.

Для приведения сего Границоположения в окончательное точное исполнение обязывается Временное Верховное Правление принять все нужныя меры и Вместе с тем объяснить Иноземным Державам что Россия не может дать сильнейшаго Доказательства в Умеренности Политической своей Системы как ныне делает возстановляя Польшу и постановляя пределы Всяким дальнейшим распространения, но что собственное Ея Благоденствие требует Вышеизъясненнаго округления Ея Границ. Сила и Могущество России позволяють ей так откровенно говорить. Великодушие же Ее и самая сия откровенность могут служить Залогом в истине и точности сего ограничения. — Определив границы рассмотрим теперь само Государство оными обозначенное.

§ 4.

Россия есть Государство Единое и Неразделимое.

Государства бывают или *Неразделимыя*, или *федеративныя*. *Неразделимыя* называются те в коих все части или области Государство составляющия, одну общую Верховную Власть, один образ Правления и одни Законы имеют и признают и в коих ни одна область не имеет права частно для себя издавать Законы и Постановления. *Федеративныя* же называются те Государства, в которых, области их составляющая хотя и признают общую над собою Верховную Власть и обязываются совокупно действовать во всех Сношениях Внешних, при всем том право свое сохраняют законы делать и Постановления из-

давать для собственного своего внутреннего Гражданского и Политического образования и устраивать свое правление по частному своему Усмотрению. — Главная Разница посему между Неразделимыми и федеративными Государствами состоит в том что Право издавать Законы, образовать общественные Учреждения и распоряжаться Государственными Делами находится в Неразделимом Государстве в одной только Верховной Власти а в федеративном Государстве разделяется между общею Верховною Властью и частными областными Властями. — С перваго взгляду может федеративное Устройство Государства показаться удобным и приятным: ибо каждой области возможность дает действовать по своему Усмотрению и своей воле; но при внимательнейшем рассмотрении легко убедиться можно в решительном преимуществе неразделимаго образования Государства над федеративным; особенно применяя оное к России при обширном Ея пространстве и большом количестве различных племен и народов ее населяющих.

Общая невыгоды федеративнаго образования Государства суть между многими прочими следующие четыре: 1.) Верховная Власть по существу Дела в федеративном Государстве не Законы дает, но только Советы ибо не может иначе привезти свои Законы в исполнение как посредством областных властей не имея особенных других принудительных средств. Ежели же область не захочет повиноваться, то дабы к повиновению ее принудить надобно между[у]собную Войну завести; из чего явствует что в самом коренном Устройстве находится уже семя к разрушению. — 2.) Особые Законы, особый образ правления и особия от того происходящая Понятия и образ мыслей еще более ослабят связь между разными областями. На Верховную же власть будут области смотреть как на вещь нудную, и неприятную, и каждое областное Правительство будет рассуждать что оно бы гораздо лучше устроило Государственные Дела в отношении к своей области без участия Верховной Власти. Вот новое семя к разрушению. — 3.) Каждая область составляя в федеративном Государстве так сказать маленькое отдельное Государство слабо к целому привязана будет и даже во время войны может действовать без Усердия к общему составу Государства; особенно если лукавый Неприятель будет уметь прельстить ее обещаниями о каких нибудь особенных для нея выгодах и преимуществах. Частное Благо области хотя и Временное, однакоже все таки сильнее действовать будет на воображение ея Правительства и Народа нежели общее Благо всего Государства не приносящее может быть в то время очевидной пользы самой области. — 4.) Слово Государство при таком образовании будет слово Пустое ибо никто нигде не будет видеть Государства но всякой везде только свою частную область; и потому любовь к отечеству будет ограничи-

ваться Любовью к одной своей области. — Много есть еще других отменно важных причин, но для краткости умалчивается о них: ибо довольно уже и сих четырех для решения предложеннаго вопроса.

Что же в особенности касается до России, то дабы в полной мере удостовериться до какой Степени федеративное образование Государства было бы для нея пагубно, стоит только вспомнить из каких разнородных частей сие огромное Государство составлено. Области его не только различными Учреждениями управляются, не только различными Гражданскими Законами судятся но совсем различные языки говорят совсем различные веры исповедуют, жители оных различные происхождения имеют, к различным Державам некогда принадлежали; и потому ежели сию разнородность еще более усилить чрез федеративное образование Государства, то легко предвидеть можно что сии разнородные Области скоро от Коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое Могущество, Величие и Силу, но даже может быть и бытие свое между большими или Главными Государствами. Она тогда снова испытает все Бедствия и весь неизъяснимый вред нанесенный Древней России Удельною Системою, которая также ни что иное была как род федеративнаго Устройства Государства; И потому если какое нибудь государство может еще сомневаться во вреде федеративнаго Устройства, то Россия уже никак сего сомнения разделять не может: она горькими опытами и долготелными бедствиями жестоко заплатила за сию ошибку в прежнем Ея Государственном Образовании. А по сему, соединяя все сии Обстоятельства в общее соображение постановляется Коренным Законом Российскаго Государства что всякая мысль о федеративном для него Устройстве отвергается совершенно яко пагубнейший вред и величайшее Зло. Избегать надлежит всего того что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно к таковому Устройству Государства везти бы могло.

В Следствие всего здесь сказаннаго объявляется Российское Государство, в пределах выше обозначенных *Единым и Неразделимым*, отвергающим притом совершенно всякое федеративное образование, устройство и существование Государства.

§ 5.

Разделение пространства Государства на части.

Земельное пространство Российскаго Государства имеет разделено быть на 53 Губернии; из коих именоваться *50-ти: Округами* а *3-м Удлами*. — 50-ть округов имеют образовать 10-ть Областей по 5-ти округов в каждой. Один из окружных или Губернских городов в каждой Области будет вместе с тем и областным Городом. — 3 Удела имеют

состоять отдельно, не входя в состав областей и именуясь: *Столичным, Донским и Аральским*. — Каждый Округ и каждый Удел имеют разделяться на различное Количество *Уездов*, а каждый Уезд на различное количество *Волостей*.

Каждая Волость должна иметь по крайний мере тысячу обывателей мужескаго полу. Каждый Город, местечко, Село, или деревня имеющие 1000 обывателей мужескаго полу или более могут составлять особую или *Цельную* Волость. Но имеющие менее 1000 обывателей должны приписываться к другим ближайшим селениям, так чтобы в таковых случаях два, три или более деревень или селений составляли одну *Приписную* Волость. Цельная Волость может однакоже иногда в крайних случаях иметь и менее 1000 обывателей ежели по местоположению, или малому населению уезда или большому количеству земли неудобно то селенье к составу приписной Волости присоединить или же надежда имеется в скором умножении Народонаселения в том месте. Из сего явствует что Волости должны быть двух родов: или цельные или приписные; города же, местечки, Села и Деревни будут по сему все совершенно одно и то же, то есть будут Волости образовывать; А по сему и можно заменить все сии Названия одним именем Селение, продолжая Городом называть местопребывание Уездного Начальства. Из приписной Волости весьма легко можно составить цельную Волость предпринимая для того, где нужно или удобно переноску или перестройку обывательских Домов и сим способом соединя несколько Селений в одно Селение. Таковые переносы Деревень часто ныне делаются и потому не встретит меропринятие сие больших Затруднений. Оно даже весьма полезным быть может ибо Волости округлит. Надлежит только приступить к сему без отягощения жителей и не столько по принужденно, сколько по добровольному согласию и дружелюбному Убедению. Сие может произойти не вдруг но постепенно: оставляя теперешния сельские дома на их местах и предназначая только новыя строить уже на местах для того выбранных.

При первоначальном учреждении волостей должно быть особенное обращено внимание на то чтобы не были составлены слишком многолюдныя волости. Сие во многих отношениях чрезвычайно вредно: Управление Волостью делается очень затруднительным. Участие всех Граждан в Земских собраниях о коих в последствии говорено будет учиняется неудобным, тягость земляных Работ увеличивается большими расстояниями от жилищ до Полей. К тому же большия Волости будучи Волости цельныя указывают на большия Города, а большия Города чрезвычайно вредны особенно для Нравственности которая признана быть должна первым Богатством каждаго Народа. И потому желательно чтобы при первоначальном устройстве Волостей, самая многолюднейшия числили бы не более как от 5000 до 10 000 человек

мужескаго Полу. Сим однако же не воспрещается жить в Городе более пяти или десяти тысяч обывателей ибо не всякой житель есть член Волости. Здесь же говорится только о членах Волости. Вообще при установлении Волостей надлежит иметь к руководству два соображения из коих одно относится до Народонаселения а другое до Земельнаго Волости пространства. Народонаселение и Земельное Пространство должны быть в возможном соответствии. А как ни единая Волость не должна иметь менее 1000 обывателей мужескаго пола то и земельное пространство не должно ни в единой волости заключаться в меньшем Количестве как сколько нужно для 1000 человек Мужескаго Пола с Семействами, и не более как сколько нужно для 5000 человек или около того Количества с Семействами же. Для Введения всего разделения и Устройства сего обязывается Временное Верховное Правление сделать нужные распоряжения и нужные Перемены.

§ 6.

Выбор и назначение Столицы.

Округ, в котором находится Столица не должен входить в Состав которой либо из областей для того что в Столице пребывает Верховное Правление со всеми главными Государственными Начальствами и что по сей причине присоединение Столицы к которой либо из Областей дает той области слишком большое против прочих значение а может быть даже и на Дела влиять. Посему и должна Столица составлять особый Округ под названием Столичнаго Удела.

Столичным Уделом назначается *Нижегородская* губерния от которой отойти имеют в состав других округов: Уезды Сергачской, Лукояновской, Арзамаской, Ардатовской и большая часть Горбатовскаго. Сам же *Нижний Новгород* назначается *Столицею* Российскаго Государства под названием *Владимира*. Сие имя дается Столице в память Великаго Мужа введшаго в Россию христианской закон: да средоточие России свидетельствует даже именем своим о вечной Благодарности Россиян за благочестивое и благодетельное его Деяние. Нынешний же город Владимир может быть назван *Клязминным* стоя на реке Клязме.

Столицею Российскаго Государства выбран Нижний Новгород потому: 1.) Что сей Город в середине России расположен. 2.) Что стоя на Волге и Оке он всех прочих удобнее для внутренней Торговли и для привоза всяких припасов в столь большом количестве для Столицы Необходимых. 3.) Что Макарьевская Ярмонка соединяет Европу с Азиею в сухопутных торговых отношениях. 4.) Что освобождение России от ига иноплеменнаго чрез Минина и Пожарскаго из сего города изошло, и 5.) Что все воспоминания о древности Нижегородской дышут свободою и прямою Любовью к Отечеству а не к тиранам Его.

Временное Верховное Правление обязывается принять все меры и распорядить все нужные издержки для основания Столицы в Нижнем Новгороде. До того же времени оставаться оной в Петербурге или Москве.

§ 7.

Составление Донского и Аральского Уделов.

Донской Удел или так называемая Земля Донских Козаков должен особенный отдельный округ образовать для того что цель учреждения козаков состоит в снабжении Российской Армии столь отличною ирегулярною Конницею каковы Донские Козаки; почему и должны они иметь свое особенное образование, особенное правление и особенное Начальство совершенно соразмерныя с целью их существования и следовательно от прочих частей Государства составляющих области быть отделены. — От Земли Козаков надлежит отделить *Миусское* Начальство населенное не козаками но переселенными русскими мужиками подвластными некоторым козачьим фамилиям. За то присоединить к сему Уделу для округления онаго: 1.) Часть Таганрогского округа за исключением самого Таганрога и земли от сего города до местечка Синявки. 2.) Город Азов с его округом. 3.) Весь почти Новохоперской Уезд Воронежской губернии и 4.) Ту маленькую часть Екатеринославской Губернии, которая лежит к востоку от Славеносербска: Межевая черта идти может от Синявки прямо на Славеносербск. — Донской Удел может всего удобнее разделен быть на 10 Уездов которые бы образовали 10 Начальств: 1.) Черкасской Уезд. 2.) Азовской. 3.) Маньцкой. 4.) Сальской. 5.) Донецкой. 6.) Медведицкой. 7.) Чирской. 8.) Мигулинской. 9.) Зотовской и 10.) Хоперской. — Удельным Городом может быть Новочеркасск или какой либо другой город по желанию и выбору самих Козаков.

Аральской Удел должен быть составлен из Земель Киргиз Кайсаков России принадлежащих и присоединенными быть имеющих и быть для той же цели предназначен как и Донской Удел; а посему и одинаковое с ним получить Устройство и образ Правления. Временное Верховное Правление имеет озаботиться по Усмотрению своему и по внимательному соображению местных обстоятельств о приведении сего в исполнение. Сей Удел может быть населен кроме Киргизов еще Линейными Козаками Сибирскими и оренбургскими, из коих многие весьма охотно перейдут на прекрасные места Аральскому Уделу назначенныя.

Для лутчаго Усмотрения состава Уделов и Областей прилагаются при сем два чертежа из коих один представляет ныне существующее разделение а другой вновь предполагаемое. — Приступаем теперь к описанию Областей.

§ 8.

Область Чудская

Область Чудская: — областной Город: Петербург под названием Петрограда.

Округи или Губернии:

1.) Петроградской Округ. — Может состоять из прежней Выборской губернии, части Олонецкого Уезда, той части Петербургской Губернии, которая лежит на правом берегу Невы и той части финляндии, которая лежит к востоку и югу от озер Пулавеси, Кивеси и Оривеси.

2.) Олонецкой Округ. — Можно к нему присоединить часть Кириловского и часть Белозерского уездов Новгородской Губернии и ту часть Архангельской Губернии, которая имеет границу к востоку реку Онегу, а к северозападу реку Кем и озера Кунто. От него же отойти может часть Каргопольского и часть Олонецкого Уездов.

3.) Обовской Округ. — Может иметь границу к Востоку: Вышеописанный петроградской округ; к Югу и западу, Балтийское море а к северу: черту идущую от Каске на Гаркенен, потом северныя части озер Кирсекреи и Пулавеси до деревни Матиллы. Аландские острова могут к сему же округу принадлежать.

4.) Вазской Округ. — Может иметь границу к востоку и югу: Вышеописанные округа Петроградской, Олонецкой и Обовской. К западу Ботнической Залив а к северу: озера Улео, Тоя и Кияндоярви примыкая к морю у брихештата.

5.) Улеаборской Округ. — Состоять может из остальных северных частей новой финляндии. К сему округу может присоединена быть та часть Архангельской Губернии, которая лежит к западу от белаго моря и к северу от реки Кема и озер Кунто.

Прежняя Выборская Губерния была бы по сему переименована в Петроградской Округ а Уезды Петербургской губернии поступили бы в состав других Округов.

§ 9.

Область Холмская

Область Холмская. — Областной Город: Новгород. — Округи:

1.) Новгородской Округ. — К нему может присоединена быть вся Петербургская губерния за исключением самого Петербурга и праваго берега Невы. Отойти может часть Кириловского и часть Белозерского Уездов к Олонецкому Округу; а остальная часть Кириловского Уезда к Вологодскому Округу.

2.) Тверской Округ. — К нему может присоединена быть частица от Смоленской Губернии.

3.) Псковской Округ. — К нему могут присоединены быть — Люцинской, Режицкой, Динабургской, Дрисенской, Себежской Уезды да еще северозападные части Невельскаго и Полоцкого Уездов Витебской Губернии.

4.) Дерптской Округ. — Может составлен быть из Лифляндской и Естляндской Губерний.

5.) Митавской Округ. — К нему могут присоединены быть Тельшевской, Шавельской, часть Поневежскаго и часть Вилькомирскаго Уездов Виленской Губернии.

§ 10.

Область Северская

Северская Область. — Областной Город: Ярославль. — Округи:

1.) Архангельской Округ. — К нему могут присоединены быть участки Яренскаго и Усть Сысольскаго Уездов Вологодской Губернии, Часть, которая от Архангельской Губернии отойти может, описана выше в Чудской Области.

2.) Вологодской Округ. — С большою частью Чердынскаго Уезда Пермской Губернии. Части отходящие описаны при других округах.

3.) Ярославской Округ. — С частицами Костромской и Вологодской Губерний.

4.) Костромской Округ. — С частью Никольскаго уезда Вологодской Губернии, с Орловским и Котельничским Уездами Вятской Губернии. Части отходящие описаны в разных других округах.

5.) Пермской Округ. — С Вятским, Слободским, Нолинским, Глазовским и Верхнею частию Сарапульскаго Уезда Вятской Губернии. От него может отойти к Тобольскому Округу вся часть лежащая за Уралом: то есть Уезды: Верхотурьевской, Камышловской, Шаринской, Ирбитской, Алапаевской и большая восточная часть Екатеринбургского.

Вятская Губерния была бы таким образом упразднена и поступила бы в состав разных других Округов.

§ 11.

Область Сибирская

Область Сибирская. — Областной Город: Иркутск. — Округи:

1.) Тобольской Округ. — К нему могут быть присоединены выше названные части Пермской Губернии и таковые же части Уфимской Губернии лежащие на Восточной Стороне Уральского хребта Гор, то есть Челябинской Уезд и Юговосточная половина Троицкого Уезда.

2.) Томской Округ.

3.) Иркутской Округ. — От него могут отойти прежняя область Якутская, Чукотская Земля, Камчатка и все Острова.

4.) Якутской Округ. — Может быть составлен из прежней Области сего Имяни.

5.) Камчатской Округ. — Может быть составлен из Камчатки, Чукотской Земли и всех Островов.

§ 12.

Область Уральская.

Уральская Область. — Областной Город: Казань. — Округи:

1.) Казанской Округ. — К нему могут присоединены быть: Царевосанчурской, Иржумской и часть Елабужскаго Уездов Вятской Губернии. Отойти могут Тятюший, Спасской и Чистопольской Уезды к Симбирскому Округу.

2.) Симбирской Округ. — К нему могут быть присоединены выше названные части Казанской Губернии и часть Сергачскаго Уезда Нижегородской Губернии. Отойти могут сызраньской Уезд и часть Самарскаго к Саратовскому Округу.

3.) Пензенской Округ. — К нему могут присоединены быть Лукояновской Уезд, часть Арзамасскаго и часть Сергачскаго Уездов Нижегородской Губернии.

4.) Саратовской Округ. — К нему могут быть присоединены выше писанные части Симбирской Губернии и ниже писанные части Астраханской Губернии. Отойти могут от него Царицынской Уезд и часть Камышскаго Уезда к Астраханскому Округу.

5.) Уфимской Округ. — К нему могут присоединены быть Сарапульской Уезд и часть Елабужскаго Вятской Губернии и Север восточная часть Астраханской Губернии. Отойти могут к Тобольскому Округу часть за Уральским Хребтом лежащая.

§ 13.

Область Славянская.

Славянская Область. — Областной город Москва. — Округи:

1.) Московской Округ. — К нему могут быть присоединены часть Боровскаго Уезда Калужской Губернии и частицы Переяславскаго, Александровскаго и Покровскаго Уездов Владимирской Губернии.

2.) Клязминской Округ — может быть составлен из Владимирской Губернии с переименованием Владимира в Клязмин и с присоединением к нему Арзамасскаго, Ардатовскаго и большей части Горбатовскаго Уезда Нижегородской губернии. Отходящая часть к Московскому округу описана выше.

3.) Рязанской Округ. — К нему могут быть присоединены Елатомской, Темниковской, Спасской и Шацкой Уезды Тамбовской Губернии а отойти могут от него Скопинской, Даньковской, Ораниенбургской, Рязской и Сапожокской Уезды к Тамбовскому Округу.

4.) Тульской Округ. — К нему могут быть присоединены Елецкой, Ливенской, Малоархангельской, и большая часть Брянского Уезда Орловской Губернии.

5.) Тамбовской Округ. — К нему могут быть присоединены малейшая часть Воронежской Губернии и вышеназванные Уезды Рязанской Губернии. Отойти могут к Рязанскому Округу Выше же названные Уезды.

§ 14.

Область Вершинная

Вершинная Область. — Областной Город Смоленск. — Округи:

1.) Калужской Округ. — К нему могут быть присоединены город Юхнов с весьма небольшою частью Смоленской Губернии. Отойти могут частицы Боровскаго, Малоярославскаго, Масальскаго, Жиздренскаго и Тарусскаго Уездов к Московскому и Смоленскому Округам.

2.) Смоленской Округ. — К нему могут быть присоединены Климовицкой Уезд и часть Мстиславскаго Уезда Могилевской Губернии, частицы Масальскаго и Жиздренскаго Уездов Калужской Губернии и часть Брянскаго Уезда Орловской Губернии. Отойти могут частицы Юхновскаго, Бельскаго и Порецкаго Уездов.

3.) Витебской Округ. — Уезды, которые от него отойти могут описаны выше. К прочим же могут присоединены быть часть Порецкаго Уезда Смоленской Губернии, части Борисовскаго и Игуменскаго Уездов Минской Губернии и следующие Уезды Могилевской Губернии: Сенно, Бобиновичи, Орша, Копысь, Могилев, Чаусы, Старой Быхов, Чериков, и часть Мстиславля.

4.) Черниговской Округ. — К нему присоединены быть могут Белецкой и Рогачевской Уезды Могилевской Губернии и те остальные части Минской губернии, которые должны за Россию оставаться. Отойти могут к Орловскому Округу Суражской, Мглинской, Стародубовской, Новгород Северной, Глуховской и Королевецкой Уезды равно как и часть Сосницкого.

5.) Орловской Округ. — К нему могут быть присоединены названные Уезды Черниговской Губернии равно как и часть Дмитревскаго Уезда Курской Губернии. Отойти могут к Тульскому округу Елецкой, Ливонской, Малоархангельской, и большая часть Брянскаго Уезда а остальная часть Брянскаго уезда к Смоленскому Округу.

Из сего явствует что Могилевская Губерния может быть упразднена и поступить в состав других округов.

§ 15.

Область Черноморская.

Черноморская Область. — Областной Город Киев. — Округи:

1.) Киевской Округ. — К нему могут быть присоединены все части и Уезды Волынской губернии, которые за Россию остаются. Отойти могут Богуславской, Черкасской, Чигринской, половина Звенигородскаго и половина Уманьскаго уездов в состав Одесского Округа.

2.) Могилевской Округ, или теперешний Подольской. Отойти могут Гайсинской Уезд, Балтской кроме Рашкова и часть Ольгопольскаго в состав Одесскаго Округа. Присоединены быть могут частица Волынской Губернии и верхние части Бессарабии и Молдавии. Окружным Городом всего удобнее быть может Могилев что на Днестре и потому сам округ переименован из Подольскаго в Могилевской.

3.) Ясский Округ. — Может состоять из остальных частей Бессарабии и Молдавии.

4.) Херсонской Округ. — К оному могут быть присоединены Верхнеднепровской Уезд Екатеринославской Губернии и вся Таврическая Губерния за исключением всего Мелитопольскаго и части Днепровскаго Уездов. Отойти могут весь правый берег Ингула в состав Одесскаго Округа.

5.) Одесской Округ. — Может быть составлен из частей Херсонской, Киевской и Подольской Губерний таким образом чтобы на составление оного поступили. Весь правой берег Ингула Херсонской Губернии, Богуславской, Черкасской, Чигринской, половина Уманьскаго и половина Звенигородскаго Уездов Киевской Губернии и наконец Гайсинской и Балтской Уезды кроме Рашкова и часть Ольгопольскаго Уезда Подольской Губернии. — Окружный Город Одесса.

Из сего явствует, что Таврическая Губерния может быть упразднена а новый Одесской Округ быть составлен.

§ 16.

Область Украинская.

Украинская Область. — Областной Город Харьков. — Округи:

1.) Полтавской Округ. — От него отойти могут к Харьковскому Округу частица Полтавскаго Уезда и почти весь Константиноградской Уезд.

2.) Курской Округ. — К нему могут присоединены быть Сумской, Лебединской Уезды и та половина Ахтырскаго Уезда Харьковской Гу-

бернии, которая лежит на правом берегу Ворсклы. Отойти могут: К Харьковскому Округу, части Белгородского, Хотмыжского, Карачевского и Новооскольского Уездов; К Воронежскому округу, другая часть Новооскольского Уезда; к Орловскому Округу, часть Дмитревского Уезда.

3.) Харьковской Округ. — К нему присоединены быть могут упомянуты части Курской и Полтавской Губернии, часть Павлоградского Уезда Екатеринославской Губернии и правой берег Оскола в Воронежской Губернии. Отойти же могут к Курской Губернии вышеназванные части.

4.) Воронежской Округ. — К нему присоединены быть могут часть Новооскольского Уезда Курской Губернии. Отойти могут к Тамбовскому Округу Город Задонск и верхние части Землянского и Воронежского Уездов; К Харьковскому Округу, весь правой берег Оскола а к Донскому Уделу, большая часть Новохоперского Уезда.

5) Екатеринославской Округ. — К нему могут быть присоединены Мелитопольской Уезд и часть Днепровского Таврической Губернии; почти все Миусское Начальство Донской Земли и Город Таганрог. Отойти же могут, Верхне Днепровской Уезд и часть Павлоградского и Славеносербского.

§ 17.

Область Кавказская.

Кавказская Область. — Областной Город Георгиевск. — Округи:

1.) Астраханской Округ. — К оному присоединены быть могут Саратовской Губернии Уезд Царицынской и та часть Камышинского, которая к югу лежит от черты идущей от того места где река большой Узень протекает Саратовскую Границу на устье Тиргуна, потом Ерусланом до его Устья, а от сел чрез село Гуселка до границы Саратовской Губернии с Донскою Землею.

2.) Георгиевской Округ. — К оному присоединена быть может Земля Черноморского Войска.

3.) Кавказской Округ. — Может быть составлен из всего пространства лежащего между Кубанью Рионом и Дорогою ведущею от Моздока на Тифлис — Окружным Городом может быть назначен Сукум Кале под названием Кавказска.

4.) Тифлийской Округ. — Может быть составлен из Грузии, Гурии, южной части Имеретии, и всего пространства к югу от Риона.

5.) Дербентской Округ. — Может составлен быть из пространства лежащего на юг от Георгиевского Округа и на Восток от Кавказского и Тифлисскаго.

§ 18.

Выписка всем переменам происходящим по Губерниям для составления областей, Уделов и Округов.

Из всего здесь сказанного явствует: 1.) Что Финляндия, Сибирь и Кавказ новое получают разделение и к некоторым изменениям в своем составе предназначаются. 2.) Что части Польских и Литовских Губерний остающиеся за Россию поступают: От Виленской Губернии в Митавской Округ; от Минской Губернии в Витебской и Черниговской округи; а от Волынской Губернии в Киевской Округ. 3.) Что Молдавия с Бессарабиею составляют Ясский Округ отделяя некоторые части в Могилевской (подольской) округ. 4.) Что Вятская, Могилевская и Таврическая Губернии упраздняются и поступают в состав других Округов. 5.) Что Естляндия и Лифляндия соединяются в один округ под названием Дерптского. 6.) Что новой Одесской Округ составляется из частей Херсонской, Киевской и Подольской Губерний, и 7.) Что во многих Губерниях для лучшего округления и удобнейшего Состава областей, Уделов и Округов некоторые перемены и перечисления Уездов необходимыми признаются.

При сем надлежит заметить что совсем различными соображениями надлежит руководствоваться при назначении Границ Государственных и при назначении Границ между областями, Губерниями, Уездами и Волостями того же Государства. Первые Границы назовем Внешними, вторыя внутренними. — Внешняя Границы тем бывают лутчими чем большее количество препятствий представляют для перехода чрез оныя и для сообщения между Государствами исключая тех мест которыя для сего предмета самим Правительством назначены. Сие достоинство Внешних Границ совсем не составляет достоинства для Внутренних Границ которыя не для безопасности одной части Государства противу другой устанавливаются но единственно для лутчаго внутреннего порядка всех частей вообще; порядок же сей требует чтобы сообщения между разными частями Государства как можно более были облегчаемы и следовательно все Естественныя к тому препоны состояли бы под ведением одного а не двух местных начальств ибо тогда несравненно будет удобные оныя таким образом обделывать, чтобы они уже более не представляли затруднительных к сообщению препятствий как то на пример Переправы. Общаго исключительнаго правила на сей щет существовать не должно ибо здесь все зависит от местного Положения и частных обстоятельств на коих Верховное Правление должно обращать подробное рассмотрение.

Подробности всего Распорядка в сей Главе описаннаго предоставляются Благоусмотрению Временнаго Верховнаго Правления, которое разрешается не только устроить оныя по своему соображению

и потом в Действие привезти; но даже и те сделать отмены которые по местным обстоятельствам, может быть, окажутся необходимыми или очень полезными. А равным образом и распорядить разделение каждого Удела и каждого Округа на нужное число Уездов и устроить земельное разделение Области Литовской и Области Польской естли останутся за Россию.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О ПЛЕМЕНАХ РОССИЮ НАСЕЛЯЮЩИХ.

§ 1. Разделение Племен Россию населяющих на три главные Разряда.

Общая масса всех Российских обитателей может на три Главные Разряда быть разделена. Первой Разряд состоит из Коренного Народа Русского. Второй из племен к России присоединенных. Третий из иностранцев в России живущих. Коренной Народ Русской есть племя Славянское. Народы к России присоединенные составляют различные другие племена. Иностранцы в России живущие суть частные лица разных наций. — Дабы с ясною положительностью судить можно было о мероприятиях коим должны подлежать все различные оттенки коренного Народа русского, Все различные племена в России обретающиеся и все Иностранцы в России находящиеся надлежит основное соображение изложить коим Временное Верховное Правление обязывается в сем отношении руководствоваться.

§ 2. Законы должны быть одинаковы на целом пространстве Государства.

Государство должно в Политическом отношении *целое* составлять. Государство должно в Политическом смысле и отношении Целое составлять и может таковым признано быть только тогда, когда все различные его части и члены совершенно крепкую и истинно тесную связь между собою имеют. Сия Политическая связь между частями Государства ознаменовывается большею или меньшего одинаковостью в законах и образовании Правления, от оной зависит и от оной силу и значение свое получает; и потому бывает Политическая связь в Государстве совершенна, когда одни и те же законы, один и тот же образ Управления во всех частях Государства существуют и Государство из частей состоит в Политическом смысле однородных и однообразных. В сем случае получает Государственный Состав высшую степень крепости а силы онаго высшую степень Могущества. И по-

тому полезно для блага и величия Государства чтобы во всем онаго пространстве одни и те же Законы, один и тот же образ Управления существовали и Надлежит только рассмотреть может ли сие единообразно существовать.

Много было прений о сем предмете; но все споры сии могли только от сбивчивости в понятиях произойти и от того что смешивали Законы Политические с Законами Духовными и Естественными и что принимали связь или соотношения между сими тремя родами существующая за совершенное слитие сих родов во Едино. — Законы Духовные могут разделены быть на Христианские и иноверные. Мы обязаны запрещать все те Действия Иноверных законов, которые противны Духу Законов Христианских; но все что Духу оных не противно хотя и с оными различно, позволять по усмотрению мы можем. Закон же Христианский имеет один и тот же Дух во всех своих различных исповеданиях и от Политических Законов только того требует чтобы сии последние его защищали и с Духом его были согласны: Сие же требование должно быть везде удовлетворяемо и никакой нет причины воспрепятствующей сие исполнять единообразно на целом пространстве Государства. Из чего явствует что различие Духовных Законов может быть сопряжено с одинаковостью Политических Законов и Постановлений. — Законы природы или Законы естественные могут разделены быть на общие и частные. Первые на целом земном шаре действие свое имеют и везде одинаковы. Вторые, хотя от местностей зависят, но однако же на первых основание свое имеют. Первые вызывают однообразность Политических Законов, вторые связь имеют с Политическими Законами в отношении Государственного общественного Хозяйства и требуют Защиты и Содействия. Для Удовлетворения сим двум требованиям надобно чтобы Политические Законы ни одного из сих предметов не упускали из виду; В следствие чего разнообразность естественных местностей в Государстве не особеннаго Уложения для каждой местности требует но только число предметов общее Уложение составляющих увеличивает на счет Хозяйственных статей.

Наконец Государственные и Гражданские Законы могут быть в целом пространстве Государства одни и те же потому: 1.) Что истинна Политическая, будучи истинною нравственною или отвлеченною везде одна и та же. 2.) Что Нравы Народные везде зависят от Веры и Правительства. Законы Веры Христианской везде требуют одинаковых правил нравственности и Правительство одинаковостью Законов Политических с верою согласных будет Вере способствовать сие святое Единообразие в правилах нравственных повсюду везти к общему всех благоденствию. 3.) Что Правосудие двусмыслия и двоякаго Толкования не допускает и будучи основано на понятии о наших обязан-

ностях в отношении к Ближним одинаково везде быть должно тем более что сии обязанности Верою определены для всех Людей одинаковыми. И наконец: 4.) Потому что самые действительные Наставники Народов суть Законы Государственные: они образуют и так сказать воспитывают народы и по ним нравы, обычаи, Понятия, вид свой и Деятельность свою получают. от них исходят Направление Умов и Волей; и потому утвердительно сказать можно что Политические и Гражданские Законы соделывают Народы таковыми каковыми они суть. Из сего следует что одинаковые Гражданские Законы на целом пространстве Государства более всего содействовать будут к дарованию всем частям онаго одинаковаго оттенка Нравственности а тем самым и произведут ту совершенно крепкую и истинно тесную политическую связь в Государстве, коея существование столь благодетельно. Из сего явствует что все Спорщики противу одинаковости Законов и образа Управления внимание свое обращали на частные предметы, не входя в соображение ни об общей связи Государственного Бытия, ни о Началах и основах из коих частныя сии разнообразности могли произойти. Здесь изложенныя соображения имеют служить руководством для Временнаго Верховнаго Правления.

§ 3.

О Различных оттенках Кореннаго Народа Русскаго.

Племя Славянское, Коренной Народ Русской составляющее имеет пять оттенков: 1.) Собственно так называемые Россияне населяющие Губернии Великоросские. 2.) Малороссияне, населяющие Черниговскую и Полтавскую Губернии. 3.) Украинцы населяющие Харьковскую и Курскую Губернии. 4.) Жители Киевской, Подольской и Волынской Губерний называющие себя Русскаками и 5.) Белорусцы населяющие Витебскую и Могилевскую Губернии. Главная разница между первым и последующими оттенками Кореннаго Народа Русскаго состоит в том что Витебская, Могилевская, Черниговская, Полтавская, Киевская, Волынская и Подольская Губернии на особенных Правах ныне состоят и от прочих Великороссийских Губерний образом своего Управления отличаются. Все вообще Устройство Правления в России имеет в частных и общих своих началах сильное получить изменение и когда будет оное в окончательное исполнение приведено, тогда все Губернии будут одинаковыми правами наслаждаться и Правление будет в оных одинаковым образом устроено. Сих Губерний теперешнее положение хотя и различно, но во всех оно будет для улутчения своего новым Положением заменено; а сие предполагаемое новое Положение будет одно и то же для всех Губерний. Коль скоро же сего различия более существовать не будет, то и вовсе

никакого в государственном отношении существовать не может, ибо: 1.) Язык везде один и тот же: различны одни только наречия, а сии даже и в самых Великороссийских Губерниях не везде одинаковы, да и нету того большаго Народа, коего бы язык не имел различных наречий. 2.) Вера одна и таже Православная во всех сих Губерниях как и в Великороссийских, и хотя в некоторых местах Унияство еще исповедуется, но оно ничто иное есть как слабый остаток соблазна флорентийским собором предложенный, Иноземным насилием в несчастныя те времена введенный и ежедневно более и более искореняющийся. Что же касается до Католиков, то не между Народом они в сих Губерниях находятся но между потомками некоторых пришельцов прежних времен пользующимися правом свою веру исповедывать подобно всем прочим Иноверцам в России находящимся, и 3.) Гражданское Состояние в сих Губерниях совершенно одинаково с таковым в Великороссийских Губерниях ибо те же Сословия с теми же правами существуют. Сверх того надобно и то еще заметить что вышеназванныя Губернии на особых правах состоящая принадлежали России в старинныя времена и от оной в те злополучныя обстоятельства отторгнуты были когда междоусобия малых Князей Удельных Государство обезсилили и раздорами своими случай дали Иноземцу с Успехом их воевать. Присоединив оныя опять к своему Составу, возвратила себе Россия древнее свое Достояние тем более для нее близкое что Колыбелью Российскаго Государства могут быть почтены в Северной стороне Новгород с окружающими его Губерниями а в Южной стороне Киев с Губерниями Черниговскою, Киевскою, Полтавскою, Подольскою и Волынскою сим древнейшим средоточием Российскаго Государства. Из сего явствует что никакого истиннаго различия не существует между разрядами Коренной Народ Русской составляющими, и что малыя оттенки замеченныя должны быть слиты в одну общую форму. А по сему и постановляется правилом чтобы всех жителей населяющих Губернии Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую истинными Россиянами почитать и от сих последних никакими особыми Названиями не отделять.

§ 4.

О Различных Племенах к России присоединенных.

Народы составляющие различныя племена к Российскому Государству присоединенныя и в оном обретающияся могут на Десять Разрядов быть разделены:

- 1) Племя финское.
- 2) Племя Латышское.

- 3) Племя Молдавское.
- 4) Колонисты в России поселенные.
- 5) Народы Кочующие.
- 6) Племя Татарское.
- 7) Народы Кавказские.
- 8) Козаки.
- 9) Восточные Народы Сибирские и
- 10) Народ Еврейской.

Сие разделение основано в отношении к народам Татарским, Кавказским и Кочующим не на одном разнородстве сих Племен, но более на соображении о различном их положении в общем Составе Государства. — Что же касается до Колоний, то не имеет Россия других кроме одних Северо-Американских, которыя столь малозначущи что нечего о них много и толковать. По сходству их с восточными Народами сибирскими подлежат они одинаковым с ними меропринятиям. Общее же правило в отношении Колоний состоит в том что ими надо управлять таким образом чтобы возможность была даровать им Независимость естли оне достаточно сделаются сильными дабы оною пользоваться и потому надо ими управлять более в виде Покровительства чем в виде полного обладания.

§ 5.

Племя Финское.

Племя финское имеет три оттенка: Первый составляют жители *Финляндию* населяющие: сей край особое свое имеет правление, особыми пользуется правами и свои особые имеет Законы. Второй составляют *Лопари* и *Остяки*, два Народа Кочующие; что ниже сего сказано будет о всех Кочующих Народах вообще, то равным образом относится и до них; а посему здесь ничего особаго о них упомянуто не будет. Третий наконец составляют те финские Народы, которые по Северному пространству России разбросаны и в разных губерниях находятся; особенно в Вятской и Пермской.

На шет перваго оттенка надлежит заметить что когда в прошедшем столетии часть Финляндии была Россиею приобретена, тогда введены были в оную Законы, Правление и Язык Российский и, так что Народ в оной обитающий в скором времени почти совсем обрусел. С приобретением остальной Финляндии в нынешнем столетии была старая Финляндия к новой присоединена и обеим дарованы Законы и Правление особые от прочих областей Российских. Первой опыт доказал удобство с которым Финляндия может соделаться истинною частью России. Присоединяя к сему соображению решительное отвержение всякаго федеративнаго Устройства и непременно

введение Политической Единообразности обязывается Верховное Правление везти во все части Финляндии те законы и тот образ правления, которые для самих Губерний Российских приуготовляются. Сей новый порядок будет для Финляндии благодетельнее и приятнее не только нынешняго Российскаго но и нынешняго Финляндскаго. Что же касается до Языка, то надлежит везти в Финляндию Российский Язык устройвая нужныя для сего Училища и принимая другия к той же цели ведущия меры по Усмотрению Верховнаго Правления.

На шет третьяго оттенка надлежит заметить что хотя оный по наружности и совершенно слит с остальною Россиею в Политическом отношении, но не менее того в существе своем от оной чрезвычайно различествует главнейше потому что мало обращено было внимания на действительное Положение сих маленьких Народов и от того они под тягостным угнетением местных начальств находятся и продолжают коснеть в Нищете и Невежестве. А по сему и вменяется в особенную обязанность Временнаго Верховнаго Правления все меры принять для избавления сих племен от частнаго ига их правителей и для доставления им средств к улутчению их состояния и к водворению между ими просвещения; Особенное же приложить старание на шет правильного Действия Духовнаго чина.

§ 6.

Племя Латышское.

Племя Латышское имеет два оттенка: Первый составляют Латыши; Второй, *Литва* или *Ляхи*.

Жители Губерний Естляндской, Лифляндской и Курляндской разделяются на два рода: на *жителей Коренных* и на *Пришельцев*. Жители Коренные суть *Народ Латышской* с давних времен сии места населявший. Пришельцы суть *Немцы*, завоевавшие некогда сии страны и разделившие в то время между собою Имущества и Лицы Народа ими побежденнаго. О сих немецких пришельцах будет в последствии говорено. Что же касается до Латышей, то находятся они в состоянии гораздо менее благоденственном нежели сами Крестьяне Русские, не смотря на мнимую вольность им дарованную². И потому обязывается Временное Верховное Правление: 1.) большое обратить внимание как на их положение так и на то обстоятельство что феодальная Система свирепствовавшая с столь долгое время на западе Европы даже и сюда гнилые свои корни пустила и 2.) Все меры принять для совершеннаго окончательнаго изкоренения остатков феодализма и для приведения положения Латышей в согласие с коренными правилами должствующими служить основанием всякому благу Устройству

в Государстве. А по сему нынешнее политическое образование сих Губерний имеет быть заменено тем новым порядком, который введен будет в целом Государстве.

Другой разряд Латышскаго племени составляют *Литва или Ляхи* населяющие Виленскую и Минскую Губернии. По близости сих Губерний с Витебскою и Могилевскою имеют оне с ними некоторое сходство и могут посему одинаковым с ними подлежат изменениям. Сие тем будет удобоисполнительнее, что от Виленской Губернии весьма малая часть а от Минской не более половины оным изменениям подвергнутся: ибо их остальные части предполагаются к отделению в состав Польскаго Государства.

§ 7.

Племя Молдавское.

Молдаване населяют область Бессарабскую и Господарство Молдаванское. Сие последнее имеет быть приобретено и к России присоединено. Обе сии части Молдавской Земли должны получить то же самое Устройство какое и для всей России вообще предполагается. Все средства должны быть приняты дабы дать возможность сим двум областям совершенно обрусеть и сделаться однородными частями одного и того же целого, то есть Государства Российскаго. Сверх сего обязывается Временное Верховное Правление расчаду земель в Бессарабии таким образом распорядить чтобы не могла сия роздача Земель препятствовать удобному образованию волостей на тех правилах, которыя для казенных крестьян изданы будут.

§ 8.

Колонисты в России поселенные.

Во многих местах России поселены *Колонисты* разных народов; особенно Немцы, Болгаре и Волохи. Их можно всего удобнее на три разряда разделить: 1.) Колонисты южнаго края из трех вышеназванных народов состоящие и в Губерниях Екатеринославской, Херсонской и области Бессарабской поселенные. 2.) Колонисты *Волжскаго* края из немцев по большей части состоящие и в губерниях Саратовской, Астраханской и Кавказской поселенные. 3.) Наконец Колонисты около *Петербурга* и в разных других местах поселенные. Первой и второй разряды имеют особыя свои Правления в Екатеринославле для южнаго края и в Саратове для Волжскаго Края: третий род состоит малыми количествами и разбросанными частями. В отношении ко всем сим Колонистам обязывается Временное Верховное Правление: 1.) Составить Волости на основании общих Правил как и в самой России. 2.) Дележ Земель в каждой Волости совершить тем же

образом как и в казенных волостях. 3.) С неизменною точностью все те временныя льготы им предоставить, которыя обещаны им были. 4.) Даровать им все те права и преимущества, которыя новой гражданской порядком всякому Россиянину даровать имеет. 5) Подчинить их тем же начальствам и тому же образу Управления коим подчинены быть имеют все русския Волости вообще. 6.) Обратит старательное внимание на введение между ими русскаго Языка. — На предбудущее же время при вызове или принятии инностранных Колонистов надлежит таким образом их селить чтобы не составлять из них новых особых волостей, но вводить их в состав Русских Волостей уже существующих дабы они удобнее и скорее могли обрусеть.

§ 9.

Народы Кочующие.

Народы Кочующие разделяются на два рода: 1.) На такие, которые живут от скотоводства и 2.) На такие, которые живут от звериной и рыбной ловли. — Первые пребывание свое имеют в степях и климатах теплых; вторые в лесах, приморских берегах и климатах северных. Все Народы кочующие требуют для своего пропитания гораздо большаго пространства нежели народы земледельные, а между ими, народы ловлею занимающиеся еще более нежели Народы скотоводством промышляющие. Их кочевья не будучи никакими точными пределами обозначены к частным между ими распрям и друг на друга набегам случай подают; так что вечная война в самом Государстве существует. Понятие же о собственности, не имея между ими точной положительности, грабежи, воровства, обманы всякаго рода к общему их взаимному злодейству производит. А по сему священная возлагается на Временное Верховное Правление обязанность глубокое обратит внимание на сии народы. Они суть люди полудикие, а некоторые даже и совсем дикие, Люди не знающие собственной своей пользы, в невежестве и унижении обретающиеся; А следовательно по одному уже долгу христианскому надлежит заботиться об улучении их положения; тем еще более, когда к сей причине присоединяется еще и то обстоятельство, что они в нашем Государстве, в нашем отечестве обитают, А потому да сделаются они нашими братьями и да перестанут коснеть в жалостном своем положении. — Цель сия была бы большею частью достигнута ежели бы успеть можно было их на постоянныя жилища поселить и к земледелию обратит. Но поелику сего нельзя исполнить прямым меропринятием, то и надлежит к сему предмету косвенно их вести. Для сего представляются три Главныя меропринятия взаимно друг друга подкрепляющия. Первое состоит в том чтобы каждому кочевью особое пространство назначить взирая

на него как на волость и обращая внимание при распределении сих пространств на климат, на плодородие и на общее разделение Земельнаго пространства в Государстве. — Второе: чтобы открыть им свет православной Веры и лучи истиннаго просвещения: посылая к ним для того Миссионеров, которые бы кротостью и убеждением мало по малу несчастные сии народы просветили и успокоили. — Третье: чтобы на каждом таком пространстве удобнейшее место выбрать для склада различных потребностей в коих сии Народы нуждаться могут и тут же хлебные Магазины устроить дозволяя им из оных пользоваться когда в собственной своей пища нуждаться будут. Сии склады могут со временем в Волостныя Селения обратиться. К сим трем средствам может еще и четвертое присоединено быть состоящее в переселении могущее с пользою иногда по обстоятельствам предпринято быть. Когда меры сии достигнут своей цели и кочующие Народы преобразуются в земледельные, тогда должны они Волости составить на общих правилах и в общий Состав Государственнаго Устройства на общих же правилах поступить. — В отношении к Киргизам надлежит принять все меры дабы привезти их в то же положение, Устройство и образование как Донские козаки ибо им одинаковая предназначается цель как о том уже было упомянуто в главе о земельном пространстве Государства и на каковой конец уже и определен для них особенный Удел. Их можно переименовать в *Аральские Козаки*. — Что же до *Цыган* касается, то предоставить им право или оставить Россию или приняв веру православную распределиться по Волостям входя в общий Состав. — Все подробныя, частныя, местныя и постепенныя соображения в отношении к Народам Кочующим предоставляются совершенно Усмотрению и Распоряжению Временнаго Верховнаго Правления.

§ 10.

Племя Татарское.

Татарское Племя в России находящееся может разделено быть на три оттенка: Первой состоит из тех татарских народов которые на Кавказе живут. Они подлежат тем же замечаниям и тем же мероприятиям как и все вообще кавказские Народы. Второй состоит из кочующих татарских Народов, Они подлежат тем же замечаниям и мероприятиям как и все вообще кочующие Народы. Третий наконец состоит из всех остальных татарских народов в России живущих. В отношении к сим последним встречаются следующие три обстоятельства: 1.) Они исповедуют *Веру Магометанскую*. Им дозволяется продолжать оной держаться и всякое Насилие воспрещается. Не менее того надобно всяким случаем пользоваться дабы дружелюбием и кроткими убеждениями их склонять к восприятию святаго Крещения;

на каковой конец полезно посоветоваться с их духовными чинами. 2.) У них заведено *Многоженство*. А так как обычай сей противен православной Вере то и должно многоженство быть на будущее время совершенно запрещено. Содержание же жен в заперти есть большая несправедливость противу сей половины рода человеческого; А посему и надлежит употребить средства кроткия дабы Магометане обычай сей оставили. Так как Татары и вообще Магометане в России живущие никаких неприязненных Действий не оказывают противу Христиан, то и справедливо даровать им все частные гражданския права на равне с русскими и продолжать возлагать на них одинаковыя с ними личныя и денежныя повинности, распределяя их по волостям на основании общих правил. Все подробности, временныя, местныя и частныя соображения в смысле и духе сделанных здесь замечаний разрешается Временное Верховное Правление по своему Усмотрению на меру положить и к исполнению привезти.

§ 11.

Народы Кавказские.

Кавказские Народы весьма большое количество отдельных владений, составляют. Они разныя веры исповедуют, на разных языках говорят, многообразныя обычаи и образ Управления имеют и в одной только склонности к буйству и грабительству между собою сходными оказываются. Безпрестанныя междоусобия еще более ожесточают свирепый и хищный их нрав и прекращаются только тогда, когда общая страсть к набегам их на время соединяет для усильнаго на Русских нападения. Образ их жизни проводимой в ежевременных военных действиях одарил сии Народы примечательною отважною и отличною предприимчивою; но самый сей образ жизни есть причиною что сии Народы столь же бедны сколь и мало просвещенны. Земля в которой они обитают издревле известна за край благословенный где все произведения природы с избытком труды человеческие награждать бы могли и который некогда в полном изобилии процветал, Ныне же находится в запустелом состоянии и никому никакой пользы не приносит от того что Народы Полудикие владеют сею прекрасною Страною. Положение сего Края сопредельнаго Персии и Малой Азии могло бы доставить России самые значительнейшие Способы к Установлению деятельнейших и выгоднейших торговых Сношений с Южною Азиею и следовательно к обогащению Государства. Все же сие теряется совершенно от того только что Кавказские Народы суть столь же опасныя и безпокойныя Соседы сколь ненадежныя и бесполезныя Союзники. Принимая к тому в Соображение что все Опыты доказали уже неоспоримым образом Невоз-

можность склонить сии Народы к Спокойствию средствами Кроткими и Дружелюбными разрешается Временное Верховное Правление: 1.) Решительно покорить все Народы живущие и все Земли лежащая к северу от Границы имеющей быть протянутою между Россиею и Персиею а равно и Турциею; в том числе и Приморскую часть ныне Турции принадлежащую.

2.) Разделить все Сии Кавказские Народы на два разряда: Мирные и Буйные. Первых оставить на их жилищах и дать им российское Правление и Устройство а Вторых Силою переселить во внутренность России раздробив их малыми количествами по всем русским Волостям и 3.) Завезти в Кавказской Земле Русския селения и сим русским переселенцам роздать все Земли отнятыя у прежних буйных жителей дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей Край в спокойную и благоустроенную область Русскую. Все подробности сего мероприятия предоставляются распоряжению Временнаго Верховнаго Правления.

§ 12.

Козаки.

Козаки не столько произхождением своим, сколько образом своего существования от прочих Россиян различествуют. Их пять родов имеется: 1.) *Козаки Сибирские*, 2.) *Козаки Уральские*, 3.) *Козаки Кавказские*, 4.) *Козаки Черноморские* и 5.) *Козаки Донские*. Козаки Сибирские составляют кавалерию отдельнаго Сибирскаго Корпуса. Козаки Уральские составляют кавалерию отдельнаго оренбургскаго Корпуса. Козаки Кавказские и Черноморские составляют кавалерию отдельнаго Кавказскаго Корпуса. Так как сии три Корпуса не имеют ныне другой Кавалерии то и должны Сии козаки оставаться в настоящем Положении до переобразования Сухопутных Войск. Потом имеют они или подвергнуты быть тем же мероприятиям как и все Поселенныя Войска, или оставаться в теперешнем Положении с возможным улутчением онаго или наконец что всего бы лутче было получить образование подобное Донским козакам и переселиться на прекрасныя места Аральскаго Удела, с переименованием в *Аральские Козаки*. Выбор сей и приведение онаго в исполнение предоставляются по обстоятельствам и по соображению желания самих сих Козаков Усмотрению и Решению Временнаго Верховнаго Правления.

Что же касается *Донских Козаков*, то они должны составлять особенной отдельный Округ под названием Донскаго Удела. Цель их образования должна быть снабжение Российской Армии столь отличною иррегулярною Конницею каковы суть Донские козаки. Довезти войско посредством екзерциции до сего рода совершенства никакой

нет возможности: ибо оно есть последствие общаго образования не одного военнаго, но преимущественно и гражданскаго их Состояния. Коренныя правила с коими надлежит Верховному Правлению в отношении к Донским Козакам сообразоваться суть следующие: 1.) Вся Земля есть общая принадлежность и все Козаки составляют только одно Сословие. 2.) Составив Донской Удел из Десяти Начальств или Уездов разделить каждый Уезд по удобности на Волости или Станицы. 3.) Сохранить Иррегулярство Донских Козаков яко главную принадлежность сего рода Войска. 4.) Разделить Донское Начальство на местное и Военное. Первое должно всегда существовать, второе должно действие свое иметь только во время воинской службы. Первое должно Гражданским образом устроено быть, второе Воинским образом. Одно с другим не должно быть смешено и 5.) В Мирное время быть всем козакам в своих домах исключая нескольких полков необходимых для пограничной стражи а в военное время идти им к Армиям сколько потребности состоять будет, и быть тогда устроенными на полки и отряды как то описано будет в Статье о Сухопутных Военных Силах.

§ 13.

Народы Сибирские.

Восточные Сибирские Народы от части поселены, от части кочуют. Сии последние подлежат тем же заключениям как и все Кочующие Народы вообще. Поселенные же мало занимаются Земледелием и по большей части пропитываются от рыбной ловли. Много было сделано опытов для введения между ими хлебопашества, но почти всегда без успеха по причине суровости климата. При заботливости Верховнаго Правления об улутчении состояния сих народов должно оно особенно иметь в виду: 1.) Что Распространение и Усиление Веры в истинно христианском Духе наиболее может способствовать к смягчению суровых Нравов и введению просвещения и образованности. 2.) Что Составление Волостей и устройство Правления на общих началах для России ныне вновь принимаемых есть надежнейшее средство к водворению между сими народами порядка и благоденствия. 3.) Что надобно продолжать средства изыскивать к введению Земледелия ибо после худых прежних Успехов, может быть, откроются ныне лутчия к тому способы, особенно когда обратить внимание на разныя овощи и преимущественно на картофель. 4.) Что самые Несчастные Народы суть те, которые управляются Американскою компаниею. Она их угнетает, грабит и нимало о существовании их не заботится; почему и должны непременно сии Народы от нея быть совершенно освобождены.

§ 14.

Народ Еврейский.

Евреи обитают преимущественно в Губерниях Белорусских, Малороссийских, Новороссийских и Литовских и преимущественно тем отличаются от Всех прочих народов что неизменно тесную связь между собою неизменно сохраняют, никогда друг друга не выдают ни в каких случаях и обстоятельствах и всегда готовы ко всему тому что собственно для их общества может быть выгодно или полезно.

Главные причины поддерживающая и Усиливающая сию тесную между Евреями связь суть следующие: 1.) Евреи собственную свою веру имеют, которая их уверяет что они предопределены все прочие Народы покорить и ими обладать; а тем самым она их отделяет от Всех прочих Народов, заставляет их все прочие Народы так сказать презирать и всякое смешение с каким бы то ни было другим Народом совершенно запрещает и невозможным делает. — 2.) Еврейския Духовныя лица называемыя Рабинами содержат свой Народ в неизменной от себя Зависимости: запрещая именем веры всякое чтение каких бы то ни было книг кроме Талмута и некоторых других собственных своих духовных книг; народ немощный просветиться останется всегда под властью предрасудков. 3.) Сия Зависимость от Рабинов происходит оттого что по Еврейскому Закону всякое деяние частного лица даже самое маловажное от духовнаго распоряжения зависит и сии распоряжения одними рабинами делаются. Еврей даже в яствах не может обойтись без рабинскаго разрешения.

Сия связь между Евреями имеет весьма замечательныя действия и последствия из коих о некоторых здесь упомянем: 4.) зависимость Евреев от Рабинов идет так далеко что всякое приказание сими данное исполняется свято и безпрекословно: они даже жизнью Евреев располагают по своему произволу: Убитый по их приказанию пропадает без ведома Правительства ибо право им дано не уведомлять об умерших местнаго Начальства. 5.) Рабины право имеют отчуждать от Общества Евреев найденных ими заслуживающими сие Наказание. К Отчужденному таким образом никто подойти не смеет и никто не может с ним никаких иметь Сношений до тех пор пока не снимет Рабин с него произнесенное проклятие. Евреи чрезвычайно сего наказания страшатся. 6.) тесная между Евреями связь дает им средства большия Суммы накоплять или собирать для общих их потребностей особенно для склонения разных Начальств к лихоимству и ко всякаго рода злоупотреблениям для них Евреев полезным. Сии общественные с Евреев сборы весьма удобным образом делаются по распоряжению Рабинов чрез посредство общественных Резников. Каждый Еврей непременно должен по своему Закону в определенные Дни мясо

есть и притом никто не может скотину и даже курицу зарезать кроме общественных их резников; при каковом случае и сбор взимается. 7.) Они ожидают прибытия Мессия, который должен будет их водворить в их царство и все остальные народы покорить. От сего ожидания укрепляется дружная между ими связь, ненависть их ко всяким иноверцам и Зависимость от Рабинов. 8.) Ожидая Мессия, считают себя Евреи временными обывателями края где находятся и потому никак не хотят земледелием заниматься, ремесленников даже отчасти презирают и большею частью одною торговлею занимаются. По причине же большаго их числа не может честная торговля всем доставлять достаточное пропитание; и потому нет тех обманов и фальшивых действий, коих бы они себе не позволяли; в чем им Рабины еще более способствуют, говоря что обмануть христианина не есть преступление и основывая на своем Законе право фальшивыя даже давать присяги есть ли только может то быть Еврею полезно. 9.) Дружная связь между ими то последствие имеет что коль скоро они в какое нибудь место допущены, то неминуемо сделаются монополистами и Всех прочих вытеснят. Сие ясно видеть можем в тех губерниях где жительство свое они имеют. Вся торговля там в их руках и мало там крестьян, которые бы посредством долгов не в их власти состояли; от чего и разоряют они ужасным образом край, где жительство имеют. 10.) Прежнее Правительство даровало им много отличных прав и преимуществ усиливающих зло, которое они делают. В числе главнейших упомянуть можно о праве не давать Рекрут, о праве не объявлять об умерших, о праве иметь общественных Резников, о праве воспитывать детей в каких правилах хотят, о праве по усмотрению одних Рабинов книги Еврейская печатать, о праве судиться между собою по приговорам Рабинов и многия другия, не говоря уже о том что сверх того они всеми теми же правами пользуются как и прочие Народы Христианские. — Принимая все сии обстоятельства в полное Соображение ясным образом усмотреть можно что Евреи составляют в Государстве так сказать свое особенное совсем отдельное Государство и притом ныне в России пользуются большими правами нежели сами Христиане. Хотя самих Евреев и нельзя винить ни в том что они сохраняют столь тесную между собою связь, ниже в том что пользуются столь большими правами коих даровало им прежнее Правительство, не менее того не может долее длиться таковой порядок вещей утвердивший неприязненное отношение Евреев к Христианам и поставивший их в положение противное общественному порядку в Государстве. Для приведения сего порядка Вещей в надлежащее Состояние открываются два Способа. Первый состоит в совершенном изменении сего порядка. Изменение сие должно относиться до Всех тех предметов, которые в теперешнем их положении и Устройстве вредны и Злоупот-

ребительны. Паче же всего надлежит иметь целью устранение вредного для Христиан влияния тесной связи Евреями между собою содержимой ими противу Христиан направляемой и от всех прочих граждан их совершенно отделяющей. Для сего может Временное Верховное Правление ученейших рабинов и умнейших. Евреев созвать, выслушать их представления и потом мероприятия распорядить дабы вышеизъясненное зло прекращено было и таким порядком заменено который бы соответствовал в полной мере общим Коренным правилам имеющим служить основанием политическому зданию Российскаго Государства. Ежели Россия не выгоняет Евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к Христианам. Российское Правительство хотя и оказывает всякому человеку защиту и Милость но однакоже прежде всего помышлять обязано о том чтобы никто не мог противиться Государственному Порядку, частному и общественному Благоденствию. Второй Способ зависит от особенных обстоятельств и особеннаго хода Внешних Дел и состоит в содействии Евреям к Учреждению особеннаго отдельнаго Государства, в какой либо части Малой Азии. Для сего нужно назначить Сборный пункт для Еврейскаго Народа и дать несколько войска им в подкрепление. — Ежели все русские и Польские Евреи соберутся на одно место то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу Людей ищущих отечество не трудно будет преодолеть все Препоны какия Турки могут им Противупоставить и пройдя всю Европейскую Турцию перейти в Азиатскую и там заняв достаточныя места и Земли устроить особенное Еврейское Государство. Но так как сие исполненное предприятие требует особенных обстоятельств и истинногенияльной предприимчивости то и не может быть оно поставлено в непременную обязанность Временному Верховному Правлению и здесь упоминается только для того об нем чтобы намеку представить на все то что можно бы было сделать.

§ 15.

Иностранцы Подданные и Неподданные.

Иностранцы в России находящиеся и к разным другим нациям принадлежащие могут на два класса быть разделены: 1.) *Подданные* и 2.) *Неподданные*. Первые суть те, которые постоянное свое пребывание в России основали и в подданстве присягнули. Вторые суть те, которые на время только в Россию приезжают или в подданстве не присягали. — Первые нами потому не Русскими названы, что они сами себя Иностранцами считают и что присягнули в Подданстве прежним Властелинам над Россиею, но не Россию за свое отечество признали. К сему разряду принадлежат: Немцы ост-зейских Губерний,

Дворянство в оных составляющие; Поляки в Белорусских, Литовских и Новороссийских Губерниях живущие и в оных Дворянство составляющие; *Армяне, Греки и Все другие подданные* иноземнаго происхождения в разных местах живущие. — В отношении ко всем сим лицам один только вопрос встречается. Желают ли они быть Русскими или хотят ли быть Иностранцами. Ежели кто из них не пожелает быть Русским, то обязан подать Временному Верховному Правлению прошение об освобождении его от подданства, каковое немедленно получив поступает он во второй разряд и всему тому подлежать будет чему сей второй разряд подвергнется. Ежели же кто из сих подданных в срочное время таковаго прошения не подаст, тот без всякаго дальнейшаго объяснения Русским признается. Сим образом будет сей первой Разряд совершенно уничтожен: члены онаго признаваемы будучи или совершенно Русскими или совершенно Иностранцами. — Чтоже касается до втораго разряда, то есть до Неподданных Иностранцев, то всегда будет Россия всяким гостям рада и будет им всякое покровительство и всякую Любовь оказывать, но не могут они правом пользоваться: 1.) Иметь в России какое бы то ни было Недвижимое Имущество. 2.) Пользоваться в России правами Политическими предоставляемыми одним только Российским Гражданам и 3.) Вступать в Государственную Службу или какую нибудь отрасль правления и продолжать оную, исключая Министерства Просвещения. — Есть ли кто из сих Неподданных Иностранцев пожелает которым либо из сих прав пользоваться то предварительно обязан вступить в Российское Гражданство. Вступив же в оное будет он уже тогда признаваться *Русским*. — Пользующиеся ныне которым либо из сих прав и притом не состоящие в числе российских Подданных обязываются в срочное время прошения подать о принятии их в Российское подданство; а естли сего не желают, то обязываются в срочное время имения свои продать и об увольнении из службы просить. Подробности сего мероприятия и распорядка предоставляются соображению и благоусмотрению Временнаго Верховнаго Правления.

§ 16.

Все племена должны слиты быть в один Народ.

Из всего содержания Главы сей явствует что при всех мероприятиях Временнаго Верховнаго Правления в отношении к различным Народам и племенам Россию населяющим безпрестанно Должно непременную цель иметь в виду чтобы составить из них всех только Один Народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так чтобы обитатели целаго пространства Российскаго Государства *все* были *Русские*. К сей цели ведут многоразличные Способы, могущие

на два рода быть разделены: На средства *общия* и средства *частные*. — Средства общия состоят главнейше в том чтобы во первых на целом пространстве Российскаго Государства господствовал один только язык российский: Все сношения тем самым чрезвычайным образом облегчаться; Понятия и образ мыслей сделаются однородные; Люди объясняющиеся на одном и том же языке теснейшую связь между собою возымеют и однообразные составлять будут один и тот же народ. Во Вторых: Так как ныне существующее различие в названиях Народов и Племен, Россию населяющих всегда составлять будет из жителей Российскаго Государства отдельныя друг от друга массы и никогда не допустить столь для блага отечества необходимаго совершеннаго в России Единородства, то чтобы все сии различныя имена были уничтожены и везде в *общее Название* Русских во едино слиты. В третьих: чтобы одни и те же *Законы*, один и тот же *образ Управления* по всем частям России существовали и тем самым в Политическом и Гражданском отношениях вся Россия на целом своем пространстве бы являла вид Единородства, Единообразия и Единомыслия. Опыты всех веков и всех Государств доказали что Народы везде бывают таковыми, каковыми их соделывают правление и Законы под коими они живут. Вот главныя средства общия. Что же касается до частных, то было о них упомянуто выше сего в отношении к каждому Народу или племени особенно. Соединяя общия средства с частными можно будет с полною уверенностью ожидать что цель будет достигнута и что все различные племена в России обретающиеся к общей пользе совершенно обрусуют и тем содействовать будут к возведению России на высшую степень Благоденствия, Величия и Могущества.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. О СОСЛОВИЯХ В РОССИИ ОБРЕТАЮЩИХСЯ.

§ 1.

Изчисление Сословий в России обретающихся.

Много существует различных Сословий, Состояний или Классов Людей в России. Каждое из оных имеет свои особенныя отличительныя виды и преимущества, свои особенныя определенные выгоды и ограничения. — По соображению настоящего Положения Вещей оказывается таковых Сословий в Народе до Двенадцати различных; кои суть:

- 1) Духовенство.
- 2) Дворянство.
- 3) Купечество.
- 4) Мещанство.
- 5) Казенные Крестьяне.

- 6) Вольные Земледельцы.
- 7) Военные Поселяне.
- 8) Солдатские Дети.
- 9) Дворянские Крестьяне.
- 10) Дворовые Люди.
- 11) Заводские Крестьяне и
- 12) Монастырские Крестьяне.

О каждом из сих Сословий говорено будет особенно и отдельно и меры изложены которыя с ними приняты быть имеют. Прежде же изложения сих меропринятий надлежит обстоятельно рассмотреть три суждения или соображения которыя служить имеют основанием и руководством Временному Верховному Правлению при изменениях с Сословиями последовать долженствующих.

§ 2.

Сословия Постепенности в Государственных Делах не образуют.

Много было разсуждаемо о необходимости чтобы Постепенность в Государственном Устройстве существовала; то есть чтобы Политическо отвлеченное пространство отделяющее Массу Народную от Верховной Власти на разныя Степени было разделяемо и степени сии начинали бы от Массы Народной и восходили бы до Верховной Власти. Мысль сия совершенно справедлива и таковой порядок конечно необходим; надлежит только истинные избрать средства к введению и установлению онаго. Люди зловластие любящие уверяли что таковая Постепенность требует разделения Народа на многия Сословия таким образом чтобы низшее Сословие мало прав и никакой власти бы не имело, а начиная от него все прочия Сословия имели бы различное Количество прав, преимуществ и Власти смотря на удаленность их от Народа и Приближенность к Верховной Власти. Сии правила извлечены из феодальной Системы и совершенно в Существовании Дела с истиною не согласны потому что теперешния Сословия никакой Постепенности не образуют ибо Постепенность в Государстве должна быть устанавливаема для того чтобы Верховная Власть не была обременяема всеми Делами в Государстве без изъятия и Дела бы сии от части разрешались в низших Степенях, от части до нея восходили чрез посредство Степеней установленных между Верховною Властью и разными местами где Дела возникать могут. Из сего явствует что ежели бы Сословия постепенность составляли, то Дела должны бы поступать от Крестьян на решение Мещан, от сих к Купечеству, от Купечества к Дворянству и так далее. А поелику сие бы слишком было безразсудно, то и не существует сего нигде а тем самым и доказывается что Сословия никакой в Государстве Постепенности

не образуют, ибо не чрез их посредство Дела восходят до Верховной Власти. Напротив того, они разныя только отделения между Народом образуют, которыя вечно друг на друга враждуют. Истинную Постепенность в Государстве образует Чинопачальство состоящее из тех Чиновников, которые в службе находятся, разныя должности исполняют и разными званиями друг от друга отличаются. Сие Чинопачальство будучи распределено по разным Степеням общаго и частнаго Государственнаго Правления дает всем Делах Законное течение и доводит оныя от их начала до Совершения а ежели нужно то и до самой Верховной Власти. Кратко сказать: Постепенность в Государстве необходима и находится не в народных Сословиях но в Государственном Чинопачальстве, которое всегда может состоять совершенно от Сословий независимым ибо в Чиновнике нужны Способности, Знания и Добродетели, могущия быть найдены во всех Сословиях и не составляющия принадлежности котораго либо из них в особенности. Изложенное здесь понятие весьма важно и должно во всех случаях руководствоваться соображениями всякаго благомыслящаго Правительства.

§ 3.

Аристокрация Богатств.

Распределение Народа на Сословия занимающияся исключительно земледелием, изделиями или торговлею совершенно отвергнуто Политическою Економиею доказавшею неоспоримым образом что каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу Заниматься тою отраслею Промышленности, от которой наиболее ожидает для себя выгоды и Прибыли лишь бы честен был и к Законам исполнителен. Правительство должно конечно способствовать всеми мерами к Усовершенствованию Народнаго Богатства, но споспешествование должно состоять в разных законодательных и вспомогательных мероприятиях относительно промышленности а не в распределении Народа по отраслям Промышленности, которое на против того мешает повсеместному преуспеванию Народнаго Богатства. Сверх того надлежит при сем еще заметить что все Сословия составляющияся чрез распределение частных Лиц по отраслям промышленности самая суть безразсудныя и зловредныя потому что имея основанием своего бытия Богатство они все желания и Помышления обращают единственно на деньги, другаго отличия между людьми не знают как одне Деньги, Богатство ставят первейшим Достоинством превышающим все прочия и соделывая Народ ужасно падким к корыстолюбию производит неминуемую порчу в Нравах. Известно что исключительная Любовь к деньгам граничит к скупости

а сей порок более всякаго другаго соделывает человека жестокосердым, почему и по всей справедливости сказать можно что Таковыя Сословия суть самая безчеловечныя, до чрезвычайности умножают число Бедных и Нищих и основывают свое влияние на Народ не на общем мнении но на Золоте и Серебре посредством коих подавляют общее мнение как хотят и приводят народ в совершенную от себя Зависимость. Отличительная черта нынешнаго Столетия ознаменовывается явною борьбою между Народами и феодальною Аристокрациею во время коей начинает возникать Аристокрация богатств гораздо вреднейшая Аристокрациею феодальной ибо сия последняя общим мнением всегда потрясена быть может и следовательно некоторым образом от общаго мнения зависит между тем как Аристокрация Богатств владея богатствами находит в них орудия для своих видов противу коих общее мнение совершенно безсильно и посредством коих она приводит весь Народ как уже сказано в совершенную от себя зависимость. А потому обязано всякое Благомыслящее Правительство не только такового распределения народа не допускать, но даже и все меры принимать дабы таковыя Сословия отдельным от Массы народной Составлением сами собою бы не устанавливались и не образовывались. А тем более обязано их уничтожить ежели они где либо существуют.

§ 4.

Все должны быть перед Законом равны.

Все вышеупомянутыя Сословия составились в разныя времена и при разных обстоятельствах и разделив Народ на разные Классы произвели большия различия и разнородности в Гражданском положении Людей принадлежащих к одному и тому же Государству. Различия сии целью имеют не лутчее Устроение Государственнаго порядка, коего нельзя посредством их достигнуть и не удобнейшее доставление общаго блага всему Народу, но единственно дарование некоторым Людям больших преимуществ противу Массы Народной и подавление сей последней в пользу и в Корысть Малейшаго Числа. — Гражданския общества а следовательно и Государства составлены для Возможно большаго Благоденствия Всех и каждого а не для блага некоторых за устранением большинства Людей. Все Люди в Государстве имеют одинаковое право на все выгоды государством доставляемыя и все имеют равныя обязанности нести все тягости нераздельныя с Государственным Устроением. Из сего явствует что все Люди в Государстве должны непременно быть перед Законом совершенно равны и что всякое Постановление нарушающее сие равенство всех перед Законом есть нестерпимое Злоупотребление долженствующее непременно

быть уничтоженным. — Сверх того нарушают сии различия добрую между Гражданами связь разделяя их на несколько отделений имеющих совсем различные виды и выгоды а следовательно и образ Мыслей. Сколь же добрая связь между Гражданами важна для благоденствия Государства ясно доказано было в предыдущей главе и точно также нарушается различием сословий, как и разнородством племен. Сословия тем еще пагубны, что они только одним пристрастием дышат, что некоторым членам Народа выгоды дают в коих другим отказывают без всякой причины и без всякой для Государства пользы, что для пресыщения корысти нескольких Людей жестокою оказывают Несправедливость против наибольшей части Народа и что противны цели Государственного Существования состоящей не в пристрастии к малому числу, но велико возможно большем благоденствии многочисленнейшаго числа Людей в Государстве. — А из всего вышесказанного следует что учреждение Сословий непременно должно быть уничтожено, что все Люди в Государстве должны составлять только одно Сословие могущее называться гражданским и что все граждане в Государстве должны иметь одни и те же права и быть перед Законом все равны.

Изложив таким образом коренныя Соображения о Сословиях вообще, приступить теперь можно к изложению мероприятий коим каждое из них в особенности подвергнуться имеет.

§ 5. Духовенство.

1.— Духовенство считается ныне особым Сословием Российскаго Государства самым Несправедливым образом ибо особое Сословие составляют те только Люди или Класс Людей, которые признаны Законами государственными: пользующимися правом иметь в виду собственные свои выгоды отдельно от Массы Народной. Следовательно в том состоит отличительная черта всякаго Сословия что оно имеет целью своего существования собственное благо своих членов отдельно и независимо от Массы Народа и без внимания на нее. Духовенство не находится в таком положении: Цель его существования несут Мирские Выгоды Духовных Лиц но *есть Священнослужение* необходимое для блага Всех, и Духовных и Мирян. Из сего явствует что Духовенство не есть особое Сословие но есть особое Звание имеющее особая занятия, исполняющее особая должности. А по сему Духовенство должно быть признано *частью Правительства* и частью самую наипочтеннейшею. Оно есть ветвь Государственного Правления, отрасль чинопачальства и чем теснее связь между Духовными и Мирянами, тем щастливее Народ, тем благополучнее Государство.

Сами же Духовныя Лицы суть Чиновныя особы и вместе с тем Российские Граждане как и все вообще Чиновники занимающие какия либо должности в Государственном Правлении. Духовныя Лицы яко Граждане должны быть приписаны к которой нибудь Волости и считаться членами оной так точно как и все вообще Граждане, пользуясь на равне с прочими Чиновниками правами Российскаго Гражданства. Точно так и Дети Духовных Лиц должны почитаться российскими Гражданами на общих для всех правилах без всякаго различия и отнюдь не составляя отдельнаго Сословия. Сие относится до Белаго только духовенства ибо Черное отрекается от сего света а с тем вместе и от всех прав Рос. Гражданства поступаая на совсем особое положение. Сверх того поелику Духовенство есть часть Правительства то и могут исполнять духовныя Должности одни только Рос. Граждане, Инностранцы же не могут к тому быть допускаемы. Посему обязывается Временное Верховное Правление всегда иметь то Коренное правило в виду что Духовенство не есть отдельное Сословие Народа но есть отрасль Чинопачальства, часть Государственного Правления.

2.— Соблазны, Зловластие и Подобострастие прошедших времен ввели в церковь многия новости о коих православные Христиане первых веков и понятия не имели, и которые противны Высоким Велениям прежних Церковных Отцов. К сему числу относится удаление Белаго Духовенства от Вышних званий церкви. В первыя Времена Христианства одно белое Духовенство украшалось знатнейшими Санами Священноначальства и чернаго Духовенства совсем не существовало во время жития святых Апостолов. Святой Василий Великий первый завел в 4-м столетии Монашество и предопределил ему жить в отдаленности от света никогда никакими общественными Делами не заниматься и всю жизнь проводить в одних молитвах отвергая всякую вещь могущую льстить самолюбию и служить поводом к возбуждению светских мыслей и желаний.

По сему Черное Духовенство никакия бы не должно занимать должности по Духовному Управлению исключая одних Монастырей и должно бы совершенно уступить белому Духовенству все Управляющия Звания Священноначальства; Но принимая в соображение что внезапное удаление Чернаго Духовенства от Духовных Правлений лишило бы Церковь многих самих Достойнейших Мужей постановляются следующие правила коих обязывается Временное Верховное Правление в Действие привезти: 1.) Все особы ныне к Черному Духовенству принадлежащия не только остаются при своих званиях и Должностях но могут еще возвышаться и все Степени Священноначальства по прежнему проходить. 2.) Все Миряне и Духовные которые в Монашество поступят после обнародования сего постановления не будут уже ни в какое Управляющее Звание назначаемы и всю

жизнь свою оставаться будут в своих Монастырях. 3.) Все Особы Белаго Духовенства могут от ныне и впредь замещать все без изъятия Должности и Звания по Духовному Правлению на том основании как сие Правление устроено будет; о чем в главе о Министерстве Духовных Дел обстоятельно изображено и 4.) Ежели Святейший Правительствующий Синод за благоразсудит теперешнему Черному Духовенству дозволить переход в белое Духовенство вообще или частно то Временное Верховное Правление Обязывается тому не противиться, а ровно и не принуждать впредь вдовцов из белаго Духовенства ко вступлению в Монашество.

3.— Люди поступающие в Монашеское Звание отрекаются при вступлении в оное от сего брэннаго Света и клятву произносят в посвящении остальных Дней своих одному только благочестивому молению Всевышняго и умерщвлению плоти; а посему и должен образ их жизни смиренностью и чистотою своею соответствовать в полной мере высокому их предопределению. Взирая же на теперешнее житие Монахов оказывается что не везде сии правила с надлежащею точностью исполняются, а посему и возлагается обязанность на Временное Верховное Правление старательное обратить внимание на сей предмет и с духовными отцами сердечно об оном пересоветоваться дабы глубокомысленно пересмотреть теперешнее положение Монашескаго чина и на меру положить каким образом утвердить оный на пути угодном в своих Действиях Богу и святым отцам Православныя Церкви, изкореняя непременно разврат и Злоупотребления. С сею целью постановить надлежит между прочим следующие правила основанныя на Древних велениях и Законах Церковных Отцов: 1.) От ныне впредь никто не может в монахи поступить прежде 60-го году от рождения. 2.) В Бельцы никто не может поступить прежде 40-го года от рождения. 3.) Лутчее испытание для Бельцов составляют Мисонерства. 4.) Первой и второй Пункт относится как до Мужчин так и до женщин.

4.— Поелику Коренным Правилам постановлено что от ныне впредь никто не может в России духовныя обязанности исполнять и Духовныя Званья носить как только одни Российские Граждане в каком бы то ни было Исповедании или Вере ибо Духовенство признано частью Правительства а в службе Государственной могут находиться одни только Российские Граждане то и утверждается Постановление что естли Духовенство какаго нибудь иноземнаго Исповедания признает или признавать будет над собою Начальство состоящее вне России, то должно оно или Россию невозвратно оставить или от своего Начальства отказаться и всякия с ним связи и сношенья совершенно на всегда прекратить: ибо Россия никакаго не должна признавать Внешнего влияния; а тем еще менее внешнего Начальства над

своими Гражданами в каком бы то ни было отношении. По сему случаю разрешается Временное Верховное Правление нужныя сделать и согласить Конкордаты и потом их в Действие привезти. Что же касается до Монашеских Чинов иноземных исповеданий то им не дозволяется пребывание в России ибо все сии ордены противны Духу Православной Веры и потому не могут в России быть терпимы.

5.— Никакое звание не требует столь сильных Добродетелей как Духовное, долженствующее словом и Делом наставлять мирян в сей жизни и приуготовлять к будущей. Сверх того требует оно и больших познаний; а по сему и должно всевозможное Старание быть приложено для доставления желающим вступить в Духовенство Воспитания и Учености соразмерных с высокою важностью сего Чина. На сей Конец должны с особенною разсмотрительностью быть правила постановлены для приуготовления к Духовному Сану; а равно и для вступления в оный. — Духовныя Училища должны с отличнейшею бдительностью быть устроены при Университетах особыми Богословскими Лицеями в коих кроме иных наук надлежит непременно медицину преподавать дабы особенно Сельские священники могли больных пользоваться соединяя таким образом врачевание нравственное с врачеванием Телесным. — Что же касается до вступления в Духовную Службу, то каждый Россиянин может оную проходить на основании Церковных Законов лишь бы мог выдержать Лицейный Экзамен. На том же основании и Лицейные Ученики вступать должны в Духовную Службу. Естли же кто из Духовных Чинов пожелает оставить сие звание то может от онаго быть уволен после чего поступает в число прочих Частных Людей не находящихся в Службе.

6.— Наконец Обращая взоры на положение в коем находится ныне Российское Духовенство оказывается что сие положение горько и жалостно — оно едва имеет ныне Насущный хлеб а в Старости остается без всякаго должнаго призрения и хотя Духовенство конечно не должно о богатствах помышлять и в тяжкой скудости не должно переставать являть примеры строжайшей Добродетели и единственным своим занятием полагать Возвание к ВсеВышнему теплых и благочестивых своих молитв о спасении Душ наших, однако же чем чистосердечнее оно исполняет сии Добродетели, тем более должны и мы думать о Доставлении Ему жизни покойной и безсуетной. А по сему и обязывается Временное Верховное Правление все Средства употребить для доставления почтенному Российскому Духовенству совершенно Приличнаго Содержания соответствующаго важности его Занятий и в полной мере его обеспечивающаго в способах покойной жизни. Особенно же надлежит всемерно улутчить Состояние Приходских Священников дабы они не были принуждены сами заниматься Земледелием и беспокоиться о своем пропитании; и могли

бы посвящать все свое время на усердное исполнение многозначительных своих обязанностей, доставляя вместе с тем и семействам своим приличное и достаточное содержание.

§ 6.

Дворянство.

§ 3.

Дворянство.

Дворянство есть то отдельное от массы народной сословие, которое свои особенные имеет преимущества состоящая в следующих пяти предметах: 1.) *Дворянство* обладает другими людьми как собственностью своею называя их своими крепостными и право имеет составлять *Майораты* с разрешения Правительства. 2.) *Дворянство* никакой подати не платит и никаких вкладов в пользу общую не вносит. — 3.) *Дворянство* не подлежит телесным по суду наказаниям подобно прочим *Россиянам* ниже за самые ужаснейшие преступления. — 4.) *Дворянство* не подлежит *Рекрутскому* набору и всякия звания и должностныя места в Государстве замещает за исключением прочих *Россиян* и 5.) *Дворянство* называется *Сословием* *Благородным* имеет *Гербы* и присоединяет к сему различныя *Титла*. Сии пять *Преимуществ* составляют *Дворянство*, в отношении к коему здесь употреблено слово *преимущество* а не слово *право* потому что упомянутые выгоды, коими пользуется *Дворянство* ни на какой предшествующей обязанности не основаны, ниже для исполнения какой либо обязанности нужными не бывают; почему и не могут правами быть признаны на основании § 5 предисловия: тем более что сии *Выгоды* не только не основаны на предшествующих обязанностях, но даже на против того от обязанностей избавляют и потому должны быть признаны *Преимуществами* а не правами. Разсмотрим теперь должны ли таковыя преимущества в благоустроенном Государстве отдельному *Сословию* быть дарованы.

Первое. — Обладать другими *Людьми* как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать *Людей* на подобие *Вещей*, употреблять их по собственному своему произволу без предварительнаго с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, *Выгоды* сии а иногда и прихоти есть дело постыдное, противное *Человечеству*, противное законам *Естественным*, противное святой *Вере* *Христианской*, противное наконец *Заповедной* воле *ВсеВышняго* гласящаго в священном писании что *Люди* пред ним все равны и что одни *Деяния* их и *Добродетели* разницу между ими поставляют. И потому не может долее в *России* существовать позволено одному человеку иметь и называть другаго своим крепостным.

Рабство должно быть решительно уничтожено и *Дворянство* должно непременно на веки отречься от гнуснаго преимущества обладать другими *Людьми*. — Нельзя ожидать чтобы нашелся хотя один довольно злосовестной *Дворянин* чтобы не содействовать всеми силами к уничтожению *рабства* и *крепостнаго* состояния в *России*; но ежели бы паче всякаго чаяния нашолся изверг которой бы словом или *Делом* вздумал сему *Действию* противиться или оное осуждать то *Временное* *Верховное* *Правление* обязывается всякаго таковаго *Злодея* безизъятно немедленно взять под стражу и подвергнуть его строжайшему наказанию яко *Врага* отечества и изменника противу первоначальнаго кореннаго права *Гражданскаго*. Сие *Уничтожение* *рабства* и *крепостнаго* *Состояния* возлагается на *Временное* *Верховное* *Правление* яко священнейшая и непременнейшая его обязанность. Позывается оно к престолу *ВсеВышняго* на вечное посрамление естли не устремится всеми силами на исполнение сего веления в скорейшем времени решительнейшими и Действительнейшими мероприятиями. Что же касается до *Майоратов*, то должны теперешние непременно быть уничтожены и Составление новых на будущее время совершенно быть запрещено: ибо *Дети* должны быть все наделены равными участками от родительскаго наследства и Установление *Майоратов* есть столь же гнусная сколь и явная *Несправедливость*. *Уничтожение* *Теперешних* *Майоратов* предоставляется распоряжению *Временнаго* *Верховнаго* *Правления*.

Второе — *Гражданское* общество составлено для возможнаго *Благоденствия* всех и каждаго. Сие *Благоденствие* достигается разными средствами и действиями; в числе коих находится *Необходимость* и *Подати* собирать. А поелику все члены имеют равное право на *Благоденствие*, то все члены имеют точно также равную обязанность и содействовать водворению онаго. *Сверх* того одно только *зловластие* может все тягости возлагать на одних а других всеми выгодами осыпывать: *Честной* *Человек* без угрызения совести не может пользоваться трудами и пожертвованиями ближних без всякаго с своей стороны возмездия или соучастия. А потому и не может *Дворянство* от *Податей* быть освобождаемо. Оно должно со всеми прочими *Россиянами* разделять не только все *Государственныя* выгоды, но равным образом и все *Государственныя* тягости. *Временное* *Верховное* *Правление* обязывается при введении новой *Государственной* *Финансовой* системы подвергнуть *Дворянство* *податям* на равне с прочими *Россиянами*.

Третье. — *Род* наказания должен отвечать роду преступления а не *сословию* преступника ибо преступление есть произведение злых качеств человека а не причисления его к тому или другому сословию и хотя утверждают что одинаковое наказание для человека образо-

ваннаго и человека без воспитания будет большее страдание для первого нежели для второго но одинаковое преступление соделанное человеком образованным и человеком без воспитания заставляет предполагать более разврата и более унижения в первом нежели во втором а следовательно и должен первой быть наказан сильнее второго чем равновесие и возстановится. К тому же, цель наказания не есть страдание преступника но есть исправление его а еще более удержанье других посредством примера от подобных Деяний; почему и должно Наказание быть сообразно преимущественно с действием на посторонних Людей. Из чего и явствует необходимость чтобы за одинаковые преступления налагаемы были одинаковыя наказания: тем более что нет возможности сообразить наказание со степенью чувствительности наказываемаго и что Люди даже одного и того же сословия столь же различны в отношении к сей чувствительности сколь и люди различных Сословий. А по сему и должно Дворянство на равне со всеми прочими Россиянами за одинаковыя преступления одинаковым подлежать наказаниям и ежели и телесныя Наказания будут признаны необходимыми то должны оным быть подвергнуты Дворяне так точно как и все прочие Люди. Временное Верховное Правление обязывается распорядить приведение сего в исполнение безупустительно с самага начала вступления своего в Должность.

Четвертое. — Набор Ратников в войско есть учреждение необходимое для Государственной безопасности а следовательно и для Государственного бытия, и потому должно оно неминуемо существовать; Но поелику польза от Военной Силы происходящая на всех членов Гражданскаго общества распространяется одинаковым образом то и должны все Сословия одинаковым образом в Составлении сей Силы участвовать руководствуясь очередью и жребием как то объяснено будет в Главе осьмой, то есть одинаковыми для всех Россиян правилами на сей щет. А по сему и не может Дворянство от сей личной повинности быть освобождено и должно сие преимущество его быть уничтожено. Главнейшее средство к избежанию рекрутства будет состоять в выдержке положеннаго Экзамена по которому право приобретаться будет вступать в службу не рядовым но уже офицером. Сие право распространено быть имеет на все Сословия и на всех вообще россиян одинаковым образом. О сем будет пространнее упомянуто в Осьмой Главе. Само собою разумеется что имеющий ныне какой бы то ни было офицерской Чин по какому бы то ни было ведомству уже более рекрутству подлежать не может и не будет. — Что же касается до исключительнаго права Дворян замещать все Должностныя места то сие право распространяется на всех Россиян вообще и перестает быть исключительным преимуществом одного Дворянства. Кто по своим познаниям, способностям и Достоинствам окажется заслужи-

вающим право на Должностныя места, тот и будет сим правом пользоваться на основании общих правил без всякаго внимания на его происхождение или Сословие. Временное Верховное Правление обязывается привезти сию Статью в полное и совершенное Исполнение без всякаго послабления.

Пятое. — Люди все рождены во Благо: ибо они суть все творения ВсеВышняго и потому несправедливо называть благородным одно только Сословие Дворян. В следствие сего должно быть уничтожено Преимущество Дворянства именоваться Сословием благородным. — Титла: Князь, Герцог, Граф, Барон и тому подобныя происходят от тех времен, когда Сии титла означали разныя Должности или Степени Владычества; но так как они ныне ни того ни другаго уже более не означают, то и суть они одни только пустые звуки удовлетворяющие одному только надутому тщеславию и гордому самолюбию. А по сему и не могут таковыя титла существовать в Государстве, коего Устройство и образование основаны быть имеют на истиной справедливости, чистой Нравственности и здоровом смысле и разсудке. К тому же естли к сим Титлам присоединяются, особыя какия нибудь преимущества, то они вредны и пагубны ибо препятствуют Необходимому и Непременному равенству всех перед Законом. Естли же они ни с какими особыми преимуществами не сопряжены, то составляют одно только ребяческое пустословие и следовательно во всех случаях должны решительно быть уничтожены. Временное Верховное Правление обязывается все сии Званья и Титла совершенно уничтожить без малейшаго внимания на какия бы то ни было побочныя Соображения. Что же касается до Гербов, то могут они подлежать двум различным Заключениям: или быть совершенно уничтожены и на всегда запрещены или всем Гражданам без изъятия быть дозволены. В сем последнем случае не должны Гербы ничего означать инаго как только простой произвольный рисунок, который каждой Гражданин имеет право составлять, употреблять и изменять как ему угодно и на который Правительство ни малейшаго не обращает внимания не давая оному совершенно никакаго Значения. Временному Верховному Правлению дозволяется выбрать по своему Усмотрению одно из сих Средств.

Из всего до сих пор сказаннаго явствует что все пять родов Преимуществ, коими Дворянское Сословие по ныне пользовалось должны непременно решительнейшим образом быть уничтожены; а так как Дворянское Достоинство ни что иное есть как итог сих пяти родов преимуществ, то и следует из сего что и само Звание Дворянства должно быть уничтожено: члены онаго поступая в общий Состав Российскаго Гражданства на основании общих правил ниже сего изложенных и долженствуя подобно всем прочим Россиянам по Воло-

стям быть росписан. — Хотя может быть некоторые Люди и будут полагать что при уничтожении Первых Четырех родов Дворянских Преимуществ, пятый род может быть сохранен в предположении что льстя одному только пустому Самолюбию, не будет оный производить Существеннаго Вреда. Но мысль сия совершенно не справедлива: ибо всякое Существование отдельнаго от общей массы Народной Сословия есть вещь пагубная по той причине что таковое Сословие не долго будет удовлетворяться одним наслаждением Самолюбия: Оно верно будет скоро искать существеннейших выгод и отделившись раз от общей массы Народной будет всегда жертвовать Благом общим для пресыщения своей Корысти и для овладения Существеннейших преимуществ нарушающих равенство всех перед Законом, сие первейшее Главнейшее и прочнейшее основание Государственнаго Благоденствия. Чего не делали древние Козни Дворянские?

А По сему Временное Верховное Правление обязывается все Вышеобъясненные мероприятия привезти в неперменное, полное и совершенное исполнение: имея всегда в виду и во внимании что сии мероприятия принадлежат к числу самых важнейших и необходимейших Действий для утверждения Благоденствия России: ибо не существует без оных Равенства перед Законом а следовательно и не существует Главнейшаго основания правильного Государственнаго Установления. Законы без сих мероприятий всегда пребудут орудием одного только зловластия некоторых Человек над массою Народною для общей пагубы целаго Государства. Довольно долго существовала возможность для некоторых угнетать всех прочих; пора теперь положить решительный Конец сему гнусному и неистовому распорядку Вещей. Добрые Дворяне, истинные Сыны Отечества с удовольствием и радостью примут сие Постановление в полном убеждении что не нужно им Вышепомянутых отдельных преимуществ дабы общею пользоваться любовью и Доверенностью, дабы посредством оных занимать разныя Государственныя должностныя места, участвовать в разных частях и отраслях Правления, продолжать иметь случаи и возможность оказывать Отечеству Услуги, личными Достоинствами приобретать признательность и уважение Соотчичей и наконец самим пользоваться всеми Гражданскими выгодами и частными благами приобретаемыми средствами праведными и никому не обидными. Они будут чувствовать что выгоды доставляемая Дворянству на равне с прочими Россиянами новым Государственным Порядком сею Русскою Правдою определяемым несравненно обширнее и значительнее тех преимуществ коих Дворянство сим лишается, и что они следовательно меняют Малое на Большое не говоря уже о том что теряют Постыдное а приобретают Похвальное и Достойное. Чтоже касается Дворян закосневших в своих враждебных противу Массы На-

родной предразсудках и мыслящих что вся Россия для них одних существует, то крепкую питать можно надежду что таковых Дворян окажется весьма Мало. Однакоже ежели паче чаяния найдутся таковыя недостойные Сыны Отечества, то противу них надлежит принять меры решительные дабы в полной мере укротить свирепый их нрав и поставить в невозможность Отечеству вредить хотя бы к тому и нужными были Действия скорой и непреклонной Строгости.

§ 7.

Купечество.

В нынешних постановлениях о Купечестве считающемся отдельным Сословием обретаются большия Несправедливости, противуречия и Злоупотребления многоразличными препонами и затруднениями гибель торговле наносящая. Известно что лутчий способ для доставления Народному Богатству возможности процветать состоит в Даровании Свободы, обращая внимание Правительства на промышленность народную с тою только целью чтобы распространять познания и сведения необходимыя для Промышленности и вообще Просвещение и чтобы устранять препятствия частные Способы превышающия. Из сего явствует что Свобода есть главная Необходимость для Народной Промышленности. Свобода же сия состоит в трех главных предметах: 1.) Чтобы каждый Гражданин имел право и позволение заниматься тою или теми отраслями промышленности, которыя он за благоразсудит избрать лишь бы честен был и к Законам исполнителен. 2.) Чтобы каждому дозволено было заниматься Промышленностью не только в одних Городах и назначенных местах, но равным образом и в Селениях всякаго рода и вообще везде где только пожелает и 3.) Чтобы сама промышленность была освобождена елико возможно более от всяких затруднений и препятствий производимых иногда не только худообдуманнми Постановлениями но и посторонними Действиями и причинами, так чтобы она находила в Распоряжениях Правительства не препоны своему преуспеваюию но на против того Защиту и Содействие. Для окончательнаго соображения надлежит еще присоединить ко всему здесь сказанному содержание третьяго параграфа сей Главы в коем объяснен весь вред произойти должствующий от Составления особых Сословий по отраслям Промышленности.

В следствие сего обязывается Временное Верховное Правление в отношении к Купечеству: 1.) Объявить что Купечество не будет более считаться отдельным Сословием Народа; а по сему уничтожить гильдии и распределить всех членов сего Сословия по Волостям дабы они поступили в общий Состав Российскаго Гражданства. 2.) Так как

Земледелие, Изделие и Торговля столь многообразны имеют связи и соотношения что точное отделение одной отрасли Промышленности от другой, образуя для каждой особенное Сословие столь же вредно сколь и невозможно, то и распространить на всех россиян без изъятия одинаковым образом все права Торговли, дозволяя во всяком месте торг и Лавки заводить. — 3.) Все Старания приложить к Устранению тех многочисленных препятствий и Неудобств, которые ныне столь сильно Торговлю затрудняют и Торговцов угнетают, а вместе с тем и перебрать все Тарифы дабы они как можно более торговлю облегчали, к лутчему ея ходу способствовали и притом остальным отраслям Промышленности не вредили и 4.) Устроить взимание Податей с Торгующих на общих правилах Государственной финансовой системы оставляя однакоже по необходимости нынешний порядок до введения новаго о котором надлежит без промедления времени озаботиться. Соображение подробностей и приведение всего сего в надлежащий ход и Действие предоставляется усмотрению и распоряжению Временнаго Верховнаго Правления.

§ 8.

Мещанство.

Мещане составляют ныне подобно Купечеству особое Сословие с собственными своими преимуществами и ограничениями. О них следующее надлежит заметить: 1.) Мещане распределенные по цехам. 2.) Мещане приписаны все к городам. 3.) Мещане мало могут заниматься Земледелием потому что мало Земель имеют и 4.) Для мещан Торговля затруднительна. — На сии четыре предмета надлежит заметить: 1.) Распределение Граждан по цехам и принуждение их заниматься каким нибудь одним только Ремеслом есть столь же бесполезная сколь и несправедливая препона свободному ходу и Действию Промышленности. Изыскивай каждый себе пропитание в чем удобные найти оное может, будь только честен и к Законам исполнителен. К тому же не исполняется в точности сие постановление ибо часто бывает что Мещане занимаются совсем другим промыслом нежели тем Мастерством к которому приписаны. Да и сами Цехи кроме вреда ничего не приносят как то ясно и неоспоримо доказано Политическою Економиею. 2.) Никакой нет пользы принуждать Мещан быть непременно приписанными к какому нибудь Городу и не позволять им к селениям приписываться. Сделано Сие постановление с целью покровительствовать Городам, но поелику чем в большем количестве различных мест всякая Промышленность будет ход и пребывание свое иметь, тем в большем количестве будет Народ удобностью к Благосостоянию пользоваться а по сему и должен каждой Гражданин

право иметь на основании общих правил приписываться по собственному своему желанию и Усмотрению в том месте где он родился или где наиболее для себя выгод приобрести надеется. Городам же покровительствовать более нежели Селениям никакой нет ни надобности ни причины. 3.) Мещане мало могут земледелием заниматься потому что число Земель принадлежащих к каждому Городу не в соразмерности находится с числом Мещан. Земель мало а Мещан много. Сие происходит от того что все Мещане состоят приписанными к Городам. Сверх того рождается от сего и распространяется между Людьми мысль что Земледелие есть последний из всех Промыслов и что все прочие почетнее его между тем как Земледелие будучи самое необходимейше[e] должно бы гораздо более быть в уважении и Почтении, особенно в России коея главнейшее богатство именно в Земледелии состоит и 4.) Торговля дозволяемая Мещанам стеснена чрезвычайным образом для них как тем обстоятельством что все предметы выгодной Торговли предоставлены одним только купцам, так и тем что Крестьяне допускаемые до той же торговли как и Мещане, сим последним большой делают Подрыв. От сего происходит что Мещане удалены от выгодной Торговли, стеснены Крестьянами в мелочной и сверх того еще за сию даже мелочную плотят подати совершенно не в соразмерности с купцами которые в сравнении с своими правами гораздо менее Мещан в казну взносят.

Из всего здесь объясненнаго явствует что прежнее Правительство не только не обращало благодетельнаго внимания на сословие Мещан, но даже на против того как будто с намерением выдумывало все постановления могущия сие Сословие угнетать и превращать всех Мещан в Поденщики, которые бы с трудом могли доставлять себе дневное пропитание и то без надежды на дни Старости и Болезни. Для отвращения сего Зла постановляются следующие главныя Правила коих Верховное Правление обязывается привезти в полное и надлежащее исполнение: 1.) объявить что Мещанство не будет более считаться отдельным сословием Народа и что Мещане поступая в общий Состав Российскаго Гражданства должны быть к Волостям приписаны и могут приписываться к любой Волости на основании общих правил не имея обязанности непременно состоять к Городу приписанным. 2.) Уничтожить Цехи и дозволить Мещанам заниматься тою или теми отраслями промышленности какия заблагоразсудят для себя избрать и совокуплять и переменять оныя как им угодно. 3.) Распространить на Мещан все Права даруемая новым порядком Вещей всякому Российскому Гражданину; а вместе с тем и взимание Податей с них устроить на основании общей Государственной Системы для всех россиян приуготовляемой и 4.) непременно уничтожить вышедшее в конце 1824-го года постановление известное под назва-

нием Гильдейского и заключающее в себе все то что Зловластие выдумать только могло для вреда народной Промышленности, покровительства всем Злоупотреблениям и совершенного Угнетения беднейших классов Людей.

Военные Поселяне.

Одна мысль о Военных Поселениях прежним Правительством заводимых наполняет каждую благомыслящую Душу Терзанием и Ужасом. Сколько пало невинных жертв для пресыщения того неслыханного Зловластия, которое с яростью мучило несчастных Селеня для сего заведения отданныя! Сколько Денежных Сумм на сей предмет расточенных: все Силы Государства нарочито соединяя для Гибели Государства! И все сие для удовлетворенья неистовому Упрямству одного Человека. Какия же предвещали Государству выгоды от учреждения Военных Поселений? Три Главныя: 1.) Что не будет более рекрутства существовать. 2.) Что Воины получают оседлость и 3.) Что продовольствие Армии Провиантом и фуражем ничего казне стоить не будет. При рассмотрении всех Обещанных выгод легко удостовериться можно что сии выгоды суть или мнимыя или даже на против того истинный вред и величайшее Зло: 1.) Военныя поселения могут от Рекрутства Народ освобождать единственно в Мирное время а в Военное предполагается по самим постановлениям Военного Поселения наполнять Армию Рекрутами со всего Государства. Да иначе сие и быть не может ибо в противном Случае, Полк, потеряв много людей на Войне и комплекующийся из одного своего Поселения разстроил бы оное совершенно и даже бы мог уничтожить. Но вместе с тем и освобождение Народ от Рекрутства чрез посредство Военных Поселений делается мнимым, тем более что в то самое время от сей повинности не освобождает когда она бывает самая тягостнейшая. 2.) Ничего не может быть для Войска вреднее как оседлость или безпрестанное нахождение каждаго Воина в кругу своего Семейства ибо таковое Состояние неминуемо изнежит оное и лишит Воинского Духа приобретаемаго единственно в сообществе начальников и товарищей, из коих составляется так сказать новое воинское Семейство. Родителям сохранение сына всегда важнее и милее казаться будет чем все его Подвиги; и потому при объявлении войны будет поселенное Войско всегда с плачем и скорбью в поход выступать и разве только надеждою на Добычу утешаться. Сие тем справедливее что при теперешнем Устройстве Государственного Порядка и при теперешней Величине Государства Внешния онаго Сношения так многосложными сделались что Войско не может в подробности знать всех обстоятельств соделывающих Войну неизбежною и следовательно не

может в самих причинах к Войне черпать пламенную к оной охоту которую посему найти может единственно в желании отличиться и славу приобрести. Сии же чувства подавляются оседлостью Войска. 3.) Хотя продовольствие Армии может стать и могло бы чрез Военныя Поселения устроено быть без особенных на то издержек со стороны Казны но однако же Сие не значит чтобы оно тогда ничего не стоило: ибо при возложении на Военныя Поселения обязанности Армию продовольствовать избавляются они от всякаго платежа каких бы то ни было Податей. Ежели же сравнить выигрыш казны от продовольствия Армии чрез военныя Поселения с убытком казны от избавления Военных Поселений от всякаго платежа Податей, то и полное получится удостоверение что Сия Выгода есть совершенно мнимая. Из сего явствует что из трех представленных доводов в пользу Военных Поселений одно заключает истинный вред а два совершенно мнимую Пользу. Обращая теперь взоры на несправедливость, Неудобства и худыя Последствия с Поселением Войска сопряженныя нельзя довольно надивиться как могла таковая мысль когда либо пройти в ум нелишенный совершенно всякаго здравого разсудка. Не будем о сих соображениях здесь распространяться ибо они так многочисленны что целыя стопы бумаг исписать бы должно было дабы их изчислить. Упомянем в кратце только о двух; из коих одно относится к Войску поселенному а другое к Народу и Государству: 1.) Никакое Правительство не может никогда право иметь отделить от общей массы народа часть онаго с тем чтобы на сию часть возложить за исключением остальных самую тягостнейшую и жесточайшую повинность, какова есть военная. Как можно до такой степени все чувства совести и справедливости отвергнуть чтобы навыки некоторыя Семейства назначить для войны со всеми их Детьми, внуками и вообще Потомством на сии Семейства возложить исключительно повинность военной Службы и пролитие крови за Народ коего они знают только потому что за него всегда готовыми быть должны терять всех своих Детей, сих драгоценнейших предметов Любви и Нежности. Разве Военные Поселяне не такие же чувства имеют, разве они не также Граждане нашего Отечества, разве они не те же права имеют на благоденствие как и прочие Россияне, разве прочие Россияне не те же имеют обязанности к Отечеству как и они и разве защита Отечества не есть священная обязанность для Всех и Каждаго. И потому ясным образом из сего можно вывести заключение что Военныя Поселения суть самая жесточайшая Неправедливость какую только разяренное зловластие выдумать могло.

2.) Как Военныя Поселения жестоки для подлежащих оным, так равно пагубны они для самага Государства: образуя в оном другое совсем особое Государство которое имеет совсем отдельные и различ-

ные выгоды, не сохранило никакой связи с остальными частями и никакого не оставило в оных Залога в своей верности имея при себе все что ему мило и дорого, и чувствуя сверх того что вся Сила у него находится в руках ибо оно вооружено между тем как остальное Государство против него без всякой находится Защиты. Легко можно предвидеть что естли бы вся Армия была поселена и сей порядок был бы уже совершенно введен так чтобы поселенныя Войски к оному привыкли и из памяти их бы изгладилось всякое воспоминание о прежней связи Войска с Гражданами, то скоро бы поселения захотели управляться собственными своими начальствами и чиновниками выбранными из их среды, чего никакая Дисциплина удержать бы не могла и потом в скорости взглянули бы на Государство как на ближнюю добычу и зная свою силу овладели бы оным совершенно и разделили бы между собою как варвары делили завоеванныя Земли. Они с нова бы представили нашествие Татар и притом гораздо опаснейшее ибо сильнее и умнее бы их были и менее или даже и никакого противуборства найти бы не могли от беззаботных и безоруженных Граждан. Тогда подверглось бы Государство ужаснейшим бедствиям и превращениям которыя бы кончились введением феодального зловластия и всеобщим Порабощением и Нещастием. Сии неизбежныя от Военных Поселений последствия достаточно доказывают, что одна из Первейших обязанностей Временнаго Верховнаго Правления состоит в Уничтожении Военных Поселений и в освобождении от ужаснаго сего ига всех Селений ныне к оным принадлежащих. На основании всего здесь сказаннаго обязывается Временное Верховное Правление: 1.) В Военных Поселениях отделить Войско от Поселян, причислить Войско к общему Составу Армии на общих правилах и разместить войско по разным местам сообразно общему расквартированию Армии. 2.) Привезти Военныя Поселения в общее Земледельческое Состояние, составить из онаго Волости на основании общих правил, Военных Поселян признать Гражданами на равне со всеми прочими Россиянами, даровать им совершенно те же Права и устроить в прекра[ща]ющихся Военных Поселениях тот же образ Управления как и в прочих местах России и 3.) Все Меры принять какия только нужными и возможными окажутся для доставления Военным Поселянам нужных Льгот и необходимых средств для поправления разоренных их Имуществ. А вместе с тем и возратить к Семействам всех Нещастных Находящихся ныне по разным местам в ссылке и Заточении. Подробности и частности сего мероприятия предоставляются распоряжениям и соображениям Временнаго Верховнаго Правления обязывающагося сим предметом заняться с любовью и старанием.

Солдатския Дети.

Дети Солдат обязаны ныне поступать в военную Службу, подлежа подобно отцам своим Двадцатипятилетнему сроку и будучи от Родителей насильно в Военносиротския Отделения отбираемы немедленно по достижении семи лет от Рождения. Сие право разлучать Детей от Родителей, на веки их друг от друга отделить и всех Детей сих в войско помещать на Двадцатипятилетнее служение начиная сей щет с Восемнадцатаго года рождения каждого основывало прежде Правительство на том что оно выдает родителям на каждого Кантониста половинный Паек пока он при родителях находится полагая что сим количеством Муки оно у Отца и Матери откупает всякое право на Сына и на сего последняго неизбежную налагает Кабалу. Таковое Распоряжение доказывает ясно что прежде Правительство смотрело на Россиян как на собственность свою, щитало только их Количество, и взирало только на пользу которую от их Сил и Трудов для себя извлечь могло. В сих соображениях более всего содействовало Дворянство радующееся что Дети поступают в войско дабы тем в Наборах реже или менее было надобности и чрез то бы оно более сохраняло крепостных людей в своей власти для своих работ и своего Употребления. Все сие доказывает что Россияне были до ныне нещастными жертвами зловластия прежняго Правительства и безжалостной, безразсудной, бесовестной Корысти дворянскаго Сословия.

Человек посвятивший 25 лет своей жизни служению Отечеству в войске, так много перенес трудов и так часто подвергал жизнь и здоровье свое увечью и опасности что Отечество вечно будет перед ним в Долгу и никогда не может в полной мере вознаградить его за таковыя пожертвования. И у таковаго Человека отымают насильно Детей его дабы подвергнуть их тем же прехождениям коими полагал Отец что он хоть то право приобрел чтобы Детям своим быть Полезным и доставить им по крайней мере казенное Воспитание. И по сему постановляется Правилom: 1.) Чтобы Солдатская Дети ни в каком отношении не зависели от военнаго Начальства, щитались бы в тех волостях, к коим родители их принадлежат и всеми правами в оных бы пользовались на равне с прочими Россиянами причем и в военную службу поступать бы могли на основании общих для всех правил как будто бы их отцы не были солдатами. 2.) Чтобы Военно Сиротския отделения были уничтожены и от ныне впредь Солдатския Дети более бы в оныя не поступали, но оставались бы в полном распоряжении своих родителей при полках, командах, в волостях или как о том родители распорядятся по собственному своему желанию и Усмотрению. 3.) Чтобы Солдатская Дети получали от Казны пропитание в продолжении всего времени что их Отцы в службе находиться будут, а равным об-

разом и воспитание в первоначальных основаниях онаго а потом и в Уездном Училище. По выходе отцов в отставку должны они Детей своих брать с Собою. Временному Верьховному Правлению поручается сообразить все Частности и подробности сего меропринятия и привезти оное потом в надлежащее Исполнение.

Сие Постановление Действие свое иметь будет начиная с теперешняго времени, но что касается до Солдатских Детей в Военно Сиротских отделениях ныне уже находящихся то всего может быть для России полезнее составить из них Педагогические Институты. Все Классы Людей чувствуют теперь в России большую потребность учиться и Просвещаться, главный Недостаток состоит в Хороших Учителях и потому образование и доставление таковых неизъяснимую пользу принесет. Сие могут исполнить теперешния Военно-сиротския Отделения естли преобразованы будут надлежащим порядком в Педагогические Институты. Для сего нужно составить в каждом Губернском Городе по одному таковому Институту и по оным распределить всех Солдатских Детей уравнивая число оных в каждом Институте как общее так и по возрастам. Каждый из сих Институтов должен поручен быть особому Профессору для надзора и ведения Воспитания и к каждому быть командировану надлежащему числу Учителей. Курс наук разделится на два отделения: В первом преподаваться будет все то что нужно для учителя уезднаго Училища а во втором все то что нужно для учителя Губернскаго Училища. Все Воспитанники поступят с начала в Первое Отделение в коем полный курс кончен быть имеет в три года. После сего трехлетия последует экзамен. Воспитанники оказавшиеся в сем Экзамене могущими быть отличными Уездными Учителями поступят во второе Отделение, а прочие останутся в Первом. Тогда начнется новый курс в обоих Отделениях и продолжаться будет также три года после коих новое последует испытание. Воспитанники оказавшиеся могущими быть отличными Губернскими Учителями будут выпущены из Института и к Учительским должностям в Губернских Училищах определены.

§ 11.

Вольные Земледельцы.

Вольных Земледельцев имеется в России несколько родов: Вольные крестьяне, Малороссийские козаки, Панцарные Бояре, Однoдворцы, Колонисты и разные другие. Они не подлежат одинаковым заключениям и меропринятиям; и потому все, что здесь сказано будет о вольных земледельцах относится вообще до них всех без исключения.

Вольные земледельцы пользуются ныне различными правами их Сословиям предоставленными при чем разные роды сих Земледельцов между собою еще разнствуют в отношении к сим Правам так что Малороссийские козаки имеют свои особенныя Права, Панцарные бояры свои особенные, и так далее Однoдворцы, Колонисты и все прочие. Нет надобности здесь входить в Подробность всех сих различий и разнообразий ибо все они подвергнуты быть имеют одинаковым изменениям, и все Вольные Земледельцы имеют поступить в общий Состав Российскаго Гражданства на основании общих Правил. Все Права Мещанства и Купечества должны быть на них распространены равно как и все прочия права каждому Российскому Гражданину имеющия быть присвоенными; и вместе с тем имеют быть прекращены все те их частныя права, которыя окажутся не соответствующими новому Порядку Государственнаго Устройства или устраненными от общаго Состава Прав Российскаго Гражданства.

Главнейшее Основание предполагаемаго для России Гражданскаго бытия состоит в образовании Волостей и в распределении всех Россиян по Волостям. Сему распорядку имеют подлежать все Вольные Земледельцы; почему и обяывается Временное Верьховное Правление составить по общим Правилам Волости из селений обитаемых Вольными Земледельцами или включить Сии Селения в Состав других Волостей смотря на удобность и на обстоятельства, и потом самих Вольных Земледельцов расписать по Волостям на основании общих Правил, подвергая их тому же образу Правления и тем же законам и Постановлениям как и всех прочих Россиян.

Земли принадлежащия Вольным Земледельцам могут на два рода быть разделены: одне составляют собственность целаго общества или Селенья, другия составляют собственность частных Лиц. В главе о Политическом Состоянии Народа будет подробно изъяснено почему, для чего и каким образом имеют все Земли вообще разделены быть в каждой Волости на две равныя части; из коих будет одна составлять общественную собственность а другая частныя Собственности. Таковому распорядку имеют быть подвергнуты равным образом и земли Вольных Земледельцов. А по сему и обяывается В. В. П. разделить земли каждой Волости на две половины из коих одной быть собственностью общественною а другой собственностью частною. — Земля общественная имеет принадлежать Волостному обществу вообще, а Земля частная имеет составлять отдельную собственность Частных Лиц. В сем отношении нужным почитается следующия зделать определения: 1.) Земли, коими ныне владеют Вольные Земледельцы не везде состоят за ними записанными по купчим или другим письменным актам и во многих местах владеют они сими Землями по преда-

ниям, старым обычаям или правам Давности. По сему, ежели бы ограничиваться одними письменными актами и Документами при признании Права обладания Вольных Земледельцов на Земли кои-ми они владеют, то большая из них часть лишилась бы совершенно всякой Собственности. Принимая в соображение что таковое Действие совершенное бы было зловластие поставляется в обязанность Временному Верховному Правлению признавать право обладания не по одним письменным актам и Документам но равным образом и по праву Давности признавая Действительность онаго по Повальным обыскам. Учинив таким образом распределение всех Земель снабдить владельцев письменными актами и потом уже на будущия времена повальных обысков в решение более не принимать: обратя при сем последнем учинении повальных обысков особенное внимание и особенное старанье на справедливое исполнение оных и совершенное устранение злоупотреблений, столь часто и столь сильно при сих случаях действующих. 2.) Во многих Селениях и Волостях населенных вольными Земледельцами принадлежит ныне вся Земля или большая часть оной Всему Обществу вообще, А поелику Общественная Земля имеет по новому предположению составлять только половинную часть всей Земли волости то в таковых волостях где общественная Земля более половины всей Земли составлять будет обязывается В. В. П. отделить от общественной Собственности ту часть Земли, которая половину всей Земли Волости превышать будет и сию отделенную часть раздать по равным участкам в вечное потомственное владение членам того общества Вольных Земледельцов коему вся Земля принадлежит. Ежели где нибудь необходимым окажется включить в Состав общественной собственности и частную Землю какаго нибудь Вольнаго Земледельца, то сей Вольный Земледелец имеет быть в полной мере за сию Землю вознагражден или денежною платою или выдачею ему в собственность из казенных Земель такового участка который бы в ценности своей равнялся участку земли у него отнятому. Все же земли принадлежащая ныне в частную собственность Вольных Земледельцов коих не нужным окажется включить в общественную Волостную Собственность имеют оставаться в вечном потомственном владении нынешних своих владельцев на основании общих Правил.

Все подробности сего распорядка имеет В. В. П. устроить Законодательными и исполнительными Действиями по внимательному соображению временных обстоятельств, частных случаев и местных Положений и руководствуясь неизменно и полномерно Правилами здесь изложенными.

§ 12.

Казенные крестьяне.

Казенные Крестьяне разделяются ныне на три рода: Государственные или Экономические, Удельные и наконец Арендные с Старостинскими. Все Сии три рода Казенных Крестьян составляют ныне с землями и Заведениями к ним принадлежащими Государственные Имущества и потому правилом постановляется чтобы от ныне впредь не различать сих Имуществ на Государственные, Удельные и Арендные, но даровать им всем одинаковое существование, образование. Управление и предназначение считая их всех на одинаковых правилах Государственным имуществом; И потому подвергнуть их всех одинаковым изменениям и мероприятиям и привезти их всех в одинаковое Политическое Состояние или Положение. На сей конец открываются необходимыми следующие мероприятия:

1.) Признать, объявить и провозгласить всех казенных и Удельных Крестьян Вольными и никакого рода Крепости более не подлежащими, включить их всех в общей Состав Российскаго Гражданства на основании общих Правил признавая их Российскими Гражданами и распространяя на них все Права Купечества и Мещанства, так чтобы они от ныне впредь особаго Сословия более не составляли но принадлежали бы к общему Сословию Российских Граждан.

2.) Составить по общим правилам Волости из казенных и Удельных Селений или включить сии Селенья в состав других Волостей смотря на удобность и на обстоятельства и потом самих казенных и Удельных Крестьян распределить и расписать по Волостям на основании общих правил вводя в Сии Волости тот образ Управления которой в последствии сей русской Правды для всех Волостей вообще описан будет и подвергнуть казенных и Удельных Крестьян тем же законам и постановлениям, как и всех прочих Россиян.

3.) Разделить все Земли в каждой Волости на две Половины; из коих одну отдать под названием общественной Земли в собственность Волостному обществу а другую под названием Казенной оставить собственностью Казны входящею в Состав Государственных Имуществ. Общественную Землю не должно Волостное Общество иметь право ни продавать ниже закладывать ибо она есть собственность неприкосновенная. Казна же является в отношении к казенной земле в виде частного Человека и потому казенная земля продавать может.

4.)³

«РУССКАЯ ПРАВДА»

1 редакция⁴

[ГЛАВА III]

[.....]

Верховное Правление распорядиться о сем предмете таким образом чтобы Солдатские Дети получали от Казны Пропитание в продолжении всего времени что их отцы в службе находиться будут. По выходе Сих последних в отставку должны они Детей своих брать с собою Военносиротския Отделения сделаются тем самим не нужными ибо Солдатские Дети оставаться будут в полках и Командах при своих родителях. Что же касается до службы, то должны солдатские Дети в сем отношении на равне с прочими вольными людьми быть поставлены без всякаго с ними различия. Они принадлежать должны к тем Волостям к которым Отцы принадлежат и всеми правами в оных пользоваться на равне с прочими Гражданами как о сих в последствии постановлено будет. Сей порядок имеет быть введен в то время когда общее Государственное Устройство возымеет новое свое Существование до того же времени могут Военно Сиротския Отделения употреблены быть на Составление из них Педагогических Институтов как то в Главе о Народном просвещении в последствии сея русской Правды объяснено будет.

8. Казенные Крестьяне.

В отношении к Крестьянам Казне принадлежащим обязывается Верховное Правление следующие мероприятия в частном их применении сообразить и потом введение или Исполнение оных по лучшей местной Удобности распорядить, по усмотрению своему давая оным надлежащий Ход и Действие.

1.) Не различать Казенных Поместий на Государственные, Удельные и Арендные, но даровать им всем одинаковое существование, образование, управление и предназначение считая их всех Государственным Имуществом.

2.) Разделить сии Поместья на Волости по соображению местной удобности и местного положения и ввести в оныя Волостное Управление как оное в последствии сей Русской Правды описано будет.

3.) Разделить все Земли в каждой Волости по угодьям на две Половины; из коих дать одной название общественной Земли, а другой казенной Земли. Общественную Землю отдать в Собственность Волостному Обществу а казенную Землю оставить Собственностью Казны то есть входящую в Состав Государственных Имуществ. Подробности сего Положения определить Верховное Правление.

4.) Крестьяне Казенных Поместий или Селений продолжают обрабатывать как общественная так и казенная Земли теперешним порядком и платить казне тот же оброк за оныя который и ныне платят.

5.) Сей Порядок будет продолжаться Десять или Пятнадцать лет сряду а после сего срока не будут Крестьяне никакого оброка платить за общественную землю а за казенную которую пожелают для обработки на откуп взять будут они деньги платить по назначению какое тогда имеет быть сделано и для котораго потребуются от крестьян предварительныя их предположения.

6.) После Десяти или пятнадцати лет а есть ли удобно будет, то и прежде когда сей новый Порядок окончательное возымеет существование, Ход и Действие, будут казенные Крестьяне пользоваться совершенною свободою и будут объявлены совершенно вольными, при чем общественная Земля никому не будет принадлежать частно, но всему Волостному обществу совокупно а казенная Земля останется собственностью казны, и Крестьянам будет отдаваться в откуп.

7.) Волостное общество не должно иметь права общественную Землю продавать или Закладывать, она есть собственность в сем отношении неприкосновенная. Казна же является в отношении к казенной Земле в виде частного Человека и потому продавать казенная Земля право имеет. Есть ли Крестьянин купит у Казны какую нибудь казенную землю или часть оной, тогда сей участок им купленной будет он иметь право, закладывать, продавать, дарить, в наследство и приданое отдавать и одним словом оным распорядить по своей воле как совершенною частною собственностью своею.

8.) Весьма будет полезно завести в каждой Волости по мере возможности маленькое банки и Ломбардты а равным образом и страховые учреждения. Сие конечно вдруг или скоро воспоследовать не может и потому сказано что надлежит оное заводить по мере Возможности. Надлежит также распространить на Казенных Крестьян права Купечества и Мещанства о чем Верховное Правление особое сделает распоряжение.

9. — Монастырские Крестьяне.

Монастыри Православныя Грекороссийской Церкви не имеют никаких Поместий и никаких Крестьян между тем как из католических монастырей многие еще крестьян имеют. Сего различия по трем причинам существовать не должно. Во первых потому что Монашество иностраннаго Исповедания не должно пользоваться большими преимуществами как Монашество отечественнаго православнаго Исповедания, во вторых потому что ежели Монашеской Чин с усердием все свои обязанности исполнять будет то ему не останется времени

для управления поместьями а в третьих наконец потому что Звание требующее от вступающих в оное клятвы в бедности и умерщвлении плоти жизнь свою проводить не должно утопать в Богатстве и Пресыщении давая тем пример соблазна и Разврата. — Православное Монашество чувствуя свое Высокое Предопределение давно уже никаких поместий более не имеет; почему же не последовать его примеру в отношении и к Иноверному Монашеству. А по сему в следствие всего здесь сказанного разрешается Верьховное Правление всех Монастырских крестьян и Поместий присоединить к Государственным Имуществам и потом те же самыя меры в отношении к ним принять каковыя предполагаются для всех Казенных Крестьян и поместий вообще.

10. — Вольные Земледельцы

В отношении к Вольным Земледельцам коих общества собственные свои Земли имеют обязывается Верьховное Правление следующие сделать распоряжения и следующие устроить мероприятия:

1.) Составить из них Волости с учреждением в оных Волостнаго Правления таким же точно образом и порядком как выше сказано о Казенных Крестьянах имеющих также быть со временем вольными Земледельцами.

2.) Разделить земли каждой Волости по угодьям на две половины из коих одной именоваться общественною Землею а другой частною Землею. Общественная Земля имеет на тех же основаниях Волостному обществу принадлежать на коих сие пояснено в статье о казенных Крестьянах.

3.) Частная Земля каждой волости имеет быть роздана Участками всем различным Семействам той волости в вечную и полную частную их собственность. Ежели кто из вольных Земледельцов перед сим уже купил какую нибудь для себя землю то остается полным обладателем оной.

4.) По мере возможности завести волостные Банки и Страховыя Учреждения: распространяя на Вольных Земледельцов права Купечества и Мещанства о чем Верьховное Правление особое сделает распоряжение.

Все Подробности сего распорядка имеет Верьховное Правление устроить Законодательными и Исполнительными Действиями по соображению временных обстоятельств, частных случаев и местных положений, причисляя однодворцев в общем смысле к сему же разряду.

11. Дворянские Крестьяне.

Весьма различно положение, в котором находятся различные Дворянские Крестьяне. У самых добрых господ они совершенным благоденствием пользуются. У самых Злых они в совершенном злополучии обретаются. Между сими двумя крайностями существует многочисленное Количество разнообразных Степеней злополучия и благосостояния. Различие сие происходит от того что участь Крепостных Людей в полной мере зависит единственно от мысли и воли их Господ, и что никакого не существует определительнаго постановления взаимныя их отношения, обязанности и Права устанавливающаго, и положение Крестьянскаго Состояния ясно определяющаго. Сие доказывает необходимость таковаго Постановления дабы дурные Помещики принуждены были следовать примеру добрых Помещиков, и дабы Положение Крестьян елико возможно было улутчено и на твердых Началах и Правилах положительным образом основано.

Для составления таковаго Постановления имеет Верьховное Правление возложить на вышепомянутыя Грамотныя Дворянския Собрания обязанность представить ему проекты об оном и потом из всех сих проектов выбор сделать целое составить и оное в ход и Действие привезти. Все же предварительныя меры нужныя для составления и введения сказаннаго Постановления обязывается Верьховное Правление по своему усмотрению неукоснительно и решительно принять не останавливаясь никакими побочными соображениями.

Успехи общаго Просвещения повсюду более и более распространяющагося, лучшая понятия о взаимных отношениях всех членов и частей Государства, Дух времени стремящийся к Свободе на Законах основанной, все сие заставляет желать, чтобы Рабство было совершенно в России уничтожено, и чтобы полезное Сословие Крестьян не было забыто особливо в то время когда Россия стремится к установлению прочнаго Законнаго порядка и всем прочим своим сословиям и частям улутчение положения и Состояния их приобретает. Сверх того надобно также и о том в совести своей помыслить что право обладать другими людьми как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать Людей на подобие Вещей, употреблять их по своему произволу без предварительнаго с ними соглашенияи единственно для своей прибыли, Выгоды и Прихоти есть дело Постыдное, противное Человечеству, Законам Естественным, Святой Вере Христианской и заповедной Воли Всевышняго Творца Гласящаго в Священном Писании что все Люди пред ним равны и что одни Деяния их и Добродетели разницу полагают. Но поелику таковое важное Предприятие требует зрелаго обдумания и весьма большую в Государстве произведет перемену то не может оное иначе к успеш-

ному окончанию приведено быть как введением Постепенным. О сем предмете должно Верховное Правление потребовать Проекты от Грамотных Дворянских Собраний и по оным мероприятия распорядит, руководствуясь следующими тремя Главными Правилами: 1.) Освобождение Крестьян от Рабства не должно лишить Дворян дохода ими от Поместий своих получаемых. 2.) Освобождение сие не должно произвести Волнения и Беспорядков в Государстве для чего и обязывается Верховное Правление беспощадную строгость употреблять противу всяких Нарушителей общаго спокойствия. 3.) Освобождение должно Крестьянам доставить лутчее положение противу теперешняго, а не мнимую свободу им даровать.

12. — Дворовые люди.

Дворовые Люди суть самое жалкое Состояние в целом пространстве Российскаго Государства. Солдат прослуживши 25 лет получает по крайней мере по истечении сего срока свободу и избирает потом себе любяя занятия. Дворовой же человек всю жизнь свою служит своему Господину и ни на какую надежду права не имеет: одна воля Барина всю его участь составляет до конца его жизни. Таковой Порядок долее продлится не должен и все то что в предидущей статье сказано о Крестьянах относится также и до дворовых Людей. Верховное Правление потребует также и на сей щет проекты от Грамотных Дворянских Собраний извлекая из оных средства к Постепенному освобождению от Рабства Дворовых Людей.

Здесь могут с удобностью два средства быть употреблены. Первое состоит в назначении числа Годов коих Господину своему прослуживши, дворовой человек делается Вольным. Второе состоит в назначении суммы Денег коих своему Господину заплатив Дворовой человек также делается вольным. Сии два способа могут различными распоряжениями быть соединены и в подкрепление одно другому поставлены. Назначение откупных Сумм должно быть сделано по соображению местных обстоятельств и по вниманию на разные Ремесла коим Господа Людей своих обучали. За сими распоряжениями будут всетаки еще Дворовые Люди Крепостными оставаться и для сих последних в особенности нужны вышепомянутые проекты Грамотных Дворянских Собраний.

13. — Заводские Крестьяне.

Заводские Крестьяне суть или Дворянские или Казенные. Дворянские суть Люди крепостные и потому суждение об улутчении их состояния и о постепенном даровании им вольности принадлежит к статье о Дворянских Крестьянах где Действие свое иметь будут Гра-

мотные Дворянския Собрания с окончательным утверждением и решением Верховнаго Правления. Касательно же Казенных Заводских Крестьянах обязывается Верховное Правление следующие мероприятия распорядить: соображая по своему Усмотрению все частные Случаи и местные Обстоятельства 1.) Всех Крестьян на Заводах работающих заменить Людьми вольнонаемными или что еще лутче преступниками разнаго рода; распределяя их по соображению важности преступления и тягости работы. 2.) Всех заводских Крестьян обратить в первобытное Земледельческое Состояние устраивая для сего в случае надобности Переселения, и составляя из них Волости на тех же основаниях как выше сказано в статье о Казенных Крестьянах к коим и их причислить.

Из Политической Економии известно что те только Изделия полезны которыя заводимы быть могут без всяких Насильственных или принудительных Мероприятий, и которыя следовательно собственным своим избытком себя поддерживать могут. По сей причине одни Вольнонаемные Работники должны бы при всяких Заводах быть Употребляемы; но поелику в числе заводов находятся такие которые необходимы для Блага Государства а другие коих безразсудно бы было бросить после всех издержек для них сделанных, то и дозволяется Преступников на Заводах употреблять; тем более что никакого не может быть лутчаго дано предназначения Людям преступлениями потерявшим право на Свободу как занятия к пользе Государственной служащия.

Из всего содержания Главы сей явствует: 1.) что Духовенство не признается более особым Сословием Народа но особою отраслею Государственнаго Чинопачальства. 2.) Что Дворянство обязывается под руководством Верховнаго Правления пересмотреть свой Состав и Проекты об оном представить, и 3.) Что Все Прочия Сословия соединяются в одно и сливаются в общее Сословие Российских Граждан имеющих пользоваться совокупно всеми теми правами и преимуществами коими до ныне каждое Сословие пользовалось отдельно. Сие общее Сословие долженствующее заменить все до ныне существовавшия имеет называться *Гражданством*.

При сем надлежит заметить 1.) что с уничтожением Сословий и со введением Гражданства все уже Граждане одинаковым Законом подлежать будут и что должны они право иметь Земли и вообще всякую Движимую и Недвижимую Собственность приобретать но только не Крестьян и 2.) что Люди оказавшие Отечеству большия Услуги должны быть отличены от тех, которые только об себе думали и только о частном своем благе помышляли. Таковыя Лицы должны особенными пользоваться правами и Преимуществами. Вот Главное Правило основанием Дворянству служащее.

О НАРОДЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ.

[ГЛАВА IV]

§ 1

Содержание сей Главы разделяется по существу предметов в оную входящих на три разряда. В первом имеет быть рассуждаемо о политическом разделении общей Массы Народа на части, о произхождении Сословий и о распределении частных Лиц по Волостям. В Втором Разряде имеет быть рассуждаемо о составлении общественных Земель образующих общественную собственность всего Народа и о различии между землями и Собственностями частными и общественными. В Третьем наконец разряде имеет быть рассуждаемо об участии Народу предоставленному в правительственных или Государственных Делах и об учреждении Народных Собраний. Таким образом будут представлены в совокупном изложении коренныя правила Политического Состояния Народа: Первый разряд представит понятие о Народном Составе и его политическом распределении. Второй разряд представит Понятие о Народной Собственности и обеспечении каждого в его Существовании. Третий наконец представит понятие об образе и порядке коим Народ имеет участвовать в общественных или Правительственных Делах. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 параграфы составляют первый разряд, 10, 11, 12 и 13 параграфы составляют второй разряд, 14, 15, 16, 17 и 18 параграфы составляют наконец Третий разряд.

О НАРОДЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

§ 2.

Порядок Должен в Государстве существовать и не может быть иначе введен как разделением общей Массы Народа на части: так чтобы целость Гражданскаго общества составлялась из нескольких частных или подраздельных обществ. Сим средством приобретается возможность Благоустройство в Государстве установив соделывая Сношения Правительства с Народом удобными между тем как сии Сношенья до чрезвычайности бы затруднительны были естли бы вся Масса Народа составляла только одно Целое Неразделенное. Сие Необходимое разделение Народа на части или общества бывает тремя образами в исполнение приводимо. Первый образ или Распределение Сословное существует когда Народ разделен на Классы или Состояния, имеющие собственные свои отличительныя преимущества и особенныя Права. Сих Классов или Сословий бывает обыкновенно четыре: Духовенство, Дворянство, Среднее Состояние и Крестьяне, Второй образ или распределение по Отраслям Промышленности существует когда Народ разделен на Состояния Земледельческое, Мануфактур-

ное или Издельное и Торговое и каждое из сих Сословий опять из нескольких частных подразделений состоит както например, из Гильдий, Цехов, Мастерств, Товариществ, Компаний, Поденщиков, и так далее и каждый из сих Классов свои особенныя имеет права отдельно от прочих. Третий образ или Распределение Местное тоже Земское существует когда Каждый Уезд разделен на некоторое Количество Волостей так что все жители каждой Волости составляют так сказать одно Политическое Семейство и каждый частный Человек непременно обязан к составу какой-нибудь Волости принадлежать и к оной приписанным Состоять. В редком Государстве существует отдельно одно только из сих трех Разделений. По большей части бывают они совместны, самым иногда странным образом перемешаны и перепутаны.

Несправедливость и Недостаточность распределения Народа по Сословиям явственным образом выказывается при первом взгляде. Духовенство, как в предидущей Главе объяснено не должно быть признано за особенное Сословие в Народе, но за особенную отрасль Государственного Правления или Чиноначальства. Дворянство есть Установление справедливое когда основанием своего существования имеет Услуги им отечеству оказываемыя, но когда оно ни что иное есть как феодализм подобно как сие во многих Европейских Государствах установлено, тогда оно есть зло Безразсудное гибель Государству наносящее. Среднее Сословие вмещает всех городских жителей, которые имеют особыя и отдельныя права от крестьянскаго Сословия вмещающаго всех Сельских Жителей. При сем надлежит заметить что кроме сего различия между средним и Крестьянским Сословиями существовало еще во всех Державах прежде и существует еще ныне в России то различие что Члены Средняго Сословия суть Люди Вольные, а члены Крестьянскаго Сословия суть Люди крепостныя принадлежащие или Казне или Дворянам. В предидущей главе было объяснено почему для Государства вредно когда делается различие между правами Городскими и Сельскими и когда жители Городские разделяются на Купечество, Мещанство и так далее. А Посему и следует из сего что Разделение Народа на Сословия не только никакого Порядка не вводит, но на против того поводом служит к водворению многих коренных Неустройств и Злоупотреблений и следовательно не должно быть принято; а есть ли уже существует то непременно должно быть уничтожено как то пространно в предидущей главе показано.

3.

Второе Распределение Народа на Состояния занимающиеся Земледелием и Изделиями или Торговлею совершенно отвергнуто Политическою Економиею доказавшею неоспоримым образом что каждый

человек должен иметь полную и совершенную Свободу заниматься тою отраслею Промышленности от которой наиболее ожидает для себя выгоды и Прибыли; лишь бы честен был и к Законам исполнителен. Правительство должно конечно способствовать всеми мерами к Усовершенствованию Народного богатства, но споспешествование сие должно состоять в Законодательстве относительно Промышленности а не в распределении Народа по отраслям Промышленности которое напротив того мешает преуспеванию Народного богатства. Таковое Распределение Частных Лиц породило бы скоро новый Род отдельных сословий которыя бы имели основанием своего Большия Богатства. Таковыя Сословия самыя суть безразсудныя и зловредныя потому что оне самыя безчеловечныя, что оне умножают до чрезвычайности число Бедных и Нищих и что их влияние на Народ основание свое имеет не на общем мнении, но на Золоте и Серебре посредством коих они весь Народ приводят в совершенную от себя зависимость. А потому обязано всякое благомыслящее Правительство не только такового распределения Народа не допускать, но даже и все меры принимать дабы таковыя Сословия отдельным от Массы народной Составлением сами собою бы не Устанавливались и не образовывались а тем более обязано их уничтожать ежели они существуют. Сии Сословия однакоже могут ныне в России только тогда быть прекращены когда взимание податей на сем распределении ныне основанное, другим образом устроено будет.

4.

наконец Распределение Народа по Волостям соединяет все Выгоды и все Удобности отвращая все Несправедливости, и все Затруднения. А посему и обязывается Верховное Правление Сие Распределение ввести уничтожив ныне существующее и устанавливая новый сей Порядок на изложенных в последствии сей Главы коренных Правилах разрешаясь при том все подробности сего Положения по своему Усмотрению распорядить. Прежде же приступа к изложению сих Коренных Правил надлежит представить весьма Важное Соображение о Постепенности в Государстве для порядка требуемой и вспомнить что Слово Волость означает всякое Городское, Сельское и вообще Земское общество. Города же, местечки, села и Деревни будут посему совершенно одно и то же, то есть Волости. Все различие будет состоять в большем или меньшем Количестве обывателей в Волостях как ныне различествуют города; а по сему и можно заменить сии Названия одним именем Селенье. Городом же может продолжаться называться местопребывание Уездного Начальства. Из приписной Волости весьма легко можно сделать Цельную Волость предпринимая где удобно или

где нужно перестройку или переноску обывательских или крестьянских Домов, и сим способом составляя из нескольких Селений одно Селение. Сие в России часто ныне делается и потому мероприятие сие малым подлежить Затруднениям, оно даже полезным быть может ибо округлит Волости. Верховное Правление обязывается обратить особенное внимание на сей предмет и по мере возможности или Удобности привезти оное в исполнение.

5.

Много было разсуждаемо о необходимости чтобы постепенность в Государственном Устройстве существовала; то есть чтобы Политическо-Нравственное Пространство отделяющее Массу Народную от Верховной Власти на разный Степени было разделяемо и степени сии бы начинали от Массы Народной и восходили бы до Верховной Власти. Мысль сия совершенно справедлива и таковой порядок конечно необходим; надлежит только истинныя избрать средства к введению и Установлению онаго. Люди зловластие любящие объявляли что таковая Постепенность требует разделения Народа на многия Сословия таким образом чтобы нисшее Сословие мало прав и никакой власти бы не имело а начиная от него все прочия Сословия имели бы различное Количество прав, преимуществ и Власти смотря на удаленность их от Народа и Приближенность к Верховной Власти.

Сии Правила извлечены из Феодальной Системы и столь же в применении своем пагубны сколь в существе с истиною не согласны. Они пагубны потому что одним только пристрастием дышат, что некоторым членам Народа выгоды дают в коих другим отказывают без всякой причины и без всякой для Государства пользы, что для пресыщения Кобысти нескольких Людей жестокою оказывают Несправедливость противу Наибольшей части Народа и что противны цели Государственного существования состоящей не в пристрастии к малому числу, но в Елико возможно большем Благоденствии многочисленнейшаго Количества Людей в Государстве. С другой Стороны Они с истиною не согласны потому что никакой постепенности не образуют ибо постепенность в Государстве должна быть устанавливаема для того чтобы Верховная Власть не была обременяема всеми Делами в Государстве без изъятия и Дела бы Сии от части разрешались в нисших Степенях, от части до нея восходили чрез посредство Степеней Установленных между Верховною Властью и разными местами где дела возникать могут. Из сего явствует что ежели бы Сословия Постепенность составляли, то Дела должны бы поступать от Крестьян на решение Мещан. От сих к Купечеству, от Купечества к Дворянству и так далее. А доелику Сие бы слишком было безразсудно то и не существует сего ни где

а тем самым и доказывается что Сословия никакой в Государстве Постепенности не образуют ибо не чрез их посредство Дела восходят до Верховной Власти. На против того они разныя только отделения между Народом образуют, которыя всегда друг на друга враждуют.

Истинную Постепенность образует в Государстве Чинопачество состоящее из тех Чиновников, которые в Службе находятся, разныя должности исполняют и разными званьями друг от друга отличаются. Сие Чинопачество Будучи распределяемо по разным Степеням общаго и частнаго Государственнаго Правления дает всем Деяниям законное их течение и доводит оныя от их Начала до Совершения а ежели нужно то и до самой Верховной Власти. Кратко сказать: Постепенность в Государстве необходима, и находится не в Сословиях Народа, но в Государственном Чинопачестве, которое всегда может быть от Сословий совершенно независимо ибо в Чиновнике нужны Способности, Знания и Добродетели могущая быть найдены во всех Сословиях.

6.

Порядок должен в Государстве существовать и не может быть иначе введен как разделением Государственнаго Пространства на части; почему и имеет вся Россия быть разделена на области. Каждая область на несколько Губерний. Каждая Губерния на несколько Уездов. Каждый Уезд наконец на несколько Волостей, дальнейшее же разделение Каждой Волости на частныя Имущества или Поместья не есть уже разделение Политическое или общественное но есть разделение Гражданское или частное. Из сего явствует что при разделении Земельнаго Пространства Государства на части Волость должна быть признана политическою Единицею. Сему разделение отвечает образование Правления и установление Степеней Чинопачества. Вверху над оными находится Верховная Власть, а внизу под оными весь Народ. Верховная Власть управляет целым Пространством Государства а Народ весьма естественным образом распределяется по Волостям, то есть по политическим Единицам Государственнаго Пространства. Политическое Благоустройство состоит в полной соразмерности и совершенном соответствии между образом политическаго существования частных Лиц Народ составляющих и образом Устроения Правительства со всеми различными отраслями Государственнаго Правления. Сия двойная цель совершенно достигается Земским сим Распределением. Посему и должен быть Народ Российский распределен по Волостям таким образом чтобы каждый Россиянин был приписан к которой либо Волости и считался бы Членом Той Волости. Все члены одной и той же Волости составляют вместе так сказать

одно Политическое Семейство под названием Волостнаго Общества. Сие распределение Народа по Волостям имеет заменить ныне существующее распределение по Сословиям и отраслям Промышленности. Промышленность предоставится всем Россиянам одинаковым образом а Сословия сольются все в одно общее Сословие Гражданское. Каждой Россиянин будет Гражданином Российскаго Государства и в особенности Гражданином такой то Волости.

Для удобнейшаго введения сего порядка должна Каждая Волость два Списка своим членам или Гражданам содержать: один Гражданской а другой Скарбовой. Первый означает членов Волости по Лицу, второй по Имуществу. Первый содержит Имена всех Граждан к той Волости приписанных и в составе Волостнаго общества считающихся. Второй содержит имена всех Граждан имеющих какое нибудь имение в той волости. Из сего явствует что один и тот же Россиянин может состоять в одно и тоже время в скарбовых Списках Нескольких Волостей ибо в разных Волостях имения может иметь и следовательно с каждаго имения на общих правилах подать платить обязан между тем как в Гражданском Списке только одной Волости состоять может ибо Гражданской Список означает Лицо а Каждый Гражданин есть только одно Лицо и каждое Лицо только один Голос в Государстве иметь может.

7.

Совокупность всех обязанностей и всех прав Российских Граждан составляет Российское Гражданство и разделяется на три Разряда. Первой разряд содержит Права Политическия посредством коих определяются взаимныя отношения Народа с Правительством и Участие Народом в Управлении принимаемое. Второй разряд содержит Права Гражданския посредством коих определяются взаимныя отношения Граждан между собою и способы коими собственность приобретается как то правила Родства, Бракосочетания, опекуинства, всякаго рода Договоров и тому подобное Третий разряд наконец содержит права Личныя посредством коих определяется образ Действия и Существования граждан в тех случаях когда они не находятся в Непосредственном Сношении ни с Правительством ни с другими Гражданами и когда дело идет об них одних, на пример свободное Книгопечатание, свободное Вероисповедание, свободная Промышленность, Личная свобода и тому подобное. Сие разделение весьма важное никогда из виду не должно быть упускаемо ибо на оном основано точность и Положительность Гражданскаго Права. Все Российские Граждане должны одинаковым образом пользоваться всеми правами Частными гражданскими и Политическими и пользоваться оными на целом пространстве всего Государства Должны также все взаимныя отношения

Народа к Правительству и сего последняго к Первому во всем Государстве на одинаковых началах устроены быть и все обязанности политическия на всех Граждан вообще одинаковым образом быть распространены. Надлежит однакоже заметить что те отличные Граждане которые большия Отечеству оказывают Услуги (Дворяне) должны некоторыми особыми преимуществами пользоваться в виде награждения за их Услуги и от некоторых тягостнейших обязанностей быть освобождены. Постановление Правил на сей Конец и приведение оных в исполнение представляется Распоряжению Верховнаго Правления на основании того что в Предидущей Главе о том сказано было в особенности о Дворянстве.

Сказать еще надлежит что Ежели кто из Граждан пожелает из членов одной Волости перейти в Члены другой Волости то должен на сей переход получить согласие от той волости в которую перейти желает. Ежели кто из Граждан имеет Недвижимую собственность то должен быть членом той волости где состоит Недвижимая Его собственность; продав же оную может переходить как выше сказано. Ежели кто из Граждан имеет в нескольких Волостях Недвижимую Собственность то право имеет переходить без предварительнаго волостнаго разрешения из членов одной из сих волостей в члены другой которой либо из сих же Волостей. В приобретении Недвижимой Собственности, никому никакая Волость воспретить не может.

8.

По распределении всех нынешних Российских подданных по волостям, надлежит их переименовать в Российские Граждане и тем самим их таковыми окончательно признать. Потом могут в Российские Граждане поступать или Дети Российских Граждан или Инностранцы. Дети Российских Граждан поступают следующим образом. По достижении ими 5-ти лет от Рождения объявляется о том Волостному Правлению. Волостное Правление созывает ежегодно один раз всех таковых Детей в Приходскую Церковь в нарочито для того назначенное время и слушает тут вместе с ними в присутствии родителей, родственников и всех прихожан молебен. После оной говорит Священник приличную проповедь и выставляет недорослям всю важность Состояния в которое они ныне вступают и всю святость той присяги Отечеству, которую они потом и произносят. Потом дает Волостной Предводитель обеденной Стол и весь день посвящается празднеству и Увеселениям так чтобы и для всей Волости сей случай был днем радости и Веселья. Сим образом вступают Недоросли в число Российских Граждан; правами же Гражданства начинают они пользоваться не прежде как по достижении ими 20-го Года от Рождения. — Инностранцы желающие быть Российскими Гражданами обязаны

подать о том прошение в которое либо Наместное Волостное Собрание (о котором ниже объяснено будет). Сие Собрание имеет право таковую просьбу отвергнуть после чего сохраняет Инностранец право таковое же прошение подать в Собрание другой Волости. Есть ли же Собрание согласно на просьбу Инностранца, то представляет о том Верховной Власти и получив от оной разрешение причисляет Инностранца к числу Российских Граждан и Членов своих. Таковые Инностранцы присягу дают в приходской Церкви в присутствии Волостнаго Правления угощающего его в тот день. Общаго же праздника не производится.

Российское Гражданство теряется совершенно: 1.) Приговором Суда, 2.) Вступлением в Инноземное Гражданство или Подданство, 3.) Вступлением в Инностранныю Службу без предварительнаго разрешения Верховной Власти, и 4.) Поданием Прошения об исключении из Российскаго Гражданства. Временно же оно теряется при вступлении в личное Услуженье. Подробное Установление всего Порядка сего предоставляется Соображению и Усмотрению Верховнаго Правления.

9.

Разделение Земельнаго Пространства Государства на части бывает двоякаго рода: Политическое и Гражданское Первое необходимо для лучшаго Устройства Правления; Второе образует частныя Собственности. Первое остается в непрременном положении всегда одно и тоже; второе подвергается частым изменениям по случаю права обладания. Для введения перваго было объяснено предположение о разделении России на Области, Уделы, Округи, Уезды и Волости и сказано что Волости составляют Единицы сего Разделения. Теперь приступаем к рассмотрению Гражданскаго разделения Земель которое там начинается, где Политическое оканчивается: то есть от Волостей.

О сем гражданском разделении Земель много было разсуждаемо при чем все Сии Разсуждения на два главныя мнения разделены быть могут. Первое мнение объясняется таким образом: Человек находится на Земле. Только на Земле может он жить, только от Земли может он пропитание получать. Всевышний сотворил человеческий род на Земле и Землю отдал ему в Достояние дабы она его питала. Природа производить сама все то что к Пище человека служить может. Следовательно Земля есть общая собственность Всего Рода Человеческаго а не частных Лиц и по сему не может она быть разделена между несколькими только Людьями за исключением прочих. Коль скоро существует хоть один человек который никаким обладанием Землею не пользуется то Воля Всевышняго и Закон Природы совершенно нарушены и права естественныя и Природныя Человека устранины На-

силием и Злоуластием. На сем соображении был основан известный Поземельный Закон Римский который устанавливал частое разделение Земель между всеми Гражданами. Второе мнение напротив того объясняет что Труды и Работы суть источники собственности и что тот который Землю удобрил и оную способною сделал к произведению разных произрастений исключительное должен на ту Землю иметь право обладания. К сему суждению прибавляется еще и то Соображение что дабы хлебопашество могло процветать, нужно много издержек которыхя только тот сделать согласится которой в полной своей собственности землю иметь будет и что неуверенность в сей собственности сопряженная с частым переходом Земли из рук в руки никогда не допустит Земледеля к Усовершенствованию. Посему и должна вся Земля быть собственностью Нескольких Людей хотя бы сим правилом и было большинство Людей от обладания Землею исключено. —

Сии два мнения совершенно друг другу противуречат между тем как из них каждое много истинного и справедливого содержит. Сие происходит от того что оба сии мнения заключения свои до крайности доводят. А Дабы ясно усмотреть можно было в каком отношении каждое из сих мнений справедливо и в каком каждое ложно надлежит следующими правилами руководствоваться: 1.) Человек может только на Земле жить и только от Земли пропитание получать, следовательно Земля есть собственность всего рода Человеческого и никто не должен быть от сего обладания ни прямым ни косвенным образом исключен. 2.) С Учреждением Гражданских обществ сделались Сношения между Людьми многообразнее и возникло Понятие о Собственности. Охранение сего права Собственности есть Главная цель Гражданского Быту и священная обязанность Правительства. 3.) Законы Политические должны утверждать и обеспечивать Законы Духовные и Естественные а не нарушать оных. Сии Последние Законы должны всегда иметь перевес над первыми ибо они поставлены от Бога и природы и суть неизменны между тем как Политические поставлены от Людей и часто переменяются. 4.) Наперед надобно помышлять о доставлении всем Людям Необходимаго для жития а потом уже о приобретении Изобилия. На первое каждый Человек имеет неоспоримое право потому что он Человек. На Второе имеет право только тот который ее сам оное приобрести успеет. 5.) Установив возможность для каждого Человека пользоваться Необходимым для его жития не подвергая его для приобретения онаго Зависимости от других надлежит Полное дать обеспечение и совершенную Свободу приобретению ее и Сохранению Изобилия. — Соображая сии Коренныя Правила с вышеизъясненными двумя мнениями можно легко приступить к изысканию Средств для соглашения обоюдных их выгод и Преимуществ и Устранения обоюдных Несправедливостей.

10.

Сии Средства состоят в Разделении Земель каждой Волости на две Половины ее по Угодьям; как то в предидущей главе объяснено было в Статье о казенных Крестьянах. Одна Половина получит наименование Земли общественной, другая земли Частной. Земля общественная будет всему Волостному Обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную Его собственность составлять. Она ни продана ни Заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления *Необходимаго* всем Гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию Всех и каждого. Земли частныя будут принадлежать казне или Частным Лицам, обладающим оными с полною свободою и право имеющим делать из оной что им угодно. Сии Земли будучи предназначены для образования частной Собственности служить будут к Доставлению *Изобилия*. Земля общественная будет удовлетворять Справедливым Заключениям Перваго Вышеобъясненнаго Мнения а Земли частныя Втораго Мнения. Сим средством будут оба мнения совершенно соглашены все пять коренныя вышеписанныя правила в полной мере соблюдены, каждый в Необходимом обеспечен и полная Свобода к приобретению Изобилия дана тем, которые в состоянии найдутся оным пользоваться.

Ежели при первом взгляде покажется введение такового порядка сопряженным с большими трудностями то надлежит только вспомнить 1.) что сие Постановление может большия Затруднения встретить во всяком другом Государстве но не в России, где Понятия Народныя весьма к оному склонны и где с давних времен уже приобыкли к подобному разделению земель на две части. 2.) Что в Предидущей Главе в Статье о казенных Крестьянах объяснено каким образом сие Постановление имеет быть введено не вдруг но постепенно в продолжении 5-ти летняго Срока в течении какого времени все Подробности и Частности с удобностью и полною основательностью усмотрены и устроены быть могут и 3.) Что цель сего постановления состоя в даровании Государству тех основных начал Государственного и Гражданского бытия которыхя одне ему доставить могут утверждение истиннаго Благоденствия и Всех и каждого должна быть выполнена непременно сколько бы то ни стоило трудов и Занятий.

11.

Главныя начала могущия основанием служить для Постановлений касательно общественных Земель суть следующие: Общественная Земля должна в каждой волости разделена быть на Участки. Каждый Участок должен так быть велик чтобы Необходимое для жития онаго Тегла доставлять мог. Теглом разумеется муж с женою и тремя детьми.

Земские сии Участки должны раздаваться членам Волостного общества. Они Участки сии получают не в полную Собственность но для того чтобы их обрабатывать и пользоваться их произрастениями. Каждый Участок отдается в обработку на один Год по истечении коего переходить оный в другия руки или опять за тем же хозяином утверждается. Земледельческий Год не с 1 Генваря по 1 Генваря считается но с окончания жатвы до окончания оной в следующем Году. — Волость имеет Список своим Участкам и ежегодно назначает особое время для раздачи оных. Проект о сей раздаче Волостное Правление подносит Наместному Собранию. — Волостное Наместное Собрание (о коем ниже говорено будет) утверждает окончательно раздачу сих участок. — Каждый член Волостного Общества имеет право столько требовать участок сколько пожелает; принужден же к тому никто быть не может. Сие право распространяется равным образом на Граждан имеющих собственныя свои частныя Земли и на неимеющих таковых, ибо они все суть Члены Волостного Общества. Когда требуется менее Участок нежели сколько их имеется тогда получает каждый Требователь желаемое число а остальные Участки могут отдаваться в откуп Посторонным Лицам. В Посторонния Руки могут Участки отдаваться только тогда когда Волостное Общество всем требованиям своих членов удовлетворило. — Когда требуется более Участок нежели сколько их имеется, тогда остаются без удовлетворения требования тех граждан которые наибольшее число Участок требуют так что в сем случай всегда большая требования сравниваются с меньшими. — При невозможности удовлетворить равным требованиям предпочитают Неимеющие частных Земель в своей Собственности тем которые таковыми Землями обладают; пропитывающиеся от одного Земледелия тем которые занимаются еще и другою какою нибудь промышленностью, одним словом предпочитается тот кто беднее. Участки переходят из рук в руки в трех только случаях: 1.) когда сам кто не пожелает долее держать участка или оный переменить захочет на свободный участок: *собственная Воля*. 2.) Когда не может продолжать тем числом участок пользоваться которое до ныне имел по причине умножившихся требований: *Умножение Требований* и 3.) Когда приговором суда за преступление или приговором Волости за гласный и доказанный разврат сего права Лишен будет: *собственная Вина*.

Так как общественная земля устанавливается для доставления каждому Необходимаго для жития то и должен каждый заниматься своим. Участком с усердием и прилежанием а по сему Волостное общество и сохраняет власть за гласный и доказанный разврат лишать права на Общественные Земские Участки. Употребление же и Действие сей Власти должны ясным и Положительным образом опреде-

лены быть для устранения всякой несправедливости, всякаго пристрастия и Злоупотребления. —

В каждой Волости должен быть Волостной Банк учрежден из коего бы каждый Гражданин той Волости мог вспомоществование получать и к сему Банку полезно присоединить Страховое Учреждение. Из сего банка получать будут Граждане нужное число денег на первоначальное обзаведение своего Хозяйства когда в Земледельческое Состояние поступать будут.

Определение подробностей и частных сего порядка предоставляются совершенно благоусмотрению Верховнаго Правления

12.

Когда порядок сей в полной мере введен будет и окончательное возымеет Установление и Действие, тогда от него для России следующие окажутся неоцененныя Выгоды и Последствия: 1.) Каждой Россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен что в своей Волости всегда клочек Земли найти может которой ему пропитание доставит и в коем он пропитание сие получать будет не от Милосердия Ближних и не отдаваясь в их Зависимость но от трудов коих приложить для обрабатывания Земли ему самому принадлежащей яко члену Волостного Общества на равне с прочими согражданами где бы он ни странствовал, где бы счастья ни искал но всегда в виду иметь будет что ежели Успехи стараниям изменят то в Волости своей в сем политическом своем семействе всегда пристанище и хлеб насущный найти может. 2.) Какое сильное и благодетельное влияние таковая Уверенность и таковой порядок должны иметь на Нравственность Народную, легко усмотреть можно. Что более всего к преступлениям людей склоняет как не Нищета и совершенный Недостаток и Устраняя ужасные сии поводы ко злу и разврату постановление сие укрепить Нравственность и Добродетель. Оно большую часть случаев к подлости и подобострастию решительно отвратит и тем самым возвысит Дух Народной и вселит в Граждан ту благородную Самостоятельность, которая признана быть должна сильнейшею подпорою Государства. 3.) Сие Постановление ни в чем не препятствует стремлению к Изобилию и улучшению Земледелия ибо земли для последней сей цели предоставленныя составляют половину всех Земель вообще и в полной мере для того достаточны. Оно не только не препятствует но даже на против того еще более к тому способствует вселяя во всех Уверенность что в Необходимом никто никогда нуждаться не будет. От Необходимаго исходят и начинаются все Занятия к достижению Изобилия. Все Нешастия ни к чему худшему привезти не могут как опять к Необходимому Решительнее, Безопаснее, Веселее

будет частное Действие каждого Гражданина. Народная Промышленность получит быстрейший ход и сильнейшие обороты потому что всегда опираться будет на Уверенности в Необходимом и следовательно само изобилие твердейшее возымеет Основание. 4.) Разнообразность земель в отношении к плодородию и Климату производит различныя Степени Народонаселения которыя производят в свою очередь необходимость в переселениях из стран много населенных в страны мало или менее населенных. Переселения сии ныне исполняются самыми беднейшими Людьми не находящими в своей Земле более средств к пропитанию, от чего происходит что большее из них число дорогою пропадает а кто до места достигнет тот способов не имеет ни себя порядком водворить ни новой своей Земле пользу принести ибо для сего нужны Капиталы, коих он не имеет. Все Сии пагубныя Неудобства совершенно отвращаются Установлением общественных Земель, ибо при оных переселяться будет единственно тот, которому нельзя получить столько общественных Участков в своей волости сколько бы он того желал, желающий же иметь несколько Участок не есть человек бедный и потому может переселиться с Удобностью и с Выгодою как для себя так и для новой своей Волости. Таковыя переселения будут делаться мало по малу без всяких издержек и Усилий со стороны Правительства, Приобретение Земель в частную Собственность будет поощряемо, Народонаселение будет само собою уравниваться, Бедные будут оставаться на своих местах а переселения будут производиться Людьми имущими то есть Людьми могущими с удобностью сие исполнить и правило полной свободы будет совершенно сохранено не на одних словах но на истинном Деле. 5.) Умножение Народонаселения увеличит Невозможность отдавать в одне руки много Участок из общественной земли и тем самым получить приобретение Земель в Частную Собственность сильное поощрение. От того вздорожают Земли а возвышение цены оных послужит поощрением к направлению Капиталов на устройства Мануфактур, фабрик, Заводов и всякаго Рода Изделий, на предприятия разных Коммерческих Оборотов и Торговых Действий: из сего явствует что Установление общественных Земель даст Возможность Промышленности иметь естественное свое течение и устраивать Переходы и Направление Капиталов с полною свободою, соображаясь единственно с выгодою и Пользою. Свобода сия бывает нарушаема не одними худо обдуманнми Постановлениями Правительства но также и разными другими обстоятельствами порождающимися совершенно от Правительства Независимо. Из числа сих обстоятельств может Правительство малое число отвратить мерами Защитительными, все же остальные отвращаются в полной мере Установлением общественных Земель, которыя обезпечивая каждого в Необходимом для его

жития, освобождают его от Зависимости и необходимости заниматься тем чем бы он заниматься не хотел, а тем самым водворяют Свободу Промышленности на истинных и точных ея Началах.

6.) Каждой Россиянин будет посредством сего Постановления обладателем Земли, он будет или обладатель частной имея землю в частной своей собственности или обладатель общественный имея право яко член Волостнаго Общества пользоваться общественною Землею не плотя за оную найма. Вся Россия будет следовательно состоять из одних Обладателей Земли и не будет у нея ни одного Гражданина который бы не был обладателем Земли. Ежели Которой Гражданин заниматься станет изделяяма какими нибудь или пойдет в Услужение или на какую нибудь работу наймется, то делать сие будет только потому что в том более удовольствия или выгоды найти надеется нежели в обработке земли. Право же свое на общественную Землю будет он при всем том сохранять неизменно и Каждый Россиянин тем самым истинным членом Российскаго Государства всегда пребывать. Какую Осанку должно таковое Положение Вещей Российскому Народу приобщить и какое почтение вселить к нему во всех других Державах и Государствах.

7.) Каждая Волость будет составлять в полном смысле Политическое Семейство в котором каждый Гражданин найдет не только Безопасность но и верное Пристанище, не только Охранение своей собственности но и дарование Необходимаго для Жития. Таким образом состоять будет Политическое Устройство не только в согласии с Духовными и Естественными Законами но даже будет их подкреплять и на твердых Началах утверждать. От такового порядка родится сильная связь между членами одной и той же Волости. Посредством Политическаго своего Семейства будет каждый Гражданин сильнее к целому составу Государства привержен и так сказать Прикован. Каждый будет видеть что он в Государстве находится для своего Блага, что Государство о Благоденствии каждого помышляет, каждый будет чувствовать что он подати платит и Повинности несет для цели ему близкой и для собственного своего Блага. На таком образе Мыслей будет основана Любовь к Отечеству сей источник всех Государственных Добродетелей, Сия Сильнейшая Подпора Существования и Благоденствия Царств.

8.) Посредством общественных Земель возродится сильная связь между членами одной и той же волости. Получая необходимое для своего пропитания от одного и того же источника (общественных Земель) и полагая свои Надежды в случае нещастия и обеднелости на тот же самый предмет (общественныя Земли) соделаются они близки друг к Другу и в полной мере одно Политическое Семейство составлять будут, связь же Сия между членами Волости будет то благоденствия

тельное иметь последствие что во всех сношениях с Правительством никогда не будет частный человек от ближних покинут, всякому зло-властию предоставлен, оставаться один без всякой помощи в противоборстве с Властью. Вся Волость за каждого вступаться будет и дела уже тогда решаться будут Вышними Властями по зрелому рассмотрению всех обстоятельств. Для Правительства же та будет неоцененная выгода что оно не будет затрудняться с каждым частным человеком ведаться особо. Оно будет знать только Волость и Волостное Правление, от сего последнего требовать честное исполнение всех Правительственных Действий и распоряжений и с него взыскивать за всякия Упущения. В личной же разбор входит только тогда когда Волостное Правление содействия просить будет. Сим порядком облегчится и ускорится Действие Правительства и установится правильное и законное Противоборство частному Деспотизму которое повидимому хотя на мелочи только обращается но однакоже чрезвычайно тягостно для Граждан.

Имея в виду все сии благодетельныя последствия с установлением Волостных обществ и общественных Земель сопряженныя обяываются Верховное Правление непременно сие Постановление ввести и перед затруднениями с сим введением нераздельными ни мало не останавливаться. Опасаться сих затруднении значило бы выказывать Непонятливость или что еще хуже злобность нрава противящуюся Установлению Истинной в Государстве Свободы. Что же касается Дворянских Крестьян то об оных сказано в предидущей Главе что Дворянския Грамотныя Соборания представят свои проекты и Верховное Правление оныя в соображение примет при переводе сих Крестьян из нынешняго их положения в общее Состояние Российскаго Гражданства.

13.

Когда Государства так еще были малы что все Граждане на одном месте или небольшом поле собираться могли для общих совещаниях о важнейших Государственных Делах тогда каждый Гражданин имел Голос на вече и участвовал во всех Совещаниях Народных. Демократия существовала тогда. Сей порядок должен был измениться с увеличением Государств когда уже нельзя было всем Гражданам собираться на одном месте. Демократия тогда была уничтожена. Многоразличныя Государственныя превращения совокупились с сею причиною и произвели наконец то что одни только Богатые или Военные начали съезжаться для участия в Государственных Делах: тогда возникла Аристократия а потом и вся феодальная Система со всеми ея ужасами и злодеяниями. Много других Причин содействовали к введению

и укреплению Феодального Порядка Вещей но главная онаго опора всегда состояла в невозможности всему Народу собираться на одном месте и совокупным Действием в Государственных Делах участвовать. Таким образом Аристократия и вся вообще Феодальная Система много веков свирепствовали над несчастною Европою заставляя Народы переходить все степени Злополучия и Угнетения. Время, которое всегда наконец Памятники Неправды и Злочестия пожирает, привело равным образом в упадок и сей Порядок или лутче сказать сей Беспорядок Вещей. Великая мысль о Представительном Правлении возвратила Гражданам право на Участие в важных Государственных Делах. Пользоваться же стал Народ сим правом не так как прежде оным пользовался Непосредственным Образом, поелику не могли все Граждане на одно место быть собраны но Посредством своих представителей коих из своей среды назначал на определенное Время. Из сего явствует что Представительное Правление решило Великую Задачу Государственного Правления и согласило Невозможность собираться всем Гражданам на одно место с неоспоримым правом каждого участвовать в Государственных Делах. Не удивительно по сему что все Народы с таким пламенным желанием стремятся к Установлению Представительнаго Порядка и к избавлению себя от нестерпимаго ига Аристократов и Богатых. Действие Народов в сем случае есть Действие Оборонительное ибо они не налагают ига на Аристократов и Богатых но только себя от их ига избавить хотят. Таким образом решено что Представительной Порядок непременно существовать должен и что Народные представители образуя особое Правительствующее Место в Состав Верховной Власти входит должны.

14.

Сей вопрос будучи решен возник новый вопрос. Каким образом должны Народные Представители быть выбираемы и назначаемы. Народ не мог собираться весь на одно место для Непосредственного Участия в Государственных Делах а следовательно точно также не может он собираться весь на одно место и для выбора своих Представителей; надобно разделить его на частныя Общества или на Соборания Избирательныя, дабы каждое избирательное Соборание одного, двух или более Представителей Народных назначало, смотря на количество своих сочленов. Ежели разделить большое Государство какова например Россия на столько Избирательных Собораний сколько бы нужно было дабы все Граждане без изъятия в избрании Представителей участвовали то надобно разделить Государство на такое Количество избирательных Собораний что когда каждое из сих Собораний своего или своих Представителей назначит то число всех Народных

Представителей от всех избирательных Собраний назначенных так будет велико что не будет возможности им всем собираться в одном месте а тем еще менее заниматься Совещением о Государственных Делах, из чего и выведено весьма справедливое Заключение что все Граждане без изъятия не могут участвовать в избрании и Назначении Народных Представителей. Оказывается Следовательно здесь то же самое Затруднение в отношении к Непосредственному Назначению Представителей Всеми Гражданами каковое в предидущем параграфе описано в отношении к Непосредственному Участию всех Граждан в самих Совещениях о Делах Государственных. Весьма бы естественно было одинаковая затруднения одинаковыми Средствами отвращать и как одно отвращено посредством представительного Порядка, так точно и другое посредством того же представительного Порядка отвратить; Но не так то было. Порабощающая сила Аристократов и Богатых вмешалась в сие дело и превратное представило Толкование в следствие коего во многих представительных Государствах предоставлено участие в избрании Представителей одним только Богатейшим Людям за исключением большинства Граждан. Таким образом заменяет в тех Государствах Аристократия Богатств Аристократию Феодализма и Народы не только ничего не выиграли но даже напротив того в некотором отношении еще в худшее приведены Политическое Положение ибо в насильственную поставлены Зависимость от Богатых. Все не могут быть Богатыми, малейшая Часть Граждан Изобилием пользоваться может а с тем вместе при таковом Устройстве представительства породится в Государстве отдельное от Массы Народной Сословие Богатых о котором в сей же Главе доказано что оно есть самое пагубное и зловерное. Богатые всегда будут существовать и это очень хорошо; но не надобно присоединять к Богатству еще другия политическия Права и Преимущества за исключением Бедных. А посему и возлагается неременная обязанность на Верховное Правление описанное в сем параграфе Затруднение разрешить посредством Представительного Порядка и в полной мере всякую даже тень Аристократического порядка, хоть феодального, хоть на Богатстве основанного совершенно устранить и на всегда удалить дабы Граждане ничем не были стесняемы в своих выборах и не были принуждаемы взирать ни на Сословие ни на Имущество а единственно на одни Способности и Достоинства и руководствоваться одним только Доверием своим к избираемым ими Гражданам.

15.

В следствие сего должны Народныя Собрания на два рода быть разделены, из коих одним именоваться Земскими а другим Наместными. Земским Народным Собораниям быть по одному в Каждой Во-

лости, состоять из всех Граждан к той волости по Гражданскому списку приписанных и заниматься единственно выбором Граждан в члены Наместных Народных Собраний, руководствуясь одним их Доверием к избираемым лицам. Наместным же Народным Собораниям заниматься всеми делами Народному соучастию предоставленными и состоять из трех Степеней таким образом чтобы каждая Волость имела свое Наместное Волостное Соборанье, Каждый Уезд имел бы свое Наместное Уездное Соборание а Каждый Округ или Губерния свое наместное Окружное или Губернское Соборание. Члены каждого Наместного Волостного Соборания должны назначаться от Земскаго Соборания своей Волости. Члены каждого Наместного Уездного Соборания должны назначаться от всех Земских Собраний учрежденных в волостях того уезда. Точно также члены каждого Наместного Окружного или Губернскаго Соборания должны назначаться от всех Земских Собраний учрежденных в волостях того округа или Губернии. Таким образом будет каждое Земское Соборание назначать всех членов в свое Наместное Волостное Соборание и по несколько членов в свое Наместное Уездное и в свое Наместное Окружное или Губернское Соборание. Само собою разумеется что каждое Земское Соборание будет менее членов назначать в свое Окружное или Губернское Наместное Соборание нежели в свое Наместное Уездное Соборание. Особенный Закон определит пропорцию числа членов от каждой Волости в Уездное и в Окружное Наместныя Соборания имеющие быть назначенными. Волостныя же Наместныя соборания состоять от Ста до двух Сот Членов. Из сего явствует что Все Наместныя Соборания как Волостныя так и Уездныя и Окружныя или Губернская будут состоять из Членов назначенных в оныя от Земских Собраний прямо и Непосредственно; тем самим и будут все члены всех Наместных Собраний по всей точности и в полной мере самим Народом избираемы.

16.

Каждое Земское Народное Соборание имеет ежегодное Заседание могущее продолжаться только шесть дней: От одного Воскресения исключительно До другаго Воскресения исключительно. Сие время должно быть Законом определено и все Земския Соборания Действия свои начать в одно число в целом Государстве. Председательствует в сих Собораниях Волостной Предводитель, (о коем в седьмой Главе говорено будет) имеющей в оных свой Голос яко член Волостного Общества. Каждое Земское соборанье начинает Избранием определеннаго числа сочленов от себя в свое Окружное Наместное Соборание, потом избирает определенное число сочленов от себя в свое Уездное Наместное Соборание и наконец избирает всех членов в свое Волост-

ное Наместное Собрание. После сего расходится оно немедленно и никаких других Действий предпринимать не может. Члены всех Наместных Собраний назначаются по сему ежегодно; могут однакоже те же самые Граждане столько раз быть избираемы вновь, сколько то будет угодно Земским Собраниям.

Каждое Наместное Собрание имеет ежегодное Заседание могущее продолжаться столько времени, сколько того Дела потребуют. Все Наместныя Собрания Действия свои начинают в одно время в целом Государстве. Число сие должно законом быть определено. Председательствуют в сих Собраниях без совещательнаго Голоса: в Волостных Наместных Собраниях: Волостные Предводители а в Уездных и Окружных: Уездные и Окружные Посадники (о коих в 7 Главе говорено будет). Каждое Волостное и Каждое Уездное Наместное Собрание разделяют свои Занятия на три разряда: 1.) По составлении своем начинают они выслушанием отчета от Волостнаго и Уезднаго Правления; в каковое время и все жалобы на те местныя Правления принимают и рассматривают. На сей Отчет делают они свое определение в коем одобряют или осуждают Действия тех местных Начальств. 2.) Кончив занятия перваго разряда приступают они к замещению вакантных мест в Волостных и Уездных Правлениях, выбором новых Чиновников и Присяжных или утверждением прежних. 3.) Наконец занимаются соображением общих Дел до Волости или Уезда касающихся, разрешают различныя предприятия для общественной пользы, раздают в волостях общественныя земли, рассматривают просьбы Инностранцев о вступлении в Российское Гражданство и много[e] другое тому Подобное. Кончив все сии занятия расходятся. Окружныя Наместныя Собрания разделяют свои Занятия на Четыре разряда: Назначают Народных Представителей в Народное Вече образующее Верховную Законодательную Власть, остальные три разряда суть те же самые как и в волостных и Уездных Наместных Собраниях. Члены Волостных Наместных Собраний никаких денег за их труды не получают потому что они Действия свои производят в том же месте где и живут. Члены Уездных и Окружных Наместных Собраний получают прогонныя Деньги на проезд и кроме того определенное число Столовых Денег по числу Дней сколько Наместныя Собрания Занятия свои продолжают. После же двух месяцев столовыя Деньги прекращаются для поощрения к скорейшему окончанию Дел и Занятий.

17.

Таким образом будет весь Народ размещен по Земским Собраниям для всеобщаго участия в составлении Наместных Собраний. А Наместныя Собрания будут сим способом весь Народ и всех онаго Граж-

дан в полной мере без изъятия представлять. Никто не будет зловластно от участия в Государственных Делах исключен а поелику участие сие устроено будет порядком представительном и Посредственным то и будут в полной мере соглашены Невозможность для Граждан собираться всем на одно место с обязанностью даровать всем Гражданам одинаковыя права на сие Соучастие. — Строгое будет соблюдено безпристрастие против всех и каждого. Богатые не лишатся своих прав, бедныя приобретят оныя. Гибельный обычай даровать некоторым Людям привилегии за исключением Массы Народной будет совершенно уничтожен. Выборы не будучи направляемы никакими насильственными средствами будут падать на самых достойнейших и просвещеннейших Мужей. Дворяне и Богатые будут вероятно чаще других Граждан избираемы естли будут просвещеннее протчих; но таковой выбор основанной на общем Доверии не есть Политическое Право для Лица а есть общая Выгода для всего Государства тем более что достигаема будет правильным образом без всяких Насильственных или принудительных Постановлений.

Что же касается до опасения чтобы так называемая Чернь не волновала Государства когда в выборах участвовать она будет то опасение сие совершенно лишнее и напрасное. Чернь производить безпорядки только тогда, когда ее угнетают или когда Богатые для своих видов ее подкупают и волнуют; сама же пребывает она всегда в Спокойствии. Все Летописи свидетельствуют о том что Волнения в Государствах никогда не были чернью производимы но всегда богачами и Аристократами. В изложенном же здесь порядке не будут даже и Богачи повода иметь чернь волновать ибо в Избрании членов в Уездныя и Окружныя Наместныя Собрания много волостей участвуют вдруг и нельзя всех Граждан во всех Волостях разом прельстить или Подкупить; Да сверх того ничто не будет решаться в Земских Собраниях а все в Наместных. На Наместныя же Собрания влияния иметь нельзя будет потому что так как нельзя было иметь влияния на избрание членов в сии Наместныя Собрания то и можно с полною уверенностью ожидать что Народ не будучи никакими побочными Соображениями и страстями волнуем избрет в Члены Наместных Собраний истинно Достойных Людей. А от того тем еще более можно ожидать что нельзя будет Наместныя Собрания волновать и что все их Действия к общей пользе клониться будут и только оную в виду иметь. А из сего и явствует что разделение Народных Собраний на Земския и Наместныя все несправедливости и затруднения отвращает сколько то в Силе Законодательной власти состоять может соединяя притом подобным же образом все Выгоды и Удобства.

О НАРОДЕ В ГРАЖДАНСКОМ ОТНОШЕНИИ.

[ГЛАВА VI]

1.

В предидущей Главе рассуждаемо было о народе в отношении к Политическому его составу, Существованию и участию в Государственных Делах. В сей же Главе рассмотрим Правила о разнообразных Соотношениях в коих Граждане находиться могут, а потом правила об образе их Действия в разных обстоятельствах.

Соотношения в коих Граждане находиться могут бывают различных родов: 1.) Взаимныя соотношения Родителей Детей и Родственников между собою, порождающая правила *Родства*. 2.) Соотношения жены с мужем и мужа с женою порождающая правила *Брака*. 3.) Взаимныя Соотношения Сирот с Опекунами и Попечителями порождающая правила *Опеки*. 4.) Соотношения Людей с различными вещами их собственность составляющими порождающая правила *Обладания*. 5.) Соотношения Граждан с вещами им достаемыми по смерти родителей, или родственников порождающая правила *Наследства* и 6.) Соотношения Граждан с другими Гражданами в отношении вещей или Действий, порождающая правила *Договоров*. Первые три рода Соотношения касаются преимущественно Лиц. — Последние три касаются преимущественно Вещей.

Правила для Действия Граждан в разных обстоятельствах могут на следующие шесть родов быть разделены: 1.) Правила определяющие личную свободу и уверенность в Законности Суда. 2.) Правила определяющие участие в личных и денежных Повинностях. 3.) Правила определяющие участие принимаемое Гражданами в Государственной службе. 4.) Правила утверждающие свободное Книгопечатание и определяющие Нравственные Действия. 5.) Правила утверждающие свободное Вероисповедание и касающиеся Духовных Действий и наконец. 6.) Правила утверждающие свободной ход промышленности и касающиеся хозяйственных и Богоугодных Действий.

Первые три рода касаются преимущественно порядка общественного а последние три касаются преимущественно порядка частного.

2.

Родство разделяется на Духовное и Кровное. Первое определяется Законами Духовными и потому суждение об оном сюда не принадлежит. Во втором надлежит различать Степени и Линии. Степени образуют различные поколения. Отец и Мать на пример составляют одну Степень, Дети их составляют другую Степень. Линиями же называются те связи кои соединяют Различные Степени; почему и бы-

вают оне Нисходящая и Восходящая называясь прямыми Линиями, сверх того признаются еще Линии побочныя порождающиеся посредством бракосочетаний. Сии побочныя Линии связывают одно Семейство с другим то есть одну Систему или Совокупность Восходящих и Нисходящих Линий с другою таковою же Системою или Совокупностью. Таким образом может связь родства чрез побочныя Линии распространяться на весьма большое число Людей но связи сии не будучи сопряженные ни с какими особенными правами, обязанностями или ограничениями ни к чему иному не ведут как к укреплению и утверждению Дружеских между Гражданами отношений и тем самым к усилению между ими Политической Связи. А посему и должны быть всячески поощряемы.

Кровное Родство определяется для двойной цели: во первых для положения Правил о Наследстве а во вторых для определения возможностей к Бракосочетаниям. Принимая в соображение Линии родства Нисходящая, Восходящая, прямая и побочныя распространяются должно право Наследования на все сии Линии таким образом чтобы только тогда имение было Выморочным признаваемо когда ни чрез какия Линии никому уже более достаться не может. В отношении же к Бракосочетанию разделяется родство на степени оному препятствующая и на степени оному не препятствующая. Для определения первых надлежит принять в соображение Церковныя Постановления; но поелику оныя на сей предмет весьма различны в различных исповеданиях то и постановляется общим правилом: 1.) что Брак воспрещается тем Лицам кои состоят на одной Степени Родства и коих притом Линии родства сходятся в одну точку в первой восходящей Степени. 2.) что Брак воспрещается тем Лицам кои состоят в разных степенях Родства и коих при том Линии родства сходятся во второй Восходящей степени считая от Лица в нижней Степени Состоящего и 3.) что Всем прочим Родственникам брак дозволяется естли только не препятствуют тому церковныя Постановления.

3.

В отношении к власти Родительской и сопряженным с оною соотношениям постановляются следующие коренныя Правила: 1.) Дети обязаны глубочайшим и низжайшим Высокопочитанием противу своих родителей в продолжении всей своей жизни во всех возможных случаях. 2.) Родители имеют над Детьми полную Личную Власть до совершеннолетия Детей, то есть до 20-го года их возраста. 3.) С поступлением Детей в права Гражданства прекращается Личная Родительская Власть. 4.) Имущества достаемыя Детям от своих родителей остаются в полной власти Родителей пока они живы. 5.) Имущества

достающиеся Детям не от родителей подлежат во время их несовершеннолетия правилам Опек. 6.) Родители обязаны выучить Детей своих какому нибудь ремеслу могущему им средства доставить к пропитанию. 7.) Дети обязаны Родителей своих в Старости покоить и пропитывать обращаясь когда нужно к общественным вспоможениям. 8.) Дети незаконнорожденные ставятся на равне с Подкидышами и Детьми коих родители неизвестны. 9.) Дети и незаконнорожденные тем самым узакониваются что отец их женится на матери их. 10.) Правила для усыновления Детей подкидных и посторонних должны соображены быть с безпристрастным участием их в наследстве.

4.

Брак есть Сочетание двух Лиц разных полов с целью народонаселения умножить и Детей породить и потому коль скоро цель сия не может по телесным причинам или Недостаткам выполнена быть то брак может быть расторгнут и Развод последовать. Но поелику доказательство о таковых телесных причинах и Недостатках с большими сопряжено затруднениями а иногда и противунравственностями то и обязывается Верховное Правление правила на сей конец постановить по Глубокомысленному совещанию с Врачебным Искусством.

Каждый Гражданин имеет право в брак вступать коль скоро достигнет 21 год от рождения но не прежде. Женщины же могут в замужество вступать по достижении ими 15-го года от рождения: Мушны по вступлении в права Гражданства, Женщины по совершении присяги Отечеству о коей выше было говорено. — Закон Гражданской запрещает женщинам в брак вступать без предварительнаго Согласия Родителей или Опекуну до 21 года их возраста по достижении же сего возраста оно разрешает для женщин как и для Мушны. Наставление же Нравственное приглашает всех и каждого никогда противу воли родителей браком не сочетаться а вместе с тем и приглашает родителей не противиться сердечному влечению их Детей.

К Законности Брака требуется: 1.) Законные Годы сочетающихся, к чему присовокупляется и законное разрешение родителей. 2.) Отсутствие Родственных связей в степенях выше объясненных. 3.) Нахождение сочетающихся в холостом и незамужном Состоянии. 4.) Решительное желание и Свободное Согласие Сочетающихся. 5.) Предварительное обручение с объявлением о том ко всеобщему сведению и 6.) Церковное обвенчание с уведомлением Волостнаго правления о совершении онаго. После обручения могут еще сочетающиеся разойтись но после венчания считается Брак совершенным. Подробности сего положения предоставляются Постановлению Верховнаго Правления.

Брак с сими требованиями не согласный есть Брак незаконный подлежащий разторжению и подвергающий как сочетавшихся и Свидетелей так равно и Священника уголовным Законам. При обвенчании должны присутствовать нисколько Свидетелей. По смерти одного Супруга может другой опять в Брак вступать и сие повторять сколько раз пожелает естли только не препятствуют тому церковные законы его исповедания.

5.

Случай к Расторжению Брака или Разводу подают: 1.) Телесные Недостатки. Для сего нужны ясныя неоспоримыя Доказательства. 2.) Незаконность Брака. В сем случае расторжение Брака происходит по приговору Суда без внимания на Несогласие Супругов. 3.) Прелюбодеяние одного из Супругов. Для сего нужна просьба обиженнаго Супруга и ясныя Доказательства. 4.) Лишение свободы одного из Супругов за Преступление сопряженное с Политическою Смертью. Для сего нужно Согласие другаго Супруга. 5.) Несходство Нравов доказывающих что Брак ВсеВышним не благословлен. Для сего нужно Согласие обеих Супругов. Для расторжения Брака по сей причине, должны оба Супруга после подания просьбы о разводе целый год вместе жить и потом ежели всетаки еще продолжают оба развод желать то вторичную просьбу подать после чего к расторжению Брака приступают, и 6.) Безнравственность одного из Супругов для чего нужна просьба страждущаго Супруга с ясными Доводами. Здесь также год испытания определяется.

Во всех случаях при расторжении Брака встречаются два обстоятельства: 1.) Ежели Супруги Детей не имеют, то после расторжения Брака, расходятся они и каждый берет свое имущество с собою. Тем и Дело кончено. 2.) Ежели же Супруги напротив того Детей прижили или усыновили и оные живы то при расторжении Брака должна Половина Движимаго и Недвижимаго Имущества каждого из Супругов быть изключена из его обладания и под Попечительство поставлена быть в Пользу Детей. После развода может каждый Супруг опять в Брак вступить ежели только не противятся тому Духовные Законы коих равным образом надлежит соблюдать и при постановлении правил для расторжения Браков.

6.

В опеке надобно различать Опеку и Попечительство. Опекa есть Надзор за Лицом, Попечительство есть Управление Имуществом. Никогда не должны Опекa и Попечительство в одне и теже руки поступать. Опекун не должен быть Попечителем а Попечитель не дол-

жен быть опекуном того же Лица. Каждый Гражданин имеет право сам назначить Опекунов и Попечителей для своих Детей на случай своей смерти; должен только о том Волостное Правление уведомить. Если же Гражданин умрет не назначив Опекунов и Попечителей своим Детям тогда назначаются они Волостным Правлением выбирающим опекунов из ближайших родственников а попечителей из числа Мужей на сей конец Наместным Волостным Собранием назначенных.

Правила Опеки и Попечительства одинаковы хоть они назначаются над малолетними, хоть над Умалишенными, хоть по каким либо другим случаям.

Опекун имеет над состоящими под его опекою Личную родительскую Власть и дает ежегодный отчет как в употреблении сей власти так и в расходовании Суммы на воспитание от Попечителей выдаваемой особенной Комиссии, Наместным Волостным Собранием из своей среды нарочито назначенной для рассмотрения Отчетов всех Опеки и Попечительств в той волости состоящих. Точно также дают и Попечители отчет в управлении Имуществом состоящих под их Попечительством. Закон должен определить Опекунам и Попечителям вознаграждение за их труды из доходов сиротских имуществ. Опекунская Комиссия должна иметь право отрешать и предавать суду Опекунов и Попечителей оказавшихся употребляющими во зло Доверенность им сделанную и на место их назначать Других.

7.

Право Собственности или обладания есть право священное и Неприкосновенное, долженствующее на самых твердых, положительных и Неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый Гражданин в полной мере уверен был в том что никакое Самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества. В сем Духе определяются следующие два правила: 1.) Если кто собственности своей лишен быть должен для блага общаго то надлежит к тому приступить не иначе как когда полномерное существует убеждение в том что Благо и Общее неминуемо того требует и не может иначе быть достигнуто, но и в сем случае должно всегда последовать наперед предварительное полное возмездие. 2.) Конфискация Имущества в пользу Казны никогда существовать не должна. Имущество частного человека может быть отнято у него для заплаты его долгов, и для взноса законных Пеней но однакоже не полным количеством а единственно необходимым количеством для Выручения нужной на сказанные предметы суммы. При наложении же судом Политической Смерти на Гражданина, его имение никогда не должно

быть конфисковано но должно быть отдано его Наследникам взирая на него как на умершаго.

При сем надлежит в отношении к Праву Собственности или обладания следующие правила постановить: 1.) Давность Владения утверждает право Собственности дабы сим способом можно было поставить Конец Дела долгое время Сомнению подлежащим, но поелику Давность Владения бывает иногда многими обстоятельствами сопровождаема то и должны Законы с большою осторожностью и подробностью все оттенки сего Права определить стремясь к полномерному соглашению Необходимости Дела Конец поставить с должным безпристрастием к участвующим в том Деле сторонам. — 2.) Право Повинности возникающее из естественнаго положения Имени не подлежит никакому разногласию и потому во всей силе утверждено быть должно. Право же Повинности постановляемое частными Людьюми по Добровольному между ими согласию хотя и бывает весьма разнообразно, но однакоже никогда не должно быть противно ни общественному Порядку ни существующим Законам и Постановлениям. — 3.) Обладание служит основанием праву Собственности а посему и должно оно служить равным образом основанием и праву Повинности: В следствие сего должны права на частныя Повинности даруемы быть Гражданами другим Гражданам только на время жизни или обладания первых или по крайний мере на известное определенное время; но никогда не быть постановляемы на всегдашнее время и притом связаны быть с имением кто бы ни владел оным. Сие бы значило нарушать для будущих Обладателей неприкосновенность и полноту права Собственности. — 4.) Заложение или право Закладное обезпечивает Займодавца посредством Залога в отчужденной им на время собственности своей. Кто иначе в займы отдавать не будет как на основании сего права тот никогда не может отчужденной на время собственности своей Лишиться, Но поелику Действия сии к частным и многообразным спорам и тяжбам случай подают то и должны Законы с большою Положительностью все подробности сего права определить дабы полное было сохранено безпристрастие к обеим сторонам и оне бы обе в полной мере были обезпечены. — 5.) Неоплатные Должники должны быть разделены на невольные, неосторожные и Злостные. Имение должника во всяком случае должно поступать с полна на Уплату его Долгов. Лицо же его не должно за его Долг отвечать и свободы не должен он быть лишен до тех пор пока долга своего не заплатит. Здесь место имеет следующее соображение: ежели Должник есть Невольный Неоплатный Должник то вовсе не должен свободы быть лишен. Ежели же он признан будет Неосторожным или Злостным Должником то по мере Вины должен быть подвергнут

Уголовному Наказанию. Ежели Должник после объявления о неплатности своей приобретет какое нибудь Имущество то должен прежние долги непременно с полна выплатить.

8.

Право Наследования следует ныне кому либо или по Закону или по завещанию; но поелику право собственности основано быть должно на полном обладании, мертвый же ничем не обладает то и не свойственно ему продолжать иметь влияние на Имущество живых и распорядиться имуществом коим он уже более не обладает. Посему и постановляется правилом что Законы никакого не должны Завещания допускать, но должны сами право Наследования во всем онаго пространстве в полной мере определить и установить чему ныне есть от части пример в отношении к родовым имениям. Сверх того не должны Законы никакого совершенно различия делать между родовым и благоприобретенным имением ибо право собственности основано быть должно на истинной неприкосновенности сего права а отнюдь не на побочном уважении об образе коим вещь в собственность поступила лишь бы сей образ был Законный.

Главнейшия правила с коими обязывается Верховное Правление сообразоваться при издании новых Законов о праве наследования суть следующие: 1.) Имение родовое, благоприобретенное Движимое и Недвижимое составляют равным образом собственность Владельца а следовательно и в Наследство поступают на одинаковом основании, при чем право представления должно непременно всегда строго быть соблюдаемо. 2.) Если Умерший находился в Супружестве то Наследство разделяется на две равныя части: одна называется Супружескою, другая родовою. Если же Умерший состоял в Разводе или вовсе не находился в Супружестве то Наследство состоит из одной родовой части. 3.) Муж и жена составляют одно; посему и наследует один Супруг половину Движимаго и половину Недвижимаго Имущества другаго Супруга после Смерти его то есть наследует Супружескую часть. Другая же половина то есть Родовая поступает в раздел между прочими Наследниками. 4.) Супружеская часть Наследства доставшаяся после смерти одного Супруга другому супругу поступает после смерти сего последнего Супруга есть ли не было у них Детей или они умерли не оставив Наследников в Семейство того супруга коему имение принадлежало. Во время же жизни своей сохраняет сей оставшийся Супруг совершенное право Полнаго обладания над супружескою частью Наследства. 5.) При разводе мужа и жены ни один из них не наследует другому но дети ими прижитые наследуют тому и другому на основании общих правил. 6.) После смерти одного из родителей наследуют дети их всю родовую Часть Наследства и разделяют

оную между собою по равным частям так что Сын и Дочь равныя части получают. 7.) Родовая часть каждого Наследства поступает в Нисходящая Линии. Когда же Нисходящей Линии не существует тогда передается оно по восходящей с уважением права Представления. 8.) После Смерти Сына или Дочери не имеющих Нисходящих Наследников разделяется родовая часть между их отцом и матерью по равным частям с уважением права Представления. 9.) Имение должно от одной Линии родства переходить в другую ближайшую не иначе как посредством тех Лиц, которыхы Сии две Линии связывают не упуская права представления; при чем равноотстоящая Линии получают равныя части и 10.) Выморочное Имение должно быть продано с публичнаго торгу и вырученныя Деньги должны поступить в Банк или Казну той Волости в которой сие Имение находится.

9.

Договор есть согласие двух или более Лиц на одно что нибудь изъявленное ими и взаимно принятое. Договоры бывают Возмездные, Не-возмездные и Обеспечительные. Возмездные Договоры суть: 1.) Мена, 2.) Купля-Продажа, 3.) Наем. 4.) Товарищество. 5.) Ростовый Заем. 6.) Сделка и 7.) Примирение.

Невозмездные Договоры суть: 1.) Дарение, 2.) Ссуда. 3.) Заем простой и 4.) Договор Сохранный.

Обеспечительные Договоры суть: 1.) Уполномочие. 2.) Залог. 3.) Заказ и 4.) Поручительство. В отношении ко всем сим родам договоров и различным оных оттенкам обязывается Верховное Правление ясныя и точныя Правила постановить имея всегда в виду что мало Статей столь сильное и ежевременное имеют влияние на благосостояние Граждан как Установление Правил для Договоров ибо на оных основаны почти все частныя Действия и предприятия. Тут два Главныя Правила должны непременно быть строго соблюдаемы. Первое состоит в елико возможно сильнейшем утверждени святости всяких Договоров в отношении к исполнению оных. Второе состоит в даровании полной свободы к заключению всяких Договоров лишь бы они не были противны общественному благу и Порядку и не наносили бы вреда другим Гражданами.

Сверх сего постановляются еще следующие Правила: 1.) Рост должен быть разделен на Казенный и Частный. Казенный относится до действия общественных Заведений и до Сношении с Правительством; и потому должен Законами быть определен. Частный же относится до Сношений между Гражданами и во уважение свободы промышленности и полноты права обладания не должен Законом быть определен но воле частных Людей в их Договорах быть предоставлен тем более что Ростовые Законы никогда не исполняются. Ка-

зенный же Рост будет частному служить примером. 2.) Все Договоры должны быть засвидетельствуемы в Присутственных Местах. Сие необходимо для Установления Святости Договоров и удаления случаев к запутанным тяжбам. Но с тем вместе должно засвидетельствование Договоров как можно более быть облегчено и ускорено и ни с какими издержками в пользу Казны или Чиновников не быть сопряжено, цена же Гербовой Бумаги не должна превышать той цены за которую она выделяется и самой Казне обходится. То же самое и в отношении всяких Пашпортов и Свидетельств, коих выдача должна быть предоставлена Волостным Правлениям. Товарищества могут быть допускаемы для всяких частных Действий с двумя неперенными ограничениями. Во первых чтобы они не производили никаких монополий ни косвенным ни прямым образом и во вторых чтобы они не давали Товариществу вида Правительственного Места и никаких бы не налагали обязанностей или Повинностей на других посторонних граждан в том товариществе не участвующих и 4.) Заказные Договоры часто бывают случаем между Гражданами к большим неудовольствиям, к разнообразным притеснениям и к превратному исполнению Требований а посему и необходимость производят в защитительных и предупредительных постановлениях. Лучшее к тому средство будет состоять в назначении в каждой Волости некоторого числа Совестных Присяжных избираемых Наместным Волостным Собранием. Совестные сии Присяжные должны решать согласие Слов Договора с исполнением Договора. Сим будут они от части исполнять должность нынешних Цехов но с большим безпристрастием. Все Подробности сих Соображений и все меры применения оных к окончательному Действию предоставляются Усмотрению Верьховнаго Правления.

10.

Личная Свобода есть первое и важнейшее право Каждого Гражданина и священнейшая обязанность каждого Правительства. На ней основано все сооружение Государственного Здания и Без нея нет ни спокойствия, ни Благоденствия. В Следствие сего постановляются следующая неизменная правила: 1.) Никто из Граждан не должен свободы быть Лишен и под стражу посажен иначе как Законным образом и Законным Порядком. Всякое Действие сему противное наводит строжайшую ответственность на нарушителей. 2.) Одно только Полицейское Ведомство имеет право Граждан брать под стражу; Все же прочия ведомства равно как и частные Граждане должны обращаться к Полиции с требованиями своими и с объявлением причин. Если же крайность случая их заставит не ожидать прибытия Полиции то должны немедленно взятого под стражу Полиции представлять и ей вручать под опасением жесточайшей ответственности. 3.) Воен-

ная Сила может Полиции содействовать когда будет то от Полиции требовано но ежели сама кого под стражу возмет в отсутствии Полиции то немедленно того к ней представить обязана; что же касается до Военнослужащих, то само собою разумеется что за воинская Преступления подлежат они военному суду и от военного Начальства зависят. 4.) Полиция имеет право всякого Гражданина взят под стражу хоть он частный Человек хоть гражданской, хоть военной Чиновник с тем только чтобы сие было Законным образом исполнено. 5.) В Дом Гражданина никто войти не может без его согласия; В случае же обязанности взят его под стражу должна Полиция ему предъявить письменное предписание от Волостнаго Правления или Вышняго Местнаго Начальства об отводе его под стражу с объявлением причины. 6.) На Улице и вообще вне частного Дома может каждый Гражданин под стражу быть взят без письменнаго предписания; но о причинах сего с ним поступка должно ему быть письменно во всяком случае объявлено прежде истечения 24-х часов, в противном случае должен он быть немедленно освобожден. 7.) Никто не должен быть содержим под стражею в иных местах как в стражных Домах от Правительства назначенных и всем Гражданам таковыми известных и не иначе быть в оных с ним поступаемо как Законным образом под опасением строжайшей ответственности. 8.) Содержащийся под стражею может всегда на Поруки быть отдан разве вышнее Начальство иначе прикажет; но в сем случае должна быть ему Засвидетельствованная Копия с сего предписания выдана. 9.) Содержащийся под стражею может принимать посещение от кого желает; и происходить может Сие или без полицейскаго Свидетеля или при таковом смотря на предписание Начальства, которое в самых важнейших только случаях в таковых посещениях вовсе отказать может с Письменным объявлением о причинах. 10.) Никто не может быть судим иным порядком как обыкновенным законным Судебным и в том именно месте которое Законом определено и назначено; Посему никогда не должны никакия чрезвычайныя Судебныя Комисии или чрезвычайныя Суды быть учреждаемы ниже в каком бы то ни было случае Законный Судебный Порядок быть для каких бы то ни было причин нарушаем. 11.) Никто не может быть судим иначе и как по точным словам Закона без всякаго Толкования слов Закона и притом по Законам существовавшим прежде преступления в коем он обвиняется, и не иначе быть обвинен как когда его преступление совершенно доказано. 12.) Волостное Правление и Наместныя Собрания имеют право заступаться за членов своих Волостей ежели где нибудь Сии Правила в отношении к ним были нарушены и представлять о том Вышнему Начальству обязанному непременно таковое ходатайство рассмотреть и по содержанию онаго Полное следствие произвести и удовлетвореше сделать. Устрое-

ние всех Подробностей сего распорядка предоставляется Усмотрению Верховнаго Правления обязаннаго оной таким образом учредить чтобы всякое Самоволье решительно было устранено.

11.

Казенныя Повинности разделяются на два рода: 1.) Личныя и Вещественныя. 2.) Денежныя. При начале гражданских обществ, когда были они еще бедны и неустроены, существовали одне Повинности первого рода. С обогащением и Устроением Государств начали Повинности первого рода превращаться в Повинности второго рода так что чем совершеннее Благоденствие Государства тем менее в оном существует Повинностей первого рода. В следствие сего обязывается Верховное Правление все средства изыскивать для превращения Личных и Вещественных Повинностей в Денежные Сборы. Самыя Тягостнейшия Личныя Повинности состоят в Поправлении Дорог и в провожании Колодников и Арестантов а посему и надлежит старательное внимание обратить на их непременно уничтожение. Рекрутство хотя и может быть сочтено за личную повинность но будет о нем говорено в статье о казенной или Государственной Службе.

Вещественныя Повинности имеют три оттенка. Первые чрезвычайно тягостны и потому должно всевозможное быть приложено Старанье к их уничтожению и к устранению их введения, на пример квартирование Войска, продовольствие оных обывателями, снабжение рекрут обмундировкою, содержание Почт, принудительныя поставки от обывателей и тому подобное. Одна только крайность может таковыя Повинности допускать и разрешать. Вторыя бывают иногда весьма полезны как то например составление и обновление запасных хлебных магазейнов, общественные склады для обтовой продажи тех произведений в пользу общественной казны или общественных Заведений и тому подобное. Таковыя повинности могут быть учреждаемы по соображению обстоятельств и местностей. Третьи наконец бывают неизбежны как то ясак кочующих Народов. Сии Повинности могут быть другими заменяемы только тогда когда само Положение и Состояние тех Народов сильным и значительным подвергнется переменам и улутчениям.

12.

Денежныя Повинности разделяются на Косвенныя и прямыя. Главная Выгода Косвенных состоит в том что их платит кто хочет и когда кто хочет. Главная же выгода прямых состоит в том что оне уравнильнее ибо с имуществом каждого соображаются и что оне верны ибо неизбежны. Главныя Правила в отношении к Денежным Повинностям состоят в следующем: 1.) Оне должны быть взимаемы

с имущества Граждан а не с Лиц их почему и надлежит заменить Подушныя другими Налогами. 2.) Оне должны быть взимаемы с Имущества Граждан уравнильным образом так чтобы каждое имущество от своих прибытков бы уделяло Десятую, дватцатую или какую часть определено будет одним словом по равным долям. 3.) Налоги не должны падать на Капиталы но только на чистую Прибыль от сего Капитала получаемую. 4.) Косвенные Налоги должны как можно менее тяготить те предметы которые для жития необходимы, почему и должна непременно цена Соли самым сильным и значительным образом быть уменьшена. 5.) Косвенные Налоги взимаемые обыкновенно с изделий и Торговли должны быть соображаемы более с ходом Промышленности нежели с желанием умножить казенные Доходы. 6.) Прямые Налоги должны быть по Волостям распределяемы по Соображению сравнительнаго богатства Волостей, Уездов, Губернии и Областей. Частное же взимание с Граждан по волостям быть предоставлено распоряжению Волостных Правлений или Наместных Собраний. 7.) Возможность должна быть дана Гражданам платить Подати в удобное для них время и различными Количествами, а не все вдруг, в Косвенных Налогах сие само собою делается; в прямых же будет сие достигнуто тем что Волостное Правление оная собирает и следовательно в случайности и обстоятельности каждого входить может, да и Подати от каждого в разныя времена разными количествами получать. Подробноты сего Распорядка еще яснее сделаются по изложении правил о Податях в отношении к Устройству Государственной Финансовой Системы о коей в Девятой Главе говорено будет.

13.

Правила относящияся до Государственной Службе различают три предмета: 1.) Чинопачальство. 2.) Повиновенье Законом и 3.) Рекрутство.

В отношении к Чинопачальству постановляются следующие Коренныя правила: 1.) Каждый Гражданин имеет право на занятие всех мест и Должностей по Государственной Службе. Одни дарованья, Способности, познания и Услуги служат поводом и причиною к прохождению Службы. 2.) Законы определяют по каждой отрасли Государственнаго правления каким образом Чиновники службу свою продолжать обязаны. и что от них требуется как при вступлении в службу так и во время прохождения оной. Сему Порядку подлежат все Граждане одинаковым образом. 3.) Законы определяют награждения за Услуги Чиновников и взыскания за их Упущения по Службе. Все служащие Граждане имеют равныя права на Все Награждения по мере их Услуг и подлежат равным взысканиям по мере их Упущений или Преступлений, и 4.) Законы определяют Круг Действия каждого

Чиноподчинения или правительственного места а Граждане обязаны все без всякаго изъятия каждому Чиноподчинению в кругу его Действия одинаковым образом в полной мере повиноваться и оно с должным почтением уважать.

14.

В отношении к Повиновению Законам постановляются следующие Коренные Правила: 1.) Повиновение Законам есть вещь священная и никто в целом Государстве не может от сей неперемной обязанности быть уволен. Законы сделаны для всех и все им подвластными состоят. Никто Свыше Законов себя считать не может и противоборство Законам кем бы ни соделанное есть всегда Преступление должствующее Сильное навлекать Наказание. 2.) Законы суть Определения от Верховной Власти ко всеобщему сведению и исполнению таковыми обнародованныя и потому одни только определения Верховной Власти Законами ею названными, признаваемы таковыми быть могут, в следствии чего обязаны Граждане не только не повиноваться тем Законодательным изречениям или определениям которые частныя лица или правительственныя места не имеющие права на составление законов издавать посмеют признавая таковыя Действия своевольными и преступными но даже на против того совокупными Силами оным противиться и действия оных всемерно останавливать до разрешения Верховной Власти. 3.) Исполнение приказаний Верховной Власти есть всегдашняя Непременная обязанность каждого частнаго и общественнаго Человека. Противиться его велениям значить сотворить Государственное Преступление признаваемое тем непростительнейшим что Порядок Представительной полноты дает Возможность Народу иметь влияние посредством своих Представителей на Действия Верховной Власти и 4.) Никакой Гражданин не имеет права своевольничать противу других Граждан и собственным своим Действием предупреждать или заменять решения и Действия Чиноподчинения. Если же местное какое нибудь Начальство выступит из Круга своего Действия или своей Власти то Граждане обязываются немедленно о том довести до сведения Вышняго Начальства а Наместныя Соборы вступить за своих Сограждан Законным порядком.

15.

Набор Рекрут для Военной Силы имеет значительныя получить изменения при чем следующие постановляются коренныя Правила для сего новаго порядка: 1.) Все Молодые Люди имеющие 20 лет от рождения подлежат рекрутскому Набору. До дватц[ат]аго же Года от рождения никто в Рекруты взят быть не может. Всем Рекрутам

должно следовательно быть ровно 20 лет не более и не менее. 2.) Рекруты поступают в военную службу на 15 лет после чего в чистую отставку отпускаются так что каждый ратник с 35 Года от рождения совершенно должен быть свободен и в Массу Граждан паки возвратиться. 3.) По ежегодному соображению нужнаго Числа Рекрут и имеющагося числа Молодых Людей достигших 20 год от рождения делается распределение Рекрутской Повинности по Областям, Губерниям, Уездам и Волостям и назначается число рекрут которых каждая Волость выставить обязана. 4.) Из числа Молодых Людей имеющих 20 лет выбирается в каждой Волости требуемое Число Рекрут; при чем Действие свое имеет то соображение чтобы в Рекруты поступали преимущественно сыновья тех Семейств в которых наиболее сыновей. Издание точных правил на сей предмет предоставляется Верховному Правлению. 5.) Кто раз Набору подлежал и вообще 20-ой Год прошел да потом женился тот уже навсегда от Рекрутства освобождается даже и в том случае когда Государственныя обстоятельства потребуют взятия в Войско молодых Людей оставшихся от предшедших Наборов. 6.) Когда сия Потребность окажется тогда можно брать в Рекруты молодых Людей предшедших Наборов но никогда не дозволяется забирать рекрут предстоящих или будущих Наборов. Да и в сем случае должны таковыя Рекруты не быть женаты и срок службы им быть убавлен так чтобы по достижении ими 35-го года от рождения они бы непременно в отставку выходили. 7.) От Рекрутства освобождаются навсегда: во первых все те которые выдержат в котором либо Университете или Губернской Гимназии положенной Экзамен, во вторых всякой кто будет единственною подпорою своих родителей или малолетних братьев и Сестер и наконец в третьих кто наймет за себя другаго Рекрута с тем однако же чтобы сей Последний не был свыше 25-ти Лет. и 8.) Вольноопределяющиеся допускаются на том основании что не прежде могут они быть в службу приняты как по достижении ими 20-го Года от рождения, не прежде быть от службы уволены как по достижении ими 35-го Года от рождения и не позже как по достижении ими 40-го года от рождения. Все Подробности сих Постановлений о Государственной Службе предоставляются Усмотрению Верховнаго Правления.

16.

Правила утверждающия свободное Книгопечатание и определяющия нравственные Действия касаются трех предметов: 1.) Воспитания. 2.) Нравственности и 3.) Книгопечатания. — Воспитание Детей разделяется на общественное и частное. *Первое* устраивается правительством, *Второе* предоставляется частным Людям. Правила в от-

ношении к воспитанию Юношества суть следующие: 1.) Каждый Отец Семейства может по своему произволу Детей своих или воспитывать у себя в Доме под собственным своим надзором или отдавать их в общественныя учебныя Заведения от Правительства учрежденныя. 2.) Поелику ничто столь сильно не действует на Благоденствие Царств и Народов как Воспитание то и обязывается Верховное Правление учебныя Заведения устроить таким образом что бы они в полной мере всевозможную пользу приносили. О сем пространно говорено будет в 9-ой Главе, и 3.) Частныя Лица не должны иметь права заводить ни Пенсионеров ни других учебных Заведений куда бы Граждане Детей своих отдавали потому что Правительство обязанное о Воспитании Юношества много заботиться и неупустительно над оным надзирать хотя и может оное родителям предоставить; и на их старание в полной мере положиться, но коль скоро Родители не имеют времени, средств или охоты оным заниматься то должно Правительство их место заступать и не дозволит чтобы сие было предоставлено посторонним Людям, ибо нельзя иметь к сим последним достаточной Доверенности дабы им поручить многотрудное исполнение священной сей обязанности тем более что Надзор Правительства за таковыми Частными Заведениями всегда будет слаб и недостаточен.

17.

Нравственность Утверждается в Народе совокупностью Духовных Естественных и политических Законов. Все на нее имеет влияние и потому составляется она совокупностью правильного Действия Граждан по всем сим разнообразным соотношениям. Из сего явствует что целое Содержание Русской Правды неминуемо на нее распространяется и ее укрепляет. Не менее того надлежит здесь следующия *Правила* в особенности изложить: 1.) Всякое Учение, Проповедывание и Занятие противныя Законам и правилам чистой Нравственности а тем еще более в разврат и Соблазн вводящия должны совершенно быть запрещены. Но поелику таковое Запрещение весьма легко может перейти в Зловластие то и обязывается Верховное Правление постановить Правила на сей щет таким образом чтобы Зло было отвращено и притом Гражданская Свобода не была бы стеснена. 2.) Всякия частныя общества с постоянною целью учрежденныя должны быть совершенно запрещены — хоть открытыя хоть Тайныя потому что первыя бесполезны, а последния вредны. Первыя потому бесполезны что они таких только предметов касаться могут, которые входят в Круг Действия Правительства и для которых уже Правительство учреждено со всеми его отраслями, частями и подразделениями особенно при существовании Волостных Обществ, вторыя же потому

вредны что они таких только касаться могут Предметов которые не могут быть сделаны Гласными а Таковыя предметы не могут быть иначе признаны как зловредными ибо государственный Порядок в сей Русской Правде постановляемой не только ничего добраго и Полезнаго не принуждает скрывать но даже на против того все Средства дает к их введению и обнаругованию Законным Порядком, и к объявлению таковых Предметов и Статей дружески и благосклонно всех и каждого приглашает. Следовательно нечего скрывать Добро. 3.) Увеселения и Забавы дозволяются всякаго рода как частныя, так и общественныя лишь бы оне не были противны Чистой Нравственности и не заключали бы в себе разврата и соблазна. За сим обязано Правительство бдительный и строгий иметь Надзор. Весьма полезно заводить Народныя празднества для усиления Народнаго Духа и укрепления Гражданской Дружеской Связи. Сия Статья предоставляется мудрому обдуманию Верховнаго Правления и наконец. 4.) Верховное Правление обязывается все средства употребить какия заблагодумает избрать для прекращения Поединков хотя бы постепенными меропринятиями то было исполнено.

18.

Коренныя правила в отношении к свободе Книгопечатания постановляются следующие: 1.) Каждый Гражданин имеет право писать и печатать все то что он хочет с тем только чтобы его имя было на его сочинении выставлено. От сего исключаются одни только личныя ругательства которые никогда допускаемы быть не должны. 2.) Каждый Гражданин пользуется правом иметь типографию с тем только чтобы о том было предварительно Правительство извещено и чтобы на каждой печатаной вещи находилось имя хозяина Типографии. 3.) За Мнения и Правила в Сочинении изложенныя отвечает Каждый Писатель на основании вышепомянутых правил об учении и проповедывании противных Законам и Чистой Нравственности, и судится общим Судебным Порядком. 4.) Ежели в Сочинении излагаются какия нибудь Произшествия или что нибудь утверждается, то Сочинитель обязан оныя доказать естли к Суду обиженною стороною призван будет. Естли же доказать не может то подвергается Уголовному Наказанию по суду Присяжных Судьясь обыкновенным порядком и 5.) Сему распорядку подлежат все Сочинения большия и малыя, все переводы, все Ведомости и срочныя издания, Все живописи, гравировки и одним словом все то что какаго бы ни было рода Сочинения составляет. Верховное Правление разрешается Все Подробности по своему Усмотрению постановить; срочныя же сочинения должны быть издаваемы не иначе как по предварительному извещению Правительства о сем Намерении.

19.

Коренные Правила в отношении к свободе Вероисповеданий и Духовных Действий состоят в следующем: 1.) Христианская Православная Грекороссийская Вера признана быть должна Господствующею Верою Великаго Государства Российскаго. 2.) Все прочия Христианския Исповедания ровно как и все Инородныя Веры дозволяются в России естли только не противны оне Российским Законам Духовным и Политическим, правилам чистой Нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека. 6.) Церковное Богослужение есть Наружный Знак посредством коего Человек обращается к Существом ВсеВышнему и стремится с оным войти в Сношение по влечению внутреннего его Убеждения; И потому должно всегда быть оказываемо совершенное Высокопочитание к Церковному Богослужению Всякаго Исповедания и Всякой Веры и 7.) Внутренняя Вера или Понятие о Боге и различных Догматах Веры находится в священном Писании и есть Дело между Человеком и Существом ВсеВышним в которое никто следовательно вмешиваться не имеет право иначе как посредством просвещения и истиннаго убеждения. А по сему инквизиция и не должна никогда никакого рода существовать. Внутренняя Вера есть Неограниченная Собственность каждаго человека как существа разумнаго не имеющаго ни малейшей обязанности давать в том отчета кому бы то ни было но вместе с тем и не имеющаго права от других таковаго отчета требовать. Просвещение, Убеждение, Пример в соединении с точным исполнением Церковнаго Богослуженья суть Действительныя и сказать можно единственныя Средства к укреплению и утверждению Внутренней Веры. — Верховное Правление будет сообразоваться с коренными сими семью Правилами и все частныя Действия Правительства и Народа или Граждан в сем же кругу неупустительно устанавливать соглашая нужные для того Конкордаты и приводя оныя потом в Действие.

20.

Правила утверждающия свободной ход Промышленности и определяющия Хозяйственныя Действия разделяются на четыре разряда: 1.) Свободной и правильный ход промышленности. 2.) Банковыя и Страховыя Заведения. 3.) меры осторожности и 4.) Призрительныя Заведения. —

Коренные Правила в отношении к ходу Промышленности постановляются следующие: 1.) Всякой Гражданин имеет право заниматься тою или теми отраслями Промышленности которыя заблагоразсудит избрать и может оныя по своему произволу переменять и соединять как ему угодно лишь бы только не вредил другим Гражданам и не Действовал вопреки Законов и Нравственности. 2.) Времянныя Това-

рищества дозволяются но постоянныя Компании как то нынешняя Американская или подобные английской Остиндской решительно запрещаются. 3.) Правительство должно от всяких Монополий непременно отказаться и таковыя Частным Людям всемерно воспрепятствовать. 4.) За новыя открытия могут частным Людям дарованы быть льготы и срочное исключительное право пользоваться выгодами сих открытий. 5.) Ярмарки во многих местах необходимы во многих отлочно полезны и везде допускаемы быть должны но съезды называемые Контракты как то Киевские не должны существовать потому что дела на оных производимыя должны возможность иметь во всякия времена быть Заключаемы и 6.) Тарифы могут быть учреждаемы с тою единственно целью дабы защищать Народную Промышленность от внешних подрывов, но отнюдь не для того чтобы увеличивать казенные Доходы которыя признаваемы быть должны вещью совсем побочною при издании и определении Таможенных Постановлений.

21.

Все предметы Промышленности будучи подвержены порче и опасностям всякаго рода, требуют страховых Учреждений дабы обезпечить посредством оных предприятия промышленников. Сверх того требует удобнейшее обращение предметов всякой промышленности общего знака или представителя состоящаго в Деньгах. Сии два соображения делают необходимым учреждение Банковых и Страховых Заведений. Цель сия в полной мере достигнута будет когда Каждая Волость иметь будет свой Банк коего сочлены и соучастники будут все Граждане той Волости. Сии Банки могут составляться во-первых ежегодными вкладами определенными количествами от каждаго Гражданина той Волости для Составления банка. За сии Вклады не будет Гражданам ростов выдаваться; во-вторых ежегодными вкладами для образования Страховаго Заведения. Количества сих вкладов должны быть определяемы по Соображению застраховаемых предметов. А в третьих единовременными вкладами сверх ежегодных. За сии последние вклады будут росты выдаваться и они всегда могут назад быть получаемы. Ежегодные вклады могут состоять в Деньгах или в различных произведениях кои потом от Волостнаго Правления или Наместнаго Собранья будут продаваемы а Деньги за них в Банк взносимы Единовременныя же вклады должны всегда в Деньгах состоять.

Действие сих банков будет следующее: 1.) Выдавать заимообразно Членам Волости на срочное время определенными количествами без роста и без Залога. Выдавая же деньги заимообразно свыше определенной суммы следует рост и Залог получать. 2.) Выдавать посторонним Гражданам заимообразно с получением во всяком случае роста и не иначе как под Залог. 3.) Снабжать заимообразно нужными Деньга-

ми Граждан заводящих хозяйство на участках общественной Земли без роста и залога. Сия сумма может быть выплачиваема в течении несколько лет хоть деньгами хоть разными произведениями. 4.) Делать разные переводы Деньгам и Капиталам из одной Волости в другую, из одного места в другое для содействия разным оборотам как то ныне делают разные Банки и частные Банкиры. Сии трансферты и Учеты могут рост приносить. Банкиры продолжают Действовать своим чередом а банки своим чередом. Переводы Капиталов посредством Волостных Банков всегда будут для Граждан вернее и обезпечительнее. 5.) Служить страховым Заведением для ее разнаго рода предметов, имуществ и отраслей промышленности, в чем надлежит точныя правила постановить и 6.) Естли Капиталы или Росты такового Банка до такой степени увеличатся что без потребления оставаться будут то некоторая часть Капитала может употреблена быть на какое нибудь общественное заведение а Росты поступить на Уплату Податей в каковом случае Граждане на тот год или на то время или же на то Количество должны от Податей уже быть освобождены. Подробности сих Постановлений распорядит Верховное Правление.

22.

Меры осторожности состоят в следующих трех предметах: 1.) Каждая Волость обязана иметь Запасный Хлебный Магазейн на случай Неурожая. Сей Магазейн должен быть по временам обновляем дабы произведения в оном хранящиеся не подвергались порче. Верховное Правление издаст о сем особенное Постановление. 2.) Правительство должно чрез посредство печати доводить до общего сведения все новыя открытия могущия Промышленности пользу приносить а равным образом и заблаговременно Гражданам все те сведения сообщать кои могут иметь влияние на Ход Промышленности. По сему же обязаны и Граждане все таковыя сведения немедленно Правительству сообщать дабы оно их могло обнародывать и 3.) Для предупреждения всяких запутанных тяжб должен иметь каждый Гражданин Шнуровую Книгу за скрепою Волостнаго Правления в которую бы он мог вносить все те Промышленныя свои Действия которыя ставят его в Сношенье с другими Гражданами на подобие как сие ныне делается с Негоциантами.

23.

Богоугодныя Действия и Заведения разделяются на три рода: 1.) Призрение Малолетных. 2.) Призрение Неимущих и 3.) Призрение Страждущих.

Призрение Малолетных касается или Сирот или Детей коих родители неизвестны, оно может двояким образом быть исполняемо: или

частным призрением или общественным Заведением. То и другое возлагается на непременную обязанность Волостей в отношении к Детям в Волости найденным или в оной осиротевшим. Общественное Заведение состоит в Воспитательном доме на волостном Иждивении. При оном должно быть устроено особенное отделение для родительниц. Естли такового Заведения в Волости не имеется то Волостное Правление обязано с утверждения Наместнаго Собrania раздавать Малолетных Сирот частным Гражданам на руки с заплатаю им из Волостной Казны за воспитание Сирот. Сии два средства Призрения Малолетных могут быть соединены для взаимнаго подкрепления и облегчения. Сим однако же не воспрещается частным Гражданам таковых Сирот совсем на свой отчет брать. По достижении таковыми Детьми 20-го года их возраста поступают они в Число Граждан той Волости на общих правилах. Из них можно преимущественно брать Рекрут. Таковыми вспоможениями для своих детей имеют право пользоваться также и неимущие Граждане. — Призрение Неимущих касается тех Людей коих физическая силы до того ослабели что не могут они сами себе пропитание доставить. Оно может быть исполняемо или чрез посредство Общественнаго Заведения или чрез Денежныя Выдачи. Общественное Заведение состоит в Богодельне на Волостном иждивении при коем могут быть устроены какия нибудь легкия рукодельни. Естли же Богодельни в Волости не имеется то обязано Волостное Правление делать необходимыя Денежныя Пособия из общественной Волостной Казны и давать в том отчет Наместному Собранью. Оба средства могут друг друга подкреплять и облегчать с тем только чтобы нигде не было Нищих. За Сие отвечает Волостное Правление. — Призрение Страждущих касается Больных и Сумашедших. Оно исполняется двумя средствами могущими друга друга подкреплять. Первое состоит в учреждении Больницы в каждой Волости в которую бы принимаемы были Больные при чем Люди достаток имеющие некоторую плату бы вносили а прочие безденежно бы пользовались. Больницы таковыя должны состоять на Волостном иждивении. Второе Средство может состоять в Наеме Волостью Врача обязаннаго больных безденежно пользоваться.

24.

Главныя правила Общественнаго Призрения суть следующие: 1.) В отношении к найденным Сиротам: Ежели родители или Волость которым они по истинне принадлежат сделаются в последствии времени известными то обязаны они издержавшейся Волости возратить деньги на воспитание того Сироты употребленные. 2.) Естли в которой либо волости найдется Нищий или Больной принадлежащий другой Волости то первая Волость должна его призреть и когда он

выздоровит то собственная его Волость должна издержки возратить а Нищий должен быть в свою Волость препровожден пользуясь на дороге Волостными Вспоможениями. 3.) Частный человек желающий таковыя Заведения учреждать должен их по устройении подарить или продать Волостному Обществу; сам же оными управлять не имеет право: ибо всякая вещь имеющая общественную Цель должна и общественное иметь Начальство. 4.) Естли частный Человек пожелает какое нибудь пожертвование сделать в пользу Богоугодных или каких нибудь других общественных Заведений то должен свое пожертвование отдать или в Банк или в казну какой ему угодно Волости. 5.) Равносильная признается обязанность для Граждан не трогать собственности чужой и уделять от своей ту часть которая Наместным Собранием признана будет Необходимою для Общественных Вспоможений. 6.) Пользующийся общественными Вспоможениями получает оныя не в виде милости но в виде Права: ибо первая обязанность Человека состоя в сохранении своего бытия имеет каждый на все то право что для сего нужно и необходимо и без чего бы он сей цели не мог достигнуть. 7.) Естли Гражданин своим поведением сделался недостойным общественных вспоможений то может быть лишен права на оных. Для сего нужно представление Волостнаго Наместнаго Собрания в Уездное Наместное Собрание и приговор сего последнего по основательном Изследовании и 8.) Верховное Правление издаст особенныя подробныя Постановления на все сии Предметы.

Комментарии

Пестель Павел Иванович

¹ РУССКАЯ ПРАВДА

или Заповедная Государственная Грамота Великаго Народа
Российскаго служащая Заветом для Усовершенствования
Государственнаго Устройства России и Содержащая Верный Наказ
как для Народа так и для Временнаго Вержховнаго Правления

Конституционный проект П.И. Пестеля, основы которого были приняты Киевским съездом руководителей Южного общества в 1823 г. как программный документ, имеет две известных редакции, осуществленных самим автором. Первая редакция была создана Пестелем в 1822 г., вторая — в 1824 г. и частично дописывалась, дополнялась в 1825 г. Еще одна редакция дошла до нас в кратком изложении на следствии Н.М. Муравьева. Название «Русская Правда...» документу Пестель дал в 1824 г. Впервые текст «Русской Правды...» был опубликован в 1906 г. Первое научное издание: Восстание декабристов. Материалы и документы: В 11 т. Т. 7. М., 1958.

Печатается по: Восстание декабристов. Документы. Т. VII. «Русская Правда» П.И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие / Под ред. М.В. Нечкиной, к пе-

чати подг. А.А. Покровский. М.: Госполитиздат, 1958. С. 111—209. Орфография и пунктуация подлинника (за исключением «ять», «і» и «ъ») сохранены.

«Русская правда» названа так по аналогии с древними правовыми сборниками, в том числе с древнерусским правовым кодексом, условно названным «Правда русская» (XI в.). Здесь слово «Правда» употребляется в значении *justitia* — справедливость, правосудие (лат.).

² Имеется в виду освобождение от крепостной зависимости прибалтийских крестьян императором Александром I, подписавшим соответствующие документы в 1816 г. для Эстляндской (северная часть Эстонии), в 1817 г. — для Курляндской (Курземе) и в 1819 г. — для Лифляндской губерний (Видземе и южная Эстония). По закону об освобождении крестьяне были признаны лично свободными людьми, но свобода их передвижения и выбора рода занятий ограничивалась — перемена места жительства допускалась лишь с разрешения помещика. Вся земля признавалась полной собственностью помещика; крестьянин мог приобрести землю в собственность, но закон не понуждал помещика продавать землю крестьянину. Крестьянин мог арендовать землю, заранее оговорив с помещиком арендную плату.

³ Конец текста второй редакции «Русской правды».

⁴ М.В. Нечкина и А.А. Покровский опубликовали обе авторские редакции как дополняющие друг друга документы, в примечаниях публикаторов были приведены все разночтения вариантов текста рукописи, пометки на листах рукописи и т.д. См.: Пояснительные статьи, варианты и примечания к документальным текстам // Восстание декабристов. Документы. Т. VII. «Русская правда» П.И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие / Под ред. М.В. Нечкиной, к печати подг. А.А. Покровский. М.: Госполитиздат, 1958. С. 419—522.

Уваров Сергей Семенович, основоположник так называемой «теории официальной народности», граф (с 1846), дипломат, государственный деятель, действительный статский советник (1838), почетный член (1811) Императорской АН и свыше ста зарубежных обществ и академий

Родился 25.08.1786 в Петербурге в семье офицера лейб-гвардии Конного полка, одного из адъютантов князя Г.А. Потёмкина. Крестный сын императрицы Екатерины II. Воспитывался в семье князя А.Б. Куракина. Получил домашнее образование. Слушал лекции в Гёттингенском университете в Нижней Саксонии. В 1801 начал службу в Коллегии иностранных дел, затем работал в посольстве в Вене (с 1806), секретарем посольства в Париже (с 1809). В 1810—1821 — попечитель Санкт-Петербургского учебного округа. Основал литературное общество «Арзамас» (1815—1818). Президент Императорской АН (1818—1855). В 1821 возглавил Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов. С 1826 участвовал в работе комитета по обустройству учебных заведений, в 1832 был назначен товарищем (заместителем) министра народного просвещения. С 1833 по 1849 — министр народного просвещения. Создал стройную систему народного образования, основанную на формуле «Православие — Самодержавие — Народность», смысл которой раскрыл в докладах (1832, 1834) и юбилейном отчете за десять лет управления министерством (1843) императору Николаю I. В 1849 ушел в отставку, занялся наукой, в 1853 публично защитил магистерскую диссертацию в Дерптском университете о происхождении болгар (*De Bulgarorum utrumque origine et sedibus antiquissimus. Scripsit Sergius Uvarov. Dorpati Livonorum.* 1853). Умер 04.09.1855 в Москве.

СОЧИНЕНИЯ

Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб.: В Типографии Ф. Дрехслера, 1813.

Уваров С.С. Речь президента Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года. СПб., 1818.

Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I // Река времен: Книга истории и культуры. М.: Река времен: Эллис Лак, 1995. Кн. 1. С. 67—78.

Уваров С.С. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

ЛИТЕРАТУРА

Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время. СПб., 1999.

Егоров Б.Ф. Официальная идеология // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996.

Зорин А.Л. Идеология «православие — самодержавие — народность» и ее немецкие источники // В раздумьях о России. М., 1996. С. 105—126.

Зорин А.Л. Идеология «православие — самодержавие — народность»: Опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. Т. 26. С. 71—104.

Зорин А. Л. Корма двуглавого орла... М., 2001. Гл. X. С. 337—374.

Казаков Н.И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст-1989. М., 1989. С. 5—37.

Ратников К.В. Холопы или собеседники?: Профессиональные вояжи в Поречье (идеологическая стратегия графа С.С. Уварова и его единомышленников). Челябинск, 2006.

Шевченко М.М. Сергей Семенович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 105—131.

Шевченко М.М. Сергей Семенович Уваров // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 344—411.

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ НАЧАЛАХ, МОГУЩИХ СЛУЖИТЬ РУКОВОДСТВОМ ПРИ УПРАВЛЕНИИ МИНИСТЕРСТВОМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ¹

«Доложено Его Величеству 19 ноября 1833.

*Уваров*²

По вступлению моему с высочайшего Вашего Императорского Величества повеления в должность Министра Народного Просвещения, употребил я, так сказать, **заглавным местом, лозунгом**³ моего управления, следующие выражения: «Народное воспитание должно

совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности».

Вместе с сим, считаю себя обязанным представить Вашему Величеству краткий, но чистосердечный отчет в моих понятиях о важном начале, мною принимаемом в руководство:

Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, не взирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия к счастью сохранила доселе теплую веру к некоторым **религиозным, моральным, и политическим** понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности, находится и весь залог будущего ее жребия. Правительству, конечно, в особенности Высочайше вверенному мне министерству, принадлежит собрать их в одно целое и связать ими якорь нашего спасения, но сии начала, рассеянные преждевременным и поверхностным просвещением, мечтательными, неудачными опытами, сии начала без единогодушия, без общего средоточия, и коим в течение последних 30-ти лет предстояла непрерывная борьба продолжительная и упрямая, как согласить их с настоящим расположением умов? Успеем ли мы включить их в систему общего образования, которая соединяла бы выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и надеждами будущего? Как учредить у нас народное воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое Европейского духа? По какому правилу следует действовать в отношении к Европейскому просвещению, к Европейским идеям, без коих мы не можем уже обойтись, но которые без искусного обуздания их грозят нам неминуемой гибелью? Чья рука и сильная и опытная, может удержать стремление умов в границах порядка и тишины и откинуть все, что могло бы нарушить общее устройство?

Тут представляется во всем объеме Государственная задача, которую мы принуждены решить без отлагательства, задача, от коей зависит судьба Отечества — задача столь трудная, что одно простое изложение оной приводит в изумление всякого здравомыслящего.

Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить — имеем мы три главных:

- 1) Православная Вера.
- 2) Самодержавие.
- 3) Народность.

Без любви к Вере предков, народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в мораль-

ном и политическом предназначении. Это было бы измена в про странном смысле. Довольно одной народной гордости, чтобы почувствовать негодование при такой мысли. Человек, преданный Государю и Отечеству, столько же мало согласится на утрату одного из догматов нашей Церкви, сколько и на похищение одного перла из венца Монаха.

Самодержавие представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде. Пусть мечтатели обманывают себя самих и видят в туманных выражениях какой-то порядок вещей, соответствующий их теориям, их предрассудкам; можно их уверить, что они не тают России, не знают ее положения, ее нужд, ее желаний. Можно сказать им, что от сего смешного пристрастия к Европейским формам мы вредим собственным учреждениям нашим; что страсть к нововведениям расстраивает естественные сношения всех членов Государства между собою и препятствует мирному, постепенному развитию его сил. Русский Колосс⁴ упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный. Эту истину чувствует неисчислимое большинство между Русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении и в образе мыслей, и в отношениях к Правительству. Эта истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании. Правительство не нуждается конечно в похвальных себе словах, но может ли оно не пешишь о том, чтобы спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется спасительным духом Самодержавия, сильного, человеколюбивого, просвещенного, обращалось в неоспоримый **факт**, долженствующий одушевлять всех и каждого, во дни спокойствия, как и в минуты бури?

Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: Народность. Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее. Вопрос о Народности не имеет того единства, какое представляет вопрос о Самодержавии; но тот и другой истекают из одного источника и совокупаются на каждой странице Истории Русского народа. Относительно Народности, все затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но Народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует **неподвижности** в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна. Безумно было бы противиться сему периодическому ходу вещей; довольно того, если мы не будем добровольно скрывать лицо под искусственной и нам не сродной личиной; если мы сохраним неприкосновенным

святилище наших народных понятий; если мы примем их за основную мысль Правительства, особенно в отношении к Народному Воспитанию. Между обветшалыми предрассудками, восхищающимися единственно тому, что было у нас за полвека и новейшими предрассудками, которые без жалости стремятся к разрушению существующего, посреди сих двух крайностей, находится обширное поле, на коем здание нашего благосостояния — твердо и невредино укрепиться может.

Время, обстоятельства, любовь к Отечеству, преданность Монарху, все должно нас уверить в том, что пора нам, особенно касательно народного воспитания, обратиться к духу Монархических учреждений и в них искать той силы, того единства, той прочности, коих мы слишком часто думали открыть в мечтательных призраках равно для нас чуждых и бесполезных, следуя коим нетрудно было бы наконец утратить все остатки Народности, не достигнувши мнимой цели Европейского образования.

К составу общей системы Народного Просвещения принадлежит много других предметов, как-то: направление, данное Отечественной Литературе, периодическим сочинениям, театральным произведениям; влияние иностранных книг; покровительство, оказываемое художествам; но разбор всех сил отдельных частей повлек бы за собою довольно обширное изложение и мог бы легко обратить сию краткую записку в пространную книгу.

Конечно, принятие такой системы требовало бы более, нежели жизнь и силы одного или нескольких человек. Не тому, кто посеет сии семена, определено Промыслом пожинать плоды оных; но что значит жизнь и силы одного, когда дело идет о благе всех? Два или три поколения быстро исчезают с лица земли, но Государства долговечны, пока в них сохраняется священная искра Веры, Любви и Надежды.

Дано ли нам посреди бури, волнующей Европу, посреди быстрого падения всех подпор Гражданского общества, посреди печальных явлений, окружающих нас со всех сторон, укрепить слабыми руками любезное Отечество на верном якоре, на твердых основаниях спасительного начала? Разум, испуганный при виде общих бедствий народов, при виде обломков прошедшего, падающих вокруг нас, и не зреющая будущего сквозь мрачную завесу событий, невольно предается унынию и колеблется в своих заключениях. Но если Отечеству нашему — как нам Русским и сомневаться в том нельзя — охраняемому Промыслом, даровавшим нам в лице великодушного, просвещенного, истинно Русского Монарха, залог неврединой силы Государства, должно устоять против порывов бури ежеминутно нам грозящей, то образование настоящего и будущих поколений в соединенном духе

Православия, Самодержавия и Народности составляет бесспорно одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени и вместе одно из труднейших поручений, коим доверенность Монарха могла бы почтить верноподданного, постигающего и важность оногo, и цену каждого мгновения и несоразмерность своих сил, и ответственность свою перед Богом, Государем и Отечеством.

19 ноября 1833 <года>

ДЕСЯТИЛЕТИЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 1833—1843

(Записка, представленная Государю Императору Николаю Павловичу
Министром Народного Просвещения графом Уваровым в 1843 году,
и возвращенная с собственноручною надписью Его Величества:
«Читал с удовольствием».)⁵

Его Императорскому Величеству
Всепопданнейше подносит
Министр Народного Просвещения

ВСТУПЛЕНИЕ

При истечении десятилетия моих занятий по заведыванию министерством народного просвещения, я считаю себя обязанным и чувствую необходимость пройти внимательным взглядом все, что в продолжение этого периода сделано по учебному ведомству, волею Вашего Величества мне вверенному. В образовании народном, в этой многосложной ветви государственного управления, где цель, к которой стремиться должно, поставлена так высоко и отдаленно, где все начинания и действия, по самому свойству вещей, созревают медленно и требуют терпеливости неизменной, было бы неосторожно стремиться вперед, не обращая взора назад и не соображая прошедшего с будущим. Чем позднее достигаются последние и окончательные результаты, тем необходимее беспристрастным исследованием приобретенных выгод, равно как и встреченных неудач, убеждаться в правильности избранного пути и подкреплять надежды на приближение к мете далекой, почти невидимой.

Всепопданнейше представляя Вашему Императорскому Величеству обзор последнего десятилетия министерства народного просвещения, я не решаюсь, или лучше сказать, я не считаю себя вправе

вступительно изобразить положение министерства в то время, когда Вашему Величеству благоугодно было возложить на меня это важное и трудное управление. Да будет мне позволено начать это изложение тем днем, в который, осмотрев все части, мне вверенные, и обдумав все средства, мне открытые, я удостоился получить от Вашего Величества в главных началах наставление, которому беспрерывно следовало министерство с тех пор и доныне. Этот день, незабвенный для министерства и для меня, — есть 19 ноября 1833 года.

Начертание главных начал. Углубляясь в рассмотрение задачи, которую предлежало решить без отлагательства, задачи, тесно связанной с самою судьбою отечества, — независимо от внутренних и местных трудностей этого дела, — разум невольно почти предавался унынию и колебался в своих заключениях при виде общественной бури, и в то время потрясавшей Европу и которой отголосок, слабее или сильнее, достигал и до нас, угрожая опасностью⁶. Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова⁷. Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс опирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Эту истину чувствует неисчислимое большинство подданных Вашего Величества: они чувствуют ее в полной мере, хотя и поставлены на разных степенях гражданской жизни и различествуют в просвещении и в отношениях к правительству. Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться. Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского Царства. Относи-

тельно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию.

Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей, и было не чуждо европейского духа. Просвещение настоящего и будущего поколений, в соединенном духе этих трех начал, составляет бесспорно одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени и тот священный труд, который доверенность Вашего Величества возложила на мое усердие и рвение*.

Следующий обзор должен показать, какими способами министерство стремилось к осуществлению сих основных понятий. В четырех отделах я изложу сначала систему учебную в целом Империи, потом представлю видоизменения ее в практическом применении к некоторым отдельным краям, как то: в губерниях западных, остзейских, в Царстве Польском. Затем последует взгляд на учреждения ученые, ход наук и словесности вообще; наконец, особое отделение вместит в себе выводы численные и статистические.

Отделение первое

ГЛАВНЫЕ НАЧАЛА И РАЗВИТИЕ УЧЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ИМПЕРИИ С 1833 ГОДА

Приступ к делу. В первую обязанность вменил я себе передать мысли, изложенные выше, в руководство сотрудникам моим в деле народного просвещения, вразумить их в высоких видах Вашего Императорского Величества, в направлении и духе, в каком отныне, по Августейшей воле Вашей, должно совершаться образование юношества на всем пространстве обширного нашего отечества и призвать их к содействию единому сердцу и усердию. (Окружное предписание 21 марта 1833 года)⁸.

* Всеподданнейший доклад 19 ноября 1833 года. (Здесь и далее — *примеч.* С.С. Уварова).

Приступая к выполнению важного своего призвания, я желал основать дальнейшие свои действия на данных, сколько можно верных и подробных. Наперед нужно было собрать положительные сведения о всех учреждениях, принадлежащих к ведомству народного просвещения, ознакомиться в подробности с теми материалами, которые еще можно было употребить в дело, и с теми, которые надлежало устранить, как помеху бесполезную. Мерой приговорительной служило приглашение всех начальников учебных округов внимательно осмотреть подведомственные им учебные заведения во всех отношениях, как в отношении собственно учебном и нравственно-наблюдательном, так и в хозяйственном и административном. На сей конец попечители и помощники их были снабжены подробными инструкциями.

Разделение учебных округов. При введении в систему публичного воспитания желаемой стройности и правильности, одной из самых настоятельных потребностей было — устранить несоразмерность в разделении и составе учебных округов и облегчить надзор за ними со стороны главных их начальств. Сообразно с географическим положением и местными удобствами сделано (30 мая 1833 и 26 марта 1839 г.) новое разделение округов⁹.

Управление средними и низшими заведениями. Прежний порядок управления средних и низших учебных заведений сопряжен был с несообразностями и неудобствами очевидными. Непосредственная зависимость их от университетов возлагала административные и хозяйственные дела на лиц ученого сословия, по большей части чуждых обязанностей этого рода, и без существенной пользы для успешности управления, отвлекало профессоров от настоящих и главных их занятий науками и преподаванием. Чем быстрее распространялись средние учебные заведения, чем больше возрастало число их, тем заметнее и ощутительнее становились эти неудобства и вредные их последствия: медленность в распоряжениях, многосложность административных форм и затруднительность совещательного образа управления. 25 июня 1835 года издано новое Положение об управлении учебными округами. Гимназии и прочие училища, изъятые от заведывания университетского, поступили под непосредственное управление попечителей; прежние излишние инстанции управления уменьшены; польза совещательного порядка сохранена, но все неудобства оного устранены. Мера сия оказалась столь полезной, что на следующий год она распространена и на Дерптский учебный округ¹⁰.

Преобразование гимназий и уездных училищ. Изыскивая способы поставить гимназии и уездные училища на высшую степень значения в системе народного просвещения и в общественном мнении, министерство не могло надеяться достигнуть этой цели прежде, чем ему

удастся возвысить звание начальников их, усилить обучение при возрастающем числе учеников, сделать эти заведения доступными одним знающим свое дело преподавателям и ограничить прием детей в оные только достаточно к тому приготовленными; учредить правильный и бдительный надзор за учащимися, и, наконец, по возможности, распространить попечительность свою даже на телесное здоровье учащихся и бедных. К осуществлению этих видов стремилось министерство народного просвещения: учебные заведения расписаны по разрядам и должности ведомства министерства по классам. Высшим и даже средним училищам предоставлены значительные преимущества относительно производства в чины по гражданской службе. В этой мере юношество приобрело важное поощрение искать образования себе в общественных заведениях. Из возвышения звания директоров и инспекторов гимназий в общем порядке государственной службы, сама собой истекала возможность замещать эти должности только людьми способными и благонадежными и потому предписаны правила строгого выбора в оные (8 марта 1834). Число учащихся возрастало быстро и повсеместно; министерство расширило способы к удовлетворению новых, отсюда возникавших потребностей (27 апреля 1837)¹¹. Правила для испытания детей, поступающих в гимназии и уездные училища (29 января 1837), отвратили от учебных заведений прилив учеников, неспособных извлечь всю пользу из даруемых им правительством средств к приобретению полезных знаний.

Внутренний порядок в заведениях упрочен дозволением определять особых надзирателей за приходящими учениками (15 февраля 1838). Разрешено также иметь при сих заведениях врачей на общем основании государственной службы и с правами медицинских чиновников (12 мая 1836). В порядке преподавания Закона Божия по уездным училищам сделано необходимое улучшение, согласно с мнением Комиссии духовных училищ (18 октября 1836). Ныне оно расположено так, чтобы даже и недокончившие курса ученики выносили с собою из училища главнейшие познания в правилах веры и в Священной истории.

Различие потребностей разных сословий народа и разных состояний неминуемо ведет к надлежащему разграничению предметов учения между ними. Система общественного образования тогда только может назваться правильно расположенной, когда оно всякому открывает способы получить такое воспитание, какое соответственно роду жизни его и будущему призванию в гражданском обществе.

Благородные пансионы для дворянства. Благородное юношество, лучший цвет возрастающего поколения, предназначаемое самим происхождением своим и способами жизни к занятию важнейших должностей в государстве, должно было, по возможности, иметь

и воспитание отдельное. Разделяя в уездных училищах, гимназиях и университетах выгоды публичного образования с юношеством других свободных сословий, оно получило еще и особые способы к воспитанию: в Москве в дворянском институте¹², в С.-Петербурге и в Киеве — в определенных на то гимназиях, в Вильне — в дворянском институте¹³; в других же городах — в благородных пансионах, заводимых не только при гимназиях, но и при некоторых уездных училищах. С самого начала вступления моего в управление министерством народного просвещения (11 мая 1833), я обратил внимание попечителей учебных округов, гражданских губернаторов и предводителей дворянства на эти полезные учреждения. Я объяснил им в подробности прямую цель пансионов, которые, по преимуществу, должны сосредоточивать в себе благородное юношество, но при всем том не дают окончательного образования молодым людям, а только приготовительное к слушанию лекций университетских. Сии внушения не замедлили принести плоды самые утешительные. Дворянство с готовностью приняло на себя обязанность устроить и содержать своим иждивением благородные пансионы, и ныне число их возросло уже до 46. Министерство озаботилось составлением для них положений, которые, сходствуя между собой в общих чертах, разнятся одно от другого в некоторых подробностях, согласно с местными нуждами. Дворянский институт в Москве преобразован в основании и получил новое устройство. Питомцам дворянского института в Вильне, образованного из гимназии, которая имела такое же назначение — обучение благородного юношества, — даны преимущества университетских студентов, при вступлении на военную службу. Воспитание, даруемое таким образом и недостаточным юношам, не оставлено бесплодным для тех губерний, в которых юношеству доставляется учение на счет казны или жертвуемых дворянским сословием сумм. Чтобы снабдить губернии и правительственные места в них чиновниками образованными, вменено (27 августа 1835) всем воспитывающимся на счет казны молодым людям в обязанность оставаться на службе в тех же губерниях по шести лет, а воспитываемые на счет дворянства — по стольку же лет и после окончания ими курса в университетах, если там они будут довершать свое образование на счет тех же пожертвований.

При учебных заведениях западных губерний, доставлено воспитание детям местных дворян и чиновников недостаточного состояния устройством пансионов на счет приказов общественного призрения; в замене того, правительство налагает на них обязанность прослужить там 8 лет (2 декабря 1838).

Меры к образованию прочих сословий. Сословию купеческому, мещанскому, и по мере возможности, самым поселянам открыты различные способы к образованию, сообразному с их потребностями,

образом жизни и положением в государстве. Им, особенно двум первым классам, представлено пользоваться учением в приходских, уездных училищах и гимназиях; детям почетных граждан открыт беспрепятственно, наравне с дворянскими, доступ к университетским курсам. Непринимая на себя обязанности учреждать на свой счет учебные заведения для мещан и поселян там, где в самих жителях еще не пробудилось стремление к образованию, правительство разрешает открывать приходские училища всюду, где это желание развивается успехами промышленности и другими местными причинами. Со своей стороны оно обеспечивает содержание 51-го из них ежегодным назначением достаточных на то сумм. Но там, где успехи просвещения показали нужду в учреждении училищ уездных, министерство само поспешило открыть их. В Казанском округе, где при многих уездных училищах не имелось приходских, заменены они приготовительными классами. В Москве учреждено особое училище для бедных купеческих и мещанских детей¹⁴. Для ближайшего попечения о благосостоянии приходских училищ в столицах определены почетные блюстители, преимущественно из людей купеческого сословия, пользующихся общим доверием (1 ноября 1839 и 23 апреля 1840).

Лица крепостного состояния. Не исключая даже лиц крепостного состояния от участия в благотворных плодах знаний и просвещения, министерство, однако, считало необходимой обязанностью для себя привести их в меру истинных нужд и прямой пользы умственной и нравственной людей этого сословия. Объем их обучения ограничен одними приходскими и уездными училищами. Переход из низших в средние учебные заведения, а из сих в высшие, везде и для всех состояний, подчинен определенным правилам, всегда соблюдаемым в точности, в отношении же к людям крепостного состояния эта строгость еще более усилена: они не иначе допускаются в эти заведения, как когда, по воле помещиков, получают увольнение от сего состояния. Согласно с тем, и частные заведения, в которых круг учения соответствует гимназиям, сделаны недоступны для лиц крепостного состояния, а в тех реальных училищах, в которые допускаются ученики всех состояний, круг наук словесных приведен в соразмерность с приходскими и уездными училищами и из них исключено все, что не относится прямо и непосредственно к техническим наукам. Сельские школы в остзейских губерниях поставлены под ближайший надзор лиц и мест, определенных для того положением о лифляндских крестьянах¹⁵, и министерство ежегодно получает срочные сведения о положении и ходе сих школ. Для наблюдения за училищами общества Моравских братьев¹⁶, начертаны особые положительные правила (13 апреля 1838). Мещан, свободных поселян, вообще людей податного состояния разрешено допускать в высшие учебные заведения

и даже в университеты, но не иначе, как по представлении ими свидетелей об увольнении от тех обществ, к которым они принадлежат.

Воспитательные заведения в Сибири. Независимо от этих главных оснований, на которых утверждалось общественное воспитание в средних учебных заведениях, некоторые местные обстоятельства, в отдаленных частях Империи, породили необходимость особых распоряжений. Вблизи центра правительства и просвещения следовало сохранить в строгой определительности и без всякого смещения отдельный характер каждого рода учебных заведений; но в отдаленности от средоточия необходимость указывает иногда отступать от строгости сих форм, по уважению местных требований и потому, что действуя на огромном пространстве Империи, тщетно было бы искать неподвижности учреждений посреди разнородных элементов и многообразных степеней гражданской образованности. В таком положении были учебные заведения Сибири, рассеянные на пространстве, несоразмерном, по обширности своей, с прочими учебными округами, отдаленные и друг от друга и от главнейших университетов.

Преобразовав все учебные заведения Сибирские, на основании нового Устава, и расширив финансовые способы их содержания по новым штатам, министерство народного просвещения, подчинением оных главному ведению генерал-губернаторов, пригласило их к постоянному участию во всех движениях учебной части и открыло себе возможность действовать совокупно с высшим местным начальством. В Томске открыта новая гимназия; гимназическое учение в других городах распространено добавочными курсами о некоторых предметах, указанных местными потребностями. Так, во всех сибирских гимназиях введено преподавание Русского законоведения и судопроизводства; в Иркутской — учрежден класс бухгалтерии. Это расширение плана учебного простирается даже на некоторые уездные училища в Томской, Тобольской и Иркутской губерниях.

Для доставления служащим в сих отдаленных странах чиновникам способов к образованию детей своих, изысканы средства к преимущественному помещению их в казенные учебные заведения. При каждой из трех сибирских гимназий, сверх воспитанников, приготавливаемых к учительскому званию, еще 20 учеников, из детей чиновников, получают образование на казенном содержании; до открытия гимназии в Красноярске, 10 детей чиновников Енисейской губернии обучаются в Иркутской гимназии; по окончании гимназического курса, ежегодно отправляется по одному воспитаннику из каждой гимназии в Казанский университет. Выслушав там полный курс, они вступают потом в гражданскую службу в своей губернии.

В Закавказском Крае. Еще теснее связует с Азией ее Закавказье; там отдаления от средоточия Империи и сопредельность с племенами

полуобразованными и дикими, породили меры, подобные принятым для Сибири. В 1835 году все училища Закавказские получили новое Положение и штат, обширнейший прежнего.

Ставропольское высшее уездное училище преобразовано в гимназию с введением преподавания отечественного законоведения и судопроизводства. При нем учрежден пансион на 20 казенных воспитанников; при тифлисском благородном пансионе увеличено число воспитанников из детей служащих там чиновников. Отличнейшие из них посылаются для довершения своего образования в Харьковский университет. Таким образом, служащие в этом крае чиновники обеспечены так же, как и в Сибири, в отношении к приличному образованию детей своих. Министерство народного просвещения, со своей стороны, принимало все меры к возведению учебной части в этой стране на равную степень совершенства, как в других округах, ему подведомственных. Но при отдаленности края, при особом положении оно, оно не могло действовать непосредственно и прямо. Успех его мер зависел более или менее от участия главных местных начальств тамошних. К сожалению, некоторые послабления и вкрапившиеся злоупотребления остановили успешный ход учебной части в Закавказских областях и сделали теперь необходимым новое, радикальное преобразование. Замешательства эти тем прискорбнее, что министерство, употребив и время, и значительные капиталы, принуждено выжидать дальнейших благоприятных плодов, которые пока еще не представляются явственно и определительно.

Воспитание домашнее и частное. Воспитание общественное, в заведениях правительством открываемых и под его постоянным надзором и руководством находящихся, составляет, конечно, главное орудие просвещения и нравственной жизни народа. Но рядом с ним идет воспитание домашнее или частное, которое также простирает свою силу на разные состояния в государстве, на разные возрасты и на оба пола. Министерство не должно было оставить без ближайшего и тщательного внимания, оно не могло упустить из виду великого вреда, который может производить учение, предоставленное произволу людей, которые или не обладают необходимыми познаниями и нравственными свойствами для дела столь великой важности, или не умеют и не хотят действовать в духе правительства и для целей, им указываемых. Эта ветвь народного образования тем большего заслуживала попечения, чем упорнее были предрассудки, издавна у нас укоренившиеся об этом предмете. Хотя сила их значительно уже ослаблена пробудившимся народным самосознанием, однако все еще обнаруживали они власть свою в некоторых слоях общества, и особенно высших, и отдавали в руки иностранцев воспитание не малой части русского юношества. Надлежало, не взирая на все это, вклю-

чить и эту ветвь народного образования в общую систему, распространить и на нее усугубленный надзор свой, привести ее в соответствие и связь с воспитанием общественным, доставив перевес отечественному образованию пред иноземным. Бесперывное умножение частных заведений и прибывающих из чужих краев учителей и воспитателей сделали необходимым принять, наконец, особые меры осторожности. После того, как отечественному юношеству открыты были обильные способы к приобретению всех нужных познаний, министерство не поколебалось ограничить число вновь заводимых частных пансионеров в столицах (4-го ноября 1833 г.)¹⁷.

Надзор над частными заведениями. Назначив для постоянного надзора за ними особых инспекторов, оно снабдило их подробными наставлениями. Положение и число этих заведений приведено в совершенную известность. Достоинства каждого из них взвешены и оценены министерством и согласно с тем, одни из них, вовсе не достигавшие своей цели, закрыты, а другие улучшены¹⁸. Чтоб более приспособить предлагаемое в них воспитание к воспитанию в казенных заведениях, все мужские пансионы разделены на три степени, соответственно кругу познаний, приобретаемых в приходских, уездных училищах и гимназиях. Женские пансионы подведены также под разряды, сообразно внутреннему достоинству их и степени образования, в них приобретаемому. Теперь содержатели частных пансионеров могут и должны иметь постоянно в виду свои обязанности, а местные начальства руководствоваться однообразными началами; для этого собраны и изданы правила, существующие для заведений этого рода. Против учреждения их без дозволения правительства установлены меры наказания и училищные и гражданские начальства обязаны бдительно наблюдать, чтобы не вкрадывались никакие подобные злоупотребления.

Положение о домашних учителях. Еще неуловимее, еще недоступнее было для министерства воспитание, совершаемое в домах, и укрывающееся от непосредственного влияния правительства за святыню семейного крова и родительской власти. Министерству оставались тут средства косвенные. Положение о домашних наставниках и учителях (1-го июля 1834), даровав им права и преимущества государственной службы, взамен того определило с точностью все их обязанности и ответственность за нарушение их. Правительство признало заслугой отечеству и государству труды людей, в безвестности подвизающихся на этом скромном поприще и приманкой сильной вызвало на это полезное служение природных русских, которые по укorenившимся понятиям, привыкли предпочитать государственную службу всякой иной. Бессильная старость и беспомощность их сирот

уже не устрашают их: для пенсий составлен особый капитал, непрерывно возрастающий.

Испытание частных преподавателей. Даровав столько выгод всем посвящающим себя домашнему воспитанию, справедливо было допускать в это сословие лишь достойных и благонадежных. Право обучать в частных домах первоначальным сведениям предоставлено только тем, кто выдержит надлежащее испытание, в местах, определенных для того от правительства, и не прежде, как по совершенном удостоверении в его показаниях и нравственных качествах. Частное преподавание без законного дозволения подвергнуто ответственности, и от оно удалены все иностранцы, прибывающие в Россию без удовлетворительных свидетельств об их благонадежности. Время усилить в частных домах образование истинно отечественное и заменить им то, которое доселе приобреталось нередко в духе иноземном, от людей чуждых нашим верованиям, законам и обычаям.

Постепенность учебных заведений. В такой постепенности развивалось устройство низших и средних учебных заведений министерства народного просвещения. Между ними и университетами посредствующим звеном в некоторых частях империи служат отдельные заведения, обязанные своим учреждением щедрым пожертвованиям и рвению о благе просвещения некоторых частных лиц. Нежинский лицей князя Безбородко¹⁹ получил новый устав. При Лазаревском институте восточных языков²⁰, в Москве, имеющем свое специальное назначение, открыто особое отделение для образования юношества духовного звания, и курс распространен двумя новыми классами (31-го января 1841). 2-го августа 1833 преобразован ярославский Демидовский лицей²¹. Ришельевский лицей в Одессе²², служа средоточием учебной системы особого округа, постепенно возводился на высшую степень ученого значения и почти приблизился к полноте университета. Совершенное обновление его произошло с введением нового устава (29-го мая 1837).

Главные виды при преобразовании университетов. Предмет обширных и самых тщательных соображений представляло преобразование университетов, как высших учебных заведений, в которых юношество разных состояний получает окончательное образование; откуда, обогащенное знаниями основательными, оно должно выходить готовое для выполнения обязанностей, возлагаемых на него государственной службой и жизнью общественной. Министерство имело при этом две главные цели: во-первых, возвысить университетское учение до рациональной формы, и, поставив его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному вступлению в службу молодежи еще незрелой; во-вторых, привлечь в университеты детей высшего

класса в империи и положить конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами; уменьшить господство страсти к иноземному образованию, блестящему по наружности, но чуждому основательности и истинной учености, и, наконец, водворить как между молодыми людьми высших сословий, так и вообще в университетском юношестве, стремление к образованию народному, самостоятельному. Высочайше утвержденным 26-го июля 1835 года общим университетским уставом полное преподавание высших знаний введено в три факультета: философский, юридический и медицинский. Число кафедр по этим трем ветвям наук умножено и курсам дана надлежащая обширность. С началом 1836 года новое образование введено в университеты С.-Петербургский и Московский; вслед за ними, через год, Харьковский и Казанский вступили в эпоху своего возрождения. Особые правила, начертанные для испытания желающих поступить в университеты (29-го января 1837 г.)²³, удалили от университетского учения молодых людей, еще неприготовленных к нему предварительным обучением. Постановив 16-ти летний возраст необходимым условием для принятия в число студентов, эти правила определили в точности степень познаний, без которых посещение университета было бы для молодого человека бесполезной тратой времени, для самого заведения — невыгодным обременением. Продолжительность курсов определена: в медицинском факультете пятилетняя; для прочих же положено 4 года. Воспрещение оставлять студентов долее двух лет в одном курсе понуждает их пользоваться учебным временем с рачительностью и прилежанием. Положение об испытании на ученые степени в течение пяти лет поверялось опытами всех университетов, и можно с достоверностью ожидать, что оно составит в полной мере удовлетворительное постановление, соответствующее настоящему требованию наук и ходу общественного образования. Особыми распоряжениями университетские курсы сделаны доступными как не служащим, так и находящимся уже на службе чиновникам (23-го января 1834 г.), также людям, которые пожелают совершенствоваться в медицинских науках (2-го января 1834 г.).

По установлении таким образом единства в университетском преподавании в Империи, оказалось возможным дозволить студентам переходить из одного университета в другой для пользы своего образования, с зачетом времени, проведенного в прежнем; однако свободе этой, особыми условиями для таких переходов, постановлены должные границы (3-го ноября 1837 г. и 27-го января 1838 г.)²⁴. При неудобстве иметь за студентами надлежащий надзор инспекторам из профессоров, положено определять в С.-Петербурге инспектора из посторонних чиновников (5-го декабря 1833 г.); такие же инспекторы введены при университетах Московском, Казанском, Харьковском и Св. Вла-

димира; и им дана особая инструкция, по образцу высочайше утвержденной для первого из сих заведений.

Обучение специальное. Учебные заведения министерства народного просвещения, по самому свойству своему, истекающему из особенности целого устройства учебной части по всем отраслям государственного управления, предназначены преимущественно для распространения образования общего, равно пригодного во всех положениях жизни, без прямого отношения к какому-либо частному призванию и роду занятий. Заведения специальные, будучи учреждаемы и содержимы, по большей части, теми ведомствами, к которым они непосредственно относятся, как бы по необходимости, отделили от училищ министерства народного просвещения все, что не относится особенно к образованию общему. Опыты многих веков и примеры просвещеннейших народов единогласно признают классическое учение самым превосходнейшим и действительным способом к такому умственному развитию. До того в заведениях министерства народного просвещения, при преобразовании учебного плана, усилено, сколько того требовала и позволяла общая соразмерность, преподавание классических языков. Стараясь привлечь к изучению греческого языка и словесности, министерство руководствовалось не только убеждением в дознанном превосходстве этого способа к умственному усовершенствованию, но и в необходимости основать новейшее русское образование тверже и глубже на древней образованности той нации, от которой Россия получила и святое учение веры и первые начатки своего просвещения²⁵. Основательное изучение древних классических языков утвердилось прочно не только в гимназиях, где юношество готовится к окончательному ученому образованию в университете, но введено во многие даже уездные училища. Однако министерство не могло и не желало оставить без удовлетворения обнаружившееся повсеместно общее стремление к промышленности. Не отрекаясь от главного филологического характера обучения в его заведениях, оно не упорствовало в направлении одностороннем и исключительном. Для того в число задач, которых разрешение предлежало его попечительности, оно включило решение вопроса о приспособлении главнейших начал наук общих к техническим потребностям ремесленной, фабричной и земледельческой промышленности.

К улучшению земледелия в России открываются, по мере приготовления преподавателей, кафедры агрономических наук в университетах; в значительных городах, где нет университетов, учреждаются публичные лекции об этих предметах. К усилению фабрик устроены при некоторых гимназиях и уездных училищах реальные классы, а в университетах публичные чтения технических наук. При С.-Петербургском университете введены лекции о сельском хозяйстве, лесо-

водстве и торговом счетоводстве; при Московском — курсы сельского хозяйства, агрономии и технической химии и курс построения машин, практической механики и начертательной геометрии. При Дерптском университете, кроме публичных чтений о практической химии, механике и о прочих частях технологии, учреждено практическое учебное заведение сельского хозяйства в Альткустгофе²⁶. Такие же публичные лекции открыты при университете Св. Владимира и предположено учредить образцовые хутора по крайней мере при некоторых университетах. С преобразованием Ришельевского лицея учреждены при нем также кафедры сельского хозяйства и лесоводства. Открытие в Москве новой гимназии с реальным при ней отделением было первым приступом к распространению технического учения и на средние и низшие учебные заведения. Кроме того, для наставления промышленного сословия в полезных ему познаниях, открыты реальные классы в Туле, Вильне и Курске, а в Риге и Керчи при уездных училищах. При митавской гимназии открыт курс лесоводства. Москва, как центр русской промышленности, требовала больших учебных пособий; потому при втором уездном и Алексеевском приходском училищах учреждены воскресные классы технического рисования для всех сословий и преимущественно для ремесленных и мануфактурных промышленников. В Коломенском уездном училище преподается курс сокращенной технологии и бухгалтерии. В Екатеринбурге, одном из центральных пунктов горной промышленности и торговли с Сибирью, учреждены, при уездном училище, дополнительные курсы коммерческих наук, бухгалтерии, минералогии и геогнозии²⁷. Для доставления торговому сословию в Архангельске средств к приобретению нужных для него познаний, учрежден еще реальный курс. В Таганрогской гимназии открыто преподавание коммерции и бухгалтерии. Не оставлены без внимания и дети женского пола, предназначенные к ремесленному быту: при главном немецком училище в Петербурге учрежден класс для безмездного обучения их.

После учреждения сих классов заботы министерства обращены были на снабжение их надлежащими учебными пособиями: лучшие учебные руководства по реальным наукам на немецком языке рассмотрены в С.-Петербургском университете и приступлено к переводу нужнейших на русский язык. В преподавании технических наук водворен порядок данным на сей конец особым наставлением и приняты меры к снабжению реальных отделений собраниями моделей, машин и химических принадлежностей.

Восточные языки и словесность. К предметам обучения специального можно, в некотором смысле, причислить восточные языки и ориентальную филологию. Россия, господствующая над значительной частью Азии, сохраняя под державой своей многочисленные

и различные письмена азиатские, избрана судьбой, пред всеми другими просвещенными народами, на изучение Востока, его наречий, литератур, памятников его истории и верований. Подробное и основательное знакомство с сею колыбелью рода человеческого и заветных его преданий было постоянным предметом усиленного внимания министерства народного просвещения. Общим уставом университетов русских в 1835 году, высочайше им дарованным, положены при них кафедры восточной словесности, в круг которых входят языки: арабский, турецкий и персидский; в Дерптском университете, для слушателей богословия, преподается еще язык сирийский; в С.-Петербурге читаются публичные лекции сравнительной филологии и санскритского языка. В Москве Лазаревский институт восточных языков получил особые права и старается о распространении познаний о Востоке, успешно образуя для армянского народа чиновников военных и гражданских, переводчиков и учителей. Географическое положение Казани на рубеже Европы и Азии в соседстве с народами, недоступными для прочих европейцев, делало этот город самым удобным средоточием для ученых исследований наречий и племен востока, для передачи Европе познаний о сей любопытной части света и постепенного сближения ее жителей с образованностью и науками европейцев. Между тем как в Европе ориентальная филология не может переступить за пределы кабинетного изучения, наравне с мертвыми языками древности, — там изучение разных наречий азиатских вступает в разряд практических занятий ими как языком живым, посредством обращения и сношений с народами, которые ими говорят. Восточное отделение в Казанском университете предоставляет самый полный объем наук для познания Востока. В состав его входят: словесность арабская, персидская, турецкая, татарская, китайская, монгольская, санскритская и армянская. Между всеми университетами европейскими, Казанский есть первый, в котором учреждена кафедра монгольского языка; сверх того, предположена кафедра тибетского. Для преподавания и практических упражнений определены коренные жители восточных стран; в сословии учащихся университет Казанский и гимназия считают уроженцев Мазандерана, Дербена, Азербиджана²⁸, турецких хаджи²⁹ и бурятских лам³⁰. В особенности обращено внимание на применение некоторых училищ Казанского учебного округа к умственным способностям восточных народов и уроженцев того края, и к государственной надобности иметь людей, основательно знающих его языки, для определения их не только учителями по ведомству министерства народного просвещения, но и в качестве должностных лиц по ведомству других министерств: иностранных дел, внутренних дел и финансов. При университете в Казани значительное число воспитанников на казенном содержании изучают

восточную словесность с обязанностью прослужить шесть лет по назначению начальства. Обучение восточным языкам начинается там с гимназий и средних учебных заведений. В первую Казанскую гимназию введено преподавание языков: арабского, персидского, турецкого, татарского, монгольского и китайского. Из 80-ти казеннокоштных воспитанников 14 получают в ней это образование на казенном иждивении (2-го января 1836 г.), и к оному допущены дети татар, бурят и других уроженцев Сибири. Полудикие сыны степей Монголии охотно воспринимают благотворные семена просвещения. Один из забайкальских бурят, окончив полный гимназический курс, перешел уже в университет³¹. По довершении образования своего, поступив на службу на родине, этот молодой бурят уповательно будет иметь самое полезное влияние на своих соплеменников; пример его не останется без подражания. Окончившие курс в заведениях Казанского округа с пользой занимают уже разные должности в столице, в Казани, Тобольске, Омске, Оренбурге, Астрахани, Одессе, Тифлисе, Иркутске, при посольствах и миссиях в Азии. В Астраханской гимназии открыты, сверх классов татарского, классы языков персидского и армянского. Сей последний язык преподается там также в Агабабовском училище³², которое 21-го мая 1838 года получило коренное преобразование. В Одесском округе Ришельевский лицей имеет кафедры языков: арабского, турецкого и персидского. Татарскому отделению Симферопольской гимназии дано новое положение (15-го мая 1838 г.) и открыты татарские классы в уездных училищах: Бахчисарайском, Перекопском и Карасубазарском. В гимназии Кавказской преподаются языки: татарский и армянский; на преподавание первого обращено особенное внимание и изучение его требуется непременно от всех вообще учеников; а за Кавказом, в Тифлисской гимназии, языки: грузинский, татарский, армянский и персидский; то же и в тамошних уездных училищах, по усмотрению местных нужд, например, в Кутаисском — татарский. В отдаленной Сибири, в училище Нерчинском, введен монгольский язык, по желанию торгового сословия этого города.

Для довершения общей картины всего, что доселе сделано для ученого исследования азиатских языков в России, я упомяну здесь же, мимоходом, о заслугах Императорской Академии наук по этой ветви человеческих познаний. Как Казань служит средоточием для обучения восточным языкам, так восточное отделение академии есть первый рассадник ученых трудов над изъяснением Востока. Ее азиатский музей, постепенно обогащавшийся значительными приобретениями то от щедрот правительства, то на счет собственных средств академии, принадлежит уже к лучшим учреждениям этого рода, представляя самые обильные материалы для ученых изысканий о народах

востока. В сословии членов Академии литературы магометанские: монгольская и тибетская, санскритская, грузинская и армянская имеют достойных представителей, заслуживших справедливое уважение ученого мира. Трудями их магометанская нумизматика, в связи с отечественной историей, поставлена на высокую степень совершенства; словесность грузин и армян приобрела право гражданства в кругу ориентальной филологии; исследованы азиатские источники истории славяноруссов и племен средней Азии. Россия может с неоспоримым правом похвалиться водворением и пояснением языка и словесности монгольской, дотоле недоступной и неизвестной для остальной Европы. Учебные пособия, изданные Академией для тибетского языка, который составляет священное наречие многочисленных обитателей средней Азии, рассеивает уже густой мрак, который доселе скрывал исторические судьбы этих обширных стран от взоров исследователей. Иностранцы ученые, еще недавно обвинявшие Россию и втайне, и гласно в недостатке основательных изысканий о Востоке, ей сопредельном и подвластном, теперь единогласно и с изумлением прославляют учреждения правительства русского и услуги, оказанные учеными России по этой части в такое короткое время и с таким несомненным успехом.

Приготовление учителей и профессоров. Быстрое развитие учебных заведений породило потребность особого рода, к удовлетворению которой министерство народного просвещения должно было изыскивать средства новые и обширные, я разумею наполнение всех заведений, начиная с низших до высших наставниками способными и достойными сего звания и доверия к ним. Правительство призывало все сословия Русского народа к полезному образованию чрез училища, открываемые на пользу общую; постигнув благодатные следствия просвещения, все состояния убедились в необходимости познаний; училища умножаются, наполняются, приспособляются к общежитию. Увеличение числа заведений требовало новых преподавателей, усовершенствование и возвышение достоинства училищ требовало преподавателей лучших. Заботы министерства об этом предмете простирались равно на все роды учебных заведений. Одним из самых действительных средств к улучшению состава сословия учащихся министерство считало улучшение и обеспечение их положения. Пржнее, довольно ограниченное их содержание заменено на всех степенях училищной системы новым, освобождающим их от забот о безбедном существовании. Положением о производстве в чины, пенсиях и пособиях по учебной части (18 ноября 1836 г.) профессора, учителя и все служащие собственно по учебной части, обеспеченные в повышении в порядке государственной службы, этими выгодами удержаны надолго на учебном поприще. Преимущества 25-летней выслуги

определены еще с большей точностью в особых Высочайших повелениях (13 апреля и 23 ноября 1837 г.)³³. Служащие в отдаленных краях Империи, на Кавказе, в Грузии и в Сибири, нуждались и прежде в особенном ободрении за утрату тех важных удобств жизни, которые представляло им пребывание во внутренних областях государства. Они не забыты при общем возвышении выгод учебного звания и при новых правилах для производства в чины по гражданской части. Для них издано новое положение (12 февраля 1836 г.) и преимущества их распространены и на Астраханскую дирекцию (указом 3 марта 1837 г.). Учителя приходские исключаются из подушного оклада и дозволено считать их в службе; скромная деятельность их поощряется производством отличнейшим из них, и по смерти их семействам единовременных пособий. Подробное наставление об испытании кандидатов на места уездных учителей (16 и 30 ноября 1835 г.) оградило учебные заведения от преподавателей, не соответствующих обязанностям, на них возлагаемым³⁴. Для усиления в Одесском округе способов к замещению учительских вакансий в уездных училищах (28 ноября 1838 г.) содержатся в пансионе при гимназии Ришельевского лицея казенные воспитанники, приготавливаемые собственно на службу по учебному ведомству, сверх находящихся уже в пансионах при гимназиях Кишиневской и Херсонской. При Архангельской гимназии воспитывается 10 казеннокоштных учеников для звания уездных учителей. В Сибири определение учителей в гимназии облегчено дозволением испытывать кандидатов на месте, по вопросам, даваемым от Казанского университета, и представлять в оный на утверждение один лишь протокол испытания (21 августа 1833 г.). Впоследствии высочайше одобрены еще действительнейшие меры (9 декабря 1835 г.): в сибирских гимназиях образуются воспитанники на казенном содержании для поступления в звание уездных учителей, а предназначенные из них в учителя гимназии, доканчивают свое образование на иждивении казны уже в Казанском университете. Для приготовления учителей агрономии, послано было 8 человек в Дерптский университет для предварительных занятий семи науками и довершения своего образования за границей. При С.-Петербургском университете приготовлялись 6 студентов для занятия потом мест учителей технических наук. Для приготовления преподавателей сельского хозяйства Высочайше повелено образовать в том же университете 3-х студентов и послать потом в чужие края. Отделение Симферопольской гимназии для приготовления татарских учителей преобразовано; сверх 20 казенных воспитанников принимаются и своекоштные пансионеры из детей татар. Для возбуждения ученой деятельности между преподавателями гимназий поставлено им в обязанность представлять опыты

их трудов. Университеты, подвергая сии опыты своему рассмотрению и оценке, лучшее из них издадут в свет.

Главный Педагогический институт. Между всеми отечественными учебными заведениями преимущественное назначение удовлетворять существенным требованиям распространяющегося у нас просвещения дано Главному Педагогическому институту. Ни одно учебное заведение не имеет в таком объеме столь положительной цели — приготавливать наставников чрез практическое упражнение в преподавании, создать и укоренить в отечестве нашем самостоятельное ученое сословие, независимое в развитии умственной деятельности от влияния чуждых систем и примеров. Со времени учреждения своего, институт совершил уже три полных курса³⁵. Первый, оконченный в 1835 году, доставил учебным заведениям 92 наставника, из которых 11 тогда же были отправлены в чужие края; возвратившись в отечество обогащенные познаниями, они распределены адъюнктами в университеты наши. До окончания второго курса выпущены были некоторые из окончательного курса, из среднего, большей частью в Киевский, С.-Петербургский и Казанский округа. Все число приготовленных Главным Педагогическим институтом, в течение трех курсов, преподавателей простирается уже до 230. Даже и те молодые люди, которые, не окончив курса, поступают в уездные и приходские училища, приносят туда, хотя не совершенно еще созревшие, но при всем том лучшие методы, составляющие отличительную черту сего заведения. Издавна уже был ощутителен недостаток в заведении, предназначенном собственно для образования учителей начальных училищ. Еще в 1817 году, в бытность мою попечителем С.-Петербургского учебного округа, сделан был мной первый опыт — и не без успеха — к удовлетворению этой существенной потребности; но учреждение это существовало недолго после моего увольнения от должности попечителя³⁶. Время потеряно безвозвратно; но тем необходимее надлежало поспешить вознаградить его. В 1838 году учреждено при Главном Педагогическом институте под названием второго разряда особое отделение на 30 воспитанников, приготавливаемых в учителя уездных училищ. Заведение сие, после четырехлетнего существования в виде опыта, получило окончательное устройство, соответствующее ближайшей его цели. Оно уже приготовило 30 молодых людей, которые вскоре будут распределены по разным учебным заведениям и начнут свою полезную деятельность во многих отдаленных пунктах Империи. По особому распоряжению моему в институте всегда содержатся для изучения русского языка несколько воспитанников из окончивших курс в Дерптской учительской семинарии. Они определяются учителями русского языка в остзейские губернии, как скоро оказываются надлежащим образом к тому приготовленными, и заменяются новыми.

Высшие ученые учреждения наши, университеты, нередко находились в необходимости приглашать для занятия в оных кафедр разных наук преподавателей иностранных. Эта необходимость, если не устранена вполне, по крайней мере значительно умалена учреждением при Дерптском университете профессорского института, в виде временной меры. Все университеты наши доставили для этого призвания самых отличных из своих воспитанников. Приготовив себя там для профессорского звания, они довершили свое образование в лучших иностранных университетах, под руководством знаменитейших ученых Европы. Заняв потом кафедры профессорские, они с честью действуют во благо науки и просвещения и многие из них учеными трудами своими уже нискали справедливую и заслуженную известность не только в отечестве нашем, но и в ученом свете вообще. После двукратного выпуска из профессорского института, Ваше Императорское Величество высочайше соизволили на прекращение дальнейшего существования этого учреждения³⁷. Университеты, обновленные и преобразованные, уже сами готовят будущих своих преподавателей, которые, по получении высших ученых степеней, вступают на ученое свое поприще на несколько лет, по крайней мере на два года. Испытав и доказав свои силы и способности для этих занятий по приобретении надлежащей предварительной опытности, они после того в виде поощрения отправляются в такие заграничные места, где с наибольшей пользой могут основательно изучать науки, избранные ими предметом своей деятельности и жизни. Ученые путешествия сих молодых людей служат непрерывной и живой связью между образованностью отечественной и развитием наук в Европе и постоянно поддерживают русское ученое сословие и русские университеты на высоте знаний народов, опередивших нас некогда на стезе образования.

Общий взгляд на учебную часть. Представив в общем обзоре все действия министерства народного просвещения в течение последнего десятилетия относительно заведений собственно учебных, мне остается еще в кратких чертах указать главные результаты, к достижению которых оно стремилось. Первая задача, по воле Вашего Величества ему предлежавшая, состояла в следующем: «Преобразовать и согласить между собой все дотоле учрежденные учебные заведения и привести их, так сказать, к одному началу, поставляя это начало в образовании учебной системы, которая с одной стороны, возрастала бы из самых оснований нашего быта, а с другой, шла бы рядом с современным неизбежным развитием наук и просвещения в Европе; вместе с этим, расположить все части публичного воспитания так, чтобы оно привлекло к себе не только юношество среднего сословия в государстве, но и юношество высшего, образование коего совершалось до тех

пор наудачу, посредством иностранных воспитателей и в тесном кругу домашних предрассудков».

В отношении к этому вопросу, без преувеличения и тщеславия можно сказать, что та и другая цель достигнута. Русские университеты, преобразованные в духе и в форме преподавания, составляют нечто целое, которое соответствует требованию времени и видам правительства. Я не скажу, чтоб университеты вполне уже приняли развитие, им принадлежащее, но смею думать, что всякий, кто беспристрастно уважит материалы, из коих надлежало почти вновь соорудить эти высшие учебные заведения, который внимательно рассмотрит нравственное их положение в сравнении с предыдущим, увидит все, что отличает их настоящий вид от прежнего. Он увидит на скамьях университетских детей высшего сословия, отцы коих находились на службе в тех годах, когда сынам предстоит еще подвергнуться экзамену, дабы получить право сделаться питомцами университетскими. Он увидит на кафедрах профессоров русских младшего поколения, не уступающих ни в чем лучшим иностранным преподавателям с тем только различием, что природное чувство привязанности ко всему народному укрепляет между ими и слушателями благородную связь, дотоле небывалую или, по крайности, не в этой мере утвержденную. Можно с гордостью сказать, что в течение десятилетия, ни один из сих молодых преподавателей не дал правительству ни малейшего повода к сомнению или недоверию; прибавим даже, что кто из них отличнее по таланту, тот и замечательнее по чувству русскому и по непорочности мнений.

В ближайшем отношении к сему предмету состояло преобразование и расширение всех второстепенных училищ в Империи. Не останавливаясь на том, что число их, посредством губернских благородных пансионов, удвоено в десять лет, я не затрудняюсь доложить Вашему Величеству, что в совокупности средние заведения, может быть, еще более явили успехов, чем высшие. Развитие их многосложное, разнovidное, затруднительное по недостаточному числу учителей и учебных книг, по материальному недостатку помещения и пособий, это развитие совершилось как будто чудом, от одного приглашения Вашего Величества дворянству Империи. Монаршая воля везде исполнена с радушием, с щедростью, с самоотвержением. Ныне едва ли не каждая губерния, кроме хорошо устроенной гимназии, имеет и свой благородный пансион, который освобождает родителей от необходимости посылать толпой детей своих в столицу для предварительного образования. Я позволю себе прибавить, что по всем сим огромным пожертвованиям дворянства никогда не возникало, в продолжение десяти лет, никакого недоумения с той или с другой стороны, и что все отношения министерства к разным дворянским сословиям в Империи основаны на обоюдном доверии и согласии.

Между тем домашнее воспитание, приведенное в устройство и которое министерство подчинило себе непосредственно во всех движениях от размножения и укоренения средних воспитательных заведений, мало-помалу было поглощено воспитанием публичным. Ныне частные училища или пансионы составляют малейшую частицу в средствах народного образования.

Отделение второе

ОТДЕЛЬНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ЧАСТЕЙ УЧЕБНОГО ВЕДОМСТВА

А. По западным губерниям

Общий взгляд. Взаимные отношения России к Польше, продолжавшиеся более трех столетий в разных, резко изменявшихся видах, общее их происхождение из одного корня и враждебное чувство, поселившееся между ими в этой непрерывной междоусобной борьбе, произвели порядок вещей беспрецедентный, можно сказать, в истории и неизвестный в ряду государственных соображений иных правительств. Это веками приуготовленное положение связало судьбу сих двух народов столь твердыми узами, что каждая эпоха, каждое мгновение политической жизни того и другого носит на себе отпечаток этого совокупления тяжкого, неразрывного, может быть нежеланного. События, давшие одному из сих государств решительный перевес перед другим и подчинив окончательно одно из этих племен владычеству другого, не могли совершиться без потрясений всякого рода³⁸. Это судорожное движение отразилось на каждой странице нашей прошедшей и современной истории, на каждой сокровеннейшей струне сердца, на каждом явлении ума и мышления. Оно сильнее всего выразилось в долговременной, взаимной ненависти одного языка к другому, римской церкви к православной, западной цивилизации к восточной. В мерах, принятых в последние 60 лет к исцелению этой глубокой язвы, заметны, к сожалению, та же неопределительность, та же шаткость, как и в прочих опытах сего рода. То быстро и смело в губерниях, от Польши отпадающих, водворяются начала единства умственного и законодательного; то, обращаясь к противоположности, эти учреждения забываются, и наоборот, туземный дух, торжествующий и усиливающийся, усваивает себе и приспособляет к своим тайным мечтам отступление от мудрых начинаний прежнего времени. Посреди сей борьбы двух начал, одного сильного числительным могуществом, другого ухитрившегося слабостью и угнетением своим и ловкого к уловлению собственных выгод, посреди этой борьбы, сопровождаемой извне событиями кровавыми и бедствиями народными, после столь многих неудачных опытов, приступ к сближению

этих двух враждебных стихий казался едва ли возможным; но Ваше Величество, обдумав глубоко уроки прошедшего и проникая в будущность, изволили признать, что в пользу грядущих поколений умственное слияние сих начал с надлежащим перевесом русского, должно считаться единственным путем к цели, столь тщетно искомой. Следуя великой мысли развить русскую национальность на истинных ее началах и тем поставить ее центром государственного быта и нравственной образованности, Вы повелели мне при вступлении в управление Министерством народного просвещения немедленно заняться соображением всех мер, ведущих к этой высокой, но отдаленной цели.

Приступ к преобразованию учебной части. Уничтожение Виленского университета и Волынского лицея³⁹, обманувших ожидания правительства и под руководством горсти злонамеренных, употребивших во зло доверие, им оказанное, было естественным последствием мятежа 1830 г. При вступлении в управление министерством, на всем пространстве от Немана до Днепра, не только не было высшего учебного заведения в полном объеме, но и весь состав второстепенных учреждений училищных или находился в развалинах, или подлежал изменению в главных основаниях и даже в географическом распределении. Мысль основать высшего звания лицей или университет в Орше не представляла никакого ружья в пользу или успехе одного. Везде воспитание и учение юношества следовали прежнему превратному направлению. Язык русский едва был слышен на этом огромном пространстве; даже в близкой, родственной Литве звуки его были чужды и незнакомы. Словом, образование юношества было устроено не в видах общей государственной пользы, но под влиянием местных страстей и предрассудков.

Таким образом, первой обязанностью министерства явилось полное и коренное преобразование всего существующего в том крае по учебной части: необходимость коснуться в одно время всех степеней народного воспитания проистекала из самого положения вещей.

Белорусский учебный округ. Вследствие сего, начиная с белорусского учебного округа, заключающего в себе северную часть губерний, от Польши возвращенных⁴⁰, министерство озаботилось приличным образованием средних и низших училищ по пространству шести губерний, именно: Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской и области Белостокской.

Так утверждены штаты для сих заведений (3 января 1834 и 14 октября 1836 г.); в Гродне и Вильне открыты гимназии немедленно; при Виленской гимназии благородный пансион, во многих местах дворянские и приходские училища. Общий устав учебных заведений введен в училища Белорусского и Киевского округа (5 июня 1834 года). Повсюду назначены новые начальники, новые преподаватели. Препода-

вание польского языка прекращено в 1836 г.⁴¹ Везде начертаны новые курсы; обновлены и очищены все средства образования, исправлены недостатки, и уже в 1837 году Виленские училища удостоились посещения Вашего Императорского Величества и очастливились Вашим одобрением. В 1838 году по тщательном осмотре учебных заведений в Вильне, Гродне и Белостоке я мог донести Вашему Величеству, что водворение русского образования в литовских губерниях можно было считать решительно конченным.

Не останавливаясь на исчислении многочисленных разнородных распоряжений, наполняющих архивы министерства, и на объяснение неослабно принятых мер, обращаюсь к одной из главных, к учреждению университета Св. Владимира в Киеве (последовавшему 8 ноября 1833 г.), который долженствовал служить центральным пунктом вновь образующейся учебной системы в западных губерниях. Дабы без предубеждения постигнуть виды министерства, следует принять во внимание следующее.

Университет Св. Владимира в Киеве. Намерение правительства, при учреждении этого высшего учебного заведения*, заменившего собой бывший Виленский университет и лицей Волынский, состояло в том, чтобы в возвращенных от Польши губерниях дать образованию юношества направление, согласное с общим духом народного просвещения в России и соответствующее особенным потребностям того края. Новый университет должен был, по возможности, сглаживать те резкие характеристические черты, которыми польское юношество отличается от русского, и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности, сблизать его более и более с русскими понятиями и нравами, передавать ему общий дух русского народа.

Избранные средства к преобразованию юношества. Соединение польского юношества с русским в первопрестольном городе России⁴², основательное изучение русского языка и словесности, знакомство с учреждениями и установлениями русскими: вот главные средства, которые были в виду для достижения этой важной цели.

Но при самом приведении сего обширного плана в исполнение, естественно должны были встретиться препятствия сильные и разнообразные. Страсти, возбужденные беспорядками в западных губерниях, еще не вполне утихли, волнение умов продолжалось. Большая половина питомцев университета Св. Владимира должна была прийти с теми впечатлениями и чувствами, с тем расположением духа, какие почерпали они в домах своих родителей и родственников, из которых многие деятельно участвовали в мятеже, и, разве с малым исключением, были враждебно расположены к России. Дворянство

* Всеподданнейший доклад 8 ноября 1837 года.

западных губерний, привыкшее к преподаванию в училищах всех предметов на польском языке и к духу отдельной национальности, желало того же и во вновь открытых училищах. Напротив, с другой стороны требовали не только явного противодействия прежнему, но и непрерывного, резкого выражения ононого во всех отношениях, — требовали, забывая, что эти насильственные меры остановили бы надолго исполнение главной цели правительства, когда бы жители того края перестали отдавать своих детей в публичные заведения, и тем сделали бы невозможным правильное образование возрастающего поколения. По сему заранее можно было ожидать и с той и с другой стороны предубеждений и недоверчивости к действиям университетского начальства. Наконец, одним из главных препятствий было влияние римско-католического духовенства, в руках коего находилось дотоле публичное и частное воспитание в губерниях, от Польши возвращенных⁴³.

Замешательства в губерниях, от Польши возвращенных. Эти рассуждения, почерпнутые из всеподданнейшего доклада 8 ноября 1837 года, ясно доказывают, что министерство, действуя по начертанию и в духе Вашего Величества, не скрывало от себя ни затруднений сего предприятия, ни временных неудач, коим оно силой вещей могло быть подвергнуто. И действительно эти опасения частью оправдались событиями 1838 года. Когда из-за пределов России внесен был в западных губерниях преступный и долго обдуманый замысел горсти отчаянных врагов порядка, когда всеобщее воспламенение умов овладело едва ли не всеми сопредельными губерниями, одна искра этого огня была заброшена и в возникающий университет⁴⁴. Это печальное событие, побудившее правительство приостановить временно деятельность университета, не менее того представило тогда же Вашему Величеству неоспоримое доказательство, сколь метко и безошибочно было Вами обдуманно и министерством приведено в действие предприятие врачевать дух возрастающего в тех губерниях поколения, и тем положить решительную преграду между сим поколением и предшествующими.

Цель заговорщиков. Захваченные у Конарского⁴⁵ бумаги вполне обнаружили, что все почти усилия революционного духа были устремлены на новые учебные заведения наши. «Пока народ дышит, есть жизнь, — писал князь Чарторыйский⁴⁶ к эmissарам от 20 июня 1836 года, — можно ручаться за стечение благоприятных обстоятельств; но когда жизнь народа оцепенеет, то напрасно будут представляться оные: к бездыханному телу никто не прострет руки. Это весьма хорошо понимают наши враги и потому завели жаркую борьбу против крае-

* Всеподданнейший доклад 23 сентября 1838 года.

угольного начала нашей гражданской жизни; не столько было опасения о жизни народа, когда русские сражались с мечом в руках. Матери должны вливать в сердца детей это чувство вместе с чувством любви к отечеству и к отечественному языку, к искоренению коего стремятся наши притеснители»*.

Но буря, грозившая ниспровергнуть в западном крае все начинания правительства касательно публичного воспитания, встретила недремлющими исполнителей Монаршей воли. К счастью, она пронеслась мимо учебных заведений в Литве, в Белорусских и южных губерниях, где число воспитанников простиралось от 15 000 до 20 000. В университете Св. Владимира несколько незрелых юношей, зараженных извне политическими мечтаниями родителей и их сообщников, сделали жертвами этого отчаянного покушения революционного духа. Некоторые из сих студентов подверглись наказанию, от коего, впоследствии, многие получили помилование от щедрот Вашего Величества; это событие служило поводом к некоторому изменению в плане университета и в лицах, к оному принадлежащих. Указом 9 января 1839 г. повелено приостановить чтение лекций в университете. По совершении надлежащих перемен в уставе университета и вследствие удостоверения и ходатайства главного местного начальства, 26 апреля того же года было разрешено восстановить чтение лекций с 3 сентября.

Принятие мер по университету Св. Владимира. Временные замечательства, обнаружившие сокрытое направление умов, послужили министерству народного просвещения побуждением усугубить наблюдение свое за общественным воспитанием в том крае. Почерпая в современных обстоятельствах назидания и указания для дальнейших своих действий, оно увидело необходимость сделать новый шаг для того, чтобы еще решительнее и резче отделить поколение взрослое, вышедшее уже за черту его влияния, от юного возраста, который министерство стремилось усвоить правительству и охранительному действию его распоряжений. Положением особого Комитета, высочайше утвержденным (23 апреля 1840 года) дано постоянное образование закрытым учебным заведениям, в которых значительное число детей достаточного класса уже ограждается непрерывным наблюдением учебного начальства от внешних неблагоприятных влияний⁴⁷. Министерство распространило это наблюдение и на вольноприходящих

* В инструкции, князем Чарторыйским же данной, в коей он упрекает жителей литовских губерний в том, что они далеко отстали в патриотизме от галицийян, мазуров и жителей Царства Польского, строго предписывается собирать подобные сведения о состоянии училищ, ныне открытых, об образе мыслей учеников и учителей, о языке, на котором преподаются учебные предметы, о духе, в коем действует это преподавание, о закрытых правительством училищах и т.п.

воспитанников учебных заведений. Живя дотоле в частных домах, у людей большей частью бедного сословия, которые ни своими понятиями, ни мыслями, ни образом жизни не могли служить примером для детского возраста, ученики гимназий и уездных училищ все внеклассное время оставались без надзора и под влиянием, всегда невыгодным для нравственного их усовершенствования. Министерство учредило для них общие квартиры, под присмотром особых надзирателей. Заведения эти, разделенные на несколько разрядов, устроены по образцу благородных пансионов и учреждаются при всех гимназиях и уездных училищах западных губерний, где только окажется возможность, и уже 1-я и 2-я Киевские, Каменец-Подольская, Житомирская, Ровенская, Винницкая и Немировская гимназии, Меджибожское и Златопольское дворянские уездные училища пользуются ими. По Белорусскому учебному округу также приступлено к учреждению сих заведений на том же основании, на каком они устроены в Киевском. Везде принимаются они большинством жителей с готовностью и убеждением в несомненной пользе, и министерство считает себя вправе ожидать самых благоприятных последствий от этой меры, соединяющей материальные выгоды с нравственной пользой воспитывающегося юношества. Ежели местные обстоятельства не везде, может быть, и не вскоре приведут правительство к желаемой цели, по крайней мере, оно значительно приблизится к оной.

Женское воспитание. Министерство не оставило без внимания и женское воспитание в западных губерниях. Преобразование его встречало преграды особого рода: с давних пор жители того края привыкли видеть образование своих дочерей в руках некоторых женских монашеских орденов, которые в этом занятии полагали исполнение церковного обета и способы к существованию. Нелегко было преодолеть вместе и народные предубеждения, и чувство религиозное. По самому свойству вещей это дело могло совершаться медленно и трудно. Надеяться на успех можно было не прежде, как когда жители края удостоверятся собственным наблюдением в превосходстве заведений, учрежденных правительством, и в строгости нравственного в них надзора за воспитанием девиц. При всех сих затруднениях, заведения министерства наполнились вскоре воспитанницами и быстро достигли замечательного процветания; благородный институт в Белостоке занял первую степень между учреждениями этого рода. Затем последовали такие же институты в Киеве и близ Могилева (на даче Пипенберг), и целый ряд образцовых частных пансионов в Витебске, Полоцке, Минске, Гродно и Вильне. Подобные же пансионы возникают в Житомире, Виннице, Каменец-Подольске и проч. Во всех частных девичьих пансионах введено — и введено с успехом, превзошедшим ожидания, — преподавание русского языка. Содержимые при

римско-католических девичьих монастырях пансионы, ныне уже упраздненные, подчинены были гражданскому училищному начальству.

Виленская медико-хирургическая академия. В начале 1840 года подчинена министерству народного просвещения существовавшая в Вильне Медико-хирургическая академия. Не принадлежа к учебной системе вверенного мне министерства, она не могла в том виде, в каком поступила в ведомство учебного начальства, быть слита с прочими заведениями того края и общим их устройством. Министерство видело себя принужденным немедленно уничтожить это заведение, которое хотели сделать последним убежищем ложного патриотизма. Мера эта связана с общим преобразованием медицинского обучения, о котором с большей подробностью я буду говорить в своем месте; здесь ограничусь замечанием, что Медико-хирургическую академию заменил вновь образованный медицинский факультет при университете Св. Владимира, который, когда достигнет своего окончательного и полного развития и станет на степень, ему принадлежащую, несомненно будет иметь столько же сильное, сколько благотворное влияние на умственное образование всего западного края.

Общие выводы. В этом быстром обзоре деятельности министерства народного просвещения при учреждении в западных губерниях учебной системы в видах правительства и в духе умственного примирения двух враждебных стихий, помещены только главные действия и выведены одни общие результаты. В архивах министерства сосредоточены: переписка, документы, материальная разработка этого обширного предприятия. Высшие соображения, разум избранных мер изложены частью в моих всеподданнейших докладных записках, частью почерпнуты из бесед моих с Вашим Величеством. В этом запасе фактов и наблюдений найдется довольно доказательств, встреченных министерством затруднений и противодействий, необходимости идти, так сказать, средним путем между двух крайних мнений, равно односторонних и опасных; принуждений согласоваться с обстоятельствами, иногда с людьми, уступая во всем, что не относится до самого начала; то изменять собственные соображения, то упорствовать в охранении избранных мер. Там же изображена в опытах непрерывных обязанность — в деле новом и трудном искать новых и понятливых орудий. Смею думать, что окончательным выводом из беспристрастного уважения всего вышеизложенного будет ясное убеждение, что под неусыпным наблюдением Вашего Величества и при помощи Божьей, всегда осеняющей Россию, вопрос о народном воспитании в губерниях, от Польши возвращенных, решен в видах государственной пользы.

К сему осмеливаюсь прибавить, что основания, Вашим Величеством с таким трудом положенные, должны ежедневно утверждаться, если только министерство и впредь будет руководствоваться теми же

началами. Тут, как и в некоторых других отвлеченных вопросах, обязанность министерства народного просвещения состояла в том, чтобы идти в главе других частей высшей администрации, прокладывая путь для прочих, совершать для их наблюдений первые опыты над собой и тем облегчать прочим ветвям правительства постепенное их развитие и дружное приближение каждой к общей цели.

По прошествии 10-ти лет, Ваше Величество имеете от Днепра до Немана полный ряд заведений для воспитания туземного юношества, кои общественным мнением причисляются к лучшим европейским училищам, хотя они и ожидают еще разных усовершенствований и нуждаются в особом наблюдении. В сих училищах, с твердостью, но без угроз и без преследования, не выказывая даже без нужды направления, им данного, образование молодого поколения обеспечено, сколько дано человеческому уму предусмотреть будущее. Язык русский, этот великий двигатель русской народности, получил в том крае неоспоримое первенство. Там, где его звуки, за десять лет, были чужды и ненавистны, он изучается с любовью, с радушием, с успехами необыкновенными. Из рук духовенства, закоснелого в политических заблуждениях, воспитание невидимо, нечувствительно перешло в руки наставников, избираемых правительством и действующих по его указаниям; даже частное воспитание почти исчезло от того только, что вновь учрежденные училища лучше прежних, и что воспитание, в оных получаемое, превосходит воспитание детей в кругу домашнем. Неоцененным для меня выводом служит убеждение, что этот огромный перелом в мыслях, обычаях, чувствах, может быть, еще не окончательно совершенный, не требовал в пределах министерства народного просвещения, ни одной жертвы; что если в роковую минуту пострадало несколько юношей, то никакое подозрение не пало на наставников, под руководством министерства действующих, и что последние плевелы уже исторгнуты из почвы, столь долго для нас неприступной. Наконец, доверие самых жителей того края, кои незадолго пред сим возмущались одной мыслью видеть своих детей и судьбу грядущего поколения зависящими прямо от правительства, это доверие дошло до того, что западные губернии считают ныне учебные заведения, вновь правительством учрежденные, лучшим достоянием того края и вернейшим залогом отеческих забот Вашего Величества. Нельзя не прибавить, что в этом примиренном доверии общего духа к нашим учреждениям, находится и главное ручательство дальнейших успехов по сей части.

Обязан будучи обозначать в быстрых чертах высшие политические виды преобразования учебной системы в западных губерниях, я не мог вместить тут же материальные выводы о числе преобразованных и вновь учрежденных заведений, о числе воспитываемых, о зданиях,

учебных пособиях и т.п. Ваше Величество изволите найти все эти данные под особой рубрикой, посвященной статистике министерства, в сравнительном его положении.

В. По остзейским губерниям

Общий взгляд. Постоянно направляя все ветви учебного ведомства к единству и стройности системы общей, министерство, однако, соизмеряло свои действия с местными, и так сказать, историческими особенностями государства и его жителей, разноплеменных, удаленных друг от друга и происхождением и степенями образованности. Всегда и везде цель его была одна: водворение образования отечественного, соответственного потребностям нашего века, образования самобытного и русского по превосходству; но условия и способы к достижению этой цели разнообразились обстоятельствами и положением вещей; от них зависели и самый успех и быстрота его.

В западном крае, где ошибки прежнего времени и самая сила вещей требовали изменений безотлагательных, меры министерства были обширны и решительны. В другой части государства, которая также представляла свою особенную, отличную от прочего состава его, физиономию, в губерниях остзейских, учебная система, по необходимости, должна была принять ход совершенно отличный от соседственных губерний бывшей Литвы. В сих последних политические обстоятельства дали все средства действовать верно, смело, и с самого начала открыть план правительства во всем его объеме, объявив, что русский язык признается единственным языком публичного воспитания, и что все предметы будут на оном преподаваться.

Различие немецких губерний от польских. В немецких губерниях⁴⁸, напротив, необходима большая осмотрительность, некоторое даже снисхождение к предрассудкам, вкоренившимся с давних лет в том крае. В губерниях, от Польши возвращенных, мы видим пред собой племя, неоднократно покоренное силой меча, племя, которое в недавних еще случаях не сохранило святости присяги и нарушило свои верноподданнические обязанности. Всякое изъятие власти, когда оно сопровождается некоторым вниманием к настоящему благу края, является этому племени не только естественным последствием хода вещей, но еще знаком великодушия. Победители, которые взамен вероломства, несут с собой моральное усовершенствование грядущих поколений и предписывают побежденным иметь попечение о судьбе своих детей и об их нравственном и умственном обогащении, — такие победители могут беспрепятственно оглашать свою волю, и эта воля, с некоторой твердостью и умением, обращается в действие и быстро осуществляется на деле.

Прежнее влияние немецких губерний на государственное управление.

Но там, где политическая верность сопутствует политическим предрассудкам, где чувство преданности законному государю большей частью покрывает, так сказать, странности обветшалых понятий; там, где врожденная недоверчивость, пополам с природной гордостью и расчетливостью, ищет и находит в нашей истории несколько поводов думать, что просвещением и талантами жители Балтийских городов, некогда превышая нас, имели прямое влияние на судьбу Империи — там вопрос принимает совершенно другой оборот. Истинное и главное заблуждение немецких губерний состоит в том, что они до сих пор не постигают, что Россия возмужала; они видели в пеленах наш государственный быт; весьма часто были призваны в пестуны к его колыбели и в свидетели всех недоумений, всех ошибок, всех колебаний нашего внутреннего образования. В течение прошедшего и в начале настоящего столетий, влияние этих губерний видимо отражается на каждой странице нашей политической истории. Нет сомнения, что эта горсть людей другого происхождения, но людей умных, предприимчивых, образованных, много способствовала к нашему развитию, не щадя, впрочем, в иных случаях, ни крови, ни чести России. В общем смысле, их государственные люди расширили пределы Империи; их воины проливали кровь за Дом Романовых; их художники и ученые сообщали нам сведения о европейском образовании⁴⁹. Все это неоспоримо и все это заслуживает нашу признательность; но тем и оканчивается всякое справедливое с их стороны притязание на наше уважение, всякое чистосердечное сочувствие между ими и нами. Оттого что они угнетали Россию императрицы Анны⁵⁰; оттого что они вблизи видели Россию Елизаветы⁵¹ и Екатерины II, они упорно заключают, что Россия тот же младенец, к охранению коего и они платили дань усердия, не всегда беспристрастного, не всегда бескорыстного. Словом, — они не постигают России Николая I; и этот обман почти оптический, эта суеверная неподвижность в понятиях, это тайное отрицание всего существующего теперь у нас, этот холодный, мелкий дух протестантизма в приложении к делам государственным — вот что отличает и некоторым образом отталкивает от нас это поколение людей одаренных душевными доблестями и некоторым прямодушием; но то же самое отталкивает их и от Европы, или лучше сказать, от Германии, из которой они выводят беспрестанно свое прямое происхождение.

Отношение остзейских губерний к Германии и России. С одной стороны, Германия изменилась, с другой, Россия возмужала. Тщетно дух остзейских губерний считает себя представителем немецкого просвещения в России; мы это просвещение понимаем и ценим вернее их. Тщетно ищут они отголоска в Германии, где все столь же быстро из-

менилось, сколько и у нас. В чистосердечном с ними совещании, в благонамеренных беседах наедине, можно довольно легко достичь этого сознания; можно даже найти в них нераскрытое убеждение, что собственное их благо требует ныне, чтоб они ближе и теснее слились с Россией, по крайней мере, духом и связями общего образования; но все это для них еще сомнительно, еще темно; они, без сомнения, преданы государям, но умственное равенство едва ли соглашаются признать в русских, коих видели в возрастах столь различных, не всегда достойных уважения и коих они целое столетие снабжали своими административными идеями, своими формами и преданиями. Оттого-то и самое знакомство с русским языком им столь тягостно; для того только и медлят они решиться на изучение оногo. Здравый рассудок давно уверяет их, что вместе с Россией выросли и возмужали язык и словесность отечественные; они это чувствуют, знают; даже тому радуются; но надменность и природная упругость заставляет их как будто бороться, в сем отношении, против распоряжений правительства. Мысль, что их мнимая национальность есть национальность германская, сильно укоренилась между ними, и хотя эта мысль не имеет ныне, поистине, никакого значения, но и теперь нельзя и не нужно открыто спорить с ней. Пусть добрые жители Балтийских берегов мечтают, что они германцы Арминия⁵² или Карла Великого⁵³: эта мечта не вредит ходу и успеху наших мер. Если б содействие местных начальств в смысле правительства с совершенным сознанием нашего направления равнялось с хорошим намерением главнейших учебных начальств, то юношество в тех местах было бы давно, все без исключения, в руках правительства. И теперь, не останавливаясь сказать, юношество, очевидно, склонилось к нашим началам и сближается с нашим образом мыслей. Но и тут встречается опять резкая черта различия между жителями литовских и немецких губерний: там, невзирая на все неприязненное и ненавистное, одна и та же живость славянской крови, та же быстрота в понятиях, та же раздражительность в соображении; там можно уловить толпу, не знаю надолго ли, одним ловким движением, несколькими заветными словами; немцев налету схватить невозможно; против них надобно вести, так сказать, осаду. Они сдадутся, но не вдруг*.

Таков был мой отзыв, когда, осмотрев положение учебных заведений в прибалтийских губерниях, я доносил Вашему Величеству о своих наблюдениях; но сверх тех затруднений, о коих упоминается выше, надобно для полного обзора действий правительства присоединить к этой картине несколько важных обстоятельств.

* Всеподданнейший доклад 9 октября 1838.

Два рода неустройств. В губерниях остзейских, кроме провинциального духа, имеющего свои резкие черты, являются еще два замечательные источника внутренних несогласий: разъединение церкви на чистых протестантов и пиетистов⁵⁴, и противоборство среднего и низшего классов с туземным дворянством. Эти две язвы живо обнаружались в недавних событиях; здесь было бы неуместно входить в исследование оных. Между тем, это положение вещей имело и продолжало иметь столь тесную связь с распоряжениями Министерства народного просвещения, что нельзя умолчать о сих обстоятельствах.

Неустройство политическое. Первое основано на отношении, в коем состоит дворянство тех губерний к прочим состояниям. Это отношение неприязненно: дворянство, усиливаясь удерживать за собой несколько прав, обветшалых и притеснительных, исключительно ему приносящих некоторые выгоды, вооружило против себя и низший класс, бедствующий — в полном смысле слова, и средний, притянувший между тем к себе большую часть богатства, познаний и промышленности того края. Эти привилегии, проистекающие первоначально из прав рыцарства германского, уничтожены везде в Германии и без сомнения не существовали бы уже давно, если б остзейские губернии, вместо русской державы, были подвластны, например, прусскому правительству. Здесь не предстоит нужды входить в рассмотрение сих прав; скажем только, что эти привилегии противоречат нынешнему положению дворянства в Германии и не согласны с духом русского законодательства⁵⁵. Сверх того должно заметить, что эти привилегии далее тесного круга, пользующегося ими малочисленного сословия, возбуждают ненависть во всех прочих состояниях. Из сего довольно сложного положения происходит, что тамошнее дворянство считает себя обязанным защищать свои так называемые права:

- 1) от влияния иностранных соседних понятий,
- 2) от влияния русских начал и русского духа, — и наконец —
- 3) от противодействий всех средних и низших сословий, составляющих большинство жителей в губерниях остзейских.

Неустройство религиозное. Второе начало несогласия в порядке религиозном состоит в шатком положении протестантской церкви и в быстром распространении некоторых религиозных сект, из коих сильнейшая и деятельнейшая является под именем Моравских братьев. В иных государствах, именно у нас, отношение господствующей церкви к расколам разрешается, по крайней мере, в теории, весьма ясно: ибо, имея в виду твердый состав церкви, можно заключить, что всякое от нее явное отступление составляет раскол; в протестантизме это наоборот: там церковь не вмещает в себе правоверия протестантского, ибо главное протестантское начало: «что каждый судит по совести о предметах верования своего» поставляет церковь как будто

в вечное брожение. Тщетно искала бы она себе якоря посреди этого бесконечного волнения; этот якорь переломлен в первый день плавания. Нельзя не признать, что дерзость умствования о предметах веры достигла, особенно с начала XIX столетия, до невероятия. Рационализм, т.е. отрицание всего сверхъестественного, произвел и продолжает производить самые отвратительные явления. От этих явлений родился целый разряд сект, испуганных заблуждением протестантского духовенства, и которые, по естественному порядку вещей, бросились в противоположную крайность. Из общего отрицания, или, по крайней мере, из сомнения всеобщего, умы искали убежища и успокоения в таинственной недоступности мистицизма, иногда довольно чувственного и грубого. Моравские братья, как и все прочие отщепенцы, провозглашают себя восстановителями протестантской веры, и нет сомнения, что во многих отношениях их образ мыслей ближе подходит к христианским догматам. С другой стороны, хотя не вся евангелическая церковь была причастна заблуждениям рационализма, но вся она понесла наказание за оный; и это пятно, как будто неизгладимое, обессилив церковь, лишает оную всех средств справедливой обороны. В этом странном положении трудно правительству найти опору для своих соображений. Правоверие протестантское, поистине, не существует нигде. Обязанность правительства защищать господствующую церковь может принять свое действие там, где церковь сама защищает себя. Здесь, напротив, две крайности: истощенная церковь, которая не считает себя даже за правоверную, в своем смысле, и фанатические секты, которые стремятся занять ее место. Определить между ними справедливую середину — есть ближайшее понятие, особенно для правительства, не принадлежащего ни к той, ни к другой стороне; но этот опыт оказывается тщетным. По мере, как Моравские братья там усиливаются, ослабевает протестантская официальная церковь. В одной партии заметно фанатическое стремление к обладанию умами; в другой вялость, охлаждение, и как будто собственное предчувствие своего близкого падения.

Православие. К сим двум началам присоединилось с некоторых пор новое, не вполне разгаданное явление: сильное влечение простого народа к православию русскому. Это неоспоримое влечение, несомненное для беспристрастных, родилось, вероятно, более от глубокого чувства неудовольствия к существующему порядку, чем от убеждения в превосходстве церкви, которая известна туземному простолудию единственно по внешним обрядам; во всяком случае, это факт важный, многосторонний, последствия коего неисчислимы. Смотри на оный только с гражданской стороны, открывается, что низшее и большей частью среднее сословия, побуждаясь различными видами, расположены ближе соединиться с государством, войти

в теснейший союз с нашей верой, с нашими понятиями, нашим бытом; тогда как высшее сословие упорствует в своем разъединении и опасается умственного движения, могущего увлечь за собой тщетные преграды и бессильную оппозицию.

Посреди сего волнения умов, колеблемых предрассудками разного рода и большей частью еще не пришедших к сознанию своих собственных выгод, надлежало соорудить новое и прочное здание общественного воспитания.

Действия министерства. В двукратный личный мой осмотр Дерптского университета и других заведений Дерптского округа, узнав и поверив на месте положение учебной части в остзейских губерниях и существенные потребности их, я принял эти опыты и наблюдения в постоянное руководство в дальнейших действиях министерства, мне высочайше вверенного. При всех затруднениях, которые представлялись тут для успешности новых распоряжений, последствия их увенчали труды министерства замечательным успехом. Не исчисляя в подробности всех событий по Дерптскому учебному округу, я ограничусь взглядом на принятые меры в двух отношениях. Во-первых, в отношении к устранению некоторых застарелых предрассудков края, которые были издавна источником разного рода беспорядков в учебных заведениях и в особенности в университете Дерптском, и, во-вторых, к сближению тамошней учебной системы с общим образованием в Империи и к распространению русского языка и словесности отечественной.

Преобразование Дерптского университета. С самого начала, для водворения порядка между учащимися в Дерптском университете, составлены были высочайше утвержденные правила (в 1834 г.), которыми сокращены излишние права университета и течение судебных дел приведено ближе к общему устройству; определены с точностью обязанности студентов и отношения их к университетскому начальству и к профессорам, и мера их ответственности за нарушение благочиния и общественной тишины. Правила сии поверены предварительно трехлетними опытами и потом уже, дополненные и измененные, окончательно удостоены в 1838 г. высочайшего утверждения и приведены в действие. Для прекращения поединков между студентами Дерптского университета (28 июня 1837) подчинены военному суду при Рижском ордонансгаузе⁵⁶ все, которые окажутся виновными в сих проступках. Производству исследований по оным положены в основание общие российские, а не местные лифляндские узаконения. Тайные поводы и как бы приготовления к оным предупреждены уничтожением между воспитанниками дерптских гимназий собраний для упражнения в фехтовании и запрещением жителям города Дерпта открывать у себя партикулярные для того залы, без дозволе-

ния учебного начальства. Этими мерами, строгими и решительными, пресекались прежние своеволие и буйства студентов, и хотя перелом не обошелся без некоторого противодействия, которое, может быть, еще таится, но уже ослабленное и бесплодное, — однако дерптская молодежь вообще подчинилась требованиям дисциплины и доброго порядка. Не видать столпления праздных юношей, не слышать их шумных песен и криков; все тихо, благопристойно. Нельзя сказать, чтоб в числе 600 студентов не было шалостей, или даже иногда тайного разгула; по крайней мере, безнравственность не торжествует, и общее спокойствие не нарушается.

Преобразование прочих учебных заведений. Преобразование учебных заведений Дерптского округа и сближение их с русскими училищами равномерно подвинулось вперед значительно. В Дерпте учреждено русское начальное училище для детей тамошних обывателей русского происхождения; такие же заведения возникли потом в Якобштате, для детей русского и польского происхождения, и в Митаве. При первом осмотре учебных заведений Дерптского округа, заметив недостаток преподавания закона Божия православного исповедания для обучающегося в оных русского юношества, я испросил высочайшее повеление о назначении для тамошнего университета и других учебных заведений православных законоучителей. Обучение русскому языку начинается с низших училищ, и постепенно переходя в гимназии, достигает до университета. Не ограничиваясь учителями собственно для этого предмета, определяются учителя и для других наук из русских, преимущественно из воспитанников Главного Педагогического института, и по мере того вводится постепенно преподавание на русском языке. Для определения учителем в гимназию или в училище постановлено условием способность преподавать свой предмет по-русски; мало-помалу вводится и производство училищных дел на русском языке. Способы к его изучению в 1839 году еще более усилены назначением вновь учителей дополнительных классов в гимназиях округа, в Ревельском, Домском и в некоторых уездных училищах, с определением достаточной суммы на приобретение учебных пособий по части русского языка. В следующем году, к 10 воспитанникам начальной учительской семинарии в Дерпте присоединены еще 4, предназначенные в учителя русского языка, с тем, чтобы по окончании курса семинарского, они поступали на два года в Главный Педагогический институт для окончательного образования. При сей семинарии определен особый учитель русского языка. Эстляндское дворянство учредило на свой счет стипендию для приготовления в Дерптском и потом в одном из Велико-русских университетов, в учителя русского языка, одного из воспитанников Домского дворянского училища в Ревеле. Для неослабного наблюдения за введе-

нием и исполнением мер, принимаемых правительством, и для направления учебных заведений к цели, оным указываемой, Министерство народного просвещения приняло за правило впредь на свободные места директоров гимназий, их помощников и начальников училищ определять чиновников, преимущественно из русских, с исключением только в пользу тех уроженцев остзейских губерний, которые, при требуемых для того качествах, и способностях, хорошо знают русский язык.

Истекут еще три года, и все вступающие в учебные заведения Дерптского округа и все приобретающие в университете ученые степени будут уже являться к сему необходимыми отныне и в достаточной степени приобретенными познаниями в русском языке.

Русский язык. Будучи, по утвержденному мной плану университетского учения, во всех факультетах необходимым предметом занятий всех учащихся, русский язык изучается ими с любовью и прилежанием. Уже и ныне он составляет не преходящую только необходимость для полноты курса, но предмет изучения добровольного и основательного. Несколько лет тому назад, по приглашению профессора русской словесности, студенты университета составили, по лучшим иностранным источникам, курс древней истории на русском языке, который печатается и вскоре появится в свет. В конце прошлого года философский факультет предложил на разрешение один из самых трудных грамматических вопросов русского языка, и задача эта, на которую доселе не находили удовлетворительного ответа и в лучших грамматиках отечественного слова, решена с необыкновенной отчетливостью и с основательным знанием предмета, двумя студентами Дерптского университета.

Процветание университета и училищ. Попечения о распространении русского образования, которое министерство считало одной из существенных потребностей остзейских губерний и своей неотклонимой обязанностью, не ограничивали его действий исключительно и односторонне. Это была та часть его трудов, которая представляла наиболее затруднений, препятствий и борьбы. Как древние строители Иерусалима, оно принуждено было, созидая одной рукой, отражать другой нападения врагов. Но министерство не отделяло сих трудов от постоянной заботливости о возведении всей учебной части вообще на высшую степень развития и возможного совершенства. Прежняя затруднительность внутреннего управления или устранена изъятием гимназий и других училищ от непосредственного влияния университета и поручением их заведыванию попечителя, по примеру русских средних учебных заведений. С сею целью распространено на Дерптский учебный округ высочайше утвержденное в 1835 году Положение об учебных округах Велико-русских, и упразднена состо-

явшая при университете училищная комиссия, взамен которой придан попечителю особый совет. Учреждением при гимназиях почетных попечителей по выбору дворянства призвано сие последнее к участию и содействию в пользах и материальном состоянии этих заведений. Все гимназии Дерптского учебного округа, более или менее, преобразованы в важнейших частях своих; во всех введен новый учебный план, исправленный по назиданиям опытов нескольких лет. По требованиям местных обстоятельств допущены в курсах необходимые изменения. С возрастанием наружного благочиния в университете Дерптском возросло и его благоденствие: число студентов постепенно умножается; отличные профессора, вызванные из чужих краев, приняли охотно сделанное им предложение и с честью занимают свои кафедры. В прошлом году высочайше утвержденным дополнительным штатом Дерптского университета расширен до той полноты, какой только можно желать, объем факультетов: медицинского, философского и юридического. Щедрость истинно царская Вашего Императорского Величества поставила его в ряд первых учреждений в этом роде, с которым не многие из существующих в Германии могут сравниться. Самые упорные противники министерства народного просвещения в Остзейских губерниях невольно принуждены сознаться, что настоящее устройство и процветание учебных заведений в том крае не допускают никакого сравнения с положением их в прежнее время.

С. По Царству Польскому

Присоединение учебной части в Царстве к ведомству Министерства народного просвещения. Высочайшим указом 20-го ноября 1839 года повелено: из находящихся в Царстве Польском учебных и ученых заведений образовать Варшавский округ и причислить оный к Министерству народного просвещения на главных началах, в Империи по сей части существующих.

Взгляд на положение оной. Беглый взгляд на прежний ход народного образования в Царстве покажет, что министерство могло ожидать найти там и какие предстояли ему обязанности.

Не подлежит сомнению, что одна из коренных причин всех неустойчивостей в Польше находилась и находится в небрежении отечественного воспитания. Долго иезуиты⁵⁷ заведывали всеми училищами в духе одностороннем и пристрастном, но с умением и не без успеха. Когда пиары⁵⁸, под влиянием новых идей, сменили иезуитов и когда Игнатий Потоцкий⁵⁹ с аббатом Колонтаем⁶⁰ внесли в эти училища зародыш вольнодумства религиозного и политического, то старое, во многом еще твердое, рушилось и ничем не было заменено. Король

Станислав Август⁶¹, постигая этот вред, по совету своего брата, примаса королевства⁶², учредил в 1773 г. комиссию народного просвещения. Эта комиссия начертала превосходный план, который, на беду Польши, остался без исполнения⁶³. В таких обстоятельствах наступили Польшу сперва французская, потом польская революции⁶⁴; с 1794 до 1815 года переходила она из рук в руки, посреди различных происшествий, беспокойных и бурных, не являвших возможности твердого основания⁶⁵. С 1815 до 1820 года училищная часть в Царстве была поручена Станиславу Потоцкому⁶⁶, известному главе всех тайных обществ и представителю всех разрушительных политических понятий в том крае. Потоцкий был сменен Станиславом Грабовским⁶⁷, но и этот промежуток времени не означен действиями успешными. В событиях 1830 года вновь учрежденный Варшавский университет нашел и должен был найти свой конец⁶⁸. Впоследствии при всех усилиях благонамеренного начальства училища не соответствовали, должно сказать, ни потребностям края, ни обеспечению правительства.

Приступ к делу. При исполнении Высочайшей воли, на меня возложенной, три главных предмета обратили на себя внимание министерства:

Управление округом.

Устройство общих учебных заведений.

Частное домашнее воспитание.

Для управления округом назначен попечитель, учреждено при департаменте народного просвещения особое отделение (18 декабря 1839 года), издано положение о Варшавском округе, определяющее права и пределы власти: попечителя, совета народного просвещения и правления округа (19 июня 1840), и, наконец, составлено новое, внутреннее образование совета, соответствующее порядку делопроизводства в Империи (1840 марта 31). Учебная система Царства требовала коренного преобразования. Объем наук в уездных училищах не соответствовал цели оных; в гимназиях общее филологическое образование смешано было с учением специальным, техническим; для высшего образования учреждены были дополнительные курсы с экзаменационным комитетом, заменявшие некоторым образом упраздненный Варшавский университет и снабжение учителями и наставниками общие и частные заведения Царства.

Распоряжения. Для устранения сих неудобств, и с целью устройства учебной системы, в виде приговорительного перехода в русские университеты, изданы:

Устав гимназий, уездных и первоначальных училищ Варшавского округа, применительно к уставу учебных заведений Империи, с до-

пушением только самых необходимых, по местным обстоятельствам, изменений (31 августа 1840).

Положение о реальной гимназии, сосредотачивающей обучение технических предметов, для доставления детям среднего сословия средств приобретать познания в практическом приложении наук к ремеслам и промышленности (28 ноября 1840).

Положение о педагогических курсах, ограничивающее прежние дополнительные курсы повторением гимназических наук и практическим педагогическим усовершенствованием учителей для уездных училищ и соответствующих оным частных учебных заведений (2 апреля 1840).

Для точного определения в сих заведениях как объема наук, так и направления, коему обучение должно следовать, утверждены министерством программы и инструкции для гимназий и уездных училищ (2 марта 1842) и для педагогических курсов (31 ноября 1842).

В учебных заведениях обновлен состав преподавателей; причем только отличнейшие и благонадежнейшие оставлены на своих местах, а несколько начальников заменены людьми способнейшими (распоряжение в бытность в Варшаве).

Озабочиваясь приисканием способов к теснейшему соединению учебных заведений того и другого края, равно как и к облегчению воспитанникам Царства перехода в университеты Империи, министерство приняло следующие меры: 1) Вслед за изданием устава учебных заведений округа предложено составить в Варшаве особый комитет для рассмотрения, какие из учебных книг Империи могут быть введены в учебные заведения Царства без изменений, и какие с перемены по недостаточному знанию русского языка учениками низших классов, с тем чтобы последняя мера была только временная, впредь до открытия возможности усвоить тем заведениям все учебные книги Империи; вследствие чего некоторые учебные русские книги введены уже в употребление, а иные вводятся постепенно (14 ноября 1841). 2) Усилено преподавание славянского языка с распоряжением: а) чтобы впредь учителями русского языка в гимназии и уездные училища определять только таких кандидатов, которые могут обучать с пользой и славянскому языку, и б) вменено в неприменную обязанность пансионерам Царства, обучающимся в университетах Империи, слушать лекции славянского языка и подвергаться в сем предмете испытанию (18 января 1841). 3) Предписано наблюдать неукоснительно за успехами в русском языке пансионеров Царства, воспитывающихся в университетах Империи, подвергая их в сем случае особому строжайшему испытанию (16 января 1842 г.)*. С другой стороны, для ободре-

* Сим воспитанникам поставлено в обязанность преподавать учебные предметы в Царстве на русском языке.

ния пансионеров Царства, приготовляющихся в сих университетах к учительскому званию, кроме общих прав университетских воспитанников, предоставлено еще тем из них, кои посещали дополнительные курсы в Варшаве, поступать, по испытании, во 2-й и даже 3-й курсы университета (14 марта 1840 г.), выпускаемых же из университетов с кандидатскими званиями, положено определять в гимназии Царства прямо на высшие оклады, или, в случае неимения вакансии, переводить на оные при первой возможности (26 ноября 1841 г.). Для отвращения недостатка в хороших учителях, согласно высочайшей воле, имеются всегда в запасе в Варшаве 5 русских сверхкомплектных учителей, отправляемых туда из Империи, по мере поступления прежних на учительские места; в гимназии же определяются учителями пансионеры царства, кончившие курс наук в университетах Империи. Из университетов выпущено доселе в учебные заведения царства 40 учителей и обучается в них еще 48. По истечении, в 1841 году, четырехлетнего срока, назначенного по Высочайшему повелению на присылку пансионеров в университеты Империи, для приготовления к учительскому званию, положено продолжать такое отправление по 15 воспитанников ежегодно еще на 4 года (15 июля 1842 г.).

Между тем, сообразно с местными потребностями Польского края, изданы еще другие для специальных заведений положения, а именно:

Для юридического образования юношества, при Варшавской губернской гимназии открыты юридические классы, из коих молодые люди, желающие приспособить себя к высшим судебным должностям, могут переходить в университеты Московский и С.-Петербургский, где для окончательного образования их, учреждены по две отдельные кафедры законов Царства. Положение о сем, составленное совместно с министром статс-секретарем Царства Польского, удостоилось Высочайшего утверждения 10-го (22-го) апреля 1840 года.

Для приготовления хороших хозяев и лесоводов, преобразован существовавший прежде Маримонтский институт сельского хозяйства и лесоводства (31-го августа 1840), для внутреннего управления коим по учебной и хозяйственной частям издано впоследствии особое наставление на один полный курс (5-го июня 1840 г.). В дополнение к сим преобразованиям необходимо было озаботиться доставлением округу важного учебного пособия — книг, как русских, так и на иностранных языках, в чем замечен был ощутительный недостаток. Вследствие того, с высочайшего соизволения, отобрано из дублетов Публичной библиотеки по разным отраслям наук и литературы в 1840 году до 13 000 и в 1842 г. до 12 000 томов иностранных книг.

Не менее предметом забот министерства было преобразование частного и домашнего воспитания, которое оставалось без надлежащего надзора и не только находилось в руках людей, не подчиненных учебному ведомству, но по обширному объему наук в некоторых пансионах, делало излишним посещение казенных учебных заведений. Эти неудобства отстранены изданием положения о частных учебных заведениях, домашних наставниках и учителях в Царстве Польском (18-го января 1841 г.), основанного на точных началах узаконений, введенных по сей части в Империи.

Общее наблюдение за учебными заведениями Царства и осмотр оных возложен был на трех генеральных визитаторов училищ, которые оставлены и по новому положению о Варшавском округе при своих должностях. Но для руководства их при исполнении обязанностей не было постоянных правил. По распоряжению министерства, собраны все изданные по сей части в разное время постановления и по соображении с существующими правилами в Империи, составлен общий наказ визитаторам (в конце 1842 года).

Оставалось устроить важную часть народного просвещения — первоначальное обучение низших классов народа. С этой целью министерство обратило внимание на существующий в Ловиче институт первоначальных учителей, который, не имея ни определительного положения, ни даже приличного помещения и внутреннего устройства, не соответствовал своему назначению. Проект положения об институте уже утвержден.

В этом кратком начертании мер, приведенных к концу в Царстве Польском, в течение трех лет Ваше Величество изволите усмотреть главные основания начатого перерождения учебной части в Царстве. Сверх собственных наблюдений министерства, можно заключить из достоверных мнений посторонних лиц, что перемены, последовавшие по сей части в Царстве, удовлетворили желаниям благомыслящих, успокоили ожидания родителей, и в самом крае произвели вообще благоприятное впечатление. Я могу, по крайней мере, свидетельствовать, что в Царстве Польском министерство встретило менее противодействий, чем в иных частях Империи. Нет нужды исчислять здесь все затруднения, коими должно было сопровождаться исполнение Высочайшей воли, когда Ваше Величество рассудили за благо распространить на Царство Польское влияние Министерства народного просвещения и учебную систему, принятую в губерниях, от Польши возвращенных. Уже и оттого должны были удвоиться сии затруднения, что эту систему невозможно было приложить к Царству без некоторых значительных изменений. Так, например, по важному вопросу о способе введения русского языка, я, при самом вступлении моем в управление учебной частью в Царстве, доводил до сведения

Вашего Величества (29 декабря 1839 г.), что по моему убеждению меры, которые дотоле принимались, мало соответствовали цели, потому что слишком резко и слишком преждевременно обнаруживали виды правительства. В политическом смысле, язык можно уподобить оружию, которое должно нанести рану руке, неопытно им владеющей. В бывших польских и даже остзейских губерниях можно не запинаясь сказать русским подданным: Учитесь по-русски. В Царстве введение языка русского требует других условий. Самый ход публичного образования должен во многом представлять отличительные черты и разниться от мер, принятых в западных и остзейских губерниях. Чем определительнее мысль указа 20 ноября 1839 г., присоединившего учебную часть Царства к ведомству Министерства народного просвещения, тем осторожнее и беспристрастнее должны были быть первый приступ к делу и самый выбор пути. Этот путь лежит между двумя крайностями: между ультра-русским, понятным, но бесплодным и бесполезным чувством явного презрения к народу, имевшему доселе мало прав на наше сочувствие, и между ультра-европейской склонностью сделаться в глазах этого народа предметом его слепого энтузиазма. Тут, как и во всех почти действиях государственных, средняя стезя одна являла твердость и обеспечивала успехи.

Русский язык. Такой взгляд на эти предметы, удостоившись Высочайшего одобрения Вашего Императорского Величества, руководил министерство в его действиях в отношении к Царству: вместо притеснительного, безусловного повеления о введении русского языка, я старался, удовлетворяя справедливым требованиям местности, поселить в умах уважение к русскому образованию, доверие к видам правительства, и точное, хотя неявное, сознание добрых намерений министерства; эти распоряжения остались не без плодов; все публичные заведения, как прежде бывшие, так и вновь устроенные, сделали уже несколько значительных шагов вперед; и когда в герцогстве Познанском было провозглашено от имени прусского правительства, что оно дарует жителям право беспрепятственно заниматься обработкой природного их языка и литературы⁶⁹, отголосок этих слов не произвел действия в Царстве, ибо жители оного пользовались еще до возгласа прусского правительства выгодами, сопряженными с свободным употреблением того и другого наречия, и сами уже убеждены были в необходимости изучения русского языка, имеющего кроме политического значения, общий источник и близкое сродство с польским.

Допущение студентов Царства в русские университеты. Другое распоряжение министерства, повеленное Вашим Величеством, обратило на себя особое внимание и возбудило в иных благонамеренных между русскими некоторую степень опасения: я говорю об открытии русских университетов студентам из Польского Царства. По упразд-

нении университетов Варшавского и Виленского и при явной невозможности приступить к их возобновлению (по крайней мере, на несколько десятков лет), правительство не имело в руках другого средства, кроме допущения польских студентов к окончательному образованию в университетах Империи. Против сей меры нетрудно было возражать с разных сторон, указывать на опасности этого приобщения польской молодежи к русской, и в будущем предугадывать последствия неблагоприятные; но Ваше Величество, не смущаясь подобными мнениями и убедившись в том, что чем решительнее эта мера, тем ближе она может привести к желаемому слиянию двух противоположных доселе стихий, разрешили мне идти осмотрительно и твердо определенным путем*. К счастью, предвещенные опасения не сбываются; студенты, поступающие в наши университеты, как из западных губерний, так и из Царства, ведут себя благовидно, скромно; прилежно занимаются учением и не подают доселе никакого повода к сомнению; надзор за ними устроен бдительный и строгий; но вместе с этим не выказывается начальством никакого особого опасения насчет сих молодых людей. Успехи каждого из них по своей части уважаются преподавателями. Русский язык изучается ими в совершенстве. В заключение прибавлю, что лучшие из них, по мере окончания курсов, изъявляют наперерыв желание остаться в Империи, и единогласно предпочитают службу в одной службе в Царстве. Но, говоря о других побудительных причинах, достаточно указать на то, что, будучи воспитаны в ненависти и презрении к России, вид ее могущества, ее устройства, ее образования, непосредственно действует на умы юношества и поселяет в них нечувствительно какое-то уважение к ее первенству между славянскими племенами, которое должно непринужденно и мало-помалу, переменить до корня все их понятия. Спешу прибавить, что это замечание относится до лучших; здесь, как и во всех других опытах государственных, теряется несколько процентов; счастливым можно назвать то правительство, которое обеспечивает капитал.

Д. Части, вновь поступившие в ведомство министерства

Одновременно с введением учебной части по Царству Польскому в ведомство министерства народного просвещения расширился круг его занятий присоединением к оному некоторых учреждений, находившихся в управлении других ведомств. Я имел счастье изложить пред сим действия министерства по устройству учебной части в Царстве Польском; здесь я осмелюсь обратить внимание Вашего Импе-

раторского Величества на медицинскую часть, на близкие к ней — фармацевтическую и ветеринарную, и на образование евреев.

Новое устройство медицинского учения. 1840 год (27 апреля) ознаменован поступлением в ведомство министерства народного просвещения Московской и Виленской медико-хирургических академий⁷⁰; причем состоялась Высочайшая воля о приведении в ближайшую связь и постепенное слияние Московской медико-хирургической академии с тамошним университетом и о присоединении Виленской, по преобразовании в медицинский факультет, к университету Св. Владимира.

Передавая в управление министра народного просвещения медико-хирургические академии Московскую и Виленскую, Ваше императорское Величество изволили указать необходимость дать целой медицинской учебной части направление, согласное с совершенным состоянием врачебных наук в Европе. При приведении в исполнение этой Высочайшей воли, Министерство народного просвещения встретило множество вопросов, разрешение которых могло быть поручено лишь лицам, занимающимся разнородными частями медицинских наук. На сей конец, с Высочайшего соизволения, учрежден при министерстве временный медицинский комитет, как ученое совещательное место, в котором обсуживаются разные вопросы, возникающие в министерстве по ученой и учебной медицинской части. Комитет, открыв свои заседания 8 февраля 1841 г., продолжает и ныне усердно заниматься, под руководством министерства и по его указаниям.

В 1841 году в учрежденном при университете Св. Владимира взамен Виленской медико-хирургической академии медицинском факультете, открыт первый медицинский курс.

Из числа мер, принятых по этой части в течение 1842 года, достойны внимания следующие:

Устройство медицинского факультета при университете Св. Владимира. Устройство этого факультета, вполне удовлетворяющее всем требованиям современного состояния врачебных наук, вошло в состав Высочайше утвержденного, 9 июня, устава и штата университета Св. Владимира⁷¹.

Удостоившееся Высочайшего соизволения, 14 октября, предположение об учреждении при Московском университете образцового клинического заведения из трех отделений: терапевтического, хирургического и акушерского. Для помещения этой огромной клиники предназначается здание, занимаемое Московской медико-хирургической академией.

Расширение Дерптского медицинского факультета и образование при Дерптском университете фармацевтического института (Высочайше утверждено 19 октября).

* Журнал Комитета по делам западных губерний 22 сентября 1842 года.

Сверх того начертаны правила испытания врачей, фармацевтов, ветеринаров, зубных врачей и повивальных бабок и составлены положения о предоставлении врачам, фармацевтам и ветеринарам преимуществ гражданских и служебных. Этот труд с следующими к нему приложениями, окончательно рассмотренный и одобренный медицинским советом при Министерстве внутренних дел в непродолжительном времени получит дальнейший законный ход.

Наконец, изготовлен проект о преобразовании учебных ветеринарных заведений и всей вообще ветеринарной части в России.

1 августа истекшего года, упразднена Виленская медико-хирургическая академия, взамен которой учрежден медицинский факультет при университете Св. Владимира.

В Московской медико-хирургической академии закрыты 1-й и 2-й медицинские курсы, а в конце истекшего года упразднены находившиеся при ней ветеринарное и фармацевтическое отделения. Таким образом, и сия академия постепенно приближается к будущему ее значению, к слиянию с Московским университетом.

Образование евреев. От сих соображений я обращаюсь к действиям Министерства народного просвещения относительно преобразования евреев и их нравственного и гражданского возрождения. При общем порыве к образованности высшей, это стремление пробудилось в еврейском населении. Учреждение еврейского училища в Риге в 1839 году, вместе с некоторыми подобными заведениями в Одессе и Кишиневе, было первым шагом к водворению между евреями правильной системы обучения. Впоследствии открыты в Вильне и Гольдингене два частных еврейских училища; другие два заведения предположены в Вильне. Мысль сделать евреев причастными благ просвещения издавна уже была источником различных мер, которые, однако, не приводили к желаемой цели, частью по недостатку общих постановлений о воспитании евреев, частью по неизвестности средств к учреждению еврейских учебных заведений в видах правительства. В январе 1841 г. начертаны министерством народного просвещения общие начала устройства училищ для еврейского юношества; по одобрению этих начал приступлено к составлению проекта устава для еврейских училищ. Между тем, по распоряжению моему, собраны на месте определительные сведения о настоящем положении евреев, о способах к образованию ныне ими употребляемых и представляющих верный источник для содержания предполагаемых правительством заведений. Высочайшим повелением, последовавшим в 22 день июня 1842 года, распространен надзор Министерства народного просвещения на все еврейские ученые и учебные заведения и учреждена здесь в Петербурге комиссия для положения главных оснований дальнейшим действиям по устройству образования евреев и начерта-

ния правил для всех занимающихся частным обучением еврейского юношества⁷². Необходимые для успешного выполнения сей Высочайшей воли данные собраны вторично в губерниях, населенных евреями. Министерство приобрело достоверные сведения о нынешнем воспитании евреев и о лицах, которых правительство может с пользой употребить в деле образования этого народа, о денежных способах которыми располагать оно получит возможность. Более 35 еврейских обществ письменно вызвались содействовать предположениям министерства народного просвещения. Благотворные лучи просвещения кроткого, сопровождаемого сознанием истинных начал нравственной и гражданской жизни, должны проникнуть во все сословия этого племени, над которым доселе тяготеет время векового угнетения. Затруднения, противопоставляющиеся сему обширному предприятию, конечно, многочисленны и велики; но благодетельные виды Вашего Величества постигаются всеми благонамереннейшими из евреев, и при восприимчивости этого народа, при усердии избираемых на выполнение великодушной мысли Вашего Величества, можно надеяться, что все препятствия будут преодолены и усилия министерства увенчаются желанным успехом.

Отделение третье

ВЗГЛЯД НА УСПЕХИ УЧЕНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, НА ХОД НАУК И СЛОВЕСНОСТИ

Представив действия Министерства народного просвещения за истекшее десятилетие по части учебной, обращаюсь теперь к успехам наук и знаний, к деятельности собственно ученой, в продолжение того же времени. Там министерство, в некотором смысле, лишь поверяло грядущему времени семена, которые должны взойти и разрастись впоследствии; будущность, от нас еще закрытая, увидит и пожнет плоды настоящих его начинаний; она же произнесет им и последний приговор, когда созреют и разовьются молодые поколения, которые в заведениях министерства получали свое образование и готовились на жизнь и службу государственную. Но здесь, в ходе и развитии наук и умственного бытия народа, оно может ныне же указать на успехи положительные, очевидные, на участие прямое и неоспоримое. Как там, так и здесь министерство руководилось одной главной мыслью; усилия его направлены были к той же цели, к которой оно старалось привести общественное образование: сохраняя все выгоды европейского просвещения, подвинув умственную жизнь России вровень с прочими нациями, оно желало дать ей самобытность народную, основать ее на началах собственных и привести в соответствие с потребностями народа и государства.

Академия наук. В ряду действителей в этой области первое место, бесспорно, принадлежит Императорской Академии наук, которая со времени учреждения своего, по мысли великого преобразователя России, в продолжение слишком столетнего существования, принесла уже столь великую пользу отечеству и наукам⁷³. Устав и штат, на основании которых действовала дотоле Академия, были вновь пересмотрены. Высочайше утвержденный 8 января 1836 года устав расширил значительно круг занятий сего ученого сословия и усилил самые способы его деятельности. Музеи и академические ученые собрания, приведенные в отличное устройство, обогащенные новыми приобретениями и расположенные в систематическом порядке, представляют превосходнейшие пособия для отечественных ученых, посвящающих себя обработке отдельных ветвей наук. Сокровища восточной нумизматики и письменности, собрание европейских монет древних и новейших, обогатились еще приобретением превосходного нумизматического кабинета, принадлежавшего графу Сухтелену⁷⁴. Ваше Императорское Величество даровали Академии полное собрание русских медалей, выбитых из серебра. Азиатский музей приобрел любопытную коллекцию искусственных произведений Китая и мануфактурной промышленности этой страны, составленную в Пекине полковником Лодыженским⁷⁵. Кабинеты естественной истории, кроме богатых даров, полученных от щедрот Вашего Величества, увеличены значительными покупками. Так Академии достались знаменитые гербарии графа Разумовского⁷⁶, Гофмана, Зибера, богатое ученое наследие маршала Биберштейна⁷⁷ и энтомологический кабинет Гуммеля. Школа препараторов, учрежденная при зоологическом музее, обеспечивает успехи этого заведения. Плодом ее должно считать обширное зоологическое собрание, составляющее одну из замечательнейших частей музея Академии. Физический кабинет, который в течение 30 лет нисколько не умножался, извлечен из своего неподвижного состояния; заведена химическая лаборатория и учреждена механическая мастерская. Изпод станков типографии академии, неоднократно обогащавшейся новыми шрифтами, выходят книги на всех почти главнейших языках азиатских, даже на таких, на которых в состоянии печатать весьма не многие заведения этого рода в Европе. Я осмелился остановить внимание Вашего Величества на настоящем цветущем положении этих учреждений потому, что они составляют не бесплодное только украшение и роскошь Академии, но орудие для ее ученой деятельности. При помощи сих обширных средств, Академия постепенно сделалась учреждением вполне национальным. Немало способствовало к такому сближению учреждение Демидовских премий⁷⁸. Трудовая обязанность

возложена была на академию этим учреждением; но она вознаграждена была за то влиянием, которое доставило ей поручение обсуживать произведения отечественных ученых и назначать им цену и награды.

Присоединение Академии наук к Академии Российской. В 19 день октября 1841 года бывшая Императорская Российская академия, после пятидесятивосемилетнего существования своего, присоединена к Императорской Академии наук в виде особого отделения Русского языка и словесности. Ваше Императорское Величество повелели привести в единство и совокупность занятия двух высших ученых учреждений в Империи. Составляя как бы среднее звено двух частей Академии наук, отделение русского языка и словесности приобрело назначение совершенно сообразное с целью ученого сословия, занимающегося обработыванием языка. Отныне объем деятельности его на пользу отечественного слова расширяется, включая в круг исследований своих и все ветви славянских наречий, возникших из одного корня с языком русским. Отделению русского языка и словесности предстоят занятия важные, и оно уже приступило с ревностью к выполнению одного из главнейших трудов своих — к изданию полного словаря, который соответствовал бы требованиям времени и степени нашего образования.

[...] ⁷⁹

Ученые и литературные общества. Полезная деятельность умственная и стремление к образованию, разливаясь по всем пределам государства и по разным степеням жителей оно, находят некоторого рода средоточие своих усилий в учебных и литературных обществах, существующих в разных городах и для разнообразных целей. Простираясь числом до двенадцати, они усердно продолжают свои занятия, частью действуя собственными, более или менее значительными средствами, частью будучи поддерживаемые ежегодными пособиями правительства. Учрежденные в губернских городах губернские библиотеки открывают безвозмездные способы к удовлетворению живой любознательности и к приобретению общепользных сведений по всем ветвям наук и искусств. Число подобных учреждений, заводимых и поддерживаемых добровольными приношениями всех сословий, простирается уже до 41, не только в губернских городах, но и в некоторых уездных. Многие из них успели стать на замечательную степень процветания. Так, библиотека Тамбовская одна вмещает в себе до 13 тыс. томов; вообще же в публичных библиотеках можно полагать до 100 тыс. томов. Первенство между всеми заведениями этого рода принадлежит, бесспорно, Императорской Публичной библиотеке, которая лишь немногим из замечательнейших книгохранилищ уступает в числе и достоинстве книг и рукописей.

Принужден будучи втеснить в пределы краткого очерка изобилие фактов, относящихся к успехам ученой части в последнее десятилетие, я не могу перейти молчанием важнейший из всех, по крайней мере для России; открытие и обнародование документов и актов касательно ее истории. Это предприятие можно без преувеличения назвать обновлением народной нашей истории в ее источниках.

Археографическая комиссия. До начала XVIII столетия никто не думал об издании исторических материалов в России. Указ Петра I о приведении в известность летописей в монастырских библиотеках едва ли был исполнен. Императрица Екатерина II два раза повторила изъявление воли своей о собирании древних государственных бумаг и актов. Первым издателем исторических материалов был Миллер⁸⁰. Со времени трудов его, Шлецера⁸¹ и Башилова⁸², начался ряд изданий летописей; но о печатании государственных актов еще никто не помышлял. Материалы исторические до Карамзина были не только не обработаны, но даже не приведены в известность; он принужден был сам и отыскивать, и обрабатывать источники для своего обширного труда. По предложению моему, Академия наук отправила археографическую экспедицию для приведения в известность всех письменных памятников отечественной истории и для извлечения из них важнейших выписок. С 1829 по 1834 год экспедиция осмотрела четырнадцать губерний, которые составляли некогда коренную Русь. — Приобретением экспедиции было около 300 снимков в 10 томах in folio, грамот, наказов, отписок и проч. с XIV по XVIII век, и каталоги рукописей, хранящихся в монастырских библиотеках. По всеподданнейшему докладу моему, Ваше Императорское Величество, в 24 день декабря 1834 года повелели, для издания в свет собранных актов, учредить комиссию при департаменте народного просвещения. Умножив приобретение экспедиции новыми выписками из С.-Петербургских библиотек, комиссия издала в свет, в 1836 году, четыре тома in 4. Вскоре затем ей указано было новое поприще, с расширением круга ее деятельности: на нее возложено издание систематического собрания источников отечественной истории. Обозревая действия комиссии по обрабатыванию этих разнородных материалов, прежде всего надлежит упомянуть об издании летописей. Всех рукописных летописей поступило в нее 160. Комиссия составила конспект издания полного собрания русских летописей. В первых трех томах заключаются: временник Нестора⁸³, сличенный по 50 спискам, летописи: Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородские. Все издание составит с лишком 20 томов. Собранные комиссией памятники делопроизводства русских удельных княжеств и Московского царства, от XIV до XVIII века, составили пять томов, независимо от изданных в 1836 году. Первые три вышли в 1841 году, остальные два окончены.

Сверх того комиссия, имея в виду продолжающуюся присылку актов из Великороссийских губерний, предположила издать несколько томов дополнений к актам историческим, и составить особое издание под заглавием: Акты, относящиеся к истории западной России. Из собранных археографической комиссией юридических документов и форм старинного делопроизводства, комиссия, дополнив оные многими недостававшими формами, напечатала в 1838 году том актов юридических. Они составляют ключ к познанию обрядов, форм и слога древнего русского судопроизводства.

В 1837 году, с высочайшего разрешения, отправлен был для археографических поисков в Швецию корреспондент комиссии Соловьев⁸⁴. Плодом троекратных его поездок было приобретение столбцов, принадлежавших некогда Смоленскому воеводскому приказу, Сапеге⁸⁵ и Тушинскому самозванцу⁸⁶ и списков с грамот, ввезенных Делгардием⁸⁷ в начале XVII века и отысканных в Стокгольмском архиве. Найденная в библиотеке Упсальского университета и напечатанная комиссией в 1840 году рукопись о России в царствование Алексея Михайловича⁸⁸, которая сочинена подьячим посольского приказа Кошихиным⁸⁹ в 1666 году, пролила совершенно неожиданный свет на внутренний состав и управление государства, на дипломатические и судебные обряды, на публичные и частные обычаи России.

В 1839 году Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть передать в археографическую комиссию представленные тайным советником Тургеневым⁹⁰ выписки из Ватиканского тайного архива с XI по XVIII век, выписки Альбертрандиевы и извлечения из туринской, французской и английских библиотек и архивов. Первый том этого собрания, наполненный любопытными актами об отношениях Римского двора к России, Литве, Польше и Ливонии, издан в 1841 году, второй так же окончен печатанием. Находящийся в Москве член комиссии Строев⁹¹, по распоряжению ее, печатает там выходные книги царей и выписки из расходных. Он рассмотрел государственный архив старых дел при московском Сенате, в котором хранится до 17 тыс. грамот. Сверх того, он составил свод Судебника царя Иоанна Васильевича⁹² по трем манускриптам XVI и XVII века. Сличенный в комиссии в 15-ю рукописными списками, Судебник вошел в состав первого тома актов исторических, изданных в 1841 году.

Комиссии было вменено в обязанность, для усовершенствования отечественной нумизматики, издавать снимки и составить описание русских монет и медалей. Исполняя эту обязанность, комиссия уже издала в 1840 и 1841 годах три первые выпуска, относящиеся к царствованиям от Петра I до Императора Павла I; четвертый выпуск уже отпечатан, а последний, который будет состоять из медалей, выбитых в честь достопамятных людей русских, готовится к изданию.

К этому надобно прибавить, что для изданий сего рода министерство отправило в Англию особого художника, который на месте изучил изобретенный Колласом и усовершенствованный Бетом способ гравирувания, и потом усвоил это искусство России⁹³.

До археографической экспедиции объем источников отечественной истории был неизвестен. Осмотрев библиотеки и составив каталоги рукописей, экспедиция окончательно решила вопрос о количестве и свойстве уцелевших до нашего времени летописей; она указала ученым, где и чего должно искать. Обнародование огромной историко-юридической письменности, таившейся в Московских архивах, в монастырях и городах, раскрыло будущим историкам внутреннюю жизнь государства в различные эпохи его существования. Доселе у нас не было издания Несторовой летописи по древнему Лаврентьевскому списку, кроме начала, напечатанного Тимковским⁹⁴. Приготавливаемое археографической комиссией издание должно восстановить, сколько возможно, подлинник единственного нашего летописца, открыть способ к объяснению первого периода нашей истории и решить вопрос о древности этого памятника русского бытописания. То же должно разуметь об отдельных временниках и летописных сборниках, относящихся к XIV—XVII столетиям. Археографическая комиссия по приведении к концу полного собрания летописей по лучшим спискам, утвердит достоверность временников и укажет путь, по которому должна впредь идти историческая критика в своих разысканиях.

Подобные издания хронографов, сказаний и других рукописей, в непосредственной связи с историей состоящих, принесут не менее счастливые результаты, что доказывает издание рукописи Кошихина, которую можно назвать превосходным комментарием на грамоты и акты XVI и XVII столетий и указателем достоверным государственно-го быта до Петра Великого.

Таким образом, можно со справедливостью сказать, что в течение последних десяти лет все виды отечественной истории изменились. Акты и документы, изданные министерством, поставляют отныне будущего историка России в необходимость расширить круг наблюдений и проникнуть далее в пределы, недоступные Карамзину. Вся слава последней эпохи нашего бытописания принадлежит несомненно этому знаменитому писателю. Ныне русская история ожидает нового делателя, с новым взглядом на предметы и готовит ему обильный запас сведений, коими Карамзин не мог воспользоваться, и от соображения коих история нашего отечества во многом должна переродиться и стать наряду с памятниками прочих европейских государств.

Здесь прилично упомянуть о предпринятом в Париже с соизволения Вашего Императорского Величества издании одного из древней-

ших памятников славянской письменности — Реймского Славянского Евангелия, на котором французские короли присягали в прежнее время и которого язык, составлявший для французов неразрешимую загадку, лишь императором Петром I признан славянским⁹⁵. Это Евангелие считали утраченным во время французской революции; открытие оно в недавнее время и описание корреспондентом археографической комиссии Строевым, обратило на него живейшее любопытство всего славянского мира.

Мне остается заключить это отделение взглядом на успехи отечественной словесности, в которой отражались все изменчивые черты современного развития умов. Споспешествуя входящими в круг влияния министерства способами полезному направлению литературы, оно, поистине, могло лишь наблюдать над общим ходом ее, исправлять и предупреждать ее временные отклонения. Не будучи в состоянии прямо действовать на процветание словесности, неразрывно связанное с появлением отличных талантов, — правительство открывало способы к деятельности литературной везде, где успехи ума обещали ее развитие. При цензурном комитете в С.-Петербурге, по причине увеличивавшегося количества печатаемых книг и периодических изданий, число цензоров увеличено двумя сторонними цензорами; в Киеве учрежден новый комитет. В Тифлисе, для рассматривания книг на восточных языках, печатаемых в том крае, учреждена особая цензура под наблюдением тамошнего главного местного начальства. Десятилетие с 1833—1843 год к итогу книг отечественной словесности прибавило 8246 названий. Вместе с журналами они составляют, в одном экземпляре, 142 973 печатные листа. Если положить круглым числом каждый том в 20 листов и полный завод каждого издания в 1000 экземпляров, то следует, что в этот период типографии русские произвели 7 149 000 томов. Книжная производительность возрастала в постепенности по 1838, 1839 и 1840 годы. В эти три года было самое большое число изданий и объем книг самый значительный. Вместе с сим надлежит заметить, что периодические издания неизменно получали с каждым годом все большую и большую обширность.

Рассматривая умственную деятельность России в явлениях отечественной словесности, не должно терять из вида и книжную торговлю произведениями литературы иностранной. Наша образованность и наша словесность суть плод ума народного и иноземного просвещения, нас предупредившего. Едва ли в какой другой земле занимаются столько, как в России, языками и словесностью чужих стран. Ввоз иностранных книг возрастал постоянно с каждым годом и от 280 000 томов, ввезенных в 1833 году, возрос к 1843 г. до 600 000. Несмотря на то, в общем итоге количество ввезенных книг, в целое деся-

титетие менее в половину числа томов, напечатанных в России: они составляют около 4 470 000.

Наблюдая десять лет за трудным и сложным делом цензуры, я старался определить середину между изысканной строгостью цензоров, могущей нечувствительно сделаться стеснительной, и легковерной их беспечностью, которую не замедлили бы обратить во зло. В этот промежуток времени министерство не избегнуло, конечно, всех нареканий, как в том, так и в другом смысле. Между тем мы видим на опыте, что по цензурной части не оказалось в это время никаких особенно замечательных случаев или затруднительных явлений. Обуздав единожды твердыми мерами врожденную строптивость периодических изданий, наблюдая постоянно за их духом и направлением, — министерство редко встречало необходимость подвергать гласному взысканию эту ветвь литературной промышленности, которая, к сожалению, более прочих действует на массу читателей. Заметить можно, что оказавшиеся в прежнее время уклонения периодической литературы от правильного смысла, могут быть большей частью приписаны вредному влиянию тогдашних политических идей, извне к нам перешедших. С тех пор, как в кругу наших писателей возродилась мысль о народности даже в литературе, — большая часть иноземных идей, в политическом смысле, лишилась своей приманки. Мысль об умственной самостоятельности сильно распространилась в течение последних 10 лет; и если эта мысль подлежит, может быть, некоторому преувеличению в умах незрелых и пристрастных, то по крайней мере она исцеляет их и не без успеха, от чрезмерного предубеждения в пользу других понятий, более опасных и противных существующему порядку в государстве. Это изменение в направлении умов доказывается даже цифрой переведенных и оригинальных сочинений. Число первых уменьшалось по мере того, как умножалось количество других; и теперь на 757 оригинальных произведений, переведенных приходится только 36, между тем как в 1832 году было первых 672, а последних 134.

Учебные книги. Говоря о движении литературном и ученом, укажу мимоходом на число учебных книг, явившихся в этот промежуток времени, в коих недостаток был столь ощутителен. Многие части обработаны с особым тщанием и успехом: математические, физические, исторические науки являют несколько отличных учебников, из коих назову только Русскую Историю Устрялова⁹⁶. За 10 лет преподавание сего важного предмета было столь же сухо и неудовлетворительно, сколько и взгляд на предмет был односторонний и запоздалый. Повсюду требовался учебник, который мог бы с одной стороны приманить к науке внимание юношей; с другой привести их стройно и безопасно к главным результатам отечественной истории. Мини-

стерство поставило во главе своих попечений эту задачу, которую решила, по возможности, книга Устрялова. По ней преподается повсюду, даже вне пределов министерства, отечественная история; эту книгу нельзя не почтить весьма значительным орудием министерства при образовании училищ в западных губерниях: там особенно приняла она отличительное достоинство от местных обстоятельств и содействовала к сближению умов и к распространению в юношестве основательных сведений о России и о ее истории, раскрывая на непреложном ряду фактов, что западная Русь, в особенности Литва, составляла интересную часть Российского государства⁹⁷.

[...] ⁹⁸

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими: исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в юных ушах радушно уважение к отечественному и полное убеждение, что только приноровление общего, всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу, может принести истинные плоды всем и каждому; потом обнять верным взглядом огромное поприще, открытое пред любезным отечеством, оценить с точностью все противоположные элементы нашего гражданского образования, все исторические данные, которые стекаются в обширный состав Империи, обратить сии развивающиеся элементы и пробужденные силы, по мере возможности, к одному знаменателю; наконец, искать этого знаменателя в тройственном понятии *православия, самодержавия и народности*^{*}, — такова была цель, к коей министерство народного просвещения приближалось десять лет; таков план, коему я следовал во всех моих распоряжениях.

Естественно, что направление, данное Вашим Величеством министерству и его тройственная формула — должны были восстановить некоторым образом против него все, что носило еще отпечаток либеральных и мистических идей: либеральных — ибо министерство, провозглашая самодержавие, заявило твердое намерение возвращаться прямым путем к русскому монархическому началу, во всем его объеме; мистическим потому, что выражение «православие» довольно ясно обнаружило стремление министерства ко всемоу положительному в отношении к предметам христианского верования и удаление от всех мечтательных призраков, слишком часто помрачавших чистоту священных преданий церкви. Наконец и слово народность возбуждало в недоброжелателях чувство неприязненное за мелкое утверждение, что министерство считало Россию возмужалой и до-

^{*} Общий отчет министра народного просвещения за 1837 год.

стойной идти не позади, а, по крайней мере, рядом с прочими европейскими национальностями. Если б нужно было еще ближе увериться в справедливости избранных начал, то это удостоверение можно было бы найти и в порицании их противниками величия России, и в общем, радостном сочувствии, с коим эти заветные слова были приняты в отечестве всеми приверженцами существующего порядка. В царствование Вашего Величества главная задача по министерству народного просвещения состояла в том, чтобы собрать и соединить в руках правительства все умственные силы, дотоле раздробленные, все средства общего и частного образования, оставшиеся без уважения и частью без надзора, все элементы, принявшие направление неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитие умов потребностям государства, обеспечить, сколько дано человеческому размышлению, будущее в настоящем. После десятилетнего периода можно безошибочно сказать, что начала, избранные Вашим Величеством, и управлявшие непрерывно, под моим руководством министерством народного просвещения, выдержали опыт времени и обстоятельств, явили в себе залог безопасности, оплот порядка и верное врачевание случайных недугов.

Представляя Вашему Императорскому Величеству этот очерк истории вверенного мне министерства в течение десяти лет, я имел преимущественно в виду утвердиться в мысли, что это десятилетие протекло не без заметных следов, и что усердием лиц, принадлежащих к министерству, достигнуто несколько результатов утешительных для всех и каждого и оправдывающих неусыпное попечение Вашего Величества о сей важной ветви государственного управления. Сверх того, нахожу себя обязанным оставить на будущее время неоспоримое свидетельство, что лица, коим Ваше Величество поручили, под Вашим наблюдением, распоряжение этой частью управления, руководствовались не слепым подражанием иноземному, не изменчивым проявлением той или другой мысли, еще менее прихотливой оценкой случайных событий; но рационально, твердо и неотступно покоряясь во всех движениях коренным началам, стремились ежедневно ближе и ближе к цели, систематически определенной.

В заключение всеподданнейше осмеливаюсь с умилением выразить пред Вашим Величеством, что я считаю себя, в полном значении слова, счастливым, что удостоился быть, в продолжении 10-ти лет, орудием Ваших высоких видов, исполнение коих не могло бы иметь успеха, если б непрерывное внимание Вашего Императорского Величества, Ваш опытный взгляд, Ваше драгоценное, никогда не изменяемое доверие не осеняли меня и министерство на каждом шагу и во всех оборотах служебной деятельности. [...]⁹⁹

ДОКЛАД ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I О СЛАВЯНСТВЕ¹⁰⁰

Из сведений и бумаг, сообщенных мне конфиденциально Графом Орловым¹⁰¹, явствует, что несколько людей разного звания и происхождения осмелились под видом будто бы славянства, приступить к преступной мысли посягнуть на правительство и на общее спокойствие Отечества¹⁰².

Нет никакого сомнения, что для охранения духа народного от заразы возмутительных идей необходимо было раскрыть в самом зародыше замышляемое преступление и что с надлежащей строгостью, виновные понесут справедливое наказание, по мере степени вины каждого.

Не дозволяя себе в частности никакого преждевременного заключения насчет окончательного вывода, впрочем, как кажется, довольно близкого, я приемлю смелость обратиться к некоторым общим видам, коим это дело дает особую важность и которые состоят в ближайшей связи с министерством, высочайше вверенном моему управлению.

По внимательном соображении особых обстоятельств сего дела, сколько оные сделались мне ныне известными, осмеливаюсь думать, что наказывая в лице сих людей нарушителей закона, посягнувших на общественный порядок, следовало бы, по многим уважениям, избегать всякого прямого указания на то, что корень сих заблуждений мог, хотя косвенно, находиться в пределах славянских понятий, не разрешив предварительно следующих важных вопросов:

- 1) Что такое славянство в отношении к России?
- 2) В какой мере можно отнести подобные заблуждения к влиянию славянства?
- 3) Не служит ли слово «славянство» только предлогом и завесою замысла этого рода?

Постараюсь, в кратких словах, изложить главный вопрос, представив несколько данных, к разрешению следующих.

Мысль что все народы славянского происхождения, рассеянные по Европе и ныне принадлежащие разным государствам, должны когда-нибудь, слившись в одно целое, возродиться в виде чисто славянского государства, родилась в Богемии¹⁰³, за полвека, и мало-помалу овладела всеми ветвями славянского населения в Европе, сперва в литературном, потом в политическом смысле сего определения¹⁰⁴.

От этого движения усилилось повсюду стремление к языкам, истории, древностям, словом, ко всем остаткам славянской самобытности, взоры всех заграничных славян естественно обратились на единственное славянское государство, величие, могущество и процветание

кого, как говорит один из Чехов, преданных России, «утешают и как будто вознаграждают прочих славян в раздробленном их угнетении».

Итак — не Россия пошла навстречу заграничным славянским идеям, эти понятия, пробудившись в других народах, приближались силою вещей к России, как к центру, в коем живет и бодрствует начало, давно умершее между прочими славянскими народами и которое они стараются воскресить и поставить в главе своих учреждений.

Но это стройное развитие соединенных ветвей одного обширного племени не могло долго оставаться в мирных пределах науки и чистого братства. Не касаясь изложения перемен и постепенного искажения этого благородного порыва, можно ограничиться фактом, что в настоящее время, частью от влияния общих тревожных идей, частью от возбужденных религиозных предрассудков, частью от собственных своих недоразумений европейское понятие о славянстве раздробилось на столько же отдельных ветвей, сколько состоит отдельных земель, в коих обитают славяне.

Еще должно заметить, что с тех пор, как начало колебаться и дробиться между западными славянами понятие об единстве главного вопроса, они более и более отделяются от русского начала, основанного на тождестве православия и самодержавия. Чехи частью хотят невозможное слияние славянства с западною церковью, и орган одной главной между ними партии Граф Лев Тун¹⁰⁵ утверждает на этом основании, что чехи, сделавшиеся славянами, должны искать подпопу не в русском начале, а в германском. Иллирийцы, далматы¹⁰⁶, венгерские славяне блуждают без ясной цели в тесном кругу туземных понятий и взаимных противодействий. Доказательством сему может служить прилагаемая при сем выписка из письма одного славянского литератора из венгров, в недавнем времени писанного.

От слишком тесных сношений со славянами, подвластными Австрийской империи, я неослабно предостерегал тех, на коих по долгу моего звания могу иметь прямое влияние. В бытность мою в Праге, я откровенно говорил корифеям туземного славянства, что доколе их труды и разыскания ограничены областью языка и словесности, мы не можем не принимать живого в них участия, но что всякое присовокупление политических видов к этому делу не найдет в России ни отголоска, ни сочувствия, прибавя к тому, что, по моему убеждению, они вредили бы общему делу славянской образованности примесью политических начинаний и расчетов. Я имел случай слышать себе в Вене похвалу за добрые советы, данные представителям славянства, видимое охлаждение коих к моему образу мыслей было непосредственным последствием наших совещаний.

Что касается до славян, находящихся под владычеством или покровительством Оттоманской Порты, то они составляют как будто

особое звено, близкое нам по родству духовному и умственному, но коего судьбы не имеют прямой связи с прочими западными славянами, увлеченными движением Европейских идей более, нежели мирным развитием славянского образования.

Некто Сурпrien Robert¹⁰⁷, путешествовавший по всем славянским землям для исследования славянского вопроса, написал книгу, в которой заметны недоброжелательство к России и множество ошибок всякого рода, между тем, каким-то чутьем непонятным он выводит следующее заключение: «Из всего что я видел, я заключаю, что есть два панславизма, один русский, другой антирусский, но первый, имея свой центр в понятии о самодержавном государе и все относя к нему, должен, если не помешает европейская политика, поглотить противный дух другого славянства, не имеющего ни единства, ни центра».

И действительно, эти два славянства существуют совокупно: русское, другое нам неприязненное. Отбросив слово *славянство*, — что найдем мы под этой оболочкой? — ничто иное, как русский дух, источник нашего государственного начала, тот краеугольный камень, на коем твердою пятою стоят трон и алтарь.

Еще в 1842 году, по поводу некоторых внушений австрийского правительства, я писал к графу Нессельроду¹⁰⁸, с ведома Вашего Величества, что славянский вопрос представляет в отношении к нам две стороны: одну, которую можно употребить на возбуждение умов и к распространению опасной пропаганды, заслуживающей всю кару правительства, другая же сторона сего вопроса содержит святыню наших верований, нашей самобытности, нашего народного духа, имеющую в пределах законного развития неоспоримое право на ближайшую попечительность правительства.

И ныне осмеливаюсь повторить то же самое определение ясно, что вопрос славянский представляет для нас некоторую сложность, но потому и требует особой предусмотрительности. В истинном, чистом своем значении русское славянство одушевлено приверженностью к православию и самодержавию, все, что выходит из этой черты, не принадлежит к этому славянству: оно или примесь чужих понятий, или игра фантазии, или, наконец, личина, под коей злоумышленные стараются уловить незрелых юношей и увлечь мечтателей неопытных. С сей точки зрения можно бы положительно заключить, что в замыслах, кои теперь обнаружены перед правительством, слово *славянство* служило только недобросовестною завесою, под коею скрывались иные мысли, готовые принять и всякую другую форму, но избравшие *славянскую*, как сильнее действующую на сокровеннейшую струну русского сердца.

Доказательством сего могло бы служить не только печать украинского воззрения на всех прехваченных *бумагах*, в числе их и наиза-

мечательнейший: *Закон Божий*^{*109}, но преимущественно, что наперекор господствующему славянскому направлению, мы видим здесь следы какого-то слепого стремления провинциального духа к *разъединению*, когда, напротив, славянство, не ставя в счет ни географические, ни политические препятствия, неуклонно хочет *соединения* всех частей в одно, уничтожение всякого провинциального духа, слияния всех местных патриотизмов в один общий патриотизм, сосредоточения всех сих, в руках одного вождя и в недрах одной церкви. Ничего подобного не находим мы в перехваченных бумагах и я осмеливаюсь утверждать, что ни один восторженный, добродушный московский *славянофил*¹¹⁰, кроме нравственного отвращения [к ним не проявил бы? и] не согласился бы, по своим понятиям вступить в тайный союз, цель которого были бы *раздробление* России или отделение *одной* или *нескольких* ветвей от корня обожаемого им *всеславянского единства*.

Да будет засим мне позволено изложить, в немногих чертах, меру участия, принимаемого Министерством народного просвещения в развитии русского славянства.

Когда за четырнадцать лет Вашему Императорскому Величеству благоугодно было возложить на меня управление Министерством Народного Просвещения, Вы, Всемилостивейший Государь, изволили, при самом приступе к делу, поставить мне на вид недостаток в общих началах народного образования, нахождение воспитания высших классов общества в руках иностранцев, незнание всего русского в возрастающих поколениях, отсутствие твердой системы в учреждении разных степеней публичного воспитания, — и повелели мне избрать меры к достижению цели, Вашею мудростью указанной. Я не дерзаю безумно утверждать, что эта высокая цель вполне достигнута, но для собственного успокоения, памятуя о суждениях Вашего Величества, о доверенности Вашей, не изменившейся в течение четырнадцати лет, посреди борьбы жаркой и почти непрерывной, я имею смелость заключать, что несколько успехов увенчали перед Вами ревность и старание деятелей, подвизавшихся на поприще, Вашим Величеством определенном.

Если мое заключение не ошибочно, то позволяю себе одно только замечание: к какому прибегнули мы средству, и какое орудие оказало более услуг, как не возбуждение духа отечественного в тройственной

* Примечание. В этом злонамеренном и опасном произведении следует заметить, что первая половина, в коей говорится об Европейских народах, почти буквально взята из Ламине, Мицкевича и других писателей этого рода, соединивших революционные идеи с мистическим бредом, вторая же, главная часть посвящена Украине, тут трепещет так сказать, сердце сочинителя, слог оживляется и вся сила бешеного негодования обнаружена на страницах, в коих он описывает родимый край, в его мнимом угнетении.

формуле: православие, самодержавие и народность? Если наши сыновья лучше нас знают родной язык, если они ближе знакомы с нашей историей, с нашими преданиями и народным бытом, то не произошло ли все это оттого, что образованию их дано повсюду русское направление? Если до берегов Немана, и далее, все заговорило порусски, все учится по образцу русскому, если даже в Остзейском крае усиливается ежедневно владычество отечественного образования, то не русский ли язык и не русский ли дух произвели и продолжают производить этот благодатный результат? Если, наконец, *публичное* воспитание, без содействия запретительных мер, совершенно уничтожило *частное*, то не следует ли приписать это добровольное всех отцов семейств отчуждение иностранных воспитателей от образования их детей влиянию духа Русского, проявившегося во всех распоряжениях наших?

Для усиления и укрепления этого духа, Министерство необходимо обязано было обратиться к источнику оного — к основательному изучению церковнославянского языка и сродных славянских наречий, и потому, с разрешения Вашего Величества, учреждены в русских университетах кафедры славянского языка и занятие оным поставлено обязанностью и в средних учебных заведениях. Главнейшие памятники нашей древней славяно-русской литературы вышли из забвения, множество актов и документов, служащих к узнанию истории, обнаружены иждивением правительства, между тем непрерывное наблюдение Министерства было устремлено на охранение, по мере возможности, этого стройного движения в пределах законной свободы и благоустройства.

С другой стороны, одно из главнейших моих стараний от самого начала состояло в том, чтобы помирить с нашими гражданскими учебными заведениями духовные власти, дотоле смотревшие не только с недоверием, но можно сказать, с отвращением на учреждения, сближенные с духом западного просвещения. И тут цель была достигнута не иначе, как посредством убеждения, мало-помалу распространившегося между высшим духовенством, что Министерство народного просвещения действует в духе русском, с твердым направлением к православию и самодержавию. Ныне Министерство не встречает ни малейшего противодействия со стороны духовной власти, напротив, находит везде участие и доброжелательное к нему расположение.

Имеющиеся в настоящем деле сведения и показания достаточно, смею думать, утверждают, что если несколько лиц заразились вредными мечтами, то эту заразу они не почерпнули в университетском преподавании. Уповательно, что сведения, ожидаемые от генерал-адъютанта Бибикова¹¹¹ вполне подкрепят эту истину. Тут по справедливости оканчивается область, к ответственности Министерства на-

родного просвещения принадлежащая. Что могло происходить и происходит между частными людьми в сокровенных беседах, в тайных обществах, в излиянии чувств и мыслей наедине — все это падает в удел гражданских и полицейских властей и подлежит судебному или административному взысканию. Вообще я льщусь надеждою, что окончательный вывод всего дела положит резкую черту между славянством, столь истинно *русским*, что и не следовало бы называть его славянством, и между безумными покушениями горсти заблудших, скрывающих, под личиною славянства, побуждения, ему и чуждые и неприязненные, ибо осмеливаюсь повторить, что мысль о Славянстве, даже в своих заблуждениях, не имеет ничего общего с мелкими провинциальными мечтами нескольких лиц, тем более достойных наказания, что своим коварным безумием бросают тень на начало, в столь многих отношениях необходимое и священное.

Упомянув о *провинциальном духе*, нельзя не сказать открыто, что в брожениях, обнаруженных пред правительством, господствует не дух славянский, а какой-то отголосок украинских предрассудков. С полным чистосердечием приемлю смелость объяснить на сей счет мою мысль: Малороссия, верная престолу, непоколебимая в вере, питает действительно, в своих воспоминаниях, мысль о прошедшем, она на досуге жалеет о минувшей самобытности, о своем гетмане, о разгульном казачестве, об обращении в крепостное право вольных ее жителей, об утрате местных привилегий, может быть, об утрате вольной продажи горилки, но нельзя украинскому духу ставить в вину преступные замыслы нескольких безумцев, с коими, без сомнения, ни высшее сословие, ни туземное духовенство, еще менее неисчислимо большинство мирных и покорных жителей не имеют ничего общего. Дух Малороссии не причастен никакого коварного замысла; если он дорожит своей минувшей историей, то разделяет это чувство со всеми известными племенами, кои, по ходу вещей слившись с сильным племенем, потеряли свое отдельное значение и были принуждены признать над собою владычество другого, могущественнейшего начала. Легко молодым, неопытным умам плениться поэтическим этим воззрением и увлечь себя и других далее черты благоразумия, но тщетно было бы, без сомнения, усилие поколебать основную верность жителей края, столь часто являвшего опыты преданности и самоотвержения. Виновны те, которые прямо или косвенно раздражая эту сокровенную струну, употребляют во зло тайные мечты, неразлучные с утратою гражданской самобытности.

По соображении всех вышеприведенных обстоятельств, не отвергая, что в нынешнем положении вещей следует усугубить все меры предосторожности и, так сказать, воспользоваться этими печальными

ми явлениями, дабы отделить от *плевел доброе семя*, я считаю долгом всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству, не благоугодно ли будет утвердить следующие меры в кругу Министерства народного просвещения:

1) Разрешить мне составить секретный циркуляр к начальникам учебных округов, в коем, в подтверждение прежних наставлений, будут им поставлены на вид меры предосторожности, коими они имеют руководствоваться при наблюдении по предмету Славянства, определив границы, в коих должно это дело оставаться для достижения полезной своей цели и устранения неудобств и недоразумений, могущих овладеть умами как учащихся, так и учащих, этот циркуляр представив в проекте на просмотр Вашего Величества.

2) Дозволить мне, по временам, представлять Вашему Величеству особые донесения о ходе сего дела, не только в наших пределах, но и за границу, когда оно будет являть новые стороны, не без важности для нас; это наблюдение довольно трудно, но по имеющимся источникам, я полагаю, что и движение заграничных славян достаточно мне известно.

3) Когда настоящее дело будет приведено к концу и перестанет быть предметом некоторого беспокойства в общем мнении, — повелеть мне, если б открылась в том нужда, употребить вторую половину лета на осмотр, в виде обыкновенной ревизии, Московского, Харьковского и Киевского университетов и учебных заведений, дабы в последствии можно было иметь верный вывод и дополнить, в случае надобности, нынешние распоряжения другими мерами, на местах соображенными.

8 мая 1847

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОПЕЧИТЕЛЮ МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА¹¹²

Министерство Народного просвещения.
Канцелярия министра, 27 мая 1847 № 688-й.
Господину Попечителю Московского Учебного Округа¹¹³.
По Высочайшему повелению

В конце прошлого столетия родилась между соплеменными нам народами на Западе, именно в Богемии, мысль, что все народы славянского происхождения, рассеянные по Европе и подвластные разным скипетрам, должны когда-либо слиться в одно целое и составить

государство славянское. Эта мысль мало-помалу овладела всеми ветвями славянского племени в Европе, сперва в литературном, потом и в политическом смысле.

От этого движения повсюду между народами славянского происхождения усилилось стремление к изучению языков, древностей и всех памятников славянских племен; но, к сожалению, это развитие отдельных ветвей славянских недолго оставалось в мирных пределах науки: скоро подпало оно искажению, частью от влияния общих тревожных идей политических, частью от возбужденных предрассудков религиозных, частью и от собственных недоразумений каждого племени. Европейское понятие о славянстве раздробилось уже на столько же ветвей, сколько находится отдельных земель. Название славянства, драгоценное для восьмидесяти миллионов, разделенных на многие народы, занимающих безмерное пространство земли, по языку своему помнящих единое происхождение и древнее родство, как оказывается ныне, употребляется во зло под личиною чистого братства¹¹⁴.

Эти идеи Запада о славянстве естественно тяготеют к России, как средоточию племен славянских; потому что и в языке русских, и в вере, и в законах дышит и бодрствует древнее начало народной жизни, от различных судеб исторических давно умершее в других славянских народах. Но и у нас западные понятия могут увлечь людей пылких и не прозревающих опасности своих мечтаний.

Для охранения преподавателей, принадлежащих к ведомству Министерства народного просвещения, долженствующих проливать в юные умы учащихся благотворный свет истинных, полезных знаний и чувство любви к престолу и вере, от вредного влияния разрушительных начал, почитаю священным долгом, с Высочайшего соизволения государя императора, изложить значение *народного начала* в видах правительства и мысли о сем важном современном вопросе передать вашему сиятельству для конфиденциального сообщения их преподавателям, цензорам и некоторым из членов ученых обществ, в ведомстве Московского университета состоящим, в круг занятий коих входят преимущественно словесность и история отечественная.

Вопрос о славянстве в отношении к нам представляет две стороны: одну, которую злонамеренные могут употребить на возбуждение умов и распространение опасной пропаганды, преступной и возмутительной; другая же сторона содержит в себе святыню наших верований, нашей самобытности, нашего народного духа, в пределах законного развития имеющую неоспоримое право на попечение правительства. Русское славянство в чистоте своей должно выражать безусловную приверженность к православию и самодержавию; но все, что выходит из этих пределов, есть примесь чуждых понятий,

игра фантазии или личина, под которой злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей. Раскрытию этого начала мы обязаны ближайшим знакомством с церковнославянским языком, на котором чтение Священного Писания, недавно чуждое высшим слоям общества, ныне понятно юному поколению, одолжены знакомством и с другими славянскими наречиями, полезным и необходимым для ученых исследований языка отечественного. Этим же направлением главнейшие памятники нашей древней славянорусской словесности вышли из забвения, и множество актов и документов, служащих к разысканиям историческим, обнаружено на иждивение правительства.

Но этому славянству русскому, нами во всей чистоте принимаемому, должна быть чужда всякая примесь политических идей; тогда остальным началом, в нем сокровенным, будет наше государственное начало, на котором непоколебимо стоят трон и алтарь, собственно *русское начало, русский дух*, наша святыня.

В этом славянстве мы, русские, должны искать своего народного начала, источника и народного просвещения. Каждый народ, в периоде самобытности своей, вмещает в себе два элемента: общий наследственный от народа-родоначальника, исчезающего в поколениях, и частный, составляющий *личность* народа. Общий элемент в нас есть родовой, Славянский, частный — наш, собственный русский. Посредством личности своей каждый народ развивает в жизни человечества особую мысль Провидения и содействует исполнению благих Его предначертаний. Так, все славянские государства были в свое время славны и могущественны, и все, как бы по очереди, пали: Моравия, Болгария, Сербия, Померания, Чехия, Кроация, Славония, Далмация, Босния, Польша¹¹⁵. Многие Славяне даже потеряли язык свой вместе с воспоминаниями о прежней самобытности: в Померании, Мекленбурге, Саксонии и в других странах Германии славянское наречие вытеснено немецким, в Морее¹¹⁶ — Греческим, в Венгрии — Мадьярским¹¹⁷. Этим славянам, утратившим значение свое, свойственно с сожалением вспоминать славное прошедшее. Но Россия, по воле Провидения, выдержала удары судеб и приобрела *самобытность*, претерпев многоразличные, долговременные бедствия, внутренние и внешние, она одна возносится над могилами единокровных государств и своею собственною личностью представляет беспримерную историю по необъятности владений, многочисленности обитателей и могуществу народного духа, благоговейно преданная своей вере, своему государю, сохранившая свой язык, знамение народного ума, народных доблестей, народного чувства. Тогда как прочие славянские народы, в изнеможении своем от чуждого владычества, еще гордятся общим славянским происхождением, Россия, не

помрачившая славы предков, славна своими народными доблестями, славна и прошедшим, и настоящим.

Итак, независимо от общего славянства, в действительности не существующего, а изменившегося в нескольких славянских племенах, мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей вере, преданности к престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях, мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских доблестей, русского чувства. Вот искоемое *начало народное*, и не *славяно-русское*, а *чисто-русское*, непоколебимое в своем основании, собственно наша *народность*. Великий преобразователь России¹¹⁸ не все вновь в ней создал: стихии для его творения уже были приготовлены венценосными его предшественниками. Могучею волею Петр I совершил в свое царствование то, для чего потребны столетия; но он совершил то, до чего народы достигают и в постепенном своем развитии. Какие следствия его преобразований? Мы, оставаясь русскими по духу и сердцу, сравнились с европейцами в образованности. Ломоносов¹¹⁹ для пересоздания слова русского там же искал сокровищ науки, где Петр Великий находил их для пересоздания государства. Чего ж нам ожидать от соплеменных народов? Ответ мы находим в истории и прошедшей, и современной. Святая Русь бедствовала и страдала одна, одна проливала кровь свою за престол и веру, одна подвигалась твердым и быстрым шагом на поприще гражданского своего развития; одна ополчалась против двадцати народов, вторгнувшихся в ее пределы с огнем и мечом в руках¹²⁰. Все, что имеем мы на Руси, принадлежит нам одним, без участия других славянских народов, ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве, не столько по внушению братской любви, как по расчетам мелкого и не всегда бескорыстного эгоизма.

С таким воззрением на нашу народность я обращаю слово преимущественно к тем преподавателям, которым досталось обрабатывать на ученом поприще участок славный, но и трудный — русский язык и русскую словесность, с прочими соплеменными наречиями, как вспомогательными средствами для народного языка, русскую историю, историю русского законодательства. Им предпочтительно пред другими принадлежит возбуждение духа отечественного не из славянства, игрою фантазии созданного, а из начала русского, в пределах науки, без всякой примеси современных идей политических. Преподаватели, следуя видам правительства и научая вверенное им юношество тому или другому предмету, да поучают его и впредь по-русски мыслить и чувствовать: только этим способом будущие члены общества составят одну великую семью с одинаковыми мыслями, с одинаковою волею, с одинаким чувством.

Таково воззрение правительства на славянство вообще и на славянство в отношении к России, таковы мысли о *начале народном и народности*, источнике народного просвещения, коими следует руководствоваться при направлении умов учащегося юношества.

Московский университет, старый блюститель отечественного языка, в сердце России, пред стенами священного Кремля, свидетеля и бедствий, и радостей народных, в особенности должен показать пламенное усердие в развитии русского просвещения из русского начала нашей народности. Разливая на учащихся свет истинных, полезных знаний об отечественной истории и словесности, об отечественных законах и преданиях, университет, без сомнения, истребит влиянием своим необдуманные порывы некоторых из прежних его питомцев, отделивших себя от общих исторических мнений не столько по какому-либо убеждению, сколько по легкомыслию и добродушной мечтательности. Не славнее ли для нас имя русского, то знаменитое наше имя, которое с основания государства нашего повторялось и повторяется миллионами народа в жизни общественной? Да слышится в университетах имя русского, как слышится оно в русском народе, который, не мудрствуя лукаво, без воображаемого славянства, сохранил веру отцов наших, язык, нравы, обычаи, всю народность.

Я не скрываю пред собою, что вышеупомянутые отклонения от прямого пути науки возможны, но в то же время я уверен и имел счастье всеподданнейше выразить Всемилостивейшему Государю Императору уверение, что учащие и учащиеся, принадлежащие к ведомству Министерства народного просвещения, оправдают ожидания и надежды монаршие, и это уверение, с полным убеждением в точности его исполнения, передаю в настоящем случае самим делателям на ученом поприще.

Бог нам да поможет в великом деле *народного просвещения*, от которого зависят *настоящее и будущее* России!

В заключение я должен присовокупить, что это открытое и положительное изложение видов правительства в деле о началах Русского просвещения без сомнения возбудит во всех благонамеренных стремление, по мере сил, оправдать доверенность правительства и употребить все старания к сохранению духа учащегося юношества от соблазна понятий, нам неприятных и вредных. Между тем правительство, следя неослабно развитие сего важного по обстоятельствам дела, тогда только было бы вынуждено обратиться к мерам другого рода, когда ожидание его могло бы оказаться тщетным, и меры кротости и доверия не достигли бы благой его цели.

Ваше сиятельство не оставите обращать особое внимание на содержание сего предписания и повремененно доносить мне о наблюде-

ниях ваших по вышеизложенным предметам, равно как и о распоряжениях, кои, по местным соображениям, могли бы в последствии оказаться полезными.

Комментарии

¹ О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ НАЧАЛАХ, МОГУЩИХ СЛУЖИТЬ РУКОВОДСТВОМ ПРИ УПРАВЛЕНИИ МИНИСТЕРСТВОМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Одним из первых документов, в которых Уваров попытался обосновать идеологическую программу «Православия—Самодержавия—Народности», стал всеподданнейший доклад управляющего Министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 г. «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения». Наряду с ранней статьей «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» (отд. изд. СПб., 1813) и письмом императору Николаю I (см.: *Зорин А.* Идеология «православия—самодержавия—народности»: Опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 96—100 и др.) он является важнейшим источником, освещающим генезис знаменитой уваровской «триединой формулы».

Текст печатается по: Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I / Публ. М.М. Шевченко // Река времен. Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 70—72.

² Написано рукой С.С. Уварова.

³ Здесь и далее выделены слова, подчеркнутые в тексте.

⁴ Колосс (*греч.* kolossos — столб) — исполинская, громадных размеров статуя, колонна, обозначение всякой статуи, превосходящей своими размерами натуру, в переносном значении — нечто, подавляющее величиной или величием.

⁵ ДЕСЯТИЛЕТИЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. 1833—1843

(Записка, представленная Государю Императору Николаю Павловичу Министром Народного Просвещения графом Уваровым в 1843 году, и возвращенная с собственноручною надписью Его Величества: «Читал с удовольствием».)

Этот текст, представляющий собой отчет Уварова за десятилетний период его пребывания в должности министра народного просвещения, был опубликован отдельным изданием в 1864 г. До недавнего времени юбилейный отчет министра просвещения являлся наиболее информативным документом, позволяющим проследить общую идеологическую программу, реализуемую Уваровым в 1830—1840-е гг., а также остается до сих пор важным документом, освещающим развитие образования, науки, идеологии в России второй четверти XIX в.

Печатается по: *Уваров С.С.* Избранные труды / Автор перевода В.С. Парсамов; сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 346—421. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). Комментарии В.С. Парсамова и С.В. Удалова даны в сокращении.

⁶ Имеются в виду события 1830—1831 гг.: революции во Франции и Бельгии, восстание в Царстве Польском. Не получив международной поддержки, Николай I вынужден был отказаться от идеи вмешательства во внутренние дела европейских государств, охваченных революцией. Главной его задачей становится не допустить проникновения западной «заразы» в Россию. Именно в начале 1830-х гг. начинает складываться николаевская политическая система в ее классическом варианте с установлением в том числе всеобъемлющего государственного контроля над нравственным и политическим воспитанием общества. Последнее во многом базировалось на сформулированной гр. Уваровым триаде «православие, самодержавие, народность».

⁷ Венец Мономахов («шапка Мономаха») — головной убор, являвшийся главной регалией русских правителей. Она стала символом преемственности власти русских царей от византийских императоров, так как, согласно легенде, была подарена византийским императором Константином IX Мономахом своему внуку, русскому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху. По установленной традиции, вплоть до конца XVII в. русские цари надевали ее в день венчания на царство.

⁸ Текст предписания см.: Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1. № 1. С. XLIX.

⁹ Постановлением от 30 мая 1833 г. училища Тамбовской и Орловской губерний были присоединены к Харьковскому учебному округу (ранее входили в состав Московского учебного округа), учебные заведения Астраханской губернии — к Казанскому, а Екатеринославской — к Одесскому учебному округу.

¹⁰ Дерптский учебный округ — с 1803 г. в России все училища, подведомственные Министерству народного просвещения, были в учебно-административном отношении разделены между вновь образованными *шестью учебными округами*: Московским, Виленским, Дерптским, С.-Петербургским, Харьковским и Казанским, в которые входило по несколько губерний. Дерптский (Тартуский) учебный округ объединял Лифляндскую, Курляндскую и Эстляндскую губернии.

¹¹ Постановлением от 27 апреля 1837 г. учителя, набираемые в гимназии и уездные училища сверх штата, должны были определяться на действительную государственную службу наравне с штатными, со всеми правами и обязанностями, соответствующими этому статусу.

¹² Дворянские институты в XIX в. представляли собой сословные средние учебные заведения закрытого типа. Главной целью институтов являлась подготовка дворянских детей для последующего поступления в университеты. Создаваемые в 1830-е гг. дворянские институты наряду с благородными пансионами должны были способствовать привлечению дворян в государственные учебные заведения. Московский дворянский институт был учрежден в 1833 г. на базе преобразованной 1-й гимназии и просуществовал до 1849 г.

¹³ Дворянский институт в Вильно был открыт в 1838 г. Действовал до 1863 г.

¹⁴ Речь идет о Мещанском училище, открытом на средства Московского купеческого общества в 1835 г.

¹⁵ Уваров, возможно, имеет в виду указ Александра I, подписанный в 1819 г., согласно которому крестьяне Лифляндской губернии получали личную свободу (еще ранее такой же документ был составлен и в отношении эстляндских крестьян). Освобождение крестьян происходило без надления их землей и с ограничением свободы передвижения и выбора рода занятий. Согласно этому положению, в регионе также предусматривалось создание волостных школ (из расчета одна школа на 500 человек), содержащихся за счет волости. Контролировать их деятельность должны были помещики и представители церкви.

¹⁶ Моравские братья (Богемские братья) — религиозная секта, созданная в середине XV в. в Чехии. Ее основателем считается Петр Хельчицкий. Выступая про-

тив современного учения католической церкви, он призывал к возвращению к первым векам христианства. Последователи Хельчицкого проповедовали идеи смирения, непротивления злу насилием. Отказываясь от мирской деятельности, они отвергали присягу, государственную и военную службу. Первая община братьев была основана в 1457 г. в Кунвальде. Идеи, пропагандируемые ими, привлекали большое число последователей. После разгрома Чешского восстания 1618—1620 гг. братья были изгнаны из Чехии и рассредоточились в разных странах (их общины были созданы также и в Прибалтике).

¹⁷ В ноябре 1833 г. Уваров представил императору Николаю I доклад «О мерах против умножения пансионов и частных учебных заведений». В докладе министр просвещения предложил ряд мер, направленных на интеграцию частных учебных заведений в государственную образовательную систему. Николай I одобрил предложения Уварова.

¹⁸ Уже в 1833 г. в Москве и Санкт-Петербурге строго ограничивалась возможность открытия новых частных учебных заведений. В провинциальных городах разрешалось учреждать заведения подобного рода лишь при крайней на то необходимости. В ноябре этого же года Уваров обратился к петербургскому генерал-губернатору П.К. Эссену с просьбой о проверке всех владельцев частных учебных заведений, находящихся в столице, на наличие у них письменного позволения от Министерства народного просвещения на свою деятельность. В случае отсутствия соответствующих документов министр убедительно просил Эссена способствовать закрытию подобных заведений.

¹⁹ Нежинская гимназия была открыта в 1810 г. на средства князя А.А. Безбородко, оставленные им на благотворительные цели. В 1834 г. гимназия была переименована в лицей кн. Безбородко. *Безбородко* Александр Андреевич (1746—1799) — светлейший князь, государственный канцлер. С 1784 г. фактически руководил Коллегией иностранных дел Российской империи.

²⁰ Лазаревский институт восточных языков был основан в 1815 г. как частное армянское училище на средства семьи Лазаревых. В 1827 г. училище официально было переименовано в институт, находящийся под непосредственным контролем Министерства народного просвещения. В 1848 г. учебная программа института была расширена, а преподавание восточных языков окончательно становится одним из наиболее приоритетных направлений. Институт в это время, помимо прочего, готовил переводчиков и чиновников для Закавказского края. В 1919 г. институт был преобразован в Армянский, а затем в Переднеазиатский институт. В 1921 г. он был вновь переименован в Московский институт востоковедения, просуществовавший до 1954 г.

²¹ Демидовский лицей был основан как училище в 1803 г. в Ярославле, на средства П.Г. Демидова. При Николае I в 1833 г. был преобразован в Демидовский лицей и передан в ведение Московского университета. Курс обучения в лицее был трехлетним, особое внимание уделялось изучению юридических наук. В 1868 г. Демидовский лицей был преобразован в юридический лицей с четырехлетним курсом обучения. В таком статусе он просуществовал до 1919 г., когда на базе лицея был учрежден Ярославский государственный университет.

²² Ришельевский лицей — учрежден в 1817 г. Являлся первым высшим учебным заведением в Одессе. Лицей назван в честь градоначальника Одессы и губернатора Новороссии А.Э. де Ришелье, по инициативе которого и был создан. В 1862 г. указом Александра II Ришельевский лицей был преобразован в Новороссийский императорский университет.

²³ Правила подробно расписывали условия приема юношей в университеты, перечень необходимых для поступления документов, систему приема вступительных экзаменов и т.д. В 1837 г. они вводились временно, в виде опыта, на четыре

года. Однако 19 марта 1842 г. срок их действия был официально продлен (Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1866. Стб. 169—176, 553).

²⁴ Помимо всего прочего, студент, поступающий в другой университет, обязан был пройти предварительное испытание. По его результатам принималось решение о зачислении с зачетом времени обучения в другом университете (Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1866. Стб. 247—248, 267).

²⁵ Речь идет о Византийской империи, которая оказала, несомненно, сильное влияние на развитие древнерусской культуры, особенно после распространения на территории Киевской Руси христианства в византийском православном варианте. Византийская империя как отдельное государство образовалась в конце IV в., после окончательного распада Римской империи на две части — Восточную и Западную. Преобладающую роль в социально-политической жизни и культуре Византии играло греческое население. С VII в. и вплоть до падения Византии в 1453 г. под ударами турок-османов официальным языком в этом государстве был греческий.

²⁶ В 1834 г. здесь была организована учебная ферма под руководством профессора И.Ф.Л. Шмальца. В 1839 г. это сельскохозяйственное учебное заведение было закрыто.

²⁷ Геогнозия — раздел геологии (историческая геология), занимающийся изучением состава и строения земной коры.

²⁸ Мазандеран — историческая область в Персии (Иране), с севера омываемая Каспийским морем; Дербен, или Дербент, — город на берегу Каспийского моря, с 1806 г. в составе России; Азербиджан, или Азербайджан, Адзербиджан, Азербейжан, Азербейджан, Адербеджан — персидская провинция, граничившая на севере с Арменией, Карабахом, на востоке с Каспием, северная часть которой после завершения русско-персидских войн 1804—1813 и 1826—1828 гг. вошла в состав Российской империи.

²⁹ Хаджи — у мусульман человек, совершивший хадж, т.е. паломничество в Мекку.

³⁰ Здесь Уваров, вероятно, подразумевает религиозную принадлежность бурят, среди которых был распространен ламаизм — одно из направлений буддизма.

³¹ Имеется в виду ориенталист Д. Банзаров. По окончании университета в 1846 г. он защитил диссертацию «О черной вере, или шаманстве, у монголов».

³² Училище было основано в 1810 г. армянином, переселившимся в Россию при Александре I, Николаем Ивановичем Агабабовым. В 1838 г. Агабабовское училище было включено в систему уездных учебных заведений, действующих согласно уставу 1828 г., и стало 3-классным.

³³ Согласно этим постановлениям, профессорам, имеющим 25-летнюю выслугу и продолжающим работать в университетах, сверх жалованья назначалась пенсия, размеры и условия выплаты которой оговаривались дополнительными правилами. По университетскому уставу 1835 г. и Положению 1836 г. профессора могли остаться на службе, имея уже 25-летний стаж работы, с сохранением оклада и пенсии, только по рекомендации непосредственного начальства.

³⁴ Претендент на звание учителя уездного училища должен был пройти испытание, включавшее в себя три этапа: устные и письменные ответы на вопросы, квалификационную работу в виде письменного сочинения на заданную тему и пробную лекцию. Испытание проводилось в присутствии и под контролем педагогического совета гимназии (Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1866. Стб. 90—91).

³⁵ В 1819 г. Главный педагогический институт был реорганизован в Санкт-Петербургский университет. Вновь был учрежден в 1828 г. и действовал до 1859 г.

³⁶ По проекту Уварова при Главном педагогическом институте было открыто дополнительное отделение для подготовки учителей начальной школы (учительский институт). В 1821 г. Уваров вынужден был оставить пост попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, а в 1822 г. был закрыт и учительский институт.

³⁷ Профессорский институт был открыт при Дерптском университете в 1828 г., закрыт в 1838 г.

³⁸ В результате трех разделов территории Речи Посполитой (Польско-литовского королевства) между Россией, Австрией и Пруссией в 1772, 1793 и 1795 гг. была окончательно ликвидирована польская государственность. Начиная с этого времени польский вопрос становится одним из наиболее острых для русского правительства.

³⁹ Волынский лицей был также известен как Кременецкий. Основан в 1805 г. как гимназия, но в 1819 г. поменял свой статус, став лицеем, но с сохранением прежней учебной программы. В 1834 г. материальная база и преподавательский состав Кременецкого лицея большей частью были переведены в Киев, послужив основой для создания Университета Св. Владимира.

⁴⁰ После разделов Речи Посполитой в состав Российской империи вошли территории Украины, Белоруссии и Литвы, часто объединяемые общим названием «западные губернии». В официальных документах второй четверти XIX в. распространенным определением этого края было также «губернии, от Польши возвращенные» (употреблялось властью уже во времена Екатерины II, правда, в несколько ином варианте). Этот термин представлял собой своеобразный риторический ход, направленный на подтверждение исторической закономерности присоединения к России западных губерний, входивших ранее в состав Киевской Руси.

⁴¹ Воспринимая распространение польского языка как один из главных каналов польского влияния, правительство прилагало все усилия к окончательному вытеснению его из западных губерний, и главным образом из образовательных учреждений этого края. На первом этапе преподавание польского языка было сохранено и даже введено в Главном педагогическом институте, выпускники которого должны были замещать преподавательские вакансии в Западном крае. Однако в 1836 г., считая быстрое распространение русского языка достаточным основанием, министр народного просвещения дал распоряжение исключить этот предмет из учебной программы института. Уже к 1838 г. преподавание польского языка было запрещено практически во всех учебных заведениях западных губерний (Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. Стб. 426, 1080—1081).

⁴² Имеется в виду Киев, столица Киевской Руси, первого государственного образования восточных славян, возникшего в IX—X вв.

⁴³ В Речи Посполитой деятельность большинства учебных заведений контролировалась католическими монашескими орденами (см. ниже). Такая же система сохранялась и в западных губерниях, вошедших в состав Российской империи после разделов Польско-литовского королевства. Уже в апреле 1831 г. императорским указом Министерству народного просвещения и попечителю Белорусского учебного округа было поручено в кратчайшие сроки создать условия для постепенного уничтожения духовных училищ при римско-католических монастырях и замены их светскими училищами, где преподавание должно проходить исключительно на русском языке и иметь направление «к сближению тамошних жителей с природными россиянами» (Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. Стб. 426).

⁴⁴ В 1838 г. у некоторых студентов Университета Св. Владимира были обнаружены антиправительственные прокламации. Учитывая, что это событие произошло в условиях нового роста национально-освободительного движения в крае

и активизации деятельности подпольных организаций, в 1839 г. было принято решение о временном закрытии университета. Через год, после реорганизации и удаления из него польских преподавателей и студентов, заподозренных в участии в формирующемся заговоре, университет был вновь открыт.

⁴⁵ *Конарский* (Konarski) Симон (1808—1839) — польский революционер. Принимал участие в Польском восстании 1830—1831 гг., после подавления которого эмигрировал. В 1836—1838 гг., действуя в качестве эмигрантского эmissара, создал на Волыни и в Литве сеть подпольных организаций, объединенных в «Союз Люда Польского». Поддерживал контакты и с некоторыми студентами Университета Св. Владимира. В мае 1838 г. Конарский был арестован полицией, а в 1839 г. расстрелян (Западные окраины Российской империи. М., 2007. С. 112—113; *Дорошенко Е.А.* Польский революционер Шимон Конарский (1808—1839) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1991. № 6. С. 61—71).

⁴⁶ *Чарторыйский* (Czartoryski) Адам Ежи (1770—1861) — польский и российский государственный деятель. В начале XIX в. входил в ближайшее окружение Александра I (Негласный комитет). В 1804—1806 гг. возглавлял Министерство иностранных дел. Позже был назначен попечителем Виленского учебного округа. В ходе восстания в Царстве Польском в 1830—1831 гг. Чарторыйский возглавлял Национальное правительство. После подавления восстания эмигрировал в Париж, где возглавил правое крыло польского движения. Выступал за восстановление независимости Польши с помощью западноевропейских держав.

⁴⁷ Высочайшими повелениями 23 апреля 1840 г. и 22 октября 1841 г. в западных губерниях учреждались общие ученические квартиры при гимназиях и уездных училищах (к каждой из них приставлялся особый надзиратель) для вольноприходящих учеников (см.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. СПб., 1902. С. 306).

⁴⁸ Под немецкими или остзейскими губерниями Уваров подразумевает Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую губернии (современная Прибалтика). Высшее сословие здесь составляли немцы, потомки рыцарей Ливонского ордена, владевшего этими землями вплоть до середины 1561 г. В ходе Ливонской войны орден прекратил свое существование, а земли, принадлежавшие ему, отошли сначала к Речи Посполитой, а затем были поделены между Речью Посполитой и Швецией. Герцогство Курляндское, находившееся в ленной зависимости от Речи Посполитой, было окончательно присоединено к России в 1795 г.; Лифляндия и Эстляндия, принадлежавшие Швеции, отошли к России после Северной войны (1700—1721).

⁴⁹ На протяжении XVIII и XIX вв. выходцы из прибалтийского немецкого дворянства играли важную роль в политической жизни страны, занимая высшие посты в армии и центральной власти, а также оставили заметный след в развитии российской науки и культуры. При этом, как отмечали современники, прибалтийские немцы не являлись патриотами того отечества, которому служили. Они стремились подчеркнуть, что служат не России, а прежде всего династии Романовых. Сам Николай I говорил, что «русские дворяне служат государству, немцы — нам» (*Высочков Л.В.* Император Николай Первый: человек и государь. СПб., 2001. С. 354).

⁵⁰ *Анна Иоанновна* (1693—1740) — российская императрица (1730—1740), дочь Ивана V, племянница Петра I. На российском престоле оказалась благодаря членству Верховного тайного совета. Верховники составили специальные «Кондиции», ограничивающие власть императрицы, однако Анна, опираясь на поддержку провинциального дворянства, разорвала «Кондиции», восстановив свою власть в полном объеме. Анна Иоанновна мало интересовалась государственными делами. Большое значение в системе государственного управления в то время приобрели прибалтийские немцы во главе с фаворитом императрицы Эрнестом

Бироном. Политический режим, установленный в годы ее царствования, часто определяют как «бионовщину». Под «бионовщиной» понимают не только преобладание иностранцев в системе государственного управления, но также и разгул полицейского террора, от которого пострадало более 10 тыс. человек. На этом акцентирует внимание и Уваров.

⁵¹ *Елизавета Петровна* (1709—1761) — российская императрица (1741—1761), дочь Петра I. Пришла к власти в ноябре 1741 г. в результате дворцового переворота, свергнув с престола малолетнего Ивана Антоновича. Елизавета выдвинула идею возвращения к петровскому наследию, забытому ее предшественниками, и на ее основе пыталась строить свою политическую программу в первые годы царствования. В 1750-х гг. по инициативе Елизаветы Петровны был проведен ряд реформ, способствовавших более успешному социально-экономическому развитию Российского государства.

⁵² *Арминий* (Arminius) (16 до н.э. — ок. 21 н.э.) — вождь германского племени херусков. Нанес сокрушительное поражение римлянам в битве в Тевтобургском лесу в 9 г. н.э. В XIX в. в Германии, в период роста национального самосознания, образ херуска Германа стал одной из наиболее значимых мифологических и символических фигур.

⁵³ *Карл Великий* (Carolus Magnus) (742—814) — король франков с 768 г., император с 800 г. Основатель династии Каролингов. Организовал военные походы против лангобардов, баварского герцога Тассилона, саксов, испанских арабов, аваров, западнославянских племен. Значительно расширил границы своего государства, Карл провел ряд реформ, направленных на централизацию власти. Империя, созданная им, просуществовала недолго и уже при его преемниках распалась.

⁵⁴ Пиетисты — представители религиозно-мистического течения пиетизма, возникшего в рамках протестантизма в конце XVII в. Центром пиетизма в это время становится Галльский университет. Основателем этого религиозного движения считается Ф.Я. Шпенер. Пиетизм ставил внутреннюю веру, личное благочестие выше церковной догматики и обрядности. Пиетисты призывали отказаться от наслаждений мирской жизни и больше времени проводить в покаянии. До середины XIX в. пиетизм в России был распространен лишь среди немецких колонистов лютеранского и реформаторского исповеданий, однако впоследствии он имел определенное влияние также на русское и украинское население, способствуя возникновению ряда новых религиозных течений.

⁵⁵ Уваров указывает здесь на автономный статус Остзейского края, подтвержденный еще Петром I и его преемниками на российском престоле.

⁵⁶ Комендантское управление, учреждаемое при городском коменданте и состоящее из комендантского штаб-офицера, адъютантов и других низших чинов.

⁵⁷ Члены католического монашеского ордена, основанного в 1534 г. Игнатием Лойолой. В 1540 г. орден был официально утвержден папой Павлом III и наделен широкими привилегиями. Иезуиты выступали резко против Реформации XVI в. и отстаивали необходимость защиты и дальнейшего укрепления католицизма. Будучи организацией, основанной на принципах жесткой централизации, наделенной широкими полномочиями, и пользуясь верховным церковным покровительством, орден иезуитов обладал огромным влиянием не только в религиозной, но часто и в политической жизни европейских государств. В 1773 г. орден иезуитов был официально упразднен, однако вновь возрожден в 1814 г. для содействия борьбе с европейским революционным движением. Члены ордена активно занимались образовательной и миссионерской деятельностью.

⁵⁸ Члены католического монашеского ордена, основанного в 1607 г. *Иосифом Каласанским* (José de Calasanz, 1557—1648). Основной своей задачей члены ордена считали безвозмездное обучение и христианское воспитание юношества

в школах. Наибольшее развитие деятельность ордена получила в Австрии и Польше. В Польшу члены ордена были приглашены в 1642 г. польским королем Владиславом IV и с тех пор принимали активное участие в учреждении и дальнейшей работе учебных заведений края. В XIX в. русское правительство наложило ограничения на деятельность пиаров в Царстве Польском и западных губерниях. После Польского восстания 1863 г. их учреждения были окончательно упразднены на этой территории.

⁵⁹ *Потоцкий* (Potocki) Игнатий (1741—1809) — польский аристократ, государственный деятель, входил в состав Эдукационной комиссии, занимался организацией школьного дела. В 1788—1792 гг. принимал участие в работе Четырехлетнего сейма, стал одним из авторов Конституции 3 мая 1791 г. Был сторонником сближения с Пруссией.

⁶⁰ *Коллонтай* Гуго (1750—1812) — польский государственный деятель, ученый, публицист, представитель польского просвещения. В 1780—1790-х гг. играл заметную роль в общественно-политической жизни Речи Посполитой. Являясь членом Эдукационной комиссии, провел реформу университета в Кракове. Входил вместе с И. Потоцким в шляхетско-буржуазный блок Четырехлетнего сейма, но, будучи выходящим из обедневшего шляхетства, расходился с ним по ряду вопросов. Был также одним из авторов Конституции 3 мая 1791 г. Выступал за реформирование общественно-политического строя, сохранение государственной независимости Речи Посполитой, против веселия магнатской олигархии. В ходе Польского восстания 1794 г. возглавлял течение радикальных республиканцев.

⁶¹ *Станислав II Август* Понятовский (Poniatowski) (1732—1798) — последний польский король и великий князь литовский (1764—1795). Пришел к власти, опираясь во многом на поддержку российской императрицы Екатерины II. Его политика и пророссийская ориентация вызвали возмущение консервативной шляхты, объединившейся в вооруженный союз — Барскую конфедерацию. Начавшаяся гражданская война спровоцировала вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой европейских держав и первый раздел этого государства в 1772 г.

⁶² Примас королевства в Польше выступал в роли наместника короля. Когда освобождался королевский престол, примас созывал сейм для избрания нового короля и контролировал его деятельность. Он объявлял имя избранного короля и короновал его. Примас назначался самим королем, но затем утверждался римским папой. В сенате он председательствовал наравне с королем. Последним примасом королевства в 1784 г. стал брат Станислава — Август Михаил Юрий Понятовский (1736—1794), активно поддерживавший политику польского короля. В 1794 г. была перехвачена его переписка с прусским королем, что могло послужить поводом для обвинения его в измене. В этом же году Понятовский покончил жизнь самоубийством.

⁶³ Речь идет об Эдукационной комиссии (1773—1794), фактически возглавившей систему образования в Речи Посполитой. Михаил Понятовский принимал активное участие в деятельности комиссии, а позже стал ее председателем. Комиссия предполагала реформировать образовательную систему в стране, находящуюся фактически в руках нескольких монашеских орденов, сделал ее всесословной и светской. Был разработан план преобразований — «Устав, предписанный комиссией народного просвещения для академий и школ Речи Посполитой». Однако полностью реализовать этот план на практике комиссии не удалось. Против реформы системы просвещения выступило католическое духовенство и консервативно настроенная часть шляхты.

⁶⁴ Имеются в виду Французская революция 1789 г. и восстание в Польше под руководством Т. Костюшко (1746—1817) в 1794 г.

⁶⁵ Уваров имеет в виду период, озаглавленный так называемыми Наполеоновскими войнами (1800—1815 гг., иногда в этот период включают также итальянские войны).

янский и египетский походы Наполеона конца XVIII в.). В 1795 г. произошел третий раздел Речи Посполитой, однако судьба территорий этого государства не была решена окончательно. Так, в 1807 г. в результате подписания Тильзитского договора между Россией и Францией Пруссия лишилась половины своих владений, в том числе и земель, вошедших в ее состав после разделов Польско-литовского государства. Из них было организовано Великое герцогство Варшавское, во главе которого встал саксонский король. Герцогство просуществовало до 1815 г. По решению Венского конгресса большая его часть отошла к России, получив статус Царства Польского.

⁶⁶ *Потоцкий* (Potocki) Станислав Костка (1752—1821) — польский общественный и государственный деятель, генерал. Сторонник конституции 3 мая 1791 г. После победы Тарговицкой конфедерации, поддержанной Россией, и прекращения работы Четырехлетнего сейма уехал в Австрию. С 1807 г. возглавлял школьную и воспитательную дирекцию в Великом герцогстве Варшавском, а в 1815 г. был назначен Александром I министром просвещения и исповеданий Царства Польского. Поддерживал либеральную политику в области образования. В 1820 г. был отправлен в отставку.

⁶⁷ *Грабовский* Станислав (Grabowski) — польский государственный деятель, сын последнего короля Речи Посполитой Станислава-Августа. В 1820 г. был назначен Александром I министром просвещения Царства Польского, занимал эту должность вплоть до Польского восстания. Придерживался консервативных взглядов.

⁶⁸ Варшавский университет был основан в 1817 г., после подавления восстания в Царстве Польском (1830—1831) был закрыт по распоряжению Николая I.

⁶⁹ Познанское великое княжество было образовано в 1815 г. По решению Венского конгресса княжество было присоединено к Пруссии. Уваров здесь, скорее всего, имеет в виду патент, изданный Фридрихом-Вильгельмом III, согласно которому княжество получало определенную автономию как в политическом, так и в культурном отношении. Полякам разрешалось развивать свою национальную культуру, сохранять польский язык в общественной жизни. Однако на деле прусское правительство проводило совершенно иную политику. После восстания в Царстве Польском 1830—1831 гг. и революций 1848—1849 гг. усиливалась политика, направленная на интеграцию княжества в прусскую систему государственного управления и германизацию польского населения.

⁷⁰ До 1840 г. обе медико-хирургические академии подчинялись Министерству внутренних дел.

⁷¹ Первый устав Университета Св. Владимира был утвержден в 1833 г. После событий 1838 г. и временного закрытия университета был утвержден новый устав в 1842 г., о котором и упоминает Уваров. Об этих уставах см.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* История Императорского Университета Св. Владимира: Университет Св. Владимира в царствование императора Николая Павловича. Т. 1. Киев, 1884. С. 65—75, 302—319.

⁷² Возможно, Уваров имеет в виду раввинскую комиссию, созданную летом 1842 г. и призванную санкционировать устройство новых еврейских казенных училищ и школ.

⁷³ Императорская Академия наук была учреждена при императрице Екатерине I (1725—1727). Первое заседание Академии состоялось 12 ноября 1725 г.

⁷⁴ *Сухтелен* Петр Корнильевич (1751—1836) — граф, российский военный деятель и дипломат голландского происхождения, на русской службе с 1783 г. Принимал активное участие в русско-шведских войнах 1788—1790 и 1808—1809 гг. С 1809 г. и до самой смерти находился в Стокгольме, куда был направлен Александром I с дипломатической миссией. Известен как страстный коллекционер и библиофил. После его смерти осталась огромная библиотека, включающая не-

сколько тысяч томов книг и рукописей. Большая ее часть была выкуплена у наследников русским правительством и передана в Публичную библиотеку в Петербурге.

⁷⁵ Уваров имеет в виду полковника Генерального штаба Михаила Васильевича Ладыженского, который в 1830—1831 гг. находился в Пекине в составе Духовной миссии. Собранная им коллекция, состоящая более чем из тысячи экспонатов, поступила в музей в 1833 г.

⁷⁶ Речь идет об Алексее Кирилловиче Разумовском (1748—1822), тесте Уварова, министре народного просвещения в 1810—1816 гг. В своем подмосковном имении, в с. Горенки, Разумовский организовал ботанический сад. Основная часть коллекций этого сада поступила впоследствии в Ботанический кабинет Императорской Академии наук.

⁷⁷ *Биберштейн* (Biberstein) Фридрих (Федор Кондратьевич) (1768—1826) — российский естествоиспытатель, ботаник, зоолог немецкого происхождения.

⁷⁸ Демидовская премия существовала с 1831 по 1865 г. Названа по имени камергера П.Н. Демидова, пожертвовавшего Академии наук денежные средства для выплаты ежегодных премий (1420 руб.) авторам лучших научных сочинений.

⁷⁹ Здесь опущены подразделы: «Ученые путешествия от Академии наук. Путешествия от университетов. Метеорологические наблюдения. Комиссия приложения электромагнитической силы. Гальванопластика. Главная обсерватория».

⁸⁰ *Миллер* (Miller) Герард Фридрих (Федор Иванович) (1705—1783) — российский историк немецкого происхождения, академик Императорской Академии наук, был приглашен в Россию в 1725 г. В 1733—1743 гг. путешествовал по Сибири, где собрал огромное количество архивных материалов, использовавшихся в трудах последующих поколений российских историков. В 1749 г. был назначен историографом. Изучая русскую историю, стал одним из основателей норманнской теории происхождения древнерусского государства, которой активно противостоял М.В. Ломоносов.

⁸¹ *Шлёцер* (Schlözer) Август Людвиг (1735—1809) — российский и германский историк. В 1761—1767 гг. работал в Императорской Академии наук. Считается одним из создателей норманнской теории происхождения государства у восточных славян, в связи с чем дискутировал с М.В. Ломоносовым. Выступал за критический подход при анализе древнерусских источников. Вернувшись в Германию, Шлёцер поступил профессором истории и статистики в Гёттингенский университет. Главный труд — «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сходные, переведенные и объясненные А. Шлёцером» (СПб., 1808).

⁸² *Башилов* Семен (1740—1769) — выпускник Московского университета (1762), сотрудник А.Л. Шлёцера. Служил переводчиком в Академии наук, а затем секретарем в Сенате. В научной деятельности проявил себя главным образом как издатель источников по русской истории.

⁸³ *Нестор* (1056 — ок. 1114) — монах Киево-Печерского монастыря, летописец. Нестору приписывается авторство «Повести временных лет». Помимо этого он, возможно, является также автором «Сказания о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия».

⁸⁴ *Соловьев* Сергей Васильевич (?—1875) — профессор русского языка и литературы Гельсингфорского университета в 1830—1843 гг. По заданию археографической комиссии совершил ряд поездок в Швецию в 1837—1840 гг. для архивных разысканий.

⁸⁵ *Сapieга* (Sapieha) Ян-Петр (1611—1659) — представитель литовского княжеского рода. Принимал участие в событиях Смутного времени в России начала XVII в. на стороне Лжедмитрия II. В течение нескольких месяцев со своим отрядом безуспешно осаждал Троицкий монастырь.

⁸⁶ Тушинский самозванец — второй самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия в начале XVII в., в период Смутного времени. Вошел в историю как Лжедмитрий II или Тушинский вор (по названию села близ Москвы, где самозванец устроил свою резиденцию), предположительно был выходцем из Белоруссии. В 1610 г. убит в Калуге собственной охраной.

⁸⁷ *Делагарди* (De la Gardie) Якоб (1583—1652) — шведский военный и государственный деятель французского происхождения, в 1609 г. возглавлял шведский отряд, прибывший в Россию (согласно договору, подписанному с правительством В.И. Шуйского) для оказания помощи в борьбе с польской интервенцией. Первоначально шведы, следуя договору, действовали совместно с русским войском, возглавляемым М.В. Скопиным-Шуйским. Однако, воспользовавшись обострением политического кризиса внутри России, шведские войска во главе с Делагарди летом 1610 г. перешли к открытой военной интервенции, оккупировав северо-западные территории Российского государства. В 1617 г., после избрания в России нового царя (Михаила Федоровича Романова на Земском соборе в 1613), Делагарди принимал непосредственное участие в заключении Столбовского мира между Россией и Швецией. В 1632—1644 гг. входил в состав регентского совета при королеве Кристине.

⁸⁸ *Алексей Михайлович* (1629—1676) — второй русский царь (1645—1676) из династии Романовых. Проводил политику, способствовавшую дальнейшей централизации власти в стране. В годы его правления в России начинается постепенный переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму, окончательно утвердившемуся при его сыне — Петре I. В 1653 г. действовал последний Земский собор, на котором было принято решение о воссоединении Украины с Россией. Правление Алексея Михайловича положило начало церковному расколу, явившемуся следствием религиозных реформ патриарха Никона (начало 1650-х гг.).

⁸⁹ *Котошихин* (*Кошихин*) Григорий Карпович (?—1667) — подьячий Посольского приказа. В 1664 г., оказавшись втянутым в боярские распри, бежал из России в Польшу. В 1666—1667 гг. проживал в Стокгольме, где написал свое знаменитое сочинение, посвященное царствованию Алексея Михайловича. Подлинная рукопись Котошихина была обнаружена в 1838 г. В 1667 г. казнен за убийство собственного домовладельца.

⁹⁰ *Тургенев Александр Иванович* (1785—1846) — русский общественный деятель, брат декабриста Н.И. Тургенева. Вместе с Уваровым входил в литературный кружок «Арзамас». С 1810 г. служил в должности директора Департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. С 1825 г. жил за границей, проводя разыскания в иностранных библиотеках и архивах. Многие найденные им документы, касающиеся русской истории, были впоследствии опубликованы Археографической комиссией.

⁹¹ *Строев Павел Михайлович* (1796—1876) — археограф, выпускник Московского университета. В 1813 г. издал «Краткую российскую историю для начинающих», наиболее популярный учебник до 1830-х гг. С 1816 г. служил в архиве Министерства иностранных дел, параллельно занимался разысканием и изданием письменных памятников российской истории. В 1828—1834 гг. возглавлял Археографическую экспедицию, исследовавшую библиотеки и монастыри губерний европейской части России. С 1841 г. — член Академии наук.

⁹² Судебник — свод законов, принятый в 1550 г. Судебник ограничивал власть бояр-наместников на местах, увеличивал размер пожлого (материальной компенсации, которую крестьяне должны были платить вотчиннику, уходя от него). Подтверждал норму Судебника 1497 г., которым было установлено, что крестьяне имели право покидать территорию своего прежнего проживания лишь один раз в году — за неделю до и спустя неделю после Юрьева дня (26 ноября).

⁹³ Речь идет о машине для гравирования с выпуклых и вдавленных предметов, изобретенной американцем А. Коласом и усовершенствованной англичанином Дж. Бетом. Русское правительство приобрело эту машину в 1837 г. Для обучения работе на ней Министерство народного просвещения направило в Англию русского художника Николая Менцова.

⁹⁴ *Тимковский Роман Федорович* (1785—1820) — русский историк, археограф, филолог, профессор греческой и латинской словесности Московского университета, автор работ по классической филологии. Известен также как исследователь и издатель древнерусских источников (летопись Нестора, «Слово о полку Игореве» и др.).

⁹⁵ Имеется в виду Евангелие, хранящееся в Реймском соборе с XVI в. Оно было приобретено в Константинополе в 1574 г. кардиналом Карлом Лотарингским. На этом Евангелии французские короли давали присягу, восходя на престол. Одна часть Евангелия написана кириллицей, другая — глаголицей. Согласно легенде, славянскую принадлежность Евангелия установил Петр I во время своего пребывания в Реймсе в 1717 г. Существует также версия, что реймское Евангелие первоначально принадлежало дочери Ярослава Мудрого Анне, вышедшей замуж за французского короля Генриха I в середине XI в. (см.: *Жуковская А.П.* Реймское Евангелие, история его изучения и текст. М., 1978).

⁹⁶ *Устрялов Николай Герасимович* (1805—1870) — историк, профессор Петербургского университета. Концепция исторического развития России, сформулированная Устряловым в период николаевского царствования, следовала официальным установкам. Сам Уваров любил посещать его лекции и рекомендовал остальным преподавателям ориентироваться в своих лекциях на работы Устрялова. В 1837 г. Устрялов стал победителем конкурса написание лучшего учебника по русской истории, организованного Уваровым. В результате его учебное пособие, составленное на основе диссертации на степень доктора философии «О системе прагматической русской истории» (защищена в 1836), вплоть до 60-х гг. XIX в. оставалось практически единственным официально рекомендованным для преподавания истории русскому юношеству. Подробнее о концепции Устрялова и его учебнике см.: *Володина Т.А.* Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2.

⁹⁷ Н.Г. Устрялов выступил сторонником теории единства Западной и Восточной Руси. В 1839 г. им была опубликована специальная работа, где он попытался научно обосновать ошибочность мнения о Литовском княжестве как о древней польской провинции. Устрялов доказывал, что изначально Литовское государство поддерживало с Северо-Восточной Русью тесную культурную и политическую связь, сохраняя русскую веру, язык и гражданские уставы. Даже после объединения Литовского княжества с Польшей в Речь Посполитую, как отмечал историк, русские князья «продолжали смотреть на него как на свою родовую отчину». Сам Устрялов отстаивал мнение о необходимости продолжения активной политики, направленной на окончательное воссоединение западного края с Центральной Россией в политическом и культурном отношениях (см.: *Устрялов Н.Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб., 1839).

⁹⁸ Здесь опущено «Отделение четвертое. Развитие материальных средств и капиталов. Здания. Число учащихся и учащихся».

⁹⁹ Здесь опущены: «Приложение 1. Об осмотре учебной части в западных губерниях флигель-адъютантом графом Протасовым в 1834 и 1835 годах»; «Приложение 2. Об учреждении новых учебных заведений в Киеве»; «Приложение 3. Общий отчет в осмотре Университета св. Владимира».

100 ДОКЛАД ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I О СЛАВЯНСТВЕ

Доклад впервые был опубликован в журнале «Наше минуле. Журнал исторії, літератури і культури» (1918. № 2. С. 171—177). Составление этого документа было связано с раскрытием в Киеве в марте 1847 г. Кирилло-Мефодиевского общества — тайной организации, созданной в конце 1845 г. Н.И. Костомаровым, Н.И. Гулаком, В.М. Белозерским. Общество сочетало в своей программе идеи панславизма с ярко выраженным украинофильством. Подобные тенденции, проявившиеся в общественном движении Российской империи, указывали на кризис идеологической доктрины, сформулированной министром народного просвещения Уваровым. Неопределенная характеристика понятия народности, изначально представленная Уваровым, создавала условия для последующего включения в нее общеславянской национальной идеи. Это сопровождалось и формированием, как выразился сам министр, «провинциального патриотизма», противоречащего правительственному имперскому сознанию. Составляя свой доклад, Уваров ставил перед собой цель реабилитировать в глазах императора и русского общества созданную им ранее государственную идеологию. 8 мая 1847 г. доклад был одобрен и утвержден Николаем I.

Печатается по: Уваров С.С. Избранные труды / Автор перевода В.С. Парсамов; сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 489—496. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

¹⁰¹ Орлов Алексей Федорович (1786—1861) — граф, русский военный и государственный деятель. В 1844—1856 гг. возглавлял III отделение и Корпус жандармов.

¹⁰² Речь идет о Кирилло-Мефодиевском обществе.

¹⁰³ Богемия (*лат.* Bohemia) — историческое название территории, на которой впоследствии было образовано государство Чехия. В 1526—1918 гг. официальное название Чехии, входившей в состав Австрийской, а затем Австро-Венгерской империи.

¹⁰⁴ Имеется в виду процесс, определяемый как чешское возрождение, первый период которого приходится на конец XVIII — начало XIX в., когда в Чехии в ответ на германизацию населения, проводимую австрийским правительством, в обществе возрос интерес к чешскому языку и национальной культуре. В результате именно Чехия в этот период становится центром развития славяноведения. В этой области проявили себя такие известные филологи и историки, как И. Добровский, И. Юнгман, П. Шафарик, В. Ганка, Ф. Палацкий и др. В ходе изучения славянского наследия некоторые чешские ученые-слависты (например, известный деятель чешского возрождения, филолог И. Юнгман) высказывали в своих работах идею о возможности славянского единства, уже тогда обращая свой взор к России как потенциальному спасителю всего славянского мира. Позже эти идеи легли в основу идеологии панславизма.

¹⁰⁵ Тун (Thun-Hohenstein) Лев (Лео) (1811—1888) — чешский аристократ, граф, австрийский государственный деятель. В 1830—1840-х гг. был сторонником чешского национального возрождения, однако представлял консервативное крыло этого движения. В апреле 1848 г. был назначен заместителем Чехии. В период волнений, охвативших большую часть Австрийской империи, выступил с инициативой создания временного наместнического совета как верховного правительственного органа в стране. Не поддержанный министерством Пиллесдорфа и императором, Тун в 1849 г. был отправлен в отставку. Пражское восстание 1848 г. он оценивал как революционное, не имеющее отношения к этническим кон-

фликтам. В 1849—1860 гг. занимал пост министра просвещения и вероисповедания, провел ряд реформ в области образования.

¹⁰⁶ Иллирийцы — индоевропейские племена, обитавшие в древности в северо-западной части Балканского полуострова. Далматы — древние племена, проживавшие на восточном побережье Адриатического моря.

¹⁰⁷ Робер (Robert) Киприан (1807—1860) — французский писатель, ученый-славист. В 1842 г. вошел в редакцию журнала «Revue des deux Mondes». В 1844—1857 гг. возглавлял кафедру славянских языков и литератур в Collège de France, после того как ее оставил А. Мицкевич. Автор нескольких работ по славяноведению. Среди них: «Le Monde gréco-slave. Moeurs publiques et privées des peuples de la Péninsule» (1 févr. 1842); «Du mouvement militaire de l'Europe orientale» (1 févr. 1844); «Le syst me constitutionnel et le régime despotique dans l'Europe orientale» (1 févr. 1845); «La conjuration du panslavisme et l'insurrection polonaise» (15 mars 1846); «Les deux panslavismes» (1 févr. 1846); «De l'enseignement des littératures slaves» (1 janv. 1846).

¹⁰⁸ Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862) — министр иностранных дел России в 1816—1856 гг. Дослужился до высшего чина Табели о рангах — государственного канцлера (1844). В свое время находился под сильным влиянием австрийского министра иностранных дел К.В. Меттерниха, был сторонником сближения с Австрией. В 1849 г. выступил одним из инициаторов вмешательства во внутренние дела Австрии для подавления Венгерского восстания. В 1853 г. активно поддерживал курс на вступление в войну с Турцией, считая, что Англия и Франция в этот конфликт вмешиваться не будут. После поражения России в Крымской войне был отправлен в отставку новым императором Александром II.

¹⁰⁹ «Закон Божий» (др. название — «Книга бытия украинского народа») наряду с «Уставом», являлся программным документом Кирилло-Мефодиевского общества. Составлен в 1846 г. Н.И. Костомаровым и Н.И. Гулаком. В нем, помимо прочего, были изложены и историософские взгляды членов этого общества.

¹¹⁰ Славянофилы — представители одного из направлений русской общественной мысли XIX в., оформившегося окончательно в 1840-х гг. Представители этого направления выступали против дальнейшего сближения России с западноевропейской цивилизацией. Последняя подвергалась с их стороны критике как тупиковая и ущербная. Славянофилы подчеркивали необходимость возрождения национальной самобытности, утраченной, по их мнению, после реформ Петра I. Взгляды славянофилов в николаевское царствование по многим положениям пересекались с официальной идеологией. Во многом славянофилы мыслили теми же категориями, что и идеологи николаевского царствования. Их представления были во многом созвучны идеям православия, самодержавия, народности. Все славянофилы были монархистами, считая самодержавие исконной формой власти в России, большую роль они отводили православной вере в формировании русской народности. Иногда даже более категорично, чем теоретики «официальной народности», выступали против западноевропейской цивилизации и тех ценностей, которые она породила. В то же время при всей противоречивости и некоторой неопределенности идейной системы раннего славянофильства по многим вопросам они принципиально расходились с официальной доктриной «православия, самодержавия, народности». С либеральным направлением общественной мысли славянофилов сближала критика крепостного права в России, а также трактовка вопроса о взаимоотношениях власти и общества. Апеллируя к допетровской Руси, славянофилы считали необходимым для восстановления прежнего согласия между народом и властью созвать Земский собор как законосовещательный орган при монархе. Наиболее крупными выразителями славянофильских идей были И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и др.

¹¹¹ *Бибиков* Дмитрий Гаврилович (1792—1870) — русский государственный деятель. В 1837 г. был назначен киевским военным губернатором, подольским и вольским генерал-губернатором. В 1845 г. произведен в генерал-адъютанты, а в 1848 г. получил звание генерала от инфантерии. В 1852—1855 гг. занимал пост министра внутренних дел. Управляя юго-западным краем, Бибиков проводил жесткую политику, направленную на ограничение польского влияния, в том числе и в образовательной сфере. Был сторонником русификации западных губерний.

¹¹² ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОПЕЧИТЕЛЮ МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

Циркуляр впервые был опубликован в журнале «Русский архив» (1892. № 7). В нем автор развивает положения предшествующего доклада о славянстве, одобренного императором применительно к учебным заведениям.

Печатается по: *Уваров С.С.* Избранные труды / Автор перевода В.С. Парсамов; сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 497—501. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

¹¹³ В 1835—1847 гг. попечителем Московского учебного округа был граф Сергей Григорьевич Строганов (1794—1882). Строганов, который долгое время был идейным противником Уварова, не выполнил требований, изложенных в циркуляре, что послужило поводом для его отставки. Подобные циркуляры были адресованы и другим попечителям учебных округов.

¹¹⁴ Речь идет об идеях панславизма, сторонники которого выступали не только за культурное сближение славянских народов, но также и за их политическое объединение. Уваров не случайно делает акцент именно на Богемии, так как Чехия в начале XIX в. становится фактически центром зарождения панславистского движения. Сам термин «панславизм» был предложен впервые тоже в Чехии (Я. Геркелем в 1826 г.). Русское правительство выступало против распространения подобных взглядов, во многом противоречащих принципам Священного союза. Причины предвзятого отношения Николая I и правительства в целом к идеям панславизма были как идеологического, так и политического характера. Во-первых, подобной политикой Россия могла еще больше настроить против себя европейские государства, для которых в этом случае существовала опасность дальнейшего усиления могущества Российской империи. Во-вторых, как известно, Николай I во всех своих действиях придерживался прежде всего идей легитимизма. Поэтому любое выступление против законной власти он считал неприемлемым, а именно этим должно было сопровождаться освобождение славян, которое предшествовало бы их объединению. К тому же Австрия (в состав которой входили многие славянские земли) являлась союзником России по Священному союзу, основной задачей которого при Николае I стала борьба с революционным движением в Европе. Таким образом, поддерживая славян, Николай Павлович должен был бы фактически поддержать революционное движение, направленное против союзника, что не могло быть допущено. Наконец, существовала еще одна причина чисто практического свойства, которая, возможно, также играла важную роль. Славянские народы в основном входили в состав многонациональных империй — Австрийской и Османской. Российская империя в свою очередь тоже была многонациональным государством, и освобождение славян могло послужить достаточно веским аргументом в пользу роста национального самосознания нерусских народов, входящих в состав России, и стремления их к независимости.

¹¹⁵ В XIX в. Моравия, Чехия, Кроация (Хорватия), Славония, Далмация входили в состав империи Габсбургов; Болгария и Сербия входили в состав Османской империи; Померания входила в состав Пруссии. Территория Польши (Речи Посполитой) в результате разделов второй половины XVIII в. была поделена между тремя государствами — Россией, Австрией и Пруссией.

¹¹⁶ В 1830 г. в Австрии была выдвинута теория о происхождении названия Морея от славянского слова «море». В связи с этим делалось предположение, что современные греки, проживающие на этой территории, являются потомками славянских племен, переселившихся сюда в VI—VII вв. и воспринявших впоследствии греческий язык и культуру.

¹¹⁷ Имеется в виду мажарский или венгерский язык, принадлежащий к финской группе финно-угорской семьи языков.

¹¹⁸ Речь идет о Петре I, который в начале XVIII в. провел в России реформы, затронувшие все сферы жизни русского общества. Преобразования Петра I способствовали сближению России с западноевропейской цивилизацией. Желая подчеркнуть национальный характер деятельности Петра, Уваров в целом справедливо говорит о том, что реформы Петра во многом были подготовлены его предшественниками — Алексеем Михайловичем, Федором Алексеевичем и Софьей Алексеевной.

¹¹⁹ *Ломоносов* Михаил Васильевич (1711—1765) — русский ученый-энциклопедист, естествоиспытатель. С 1736 по 1741 г. учился в Марбургском университете. Один из основоположников физической химии в России, активно занимался и гуманитарными науками, реформировал русское стихосложение, разработал теорию трех стилей в языке, писал труды по истории, грамматике и риторике.

¹²⁰ Имеется в виду Отечественная война 1812 г. В состав наполеоновской армии, вторгшейся в пределы России, входили также солдаты завоеванных к тому времени Францией государств.

Погодин Михаил Петрович, историк, писатель, издатель, общественный деятель, академик Императорской АН (1841)

Родился 11.11.1800 в Москве в семье домоправителя московского градоначальника графа И.П. Салтыкова — крепостного, получившего «вольную» после смерти барина в 1806. В 1814—1818 учился в 1-й Московской губернской гимназии. В 1821 окончил с золотой медалью словесное отделение философского факультета Московского университета. В 1821—1824 преподавал географию в университетском Благородном пансионе. В 1825 защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси». С 1825 преподавал в Московском университете. В 1828 произведен в адъюнкты, читал курсы новой («политической») и русской истории на этико-политическом отделении юридического факультета. В 1833 избран ординарным профессором всеобщей истории. В 1836 занял кафедру русской истории. В 1844 отказался от преподавания в университете в пользу «учено-литературной деятельности». Как историк и публицист полвека сотрудничал во многих периодических изданиях различного направления, сам издавал журналы «Московский вестник» (1827—1830), «Москвитянин» (1841—1856), газету «Русский» (1867—1868). В своих трудах отстаивал идеи самобытности русского народа и его истории, одним из первых высказал тезис о принципиальном отличии России от Западной Европы, о противоположности представляемых ими начал. Был членом (1825—1875), секретарем (1836—1845), председателем (1875) Общества истории и древностей российских при Московском университете; членом (1824—1875), секретарем (1834), председателем (1860—1866) Общества любителей российской словесности; одним из организаторов и председателем (1861) Московского славянского благотворительного комитета; гласным Московской Думы; почетным членом русских и иностранных научных обществ; почетным доктором философии Карлова ун-та в Праге. Умер в Москве 08.12.1875.

СОЧИНЕНИЯ

- Погодин М.П.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. Вып. I. М., 1846.; Вып. II. М., 1867.
- Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории: В 7 т. М., 1846—1857.
- Погодин М.П.* Исторические афоризмы. М., 1836.
- Погодин М.П.* Сочинения: В 5 т. М., 1872—1876.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888—1910.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. Летописцы России. М., 1997. С. 195—214.
- Дурновоцв В.И., Бачинин А.Н.* Разъяснять явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин // Историки России XVIII — начала XX в. М., 1996.
- Павленко Н.И.* Михаил Погодин. М., 2003.
- Умбрашко К.Б.* М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999.
- Шириянц А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008.

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г.¹

История всякого государства, отдельно взятая, представляет собою высокое, поучительное зрелище народных действий, устремленных к одной цели человеческого рода, цели, указанной ему благим Провидением. Всякий народ развивает свою жизнь особую мысль Его и содействует, более или менее, непосредственно или посредственно, к исполнению общих верховных Его предначертаний.

Но чем обширнее круг действий народа, чем сильнее влияние имеет он на другие народы и все человечество, чем более от него зависит судьба современников и потомства, чем необходимейшее звено составляет он в великой цепи; тем большую цену получает он в глазах Историка. — Взгляните же на Россию в настоящую минуту ее бытия.

Занимая такое пространство, какого не занимала ни одна Монархия в свете, ни Македонская, ни Римская, ни Аравийская, ни Франкская, ни Монгольская², она заселена преимущественно племенами, которые говорят одним языком, имеют, следовательно, один образ мыслей, исповедуют одну Веру, и, как кольца электрической цепи,

потрясаются внезапно от единого прикосновения, между тем как все предшествовавшие состояли из племен разноязычных, которые не понимали, ненавидели друг друга, и были соединяемы временно, механически, силою оружия, или другими слабейшими связями, под влиянием одного какого-нибудь могущественного гения. Даже нынешние Европейские Государства в малых своих размерах не могут представить такой целостности, и, занимая несравненно меньшее пространство, состоят из гораздо большего количества разнородных частей.

А сколько единоплеменных нам народов³ обитает в средней Европе даже до Рейна и Адриатического моря⁴, народов, которые составляют с нами одно живое целое, которые соединены с нами неразрывными узами крови и языка, узами крепчайшими всех прочих географических и политических соединений, в чем соглашаются дальновиднейшие из наших противников.

Прибавим теперь к этому неизмеримому пространству, к этому бесчисленному народонаселению, прочие ее силы, вещественные и невещественные, богатство в естественных произведениях, коими мы можем наделить Европу, не имея нужды ни в каком из ее товаров: — мысль цепенеет, по счастливому выражению Карамзина⁵.

Взглянув на Россию в минуту ее покоя, рассмотрим теперь одно из ее действий, совершившееся пред нашими глазами. Вся Европа, приготавливаясь в продолжение нескольких лет, собрав свои силы, в лице двадцати языков, вторглась чрез беззащитные границы в самую средину ее, под предводительством величайшего из полководцев древнего и нового мира, который в этом походе поставлял свою славу, видел конец многолетних трудов, исполнение любимейших желаний, и что же? Чрез несколько месяцев, по слову Царскому, не осталось ни одного иноплеменника на земле Русской, и грозный враг, покоритель царств и народов, судия всего света влачит на пустынном острове унылые дни свои, и в часы гениальных откровений, смотря в будущее, предвещает Европе Русское владычество⁶.

Отразив победоносно такое нападение, освободив Европу от такого врага, низложив его с такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни в ком и нужная всем, может ли чего-нибудь опасаться Россия? Кто осмелится оспаривать ее первенство, кто помешает ей решать судьбу Европы и судьбу всего человечества, если только она сего пожелает? —

Португалия ли, раздираемая в своем углу междоусобною войною между двумя родными братьями⁷, или Испания, над коею тяжкой мглою носится еще дух Филиппа второго⁸, — или Англия, Государство богачей и нищих, изнемогающая под бременем своего неоплатного долга⁹, и немогущая почти прокормить своего народонаселения, — или Франция, которую, после таких кровавых опытов, после револю-

ции и Наполеона, не могут успокоить все ее великие таланты, Гизоты и Дюпени, Биньоны и Перье¹⁰, со всеми их превосходными теориями и славными открытиями в науках, — или Австрийская Империя, которая, при всех усилиях своих Кауницев и Меттернихов¹¹, едва только может сохранять разнохарактерные свои владения, — или Швеция и Дания, которые никак не могут выйти из пределов, назначенных им Природою, или Германские владения — пятидесятые наши Губернии¹²? — Повторяю, кто помешает Русскому Царю решать судьбу Европы, судьбу всего человечества, при известных условиях? Кто возьмется опровергнуть это математическое заключение? Вот, какое будущее открывается при одном взгляде на Россию в одну минуту ее бытия!

Какое же прошедшее соответствовало этому блистательному, почти бесконечному будущему!

Как сложился этот колосс, стоящий на двух полушариях¹³? Как сосредоточились, как сохраняются в одной руке все сии силы, коим ничто, кажется, противостоять не может?

Вот важность Российской Истории, которая с одного взгляда на Россию представится всякому постороннему человеку, не Русскому, не имеющему никакого сведения о нашей Истории, из одного только простого понятия, что всякое настоящее, всякое будущее есть плод прошедшего. Вот самая простая и естественная причина, по которой Европейцы, освободясь несколько от своих заблуждений и предрассудков, и привыкнув смотреть на нее с беспристрастием, обратят все свое внимание на Историю Российскую и устремятся изучать ее.

Но не имеет ли Российская История, кроме этой временной своей, так сказать, важности, относительно к настоящей минуте, каких-либо других, особых качеств, по коим она должны быть предметом деятельного изучения?

До сих пор мы забывали прошедшее: теперь наоборот опустим завесу над будущим и станем рассматривать одно прошедшее. Все Европейские Государства, как бы в исполнение одного высшего закона, основаны одинаким образом; все составились из победителей и побежденных, пришельцев и туземцев: Испанцев покорили Вестготы, Галлов — Франки, северных Итальянцев — Лонгобарды, средних — Остготы, южных — Норманны, Бриттов — Саксы, жителей древней Паннонии — Венгры, Греков — Турки, Пруссков и Эстов — Немцы¹⁴ и проч. И к нам пришли Варяги, но добровольно избранные, по крайней мере сначала, не как Западные победители и завоеватели, — первое существенное отличие в зерне, семени Русского Государства, сравнительно с прочими Европейскими. — Далее — все Европейские Государства, быв основаны на развалинах Западной Римской Империи,

озаряются из Рима светом Христианской Религии; мы одни, по какому-то нечаянному случаю, получаем ее из *Константинополя*¹⁵, как бы предназначенные сохранить и развить особливую сторону Веры, только что разделившейся тогда¹⁶; и у нас, так как в Греции, духовенство подчиняется Государям, между тем как на Западе оно вяжет и решит их. Другое существенное отличие, коего следствия также простираются по всей Истории. Россия сделалась как будто преемницею Империи Константинопольской, между тем как Западная продолжалась в лице прочих Европейских Государств. —

Первым чадом¹⁷ завоевания во всех Европейских Государствах был Феодализм с происшедшим от него Рыцарством¹⁸. У нас, в стране, *не сплошь заселенной*, а по местам, разделенным степями и лесами, развилась Удельная система¹⁹, которая существенно отличается от Феодальной, хотя и составляет вид того же рода, и Государство осталось во владении одного семейства, разделившегося на многие отрасли.

В Западной Европе произошло от Феодализма Майоратство²⁰. У нас при Удельных Князьях, имевших совершенно равную власть, или лучше, власть, основанную на одной силе, не было Майоратства даже в наследовании Престола; ибо не сын следовал за отцом во владении, а старший в роде, хотя с многими исключениями, даже до позднейшего времени, и наследство дробилось в бесконечность.

Все Европейские великие происшествия, средство для развития, в которых мы по Вере, языку и другим причинам не принимали или не могли принять участия, были заменены у нас другими, более или менее: например, следствие Крестовых походов²¹ в политическом отношении, то есть ослабление Феодализма и усиление Монархической власти, было произведено у нас *Монгольским игом*²², а реформацию²³ в умственном отношении заменил нам, может быть, *Петр*²⁴.

Все Государства, все народы, древние и новые, получили первоначальное образование от иностранцев: персы от Мидян, Египтяне от Эфиоплян, Эфиопяне от Индийцев, Греки от Египтян, Римляне от Греков, и проч.; а в Русской Истории каким удивительным странным путем шло это образование: припомним *нашествия* Норманнов, Монголов, Поляков и самих Французов²⁵ эпохи нашего образования умственного и гражданского.

Словом сказать, вся История наша до малейших общих подробностей представляет совершенно иное зрелище: у нас не было укрепленных замков, наши города основаны другим образом, наши сословия произошли не так, как прочие Европейские. Доступность прав, яблоко раздора между сословиями в древнем и новом мире, существует у нас искони: простолюдину открыт путь к высшим Государственным должностям, и Университетский диплом заменяет собою все привилегии и грамоты²⁶, чего нет в Государствах, наиболее славя-

щихся своим просвещением, стоящих якобы на высшей степени образования. Необыкновенное явление, которому подобного напрасно будете вы искать во всей древней и новой Истории, которое не удивляет нас потому только, что мы слишком к нему привыкли. Таких явлений преисполнена наша История. Кто сожигает у нас Разрядные книги и уничтожает Местничество, основанное также на заслугах? Не разъяренная чернь Бастильская в минуту зверского неистовства, не Гракх, не Мирабо, не Руссо, а чиновный боярин, спокойно, на площади, пред лицом всех сословий, по повелению Самодержавного Государя Федора Алексеевича²⁷. — Кто доставляет нам средство учиться, понимать себя, чувствовать человеческое свое достоинство? *Правительство*. Петр Великий насильно дает нам мирские книги в руки, представляет пример собою, и тридцать лет держит над нами свою мощную десницу, опасаясь, чтоб мы не возвратились в прежний свой восточный заповедный круг.

Карамзину²⁸ в России от Государя до последнего мещанина, умеющего читать, все принесли должную дань почтения; а как принимали Гиббона Лондонские вельможи²⁹, о чем он с огорчением рассказывает в своих записках? Байрон³⁰ не столько славился своею Поэзиею, сколько родством с Норманскими рыцарями; а наши умнейшие Государственные люди, напротив, ищут славы писателя. Все сии явления не без исторического основания.

Наше Дворянство³¹, не Феодального происхождения, а собравшееся в позднейшее время с разных сторон, как бы для того, чтоб пополнить недостаточное число первых Варяжских пришельцев, из Орды, из Крыма, из Пруссии, из Италии, из Литвы³², не может иметь той гордости, какая течет в жилах Испанских Грандов, Английских Лордов, Французских Маркизов и Немецких Баронов³³, называющих нас варварами. Оно почтеннее и благороднее всех дворянств Европейских в настоящем значении этого слова; ибо приобрело свои отличия *службою* отечеству³⁴.

Мы удивлялись России в настоящую минуту ее бытия без отношения к Истории: но менее ли удивительна, поучительна ее История, столько отличная от Истории всех прочих Государств, представляющая столько явлений безпримерных, новых? Выразуметь все сии явления, объяснить их в последовательном порядке, подвести их под параллельные линии прочих Историй, сравнить их между собою, показать сходства и отличия, исследовать причины тех и других: какая задача может быть важнее для мыслящего Историка? Итак, История России, представительницы в некотором смысле Славянских племен, есть важнейшая часть Европейской Истории, и следовательно Истории вообще, которую без нее не могут хорошо понять ни Гизоты, ни Галламы, ни Лудены³⁵.

Перейдем к частным достоинствам. Ни одна История не заключает в себе столько чудесного, если можно так выразиться, как Российская. Воображая события, ее составляющие, сравнивая их неприметные начала с далекими, огромными следствиями, удивительную связь их между собою, невольно думаешь, что *перст Божий* ведет нас, как будто древле Иудеев, к какой-то высокой цели. Я имел случай указывать на некоторые черты сего чудесного прежде: припомним оные здесь вместе с некоторыми другими. Олег, недовольный, вероятно, Новгородцами, без всякого намерения переселится в Киев³⁶, и сие переселение предводителя почти кочевого племени имеет бесконечное влияние на всю будущую судьбу России, которая без оного, войдя в сношение с близким Западом чрез Новгород³⁷, должна б была неминуемо подчиниться Папе³⁸ и принять участие в судьбе католичества³⁹. Чувствуете ли вы, что сие по-видимому случайное переселение должно было быть непременно, чтоб Российская Империя получила тот вид и характер, какой имеет?

Приняв Христианскую Веру при Владимире⁴⁰, Россия четыреста лет после того не имеет почти никакого сношения с Грециею, кроме монашеских путешествий; но в пятнадцатом столетии, как нарочно, последняя отрасль Палеологов, Царевна София, вступая в брак с Иоанном III, истинным основателем нашего Государства, и принеся нам герб, устрояет первый наш Двор и дополняет первое Греческое влияние на Россию⁴¹.

Вспомните теперь пятнадцатое столетие, вспомните с какими величайшими затруднениями утверждено было единовластие во всей Европе; у нас не было почти никакого: все роды Удельных Князей вымерли или обмелели к этому времени, и Москва должна была только что прибирать их наследства к своим рукам. Новгород, Рязань, Тверь, Вятка, страны Северские, Пермь, Малороссия⁴², не области, а целые Государства Европейские, почти не были покорены нами, а только покорились, повинувшись силе какого-то естественного тяготения. —

Как освободилась Россия из-под ига Монголов? Почти без ее ведома: Иоанн и Ахмет, утраившись друг друга, разошлись в разные стороны, один в Москву, другой в Орду, а между тем 1480 год считается эпохою нашего освобождения⁴³. И действительно, Орда, разделенная на многие ханства⁴⁴, после не могла уже более устрашать России, и все ее части одна за другою, начиная с Казани⁴⁵, достались нам, не столько неволею, сколько волею.

Спасение России от Поляков и Шведов, когда в одной части ее печатались уже книги с именем Владислава Жигимонтовича в заглавии, а другая готова была присягнуть Густаву Карловичу, избрание на Престол фамилии Романовых в лице семнадцатилетнего юноши⁴⁶, открывавшегося дотоле в глубине монастырской келии, фамилии Ро-

мановых, которая дала России Алексея, Феодора, Петра⁴⁷, — прибавлю здесь и Елизавету, основательницу Московского Университета⁴⁸, — менее ли удивительны? —

И какова связь между смертью в Угличе семилетнего Царевича Димитрия, игравшего в тычку ножом⁴⁹, и реформациею Петра⁵⁰! А последняя не могла бы произойти так без первого происшествия. Не пресекись род Московских Князей: не было бы Романовых, не было бы Петра.

А судьба сего Петра, который младенцем еще прошел невредимо сквозь тысячи стрелцов и раскольников⁵¹, мимо копий и мечей, мимо властолюбивой Софии⁵², и сел на отеческий Престол: которого после, в летах мужества, не брали ни порох, ни яд, ни железо!

Присоедините сюда жизнь еще одного человека, который, кажется, должен был нарочно бежать из Женевы, чтоб овладеть воображением младенца, возбудить в нем любопытство и удивление к иностранцам, то есть бросить в его душу первое семя всех будущих преобразований. Я говорю о Лефорте⁵³.

Кому предназначено было судьбою постигнуть намерения Петра, довершить его начинания, приблизить Россию еще более к ее цели? Принцессе из Герцогства Ангальт-Цербстского⁵⁴, которого имени пред сим неслышно было в России. —

События нашего времени менее ли чудесны? Наполеон нападает на Россию с силами всей Европы; какой счастливый случай, казалось бы, для Турции и Швеции отмстить нам за прежние раны, им нанесенные, и возратить себе завоевания Екатерины и Александра⁵⁵. Нет. Они именно в это время уступают, утверждают за нами новые страны. И при каких правителях? При Бернадотте и Махмуте⁵⁶.

Но как Наполеон, первый политик своего времени, мог выпустить из виду это развлечение наших сил, которое почти верно обеспечивало ему победу? На него нашло непостижимое затмение, и враги сделались нам друзьями, и даже помогли выйти из критического положения.

Неправда ли, что все сии события были бы почтены невероятными баснями, если бы не составляли истинной Истории?

В Истории языка, промышленности, внутреннего управления, встречаются такие же чудеса: так например, бедный крестьянин, рыболлов с берегов Ледовитого моря⁵⁷, который под двадцать лет только начал учиться грамоте, преобразовал Русское слово и дал своим соотечественникам новое, сильнейшее орудие в благородных прениях с Европейскими народами!

Во сколько времени процвели наши фабрики! И проч., и проч.

Далее — частная История получает большую занимательность от характеров действующих лиц: наша представляет целый курс Психологии в лицах: я не думаю, чтоб какое-либо Государство могло выста-

вить много таких людей сряду, каковы были у нас Иоанн III вместе с Софиею и Еленою, Василием и Димитрием⁵⁸, Иоанн Грозный с Сильвестром и Адашевым, Курбским и Скуратовым⁵⁹, Борис Годунов с своим семейством, Самозванец, Шуйский, Скопин и Болотников⁶⁰, наконец герои междоусобия — Гермоген, Ляпунов, Шеин, Дионисий, Палицын, Минин, Трубецкой, Пожарской⁶¹, за коими следовали Филарет⁶², Алексей, София; не говорю уже здесь о Петре Великом, который один составляет собою целый век, целую Историю.

И в каких разнообразных отношениях находились сии люди! Чрез какие ступени, например, перешла душа Годунова, который, женись на дочери палача Иоаннова⁶³, из простого дворянина сделался приближенным вельможею, правителем, Царем, который имел сладостное удовольствие видеть Россию, вознесенную его трудами и мыслями на верх могущества и славы, и чрез минуту пасть жертвою мелкой личной злобы, и на смертном одре предчувствовать гибель дражайшего своего семейства, которое любил он больше всего на свете. Простое повествование о судьбе его, о жизни таинственного Самозванца с его Мариною⁶⁴, о Шуйском суть такие романы, которых никогда не могло б создать богатое воображение Вальтера Скотта⁶⁵.

Скажем несколько слов о сих лицах в других отношениях. Союз Иоанна III с Литвою и Польшею, Крымом и Валахию, отношения к Турции и Золотой Орде, связи и договоры Годунова⁶⁶ представляют училище для негоциантов⁶⁷, в котором они найдут много опытов и любопытных сведений для себя даже после Истории современных Европейских Государей — Людовика XI, Фердинанда Католика и Карла V⁶⁸. До сих пор мы не отдавали должной справедливости нашей старинной Дипломатии, потому что по какому-то странному предубеждению не смели сравнивать наших дельцов с Западными Министрами; но, откинув блестящие имена, я не знаю, в чем и много ли уступят им наши Щелкаловы, Власевы⁶⁹ и Годуновы.

Наконец, следует говорить о Российской Истории в отношении к настоящему времени. Мы живем в такую эпоху, когда одна ясная мысль может иметь благодетельное влияние на судьбу целого рода человеческого, когда одно какое-либо историческое открытие может подать повод к Государственным учреждениям. Какое славное поприще, какие великолепные виды для Науки! — С другой стороны, не часто ли случается нам слышать восклицания: зачем у нас нет того постановления или этого. Если б сии ораторы были знакомы с Историею, и в особенности с Историею Российскою, то уменьшили бы некоторые свои жалобы, и увидели бы, что всякое постановление должно непременно иметь свое семя и свой корень, и что пересаживать чужие растения, как бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бывает возможно или полезно, по крайней мере, всегда требует

глубокого размышления, великого благоразумия и осторожности. Далее — они увидели бы ясно собственные наши плоды, которым напрасно искать подобных в других Государствах, и преисполнились бы благодарностию к Промыслу за свое удельное счастье. В этом отношении *Российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия*, самую верною и надежною.

Вот, почему изучение Российской Истории полезно, важно, необходимо. Я старался обозреть некоторые ее особливые качества и представить ее отношение к современному миру, к науке, к настоящим обстоятельствам. Я не упомянул только об одной важнейшей причине, которая более всех других должна возбудить нас к сему занятию, и которую я предоставляю собственному сердцу каждого: Российская История — это мы сами, наша плоть и кровь, зародыши наших собственных мыслей и чувств, которые, постепенно получивши в нас настоящую степень своей зрелости. Изучая Историю мы изучаем самих себя, достигаем до своего самопознания, высшей точки народного и личного образования. *Это книга бытия нашего.*

И когда мы можем с большими надеждами начать свои труды, как не в наше время? Августейший Монарх принимает Отечественную Историю под высокий покров Свой; просвещенное Начальство, постигшее всю важность исторических занятий, доставляет все нужные средства для их продолжения. Мы повторим здесь всегдашнее наше желание, чтоб скорее изданы были летописи и прочие источники Российской Истории, чтобы плоды Археографической Экспедиции Строева⁷⁰ были обнародованы во всеобщее сведение, и не остались тлеть в архивах, как то к несчастью случилось с трудами других наших незабвенных исследователей. Тогда только Российская История получит надежное основание, тогда только обозначатся все материалы, из коих должен создаться великолепный ее храм.

ПАРАЛЛЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ С ИСТОРИЕЙ ЗАПАДНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛА⁷¹

Западные Европейские Государства обязаны происхождением своим *завоеванию*, которое определило и всю последующую их Историю, даже до настоящего времени.

«Основание новых больших государств, — говорит Тьерри, один из представителей Западной Истории в наше время⁷², — было преимущественно действием силы; новые общества устроились из обломков обществ древних, разрушенных насильственно; и в этом процессе

воссоздания многочисленные племена лишились, не без страданий, своей свободы и даже имени, замененного именем чуждым»*.

«Сословия высшие и низшие, кои ныне наблюдают себя с недоверчивостию, или борются за образ мыслей и правления, суть ничто иное во многих странах, как племена завоевания и порабощения времен прежних. Таким образом меч завоевания возобновил лицо Европы, и, разместив ее жителей, оставил свою древнюю печать на каждом народе, составившемся из смеси многообразных племен. Племя воинственных пришельцев сделалось классом привилегированным, перестав быть особливим племенем. Из него произошло воинское дворянство, которое, принимая в недра свои все, что было честолюбивого, буйного, бродяжного в низших сословиях, для того чтоб не перевестись, возобладало над населением трудолюбивым и мирным, в продолжение военного правительства, происшедшего от завоевания. Племя побежденное, лишенное поземельной собственности, власти и свободы, живя не оружием, но работою, обитая не в крепких замках, а в городах, образовало общество, как бы отдельное от военного союза завоевателей. Этот класс поднялся по мере того, как ослабевала феодальная организация дворянства, произошедшего от древних завоевателей, естественно или политически, — может быть потому, что сохранил в стенах своих остатки Римской гражданственности, и с этой слабою помощью начал новую цивилизацию»**.

Вот что видят Французы и Англичане в Истории своих земель, — и это очень верно.

Предлагаю вкратце Историю Западных государств.

К одному племени приходит другое (к Галлам — Франки⁷³, к Бриттам — Норманны⁷⁴, к Испанцам — Вестготы⁷⁵, к Италианцам — Лонгбарды⁷⁶ и проч.). Пришельцы побеждают туземцев и поселяются между ними. Предводитель делит землю между своими сподвижниками, которые (феодалы) в крепких замках становятся господами, угнетают народ, отделяют его от Государя и живут на счет племени побежденного. Возникает непримиримая ненависть между сими племенами, которая усиливается тем более, чем долее должна бывает таиться. Только в городах укрываются немногие жители, кои в течение веков, после многих тщетных усилий и жертв, мало-помалу, с величайшим трудом освобождаются от их влияния, и успевают приобрести себе независимость при помощи Королей, которым феодалы были также тяжелы. В городах образуется среднее сословие⁷⁷, а при дворе — аристократия⁷⁸, происходящая от феодалов, которые переходят туда из замков, присваивают себе все привилегии и начинают

* Thierry, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, Paris, 1830. XI. (Здесь и далее — *примеч. М.П. Погодина.*)

** Там же. С. IX.

угнетать народ под другую форму. Среднее сословие после оборотительной войны предпринимает наступательную, стремясь уравниваться мало-помалу с привилегированной аристократией. Она не уступает, и борьба сих двух сословий оканчивается революцией, которой историю Наполеон выразил в четырех словах: «Галлы свергли иго Франков»⁷⁹.*

В наше время низшие классы, вслед за средним, являются на сцену, и точно как в революции среднее сословие боролось с высшим, так теперь низшее готовится на Западе к борьбе с средним и высшим вместе. Предтечей этой борьбы уже мы видим: сен-симонисты, социалисты, коммунисты соответствуют энциклопедистам⁸⁰, представившим пролог к Французской революции. Горе, если средние сословия не образуются там заблаговременно и не сделают уступок. Им дается теперь на решение задача такого же рода, как Нотаблям в 1789 году⁸¹: те не поняли своего положения и навлекли на свое отечество тучу бедствий. Не понимают, кажется, и наши знаменитые современники, судя, например, по просьбам Манчестерских фабрикантов и речам Грагама и Пиля⁸², которые с таким ожесточением не хотят уступить одного часа из двенадцати, в облегчение несчастных работников, и вешают равнодушно на аптекарских весах капли их пота и крови, в гордой надежде распутать Гордиев узел⁸³, который лишь только затягивается крепче на Западе.

Все эти происшествия, прошедшие, настоящие и будущие, имеют тесную связь между собою, составляют одну цепь и ведут свой род совершенно генеалогически⁸⁴ от завоевания, т.е. от начала Западных Государств.

Завоевание, разделение, феодализм⁸⁵, города с средним сословием, ненависть, борьба, освобождение городов, — это первая трагедия Европейской трилогии.

Единодержавие⁸⁶, аристократия, борьба среднего сословия, революция — это вторая.

Уложения, борьба низших классов... будущее в руце Божией.

Истории Западных Государств, повторю, представляют одни и те же явления только с немногими отличиями, смотря по количеству, качеству, соразмерности и прочим отношениям ингредиентов начала**.

* См. Лас Казаса.

** Древняя политическая История Европы, т.е. Греческая и Римская, представляют совершенное подобие с новыми в этом отношении. Вся История Рима от Ромула до Цезаря есть ни что иное, как борьба Патрициев с Плебеями, которые уравнились, увя, уже под военным диктаторством Цезаря. У Греков те же отношения выразились в соперничестве Афин и Спарты, в войне Пелопонесской, пока Филипп и Александр не положили им также конца; Цезарь и Александр совершенно соответствуют Наполеону, а История Французской революции есть кровавая миниатюра всех Западных Историй (см. мои Исторические Афоризмы. 1835).

Обратимся теперь к Русской Истории и посмотрим, представляет ли она эти главные характеристические явления Западных Историй.

С первого взгляда мы замечаем, что у нас, в начале ее, нет решительно ни одного, по крайней мере, в том виде: нет ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы...

От чего такое различие?

Западные явления, как мы видели, тесно связаны с своим началом, из которого они непосредственно проистекают: так точно и наши явления, наша История должны быть связаны с нами началом. Если следствия различны, то и начала различны.

Действительно, мы имеем положительное сказание Летописи⁸⁷, что наше Государство началось не с завоевания, а вследствие призвания. Вот источник различий! Как на Западе все произошло от завоевания, так у нас происходит от призвания, беспрекословного занятия и полюбовной сделки.

Призвание и завоевание были в то грубое, дикое время, положим, очень близки, сходны между собою, разделялись очень тонкою чертою, — но разделялись!

Взгляните на два зерна: они почти одинаковы; разве вооруженным глазом можно подметить их тонкое различие, — но дайте срок, дайте время этим семенам развиваться, вырасти и вы увидите, что из одного возникнет дуб, а из другого — пальма, или какое-нибудь нежное, благоуханное растение, и тонкое различие зерен обнаружится разительно в цветах и плодах.

Вот два шара, употреблю другое сравнение, совершенно равные. Положите их на одно место, рядом, ударьте их с одинаковою силою, — но случись одной линии, какому-нибудь легкому неприметному склонению, разделить точек, — шары понеслись в разные стороны, и чрез несколько времени вы видите их в беспредельном между собою расстоянии. Ничтожная разница в первом толчке, изменяя направление, решает их судьбу и переносит на противоположные точки.

Так и в Истории Государств: малейшее различие в начале производит огромное различие в последствиях.

Рассмотрим теперь политические явления, сопровождавшие наше начало, сравнительно с Западными, коих генеалогия выше объяснена.

Составные части, элементы Государства в первый период его происхождения суть: государь, народ, разделяющийся на сословия*, — высшее (дворянство), среднее (собственно так называемое, промышленное, городское), низшее (сельское) и земля.

Будем говорить о каждом элементе порознь.

* По принятой номенклатуре, коей одобрить нельзя.

Государь сам по себе

Первый наш Князь — Рюрик призван был добровольно в Новгород, Олег принят в Киев без сопротивления. Тот и другой не имел, следовательно, и даже не мог иметь враждебных чувств победителя, завоевателя, какие питали Западные Государи; тот и другой не мог смотреть на свое владение, как на добычу, взятую с бою, приступом; не имел никаких внутренних врагов, ни внешних соперников, в своем, хотя и ничтожном, в сравнении с Западными королевствами, владении. Наш Государь был званым мирным гостем, желанным *защитником*, а Западный Государь был ненавистным пришельцем, главным *врагом*, от которого народ напрасно искал защиты.

И отношения его были совершенно другие, чем на Западе, — к Боярам⁸⁸, городам, народу.

К Боярам

На Западе Король⁸⁹ был *обязан* своим сподвижникам, (Герцоги, Дюки⁹⁰), помогавшим ему покорить землю, а наш Князь не имел *никаких обязанностей* к Боярам, большею частию его родственникам, которые сопровождали его без всякой со стороны его нужды; не имели случая оказать ему никаких важных необходимых услуг, и в случае неудовольствия, могли только оставить его.

К народу

С народом у нас Князь имел дело *лицом к лицу*, как его защитник и судья, в случаях, впрочем, очень редких, за что и получал определенную дань, — вот в чем состояло его отношение, — а Западный Государь *отделен* был совершенно своими вассалами⁹¹.

Переходим к Боярам.

Бояре сами по себе

Бояр и мужей, соответствующих западным воеводам, у нас было гораздо *меньше*, чем на Западе (в Галлии, Британии, Испании, Италии), куда пришли огромные войска-племена со множеством предводителей. Потому-то они не составили у нас особого класса, многочисленного сословия, сильного элемента, а были только передним рядом Княжеской свиты, гвардии, дружины.

Отношения Бояр к Князю

Воеводы Западные почитали себя *почти равными* Королю, который без них ничего не значил, не мог владеть государством, не мог действовать, всего менее повелевать ими, а наши находились в *пол-*

ном распоряжении Князя, — ближайшие исполнители его приказаний, — его родственники, слуги, наемники, без которых он мог обойтись всегда. Они зависели от Князя, а на Западе Князь зависел от них. Те делали что хотели, а наши, что приказывал им Князь.

К земле

Феодалы западные отняли у туземцев, *разделили* между собою, как добычу, землю, которую покорили под предводительством Короля, а наши не прикоснулись к земле, а получали иногда от Князя, временно, вроде жалованья, или по договору за свою службу, часть *дани*, доходов, с того или другого города, — как его наместники, прикащики или откупщики⁹², которых он мог всегда сменить, без малейшего для себя вреда или неудобства.

Феодалы *рассеялись* по всему пространству покоренной земли, а наши не имели *постоянного* пребывания, и жили там, где назначал им Князь, — преимущественно при нем, участвуя в его походах военных и мирных.

К народу

Феодалы Западные, отняв землю и заставив *работать* на себя ее обитателей, с самого начала поставили себя в враждебное отношение к ним, а наши Бояре, не имея никакого дела до народа, кроме сбора дани и суда, жили в добром согласии с ними.

К Государству

Феодалы Западные основали многие владения, малые Государства, из коих отвлеченно состояло одно большое, а у нас было *одно* малое Государство. Западное Государство можно выразить такую дробью 10/10, а наше десятичную⁹³.

Народ и земля

Земля на Западе досталась сполна *пришельцам*, а у нас осталась как прежде в общем *владении народа*, под верховною (отвлеченною) властью Князя, который о ней не думал, потому что не имел никакой нужды.

Народ на Западе, побежденный и покоренный, был обращен в *рабство*, а у нас остался *свободным* как был, потому что не был покорен. Вся перемена состояла только в дани, которую он начал платить Князю или его прикащикам, дани, естественными произведениями в коих был у него излишек и коих девать было некуда, — следовательно, не отяготительной.

Одним словом, — наш народ был посажен на легкий оброк⁹⁴, а западный осужден на тяжелую барщину⁹⁵. Оброк и барщина сами по себе составляют теперь еще важное различие для поселянина, уже смиренного, ручного, а что сказать о тяжелом оброке и легкой барщине в первое время гражданских обществ, близких к природе и естественной свободе?

Города

Города на Западе, с остатками Римской образованности и гражданственности, сделались пребыванием людей особого звания, занятых промышленностью, а наши города были те же села с одинаковыми жителями и занятием, и названы городами потому только, что Князья избрали их местами пребывания для себя или для своих мужей и огородили. По этой причине они не могли сделаться особливим элементом Государства. Промышленность городская, ограниченная удовлетворением первых потребностей этого рода, оставалась как прежде занятием поселян.

Сословия

Победители и побежденные, покорители и покоренные дали происхождение двум классам на Западе, дворянству и рабам, — а у нас не было ни победы, ни покорения, и не началось никакого различия в правах между пришельцами и туземцами, гостями и хозяевами, не начало ни дворянства, ни рабства.

Не от кого было откупаться, не куда было скрываться, и не произошло убежищных городов, не зародилось и третьего, то есть среднего, сословия.

Все жители различались только по своим занятиям, равно доступным для всякого, а в политическом, гражданском отношении, были равны между собою и перед Князем. Надеюсь: слушатели видят теперь ясно происхождение, последовательность, связь начальных государственных явлений на нашем Востоке и противоположность их от первого момента с Историей Запада.

Эта противоположность усилилась и утвердилась в течение последующих двухсот лет, кои служат у нас продолжением первого момента, и составляют с ним нераздельное целое, заключают одно происшествие, начало Государства, чего опять не представляет Запад.

Кловис, Вильгельм Завоеватель, Албоин и прочие покорили Галлию, Англию, Ломбардию⁹⁶ одним разом, с твердым намерением поселиться, и тотчас зачали, основали Государства, коих окружность ими уже была очерчена. Такое действие требовало больших усилий, особенного напряжения, а сохранение приобретенного в своем вла-

дении — еще более, чем и назначались, как мы видели, все их гражданские отношения, определилась вся Западная история. Так Государства родились в одночасье, а наше рождалось двести лет.

Рассмотрим теперь влияние этой долговременности на первоначальные отношения, нами выше объясненные.

Первые Князья владели у нас по одному городу, в коем жили, или, лучше сказать, остановились постоем⁹⁷, ибо не имели мысли о постоянном пребывании; они не боялись потерять ничего, тем более, что ничем не дорожили, следовательно, как сначала им не нужны были помощники для водворения, так естественно и теперь были не нужны для того, чтоб сохранять владения.

Пользуясь благоприятными обстоятельствами, они начинают ходить в походы по разным сторонам и распространять пределы своей *дани*, все еще не думая о прочном владении. Если у них не доставало собственных средств, они нанимали себе войско у бранных единоплеменников. Всего чаще целию их были богатые соседи, особенно Греция, вознаграждавшая сторицею их труды⁹⁸.

Таким образом, Князья постепенно богатели, распространяли свои владения, усиливались и утверждали еще более первоначальную самобытность — к тому времени, когда дух движения успокоился, пути все преградились, и привычка к давнишнему месту жительства взяла свою силу. Это было уже при Владимире и Ярославе⁹⁹, которые покончили очертание окружности, и положили по последнему камню основания, чрез двести лет почти после первого прибытия Варягов¹⁰⁰.

Вот как первоначальное отличие Русского Князя от Западного Короля утвердилось окончательно.

Точно такое же действие долговременным основанием Государства произведено и на Бояр сравнительно с Западом; первые поколения их не имели большого значения, а последние, Владимировы, Ярославовы, почти никакого. Спутники Рюриковы и Олеговы, как товарищи, могли еще, может быть, предъявлять какое-нибудь право, но роды их пресекались едва ли не в продолжение несчастных походов Святославовых¹⁰¹, и Владимир привел себе новых мужей, нанятых им на Севере для войны с Ярополком¹⁰²; кончив войну, одних по выбору он оставил у себя, для службы, а других выпроводил в Грецию. Ярослав поступал одинаково.

Наши мужи по городам получали от Князя воинов, которые помогали им исправлять их должность, между тем обязаны были ставить Королю воинов, которые и составляли единственно его войско. Таким образом наши Бояре по необходимости были подчинены Князю, и Боярство в Западном смысле решительно отстранилось.

Самая дружина, вследствие непрерывных многолетних войн, несколько раз переводилась и возобновлялась сполна, и следовательно,

не могла пустить глубоких корней, усилиться на счет Князя, а находилась в совершенной от него зависимости.

Племена Славянские обкладывались одно за другим данью, на том же основании, как первые, — оставаясь свободными, владея по-прежнему землею и не питая никакой ненависти к пришельцам. Пределы Государства распространялись, следовательно, исподволь, без усилий со стороны Князя, без непосредственного участия Бояр, без отягощения народа.

Число городов увеличивалось только как жилищ для княжеских наместников и сборщиков дани.

Тьерри, желая итогом изобразить состояние Франции, в эпоху основания Государства, приводит места из законов Салических¹⁰³:

«Если свободный человек убьет Франка или варвара или человека, живущего под законом Салическим, то повинен заплатить пению в *двести су*. Если римлянин владелец, то есть имеющий поземельную собственность в области, где живет, будет убит, то уличенный в убийстве должен заплатить *сто су*»*.

«Кто убьет Франка или варвара на службе Короля (*truste*), тот должен заплатить *шестьсот су*. Если Римлянин, гость Короля, был убит, то пеня в *триста су*»**.

«Если кто, собравши войско, нападет на человека свободного, (Франка или варвара), в его доме и убьет, то будет осужден на *шестьсот су*. Но если простолудин или Римлянин будет убит такою толпою, то будет выплачен только половиною этой пени»***.

«Если Римлянин наложит узы на Франка, без законной причины. То повинен заплатить тридцать су. Но если Франк свяжет Римлянина без причины, то повинен заплатить пятнадцать су»****.

«Если римлянин ограбит Франка, то повинен заплатить 72 су. Если Франк ограбит Римлянина, то повинен заплатить 30 су и проч.»*****

Вот, говорит Тьерри, каким образом закон Салический отвечает на вопрос, столь часто подвергаемый рассуждениям, о первоначальном различии гражданском между Франками и Галлами.

Развернем Русскую правду¹⁰⁴, писанную во время Ярославово, в эпоху окончательного основания Государства, — представит ли она такую противоположность с законом Салическим, какую противополо-

* Lex Salica. tit XLIV, § 1 и 15; apud Script. rerum francic. t. IV, p. 147. На нынешние деньги, эти пени простирались, первая до 3000 фр., а вторая до 1500 фр.

** Lex Salica. tit XLIV, § 4 и 6 (9000 фр. и 4500).

*** Ibid. tit. XLV, § 1 и 3 (9000 фр. и 4500).

**** Ibid. tit. XXXV, § 3 и 4 (450 и 225 фр.).

***** Lex salica ex MS. codice regio, a Joanne Schiltero, tit. XV; apud Script. Rerum francic. T. IV, p. 188. (930 и 450 фр.) Lettres sur l'histoire de France. Brux., c. 443.

ложность мы видели в основании Русского Государства с основанием западных Государств. Где искать лучше поверки! «Аже оубеить муж мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, любо сыну, любо браточаду, ли братню сынови; аще ли не будет кто его мьстя, то положити за голову.. аще ли будеть Русин¹⁰⁵, любо гридь, любо купец, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгой, любо Словенин¹⁰⁶, то 40 гривен положит и за нь»*.

За Русина и Словенина совершенно одна пеня! Они, следовательно, имели одинаковые права.

Как разительно этот закон Русской Правды, замеченный Карамзиным¹⁰⁷, противоположен с Салическим, и как ясно подтверждается им различие в начале государств Западных с Русским! В основание государства у нас была положена любовь, а на Западе — ненависть**.

К историческим, бытейским, фактическим отличиям присоединились, что очень удивительно для мыслящего наблюдателя, совершенно соответственные отличия физические и нравственные.

Физические: пространство, народочислие, населенность, почва, климат, положение, система рек.

Нравственные: народный характер, религия, образование.

Рассмотрим, как эти отличия содействовали к произведению одинаковых явлений и следствий с историческими, вышеисчисленными.

I. *Пространство.* Такая обширная страна, как Россия Ярославова, (между Балтийским морем, Польшею, Карпатскими горами, Новороссийскими степями, Волгою и дальним Севером), страна на несколько раз более Франции, Англии, Ломбардии, Ирландии не могла быть вдруг, подобно им, завоевана; пройти это пространство взад и вперед, вдоль и поперек — не достанет жизни одного поколения, а покорить, содержать в повиновении, кольми паче¹⁰⁸. Так и было. Монголы после прошли ее, правда, (и то в немногих направлениях), но Монголы ходили многочисленным войском, целым почти народом, а Норманны могли набегать только артелями, с которых было довольно временной дани.

Итак, пространство предоставило невозможность быстрого завоевания, а другое следствие от этой причины было следующее: земли пустопорожней было много, не так как на Западе, и никто не дорожил ею, ни Князь, ни Бояре, ни туземцы. Бери всякий, сколько хочешь, — на что же было отнимать, насиловать? За что враждовать? Обстоятельство весьма важное?

* Русские Достопамятности I, с. 28.

** В этом признаются многие из Западных писателей: сен-симонисты даже выходят из того начала, что вся общественная жизнь у них составлена на начале оппозиции, то есть вражды, следовательно, должна быть преобразована!

II. Народ туземный (Славянский) был очень *многочислен* и един по своему происхождению, чего также не представит ни одна страна того времени, Галлия, Британия, Италия, заселенные раньше, получившие много разнородных обитателей. Это единство сообщало ему твердость, доставляло влияние, коему невольно подчинились малочисленные пришельцы. Норманны разошлись в Славянском населении, подобно капле вина в воде, так что их стало невидно, лишь только прекратились северные выселки, и они остались одни, т.е. после Ярослава. А на Западе наоборот: там взяла преимущество пришельцы и наложили свою печать на туземцев. Там Галлы, в известных отношениях, стали Франками, а у нас Варяги — Славянами.

Надобно, впрочем, прибавить, что Славяне, восприяв в недра свои Норманнов, удержали при себе доставленные ими дары, гражданство и Христианство.

Заметим еще вот что, многочисленность внушает всегда уважение к себе: Князья, и особенно их мужи, находясь часто немногими помощниками, вдали от своих жилищ, среди многочисленных обществ, в невыгодной для себя пропорции, должны были естественно, из опасения, воздерживаться от лишних притеснений, если б даже когда и представлялся им повод или случай, — что и содействовало к поддержанию доброго согласия и приязни между пришельцами и туземцами.

III. *Заселение* не сплошное, но разделенное лесами, степями, болотами, речками, без больших дорог, при трудных сообщениях, препятствовало в IX столетии всякому потоку завоевания, и также воздерживало завоевателей. Нельзя было вдруг идти далее, не осмотревшись на месте, а это требует времени. Все походы производились по рекам, а страны, лежавшие вдали от оных в глуши, по сторонам, в заволочьях¹⁰⁹ оставались долго в покое, пока Князья распространились по всем городам, откуда уже могли, на досуге, ходить направо и налево.

IV. Земля *бедная*, обильная только главными естественными произведениями, удовлетворяющими первым нуждам, голоду и жажде, и то за труд с потом и кровью, земля, не доставлявшая никакой пищи роскоши, не привлекала завоевателей. Что взять было Князьям, Боярам от бедных жителей ее? Они спешили на промысел в другие богатые места, под Царьград, к берегам Черного и Каспийского морей. Уже только тогда, как пути были преграждены, ни домой на Север, ни в Грецию на Юг, и деваться было некуда, они, между тем привыкнув к земле и жителям, остались жить на неблагоприятной почве. Совсем не то на Западе, где пришельцы нашли себе рай земной, в сравнении с их отчизной, из коего некуда им было желать более.

V. *Климат* суровый, холодный заставлял обитателей жить дома, около очагов, среди семейств и не заботиться о делах общественных,

делах площади, куда выходили они только в крайней нужде, представляя все с охотою Князю и его Боярам, чем отстранялось всякое столкновение и раздоры.

VI. *Положение* равное, без гор, одинаковое, содействовало одинаковости отношений, гражданскому равенству — везде одни и те же выгоды и невыгоды. Некому и нечем было воспользоваться. Феодалу негде было бы выстроить себе замка, он не нашел бы себе неприступной горы, — да и камня нет на строение, а только сгораемый лес.

VII. *Система рек*, текущих внутри земли, странное отделение от всех морей (Белого, Балтийского, Черного и Каспийского) мешали туземцами приходиться в соприкосновение с другими народами, получать новые понятия, узнавать чужие выгоды и невыгоды и судить о своих. Мы оставались дома, в мире и покое, и подчинились спокойно первому пришедшему.

Различия нравственные

VIII. *Характер* Словенский¹¹⁰. Нет нужды входить здесь в доказательства, что одни свойства имеет северный человек, другие — южный, западный, восточный; что кровь у одного обращается быстрее, чем у другого; что каждый народ имеет свой характер, свои добродетели и свои пороки. Словене были и есть народ тихий, спокойный, терпеливый. Все древние писатели утверждают это о своих Словенах, то есть западных. Наши имели и имеют эти качества еще в высшей степени. Потому они и приняли чуждых господ без всякого сопротивления, исполняли всякое требование их с готовностью, не раздражались ничем и всегда были довольны своею участью. Поляне платили дань Хозарам, пришел Аскольд — стали платить ему, пришел Олег — точно также¹¹¹. Кому вы даете дань, спрашивает Олег Северян. Хозарам. Не давайте Хозарам, а давайте мне, — и Северяне начали давать ему.

Такая безусловная покорность, равнодушие, противоположные западной раздражительности, содействовали к сохранению доброго согласия между двумя народами*.

IX. *Религия*. Варяги язычники¹¹² встретились у нас с Словенами-язычниками, оставляли одни других в покое. А западные завоеватели встретились с христианами, и начали действовать друг против друга, — новый источник ненависти, которого у нас не было.

Впоследствии Варяги приняли Христианскую веру и распространили ее между Славянами, принявшими ее также по своему характеру, без сопротивления, а на Западе наоборот. У нас пришельцы сообщили Религию туземцам, а там туземцы — пришельцам.

* Только в самых крайних случаях они стояли за себя: так Древляне убили Игоря, так Словене разделались с буйной дружиной Ярослава. Пришельцы понимали это, и не доводили до крайностей.

И вера принята у нас Восточная, во многом противоположная Западной. Те получили ее из Рима, а мы — из Константинополя. Не место входить здесь в показание отличий между обеими церквами; мы укажем только на те, кои соответствуют вышеописанным политическим отличиям: западная более стремится вне, восточная углубляется внутрь; у них пропаганда, у нас сохранение; у них движение, у нас спокойствие; у них инквизиция, у нас терпимость. Действуя вне, западная церковь вошла по необходимости в соприкосновение с светскою властью и получила на время преимущество над ней, а наша, углубляясь внутрь, оставила светскую власть действовать, как ей угодно.

X. *Образование*. У западных племен, к коим пришли завоеватели, было уже образование — и гражданское, и умственное — кроме религиозного, о коем мы сейчас говорили. Каково же было им расстаться с этими сокровищами в жертву варварам! А у нас гражданского образования не было никакого, а только семейное, домашнее, до коего пришельцы не коснулись. Новое гражданское образование привито у нас к дереву свежему, дикому, а там — к старому и гнилому. Их здания выстроены на развалинах, а наше — на нови. Мы получили гражданское образование от пришельцев, а западные племена дали им.

Столько различий положено в основание Русского Государства сравнительно с Западными! Не знаешь, которые сильнее: исторические, физические или нравственные! Каковы же они вместе, действуя одно на другое, укрепляя себя взаимно, приводя к одному концу!

Эти различия развивались впоследствии и представили из Русской Истории, при общем (родовом) ее подобии, при единстве цели, совершенную противоположность с Историей Западных государств, что касается до ее путей, средств, обстоятельств, форм происшествий, — противоположность, которую представляет наша жизнь и теперь, несмотря на все усилия, преобразования, перевороты, время...

Вот что надо иметь непременно в виду рассуждая о Русской Истории, в каком бы то ни было ее периоде, произнося приговор ее событиям, разбирая ее достоинства и недостатки, хваля и порицая действующие лица, изъявляя желанья или опасения для будущего времени. Иначе мы будем впадать в детские ошибки, то есть искать таких плодов, для которых не было семян, и оставлять без внимания другие, может быть, драгоценнейшие, потому что их нет инде¹¹³.

Предложу для ясности простое сравнение: хорошо ли б мы поступили, если б бросили рожь — нашу кормилицу, и принялись везде сеять маис¹¹⁴, обольщенные рассказами об его сладости и вкусе? Мы должны б скоро умереть с голоду, потому что не наготовились бы

маису на целое народонаселение, хоть бы вздумали строить везде оранжереи.

Происшествия не имеют такой очевидности и осязательности, как естественные произведения, и много времени проходит иногда, много употребляется труда, пока откроется удивленному взору внутреннее значение того или другого; но смело можно сказать, даже судя по одному, разобранному нами теперь началу, что мы должны отказаться от своего прошедшего существования, т.е. своей Истории, (что, впрочем, и делают некоторые), должны необходимо допустить нелепое заключение, что нынешняя Россия произошла из ничего, если будем прикладывать западный масштаб к Русской исторической жизни. Нет! Западу на Востоке быть нельзя, и солнце не может закатываться там, где оно восходит.

К ГРАФИНЕ Б...ОЙ, О НАЧАВШЕЙСЯ ВОЙНЕ¹¹⁵ (1853 года, Декабря 7)

Вы хотите, чтоб я написал вам отчет о своем путешествии, особенно в отношении к Славянам и современным вопросам. Но с какою целью буду я писать к вам этот отчет? Если не произвело никакого действия и пропало без вести мое донесение 1842 года, которое так великолепно и удивительно, даже для меня самого, паче чаяния, оправдалось и оправдывается последовавшими событиями, с нынешними включительно, то какую пользу может принести краткая записка? Но так и быть. Исполню ваше желание, как могу, второпях. *Признаюсь, у меня самого давно уж порывалась рука, давно уж волновалась желчь при чтении иностранных газет. Западная логика выведет хоть кого из терпения: переведем на простой Русский язык ее последние выходы.*

Примиритесь с Турками, говорит она России, вот примирительная нота, нами сообщена сочиненная, примите ее, но с тем условием, чтобы вы не толковали ее статей в свою пользу, а во вред, против себя, а не для себя, под строгой ответственностью.

Или войте с Турками, проливайте свою кровь, истощайте свои силы, побеждайте, но с тем условием, чтоб после победы вы отказались от всех своих выгод, не только настоящих, но и прошедших, полученных вашими предками, а предоставили решение нам, и мы устроим все ваши дела, как можно полезнее для себя, а не для вас.

Каково положение предоставляется России и в мире, и в войне, и даже после победы! Не лучше ли желать нам уж поражения? Есть ли смысл не только политический, но общий человеческий в этих предложениях? Нет, господа, по Русски понимаем мы дело так, что если

вы предлагаете нам мир, то мы имеем полное право толковать его в свою пользу: никто себе не лиходей, а *если воевать, так по крайней мере, не даром, а работать за себя, а не за вас, для какого-то мнимого равновесия.*

А каково рассуждают они об этом равновесии?

Франция отнимает у Турции Алжир¹¹⁶; Англия присоединяет к своей Остиндской монархии всякий год по новому царству¹¹⁷: это не нарушает равновесия, а Россия заняла Молдавию и Валахию, на время, по слову Русского Государя¹¹⁸, (кто же смеет ему не поверить), и все государства расшатались. Франция среди мира занимает Рим и остается там несколько лет¹¹⁹: это ничего, а Россия, если даже *думает только о Константинополе, в их собственном воображении, то все здание Европейской политики колеблется. Англия объявляет войну Китаюцам¹²⁰, которые, будто бы, ее оскорбили: никто не имеет права вступать в ее дела, но Россия должна спрашивать позволения у Европы, если поссорится с соседом. Англия разоряет Грецию, поддерживая фальшивый иск одного беглого жида, и губит ее флот¹²¹ — это действие законное, а Россия требует, в силу трактатов¹²², безопасности миллионам христиан, — это слишком усиливает ее влияние на Востоке, в ущерб всеобщего равновесия. Австрийская Империя погибает, — все западные державы молчат и не опасаются, что равновесие без нее нарушится, пусть она погибнет, напротив, еще Лорд Пальмерстон¹²³ старается увеличить ее трудные обстоятельства, а мысль, что Турция лишится какой-нибудь своей области, или Султан ослабеет в верховных правах своих, заставляет Европу трепетать даже за себя.*

Грустно, грустно смотреть на Европу. Что сделалось с нею? Как могло случиться, что отступничество, ренегатство, самое постыдное из человеческих действий, даже в частной жизни, сделалось повсюду как будто à l'ordre du jour¹²⁴, без малейшего зазрения совести? По какому закону совершенствования могло случиться, что христианские народы, не краснея, становятся под ненавистным некогда знаменем Луны¹²⁵ и празднуют ее победы, даже выдуманные? Откуда такая симпатия к Магомету¹²⁶?

А впрочем, все стараются о мире и желают добра христианам. По неволе вспомнишь об Иуде и об его лобзаниях¹²⁷.

И что сделала им Россия?

Не говоря о 1812 годе, годе спасения, от которого *вся настоящая Европа ведет свое происхождение¹²⁸ в 1848 году — кто останавливал волны революционного потока¹²⁹, грозившего поглотить все, по собственному ее сознанию, и образование, и нравственность, и свободу, и науку, и искусство? Кто, в 1850 году, не допустил Австрию и Пруссию до междоусобной войны¹³⁰, которая могла привести на край гибели ту и другую, а вместе с ними и всю Европу?* Пред началом нынешней войны,

сколько сделано было уступок, сколько дано отсрочек, сколько принято ограничений, сколько предложено ультиматов и ультиматиссимов¹³¹? Не служили ль все сии согласия, увенчанные полным принятием Венской ноты¹³², не служили ль осязательным доказательством желания нашего сохранить мир?

А самые требования наши¹³³? Они были так умеренны, так стары, так просты, что только упорное сопротивление принять их сообщило им значение. И если б они были исполнены с первого раза, без дальнейшего рассуждения (как и была готова Турция, без происков Англии, судя по общим слухам), то, кажется, ни один листок не пошевелился бы на дереве в Европе, разве несчастные Турецкие христиане вздохнули бы от глубины сердца об отсрочке спасения, но от этих потаенных вздохов положительная Европа, разумеется, не покачнулася бы на сторону, и ни один ее вагон не выскочил бы из своих рельсов.

Кто же виноват в нарушении мира и в вызове опасности?

Но мы заняли Княжества?

Временное, условное занятие Княжеств, принадлежащих нам почти наравне с Турцией, при торжественном обещании Императора Николая, которому, повторяю, никто не смел не верить, после тридцатилетних доказательств справедливости и великодушия, не значило ровно ничего, кроме намерения иметь залог, намерения, вынужденного предыдущими обстоятельствами. Занятие должно было показать только, что мы предъявили наши требования, не шутя, и что миссия князя Меншикова¹³⁴ имела право на внимание со стороны Турции, не менее миссии Графа Лейнингена¹³⁵.

Все это так ясно, искренно, естественно, осязательно, что, казалось, не имеет нужды ни в каких дальнейших пояснениях и доказательствах, но слепая ненависть и злоба ничего не понимают и понимать не хотят. [«Только, и в этом все»] Они видяще не видят, и слышаще не разумеют.

Какая же причина этой ненависти?

Здесь я должен войти в некоторые подробности.

Есть две Европы. Европа газет и журналов и Европа настоящая. В некоторых отношениях они даже не похожи одна на другую. В настоящей Европе большинство думает о своих делах, о процентах и об акциях, о нуждах и удовольствиях и не заботится ни о войне, ни о мире, ни о Турции, разве в отношении к своим непосредственным выгодам. Остальное народонаселение, с журналами и газетами, можно разделить на три категории.

Одни ненавидят Россию, потому что не имеют об ней ни малейшего понятия, руководствуясь сочинением какого-нибудь Кюстина¹³⁶ и двух-трех наших выходцев, которые знают свое отечество еще хуже него. Церковь, во имя которой мы обнажили теперь меч, называ-

ется ересью, все учреждения считаются дикими, личность — беззащитною, литература — безгласною и вся История — вчерашнею. На месте закона они видят везде произвол. Наше молчание, глубокое, могильное, утверждает их в нелепых мнениях. Они не могут понять, чтоб можно было такие капитальные обвинения оставлять без возражения, и потому считают их положительными и истинными. Чему может она сочувствовать? Вот вред, происшедший от нашего пренебрежения общим мнением. Мы имели бы многих на своей стороне, если бы старались не только быть, но и казаться правыми. [«Величественное молчание на обший лай приличнее сильной державе, чем журнальная перебранка»].

Другие ненавидят Россию, считая ее главным препятствием общему прогрессу, быв уверены, что, без России конституционные попытки в Германии¹³⁷ и повсюду удались бы гораздо полнее; они думают, что и впредь на этом пути прежде всего встретится им Россия. [«Так»]. Следовательно, всякое увеличение Русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы, для развития, для просвещения, и потому непременно, во чтобы ни стало, должно быть останавливаемо и уничтожаемо. Это взгляд, так называемой левой стороны, которую следует вздумлять, что нам до нее дела нет, хоть на головах ходи, лишь только нас не тронь, пока сама не попросит нашего участия.

К третьей категории принадлежат различные выходцы, изгнанники, политические бобыли¹³⁸ и пролетарии, которым терять нечего, радикалы, которые имеют целию только в мутной воде рыбу ловить. Они желают войны, какой бы то ни было, надеясь вызвать ею новые происшествия, новые столкновения, полезные для осуществления их замыслов, частных и общих. Между ними Поляки и Венгерцы удовлетворяют войною вместе и чувству личной мести. С этой категорией всякое объяснение бесполезно: она поймет только грозу и силу.

Наконец, действует против нас инстинкт зла, которое, естественно, ненавидит добро, и как будто слышит себе грозу с Востока. Эта злоба безотчетная имеет для нас даже нечто утешительное, заставляя предполагать в себе большой капитал добра, для нас самих, быть может, сокровенный.

Вот вам мнение о народах и массах. Литература играет в Европе жалкую роль: или невежество или пристрастие внушает ее речи, преимущественно в продажных газетах и журналах, служащих отголосками партий или потакающих толпе из корыстных видов.

Правительства почти все против нас: одни из зависти, другие из страха, из личных побуждений. Даже Австрия, недавно спасенная нами от конечной гибели, объявляет себя только что нейтральною¹³⁹, и во многих случаях, особенно судя по последним известиям, действует заодно с морскими державами.

Здесь я должен объяснить одно недоразумение, которое может встретиться при чтении моих прежних донесений: я говорил, что Австрия менее Турции имеет внутренней силы и залогов своей долговечности, а Австрия избавилась так блистательно от всех своих опасностей 1848 года, и играет теперь такую важную роль в системе Европейских Государств. Нет ли здесь противоречия моим положениям? Нет, противоречия никакого нет, потому, что Австрия погибла бы безвозвратно, распавшись на составные свои части, если бы не спасла ее Россия.

Россия спасла Австрию в 1850 году, и спасает ее всякую минуту теперь: отнимите у Венгерцев, Итальянцев, Славян, мысль, что в нужном случае Россия вступится опять за Австрию, — и вы увидите, долго ли простоит она? [«Неоспоримо»]

По сим причинам можно, кажется, говорить с нею несколько тверже и не считать ее нейтралитета особенным благодеянием, и если великий Император России на двадцать девятом году своего царствования осчастливит своим посещением Ольмюц, то тамошний юноша¹⁴⁰ не должен бы, кажется, предъявить ему выгоды своей искусственной монархии, *существующей, à la lettre*¹⁴¹, только по доброй воле его великодушного союзника, а предать ему себя и ее в полное распоряжение. [«В некоторой степени так, но не совсем»]

Может быть, я несправедлив к нему, пишучи это под влиянием иностранных газет, которые приписывают ему какую-то самостоятельность, оскорбительную для Русского, преданного своему Государю. *Может быть, он исполнен сыновних чувствований к своему благодетелю, как и должен, но кроме его в Австрии есть еще правительство, есть дипломатия, есть бюрократия, враждебные искони России, знаменитые своим предательством, (как при Екатерине, так и при Павле и при Александре¹⁴²), которым и должно открывать иногда глаза, чтоб не забывались. [«Это так, и одним словом, каналов много»]*

Я остаюсь при своем мнении, и нынешнее путешествие утвердило меня в нем окончательно: союз Австрии с Россией еще противоестественнее союза Франции с Англией. Что это за союз, укажу на маловажный пример, если одной книги, одного номера газеты или журнала нельзя переслать из России в Австрию без величайшего затруднения, как будто б они были пропитаны ядом. Утвердиться России на Дунае Австрия всегда будет мешать больше, нежели даже Франция и Англия, потому что, приблизясь к Сербии, а следовательно, и к ее Воеводине, Сирмии, Военной границе¹⁴³, вообще к Славянам, [«Так и будет»] мы повесим над нею меч Дамоклесов¹⁴⁴. Так из чего же будем мы хлопотать? А пожертвовать для нее Славянами, значит обрубить себе руки, увечить свое тело.

Впрочем, это все только предположения. Если вследствие предшествовавших обстоятельств, Австрия есть наша союзница, то так тому и быть. Только, *conditio sine qua non*¹⁴⁵, она должна быть союзницею верною, искреннею и безусловною, в огонь и воду, не из новых выгод и расчетов, а с готовностию принести всякую жертву в случае нужды. [«Невозможно»]. При малейшем сомнении, подозрении или улике, (коих, вероятно, ждать не будем долго), медаль должна перевернуться, ибо Австрию выгоднее иметь нам врагом, нежели другом, выгоднее во всех отношениях, даже без промена ее на Францию, которая может перейти на нашу сторону, а с Францией и говорить нечего. [«Чепуха»] Франция за Италию отдаст нам в распоряжение не только Австрию и Турцию, но пожертвует, без сомнения, и *entente cordiale*¹⁴⁶ с Англией.

Скажут: правительство во Франции непрочное и неизвестно, останется ли Бонапарт¹⁴⁷ или возвратятся Бурбоны¹⁴⁸. По моему мнению, во Франции — Франция с Бонапартом или Бурбоном, смотря по тому, кто пораньше встал, да палку в руки взял. Мы можем внутренне, нравственно благоприятствовать более одному, нежели другому, но во внешнем образе действий подражать Англии, которая улаживает и Бонапарта, и Бурбона, и конституционную монархию, и радикальную республику. [«Вранье»] Да к тому же, у Французов внешняя политика не зависит никогда от образа правления, и в последнее время Республика, в эпоху своих оргий, действовала в отношении к единству Германии и Италии¹⁴⁹ совершенно в духе старых преданий, как будто при Людовике XIV¹⁵⁰.

Но оставим возможности и обратимся к настоящему времени: кто же наши союзники в Европе? [«Никто, и нам их не надо, если уповать безусловно на Бога, и довольно»]

Союзники наши в Европе, и единственные, и надежные, и могущественные — Славяне, родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере, а их десять миллионов в Турции и двадцать миллионов в Австрии. Это количество, значительное само по себе, еще значительнее по своему качеству, в сравнении с изнеженными сынами Западной Европы: Черногорцы¹⁵¹ ведь станут в ряду поголовно. Сербы¹⁵² также, Босняки¹⁵³ от них не отстанут; одни Турецкие Славяне могут выставить двести или более тысяч войска, и какого войска! Не говорю о Военной границе, Кроатах, Далматинцах, Славонцах¹⁵⁴ и проч. [«Писано и думано через увеличительное стекло; уменьшено в 1/10 долю, и этого довольно»] Вот естественные наши союзники! Покажите им прекрасную, святую цель освобождения от несносного, иноплеменного ига, под которым они стонут четыреста лет, умеете управлять их силами, живыми, могучими, восторженными, и вы увидите, какие чудеса ими сотворятся. Да сколько прибудет сил и у Русского Самсона¹⁵⁵? Или дух его не в счет уж пошел?

Приезжай-ка Государь в Москву на весну, отслужи молебен Иверской Божией Матери¹⁵⁶, сходи помолиться ко гробу Чудотворца Сергия¹⁵⁷ да кликни клич: «Православные! За гроб Христов, за Святые места, на помощь к нашим братьям, истомленным в муках и страданиях», — вся земля встанет, откуда что возьмется, и посмотрим, будет ли нам страшен тогда старый Запад с его логикой, дипломатией и изменою.

В отношении к Туркам мы находимся в самом благоприятном положении, в которое поставили нас они сами, вместе с своими знаменитыми и премудрыми союзниками, по какому-то таинственному движению Истории, которая, видимо, хочет чего-то другого, чем люди. Мы можем сказать: вы отказываетесь обещать нам искреннее, действительное покровительство вашим христианам, которого мы единственно требовали, уверяя вас несколько раз торжественно пред лицом всей Европы, что мы не хотим ничего больше и не ищем никаких завоеваний; вы объявили нам войну и провозгласили уничтожение всех прежних трактатов¹⁵⁸ для нового определения наших отношений, так мы требуем теперь освобождения Славян, и пусть война, избранное вами самими средство, по собственному вашему желанию, решит наш новый спор. [«Так, вероятно, и будет»]

Скажу даже вот что: если мы теперь не сделаем этого, не освободим Славян, так или иначе, под нашим покровительством, то сделают это наши враги, Англичане и Французы, которые только того и ждут, чтобы мы обробели (о чем распространяются теперь слухи) и согласились заключить мир, то есть уступить, то есть отказаться от всякого влияния на Востоке, от миссии, нам предназначенной со времени основания нашего государства. Они сделают то, чему теперь мешают, потому что иначе вопроса решить нельзя, а теперешняя их роль ренегатов¹⁵⁹ слишком позорна, и они столько умны, что побоятся оставить ее за собою в Истории. В Сербии, Болгарии и Боснии, везде между Славянами, они действуют, и завели свои, западные партии, кои предсказал я, впрочем, за десять лет пред сим. Они развратят и освободят Славян. Каково же будет нам тогда? [«Совершенно так»]

Да! Если мы не воспользуемся теперь благоприятными обстоятельствами, если пожертвуем Славянскими интересами, если обманем их расцветшую надежду или предоставим их судьбу решениям других держав, тогда мы будем иметь против себя не одну Польшу, а десять (чего только враги и желают, о чем и заботятся), — и Петровы, и Екатериныны¹⁶⁰, высокие предположения и предначертания — простите на век! [«Так»] Имея против себя Славян, — и это будут уже самые лютые враги России, — укрепляйте Киев, и чините Годуновскую стену в Смоленске¹⁶¹. Россия снизойдет на степень держав второго

класса ко времени Андрусовского мира¹⁶², поруганная и осрамленная, не только в глазах современников, но и потомства, не умея исполнить своего исторического предназначения. Самая великая и торжественная минута наступила для нее, какой не бывало, может быть, с Полтавского и Бородинского дня!¹⁶³ Если не вперед, то назад — таков непреложный закон Истории.

Неужели назад? Неужели это случится в царствование Императора Николая, за его неутомимую и беспримерную, после Петровой, службу отечеству, в продолжение тридцати почти лет, от раннего утра до позднего вечера, без отпусков, болезней и промежутков? Нет, этого не будет, и Бог его и нас с ним так не накажет. С ним не пойдем мы назад. Нет! Благородное, великодушное Русское сердце его учует, и мы все это видим, какие две страницы*, не в пример другим, предоставлены ему в отечественной Истории! Неужели променяет он их на ту, где было сказано: Петр основал владычество России на Востоке, Екатерина утвердила, Александр распространил, а Николай предал его Западу. Нет! Этого не может быть, и этого не будет во веки веков. Аминь.

Боже, Царя храни!

Комментарии

Погодин Михаил Петрович

¹ ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ

Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г.

В 1832 г. адъюнкт Московского Императорского университета М.П. Погодин в присутствии товарища министра народного просвещения С.С. Уварова, который находился в Московском университете с инспекторской проверкой, прочел вступительную лекцию, в которой изложил свой взгляд на русскую историю. В своем отчете Уваров отметил Погодина в числе преподавателей, стоящих на «степени желаемого образования по своей науке» и владеющих «способностью передавать свои познания» (*Уваров С.С. Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) // Уваров С.С. Избранные труды / Автор перевода В.С. Парсамова; сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамова, С.В. Удалова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 296*). В июне 1833 г. лекция вышла в первом номере «Ученых записок» — периодическом издании, учрежденном по инициативе Уварова при Московском университете (см.: *Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888—1910. Т. 4. СПб., 1891. С. 147—148, 161—162*).

Печатается по: [Погодин М.П.] Взгляд на русскую историю: Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г. // Историко-критические отрывки М. Погодина. М., 1846. С. 1—18.

* Под одну из этих двух страниц разумелось освобождение крестьян от крепостной зависимости.

² Македонская — империя Александра Великого (356 до н.э. — 323 до н.э.), самое крупное государство Древнего мира, простиравшееся от Дуная до Инда, составившее основу особой «западно-восточной» эллинистической цивилизации. Созданная в результате завоеваний, империя формально просуществовала менее 13 лет — с момента вступления молодого царя на македонский престол в 336 г. до н.э. и до его смерти, после чего на ее территории возник ряд эллинистических государств, последнее из которых — Египет — было завоевано Римом в 30 г. до н.э.

Римская — мировая держава с центром в Риме, государственное устройство которой совершило эволюцию от республиканского строя к империи в период диктатуры Гая Юлия Цезаря (100—44 до н.э.), родовое имя которого (Caesar) стало со времени правления Августа (27 до н.э. — 14 н.э.) титулом императоров-монархов. Разделилась на Восточную Римскую (Византийскую) и Западную Римскую империи после смерти последнего императора единой Римской империи Феодосия I (правил в 379—395).

Аравийская — арабский халифат, первая империя, основанная на религиозном миссионерстве. После смерти в 632 г. пророка Мухаммеда, создавшего ислам, его наследники — халифы (*араб.* халифа — «преемник», «заместитель») начали завоевания, в результате которых была создана обширная империя, простиравшаяся от Индии до Атлантического океана и от Средней Азии до Центральной Африки и просуществовавшая до X в.

Франкская — империя Каролингов, у истоков которой стоит франкский король Карл Великий (правил в 768—814), провозглашенный императором 25 декабря 800 г. в Риме папой Львом III; обширная территория империи в 843 г. разделилась на три королевства — Западно-Франкское (куда входили земли будущей Франции), Восточно-Франкское (составившее ядро Священной Римской империи германской нации (с 962), а затем и собственно будущей Германии) и недолго просуществовавшее Среднефранкское (Италия, Прованс и т.д.).

Монгольская — империя, сложившаяся в первой половине XIII в. в результате завоеваний Чингисхана (1155—1227), принявшего титул великого хана в 1206 г., и его преемников. В середине XIII в. включала Монголию, Северный Китай, Центральную и Среднюю Азию, Закавказье и др. Держала в зависимости значительную часть русских земель. Распалась в последней четверти XIV в.

³ Речь идет о славянах, восточную ветвь которых составляли русские, украинцы, белорусы, западную — поляки, чехи, словаки, лужичане, южную — болгары, сербы, хорваты, словенцы, македонцы, боснийцы, черногорцы.

⁴ Рейн, Райн — река в Западной Европе (Швейцария, Германия, Нидерланды и др.). Адриатическое море — полузамкнутое море, являющееся частью Средиземного моря между Апеннинским и Балканским полуостровами.

⁵ «Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнородных и столь удаленных друг от друга в степях образования? Подобно Америке, Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и

в Америке, но единственно примером лучшего» (*Карамзин Н.М.* Предисловие // История государства Российского: В 12 т. Т. 1. М., 1989. С. 14—15).

⁶ Речь идет об императоре Наполеоне I Бонапарте (Napoléon Bonaparte) (1769—1821), выдающемся французском полководце и государственном деятеле. Первый консул Французской республики (1799—1804), французский император (1804—1814 и март—июнь 1815). После поражения при Ватерлоо (18 июня 1815) он был вынужден отречься от престола и сдать англичанам, которые 15 октября 1815 г. отправили его на остров Святой Елены в Атлантическом океане, неподалеку от побережья Африки. При нем находилась небольшая свита, которой Наполеон диктовал свои воспоминания и размышления, представляя себя новым пророком с «Евангелием Святой Елены». Его мемуары были изданы в 9 томах в 1830 г.

⁷ Речь идет о гражданской войне (так называемые Мигелистские войны 1823—1834) между приверженцами абсолютизма и сторонниками сохранения конституционной монархии. Одних возглавлял принц Мигел Браганский (1802—1866), предводителем других стал Педру д'Алькантара (1798—1834) — сына вья португальского короля Жуана VI (1769—1826).

⁸ Первые две испанские революции (1808—1814 и 1820—1823) дали стране конституцию и различные либеральные свободы, однако Священный союз принял открытую интервенцию. 7 апреля 1823 г. французская армия вторглась в Испанию, а 1 октября 1823 г. король Фердинанд VII восстановил абсолютистский режим. Правление же Филиппа II (1527—1598), с 1556 г. короля Испании и с 1581 г. — Португалии, принято считать примером неудачных мероприятий во внутренней и внешней политике, приведших страну в упадок.

⁹ С конца XVIII в. правительства многих европейских государств стали активно пользоваться государственными займами как источником доходов государства, используя полученные средства, как правило, на ведение войн, что провоцировало стремительный рост государственной задолженности. Так, в Англии к 1820 г. государственный долг вырос до 106 млн фунтов стерлингов, а к 1830 г. государственные расходы составляли более 10,5% ВВП. Не случайно во времена Погодина господствовало отрицательное отношение к государственному кредиту, что объяснялось использованием заемных средств на непроизводительные цели.

¹⁰ *Гизо* (Guizot) Франсуа-Пьер-Гильом (1787—1874), *Дюпен* (Dupin) Андре (1783—1865), *Биньон* (Bignon) Луи-Пьер (1771—1841), *Перье* (Perier) Казимир (1777—1832) — члены первого кабинета министров, созданного 11 августа 1830 г., сразу после Июльской революции 1830 г., реставрировавшей монархию во Франции.

¹¹ *Кауниц* (Kaunitz), князь Венцель-Антон, Доминик, граф Ритберг, (1711—1794) — австрийский государственный деятель, в 1753—1792 гг. — государственный канцлер, 40 лет вел внешние и внутренние дела Австрии.

Меттерних-Виннебург (Metternich-Winneburg) Клеменс Венцель Лотар (1773—1859) — князь, австрийский государственный деятель и дипломат. Благодаря браку с Марией Элеонорой Кауниц, внучкой и наследницей канцлера Австрии графа Венцеля фон Кауница, Меттерних вошел в высшие слои венского общества. В 1809—1821 гг. — министр иностранных дел и фактически глава австрийского правительства, в 1821—1848 гг. — канцлер.

¹² Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии, составившие Остзейский (Прибалтийский) край Российской империи, которая в 1825 г. была разделена на 49 губерний: 32 русские, 4 сибирские и 13 особые — 3 прибалтийские, 8 — в Белоруссии и на западе Украины, 2 малороссийские, а также 6 областей (Бессарабская, Кавказская, Войска Донского, Грузия с Закавказьем — Белостокская и Имеретинская, Омская и Якутская). К 1847 г. в России насчитывалось уже 55 губерний и 3 области.

¹³ Колосс — предмет большой величины, великан. Во время, когда Погодин писал эти строки, Россия действительно «стояла на двух полушариях». Владения России во втором полушарии — Аляска — были проданы Америке в 1867 г.

¹⁴ Заявленный здесь концепт «покорения» и «свадьбы» (т.е. взаимного влияния завоевателей и завоеванных) был обозначен М.П. Погодиным также в его «Афоризмах» (1836) и получил развернутую аргументацию в статье «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» (1845).

¹⁵ Константинополь — город на берегу Босфора, с 395 г. по 29 мая 1453 г. — столица Восточной Римской (Византийской) империи.

¹⁶ Речь идет о схизме (*греч.* schisma, буквально — расщепление) — разделении христианской церкви на католическую и православную, которому способствовали различия между западной и восточной церквями в догматике, организации, обрядах (ставшие явственными уже с VII в.). Начало схизме было положено разрывом около 867 г. между папой Николаем I и Константинопольским патриархом Фотием, продолжено в середине XI в. (традиционно разделение датируют 1054 г., когда римский легат кардинал Гумберт и Константинопольский патриарх Кируларий предали друг друга анафеме), окончательно же утвердилась после завоевания Константинополя в 1204 г. крестоносцами, которые разрушили этот центр православия.

¹⁷ Первое чадо — здесь: плод, результат.

¹⁸ Феодализм (*нем.* Feudalismus, *франц.* féodalité, от *позднелат.* feodum, feudum — фео́д) — характерная для средневековой Европы и других стран специфическая система экономических, социальных и политико-правовых отношений, главными элементами которой были: соединение в одном лице (сеньоре) землевладельца и носителя политической власти; закрепощение населения, живущего на территории землевладельца-сеньора; образование иерархии крупных и мелких феодальных владельцев, связанных особой системой ленных (вассальных) отношений друг к другу и объединяемых общими вассальными отношениями к главному сеньору (сюзерену) страны — королю или императору.

Рыцарство — в широком смысле социальная категория, включавшая всех светских, а с XII в. и часть духовных феодалов-воинов.

¹⁹ Удельная система — система, возникшая после смерти Ярослава I Владимировича (1054), когда Русская земля, находившаяся под властью киевских князей, была разделена, согласно его завещанию, между его сыновьями на удельные княжества, которые номинально зависели от великих князей, но фактически были независимы, имея собственные войска, судебные учреждения и т.п. Все это породило завывшие политические амбиции удельных князей и вело к ожесточенным междоусобным конфликтам. Междоусобицы прекратили великие московские князья, присоединившие к царству множество уделов, последний из которых — Угличское княжество — был ликвидирован в 1591 г.

²⁰ Майоратство, майорат (*позднелат.* maioratus, от *лат.* maior — больший, старший) — система наследования, по которой имущество переходит нераздельно к старшему сыну или старшему в роде.

²¹ Крестовые походы (1095—1270) — инициированные папством восемь вооруженных экспедиций европейских католиков на Ближний Восток (в Палестину, Сирию, Египет, Тунис) под лозунгами освобождения Святой земли (Палестины) и Гроба Господня (в Иерусалиме) от «неверных» (мусульман).

²² Монгольское (монголо-татарское, татаро-монгольское, ордынское) иго на Руси (1243—1480) — традиционное название системы вассальной зависимости русских князей от Монгольской империи и Золотой Орды, сопровождавшейся ежегодным сбором дани, частыми карательными набегами ордынских ханов и военачальников.

²³ Реформация (от *лат.* reformatio — преобразование, исправление) — общественно-политическое и религиозное движение в Западной и Средней Европе в XVI в., основным содержанием которого была борьба против католичества и союзных ему феодалов за обновление западнохристианской церкви.

²⁴ *Петр I Великий* (1672—1725) — сын царя Алексея I Михайловича Романова, в 1682 г. наследовал трон после смерти брата Федора III, стал царем вместе с братом Иваном при регентстве их единокровной сестры Софьи. В 1721 г. был провозглашен Российским императором. Петр I основал военно-морской флот, реформировал страну по западным образцам, способствовал развитию промышленности, образования, науки, культуры, основал город Санкт-Петербург.

²⁵ Нашествия:

норманнов — в русских летописях рассказывается, что варяги облагали данью северных славян. Согласно общепринятой в научной среде версии, древнерусская княжеская (впоследствии царская) династия Рюриковичей (862—1598) основана легендарным варяжским военачальником *Рюриком* (?—879);

поляков — в начале XVII в. Речь Посполитая предприняла действия, направленные на расчленение России и ликвидацию ее государственной самостоятельности, которые обычно называют польской интервенцией. После 1583 г. князь Трансильвании (1571—1575) и польский король (1575—1586) Стефан Баторий выдвинул план подчинения Русского государства Польше. Однако первый этап польской интервенции реализовался позже, в правление его преемника Сигизмунда III, и был связан с поддержкой Лжедмитрия I, который обещал передать Речи Посполитой (а частично своему тестю Мнишеку) западные районы Русского государства, поддержать ее в борьбе со Швецией, ввести в России католичество и принять участие в антитурецкой коалиции. Когда Лжедмитрий I занял престол, по различным причинам он отказался делать территориальные уступки Польше и заключать военный союз против Швеции. После убийства самозванца в мае 1606 г. в ходе антипольского восстания в Москве отряды польско-литовских магнатов составили основу военных сил Лжедмитрия II, осадивших Москву и захвативших к осени 1608 г. значительную территорию европейской части Русского государства. Открытая агрессия польского правительства против России началась с благоговения папы римского Павла V осадой Смоленска (сентябрь 1609), в марте 1610 г. значительная часть тушинских польских войск перешла к Сигизмунду III, в феврале 1610 г. посольством русских бояр, являвшихся ранее сторонниками Лжедмитрия II, во главе с М.Г. Салтыковым был заключен договор с Сигизмундом III, по которому его сын Владислав признавался русским царем. Это же в августе 1610 г. подтвердила Семибоярщина — московское правительство, заключившее с командующим польской армией гетманом Станиславом Жолкевским новый договор, на основе которого в ночь с 20 на 21 сентября польские войска вошли в Москву, освобожденную от них лишь в октябре 1612 г. Еще дважды, в 1612 и в 1617—1618 гг., поляки предпринимали попытки завоевать Россию, но неудачно. По Деулинскому перемирию 1618 г. русское правительство было вынуждено уступить Польше смоленские (за исключением Вязьмы), черниговские, новгород-северские земли с 29 городами, в том числе Смоленск. После заключения договора был проведен обмен пленными, в результате которого в Москву вернулись находившиеся в плену отец царя Михаила Романова патриарх Филарет и др. Королевич Владислав, ссылаясь на соглашение с боярами-изменниками в 1610 г. и на то, что некоторые москвичи признали его царем в 1611 г., не отказывался от претензии на русский престол, сделал это лишь в 1634 г., после очередной русско-польской войны («Смоленская война» 1632—1634). Смоленские и Черниговские земли вернулись в состав России по Андрусовскому перемирию, завершившему русско-польскую войну 1654—1667 гг. Условия этого перемирия были

подтверждены «Вечным миром» между Россией и Речью Посполитой, подписанным в Москве в 1686 г.;

французов — вторжение войск императора Наполеона I в Россию началось 12 июня 1812 г., когда его «Великая армия» (около 610 тыс. человек) перешла через р. Неман в районе Ковно. В начале войны российские 1-я (М.Б. Барклая-де-Толли) и 2-я (князя П.И. Багратиона) армии (около 240 тыс. человек) с боями отступали на запад, уклоняясь от попыток Наполеона I втянуть их в сражения и разбить поодиночке. 22 июля обе армии соединились у Смоленска. В ходе Смоленского сражения (4—6 августа) Наполеону I не удалось разгромить основные силы российских войск. 8 августа главнокомандующим всех действующих российских армий был назначен М.И. Кутузов. 26 августа произошло Бородинское сражение. 1 сентября на военном совете в Филях было принято решение оставить Москву (французские войска вступили в нее 2 сентября, в тот же день вспыхнул пожар, уничтоживший почти весь город). В сентябре—октябре Кутузов, осуществив Тарутинский марш-маневр, отвел армию в район села Тарутино, прикрыл дороги в южные губернии России, пополнил армию, снабдил ее вооружением и боеприпасами. Попытки Наполеона I вступить в переговоры были им отвергнуты. Оставшиеся в Москве французы терпели острый недостаток в продовольствии и снаряжении, отряды их фуражиров уничтожались партизанами и регулярными войсками. 6 октября Наполеон I оставил Москву и двинул армию в сторону Калуги, однако после сражения при Малоярославце (12 октября) был вынужден отступать по разоренной старой Смоленской дороге, теснимый авангардом российской армии и подвергаясь постоянным ударам партизан и казаков с флангов. В сражении при Березине 14—16 ноября большая часть «Великой армии» была уничтожена или пленена. К середине декабря ее остатки изгнаны из России. Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг. завершились взятием Парижа (18 марта 1814) и падением империи Наполеона I.

²⁶ Во времена Погодина университетский диплом давал преимущества на продвижение по Табели о рангах для дворян и более быструю возможность получения дворянства разночинцам. Так, например, для получения гражданского чина коллежского асессора (эквивалентного военному чину майора, предоставляющему право потомственного, передающегося по наследству дворянства (до 1845) и титул «ваше высокоблагородие»), который особенно привлекал разночинцев, с 1809 г. требовались университетский диплом либо сдача специального экзамена.

²⁷ Разрядные книги — «государевы разряды», книги записей распоряжений русского правительства о ежегодных назначениях на военную, гражданскую и придворную службу в XVI—XVII вв., собрание (свод) извлечений из различных официальных документов. Они велись дьяками великокняжеской канцелярии, затем Разрядного приказа. Зачастую использовались служилой знатью для подтверждения знатности, родовитости и высокого служебного положения своих предков, чтобы занять соответствующее «место» в системе феодальной иерархии (так называемое «местничество» произошло от обычая считаться «местами» на службе и за государевым столом. Тот из феодалов, который считал свое происхождение более древним, благородным и знатным либо личные свои заслуги значительными, занимал место ближе к царю и соответственно претендовал на более высокую должность в войске или в гражданской администрации).

По воле царя Федора Алексеевича (1661—1682, царь с 1676), в начале 1682 г. местничество было уничтожено, а разрядные книги, хранившиеся в приказах, публично сожжены. «Чернь Бастильская» — по названию Бастилии, крепости в Париже, служившей государственной тюрьмой, которая была разрушена народом 14 июля 1789 г., что ознаменовало начало Великой французской революции. Взятие Бастилии сделалось символом всякого политического освобождения, до-

стигнутого не «сверху», а «снизу», революционным путем, самое слово «Бастилия» стало нарицательным.

Грах — прозвище Бабефа (Babeuf) Франсуа (1764—1797), французского революционера, основавшего в 1796 г. тайное ультраякобинское и прокоммунистическое общество «Заговор равных» для свержения директории — правительства (из пяти директоров) Французской республики (1795—1799).

Мирабо (Mirabeau) Оноре-Габриель Рикетти де (1749—1791) — граф, знаменитый французский политический деятель времен Великой французской революции.

Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712—1778) — французский философ-просветитель, политический мыслитель, писатель, поэт, композитор.

²⁸ *Карамзин* Николай Михайлович (1766—1826) — знаменитый русский историк, писатель, почетный член Петербургской Академии наук (1818). Создатель «Истории государства Российского» (т. 1—12, 1816—1829) — первого обобщающего труда по истории России.

²⁹ *Гиббон* (Gibbon) Эдуард (1737—1794) — знаменитый английский историк, автор фундаментального сочинения «История упадка и разрушения Римской империи» (в 6 т., 1776—1788), в котором проводил мысль о том, что падение империи было ускорено распространением христианства, убившего дух патриотизма и гражданственности. Уже первый том книги имел грандиозный успех. Блестящий стиль автора вызвал восторг публики, а его просветительский-антихристианский пафос навлек на него нападки и критику.

³⁰ *Байрон* Джордж Гордон (1788—1824) — лорд, знаменитый английский поэт, с именем которого связан так называемый «байронизм» — общественное умонастроение, в определенных кругах европейской молодежи начала XIX в. ассоциировавшееся с индивидуализмом, подчеркнутой разочарованностью в общественной жизни, особым интересом к диким, экзотическим странам, а также с бунтарским духом и свободолобием.

³¹ Дворянство — высшее сословие в России, первоначально возникшее как низшая часть военно-служилого сословия (XII—XIII вв.). С XIV в. дворяне получали за службу землю. При Петре I завершилось становление дворянства, которое пополнялось выходцами из других слоев в результате их продвижения по государственной службе. В 1762 г. дворянство добились освобождения от обязательной военной и гражданской государственной службы, введенной Петром I; дворяне не подвергались телесным наказаниям, освобождались от рекрутской повинности, личных податей. Жалованная грамота (1785) Екатерины II (на права, волюности и преимущества российского дворянства) устанавливала широкий круг личных привилегий дворянства, вводила дворянское самоуправление.

³² Из Скандинавии, Орды, Крыма, Пруссии, Италии, Литвы вышли основатели многих родов русского дворянства, поступившие на службу правителям Руси—России (так, например, Воронцовы ведут начало от легендарного Симона Африкановича, выехавшего из варяжской земли в Киев в 1027 г.; основатель рода Годуновых мурза Чет приехал на службу в Москву из Золотой Орды около 1330 г.; основатель рода Головиных происходил, по преданию, от князя Степана Васильевича Ховры, родом грека, владельца городов Судака, Манкула и Балаклавы, выехавшего из Крыма в Москву в конце XIV в.; родоначальник Шереметевых выехал «из Прусс»; род Чичериных происходил от выехавшего из Италии в свите Софии Палеолог в 1472 г. Афанасия Чичерни (Чичерини); основатель старинного и богатого княжеского рода Голицыных — Михаил Иванович Булгаков, по прозвищу Голица (голая кожаная рукавица без меха и подкладки), — был праправнуком литовского великого князя Гедимина и т.д.).

³³ Гранды, лорды, маркизы, бароны — дворянские аристократические титулы.

³⁴ Источником дворянства в России изначально стал низший слой военно-служилого сословия — «вольные слуги», составлявшие двор князя или крупного боярина в XII—XIII вв. «Уложение о службе» (1555—1556), отмена местничества (1682) и особенно петровская Табель о рангах (1722) подтвердили и укрепили статус дворянина как государственного человека, обязанного быть в гражданской или в военной службе. По Табели о рангах, определявшей бюрократическую иерархию чинов в армии, флоте и гражданской администрации, даже самый низкий ранг давал права личного дворянства, а более высокие ранги — права потомственного дворянства; таким образом, выходцы из других сословий могли стать и становились дворянами в результате продвижения по государственной службе (а также за счет пожалований дворянства по личному усмотрению царя). Лишь в 1762 г. Манифестом о вольности дворянства («О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству») императора Петра III дворяне были освобождены от обязательной гражданской и военной службы.

³⁵ *Гизо* (Guizot) Франсуа-Пьер-Гильом (1787—1874) — французский государственный деятель и историк.

Галлам (Hallam) Генри (1777—1859) — английский историк.

Луден (Luden) Генрих (1788—1847) — немецкий историк.

³⁶ Легендарный норманнский (варяжский) конунг (предводитель дружины) Рюрик (?—879), по сказанию летописца призванный на Русь от варягов славянами (новгородскими словенцами) и угро-финскими племенами (кривичами, чудью и весью). Управляя Новгородом, он распространил свое влияние на север и восток от города, присоединил земли племен меря, весь, муром и тем расширил Новгородское княжество от Волхова до устья Оки, став основателем династии Рюриковичей, правившей Россией до 1598 г. Умирая, Рюрик завещал управление новым государством и опекунство над сыном Игорем своему дальнему родственнику Олегу (?—912), прозванному позже «вещим» — мудрым, который со своей дружиной в 882 г. покинул Новгород. Подчинив Смоленск, Любеч, Олег овладел Киевом, провозгласил себя князем, а Киев сделал столицей государства Русь.

³⁷ Новгород Великий — один из древнейших русских городов на северо-западе России — впервые упоминается в 859 г., с X в. — второй по значению центр Киевской Руси.

³⁸ Папа римский — высший церковный иерарх, глава римско-католической церкви.

³⁹ Католичество, католицизм (от *греч.* *katholikós* — всеобщий, вселенский) — одна из ветвей христианства, существующая как строго централизованная церковь, во главе которой стоит Папа (римский епископ). Папа является также и светским главой теократического государства (с 754 г. — Папского государства, с 1929 г. — государства Ватикан). Особенности католицизма являются целибат (безбрачие духовенства); признание догматов о непорочном зачатии Богоматери и ее телесном вознесении; добавление к Символу веры филиокве (утверждения о том, что Святой Дух исходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына); догмат о непогрешимости папы; резкое разграничение между клиром и мирянами.

⁴⁰ Введение христианства на Руси начато принявшим православие киевским князем Владимиром I Святославичем в 988—989 гг.

⁴¹ *Софья Палеолог* (?—1503) — великая княжна московская, вторая жена Ивана (Иоанна) III, мать Василия III и племянница последнего императора Византии Константина XI. Став в 1472 г. супругой правителя России, Софья начала продвигать идею России как Третьего Рима; тогда при дворе возникли строгий этикет и небывалая пышность; был введен новый герб страны, соединявший герб Московского княжества, изображавшего Георгия Победоносца, с двуглавым орлом Византийской империи.

⁴² Рязань — один из древнейших русских городов на р. Оке при впадении в нее р. Трубеж — упоминается в летописи 1095 г. под именем Переяславля Рязанского, со второй половины XIV в. стал столицей Великого княжества Рязанского. С 1521 г. — в Московском государстве.

Тверь — город на Волге при впадении в нее р. Тверцы. Основан новгородцами (впервые упоминается в 1164). В XIII в. — центр Великого княжества Тверского, которое в 1485 г. вошло в состав Московского государства.

Вятка — Вятская земля (Хлыновская), в XII—XVIII вв. историческое название территории в бассейне верхнего и части среднего течения р. Вятки. С VI в. населена коми и удмуртами, с X в. — также марийцами. Осваивалась новгородцами, основавшими в конце XII — начале XIII в. города Хлынов, Никульчин и Котельнич, составившие «Хлыновскую землю» — самостоятельное образование наподобие Новгородской республики. В 1489 г. присоединена к Русскому государству.

Страны Северские — страна Северская или Северная — территории на севере от Киева, от запада к востоку (в Российской империи — Черниговская [Новгород-Северский], Орловская, Курская, Воронежская губернии и за нею степи по Дону).

Пермь — древнерусское название в XIII—XVII вв. исторической области от Уральских гор до рек Печора, Кама и Волга, населенной народом коми. Присоединена к Русскому государству в 1478 г.

Малороссия — в официальных документах Российской империи с середины XVII в. название левобережной Украины — территории, лежащих на левом берегу р. Днепр, часто в обиходе так называют и всю Украину.

⁴³ Речь идет о военных действиях в 1480 г. между *Ахматом* (?—1481), ханом Большой Орды (с 1465), и Иваном III Васильевичем (1440—1505), великим князем московским (с 1462), вызванных отказом Москвы (1476) платить Орде ежегодную дань. 3 октября Иван прибыл со своим отрядом войск на левый берег р. Угры при впадении ее в р. Оку (недалеко от Калуги). В октябре 1480 г. хан Ахмет тоже подошел к Угре, пытаясь перейти на левый берег, но был отбит русскими. Началось противостояние русских и татар («Стояние на Угре»), которое продолжалось до конца года. Татары не решились на главное сражение. Начавшиеся морозы и голод, отсутствие продовольствия заставили Ахмета уйти. Стояние на Угре фактически положило конец ордынскому игу, которое продолжалось более 240 лет.

⁴⁴ Речь идет о Золотой Орде — Улусе Джучи, государстве, созданном в начале 1240-х гг. ханом Батыем (Бату, Саин-хан) (ок. 1207—1256). В состав Золотой Орды входили степи Восточной Европы, Казахстана и Западной Сибири, земли в Крыму, на Северном Кавказе, а также Волжско-Камская Булгария, Северный Хорезм. В вассальной зависимости от Золотой Орды находился «Русский улус» (Северо-Восточная Русь). В XV в. Золотая Орда распалась на Большую Орду, Сибирское, Казанское, Крымское и другие ханства.

⁴⁵ После Казанских походов 1545—1552 гг. и взятия Казани (1552) войсками великого князя московского (1533) и первого русского царя (с 1547) Ивана IV Васильевича прекратило свое существование Казанское ханство и все Среднее Поволжье было присоединено к России, затем в 1556 г. было покорено Астраханское ханство; в зависимость от русского царя попали сибирский хан Едигер (1555) и Большая Ногайская орда (1557).

⁴⁶ Речь идет о Смутном времени, наступившем в России после смерти Ивана Грозного и смерти в Угличе в 1591 г. царевича Дмитрия, последнего представителя династии Рюриковичей, и продолжавшемся до избрания в 1613 г. на российский престол представителя новой династии Романовых — Михаила Федоровича (1596—1645). До этого одна часть московского боярства (Семибоярщина) пыта-

лась утвердить на российском престоле польского королевича, старшего сына Сигизмунда III — Владислава (1595—1648) из династии Ваза, который в 1610 г. был даже избран на Московское царство с именем Владислава Жигимонтовича (т.е. Сигизмундовича), но так царем и не стал; новгородские же бояре в 1611 г., а затем 2-е русское ополчение К.М. Минина и князя Д.М. Пожарского в противовес польским претендентам выдвигали кандидатуру сына шведского короля Карла IX — Густава Адольфа (1594—1632) из династии Ваза, ставшего в 1611 г. королем Швеции.

⁴⁷ Сын и преемник царя Михаила Федоровича Романова — Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь (с 1645), второй представитель династии Романовых на российском престоле, его сыновья: Федор Алексеевич (1661—1682), царь с 1676 г.; Петр Алексеевич (1672—1725), царь (с 1682; с 1689 правил самостоятельно), император (с 22 октября 1721).

⁴⁸ *Елизавета Петровна* (1709—1761) — российская императрица (с 25 ноября 1741), дочь Петра I и Екатерины I Алексеевны. По ее указу (12/25 января 1755) был учрежден в Москве первый российский университет.

⁴⁹ *Дмитрий Иванович* (1582—1591) — сын царя Ивана IV Грозного и Марии Нагой, последний Юрькович. Получил в удел Углич, куда был отправлен вместе с матерью после смерти отца (1584) Борисом Годуновым, опасавшимся соперничества Нагих в борьбе за власть. Погиб в Угличе. Существуют две версии причин его смерти: первая — что он убит по приказу Бориса Годунова, желавшего устранить претендента на престол; вторая — что закололся ножом в припадке падучей болезнью, — эта версия была признана официальной, так как специальная комиссия (боярин князь В.И. Шуйский, окольничий А.П. Кleshнин, думный дьяк Е. Вылузгин, а также митрополит Геласий) во 2-й половине мая 1591 г. провела расследование, допросив около 150 человек, и пришла к мнению, что смерть царевича случилась во время припадка эпилепсии, когда он упал и закололся ножом.

⁵⁰ Имеются в виду реформы российского императора Петра I.

⁵¹ *Петр I* (сын Алексея Михайловича от второй жены — Н.К. Нарышкиной) был возведен на престол после смерти бездетного царя Федора Алексеевича в обход своего старшего брата Ивана (сына Алексея Михайловича от первого брака с М.И. Милославской). Однако в результате Московского восстания 1682 г. (по имени князя И.А. Хованского, руководителя стрелецкого движения, начальника Стрелецкого приказа, восстание получило название «Хованщина», в нем участвовали стрельцы и старообрядцы — сторонники Милославских, которые расправились со сторонниками Нарышкиных) «старшим» царем был объявлен Иван V Алексеевич, а Петр — «младшим» при правительнице царевне Софье. В 1682—1689 гг., т.е. до своего совершеннолетия, Петр вместе с матерью жил в подмосковном селе Преображенском, выезжая в Москву лишь для приема иностранных послов и других дворцовых церемоний.

⁵² *Софья Алексеевна* (1657—1704) — правительница России в 1682—1689 гг., одна из 13 детей царя Алексея Михайловича от брака с Марией Милославской. После смерти своего брата, царя Федора Алексеевича (27 апреля 1682), активно участвовала в борьбе придворных партий, так как была недовольна избранием на царский престол десятилетнего Петра I. Воспользовавшись Московским восстанием 1682 г., партия Милославских захватила власть, а Софья фактически возглавила правительство, опираясь на В.В. Голицына, Ф.Л. Шакловитого и др. В 1689 г. группировка, поддерживавшая Петра I, одержала победу, Софья была заточена в Новодевичий монастырь, а после подавления Стрелецкого восстания 1698 г., во время которого сторонники Софьи намеревались «выкликнуть» ее на царство, пострижена под именем Сусанны в монахини.

⁵³ *Лефорт* (Lefort) Франц Яковлевич (1656—1699) — сподвижник Петра I, родился в Женеве, с 1676 г. в России, участвовал в различных военных кампаниях. С осени 1690 г. Петр I часто бывал в Немецкой слободе в доме Лефорта, который стал одним из главных организаторов и участников военных «потех» Петра; в 1691 г. Лефорт произведен в генерал-лейтенанты, в 1693 г. — в полные генералы. В 1692 г. на деньги Петра I к дому Лефорта была пристроена большая зала для приемов (на 1500 человек), в которой проходили деловые встречи и увеселения Петра I. С 1691 г. Лефорт командовал полком, для учения и маневров которого получил от Петра I плац на левом берегу р. Яузы, напротив своего дома, и выстроил слободу для его размещения, получившую название Лефортовской. В 1693 и 1694 гг. Лефорт сопровождал Петра I в его поездках в Архангельск. В 1694 г. участвовал в «потешном» Кожуховском походе (в деревне Кожухово, между Москвой и Коломенском). Во время Азовских походов 1695—1696 гг. Лефорт командовал русским флотом. Возвращение из Азовского похода было отмечено шествием через всю Москву до Немецкой слободы и празднеством. За этот поход Лефорт получил титул новгородского наместника и вотчины в Епифанском и Рязанском уездах. Не без его влияния задумана была поездка Петра за границу в составе Великого посольства — русской дипломатической миссии в 1697—1698 гг. в Западную Европу, которую он сам официально и возглавил (фактический руководитель Петр I находился в составе посольства под именем Петра Михайлова). По возвращении в Москву в 1698 г. участвовал в суде над участниками Стрелецкого восстания 1698 г. С 1698 г. отстроенный специально для него дворец на Яузе стал своеобразным центром русской политической и придворной жизни 1698—1699 гг.; здесь проходили все важные встречи Петра I и многочисленные придворные праздники.

⁵⁴ *Екатерина II Алексеевна* (урожд. Софья Фредерика Августа, принцесса крошечного княжества Анхальт-Цербст на севере Германии) (1729—1796) — российская императрица (с 28 июня 1762), прозванная Великой.

⁵⁵ При императрице Екатерине II в результате русско-турецких войн 1768—1874, 1787—1891 гг. Россия закрепила на Черном море, были присоединены Северное Причерноморье, Крым, Прикубанье, Северный Кавказ; она участвовала в разделах Речи Посполитой (1772, 1793, 1795).

Александр I Павлович (1777—1825) — император с 1801 г., вел успешные войны с Персией (1804—1813), Турцией (1806—1812), Швецией (1808—1809), Францией (Отечественная война 1812), возглавил в 1813—1814 гг. антифранцузскую коалицию европейских держав, стал одним из руководителей Венского конгресса 1814—1815 гг. и организатором Священного союза. При нем к России присоединены Грузия (1801), Финляндия (1809), Бессарабия (1812), Азербайджан (1813), бывшее герцогство Варшавское (1815).

⁵⁶ *Бернадот* (Bernadotte) Жан Батист (1763—1844) — маршал Франции (1804), в 1810 г. был избран наследником престола и фактически правил Швецией, в 1818—1844 гг. занимал престол под именем короля Карла XIV Юхана.

Махмуд II (1785—1839) — султан Османской империи в 1808—1839 гг.

⁵⁷ *Ломоносов* Михаил Васильевич (1711—1765) — первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, человек энциклопедических знаний, разносторонних интересов и способностей, один из основоположников физической химии, поэт, заложивший основы современного русского литературного языка, художник, историк, поборник отечественного просвещения и развития самостоятельной русской науки, основатель Московского университета и первый русский академик Петербургской Академии наук (1745), член Академии художеств (1763). Родился в деревне Денисовка Куростровской волости около села Холмогоры (Архангельской губ.) в семье крестьянина-помора, занимавшегося

морским промыслом на собственных судах. Стремясь получить образование, Ломоносов в декабре 1730 г. покинул дом отца и с обозом мороженой рыбы отправился в Москву.

⁵⁸ *Иоанн III* (1440—1505) — великий князь всея Руси (с 1462), сын великого князя Василия II. Женат первым браком (1452) на княжне тверской Марии Борисовне, вторым — на Софье Палеолог. В правление Иоанна III началось складывание центрального государственного аппарата. Присоединил Ярославль (1463), Новгород (1477), Пермь (1478), Тверь (1485), Вятку (1489) и др. При нем было свергнуто монголо-татарское иго (Стояние на Угре 1480). В результате русско-литовских войн (1487—1494, 1500—1503) включил в состав государства Верховские княжества (в верховьях р. Оки) и земли с городами Чернигов, Новгород-Северский и др. В 1483 и 1499 гг. направлял военные отряды в Западную Сибирь. Участвовал в составлении Судебника 1497 г., руководил каменным строительством в Москве. Укрепил международный авторитет Русского государства.

Палеолог Софья Фоминична (урожд. Зоя) (1443/1449—1503) — вторая жена великого князя московского Иоанна III Васильевича, дочь правителя (деспота) Мореи (Пелопоннеса) Фомы Палеолога, племянница последнего византийского императора Константина XI, погибшего при взятии Константинополя турками в 1453 г.

Елена Иоанновна (1476—1513) — дочь великого князя Иоанна III Васильевича и Софьи Палеолог, великая княгиня литовская (с 1494), королева Польши (с 1501).

Василий III Иванович (1479—1533) — великий князь московский в 1505—1533 гг., сын Иоанна III Великого и Софьи Палеолог.

Дмитрий Иванович (1483—1509) — великий князь владимирский (1498—1502). Сын Ивана Молодого, внук Иоанна III.

⁵⁹ *Иван IV Грозный* (1530—1584) — великий князь всея Руси (с 1533), первый русский царь (с 1547), сын великого князя Василия III. В конце 40—50-х гг. XVI в. правил с участием Избранной рады — кругом приближенных. Отменил кормления, завершил губную, провел земскую и другие реформы; положил начало созыву Земских соборов, руководил составлением Судебника 1550 г. Был автором публицистических «посланий» к князю А.М. Курбскому и др. При нем сложились указы. Учредив опричнину (1565—1572), путем жесточайшего террора боролся с явными и мнимыми противниками своей неограниченной власти; разорил Новгородскую и другие земли, присоединил Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства, начал (ок. 1581) завоевание Сибирского ханства. С переменным успехом боролся с вторжениями крымчаков, ногайцев, воевал с ливонцами, шведами, поляками и др. В результате затяжной Ливонской войны 1558—1583 гг. России не удалось утвердиться на Балтике; более того, она утратила Северное и Западное Приладожье, однако Ливонский орден был ликвидирован, а его владения разделены Речью Посполитой, Швецией и Данией.

Сильвестр (?—ок. 1566) — священник московского Благовещенского собора с конца 1540-х гг. С 1547 г. оказывал большое влияние на Иоанна IV. Член Избранной рады. С 1560 г. в опале, постригся в монахи. Автор особой редакции Домостроя, а также посланий, в которых трактовал вопросы прав и обязанностей государя, светских и церковных деятелей с позиций, близких к нестяжателям, проповедовавшим необходимость отказа церкви от «стяжания» (приобретения земельных и имущественных ценностей) как противоречащего евангельским принципам.

Адашев Алексей Федорович (?—1561) — окольничий (с 1553). Один из ближайших советников царя Иоанна IV. Возглавлял Избранную раду. С конца 1540-х гг. руководил дипломатическими отношениями с восточными государствами, с середины 1550-х гг. — всей внешней политикой. Инициатор реформ, укрепивших центральную власть.

Курбский Андрей Михайлович (1528—1583) — князь, боярин (1556), политический деятель, писатель, переводчик. Участник Казанских походов, член Избранной рады, воевода в Ливонской войне. Опасаясь «неправедной» опалы Иоанна IV, бежал в Литву (1564). Участвовал в войне с Россией. Написал мемуарный памфлет «История о великом князе Московском» (1573) и 3 обличительных послания «лютому самодержцу».

Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (Малюта) (?—1573) — думный дворянин, приближенный Иоанна IV Грозного, глава опричного террора (1565—1572). В 1570 г. руководил казнями в новгородском походе. Погиб в сражении в Ливонии.

⁶⁰ *Годунов Борис* (ок. 1552—1605) — царь (избран Земским собором 17 февраля 1598). Сын боярина Федора Годунова. С 1577 г. — кравчий, с осени 1580 г. — боярин. В 1587—1598 гг. при царе Федоре Иоанновиче фактический правитель государства. Его дети — Федор Борисович (1589—1605), русский царь с 13 апреля по 1 июня 1605 г., провозглашенный царем после смерти отца, но вскоре свергнут в результате восстания 1 июня 1605 г. Убит 10 июня вместе с матерью по приказу Лжедмитрия I — самозванца, выдававшего себя за чудесно спасшегося сына Иоанна IV Грозного царевича Дмитрия; Ксения Борисовна (1582—1622), после смерти Бориса, убийства матери и брата, обещанная Самозванцем, в 1606 г. постриглась в монахини.

Лжедмитрий I (?—1606) — самозванец, выдававший себя за сына царя Иоанна IV царевича Дмитрия, царь с 1605 г. Настоящее имя предположительно Юрий Богданович Отрепьев (в монашестве Григорий). Из мелкопоместных галицких дворян. Около 1600—1601 гг. бежал в Польшу, где объявил себя наследником российского престола, тайно принял католичество. В 1604 г. с польско-литовскими отрядами перешел русскую границу, был поддержан частью горожан, казаков и крестьян. В июле 1605 г., после смерти царя Бориса Годунова и убийства его сына Федора, вступил во главе войска в Москву и венчался на царство. Убит боярами-заговорщиками во главе с князем В.И. Шуйским, которые сожгли его труп, пеплом зарядили пушку и выстрелили на запад — туда, откуда пришел.

Василий IV Шуйский (1552—1612) — царь в 1606—1610 гг. Сын князя Ивана Шуйского. Возглавлял тайную оппозицию царю Борису Годунову, поддержал Лжедмитрия I, затем организовал заговор против него. Став царем, подавил восстание И.И. Болотникова. В целях организации обороны против войск Речи Посполитой и Лжедмитрия II заключил союз со Швецией, который привел к захвату шведами Пскова и Новгорода. Низложен во время восстания в Москве, умер в польском плену.

Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1586—1610) — князь, полководец. Племянник царя Василия IV Шуйского, с воцарением которого в 1606 г. назначен воеводой. Участвовал в подавлении восстания И.И. Болотникова. В мае 1609 г., собрав русский отряд и получив помощь от шведов, выступил к Москве, разбив под Торжком, Тверью и Дмитровом войска сторонников Лжедмитрия II. Освободив поволжские города, снял блокаду с Москвы и в марте 1610 г. торжественно вступил в столицу. Рост популярности Скопина-Шуйского вызвал у царя опасения за судьбу трона. По слухам, отравлен женой брата царя Д.И. Шуйского и дочерью Малюты Скуратова Екатериной.

Болотников Иван Исаевич (?—1608) — предводитель восстания 1606—1607 гг., беглый холоп, был в турецком рабстве. Организатор повстанческой армии в южных районах России, под Москвой, Калугой, Тулой. В октябре 1607 г. сослан в Каргополь, ослеплен и утоплен.

⁶¹ *Гермоген* (ок. 1530—1612), в 1587 г. постригся в монахи и стал архимандритом Спасо-Преображенского монастыря в Казани; с 1589 г. митрополит Казанский. При Лжедмитрии вызван в Москву, но скоро был удален, потому что требовал

крещения Марины Мнишек в православие. Патриарх Московский и всея Руси в 1606—1612 гг. Объявил еретиками и отлучил от церкви участников восстания под руководством Болотникова. После низложения Шуйского в 1610 г. выдвигал в противовес польскому королевичу Владиславу кандидатуру Михаила Романова; позже требовал, чтобы назначенный царем Владислав принял православие. После захвата Москвы польскими войсками созвал москвичей в Успенский собор и запретил присягать королю Сигизмунду III. Рассылал по городам грамоты с призывами «стоять крепко за веру», «сохранять братство» и сражаться за «дом Пречистой», т.е. Русскую землю, к изгнанию из Москвы войск Речи Посполитой, в феврале 1611 г. отказался остановить продвижение к Москве отрядов народного ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Во время Московского восстания 19 марта 1611 г. был заключен в темницу Чудова монастыря в Кремле и уморен голодом. Канонизирован Русской православной церковью.

Ляпунов Прокопий Петрович (?—1611) — военный и политический деятель, думный дворянин (1607). Из рязанских дворян. После смерти Бориса Годунова в 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия I. В начале 1606 г. во главе рати рязанских дворян принял участие в восстании Болотникова, затем перешел на сторону царя Василия Шуйского (ноябрь 1606), стал думным дворянином (1607). В июле 1610 г. был одним из организаторов свержения Шуйского, после чего поддерживал кандидатуру претендента на русский престол польского королевича Владислава. После занятия Москвы польскими войсками возглавил организацию Первого ополчения, которое в марте 1611 г. подошло к Москве и блокировало интервентов. Летом 1611 г. стал фактическим главой «Совета всей земли» — исполнительного органа земского ополчения, в который вместе с ним входили князь Д.Т. Трубецкой и казачий атаман И.М. Заруцкий. Казаки последнего обвинили Ляпунова в организации расправ и зарубили на казачьем круге.

Шеин Михаил Борисович (?—1634) — боярин (1606 или 1607), воевода. В период Смутного времени возглавлял героическую защиту Смоленска пятитысячным русским гарнизоном и жителями города от войска Речи Посполитой (свыше 22 тыс. человек во главе с королем Сигизмундом III) в сентябре 1609 — июне 1611 г., раненый попал в плен и 9 лет содержался в Варшаве вместе с Филаретом, Голицыным и др. После возвращения — доверенное лицо патриарха Филарета и глава ряда приказов. С апреля 1632 г. — командующий войском в русско-польской войне 1632—1634 гг., неудачно осаждал Смоленск и, окруженный армией короля Польши Владислава IV, капитулировал, за что по возвращении в Москву обвинен в измене и по приговору Боярской думы казнен.

Дионисий (в миру Давид Федорович Зобнинский, Зобниковский) (ок. 1570—1633) — архимандрит Троице-Сергиева монастыря с 1610 г. Автор патриотических посланий, сыгравших важную роль в организации Нижегородского ополчения 1611—1612 гг. В 1618 г. обвинен в ереси, отлучен от церкви. В 1619 г. благодаря вмешательству патриарха Филарета оправдан. Канонизирован Русской православной церковью.

Авраамий Палицын (в миру Аверкий Иванович Палицын) (?—1626), в 1588 г. при царе Федоре Иоанновиче подвергся опале и постригся в монахи Соловецкого монастыря, в 1600 г. возвращен Борисом Годуновым из ссылки, с 1608 г. — келарь Троице-Сергиева монастыря. Во время осады монастыря — «Троицкого сидения» 1608—610 гг. находился в Москве. В 1610 г. — член посольства к польскому королю Сигизмунду III, от которого с помощью богатых даров получил подтверждение прав монастыря. Составитель патриотических посланий в поддержку 1-го ополчения 1611 г. С апреля 1612 г. — в земском правительстве 2-го ополчения 1611—612 гг. Участник выборного Земского собора 1613 г., руководил в 1618 г. обороной монастыря от польских войск. Ввиду неприязни патриарха Филарета, возвратившегося

в Россию из Польши, в 1619 г. был вынужден уехать в Соловецкий монастырь, где создал труд, описывавший события Смутного времени с 1584 по 1618 г. «История в память предыдущим родом» (известен под названием «Сказание Авраама Палицына»).

Минин Кузьма Минич (?—1616) — нижегородский посадский человек, с сентября 1611 г. — земский староста. Инициатор и один из руководителей 2-го ополчения 1611—1612 гг., соратник князя Д.М. Пожарского. В сражениях за Москву против польского гарнизона проявил храбрость и мужество. В 1612—1613 гг. вместе с князем Д.Т. Трубецким и Д.М. Пожарским — член земского правительства («Совета всей земли»), где занимался финансово-хозяйственными вопросами. После избрания в 1613 г. царем Михаила Романова получил чин думного дворянина и вотчину в селе Богородском под Нижним Новгородом с 9 деревнями «в род неподвижно», вошел в состав Боярской думы.

Трубецкой Дмитрий Тимофеевич (?—1625) — князь, воевода. Из «тушинских переметов» Лжедмитрия II, в лагере которого стал боярином и вошел в правительство. Один из организаторов и руководителей 1-го ополчения 1611 г., после распада которого остался вместе с И.М. Заруцким во главе «подмосковных таборов», которые блокировали польский гарнизон. После соединения с отрядами 2-го ополчения 1611—1612 гг. вместе с князем Д.М. Пожарским и К.М. Мининым возглавил земское правительство («Совет всей земли»). Один из претендентов на трон на Земском соборе 1613 г. После 1613 г. активной политической роли не играл.

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642) — князь. В 1598 г. — стряпчий и член Земского собора, с 1602 г. — стольник, с 1613 г. — боярин. В 1608—1610 гг. — сторонник Василия Шуйского в его борьбе с Лжедмитрием II. С 1610 г. — воевода в Зарайске. Участник 1-го ополчения 1611 г. С октября — один из руководителей 2-го ополчения 1611—1612 гг. и Земского правительства. В 1615 г. руководил боевыми действиями против польских интервентов, в 1618 г. участвовал в отражении похода войска польского королевича Владислава к Москве. В 1617—1640 гг. возглавлял ряд приказов, участвовал в переговорах с английскими, польскими и крымскими послами, был воеводой в Новгороде (1628—1630).

⁶² *Филарет* (в миру Федор Никитич Романов) (ок. 1554/55—1633) — Патриарх Московский и всея Руси в 1608—1610 гг. и с 1619 г. Отец царя Михаила Федоровича. Боярин (1587), приближенный царя Федора Иоанновича, при Борисе Годунове с 1600 г. — в опале, пострижен в монахи. Возвращен в Москву Лжедмитрием I, митрополит Ростовский (1605). В 1608—1610 гг. в Тушинском лагере Лжедмитрием II возведен в патриархи. В 1610 г. возглавлял «великое посольство» к Сигизмунду III под Смоленск, до 1619 г. — в польском плену. По возвращении в Москву — фактический соправитель страны.

⁶³ Возвышению Бориса Годунова способствовали женитьба на дочери Малюты Скуратова Марии (около 1570) и брак царевича Федора Иоанновича с сестрой Бориса Годунова Ириной (около 1574).

⁶⁴ Сын галичского дворянина Отрепьева под видом чудом спасшегося в Угличе сына Ивана Грозного Дмитрия появился в Польше в 1601 г. и был поддержан польскими магнатами и католическим духовенством, которые в 1603—1604 гг. развернули подготовку возведения его на русский трон. Лжедмитрий тайно принял католичество и обещал после воцарения отдать Польше Северскую и Смоленскую земли, участвовать в антитурецком союзе, оказать помощь польскому королю Сигизмунду III в его борьбе со Швецией, ввести в России католичество, жениться на дочери сandomирского воеводы Е. Мнишека, передать ей в качестве «вена» Новгород и Псков и уплатить Мнишке 1 млн злотых. В мае 1606 г. в Москве состоялась организованная по католическому обряду свадьба Лжедмитрия

с Мариной Мнишек (ок. 1588 — ок. 1614), ставшей ненадолго русской царицей. После того как прахом Лжедмитрия выстрелили из пушки, она была выслана на родину, однако присоединилась к Тушинскому лагерю, признав Тушинского вора Лжедмитрия II спасшимся «мужем». После его смерти (декабрь 1610) Мнишек нашла покровителя в лице атамана И.М. Заруцкого, который пытался поддержать кандидатуру ее сына Ивана (родившегося в январе 1611) на русский престол. Вместе с Заруцким и сыном бежала в Астрахань, а затем (в мае 1614) на р. Яик (Урал), где они были выданы казаками русскому правительству. Заруцкий и ее сын были казнены в Москве, а сама Мнишек умерла в заточении.

⁶⁵ *Скотт* (Scott) Вальтер (1771—1832) — знаменитый английский писатель, создатель жанра исторического романа.

⁶⁶ Во время правления Ивана III были установлены дипломатические связи с Германской империей, Римом, Венгрией, Молдавией, Крымом, Турцией и Ираном. Так, например, в 1474 г. Москва заключила дружественный союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, а в 1487 г. русскими войсками была завоевана Казань, где на место взятого в плен хана Али Иван III посадил его брата Мухаммед-Эмина, связанного родственными узами с крымским ханом, что укрепило отношения Иоанна III с Крымом. В 1489 г. Иван III получил первую дружественную грамоту от немецкого императора Фредерика III; в 1492 г. ему удалось установить дружеские отношения с турецким султаном. В 1494 г. первый этап войны с Литвой закончился миром и родственным союзом, а 25 марта 1503 г. по мирному договору с Литвой Москве отошло 19 городов (Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и др.), а также 70 волостей, 22 городища, 13 сел. Годунов же способствовал сближению России с Западом, проявил себя как талантливый дипломат, заключив 18 мая 1595 г. в Тявзине мирный договор между Россией и Швецией, по которому России были возвращены Ивангород, Ям, Копорье и волость Корела; а в 1601 г. продлил на 20 лет перемирие с Речью Посполитой.

⁶⁷ Негоциант (*франц.* négociant от лат. negotium) — оптовый купец, оптовый посредник, коммерсант, ведущий крупные международные торговые операции. В широком смысле «негоциант» — синоним «торговца» вообще. В данном случае Погодин имеет в виду людей, занимающихся негосударственной — дипломатическими переговорами для заключения условий, договоров.

⁶⁸ *Людовик XI* (Louis XI) Валуа (1423—1483) — король Франции (1461—1483), проводил политику централизации и территориального объединения страны.

Фердинанд II Арагонский, Фердинанд V Католик (1452—1516) — король Арагона с 1479 г., Сицилии (Фердинанд II) с 1468 г., Кастилии (Фердинанд V) в 1479—1504 гг. (как муж королевы Кастилии Изабеллы). Объединил на основе династической унии Арагон и Кастилию, что фактически явилось началом единого государства Испании.

Карл V Габсбург (1500—1558) — король Испании в 1516—1556 гг., немецкий король в 1519—1531 гг., император Священной Римской империи в 1519—1556 гг.

⁶⁹ *Щелкалов* Василий Яковлевич (? — кон. 1610/нач. 1611), в 1560-е гг. — дьяк Разбойного приказа, участник Земского собора 1566 г. Руководил Разрядным приказом (1576 / 1577—1594), в 1570—1601 гг. одной из четей (четвертей) — учреждений для взимания с податного населения определенных территорий государства «четвертных доходов», за счет которых выплачивали высшим разрядам служилых людей годовое жалованье). С середины 1594 г. — во главе Посольского приказа, с 1595 г. — печатник — хранитель государственной печати. С 1601 г. в опале. От Лжедмитрия I получил чин окольничего.

Власьев Афанасий Иванович (?—после 1611) — думный дьяк (1598), окольничий (1605). Преемник Щелкалова на дипломатическом поприще — глава Посольского приказа (1601—1605), доверенное лицо царя Бориса Годунова. В 1601 г. про-

вел успешные переговоры с польским королем Сигизмундом III о ратификации договора о перемирии. В 1605 г. поддержал Лжедмитрия I, получил чин «великого секретаря и надворного казначея», ездил в Польшу послом сватать Марину Мнишек и замещал Лжедмитрия I во время обручения. После воцарения Василия Шуйского подвергся опале и удален воеводой в Уфу, в 1610 г. вернулся в Москву.

⁷⁰ Археографическая экспедиция была снаряжена Академией наук в 1829 г. по инициативе Павла Михайловича Строева (1796—1876) для «обозрения и описания монастырей, соборных и духовно-училищных собраний рукописей северной и средней России». В течение пяти лет в 14 губерниях было собрано около 3000 актов XIV—XVIII вв. и множество других источников, для издания которых была открыта Археографическая комиссия.

⁷¹ ПАРАЛЛЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ С ИСТОРИЕЙ ЗАПАДНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛА

Впервые статья вышла в первом номере журнала «Москвитянин» в 1845 г. По поводу этой статьи М.П. Погодин писал С.П. Шевыреву: «Спешу поделиться с тобой удовольствием — столько нашел я в своей кладовой драгоценных замечаний о Русской Истории, что сердце не нарадуется. Я писал на лоскутках и складывал в одно место, и не замечал, как они копились, а теперь как стал их собирать и низать на нитки, так сам удивился. Глава о различии Русской Истории с Европой получает характер государственный, и я разошлю ее к членам Государственного Совета, умеющим грамоте» (*Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 т. Т. 8. СПб., 1894. С. 113—116).

Печатается по: *Погодин М.П.* Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала // Историко-критические отрывки, М. Погодина. М., 1846. С. 57—82.

⁷² В основе исторической концепции Тьерри лежала идея о борьбе между двумя классами: классом привилегированных, включавшим дворянство и духовенство, и третьим сословием, в состав которого Тьерри включал буржуазию, крестьянство и рабочий класс. Эта классовая борьба выросла из борьбы двух «рас»: «расы» побежденных против «расы» завоевателей, например во Франции галло-римлян против франков («Письма об истории Франции»), в Англии англосаксов против норманнов («История завоевания Англии норманнами»); «раса» завоевателей в дальнейшем и становится привилегированным классом. Эта концепция Тьерри оказала сильное влияние на Погодина, который в своей статье цитирует «Историю завоевания Англии норманнами» французского историка.

⁷³ Галлы — римское название кельтов вообще и в частности тех, кто жил в Галлии (*лат.* Gallia), которая в древности занимала территорию между р. По и Альпами (Цизальпийская Галлия) и между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями, Атлантическим океаном (Трансальпийская Галлия). Были покорены сначала римлянами, а потом, спустя пять веков, романизованных галлов завоевали германские племена, которые в 486 г. победой франкского короля Хлодвига уничтожили остатки римского владычества и сделали Галлию центром франкской монархии, просуществовавшей до IX в.

Франки (*лат.* Franci, нем. Franken) — союз нескольких германских племен (III в.), разделившийся на две части: рипуарских (береговых, от *лат.* ripa — берег) франков (по среднему Рейну) и салических (приморских, от *кельтск.* sal — море) франков (по нижнему Рейну). Именно салические франки овладели Галлией и образовали Франкское государство. Представляя господствующую этническую группу, франки в нем составляли незначительное меньшинство населения (осо-

бенно к югу от Сены; к югу же от Луары поселений франков вообще были единицы). Местное галло-римское население ассимилировало завоевателей-франков, которые вошли в дальнейшем в состав северофранцузской и валлонской (междуречье Мааса и Луары), а также южнофранцузской (провансальской) народностей (южнее Луары).

⁷⁴ Бритты (*лат.*, единственное число Britto, род. п. Brittonis; возможно, от др.-кельт. brith — пестрый, разный, *индоевроп.* brit — болотистое место) — кельтские племена (сходные в языке и духовной культуре с кельтами Галлии), составлявшие основное население Британии с VIII в. до н.э. по V в. н.э. Завоеваны римлянами (сер. I — нач. V в.), но, в отличие от галлов, не поддались романизации. Затем, в ходе завоевания Британии (V—VI вв.) северогерманскими племенами англов, саксов, ютов и фризов, часть бриттов была истреблена, часть вытеснена в Уэльс, Шотландию и на полуостров Арморика (современная Бретань), а остатки, превращенные в рабов и зависимых людей, смешались с завоевателями, составив наряду с ними один из элементов будущей английской народности. Таким образом, кельтский элемент вошел в этнический состав английского народа, основу которого составили завоеватели — германцы (позднее в английскую народность волились выходцы из Скандинавии и Франции).

Норманны (от *сканд.* northman — «северный человек»; варяги от *vaeringjar* — «норманские воины», викинги от *vikings* — «люди фиордов») — одно из названий, под которым были известны народы Скандинавии в VIII — середине XI в. Прекрасные мореходы и воины, норманны плавали не только по Балтийскому морю, но и в водах Северной Атлантики, и в Средиземном море. Сначала они снаряжали разрозненные экспедиции против Франкского государства, напали на берега Англии, Шотландии и Ирландии, позднее — на Исландию. Население стран, ставших объектами их нападений, откупалось денежными контрибуциями («датские деньги»). Набеги норманнов, известных в английской истории под именем датчан, оказали большое влияние на социально-политический строй Англии. Они захватили северную и северо-восточную части острова и ввели там свои обычаи и порядки («Данелаг», «Денло» — «область датского права»). Потребности обороны в борьбе с датчанами создали серьезные предпосылки для политического объединения страны: в IX в. при короле Уэссекса Эгберте большая часть страны объединилась в одно государство, которое стало называться «Англия», при короле Альфреде Великом (правил в 871 — ок. 900) был составлен первый общеанглийский сборник законов, включивший многие положения более ранних англосаксонских правд. После смерти Альфреда его приемники еще 100 лет сопротивлялись норманнам, пока в 1015 г. на остров не высадились войска датского короля Канута (Кнута), покорившие страну. В 1066 г. после битвы при Гастингсе (14 октября) Англия была завоевана нормандским герцогом Вильгельмом, который стал королем Англии, основателем новой, Нормандской династии (Вильгельм I Завоеватель, правил в 1066—1087).

⁷⁵ Испанцы — потомки кельтоиберийцев, вестготов, римлян и мавров, проживающие в основном на Пиренейском полуострове (*греч.* Iberia; *лат.* Hispania), который первоначально был населен племенами иберов и кельтов. Ок. XI в. до н.э. здесь появились финикийские колонии (Кадикс), позднее — греческие (Сагунт) и карфагенские (Картагена). В 237—218 гг. южную половину завоевали карфагеняне. Карфагеняне были вытеснены римлянами, которые (II в. до н.э. — V в. н.э.) оказали большое влияние на местные племена и, в частности, положили начало созданию местных романских языков на основе т.н. народной латыни. В конце V в. н.э. в Испанию проникли вандалы, свевы и аланы, потом вестготы, завоевавшие значительную часть страны. Они сыграли известную роль в формировании Испании, но сами растворились среди местного романизированного насе-

ления, восприняв его язык и культуру. Королевство вестготов было уничтожено в 711—718 гг. арабами и берберами, которых местное население называло маврами. Они создали самостоятельное мусульманское государство (с 923 г. халифат) со столицей в Кордове, позже (1031) распавшееся на несколько самостоятельных владений, последнее из которых — Гранада — было разрушено в 1492 г.

Вестготы (визиготы, тервинги) — германское племя, западная ветвь готов. Во 2-й половине V в. завоевали большую часть Испании, которая стала (после утраты ими в 507 г. Южной Галлии, захваченной франками) основной территорией королевства вестготов; его столицей с середины VI в. был г. Толедо. Вестготы — завоеватели, представлявшие в Вестготском королевстве господствующую этническую группу, приняла католичество, постепенно смешались с местным испано-римским населением и были ассимилированы им. В 711 г. погиб последний король вестготов Родерих (710—711), и Испания была завоевана арабами.

⁷⁶ Итальянцы, итальянцы — в I тыс. до н.э. значительную часть населения Апеннинского полуострова составляли италийские племена — «италики», одно из них — латины, жившие в области Лаций и основавшие Рим, в VI—II вв. до н.э. покорили остальные италийские племена и населявших север полуострова этрусков, лигуров, венетов, кельтов, а на юге полуострова и островах Сардиния, Сицилия и Корсика — греков, карфагенян и сикулов. В первых веках н.э. началось интенсивное смешение романизированного населения Апеннинского полуострова с рабами различного происхождения, а с V в. — с германскими племенами (вестготами, вандалами, остготами, лангобардами). В 476—774, 476 г. в Италию вторгся Одоакр (около 431—493) во главе герулов, ругиев и других германских племен, провозгласил себя королем и низверг последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула. В 493 г. он был свергнут королем остготов Теодорихом (ок. 454—526), который основал в Италии Остготское королевство. В 553 г. оно было разрушено Нарзесом, полководцем Восточной Римской империи. Подпавшая под власть последней Италия управлялась экзархом из Равенны. Именно Нарзес, когда его в 567 г. уволили от должности экзарха, призвал, по преданию, из мести лангобардов в Италию.

Лангобарды, лангобарды (*нем.* Langobarden, буквально — длиннобородые) — германское племя. В I в. н.э. обитали по левому берегу нижнего течения Эльбы. В IV—V вв. продвинулись к бассейну среднего Дуная. В 568 г. во главе большого союза племен (саксы, сарматы и др.) вторглись под предводительством короля Альбоина в Северную Италию. В борьбе с Византией они завоевали территорию Ломбардии (получила название от лангобардов) и Тусцию (Тоскану), образовав свое королевство. Позднее лангобарды заняли Сполето и Беневенто, которые стали самостоятельными герцогствами. Во время завоевания лангобарды разрушали города, истребляли и изгоняли многих римских землевладельцев, конфискуя их имущество. Римское население должно было вносить в пользу завоевателей 1/3 доходов. Они селились отдельно от римлян, кровнородственными группами под предводительством герцогов, сохранявших в королевстве лангобардов значительную самостоятельность. В 773—774 гг. при Дезидерии (король в 756—774) королевство лангобардов было завоевано Карлом Великим и присоединено к Франкскому королевству.

⁷⁷ Среднее сословие — здесь: городское сословие. В политическом смысле под не вполне определенным термином «среднее сословие» подразумевают обычно третье сословие, буржуазию (*франц.* bourgeoisie, от *позднелат.* burgus — укрепленный город) — первоначально городское сословие, в противоположность землевладельческому дворянству и духовенству; позднее класс капиталистов, хозяев промышленных и коммерческих предприятий, в противоположность классу наемных рабочих, пролетариату. К среднему сословию часто причисляют все непро-

летарские классы, в том числе лиц свободных профессий и чиновников. Так, например, К. Маркс причислял к нему мелких промышленников, торговцев и рантье, ремесленников и крестьян, находящихся между капиталистами и пролетариатом (Манифест Коммунистической партии).

⁷⁸ Аристократия (от *греч.* *aristos* — лучший и *kratos* — власть) — высшее сословие по праву рождения, родовая, наследственная знать, обладающая властью и привилегиями.

⁷⁹ Оправдывая претензии дворянства на политическую власть, его идеологи апеллировали к древней истории дворяне представлялись потомками франков, завоевавших страну и подчинивших себе ее коренных обитателей, а третье сословие — потомками галлов, данников франков, племенем рабов, отпущенных на свободу благородными дворянами. С этих позиций суть Великой французской революции 1789—1794 гг. может быть охарактеризована словами бывшего императора Франции Наполеона Бонапарта (1769—1821) о том, что «галлы свергли иго франков», сказанными им в бытность пленником острова Святой Елены.

⁸⁰ Сен-симонисты — последователи французского социалиста-утописта графа Сен-Симона.

Социалисты — сторонники социализма, учения, выдвигающего в качестве цели и идеала установление общества, в котором отсутствуют эксплуатация человека человеком и социальное угнетение, утверждаются социальное равенство и справедливость.

Коммунисты — сторонники коммунизма, одного из направлений социализма, целью и идеалом которого является общество, характеризующееся общественной собственностью на средства производства, соответствующей высоко-развитым производительным силам и обеспечивающей всестороннее развитие личности, ликвидацию классов, общественное самоуправление, реализацию принципа «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

Энциклопедисты — французские просветители, участвовавшие во главе с Д. Дидро в создании 35-томной «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751—1780).

⁸¹ Нотабли (*франц.* *notables*, от *лат.* *notabilis* — значительный, выдающийся) во Франции XIV—XVIII вв. — члены особого рода собрания (*assemblée des notables*), созывавшегося королем для обсуждения государственных, главным образом финансовых и административных, вопросов. В отличие от депутатов высшего органа сословного представительства (духовенства, дворянства, горожан) — Генеральных штатов (1302—1789) notable не избирались сословиями, а назначались королем из числа наиболее видных представителей дворянства, высшего духовенства, городских верхов. Накануне Великой французской революции собрание notable в 1787 г. отклонило правительственные проекты, нарушавшие налоговые привилегии дворянства и духовенства. В 1788 г. последнее собрание notable, созданное для обсуждения состава и порядка выборов депутатов в Генеральные штаты, заняло враждебную позицию по отношению к третьему сословию, высказавшись против удвоения числа депутатов этого сословия и требуя раздельного голосования по сословиям, что обеспечило бы дворянству и духовенству перевес в Генеральных штатах.

⁸² Грахам, Грагам (Graham) Джордж (1792—1861) — английский государственный деятель, член палаты общин (с 1818), морской министр (1830—1834), затем входил в состав кабинета Р. Пиля и правительства «всех талантов» Дж. Абердина.

Пиль (Peel) Роберт (1788—1850) — британский государственный деятель, член палаты общин (с 1807), основатель консервативной партии, премьер-министр (1834—1835 и 1841—1846).

⁸³ Гордий (*греч.* *Gordios*) — легендарный основатель Фригийского царства; согласно легенде, землелашец Гордий был избран царем по указанию оракула как первый встречный, которого фригийцы увидели ехавшим на телеге. Став царем, он принес в дар Зевсу свою телегу и установил ее в храме, привязав при этом ярмо к дышлу таким сложным узлом, что никто не мог его развязать. Предсказание оракула якобы гласило, что тот, кто развяжет этот «гордиев узел», получит господство над миром. Согласно преданию, Александр Македонский в 334 г. до н.э. в ответ на предложение распутать этот узел разрубил его мечом. Отсюда выражение «разрубить гордиев узел», т.е. принять быстрое и смелое решение запутанного и сложного вопроса.

⁸⁴ Генеалогически — здесь: по происхождению.

⁸⁵ Феодализм (*нем.* *Feudalismus*, *франц.* *féodalité*, от *позднелат.* *feodum*, *feudum* — феодал) — характерная для средневековой Европы и других стран специфическая система экономических, социальных и политико-правовых отношений, главными элементами которой были соединение в одном лице (сеньоре) землевладельца и носителя политической власти; закрепощение населения, живущего на территории землевладельца-сеньора; образование иерархии крупных и мелких феодальных владельцев, связанных особой системой ленных (вассальных) отношений друг к другу и объединяемых общими вассальными отношениями к главному сеньору (сюзерену) страны, королю или императору.

⁸⁶ Единодержавие — то же, что и монархия (*греч.* *monarchia* — единовластие), одновластие в управлении государством, однако в отличие от самодержавия — неограниченной власти одного лица — власть единодержавного монарха может быть ограничена.

⁸⁷ Здесь имеется в виду «Повесть временных лет» — общерусский летописный свод, составленный в Киеве во втором десятилетии XII в. и положенный в основу большинства дошедших до настоящего времени летописных сводов.

⁸⁸ Бояре (от *старославянск.* *оубои*, *бои* — убийство, сражение) — высшее сословие Древней и Московской Руси, в широком значении — родовая знать. Еще при первых князьях составилась круг их ближайших советников и начальников дружин; сперва их называли «огнищане», позже — «старшая дружина», «княжьи мужи» и просто «бояре». Все боярство было при дворе государей или на службе; местного значения оно не имело, и потому с усилением царской власти в XVI в. политическое значение боярства как необходимых советников стало падать, а при Петре I слилось с новым служилым дворянством, и звание «боярин» исчезло из политической жизни и лексики.

⁸⁹ Король (*древ.-нем.* *Karal* от имени Карла Великого (742—814)) — титул государя самостоятельного значительного государства (королевства), ниже императора, выше великого герцога.

⁹⁰ Герцог, дук (*нем.* *Herzog*, *франц.* *duc*, *англ.* *duke*, *итал.* *duca*) — у древних германцев — военный вождь племени; в Средние века в Западной Европе — крепостной феодальный владетель, с конца Средних веков — один из высших дворянских титулов.

⁹¹ Вассал (*лат.* *vassus* — слуга), иначе ленник (*нем.* *Lehn* — земельное владение (или иной источник дохода), пожалованное какому-либо лицу в личное или наследственное пользование на условии выполнения военной или административной службы) — землевладелец, подчиненный сеньору (*франц.* *seigneur*, от *лат.* *senior* — старший) и обязанный ему различными повинностями. Крупные феодалы, становясь вассалами верховного сеньора (сюзерена) — короля и получая от него земли, в свою очередь имели вассалов — более мелких феодалов — и жаловали им земельные владения. Главной обязанностью вассала было несение за свой счет военной службы в течение определенного срока. Вассал должен был

участвовать в суде и совете (курии) сеньора, содержать его со свитой (в известных случаях) и вносить некоторые платежи экстраординарного характера, прежде всего «помощь» (auxilium) для выкупа сеньора, попавшего в плен, и др., а также уплачивать рельеф (при смене владельца феода). Сеньор был обязан кроме передачи лена защищать вассала и его имущество.

⁹² Наместники — должностные лица в Древней Руси, возглавлявшие вместе с волостелями местное управление (в том числе ведавшее судом, сбором пошлин и т.д.). Наместники правили в городах, волостели правили волостью, судили податных сельских людей. И те и другие вознаграждались за службу путем кормлений — предоставления им права облагать в свою пользу население управляемой ими местности.

Прикашики — городовые приказчики, в Русском государстве XVI в. — выборные из среды уездных служилых людей правители городов и уездов, которые подчинялись наместникам. Ведали делами служилых дворян, строительством и ремонтом городских крепостных сооружений, боеприпасами, сбором податей, отбыванием натуральных повинностей и пр. В военное время выполняли функции городского военного коменданта (подготовка города к обороне и т.п.).

Откупщики — лица, получавшие на откуп (за определенную плату) право сборов налогов и других государственных доходов.

⁹³ Десятичная дробь — дробь, знаменатель которой есть целая степень числа 10. Ее пишут без знаменателя, отделяя в числителе справа запятой столько цифр, сколько нулей содержится в знаменателе.

⁹⁴ Оброк — ежегодный сбор денег и продуктов с зависимых крестьян помещиками.

⁹⁵ Барщина — даровой принудительный труд зависимых крестьян, работавших собственным инвентарем в хозяйстве феодала.

⁹⁶ Хлодвиг Кловис (Clovis) I или Клодвиг I (ок. 466—511) — король (с 481) салических (букв. приморских; от *кельтск.* sal — море) франков, из династии Меровингов. Завершил завоевание германцами Галлии, основал Франкское государство со столицей в Париже.

Вильгельм Завоеватель — Вильгельм (William the Conqueror) I (1027 или 1028—1087), герцог Нормандии (с 1035), в 1066 г. высадился в Англии и после битвы при Гастингсе, в которой разбил англосаксонские войска, занял английский престол.

Альбоин, Албоин (Alboin) (?—573) — король (с 561) германского племени лангобардов (*нем.* Langobarden — длиннобородые), в 568 г. вторгся в Италию, завоевал северную часть страны (Ломбардию) и основал Лангобардское государство с главным городом Павией.

⁹⁷ Постой — стоянка, ночевка, привал или отдых в жилье по пути; вообще, временное житье в чужом доме, наём помещения, жилья (Вл. Даль).

⁹⁸ Имеются в виду походы русских князей на Византию. Первый поход на Константинополь Русь совершила под предводительством Аскольда и Дира (около 866); затем были походы Олега (около 907), Игоря (941, 944), Святослава Игоревича (971).

⁹⁹ *Владимир I Святославич* (?—1015) — великий князь киевский, политический и религиозный деятель, вошедший в историю православия как святой равноапостольный князь; придал христианству на Руси статус государственной религии, внук святой Ольги (христианское имя — Елена) (ок. 920—969) — великой княгини киевской, правительницы Киевской Руси (945—969), первой христианки среди киевских князей, муж Анны Романовны (963—1011) — византийской принцессы, внучки императора Константина Багрянородного и сестры императора Василия II Болгаробойцы, которую в 988 г. после крещения Владимир взял себе в жены.

Ярослав Владимирович Мудрый (ок. 978—1054) (христианское имя Георгий или Юрий) — великий князь киевский (с 1019), второй сын киевского князя Владимира Красное Солнышко и полоцкой княжны Рогнеды Рогволодовны. Девятилетним мальчиком был отправлен отцом княжить в Ростов, позднее им же был переведен в Новгород. Как удельный князь уплачивал Киеву (пока не стал великим князем киевским) ежегодную дань. В 1014 г. отказался от уплаты дани и сделал попытку отделиться от отца и Киева. Князь Владимир начал готовить войско. Ярослав, узнав о приготовлениях отца, нанял варягов, чтобы с их помощью дать отпор, но великий князь неожиданно умер.

¹⁰⁰ Погодин упоминает племена, жившие на территории Европы, это: норманны (от *сканд.* northman — северный человек) — название, под которым в Западной Европе были известны народы Скандинавии в период их широкой экспансии конца VIII — середины XI в., в самой Скандинавии участников походов называли викингами, на Руси — варягами; франки (*лат.* Franci, *нем.* Franken) — группа западногерманских племен, объединившихся в племенной союз, впервые упоминаемый в середине III в.; галлы (*лат.* Galli) — кельтские племена, *англосаксы* — общее название германских племен — англов, саксов, ютов и фризов, завоевавших в V—VI вв. кельтскую Британию; бритты (*лат.*, единственное число Britto, возможно, от *кельт.* brith — пестрый, разный) — кельтские племена, составлявшие основное население Британии с VIII в. до н.э. по V в. н.э.; готы — германское племя, делившееся на западную (вестготы) и восточную (остготы) ветви; панноны — группа иллирийских племен, первоначально занимавших береговую полосу по Адриатическому морю; пруссы — группа племен, населявшая южное побережье Балтийского моря. Под немецкими рыцарями подразумевает членов немецкого католического духовно-рыцарского Тевтонского ордена (латинское полное название «Ordo domus Sanctae Mariae Teutonicorum», он также назывался Немецким орденом (Deutscher Orden) или Орденом крестоносцев (Kreuzritterorden), который в XIII в. основал государство в Прибалтике на землях, захваченных у пруссов, литовцев, поляков.

¹⁰¹ В 967 г. Святослав с дружиной в 10 тыс. воинов вторгся в Болгарию и разбил войско болгарского царя Петра. Он дошел до устья Дуная, где «поставил» город Переяславце, решив сделать этот город столицей всей Руси и, по словам летописца, сказал своей матери: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей! Туда сходит все хорошее: из Греции — золото, поволоки, вина и разные плоды, из Чехии и Венгрии — серебро и кони, из Руси — меха и воск, мед и рыбы». В 970 г., оставив сыновей княжить в Киеве, Новгороде и во Вручье, Святослав начал новый военный поход. С большим войском (около 60 тыс.) он пошел в Болгарию, где поставил задачей заключить договор с болгарями и венграми против Византии. Около 971 г. начал воевать с Византией. После боя с превосходящим по численности византийским войском у Большого Преслава и Доростола, выдержав со своим войском трехмесячную осаду, Святослав в 971 г. заключил мир с императором Иоанном I Цимисхием, а на обратном пути в Киев у днепровских порогов погиб в бою с печенежским князем Курем у острова Хортица.

¹⁰² *Ярополк I* (?—980) — князь киевский (с 972). Старший сын князя Святослава, пытался подчинить себе территории на Севере и Северо-Востоке Руси, но был побежден младшим братом Владимиром.

¹⁰³ Салический закон (Lex Salica), или Салическая правда, — запись обычного права салических франков. Записана (на вульгарной латыни с вкраплениями франкских слов и выражений) в начале VI в. по распоряжению короля Хлодвига I; при его преемниках дополнялась и перерабатывалась. Делится на титулы (главы). Содержит перечень преступлений и соответствующих им наказаний (налагов-

шихся главным образом в виде штрафов). Воспроизводит различные этапы архаичной судебной процедуры. Не испытала заметного влияния римских правоотношений, сохранив в почти не измененном виде нормы германского обычного права.

¹⁰⁴ Русская Правда — свод древнерусского права XI—XII вв., нормы которого действовали до конца XV в. (до введения Судебника 1497). Сохранилась в трех редакциях: Краткой, Пространной, Сокращенной (списки XIII—XVIII вв.). Погодин цитирует текст Пространной Правды — второй редакции Русской Правды, созданной в 20—30-е гг. XII в.

¹⁰⁵ Русин — здесь: житель Киевской Руси.

¹⁰⁶ Словенин — здесь: новгородец, житель Великого Новгорода.

¹⁰⁷ Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — знаменитый русский историк, писатель, почетный член Петербургской Академии наук (1818). Создатель «Истории государства Российского» (т. 1—12, 1816—1829) — первого обобщающего труда по истории России.

¹⁰⁸ Кольми паче — тем более.

¹⁰⁹ Заволочье — место или сторона за волоком — перевалом в верховьях рек, через которые тащили суда с товарами сухим путем — «волоком».

¹¹⁰ Словенский — здесь и далее в значении «славянский».

¹¹¹ Поляне — восточнославянское племенное объединение VI—IX вв., обитавшее по берегам Днепра и низовьям его притоков от устья Припяти до Роси. Создали раннегосударственное объединение в Среднем Поднепровье — «Русскую землю» (первая половина IX в.), ставшее ядром Древнерусского государства.

Хозары, хазары — тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после гуннского нашествия (IV в.) и кочевавший в Западно-Прикаспийской степи. В VII—VIII вв. распространили власть к западу, покорили волжских болгар и завоевали Крым и Киев. Славянские племена полян, северян, радимичей и вятичей платили им дань.

Аскольд (Оскольд, Скальд) — дружинник Рюрика, ушел от князя и завладел Киевом (866). Убит князем Олегом (882).

¹¹² Язычники — идолопоклонники, последователи язычества (от *церковнослав.* «языцы» — народы, иноземцы), т.е. нехристианских религий, в широком смысле — многобожия.

¹¹³ Нет инде — нет в другом месте.

¹¹⁴ Маис — кукуруза.

¹¹⁵ К ГРАФИНЕ Б...ОЙ, О НАЧАВШЕЙСЯ ВОЙНЕ (1853 года, Декабря 7)

Письмо написано М.П. Погодиным 7 декабря 1853 г. после его возвращения из путешествия по Европе 1853 г. по желанию дочери государственного и литературного деятеля графа Д.Н. Блудова — Антонины Дмитриевны Блудовой (1813—1891), просившей рассказать, что он видел и слышал в своем путешествии. Письмо произвело сильное впечатление в обществе и получило много похвальных откликов, в том числе и от императора Николая I (см.: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888—1910. Т. 12. СПб., 1898. С. 523—536).

Печатается по: [Погодин М.П.]. К Графине Б...ой, о начавшейся войне. (1853 года, Декабря 7) // Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853—1856. М., 1874. С. 70—80. Курсивом выделен текст, подчеркнутый в подлиннике рукою императора Николая I, в квадратных скобках даны его же собственноручные пометы на полях рукописи Погодина, хранящейся в Архиве Министерства иностранных дел (докл. 1853 г.) (см.: Записка Михаила Петровича Погодина 7 декабря 1853 г. // Николай I и его время

(документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков) / Вступ. ст., сост. и примеч. Б.Н. Тарасова. URL: <http://www.rus-sky.com/gosudarstvo/tarasov/nic7.htm> (01.03.2011).

¹¹⁶ Со времен знаменитого пирата Хайрадина Барбароссы, захватившего власть в Алжире (правил в 1519—1546) и признавшего себя вассалом турецкого султана Селима I, Алжир находился под сюзеренитетом Османской (Оттоманской) империи. В июне 1830 г. французская армия, высадившись в Алжире, разбила войска правителя и захватила его столицу, а затем, постепенно продвигаясь на юг, всю страну, которая официально с 1834 г. стала колонией Франции.

¹¹⁷ Ост-Индская английская компания (1600—1858), которая, получив во второй половине XVII в. от английского правительства право объявлять войну и заключать мир в Ост-Индии (Индия, Юго-Восточная Азия и Китай), распоряжаться своими армией и флотом, чеканить монету, учреждать военно-полевые суды, к этому времени из частной купеческой компании превратилась в государственную организацию по управлению английскими владениями в Индии, в течение приблизительно 100 лет захватила почти весь Индостан. Последнее независимое индийское государство — государство сикхов в Пенджабе — было аннексировано в 1849 г.

¹¹⁸ В ответ на отказ Турции удовлетворить требование России о признании прав православной церкви в турецких владениях и ввиду революционной опасности русские войска заняли принадлежавшие Турции дунайские княжества — сначала Молдавию, а затем и Валахию — «в залог», до тех пор, пока Турция не удовлетворит требование России. Манифест «О движении российских войск в Придунайские княжества» был подписан 14 июня 1853 г., а 22 июня два корпуса русской армии перешли Прут и вступили на территорию Молдавии.

¹¹⁹ В результате ноябрьского восстания 1848 г. в Риме папа Пий IX бежал из города, а бывшее Папское государство 9 февраля 1849 г. было объявлено республикой. Предполагалось, что Рим в скором времени превратится в столицу всей Италии и возглавит борьбу за окончательное освобождение от австрийского господства и объединение страны, однако в июне на помощь австрийским войскам пришла Франция, 3 июля 1849 г. в Рим вошли солдаты французского экспедиционного корпуса генерала Никола-Шарля-Виктора Удино (Oudinot) герцога Реджио (1791—1863), и Римская республика была упразднена.

¹²⁰ Речь идет об англо-китайской войне 1840—1842 гг., получившей название первой «опиумной войны», поводом для которой стала конфискация китайцами крупной контрабандной партии опиума, ввезенного в страну английскими торговцами, вопреки существовавшему там запрету на опиумоторговлю.

¹²¹ Имеется в виду получивший широкий общественный резонанс случай с евреем Пачифико, английским подданным, уроженцем Гибралтара. В 1850 г., когда эскадры Англии, Франции и России крейсировали около берегов Греции, произошел еврейский погром в Афинах. В то время как соединенная англо-русско-французская комиссия определила убытки от этого погрома в несколько сот фунтов стерлингов, еврей Пачифико представил счет в 138 тыс. драхм за ограбление своего афинского дома и прибавил к этому претензию на 748 тыс. драхм. Английский адмирал и английский посол, ссылаясь на телеграмму министра иностранных дел лорда Пальмерстона, потребовали без всякого изучения дела удовлетворения иска от слабого, едва сформировавшегося греческого правительства, ультимативно, в течение 24 часов, под угрозой бомбардировки Афин. Ответом на отказ греческого правительства послужила блокада всех греческих гаваней. Греция могла только протестовать против такого злоупотребления силой; посланники других государств в более или менее энергических выражениях высказали свое

порицание образу действий Англии, французский посол был отозван из Лондона, сама королева Виктория, премьер Джон Россель и верхняя палата парламента высказали осуждение действиям Пальмерстона. Однако последний, сославшись на то, что англичанин, где бы он ни находился, должен быть защищен в своих правах, сумел оправдать свои действия. Месяц спустя блокада была снята.

¹²² Трактат — здесь: международный договор.

¹²³ *Пальмерстон* (Palmerston) Генри-Джон Темпл (1784—1865), лорд — английский государственный деятель, в 1830—1841 и 1846—1851 гг. — министр иностранных дел, в 1852—1855 гг. — министр внутренних дел, в 1855—1858 и 1859—1865 гг. — министр-президент.

¹²⁴ L'ordre du jour (*франц.*) — повесткой дня.

¹²⁵ Знамя Луны — знамя ислама, наиболее распространенным символом которого является полумесяц, или ущербная луна.

¹²⁶ *Магомет*, Мохаммед или Мухаммед (*арабск.* «Восхваляемый»), Абул Казем бен Абдаллах (571—632) — основатель ислама.

¹²⁷ *Иуда* (от *иврит.* Иегуда [Эль] — «да будет прославлен [Бог]») *Искарриот* — один из двенадцати апостолов, ближайший ученик Иисуса Христа, предавший своего Учителя и ставший для христианского сознания фигурой, олицетворяющей само предательство. В общине учеников Иисуса Иуда ведал общими расходами, т.е. был казначеем и носил с собой «денежный ящик» для подаваний. Именно с этой обязанностью связывается его корыстолюбие. Согласно Евангелиям, Иуда Искариот отправился к «первосвященникам» (Мф. 26: 14) и предложил за определенную мзду выдать Иисуса: «И сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю Его? Они предложили ему тридцать сребренников...» (Мф. 26: 15; ср. Мар. 14: 10; Лук. 22: 4—5). Выдал он Иисуса «множеству народа с мечами и кольями» своим поцелуем («поцелуй Иуды», вошедший в поговорку): «Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть; возьмите Его, и ведите осторожно. / И пришел тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! И поцеловал Его. / А они возложили на Него руки свои и взяли Его» (Мар. 14: 44—46). Однако после того как Иисус был арестован, еще до суда, бичевания и казни Его на кресте, Иуда раскаялся, признал свою страшную вину, возвратил тридцать сребренников тем, от кого их получил, и кончил жизнь самоубийством: «И бросив сребреники в Храме, он вышел, пошел и удавился» (Мф. 27: 3).

¹²⁸ В 1812 г. русские войска разгромили вторгшуюся в Россию великую армию Наполеона I, оккупировавшего к этому времени практически всю Европу. Из 678 тыс. наполеоновских солдат Россию смогли покинуть не более 20 тыс. Заграничные походы русской армии и союзников 1813—1814 гг. завершились взятием Парижа (18 марта 1814), падением Наполеоновской империи и установлением новой европейской политической системы.

¹²⁹ Собственно «волны революционного потока» были остановлены русскими войсками в Венгрии во время интервенции 140-тысячной армии Паскевича в мае—августе 1849 г. А в 1848 г. произошли два события, косвенным образом подающие под определение «контрреволюционных действий» России, — это в первую очередь вмешательство России в прусско-датский конфликт из-за герцогств Шлезвиг и Голштиния. Начавшиеся в 1848 г. волнения в принадлежавших Дании герцогствах сопровождались вступлением туда в начале апреля прусских войск. Правительство Дании обратилось за помощью и посредничеством к Англии, Швеции и России. Все три державы высказались против территориального расчленения Датского королевства и отторжения от него Шлезвига и Голштинии в пользу Пруссии или будущей объединенной Германии. Но только Швеция и Россия оказали датскому королю реальную помощь. В конце апреля Николай предьявил Пруссии ультиматум с требованием вывести ее войска из оккупиро-

ванной Ютландии. В подкрепление ультиматума царь направил к берегам Ютландии эскадру и двинул в Литву еще одну кавалерийскую дивизию. Шведское правительство перебросило на помощь Дании 15-тысячный корпус. В итоге Пруссия уступила. Это решительные превентивные меры России в отношении Молдавии и восставшей Валахии, куда вступили русские военные силы и находились до 1851 г.

¹³⁰ Речь идет об Ольмюцком соглашении, заключенном Пруссией и Австрией 29 ноября 1850 г. при посредничестве России. По этому соглашению Пруссия была вынуждена временно отказаться от попыток утвердить свою гегемонию во внутригерманских делах.

¹³¹ Ультимат и ультиматиссим — ультиматум (*лат.* ultimus — самый последний), требование, сопровождаемое угрозой.

¹³² Венская нота — документ, принятый конференцией в Вене по восточному вопросу в июле 1853 г. После разрыва в мае 1853 г. дипломатических отношений России и Османской империи в Вене посланники европейских держав (Австрии, Англии, Франции, Пруссии) выработали текст примерительной ноты, суть которой заключалась в том, что спорные вопросы русско-турецких отношений ставились под контроль держав, подписавших Венскую ноту. Документ отправили в Петербург и Стамбул, содержание его удовлетворило императора Николая I, но было отвергнуто турецким султаном Абдул-Меджидом I.

¹³³ Ультиматум, который вез А.С. Меншиков (1787—1869) в Константинополь, предусматривал решение (в пользу православной церкви) давнего дипломатического спора между церквами католической и православной о приоритете в «священных местах» (Иерусалиме и Вифлееме), входивших во владения Турции, а также признание права русского императора покровительствовать всем православным подданным султана.

¹³⁴ В конце февраля 1853 г. в Стамбул был послан чрезвычайный посол князь А.С. Меншиков. Официальные переговоры с Портой начались 16 марта 1853 г. Цель миссии — добиться от султана, чтобы тот, в обмен на постоянный союз, предложенный императором Николаем I, признал последнего законным покровителем православной церкви в Османской империи и ее 15 миллионов православных подданных. 21 мая 1853 г. переговоры были прекращены, дипломатические отношения разорваны, а под давлением турецкого общественного мнения султан 4 октября объявил войну России.

¹³⁵ Русские дипломаты считали, что посольство Меншикова совершенно аналогично по существу посылке в январе 1853 г. австрийского представителя графа Х.Ф. Лейнингена в Константинополь с требованием воздержаться от затеваемой турецким правительством карательной экспедиции в Черногорию. Ведя беспрестанные войны с Турцией, Черногория еще в XVII в. заложила основу политической самостоятельности, избавившись от таких форм вассальной зависимости, как обязательство по охране границ с Венецией и участие в военных походах на стороне османской армии. Однако Порты упорно продолжала считать Черногорию частью Османской империи. Черногория граничила с Северной Албанией и Герцеговиной, находившимися под турецкой властью, с венецианскими владениями на Далматинском побережье, которые после падения Венецианской республики (1797) перешли под власть Австрии. Добываясь выхода к морю, черногорцы в 1852 г. вторглись в Северную Албанию и захватили крепость Жабляк. Этот локальный конфликт привел к черногорско-турецкой войне 1852—1853 гг. Черногория была близка к поражению, и только благодаря энергичному вмешательству Австрии и поддержке России катастрофа была предотвращена.

¹³⁶ *Кюстин* (Custine) Астольф Луи Леонар де (1790—1857) — маркиз, автор книги «Россия в 1839 году», вышедшей в 1843 г. во Франции и многократно переиздавав-

шейся в Европе. В ней он самым нелицеприятным образом отзывался о российской действительности и порядках, воспринимал Россию как страну «варваров» и рабов, всеобщего страха и «бюрократической тирании».

¹³⁷ На волне революционных событий 1848 г. 31 марта во Франкфурте-на-Майне собрался Предпарламент, представлявший формально все германские государства (но состоявший преимущественно из делегатов южногерманских государств). Он принял решение о проведении выборов во всегерманское Национальное собрание, которое (Франкфуртский парламент) открылось во Франкфурте 18 мая 1848 г. Перед депутатами стояли две задачи — положить конец политической раздробленности страны и выработать формы государственного устройства новой Германии. По обоим вопросам возникли серьезные разногласия. Одни хотели включить в состав объединенной Германии Австрию (с обширными негерманскими территориями), другие — исключить ее и тем самым закрепить ведущую роль Пруссии. Одни настаивали на демократической республике, другие — на консервативной монархии. В это время австрийское правительство сделало шаг, который должен был бы разрешить все сомнения. Министерство князя Шварценберга (Schwarzenberg) Феликса (1800—1852) даровало 7 марта 1849 г. всей Австрии общую конституцию, в которой это государство включено в него Венгрии и Италии именовалось нераздельной конституционной монархией. В итоге стало ясно, что Австрия не заинтересована во вхождении в чисто германское государство; в результате пропрусским элементом удалось завоевать ведущие позиции в парламенте. 28 марта 1849 г. Франкфуртский парламент принял имперскую конституцию, прусский король Фридрих Вильгельм IV был избран императором; он должен был править страной совместно с демократически избранным парламентом — рейхстагом.

¹³⁸ Бобыль — здесь: безземельный крестьянин, поденщик, батрак.

¹³⁹ Формально до декабря 1855 г. Австрия, спасенная русскими войсками от гибели в 1849 г., сохранила нейтралитет в Крымской войне, однако предпринимала различные антироссийские демарши, такие, например, как заключение в Берлине австро-прусского союзного договора на случай войны с Россией в апреле 1854 г. или же подписание в июне того же года австро-турецкой конвенции об оккупации Молдавии и Валахии австрийскими войсками.

¹⁴⁰ Ввиду революционных событий в стране и октябрьского восстания 1848 г. в Вене австрийское правительство и императорский двор Фердинанда I (1793—1875) переехали в моравский город Ольмюц (Оломоуц), где окружение императора заставило его отречься от престола в пользу младшего брата, Франца Карла Иосифа (1802—1878), который в свою очередь уступил право на трон своему сыну, 18-летнему Францу Иосифу Карлу (1830—1916), ставшему императором Францем Иосифом I. В конце сентября — начале октября 1853 г. в Ольмюце, Варшаве и Потсдаме состоялись встречи императора Николая I с монархами и политическими деятелями Австрии и Пруссии.

Франц Иосиф I (Franz Joseph I) (1830—1916) — император Австрии, а после 1867 г. — император и король Австро-Венгрии. Занял трон 2 декабря 1848 г. в г. Ольмюц, в разгар революционных событий.

¹⁴¹ A la lettre — буквально (*фр.*).

¹⁴² Имеются в виду: Екатерина II (1729—1796) — российская императрица с 28 июня 1762 г.; Павел I (1754—1801) — император с 1796 г.; Александр I (1777—1825) — император с 1801 г.

¹⁴³ Сербия (*серб.* Србија) — историческая область в центральной части Балканского полуострова, на территории которой в XII—XIV вв. существовало славянское, а затем и сербо-греческое государство, которое к 1459 г. было захвачено Османской империей; северная часть Сербии — Воеводина — вошла в состав

Венгерского королевства, вместе с которым оказалась в 1526—1918 гг. под властью Австрийской империи. С 1830 г. «турецкая» Сербия стала княжеством и получила внутреннюю автономию, а в 1878 г. — независимость от Османской империи.

Воеводина — историческая область на севере Сербии со столицей Нови-Сад, находившаяся до 1918 г. в составе Венгрии.

Сирмия или Срем (*серб.* Срем, Срјем, *хорв.* Srem, *нем.* Syrmien, *лат.* Syrmium) — Сремский комитат, до 1918 г. административный округ в Венгрии (Воеводина) с главным городом Вуковар. Военная граница, часть Хорватии и Южной Венгрии, населенная граничарами — этнографической группой, в составе которой были беженцы из Сербии, Боснии, различных областей Хорватии.

Военная граница (*серб.-хорв.* Vojna krajina, *нем.* Militärgrenze) — пограничная с Турцией область в составе империи Габсбургов, которая управлялась военной администрацией, подчинявшейся непосредственно австрийскому правительству, и подразделялась на генералаты, полковые, ротные и общинные округа. Жители области граничары получали от казны участки земли и несли за это военную службу, выполняли общественные повинности, платили налоги, но главной их задачей была защита границы от частых турецких вторжений.

¹⁴⁴ Меч Дамоклесов — «дамоклов меч», образное выражение, означающее постоянно угрожающую опасность при видимом благополучии. По древнегреческому преданию, сиракузский тиран Дионисий Старший (конец V — IV в. до н.э.) предложил своему фавориту Дамоклу, считавшему его счастливейшим из смертных, на один день свой престол. Почувствовав себя самым счастливым из людей, Дамокл внезапно во время пира увидел над своей головой обнаженный меч, висевший на конском волосе, и понял призрачность благополучия.

¹⁴⁵ *Conditio sine qua non* — неперемное условие (*лат.*).

¹⁴⁶ *Entente cordiale* — сердечным соглашением (*фр.*).

¹⁴⁷ Бонапарт — племянник Наполеона I Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808—1873), в декабре 1848 г. стал президентом Французской республики, а в декабре 1852 г. — императором Франции под именем Наполеона (Napoléon) III (правил в 1852—1870).

¹⁴⁸ Бурбоны — королевская династия во Франции и некоторых других европейских государствах. Во Франции Бурбоны были низложены в 1792 г. во время Великой французской революции, а в 1793 г. Людовик XVI казнен. Реставрация 1814—1830 гг. воскресила династию Бурбонов в лице Людовика XVIII (1814—1815, 1815—1824) и Карла (Charles) X (1757—1836, король в 1824—1830). После Июльской революции 1830 г. на французский престол вступил Луи Филипп (1773—1850, король в 1830—1848) — представитель младшей, Орлеанской ветви Бурбонов.

¹⁴⁹ Речь идет о политических движениях за объединение и создание единого и независимого государства Италия (Рисорджименто) и объединение Германии в единое национальное государство.

¹⁵⁰ Король Франции (с 1643) Людовик XIV (1638—1715) Бурбон, «король-солнце», вошел в историю не только как тиран, но и как король-строитель и просветитель, поведению которого стремились подражать многие монархи Нового времени, считавшие его царствование классическим примером абсолютизма.

¹⁵¹ Черногорцы — жители, в основном сербы, Черногории — теократического, а с 1851 г. самодержавного государства, много веков успешно боравшегося против турок, считавших Черногорию своим вассалом. Ведя беспрестанные войны с Турцией, Черногория еще в XVII в. заложила основу политической самостоятельности, избавившись от таких форм вассальной зависимости, как обязательство по охране границ с Венецией и участие в военных походах на стороне османской армии. Однако Порта упорно продолжала считать Черногорию частью Османской

империи. Черногория граничила с Северной Албанией и Герцеговиной, находившимися под турецкой властью, с венецианскими владениями на Далматинском побережье, которые после падения Венецианской республики (1797) перешли под власть Австрии. Добиваясь выхода к морю, черногорцы в 1852 г. вторглись в Северную Албанию и захватили крепость Жабляк. Этот локальный конфликт привел к черногорско-турецкой войне 1852—1853 гг. Черногория была близка к поражению, и только благодаря энергичному вмешательству Австрии и поддержке России катастрофа была предотвращена.

¹⁵² Сербы — южнославянская народность, уже во второй половине VIII в. имевшая свое государство, а с 1389 по 1878 г. находившаяся под турецким игом.

¹⁵³ Босняки — боснийцы, славянское население (в основном сербы и хорваты) исторических областей Босния и Герцеговина, принявшее ислам во времена османского владычества, которое длилось с 1463 по 1878 г.

¹⁵⁴ Кроаты, хорваты — южнославянский народ, большинство которого составляют католики, проживающие в Хорватии, с XVI в. официально именовавшейся Королевство Хорватии, Далмации и Славонии, отдельные части которого в середине XIX в. находились под экономическим, политическим и культурным влиянием различных государств и народов — Венгерского королевства, Османской империи, Австрийской империи и др.

Далматинцы — этнографическая группа хорватов, коренное население Далмации — исторической области на побережье и островах Адриатического моря.

Славонцы — жители исторической области в восточной части междуречья Дравы, Дуная и Саввы, которая с 1849 г. была коронной (т.е. вошедшей в состав государства на основании наследственно-династических прав монарха) австрийской землей «Хорватия и Славония» в Венгрии.

¹⁵⁵ Самсон — символ богатыря. В Ветхом Завете — народный герой, убивший тысячу филистимлян ослиной челюстью, посеяв среди противников великий трепет и страх. Пленный с помощью предательства, ослепленный врагами и лишенный волшебной мощи Самсон нашел в себе силы обрушить здание, под обломками которого погиб вместе со многими филистимлянами (Суд. 13: 24, 25; 14—16).

¹⁵⁶ Икона Иверской Божией Матери 27 апреля 999 г. прибыла по морю к Афону; названа по афонскому Иверскому монастырю, где находится в храме над внутренними воротами. Точный список доставлен с Афона в Москву 13 октября 1648 г.

¹⁵⁷ *Сергий Радонежский* (в миру Варфоломей Кириллович) (ок. 1321—1391) — святой (канонизирован в 1452), преподобный, подвижник, активно влиявший на церковные и политические дела своего времени, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря, где и похоронен.

¹⁵⁸ *Абдул-Меджид* (1823—1861) — 31-й султан (с 1839) Османской империи, объявил России войну 4 октября 1853 г. 22 октября в проливы вошла англо-французская эскадра. 23 октября турки переправились через Дунай и заняли городок Калафат, убив при этом несколько казаков. Одновременно были обстреляны в низовье Дуная суда русской речной флотилии. Через несколько дней 5-тысячный турецкий отряд захватил слабо охранявшийся пост Св. Николая на Кавказском побережье, почти поголовно вырезав его защитников. 20 октября император Николай I подписал манифест «О войне с Оттоманскою Портою».

¹⁵⁹ Ренегат (от *лат.* *renegare* — отречься) — отступник, изменник.

¹⁶⁰ Здесь имеются в виду император Петр I и императрица Екатерина II.

¹⁶¹ Годуновская стена в Смоленске — мощные стены (высотой от 13 до 19 м при толщине до 6 м, длиной около 6,5 км) Смоленского кремля, отстроенные в 1595—1602 гг. Ф.С. Конем по приказу Б.Ф. Годунова (ок. 1552—1605), фактического правителя Московского государства в 1584—1598 гг., русского царя в 1596—1602 гг.

¹⁶² Андрусовский мир — договор о перемирии, заключенный в д. Андрусово под Смоленском, окончил русско-польскую войну 1654—1667 гг. и зафиксировал признание Речью Посполитой вхождения Левобережной Украины в состав России.

¹⁶³ Полтавский день — сражение во время Северной войны 1700—1721 гг. России против Швеции за выход к Балтийскому морю, состоявшееся под Полтавой 27 июня 1709 г. между 35-тысячной шведской армией Карла XII и 42-тысячной русской армией Петра I, в котором шведы потерпели поражение, потеряв 9300 человек убитыми и ранеными и 3000 пленными, Карл с трудом спасся с поля боя; потери русских составили 1345 убитыми и 3290 ранеными. В результате сражения военное могущество Швеции было подорвано, а в войне произошел перелом в пользу России.

Бородинский день — сражение под д. Бородино, состоявшееся 26 августа 1812 г. в 120 км от Москвы между французской армией Наполеона (135 тыс. чел., 587 орудий) и русской армией (132 тыс. чел., 624 орудия) под командованием М.И. Кутузова, в котором французские потери составили около 58 000, а русские — 44 000 человек. План Наполеона, желавшего разгромить российскую армию в генеральном сражении, не удался.

Шевырев Степан Петрович, поэт, литературный критик, публицист, ученый — историк литературы и искусства, педагог, организатор университетского образования, академик Петербургской Академии наук (1847)

Родился 18 октября 1806 г. в Саратове в семье отставного артиллерийского поручика. Получил домашнее образование, окончил с золотой медалью Благородный пансион при Московском университете (1816—1822). С 1823 служил в Московском главном архиве коллегии Министерства иностранных дел. В 1829—1832 в качестве наставника сына княгини З.А. Волконской сопровождал его в поездке за границу. По возвращении в Москву защитил диссертацию «Дант и его век» (1833). С января 1834 в должности адъюнкта читал курс по истории всеобщей словесности в Московском университете. Получив степень доктора философии за сочинение «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов» (1836), стал профессором Московского университета (с 1837). Заслуженно считается создателем нового направления в науке и новой учебной дисциплины — истории русской литературы. Преподавал историю русской литературы, всеобщую историю поэзии, теорию словесности и педагогику, читал публичные курсы лекций по «истории русской словесности, преимущественно древней» (ноябрь 1844 — апрель 1845), истории всеобщей поэзии (1846—1847), истории итальянской живописи (1851). С 1847 руководил кафедрой истории русской словесности. В 1847—1855 работал деканом историко-филологического отделения философского факультета. С 1851 возглавлял кафедру педагогики Московского университета. Выступал активным организатором подготовки и проведения столетнего юбилея Московского университета (1855). В 1827—1831 был сотрудником журнала «Московский вестник», в 1835—1839 — ведущий критик «Московского наблюдателя», с 1841 по 1856 совместно с М.П. Погодиным издавал и редактировал журнал «Москвитянин». В статье «Взгляд русского на современное образование Европы» (1841) и других работах писал о пагубности европейского влияния на Россию, намечил контуры оригинальной историософской системы, описывающей в противовес «западному» «восточный» архетип России и россиян, выдвинул идею христианского гуманистического синтеза, снимающего противоположность древней и новой России, православного просвещения, христианской высшей любви и западного гуманизма. Был избран членом Московского художественного общества (с 1844), доктором Королевского Пражского университета (с 1848), членом Художественного общества в Афинах, Общества северных антиквариетов, Филологического общества в Аграме. В 1857 оставил службу. В 1860 уехал с семьей за границу. Читал лекции по истории русской литературы во Флоренции (1861) и Париже (1862). Умер 08.05.1864 в Париже.

менное образование Европы» (1841) и других работах писал о пагубности европейского влияния на Россию, намечил контуры оригинальной историософской системы, описывающей в противовес «западному» «восточный» архетип России и россиян, выдвинул идею христианского гуманистического синтеза, снимающего противоположность древней и новой России, православного просвещения, христианской высшей любви и западного гуманизма. Был избран членом Московского художественного общества (с 1844), доктором Королевского Пражского университета (с 1848), членом Художественного общества в Афинах, Общества северных антиквариетов, Филологического общества в Аграме. В 1857 оставил службу. В 1860 уехал с семьей за границу. Читал лекции по истории русской литературы во Флоренции (1861) и Париже (1862). Умер 08.05.1864 в Париже.

СОЧИНЕНИЯ

Шевырев С.П. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

Шевырев С.П. Итальянские впечатления. СПб.: Академический проект, 2006.

«Науки жрец и правды воин!»: Проза; Стихотворения; Письма С.П. Шевырева; С.П. Шевырев в переписке современников; Друзья и недруги о С.П. Шевыреве; Москва С.П. Шевырева. М.: Русский Мир, 2009.

Шевырев С.П. Об отечественной словесности. М.: Высшая школа, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

Песков А.М. У истоков философствования в России: русская идея С.П. Шевырева // Новое литературное обозрение. 1991. № 7.

Погодин М.П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869.

Ратников К.В. Религиозно-философская концепция позднего творчества С.П. Шевырева (на материале поэмы «Болезнь», 1862) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.

Шириняц А.А. Степан Петрович Шевырев // Шевырев С.П. Избранные труды. М., 2009.

ВЗГЛЯД РУССКАГО НА СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЕВРОПЫ¹

Есть мгновения в Истории, когда все человечество оказывается одним всепоглощающим именем! Таковы имена Кира, Александра, Цезаря, Карла Великого, Григория VII, Карла V.. Наполеон² готов был наложить свое имя на современное нам человечество, но он встретил Россию!

Есть эпохи в Истории, когда все силы, в ней действующие, разрешаются в двух главных, которые, вобрав в себя все постороннее, сходятся лицом к лицу, меряют друг друга очами и выступают на решительное прение, как Ахилл и Гектор³ в заключении Илиады. — Вот знаменитые единоборства всемирной Истории: Азия и Греция, Греция и Рим, Рим и мир германский.

В мире древнем эти единоборства решались силою материальною: тогда сила правила вселенною. В мире Христианском всемирные завоевания стал невозможны: мы призваны к единоборству мысли.

Драма современной истории выражается двумя именами, из которых одно звучит сладко нашему сердцу! Запад и Россия, Россия и Запад — вот результат, вытекающий из всего предыдущего; вот последнее слово Истории; вот два данные для будущего!

Наполеон (мы не даром с него начали) содействовал много к тому, чтобы наметить оба слова этого результата. В лице его исполинского гения сосредоточился инстинкт всего Запада — и двинулся на Россию, когда мог. Повторим слова Поэта:

Хвала! Он русскому народу

Высокий жребий указал⁴.

Да, минута великая и решительная! Запад и Россия стоят друг перед другом, лицом к лицу! — Увлечет ли нас он в своем всемирном стремлении? Усоит ли себе? Пойдем ли мы в придачу к его образованию? Составим ли какое-то лишнее дополнение к его Истории? — Или устоим мы в своей самобытности? Образует мир особый, по началам своим, а не тем же Европейским? Вынесем из Европы шестую часть мира... зерно будущему развитию человечества?

Вот вопрос — вопрос великий, который не только раздается у нас, но откликается и на западе. Решать его во благо России и человечества — дело поколений нам современных и грядущих. Каждый, кто только призван на какое бы то ни было значительное служение в нашем Отечестве, должен начать решением сего вопроса, если хочет связать действия свои с настоящею минутою жизни. Вот причина, почему мы с него начинаем.

Вопрос не нов: тысячелетие Русской жизни, которое наше поколение может праздновать через двадцать два года, предлагает на него полный ответ. Но смысл истории всякого народа есть тайна, кроющаяся под внешнею ясностью событий: каждый разгадывает ее по своему. Вопрос не нов, но в наше время важность его ожила и сделалась для всех ощутительною.

Кинем же общий взгляд на состояние современной Европы и на отношение, в каком находится к ней наше Отечество. Мы устраняем здесь все политические виды и ограничиваемся только одной картиной образованности, объемлющей Религию, науку, искусство и сло-

весность, последнюю как самое полное выражение всей человеческой жизни народов. Мы коснемся, разумеется, только главных стран, которые действуют на поприще Европейского мира.

Начнем с тех двух, которых влияние менее всего доходит до нас и которые образуют собою две крайние противоположности Европы. Мы разумеем Италию и Англию. Первая взяла на долю свою все сокровища идеального мира фантазии; почти совершенно чуждая всем приманкам роскошной промышленности современной, она, в жалком рубище нищеты, сверкает своими огненными глазами, очаровывает звуками, блещет нестареющею красотою и гордится своим минувшим. Вторая корыстно присвоила себе все блага существенные житейского мира; утопая сама в богатстве жизни, она хочет опутать весь мир узами своей торговли и промышленности.

* * *

Первое место той, которая с благородным самоотвержением переносит нас из мира корыстной существенности в мир наслаждений чистых. Бывало прежде, народы севера неслись через Альпы с оружием в руках, чтобы драться за южную красавицу стран Европейских, которая привлекала их взоры. Теперь ежегодно колонии мирных странников текут с вершин Симилона, Мон-Сени, Коль дель Бормио, Шплюгена и Бреннера, или обеими морями: Адриатическим и Средиземным, в прекрасные сады ее, где она мирно угощает их своим небом, природою и искусством.

Почти чуждая миру новому, который задвинут от нее навеки снежноглавыми Альпами, Италия живет воспоминаниями древности и искусством. Через нее получили мы древний мир: она и теперь верна своему делу. Вся ее почва — могила прошедшего. Под миром живым тлеет мир другой, мир отживший, но вечный. Ее виноградники цветут на развалинах городов погибших; ее плющ обвивает памятники величия древнего; ее лавры — не для живых, а для мертвых.

Так, у подножия дымящегося Везувия, медленно стрясает с себя свой пепельный саван мертвец — Помпея. Задушенная огненным жупелом в полную минуту жизни и погребенная в земле со всеми своими сокровищами, она теперь выдает их в чудной целости для того, чтобы мы наконец разгадали во всех подробностях жизнь древнюю. Новые открытия в Архителтуре, Ваянии, Живописи древних изменяют совершенно прежние воззрения и ждут нового Винкельмана⁵, который сказал бы об них решительное слово.

Древний форум Рима лениво сбрасывает с себя вековую насыпь, между тем как антикварии Италиянские и Немецкие праздно спорят об именах его безымянных и немых зданий.

Города Этрурии отверзают свои гробницы, — и сокровища времен, может быть, гомерических, верно сохраненные бескорыстной землею, выходят на свет в чертоги Ватикана.

Скоро древность будет нам также доступна и ясна, как жизнь нас окружающая: человек ничего не потеряет из своего необозримого прошедшего, — и все заметное в жизни всех веков сделается собственностью каждой его минуты. Нам открыта теперь возможность беседовать с писателями древними, как будто с нашими современниками. Изящная древность красотою форм своих облагородит и украсит формы нашей обыкновенной жизни. Все служащее человеку и для его потреб житейских должно быть его достойно и носить на себе отпечаток его бытия духовного. Над этим делом, конечно не столь важным в жизни человечества, продолжает трудиться Италия, хранящая у себя всю роскошь благообразной древности.

Искусство, как верный плющ, обвивает развалины Италии. Преемное побоище народов превратилось теперь в мастерскую всего мира, где спорят уже не мечом, но кистью, резцом и циркулем. Все ее галереи населены толпами художников, которые осаждают великие произведения гениев, или гуляющими странниками, которые раболепно кланяются ее минувшему. Любопытно видеть, как вокруг одного Преображения Рафаэля⁶ сидят в тоже время живописцы Русской, Француз, Немец, Англичанин и селятся в разных видах повторить неуловимые ничьею кистью образы неподражаемого.

Было время, когда Италия передала всем странам Запада изящные формы своей Поэзии: теперь она совершила тоже самое в отношении к прочим искусствам. На берегах Изара, Рейна, Темзы, Сены, Невы изящные формы искусства Италиянского усвоены всеми образованными нациями. Они изменяются смотря по особенному характеру каждой, но в главном идеал Италиянский понят.

Тожe можно сказать и об вокальной музыке. Не будучи сама в состоянии содержать славных певцов своих, Италия уступает их Парижу, Лондону, Вене. Народы богатые, ценою золота, отнимают у нее наслаждения музыкальные. Но где нет и певцов Италии, там по крайней мере метода ее пения. Немцы, англичане, французы хотят петь как италиянцы, не смотря на препятствия языка и северного органа.

Италия совершила свое дело. Ее искусство стало собственностью всего образованного человечества. Она эстетически воспитала Европу — и всякий миг благородных ее наслаждений, столько украшающих жизнь нашу, есть дар бескорыстной Италии.

[...]⁷

Наука в Италии имеет своих представителей по некоторым отдельным частям, но не соединяет ничего целого. Разрозненность по-

литического устройства отражается и в науке и в словесности. Ученые Италии — острова, отдельно плавающие на море невежества.

[...]⁸

Состояние Литературы представляет тот же феодальный вид, как и наука. [...]⁹

А между тем и здесь, куда не достигает взор цензуры ни Австрийской, ни Папской, ни Неаполитанской, вы не найдете ни порчи вкуса, ни разврата нравов! Нет, причины такому явлению таятся глубже; они в духе и характере Италиянского народа.

Первая из них чувство религиозное, глубоко в нем сокрытое. Италиянец во всех отношениях жизни ему верен. Вся странствующая Италия и среди безбожного Парижа питается Религией. Вторая причина — чувство эстетическое, чувство красоты. Безнравственное в поэзии противно Италиянцу потому, что оно безобразно. Литературная Италия в упадке; но вкус к изящному, питаемый вечными образцами, входящими в образование народное, поддерживается по преданию.

[...]¹⁰

* * *

Англия — крайняя противоположность Италии. Там совершенная ничтожность и бессилие политическое; здесь средоточие и держава современной политики; — там чудеса природы и беспечность рук человеческих; здесь скудость первой и деятельность вторых; — там нищета искренно бродит по большим дорогам и улицам; здесь она скрыта роскошью и богатством внешним; — там идеальный мир фантазии и искусства; здесь существенная сфера торговли и промышленности; — там ленивый Тибр, на котором изредка увидишь лодку рыбака; здесь деятельная Темза, на которой тесно от пароходов; — там небо вечно-светлое и открытое; здесь туман и дым навсегда скрыли чистую лазурь от глаз человеческих; — там каждый день процессии религиозные; здесь сухость безобрядной религии; — там каждое воскресенье шумный пир гуляющего народа; здесь день воскресный — мертвая тишина на улицах; — там легкость, беспечность, веселье; здесь важная и суровая дума севера...

Не эта ли яркая противоположность между двумя странами причиною того, что Англичане так любят Италию и ежегодными колониями населяют ее? Человеку сродно бывает то, в чем он видит обратную сторону жизни, его окружающей. Ею он дополняет бытие свое.

Благоговеешь перед этою страною, когда в ней самой видишь своими очами то прочное благоденствие, которое она себе устроила, и так мудро и неусыпно поддерживает. Смешны и странны кажутся иногда островитяне, когда знакомишься с ними на твердой земле; но

с невольным уважением преклоняешься перед ними, когда гостишь у них и смотришь на чудеса их всемирной силы, на деятельность их могучей воли, на это великое их настоящее, всеми корнями своими держащееся в глубине строго-хранимого и уважаемого прошедшего. Смотри на наружность Англии, думаешь, что эта сила бессмертна, если только какая нибудь земная сила может быть бессмертною в мире, где все проходит!

Эта сила содержит в себе две другие, взаимным совокуплением которых утверждается непоколебимая прочность Англии. Одна из этих сил стремится вне, жаждет обнять весь мир, усвоить все себе; это ненасытимая сила колониальная, которая основала Соединенные Штаты, покорила Восточную Индию, наложила руку на все славнейшие гавани мира. Но есть сила другая в Англии, сила внутренняя, предрержащая, которая все устрояет, все хранит, все упрочивает и которая питается протекшим.

[...] ¹¹

Упадающие Литературы, по недостатку настоящего, прибегают обыкновенно к своим великим воспоминаниям, к изучению своего прошедшего. Англия изучает в подробности Шекспира, как Италия Данте, как Германия Гете.

[...] ¹²

Мы заключим краткий очерк литературного развития современной Англии словами одного из остроумнейших Французских критиков, который имеет все средства вблизи наблюдать словесность соседственного государства. Эти слова послужат для нас и переходом к настоящему вопросу, от которого мы до сих пор отвлекались эпизодами. Вот как заключает Филарет Шаль ⁶⁵ свое обозрение современной Английской литературы, напечатанное в первой Ноябрьской книжке *Revue des deux mondes* ¹⁴:

Напрасно, каким-то чувством доверия и надежды, стараемся мы отклонить роковую истину. Упадок литератур, происшедший от упадка умов, есть событие, которого отрицать нельзя. Все видят, что мы, народы европейские, как будто с единодушного согласия, нисходим до какого-то ничтожества полукитайского, до какой-то слабости всеобщей и неизбежной, которую автор сих наблюдений предсказывает в течении пятнадцати лет и против которой он не находит целительного средства. Это нисхождение, этот темный путь, который когда нибудь приведет нас к плоскому уровню в умственном развитии, к дроблению сил, к уничтожению творящего гения — совершается различным образом, смотря по степени ослабления различных племен Европы. Южные народы нисходят первые: прежде всех прияли они жизнь и свет, прежде всех постигает их ночь ничтожества. Северные последуют за ними: крепость жизненных соков мира нашла убежище

в них. Италиянцы, благородное племя, уже там, в глубине, спокойны, тихи, блаженны своим климатом, и, увы! Упоены счастьем бессилия, — этого последнего бедствия народов. Испанцы, вторые дети новой Европы, терзают руками свою внутренность и гложут себя, как Уголино, прежде чем войти в эту глубокую тишину Италии, в эту полноту смерти. На том же скате вниз, но живые силами, волнуются другие народы: они еще надеются, еще поют, наслаждаются, шумят и думают, железными дорогами, да школами воскресить пламя общественной жизни, дрожащее последним светом. Сама Англия, лишенная своей Саксонской энергии, своего пуританского пыла, утратившая силы литературные, похоронившая своих Байронов и В. Скоттов, чем будет через сто лет? — Бог знает!

Но если бы даже признаки, возвещенные философами, и были верны; если бы в этом обширном гальваническом потоке уничтожения и воссоздания, который называют Историей, вся Европа тысячи двухсот лет, со своими законами, нравами, началами, мыслями, со своим двойным прошедшим: Тевтонским и Римским, со своей гордостью, жизнью нравственной, могуществом физическим, со своими литературами, должна была медленно изнемочь и заснуть сном вечным: чему тут удивляться? Если бы ей назначено было испытать тот же самый жребий, который некогда постиг мир Греческий, потом Римский, оба меньшие и пространством и временем, чем наша Европа Христианская; если бы обломкам старого сосуда в свою очередь должно было послужить на создание сосуда нового, свежего, — можем ли мы на то жаловаться? Эта цивилизация, которую мы называем Европейской, разве мало продолжалась? А на земле разве нет стран свежих, юных, которые примут и уже приемлют наше наследство, как некогда отцы наши приняли наследие Рима, когда Рим совершил судьбу свою? Америка и Россия разве не тут? Обе алкают славы выйти на сцену, как два молодые актера, жаждущие рукоплесканий; обе равно горят патриотизмом и стремятся к обладанию. Одна из них, единственная наследница гения Англо-Саксонского; другая со своим умом Словенским, безмерно гибким, терпеливо учится у народов ново-римских и хочет продолжать их последние предания. А за Россией и Америкой разве нет еще иных земель, которые, в течении миллионов лет, будут продолжать, если надобно, эту вечную работу человеческого образования?

Нечего отчаиваться за человечество и за будущее, если бы и пришло нам, народам Запада, уснуть, — уснуть сном племен ветхих, погруженных в летаргию бдения, в смерть живую, в деятельность бесплодную, в изобилие недоносков, чем так долго страдала издыхавшая Византия. Я боюсь, чтобы мы не дожили до того же. На литературы находит бред горячки. Человек материальный, рабочий телу, камен-

щик, инженер, архитектор, химик, могут отрицать мое мнение; но доказательства очевидны. Откройте хоть 12 000 новых кислот; направьте аэростаты машиной электрической; изобретите средство убить 60 000 человек в одну секунду: несмотря на все это, нравственный мир Европы будет все-таки тем, что он уже есть: умирающим, если не совсем мертвым. С высоты своей уединенной обсерватории, летая по темным пространствам и туманным волнам будущего и прошедшего, философ, обязанный ударять в часы современной Истории и доносить о переменах, совершающихся в жизни народов, — все принужден повторять свой зловещий крик: *Европа умирает!*»

Эти вопли отчаянья нередко раздаются теперь от писателей западных, нам современных. Призывая нас к наследию жизни Европейской, они могли бы льстить нашему самолюбию; но конечно неблагоприятно бы было с нашей стороны радоваться таким ужасным крикам. Нет, мы примем их только как урок для будущего, как предостережение в современных сношениях наших с изнемогающим Западом.

Англия и Италия не имели никогда в литературном отношении непосредственного влияния на Россию. [...] ¹⁵ Но где же причина тому, что Англия и Италия в умственно-литературном отношении до сих пор не имела на нас прямого влияния? — они заслонены от России двумя странами, к которым мы теперь переходим.

* * *

Франция и Германия — вот те две стороны, под влиянием которых мы непосредственно находились и теперь находимся. В них, можно сказать, сосредоточивается для нас вся Европа. Здесь нет ни отделяющего моря, ни заслоняющих Альпов. Всякая книга, всякая мысль Франции и Германии скорее откликается у нас, нежели в какой-либо другой стране Запада. Прежде преобладало влияние Французское: в новых поколениях осиливает Германское. Всю образованную Россию можно справедливо разделить на две половины: Французскую и Немецкую, по влиянию того или другого образования.

Вот почему особенно важно вникнуть нам в современное положение этих двух стран и в то отношение, в каком мы к ним находимся. Здесь мы смело и искренно скажем наше мнение, зная заранее, что оно возбудит множество противоречий, оскорбит многие самолюбия, расшевелит предрассудки воспитания и учений, нарушит предания, доселе принятые. Но в вопросе, решаемом нами, первое условие есть искренность убеждения.

Франция и Германия были сценами двух величайших событий, к которым подводится вся история нового Запада, или правильнее: двух переломных болезней, соответствующих друг другу. Эти болезни были — реформация в Германии, революция во Франции: болезнь

одна и та же, только в двух разных видах. Обе явились неизбежным следствием Западного развития, приявшего в себя двойство начал и утвердившего сей раздор нормальным законом жизни. Мы думаем, что эти болезни уже прекратились; что обе страны, испытав перелом недуга, вошли опять в развитие здоровое и органическое. Нет, мы ошибаемся. Болезнями порождены вредные соки, которые теперь продолжают действовать и которые в свою очередь произвели уже повреждение органическое и в той и в другой стране, признак будущего саморазрушения. Да, в наших искренних, дружеских, тесных сношениях с Западом мы не замечаем, что имеем дело как будто с человеком, носящим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферой опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет!

Он увлек нас роскошью своей образованности; он возит нас на своих окрыленных парходах, катает по железным дорогам; угождает без нашего труда всем прихотям нашей чувственности, расточает перед нами остроумие мысли, наслаждения искусства... Мы рады, что попали на пир готовый к такому богатому хозяину... Мы упоены; нам весело даром вкусить то, что так много стоило... Но мы не замечаем, что в этих яствах таится сок, которого не вынесет свежая природа наша... Мы не предвидим, что пресыщенный хозяин, обольстив нас всеми прелестями великолепного пира, развратит ум и сердце наше; что мы выйдем от него опьянелые не по летам, с тяжким впечатлением от оргии, нам непонятной...

Но успокоимся верою в Провидение, которого перст явен на нашей истории. Вникнем лучше в характер обоих недугов и определим для себя урок мудрого предохранения.

Есть страна, в которой оба перелома совершились еще ранее, нежели во всем Западе и упредили тем его развитие. Эта страна — остров для Европы, и в географическом и в историческом отношении. Тайны ее внутренней жизни до сих пор не разгаданы — и никто не решил, почему оба переворота, в ней так рано совершившиеся, не произвели никакого, по крайней мере видимого, органического повреждения.

Во Франции великий недуг породил разврат личной свободы, который всему государству угрожает совершенною дезорганизациею. Франция гордится тем, что стяжала себе политическую свободу; но посмотрим, как применила она ее к разным отраслям своего общественного развития? Что совершила она этим приобретенным орудием в области религии, искусства, науки и литературы? Мы не будем говорить о политике и промышленности. Прибавим только, что раз-

витие ее промышленности стесняется год от году более своеволием низших классов народа, и что монархический и вельможный характер роскоши и блеска ее продуктов нисколько не соответствует направлению ее народного духа.

Каково теперь состояние религии во Франции? — Религия имеет два проявления: личное в отдельных людях, как дело совести каждого, и государственное, как Церковь. Потому и рассматривать развитие религии в каком-либо народе можно только с этих двух точек зрения. Развитие государственное религии очевидно; оно на глазах у всех; но трудно проникнуть в развитие ее личное, семейное, скрытое в тайне жизни народного. Последнее можно видеть или на месте, или в литературе, или в воспитании.

С 1830 года, как известно, Франция утратила единство религии государственной. Страна, искони римско-католическая, допустила свободный протестантизм и в недра своего народа и в недра царствующей фамилии. С 1830 года все религиозные процессии церкви, эти торжественные минуты, в которые является она служительницею Бога перед глазами народа, в жизни народа французского уничтожены. Знаменитейший обряд западной церкви, великолепное шествие: *corpus Domini*¹⁶, совершаемое так блистательно во всех странах римско-католического Запада, уже не совершается никогда на улицах Парижа. Когда умирающий призывает к себе дары Христовы перед кончиною, церковь отправляет их без всякого торжества, священник приносит их тайно, как будто во времена гонений на Христианство. Религия может совершать обряды свои только внутри храмов; она одна как будто лишена прав на общественную публичность, тогда как все во Франции ею безнаказанно пользуются; храмы Франции похожи на катакомбы первоначальных Христиан, которые не смели выносить наружу изъявлений своего Богочитания.

Есть в Париже великолепное здание, имеющее вид храма: оно носит языческое название Пантеона. В нем погребены многие знаменитости Франции; в нем гробницы Вольтера и Руссо; в нем лежат и жертвы междоусобий 1830 года. Была мысль королей французских освятить это здание Христианским значением: был воздвигнут в нем алтарь Богу Христианскому. Но с 1830 года Франция отвергла освящение Креста и посвятила это здание национальной гордости. Оно стоит теперь, мрачно-одинокое, без значения, как памятник суетности и тщеславия народного, как непонятный анахронизм, свидетельствующий переход от Христианства к какому-то новому язычеству.

Есть в Париже другое великолепное здание: с виду оно имеет вид языческого Парфенона. Внутри похоже на картинную галерею, ожидающую произведений кисти. Золотые украшения развлекают в нем внимание ваше. Это церковь Магдалины, храм Христианский в язы-

ческих формах, церковь без исповедниц, без колоколов, символов зодчества Христианского.

Два величайшие произведения религиозной архитектуры в Париже могут дать понятие о том, какое смешение господствует в религиозных понятиях Франции.

Вот явления религии во Франции в государственном ее развитии. Что сказать о частном? Здесь судить трудно по одним внешним впечатлениям жизни. Мы будем искренни: — скажем и печальное и утешительное.

Наружное небрежение Церквей, как на севере, так и на юге Франции, производит какое-то грустное и тягостное ощущение. Я помню, в Лондоне, около одного круглого портала древней готической церкви, изваянный венец Святых и Ангелов; все они были обезглавлены во время ужасных буйств прошлого столетия. В воскресные дни посещал я храмы Франции: на семь женщин можно было счесть одного мужчину. Странное ощущение производит на Русского знаменитое кладбище в Париже: *Pere la Chaise*: вам покажется, что вы прогуливаетесь по улице гробов Помпеи, увеличенной в размере. Одни символы языческие мелькают перед вашими глазами, а вместо утешительных глаголов св. Писания гражданская формула: *concession a perpétuité*¹⁷, всего чаще поразит ваши взоры. Среди кладбища, где почит все отжившее величие Франции, где богатство расточило мрамор, металл и вкус на великолепие памятников, скудная, чуждая всяких украшений, обнаженная Церковь скажет вам только, что вы находитесь на Христианском кладбище. — Помню происшествие в одной Парижской церкви: во время проповеди буйная чернь вздумала требовать, чтобы в три часа отслужили обедню вместо 12-ти, основывая права свои на том, что граждане платят на содержание церквей и потому могут требовать служения, когда им угодно. — Время великого поста, уважаемое во всех странах Римского исповедания, — в Париже есть время самых веселых оргий шумного карнавала в народе. Вся Европа, даже Протестантская, не позволяет народных веселий в те дни, когда совершается память страданий Божественного Икупителя: в это святое для Христиан время Париж продолжает все свои спектакли. В тот великий день, в который благочестивые Христиане Русские не принимают даже пищи, Париж празднует весну самым блистательным, самым пышным гуляньем, где расточает всю роскошь, весь блеск экипажей и туалетов.

Все эти явления нынешней жизни народа Французского не показывают в нем религиозного развития. Но как решить тот же вопрос относительно внутренней жизни семейств во Франции? Литература доносит нам о том самые печальные известия, раскрывая картины этой жизни в своих неутомимых рассказах. Памятно мне при этом

слово, слышанное из уст одного публичного наставника, который уверял меня, что всю религиозную нравственность можно заключить в правилах Арифметики. Такая основа воспитания должна конечно отозваться и в жизни воспитанников, вверенных такому педагогу, и через нее в литературе, отражающей нравы общества.

[...]¹⁸

Состояние Религии во Франции, имеющей до сих пор свою образованностью, литературой, театром, такое обширное влияние на всю Европу, есть вопрос не исключительно Французский: это вопрос — всечеловеческий, всемирный, и кто же в этом случае, любя благо ближних, не разделит сих искренних желаний?

Около Религии развивается всегда и искусство, и приемлет от нее лучшие внушения. В 1839 году три тысячи картин блистало на выставке Лувра свежестью своих красок. Были между ними и картины религиозного содержания; но замечательно, что не было ни одной из них, которая отзывалась бы религиозным одушевлением [...]¹⁹

Главная причина бездушию искусства есть отсутствие чувства религиозного в художниках и, следовательно, в народе Франции. Без него могут быть грациозные ландшафты, схожие портреты, жаркие баталии на море и на суше; но не будет тех великих созданий, в которых является самое высшее, самое чистое вдохновение художника.

В каком состоянии находится общественное воспитание во Франции? — должно было в этом отношении ожидать больших улучшений, особенно с 1830 года, когда многие из Профессоров Сорбонны, сами занимавшиеся всенародным учением, перешли в число мужей государственных. Педагогические странствия по Германии и Голландии, совершенные Кузенем²⁰, которого друзья были Министрами просвещения и который сам несколько времени, хотя и мало, правил этим Министерством, должны же были принести какой-нибудь плод. Но, к сожалению, ничего утешительного мы не находим.

В первоначальных школах для народа все те же три главные недостатка, которые и прежде были. Первый состоит в том, что родители не обязаны никакою денежною пенею, как в Германии и Голландии, если не посылают детей своих в публичные школы. Второй недостаток — господство повсюдное машинальной Ланкастерской методы²¹, которая не развивает нисколько в ученике разума, столь необходимого при неумеренной гражданской свободе. Третий недостаток — отсутствие окончательных школ, которыми в прочих странах довершается образование взрослых, — и полная свобода родителей брать детей своих из школы, когда они еще не кончили учения и даже по возрасту не могли получить никаких положительных правил Религии и нравственности. Причина первого и третьего недостатков заключается в том, что Правительство не может осилить злоупотребления

власти родительской и тщетно с нею борется. Причина второго недостатка одна только: содержание Ланкастерской методы дешевле обходится Правительству, нежели содержание рациональной. Сильное препятствие для усовершенствования первоначального народного обучения заключается в предрассудках народа, стоящего за свободу и полагающего ее даже в праве своем на невежество. А предрассудки общежития до того еще сильны в этой либеральной Франции, что богатый откупщик не хочет пускать своего сына в ту же самую школу, в которую ходит сын бедного земледельца.

Во Франции только первоначальное обучение предлагается народу от Правительства даром. Прочее же образование, среднее и высшее, сопряжено с издержками, которые не по средствам людей недостаточных. В среднем образовании, приготовляющем к Университетскому, существуют во Франции, как и всюду, два направления: классическое и реальное. Первое поддерживается правительством, второе народом; первое господствует во всех школах, содержимых от правительства; второе во всех частных заведениях без исключения. Здесь также видим, что правительство находится в неприятной борьбе с волею подданных. Кроме того, все низшие заведения, зависящие от Университета, стремятся к тому, чтобы освободить себя от университетской зависимости тем более, что она, кроме отчетности по учению, заключается и в денежной подати. Такая борьба между низшими заведениями и высшим центральным нарушает всякое единство и порядок, составляющие душу учения.

Наконец, если взглянем на Университет Парижский, где окончательно образуются мужи, которые со временем будут управлять Францией, то и здесь мы не найдем ничего утешительного для ее будущего. Профессоры во зло употребляют свободу свою тем, что читают лекции обо всем, что им вздумается, и не подлежат никакой высшей ответственности, никакому отчету перед своим начальством. Отсюда проистекает то, что ни факультеты в своей совокупности, ни науки порознь не представляют никакой целостности. Профессоры Франции — рапсоды, искусно говорящие о каких-нибудь отдельных предметах, без всякой мысли о науке, о ее целостности, о взаимной связи между всеми науками. Университет Парижский находится в состоянии Германского феодализма, самого дикого. Студенты, подражают Профессорам в злоупотреблении личной свободы. Кому неизвестны из Французских газет те позорные сцены студенческого своеволия, которых жертвою был Профессор Лерминье?²² Таких сцен, конечно, никогда не представляла благоразумная Германия. Это своеволие видно и во всех внешних обрядах жизни университетской. Ни одна лекция почти не бывает докончена спокойно без того, чтобы тишина не нарушалась шумом входящих и уходящих. Станный обычай ру-

коплексканий показывает также, что студент Французский не знает отношений своих к Профессору.

Не могу судить о преподавании тех наук, которые относятся к сфере практической жизни. Предполагаю, что Медицина, науки естественные, Права, и вообще все знания, необходимые для общества и применяемые к пользе внешней, должны процветать во Франции. Но что касается до тех гуманических, бескорыстных наук, которые кладут основу человеческому воспитанию в народе, что касается до Философии, Филологии древней, Словесности новой, Истории всеобщей и даже Истории Франции, то преподавание их находится в совершенном упадке и в самом жалком состоянии. Причина этому очевидна. Те, которые призваны были поддерживать достоинство центрального Университета Франции и упрочивать ее будущность образованием юных поколений, те, увлеченные славою трибуны и прельщениями жизни политической, уклонились от своего высокого и священного призвания, сохранив, однако, выгоды, которые сопряжены были с их профессорскими местами*. И здесь опять злоупотребление личной свободы, которая развращена политической жизнью!

Литература в народе бывает всегда результатом совокупного его развития по всем отраслям человеческой его образованности. Из предыдущего теперь могут быть ясны причины упадка современной литературы во Франции, произведения которой, к сожалению, слишком известны в нашем Отечестве. Народ, который злоупотреблением личной свободы уничтожил в себе чувство Религии, обездушил искусство и обесмыслил науку, должен был, разумеется, злоупотребление свободы своей довести до высшей степени крайности в литературе, не обузданной ни законами государства, ни мнением общества. Весьма замечательно, как с некоторых пор стали редки во Франции сочинения ученые, плоды кабинетной деятельности многих лет. Исторические труды обоих Тиерри, Августина и Амедея²³, принадлежат к числу редких явлений во Франции. Три тома Истории древней Французской Словесности, изданные Ампером²⁴, кажутся для современных критиков трудом Бенедиктинца. Когда прохаживаешься по залам Королевской Библиотеки и рассматриваешь в ее шкафах бесчисленные фолианты неизданных манускриптов, труды прежних ученых Франции, совершенные даже без надежды показать их свету, — с благоговением смотришь на них и с состраданием вспоминаешь о том, как изменилось теперь ученое ее поколение!

За то в так называемой изящной литературе какая деятельность! Сколько писателей! Сколько эфемерных явлений! сколько недоносков или исчадий фантазии! Сколько разскащиков! Все, что развращает

* Мы надеемся когда-нибудь представить более подробную картину народного учения во Франции. (Примеч. С. П. Шевырева.)

ценное воображение какого-нибудь писателя выдумает в тишине кабинета, все это становится немедленно собственностью народа, переливается из мира фантазии в соки его жизни! Не знаешь, право, кто кого развращает более: словесность ли общество, общество ли словесность?

[...] ²⁵

Находясь в таком неприятном унижении перед миром политическим, чувствуя на себе всю его тяжесть, гнетущую их в положение самое незавидное, литераторы Франции, по сродному чувству мщения, все по большей части принадлежат к партии не довольных, и образуют, если не совсем политическую, то по крайней мере печатную оппозицию, много вредную благоденствию и спокойствию Франции. Отсюда, из этого литературного скопища, все неистовства неугомонных журналов оппозиции; отсюда все продажные ядовитые перья, нанимаемые отставными министрами для скрытых замыслов их обиженного честолюбия. Здесь литература превращена в одно ремесло, продажное, как и всякое другое, с тою только разницею, что здесь продается священный дар Божий, слово, данное человеку для высших целей, и употребляется для удовлетворения мелких страстей и для свращения народа с пути истинного. Таковы отношения литературы к политической жизни во Франции. Она вымещает ей свое унижение, сея мятежный дух в народе и развращая его нравы.

Все литераторы с даром слога приписаны к журналам политическим и действуют с ними за одно. Журнализм, поддерживаемый этим скопищем литературным, этою вечно-пишущей коалициею, непрерывно движущей все типографские станки Парижа, образовал такую силу во Франции, против которой уже не раз восставали голоса лучших ораторов, пекущихся о благе своего отечества.

Читая вне Франции произведения ее романистов, думаешь, что воображение их гораздо развращеннее, нежели самая жизнь, что лица и нравы их романического мира — наглые клеветы на их же отечество. Но, смотря вблизи на Францию, к сожалению убеждаешься в противном. Да, эта неистовая, эта безобразная своим содержанием литература Франции есть ужасное зеркало ее жизни. [...] ²⁶

Этому испорченному воображению и вкусу народа, привыкшему искать какой-то едкой новизны, чего-то ужасного, необыкновенного, стараются угождать из торговых видов болтливые журналы, наперерыв рассказывая о всяком изысканном преступлении, о всяком процессе, безобразящем историю нравственности человеческой, о всякой казни, которая расцвеченным рассказом может только породить в читателе новую для нее жертву. Все пятна, темнеющие на человечестве, тут перед очами народа; весь мир предстает ему в одной черноте своей; но кто же когда говорит ему о добродетелях? кто рас-

сказывает о подвигах души и сердца? Убийства, пороки и казни — публичны; об них гремит стоустая молва журнальная в уши тридцати миллионам народа Франции: одна добродетель, как Религия, не имеет публичности. Лишь изредка, раз в год, Академия Французская объявит Монтионовские премии²⁷ за подвиги добра, ею где-то отысканные; но над ними смеются романисты Франции и не торопятся разглашать их журналы, падкие к одним только низостям человечества.

Как ужасно, должно быть, будущее того народа, где литература мира действительного и литература мира фантазии наперерыв ведут перед очами его торопливую летопись всего, что только может безобразить человечество!

Недостаток умственного и нравственного единства в художественной Литературе Французской, увлекаемой одними корыстными видами, отражается и в общественных сношениях писателей между собою. Не имея мысли, которая бы их соединяла, не чувствуя высоты своего призвания, все они делятся на мелкие партии, из которых каждая имеет своего корифея. Это не школы, разделенные мнениями вкуса; это не партии, спорящие за мнения политические; это не борьба правды и любви к прекрасному и истинному с шарлатанством и невежеством. Нет, основа распри — личное самолюбие, жаждущее первенства. Потому литераторы Франции не образуют никакого особенного сословия, связанного единством мысли и призвания: это явление кажется непонятным среди народа, создавшего общежительность, а между тем за верность его мы можем поручиться. Академия Французская, которая одна по давним своим преданиям могла бы поддержать общественное достоинство литературы и служить некоторым центром соединяя писателей, находится в отношениях враждебных к новому поколению и потому чужда всякого влияния.

Упадок Словесности и нравов еще ярче виден на сцене Франции. Драма есть одна из необходимых потребностей ее народа: пятнадцать театров в Париже ежедневно открыты настезь и наполняются публикою, алчною к зрелищам всякого рода. Вот новое сильное средство к образованию или развращению! Эта литература подвержена самой строгой цензуре, которая запрещала решительно все политическое, весьма благосклонно позволяет все то, что может испортить нравы и угодить низким страстям пресыщенной публики.

[...] ²⁸

Грустно видеть рушение всего прекрасного человеческого в каком бы то ни было народе; тяжело смотреть, как целая нация сокрушает сама себя во всех основах внутреннего бытия своего; но еще тяжелее при этом заметить, как самое, коренное, природное в ней чувство веселья, сохранявшееся неизменным через многие века, отзывавшееся эхом у всех других народов мира, вдруг отравлено перед вами какою-то

задушевною тайною грустно, заедено злым червем, растущим из болезненного гниения жизни.

Мы заключим прискорбную картину Франции указанием на одну общую черту, которая ярко заметна почти во всех современных ее писателях. Все они сами чувствуют болезненное состояние своего отечества во всех отраслях его развития; все они единодушно указывают на упадок его Религии, политики, воспитания, наук, и самой Словесности, которая их же собственное дело. Во всяком сочинении, касающемся современной жизни, вы верно найдете несколько страниц, несколько строк, посвященных порицанию настоящего. Их общий голос может достаточно покрыть и подкрепить в этом случае наш собственный. Но вот что странно! То чувство апатии, каким сопровождаются всегда такие порицания, которые вошли у литераторов Франции в какую-то привычку, сделались модою, превратились в общее место. Ужасен всякий недуг в народе, но еще ужаснее при том холодная безнадежность, с какою о нем говорят те, которые, первые, должны бы были помышлять о средствах к его излечению.

* * *

Перейдем же за Рейн, в страну соседнюю нам, и постараемся вникнуть в тайну ее неосозанного развития. Во-первых, нас поражает, как яркая противоположность с землею, откуда мы лишь только вышли, это внешнее благоустройство Германии во всем, что касается до ее государственного, гражданского и общественного развития. Какой порядок! какая стройность! Удивляешься благоразумию Немцам, которое умело от себя удалить все возможные соблазны своих мятежных за-рейнских соседей и строго заключиться в сфере собственной своей жизни. Немцы питают даже какую-то открытую ненависть или высокое презрение к злоупотреблению личной свободы, коим заражены все части общества Франции. Сочувствие некоторых Немецких писателей Французскому своеволию не нашло почти никакого отголоска в благоразумной Германии и не оставило никакого вредного следа во всем нынешнем быту ее! Эта страна в разных частях своих может представить превосходные образцы развития по всем ветвям сложной человеческой образованности. Ее государственное устройство зиждется на любви ее Государей ко благу подданных и на покорности и преданности сих последних своим властителям. Ее гражданское устройство почивает на законах самой чистой и откровенной справедливости, начертанной в сердцах ее правителей и в умах подданных, призванных к исполнению гражданского дела. Ее университеты цветут и разливают сокровища учения по всем низшим заведениям, коим поручено воспитание народное. Искусство развивается в Германии так, что ставит ее теперь в достойные соперницы

с наставницей ее, Италией. Промышленность и внутренняя торговля делают успехи быстрые. Все, что служит к облегчению сношений между различными ее владениями, все, чем только может гордиться современная цивилизация в отношении к удобствам жизни, как-то: почты, таможни, дороги и проч., все это превосходно в Германии и возвышает ее на степень страны, первенствующей своим внешним благоустройством на твердой земле Европы. Чего же кажется недостает ей к ее непоколебимому вечному благоденствию?

Но над этою прочною, счастливою, благоустроенною внешностью Германии носится другой неосязаемый, невидимый мир мысли, совершенно отдельный от мира ее внешнего. Главный недуг ее — там, в этом отвлеченном мире, не имеющем никакого соприкосновения с ее политическим и гражданским устройством. В Германцах, чудным образом, умственная жизнь отделяется от жизни внешней, общественной. Потому в одном и том же Германце вы можете весьма часто встретить двух человек: внешнего и внутреннего. Первый будет самый верный, самый покорный подданный своего Государя, правдолюбивый и усердный гражданин своего отечества, отличный семьянин и неизменный друг, словом, ревностный исполнитель всех своих внешних обязанностей; но возьмите того же самого человека внутри, проникните в его умственный мир: вы можете найти в нем самое полное развращение мысли, — и в этом недоступном для глаза мире, в этой неосязаемой умственной сфере, тот же самый Германец, смиренный, покорный, верный в государстве, обществе и семье, — является буйным, неистовым, насилующим все, непризнающим над мыслью своею никакой иной власти... Это тот же древний необузданный его предок, которого видел еще Тацит во всей его самородной дикости выходящим из заветных лесов своих, с тою только разницею, что новый, образованный перенес свободу свою из мира внешнего в мир умственный. Да, разврат мысли — вот невидимый недуг Германии, порожденный в ней Реформацией и глубоко таящийся в ее внутреннем развитии.

Германию, как страну Философии, можно разделить философски по трем составным стихиям человека: телу, душе и духу. Пруссия будет, конечно, страню духа: она средоточие протестантизма; она колыбель и рассадник Немецкой Философии. Берлинский университет умел притянуть к себе все первенствующие умы Германии, по всем частям наук — и должно думать, что он окончательно утвердит за собою державу и скипетр Германской учености. Нельзя не заметить, что Россия находится в самых счастливых отношениях к сему университету, и черпает науку там, где источник ее глубже и обильнее. — Если Пруссия олицетворяет дух Германии, то Австрия, конечно, есть представительница ее тела. Это самый просвещенный, самый утонченный

материализм в блистательном применении к жизни государства и народа. Все, чем только может питаться, облекаться, усладить свои чувства тело человеческое, все то превосходно в Австрии, и даже первоначальные школы, в той степени, как они нужны для удобства жизни, и даже Медицинский факультет, поглощающий все другие отрасли Университетского образования. Средину между Пруссией и Австрией занимает Бавария с соседними южными и Рейнскими странами: она несколько старается примирить отвлеченно-духовное направление Пруссии с материализмом Австрийским. Она вместе с соседственной ей страной, Швабией, раскрыла в себе это особенное душевное начало, слияние ума и чувства, которое по Немецки выражается верно словом Gemüth²⁹ и которому нет выражения в других языках. В отношении к Религии Бавария представляет также счастливую середину, и в ней только возможно бы было примирение сухого, отвлеченного протестантизма Пруссии с материальным католицизмом Австрии, если бы не препятствовали этому некоторые ученые мужи, находящиеся под сильным влиянием Иезуитов.

Это душевное и религиозное начало, развиваемое в Баварии и на берегах Рейна, много благоприятствует в этих странах процветанию искусства. Мюнхен и Дюссельдорф — вот две его столицы в современной Германии. Протестантское направление Пруссии, преобладание Гегелевой Философии, в которой отсутствует живое чувство природы — вот причины, почему искусство не нашло приюта в Берлине, не смотря на то, что науки находятся здесь на высшей степени своего развития. В Австрии искусство не цветет по другим причинам: хотя оно и нисходит до чувств человеческих, облагораживая и возвышая их наслаждения; но не может цвести там, где человек погружен в один грубый материализм чувственности и где устранено всякое умственное развитие.

[...] ³⁰

Блистательному развитию искусства Германского ни сколько не соответствует развитие художественной словесности. Печален этот упадок поэзии Немецкой, это беспомощное ее состояние по смерти Гете. Если где может быть оправдано местными явлениями мнение Гегелистов, которые полагают, что Поэзия есть одна из ступеней человека в его стремлении к Философии всепоглощающей, то это конечно в Германии. Это мнение не может быть применено ко всеобщему развитию человечества, но здесь оно имеет значение местной истины; оно извлечено глубоко из народного сознания. Немецкая поэзия была точно ступенью к развитию Философии; она носила ее в себе, как чадо. Шиллер³¹ и Гете своими произведениями предсказывали Гегеля³². Вот почему сам Философ и его ученики любят теперь ссылаться на стихи Шиллера и Гете как на поэтические предчувствия

тех мыслей, до которых потом достиг Гегель посредством логических выводов. Немецкая поэзия, выражая жизнь своего народа, необходимо должна была заключать в себе элемент философский, который потом, осилив другие, сгубил ее. Последние символические произведения Гете обнаруживают слишком сильное преобладание этого элемента: такова вторая часть его Фауста. Здесь я вижу, как поэзия Немецкая истлевет и готова превратиться в скелет философский. Вот почему гегелисты объявляют особенное сочувствие ко второй половине Гетева Фауста: в этом гниении поэзии зародыш их собственного бытия! Говоря сравнением Гете: Фауст и Елена в Германии произвели своего Эвфориона³³; но это был не живой, игривый, летучий, неутомимый Байрон, как в драме Гете, а сухой абстракт философский: Эвфорион поэзии Немецкой была Гегелева Логика.

Весьма замечательное явление представляет поэзия Германии в отношении к местному ее развитию. Северозападная часть, колыбель ее Философии, была совершенно бесплодна в отношении к сему искусству. Южная содержала в себе поэтическое вещество, этот бесконечный лиризм, стихию всегда обильную в Германской поэзии. Блистательнейшее развитие всех родов сего искусства последовало в Германии средней, где могли совмещаться и мириться обе ее стихии. Но видимо, что философский элемент был преобладающим. Южная Германия и теперь богата лирическим эфиром; даже Австрия производит поэтов, замечательных на этом поприще. Однако с тех пор как Философия на севере достигла полного своего развития, сказала решительное и последнее слово, с тех пор Поэзия не произвела ничего замечательного и до сих пор ограничивается на юге одною Лирикой.

Странно видеть на современной Немецкой сцене смешение великих созданий Гете и Шиллера, прекрасных переводов Шекспира с переводами новых Французских пьес, которые со всех театров Парижа разносятся по всем театрам Европы. Странно, что великие гении Германии не могли однако установить драматических преданий в своем отечестве, не могли даже на время утвердить изящное направление вкуса, не противное эстетическим понятиям, созданным Германией. [...] ³⁴

Журнальное и торговое направление, которого не избегла и благо разумная Германия в своей литературе, принесло и в ней много вреда, как повсюду. Все ученые, радеющие о пользе наук отечественных, все, с которыми случалось мне говорить о состоянии Немецкой Словесности, глубоко о том соболезнают и признают несчастные следы этого влияния на юном поколении, которое устраняется от важных и дельных занятий наукою и отечественным словом для какой-то пустой болтливой беллетристики, занесенной из чужих и неприличной важному Германскому духу.

Прежде, во дни цветущие, Немецкая Литература мало заботилась о красоте форм своего прозаического слога и еще менее о роскоши изданий: внешность во всех отношениях уступала решительное первенство богатству внутреннего содержания, дельному миру мысли. Тяжелый и длинный Латинский период, серая бумага и дурная, только что разборчивая печать: вот были, во время оно, внешние признаки Словесности Немецкой. Нынешние литераторы Германии пустились в красоты стили, и хотят, во что бы то ни стало, преобразовать свою тяжеловидную прозу: стилизм убивает все. Обеднев мыслью, Германия принялась за красоту форм языка. Издатели с своей стороны стыдятся серой бумаги и дурного шрифта: они пустились в типографскую роскошь, и издания Немецкой беллетристики хотят перешеголять Французские изяществом внешним. И Германская литература объявляет права свои на то, чтобы блистать в будуарах дамских! Что бы сказали Клопштоки, Лессинги, Виланды, Гердеры³⁵, и даже Шиллер и Гете, видя такое жеманное щегольство литературы, ими созданной и приученной к умеренности во всем, что касается до ее внешнего быта?

Прежний важный характер словесности Немецкой теряется также от множества популярных сочинений и изданий, в которых учат народ всему, дешево и как попало. Копеечная литература для всех сословий завелась и в Германии. Здесь дешевизна составляет яркую противоположность с дороговизною щегольской беллетристики.

Любопытно видеть, как в этом случае страна, давшая всем другим образец основательного и глубокомысленного воспитания и учения, отказывается от своей методы в пользу поверхностной методы тех народов, которые, конечно, в этом деле не могут служить для нее примером.

Замечают также сильное развитие критики в Германии: да, критики много, но критиков мало! Я не говорю уже о таких, которые могли бы в силе анализа сравняться с Лессингом, или в силе чувства с Гердером: нет ничего близкого даже к братьям Шлегелям³⁶ [...] ³⁷

В большую моду вошло теперь издавать обозрения современной литературы: это служит обыкновенно дебютом для юных атлетов, вступающих на поприще. Как прежде всякий талантливый студент, окончив курс университетский и чувствуя в себе призвание писателя, начинал сочинением какой-нибудь Эстетики, изобретенной на досуге в тиши его кабинета: так теперь всякий пишет для литературного дебюта обозрение. Эта мода так усилилась в Германии, что грозит со временем превратить всю ее словесность в обозрения одних обозрений.

Но, конечно, не пустая беллетристика Германии сосредоточивает в себе важнейшие вопросы ее современной жизни. Не в этой сфере является то, что есть теперь замечательнейшего в ее литературе. Глав-

ный вопрос жизненный, ныне ее занимающий, есть вопрос религиозно-философский, истекший из величайшего события ее Истории — из Реформации. После своего художественного эпизода, который заключился блистательным явлением Гете, Германия возвращается опять к своему старому, коренному вопросу, решением которого занималась всю жизнь свою. Да, Реформация в ней еще не кончена: борьба католицизма с протестантизмом возобновляется жарко и готовится к чему-то заключительному. Разница между настоящими и древними прениями та, что сии последние совершались в жизни деятельной, и даже переносимы были на поле битвы, тогда как нынешние мирно совершаются в области умственной, но имеют может быть гораздо высшее значение по неминуемым своим последствиям, нежели те, которые шумно и кроваво совершались.

Мы наметнули выше, что Германия в отношении к вопросу религиозному разделяется на две резкие половины: на северовосточную и югозападную, из которых первая есть представительница протестантизма, вторая — католицизма. В каком же состоянии находятся теперь обе партии? Подались ли они, хотя сколько-нибудь друг ко другу? Совершили ли взаимные уступки в пользу истины и в благоденствие отечества? — Нисколько. Обе партии впадают в совершенные крайности: их ярость внутренняя, прежде выходявшая наружу в битвах материальных, теперь сосредоточилась в мире умственном и отвердела. Протестантизм с одной стороны рушит все предания и водворяет совершенную, полную свободу, нарушающую всякое единство, всякую возможность целостности: это самый дикий феодализм в Религии, совершенная разрозненность. С другой стороны католицизм коснеет в закоренелых предрассудках папизма; нисколько не подается вперед, нисколько не отвечает на требования века; держится строго своих заветных преданий, своих материальных выгод, основанных на суеверном невежестве народа, и снова дает волю, открывает полное поприще для действий тому ордену, которого имя заклеяла ужасом История Европы. Средине между этими двумя крайностями невозможно; соединение — возникнуть решительно не может; Германии в религиозно-нравственном мире угрожает распадение совершенное, которое может быть гибельно по своим последствиям.

Какую же роль играет Философия в этой великой, стародавней распре? Царство ее, как известно, на севере; средоточие — Берлин. Будучи сама порождением протестантизма, она, разумеется, должна быть верна тем началам, которые от него получила. Увлеченная гордостью разума, она объявила решительно свое освобождение, и, подобно Григорию VII, свою непогрешительность.

Гегель, как известно, сказал последнее слово Философии Немецкой — и по смерти своей не завещал никому своего господства и пер-

венства. Теперь учение его стало добычею многих и породило разные толкования. Известно, что оно до сих пор ограничивается почти одною Пруссией: Берлин, Кенигсберг и Галле объемлют главных его представителей. Но в самом Берлине это учение имеет сильных противников в религиозной школе, которой глава Неандер³⁸, и в исторической, которой глава Савиньи³⁹. Гегелева философия не проникла до сих пор в Геттинген, ни на берега Рейна, ни в Мюнхен. В Геттингене не было Гегелева учения даже и в то время, когда процветал его Университет и когда отличался особенно Германским национальным направлением.

Причина тому, что учение Гегеля не находит такого всеобщего отголоска во всех университетах Германии, двоякая: во-первых, совершенная невозможность подчинить эту Философию Христианской Религии и тем удовлетворить потребности которую ощущает особенно юго-западная католическая Германия; во-вторых, частная, Прусская сторона этой Философии, имеющей кроме общего и местное значение в той стране, где она образовалась, и входящей в систему управления. Этот частно-национальный характер Философии как будто оскорбителен для всеобщей национальности Германской. Почти все низшие государства Германии уже приняли таможенную систему Пруссии; но Философии Прусской не принимают потому, что в деле ума обидна национальная исключительность: на товаре клеймо не так тяжело, как на мысли.

Известно, что учение Гегеля излагается теперь его учениками: мало осталось сочинений, писанных пером самого учителя. Но не все ученики верны мыслям своего наставника: в каждом из них эти мысли принимают уже особенный оттенок; — нередко последователи одного и того же философа противоречат друг другу; нередко противоречат и сами себе так, что трудно из всех этих разбросанных членов составить единого, полного, самому себе во всем верного, и настоящего, неподдельного, неподмешанного Гегеля. Невольно вспомнишь Горациевы *dissecta membra*⁴⁰, только не *Poetae*, а *philosophi*. [...] ⁴¹

Но из всех последователей великого и последнего философа Пруссии, из всех ветвей, на которые разделилось теперь его учение, самую лучшую и полезнейшую сторону представляют те, которые заключают область Философии в одной чистой области мышления, в одной Логике, как Гегель заключал ее прежде, и не применяют своих начал ни к какой науке, ни к какому другому развитию человеческому. Такого рода философские упражнения могут быть полезны отдельно, для изошрения человеческой мысли, и чужды вреда, который они наносят, будучи к чему-нибудь применяемы. Великий мастер неосязаемых и неуловимых умозрений сам не любил, чтобы отвлеченное мыслительное начало его Логики применяли к чему-нибудь действи-

тельному: ибо оно сокрушалось при первом прикосновении к какой-нибудь сущности. [...] ⁴²

Такое обособление Философии от прочих отраслей развития человеческого и ограничение владений ее одним только чистым эфиром мысли, весьма благоразумно придумано теми, которые заранее предвидят вред, могущий истекать от ее применений. Но не менее того, вопрос об том отношении, в каком должны находиться Религия и Философия между собою, существует и раздается громко, особенно в южной Германии, которая не может принять решения северного, противного Христианскому чувству.

Этот вопрос, величайший из вопросов современного человечества, гремит не только там, но и повсюду, где человек мыслит. Он отдается и у нас, даже быть может сильнее, нежели где-нибудь. Во всех странах есть ученые, по силам своим трудящиеся над его разрешением. Но взоры всех обращены на ту страну, которая в наше время была родиной Европейской Философии. Все ждут от нее: что скажет она?

Там, в полуденной Германии, есть человек, на которого устремлены взоры всех, занимающихся решением этого вопроса. Ему по праву подобает оно: ибо он сам занимает место в ряду философов Германии, он сам содействовал к развитию науки — и вдруг исполин мысли остановился и преклонил смиренное чело перед Религией. Все знают, что это явление совершилось в нем по чистому убеждению, без всяких внешних влияний, без всяких уступок: это высший психологический факт нашего века, и тем он замечательнее, что совершившись начально в душе главы мыслителя, он повторился и во всех учениках его, которые вместе со своим наставником, не зная о внутренней его перемене, ту же потребность в себе ощутили; на том же вопросе, поникнув главами, остановились. Все нетерпеливо ждут: что скажет учитель? Когда же откроет безмолвные уста? Когда совершит великую исповедь перед лицом мира и повергнет знание к подножию Веры?

Все ждут подвига Шеллингова; но *Шеллинг* ⁴³ молчит и коснеет в своем молчании. Между тем силы старца слабеют — и время, может быть отнимет у него возможность совершить великое дело.

Но что же значит молчание Шеллинга? — из недостатка убеждения оно проистекать не может: благородный характер мыслителя ручается в том, что убеждение было чисто и полно. Из чувства своего бессилия? — этого предположить нельзя в такой голове, как Шеллингова. К тому же внутренне сознание истины должно бы придать ему еще большую силу. Не из чувства ли самолюбия, как многие объясняют? Неприятно же отречься заживо от всего своего минувшего, уничтожить всю прежнюю жизнь добровольным сознанием своих заблуждений перед лицом всего мира! — Нет, мы так не думаем. Отречение совершенно, все это знают. Остается подвигом новым

в летописях мысли Христианского человечества увенчать жизнь свою и увековечить память во благо истины! Нет, здесь не может быть оскорблено самолюбие: здесь ему пища высокая, если бы оно ее и требовало.

Нет, мы думаем, что причина молчанию Шеллинга глубже: она не в нем самом, не в его личности, не в его отношениях. Нет, причина эта вне его, она в самой Германии. Если бы Философ был уверен в том, что его новая религиозная Философия, ясно им самим сознанная, произведет полное убеждение в большей части Германии, — он конечно не замедлил бы совершить свой подвиг. Но он предчувствует верно противное, и потому не решается. Если обращение Шеллинга к Христианской Религии и мысль его подчинить ей Германскую Философию назвали мы высшим психологическим событием нашего века, — то с другой стороны упорное молчание его есть факт, не менее замечательный, свидетельствующий нам глубоко, что духовное распадение в Германии совершилось, и что примирение Философии с Религией, при условии подчинения со стороны первой из них, невозможно. Безмолвие Шеллинга есть самое очевидное и лучшее тому доказательство.

[...] ⁴⁴

Да, раздор Философского начала с Религиозным есть событие, отовсюду очевидное в жизни Германии: это ее слабая сторона, ее пята Ахиллова. Прочно ее внешнее государственное и гражданское устройство; но испорчен органическим повреждением ее внутренний мир. Причина всему великий, неизбежный недуг ее — Реформация. Но первоначальный корень зла таится еще глубже; он в самом главном начале западного развития. Тот человек, который первый, дерзнул наименовать себя живым Наместником Христа и видимою главою Церкви, тот породил и Лютера, отрицавшего Папу и крайность его Антихриста, который уже зародился в современной Германии и как червь точит ее нравственное и духовное бытие.

* * *

Направление, какое принимают теперь те обе страны, которые производили и производят на нас сильнейшее влияние, так противоречит жизненному началу нашему, так несогласно со всем нашим протекшим, что мы внутренне все более или менее признаем необходимость разорвать дальнейшие связи наши с Западом в литературном отношении. Я, разумеется, не говорю здесь о тех славных образцах его великого прошедшего, которые должны мы всегда изучать: они как собственность всего человечества принадлежат и нам, нам же по праву самых близких и прямых наследников в очереди народов, входящих на сцену живущего и действующего мира. Я не говорю и

о тех современных писателях, которые на Западе, видя сами направление человечества, их окружающего, вооружаются против него и ему противодействуют: такие писатели много сочувствуют нам и даже нетерпеливо ожидают нашей деятельности. Они, впрочем, составляют малое исключение. Я не разумею, конечно, и тех ученых, которые трудятся по известным отдельным частям наук и славно возделывают их поле. Нет, я говорю вообще о духе образования западного, о его главных мыслях и движении новой его литературы. Здесь встречаем мы такие явления, которые для нас кажутся непонятными, которые по-нашему ни из чего не вытекают, которых мы боимся, а иногда проходим мимо их равнодушно, бессмысленно или с чувством какого-то детского любопытства, раздражающего наши взоры.

Россия, к счастью, не испытала тех двух великих недугов, которых вредные крайности начинают сильно там действовать: отсюда и причина, почему непонятны для нее тамошние явления и почему их ни с чем своим она связать не может. Мирно и благоразумно созерцала она развитие Запада: принимая его как предохранительный урок для своей жизни, счастливо избежала раздора или двойства начал, которому Запад подвергся в своем внутреннем развитии, и сохранила свое заветное и вседержащее единство; усвоивала себе только то, что могло быть ей прилично в смысле общечеловеческом, и отвергала постороннее... И теперь, когда Запад, как Мефистофель в заключении Гетева Фауста, готовясь открыть ту огненную бездну, куда он стремится, является к нам и гремит своим ужасным: Komm! Komm! — не пойдет за ним Россия: никакого обета она не дала ему, никаким договором не связала бытия своего с его бытием: она не делила с ним его недугов; она сохранила свое великое единство, и в роковую минуту, может быть, она же назначена от Провидения быть великим Его орудием к спасению человечества.

Не скроем, что Литература наша в сношениях своих с Западом развила в себе некоторые недостатки. Мы подводим их к трем. Первый из них — характеристическая черта нашей минуты есть нерешительность. Она понятна из всего того, что сказано выше. Продолжать литературное развитие вместе с Западом мы не можем, ибо нет сочувствия в нас к его современным произведениям: в самих же себе мы еще не совсем открыли источник своенародного развития, хотя и были некоторые удачные в том попытки. Магическое обаяние Запада все еще сильно действует на нас, и мы не можем вдруг от него отказаться. В этой нерешимости я полагаю одну из главных причин того застоя, который продолжается в течении нескольких лет в литературе нашей. Мы напрасно ждем современных вдохновений оттуда, откуда их прежде почерпали; Запад посылает нам то, что отвергается нашим умом и сердцем. Мы предоставлены теперь собственным своим си-

лам; мы должны по неволе ограничиться богатым протекшим Западом и искать своего в нашей древней Истории.

Деятельность поколений новых, выступающих у нас на поприще под привычным влиянием последних мыслей и явлений современного запада, парализуется невольно невозможностью применить тамошнее к нашему, и всякой кипящий силами юноша, если заглянет в глубь души своей, то увидит, что весь пылкий восторг и все внутренние силы его скованы чувством тяжелой и праздно нерешимости. Да, вся литературная Россия разгрызает теперь Геркулеса, стоящего на распутии: Запад коварно манит ее за собою, но конечно суждена ей Провидением иная дорога.

Второй недостаток в литературе нашей, тесно сопряженный с предыдущим, есть недоверчивость к собственным силам. До каких же пор, во всяком деле, последняя книга Запада, последний номер журнала будут действовать на нас какою-то чародейственною силою и сковывать все наши собственные мысли? До каких же пор мы будем жадно глотать одни готовые результаты, выведенные там из образа мыслей, нам совершенно чуждого и несогласного с нашими преданиями? Неужели не чувствуем мы в себе на столько сил, чтобы самим приняться за источники и в самих себе открыть новое свое воззрение на всю Историю и Словесность Запада? Это — необходимость для нас и услуга для него, которою даже мы ему обязаны: никто в своем деле беспристрастен быть не может, и народы, как поэты, созидая бытие свое, не достигают до его сознания, которое предоставляется их наследникам.

Наконец, третий наш недостаток, самый неприятный, которым мы наиболее страдаем в нашей Литературе, есть Русская апатия, следствие наших дружеских сношений с Западом. Посадите молодое, свежее растение под тенью столетнего кедра или дуба, который закроет его юное бытие старою тенью широких ветвей своих, и будет только сквозь них кормить его солнцем и прохлаждать небесною росой, и мало пищи даст его свежим корням от жадных, заматерелых в той земле корней своих. Вы увидите, как молодое растение утратит краски юной жизни, будет страдать преждевременною старостью своего дряхлеющего соседа; но срубите кедр, возвратите юному дереву его солнце, и оно найдет в себе крепость, поднимется бодро и свежо, и своею сильною и безвредною другим юностью даже будет в состоянии благодарно прикрыть новые отростки падшего своего соседа.

Приставьте к живому, резвому ребенку старую няню: вы увидите, как исчезнет в нем пылкость возраста, и кипящая жизнь будет скована бесчувствием. Подружите пылкого юношу, полного всеми надеждами жизни, с зрелым разочарованным мужем, промотавшим жизнь свою, утратившим с нею и веру и надежду: вы увидите, как изменится

ваш пылкий юноша; не пристанет к нему разочарование; он не заслужил его своим прошедшим; но все чувства его окуются хладом бездейственной апатии; огненные глаза его померкнут; он как Фрейшиц⁴⁵ станет трепетать своего страшного гостя; при нем он будет стыдиться и своего румянца, и пылких чувств своих, краснеть своего восторга, и как дитя, наденет непроставшую ему маску разочарования.

Да, разочарование Запада породило у нас одну холодную апатию. Дон-Жуан произвел Евгения Онегина, один из общих Русских типов, метко схваченный гениальною мыслию Пушкина⁴⁶ из нашей современной жизни. Этот характер повторяется нередко в нашей Литературе: о нем грезят наши повествователи, и еще недавно один из них, блистательно вышедший на поприще Поэта, нарисовал нам ту же Русскую апатию, еще степенью больше, в лице своего героя, которого мы, по чувству национальному, не хотели бы, но должны признать героем нашего времени.

Последний недостаток есть конечно тот, с которым мы должны более всего бороться в современной своей жизни. Эта апатия причиною в нас и лени, которая одолевает свежую молодежь нашу, и бездейственности многих литераторов и ученых, которые изменяют своему высокому призванию и отвлекаются от него тесным миром домашнего хозяйства или большими видами всепоглощающей торговли и промышленности; в этой апатии зародыш и того червя-тоски, которую каждый из нас более или менее ощущал в своей юности, распевал в стихах и надоед ему самым благосклонным своим читателям.

Но если мы и вынесли некоторые неизбежные недостатки от сношений наших с Западом, за то мы сохранили в себе чистыми три коренные чувства, в которых семя и залог нашему будущему развитию.

Мы сохранили наше древнее чувство религиозное. Крест Христианский положил свое знамение на всем первоначальном нашем образовании, на всей Русской жизни. Этим крестом благословила нас еще древняя мать наша Русь и с ним отпустила нас в опасную дорогу Запада. Выразимся притчей. Выростал отрок в святом доме родительском, где все дышало страхом Божиим; на первой памяти его печателся лик седовласого отца, коленопреклоненного пред святою иконою: не вставал он утром, не отходил ко сну без родительского благословения; всякой день его был освящен молитвою и перед всяким праздником дом семьи его являлся домом молитвы. Рано отрок покинул дом родительский; холодные люди окружили его и омрачили душу сомнением; злые книги развратили мысль его и оледенили чувство; был он в гостях у народов, которые Богу не молятся и думают, что счастливы... Протекло бурное время молодости... Юноша созрел в мужа... Семья окружила его, и все воспоминания детства поднялись, как светлые Ангелы, из лона души его... и чувство Религии

проснулось живее и сильнее... и освятилось снова все его бытие, и гордая мысль растворилась в чистой молитве смирения... и новый мир жизни открылся его взорам... Притча понятна каждому из нас: нужно ли толковать смысл ее?

Второе чувство, которым крепка Россия и обеспечено ее будущее благоденствие, есть чувство ее государственного единства, вынесенное нами также из всей нашей Истории. Конечно, нет страны в Европе, которая могла бы гордиться такою гармониею своего политического бытия, как наше Отечество. На Западе почти всюду раздор начал признан законом жизни, и в тяжелой борьбе совершается все существование народов. У нас только Царь и народ составляют одно неразрывное целое, не терпящее никакой между ними преграды: эта связь утверждена на взаимном чувстве любви и веры и на бесконечной преданности народа Царю своему. Вот сокровище, вынесенное нами из нашей древней жизни, на которое с особенною завистью смотрит разделенный в себе Запад, видя в нем неиссякаемый источник государственного могущества. Он хотел бы всем, чем может, у нас отнять его; но теперь не в силах, ибо прежде на веру принятое чувство нашего единства, вынесенное нами из нашего прежнего быта, прошед все искушения образования, миновав все сомнения, возшло в каждом образованном Русском, понимающем свою историю, на степень ясного и прочного сознания, — и теперь это сознание чувство пребудет более нежели когда-нибудь непоколебимым в нашем Отечестве.

Третье коренное чувство наше есть сознание нашей народности и уверенность в том, что всякое образование может у нас тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашим народным чувством и скажется народною мыслию и словом. В этом чувстве таится причина нашей нерешимости продолжать литературное развитие с изнемогающим Западом; в этом чувстве мощная преграда всем его искушениям; об это чувство разбиваются все частные бесплодные усилия наших соотечественников привить к нам то, что нейдет к Русскому уму и к Русскому сердцу; это чувство есть мера прочного успеха наших писателей в истории Литературы и образования, есть пробный камень их оригинальности. Оно высказалось сильно в лучших произведениях каждого из них: им заключали, в нем сходились и откликались друг другу и Ломоносов, и Державин, и Карамзин, и Жуковский, и Крылов⁴⁷, и Пушкин, и все им близкие, не смотря на какое Латинское, Французское, Немецкое, Английское или другое влияние. Это чувство устремляет теперь нас к изучению нашей древней Руси, в которой конечно хранится первоначальный чистый образ нашей народности. Само Правительство деятельно призывает нас к тому. Этим чувством рднутся и действуют за одно наши обе столицы, и то, что

замышлено в северной, проходит через Москву, как через сердце России, для того, чтобы обратиться в кровь и в живые соки нашего народа. Москва есть то верное горнило, в котором пережигается все прошлое от Запада и получает чистую печать Русской народности.

Тремя коренными чувствами крепка наша Русь и верно ее будущее. Муж Царского Совета⁴⁸, которому вверены поколения образующиеся, давно уже выразил их глубокою мыслию, и они положены в основу воспитания народа.

Запад по какому-то странному инстинкту не любит в нас этих чувств и особенно теперь, забыв прежнее добро наше, забыв жертвы, ему от нас принесенные, при всяком случае выражает нам свою нелюбовь, похожую даже на какую-то ненависть, обидную для каждого Русского, посещающего его земли. Двойко можно объяснить это чувство, незаслуженное нами и бессмысленно противоречащее нашим прежним сношениям: или Запад похож в этом случае на брюзгливого старика, который в своенравных порывах бессильного возраста злится на своего наследника, неизбежно призванного овладеть со временем его сокровищами; или другое: он, зная инстинктом направление наше, предчувствует разрыв, который неминуемо должен последовать между им и нами, и сам, порывом своей несправедливой ненависти, еще более ускоряет роковую минуту.

В гибельные эпохи переломов и рушений, какие представляет история человечества, Провидение посылает в лице иных народов силу хранящую и соблюдающую: да будет же такую силою Россия в отношении к Западу! да сохранит она на благо всему человечеству сокровища его великого протекшего и да отринет благоразумно все то, что служит к разрушению, а не к созиданию! да найдет в самой себе и в своей прежней жизни источник своенародный, в котором все чужое, но человечески прекрасное сольется с Русским духом, духом обширным, вселенским, Христианским, духом всеобъемлющей терпимости и всемирного общения!

Комментарии

Шевырев Степан Петрович

¹ ВЗГЛЯД РУССКАГО НА СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЕВРОПЫ

Печатается с сокращениями по первому изданию: *Шевырев С.П.* Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 1. С. 219—296. Авторская орфография и пунктуация сохранены (за исключением «ять», «і» и «ъ»).

Полный текст см.: *Шевырев С.П.* Избранные труды / Сост. К.В. Рясенцев, А.А. Ширинянц; автор вступ. ст. А.А. Ширинянц; авторы коммент. М.К. Кирю-

шина, К.В. Рясенцев, А.А. Ширинянц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 171—222.

² *Кир II Великий* (древнеперс. Куруш) (?—530 до н.э.) — царь Древней Персии в 558—530 гг. из династии Ахеменидов, основатель Персидской империи.

Александр Великий (356—323 до н.э.) — царь Македонии с 336 г., один из выдающихся полководцев и государственных деятелей Древнего мира.

Гай Юлий Цезарь (102 или 100—44 до н.э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель, пожизненный диктатор Рима с 44 г. до н.э.

Карл Великий (Carolus Magnus) (742—814) — король франков (с 768), создатель Франкского государства, был коронован в Риме папой Львом III императорской короной (800).

Григорий VII (Gregorius VII, в миру Гильдебранд) (между 1015 и 1020—1085) — папа римский (с 1073), реформатор католической церкви (декрет о выборах папы только конклавом — кардинальской коллегией, устранявший прямое участие в выборах светских властей; постановление против симонии, против женатого духовенства), борец за папскую теократию.

Карл (Karl) *V* (1500—1558) — из рода Габсбургов, король Испании в 1516—1556 гг., немецкий король в 1519—1531 гг., император Священной Римской империи в 1519—1556 гг. Вел войны с Османской империей, возглавлял военные действия против протестантов. Некоторое время его власть распространялась почти на всю континентальную Европу.

Наполеон Бонапарт (Napoléon Bonaparte) — первый консул Французской республики (1799—1804), император французов (1804—1814 и март—июнь 1815), победоносными войнами сумел расширить свою империю и стать на некоторое время фактическим повелителем всей Западной (кроме Великобритании) и Центральной Европы.

³ В гомеровской «Илиаде» поединок Ахилла и Гектора делается центральным эпизодом всей Троянской войны.

⁴ С.П. Шевырев цитирует стихотворение А.С. Пушкина, написанное им 18 июля 1821 г., после известия о смерти Наполеона (5 мая 1821 г.).

⁵ *Винкельман* (Winckelmann) Иоганн Иоахим (1717—1768) — немецкий искусствовед, основоположник современных представлений об античном искусстве.

⁶ «Преображение» — хранящаяся в Риме, в Ватиканской пинакотеке, знаменитая картина Рафаэля Санти, изображающая Христа, преобразенного на горе Фавор, у подножия которой его ожидают одиннадцать учеников (1518—1520).

⁷ С. 224—225. Здесь и далее указаны страницы, на которых находился сокращенный при данной публикации текст, преимущественно содержащий информацию частного, иллюстративного характера.

⁸ С. 225—227.

⁹ С. 228—229.

¹⁰ С. 229—234.

¹¹ С. 235—239.

¹² С. 239—242.

¹³ *Шаль* (Chasles) Филарет Виктор Эфемион (1798—1873) — французский писатель и литературный критик.

¹⁴ С.П. Шевырев цитирует статью: *Chasles Phil.* Revue de la litterature anglaise // Revue des deux mondes. Т. 24. Quatrième série. 1840. I-er Novembre. P. 348—364.

¹⁵ С. 245—246.

¹⁶ Corpus Domini — католический праздник Божьего тела, учрежденный в память установления Иисусом Христом таинства причащения (евхаристии), во вре-

мя которого устраиваются массовые процессии по украшенным улицам с хвалебными гимнами, со свечами и хоругвями в руках и под звон колоколов.

¹⁷ Concession a perpétuité — место (на кладбище), купленное или арендованное навсегда.

¹⁸ С. 252—253.

¹⁹ С. 254—255.

²⁰ Кузен (Cousin) Виктор (1792—1867) — французский философ, деятель образования и историк.

²¹ Ланкастерская метода — ланкастерская система, или метода взаимного обучения, изобретенная английским педагогом Иосифом Ланкастером (Lancaster) (1778—1838), суть которой сводилась к тому, что знающие ученики обучали под руководством учителя своих более слабых товарищей.

²² Лерминье (Lerminier) Жан-Луи-Эжен (1803—1859) — французский юрист, занимал кафедру сравнительной истории законодательства в Collège de France, в 1849 г. под давлением студентов вынужден был отказаться от преподавания.

²³ Тьерри — Тьерри (Thierry) Огюстен (1795—1856) — французский историк, один из основателей романтического направления во французской историографии, и его брат Тьерри (Thierry) Амедей (1797—1873) — историк и писатель.

²⁴ Ампер (Ampère) Жан-Жак (1800—1864) — историк литературы, автор труда «История французской литературы до XII века» (Histoire littéraire de la France avant le XIIe siècle. Tome 1—3 / Jean-Jacques Ampère. Paris: Hachette, 1839—1840).

²⁵ С. 260—261.

²⁶ С. 262—263.

²⁷ Монтионовские премии — ежегодные премии, учрежденные французским филантропом бароном Антуан-Оже Монтионом (Montyon) (1733—1820), одна из которых присваивалась Французской академией за достижения в области «добродетели» (prix de vertu).

²⁸ С. 265—267.

²⁹ Gemüth (нем.) — душа, душевность.

³⁰ С. 272—274.

³¹ Шиллер (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805) — немецкий просветитель, поэт, драматург, теоретик искусства, историк.

³² Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ.

³³ Эвфорион — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, родившийся от союза Ахилла с Еленой, перенесенных после смерти на острова блаженных. Миф о нем использован И. Гете в «Фаусте», где Эвфорион — сын Фауста и Елены.

³⁴ С. 276—277.

³⁵ Клопшток (Klopstock) Фридрих Готлиб (1724—1803) — немецкий поэт.

Лессинг (Lessing) Готхольд Эфраим (1729—1781) — немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик, основоположник немецкой классической литературы.

Виланд (Wieland) Кристоф Мартин (1733—1813) — немецкий писатель, поэт.

Гердер (Herder) Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий философ, гуманист, историк культуры.

³⁶ Шлегели (Schlegel) Август Вильгельм (1767—1845) — немецкий историк литературы, писатель, и его брат Фридрих (1772—1829) — немецкий философ, писатель, языковед.

³⁷ С. 279.

³⁸ Неандер (Neander, настоящее имя Давид Мендель) Август (1789—1850) — немецкий евангелический историк церкви, профессор Берлинского университета (с 1813).

³⁹ Савиньи (von Savigny) Фридрих-Карл (1779—1861) — немецкий правовед и историк, профессор Берлинского университета (1810—1842).

⁴⁰ Disjecta membra (лат.) — «разъятые члены», здесь: аллюзия к Квинту Горацию Флакку (Сатиры. Кн. I, сатира 4, ст. 62).

⁴¹ С. 282.

⁴² С. 283.

⁴³ Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854) — немецкий философ.

⁴⁴ С. 286.

⁴⁵ Фрейшиц — герой оперы немецкого композитора К. Вебера (1821) «Вольный стрелок» или «Волшебный стрелок», герой которой — вольный стрелок, находившийся в союзе с чертом, направлявшим его каждую седьмую пулю.

⁴⁶ Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — русский поэт и писатель, основатель новой русской литературы, в частности автор знаменитого романа в стихах «Евгений Онегин» (1823—1831), созданного в некоторой степени под влиянием поэмы Байрона «Дон Жуан».

⁴⁷ Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — ученый-энциклопедист, первый русский профессор, естествоиспытатель, химик, физик, поэт, заложивший основы современного русского литературного языка, художник, историк. Разработал проект создания Московского государственного университета.

Державин Гавриил Романович (1743—1816) — русский поэт эпохи Просвещения, представитель классицизма, политический деятель: в различные годы занимал высшие государственные должности: кабинет-секретарь Екатерины II (1791—1793), президент Коммерц-коллегии (с 1794), министр юстиции (1802—1803).

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — русский историк, историограф, писатель, поэт, почетный член Петербургской Академии наук (1818). Создатель «Истории государства Российского». Редактор «Московского журнала» (1791—1792) и «Вестника Европы» (1802—1803).

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт и переводчик.

Крылов Иван Андреевич (1769 (по другим данным, 1768) — 1844) — писатель, баснописец.

⁴⁸ Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — граф (1846), почетный член (1811) и президент (1818—1855) Петербургской Академии наук. В 1833—1849 гг. — министр народного просвещения, автор формулы «православие, самодержавие, народность».

Чаадаев Петр Яковлевич, отставной гвардейский ротмистр, философ, публицист

Родился 27.05.1794 в Москве, в семье отставного армейского подполковника. После смерти родителей воспитывался в доме родственника — князя Д.М. Шербатова. 1808—1812 учился на словесном факультете Московского университета. С мая 1812 — на военной службе. Участвовал в Отечественной войне 1812 и заграничных походах русской армии 1813—1814. В 1814 вступил в масонскую ложу. В 1817 назначен адъютантом И.В. Васильчикова, командира гусарского корпуса. В 1821 вышел в отставку, стал членом «Северного общества» декабристов. В 1823—1826 путешествовал по Европе. По возвращении в Москву в 1828—1830 написал восемь «Философических писем». В сентябре 1836 в журнале «Телескоп» (№ 15) опубликовал первое «Философическое письмо», где выдвинул идею о вторичности и незначительности исторической судьбы России; после этого высочайшим повелением был объявлен сумасшедшим и лишен права печататься. Попытался оправдаться в «Апологии сумасшедшего» (1837). В 1830—1850 выступал в московских литературных салонах с позиций «негативного патриотизма». Оказал значительное воздействие на дальнейшее развитие русской социально-политической мысли. Умер 14.04.1856 в Москве.

СОЧИНЕНИЯ

Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989.

Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. М.: Наука, 1991.

Чаадаев П.Я. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

ЛИТЕРАТУРА

Богучарский В.Я. Три западника сороковых годов (П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский и А.И. Герцен). СПб., 1901.

Гачев Г.Д. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М., 1991. С. 12—15.

Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. 107—220.

Гурвич-Лищинер С.Д. П.Я. Чаадаев в русской культуре двух веков. СПб., 2006.

П.Я. Чаадаев: pro et contra: личность и творчество П. Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1998.

Тарасов Б.Н. Чаадаев. М., 1986 (2-е изд. — 1990).

Черепанова Р.С. «Русский путь» и его пророки: идея «особого пути» и мессианские настроения в русской общественной мысли во второй четверти XIX века. Челябинск, 2007.

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА ПИСЬМО ПЕРВОЕ¹

Adveniat regnum tuum²

Сударыня³.

Прямодушие и искренность именно те черты, которые я в вас более всего люблю и ценю. Судите же сами, как меня должно было поразить ваше письмо. Эти самые любезные свойства ваши и очаровали меня при нашем знакомстве, они-то меня и побудили заговорить с вами о религии. Все вокруг вас призывало меня к молчанию. Повторяю, посудите, каково же было мое удивление при получении вашего письма⁴. Вот все, что я имею вам сказать, сударыня, по поводу выраженных там предположений об оценке мною вашего характера. Не будем говорить более об этом и прямо перейдем прямо к существенной части вашего письма.

И, прежде всего, откуда в вашем уме берется это смятение, до того вас волнующее и утомляющее, что оно, по вашим словам, отражается и на здоровье? Неужели это печальное следствие наших бесед? Вместо успокоения и мира, которые должно было бы внести пробужденное в сердце чувство, оно вызвало тревогу, сомнение, чуть ли не угрызения совести. Впрочем, чему удивляться? Это естественное следствие того печального положения вещей, которому подчинены у нас все сердца и все умы. Вы просто поддались действию сил, которые приводят у нас в движение все, начиная с самых высот общества и кончая рабом, существующим лишь для утех своего владыки.

Да и как смогли бы вы этому противиться? Те самые свойства, которыми вы выделяетесь из толпы, должны сделать вас тем более подверженной вредному воздействию воздуха, которым вы дышите. Среди всего окружающего вас, могло ли сообщить устойчивость вашим идеям то немногое, что мне было позволено вам поведать? Мог ли я очистить атмосферу, в которой мы живем? Последствия я должен был предвидеть, да я их и предвидел. Отсюда частные умолчания, мешавшие убеждениям проникнуть вам в душу и вводившие вас, естественно, в заблуждение. И если бы только я не был уверен, что религиозное чувство, пробужденное хотя бы частично в чьем-либо сердце, какие бы оно ни причинило ему муки, все же лучше полного его усыпления, мне бы пришлось раскаиваться в своем усердии. Тем не менее, я надеюсь, что облака, омрачающие сейчас ваше небо, однажды превратятся в благодатную росу и она оплодотворит семя, брошенное в ваше сердце; и произведенное на вас действие нескольких ничего не стоящих слов служит мне верной порукой более значительных результатов, их непременно вызовет в будущем работа вашего собственного сознания. Смело верьте, сударыня, волнениям, вызываемым в вас мыслями о религии: из этого чистого источника могут вылиться одни только чистые чувства.

По отношению к внешним условиям вам пока достаточно знать, что учение, основанное на высшем начале единства и непосредственной передачи истины в непрерывном преемстве ее служителей, только и может быть самым согласным с подлинным духом религии, потому что дух этот заключается всецело в идее слияния всех, сколько их ни есть в мире, нравственных сил — в одну мысль, в одно чувство и в постепенном установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство правды среди людей. Всякое иное учение, вследствие одного уже отпадения от учения первоначального, далеко отталкивает от себя возвышенное обращение Спасителя: «*Молю тебя, Отче, да будут они одно, как мы одно*»⁵ и не желает водворения царства божьего на земле. Но отсюда совсем еще не следует, что вы обязаны провозглашать во всеуслышание эту истину перед лицом земли: конечно, не таково ваше призвание. То самое начало, из которого эта истина исходит, обязывает вас, напротив, при вашем положении в свете, видеть в ней только внутренний светоч вашей веры — и ничего более. Я почитаю за счастье то, что способствовал обращению ваших мыслей к религии, но я почувствовал бы себя очень несчастным, сударыня, если бы вместе с тем вызвал замешательство в вашем сознании, которое, со временем, не могло бы не охладить вашей веры.

Я вам, кажется, как-то сказал, что лучшее средство сохранить религиозное чувство — это придерживаться всех обычаев, предписан-

ных церковью. Такое упражнение в покорности важнее, чем обыкновенно думают; и то, что его налагали на себя продуманно и сознательно величайшие умы, является настоящим служением Богу. Ничто так не укрепляет разум в его верованиях, как строгое выполнение всех относящихся к ним обязанностей. Впрочем, большинство обрядов христианской религии, проистекающее из высшего разума, является действенной силой на каждого, способного проникнуться выраженными в них истинами. Есть только одно исключение из этого правила, имеющего безусловный характер, — а именно, когда обретаешь в себе верования более высокого порядка, нежели те, которые исповедуют массы, верования, возносящие душу к тому самому источнику, из коего проистекают все убеждения, причём верования эти нисколько не противоречат народным, а, напротив, их подтверждают; в таком случае, но единственно в этом, позволительно пренебречь внешней обрядностью, чтобы свободнее посвятить себя более важным трудам. Но горе тому, кто принял бы иллюзии своего тщеславия или заблуждения своего разума за необычайное озарение, освобождающее от общего закона. А вы, сударыня, не всего ли лучше облечься в одежду смирения, столь приличную вашему полу? Поверьте, это лучше всего сможет успокоить смущение вашего духа и внести мир в ваше существование.

Да даже и с точки зрения светских взглядов, скажите, что может быть естественнее для женщины, развитый ум которой умеет находить прелесть научных занятий и серьезных размышлений, чем сосредоточенная жизнь, посвященная главным образом религиозным помыслам и упражнениям? Вы говорите, что при чтении книг ничто так не действует на ваше воображение, как картины мирных и вдумчивых существований, которые подобно прекрасной сельской местности на закате дня вносят мир в душу и вырывают нас на мгновение из тягостной или бесцветной действительности. Но ведь это вовсе не фантастические картины: только от вас зависит осуществление одного из этих пленительных вымыслов. Вы имеете все необходимое для этого. Как видите, я вовсе не проповедую вам мораль слишком строгую: в ваших же вкусах, в самых приятных грезх вашего воображения я ишу то, что может внести мир в вашу душу.

В жизни есть обстоятельства, относящиеся не к физическому, а к духовному бытию; пренебрегать ими не следует; есть режим для души, как есть режим и для тела: надо уметь ему подчиниться. Я знаю, что это старая истина, но у нас она, кажется, имеет всю ценность новизны. Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими наро-

дами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его теперешнему состоянию, на нас не оказали никакого действия. То, что у других составляет издавна самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение. И, к примеру сказать, вы, сударыня, столь счастливо одаренная для восприятия всего доброго и истинного на свете, вы, как бы созданная для испытания всех самых сладостных и чистых душевных наслаждений, чего вы, спрашивается, достигли при всех этих преимуществах? Вам все еще приходится разыскивать, чем бы наполнить не даже жизнь, а только текущий день. Впрочем, вы совсем лишены того, что создает необходимые рамки жизни, естественно вмещающие в себя повседневные события, а без них так же невозможно здоровое нравственное существование, как без свежего воздуха невозможно здоровое состояние физическое. Вы понимаете, дело пока еще не идет ни о нравственных принципах, ни о философических положениях, а просто о благоустроенной жизни, об этих привычках, об этих навыках сознания, которые придают уют уму и душе, непринужденность, размеренное движение.

Взгляните вокруг⁶. Разве что-нибудь стоит прочно? Можно сказать, что весь мир в движении. Ни у кого нет определенной сферы деятельности, нет хороших привычек, ни для чего нет правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что привязывает, что пробуждает ваши симпатии, вашу любовь, ничего устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни во-вне, ни в вас. В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к своим городам. И не подумайте, что это пустышки. Бедные наши души! Не будем прибавлять к остальным нашим бедам еще и ложного представления о самих себе, не будем стремиться жить жизнью чисто духовной, научимся благо-разумно жить в данной действительности⁷. Но поговорим сначала еще немного о нашей стране, при этом мы не отклонимся от нашей темы. Без этого предисловия вы не сможете понять, что я хочу Вам сказать.

У всех народов есть период бурных волнений, страстного беспокойства, деятельности без обдуманного намерения. Люди в такое время скитаются по свету и дух их блуждает. Это пора великих побуждений, великих свершений, сильных страстей у народов. Они тогда

мечутся с неистовством, без ясной цели, но не без пользы для будущих поколений. Все общества прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса, своя поэзия, свои самые сильные и плодотворные идеи. В этом и состоят необходимые общественные устои. Без этого они не сохранили бы в своей памяти ничего, что можно было бы полюбить, к чему пристраститься, они были бы привязаны лишь к праху своей земли. Эта увлекательная эпоха в истории народов, это их юность; это время, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о ней составляет отраду и поучение их зрелого возраста. Мы, напротив, не имели ничего подобного⁸. Сначала дикое варварство, затем грубое суевение, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности⁹. Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа — ничего подобного у нас не было. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемом только злодеяниями и смягчаемом только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица.

Настоящее развитие человеческого существа в обществе еще не началось для народа, пока жизнь не стала в нем более упорядоченной, более легкой, более приятной, чем в неопределенности первой поры. Пока общества еще колеблются без убеждений и без правил даже и в повседневных делах и жизнь еще совершенно не упорядочена, как можно ожидать созревания в них зачатков добра? Пока это все еще хаотическое брожение предметов нравственного мира, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали современному состоянию нашей планеты в ее теперешнем виде. Мы до сих пор еще в таком положении.

Первые наши годы, протекавшие в неподвижной дикости, не оставили никакого следа в нашем уме и нет в нас ничего лично нам при-сущего, на что могла бы опереться наша мысль; выделенные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не вос-

приняли мы и традиционных идей человеческого рода. А между тем именно на них основана жизнь народов; именно из этих идей вытекает их будущее и происходит их нравственное развитие. Если мы хотим подобно другим цивилизованным народам иметь свое лицо, необходимо как-то вновь повторить у себя все воспитание человеческого рода. Для этого мы имеем историю народов и перед нами итоги движения веков. Без сомнения, эта задача трудна и одному человеку, пожалуй, не исчерпать столь обширного предмета; однако, прежде всего, надо понять, в чем дело, в чем заключается это воспитание человеческого рода и каково занимаемое нами в общем строе место.

Народы живут только сильными впечатлениями, сохранившимися в их умах от прошедших времен, и общением с другими народами. Этим путем каждая отдельная личность ощущает свою связь со всем человечеством.

В чем заключается жизнь человека, говорит Цицерон, если память о протекших временах не связывает настоящего с прошлым?¹⁰ Мы же, явившись на свет как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления. Необходимо, чтобы каждый из нас сам пытался связать порванную нить родства. То, что у других народов является просто привычкой, инстинктом, то нам приходится вбивать в свои головы ударом молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставляли самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего, все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы.

Народы — существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. Конечно, не пройдет без следа и то

наставление, которое нам суждено дать, но кто знает день, когда мы вновь обретем себя среди человечества и сколько бед испытаем мы до свершения наших судеб?

Народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство. Несмотря на их разделение на ветви латинскую и тевтонскую, на южан и северян, существует общая связь, соединяющая их всех в одно целое, явная для всякого, кто углубится в их общую историю. Вы знаете, еще сравнительно недавно вся Европа носила название Христианского мира и слово это значилось в публичном праве. Помимо общего всем характера, каждый из народов этих имеет свой особый характер, но все это только история и традиция. Они составляют идейное наследие этих народов. А каждый отдельный человек обладает своей долей общего наследия, без труда, без напряжения подбирает в жизни рассеянные в обществе знания и пользуется ими. Проведите параллель с тем, что делается у нас, и судите сами, какие элементарные идеи мы можем почерпнуть в повседневном обиходе, чтобы ими так или иначе воспользоваться для руководства в жизни? И заметьте, что речь идет здесь не об учености, не о чтении, не о чем-то литературном или научном, а просто о соприкосновении сознаний, о мыслях, которые охватывают ребенка в колыбели, окружают его среди игр, которые нашептывает, лаская, его мать, о тех, которые в форме различных чувств проникают до мозга его костей вместе с воздухом, которым он дышит, и которые образуют его нравственную природу ранее выхода в свет и появления в обществе. Хотите знать, что это за мысли? Это мысли о долге, справедливости, права, порядка. Они происходят от тех самых событий, которые создали там общество, они образуют составные элементы социального мира тех стран. Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология европейского человека¹¹. А что вы видите у нас?

Не знаю, можно ли вывести из сказанного сейчас что-либо вполне бесспорное и построить на этом непреложное положение; но очевидно, что на душу каждой отдельной личности из народа должно сильно влиять столь странное положение, когда народ этот не в силах сосредоточить своей мысли ни на каком ряде идей, которые постепенно развертывались в обществе и понемногу вытекали одна из другой, когда все его участие в общем движении человеческого разума сводится к слепому, поверхностному, очень часто бестолковому подражанию другим народам. Вот почему, как Вы можете заметить, всем нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм Запада нам незнаком. В лучших головах наших есть нечто, еще худшее, чем легковесность. Лучшие идеи, лишённые связи и последовательности, как бесплодные заблуждения парализуются в нашем мозгу. В природе человека терять-

ся, когда он не находит способа связаться с тем, что было до него и что будет после него; он тогда утрачивает всякую твердость, всякую уверенность; не руководимый ощущением непрерывной длительности, он чувствует себя заблудившимся в мире. Такие растерянные существа встречаются во всех странах; у нас это общее свойство. Тут вовсе не то легкомыслие, в котором когда-то упрекали французов¹² и которое, впрочем, было не чем иным, как легким способом постигать вещи, что не исключало ни глубины, ни широты ума, вносило столько прелести и обаяния в обращение; тут беспечность жизни без опыта и предвидения, не имеющая отношения ни к чему, кроме призрачного существования личности, оторванной от своей среды, не считающейся ни с честью, ни с успехами какой-либо совокупности идей и интересов, ни даже с родовым наследием данной семьи и со всеми предписаниями и перспективами, которые определяют и общественную и частную жизнь в строе, основанном на памяти о прошлом и на тревоге за будущее. В наших головах нет решительно ничего общего, все там обособленно и все там шатко и неполно. Я нахожу даже, что в нашем взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное, напоминающее обличие народов, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы. В чужих краях, особенно на Юге, где люди так одушевлены и выразительны, я столько раз сравнивал лица своих земляков с лицами местных жителей и бывал поражен этой немотой наших лиц.

Иностранцы ставили нам в заслугу своего рода беспечную отвагу, особенно замечательную в низших классах народа¹³; но имея возможность наблюдать лишь отдельные черты народного характера, они не могли судить о нем в целом. Они не заметили, что то самое начало, которое делает нас подчас столь отважными, постоянно лишает нас глубины и настойчивости; они не заметили, что свойство, делающее нас столь безразличными к превратностям жизни, вызывает в нас также равнодушие к добру и злу, ко всякой истине, ко всякой лжи, и что именно это и лишает нас тех сильных побуждений, которые направляют нас на путях к совершенствованию; они не заметили, что именно вследствие такой ленивой отваги, даже и высшие классы, как ни прискорбно, не свободны от пороков, которые у других свойственны только классам самым низшим; они, наконец, не заметили, что если мы обладаем некоторыми достоинствами народов молодых и отставших от цивилизации, то мы не имеем ни одного, отличающего народы зрелые и высококультурные. Я, конечно, не утверждаю, что среди нас одни только пороки, а среди народов Европы одни добродетели, избави Бог. Но я говорю, что для суждения о народах надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственно-

му состоянию и направить к бесконечному развитию, а не та или другая черта их характера.

Массы подчиняются известным силам, стоящим у вершин общества. Непосредственно они не размышляют. Среди них имеется известное число мыслителей, которые за них думают, которые дают толчок коллективному сознанию нации и приводят ее в движение. Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение. Это справедливо для всех народов земли; исключения составляют только некоторые одичавшие расы, которые сохранили из человеческой природы один только внешний облик. Первобытные народы Европы, кельты, скандинавы, германцы, имели своих друидов, своих скальдов, своих бардов, которые на свой лад были сильными мыслителями. Взгляните на народы северной Америки, которых искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов: среди них имеются люди, удивительные по глубине. А теперь я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители? Кто из нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?

А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы — воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара. Не эту роль предоставило нам провидение. Напротив, оно как будто совсем не занималось нашей судьбой. Отказывая нам в своем обычном благодетельном воздействии на человеческий разум, оно предоставило нас всецело самим себе, не пожелало ни в чем вмешиваться в наши дела, не пожелало ничему нас научить. Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

Удивительное дело! Даже в области той науки, которая все охватывает, наша история ни с чем не связана, ничего не объясняет, ничего

не доказывает. Если бы орды варваров, потрясших мир, не прошли прежде нашествия на Запад по нашей стране, мы едва были бы главой для всемирной истории. Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера. Когда-то великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации¹⁴; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись. В другой раз другой великий монарх, приобщая нас к своему славному назначению, провел нас победителями от края до края Европы; вернувшись домой из этого триумфального шествия по самым просвещенным странам мира, мы принесли с собой одни только дурные идеи и гибельные заблуждения, последствием которых было неизмеримое бедствие, отбросившее нас назад на полвека¹⁵. В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс¹⁶. Одним словом, мы жили и сейчас еще живем для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в интеллектуальном порядке. Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия. В этом, наверное, отчасти повинна наша непостижимая судьба. Но есть здесь еще, без сомнения, и доля человеческого участия, как во всем, что происходит в нравственном мире. Спросим снова историю: именно она объясняет народы.

В то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии¹⁷, к предмету глубокого презрения этих народов. Только что перед тем эту семью похитил у вселенского братства один честолюбивый ум^{**18}, и мы восприняли идею в столь искаженном людской страстью виде. В Европе все тогда было одушевлено животворным началом единства. Все там из него происходило, все к нему сходило¹⁹. Все умственное движение той поры только и стремилось установить единство человеческой мысли, и любое побуждение исходило из властной потребности найти мировую идею, эту вдохновительницу новых времен. Чуждые этому чудотворному началу, мы стали жертвой завоевания. И когда, затем, освободившись от чужеземного ига, мы могли бы воспользоваться идеями, расцветшими за это время среди наших братьев на Западе, мы оказались отторгнутыми от общей семьи, мы подпали рабству, еще более тяжелому, и притом освященному самым фактом нашего освобождения.

Сколько ярких лучей тогда уже вспыхнуло среди кажущегося мрака, покрывавшего Европу. Большинство знаний, которыми ныне

гордится человеческий ум, уже предугадывалось в умах; характер нового общества уже определился и, обращаясь назад к языческой древности, мир христианский снова обрел формы прекрасного, которых ему еще не доставало. До нас же, замкнувшихся в нашем расколе, ничего из происходившего в Европе не доходило. Нам не было никакого дела до великой всемирной работы. Выдающиеся качества, которыми религия одарила современные народы и которые в глазах здравого смысла ставят их настолько выше древних, насколько последние выше готтентотов или лопарей; эти новые силы, которыми она обогатила человеческий ум; эти нравы, которые под влиянием подчинения безоружной власти стали столь же мягкими, как ранее они были жестоки, — все это прошло мимо нас. Вопреки имени христиан, которое мы носили, в то самое время, когда христианство величественно шествовало по пути, указанному божественным его основателем, и увлекало за собой поколения, мы не двигались с места. Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не созидалось: мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода не для нас свершались. Хотя мы и христиане, не для нас созревали плоды христианства.

Я вас спрашиваю: не нелепость ли господствующее у нас предположение, будто этот прогресс народов Европы, столь медленно совершившийся и притом под прямым и явным воздействием одной нравственной силы, мы можем себе сразу усвоить, даже не потрудившись узнать, как он совершился?

Ничего не понимают в христианстве те, которые не замечают в его чисто исторической стороне, составляющей столь существенную часть вероучения, что в ней до некоторой степени заключается вся философия христианства, так как именно здесь обнаруживается, что оно сделало для людей и что ему предстоит сделать для них в будущем. В этом смысле христианская религия раскрывается не только как система нравственности, воспринятая в преходящих формах человеческого разума, но еще как божественная вечная сила, действующая всеобщим образом в духовном мире, так что ее видимое проявление должно служить нам постоянным поучением. В этом и заключается собственный смысл догмата, выраженного в символе веры единой вселенской церкви²⁰.

В мире христианском все должно непременно способствовать установлению совершенного строя на земле, да и ведет к этому на самом деле. В противном случае дела опровергали бы слова Спасителя. Он бы не был среди своей церкви до скончания веков. Новый строй — царство Божие, который должен наступить благодаря искуплению, — не отличался бы от старого строя, — от царства зла, — который должен быть искуплением искоренен, и мы снова остались бы с этим

* Фотий. (Здесь и далее — примеч. П.Я. Чаадаева.)

воображаемым свойством не переменного совершенствования, о котором мечтает философия и которое опровергается на каждой странице истории: это пустое возбуждение ума, которое удовлетворяет лишь потребностям материального бытия и которое, если и поднимает человека на некоторую высоту, то всегда лишь с тем, чтобы низвергнуть его в еще более глубокую пропасть.

Но разве мы не христиане, скажете вы, и разве нельзя быть цивилизованным не по европейскому образцу? Да, мы без всякого сомнения христиане, но не христиане ли и абиссинцы?²¹ И можно быть, конечно, цивилизованным иначе, чем в Европе, разве не цивилизована Япония, да еще и в большей степени, чем Россия, если верить одному из наших соотечественников?²² Но разве вы думаете, что в христианстве абиссинцев и в цивилизации японцев осуществлен тот порядок вещей, о котором я только что говорил и который составляет конечное назначение человеческого рода? Неужели вы думаете, что эти нелепые отступления от божеских и человеческих истин низведут небо на землю?

Христианство обладает двумя легко различимыми функциями. Во-первых, действием на индивидуальное, во-вторых, его действие на общее сознание. В верховном разуме то и другое естественно сливается и приводит к одной и той же цели. Но наш ограниченный взгляд не в силах охватить все протяжение времен, в которые осуществляются вечные предначертания божественной мудрости. Нам необходимо различать божественное действие, проявляющееся в данное время в жизни человека, от того действия, которое проявляется лишь в бесконечности. В день окончательного завершения дела искупления все сердца и все умы составят одно чувство и одну мысль, и падут все стены, разделяющие народы и вероисповедания. Но в настоящее время каждому важно знать свое место в общем строе призвания христиан, т.е. знать, каковы те средства, которые он находит в себе и вокруг себя, для того, чтобы сотрудничать, в достижении цели, стоящей перед всем человеческим обществом в целом.

Непрерывно должен быть, следовательно, особенный круг идей, в пределах которого идет брожение умов в том обществе, где цель эта должна осуществиться, т.е. там, где идея откровения должна созреть и достигнуть всей своей полноты. Этот круг идей, эта нравственная сфера неизбежно обуславливает особый образ жизни и особую точку зрения, которые, хотя могут быть и не совпадать у разных народов, однако по отношению к нам, как и по отношению ко всем неевропейским народам, создают одну и ту же особенность в поведении, как следствие той огромной духовной работы в течение восемнадцати веков, в которой участвовали все страсти, все интересы, все страдания, все воображения, все усилия разума.

Все народы Европы, подвигаясь из века в век, шли рука об руку. Что бы они сейчас ни делали, каждый по-своему, они все же постоянно сходятся на одном и том же пути. Чтобы понять семейное сходство в развитии этих народов, не надо даже изучать историю: читайте только Тасса, и вы увидите все народы распростертыми у подножия стен Иерусалима²³. Вспомните, что в течение пятнадцати веков у них был только один язык при обращении к Богу, только один нравственный авторитет, только одно убеждение²⁴; вспомните, что в течение пятнадцати веков в один и тот же год, в один и тот же день, в один и тот же час, в одних и тех же выражениях они возносили свой голос к Верховному Существу, прославляя его в величайшем из его благодеяний: дивное созвучие, в тысячу раз более величественное, чем все гармонии физического мира. После этого ясно, что если та сфера, в которой живут европейцы и которая одна лишь может привести род человеческий к его конечному назначению, есть результат влияния, произведенного на них религией, и ясно, что если слабость наших верований или несовершенство нашего вероучения удерживали нас вне этого всеобщего движения, в котором социальная идея христианства развилась и получила определенное выражение, а мы были отнесены к числу народов, которым суждено использовать воздействие христианства во всей силе лишь косвенно и с большим опозданием, то необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение, ибо ведь там все совершило христианство. Так вот что я имел в виду, говоря о необходимости снова начать у нас воспитание человеческого рода.

Вся история нового общества происходит на почве убеждений. Значит, это настоящее воспитание. Утвержденное с самого начала на этой основе, новое общество двигалось вперед лишь под влиянием мысли. Интересы в нем всегда следовали за идеями и никогда им не предшествовали. В этом обществе постоянно из убеждений создавались интересы, никогда интересы не вызвали убеждений. Все политические революции были там по сути революциями нравственными. Искали истину и нашли свободу и благоденствие. Только так объясняется исключительное явление нового общества и его цивилизации; иначе в нем ничего нельзя было бы понять.

Религиозные гонения, мученичества, распространение христианства, ереси, соборы: вот события, заполняющие первые века. Все движение данной эпохи, не исключая и вторжения варваров, целиком связываются с младенческими усилиями нового духа. Образование иерархии, сосредоточение духовной власти и продолжение распространения религии в странах севера — вот чем была наполнена следующая эпоха. Наступает затем высший восторженный подъем религиозного чувства и упрочение духовной власти. Философское

и литературное развитие сознания и улучшение нравов под влиянием религии заканчивают эту историю, которую можно назвать священной, подобно истории древнего избранного народа²⁵. Наконец, и нынешнее состояние общества определяется религиозной реакцией, новым толчком, сообщенным человеческому духу религией. Итак, главный, можно сказать, единственный интерес у новых народов заключался лишь в убеждении. Все интересы — материальные, положительные, личные — поглощались этим интересом.

Я знаю, вместо преклонения перед таким чудесным порывом человеческой природы к возможному совершенству, его называли фанатизмом и суеверием. Но что бы там ни говорили, судите сами, какое глубокое впечатление должно было оставить на характере этих народов социальное развитие, целиком вызванное, как в добре, так и во зле, одним чувством. Пускай поверхностная философия²⁶ сколько угодно шумит по поводу религиозных войн, костров, зажженных нетерпимостью; что касается нас, мы можем только завидовать судьбе народов, которые в этом столкновении убеждений, в этих кровавых схватках в защиту истины создали себе мир понятий, какого мы не можем себе даже и представить, а не то что перенестись туда телом и душою, как мы на это притязаем.

Повторю еще раз: разумеется, в странах Европы не все исполнено ума, добродетели, религии, совсем нет. Но все там таинственно подчинено силе, безраздельно царившей на протяжении столетий; все является результатом того продолжительного сцепления актов и идей, которым создано теперешнее состояние общества, и вот, между прочим, тому пример. Народ, личность которого ярче всех обозначилась, учреждения которого всего более отражают новый дух, — англичане, — собственно говоря, не имеют истории, помимо церковной. Последняя их революция, которой они обязаны своей свободой и процветанием, а также и вся последовательность событий, приведших к этой революции, начиная с Генриха VIII, не что иное, как религиозное развитие. Во всем этом периоде интересы собственно политические проявлялись лишь в качестве второстепенных побуждений, а подчас они совершенно исчезали или же приносились в жертву убеждениям. И когда я пишу эти строки*, опять-таки религиозный вопрос волнует эту избранную страну²⁷. Да и вообще, какой из народов Европы не нашел бы в своем национальном самосознании, если бы он в нем захотел поискать, этой особой черты, которая, как святой завет, была постоянным животворным началом, душой его социального бытия во все продолжение его существования²⁸.

Действие христианства отнюдь не ограничивается его немедленным и прямым влиянием на душу людей. Сильнейшее воздействие,

которое оно призвано оказать, осуществляется в множестве нравственных, умственных и социальных комбинаций, где полная свобода человеческого духа должна непременно найти неограниченный простор. Итак, понятно, что все совершившееся с первого дня нашей эры, или, вернее, с того момента, как Спаситель мира сказал своим ученикам: «Идите, проповедуйте Евангелие всякой твари»²⁹, заключается целиком, со всеми нападками на христианство в том числе, в общей идее его влияния. Чтобы убедиться в исполнении пророчества Христа, достаточно наблюдать повсеместное водворение владычества его в сердцах, будь то с сознанием или бессознательно, добровольно или против воли. И поэтому, невзирая на все незаконченное, порочное и преступное в европейском обществе, как оно сейчас сложилось, все же царство Божие в известном смысле в нем действительно осуществлено, потому, что общество это содержит в себе начало бесконечного прогресса и обладает в зародыше и в элементах всем необходимым для его окончательного водворения в будущем на земле.

Прежде чем заключить, сударыня, эти размышления о том воздействии, которое религия оказала на общество, я повторю здесь то, что сказал об этом когда-то в одном сочинении, вам неизвестном³⁰.

«Несомненно, — писал я, — что пока не замечаешь влияния христианства везде, где человеческая мысль с ним как бы то ни было сталкивается, хотя бы только с целью борьбы, не имеешь о нем ясного представления. Всюду, где произнесено имя Христа, оно само по себе неотразимо увлекает людей, что бы они ни делали. Ничто не обнаруживает вернее божественного происхождения этой религии, чем свойственная ей черта абсолютной всеобщности, вследствие которой она внедряется в души всевозможными способами, овладевает без их ведома умами, господствует над ними, подчиняет их даже и тогда, когда они как будто сильнее всего сопротивляются, внося при этом в сознание чуждые ему до сих пор истины, заставляя сердце переживать неиспытанные им ранее впечатления, внушая нам чувства, которые незаметно вынуждают нас занять место в общем строе. Этим она определяет действие всякой индивидуальности и все направляет к одной цели. При таком взгляде на христианство всякое изречение Христа становится осязаемой истиной. И тогда явственно различаешь действие всех рычагов, которые пускает в ход его всемогущая десница, чтобы направить человека к его назначению, не посягая на его свободу, не сковывая ни одной из его природных сил, а, напротив, вызывая их высшее напряжение и возбуждая до бесконечности всю, сколько в нем ни есть, его собственную мощь. Тогда бросается в глаза, что в новом распорядке ни один нравственный элемент не остается без действия, что все находит в нем место и применение, самые деятельные дарования ума, равно как и горячее изливание чувства, героизм

* 1829.

сильной души, как и преданность покорного духа. Доступная всякому сознательному созданию, сочетаясь со всяким движением сердца, из-за чего бы оно ни билось, мысль откровения захватывает все, растет и крепнет даже и вследствие препятствий на своем пути. С гением она возвышается до высот, недоступных прочим смертным, с робким духом она пробирается, припав к земле и подвигаясь шаг за шагом; в сосредоточенном уме она независима и глубока, в душе, поддающейся воображению, она витает в эфире и полна образов; в нежном и любящем сердце она исходит милосердием и любовью; она всегда идет наравне со всяким вверившимся ей сознанием, наполняя его жаром, силой и светом. Взгляните, какое разнообразие свойств, какое множество сил она приводит в движение, сколько различных способностей сливает воедино, сколько несходных сердец заставляет биться из-за одной и той же идеи! Но еще поразительнее действие христианства на общество в целом. Окиньте взглядом всю картину развития нового общества и вы увидите, что христианство претворяет все интересы людей в свои собственные, заменяя везде материальную потребность потребностью нравственной, возбуждая в области мысли великие прения, каких история не наблюдала ни в одной другой эпохе и ни в одном другом обществе, вызывая жестокую борьбу между убеждениями, так что жизнь народов превращалась в великую идею и во всеобъемлющее чувство; вы увидите, что в христианстве и только в нем, разрешалось все: жизнь частная и жизнь общественная, семья и родина, наука и поэзия, разум и воображение, воспоминания и надежды, радости и горести. Благо тем, кто в великом движении, возбужденном в мире самим Богом, носят в сердце внутреннее сознание производимого ими действия; но не все в этом движении орудия деятельные, не все работают сознательно; массы по необходимости движутся слепо, как неодушевленные атомы, косные громады, не знающие тех сил, которые приводят их в движение, не различая той цели, к которой они влекутся».

Пора обратиться снова к вам, сударыня. Мне, признаться, трудно оторваться от этих широких горизонтов. С этой высоты открывается перед моими глазами картина, в которой почерпаю я все свои утешения; в сладостном чаянии грядущего блаженства людей мое прибежище, когда, под гнетом обступающей меня печальной действительности, я чувствую потребность подышать более чистым воздухом, взглянуть на более ясное небо. Я, впрочем, не думаю, что злоупотребил вашим временем. Надо было выяснить вам точку зрения, с которой следует смотреть на мир христианский и на то, что в этом мире делаем мы. Я должен был показаться вам желчным в отзывах о родине: однако же я сказал только правду и даже еще не всю правду. При-

том христианское сознание не терпит никакого ослепления, и менее всех других предрассудка национального, так как он более всего разделяет людей.

Письмо мое слишком затянулось, сударыня. Полагаю, что нам обоим следует передохнуть. Вначале мне казалось, что я смогу в немногих словах передать вам задуманное. Поразмыслив, я нахожу, что здесь имеется материала на целый том. Устраивает ли это вас, сударыня? Вы мне это скажете. Во всяком случае вам не миновать второго письма, ибо мы только что приступили к существу дела. Между тем, я буду вам очень признателен, если вы сочтете растянутость первого письма возмещением за время вашего вынужденного ожидания. Я взялся за перо в самый день получения письма.

Печальные и утомительные заботы меня тогда всецело поглощали: надо было от них отделаться прежде, чем начать беседу о столь важных предметах; затем приходилось переписать мое маранье, совершенно неудобочитаемое. На этот раз ожидать вам придется недолго: завтра же я снова берусь за перо.

*Некрополис, 1829, 1 декабря*³¹

АПОЛОГИЯ СУМАСШЕДШЕГО (1837)³²

О мои братья! Я сказал много горьких истин, но без всякой горечи.

*Кольридж*³³

I

Милосердие, говорит ап. Павел, *все терпит, всему верит, все переносит*³⁴: итак, будем все терпеть, все переносить, всему верить, — будем милосердны. Но прежде всего, катастрофа, только что столь необычайным образом исказившая наше духовное существование и кинувшая на ветер труд целой жизни, является в действительности лишь результатом того зловещего крика, который раздался среди известной части общества при появлении нашей статьи, едкой, если угодно, но конечно вовсе не заслуживавшей тех криков, какими ее встретили³⁵.

В сущности, правительство только исполнило свой долг; можно даже сказать, что в мерах строгости, применяемых к нам сейчас, нет ничего чудовищного, так как они, без сомнения, далеко не превзошли ожиданий значительного круга лиц. В самом деле, что еще может делать правительство, одушевленное самыми лучшими намерениями,

как не следовать тому, что оно искренно считает серьезным желанием страны? Совсем другое дело — вопли общества. Есть разные способы любить свое отечество; например, самоед, любящий свои родные снега, которые сделали его близоруким, закоптелую юрту, где он, скорчившись, проводит половину своей жизни, и прогорклый олений жир, заражающий вокруг него воздух зловонием, любит свою страну конечно иначе, нежели английский гражданин, гордый учреждениями и высокой цивилизацией своего славного острова; и без сомнения, было бы прискорбно для нас, если бы нам все еще приходилось любить места, где мы родились, на манер самоедов. Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо³⁶. Правда, мы, русские, всегда мало интересовались тем, что — истина и что — ложь, поэтому нельзя и сердиться на общество, если несколько язвительная филиппика против его немощей задела его за живое. И потому, смею уверить, во мне нет и тени злобы против этой милой публики, которая так долго и так коварно ласкала меня: я хладнокровно, без всякого раздражения, стараюсь отдать себе отчет в моем странном положении. Не естественно ли, скажите, чтобы я постарался уяснить по мере сил, в каком отношении к себе подобным, своим согражданам и своему Богу стоит человек, пораженный безумием по приговору высшей юрисдикции страны?³⁷

Я никогда не добивался народных рукоплесканий, не искал милостей толпы; я всегда думал, что род человеческий должен следовать только за своими естественными вождями, помазанниками Бога, что он может подвигаться вперед по пути своего истинного прогресса только под руководством тех, кто тем или другим образом получил от самого неба назначение и силу вести его; что общее мнение отнюдь не тождественно с безусловным разумом, как думал один великий писатель нашего времени³⁸; что инстинкты масс бесконечно более страстны, более узки и эгоистичны, чем инстинкты отдельного человека, что так называемый здравый смысл народа вовсе не есть здравый смысл; что не в людской толпе рождается истина; что ее нельзя выразить числом; наконец, что во всем своем могуществе и блеске человеческое сознание всегда обнаруживалось только в одиноком уме, который является центром и солнцем его сферы. Как же случилось, что в один прекрасный день я очутился перед разгневанной публикой, — публикой, чьих похвал я никогда не добивался, чьи ласки никогда не тешили меня, чьи прихоти меня не задевали? Как случилось,

что мысль, обращенная не к моему веку, которую я, не желая иметь дело с людьми нашего времени, в глубине моего сознания завещал грядущим поколениям, лучше осведомленным, — при той гласности в тесном кругу, которую эта мысль приобрела уже издавна, как случилось, что она разбила свои оковы, бежала из своего монастыря и бросилась на улицу, вприпрыжку среди остолбенелой толпы? Этого я не в состоянии объяснить. Но вот что я могу утверждать с полной уверенностью.

Уже триста лет Россия стремится слиться с Западной Европой³⁹, заимствует отсюда все наиболее серьезные свои идеи, наиболее плодотворные свои познания и свои живейшие наслаждения. Но вот уже век и более, как она не ограничивается и этим. Величайший из наших царей, тот, который, по общепринятому мнению, начал для нас новую эру⁴⁰, которому, как все говорят, мы обязаны нашим величием, нашей славой и всеми благами, какими мы теперь обладаем, полтора-два десятилетия назад пред лицом всего мира отрекся от старой России. Своим могучим дуновением он смёл все наши учреждения; он вырыл пропасть между нашим прошлым и нашим настоящим и грудой бросил туда все наши предания. Он сам пошел в страны Запада и стал там самым малым, а к нам вернулся самым великим; он преклонился пред Западом и встал нашим господином и законодателем. Он ввел в наш язык западные речения; свою новую столицу он назвал западным именем; он отбросил свой наследственный титул и принял титул западный; наконец, он почти отказался от своего собственного имени и не раз подписывал свои державные решения западным именем⁴¹. С этого времени мы только и делали, что, не сводя глаз с Запада, так сказать, вбирали в себя веяния, приходившие к нам оттуда, и питались ими. Должно сказать, что наши государи, которые почти всегда вели нас за руку, которые почти всегда тащили страну на буксире без всякого участия самой страны, сами заставили нас принять нравы, язык и одежду Запада. Из западных книг мы научились произносить по складам имена вещей. Нашей собственной истории научила нас одна из западных стран⁴²; мы целиком перевели западную литературу, выучили ее наизусть, нарядились в ее лоскутья и наконец стали счастливы, что походим на Запад, и гордились, когда он снисходительно соглашался причислять нас к своим.

Надо сознаться — оно было прекрасно, это создание Петра Великого, эта могучая мысль, овладевшая нами и толкнувшая нас на тот путь, который нам суждено было пройти с таким блеском. Глубоко было его слово, обращенное к нам: «Видите ли там эту цивилизацию, плод стольких трудов, — эти науки и искусства, стоявшие таких усилий стольким поколениям! Все это ваше при том условии, чтобы вы отказались от ваших предрассудков, не охраняли ревниво вашего

варварского прошлого и не кичились веками вашего невежества, но целью своего честолюбия поставили единственно усвоение трудов, совершенных всеми народами, богатств, добытых человеческим разумом под всеми широтами земного шара». И не для своей только нации работал великий человек. Эти люди, отмеченные Провидением, всегда посылаются для всего человечества. Сначала их присваивает один народ, затем их поглощает все человечество, подобно тому, как большая река, оплодотворив обширные пространства, несет затем свои воды в дань океану. Чем иным, как не новым усилием человеческого гения выйти из тесной ограды родной страны, чтобы занять место на широкой арене человечества, было зрелище, которое он явил миру, когда, оставив царский сан и свою страну, он скрылся в последних рядах цивилизованных народов?⁴³ Таков был урок, который мы должны были усвоить; мы действительно воспользовались им и до сего дня шли по пути, который предначертал нам великий император. Наше громадное развитие есть только осуществление этой великолепной программы. Никогда ни один народ не был менее пристрастен к самому себе, нежели русский народ, каким воспитал его Петр Великий, и ни один народ не достиг также более славных успехов на поприще прогресса. Высокий ум этого необыкновенного человека безошибочно угадал, какова должна быть наша современная точка на пути цивилизации и всемирного умственного движения. Он видел, что, за полным почти отсутствием у нас исторических данных, мы не можем утвердить наше будущее на этой бессильной основе; он хорошо понял, что, стоя лицом к лицу со старой европейской цивилизацией, которая является последним выражением всех прежних цивилизаций, нам незачем задыхаться в нашей истории и незачем тащиться, подобно западным народам, чрез хаос национальных предрассудков, по узким тропинкам местных идей, по изрытым колеям туземной традиции, что мы должны свободным порывом наших внутренних сил, энергическим усилием национального сознания овладеть предназначенной нам судьбой. И вот он освободил нас от всех этих пережитков прошлого, которые загромождают быт исторических обществ и затрудняют их движение; он открыл наш ум всем великим и прекрасным идеям, какие существуют среди людей; он передал нам Запад сполна, каким его сделали века, и дал нам всю его историю за историю, все его будущее за будущее.

Неужели вы думаете, что, если бы он нашел у своего народа богатую и плодотворную историю, живые традиции и глубоко укоренившиеся учреждения, он не поколебался бы кинуть его в новую форму? Неужели вы думаете, что будь пред ним резко очерченная, ярко выраженная народность, инстинкт организатора не заставил бы его, напротив, обратиться к этой самой народности за средствами, необ-

ходимыми для возрождения его страны? И, с другой стороны, позволила ли бы страна, чтобы у нее отняли ее прошлое и, так сказать, навязали ей прошлое Европы? Но ничего этого не было. Петр Великий нашел у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова *Европа* и *Запад*; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу. Не надо заблуждаться: как бы велик ни был гений этого человека и необычайная энергия его воли, то, что он сделал, было возможно лишь среди нации, чье прошлое не указывало властно того пути, по которому она должна была двигаться, чьи традиции были бессильны создать ее будущее, чьи воспоминания смелый законодатель мог стереть безнаказанно. Если бы оказались так послушны голосу государя, звавшего нас к новой жизни, то это, очевидно, потому, что в нашем прошлом не было ничего, что могло бы оправдать сопротивление. Самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии. Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что каждый важный факт нашей истории пришел извне, каждая новая идея почти всегда заимствована⁴⁴. Но в этом наблюдении нет ничего обидного для национального чувства; если оно верно, его следует принять — вот и все. Есть великие народы, — как и великие исторические личности, — которые нельзя объяснить нормальными законами нашего разума, но которые таинственно определяет верховная логика Провидения: таков именно наш народ; но, повторяю, все это нисколько не касается национальной чести. История всякого народа представляет собою не только вереницу следующих друг за другом фактов, но и цепь связанных друг с другом идей. Каждый факт должен выражаться идеей; чрез события должна нитью проходить мысль или принцип, стремясь осуществиться: тогда факт не потерян, он провел борозду в умах, запечатлелся в сердцах, и никакая сила в мире не может изгнать его отсюда. Эту историю создает не историк, а сила вещей. Историк приходит, находит ее готовою и рассказывает ее; но придет он или нет, она все равно существует, и каждый член исторической семьи, как бы ни был он незаметен и ничтожен, носит ее в глубине своего существа. Именно этой истории мы и не имеем. Мы должны привыкнуть обходиться без нее, а не побивать камнями тех, кто первый подметил это.

Возможно, конечно, что наши фанатические славяне при их разнообразных поисках будут время от времени откапывать диковинки для наших музеев и библиотек; но, по моему мнению, позволительно сомневаться, чтобы им удалось когда-нибудь извлечь из нашей исторической почвы нечто такое, что могло бы заполнить пустоту наших душ и дать плотность нашему расплывчатому сознанию. Взгляните на средневековую Европу: там нет события, которое не было бы в некотором смысле безусловной необходимостью и которое не оставило

бы глубоких следов в сердце человечества. А почему? Потому что за каждым событием вы находите там идею, потому что средневековая история — это история мысли нового времени, стремящейся воплотиться в искусстве, науке, в личной жизни и в обществе. И оттого — сколько борозд провела эта история в сознании людей, как разрыхлила она ту почву, на которой действует человеческий ум! Я хорошо знаю, что не всякая история развивалась так строго и логически, как история этой удивительной эпохи, когда под властью единого верховного начала созидалось христианское общество; тем не менее несомненно, что именно таков истинный характер исторического развития одного ли народа или целой семьи народов и что нации, лишенные подобного прошлого, должны смиренно искать элементов своего дальнейшего прогресса не в своей истории, не в своей памяти, а в чем-нибудь другом. С жизнью народов бывает почти то же, что с жизнью отдельных людей. Всякий человек живет, но только человек гениальный или поставленный в какие-нибудь особенные условия имеет настоящую историю. Пусть, например, какой-нибудь народ, благодаря стечению обстоятельств, не им созданных, в силу географического положения, не им выбранного, расселится на громадном пространстве, не сознавая того, что делает, и в один прекрасный день окажется могущественным народом: это будет, конечно, изумительное явление, и ему можно удивляться сколько угодно: но что, вы думаете, может сказать о нем история? Ведь, в сущности это — не что иное, как факт чисто материальный, так сказать географический, правда, в огромных размерах, но и только. История запомнит его, занесет в свою летопись, потом перевернет страницу, и тем все кончится. Настоящая история этого народа начнется лишь с того дня, когда он проникнется идеей, которая ему доверена и которую он призван осуществить, и когда начнет выполнять ее с тем настойчивым, хотя и скрытым, инстинктом, который ведет народы к их предназначению. Вот момент, который я всеми силами моего сердца призываю для моей родины, вот какую задачу я хотел бы, чтобы вы взяли на себя, мои милые друзья и сограждане, живущие в век высокой образованности и только что так хорошо показавшие мне, как ярко пылает в вас святая любовь к отечеству.

Мир искони делился на две части — Восток и Запад⁴⁵. Это не только географическое деление, но также и порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа: это — два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода. Сосредоточиваясь, углубляясь, замыкаясь в самом себе, созидался человеческий ум на Востоке; раскидываясь вовне, излучаясь во все стороны, борясь со всеми препятствиями, развивается он на Западе. По этим первоначальным

данным естественно сложилось общество. На Востоке мысль, углубившись в самое себя, уйдя в тишину, скрывшись в пустыню, предоставила общественной власти распоряжение всеми благами земли; на Западе идея, всюду кидаясь, вступаясь за все нужды человека, алкая счастья во всех его видах, основала власть на принципе права; тем не менее и в той, и в другой сфере жизнь была сильна и плодотворна; там и здесь человеческий разум не имел недостатка в высоких вдохновениях, глубоких мыслях и возвышенных созданиях. Первым выступил Восток и излил на землю потоки света из глубины своего единенного созерцания; затем пришел Запад со своей всеобъемлющей деятельностью, своим живым словом и всемогущим анализом, овладел его трудами, кончил начатое Востоком и, наконец, поглотил его в своем широком обхвате. Но на Востоке покорные умы, коленопреклоненные пред историческим авторитетом, истощились в безропотном служении священному для них принципу и в конце концов уснули, замкнутые в своем неподвижном синтезе, не догадываясь о новых судьбах, которые готовились для них; между тем на Западе они шли гордо и свободно, преклоняясь только пред авторитетом разума и неба, останавливаясь только пред неизвестным, непрестанно устремив взор в безграничное будущее. И здесь они еще идут вперед, — вы это знаете; и вы знаете также, что со времени Петра Великого и мы думали, что идем вместе с ними.

Но вот является новая школа⁴⁶. Больше не нужно Запада, надо разрушить создание Петра Великого, надо снова уйти в пустыню. Забыв о том, что сделал для нас Запад, не зная благодарности к великому человеку, который нас цивилизовал, и к Европе, которая нас обучила, они отвергают и Европу, и великого человека, и в пылу увлечения этот новоиспеченный патриотизм уже спешит провозгласить нас любимыми детьми Востока. Какая нам нужда, говорят они, искать просвещения у народов Запада? Разве у нас самих не было всех зачатков социального строя неизмеримо лучшего, нежели европейский? Почему не выждали действия времени? Предоставленные самим себе, нашему светлому уму, плодотворному началу, скрытому в недрах нашей мощной природы, и особенно нашей святой вере, мы скоро опередили бы все эти народы, преданные заблуждению и лжи. Да и чему нам было завидовать на Западе? Его религиозным войнам, его папству, рыцарству, инквизиции? Прекрасные вещи, нечего сказать! Запад ли родина науки и всех глубоких вещей? Нет — как известно, Восток. Итак, удалимся на этот Восток, которого мы всюду касаемся, откуда мы не так давно получили наши верования, законы, добродетели, словом, все, что сделало нас самым могущественным народом на земле. Старый Восток сходит со сцены: не мы ли его естественные наследники? Между нами будут жить отныне эти дивные предания,

среди нас осуществляются эти великие и таинственные истины, хранение которых было вверено ему от начала вещей. — Вы понимаете теперь, откуда пришла буря, которая только что разразилась надо мной, и вы видите, что у нас совершается настоящий переворот в национальной мысли, страстная реакция против просвещения, против идей Запада, — против того просвещения и тех идей, которые сделали нас тем, что мы есть, и плодом которых является эта самая реакция, толкающая нас теперь против них. Но на этот раз толчок исходит не сверху. Напротив, в высших слоях общества память нашего державного преобразователя, говорят, никогда не почиталась более, чем теперь. Итак, почин всецело принадлежит стране. Куда приведет нас этот первый акт эмансипированного народного разума? Бог весть! Но кто серьезно любит свою родину, того не может не огорчать глубоко это отступничество наших наиболее передовых умов от всего, чему мы обязаны нашей славой, нашим величием; и, я думаю, дело честного гражданина — стараться по мере сил оценить это необычайное явление.

Мы живем на востоке Европы — это верно, и тем не менее мы никогда не принадлежали к Востоку. У Востока — своя история, не имеющая ничего общего с нашей. Ему присуща, как мы только что видели, плодотворная идея, которая в свое время обусловила громадное развитие разума, которая исполнила свое назначение с удивительной силою, но которой уже не суждено снова проявиться на мировой сцене. Эта идея поставила духовное начало во главу общества; она подчинила все власти одному ненарушимому высшему закону — закону истории; она глубоко разработала систему нравственных иерархий; и хотя она втиснула жизнь в слишком тесные рамки, однако она освободила ее от всякого внешнего воздействия и отметила печатью удивительной глубины. У нас не было ничего подобного. Духовное начало, неизменно подчиненное светскому, никогда не утвердилось на вершине общества; исторический закон, традиция, никогда не получал у нас исключительного господства; жизнь никогда не устраивалась у нас неизменным образом; наконец, нравственной иерархии у нас никогда не было и следа. Мы просто северный народ и по идеям, как и по климату, очень далеки от благоуханной долины Кашмира и священных берегов Ганга. Некоторые из наших областей, правда, граничат с государствами Востока, но наши центры не там, не там наша жизнь, и она никогда там не будет, пока какое-нибудь планетное возмущение не сдвинет с места земную ось или новый геологический переворот опять не бросит южные организмы в полярные льды⁴⁷.

Дело в том, что мы еще никогда не рассматривали нашу историю с философской точки зрения. Ни одно из великих событий нашего национального существования не было должным образом характери-

зовано, ни один из великих переломов нашей истории не был добро-совестно оценен; отсюда все эти странные фантазии, все эти ретроспективные утопии, все эти мечты о невозможном будущем, которые волнуют теперь наши патриотические умы. Пятьдесят лет назад немецкие ученые открыли наших летописцев⁴⁸; потом Карамзин рассказал звучным слогом дела и подвиги наших государей⁴⁹; в наши дни плохие писатели, неумелые антиквари и несколько неудавшихся поэтов, не владея ни ученостью немцев, ни пером знаменитого историка, самоуверенно рисуют и воскрешают времена и нравы, которых уже никто у нас не помнит и не любит: таков итог наших трудов по национальной истории⁵⁰. Надо признаться, что из всего этого мудро-но извлечь серьезное предчувствие ожидающих нас судеб. Между тем именно в нем теперь все дело; именно эти результаты составляют в настоящее время весь интерес исторических изысканий. Серьезная мысль нашего времени требует прежде всего строгого мышления, добросовестного анализа тех моментов, когда жизнь обнаруживалась у данного народа с большей или меньшей глубиной, когда его социальный принцип проявлялся во всей своей чистоте, ибо в этом — будущее, в этом элементы его возможного прогресса. Если такие моменты редки в вашей истории, если жизнь у вас не была мощной и глубокой, если закон, которому подчинены ваши судьбы, представляет собою не лучезарное начало, окрепшее в ярком свете национальных подвигов, а нечто бледное и тусклое, скрывающееся от солнечного света в подземных сферах вашего социального существования, — не отталкивайте истины, не воображайте, что вы жили жизнью народов исторических, когда на самом деле, похороненные в вашей необъятной гробнице, вы жили только жизнью ископаемых. Но если в этой пустоте вы как-нибудь наткнетесь на момент, когда народ действительно жил, когда его сердце начинало биться по-настоящему, если вы услышите, как шумит и встает вокруг вас народная волна, — о, тогда остановитесь, размышляйте, изучайте, — ваш труд не будет потерян: вы узнаете, на что способен ваш народ в великие дни, чего он может ждать в будущем. Таков был у нас, например, момент, закончивший страшную драму междоусобия⁵¹, когда народ, доведенный до крайности, стыдясь самого себя, издал наконец свой великий сторожевой клич и, сразив врага свободным порывом всех скрытых сил своего существа, поднял на щит благородную фамилию, царствующую теперь над нами: момент беспримерный, которому нельзя достаточно надивиться, особенно если вспомнить пустоту предшествующих веков нашей истории и совершенно особенное положение, в каком находилась страна в эту достопамятную минуту. Отсюда ясно, что я очень далек от приписанного мне требования вычеркнуть все наши воспомина-

Я сказал только и повторяю, что пора бросить ясный взгляд на наше прошлое, и не затем, чтобы извлечь из него старые, истлевшие реликвии, старые идеи, поглощенные временем, старые антипатии, с которыми давно покончил здравый смысл наших государей и самого народа, но для того, чтобы узнать, как мы должны относиться к нашему прошлому. Именно это я и пытался сделать в труде, который остался неоконченным и к которому статья, так странно задевшая наше национальное тщеславие, должна была служить введением⁵². Без сомнения, была нетерпеливость в ее выражениях, резкость в мыслях, но чувство, которым проникнут весь отрывок, нисколько не враждебно отечеству: это — глубокое чувство наших немощей, выраженное с болью, с горестью, — и только.

Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа; но верно и то, что патриотическое чувство, одушевляющее меня, не совсем похоже на то, чьи крики нарушили мое спокойное существование и снова выбросили в океан людских треволнений мою ладью, приставшую было у подножья креста. Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами⁵³. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы. Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия. Тот обнаружил бы, по-моему, глубокое непонимание роли, выпавшей нам на долю, кто стал бы утверждать, что мы обречены кое-как повторять весь длинный ряд безумств, совершенных народами, которые находились в менее благоприятном положении, чем мы, и снова пройти через все бедствия, пережитые ими. Я считаю наше положение счастливым, если только мы сумеем правильно оценить его; я думаю, что большое преимущество — иметь возможность созерцать и судить мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения. Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим со-

вестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества.

В самом деле, взгляните, что делается в тех странах, которые я, может быть, слишком превознес, но которые тем не менее являются наиболее полными образцами цивилизации во всех ее формах. Там неоднократно наблюдалось: едва появится на свет Божий новая идея, тотчас все узкие эгоизмы, все ребяческие тщеславия, вся упрямая партийность, которые копошатся на поверхности общества, набрасываются на нее, овладевают ею, выворачивают ее наизнанку, искажают ее, и минуто спустя, размельченная всеми этими факторами, она уносится в те отвлеченные сферы, где исчезает всякая бесплодная пыль. У нас же нет этих страстных интересов, этих готовых мнений, этих установившихся предрассудков; мы девственным умом встречаем каждую новую идею. Ни наши учреждения, представляющие собою свободные создания наших государей или скудные остатки жизненного уклада, вспаханного их всемогущим плугом, ни наши нравы — эта странная смесь неумелого подражания и обрывков давно изжитого социального строя, ни наши мнения, которые все еще тщетно селятся установиться даже в отношении самых незначительных вещей, — ничто не противится немедленному осуществлению всех благ, какие Провидение предназначает человечеству. Стоит лишь какой-нибудь властной воле высказаться среди нас — и все мнения стушеваются, все верования покоряются и все умы открываются новой мысли, которая предложена им. Не знаю, может быть, лучше было бы пройти через все испытания, какими шли остальные христианские народы, и черпать в них, подобно этим народам, новые силы, новую энергию и новые методы; и может быть, наше обособленное положение предохранило бы нас от невзгод, которые сопровождали долгое и многотрудное воспитание этих народов; но несомненно, что сейчас речь идет уже не об этом: теперь нужно стараться лишь постигнуть нынешний характер страны в его готовом виде, каким его сделала сама природа вещей, и извлечь из него всю возможную пользу. Правда, история больше не в нашей власти, но наука нам принадлежит; мы не в состоянии проделать сызнова всю работу человеческого духа, но мы можем принять участие в его дальнейших трудах; прошлое уже нам не подвластно, но будущее зависит от нас⁵⁴. Не подлежит сомнению, что большая часть мира подавлена своими традициями и воспоминаниями: не будем завидовать тесному кругу, в котором он бьется. Несомненно, что большая часть народов носит в своем сердце глубокое чувство завершенной жизни, господствующее над жизнью текущей, упорное воспоминание о протекших днях, наполняющее каждый нынешний день. Оставим их бороться с их неумолимым прошлым.

Мы никогда не жили под роковым давлением логики времен; никогда мы не были ввергаемы всемогущею силою в те пропасти, какие века вырывают перед народами. Воспользуемся же огромным преимуществом, в силу которого мы должны повиноваться только голосу просвещенного разума, сознательной воли. Будем помнить, что для нас не существует непреложной необходимости, что, благодаря небу, мы не стоим на крутой покатости, увлекающей столько других народов к их неведомым судьбам; что в нашей власти измерять каждый шаг, который мы делаем, обдумывать каждую идею, задевающую наш разум; что нам позволено надеяться на благоденствие еще более широкое, чем то, о котором мечтают самые пылкие служители прогресса, и что для достижения этих окончательных результатов нам нужен только один властный акт той верховной воли, которая вмещает в себе все воли нации, которая выражает все ее стремления, которая уже не раз открывала ей новые пути, развертывала пред ее глазами новые горизонты и вносила в ее разум новое просвещение.

Что же, разве я предлагаю моей родине скудное будущее? Или вы находите, что призываю для нее бесславные судьбы? И это великое будущее, которое, без сомнения, осуществится, эти прекрасные судьбы, которые, без сомнения, исполнятся, будут лишь результатом тех особенных свойств русского народа, которые впервые были указаны в злополучной статье*. Во всяком случае, мне давно хотелось сказать, и я счастлив, что имею теперь случай сделать это признание: да, было преувеличение в этом обвинительном акте, предъявленном великому народу, вся вина которого в конечном итоге сводилась к тому, что он был заброшен на крайнюю грань всех цивилизаций мира, далеко от стран, где естественно должно было накопляться просвещение, далеко от очагов, откуда оно сияло в течение стольких веков; было преувеличением не признать того, что мы увидели свет на почве, не вспаханной и не оплодотворенной предшествующими поколениями, где ничто не говорило нам о протекших веках, где не было никаких задатков нового мира; было преувеличением не воздать должного этой церкви,

* Но что же, в конце концов, представляла из себя эта статья? Это частное письмо, написанное много лет тому назад одной женщине под воздействием горестного чувства, огромного разочарования, которое из-за нескромного тщеславия журналиста было вынесено на суд публики: читанное и перечитанное сотни раз еще до опубликования, причем в оригинале, гораздо более резком, чем слабый перевод, который был напечатан, оно никогда не вызывало чьих бы то ни было нареканий, не исключая даже и самых страстных патриотов, и в котором, наконец, среди нескольких страниц глубоко благочестивых помешалось историческое изыскание, где старый тезис о превосходстве стран Запада повторялся с некоторой теплотой, быть может, и с преувеличением. Таково было это ненавистное сочинение, этот возбуждавший умы памфлет, навлекший на своего автора гнев публики и необычайные преследования.

столь смиренной, иногда столь героической, которая одна утешает за пустоту наших летописей, которой принадлежит честь каждого мужественного поступка, каждого прекрасного самоотвержения наших отцов, каждой прекрасной страницы нашей истории; наконец, может быть, преувеличением было опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина.

Но за всем тем надо согласиться также, что капризы нашей публики удивительны.

Вспомним, что вскоре после напечатания злополучной статьи, о которой здесь идет речь, на нашей сцене была разыграна новая пьеса⁵⁵. И вот, никогда ни один народ не был так бичуем, никогда ни одну страну не волочили так в грязи, никогда не бросали в лицо публике столько грубой брани, и, однако, никогда не достигалось более полного успеха. Неужели же серьезный ум, глубоко размышлявший о своей стране, ее истории и характере народа, должен быть осужден на молчание, потому что он не может устами скомороха высказать патриотическое чувство, которое его гнетет? Почему же мы так снисходительны к циническому уроку комедии и столь пугливы по отношению к строгому слову, проникающему в сущность явлений? Надо сознаться, причина в том, что мы имеем пока только патриотические инстинкты. Мы еще очень далеки от сознательного патриотизма старых наций, созревших в умственном труде, просвещенных научным знанием и мышлением; мы любим наше отечество еще на манер тех юных народов, которых еще не тревожила мысль, которые еще отыскивают принадлежащую им идею, еще отыскивают роль, которую они призваны исполнить на мировой сцене; наши умственные силы еще не упражнялись на серьезных вещах; одним словом, до сего дня у нас почти не существовало умственной работы. Мы с изумительной быстротой достигли известного уровня цивилизации, которому справедливо удивляется Европа. Наше могущество держит в трепете мир, наша держава занимает пятую часть земного шара, но всем этим, надо сознаться, мы обязаны только энергичной воле наших государей, которой содействовали физические условия страны, обитаемой нами.

Обделанные, отлитые, созданные нашими властителями и нашим климатом, только в силу покорности стали мы великим народом.

Просмотрите от начала до конца наши летописи, — вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти, непрестанное влияние почвы, и почти никогда не встретите проявлений общественной воли. Но справедливость требует также признать, что, отрекаясь от своей мощи в пользу своих правителей, уступая природе своей страны, русский народ обнаружил высокую мудрость, так как он признал тем высший закон своих судеб: необычный результат двух

элементов различного порядка, непризнание которого привело бы к тому, что народ извратил бы свое существо и парализовал бы самый принцип своего естественного развития. Быстрый взгляд, брошенный на нашу историю с точки зрения, на которую мы стали, покажет нам, надеюсь, этот закон во всей его очевидности.

II

Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красною нитью проходит чрез всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это — факт географический⁵⁶.

Комментарии

Чаадаев Петр Яковлевич

¹ ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА. ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Статья под оригинальным названием: «Философические письма к г-же ***. Письмо 1-ое», датированная 29 декабря 1829 г., впервые опубликована в 1836 г. в отделе «Науки и искусства» журнала «Телескоп» (Телескоп: Журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. Часть XXXIV, № 15. М.: В типографии С. Селивановского, 1836. С. 275—310).

Печатается по: Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. Т. 1. М., 1991. С. 320—339. Используются также комментарии М.Б. Велижева в кн.: Чаадаев П.Я. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. М.Б. Велижев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 656—679.

² «Да придет Царствие твое» (*лат.*) — фрагмент молитвы Господней или «Отче наш»: «...Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе...» (Матфей, VI, 10; Лука, XI, 2).

³ Письмо было адресовано Екатерине Дмитриевне Пановой (урожд. Улыбышевой) (1804 — после 1858), сестре поэтессы Елизаветы Улыбышевой и музыкального критика А.Д. Улыбышева, жене агронома В.М. Панова, знакомого Чаадаева.

⁴ Имеется в виду переписка Чаадаева с Е.Д. Пановой. Знакомство Чаадаева с Пановой состоялось после того, как 4 октября 1826 г. (в то время Чаадаев находился под полицейским надзором (см.: Шаховской Д.И. П.Я. Чаадаев на пути в Россию в 1826 году // Литературное наследство. Т. 19—21. М., 1935. С. 32)) он выехал в имение своей тетки А.М. Щербатовой Алексеевское, где его соседями были семейства Пановых и Норовых. В конце 1820-х гг. между ними завязывается переписка, из которой затем вырастают «Философические письма». Известны четыре письма Пановой к Чаадаеву, два от конца 1820-х гг. и два — от 1836 г. (см.: Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 436—439,

455—460, здесь же высказано предположение о том, что первое «Философическое письмо» было ответом на письмо Пановой Чаадаеву, написанное не позднее 1829 г. (Там же. С. 439)). 17 декабря 1836 г. по просьбе мужа Московское губернское правление освидетельствовало умственные способности Пановой и затем поместило ее в лечебницу В.Ф. Саблера (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁵ Слова Первосвященнической молитвы Иисуса: «...Отче Святыи! Соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (Иоанн, XVII, 11).

⁶ Возможно, именно этот фрагмент приняли на свой счет московские жители. Как заметил Д.Н. Свербеев, недовольство московской публики первым «Философическим письмом» было вызвано упреками в ее собственный адрес: «Журнальная статья Чаадаева произвела страшное негодование публики и потому не могла не обратиться на него преследования правительства. На автора восстало все и вся с небывалым до того ожесточением в нашем довольно апатическом обществе (я говорю только о Москве) и, заметим, восстало не столько за оскорбленное православию, сколько за грубые упреки современной России и, главное, высшему нашему обществу. Здесь, может быть, в первый раз читающая и вопиющая с ее голоса полуграмотная московская публика с успехом разыграла роль высшей цензурной инстанции» (Свербеев Д.Н. Воспоминания о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799—1826). Т. II. М., 1899. С. 395 (*примеч. М.Б. Велижева*)).

⁷ По убедительному предположению Ш. Кене, источник этого фрагмента находится в главе «О России» книги Л. де Бональда «Первоначальное законодательство...» («Législation primitive...») (1802) (*Quénet Ch. Tchaadaev et les lettres philosophiques. Contribution à l'étude du mouvement des idées en Russie. Paris, 1931. С. 162*). Критика России в конце 1820-х гг. часто появлялась и в письмах П.А. Вяземского: «Любовь к России, заключающаяся в желании жить в России, есть хи-мера, недостойная возвышенного человека» (Письмо П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу от 15 октября 1828 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. СПб., 1899. С. 181); см. также стихотворение Вяземского «Русский бог», включенное в письмо к А.И. Тургеневу от 18 апреля 1828 г. (Архив братьев Тургеневых. Вып. 6: Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1: 1814—1833 годы. Пг., 1921. С. 65—66); его высказывание из того же письма: «Да что же может дать эта Россия? Чины, кресты и весьма немногим обеспечение благосостояния. Да там, где или Россия отказывается Вам давать эти кресты и чины, или Вы сами отказываетесь их иметь, там нет уже России, там распадается, разлетается она по воздуху, как звук. Не дает она Вам Солнца и дать не может, ни Солнца физического, ни Солнца нравственного. Чем, что она согреет, что прекрасного, что высокого оплодотворить она может!» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 6: Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1: 1814—1833 годы. Пг., 1921. С. 71); выдержку из дневника Е.А. Свербеевой (запись от 12 сентября 1833 г., Женева): «Николай Т[ургенев] был серьезен, одухотворен и спокоен. Он спросил меня, если Чаадаев не сошел с ума, то почему же он остается в России?» (*Долгова С.Р. Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год. М., 1999. С. 46*). Подобная точка зрения Тургеневых и Вяземского была полемичной по отношению к позиции Н.М. Карамзина, который писал А.И. Тургеневу 6 сентября 1825 г.: «Для нас, Русских с душою, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует: все иное есть только отношение к ней, мысль, привидение. Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России; или нет гражданина, нет человека...» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 6: Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1: 1814—1833 годы. Пг., 1921. С. 18). Позиция

Чаадаева близка к мнению Тургеневых и Вяземского, однако, в отличие от них, после 1826 г. он не выезжал в Европу, поэтому одним из важных положений «Философических писем» является осознание необходимости высказывать «истинные», с точки зрения Чаадаева, идеи именно в России (отсюда и желание опубликовать здесь свое сочинение) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁸ См. также один из недатированных отрывков Чаадаева: «История нашей страны, например, рассказана недостаточно; из этого, однако, не следует, что ее нельзя разгадать. Мысль более сильная, более проникновенная, чем мысль Карамзина, когда-нибудь это сделает. Русский народ тогда узнает, что он такое, или, вернее, то, чего в нем нет. Он принимает себя теперь за такой же народ, как и другие; тогда, я уверен, он с ужасом убедится в своем нравственном ничтожестве; он узнает, что провидение пока еще давало ему жизнь лишь для того, чтобы иметь в его лице динамическую силу в мире, и пока еще не для того, чтобы проявить себя сознательно. Тогда мы поймем, что имеем вес на земле, но еще не действовали. Подобно тому, как народы, образовавшие новое общество, были сначала призваны на мировую арену как материальная сила и заняли свое место в порядке сознательном лишь после того, как подчинились игу его закона, точно так же и мы в настоящее время представляем только силу физическую; силой нравственной мы станем тогда, когда совершим то же, что совершили они. Но когда это будет?» (*Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 456. На фр. яз.*) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁹ Рассуждение Чаадаева об истории России, по-видимому, полемически заострено против исторических сочинений Николая Михайловича Карамзина (1766—1826), прежде всего «Истории государства Российского» (11 томов вышли в 1816—1824 гг., 12-й том — посмертно в 1829 г.) (см.: *Проскурина В.Ю. Комментарии // Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 566—636*). В «Письмах русского путешественника» (впервые напечатаны на страницах журналов «Московский вестник» (1791—1792) и «Аглая» (1794—1795)) Карамзин писал: «У нас был свой Карл Великий: Владимир — свой Лудовик XI: Царь Иоанн — свой Кромвель: Годунов — и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей Истории, и даже в Истории человечества...» (*Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 253*). Сравнение «юности» европейских и русского народов заставляет вспомнить оценку преобразований Петра I Ж.Ж. Руссо: «Юность — не детство. У народов, как и людей, существует пора юности или, если хотите, зрелости, которой следует дожидаться, прежде чем подчинять их законам. Но наступление зрелости у народа не всегда легко распознать; если же ввести законы преждевременно, то весь труд пропал. Один народ восприимчив уже от рождения, другой не становится таковым и по прошествии десяти веков. Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации слишком рано» (*Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М., 2000. С. 234—235*) (*примеч. М.Б. Велижева*).

¹⁰ Фрагмент § 120 гл. XXXIV трактата Марка Туллия Цицерона (106—43 до н.э.) «Оратор» (46): «В самом деле, что такое жизнь человека, если память о древних событиях не связывает ее с жизнью наших предков? А упоминания о древности и почерпнутые оттуда примеры придадут речи не только необыкновенную сладость, но и достоинство и убедительность» (*Цицерон М.Т. Оратор // Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с лат. Ф.А. Петового, И.П. Стрельниковой, М.Л. Гаспарова; Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/cicero/tractates/orator-f.htm> 05.03.2011*).

¹¹ Тезис о неразрывной связи человеческих физиологии и нравственности характерен для французской философии XVII—XVIII вв.

¹² П.Б. Козловский в статье «Некоторые мысли о французском национальном характере» отмечал: «Вначале французов называли народом легкомысленным, фривольным, изящным, исполненным воображения, непостоянным во вкусах и страстно гоняющимся за удовлетворением мимолетных желаний...» (*Козловский П.Б. Социальная диорама Парижа. Сочинение чужестранца, проведенного в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года / Пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 1997. С. 59*). Общим адресатом полемических высказываний Чаадаева и Козловского о «мнимом» легкомыслии французов мог быть Н.М. Карамзин, заметивший в «Письмах русского путешественника»: «Наконец — есть ли бы одним словом надлежало означить народное свойство Англичан — я назвал бы их угрюмыми, так как Французов легкомысленными...» (*Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 384*). См. также комментарий В.А. Мильчиной и А.Л. Осповата к «Социальной диораме Парижа» Козловского (см.: *Козловский П.Б. Социальная диорама Парижа. Сочинение чужестранца, проведенного в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года. С. 154—155*) (*примеч. М.Б. Велижева*).

¹³ Эта формула была высказана, например, в «Четырех главах о России» («Quatre chapitres sur la Russie») Ж. де Местра, написанных в 1810-е гг., но впервые опубликованных уже после смерти Чаадаева (1859): «Понаблюдайте, как они [русские. — М.В.] — даже те, что принадлежат к низшим сословиям, — занимаются торговлей, вы увидите, как они умны и сноровисты в достижении собственных целей; понаблюдайте за тем, как осуществляют они предприятия самые рискованные, наконец, как ведут себя на поле боя, и вы увидите, как они дерзки» (*Мильчина В.А. Комментарии // Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 445*) (*примеч. М.Б. Велижева*).

¹⁴ В данном случае характеристика Чаадаева полемично перекликается с мнением Н.М. Карамзина о роли Петра I в русской истории, сформулированным в «Письмах русского путешественника»: «Немцы, Французы, Англичане, были впереди Руских по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их» (*Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 254*) (*примеч. М.Б. Велижева*).

¹⁵ Представление о неблагодарности и, шире, непонимании русскими императора Александра I (1777—1825) восходит к фразе этого монарха, обращенной к мадам де Сталь: «“Ваше величество, — сказала я, — в вашей империи конституцией служит ваш характер, а порукой в ее исполнении — ваша совесть”. — “Даже если это правда, — возразил он, — человек — не более чем счастливая случайность”. Как отмечает В.А. Мильчина, это высказывание де Сталь часто фигурировало как «доказательство того факта, что Россия не создана для основания европейской цивилизации» (*Мильчина В.А. Комментарии // Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. С. 463—464*). См. также один из исторических отрывков Чаадаева: «Вот каким образом вопрос этот слагается, по моему мнению. В лице Петра Великого Россия сознала свое преступное одиночество и свое порочное направление. Она пошла в науку к Европе. Этим новым путем шла она до сей поры. Признание ее вознаграждено было успехами во всех отношениях и увенчалось при императоре Александре I торжеством самым высоким, невиданным в истории рода человеческого. Но вдруг вздумала она, что может уже ходить на своих ногах, что пора ей возвратиться к своему прежнему одиночеству. Европа сначала изумилась такой дерзновенности, посмотрела ей в глаза и, увидев точно, <что> она вышла из покорности, осердилась, и пошла потеха» (*Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 510*). Под «катастрофой» Чаадаев имел в виду восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. В своем комментарии к первому «Философическому письму» Ю.М. Лотман замечал: «После восстания декабристов (1825) Чаадаев пришел к выводу, что только духовное развитие народа

заклучает в себе истинный прогресс. С этих позиций он стал отрицательно относиться ко всем видам насильственных действий. Восстание декабристов, считал он, было преждевременным и легкомысленным действием, нарушившим органическое прогрессивное движение русского общества» (*Лотман Ю.М.* Комментарии // Русская литература на французском языке. Французские тексты русских писателей XVIII—XIX веков. Wien, 1994 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 36). С. 479) (*примеч. М.Б. Велижева*).

¹⁶ По всей видимости, тезис Чаадаева восходит к представлению о неспособности русского народа, воспитанного в ложной религиозной традиции, воспринимать реформаторские усилия русских императоров, в жилах которых текла иностранная кровь и которые олицетворяли собой попытки европеизации России. Ж. де Местр писал в трактате «О Папе» (1819): «Напрасно вознесенный на русский трон иноземный род считал бы себя вправе лелеять самые возвышенные надежды; напрасно самые мягкие добродетели спорили бы на этом троне с древней суровостью, правления кратки ничуть не из-за *ошибок государей*, что было бы очевидно несправедливо, но *по вине народа*. Напрасно государи будут совершать самые благородные усилия — им будут вторить усилия великодушного народа, который никогда не считается со своими повелителями...» (*Maistre J. de. Du Pape. Lyon; Paris, 1819. Т. II. Livre III. Chap. 6. P. 538*). В представлениях П.-С. Балланша, идеи которого оказали влияние на историософию Чаадаева, единство правящей династии и народа было признаком политического строя католической (христианской) Европы, а их разобщенность — характеристикой азиатской деспотии: «Христианские династии составляют единство с христианскими народами и живут одной с ними жизнью: это происходит от совершенствования, которое проникло с христианством как в человеческие общества, так и во все категории мыслей и чувств», а в Азии: «Отечество и король суть две разные вещи...» (*Ballanche P.-S. Essai sur les institutions sociales... Chap. I. P. 19, 21*). Именно отделение Чаадаевым русского императора от русского народа вызвало резкую критику С.С. Уварова; тот же тезис позже особенно раздражил Николая I при чтении книги А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843) (см.: *Мильчина В.А., Основат А.Л.* Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С.С. Уварова // Новое литературное обозрение. № 13. С. 279—280). Критика главенства русского государства над православной церковью была традиционна как для французских философов XVIII в. (см., например, гл. 7 четвертой книги «Об общественном договоре» Ж.Ж. Руссо), так и для европейских путешественников, посещавших Россию. Положение духовенства в России «в зависимости от убеждений пишущего могло оцениваться самым противоположным образом — от одобрения действий Петра I, который, упразднив патриаршество и смилив сопротивление невежественных попов, способствовал просвещению страны, до осуждения деспотизма государей, узурпировавших духовную власть» (*Мильчина В.А.* Комментарии // Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. С. 417) (*примеч. М.Б. Велижева*).

¹⁷ См. определение Византийской империи у Ж. де Местра: «эпоха самого значительного разращения рода человеческого» (*Maistre J. de. Du Pape. Т. II. Livre III. Chap. 6. P. 536, а также: р. 543*). Ф.Р. де Ламенне считал любую национальную церковь атеистической: «Без Папы нет христианства; без христианства нет религии; без религии нет общества. Отделить себя от Рима, предаться расколу, создать национальную церковь — значило бы провозгласить атеизм со всеми его последствиями» (*Essai sur l'indifférence en matière de religion // Oeuvres complètes de M. l'abbé F. de Lamennais. Т. II. Bruxelles, 1830. P. 100*). Представление об испорченности Восточной империи и генетической связи допетровской эпохи истории России с христианской Византией восходит к «Размышлениям о причинах величия и падения римлян» (1734) Ш.Л. Монтескье: «Греческая история представляет

множество таких характерных черт; так как слабоумие стало характером всего народа, то не было больше мудрости в предприятиях; мятежи возникали без причин, революции происходили без мотивов. Всеобщее ханжество уничтожило смелость в людях и привело в оцепенение всю империю. Константинополь, собственно говоря, являлся единственной страной на Востоке, где господствовала христианская религия. Но эта трусость, леность, расслабленность азиатских народов смешались с самой набожностью. <...> Грубое суеверие, которое в такой же степени уничтожает ум, в какой религия его возвышает, полагало всю добродетель и возлагало все упования на тупое почитание икон; таким образом, некоторые генералы снимали осады и теряли города, чтобы получить мощи. Христианская религия в Греческой империи пришла в такое же состояние упадка, в каком она находилась в наше время у московитов до того, как царь Петр I возродил этот народ и ввел в управляемом государстве больше перемен, чем это делают завоеватели в покоренных ими странах. Легко поверить, что греки впади в некоторого рода идолопоклонство. Никто не станет обвинять итальянцев и немцев того времени в том, что они плохо соблюдали внешние церковные обряды» (*Монтескье Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / Пер. А.И. Рубина. М., 2002. С. 377—378*). Противоположную точку зрения см. в четвертой главе пятого тома «Истории государства Российского» (вышел в свет в 1818 г.) Н.М. Карамзина: «История подтверждает истину, предлагаемую всеми Политиками-Философами, и только для одних легких умов сомнительную, что Вера есть особенная сила государственная. В Западных странах Европейских Духовная власть присвоила себе мирскую от того, что имела дело с народами полудикими — Готфами, Лонгобардами, Франками — которые, овладев ими и приняв Христианство, долго не умели согласить оного с своими гражданскими законами, ни утвердить естественных границ между сими двумя властями: а Греческая Церковь воссияла в Державе благоустроенной, и Духовенство не могло столь легко захватить чуждых ему прав. К счастью, Святой Владимир предпочел Константинополь Риму» (цит. по: *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. Т. V. М., 1993. С. 209—210). В основу данного издания «Истории государства Российского», на которое мы будем ссылаться и в дальнейшем, положен текст последнего прижизненного издания «Истории» — Т. I—VIII второго издания (СПб., 1818—1821) (см.: *Афиани В.Ю., Живо В.М., Козлов В.П.* Научные принципы издания // Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. Т. I. М., 1989. С. 400—401) (*примеч. М.Б. Велижева*).

¹⁸ Имеется в виду начало разделения христианской церкви на католическую и православную в середине IX в. (в 863 г. на Римском соборе был отлучен от христианской церкви Константинопольский патриарх Фотий (ок. 820 — ок. 891), который в свою очередь на соборе в Константинополе в 867 г. отлучил римского папу Николая I). Для уяснения позиции Чаадаева необходимо помнить, что «историческая» ошибка патриарха Фотия, инициировавшего схизму (что, как правило, мотивировалось его «людской страстью» — тщеславием), усугублялась, по мнению ряда французских католических публицистов, реальными перспективами «католического» крещения Руси — через деятельность Кирилла и Мефодия. Ж. де Местр писал: «Кирилл и Мефодий... получили полномочия от Святого Престола... Однако едва созданная цепь была разрублена руками печально памятного Фотия, которого человек в целом вправе упрекать не менее, чем религия, в чьем отношении он был столь виновен. Россия поэтому оказалась вовсе не причастной к общему влиянию и не могла проникнуться *всемирным* духом, ибо она едва успела почувствовать руку Верховных Понтификов. Тому следствием внешний характер ее религии, не проникающей вглубь сердец» (*Maistre J. de. Du Pape. Т. II. Livre III. Chap. 6. P. 533—534. О схизме см.: Ibid. P. 576—579*). См. также: The

Major Works of Peter Chaadaev. A translation and commentary by R.T. McNally. Notre Dame; L., 1969. P. 235) (примеч. М.Б. Велижева).

¹⁹ Согласно Чаадаеву, католической Европе удавалось сохранять это единство и в XIX в. О том же писали и некоторые современники Чаадаева; см., например, характеристику роли католического духовенства в общественной жизни Франции в «Социальной диораме Парижа» П.Б. Козловского, созданной в середине 1820-х гг.: «Если то, что я видел собственными глазами, и то, что узнал от людей, превосходно осведомленных, верно, можно не сомневаться, что могущество церкви основывается на чем-то более прочном, нежели покровительство властей, что сила ее зиждется на общественном мнении, иначе говоря, на религиозных убеждениях целого народа» (Козловский П.Б. Социальная диорама Парижа. Сочинение чужестранца, прошедшего в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года. С. 43; см. комментарий В.А. Мильчиной и А.Л. Осповата: Там же. С. 142—143) (примеч. М.Б. Велижева).

²⁰ Имеется в виду догмат «Верую ... И во единую, Святую, Вселенскую и Апостольскую Церковь», ставший частью Символа веры — краткого двенадцати-членного свода основных положений христианского вероучения, сформулированного на Никейском вселенском соборе 325 г. и переработанного между 362 и 374 гг., который используется в богослужении православной, римско-католической (с позднейшей правкой), древневосточных, а также большинства протестантских церквей.

²¹ Имеются в виду православные жители Эфиопии, где в IV—VI вв. распространилось греческое христианское вероисповедание монофизитского толка.

²² Речь идет о книге В.М. Головина «Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах» (СПб., 1816) (примеч. М.Б. Велижева).

²³ Имеется в виду поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» («Gerusalemme liberata», 1581), описание христианского войска — песнь 1, строфы 37—64 (примеч. М.Б. Велижева).

²⁴ Имеется в виду период истории римской католической церкви с I по XVI в., который закончился религиозными реформами Мартина Лютера (с 1517) и возникновением «национальных» протестантских церквей (примеч. М.Б. Велижева).

²⁵ Имеются в виду иудеи.

²⁶ В своих оценках французской философии XVIII в. Чаадаев следует за философами-традиционалистами.

²⁷ Имеется в виду подготовка и законодательное оформление билля об эмансипации английских католиков (Roman Catholic Relief Act, по которому католикам предоставлялось избирательное право (с некоторыми ограничениями), был также открыт доступ в палату общин и дана возможность поступать на государственную службу) 13 апреля 1829 г. (примеч. М.Б. Велижева).

²⁸ Ср. рассуждение князя П.Б. Козловского о месте наций «в ряду народов»: «Но более или менее высокое место в ряду народов нация занимает не благодаря своей мощи, протяженности территории и числу подданных и даже не благодаря своей военной славе. Гунны были могущественны и одерживали победу за победой, но от этого не переставали быть гуннами. Преемники Османов, турки долгое время наводили ужас на Европу и завладели территориями от Евфрата до Дуная, но в памяти народов они навсегда останутся свирепыми варварами. Место, занимаемое нацией в ряду народов прошлого и настоящего, определяется тем участием, какое она принимает в развитии цивилизации и совершенствовании ума человеческого с помощью своих законов, своей литературы, своих научных открытий, своей промышленности и торговли». Козловский не сходит с Чаадаевым лишь в конкретных оценках роли наций в истории цивилизации, выделяя, помимо англичан, греков и итальянские республики (см.: Козловский П.Б. Соци-

альная диорама Парижа. Сочинение чужестранца, прошедшего в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года. С. 56). Доминанта церковной истории Англии, о которой пишет Чаадаев, возможно, связана с представлением об английской веротерпимости: см. комментарий В.А. Мильчиной и А.Л. Осповата в работе: «Социальная диорама Парижа» (с. 150). Н.М. Карамзин отмечал в «Письмах русского путешественника»: «Здесь терпим всякой образ Веры: и есть ли в Европе хотя одна Христианская Секта, которой бы в Англии не было?» (Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 343) (примеч. М.Б. Велижева).

²⁹ Слова Иисуса, сказанные своим ученикам после воскресения: «И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. XVI: 15).

³⁰ По мнению З.А. Каменского и М.И. Лепехина, слова Чаадаева могут «означать ссылку более позднего варианта [первого «Философического письма». — М.В.], относящегося, по-видимому, к 1835 г.», на седьмое «Философическое письмо»: «В нем нет буквально приведенного Чаадаевым в кавычках текста, но есть довольно близкие формулы и идентичные мысли» (Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 695) (примеч. М.Б. Велижева).

³¹ Под «Некрополисом» («городом мертвых») Чаадаев имеет в виду Москву. Ср. высказывание П.А. Вяземского об участии Николая Тургенева в письме к А.И. Тургеневу от 1 января 1830 г. из Москвы: «Смотри... на Россию, как на кладбище: плачь на нем, но не требуй от него то, что оно возратить не в силах. Не ворочай надгробным камнем, не раздирай земли: ты только измучишься в насилиях безумной скорби, отроешь одне кости; но кладбище не возвратит жизни, которую оно пожрало; не возвратит минувшего, которое уже и не в нем, а в Боге» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. СПб., 1899. С. 190). В.Ю. Проскурина отмечает, что «метафора “Некрополиса” возникла в период московского затворничества» Чаадаева (конец 1820-х гг.), но «иногда вместо нее появляется образ Фиваиды. Фиваида, расположенная в окрестностях развалин египетских Фив, — место убежища христианских отшельников в начале эры». Надпись «Nécoropolis» «может быть связана с темой Фиваиды, отшельничества, зарождения новой духовной жизни в древних гробницах» (Торопыгин П.Г. Чаадаев и И.И. Ястребцов // Актуальные проблемы теории и истории русской литературы. Труды по славянской и русской филологии. Литературоведение. Тарту, 1987. С. 41; см. также: Темпест Р. Чаадаев и смерть // Звезда. 1994. № 7. С. 104—105). Дата окончания первого «Философического письма» 1 декабря 1829 г. совпадает с датой последнего обращения Чаадаева к «Опыту о безразличии к религии» Ф.Р. де Ламенне (см.: Проскурина В.Ю. Комментарии // Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 576—577) (примеч. М.Б. Велижева).

³² АПОЛОГИЯ СУМАСШЕДШЕГО (1837)

«Апология сумасшедшего» — непосредственная реакция П.Я. Чаадаева на скандал и официальное расследование вокруг публикации в 15-м номере «Телескопа» за 1836 г. русскоязычной версии первого «Философического письма». Работа эта существует в двух редакциях, отличающихся стилистически и объемом, автографы которых неизвестны. Ранняя редакция (копия текста, полученного А.И. Тургеневым от самого Чаадаева) опубликована М.О. Гершензоном (Сочинения и письма П.Я. Чаадаева / Под ред. М. Гершензона: В 2 т. М., 1913—1914. Т. 2. С. 29—40). По мнению большинства исследователей, ранняя редакция была задумана и начата в конце 1836 — начале 1837 г. и закончена в начале или середине 1837 г. (см.: Проскурина В.Ю. Комментарии // Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 590—591). Вторая, поздняя и более пространная редакция «Апологии сумасшедшего»,

для датировки которой мы не располагаем даже косвенными данными, известна лишь по изданию И.С. Гагарина 1862 г. (*O Euvres choisies de Pierre Tchadaief, publiées pour la première fois par le P. Gagarin de la compagnie de Jésus*. Paris; Leipzig, 1862. P. 126—152; рус. пер.: Сочинения и письма П.Я. Чаадаева / Под ред. М. Гершензона. Т. 2. М., 1914. С. 215—231). О двух неопубликованных переводах «Апологии сумасшедшего» на русский язык (М.Н. Лонгинова и, вероятно, М.И. Жихарева) и двух опубликованных (С.М. Юрьева и Б.П. Деннике (1906), М.О. Гершензона (1908)) подробнее см.: Сочинения и письма П.Я. Чаадаева / Под ред. М. Гершензона. Т. 1. М., 1913. С. 398; *Проскура В.Ю.* Комментарии // Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 591 (примеч. М.Б. Велижева).

Печатается по: Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 523—538. Использованы также комментарии М.Б. Велижева в кн.: Чаадаев П.Я. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. М.Б. Велижев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 722—736.

Апология (*др.-греч.*) — речь или текст, направленные на защиту чего или кого-либо.

³³ В оригинале: «O my brethern! I have told Most bitter truth, but without bitterness. *Coleridge*» — «О мои братья! Я сказал много горьких истин, но без всякой горечи» (*англ.*) — фрагмент стихотворения С.Т. Кольриджа «Страхи в одиночестве» (*Fear in Solitude*, 1798). Ранняя редакция статьи была снабжена другим эпиграфом: *Adveniat regnum tuum* («Да приидет Царствие Твое»).

³⁴ Первое послание апостола Павла к коринфянам в современном каноническом переводе: «Любовь... все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Коринф. XIII: 4—7). Чаадаев же употребил слово «*charité*» — милосердие, человеколюбие, т.е. любовь к ближнему.

³⁵ Чаадаев имеет в виду полемику, возникшую в Москве по выходе в свет 15-го номера «Телескопа» за 1836 г., в котором был помещен русский перевод первого «Философического письма».

³⁶ Тезис Чаадаева о предпочтительности «общечеловеческого» над «национальным» перекликался с идеями первого «Философического письма» и ассоциировался в русском культурном сознании того времени с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина. Ср. также мысль Карамзина из «Писем русского путешественника», которую обсуждал А.И. Тургенев с П.А. Вяземским в письме от 2 июня 1830 г. из Парижа. Тургенев прочитал «все путешествие Карамзина, и слова: *Главное дело быть людьми, а не славянами* — так поразили, обрадовали меня, что я выписал все в письмо к брату... Не желаю приводить доказательства, но русская история не оправдывает прекрасной, истинно христианской, в душе Карамзина почерпнутой мысли: *главное быть людьми*» (*Тургенев А.И.* Политическая проза. М., 1989. С. 203—204; курсив автора) (примеч. М.Б. Велижева).

³⁷ Чаадаев был объявлен умалишенным не по итогам специального медицинского освидетельствования, предусмотренного законом для дворян, а согласно решению Николая I от 22 октября 1836 г., «подсказанного» императору А.Х. Бенкендорфом в его письме-отношении к московскому военному генерал-губернатору Д.В. Голицыну (см.: Сапов В. Дело о запрещении журнала «Телескоп»...: (Новые документы о П.Я. Чаадаеве) / Вступ. ст. В. Сапова; публ. Л. Саповой, В. Сапова // Вопросы литературы. М., 1995. № 1. С. 113—153; № 2. С. 76—110).

³⁸ Имеется в виду французский философ-традиционалист Фелисите Робер де Ламенне (*Lamennais*) (1782—1854), в 1830-е гг. призывавший к реформированию католической церкви путем адаптации ее доктрины к социокультурным нуждам низших слоев населения, чем вызвал недовольство официального Рима.

³⁹ Как представляется, Чаадаев имеет в виду сближение России с Европой во время правления великого князя московского Ивана III (1462—1505). Н.М. Карамзин так характеризовал этот исторический период: «Россия около трех веков находилась вне круга Европейской политической деятельности, не участвуя в важных изменениях гражданской жизни народов. <...> Бракосочетанием с Софиею [*Палеолог. — ред.*] обратив на себя внимание Держав, раздрав завесу между Европою и нами, с любопытством обозревая престолы и Царства, <Иоанн III> не хотел мешаться в дела чуждые; принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов и не служил никому орудием, действуя всегда как свойственно великому, хитрому Монарху, не имеющему никаких страстей в Политике, кроме добродетельной любви к прочному благу своего народа. Следствием было то, что Россия, как Держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри, и не боясь врагов внешних» (впервые в 1818 г., цит. по: *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. Т. VI. М., 1998. С. 209—210). Если наше предположение верно, то данное высказывание Чаадаева следует считать полемичным по отношению к «Истории государства Российского»: Чаадаев усматривает в правлении Ивана III не начало российской независимости, но, наоборот, период, открывший эпоху тотальных заимствований (идей, познаний и т.д.) из Западной Европы (примеч. М.Б. Велижева).

⁴⁰ Имеется в виду Петр I. «Революционная» роль Петра I в российской истории подчеркивалась многими французскими литераторами и публицистами XVIII в., главным образом Вольтером. В николаевское царствование параллель между правящим царем и Петром I вошла в сценарий императорской власти Николая I. Как предположил Ю.М. Лотман, сравнение с Петром было подсказано Николаю А.С. Пушкиным во время их свидания в Москве 8 сентября 1826 г. (см.: *Лотман Ю.М.* Несколько добавочных замечаний к вопросу о разговоре Пушкина с Николаем I 8 сентября 1826 года // Пушкинские чтения: Сб. ст. Таллинн, 1990. С. 43) (примеч. М.Б. Велижева).

⁴¹ Петр I лично участвовал в разработке нового гражданского шрифта; новая столица — Санкт-Петербург (заложен 16 мая 1703 г.), западный титул — «император всероссийский» (с 22 октября 1721 г.), в 10—12-м томах «Деяний Петра Великого» Голицына (1789) собраны письма и грамоты Петра I, во многих из которых он подписывает бумаги «*Piter*» (примеч. М.Б. Велижева).

⁴² Имеются в виду немецкие историки, работавшие в России, — Г.З. Байер, А.Л. Шлецер, Г.Ф. Миллер и др.

⁴³ Имеется в виду Великое посольство 1697—1698 гг., когда Петр I инкогнито путешествовал по Европе и посетил Германию, Англию, Голландию, Австрию (примеч. М.Б. Велижева).

⁴⁴ Наблюдение Чаадаева над количеством заимствованных в России идей перекликается с оценками Петра в русской истории как преобразователя всех элементов физической реальности, что традиционно связывалось с ориентацией Петра на введение в России плодов западноевропейского просвещения. Подобная точка зрения возникает сразу по смерти Петра I в 1725 г., см., например, воспоминания дипломатического представителя России в Константинополе И.И. Неплюева: «...сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет» (цит. по: *Погосян Е.А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 303). Современник Чаадаева, историк, профессор Московского университета М.П. Погодин в статье «Петр Великий» писал: «Да, Петр Великий сделал много в России. Смотришь и не веришь, считаешь и не досчитаешься. Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться с места, не можем оборотиться

ни в одну сторону, без того, чтоб он везде не встретился с нами, дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье — все он, все он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу! <...> Он видел все, обо всем думал и приложил руку ко всему, всему дал движение, или направление, или самую жизнь. Чтò теперь ни думается нами, ни говорится, ни делается, все, труднее или легче, далее или ближе, повторяю, может быть доведено до Петра Великого. У него ключ или замок» (*Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. Кн. 1. М., 1846. С. 341, 343; впервые: Москвитянин. 1841. № 1) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁴⁵ Представление о геополитических характеристиках «Востока» и «Запада» в европейской культуре, о котором пишет Чаадаев, было сформировано в XVIII — первой половине XIX в. Процессу нанесения на «воображаемую» карту цивилизации «восточных» и «западных» земель посвящены две классические монографии — «Ориентализм. Западные концепции Востока» Эдварда Саида (1978; рус. пер. — 2006) и «Изобретая Восточную Европу» Ларри Вульфа (1994; рус. пер. — 2003) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁴⁶ Большинство комментаторов в данном случае ограничивается констатацией, что речь идет о славянофилах... Мы считаем, что Чаадаев под «новой школой» мог также иметь в виду группу читателей «Философических писем» — будущих славянофилов А.С. Хомякова, П.В. Киреевского и др., резкость воззрений которых на обсуждаемые Чаадаевым проблемы мотивировалась (и выразилась преимущественно в салонных дебатах конца 1836 — начала 1837 г.) выходом в свет русского перевода первого «Философического письма» в «Телескопе». Парадоксальным образом «новая школа», объект критики со стороны Чаадаева, во многом оформилась благодаря стремлению того же Чаадаева опубликовать фрагменты «Философических писем». Подобная интерпретация понятия «новая школа» станет убедительнее, если принять датировку статьи Хомякова «О старом и новом», предложенную Н.Н. Мазур, — февраль 1837 г. (см.: *Мазур Н.Н.* Жизнь и мировоззрение А.С. Хомякова в «дославянофильский» период: 1804—1837 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 185—187). В своей статье Хомяков высказал ряд тезисов, на которые в несколько утрированной форме возражает Чаадаев в «Апологии безумного»: 1) «больше не нужно Запада» — в допетровский период российской истории, согласно Хомякову, Запад «был совершенно чужд» России, отсюда следует, что фаза «сознающего себя» возвращения к Древней Руси в современном обществе подразумевает отказ от западных ценностей. Впрочем, другие суждения Хомякова на тот же предмет звучат чуть мягче, но сути доводов не меняют: «...мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными...»; 2) «надо разрушить создание Петра Великого» — Хомяков считал, что Петр «ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза», «много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы». «Эпоха создания государственного», связанная, согласно Хомякову, с деятельностью Петра I, закончилась, «настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому». Последний тезис подразумевает сознательное, а не «случайное» «воскрешение Древней Руси» с «простотой дотатарского устройства областного», с ее «патриархальным бытом», не чуждыми «истины человеческой», «закона справедливости и любви взаимной», а также с чистотой православной церкви; 3) «надо опять уйти в пустыню» — говоря о развитии восточного христианства и невозможности принятия христианства в Греции, Хомяков писал: «Мысль, <утомленная> тщетною борьбою с внешностью быта общественного и государственного, уходила в пустыни, в обители Египта и Палестины, в нагорные

монастыри Малой Азии и Эллады. Туда-то лучшие, избранные души уносили из круга гражданского красоту своей внутренней жизни, и, удаляясь от мира, которого они не хотели и который не мог им покориться, они избрали поприще созерцания, размышления, молитвы и духовного восторга. В них жило все прекрасное и высокое, все то, что не осуществлялось современным обществом» (*Хомяков А.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 464, 467—470). Отзыв Чаадаева о славянофилах созвучен более поздним оценкам этого движения мысли, например, в письмах Т.Н. Грановского, который писал Н.В. Станкевичу 27 ноября 1839 г.: «Бываю довольно часто у Киреевских. Петр (собирает русских песен) очень хороший человек, к Ивану, старшему — как-то не лежит сердце. Ты не можешь себе вообразить, какая у этих людей философия. Главные их положения: запад сгнил и от него уже не может быть ничего; русская история испорчена Петром, — мы оторваны насильственно от родного исторического основания и живем наудачу; единственная выгода нашей современной жизни состоит в возможности пристрастно наблюдать чужую историю; это даже наше назначение в будущем; вся мудрость человеческая истощена в творении св. отцов греческой церкви, писавших после отделения от западной. Их нужно только изучать: дополнять нечего, все сказано. Гегеля упрекают в неуважении к фактам. Киреевский говорит эти вещи в прозе, Хомяков — в стихах» (Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 369—370) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁴⁷ *Кювье Жорж* (Cuvier) (1769—1832) — французский естествоиспытатель и натуралист, основатель сравнительной анатомии и палеонтологии, в сочинениях которого, в частности, обосновывалось соответствие библейской космогонии естественно-научным критериям, один из создателей «теории катастроф» (термин введен в 1832 г. В. Эввеллом), согласно которой эволюция биологических видов происходила на Земле путем глобальных катастроф, вслед за которыми возникали новые виды. Такое представление подтверждало историческую подлинность изложенных в Ветхом Завете событий, в частности сотворения мира и Всемирного потопа. Теория изложена, в частности, в книгах Кювье «Recherches sur les ossemens fossiles, où l'on rétablit les caractères de plusieurs animaux dont les révolutions du globe ont détruit les espèces» (1817), «Discours sur les révolutions de la surface du globe, et sur les changements qu'elles ont produits dans le règne animal» (1825). С Кювье был хорошо знаком А.И. Тургенев (см.: *Миличина В.А.* Академия versus Пантеон // Миличина В.А. Россия и Франция. С. 500) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁴⁸ *Готлиб* Зигфрид Байер (Bayer) (1694—1738) — немецкий филолог и историк на русской службе, академик Петербургской Академии наук, переселился в Петербург в 1725 г. (уволен в 1736) и занял кафедру по восточным древностям и языкам в Академии наук, разработчик академического устава (1732).

Август Людвиг фон *Шлөцер* (Schlözer) (1735—1809) — петербургский академик (до 1770), находился в России с 1761 по 1767 г., издал в 1802—1809 гг. исследование русских летописей «Нестор», переведенных на русский язык Д. Языковым и изданных в 1809—1819 гг. По замечанию С.Л. Пештича, «Шлөцер одним из первых в 60—70-х гг. XVIII в. познакомил русских историков с новейшими приемами “малой” и “большой” (т.е. внешней и внутренней) критики, что, в свою очередь, благотворно сказалося на издании первых источников русской истории».

Мюллер (Müller) Герхард Фридрих (1705—1783) — авторитетный историк, приехал в Россию в 1733 г., совершил длительное путешествие по Сибири, издал «Историю Сибири» (1750), участвовал в журнале «Ежемесячные сочинения» (в частности опубликовал «Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа...», 1761), после переезда в Москву в 1765 г. становится директором Московского архива коллегии иностранных дел, выпустил три книги

«Истории Российской» В.Н. Татищева, подготовленный им же «Судебник», «Ядро Российской истории», приписав его князю Хилкову, оказал определенное влияние на М.М. Щербатова (см.: *Пейтич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. II. Л., 1965. С. 241; о Мюллере и Шлёцере см.: Там же. С. 210—242) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁴⁹ Имеется в виду «История государства Российского» Н.М. Карамзина, выходявшая в свет в 1818—1829 гг. (последний, двенадцатый том «Истории», подготовленный к печати К.С. Сербиновичем и Д.Н. Блудовым, вышел в свет уже после смерти Карамзина) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁵⁰ По мнению Р. Макналли, Чаадаев имеет в виду историков и литераторов Н.А. Полевого (1796—1846) и М.П. Погодина (1800—1875) (*The Major Works of Peter Chaadaev. A translation and commentary by R.T. McNally. P. 254*). З.А. Каменский и М.И. Чемерисская упоминают «Историю русского народа» Н.А. Полевого (1829—1833), романы Ф.В. Булгарина «Дмитрий Самозванец» (1830) и «Мазепа» (1833—1834), драмы М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 г.» (1833), «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1832), «Аскольдова могила» (1833), стихотворные трагедии А.С. Хомякова «Ермак» и «Дмитрий Самозванец» (1833) (см.: *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 744) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁵¹ Тематика Смутного времени, о которой пишет Чаадаев, была чрезвычайно популярна в конце 1836 г.: 27 ноября этого года в петербургском Большом театре состоялась премьера «официальной» «национальной» оперы М.И. Глинки «Жизнь за Царя» (либретто Е.Ф. Розена при участии В.А. Жуковского), основанной на одном из кульминационных исторических сюжетов Смуты — спасении от поляков будущего первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича крестьянином Иваном Сусаниным (см.: *Киселева Л.Н.* Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // *Лотмановский сборник*. Т. 2. М., 1997. С. 279—303) (*примеч. М.Б. Велижева*).

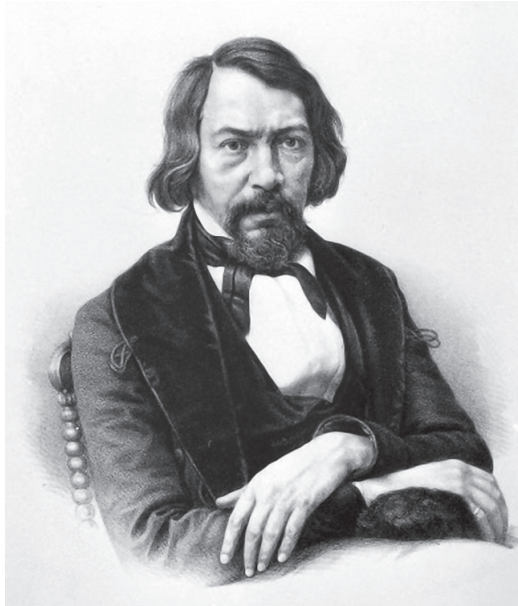
⁵² Речь идет о цикле «Философические письма» и первом «Философическом письме», опубликованном в 15-м номере «Телескопа» (1836).

⁵³ Еще более радикально на тему «русского патриотизма» в конце 1820-х гг. высказался П.А. Вяземский в письме к А.И. Тургеневу (от 15 октября 1828 г.): «Неужели можно честному русскому быть русским в России? Разумеется, нельзя; так о чем же жалеть? Русский патриотизм может заключаться в одной ненависти России, такой, как она нам представляется. Этот патриотизм весьма переносчив. Другой любви к отечеству у нас я не понимаю. <...> Россию можно любить как... которую любишь со всеми ее недостатками, проказами, но нельзя любить, как жену, потому что в любви к жене должна быть примесь уважения, а настоящую Россию уважать нельзя» (*Остафьевский архив князей Вяземских*. Т. 3. СПб., 1899. С. 180—181) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁵⁴ Тезис о невозможности изменить прошлое России и необходимости в будущем пойти европейским путем (для Чаадаева мотивированной реформами Петра I) перекликается со следующей мыслью Ж. де Местра: «Прошедшие века — более не во власти России. Скипетр-творец, божественный скипетр недостаточно покоился на главе ее, и в своем глубоком ослеплении, сей великий народ кичится этим! Однако принижающий его закон стоит слишком высоко, чтобы было возможно обойти этот закон иначе, как отдав ему должное. У русского народа есть только один путь, дабы достичь уровня европейской цивилизации и науки, путь, которым сей народ был создан» (*Maistre J. de. Du Pape*. Т. II. Livre III. Chap. VI. P. 538—539; под «путем», которым русский народ «был создан», по-видимому, де Местр подразумевает реформы Петра I) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁵⁵ Речь идет о «Ревизоре» Н.В. Гоголя (впервые поставлен в Петербурге 19 апреля 1836 г., в Москве 25 мая 1836 г.). По мнению Р. Макналли, в данном случае Чаадаев ссылается на представление «Ревизора» в Москве 2 декабря 1836 г., на котором он мог лично присутствовать (*The Major Works of Peter Chaadaev. A translation and commentary by R.T. McNally. P. 256*). Подробнее см.: *Веселовский Алексей*. Гоголь и Чаадаев. Из этюда о Гоголе // *Вестник Европы*. 1895. № 9. С. 84—95; *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 4. М., 2003. С. 679—680 (комментарий Ю.В. Манна) (*примеч. М.Б. Велижева*).

⁵⁶ «Здесь заканчивается рукопись, и ничто не указывает на то, что она когда-либо была продолжена» («Ici s'arrête le manuscrit, et rien n'indique qu'il ait jamais été continué») (примечание И.С. Гагарина при первой публикации текста: *Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef, publiées pour la première fois par le P. Gagarin de la compagnie de Jésus*. P. 152) (*примеч. М.Б. Велижева*).

Хомяков Алексей Степанович, отставной гвардейский поручик, поэт, драматург, публицист, религиозный философ, член-корреспондент Петербургской АН (1856)

Родился 1 мая 1804 в Москве, в семье отставного гвардии поручика. Получил основательное домашнее образование. В 17 лет сдал экзамен на степень кандидата (промежуточная ученая степень между действительным студентом и магистром) на физико-математическом отделении (факультете) Московского университета. Был полиглотом, владел десятками иностранных языков. В 1822 определился на военную службу. Служил в Астраханском кирасирском полку и лейб-гвардии Конном полку в Петербурге. В 1825 первый раз вышел в отставку, путешествовал за границей. По возвращении в Россию в 1827—1828 жил в С.-Петербурге, посещал литературные салоны. В 1828 вновь поступил на военную службу в Белорусский гусарский полк. Участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829, за храбрость был награжден орденом. По окончании войны вышел в отставку, занялся сельским хозяйством в своем имении. Зимой жил в Москве. Изложил принципы славянофильского учения в статье «О старом и новом» (1839). «Обмен мнениями» между ним и И.В. Киреевским, случившийся в зимний сезон 1838—1839 («О старом и новом» — «В ответ Хомякову»), положил начало славянофильству. Активно участвовал в московских салонных спорах 1840-х. Занимался историей, литературной деятельностью, сотрудничал в различных периодических изданиях. В 1847 с семьей совершил поездку в Германию, Англию, Францию и Богемию. В 1858—1860 был председателем Общества любителей российской словесности при Московском университете. Умер в деревне от холеры в 1860. Похоронен в Москве.

СОЧИНЕНИЯ

- Хомяков А.С.* Избранные статьи и письма. М.: Городец, 2004.
Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М.: Современник, 1988.
Хомяков А.С. Церковь одна. Семирамида. М.: ИХТИОС, 2004.
Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. М.: Медиум, 1994.
Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков. Томск, 1996.
Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М., 1995.
Васильев А.А. Очерки истории русской консервативной правовой мысли в XIX в. (славянофильство и почвенничество). М., 2011.
Гачев Г.Д. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М., 1991. С. 12—15.
Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.
Каменский З.А. Философия славянофилов: Иван Киреевский и Алексей Хомяков. СПб., 2003.
Каплин А.Д. Мироззрение славянофилов: история и будущее России. М., 2008.
Китаев В.А. Славянофилы накануне отмены крепостного права. Горький, 1981.
Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков: Жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000.
 Русское общество 40—50-х годов XIX в. Ч. 1. Записки А.И. Кошелева. М., 1991. Гл. VIII.
 Славянофильство: pro et contra: творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2006.
Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФИЛОСОФИЧЕСКОМ ПИСЬМЕ, НАПЕЧАТАННОМ В 15 КНИЖКЕ «ТЕЛЕСКОПА»

(Письмо к г-же Н.)¹

Тебя удивила, мой друг, статья «Философические письма», напечатанная в № 15 «Телескопа», тебя даже обидела она; ты невольно повторяешь: неужели мы так ничтожны по сравнению с Европой, неужели мы в самом деле похожи на приемышей в общей семье человечества? Я понимаю, какое грустное чувство поселяет в тебе эта мысль; успокойся, мой друг, эта статья писана не для тебя; всякое преобразование твоего сердца и твоей души было бы зло: ты родилась

уже истинной христианкой, практическим существом той теории, которую излагает сочинитель «Философического письма» для женщины, может быть, омраченной наносными мнениями прошедшего столетия. Ты давно поняла то единство духа, которое со временем должно возобладать над всем человечеством; ты издавна уже помощница его. Я знаю, как соблазняла тебя нехристианская жизнь того общества, которое должно служить примером для прочих состояний. Ты устояла от соблазна, не увлеклась на путь, не имеющий цели жизни, и теперь сама видишь, что на избранном тобою пути нельзя ни потерять, ни расточить земного блага; ибо избранный тобою путь есть стезя, на которой человек безопасен от хищничества и ласкательства и по которой, со временем, должно идти все человечество. Для тебя не новость — умеренность во всем; во всем, что касается до сердца и души, ты знала, что только неразрывный их союз составляет истинную жизнь, что сердце без разума — страсть, пламя, пожирающее существование, что разум без сердца — холод, оледеняющий жизнь. Для тебя не нужно было длинного ряда прославленных предков, чтобы понимать святые мысли.

«Диэтика души и тела есть истина, давно известная у других народов, — говорит сочинитель статьи, — а для нас она новость», — замечает он². Но кто ж тебе открыл эту истину, мой друг, открыл просто, как будто без влияния веков и людей? Кто же мог открыть, кроме Бога Слова. Нужно было прежде всего верить, а потом исповедовать эту истину во благо общее тела и духа.

Если ты уже постигла один раз истину и следуешь ей, то не думай, чтоб истину можно было совершенствовать; ее откровение совершилось один раз и навеки, и потому слова: «Сколько светлых лучей прорезало в это время мрак, покрывавший всю Европу!»³ — относятся только к открытиям, касающимся до совершенствования вещественной жизни, а не духовной; ибо сущность религии есть неизменный во веки дух света, проникающий все формы земные. Следовательно, мы не отстали в этом отношении от других просвещенных народов; а язычество таится еще во всей Европе: сколько еще поклонников идолом, рассыпавшимся в золото и почести! Что же касается до условных форм общественной жизни, то пусть опыты совершаются не над нами; можно жить мудро чужими опытами; зачем нам вдаваться в крайности: испытывать страсти сердца, как во Франции, охлаждаться преобладанием ума, как Англия; пусть одна перегорает, а другая стынет: одна от излишних усилий может нажать аневризм, а другая от излишней полноты — паралич.

Русские же, при крепком своем сложении, умеренной жизнию могут достигнуть до маститых веков существования, предназначенного народам.

Положение наше ограничено влиянием всех четырех частей света, и мы — *ничто*, как говорит сочинитель «Философического письма», но мы — центр в человечестве европейского полушария, море, в которое стекаются все понятия. Когда оно переполнится истинами частными, тогда потопит свои берега истиной общей. Вот, кажется мне, то таинственное предназначение России, о котором беспокоится сочинитель статьи «Философическое письмо». Вот причина разнородности понятий в нашем царстве. И пусть вливаются в наш сосуд общие понятия человечества — в этом сосуде есть древний русский элемент, который предохранит нас от порчи.

Но рассмотрим подробнее некоторые положения сочинителя статьи «Философическое письмо». «Народы живут только мощными впечатлениями времен прошедших на умы их и соприкосновением с другими народами. Таким образом каждый человек чувствует свое собственное соотношение с целым человечеством», — так пишет сочинитель; и продолжает: «Мы явились в мир как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, которые нам предшествовали, не усвоили себе ни одного из поучительных уроков минувшего».

Сочинитель не потрудился развертывать той метрической книги⁴, в которой записано и наше рождение в числе прочих законнорожденных народов, иначе он не сказал бы этого. Он, верно, не видел записи и межевого плана земли, где отмечено родовое имение славян и руссов, — отмечено на своем родном языке, а не на наречии! Если б мы не жили мощными впечатлениями времен прошедших, мы не гордились бы своим именем, мы бы не смели свергнуть с себя иго монголов, поклонились бы давно власти какого-нибудь Сикста V⁵ или Наполеона⁶, признали бы между адом и раем чистилище и, наконец, давно бы обратились уже в ханжей, следующих правилу «несть зла в прегрешении тайном». Кому нужна такая индульгенция⁷, тот не найдет ее в наших постановлениях Церкви.

Сочинитель идет от народа к человеку, а мы пойдем от человека к народу: рассмотрим сперва, что наследует от отца сын, внук, правнук и т.д. Потом — что наследуют поколения.

Первое наследие есть имя, потом — звание, потом — имущество и, наконец, некоторый отблеск доброй славы предков; но эти все наследия, кроме звания, постепенно или вдруг исчезают, если наследники не хранят и не поддерживают их: богатство проживается, лучи отцовской славы бледнее и бледнее отражаются на потомках; остаются только слова «князь», «граф», «дворянин», «купец», «крестьянин», — но без поддержки первые падают.

Нигде и никогда никто из великих людей не дал ряда великих потомков; то же сбилось и между потомками; потомки греков не сберегли ни языка, ни слова, ни нрава, ни крови предков своих. Владыки-

римляне обратились в рабов; и населившийся гонимыми париями весь север Европы возвысился и образовал новую родословную книгу своей роди; сжег разрядные книги Индии, Рима и Греции.

Где же мощные впечатления прошедших времен? И нужны ли они для нравственности человека и для порядка его жизни? Чтобы распределить свое время, знать, как употребить каждый его час, каждый день, чтоб иметь цель существования, нужны ли потомки и впечатлительны прошедшего?

Порода имеет влияние только в отношениях людей между собою: сравнение преимущества своего с ничтожеством других делает человека гордым, презрение трогает самолюбие и убивает силы; но религиозное состояние человека не требует породы. Следовательно, для человеческой гордости и уважения нашего к самим себе — нам нужно родословие народа; а для религии России нужно только уважение ее к собственной религии, которой святость и могущество проходит так мирно чрез века. Наше общество действительно составляет теперь разногласие понятий; и все-таки оттого, что понятия передаются нам разномысленными воспитателями, оттого-то общество наше, должствующее подавать во всем пример прочим состояниям, настроено на разный лад. И эта расстроенность не кончится до тех пор, пока не образуются у нас достаточное число наставников собственных, достойных уважения и доверия родителей.

Таким-то образом чужие понятия расстроивали нас с своими собственными. Мы отложили работу о совершенствовании всего своего, ибо в нас внушали любовь и уважение только к чужому, — и это стоит нам нравственного унижения. Родной язык не уважен; древний наш прямотушный нрав часто заменяется ухищрением; крепость тела изнеживается; новость стала душой нашей; переимчивость овладела нами... Не сами ли мы разрываем союз с впечатлениями нашего прошедшего? Зачем вершины нами отрываются от подножий? зачем они живут, как гости на родине, не только говорят, пишут, но и мыслят не по-русски?

Отвечай мне, мой друг, на эти вопросы, истинны ли они? Отвечай, нужны ли соколу павлиньи перья, чтоб быть так же птицей Божьей и исполнить свое предназначение в судьбе всего творения?

При разделении односемейности европейской на латинскую и тевтоническую сочинитель несправедливо отстранил семью греко-российскую⁸, которая также идет в связи с прочими и, можно сказать, составляет средину между крайностями слепоты и ясновидения.

Было трое сильных владык в первых веках христианского мира: Греция, Рим и Север (мир тевтонический).

От добровольного соединения Греции и Севера родилась Русь: от насильственного соединения Рима с Севером родились западные

царства. Греция и Рим отжили. Русь — одна наследница Греции; у Рима много было наследников.

Следует решить, в ком из них истина надежнее развивает идеи долга, закона, правды и порядка⁹. Может быть, одежда истины также должна сообразоваться с климатом, но сущность ее повсюду одна, ибо истекает из одного родника. Для нравственности нашей жизни мы можем пользоваться правилом Конфуция¹⁰, ибо заключения разума из опытов жизни повсюду одни и те же: из всей разнородной пищи вкус извлекает только два первородных начала — сладкое и горькое.

Если нравственность повсюду одна, и мы подобно прочим народам можем ею пользоваться, кто же побуждает нас предаваться совершенствованию только наружной жизни? Каждому человеку дано от неба столько воли, что он может овладеть собою, остановить ложное направление, заставить себя обдумать жизнь, ввериться в вечное правило: «умерь себя и словом, и делом» — и соделаться лучшим без помощи предков, но с помощью опыта людей. Потоки блага текут также с вершины.

«Массы находятся под влиянием особого рода сил, развивающихся в избранных членах общества. Массы сами не думают, посреди их есть мыслители, которые думают за них, возбуждают собирательное разумение нации и заставляют ее двигаться вперед; между тем как небольшое число мыслит, остальное существует, и общее движение проявляется. Это истинно в отношении всех народов, исключая некоторые поколения, у которых человеческого осталось только одно лицо»¹¹.

Последние слова противоречат первым, ибо жизнь есть движение вперед, а в природе все движения — вперед; во всех движениях природы есть начало и следствие. Как ни кажется справедливо положение сочинителя, однако ж, если массу сравнить с сферой, состоящей из множества постоянно до единицы дробящихся сфер, то самому последнему существу нельзя отказать в том мышлении, из которого составляется мышление общее, высшее, приводимое в исполнение. Иначе масса была бы бездушный материал.

Таким образом, слова господина сочинителя: «Где наши мудрецы, где наши мыслители? кто и когда думал за нас, кто думает в настоящее время?» — сказаны им против собственного в пользу общую мышления. Он отрицает этим собственную свою мыслительную деятельность¹².

Наши мудрецы! Кто за нас думает!

Смотрите только на Запад, вы ничего не увидите на Востоке, смотрите беспрестанно на небо, вы ничего не заметите на земле. Положим, что «мы отшельники в мире, ничего ему не дали»¹³, но чтоб ни-

чего не взяли у него — это логически несправедливо: мы заняли у него неуважение к самим себе, если согласиться с сочинителем письма.

И, следовательно, мы могли бы прибавить к просвещению общему, если бы смотрели вокруг себя, а не вдаль; мы все заботимся только о том, чтоб следить, догонять Европу. Мы, точно, отстали от нее всем временем монгольского владычества, ибо велика разница быть в покорности у просвещенного народа и у варваров. Покуда Русь переносила детские болезни, невольно покорствовалась истукану ханскому и была, между тем, стеной, защитившей христианский мир от магометанского, — Европа в это время училась у греков и наследников их наукам и искусствам. Всемирное вещественное преобладание падшего Рима оснащалось снова в Ватикане, мнимо преображаясь в формы духовного преобладания; но это преобладание было не преобладание слова, а преобладание меча, — только скрытого. Русь устояла во благо общее — это заслуга ее.

Сочинитель говорит: «Что делали мы в то время, как в жестокой борьбе варварства северных народов с высокой мыслию религии возникло величественное здание нового образования?»

Мы принимали от умирающей Греции святое наследие, символ искупления, и учились слову; мы отстаивали его от нашествия Корана и не отдали во власть папы; сохраняли непорочную голубицу¹⁴, перелетавшую из Византии на берега Днепра и припавшую на грудь Владимира¹⁵.

Вечные истины, переданные нам на славянском языке, — те же, каким следует и Европа; но отчего же мы не знаем их? Наше исповедание не воспрещает постигать таинства вселенной и совершенствовать жизнь общую ко благу. Вечная истина святой религии не процветает, иначе она бы не была вечною, но более и более преобладает миром, более и более проясняет не себя, а людей; и тот еще идолопоклонник, кто не поклоняется Долгу, Закону, Правде и Порядку, а поклоняется золоту и почестям, боится своих идолов и из угождения им готов забыть правоту.

Преобладание христианской религии не основывается на насилии, и потому не поверхностная философия восставала «против войн за веру и против костров», а истина самого христианства¹⁶. И такой мир идей можно создать в сшибке мнений. Сшибка мнений свойственна ученикам, в этих жарких спорах ложный силлогизм так же может торжествовать, как и меч в руках сильнейшего, но вместе и несправедливейшего. Истинное убеждение скромно удаляется от тех, которые его не понимают, не унижает себя раздором за мнения. И потому мне кажется, что религия в борениях Запада была только маской иных человеческих усилий; ибо религия не спрашивает человека, на каких условиях живет он в обществе: она уверена, что если образцы

общественной жизни живут правдой, а не языческой себялюбивой хитростию, то из всех усилий общества один и тот же вывод: *долг, закон, правда, порядок*.

Религия есть одно солнце, один свет для всех; но равно благодетельные лучи его не равно разливаются по земному шару, а соответственно общему закону вселенной. Соглашаясь с климатом природы, у нас холоднее и климат идей, с крепостью тела у нас могут быть прочнее и силы души. И мы не обречены к замерзанию: природа дала нам средства согреть тело; от нас зависит сберечь и душу от холода зла.

Этим я хотел кончить письмо мое, но не мог удержаться еще от нескольких слов в опровержение мнений, что будто Россия не имеет ни историй, ни преданий, — не значит ли это, что она не имеет ни корня, ни основы, ни русского духа, не имеет ни прошедшего, ни даже кладбища, которое напоминало бы ей величие предков? Надо знать только историю *салонов*, чтоб быть до такой степени несправедливым.

Виновата ли летопись старого русского быта, что ее не читают?

Не ранее XII века все настоящие просвещенные царства стали образовываться из хаоса варварства. В XII веке у нас христианский мир уже процветал мирно; а в Западной Европе что тогда делалось? Овцы западного стада, возбужденные пастырем своим, думали о преобладании; но, верно, святые земли не им были назначены под паству. Бог не требует ни крови, ни гонений за веру: мечом не доказывают истины. Бог слова покоряет словом. Гроб Господень не яблоко распри; он — достояние всего человечества.

Таким-то образом мнимо великое предприятие должно было рушиться. Мы не принимали в нем участия, и похвалимся этим. Мы в это время образовали свой ум и душу — и потому-то ни одно царство, возникшее из средних времен, не представит нам памятников XII столетия, подобных Слову Игоря, Посланию Даниила к Георгию Долгорукому¹⁷ и многим другим сочинениям на славянском языке, даже и IX, и X столетий. Есть ли у кого из народов Европы, кроме шотландцев, подобные нашим легенды и песни?¹⁸ у кого столько своей, родной, души? откуда выются эти звонкие, непостижимые по полноте чувств, голоса хороводов? Прочтите сборник Кирилла Данилова древнейших народных преданий-поэм. У какого христианского народа есть Нестор? у кого из народов есть столько ума в пословицах? а пословицы не есть ли плод пышной давней народной жизни?

Еще оставалось бы высчитать тебе природные свойства и прижитые недостатки наши и прочих просвещенных народов, взвесить их и по ним уже заключить, который из народов способнее соединить в себе могущество вещественное и духовное. Но это — новый обширный предмет рассуждения.

Довольно против мнения, что мы ничтожны.

О СТАРОМ И НОВОМ¹⁹

Говорят, в старые годы лучше было все в земле русской. Была грамотность в селах, порядок в городах, в судах правда, в жизни довольство. Земля русская шла вперед, развивала все силы свои нравственные, умственные и вещественные. Ее хранили и укрепляли два начала, чуждые остальному миру: власть правительства, дружного с народом, и свобода церкви, чистой и просвещенной.

Грамотность! Но на копии (которая находится у меня) с присяги русских дворян первому из Романовых, вместо подписки князя Троекурова, двух дворян Ртищевых и многих других, менее известных, находится крест с отметкою: по неумению грамоте. — Порядок! Но еще в памяти многих, мне известных, стариков сохранились бесконечные рассказы о криках ясачных; а ясачный крик²⁰ был то же, что на Западе *сгі de guette*²¹, и беспрестанно в первопрестольном граде этот крик сзывал приверженцев, родственников и клиентов дворянских, которые при малейшей ссоре высыпали на улицу, готовые на драку и на сражение до смерти или до синяков. — Правда! Но князь Пожарский был отдан под суд за взятки; старые пословицы полны свидетельств против судей прежнего времени; указы Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича повторяют песнь о взятках и о новых мерах для ограждения подсудимых от начальства; пытка была в употреблении всеобщем и слабый никогда не мог побороть сильного. — Довольство! При малейшем неурожае люди умирали с голода тысячами, бежали в Польшу, кабалили себя татарам, продавали всю жизнь свою и будущих потомков крымцам или своим братьям русским, которые едва ли были лучше крымцев и татар. — Власть дружная с народом! Не только в отдаленных краях, но в Рязани, в Калуге и в самой Москве бунты народные и стрелецкие были происшествием довольно обыкновенным, и власть царская частехонько сокрушалась о препоны, противопоставленные ей какой-нибудь жалкою толпою стрельцов, или делала уступки какой-нибудь подлой дворянской крамоле. Несколько олигархов вертели делами и судьбою России и растягивали или обреза́ли права сословий для своих личных выгод²². — Церковь просвещенная и свободная!

Но назначение патриарха всегда зависело от власти светской, как скоро только власть светская хотела вмешиваться в дело избрания; архиерей псковский, уличенный в душегубстве и в утоплении нескольких десятков псковитян, заключается в монастырь²³; а епископ смоленский метет двор патриарха и чистит его лошадей в наказание за то, что жил роскошно²⁴; Собор Стоглавый остается бессмертным памятником невежества, грубости и язычества²⁵, а указы против разбоя архиерейских слуг показывают нам нравственность духовенства

в виде самом низком и отвратительном. Что же было в золотое старое время? Взгрустнется поневоле. Искать ли нам добра и счастья прежде Романовых? Тут встречаются нас волчья голова Иоанна Грозного²⁶, нелепые смуты его молодости, безнравственное царствование Василия, ослепление внука Донского²⁷, потом иго монгольское, уделы, междоусобия, унижение, продажа России варварами, хаос грязи и крови. Ничего доброго, ничего благородного, ничего достойного уважения или подражания не было в России. Везде и всегда были безграмотность, неправосудие, разбой, крамолы, личности²⁸, угнетение, бедность, неустройство, непросвещение и разврат. Взгляд не останавливается ни на одной светлой минуте в жизни народной, ни на одной эпохе утешительной и, обращаясь к настоящему времени, радуется пышной картине, представляемой нашим отечеством.

Хорошо! Да что же нам делать с сельскими протоколами, отысканными Языковым²⁹, с документами, открытыми Строевым³⁰? Это не подделки, не выдумка, это не догадка систематиков; это факты ясные, неоспориваемые. Была же грамотность и организация в селах: от нее остатки в сходках и мирских приговорах, которых не могли уничтожить ни власть помещика, ни власть казенных начальств. Что делать нам с явными свидетельствами об городском порядке, о распределении должностей между гражданами, о заведениях, которых цель была облегчать, сколько возможно, низшим доступ к высшим судилищам? Что делать с судом присяжных, который существовал бесспорно в Северной и Средней России, или с судом словесным³¹, публичным, который и существовал везде и сохранился в названии <совестного> суда, по форме прекрасного, но неполного учреждения? Что делать с песнями, в которых воспевается быт крестьянский? Этих песен теперь не выдумали русские крестьяне. Что делать с отсутствием крепостного права, если только можно назвать правом такое наглое нарушение всех прав? Что с равенством, почти совершенным, всех сословий, в которых люди могли переходить все степени службы государственной и достигать высших званий и почестей? Мы этому имеем множество доказательств, и даже самые злые враги древности русской должны ей отдать в сем отношении преимущество перед народами западными.

Власть представляет нам явные доказательства своего существования в распространении России, восторжествовавшей над столькими и столь сильными врагами, а дружба власти с народом запечатлена в старом обычае, сохранившемся при царе Алексее Михайловиче, собирать депутатов всех сословий для обсуждения важнейших вопросов государственных³². Наконец, свобода чистой и просвещенной церкви является в целом ряде святителей, которых могущее слово более способствовало к созданию царства, чем ум и хитрость государей, —

в уважении не только русских, но и иноземцев к начальникам нашего духовенства, в богатстве библиотек патриаршеских и митрополических, в книгах духовных, в спорах богословских, в письмах Иоанна, и особенно в отпоре, данном нашей Церковью Церкви Римской.

После этого что же думать нам об старой Руси? Два воззрения, совершенно противоположные, одинаково оправдываются и одинаково опровергаются фактами неоспоримыми, и никакая система, никакое искусственное воссоздание древности не соответствует памятникам и не объясняет в полноте их всестороннего смысла.

Нам непозволительно было бы оставить вопрос неразрешенным тогда, когда настоящее так ясно представляется нам в виде переходного момента и когда направление будущего почти вполне зависит от понятия нашего о прошедшем. Если ничего доброго и плодотворного не существовало в прежней жизни России, то нам приходится все черпать из жизни других народов, из собственных теорий, из примеров и трудов племен просвещеннейших и из стремлений современных. Мы можем приступить к делу смело, прививать чужие плоды к домашнему дичку, перепаживать землю, не таящую в себе никаких семян, и при неудачах успокаивать свою совесть мыслью, что, как ни делай, хуже прежнего не сделаешь. Если же, напротив, старина русская была сокровище неисчерпаемое всякой правды и всякого добра, то труд наш переменит свой характер, а все так же будет легок.

Вот архивы, вот записки старых бумаг, сделок, судебных решений, летописей и пр., и пр. Только стоит внести факт критики под архивные своды и воскресить, на просторе царства, учреждения и законы, которых трупы истлевают в забытых шкафах и сундуках.

После краткого обзора обоих мнений едва ли можно пристать к тому или другому. Вопрос представляется в виде многосложного и решение затруднительным. Что лучше, старая или новая Россия? Много ли поступило чуждых стихий в ее теперешнюю организацию? Приличны ли ей эти стихии? Много ли она утратила своих коренных начал и таковы ли были эти начала, чтобы нам о них сожалеть и стараться их воскресить?

Современную Россию мы видим: она нас и радует, и теснит; об ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже с своими; но старую Русь надобно — угадать.

Сличение всех памятников, если не ошибаюсь, приведет нас к тому простому заключению, что прежде, как и теперь, было постоянное несогласие между законом и жизнью, между учреждениями писаными и живыми нравами народными. Тогда, как и теперь, закон был то лучше, то хуже обычая, и, редко исполняемый, то портился, то исправлялся в приложении. Примем это толкование как истину, и все перемены быта русского объяснятся. Мы пойдем, как легко могли

измениться отношения видимые, и в то же время будем знать, что изменения редко касались сущности отношения между людьми и учреждениями, между государством, гражданами и церковью. Для примера возьмем один из благороднейших законов новейшего времени, которым мы можем похвалиться перед стариною, и одно из старых постановлений, о котором мы должны вспомнить с горестью. Пытка отменена в России тогда, когда она существовала почти во всех судах Европы, когда Франция и Германия говорили об ней без стыда и полагали ее необходимою для отыскания и наказания преступников. Скажем ли, однако, что пытка не существовала в России? Она существует, она считается неизбежною, она существует при всяком следствии, дерзко бросается в глаза во всех судах, и еще недавно в столице, при собрании тысячи зрителей, при высших сановниках государства, при самом государе крикнула веселым голосом: «А не хочешь ли покушать селедки?» Крепостное состояние крестьян введено Петром Первым; но когда вспомним, что они не могли сходить с своих земель, что даже отлучаться без позволения они не смели, а что между тем суд был далеко, в Москве, в руках помещиков, что противники их были всегда и богаче, и выше их в лестнице чинов государственных, — не пойдем ли мы, что рабство крестьян существовало в обычае, хотя не было признано законом, и что отмена Холопьяго приказа не могла произвести ни потрясений, ни бунтов и должна была казаться практическому уму Петра простым уничтожением ненужного и почти забытого присутственного места?³³ Так-то факты и учреждения письменные разногласят между собою. Конечно, никто из нас не может вспомнить без горя о том, что закон согласился принять на себя ответственность за мерзость рабства, введенного уже обычаем, что закон освятил и укоренил давно вкрадывавшееся злоупотребление аристократии, что он видимо ограничил свободу церкви; но вспомним также, что дворянство слабеет ежедневно, расширяется, отворяет свои ворота почти для всех желающих и до того тяготеет собою, что готово само проситься в отставку из дворян; а церковь в земле самодержавной более ограждена равнодушием правительства к ней, чем сановитым, но всегда зависимым лицом полупридворного патриарха. Бесконечные неурядицы России доромановской не позволяют сравнивать ее с нынешнею, и потому я всегда говорю об той России, которую застал Петр и которая была естественным развитием прежней. Я знаю, что в ней хранилось много прекрасных инстинктов, которые ежечасно искажаются, что когда-нибудь придется нам поплатиться за то, что мы попрали святые истины равенства, свободы и чистоты церковной; но нельзя не признать, что все лучшие начала не только не были развиты, но еще

были совершенно затемнены и испорчены в жизни народной, прежде чем закон коснулся их мнимой жизни.

По мере того, как царство русское образовывалось и крепло, изглаживались мало-помалу следы первого, чистого и патриархального состава общества. Вольности городов пропадали, замолкали веча, отменялось заступничество тысяцких³⁴, вкрадывалось местничество, составлялась аристократия, люди прикреплялись к земле, как прозябающие, и добро нравственное сохранялось уже только в мертвых формах, лишенных прежнего содержания. Невозможно государству подвигаться в одно время по всем направлениям. Когда наступила минута, в которую самое существование его подверглось опасности, когда, безмерно расширяясь и помня прежнее свое рождение, оно испугалось будущего, тогда, оставляя без внимания все частные и мелкие выгоды личные, пренебрегая обычаи и установления, несколько обветшавшие, не останавливаясь, чтобы отыскивать прекрасную сущность, обратившуюся в бесполезный обряд, государство устремилось к одной цели, задало себе одну задачу и напрягло все силы свои, чтобы разрешить ее: задача состояла в сплочении разрозненных частей, в укреплении связей правительственных, в усовершенствовании, так сказать, механическом всего общественного состава.

Иоанн Третий утягощает свободу северных городов и утверждает обряды местничества, чтобы все уделы притянуть в Москву общею нумерацией боярских родов; Иоанн Четвертый выдумывает опрочнину; Феодор воздвигает в Москве патриаршеский престол; Годунов укрепляет людей в земле; Алексей Михайлович заводит армию на лад западный; Феодор уничтожает местничество, сделавшееся бесполезным для власти и вредным для России, и, наконец, является окончатель их подвига, воля железная, ум необычайный, но обращенный только в одну сторону, человек, для которого мы не находим ни достаточно похвал, ни достаточно упреков, но о котором потомство вспомнит только с благодарностью, — является Петр. Об его деле судить я не стану; но замечу мимоходом, что его не должно считать основателем аристократии в России, потому что безусловная продажа поместий, обращенных Михаилом Феодоровичем и Алексеем Михайловичем в отчины, уже положила законное начало дворянству; так же как не должно его обвинять в порабощении церкви, потому что независимость ее была уже уничтожена переселением внутрь государства престола патриаршего, который мог быть свободным в Царьграде, но не мог уже быть свободным в Москве.

Если сравнить состояние России в XIX веке с состоянием ее в XVII, мы придем, кажется, к следующему заключению. Государство стало крепче и получило возможность сознания и постепенного улучшения без внутренней борьбы; несколько прекрасных начал, прежде

утраченных и забытых, освящено законом и поставлено на твердом основании: такова отмена смертной казни, человеколюбие в праве уголовном и возможность низшим сословиям восходить до высших степеней государственных на условиях известных и правильных. Наконец, закон освятил несколько злоупотреблений, введенных обычаем в жизнь народную, и через это видимо укоренил их. Я знаю, как важна для общества нравственная чистота закона; я знаю, что в ней таится вся сила государства, все начала будущей жизни, но полагаю также, что иногда злоупотребление, освященное законом, вызывает исправление именно своею наглостью, между тем как тихая и скрытая чума злого обычая делается почти неисцелимой. Так в наше время мерзость рабства законного, тяжелая для нас во всех смыслах, вещественном и нравственном, должна вскоре искорениться общими и прочными мерами, между тем как илотизм крестьян до Петра мог сделаться язвою вечною и по меньшей мере вел к состоянию пролетариев или безземельных английских работников³⁵.

Начал чуждых вижу я весьма мало: дворянство, введенное Петром Третьим³⁶, уже столько изменилось от действия духа народного, что оно не только не имеет характера аристократического, но даже чище, чем оно было до Петра Великого после усиления боярских родов и безусловного обращения поместий в отчины.

В жизни же и ходе просвещения: излишний космополитизм, некоторое протестантство мыслей в отчуждение от положительных начал веры и духовного усовершенствования христианского, сопряженные <в то же время> с отстранением безобразной формальности, равнодушия к человечеству, переходящего почти в ненависть, и какого-то усыпления умственного и духовного, граничащего с еврейским самодовольствием и языческой беспечностью.

Я уже говорил о многих прекрасных стихиях, которые нами утрачены; но я, кажется, также показал, что они уничтожены обрядами, прежде чем законы коснулись их. Они прежде были убиты народом, потом уже схоронены государями. Сказать ли нам: «почий в мире?»

Нет, лучше скажем: вечная им память, и вечно их будем поминать. Камбасеpec³⁷ сказал: «La desuetude est la plus juste et la plus amere critique d'une loi»³⁸. Это правда, но правда неполная. Когда государство находилось в продолжение нескольких веков в осадном положении, многие законы могли быть совершенно забыты; но это забвение невольное не есть укор закону. Бессильный временно, лишенный действия и приложения, он живет скрытно в душах, несмотря на злые обычаи, введенные необходимостью, несмотря на невежество народа или на крутое действие власти.

Эти-то лучшие инстинкты души русской, образованной и благоуханной христианством, эти-то воспоминания древности неизвест-

ной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться: уничтожение смертной казни, освобождение Греции и церкви греческой в недрах самой Турции, открытие законных путей к возвышению лиц по лестнице государственных чинов, под условием заслуг или просто просвещения, мирное направление политики, провозглашение закона Христа и правды, как единственных законов, на которых должны основаться жизнь народов и их взаимные сношения. Кое-что сделано; более, несравненно более остается сделать такого, на что вызывает нас дух, живущий в воспоминаниях, преданиях или символах, уцелевших от древности.

Весь этот прекрасный мир замирал, почти замер в беспрестанных борьбах, внутренних и внешних, России. Без возобновления государства все <бы> поггло; государство ожило, утвердилось, наполнилось крепостию необычайною; теперь все прежние начала могут, должны развиваться и разовьются собственною своею неумирающею силою. — Нам стыдно бы было не перегнать Запада. Англичане, французы, немцы не имеют ничего хорошего за собою. Чем дальше они оглядываются, тем хуже и безнравственнее представляется им общество. Наша древность представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собою; но все это было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала, раздорами внутренними, игом внешних врагов. Западным людям приходится все прежнее отстранять, как дурное, и все хорошее в себе создавать; нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее.

Все, что можно разобрать в первых началах истории русской, заключается в немногих словах. Правительство из варягов представляет внешнюю сторону; областные веча — внутреннюю сторону государства. Во всей России исполнительная власть, защита границ, сношения с державами соседними находятся в руках одной варяго-русской семьи, начальствующей над наемною дружиною; суд правды, сохранение обычаев, решение всех вопросов правления внутреннего предоставлены народному совещанию. Везде, по всей России устройство почти одинаковое; но совершенного единства обычаев не находим не только между отдаленными городами, но ниже между Новгородом и Псковом, столь близкими и по месту, и по выгодам, и по элементам народонаселения. Где же могла находиться внутренняя связь? Случайно соединено несколько племен славянских, мало известных друг другу, не живших никогда одною общею жизнью государства; соединены они какою-то федерациею, основанною на родстве князей, вышедших не из народа, и, может быть, отчасти единством торговых выгод: как мало стихий для будущей России!

Другое основание могло поддержать здание государственное, это единство веры и жизнь церковная; но Греция посылала нам святителей, имела с нами одну веру, одни догматы, одни обряды, а не осталась ли она нам совершенно чуждою? Без влияния, без живительной силы христианства не восстала бы земля русская; но мы не имеем права сказать, что одно христианство воздвигло ее. Конечно, все истины, всякое начало добра, жизни и любви находилось в церкви, но в церкви возможной, в церкви просвещенной и торжествующей над земными началами. Она не была таковой ни в какое время и ни в какой земле. Связанная с бытом житейским и языческим на Западе, она долго была темною и бессознательною, но деятельною и сухо-практическою; потом, оторвавшись от Востока и стремясь пояснить себя, она обратилась к рационализму, утратила чистоту, заключила в себе ядовитое начало будущего падения, но овладела грубым человечеством, развила его силы вещественные и умственные и создала мир прекрасный, соблазнительный, но обреченный на гибель, мир католицизма и реформатства.

Иная была судьба церкви восточной. Долго боролась она с заблуждениями индивидуального суждения, долго не могла она успокоить в правоте веры разум, взволнованный гордостью философии эллинской и мистицизмом Египта или Сирии. Прошли века, уяснилось понятие, смирилась гордость ума, истина явилась в свете ясном, в формах определенных; но Промысл не дозволил Греции тогда же пожать плоды своих трудов и своей прекрасной борьбы.

Общество существовало уже на основании прочном, выведенном историею, определенном законами положительными, логическими, освященном великою славою прошедшего, чудесами искусства, роскошью поэзии; и между тем все это — история, законы, слава, искусство, поэзия, — разногласило с простотой духа христианского, с истинами его любви. Народ не мог оторваться от своей истории, общество не могло пересоздать свои законы; христианство жило в Греции, но Греция не жила христианством. Долго от живого источника веры получала империя силы, почти невероятные, для сопротивления врагам внешним; долго это дряхлое тело боролось с напором варваров северных, воинственных фанатиков Юга и диких племен Средней Азии; но восстать и укрепнуть для новой жизни оно не могло, потому что упорные формы древности неспособны были принять полноту учения христианского. Мысль, <утомленная> тщетною борьбою с внешностью быта общественного и государственного, уходила в пустыни, в обители Египта и Палестины, в нагорные монастыри Малой Азии и Эллады. Туда-то лучшие, избранные души уносили из круга гражданского красоту своей внутренней жизни, и, удаляясь от мира, которому они не хотели и который не мог им покориться,

они избрали поприще созерцания, размышления, молитвы и духовного восторга. В них жило все прекрасное и высокое, все то, что не осуществлялось современным обществом. Тогда-то замолкает лира Греции, источник песни иссыкает. Поэзия перешла в монастыри, в самый быт монашеский; так сказать, в самую сущность отшельников. Но так как суждено роду человеческому всегда более или менее покоряться или, по крайней мере, преклоняться пред чистотою поэтического духа, — мир греческий обращается с безграничным почтением к людям, отвергнувшим его. Почтение, оказанное великим наставникам и основателям монашеского подвига, увлекло с собою бесконечное число подражателей, и ложные монахи размножились на Востоке, как мнимые поэты размножаются в наше время на Западе. По всему обществу распространяется характер отчуждения людей друг от друга; эгоизм и стремление к выгодам частным сделались отличительными чертами грека. Гражданин, забывая отечество, жил для корысти и честолюбия; христианин, забывая человечество, просил только личного спасения; государство, потеряв святость свою, переставало представлять собою нравственную мысль; церковь, лишившись всякого действия и сохраняя только мертвую чистоту догмата, утратила сознание своих живых сил и память о своей высокой цели. Она продолжала скорбеть с человеком, утешать его, отстранять его от преходящего мира; но она уже не помнила, что ей поручено созидать здание всего человечества.

Такова была Греция, таково было ее христианство, когда угодно было Богу перенести в наш Север семена жизни и истины. Не могло духовенство византийское развить в России начала жизни гражданской, о которой не знало оно в своем отечестве. Полюбив монастыри сперва, как я сказал, поневоле, Греция явилась к нам с своими предубеждениями, с любовью к аскетизму, призывая людей к покаянию и к совершенствованию, терпя общество, но не благословляя его, повинувшись государству, где оно было, но не созидавая там, где его не было. Впрочем, и тут она заслужила нашу благодарность. Чистотой учения она улучшила нравы, привела к согласию обычаи разных племен, обняла всю Русь цепью духовного единства и приготовила людей к другой, лучшей эпохе жизни народной.

Всего этого было еще мало. Федерация южных и северных племен, под охраною дома Рюрикова, не составляла могущего единоначального целого. Области жили жизнью отдельною, самобытною.

Новгород не был врагом врагов Киева. Киев своею силою не оттаивал Новгорода. Народ не просил единства, не желал его. Внешняя форма государства не срослась с ним, не проникла в его тайную, душевную жизнь. Раздоры князей разрывали и опустошали Россию, но области оставались равнодушными к победителю так же, как и

к побежденному. Когда же честолюбивый и искусный в битвах великий князь стремился к распространению власти своей, к сосредоточиванию сил народных (какие бы ни были побудительные причины его действия, любовь ли к общественному благу или своекорыстие), против него восставало не только властолюбие других князей, но еще более завистливая свобода общин и областей, привычных к независимости, хотя вечно терпевших угнетения. Одна была в праве, а другое в деле.

Новгороду вольному, гордому, эгоистическому, привыкшему к своей отдельной политической жизни, в которой преобладало начало племенное, не приходило в мысль соединить всю Россию; Киеву бесцельному, случайно принявшему в себя воинственный характер варягов, нельзя было осуществить идею великого государства. До нашествия монголов никому, ни человеку, ни городу, нельзя было восстать и сказать: «Я представитель России, я центр ее, я сосредоточу в себе ее жизнь и силу».

Гроза налетела с Востока, ужасная, сокрушившая все престолы Азии, достаточная для уничтожения всей Европы, если бы Европа не была спасена от нее безмерным расстоянием. Тень будущей России встретила ее при Калке, и побежденная — могла не стыдиться своего поражения. Бог как будто призывал нас к единению и союзу. Но церковь молчала и не предвидела гибели; народ оставался равнодушным, князья продолжали свои междоусобицы. Кара была правосудна, перерождение было необходимо.

Насилие спасительно, когда спит внутренняя деятельность человека. Когда вторичный налет монголов ударил в Россию, ее падение было бесславно. Она встретила гибель без всякого сопротивления, без попытки на отпор. Читая летописи, чувствуешь, что какое-то глубокое уныние проникло весь этот нестройный состав русского общества, что он уже не мог долее существовать и что монголы были случайно-стью, счастливою для нас: ибо эти дикие завоеватели, разрушая все существующее, по крайней мере, не хотели и не могли ничего создать³⁹.

В то время, когда ханы уничтожали всю восточную и южную полосу России, когда Запад ее, волею или неволею, признал над собой владычество грубого племени литовского, а Север, чуждый всякой великой идеи государственной, безумно продолжал свою ограниченную и местную жизнь, торговую и разбойническую, возникла новая Россия. Беглецы с берегов Дона и Днепра, изгнанники из богатых областей Волыни и Курска бросились в леса, покрывающие берега Оки и Тверцы, верховья Волги и скаты Алаунские⁴⁰. Старые города переполнились, выросли новые села, выстроились новые города, Север и Юг смешались, проникнули друг друга, и началась в пустопорожних

землях, в диких полях Москвы, новая жизнь, уже не племенная и не окружная, но общерусская.

Москва была город новый, не имеющий прошедшего, не представляющий никакого определительного характера, смешение разных славянских семей, и это ее достоинство. Она была столько же созданием князей, как и дочерью народа; следственно, она совместила в тесном союзе государственную внешность и внутренность, и вот тайна ее силы. Наружная форма для нее уже не была случайною, но живою, органическою, и торжество ее в борьбе с другими княжениями было несомненно. От этого-то так рано в молодом городке (который, по обычаю русской старины, засвидетельствованной летописцами, и по местничеству городов должен был быть смиренным и тихим) родилось вдруг такое буйное честолюбие князей, и оттого мог народ сочувствовать с князьями.

Я не стану излагать истории Московского княжества; из предыдущих данных легко понять ее <Москвы> битвы и ее победы. Как скоро она объявила желание быть Россиею, это желание должно было исполниться, потому что оно выразилось вдруг и в князе, и в гражданине, и в духовенстве, представленном в лице митрополита. Новгород устоять не мог, потому что идея города должна была уступить идее государства; князья противиться долго не могли, потому что они были случайностью в своих княжествах; областная свобода и зависть городов, разбитых и уничтоженных монголами, не могли служить препоною, потому что инстинкт народа, после кровавого урока, им полученного, стремился к соединению сил, а духовенство, обращаясь к Москве, как к главе православия русского, приучало умы людей покоряться ее благодетельной воле.

Таковы причины торжества. Каковы же были последствия? Распространение России, развитие сил вещественных, уничтожение областных прав, угнетение быта общинного, покорение всякой личности мысли государства, сосредоточение мысли государства в лице государя — добро и зло допетровской России. С Петром начинается новая эпоха. Россия сходится с Западом, который до того времени был совершенно чужд <ей>. Она из Москвы выдвигается на границу, на морской берег, чтобы быть доступнее влиянию других земель, торговых и просвещенных. Но это движение не было действием воли народной; Петербург был и будет единственно город правительственный, и, может быть, для здорового и разумного развития России не осталось и не останется бесполезным такое разъединение в самом центре государства. Жизнь власти государственной и жизнь духа народного разделились даже местом их сосредоточения. Одна из Петербурга движет всеми видимыми силами России, всеми ее изменениями формальными, всю внешнею ее деятельностью; другая незаметно

воспитывает характер будущего времени, мысли и чувства, которым суждено еще облечься в образ и перейти из инстинктов в полную, разумную, проявленную деятельность. Таким образом, вещественная личность государства получает решительную и определенную деятельность, свободную от всякого внутреннего волнения, и в то же время бесстрастное и спокойное сознание души народной, сохраняя свои вечные права, развивается более и более в удалении от всякого временного интереса и от пагубного влияния сухой практической внешности.

Мы видели, что первый период истории русской представляет федерацию областей независимых, охваченных одною цепью охранной стражи. Эгоизм городов нисколько не был изменен случайностью варяжского войска и варяжских военачальников, которых мы называем князьями, не представляя себе ясного смысла в этом слове. Единство языка было бесплодно, как и везде: этому нас учит древний мир Эллады. Единство веры не связывало людей, потому что она пришла к нам из земли, от которой вера сама отступилась, почувствовав невозможность ее пересоздать. Когда же гроза монгольская и властолюбие органически созданного княжества Московского разрушили границы племен, когда Русь срослась в одно целое, — жизнь частей исчезла; но люди, отступившись от своей мятежной и ограниченной деятельности в уделах и областях, не могли еще перенести к новосозданному целому теплого чувства любви, с которым они стремились к знаменам родного города при криках: «За Новгород и святую Софию» или: «За Владимир и Боголюбскую Богородицу». России еще никто не любил в самой России, ибо, понимая необходимость государства, никто не понимал его святости.

Таким образом, даже в 1612 году, которым может несколько похвалиться наша история, желание иметь веру свободную сильнее действовало, чем патриотизм, а подвиги ограничились победою всей России над какою-то горстью поляков⁴¹.

Между тем, когда все обычаи старины, все права и вольности городов и сословий были принесены на жертву для составления плотного тела государства, когда люди, охраненные вещественною властью, стали жить не друг с другом, а, так сказать, друг подле друга, язва безнравственности общественной распространилась безмерно, и все худшие страсти человека развились на просторе: корыстолюбие в судьях, которых имя сделалось притчею в народе, честолюбие в боярах, которые просились в аристократию, властолюбие в духовенстве, которое стремилось поставить новый папский престол. Явился Петр, и, по какому-то странному инстинкту души высокой обняв одним взглядом все болезни отечества, постигнув все прекрасное и святое значение слова государство, он ударил по России, как страшная, но

благодетельная гроза⁴². Удар по сословию судей-воров; удар по боярам, думающим о родах своих и забывающим родину; удар по монахам, ищущим душеспасения в келиях и поборов по городам, а забывающим церковь, и человечество, и братство христианское. За кого из них заступится история?

Много ошибок помрачают славу преобразователя, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к осознанию силы. Средства, им употребленные, были грубые и вещественные; но не забудем, что силы духовные принадлежат народу и церкви, а не правительству; правительству же доставлено только пробуждать или убивать их деятельностью каким-то насилием, более или менее суровым. Но грустно подумать, что тот, кто так живо и сильно понял смысл государства, кто поработил вполне ему свою личность, так же как и личность всех подданных, не вспомнил в то же время, что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода⁴³.

Быть может, я строго судил о старине; но виноват ли я, когда она сама себя осудила? Если ни прежние обычаи, ни церковь не создали никакого видимого образа, в котором воплотилась бы старая Россия, не должны ли мы признаться, что в них недоставало одной какой-нибудь или даже нескольких стихий? Так и было. Общество, которое вне себя ищет сил для самохранения, уже находится в состоянии болезненном. Всякая федерация заключает в себе безмолвный протест против одного общего начала. Федерация случайная доказывает отчуждение людей друг от друга, равнодушие, в котором еще нет вражды, но еще нет и любви взаимной. Человечество воспитывается религиею, но оно воспитывается медленно. Много веков проходит, прежде чем вера проникнет в сознание общее, в жизнь людей, *in succum et sanguinem*⁴⁴. Грубость России, когда она приняла христианство, не позволяла ей проникнуть в сокровенную глубину этого святого учения, а ее наставники утратили уже чувство первоначальной красоты его. Оттого-то народ следовал за князьями, когда их междоусобицы губили землю русскую; а духовенство, стараясь удалить людей от преступлений частных, как будто бы и не ведало, что есть преступления общественные.

При всем том перед Западом мы имеем выгоды неисчислимые. На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания⁴⁵. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщенья. Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своим уроков неправосудия и насилия. Простота дотатарского устройства областного не чужда была истины человеческой, и закон справедливости и любви взаимной служил основанием этого быта, почти патриархального. Теперь,

когда эпоха создания государственного кончилась, когда связались колоссальные массы в одно целое, несокрушимое для внешней вражды, настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому. Таким образом, мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее — светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неиспорченной индивидуальности нашего племени. Тогда, в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющих патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью.

МНЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ⁴⁶

В Европе стали много говорить и писать о России⁴⁷. Оно и неудивительно: у нас так много говорят и пишут о Европе, что европейцам хоть из вежливости следовало заняться Россиею. Всякий русский путешественник, возвращаясь из-за границы, спрашивает у своих знакомых домоседов, читали ли они, что написал о нас лорд такой-то, маркиз такой-то, книгопродавец такой-то, доктор такой-то? Домосед, разумеется, всегда отвечает, что не читал. — «Жаль, очень жаль, прелюбопытная книга: сколько нового, сколько умного, сколько дельного! Конечно, есть и вздор, многое преувеличено; но сколько правды! — любопытная книга». Домосед расспрашивает об содержании любопытной книги, и выходит на поверку, что лорд нас отделал так, как бы желал отделать ирландских крестьян; что маркиз поступает с нами, как его предки с виленями⁴⁸; что книгопродавец обращается с нами хуже, чем с сочинителями, у которых он покупает рукописи; а доктор нас уничтожает пуше, чем своих больных. И сколько во всем этом вздора, сколько невежества! Какая путаница в понятиях и даже в словах, какая бесстыдная ложь, какая наглая злоба! Поневоле родится чувство досады, поневоле спрашиваешь: на чем основана такая злость, чем мы ее заслужили? Вспомнишь, как того-то мы спасли от неизбежной гибели; как другого, поработленного, мы подняли, укрепили; как третьего, победив, мы спасли от мщенья и т.д. Досада нам позволительна; но досада скоро сменяется другим, лучшим чувством —

грустью истинной и сердечной. В нас живет желание человеческого сочувствия; в нас беспрестанно говорит теплое участие к судьбе нашей иноземной братии, к ее страданиям, так же как к ее успехам; к ее надеждам, так же как к ее славе. И на это сочувствие, и на это дружеское стремление мы никогда не находим ответа: ни разу слова любви и братства, почти ни разу слова правды и беспристрастия. Всегда один отзыв — насмешка и ругательство; всегда одно чувство — смешение страха с презрением. Не того желал бы человек от человека⁴⁹.

Трудно объяснить эти враждебные чувства в западных народах, которые развили у себя столько семян добра и подвинули так далеко человечество по путям разумного просвещения. Европа не раз показывала сочувствие даже с племенами дикими, совершенно чуждыми ей и не связанными с нею никакими связями кровного или духовного родства. Конечно, в этом сочувствии высказывалось все-таки какое-то презрение, какая-то аристократическая гордость крови или, лучше сказать, кожи; конечно, европеец, вечно толкующий о человечестве, никогда не доходил вполне до идеи человека; но все-таки, хоть изредка, высказывались сочувствие и какая-то способность к любви. Странно, что Россия одна имеет как будто бы привилегию пробуждать худшие чувства европейского сердца. Кажется, у нас и кровь индоевропейская, как и у наших западных соседей, и кожа индоевропейская (а кожа, как известно, дело великой важности, совершенно изменяющее все нравственные отношения людей друг с другом), и язык индоевропейский, да еще какой! Самый чистейший и чуть-чуть не индийский; а все-таки мы своим соседям не братья.

Недоброжелательство к нам других народов, очевидно, основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде перед этою самостоятельною силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов. Отказать нам в наших правах они не могут: мы для этого слишком сильны; но и признать наши права заслуженными они также не могут, потому что всякое просвещение и всякое духовное начало, не вполне еще проникнутые человеческою любовью, имеют свою гордость и свою исключительность. Поэтому полной любви и братства мы ожидать не можем, но мы могли бы и должны ожидать уважения. К несчастью, если только справедливы рассказы о новейших отзывах европейской литературы, мы и того не приобрели.

Нередко нас посещают путешественники, снабжающие Европу сведениями о России. Кто побудет месяц, кто три, кто (хотя это очень редко) почти год, и всякий, возвратясь, спешит нас оценить и словесно, и печатно. Иной пожил, может быть, более года, даже и несколько годов, и, разумеется, слова такого оценщика уже внушают бесконечное

уважение и доверенность. А где же пробыл он во все это время? По всей вероятности, в каком-нибудь тесном кружке таких же иностранцев, как он сам. Что видел? Вероятно, один какой-нибудь приморский город, а произносит он свой приговор, как будто бы ему известна вдоль и поперек вся наша бесконечная, вся наша разнообразная Русь.

К этому надобно еще прибавить, что почти ни один из этих европейских писателей не знал даже русского языка, не только народного, но и литературного, и, следовательно, не имел никакой возможности оценить смысл явлений современных так, как они представляются в глазах самого народа; и тогда можно будет судить, как жалки, как ничтожны бы были данные, на которых основываются все эти приговоры, если бы действительно они не основывались на другой данной, извиняющей отчасти опрометчивость иностранных писателей, — именно на собственных наших показаниях о себе.

Еще прежде чем иностранец побывает в России, он уже узнает ее по множеству наших путешественников, которые так усердно меряют большие дороги всей Европы с равною пользою для просвещения России вообще и для своего просвещения в особенности. Вот первый источник сведения Европы о России. Я очень далек от того, чтобы отвергать пользу и даже необходимость путешествий⁵⁰.

Много прекрасного, много истинно человеческого скрывается в этой, по-видимому, пустой и бесплодной потребности одного народа — поглядеть на житье-бытье других народов, побеседовать с ними у них самих, поприслушиваться к их живому слову и к движению их живой мысли; но не все же хорошо в путешествиях. В иных отношениях можно сказать, что путешественник хуже домоседа.

Его существование одностороннее и носит на себе какой-то характер эгоистического самодовольства. Он смотрит на чужую жизнь, — но живет сам по себе, сам для себя; он проходит по обществу, но он не член общества; он двигается между народами, но не принадлежит ни к одному. Он принимает впечатления, он наслаждается всем, что удобно, или добро, или прекрасно, — но сам он не внушает сочувствия и не трудится в общем деле, беспрестанно совершаемом всеми около него. Разумеется, я исключаю из этого определения тех великих двигателей человечества, которые переносят или переносили с собою из края в край какую-нибудь высокую мысль, какое-нибудь плодотворное знание и были благодетелями стран, ими посещенных. Такие люди бывали, да много ли их? Вообще польза и достоинство путешествия проявляются после возвращения странника на родину, а в самое время своего странствования он носит на себе характер эгоистической односторонности и в это время служит плохим мериллом для достоинства своего народа. К тому же надобно прибавить еще другое замечание: нравственное достоинство человека высказывается только

в обществе, а общество есть не то собрание людей, которое нас случайно окружает, но то, с которым мы живем заодно. Плодотворное сочувствие общества вызывает наружу лучшие побуждения нашей души; плодотворная строгость общественного суда укрепляет наши силы и сдерживает худшие наши стремления. Путешественник вечно одинок во всем бессилии своего личного произвола. Веселый разгул его эгоистической жизни не должен бы служить образчиком для суждения об общем достоинстве его домашней жизни; но не всем же приходит эта мысль на ум, а между тем как он гуляет по чужим краям (как крестьянин, захавший на далекую ярмарку, где его никто не знает и все ему чужие), земля, в которой он гостит, произносит суд над ним и по нем над его народом. Разумеется, такая ошибка возможна только в суждении о народах совершенно неизвестных; да разве Россия не неизвестная земля? Смешно бы было, если бы кто-нибудь из нас стал утверждать, что Россия сравнялась с своею западной братиею во всех отраслях или даже в какой-нибудь отрасли внешнего образования — в искусствах ли, в науке ли, в удобствах или щеголеватости житейских устройств. Поэтому благоговение, с которым русский проходит всю Европу, — очень понятно. Смирненно и с преклоненною головою посещает он западные святилища всего прекрасного, в полном сознании своего личного и нашего общего бессилия. Скажу более: есть какое-то радостное чувство в этом добровольном смирении. Конечно, многие из наших путешественников заслужили похвалу и доброе мнение в чужих землях; но на выражение этого доброго мнения они всегда отвечали с добродушным сомнением, не веря сами своему успеху. Редкий, и тот, разумеется, хуже других, принимал похвалу как должную дань и, возрастая мгновенно в своих собственных глазах на необъятную высоту, благодарил своих снисходительных судей с гордым смирением, которое как будто говорило: «Да, я знаю, что я человек порядочный, я вполне верю вашим словам; но боже мой! какого стоило мне труда сделаться таким, каким вы меня видите! из какой глубины я вырос! Из какого народа я вышел!» Впрочем, эти примеры редки; и должно сказать вообще, что русский путешественник, как представитель всенародного смирения, не исключает и самого себя. В этом отношении он составляет резкую противоположность с английским путешественником, который облекает безобразие своей личной гордости в какую-то святость гордости народной. Смирение, конечно, чувство прекрасное; но к стыду человечества надобно признаться, что оно мало внушает уважения и что европеец, собираясь ехать в Россию и побеседовав с нашими путешественниками, не запасается ни малейшим чувством благоговения к той стране, которую он намерен посетить.

И вот он приехал в Россию, и вот он заговорил со всем нашим образованным обществом. Принятый ласково и радушно, он стал прислушиваться к нашим откровенным речам и услышал то же самое, что слышал за границею от путешественников. То, что было за границею выражением невольного благоговения перед дивными памятниками других народов, является уже в России не только как выражение невольного чувства, но и как дело утонченной вежливости.

Не хвастаться же дома! Впрочем, я очень от того далек, чтобы роптать на нашу народную скромность. Это чувство прекрасное, благородное, высокое; строгий суд над собою возвышает народ так же, как он возвышает человека. Благоговение перед всем великим обличает сочувствие со всем великим и обещает великое в будущем. Избави бог от людей самодовольных и от самодовольства народного; но надобно признаться, что всякая добродетель имеет свою крайность, в которой она становится несколько похожею на порок. Быть может, мы впадаем иногда и в эту крайность, которая, без сомнения, лучше самохвальства, но все-таки не заслуживает похвалы и унижает нас в глазах западных народов. Наша сила внушает зависть; собственное признание в нашем духовном и умственном бессилии лишает нас уважения: вот объяснение всех отзывов Запада о нас.

Смирение человека, так же как и смирение народа, могут иметь два значения, совершенно противоположные. Человек или народ сознает святость и величие закона нравственного или духовного, которому подчиняет он свое существование; но в то же время признает, что этот закон проявлен им в жизни недостаточно или дурно; что его личные страсти и личные слабости исказили прекрасное и святое дело. Такое смирение велико; такое признание возвышает и укрепляет дух; такое самоосуждение внушает невольно уважение другим людям и другим народам. Но не таково смирение человека или народа, который сознается не только в собственном бессилии, но в бессилии или неполноте нравственного или духовного закона, лежавшего в основе его жизни. Это не смирение, а отречение. Человек разрывает все связи с своею прошедшей жизнью, он перестает быть самим собою; а если он говорит от имени народа, то уже тем самым он от народа отрекается.

Конечно, говорят, что какое бы ни было мнение человека, он не перестает принадлежать земле, давшей ему бытие. Русского, что бы он ни делал, как бы ни прикидывался иностранцем, узнают всегда.

Как? по выдавшимся слегка скулам, по неопределенной форме носа, по рисунку и цвету глаз? Это признаки породы, а не народа. По невольной особенности мысли? по невольной резкости или мягкости поступков? по обороту речей? И это не народность. [Это только звенья, обломки разорванной исторической цепи, на которую ропшет

гордый произвол, да скинуть не может.] Это тоже признаки породы, хотя в другом смысле, породы исторической, а не чисто физической; ибо органы человеческие развиваются, вероятно, столько же под влиянием истории, сколько под грубо вещественными влияниями климата или пищи. Принадлежать народу — значит с полною и разумною волею сознать и любить нравственный и духовный закон, проявлявшийся (хотя, разумеется, не сполна) в его историческом развитии.

Неуважение к этому закону унижает неизбежно народ в глазах других народов. Нам случается впадать в эту крайность; но в то же время ошибка наша простительна: это не грех злой воли, а грех неведения.

Мы России не знаем.

Человеку трудно узнать самого себя. Даже в физическом отношении человек без зеркала лица своего не узнает, а умственного зеркала, где бы отразилась его духовная и нравственная физиономия, он еще не выдумал; точно так же трудно и народу себя узнать.

Наша западноевропейская братия разбита на множество племен и государств; каждое изучает и определяет своего соседа, и этот труд совершается уже несколько веков, а едва ли хоть один народ определен или понят вполне. Так, например, величайшая и бесспорно первая во всех отношениях из держав Запада, Англия, не была постигнута до сих пор ни своими, ни иноземными писателями. Везде она является как создание какого-то условного и мертвого формализма, какой-то душеубийственной борьбы интересов, какого-то холодного расчета, подчинения разумного начала существующему факту, и все это с примесью народной и особенно личной гордости, слегка смягченной какими-то полупорочными добродетелями.

И действительно, такова Англия в ее фактической истории, в ее условных учреждениях, в ее внешней политике, во всем, чем она гордится и чему завидуют другие народы. Но не такова внутренняя Англия, полная жизни духовной и силы, полная разума и любви; не Англия большинства на выборах, но единогласия в суде присяжных; не дикая Англия, покрытая замками баронов, но духовная Англия, не позволявшая епископам укреплять свои жилища; не Англия Ост-Индской компании, но Англия миссионеров; не Англия Питтов, но Вильберфорсов, Англия, у которой есть еще предание, поэзия, святость домашнего быта, теплота сердца и Диккенс, меньшой брат нашего Гоголя; наконец, старая веселая Англия Шекспира (*metu old England*)⁵¹. Эта Англия во многом не похожа на остальной Запад, и она не понята ни им, ни самими англичанами. Вы ее не найдете ни в Юме, ни в Галламе, ни в Гизо, ни в Дальмане, ни в документально верном и нестерпимо скучном Лаппенберге, ни в нравописателях, ни в путешественниках. Она сильна не учреждениями своими, но несмотря на учреждения свои. Остается только вопрос, что возьмет верх, всеуби-

вающий ли формализм или уцелевшая сила жизни, еще богатая и способная если не создать, то, по крайней мере, принять новое начало развития? В примере Англии можно видеть, что западные народы не вполне еще познали друг друга. Еще менее могли они познать себя в своей совокупности; ибо, несмотря на разницу племен, наречий и общественных форм, они все выросли на одной почве и из одних начал. Мы, вышедшие из начал других, можем удобнее узнать и оценить Запад и его историю, чем он сам; но в то же время, видя всю трудность самопознания, мы имеем полное право извинить неясность нашего знания о России. Европа, может быть, узнает нас лучше нас самих, когда узнает. Впрочем, все это относится только к познанию наукообразному, к определению логическому. Есть другое, высшее познание, познание жизненное, которое может и должно принадлежать всякому народу.

Много веков прошло, и историческая жизнь России развилась не без славы, несмотря на тяжелые испытания и на страдания многовековые. Широко раскинулись пределы государства, уже и тогда обширнейшего в целом мире. Жили в ней и просвещение, и сила духа, которые одни могли так победоносно выдерживать такие сильные удары и такую долгую борьбу; но в тревогах боевой и треволненной жизни, в невольном отчуждении от сообщества других народов, Россия отстала от своей западной братии в развитии вещественного знания, в усовершенствованиях науки и искусства.

Между тем жажда знания давно уже пробудилась, и наука явилась на призыв великого гения, изменившего судьбу государства. Отовсюду стали стекаться к нам множество ученых иностранцев со всеми разнообразными изобретениями Запада. Множество было отдано русских на выучку к этим новым учителям, и, разумеется, по русской смышленности они выучились довольно легко; но наука еще не пустила крепких корней. В учение к иностранцам отдавались люди, принадлежавшие к высшему и служилому сословию; другие заботы, другие привычки, наследственные и родовые, отвлекали их от поприща, на которое они были призваны новыми государственными потребностями. В науке видели они только обязанность свою и много-много общественную пользу. С дальних берегов Северного океана, из рядов простых крестьян-рыбаков, вышел новый преобразователь. Много натерпелся он в жизни своей для науки, много настрадался, но сила души его восторжествовала.

Он полюбил науку ради науки самой и завоевал ее для России. Быстры были наши успехи; жадно принимали мы всякое открытие, всякое знание, всякую мысль, и, как бы ни был самолюбив Запад, он может не стыдиться своих учеников. Но мы еще не приобрели права на собственное мышление, или если приобрели, то мало им восполь-

зовались. Наша ученическая доверчивость [все перенимает] все повторяет, всему подражает, не разбирая, что принадлежит к положительному знанию, что к догадке, что к общечеловеческой истине и что к местному, всегда полуживому направлению мысли; но и за эту ошибку нас строго судить не должно. Есть невольное, почти неотразимое обаяние в этом богатом и великом мире западного просвещения. Строгого анализа нельзя требовать от народа в первые минуты его посвящения в тайну науки. Ошибки были неизбежны для первых преобразователей. Великий гений Ломоносова подчинился влиянию своих ничтожных современников в поэзии германской. Понимая строгую последовательность и, так сказать, рабство науки (которая познает только то, что уже есть), он не понял свободы художества, которое не воспринимает, но творит, и оттого надолго пошло наше художество по стезям рабского подражания. В народах, развивающихся самобытно, богатство содержания предшествует усовершенствованию формы. У нас пошло наоборот. Поэзия наша содержанием скудна, красотой же наружной формы равняется с самыми богатыми словесностями и не уступает ни одной. Разгадка этого исключительного явления довольно проста. Свобода мысли у нас была закована страстью к подражанию, а внешняя форма поэзии (язык) была выработана веками самобытной русской жизни. Язык словесности, язык так называемого общества (т.е. язык городской) во всех почти землях Европы мало принадлежал народу. Он был плодом городской образованности, и от этого происходит какая-то вялость и неповоротливость всех европейских наречий. Тому с небольшим полвека во Франции не было еще почти ни одной округи (за исключением окрестностей Парижа), где бы говорили по-французски. Все государство представляло соединение диких и нестройных говоров, не имеющих ничего общего с языком словесности. Зато французский язык, создание городов, быть может, и не совсем скудный для выражения мысли, без сомнения, богатый для выражения мелких житейских и общественных потребностей, носит на себе характер жалкого бессилия, когда хочет выразить живое разнообразие природы. Рожденный в городских стенах, только по слухам знал он о приволье полей, о просторе божьего мира, о живой и мужественной простоте сельского человека. В новейшее время его стали, так сказать, вывозить за город и показывать ему села, и поля, и рощи, и всю красоту поднебесную. В этом-то и состоит не довольно замеченная особенность слога современных нам французских писателей; но мертвому языку жизни не привьешь. Пороки французского языка более или менее принадлежали всем языкам Европы. Одна только Россия представляет редкое явление великого народа, говорящего языком своей словесности, но говорящего, может быть, лучше своей словесности. Скудость со-

держания дана была нашим прививным просвещением; чудная красота формы была дана народною жизнью. Этого не должна забывать критика художества.

Направление, данное почти за полтора столетия, продолжается и до нашего времени. Принимая все без разбора, добродушно признавая просвещением всякое явление западного мира, всякую новую систему и новый оттенок системы, всякую новую моду и оттенок моды, всякий плод досуга немецких философов и французских портных, всякое изменение в мысли или в быте, мы еще не осмелились ни разу хоть вежливо, хоть робко, хоть с полусомнением спросить у Запада, все ли то правда, что он говорит? все ли то прекрасно, что он делает? Ежедневно, в своем беспрестанном волнении, называет он свои мысли ложью, заменяя старую ложь, может быть, новою, и старое безобразие, может быть, новым, и при всякой перемене мы с ним вместе осуждаем прошедшее, хвалим настоящее и ждем от него нового приговора, чтобы снова переменить наши мысли. Как будто бы не постигая разницы между науками положительными, какова, напр<имер>, математика или изучение вещественной природы, и науками догадочными, мы принимаем все с одинаковою верою. Так, напр<имер>, мы верим на слово, что процесс философского мышления совершался в Германии совершенно последовательно, хотя логическое первенство субъекта перед объектом у Шеллинга основано на ошибке в истории философской терминологии, и никакая сила человеческая не свяжет феноменологии Гегеля с его логикой. Мы верим, что статистика имеет какое-нибудь значение отдельно от истории, что политическая экономия существует самобытно, отдельно от чисто нравственных побуждений и что, наконец, наука права, наука, которою так гордится Европа, которая так усовершенствована, так обработана, которая стоит на таких твердых и несокрушимых основах, имеет действительно право на имя науки, действительную основу, действительное содержание.

Разумеется, я говорю не о науке прав, т.е. закона обычного или писаного, в его положительном развитии. Эта наука тоже называется наукою права, но она имеет историческое значение и, следовательно, неоспоримое достоинство. Я говорю о науке права, как права самобытного, самостоятельного, носящего в себе свои собственные начала и законы своего определения. В этом смысле она не может выдержать самого легкого анализа. Самостоятельная наука должна иметь свои начала в самой себе. Какие же начала безусловного права? Человек является в совокупности сил умственных и телесных. В этом отношении он может быть предметом науки чисто опытной, человекознания (антропологии), но его силы не имеют еще характера права. Эти силы могут быть ограничены извне, силами природы или силами других людей; но и сила человека в ограничении своем еще не имеет

значения права. Это только сила стесненная. Для того, чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не от закона внешнего, который опять не что иное, как сила (как, напр<имер>, завоевание), но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признанная им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права. Следовательно, наука о праве получает некоторое разумное значение только в смысле науки о самопризнаваемых пределах силы человеческой, т.е. о нравственных обязанностях; точно так, как геометрия не есть наука о пространстве, но о формах пространства. С другой стороны, понятие об обязанности находится в прямой зависимости от общего понятия человека о всечеловеческой или всемирной нравственной истине и, следовательно, не может быть предметом отдельным для самобытной науки. Очевидно, что наука о нравственных обязанностях, возводящих силу человека в право, не только находится в прямой зависимости от понятия о всемирной истине, будь оно философское или религиозное, но составляет только часть из его общей системы философской или религиозной. Итак, может существовать наука права по такой-то философии или по такой-то вере; но наука права самобытного есть прямая и яркая бессмыслица, и разумное толкование о праве может основываться только на объявленных началах всемирного знания или верования, которые принимает такой-то или другой человек.

Если бы эти простые истины были признаны, многие явления ученой западной словесности исчезли бы сами собою, не обратив на себя внимания, которого они вовсе не заслуживают. Так, напр<имер>, понятно бы стало, что идея о праве не может разумно соединиться с идеею общества, основанного единственно на личной пользе, огражденной договором. Личная польза, как бы себя ни ограждала, имеет только значение силы, употребленной с расчетом на барыш. Она никогда не может взойти до понятия о праве, и употребление слова «право» в таком обществе есть не что иное, как злоупотребление и перенесение на торговую компанию понятия, принадлежащего только нравственному обществу.

Так же точно бессмысленные толки о так называемом освобождении женщины или вовсе не существовали бы, или приняли бы совсем другой, разумный характер, которого они лишены до сих пор, если только можно признать, что они до сих пор существуют⁵². Многие нападали на эти мнимые права женщин, многие заступались за них, и во всем этом красноречивом разглагольствовании, возмущившем столько добрых душ и слабых голов, не были ни разу высказаны те начала нравственной обязанности и истины, признанной за всемирную, на которых могла бы опереться идея о праве и на которых мог бы

по крайней мере происходить разумный спор. Очевидно, все толки пошли от чувства справедливости, возмущенного действительностью жизни; но свет здравого разума не осиял людей, поднявших вопрос. Противники не отдали справедливости доброму чувству (положим, хоть и с примесью страсти), которое высказалось в первых требованиях освободителей женщины. Защитники не поняли всей нелепости своего требования в отдельности от общей системы правды и обязанности; и драка слепых бойцов, которые пускали в голову друг другу надутые фразы, была осыпана громкими рукоплесканиями западноевропейской публики, повторенными, быть может, и у нас.

Весь спор происходил, очевидно, не в области права писаного или наукообразного, но в области права обычного; и спорящие забыли только об одном — об определении этого обычного права и об отделении в нем его основ, его положений от его злоупотреблений.

Действительным же предметом спора были, бессознательно для спорящих писателей и для рукоплещущей публики, — не права женщины и мужчины, но их нравственные обязанности, определяющие их взаимные права, обязанности, которых тождество для женщины и для мужчины очевидно всякому разумному существу. Этого-то и не заметили, весьма естественно, вследствие привычки рассматривать право как нечто самостоятельное и вследствие слепой веры в несуществующую науку.

Вообще, все, мною сказанное о самобытной науке отвлеченного права и о ложных ее приложениях в движении умственной жизни западных народов, сказано только как пример той слепой доверчивости, с которою мы принимаем все притязания западной мысли, и как доказательство нашего умственного порабощения. Есть, конечно, некоторые мыслители, которые, проникнув в самый смысл науки, думают, что пора и нашему мышлению освободиться; что пора нам рабствовать только истине, а не авторитету западной личности и черпать не только из прежних или современных школ, но и из того сокровища разума, которое бог положил в нашем чувстве и смысле, как и во всяком смысле и чувстве человеческом. Но бесспорно, большинство наших просвещенных людей в России, и особенно служителей науки, находят до сих пор, что приличие, скромность и, вероятно, умственное спокойствие повелевают нам принимать только готовые выводы, не пускаясь еще в темную и страшную глубину аналитических вопросов. Спор между этими двумя мнениями еще не решен, и неизвестно, кто будет оправдан — ученый или репетитор.

Предлагая свои сомнения об истине не только некоторых выводов, но и некоторых отраслей науки западной, я стараюсь выразиться с приличною робостью и смирением, чувствуя (не без страха) что я подвергаюсь строгому приговору, изреченному г. Молчалиным:

Как нам сметь
Свое суждение иметь!¹⁵³

Ведь и в науке не без молчалиных.

То доверчивое поклонение, с которым мы до сих пор следим за западноевропейской образованностью, было, разумеется, еще сильнее, еще доверчивее в то время, когда мы еще только начинали с нею знакомиться, когда все ее величие и блеск впервые стали поражать наши глаза, когда ее слабости, ее неполнота, ее внутренняя нестройность были еще совсем недоступны нашей критике и когда сам Запад еще не начинал (как он, очевидно, теперь начинает) сомневаться в самом себе. И теперь мы стараемся подражать, но уже подражание наше имеет изредка кое-какие притязания на оригинальность. В первые и, так сказать, наши ученические годы мы старались не только быть подражателями, но обратиться в простой сколок с западного мира. Не для чего толковать о том, удалось ли нам это или до какой степени удалось. Уже одной страсти ко всему иноземному, уже одного ревностного желания уподобиться во всем нашим иностранным образцам было достаточно, чтобы оторвать нас от своих коренных источников умственной и духовной жизни. Продолжая в глубине сердца любить родную землю, мы уже всеми силами ума своего отрывались от ее истории и от ее духовной сущности.

Часто говорят, что и все народы, так же как и мы, были подражателями; что германцы точно так же приняли науку и искусство от Рима, как мы от романо-германского мира. Это возражение уничтожается одним словом. Правда, Рим передал просвещение германцу; но неправда, чтобы он передал его так же, как германец России. Не франк-завоеватель просветил галла, но побежденный галл франка. Не от норманца получил просвещение свое саксонец (за исключением, может быть, некоторых ничтожных улучшений во внешнем быте), но побежденный саксонец передал просвещение свое победителю-норманцу. Это доказывается не только историей, но и языковедением. Там просвещение везде переходило от низших или, по крайней мере, средних слоев общества в высшие, проникая почти весь его состав одною силою умственного развития, одним дыханием общей жизни. Не так было у нас. Одно только высшее сословие могло воспользоваться и воспользовалось новыми приобретениями знания.

Старое по своему родовому происхождению от служилых людей, новое по своему характеру сословия, оно приняло в себя все богатство нового просвещения, поглощая его в одном себе, замыкая его в своем круге и замыкаясь само этою новою, почти внешнею силою.

Все другие сословия остались чуждыми новому движению. Они не могли воспользоваться сокровищами науки, которая привозилась

к нам как заграничный товар, доступный только для немногих, для досужих, для богатых. Они не могли, а многие из них и не хотели ею воспользоваться. Если даже частное усовершенствование, если всякое отдельное изобретение, даже в науках прикладных, носит на себе печать земли, в которой оно возникло, и, так сказать, часть ее духа, то тем более целая образованность или целая система знания запечатлевается местным характером той области, в которой она развивалась, и передает этот дух и этот характер всякой земле, которая ее усваивает и дает ей право гражданства. Темное чувство этой невидимой и в то время еще несознанной опасности удаляло от нового просвещения множество людей и целые сословия, для которых оно могло бы быть доступно, и это удаление, которое спасло нас от полного разрыва со всею нашею историческою жизнью, мы можем и должны признать за особенное счастье. Оно бесспорно происходило из доброго начала, из того неопределенного ясновидения разума человеческого, которое предугадывает многое, чему еще не может дать ни имени, ни положительного очертания. К счастью, для подкрепления этого темного, но спасительного чувства образованность иноземная, переходя к нам, привязалась упорно (вероятно, она иначе сделать не могла) к тем видимым и вещественным формам, в которые она была облечена у западных народов. Ее нерусские и необщечеловеческие начала обличались уже и тем, что не могли и не хотели расстаться с своим западным нарядом. Между тем те люди или сословия, в которых или жажда знания была сильнее, или привязанность к исторической старине менее сильна, отделялись все более и более от тех, которые не могли или не хотели последовать за ними по новооткрытым путям. Казалось бы, что раздвоение должно было быть сильнее в первые годы, когда фанатизм подражания Западу был ревностнее и страстнее, чем в последующее время; но на деле выходило иначе.

Многие сначала были подражателями поневоле и роптали на горькую необходимость науки. Все, даже те, которые бросились с полным сознанием и страстною волею в пути иноземного просвещения, принадлежали западному миру только мыслию своею, а жизнью, обычаем и сочувствиями они еще принадлежали родимой старине. Люди прежнего века еще не успели сойти в гроб, воспоминания детства еще связаны были с воспоминаниями о другом порядке вещей и мысли. Еще сильны были няньки, да дядьки, да весь русский дом, который не успел переделаться на иностранный лад. Но раз принятое направление должно было развиваться все более и более уже под влиянием не только страсти, но и логической необходимости. Старики вымирали, дома перелаживались, европейство утверждалось, дети и внуки просвещенного поколения были просвещеннее своих предшественников. Система просвещения, принятая извне, приносила с собою

свои умственные плоды в гордости, которая пренебрегала всем родным, и свои жизненные плоды — в оскудении всех самых естественных сочувствий. Раздвоение утвердилось надолго.

Очевидно, что при таком гордом самодовольствии людей просвещенных даже формальное, наукообразное знание их о России должно было ограничиться весьма тесными пределами, ибо в них исчезло самое желание знать ее; но еще более должно было пострадать другое, высшее, жизненное знание, необходимое для общества так же, как и для человека. Общество, так же как человек, сознает себя не по логическим путям. Его сознание есть самая его жизнь; оно лежит в единстве обычаев, в тождестве нравственных или умственных побуждений, в живом и непрерывном размене мысли, во всем том беспрестанном волнении, которым зиждутся народ и его внутренняя история. Оно принадлежит только личности народа, как внутреннее, жизненное сознание человека принадлежит только собственной его личности. Оно недоступно ни для иностранца, ни для тех членов общества, которые волею или неволею от него уединились. Это жизненное сознание, так же как его отсутствие, выражается во всем. Иностранец, как бы он ни овладел чужим языком, никогда не обогатит его словесности: он всегда будет писателем безжизненным и бессильным. Ему останутся всегда чуждыми те необъяснимые прихоти наречия, в которых выражается вся прелесть, вся оригинальность, вся подвижность народной физиономии. Нам, русским, это особенно заметно: и в неудачных попытках наших соотечественников выражать свои благоприобретенные мысли на благоприобретенных языках, и в неудачных попытках многих русских писателей, рожденных не в России, блеснуть на поприще нашей словесности слишком поздно и слишком книжно приобретенным знанием русского языка. Язык, чтобы быть послушным и художественным орудием нашей мысли, должен быть не только частью нашего знания, но частью нашей жизни, частью нас самих. Оттого-то иностранец или человек, удаленный от живого говора народного, должен довольствоваться языком книжным. Пусть на нем выражает он мысль свою, и, может быть, достоинством мысли сколько-нибудь выкупится вялость выражения; но для избежания всеобщего смеха пусть он удержится от всяких притязаний на подделку под живую речь. Мы видели этому недавний пример. Московское наречие часто заменяет буквы «а» и «я» в родительном падеже имен мужского рода, обозначающих предметы неодушевленные, буквами «у» и «ю»; вздумалось иным литераторам подделаться под эту особенность наречия, которое составляет главную основу нашего разговорного и книжного языка, и пошли они везде, без разбора, изгонять буквы «а» и «я» из родительного падежа и заменять их буквами

«у» и «ю». Намерение было доброе и, очевидно, лестное для нас, москвичей; но, к несчастью, литераторы-нововводители не знали, что по большей части буква «у» не имеет никакого права становиться на место «а», потому что звук, которым московское наречие оканчивает родительный падеж мужских имен, есть, по большей части, звук средний, которого нельзя выражать знаком «у»; что, сверх того, самое употребление слова, более или менее определенное, изменяет окончание этого падежа (так, напр<имер>, при указании и при определенных прилагательных «а» сохраняет почти все свое полнозвучие) и что, наконец, не все согласные одинаково терпят после себя изменение буквы «а» в букву «у» или в средний звук (так, например, «п» не всегда допускает эту перемену, буква «в» допускает весьма редко, буква «б» не допускает почти никогда).

Общий смех читателей был наградою за попытку, которая, может быть, заслуживала благодарности; но эта неудача должна служить уроком для тех, которые думают, что вдали от живой речи можно подделаться под ее прихотливое разнообразие. Она вообще не дается ни иностранцу, ни колонисту, как заметил один английский критик американскому писателю. Точно такие же причины объясняют другую, истинно грустную неудачу. Давно уже люди благонамеренные и человеколюбивые, истинные ревнители просвещения, заметили недостаток книг для народного чтения. Усердно и не без искусства старались они пособить этому недостатку и издали много книг, которые принесли бы, вероятно, немалую пользу, если бы народ их покупал или, покупая, читал. К несчастью, умственная пища, приготовленная просвещенною благонамеренностью, до сих пор, очевидно, не соответствует потребностям облагодетельствованного народа. И эта неудача происходит также от отсутствия живого сочувствия и живого сознания. Русский человек, как известно, охотно принимает науку; но он верит также и в свой природный разум.

Наука должна расширять область человеческого знания, обогащать его данными и выводами; но она должна помнить, что ей самой приходится многому и многому учиться у жизни. Без жизни она так же скудна, как жизнь без нее, может быть, еще скуднее. Темное чувство этой истины живет и в том человеке, которого разум не обогащен познаниями. Поэтому ученый должен говорить с неученым не снисходительно, как высший с низшим, не жалким фистулом, как взрослый с младенцем, но просто и благородно, как мыслящий с мыслящим. Он должен говорить собственным своим языком, а не подделываться под чужой, который называет народным. Эта подделка не что иное, как гримаса. Эта народность не доходит до деревни и не переходит за околицу барского двора. Прежде же всего надобно узнать, т.е. полюбить, ту жизнь, которую хотим обогатить наукою.

Эта жизнь, полная силы предания и веры, создала громаду России прежде, чем иностранная наука пришла позолотить ее верхушки. Эта жизнь хранит много сокровищ не для нас одних, но, может быть, и для многих, если не для всех народов.

По мере того, как высшие слои общества, отрываясь от условий исторического развития, погружались все более и более в образованность, истекающую из иноземного начала; по мере того, как их отторжение становилось все резче и резче, умственная деятельность слабела и в низших слоях. Для них нет отвлеченной науки, отвлеченного знания; для них возможно только общее просвещение жизни, а это общее просвещение, проявленное только в постоянном круговращении мысли (подобном кровообращению в человеческом теле), становится невозможным при раздвоении в мысленном строении общества. В высших сословиях проявлялось знание, но знание, вполне отрешенное от жизни; в низших — жизнь, никогда не восходящая до сознания. Художеству истинному, живому, свободно творящему, а не подражательному не было места, ибо в нем является сочетание жизни и знания, — образ самопознающей жизни. Примирение было невозможно: наука, хотя и односторонняя, не могла отказаться от своей гордости, ибо она чувствовала себя лучшим плодом великого Запада; жизнь не могла отказаться от своего упорства, ибо она чувствовала, что создала великую Россию. Оба начала оставались бесплодными в своей болезненной односторонности.

На первый взгляд бессилие жизни, отрешенной от знания и от искусства, покажется понятнее, чем бессилие знания, отрешенного от жизни; ибо жизнь имеет характер местный, знание же — характер общий, всечеловеческий. Добросовестное или беспристрастное рассмотрение вопроса разрешает эти сомнения. Наука разделяется на науку положительную, или простое изучение законов видимой природы, и на науку догадочную, или изучение законов духа человеческого и его проявлений. Изучать законы своего духа может человек только в полноте своей духовной, следовательно, личной и общественной жизни, ибо только в этой полноте может он видеть их проявление. Итак, вторая и, может быть, важнейшая отрасль науки делается почти невозможной при внутреннем раздвоении общественного просвещения. Сверх того, наука в своей, может быть, подчиненной форме опыта или наблюдения есть опять только плод стремления духа человеческого к знанию, плод жизни, отчасти созревающей; следовательно, в обоих случаях она требует жизненной основы. У нас она не была плодом нашей местной, исторической жизни. С другой стороны, самым перенесением в Россию и на нашу почву она отторгалась от своих западных корней и от жизни, которая ее произвела.

В таком-то виде представлялись до сих пор у нас просвещение и общество, принявшее его в себя: оба носили на себе какой-то характер колониальный, характер безжизненного сиротства, в котором все лучшие требования души невольно уступают место эгоистическому самодовольству и эгоистической расчетливости. Такова худшая и самая неутешительная сторона нашего высшего просвещения; но не должно забывать, что нет почти такого явления в мире, которое бы подчинялось какому-нибудь одному закону и не подвергалось в то же время влиянию других, часто противоположных законов. Характер, который я назвал колониальным, составляет, без сомнения, главную и преобладающую черту науки, принятой нами от Запада и общества нашего, во сколько оно эту науку приняло; но история, но привычки, но воспоминания, но любовь к своей земле, но беспрестанные сношения с местною жизнью не вполне утратили свои права. От этого остатка собственно нашей народной жизни в нас происходят все лучшие явления нашей образованности, нашего искусства, нашего быта, все, что в нас немертво, небессильно, небесплодно. К несчастью, семена добра в нас самих вполне развиться не могут от нашего внутреннего раздвоения, и нам недоступно то жизненное сознание России, которое составляет необходимое и, может быть, главное средоточие народного просвещения. От этого для нас невозможны ни справедливая оценка самих себя, ни ясное и здоровое понятие о многих и, может быть, самых важных явлениях нашей истории.

Этому не трудно бы было найти пример. Недавно неумолимейший из историков наших в жизнеописании великого полководца сделал сравнение между Петром I и Екатериною II и признал в Петре гения, а в Екатерине только необыкновенный ум. На это в одном из наших журналов отвечал критик весьма дельною статьею, в которой выставлены промахи историка, как кажется, мало сведущего в деле военном, и возобновлено сравнение между Петром и Екатериною, только с совершенно другим выводом. В Екатерине признается гений, а в Петре гораздо более необычайная сила воли, чем гений. Кажется, наука может согласиться и с критиком, и с историком, без большого ущерба и без большой пользы для себя: тонкие различия между необыкновенною волею и гением, между гением и необыкновенным умом принадлежат к вопросам личного убеждения и мало обогащают положительное знание. Но в этом споре высказаны факты довольно любопытные. Критик, разбирая дела Петровы, делает следующее заключение, основанное на довольно верных численных данных: «Государство было истощено, народонаселение истреблено, природные жители бросали кров родной и бежали далеко от родины. В селениях оставались старый да малый, и нищета дошла до крайности».

На это редакция журнала делает следующее примечание: «Между действиями Петра и Екатерины лежит полвека; а если взглянуть на Россию в том виде, как оставил ее Петр (в подлиннике сказано: “считал”, вероятно, опечатка), и на Россию, как приняла Екатерина, то можно подумать, что между этими двумя эпохами протекли столетия».

Со всем этим можно согласиться; но спрашивается: если такая огромная перемена произошла с Россией между концом царствования Петра и началом царствования Екатерины II, кому же должно приписать эту перемену? Конечно, не Екатерине I, не Петру II (отрадно, но слишком на короткое время блеснувшему для России) и не Анне Ивановне, к несчастью, связавшей имя свое с ужасами Бирона.

Вся слава этого возрождения принадлежит, очевидно, Елисавете, той самой, при которой Россия покорила всю Восточную Пруссию с Берлином включительно, при которой выстроены наши лучшие здания, при которой основан Московский университет и при которой старый завет Мономаха утвержден законом, вечно памятным для нас и завидным для Запада⁵⁴. А об Елисавете не упомянуто ни полсловом.

Есть в истории русской эпохи боевой славы, великих напряжений, громких деяний, блеска и шума в мире. Кто их не знает? Но есть другие, лучшие эпохи, эпохи, в которых работа внутреннего роста государственного и народного происходила ровно, свободно, легко и, так сказать, весело, наполняя свежей кровью вещественный состав общества, наполняя новыми силами его состав духовный. И об этих эпохах никто не говорит. Таково царствование Елисаветы Петровны, таково время царя Алексея Михайловича (хоть он и забавлялся [купаньем стольников, опоздавших на службу, и], может быть, слишком часто соколиною охотою), таково царствование последнего из венценосцев Рюрика рода [(хоть он и любил, может быть, чересчур, звон колоколов)]. Об них мало говорят историки, но долго помнит народ; над их летописью засыпают дети, но задумываются мужи. При них благоденственно развивается внутренняя самобытная мощь страны, и славны те царские имена, с которыми связана память этих великих эпох. Не помнить об них, значит, не иметь истинного знания и истинного просвещения.

Просвещение не есть только свод и собрание положительных знаний: оно глубже и шире такого тесного определения. Истинное просвещение есть разумное просветление всего духовного состава в человеке или народе. Оно может соединяться с наукою, ибо наука есть одно из его явлений, но оно сильно и без наукообразного знания; наука же (одностороннее его развитие) бессильна и ничтожна без него. Некогда оно было и у нас, несмотря на нашу бедность в наукообразном развитии, и от него остались великие, но слишком мало замеченные следы. Я не говорю о чужих краях. Сравнение с ними

слишком затруднительно и слишком подвержено спорам, потому что всякому образованному русскому все-таки естественно кажется, что человек, который говорит только по-французски или по-немецки, образованнее того, кто говорит только по-русски; но если сравнить беспристрастно Среднюю или Северную Россию с Западной, то мысль моя будет довольно ясна. Нет сомнения, что просвещение западного русса далеко уступает во всех отношениях просвещению его восточного брата; а между тем образованное общество в Западной России, конечно, не уступает нам нисколько в знаниях, а в старину далеко и далеко нас превосходило. Откуда же эта разница? Не очевидно ли оттого, что на западе России рано произошло раздвоение между жизнью народной и знанием высшего сословия, тогда как у нас, при всей скудости наукообразного знания, живое начало просвещения долго соединяло в одно цельное единство весь общественный организм. Разумное просветление духа человеческого есть тот живой корень, из которого развиваются и наукообразное знание, и так называемая цивилизация или образованность; оно есть самая жизнь духа в ее лучших и возвышеннейших стремлениях. Наука не заключает еще в себе живых начал образованности. Нередко случается нам видеть многосторонних ученых, которых нельзя не назвать дикарями, и невежд в науке, которых нельзя не назвать образованными людьми. Наука может различаться степенями своими по состояниям, по богатству, по досугам и по другим случайностям жизни; просвещение есть общее достояние и сила целого общества и целого народа. Этою силою отстоялся русский человек от многих бед в прошедшем, и этою силою будет он крепок в будущем. Россия приняла в свое великое лоно много разных племен: финнов прибалтийских, приволжских татар, сибирских тунгузов, бурят и др.; но имя, бытие и значение получила она от русского народа (т.е. человека Великой, Малой, Белой Руси).

Остальные должны с ним слиться вполне: разумные, если поймут эту необходимость; великие, если соединятся с этою великою личностью; ничтожные, если вздумают удерживать свою мелкую самобытность. Русское просвещение — жизнь России.

Наука подвинулась у нас довольно далеко. Она начинает отрешаться от местных иноземных начал, с которыми она была смешана в своем первом возрасте. Мужаясь и укрепляясь, она должна стремиться и уже стремится к соединению с русским просвещением; она начинает черпать из этого родного источника, которого прозрачная глубина (создание чистого и раннего христианства) одна может исцелить глубокую рану нашего внутреннего раздвоения. Нам уже позволительно надеяться на свою живую науку, на свое свободное художество, на свое крепкое просвещение, соединяющее в одно жизнь

и знание; и точно так, как мысль иноземная являлась у нас в своей иноземной форме, точно так же просвещение родное проявится в образах и, так сказать, в наряде русской жизни. Видимое есть всегда только оболочка внутренней мысли. Обряд дело великое: это художественный символ внутреннего единства, у нас — единства народа, широко раскинувшегося от берегов Вислы и гор Карпатских до берегов Тихого океана. Нет сомнения, что наука совершит то, что она разумно начала, и что она соединится с истинным просвещением России посредством строгого анализа в путях исторических, посредством теплого сочувствия в изучении современного, посредством беспристрастной оценки всякой истины, откуда бы она ни являлась, и любви ко всему доброму, где бы оно ни высказывалось.

Тогда будет и у нас то жизненное сознание, которое необходимо всякому народу и которое обширнее и сильнее сознания формально-го и логического. Тогда и крайнее наше теперешнее смирение перед всем иноземным и наши попытки на хвастовство, в которых самоунижение проглядывает еще ярче, чем в откровенном смирении, заменятся спокойным и разумным уважением наших исконных начал. Тогда мы не будем сбивать с толку иноземцев ложными показаниями о самих себе, и Западная Европа забудет или предаст презрению тех жалких писателей, о которых один рассказ уже внушает нам тяжелое чувство досады, несколько самолюбивой, и грусти истинно человеческой.

МНЕНИЕ РУССКИХ ОБ ИНОСТРАНЦАХ⁵⁵

Et tu quoque!⁵⁶

И ты на меня нападаешь! И ты меня обвиняешь в несправедливости к русским и в пристрастном суде над иностранцами. Ты говоришь, что время безусловного поклонения всему западному миновало, что мы осуждаем строго, иногда даже слишком строго, недостатки, ошибки и пороки наших европейских братьев, а что с своей стороны они часто говорят о нашей Руси с уважением и доброжелательством. Скажу тебе сперва несколько слов в ответ на вторую твою критику: твои цитаты из иностранных писателей не доказывают ровно ничего. Кому неизвестно, что иногда случается французу, или немцу, или англичанину отозваться об России с каким-то милостивым снисхождением, несколько похожим на доброжелательство; но что ж из этого? Я мог бы тебе даже назвать немецкого путешественника Блазиуса, который с редким умом и беспристрастием так оценил Россию, что большей части из нас, русских, можно бы было у него поучиться; но что же это доказывает?⁵⁷ Дело не в исключениях: они не имеют ника-

кой важности, будь они в виде доброго слова, изредка вымолвленно-го каким-нибудь избранным умом, будь они в виде какой-нибудь остервенелой клеветы или нелепости, вырвавшейся у низкой души или низкой страсти иностранца. Пусть немецкий проповедник сказал, что в дни освобождения Европы от Наполеона доблестные германцы шли вперед, сокрушая полчища вражия, а что за ними вслед ползли (krochen) 200 000 русских, которые более мешали, чем помогали подвигам сынов Германии; пусть английский духовный журнал («Church Quarterly Review») объявляет, что лучший кавалерийский полк в России убежит перед любой сотней лондонских сидельцев, в первый раз посаженных на лошадь; [пусть французский духовный журнал («Univers catholique») печатает, что, по учению церкви греческой и русской, стоит только сварить тело покойника в вине, чтобы доставить ему царство небесное] — какое до этого дело?

Не по мелочам и не по исключениям должно судить. Мнение Запада о России выражается в целой физиономии его литературы, а не в отдельных и никем не замечаемых явлениях. Оно выражается в громадном успехе всех тех книг, которых единственное содержание — ругательство над Россиею, а единственное достоинство — ясно высказанная ненависть к ней; оно выражается в тоне и в отзывах всех европейских журналов, верно отражающих общественное мнение Запада. Вспомни обо всем этом и скажи по совести — был ли я прав?

Тебе не хотелось бы сознаться в истине моих слов; тебе, как русскому человеку, жаждущему человеческого сочувствия, хотелось бы увериться в сочувствии западных народов к нам; тебе больно встречать вражду там, где ты желал бы встретить чувство братской любви. Все это прекрасно, все это делает честь тебе. Но поверь мне, всякое самообольщение вредно. Истину должно признавать, как бы она ни была для нас горька; надобно ей глядеть в глаза прямо, и в этом зеркале всегда прочтешь какой-нибудь полезный урок, какой-нибудь справедливый укор за ошибку, вольную или невольную. В статье моей «Мнение иностранцев об России» я отдал добросовестный отчет в чувствах, которые Запад питает к нам. Я сказал, что это смесь страха и ненависти, которые внушены нашею вещественною силою, с неуважением, которое внушено нашим собственным неуважением к себе.

Это горькая, но полезная истина. Nosce te ipsum (знай самого себя), — начало премудрости. Я не винил иностранцев, их ложные суждения внушены им нами самими; но я не винил и нас, ибо наша ошибка была плодом нашего исторического развития. Пора признаться, пора и одуматься.

Ты не прав и в другом своем обвинении. Правда, мы, по-видимому, строже прежнего судим явления западного мира, мы даже часто судим слишком строго. «Вот это, — говорим мы, — хорошо и достойно

подражания; но вот это — дурно, недостойно народов просвещенных и противно человеческому чувству: этого мы избегаем». В своих односторонних суждениях, утратив понятие о жизненном единстве, мы часто отделяем произвольно жизненные явления, которые в действительности неразлучны друг с другом и связаны между собою узами неизбежной зависимости. Таким образом, мы даем себе вид строгих и беспристрастных судей, свободных от прежнего рабского поклонения и от прежней безразборчивой подражательности. Но все это не иное что, как обман. Нас уже нельзя назвать поклонниками Франции, или Англии, или Германии — мы не принадлежим никакой отдельной школе: мы эклектики в своем поклонении; но точно так же рабски преклоняем колена перед своими кумирами. Самобытность мысли и суждений невозможна без твердых основ, без данных, созданных или созданных самобытною деятельностью духа, без таких данных, в которые он верит твердою верою разума, теплою верою сердца. — Где эти данные у нас? Эклектизм не спасает от суеверия, и едва ли даже суеверие эклектизма не самое упорное из всех: оно соединяется с какою-то самодовольною гордостью и утешает себя мнимую деятельностью ленивого рассудка. В статье моей, напечатанной в 4-м № «Москвитянина»⁵⁸, я показал исторический ход новейшей науки и ее развития в России; я показал иноземное начало этой науки, ее исключительность и необходимое последствие ее одностороннего развития — глубокий и до сих пор не исцеленный разрыв в умственной и духовной сущности России, разрыв между ее самобытною жизнью и ее прививным просвещением. От этого разрыва произошли в жизни бессознательность и неподвижность, в науке бессилие и безжизненность. Едва ли эти положения можно чем-нибудь оспорить.

Поверхностный взгляд на наше просвещение и на то общество, в котором оно заключено, очень обманчив. Познания, по-видимому, так разнообразны и обширны, умственные способности так развиты, ясность и быстрота понятий доведены до такой высокой степени, что изумишься поневоле. Чего бы, кажется, не ожидать от такого остроумия, от такого мысленного богатства? Каких великих открытий в науке, каких чудных приложений в жизни, каких быстрых шагов вперед для целой массы народа и для всего человечества? А что же выходит на поверку? Все эти познания, вся эта умственная живость остаются без плода. Я не говорю уже, что они бесплодны до сих пор для человечества, бесплодны для народа, которому они совершенно чужды, но они остались бесплодны для самой науки. В этом мы можем и должны сознаться с смиренным убеждением. Весь этот блеск ума едва ли выдумал порядочную мышеловку. Таково последствие разрыва между просвещением и жизнью. При нем умственное развитие заключается в самые тесные пределы. Разум без силы и полноты

остается в мертвенном усыплении, и все способности человека исчезают в одностороннем развитии поверхностного рассудка, лишенного всякой творческой силы. Всеразлагающий анализ в науке, но анализ без глубины и важности, безнадежный скептицизм в жизни, холодная и жалкая ирония, смеющаяся над всем и над собою в обществе, — таковы единственные принадлежности той степени просвещения, которой мы покуда достигли. Но ум человеческий не может оставаться в этом мертвенном бессилии. Лишенная самобытных начал, неспособная создать себе собственную творческую деятельность, оторванная от жизни народной, наша наука питается беспрестанным приливом из тех областей, из которых она возникла и из которых к нам перенесена. Она всегда учена задним числом; а общество, которое служит ей сосудом, поневоле и бессознательно питает раболепное почтение к тому миру, от которого получает свою умственную пищу.

Как бы оно, по-видимому, ни гордилось, как бы оно строго ни судило о разнообразных явлениях Запада, которых часто не понимает (как рассудок вообще никогда не понимает жизненной полноты), оно более чем когда-нибудь рабствует бессознательно пред своими западными учителями, и, к несчастью, еще рабствует охотно, потому что для его гордости отраднее поклоняться жизни, которую оно захотело (хотя и неудачно) к себе привить, чем смириться, хоть на время, перед тою жизнью, с которою оно захотело (и, к несчастью, слишком удачно) разорвать все свои связи.

Признав некоторое развитие способностей аналитических в нашем так называемом просвещенном обществе, по-видимому, допустил я и возможность неограниченного наукообразного развития, ибо анализ составляет всю сущность науки; но действительно такой вывод был бы ложным. В успехах науки строгий и всеразлагающий анализ постоянно сопровождается творческою силою синтеза, тем ясновидящим гаданием, которое в людях, одаренных гением, далеко опережает медленную поверку опыта и анализа, предчувствуя и предсказывая будущие выводы и всю полноту и величие еще несозданной науки. Это явление есть явление жизненное; оно заметно в Кеплерах, в Ньютонах, в Лейбницах, в Кювье и в других им подобных подвижниках мысли; но оно невозможно там, где жизнь иссякла или заглухла. Сверх того, самая способность аналитическая разделяется на многие степени, и высшие из них доступны только тому человеку или тому обществу, которые чувствуют в себе богатство жизни, не боящейся анализа и его всеразлагающей силы. У них, и только у них, наука имеет истинную и внутреннюю свободу, необходимую для ее развития и процветания. У нас анализ возможен, но только в своих низших степенях. При нашей ученической зависимости от западного мира мы только и можем позволить себе поверхностную поверку его част-

ных выводов и никогда не можем осмелиться подвергнуть строгому допросу общие начала или основы его систем. Я уже сказал это в отношении к философии, к политической экономии и к статистике, показал подробнее в отношении к праву и мог бы показать еще с большею подробностью в отношении к наукам историческим, которые, по общему мнению, особенно процветают в наш век, но которые действительно находятся в состоянии жалкого бессилия и едва заслуживают имя науки.

Грубый партикуляризм или изложение происшествий в их случайном сцеплении, без всякой внутренней связи — такова общая система истории в том виде, в котором она до сих пор является на Западе.

Большее или меньшее остроумие писателя, более или менее художественный рассказ, большая или меньшая верность с подлинными документами, большая или меньшая тонкость или удача в частных догадках — составляют единственное различие между современными историческими произведениями; система же остается все та же у Ранке, как у Галлама, у Гфререра так же, как у Неандера, у Тьери и Шлосера так же, как у Тьера в его занимательной, но мелкой и близорукой истории великих происшествий недавно минувшего времени.

Были на Западе попытки выйти из этого тесного круга и возвысить историю до степени истинной науки; иные попытки были в смысле религиозном, иные в смысле философском; но все эти попытки, несмотря на большее или меньшее достоинство писателей (напр<имер>, Боссюэта и Лео), остались безуспешными. Яснее других понял жалкое состояние исторических наук последний из великих философов Германии, человек, который сокрушил все здание западной философии, положив на него последний камень, — Гегель. Он старался создать историю, соответствующую требованиям человеческого разума, и создал систематический призрак, в котором строгая логическая последовательность или мнимая необходимость служит только маскою, за которою прячется неограниченный произвол ученого систематика. Он просто понял историю наизворот, приняв современность или результат вообще за существенное и необходимое, к которому необходимо стремилось прошедшее; между тем как современное или результат могут быть поняты разумно только тогда, когда они являются как вывод из данных, предшествовавших им в порядке времени. Его система историческая, основанная на каком-то мистическом понятии о собирательном духе собирательного человечества, не могла быть принята: она была осыпана похвалами и отчасти заслуживала их не только по остроумию частных выводов, но и по глубоким требованиям, высказанным Гегелем в этой части науки, как и во всех других; но она осталась без плодов по той простой причине, что она действительно бесплодна и смешна; она идет подряд

к его математическим системам (см. рассуждение об узловых линиях в отделении логики, о количестве), по которым формула факта признается за его причину и по которым земля кружится около солнца не вследствие борьбы противоположных сил, а вследствие формулы эллипсиса (из чего следует заключить, что ядро и бомба летят не вследствие порохового взрыва, а вследствие формулы параболоида). Историческая система Гегеля так же неразумна, как и его математические умозрения, но она бесконечно важна, потому что доказывает, как глубоко этот великий ум понимал ничтожность современной исторической науки. Впрочем, в математике, как и в истории, заметен у Гегеля тот коренной недостаток, который лежит в самой основе его логики, именно более или менее сознательное смешение того, что в логическом порядке есть следствие, с тем, что ему предшествует, как причина или исходный момент. Так, напр<имер>, незамеченное присутствие идеи существа (Daseyn), момента, очевидно, выводного, обращает в ничто первоначальное бытие (Seyn), и из этой ошибки развивается вся логика Гегеля. После неудачи великого мыслителя прежний партикуляризм остался опять единственною системою.

Положение наше в отношении к истории было особенно выгодно. Воззрение историка на прошедшую судьбу и жизнь человечества зависит по необходимости от самой жизни народа или общества народов, которому он принадлежит; по этому самому некоторая односторонность в понятиях и суждениях исторических неизбежна, как следствие односторонности, принадлежащей всякому народу или всякому обществу народов. Сделанное одним пополняется и усовершенствуется другими народами по мере их вступления на поприще деятельности в науках и просвещении. Это пополнение трудов наших европейских братьев было нашим делом и нашею обязанностью.

К тому же самая история Запада, едва ли не важнейшая часть всемирной истории, невозможная для западных писателей (ибо в их крови, несознательно для них самих, живут и кипят страсти, пороки, предрассудки и ошибки предшествовавших им поколений), была возможна только для нас; но и в этом деле, несмотря на все выгоды своего положения, несмотря на явную потребность в самой науке, — сделали ли мы хоть один шаг? От нас нельзя ожидать, чтобы мы могли значительно обогатить науку специальными открытиями, увеличением и очищением материалов или усовершенствованием прагматизма: число истинно ученых людей и тружеников, посвящающих жизнь свою наукам, у нас так ограничено или, лучше сказать, так ничтожно, что весь итог их частных трудов не может почти ничего прибавить к трудам бесчисленных специалистов Запада. Но нам возможны и возможнее даже, чем западным писателям (по крайней мере, по части исторических наук), обобщение вопросов, выводы из част-

ных исследований и живое понимание минувших событий. Между тем в этом деле, кажется, нам похвалиться нечем. Подвинули ли мы или попытались ли подвинуть историю из прежнего бессмысленного партикуляризма и постигнуть смысл ее великих явлений? Я не скажу, разрешили ли мы, но подняли ли хоть один из тех вопросов, которыми полна судьба человечества?

Догадались ли мы, что до сих пор история не представляет ничего, кроме хаоса происшествий, связанных кое-как на живую нитку непонятно случайностью? Поняли ли мы или хоть намекнули, что такое народ — единственный и постоянный действитель истории? Догадались ли мы, что каждый народ представляет такое же живое лицо, как и каждый человек, и что внутренняя его жизнь есть не что иное, как развитие какого-нибудь нравственного или умственного начала, осуществляемого обществом, такого начала, которое определяет судьбу государств, возвышая и укрепляя их присущую в нем истинною или убивая присущую в нем ложью? Стоит только взглянуть на все наши исторические труды, несмотря на достоинство многих, чтобы убедиться в противном.

Самые важные явления в жизни человечества и великих народов, управлявших его судьбами, остались незамеченными. Так, напр<имер>, критика историческая не заметила, что при переходе просвещения с Востока на Запад не все было чистым барышом и что, несмотря на великие усовершенствования в искусстве, в науке и в народном быте, многое утратилось или обмелело в мыслях и познаниях человеческих, особенно при переходе из Эллады в Рим и от Рима к романизированным племенам Запада. Так, не обратили еще внимания на разноначальность просвещения в древней Элладе. Так, при всех глубоких и остроумных исследованиях и догадках Нибура, первая история Рима не получила еще никакого живого содержания, и никто не заметил этого недостатка, может быть, за исключением профессора Крюкова, слишком рано умершего для друзей своих, для Московского университета и для наук⁵⁹. Так, в истории позднейшего Рима непонятно разделение ее на эпоху цесарей и императоров, разделение, по-видимому, случайное, но глубоко истинное, ибо оно основано на освобождении провинций от столицы. Так, разделение империи на две половины, уже появляющееся в Дуумвирате (мнимом Триумвирате) после первого кесаря, потом яснее выразившееся после Диоклетиана и при преемниках Константина и оставившее неизгладимые черты в духовной истории человечества отделением Востока от Запада⁶⁰, является постоянно делом грубой случайности, между тем как, очевидно, оно происходило от древних начал (от разницы между просвещением эллинским и римским) и было неизбежным и великим их последствием. Так, история Восточной Империи,

затоптанная в грязь гордым презрением Запада, не получила еще должного признания в земле, которой вся духовная жизнь ведет начало свое от византийских проповедников. Так, не умели или не осмелились мы сказать, что должны же были быть скрытые семена силы и величия в том государстве, которое выдержало победоносно первый напор всех народов (за исключением франков и бургундцев), уничтоживших так быстро существование Западно-Римской империи, которое потом отбилось от второго, не менее сильного нападения аваров, болгар и всего разлива славянского; которое, будучи затоплено и почти покорено славянскими дружинами, нашло в себе и в своем духе столько энергии, что могло усвоить, принять в свои недра и эллинизировать своих победителей; которое боролось не без славы и часто не без успеха со всею громадною силою молодого ислама и билось в продолжение нескольких веков, так сказать, против когтей и пасти чудовища, уничтожившего одним ударом хвоста германское царство вест-готов и едва не сокрушившего всю силу Запада на полях пуатьерских⁶¹; которое, наконец, пережило в продолжение почти целого тысячелетия своего западного брата, несмотря на несравненно большие опасности, на длинные, слабые и беззащитные границы и на внутреннее разногласие между началами частного просвещения и основами общественного устройства. Так, не понято переселение народов германских, которое было не что иное, как следствие освобождения восточноевропейских, т.е. славянских, племен от насильственной германской аристократии. Так, в истории Западной Европы не замечены нравственные двигатели и физиономия народов, определявшие его судьбу, именно: характер франков, уже развращенных до костей и мозга влиянием Рима еще прежде завоевания Галлии дружинами франков поморских (меровингами), и арианство, которого борьба с соборным исповеданием определила всю политическую и духовную историю Запада. Так, в позднейшую эпоху не замечена прямая историческая связь между протестантством, его распространением и областями, в которых оно утвердилось, с теми насильственными путями, по которым христианство распространялось в народах германских, и с тем видом римской односторонности, с которым оно к ним явилось первоначально. Не было бы конца исчислению тех вопросов, которые призывают наше внимание и требуют от нас разрешения, — ибо все поле истории ждет переработки; а мы еще ничего не сделали, подвигаясь раболепно в колеях, уже прорезанных Западом, и не замечая его односторонности. Все наши труды, из которых, конечно, многие заслуживают уважения, представляют только количественное или, так сказать, географическое прибавление к трудам западных ученых, не прибавляя ничего ни к стройности истории, ни к внутреннему ее содержанию. Один Карамзин, по бесконечному

значению своему для жизни русской и по величию памятника, им воздвигнутого, может казаться исключением. Я говорю не об огромном сборе материалов, им разобранных, и не о добросовестном их сличении (это дело прекрасное, но дело терпения, которому доставлены были все вспомогательные средства), я говорю о том духе жизни, который веет над всеми его сказаниями — в нем видна Россия. Но она видна не в рассказе событий, в котором преобладает характер бессвязного партикуляризма, всегда обращающего внимание только на личности, и не в суждениях, часто односторонних, — всегда проникнутых ложною системою, — а видна в нем самом, в живом и красноречивом рассказчике, в котором так постоянно и так пламенно бьется русское сердце, кипит русская кровь и чувство русской духовной силы, и силы вещественной, которое в народах есть следствие духовной. За исключением его великого материального труда, Карамзин еще более принадлежит искусству, чем науке, и это не унижает его достоинства: нелепо бы было требовать всего от одного деятеля. Из современных ученых некоторые поняли подвиг, к которому русское просвещение призвано в истории; они готовят будущие труды своих преемников, освобождая мало-помалу науку из тесных пределов, в которые она до сих пор заключена невольною односторонностию народов, предшествовавших нам в знании, и добровольною односторонностию нашей подражательности; но этих поборников внутренней самостоятельности в науке немного, и им предстоит нелегкая борьба.

Тяжело налегло на нас просвещение или, лучше сказать, знание (ибо просвещение имеет высшее значение), которое приняли мы извне. Много подавлено под ним (разумеется, подавлено на время) семян истинного просвещения, добра и жизни. Это выражается всего яснее скудостью и бесхарактерностию искусства в таком народе, который дал столько прекрасных задатков искусству еще в те эпохи, когда бурная жизнь общества, вечно потрясаемого иноземною грозою, не позволяла полного и самобытного развития. Бесспорно, наш век не есть век искусства. Художник (я говорю о художнике слова так же, как о художнике формы и звука) занимает весьма низкую ступень в современном движении общественной мысли. Истинная в своем начале, ложная в своем приложении, односторонне высказанная и дурно понятая система германских критиков о свободе искусства приносит довольно жалкие плоды. Рабство перед авторитетами и перед условными формами красоты заменилось другим рабством. Художник обратился в актера художеств. Нищий-лицедей, он стоит перед публикой миллионом и требует от него задачи или старается угадать его современную прихоть. «Прикажи, — я буду индейцем, или древнем греком, или византийцем[-христианином]! Прикажи, —

я напишу тебе сонмы ангелов, являющиеся в облаках глазам созерцателя-пустынника, или Зевса и Геру на вершинах Иды, или землетрясение, или Баварию в венце небывалых торжеств! Потребуй, — я спою славу твоего величия и скажу, что ты преславная земля, всемирный великан, у которой один глаз во лбу — Париж; или пропою песнь христианского смирения, или сочиню роман, чтобы воспользоваться внезапным страхом, напавшим на тебя — как бы иезуиты не украли у тебя всех денег из кармана. Я на все готов!» И миллион-вдохновитель приказывает, и художник-актер ломается более или менее удачно в заданной ему роли, и миллион хлопает в ладоши, принимая это за искусство. Немецкие критики были правы, проповедуя свободу искусства; но они не вполне поняли, а ученики их поняли еще меньше, что свобода есть качество чисто отрицательное, не дающее само по себе никакого содержания, и художники современные, дав полную волю своей безразборчивой любви ко всем возможным формам прекрасного, доказали только то, что в душе их нет никакого внутреннего содержания, которое стремилось бы выразиться в самобытных образах и могло бы их создать. Я уже это и прежде говорил, и, кажется, ты соглашался со мною. Но явления западного мира не должны бы были еще относиться к нам. Народ народу не пример. Когда на всем Западе (за исключением Англии) замерло искусство, тогда оно восстало в полном блеске в Германии. Если перекипевшая жизнь западного мира оставила ему внутреннюю скудость скептического анализа и холод сердца, много надеявшегося и обманутого в своих надеждах, какое бы, казалось, дело нам до того? Наша жизнь не перекипела, и наши духовные силы еще бодры и свежи. Действительно, единственное высокое современное художественное явление (в художестве слова) принадлежит нам.

Этотю радостью подарила нас Малороссия, менее Средней России принявшая в себя наплыв чужеземных начал. Между тем как Западная (Белая) Россия сокрушена была ими или обессилела, по-видимому, надолго, как Малороссия мало ими потрясена в своей внутренней жизни, — собственно Средней, или Великой, Руси предстоит борьба с иноземным просвещением и с его рабскою подражательностию.

Приняв в себя познания во всей их полноте, она должна достигнуть и достигнет самобытности в мысли. К счастью, время не ушло, и не только борьба возможна, но и победа несомненна. Впрочем, такие переходные эпохи не совсем благоприятны для искусств.

Оценка нашего просвещения, мною теперь выказываемая, сделана уже весьма многими и ясна для всех, хотя, может быть, еще не все отдали себе ясный отчет в ней. Такое внутреннее сознание необходимо должно сопровождаться невольным смирением; и смирение в таком случае есть дань истине и лучшим побуждениям разума человеческого.

Поэтому, как бы ни притворялись мы (т.е. наша наука и общество, которое ее в себя воплотило), какую бы личину ни надевали, мы действительно ставим западный мир гораздо выше себя и признаем его несравненное превосходство. Во многих это сознание является откровенно и заслуживает уважения; ибо современники не виноваты в наследственном отчуждении своем от жизни народной и от высоких начал, которые она в себе содержала и содержит; а благоговение перед высоким развитием просвещения, хотя неполного и болезненного на Западе, и перед жизнью, из которой оно возникло, свидетельствует о высоких стремлениях и требованиях души.

В других то же самое чувство прячется от поверхностного наблюдения под каким-то видом самодовольства и даже хвастливости народной; но это самодовольство и хвастливость унижительны. В них видны признаки самовольного обмана или внутреннего огрубения.

Люди, оторванные от жизни народной и, следовательно, от истинного просвещения, лишены всякого прошедшего, бедны наукою, не признающие тех великих духовных начал, которые скрывает в себе жизнь России и которые время и история должны вызвать наружу, не имеют разумных прав на самохвальство и на гордость перед тем миром, из которого почерпали они свою умственную жизнь, хоть неполную, хоть и скудную.

Раболепные подражатели в жизни, вечные школьники в мысли, они в своей гордости, основанной на вещественном величии России, напоминают только гордость школьника-барчонка перед бедным учителем. Слова их изобличаются во лжи всю их жизнь. Зато это раболепство перед иноземными народами явно не только для русского народа, но и для наблюдателей иностранных. Они видят наш разрыв с прошедшею жизнью и говорят о нем часто, русские с тяжким упреком, а иностранцы с насмешливым состраданием. Так, напр<имер>, ты сам знаешь, что остроумный француз говорил: «Vous autres Russes, vous me paraissez un singulier peuple. Enfants de noble race, vous-vous amusez à jouer le rôle d'enfants trouvés»⁶².

Это колкое замечание очень справедливо. Оно в немногих словах выражает факт, который беспрестанно является нам в разных видах и влечет за собою неисчислимые последствия. Часто видим людей русских и, разумеется, принадлежащих к высшему образованию, которые без всякой необходимости оставляют Россию и делаются постоянными жителями чужих краев. Правда, таких выходцев осуждают, и осуждают даже очень строго. Мне кажется, они заслуживают более сожаления, чем осуждения: отечества человек не бросит без необходимости и не изменит ему без сильной страсти; но никакая страсть не движет нашими равнодушными выходцами. Можно сказать, что они не бросают отечества или, лучше, что у них никогда отечества не было.

Ведь отечество находится не в географии. Это не та земля, на которой мы живем и родились и которая в ландкартах обводится зеленой или желтой краскою. Отечество также не условная вещь. Это не та земля, к которой я приписан, даже не та, которою я пользуюсь и которая мне давала с детства такие-то или такие-то права и такие-то или такие-то привилегии. Это та страна и тот народ, создавший страну, с которыми срослась вся моя жизнь, все мое духовное существование, вся целостность моей человеческой деятельности. Это тот народ, с которым я связан всеми жилами сердца и от которого оторваться не могу, чтобы сердце не изошло кровью и не высохло. Тот, кто бросает отечество в безумии страсти, виновен перед нравственным судом, как всякий преступник, пожертвовавший какою бы то ни было святынею вспышке требования эгоистического. Но разрыв с жизнью, разрыв с прошедшим и раздор с современным лишают нас большей части отечества; и люди, в которых с особенною силою выражается это отчуждение, заслуживают еще более сожаления, чем порицания. Они жалки, как всякий человек, не имеющий отечества, жалки, как жид или цыган, или еще жалче, потому что жид еще находит отечество в исключительности своей религии, а цыган в исключительности своего племени. Они жертвы ложного развития.

За всем тем, несмотря на наше явное или худо скрытое смирение перед Западом, несмотря на сознаваемую нами скудость нашего существования, образованность наша имеет и свою гордость, гордость резкую, неприязненную и вполне убежденную в своих разумных правах. Эту гордость бережет она для домашнего обихода, для сношений с жизнью, от которой оторвалась. Тут она является представительницею иного, высшего мира, тут она смела и самоуверенна, тут гордость ее получает особый характер. Как гордость рода опирается на воспоминание о том, что «предки наши Рим спасли», так эта гордость опирается на всех, более или менее справедливых, правах Запада.

«Правда, мы ничего не выдумали, не изобрели и не создали; зато чего не изобрели и не создали наши учителя, наши, так сказать, братья по мысли на Западе?» Образованность наша забывает только одно, именно то, что это братство не существует. Там, на Западе, образованность — плод жизни, и она жива; у нас она заносная, не выработанная и не заслуженная трудом мысли, и мертва. Жизнь уже потому, что жива, имеет право на уважение, а жизнь создала нашу Россию.

Впрочем, это соперничество между историческою жизнью, с одной стороны, и прививною образованностию — с другой, было неизбежно. Такие два начала не могли существовать в одной и той же земле и оставаться друг к другу равнодушными: каждое должно было стараться побороть или переделать стихию, ему противоположную. [В этой не-

избежной борьбе выгода была на стороне образованности.] От жизни оторвались все ее высшие представители, весь круг, в котором замыкается и сосредоточивается все внутреннее движение общественного тела, в котором выражается его самосознание. Разрозненная жизнь ослабла и сопротивлялась напору ложной образованности только громадою своей неподвижной силы. Гордая образованность, сама по себе ничтожная и бессильная, но вечно черпающая из живых источников западной жизни и мысли, вела борьбу неутомимо и сознательно, губя мало-помалу лучшие начала жизни и считая свои гибельные успехи истинным благодеянием, веря своей непогрешимости и пренебрегая жизнью, которой не знает и знать не хочет. Между тем общество продолжало во многих отношениях, повидимому, преуспевать и крепнуть. Но даже и эти явления, чисто внешние, нисколько не исцеляющие внутреннего духовного раздора и его разрушительной болезни, происходили от сокрытых и уцелевших внутренних сил жизни, не подвергнувшихся или не вполне подвергнувшихся разрушительному действию чужеземного наплыва.

Ты сам помнишь того старого барина, который, отслужив свою очередь, переехал к нам с Севера в Москву. Он прожил лет двенадцать под московскими колоколами и полюбил душою все то, чего прежде не понимал. Помнишь ты и то, как приехал к нему сынок проситься за границу и как часто у них происходили споры обо всем русском и нерусском в России. Раз случилось, что сын сказал ему: «Разве не нашему просвещенному времени принадлежит слава побед и самое имя великого Суворова?» Старик обратился к осмидесятилетнему отставному майору, давно уже отпустившему седую бороду, и спросил с улыбкою: «Что, Трофим Михайлович, похожи были Суворов и его набожные солдатики на моего Мишеля и его приятелей?» Разговор кончился общим смехом и долгим, басистым хохотом седого майора, которому эта мысль показалась нестерпимо смешною. Молодой денди сконфузился. Точно такого же рода вопрос и с таким же ответом мог бы быть приложен и ко всему великому, совершенному нами, если бы мы только умели глядеть в глубь происшествий, а не останавливали бы своего наблюдения на самой их верхушке. Но эти простые истины ясны для некнижного ума и недоступны для нашего просвещения. Перенесенное как готовый плод, как вещь, как формула из чужой стороны, оно не понимает ни жизни, из которой оно возникло, ни своей зависимости от нее; оно вообще ни с какою жизнью и ни с чем живым существовать не может. Ему доступны только одни результаты, в которых скрывается и исчезает все предшествовавшее им жизненное движение. Так, вообще весь Запад представляется ему в своем устройстве общественном и в своем художественном или ученом развитии, как сухая формула, которую можно перенести на какую угодно

почву, исправив мелкие ошибки, разграфив по статьям и сверив статью с статьею, как простую конторскую книгу, между тем как сам Запад создан не наукою, а бурною и тревожною историею и в глазах строгого рассудка не может выдержать ни малейшей аналитической проверки. Это, конечно, говорится мною не в попрек, а в похвалу. Мелкое мерило рассудка ничтожно для проявления целостности человеческой, и только то право в его глазах, что в жизни негодно. На Западе всякое учреждение, так же как и всякая система, содержит в себе ответ на какой-нибудь жизненный вопрос, заданный прежними веками. Борьба между племенами завоевательным и завоеванным, борьба между диким и воинственным бароном, бичом сёл и их бессильных жителей, и промышленным городским бароном (т.е. феодальною городской общиною), врагом тех же бессильных жителей сельских; борьба между христианским чувством, отвергающим христианское учение, и [мнимо-]христианским учением, отвергающим христианскую жизнь; борьба между свободою мысли человеческой и насилием схоластического предания — все это нестройное и отчасти бессмысленное прошедшее выпечаталось в настоящем, разрешаясь или находя мнимое примирение в условных и временных формах.

Жизнь везде предшествовала науке, и наука бессознательно отражает то прошедшее, над которым часто смеется. Так, до нашего времени мнимая наука права, о которой я говорил в своей статье, не чувствует, что она есть не что иное, как желание обратить в самобытные и твердые начала факты, выведенные из борьбы тесной римской государственности с дикими понятиями германца о неограниченных правах личности. Так, все социалистическое и коммунистическое движение с его гордыми притязаниями на логическую последовательность есть не что иное, как жалкая попытка слабых умов, желавших найти разумные формы для бессмысленного содержания, завещанного прежними веками. Впрочем, эта попытка имеет свое относительное достоинство и свой относительный смысл в той местности, в которой она явилась; нелепо только верование в нее и возведение ее до общих человеческих начал. — Я сказал уже о бессмысленности всего спора об освобождении женщины, спора, который занимает такое важное место в новом социализме. Я сказал, что спор, который идет, повидимому, о правах, шел действительно о взаимных обязанностях мужчины и женщины. Он, очевидно, не заслуживает места в науке, но весьма важен в отношении к жизни народов, ибо в нем отражается великий факт нравственной истории. Жорж Санд переводит в сознание и в область науки только ту мысль, которая была проявлена в жизни Ниноною (Ninon d'Enclos)⁶³ и которой относительная справедливость к обществу была доказана истинным уважением общества к этой дерзко логической женщине. Точно так же все суждения

коммунистов об уничтожении брака представляют, несмотря на свою действительную нелепость, совершенно верный вывод из той общественной жизни, из которой возникли. В развитии внутренней истории Запада обычай находился беспрестанно в раздоре с законами, по-видимому, признаваемыми обществом; а брак, носящий лицемерно название, освященное христианством, был уже давно не что иное, как гражданское постановление, снабжающее дворянские роды более или менее законными наследниками для родовых имуществ. Таков, говорю я, был приговор общества, давно уже признанный, хотя и скрываемый общественным лицемерием. Когда безусловная законность наследственного права подверглась разбору и отрицанию (также вследствие жизненного, а не наукообразного процесса), неминуче тому же отрицанию должен был подвергнуться и брак. Наука воображала, что действует свободно, между тем как принимала определение, данное предшествовавшей жизни, и смешивала понятия, совершенно противоположные друг другу.

Точно то же можно бы было проследить и во французских учениках социалистической школы, и в немецких переродках школы художественно-философской, когда они толкуют о восстановлении прав тела человеческого, аки бы подавленного притязаниями духа.

При всем бессилии их рассуждений, при всей их логической ничтожности они представляют также факт весьма важный, именно стремление освятить приговором науки приговор, давно уже сделанный жизнью. В самой идее коммунизма проявляется односторонность, которая лежит не столько в разуме мыслителей, сколько в односторонности понятий, завещанных прежней истории западных народов. Наука старается только дать ответ на вопрос, заданный жизнью, и ответ выходит односторонний и неудовлетворительный, потому что односторонность лежала уже в вопросе, заданном тому 13 веков назад германскою дружиною, завоевавшей римский мир. Мыслители западные вертятся в безысходном круге потому только, что идея общины им недоступна. Они не могут идти никак дальше ассоциации (дружины). Таков окончательный результат, более или менее высказанный ими и, может быть, всех яснее выраженный английским писателем, который называет теперешнее общественное состояние стадообразием (*gregariousness*) и смотрит на дружину (*association*), как на золотую, лучшую и едва достижимую цель человечества⁶⁴. Наконец, в той науке, которая наименее (разумеется, кроме точных наук) зависит от жизни, в том народе, который наименее имеет дело с жизнью, — в философии и в немце-философе любопытно проследить явление жизненной привычки. Гегель в своей гениальной «Феноменологии» дошел до крайнего предела, которого могла только достигнуть философия по избранному ею пути: он достиг до ее самоуничтожения. Вы-

вод был прост и ясен, заслуга бессмертна. И за всем тем его строгий логический ум не понял собственного вывода. Быть без философии! отказаться от завета стольких веков! оставить свою, т.е. новонемецкую, жизнь без всякого содержания! Это было невозможно. Гегель в невольном самообмане создал колоссальный призрак своей «Логике», свидетельствуя о великости своего гения великостью своей ошибки.

Таковы отношения жизни к науке, таковы они в добре и зле. Нинона, завещающая библиотеку Вольтеру, представляет эти отношения в довольно ясном символе; но это непонятно для общества, отрешившегося от жизни.

Достояние такого общества есть тесная рассудочность, мертвая и мертвящая. Она — необходимое последствие сильных и коренных реформ или переворотов, особенно таких реформ, которые совершены быстро и насильственно. Такова причина, почему на Западе она составляет в наше время отличительную характеристику Франции, утратившей более других народов жизненное историческое свое начало. Нет сомнения, что какая-то мелкость и скудость духовной жизни была издавна принадлежностью этой земли, не имевшей никогда ни истинного художества (кроме зодчества средних веков), ни истинной поэзии; но она, очевидно, еще более обнищала, оторвавшись от прошедшего в кровавом перевороте, окончившем прошлое столетие⁶⁵. Быть может, со временем пробьется новая жизнь во Франции из таких начал, которые до сих пор не являлись на поприще историческое и будут вызваны новым ходом всего общечеловеческого просвещения; но очевидно, что после кровавого переворота, положившего конец прежней французской монархии, Франция еще не проявила в себе тех жизненных сил, которые могли бы создать в общественных учреждениях, в искусствах или в науках новые и самобытные формы для духовной деятельности человеческой. Революция была не что иное, как голое отрицание, дающее отрицательную свободу, но не вносящее никакого нового содержания, и Франция нашего времени живет займами из богатств чужой мысли (английской или немецкой), искажая чужие системы ложным пониманием, обобщая частное в своих поверхностных и ложных приложениях, размельчая и дробя все цельное и живое и подводя все великое под мелкий уровень рассудочного формализма. Пример тому я уже показал в искажении суда присяжных, который Франция приняла, не поняв, и перевела из области живых и нравственных учреждений в сухую и мертвую коллегияльность. Последствия этой перемены известны всем, кому сколько-нибудь знакома юридическая история Англии и Франции; но причина и характер самой перемены не были до сих пор, сколько мне известно, замечены. В этом состоянии просвещения и общества во Франции

можно найти причину того особенного сочувствия, которое наше просвещение, несмотря на свой эклектизм, оказывает к ней. Отсутствие жизни составляет связь, соединяющую их. За всем тем должно признать превосходство французского просвещения перед нашим. Во-первых, оно не совсем разорвало связь с прошедшим; во-вторых, оно имеет гораздо более характер явления всенародного и, следовательно, не сопровождается внутренним раздором, убивающим всякую возможность плодотворной деятельности. Честь полной безжизненности остается за нами.

То внутреннее сознание, которое гораздо шире логического и которое составляет личность всякого человека так же, как и всякого народа, — утрачено нами. Но и тесное логическое сознание нашей народной жизни недоступно нам по многим причинам: по нашему гордому презрению к этой жизни, по неспособности чисто рассудочной образованности понимать живые явления и даже по отсутствию данных, которые могли бы быть подвергнуты аналитическому разложению. Не говорю, чтобы этих данных не было, но они все таковы, что не могут быть поняты умом, воспитанным иноземною мыслию и закованным в иноземные системы, не имеющие ничего общего с началами нашей древней духовной жизни и нашего древнего просвещения.

Нетрудно бы найти множество примеров этой непонятливости; но я тебе упомяну только об одном, особенно разительном и важном. В недавнем времени хозяйственное зло чересполосности вызвало меры к его уничтожению. Меры эти состояли только в назначении сроков и в выборе посредников. Затем все остальное предоставлено на волю самих владельцев. Ничего принудительного, ничего стесняющего, ничего формального. Всякий обмен дозволен, всякое печатное толкование о деле размежевания допущено; сроки довольно длинные, посредники совершенно без власти; весь вопрос и его разрешение отданы общему смыслу. Ты знаешь, точно так же, как я, каковы были толки нашего просвещенного общества и какая полная была уверенность в неудаче. «Сроки? ими никто не воспользуется. Размены? их никто делать не будет, всякий заупрямится. Увещения? да, уломаешь оброчного крестьянина или мелкого помещика! Посредник? как же! послушаются его, когда он не имеет никакой власти! Посредник просто бесполезное лицо: едва ли составит хотя одна полюбовная сказка: ведь для сказки нужно общее согласие, а возможно ли дело общее согласие? Добро бы еще большинство!

Без принуждения — просто ничего не будет». Таковы были толки нашего просвещения, а каков был результат, ты сам знаешь. Смело можно сказать, что он вполне оправдал избранный путь и что успех превзошел самые смелые ожидания даже тех людей, которые знают и верят в разум русской жизни. Нет сомнения, что успех был бы еще

полнее, если бы не встретилось чисто вещественное затруднение в недостаточном числе землемеров и в недостатке прежних планов, которые или утрачены, или зарыты в горах других бумаг. Но каков он есть, он уже представляет одно из важнейших явлений в нашем хозяйственном быте и одно из отраднейших явлений нашего нравственного быта. Побеждены были такие затруднения, которых, казалось, и устранить нельзя. Положены были сказки с общего согласия, и размежеваны дачи, в которых было около ста дачников; переселены целые деревни; придуманы самые неожиданные сделки, и значительные, хотя действительно временные, денежные пожертвования сделаны владельцами-помещиками и едва ли еще не чаще крестьянами. Но важнее денежных пожертвований было то, что во многих и многих случаях самолюбие и привычки были принесены в жертву общей пользе. В иных местах за основание раздела принято владение, в других — крепости, в других — показания стариков и память о старине. Но везде сохранена справедливость; не только та мертвая справедливость, которую оправдывает законник-формалист, но та живая правда, с которой согласуется и которой покоряется человеческая совесть. И заметь, что успехи пошли гораздо быстрее с назначения посредника, этого безвластного и, по прежнему мнению, незначительного лица. Я называю такое явление одним из самых утешительных и поучительных в нашем нравственном быте. Просвещение наше, если бы хотело что-нибудь узнать, узнало бы по нем много: оно могло бы понять сколько-нибудь русский дух и его покорность перед нравственными началами. Назначение посредника и его успех есть только повторение многих исконных фактов русской юридической жизни. Самое безвластие посредника заключает в себе великую власть; оно оставляет при нем одно только значение бесстрастной справедливости и примиряющего доброжелательства. Просвещенная критика должна бы узнать в посредниках и успехе их действия те же самые чувства и те же начала, которые в старину создали суд третями, т.е. лицами, представляющими истца и ответчика, отрешенных от слепоты своекорыстных страстей; и суд поротниками или целовальниками или присяжными, перешедший в Англию и сохранившийся в английском суде присяжными.

Везде проявляется та же высоконравственная покорность перед бесстрастным разумом, та же прекрасная вера в совесть и в достоинство человеческое. Трудно и едва ли возможно найти начало более благородное и плодотворное. В нем наука могла бы и должна узнать завет глубокой древности и общества, связанного еще узами истинного братства, а не условного договора; в нем же могла бы она узнать и различие двух понятий о законности формальной и о законности духовной, или истинной. Такие познания необходимы не только для

современной нашей жизни, но и для уразумения нашей жизни прошедшей или великих фактов нашей истории. Им только могла бы уясниться вся бурная эпоха, разделяющая кончину последнего из преемников Рюрика и первого из царственного рода Романовых.

Недавно в одном из наших журналов была напечатана критика на пушкинского «Годунова» и на ложные понятия об истории Годунова, переданные Карамзиным Пушкину. Можно согласиться со многими положениями и догадками критика, оставляя в стороне его промахи по части художественной (напр<имер>, смешное название мелодраматического героя, данное пушкинскому Годунову⁶⁶, в котором очевидно преобладает эпическое начало); можно согласиться, что в Годунове не было собственно так называемой гениальности и что если бы он был одарен большею силою духа и сумел увлечь Россию в новые пути деятельности и жизни, не та бы была судьба его самого и его несчастных детей. Это замечание не без достоинства, но оно далеко не исчерпывает предмета. Нет народа, который бы требовал постоянной гениальности в своих правителях; и в сыне Феодора Никитича Романова⁶⁷, умирителе треволненной России, незабвенном Михаиле Феодоровиче⁶⁸, возведенном на престол путем избрания, так же как Годунов, трудно найти признаки гениальности, в которой отказывают царю Борису. Разница между отношениями народа к первому и ко второму избраннику (ибо Шуйского, как незаконно избранного, должно исключить) происходила от чисто нравственных начал, понятных только в нашей истории и совершенно чуждых западному миру. Это была разница между законностию формальною и законностию истинною. Россия видела в Годунове человека, который втерся в ее выбор, отстранив всякую возможность другого выбора: тут была законность внешняя — призрак законности. В Михаиле видела она человека, которого избрала сама, с полным сознанием и волею, и которому добродушно и разумно поверила судьбу свою, так же как тем самым избранием поверила судьбу своего потомства его роду: тут была законность внутренняя и истинная. Это чувство отражается бессознательно и в Карамзине, и в отзывах его об Годунове. В нем беспрестанно невольно выражается какое-то негодование на плутню Годунова, если можно употребить такое выражение о таком великом историческом происшествии. И выражения этого негодования были даже часто предметом критики, по-видимому, справедливой; но и тут, как и везде, Карамзин-историк, художник сохраняет свое достоинство. В нем Россия выражается бессознательно: и он, как самый народ, хотел бы, да не может любить Годунова; и он, как народ, искал и не находил законности истинной в формальном призраке законности. Это чувство принадлежит собственно России, как общине живой и органической; оно не принадлежит и не могло принадлежать услов-

ным и случайным обществам Запада, лежащим на беззаконной основе завоевания.

В этом отношении можно бы исключить Англию из остального Запада, но это исключение было бы понятно только при истории Англии, взятой с совершенно новой точки зрения. Я прибавлю только, что, в сравнении с другими землями Европы, Англия есть по преимуществу земля живая. Когда я сказал в моей статье, что она сильна не учреждениями своими, но несмотря на учреждения свои, — я подвергся нападениям моих читателей. Дизраэли⁶⁹, которого я тогда еще не читал, сказал точно то же и еще сильнее: «English manners save England from England laws»⁷⁰. И англичане поняли всю справедливость этих слов. Но такое воззрение не может быть доступным нашему просвещению. Его односторонней рассудочности доступен только формализм во всех отраслях человеческой деятельности — будь это в науке, или обществе, или искусстве.

При разрыве между самобытною нашею жизнью и привозною наукою эти два начала, как я сказал, не могли оставаться совершенно чуждыми друг другу: между ними происходила постоянная борьба.

Жизнь сопротивлялась влиянию иноземного, или, так сказать, колониального, начала только своею неподвижностью; прямого же влияния на него не имела, разве только тем, что мешала ему теснее сродниться и слиться окончательно с какою-нибудь из западных народностей. Просвещение же действовало постоянно, признавая жизнь или, лучше сказать, состав народный за грубый материал, подлежащий обработке для того, чтобы вышло из него что-нибудь разумное.

Оно действительно не признавало России существующею, а только имеющею существовать. Вся эта громада, которая уже так много имела и будет всегда так много иметь влияния на судьбу человечества, являлась ему каким-то случайным скоплением человеческих единиц, связанных или сбитых в одно целое внешними и случайными действителями; жизни же внутренней и сильной, разумной и духовной, создавшей ее, оно как будто бы и не предполагало; а когда и предполагало, то принимало за какое-то хаотическое брожение, которому изрекало приговор в слове презрения или насмешки. Разумеется, эти понятия, эти приговоры никогда не облекались в определенный образ и, так сказать, в формальные решения. Их должно искать в общем ходе образованности и в каждой ее подробности. Случайно и бессознательно вырвавшиеся слова часто яснее выказывают мысль, чем обдуманый и обсуженный приговор; в них всегда менее лицемерия, более искреннего чувства и часто более общего мнения, чем личного. А такими словами наполнена вся наша словесность от «Земледельческой газеты»⁷¹, которая частехонько представляет русского крестьянина каким-то бессмысленным и почти бессло-

весным [животным], до изящнейших выражений нашего общества, которое великодушно допускает в русском человеке ум, понятливость, смысленность и некоторое добродушие, впрочем, без всяких убеждений и разумных начал, т.е. порядочные материалы для будущего человека, а все-таки еще не человека. Такими же словами богат наш общественный разговор от беседы мелкого чиновника, питающего глубочайшее презрение к бородачу, до тех недосыгаемых кругов и салонов, в которых патриотическая любовь снисходительно собирается приготовить для души того же бородача духовное и умственное содержание, которого она еще до сих пор лишена, а для его жизни вещественное благополучие по новейшим иностранным образцам.

Это не частные ошибки, это мнение общее, более или менее ясно выговаривающееся; но если бы принимать это и за частные ошибки, то должно помнить, что есть заблуждения частные, которые возможны только при известном заблуждении общества. Таков, напр<имер>, презрительный отзыв одного из наших журналов⁷² об русской сказке и песне; в нем утверждали, что Пушкин в своей балладе и в сказочных отрывках исчерпал все богатство нашей народной поэзии, а Лермонтов в прекрасной сказке об опричнике и купеческом сыне далеко перешел за ее пределы, между тем как ни тот, ни другой, кажется, даже не поняли вполне ни ее неисчерпаемых богатств, ни даже ее неподражаемого языка. Действительно, ее почти бесконечная область обозначается, с одной стороны, чудными стихами:

Высота ль, высота ль поднебесная;
Глубота ль, глубота ль Окиян-море;
Широко раздолье по всей земле!⁷³ —

стихами, полными несокрушимой силы, в которые облеклась душа великого народа, призванного на беспримерные судьбы, а с другой — стихами: Высота ль, высота ль потолочная, в которых та же сила вспоминает с добродушною иронией о своем прежнем молодом разгуле, не скорбя, потому что чувствует себя целою и несокрушимой и знает, что она только призвана ходом исторических судеб на другое, более смиренное поприще.

Ты скажешь, что ошибка критика зависела от его личной ограниченности или безвкусыя; что он мог, как лицо, не понять всего величия нашего песенного мира, в котором отражается и величие русского народа, и смиренное добродушие русского человека, и вся внутренняя жизнь того мирового явления, которое мы называем Россией; что он мог не понять Ильи Муромца, идеала гигантской силы, всегда покорной разуму и нравственному закону, идеала, конечно, неполного, но которому ни одна народная поэзия не представляет равного; точно так же, как он не понял слов сказки об Алеше Попо-

виче, притворившемся калекою: «Еле жив идет», — и принял за выражение трусости живой оборот, который был бы понятен крестьянскому десятилетнему мальчику. Ты скажешь, что всего этого мог он не понять по личной своей недогадливости и что общее мнение не должно отвечать за ошибки журнального критика. Мне до лица дела нет; но я думаю, ты согласишься, любезный друг, что такого рода ошибки об английских или немецких песнях были бы невозможны в Германии и в Англии; что там никто бы не осмелился отозваться таким образом о балладах Чеви-Чес (Chevy-Chase) или сражении при Оттербурне (Otterburne-battle), или о Нибелунгах и сказках о Дитрихе Бернском⁷⁴, несмотря на то, что они далеко уступают нашей русской сказке и песне; ты признаешься, что есть какое-то глубокое почтение или, лучше сказать, благоговение перед голосом народной старины, которое в Англии и Германии обязательно для всякого писателя и охраняет его от его собственной ограниченности. И вот почему такие ошибки или, лучше сказать, возможность таких ошибок представляет явную улику против нашего просвещения. Впрочем, не для чего доказывать слишком явную истину.

Естественным и необходимым последствием таких понятий и такого презрения к жизни было то, что наука и общество могли без всяких упреков совести, без всякого внутреннего сомнения беспрестанно стремиться к ее преобразованию. Попытки казались безопасными, потому что хаоса не испортишь, и стремление было благотельно, ибо все наше просвещение отправлялось от глубокого убеждения в своем превосходстве и в нравственной ничтожности той человеческой массы, на которую оно хотело действовать. Высокие явления ее нравственной жизни были почти неизвестны и несколько не оценены. Всякий член общества думал так же, как изящный повествователь нашего времени, что любая девочка из любого общественного заведения может и должна произвести духовный переворот во всякой общине русских дикарей. Никому и в голову не приходило, что из этих общин чуть-чуть не австралийцев, еще не слыхавших о христианском законе, выходили и выходят беспрестанно Паисии, Серафимы и множество других духовных делателей, которых нравственная высота должна изумлять даже тех, кто не сочувствует их стремлениям; что из этих общин льются потоки благодетелей, что из них являются беспрестанно высокие примеры самопожертвования, что в тяжелые годы военного испытания они спасали Россию не только своим мужеством, но и разумным согласием, а в мирные времена отличаются везде, где еще не испорчены, неподражаемую мудростью и глубоким смыслом своих внутренних учреждений и обычаев. Этому можно бы научиться из истории, из наблюдения даже поверхностного или хоть из немца Блазиуса; но надобно хотеть учиться.

До сих пор все попытки, сделанные просвещением для преобразования жизни, остались безуспешными. Хорошо бы было, если бы можно было сказать — и безвредными; но этого сказать нельзя. Эти неудачи и частный вред, сопровождавший их, можно было предвидеть. Упорство жизни проистекало от разумного, хотя и несознательно, источника. Она не могла отдать себе отчета в своем чувстве, но чувствовала в образованности нашей и в соприкосновении с нею что-то холодное и мертвельное, а отвращение всего живого к мертвому есть закон природы вещественной и умственной.

Мнимая деятельность или мнимая подвижность этой образованности не была не только тем благородным и могучим стремлением, в котором проявляется энергия духа, познавшего свое величие и порывающегося (иногда даже ошибочными путями) к предназначенной ему цели, но она не была даже тем бодрым и самобытным движением, которым всякое божие создание выражает свою внутреннюю, жизненную силу; нет: она в областях умственного мира была тем невольным движением, тою сыпучестью, которое сообщается ветром воде или степному песку; а ветром было для нее дуновение западной мысли. Наше просвещение мечтало о воспитании других тогда, когда оно само, лишненное всякого внутреннего убеждения, меняло и меняет беспрестанно свое собственное воспитание и когда едва ли не всякое десятилетие могло бы благодарить бога, что десятилетию протекшему не удалось никого воспитать. Так люди, которым теперь лет около пятидесяти и которые по впечатлениям, принятым в молодости, принадлежат к школе немецко-мистических гуманистов, смотрят с улыбкою презрения на уцелевших семидесятилетников энциклопедической школы, которой жалкие остатки встречаются еще неожиданно не только в глуши деревень, но и в лучших обществах, как гниющие памятники недавней старины. Так тридцатилетние социалисты... Впрочем, продолжать нечего, общество само себя может исповедовать. Грустно только видеть, что эта шаткость и это бессилие убеждений сопровождаются величайшею самоуверенностью, которая всегда готова брать на себя изготовление умственной пищи для народа. Это жалко и смешно, да, к счастью, оно же и мертво и по тому самому не прививается к жизни. За всем тем не все проходит без вреда, кое-что и остается. Кое-где ветер нагонит воду или песок на какой-нибудь уголок доброй земли, когда-то плодотворной и богатой собственной растительностью, и затопит или засушит его надолго, если не навсегда.

Я сказал, что всякая система, как и всякое учреждение Запада, содержит в себе решение какого-нибудь вопроса, заданного жизнью прежних веков. Перенесение этих систем на новую народную почву небезопасно и редко бывает безвредно. Тут, где вопрос еще не возник, он непременно возникнет, хотя, может быть, и в другой форме,

если только имел возможность возникнуть при условиях этого общества. Если же общество таково, что вопрос разумно возникнуть не мог (а таково отношение почти всех вопросов Запада к России), в жизни умственной народа непременно произойдет, конечно, кратковременное, но болезненное и крайне бессмысленное движение, подобное тому жизненному расстройству, которым сопровождается введение начал неорганических, даже отчасти и безвредных, в органическое тело. Этих примеров немало, и найти их легко; но главный, самый яркий, самый общий во всей нашей науке, образованности и быте — это формализм, неизбежный, как подражание чужеземным образцам, понятий в виде готового результата, независимо от умственного исторического движения, которым они произведены. Формализм имеет и должен иметь постоянное притязание заменять собою всякую нравственную и духовную силу и находить всякий закон, всякую охрану, даже всякое начало движения в голых и вещественных формулах, приложенных к вещественным требованиям и побуждениям человеческим. Жизненную гармонию заменяет он, так сказать, полицейскою симметрией в науке, где он более боится заблуждений, чем ищет истины; в искусстве, где он более избегает неправильности, почти всегда сопровождающей всякое гениальное явление, чем стремится к красоте или к облечению внутренней красоты духовной в формы, ею созданные и ей соответствующие; в быте, где он вытесняет и заменяет всякое теплое и свободное излияние души холодным и мертвым призраком благочиния.

Таков характер формализма; таков он был в схоластической философии, оставившей следы свои в новейшей германской философии, которую за всем тем можно считать одним из величайших явлений человеческого мышления; таков он был в так называемой классической литературе XVIII века; таков в пластических искусствах школ, славившихся еще недавно; таков в обществах, сохраняющих слишком строго формы, от которых уже отлетел дух, их создавший (как, напр<имер>, в Китае и в позднейшей Византии), или в обществах, не сознавших своих собственных духовных начал и принимающих извне формы, созданные другими началами. В этом последнем отношении современная Франция представляет нам поучительный пример. Лишенная собственной жизненной силы или еще не познав ее, она переносит к себе со всевозможным усердием английские учреждения, прилаживая их к себе, т.е. искажая их с самую наивную уверенность и перенося к себе призраки жизни, которой у нее нет.

Зато при этом перенесении исчезает весь смысл образца и вся его простота заменяется бестолковою многосложностью. Газеты представляли недавно яркое доказательство тому в исчислении чиновников английских и французских.

Кстати об этом предмете. Любезный друг, я желал бы, чтобы наши читатели и литераторы поняли несколько пояснее смысл явления, весьма замечательного в нашей современной словесности, такого явления, на которое уже наши журналы обратили свое поверхностное наблюдение, говоря то за, то против него. Это явление есть довольно постоянное нападение на чиновника и насмешка над ним. Едва ли не Гоголь подал этот соблазнительный пример, за которым все последовали со всевозможным усердием. Эта ревность подражания доказывает разумность первого нападения, а пошлость подражания доказывает, что смысл нападения не понят. Для того, чтобы оценить это явление, надобно сперва понять, что такое чиновник. В обществе, разумеется, я бы повторил забавное определение, сделанное человеком весьма заслуженным и почтенных лет. На вопрос: «Что такое чиновник?» — он отвечал, смеючись: «Для вас, неслужащей молодежи, чиновник — всякий тот, кто служит (разумеется, в гражданской службе), а для меня, служащего, — тот, кто ниже меня чином». Но в дельной беседе с тобою я поищу начала для определения, которое бы было построже и полнее. Во-первых, это слово в своем литературном значении принадлежит более к языку общества, чем к языку права и закона; во-вторых, ты можешь заметить, что оно никогда не относится к некоторым должностям, по-видимому входящим в тот же служебный круг, — ни к посреднику, ни к предводителю, ни к городскому главе, ни к попечителю училищ, ни к профессору, ни к совестному судье; что оно вообще более относится к иным разрядам, чем к другим, и всегда более к вещественным формам, чем к тем, в которых выражается умственное или нравственное направление. И в этом различии ты можешь заметить какое-то особенное чувство, которым определяется слово «чиновник», во сколько могут быть определены слова, получившие свой смысл единственно от обычая, как, напр<имер>, хороший тон, комфорт и т.д. Очевидно, что все это несколько не касается до службы, необходимого условия всякой гражданственности, истинной или ложной (ибо служба постоянная или повременная есть всегдашняя принадлежность всякого гражданина и содержит в себе освящение прав, данных ему обществом), но касается только до какого-то особенного отношения особенных лиц к народной жизни и к просвещенному обществу. Глядя с этой точки зрения, можно понять всю нравственную истину Гоголя и всю законность его глубокой, хотя добродушной и беспечной, иронии и всю незаконность и слабость его подражателей. «Чиновник, — как это весьма хорошо понял один из наших журналов, который потом как будто испугался своей похвальной речи этому осмеянному лицу, — есть нечто посредствующее между просвещением и жизнью, впрочем, не при-

надлежащее ни тому, ни другому». Гоголь — художник, созданный жизнью, имел право понять и воплотить мертвенность этого лица в те неподражаемые образы Дмухановского и других, которые в его повестях или в комедиях являются с такою яркою печатью поэтической истины. Но это право несколько не принадлежало его подражателям — литераторам, созданным или воспитанным чужеземною образованностью. Такова причина, почему и подражания их, несмотря на талант писателей, выходят такими бледными и бессильными. Мертвенность человека, черта разительная и достойная комедии, дает жизни право насмешки и осуждения над ним, но она не дает этого права нашему просвещению, которое само в себе собственной жизни еще не имеет. Общество не должно бы смеяться ни над орудием, которое оно само создает, ни над путем, по которому человек в него вступает, ни над тем, так сказать, химическим процессом, посредством которого лицо, некогда принадлежавшее жизни, перегоняется в бесцветный призрак просвещенного человека. Впрочем, довольно об этом предмете, которого я коснулся мимоходом, и обратимся к формализму. Я сказал, что он мертвый результат подражания, и прибавлю, что он результат мертвящий. Отстраняя деятельность духовную и самобытность свободной мысли и теплого чувства, всегда надеясь найти средства обойтись без них и часто обманывая людей своими обещаниями, он погружает мало-помалу своих суеверных поклонников в тяжелый и бесчувственный сон, из которого или вовсе не просыпаются, впадая в совершенное омертвение, или просыпаются горькими, ядовито-насмешливыми и в то же время самодовольными скептиками, утратившими веру в формулу, так же как и в жизнь, в общество, так же как и в людей. Им остается спасаться только в гастрономии (по-нашему, в обжорстве), как это весьма справедливо представлено в герое поэмы г. Майкова⁷⁵, человеке, утратившем веру в наше формальное просвещение и не познавшем ни просвещения истинного, ни народной жизни. Да и трудно, очень трудно вырваться из очарованного круга, очерченного около каждого личного ума историческим развитием нашей образованности. С детства лепечем мы чужестранные слова и питаемся чужестранною мыслию; с детства привыкаем мы мерить все окружающее нас на мерило, которое к нему не идет, привыкаем смешивать явления самые противоположные: общину с коммуною, наше прежнее боярство с баронством, религиозность с верою, семейность свою с феодальным понятием англичанина об доме (home) или с немецкою кухонно-сантиментальною домашностью (Häuslichkeit), лишаемся живого сочувствия с жизнью и возможности логического понимания ее. Какие же нам остаются пути или средства к достижению истины?

За всем тем мы можем и должны ее достигнуть. Борьба между жизнью и иноземною образованностию началась с самого того времени, в которое встретились в России эти два противоположные начала.

Она была скрытою причиною и скрытым содержанием почти всех явлений нашего исторического и бытового движения и нашей литературы; везде она выражалась в двух противоположных стремлениях: к самобытности, с одной стороны, к подражательности — с другой.

Вообще можно заметить, что все лучшие и сильнейшие умы, все те, которые ощущали в себе живые источники мысли и чувства, принадлежали к первому стремлению; вся бездарность и бессилие — ко второму. Первое представляется Ломоносовым, несмотря на то что сам великий основатель науки в России отчасти подчинился невольно влиянию иноземному; второе в Тредьяковском, презрителе всего русского, одежды, обычаев и языка, которые он называл мужицкими. Это не система, а факт исторический. Правда, что многие, даже даровитые, даже великие деятели нашей умственной жизни слабостию молодости, соблазном жизни общественной и особенно так называемого высшего просвещения были увлечены в худшее стремление; но все от него отставали, обращаясь к высшему, к более плодотворному началу. Таково было развитие Карамзина и Пушкина.

Но прежняя борьба была неполная и бессознательная; теперь наступает и наступило время для яснейшего сознания и для полного разрешения давнишнего вопроса. С одной стороны, мы овладели наукою, т.е. всеми ее внешними результатами, и нам остается только развить в самих себе жизненное начало, дабы и начала науки не оставались мертвыми, как до сих пор; с другой — мы уже начинаем сознавать яснее бессилие и бесплодность всякой подражательности, будь она явно рабская, т.е. привязанная к одной какой-нибудь школе, или свободная, т.е. эклектическая. Этому может и должен научить нас опыт. Наконец, внутреннее колебание и духовное замирание западного мира, теряющего веру в свои прежние начала и бессильно стремящегося создать новые по путям чисто аналитическим, может и должно служить нам уроком, обличая перед нами слабость наших прежних образцов и ничтожность нашего стремления. Прежнее стремление нашей образованности кончило свой срок. Оно было заблуждением невольным, может быть неизбежным, наших школьных годов. Я не говорю, чтобы не только все, но даже большинство получило уже новые убеждения и сознало бы внутреннюю духовную жизнь русского народа как единственное и плодотворное начало для будущего просвещения; но можно утвердительно сказать, что из даровитых и просвещенных людей не осталось ни одного, кто бы не сомневался в разумности наших прежних путей. Остаются только еще привычки (к несчастью, слишком крепкая цепь и которая вдруг по-

рваться не может); остается в большинстве грубое неведение тех древних, но живых и вечно новых начал, к которым должно возвратиться; остается гордость, которая сознает или, по крайней мере, подозревает в себе ошибку, да признаться в ней не хочет ни себе, ни другим; остается, наконец, тот скептицизм, о котором я уже говорил, который потерял веру в силу формальной науки и не может еще поверить плодотворной силе жизни. Вот препятствия, с которыми должно бороться и которые не могут долго устоять против убеждения истинного и глубокого. Ими объясняется упорство, с которым многие добросовестные и далекие не бездарные люди отстаивают прежнее направление нашей образованности. Иные из них выставляют с гордым самодовольствием наши успехи в науке и художествах; но добросовестная оценка всего, что мы сделали по этим частям, не должна бы нам внушать другого чувства, кроме смирения, а разумная критика легко может показать, что задатки, данные искусству неученою Русью, далеко еще не оправданы ученою Россиею. Другие хвалятся историческим развитием нашим; но ответ старика сынку в разговоре о Суворове может быть легко приложен ко всему остальному и во всех случаях будет равно верен. Другие еще извиняют нас нашу будто весьма недавней образованностию, но полтора-два года могли бы и должны (если бы направление взятое было нелепо) довести наше просвещение до высоких результатов или, по крайней мере, вызвать зародыши великого развития в будущем; а мы, кажется, этим похвастаться не можем. Наконец, нашлись и такие люди, которые решились без дальних умозрений, назвав всех своих противников грязными варварами, спрятаться за одно великое имя Петра. Это умно, благородно и учено, доказывает одинаковое уважение к науке и ее правам на анализ, к истории и ее постоянному развитию, к человеческой мысли и ее праву на самобытность. Эти люди могут оставаться без возражения и без ответа, — они сами себе улика.

Все такие явления неизбежны, но все они по внутренней своей слабости доказывают, что эпоха перерождения в просвещении наступила. Еще важнее явления, доказывающие, что мы начали понимать не только темным инстинктом, но истинным и наукообразным разумением всю шаткость и бесплодность духовного мира на Западе.

Очевидно, что он сам сомневается в себе и ищет новых начал, утратив веру в прежние, и только утешает себя тем, что называет нашу эпоху эпохою перехода, не понимая, что это самое название доказывает уже отсутствие убеждений: ибо там, где есть убеждение и вера, там есть уже радостное чувство жизни, узнавшей новые цели, а не горькое чувство перехода неизвестного. Но нам предоставлено было возвести инстинктивные сомнения западного мира в наукообразные отрицания, — и этот подвиг должно считать лучшею заслугою нашей

современной науки, заслугой, которую наше образованное общество начало уже оценивать, хотя, конечно, оценило не вполне. Так, например, прекрасные и глубокомысленные статьи Ивана Васильевича Киреевского о современном состоянии европейского просвещения, статьи, в которых строгая логика согрета теплым чувством всеобщей любви и которым, конечно, современная журналистика Европы не может представить ничего равного, пробудили многие новые мысли во многих и были радушно приветствованы всеми. Со временем эти статьи будут поняты еще полнее; выводы, в них заключенные, получат по большей части значение несомненных истин. Но, разумеется, анализ на этом остановиться не может: он пойдет далее и покажет, что современная шаткость духовного мира на Западе — не случайное и преходящее явление, но необходимое последствие внутреннего раздора, лежавшего в основе мысли и в составе обществ; он покажет, что начало той мертвенности, которая выражается в XIX веке, заключалось уже в составе германских завоевательных дружин и римского завоеванного мира, с одной стороны, и в односторонности римско-протестантского учения — с другой: ибо закон развития общественного лежит в его первоначальных зародышах, а закон развития умственного — в вере народной, т.е. в высшей норме его духовных понятий. Этой истины доказывать не нужно; ибо тот, кто не понимает, что иное должно было быть развитие просвещения при соборных учениях, а иное было бы под влиянием арианства или несторианства, — тот не дошел еще до исторической азбуки. Примером же можно бы представить в самом западном мире Англию, которой современная жизненность и исключительное значение объясняются только тем, что она (т.е. англосаксонская Англия) никогда не была вполне завоевана, никогда не была вполне римскою и никогда вполне протестантскою. При этом будущем успехе анализа и, без сомнения, с ним вместе, разовьется синтез науки и жизни, успокоенной и оправданной разумным сознанием: ибо стремление, отрицающее подражательность нашей образованности, не есть стремление к мертвому и темному невежеству, но к науке живой, к внутреннему освобождению ее от ложных систем и ложных данных и к соединению ее с жизнью, т.е. к созданию просвещения.

Конечно, успехи будут медленны, и только дети наши воспользуются трудами наших современников; ибо, несмотря на сомнения многих в разумности прежней нашей образованности, несмотря на выражающуюся жажду и на какие-то предчувствия уже не эклектического российского, но органического русского просвещения, никогда еще, может быть, подражательность и смирение перед западным миром не были так сильны или, по крайней мере, так общи, как теперь.

Но анализ начал свое дело, и это дело не может оставаться без плода. Недавно все наше просвещенное общество узнало о химическом разложении Румфордова супа из сухих костей, которым долго кормили бедных и который, не содержа в себе ничего питательного, более способен ускорить голодную смерть, чем спасти от нее. Конечно, с этого открытия еще бедные сыты не будут, но уж и того много, что постараются возвратиться к хлебу, бросив надежду на суп из сухих костей.

<О СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЕ>⁷⁶

Ты обратил внимание на вопрос, который есть, бесспорно, самый важный из всех не только русских, но и вообще современных вопросов, хотя его важность далеко не вполне понята у нас и, может быть, совсем не понята в чужих краях. Разбор этого вопроса непременно делится на две части: общую и местную. Первая важнее в теории, но вторая также важна и едва ли даже не важнее на практике.

Однако же прежде, чем я коснусь главного содержания твоего письма и своих объяснений, я должен хоть мимоходом сделать возражение на сомнение, которое ты также выражаешь мимоходом, именно на то, что общность земель противна усовершенствованию хлебопашества по ненадежности и непродолжительности владения.

Разумеется, владение, даже продолжительное, хуже собственности в этом отношении. Так кажется; но опыт говорит другое. Ты сам был в чужих краях; скажи по совести, где нашел ты самую низкую степень хлебопашества? Бесспорно, во Франции, где все — собственники. Где высшую? Бесспорно, в Англии, где все — владельцы (ибо собственники, занимающиеся хлебопашеством, там исключение). Итак, владение, по-видимому, не мешает развитию хозяйства точно так же, как собственность не всегда бывает полезною для его развития.

Мне кажется поэтому, что общность владения не может считаться важною преградою в этом деле. Исторически я сказал бы тебе, что первые следы усовершенствования хозяйства находятся в рассказах о Померании, где владение было общинное, и в современном мире мог бы с большою похвалою указать на Северную Россию и особенно на Пермь⁷⁷; но я вообще спрошу тебя: если 25-летнее фермерство (сроки часто гораздо короче) благоприятствует землепашеству, отчего 25-летнее владение из общинных земель должно быть ему гибельным? А сроки нераздельного владения бывают очень часто гораздо продолжительнее: часто от деда переходит участок к внуку и даже далее. Вероятно, при полнейшем развитии общины, 20- или 30-летнее владение будет поставлено условием общим и коренным и тогда главное затруднение будет устранено.

Еще должен я тебе отвечать на твой собственный опыт. Объяснение его очень просто, но нисколько не противно нашей системе.

Очевидно, если бы опыт, тобою сделанный, доказывал что-нибудь, то он бы доказал или совершенное равнодушие крестьян к мировой сходке, как при первом выборе, или невозможность единогласия, как при втором. Но ни равнодушия нельзя предположить во множестве деревень, где исстари мир решает все дела и даже самовластно распоряжается судьбою своих членов (отдавая в батрачество, в рекрутство и даже на поселение), ни невозможности единогласия, которое исстари также ведется в этих же деревнях. Что же доказывает твой опыт? Ничего против общины или против единогласия, но, к несчастью, весьма много против вреда, приносимого нами земле русской.

Твои предшественники во владении перервали сходку и отучили крестьян от права обычного, заменив его произволом своим или управительским. Тебе трудно было восстановить нить перерванного обычая и отучить от помочей ребенка, которого водили на них слишком долго; но мне кажется или, лучше сказать, я уверен, что ты слишком скоро отстал. Потребовал бы от мира решения, и очень скоро память старого обычая, чувство нравственной правды и пример других миров (если есть сходки в соседстве) привели бы опять дело в порядок. Надобно всем нам помнить пословицу, которую приятель А<ксаков> всегда забывает: болезнь входит пудами, а выходит золотниками.

Теперь посмотрим на местную сторону вопроса, т.е. на отношение его к России. Признаем сперва мировое устройство чем-то прекрасным и драгоценным для всего человечества, и ты, конечно, уже в том не поспоришь, что оно по преимуществу возможно для той земли, где оно существует доселе и где не нужно его создавать или вводить, а только расширить, или, лучше сказать, допустить до расширения. Эту организацию долго очень старались подавлять систематически и не могли подавить; значит, она очень крепко срослась с русскою жизнью, и всякое вырывание такого сросшегося элемента непременно сопровождается болью и страданием во всем организме.

Есть ли явная польза в этом страдании? Кажется, никто не решится это утвердить. Прибавь еще следующее. Община хлебопашественная, очевидно, всех легче устраивается и, по-видимому, всех полезнее; Россия же земля и теперь, и надолго по преимуществу хлебопашественная. Далее: общинное устройство, будучи ограничено, заменится у нас по необходимости расширением административности. Тебе известна более чем многим вся мерзость административности в России. Пошатавшись по святой Руси и наглядевшись на все ее слои, ты знаешь, как хороша наша чиновность от грошовой уездной до миллионной столичной. Я думаю, что даже киселевщина не столько еще ужасна

для народа увеличением податей (хотя и это бедствие немалое, и следствие усиленной административности), сколько размножением чиновничества, которое народ так верно и живописно называет крапивным семенем⁷⁸. Наконец, и это всего важнее, всякое государство или общество гражданское состоит из двух начал: из живого исторического, в котором заключается вся жизненность общества, и из расудочного, умозрительного, которое само по себе ничего создать не может, но мало-помалу приводит в порядок, иногда отстраняет, иногда развивает основное, т.е. живое, начало. Это англичане называли, впрочем без сознания, торизмом и вигизмом.

Беда, когда земля делает из себя *tabula rasa*⁷⁹ и выкидывает все корни и отпрыски своего исторического дерева: она приходит к тому неисцелимому шатанию, к которому пришла Франция, дающая теперь всему миру великий, но мало понимаемый урок. Беда и то, когда начало умозрительное вздумает создавать. Эта работа постоянного умничанья идет у нас со времен Петра безостановочно и беззапиночно. Какого она вздора насоздала! Теперь оглянись у нас, и ты увидишь, что все у нас ново и бескоренно: мы с тобою, т.е. дворяне, цехи, городское устройство, чиновничество во всех его разветвлениях, выборы наши, просвещение наше с его прививным характером, наши привычки, все от альфы до омеги. Корень и основа — Кремль, Киев, Саратовская пустынь, народный быт с его песнями и обрядами и по преимуществу община сельская. Признав основы, можно понять их развитие и, так сказать, разработку. Без них мы, как Франция, *tabula rasa*; но хуже, чем Франция, — мы предаемся умничанью своего малопросвещенного общества. Община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его, не останется ничего; из его же развития может развиваться целый гражданский мир.

Вот местная сторона вопроса об общине; она имеет важность в теории и бесконечно важна на практике. Сделай одолжение, отстрани всякую мысль о том, будто возвращение к старине сделалось нашею мечтою. Одно дело: советовать, чтобы корней не обрубить от дерева и чтобы залечить неосторожно сделанные нарубы, и другое дело: советовать оставить только корни и, так сказать, снова вколотить дерево в землю. История светит назад, а не вперед, говоришь ты; но путь пройденный должен определить и будущее направление.

Если с дороги сбились, первая задача — воротиться на дорогу. Сторона общего вопроса труднее (как и всякое общее положение более подвергается спору), чем местная; но думаю, что и она представляет довольно убедительные доводы в пользу нашего мнения.

Во-первых, мне кажется, ты не совсем прав, когда отстраняешь западный пролетариат от западного индивидуалистского устройства общества. Не довольно этого, что ты находишь причину пролетариата

в излишнем расширении прав и привилегий классов, некогда властвовавших; я в этом не спорю, и, думаю, редко кто не согласится с тобою. Но этого, как я сказал, не довольно; надобно бы было отвечать на вопрос: был ли бы, однако, пролетариат возможен, если бы сельская община существовала по-нашему? Ты на этот вопрос не отвечаешь, а ответ был бы по необходимости отрицательным и, следовательно, в нашу пользу. Во-вторых, ты немножко согрешил против логики; ибо в одно время ты отрицаешь благотворное влияние общинности на ограничение бедности и говоришь опять против общины, что не следует выгоды общества отдавать в жертву выгодам нищеты, который не может считаться законным представителем общества. С этим положением я согласен, но вижу, что ты сам чувствуешь благотворное влияние общины, с одной стороны, хотя и не признаешься в нем, а с другой стороны, вижу, что ты приписываешь общине какие-то интересы, противные интересу общества, весьма произвольно. Все, что можно было утверждать, это то, что общине приносятся в жертву не выгоды общества, а некоторая часть неограниченных прав лица индивидуального, что, по-моему, не может считаться убытком, ибо вознаграждается с лихвою, о чем скажу после.

Впрочем, делая этот попрек тебе, издавна известному мне строгому логике, я знаю, что письмо не диссертация, и наперед сам прошу некоторого снисхождения за промахи, которые ты встретить можешь у меня, и, сверх того, помню, что твои возражения имеют более характер вопросительный, чем отрицательный.

Мне известны до сих пор в нерусской Европе только две формы сельского быта: одна английская, сосредоточение собственности в немногих руках; другая — французская после революции, бесконечное дробление собственности. Все прочие формы относятся к этим двум как степени переходные, еще не дошедшие до своего крайнего развития. Первая очень выгодна для сельского хозяйства и усиливает до невероятности массу богатства, напрягая умственные способности селянина посредством конкуренции в найме и бросая сильные капиталы на опытное усовершенствование земледельческой практики. Вот ее достоинство; но зато самая конкуренция, безземелие большинства и антагонизм капитала и труда доводят в ней по необходимости язву пролетарства до бесчеловечной и непременно разрушительной крайности. В ней страшные страдания и революция впереди.

Вторая форма, французская, дробление собственности, невыгодна для хозяйства, замедляет его развитие и во многих случаях (именно там, где нужны значительные силы для побеждения какой-нибудь преграды) делает его совершенно невозможным; но это неудобство считаю я не слишком значительным в сравнении с выгодами дробной собственности. Нет сомнения, что введение этой системы во Фран-

ции удаляет, а может быть, даже отстраняет навсегда нашествие пролетарства, ибо оно мало известно в сельском быту Франции и является только в виде исключения в некоторых слишком неблагоприятных местностях. Нищета есть принадлежность городов французских, а не сел. Но зато эта форма имеет другой существенный недостаток, который в государственном отношении не лучше пролетарства: это полная разъединенность. Таков результат во Франции современной, по свидетельству самих французов; таков он будет непременно везде.

Разъединенность же есть полное оскудение нравственных начал; а заметь, что оскудение нравственных начал есть в то же время и оскудение сил умственных. От этого в нищенствующих селах Англии восстают беспрестанно сильные умы, которых деятельность отзывается на всю Англию; а в полях (селами их назвать нельзя) Франции человек так слаб и глуп, что от него не добьется общество ни одной мысли.

Он просто немой: от него ни слуха, ни послушания, по русской поговорке. Конечно, я не восстаю <ни> против собственности, ни против ее эгоизма; но говорю, что, если, кроме эгоизма собственности, ничто не доступно человеку с детства, он будет окончательно не то чтобы дурной человек, а безнравственно тупой человек; он одурет.

Слышать только об деле общем и потом в нем участвовать, слышать с детства суд и расправу, видеть, как эгоизм человека становится беспрестанно лицом к лицу с нравственной мыслию об общем, о совести, законе обычном, вере и подчиняться этим высшим началам, это — истинно нравственное воспитание, это — просвещение в широком смысле, это — развитие не только нравственности, но и ума.

Итак, община столько же выше английской фермы, которой бедствия она устраняет, сколько и французской, которая, избегая бобыльства физического, вводит бобыльство духовное и дает городам такой огромный и гибельный перевес над селом.

Но ты допускаешь общину как судящую, как правящую, но не как хозяйствующую. Это, так сказать, введение городского права в село, ибо таковы основания так называемого городского общества, весьма далекого от сельской общины. Мне кажется, это было бы обманом, делом начатым, но не конченным. Странное дело: общность расхода без всякого общения в приходе. Я говорю это, предполагая, что ты допускаешь нечто похожее на общинный бюджет; даже скажу: странное дело суд, принадлежность всего общества, делать зависимым от местности. Такая зависимость имеет смысл при изменении отношений между людьми, т.е. при переходе теперешнего европейского сожительства в общинное товарищество; без того она и смысла не имеет. Таким образом, довершенное городское начало есть не что иное, как наше сельское. Но эти доказательства имеют в себе что-то слишком теоретическое или отвлеченное.

Вот доказательство другое, более практическое и, по моему мнению, решительное. Ты признаешь (да и кто же в наше время может не признавать?), что общество должно пеших о своих бедных, также и всякая община. Естественное последствие такого признания: больницы, богадельни, налог в пользу неимущих и проч., весь английский poor tax⁸⁰ и все устройство английских приходских приютов. Об их недостатках много говорено, но говорено только односторонне, и надежда на лучшее устройство не оставлена. Эту надежду должно оставить: она противна разуму. Во-первых, в пользу нашей общины должно заметить, что она почти не нуждается в средствах противунищенственных, ибо сама отстраняет нищенство почти совершенно; а предотвращать зло всегда лучше, чем исправлять зло. Во-вторых, все другие противунищенственные средства не годятся никуда. Налог на имущих в пользу неимущих, что мы делаем? Даем одним право без обязанности, другим — обязанность без права. Право — неимущим, обязанность — имущим. Вторым слишком тяжело, и они должны, естественно, стремиться к тому, чтобы обязанность свою облегчать и неимущих держать в черном теле. Да и неимущим нелегко: они имеют право на корм; но это право есть в то же время страшное угнетение, ибо им никогда уже или почти никогда не будет возможности выбиться из нищеты, они осуждены на вечное пролетарство.

И так учреждается борьба, в которой обе стороны должны роптать и страдать: отношение крайне безнравственное. Иначе вы с обязанностью соедините право, т.е. прокормление покроете работою. Это уже будет учреждение в роде тюремном: неимущий продан имущему. Тягость для имущего несколько облегчается, но зато вражда усиливается, отношения становятся еще безнравственнее, и язва пролетарства неисцельнее.

Таковы неизбежные последствия всякого учреждения в пользу бедных мимо общины; при общине же нет ничего и похожего на это.

При ней возможна только временная нищета, ибо все члены общины суть товарищи и пайщики. Взаимное вспоможение имеет уже характер не милостыни (которая истекает из чувства христианского и, следовательно, не может быть предписана законом), не подаяния невольного, которое кладет скудный кусок нищему в рот для того только, чтоб он не вздумал взять себе пищу насильно, но обязанности общественной, истекающей из самого отношения товарищей друг к другу и обусловленной взаимною и общею пользою. Русская поговорка говорит: кормится сирота, растет миру работник. Это слово важное; в нем разрешается задача, над которою трудятся бесполезно лучшие головы Запада. Нищета же безысходная при общине делится на два случая: на нищету, происходящую от разврата, и на нищету от сиротства и несчастья (вдова или старик совершенно безродные).

В первом случае община очищает себя исключением виновного, как неисправного и негодного товарища; а второй случай, встречающийся весьма редко, достаточно покрывается чувством братского сострадания и никогда не может служить источником общественного зла.

Разумеется, что без ослепления фанатического нельзя предполагать, чтобы такое устройство совершенно отстранило все бедствия и все злоупотребления и чтобы богатый общинник не мог иногда разрабатывать случайную бедность товарищей, особенно в областях промышленных; но такое явление по необходимости будет иметь только непродолжительные следствия и уступит силе товарищественного начала. Я называю общинное товарищественным в его частном приложении к хозяйству; но не должно забывать, что, по своей многосторонности и особенно по своей нравственной основе, оно несравненно шире и плодотворнее.

До сих пор я говорил только о хлебопашественной общине. Довольно бы было признать ее важность и пользу для того, чтоб оправдать наше стремление; но ты требуешь большего: ты хочешь, чтобы начало общинное для полного своего оправдания доказало свою удобоприлагаемость во всех случаях и по преимуществу в развитии промышленности фабричной. Ответ положительный и определенный мне кажется невозможным в наше время; возможна только догадка, основанная на вероятностях, а вероятности будут опять в нашу пользу. Всеобщее стремление во всей Европе свидетельствует об одном: о борьбе капитала и труда и о необходимости помирить этих двух соперников или слить их выгоды. Стремление всеобщее и разумное встречает везде неудачу; неудача же происходит не от какой-нибудь теоретической невозможности, но от невозможности практической, именно от нравов рабочего класса. Эти нравы — плод жизни, убившей всю старину с ее обычаями (т.е. плод развития в смысле вигизма), — не допускают ничего истинно общего, ибо не хотят уступить ничего из прав личного произвола. Для них недоступно убеждение, что эта уступка есть уже сама по себе выгода для лица; ибо, уступая часть своего произвола, оно становится выше, как лицо нравственное, прямо действующее на всю массу общественную посредством живого, а не просто отвлеченного или словесного общения. Это убеждение будет доступно или, лучше сказать, необходимо присуще человеку, выросшему на общинной почве. Община промышленная есть или будет развитием общины земледельческой⁸¹.

Учреждение артелей в России довольно известно; оно оценено иностранцами; оно имеет круг действий шире всех подобных учреждений в других землях. Отчего? Оттого, что в артель собираются люди, которые с малых лет уже жили по своим деревням жизнью общинною. В артелях мало, почти нет, мешан, мало дворовых. Вся основа —

крестьяне или вышедшие из крестьянства. Это не случайность, а следствие нравственного закона и жизненных привычек. Конечно, я не знаю ни одного примера совершенно промышленной общины в России, так сказать, фаялстера⁸², но много есть похожего; например, есть мельницы, эксплуатируемые на паях, есть общие деревенские ремесла и, что еще ближе, есть деревни, которые у купцов снимают работу и раздают ее у себя по домам. Все это не развито; да у нас вся промышленность не развита. Народ не познакомился с машинами; естественная жизнь торговли нарушена. Когда простее устроится наш общий быт, все начала разовьются и торговая или, лучше сказать, промышленная община образуется сама собою.

Об нас и об нашем отношении к общине покуда я не говорю. Со временем мы срастемся с нею. Но как? Этого решать нельзя. Смешно было бы взять на себя все предвидеть. Право приобретать собственность, данное крестьянину, не нарушает общины. Личная деятельность и предприимчивость должны иметь свои права и свой круг действия; довольно того, что они будут всегда находить точку опоры в сельском мире и что в нем же или через него они будут мириться с общественностью, не вырастая никогда до эгоистической разведиенности. То же, вероятно, будет и с нами. Но это еще впереди и как бог даст. Допустим начало, а оно само себе создаст простор.

Вот, любезный друг, мои объяснения. Отвечай и опровергай то, что тебе покажется ложным или темным; с остальным соглашайся. Твое согласие нам дорого. Статей никаких не посылаю и не назначаю; во всех только намеки.

Комментарии

Хомяков Алексей Степанович

¹ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФИЛОСОФИЧЕСКОМ ПИСЬМЕ,
НАПЕЧАТАННОМ В 15 КНИЖКЕ «ТЕЛЕСКОПА»
(Письмо к г-же Н.)

Впервые: Символ. Журнал христианской культуры при славянской библиотеке в Париже. 1986. № 16. С. 121—134 (публикация и коммент. Р. Темпеста), где была напечатана по корректурному оттиску из журнала «Московский наблюдатель» (1836. Ч. 2. С. 526—540), сохранившемуся в составе библиотеки А.И. Тургенева, находящейся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ РАН) в Санкт-Петербурге.

Печатается по: Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. 1: Работы по историософии / Приложение к журналу «Вопросы философии». Вступ. ст., сост. В.А. Кошелева; примечания В.А. Кошелева, Н.В. Серебрянникова, А.В. Чернова, В.А. Чернякова, Н.В. Балашова, В.М. Лурье. Серия: Из истории отечественной философской мысли. М.: Московский философский фонд; Медиум, 1994. С. 449—455. Комментарии В.А. Кошелева и др. даны с небольшими сокращениями и дополнениями.

² Хомяков свободно пересказывает следующее утверждение П.Я. Чаадаева: «Для души есть диетическое содержание, точно так же, как и для тела; умение подчинять ее этому содержанию необходимо. Знаю, что повторяю старую поговорку; но в нашем отечестве она имеет все достоинства новости» (Чаадаев П.Я. Философические письма к г-же ***. Письмо первое (Версия «Телескопа») // Чаадаев П.Я. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. М.Б. Велижев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 39).

³ См.: Чаадаев П.Я. Философические письма к г-же ***. Письмо первое (Версия «Телескопа») // Там же. С. 47. Здесь Чаадаев противопоставляет европейское и русское средневековье.

⁴ Имеется в виду «Повесть временных лет» (также называемая «Первоначальная летопись» или «Несторова летопись») — наиболее ранний из дошедших до нас древнерусских летописных сводов начала XII в.

⁵ Римский папа Сикст V (1585—1590) пытался подчинить германского императора Рудольфа II папской власти.

⁶ Наполеон I, Наполеон Бонапарт (Napoléon Bonaparte) (1769—1821), выдающийся французский полководец и государственный деятель, пытавшийся покорить мир, в том числе завоевать и Россию.

⁷ Индальгенция (лат. indulgentia — милость, прощение), в римско-католической церкви — частичное или полное освобождение (разрешение) церковью верующего от наказания за грехи.

⁸ Имеется в виду чаадаевское разделение народов на «ветви латинскую и тевтоническую, на южную и северную».

⁹ Хомяков перечисляет названные Чаадаевым «необходимые начала» общества и идеалы любого человека, образующие «его нравственное бытие еще до вступления в мир и в общество».

¹⁰ Конфуций, Кун-цзы (ок. 551—479 до н.э.) — древнекитайский мыслитель, основатель конфуцианства, идеалом которого является создание гармоничного общества, жизнь которого подчинена выполнению множества правил, в том числе и знаменитого универсального нравственного правила «Не делай человеку того, чего не желаешь себе».

¹¹ См.: Чаадаев П.Я. Философические письма к г-же ***. Письмо первое (Версия «Телескопа») // Чаадаев П.Я. Избранные труды. С. 45.

Полемизируя с логически противоречивым рассуждением Чаадаева, Хомяков противопоставляет ему идею, близкую его понятию соборности.

¹² См.: Чаадаев П.Я. Философические письма к г-же ***. Письмо первое (Версия «Телескопа») // Там же.

Хомяков обращает внимание на характерный парадокс историософии Чаадаева: ратуя за единение всех нравственных сил людей, он исключал из этого процесса Россию и, следовательно, себя самого.

¹³ Ср. у Чаадаева: «Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не приобрели ни единой идеи к массе идей человечества; ничем не содействовали совершенствованию человеческого разума и исказили все, что сообщило нам это совершенствование» (Чаадаев П.Я. Философические письма к г-же ***. Письмо первое (Версия «Телескопа») // Чаадаев П.Я. Избранные труды. С. 45—46). Логическое опровержение Чаадаева повторено Хомяковым в статье «О старом и новом».

¹⁴ Часто повторяемый у Хомякова символ чистоты и непорочности Церкви, принятый, вероятно, из Евангелий (Мф. 3, 16; Мр. 1, 10; Лк. 3, 22; Иоан. 1, 32).

¹⁵ Имеется в виду крещение Руси в 988 г.

¹⁶ Ср. у Чаадаева: «Пусть поверхностная философия вопиет что хочет, против войн за веру, против костров, зажженных нетерпимостью; мы можем только за-

видовать народам, которые в этой сшибке мнений, в этой кровопролитной борьбе за истину создали себе целый мир идей...» (Чаадаев П.Я. Философические письма к г-же ***. Письмо первое (Версия «Телескопа») // Чаадаев П.Я. Избранные труды. С. 49—50).

¹⁷ Имеются в виду «Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова» (XII в.), «Моление Даниила Заточника» (XIII в.) — памятники древнерусской литературы.

¹⁸ Делая исключение для «шотландцев», Хомяков имеет в виду поэмы Оссиана, популярные в начале XIX в. (см.: Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе. Л., 1980). Подобное патриотическое преувеличение было характерно для будущих славянофилов.

¹⁹ О СТАРОМ И НОВОМ

Статья была написана и прочитана на одном из литературных вечеров в доме Елагиных—Киреевских в зимний сезон 1838—1839 гг. Текст отражает особенности устной речи и в некоторых случаях как бы должен вызвать спор, что в итоге Хомякову блестяще удалось. Наиболее серьезными были возражения И.В. Киреевского «В ответ А.С. Хомякову». Статья справедливо считается первым программным документом раннего славянофильства. Название статьи восходит к работе Н.М. Карамзина «О древней и новой России», о существовании которой в николаевской России знали немногие. Хомяков широко использовал сведения, почерпнутые из карамзинской «Истории государства Российского», равно как и из трудов М.П. Погодина. Картина исторического развития России, нарисованная им, противоречива, богата художественными оттенками, но в главном призвана уточнить, если не опровергнуть, положение Карамзина: «Самодержавие есть Палладиум России». При жизни Хомякова статья распространялась в списках, а ее известность не вышла за пределы узкого круга столичной дворянской интеллигенции. Впервые статья была опубликована в 1861 г. в первом томе собрания сочинений А.С. Хомякова.

Печатается по: Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. I: Работы по историософии / Приложение к журналу «Вопросы философии» / Вступ. ст., сост. В.А. Кошелева; примеч. В.А. Кошелева, Н.В. Серебренникова, А.В. Чернова, В.А. Чернякова, Н.В. Балашова, В.М. Лурье. Серия: Из истории отечественной философской мысли. М.: Московский философский фонд; Медиум, 1994. С. 456—470. Комментарии В.А. Кошелева и др. даны с небольшими сокращениями и дополнены комментариями, которые принадлежат Н.И. Цимбаеву (Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 500—503) и др.

²⁰ Здесь имеется в виду сигнал тревоги, боевой клич. Ср. в словаре Даля: «Ясак — сторожевой и опознательный клич, знак, маяк; уран, лозунг, отзыв, пароль; знак для тревоги; сигнал вообще».

²¹ Клич к войне (фр.).

²² Хомяков обращается преимущественно к событиям XVII в., к Смутному времени, правлению Семибоярщины, бунтам стрельцов.

²³ Имеется в виду псковский архиепископ Макарий, один из виновников псковского восстания 1650 г.; был по решению мирского схода посажен в богдельню на цепь (см.: Соловьев С.М. Соч. М., 1990. Кн. 5. С. 473—475, 493—494).

²⁴ Речь идет о митрополите смоленском Симеоне (1670—1680-е гг.), которого патриарх Иоаким многократно наказывал за роскошь.

²⁵ Имеется в виду русский церковный Собор 1551 г., на котором обнаружили внутренние противоречия, приведшие к победе «иосифлян» над «нестяжателя-

ми», что для Хомякова означало торжество государственного вмешательства в церковные дела.

²⁶ Волчья (собачья) голова — символ опричнины.

²⁷ Царствование Василия I Дмитриевича названо «безнравственным», так как в конце XIV — начале XV в. политика Москвы основывалась на изменах местного боярства. В это же время были ослеплены два внука Дмитрия Донского: Василий Косой (ослеплен Василием II Васильевичем в 1436 г.) и сам Василий II Темный (ослеплен Дмитрием Шемякой в 1446 г.).

²⁸ Здесь: оскорбления, клевета; по определению В.И. Даля, «личность» означает личную обиду, хулу, оскорбление человеческого лица.

²⁹ Имеется в виду собирательская деятельность Н.М., А.М. и П.М. Языковых. (См.: Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Л., 1977. Т. 1).

³⁰ Речь идет об археографических экспедициях П.М. Строева, обнаружившего огромное множество ценнейших документов в государственных и монастырских архивах.

³¹ То есть суд, «где разбирательство идет на словах» (В. Даль).

³² Речь идет о Земских соборах, которые без особой регулярности собирались с середины XVI в. до второй половины XVII в. Для славянофилов была характерна идеализация этого инструмента сословно-представительной монархии.

³³ Имеется в виду отмена в 1704 г. Петром I приказа (суда), разбиравшего дела крепостных крестьян.

³⁴ Тысяцкий — должностное лицо в системе земского управления средневековой Руси, предводительствовавший народным ополчением и заведовавший охранительной полицией; тысяцкие избирались вече; в Московском государстве исчезли с XV в.

³⁵ Илот — житель древней Спарты, находившийся на положении раба. Хомяков хочет сказать, что ближайшей задачей правительства является искоренение «мерзости рабства законного», иными словами, крепостного права. Этим надеждам в николаевское царствование не дано было осуществиться.

³⁶ Дворянство как сословие сложилось много ранее правления Петра III, когда был издан указ 1762 г. о вольности дворянской, освобождавший дворян от обязательной службы.

³⁷ Камбасерес (Cambacérès) Жан-Жак (1753—1824) — знаменитый французский юрист и политический деятель, занимавший видные посты в правление Наполеона I.

³⁸ «Устарелость — самая справедливая и самая горькая критика закона» (фр.). Неточная цитата из преамбулы Ж.Ж. Камбасереса к «Гражданскому кодексу» (1804).

³⁹ Здесь Хомяков склонен преувеличивать «счастливые» последствия татаро-монгольского ига, которое, по его мнению, привело к ликвидации «федерации южных и северных племен» и положило начало московскому единодержавию. Позднее эту точку зрения развил историк государственной школы С.М. Соловьев.

⁴⁰ Древнее название Валдайской возвышенности.

⁴¹ Автор недооценивает масштабы польского вмешательства в московские дела в эпоху Смутного времени. Здесь Хомяков явно противоречит традиции николаевского времени, когда воспевались доблести россиян, подвиги Ивана Сусанина, Прокопия Ляпунова, патриарха Гермогена.

⁴² Знаменитая фраза Хомякова, которая однозначно истолковывается как признание им важности утверждения государственного начала и той роли, что сыграл в этом процессе Петр Великий. Как отмечает М.Б. Велижев, «в своей статье Хомяков высказал ряд тезисов, на которые в несколько утрированной форме возражает Чаадаев в “Апологии безумного”: 1) “больше не нужно Запада” — в до-

петровский период российской истории, согласно Хомякову, Запад “был совершенно чужд” России, отсюда следует, что фаза “сознающего себя” возвращения к Древней Руси в современном обществе подразумевает отказ от западных ценностей. Впрочем, другие суждения Хомякова на тот же предмет звучат чуть мягче, но сути доводов не меняют: “...мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными...”; 2) “надо разрушить создание Петра Великого” — Хомяков считал, что Петр “ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза”, “много ошибок помрачат славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы”. “Эпоха создания государственного”, связанная, согласно Хомякову, с деятельностью Петра I, закончилась, “настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому”. Последний тезис подразумевает сознательное, а не “случайное” “воскрешение Древней Руси” с “простотой дотатарского устройства областного”, с ее “патриархальным бытом”, не чуждыми “истины человеческой”, “закона справедливости и любви взаимной”, а также с чистотой православной церкви; 3) “надо опять уйти в пустыню” — говоря о развитии восточного христианства и невозможности принятия христианства в Греции, Хомяков писал: “Мысль, <утомленная> тщетною борьбою с внешностью быта общественного и государственного, уходила в пустыни, в обители Египта и Палестины, в нагорные монастыри Малой Азии и Эллады. Туда-то лучшие, избранные души уносили из круга гражданского красота своей внутренней жизни, и, удаляясь от мира, которого они не хотели и который не мог им покориться, они избрали поприще созерцания, размышления, молитвы и духовного восторга. В них жило все прекрасное и высокое, все то, что не осуществлялось современным обществом” (Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 464, 467—470)» (Велижев М.Б. Комментарии // Чаадаев П.Я. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. М.Б. Велижев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 731—732).

⁴³ Для Хомякова личная свобода была важнейшим условием справедливых общественных отношений. В славянофильском учении свободная личность отнюдь не принижалась в угоду общинному началу, как о том неоднократно заявляли противники славянофилов, но, напротив, была условием торжества чаемого идеала христианской справедливости.

⁴⁴ В соки и кровь (*лат.*).

⁴⁵ Здесь Хомяков впервые высказывает мысль, которую он затем неоднократно повторял в своей публицистике. Вслед за Погодиным он противопоставлял Запад, история которого связана с завоеванием одного народа другим, и Россию, начало которой было положено мирным призыванием варяжских князей. Теория «завоевания» была разработана французскими историками эпохи Реставрации Ф. Гизо, А. Тьером и др. Именно завоеванием они объясняли появление антагонистических классов и начало классовой борьбы. Для Погодина и Хомякова «призвание» служило как бы гарантией того, что Россия избежит губительных социальных потрясений.

⁴⁶ МНЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ

Впервые статья опубликована в журнале М.П. Погодина «Москвитянин» (1845. № 4).

Печатается по: Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 71—93. Комментарии Н.И. Цимбаева.

Непосредственным поводом для написания этой статьи стала книга маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году». В 1843—1844 гг. эта книга, написанная в крайне недоброжелательном по отношению к России и русским тоне, выдержала ряд изданий и стала европейской сенсацией.

⁴⁷ Характерное для Хомякова полемическое преувеличение. Число иностранных сочинений о России, относящихся к 1840-м гг., не достигает и нескольких десятков работ.

⁴⁸ Прямой, но несколько неудачный намек на маркиза де Кюстина, дед и отец которого погибли на эшафоте во времена Великой французской революции, который был небогат и имел самое отдаленное представление о «виленьях», феодально зависимых крестьянах старой Франции.

⁴⁹ Хомяков нарочито обходит вопрос о той роли, что играла николаевская Россия в европейской политике, о ее гегемониальных претензиях, которые не могли не беспокоить ни ближайших соседей России, ни Англию и Францию. В это время отношения с Францией были безнадежно испорчены, а именно французская пресса и французское общественное мнение задавали тон в Европе.

⁵⁰ С молодых лет Хомяков часто бывал в европейских странах, охотно выезжал туда с семьей. Его непосредственные впечатления от пребывания за границей, как они прослеживаются по переписке, скорее отрадны. С особым удовольствием он бывал в Англии и неизменно восхищался английским укладом жизни.

⁵¹ Английская Ост-Индская компания была символом колониального ограбления. *Вильберфорс* (Wilberforce) Уильям (1759—1833) — английский общественный деятель, известный филантроп. *Питт* (Pitt) Уильям (1759—1806) — английский политический деятель, проводивший твердую внутреннюю политику.

⁵² Славянофилов нередко упрекали в идеализации патриархальной старины, где не находилось места равноправному положению женщин в обществе. Взгляд Хомякова был совершенно иной. Его жена, Е.М. Хомякова, была красивым, добрым, светлым человеком и передовой женщиной. Одной из первых в России она пристрастилась к курению, чему ее муж не препятствовал.

⁵³ В комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824) слова Молчалина (действие 3, явление 3): «В мои лета не должно сметь / Свое суждение иметь».

⁵⁴ Речь идет о запрещении смертной казни в России, что последовало в царствование Елизаветы Петровны и что было связано с обетом, данным ею при восшествии на престол.

⁵⁵ МНЕНИЕ РУССКИХ ОБ ИНОСТРАНЦАХ

Впервые статья была напечатана в «Московском сборнике» 1846 г.

Печатается по: Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 93—126. Комментарии Н.И. Цимбаева.

Написанная в форме письма к приятелю статья и названием своим, и содержанием тесно связана с «Мнением иностранцев о России». Петербургский приятель, к которому обращается Хомяков, А.В. Веневитинов, брат поэта Д.В. Веневитинова, крупный чиновник.

⁵⁶ И ты тоже! (*лат.*). Слова, которые *Юлий Цезарь* произнес, когда увидел среди своих убийц дорогого ему Марка Брута. Любопытно, что Хомяков цитирует фразу по-французски, хотя в других случаях он не отказывался от цитат на латинском языке.

⁵⁷ Блазиус (Blasius) Иоганн Генрих (1809—1870) — немецкий зоолог, который путешествовал по России в 1840—1841 гг., а в 1844 г. издал на немецком языке книгу о своем путешествии.

⁵⁸ Речь идет о статье «Мнение иностранцев о России».

⁵⁹ Нибуэр (Niebuhr) Бартольд Георг (1776—1831) — знаменитый немецкий историк, автор многотомной истории Древнего Рима.

⁶⁰ Крюков Дмитрий Львович (1809—1845) — профессор всеобщей истории Московского университета, признанный лидер профессоров-западников, чья ранняя смерть выдвинула на первое место Т.Н. Грановского. Характерен добрый отзыв Хомякова об этом незаурядном человеке.

⁶¹ Предельно сжато Хомяков пересказывает историю распада Римской империи, итогом которого стало появление Западной Римской империи и Восточной (Византии), что произошло в IV в.

⁶² В битве при Пуатье в 732 г. франки под предводительством Карла Мартелла разбили арабское войско и остановили продвижение Арабского халифата в Западную Европу. Битва при Пуатье — одно из ключевых событий мировой истории.

⁶³ Странный вы народ, русские. Вы потомки великого исторического рода, а разыгрываете добровольно роль безродных найденышей (*фр.*).

⁶⁴ Ланкло Нинон де (Ninon de Lenclos) (1615—1705) — хозяйка парижского салона, до преклонных лет славившаяся своей красотой и умом. Характерно, что Хомяков протягивает нить от нее к Жорж Санд (1804—1876), французской писательнице, отстаивавшей права женщин, и к писаниям утопических социалистов.

⁶⁵ Хомяков, несомненно, был знаком с учением утопического социалиста Р. Оуэна. Остается неясным, правда, почему понятие «ассоциация» он заменяет словом «дружина», что ведет к терминологической путанице.

⁶⁶ Речь идет о Великой французской революции, начало которой положило взятие Бастилии 14 июля 1789 г.

⁶⁷ Имеется в виду работа В.Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина» (статья десятая), опубликованная в журнале «Отечественные записки» (1845. Кн. 11). Здесь Белинский занял решительно враждебную позицию по отношению к «Истории государства Российского» и резкую критику Карамзина перенес на Пушкина, посвятившего «Бориса Годунова» историку.

⁶⁸ Федор Никитич Романов — будущий патриарх Филарет, его сын Михаил на Земском соборе 1613 г. избран царем.

⁶⁹ Михаил Феодорович (1596—1645) — русский царь с 1613 г., первый царь из рода Романовых.

⁷⁰ Дизраэли (Disraeli) Бенджамин (1804—1881) — английский политический деятель, в будущем министр и премьер-министр, начинал карьеру как писатель и критик буржуазного общества.

⁷¹ Английские обычаи спасают Англию от английских законов (*англ.*).

⁷² «Земледельческая газета» — печатный орган, отстаивающий интересы помещиков и незыблемость крепостного права, объект постоянных нападок Хомякова. Картина, им нарисованная, не вполне верна: именно в эти годы складывалась натуральная школа в русской литературе, где крестьянин был показан без нарочитой тенденциозности.

⁷³ Речь идет о западническом журнале «Отечественные записки», где в № XII за 1844 г. был помещен соответствующий отзыв В.Г. Белинского.

⁷⁴ Запев «Высота ль, высота ль поднебесная» к былин «Соловей Будимирович».

⁷⁵ Чев-Чес — английская баллада XV в.; Оттербурн — деревня, где в 1388 г. произошла битва между англичанами и шотландцами, воспеваемая в сказаниях; цикл о Нибелунгах — древнегерманский эпос; Дитрих Бернский — сказочный древнегерманский герой.

⁷⁶ Имеется в виду поэма А.Н. Майкова «Две судьбы» (1844).

⁷⁶ < О СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЕ >

Работа впервые была напечатана в журнале «Русский архив» (1884. № 4). Название было дано публикаторами П.И. Бартевым и Д.А. Хомяковым.

Печатается по: Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 126—135. Комментарии Н.И. Цимбаева.

Выдержанная в форме письма к приятелю и представляющая собой действительно развернутый ответ Хомякова на вопрос об общине, заданный ему Кошелевым, работа заведомо не предназначалась для печати. Отсюда ее ясность, доказательность и резкость тона. Вместе с тем она, несомненно, стоит рядом с циклом хомяковских социально-политических работ этого времени. В ней предельно четко сформулировано славянофильское воззрение на общину, которая виделась Хомякову и его единомышленникам панацеей от зол российского крепостничества и западноевропейского «пролетариата». Хомяков был отлично осведомлен о новейшей западноевропейской литературе, посвященной борьбе труда и капитала, ясно видел неудовлетворительность предпринимаемых попыток примирить их интересы и предлагал свое решение.

⁷⁷ Примеры, приводимые Хомяковым, не слишком убедительны. В Померании на побережье Балтийского моря, в Средние века населенной славянами, едва ли можно найти следы «усовершенствования хозяйства». Северорусские земли, включая пермские, не знали крепостного права, но эффективное ведение там земледелия было предельно затруднено климатическими условиями.

⁷⁸ Хомяков уничижительно и несправедливо отзывается о реформе государственной деревни, которую с конца 1830-х гг. осуществлял граф П.Д. Киселев. Итогом этой реформы стало определенное повышение благосостояния государственной деревни, особенно на фоне положения деревни крепостной.

⁷⁹ Чистая доска, пустое место (*лат.*).

⁸⁰ Налог в пользу бедных (*англ.*).

⁸¹ Здесь Хомяков поднимает вопрос исключительной важности. Позднее к этому же выводу придут, не имея представления о суждении Хомякова, теоретики народничества.

⁸² Фалянстер — фаланстер, основа будущего социалистического общества, которое пропагандировалось французским социалистом Ш. Фурье. Фаланстер представлял из себя объединение промышленных или сельскохозяйственных работников, построенное на началах равенства и отрицания частной собственности. Из контекста следует, что для Хомякова промышленная община была разновидностью фаланстера.

Киреевский Иван Васильевич, религиозный философ, литературный критик и публицист

Родился в Москве 22 марта 1806 в семье отставного секунд-майора. Детские годы провел в родовом имении Долбино, получил хорошее домашнее образование под руководством матери, поэта В.А. Жуковского и отчима А.А. Елагина. В 1822, после переезда в Москву, брал домашние уроки у профессоров Московского университета. В 1824 поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел, был участником философского «Общества любителей» (1823—1825). В 1828 вышел в отставку. В 1830 выехал за границу, слушал лекции Ф.К. Савиньи, Ф. Шлейермахера, Г. Риттера, встречался с Г. Гегелем и Ф. Шеллингом. Через год после возвращения в 1832 начал издание журнала «Европеец», который был запрещен за статью «Деятельный век», помещенную в первом номере. В 1834 женился на А.П. Арбениной, которая сыграла существенную роль в его духовной эволюции (поворот к православию). Проводя лето с семьей в имении, сблизился со старцами Оптиной пустыни, особенно с Макарием Оптинским. К концу 1830-х сформулировал начала славянофильской доктрины в отклике на статью А.С. Хомякова «О старом и новом» («В ответ А.С. Хомякову», 1839). В 1840-х безуспешно попытался получить кафедру философии в Московском университете. В 1845 недолго редактировал журнал «Москвитянин», издаваемый М.П. Погодиным. В 1852 для подготовленного славянофилами первого «Московского сборника» написал программную статью «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России». Много времени отдал переводам и подготовке к изданию святоотеческих книг. В последние годы своей жизни работал над курсом философии. Умер 11.06.1856 в Санкт-Петербурге.

СОЧИНЕНИЯ

- Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979.
Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Калуга: Гриф, 2006.
Киреевский И.В. Разум на пути к Истине: Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М.: Правило Веры, 2002.
Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов К.М.* Философия И.В. Киреевского. Антропологический аспект. М., 2006.
Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М., 1995.
Каплин А.Д. Мирозрение славянофилов: история и будущее России. М., 2008.
Носов С.Н. Антирационализм в художественно-философском творчестве И.В. Киреевского. СПб., 2009.
 Славянофильство: pro et contra: творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2006.
Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

В ОТВЕТ А.С. ХОМЯКОВУ¹

Статья г-на Хомякова возбудила во многих из нас желание написать ему возражение. Потому я хотел сначала уступить это удовольствие другим и предложить вам статью об ином предмете. Но потом, когда я обдумал, что понятие наше об отношении прошедшего состояния России к настоящему принадлежит не к таким вопросам, о которых мы можем иметь безнаказанно то или другое мнение, как о предметах литературы, о музыке или об иностранной политике, но составляет, так сказать, существенную часть нас самих, ибо входит в малейшее обстоятельство, в каждую минуту нашей жизни; когда я обдумал еще, что каждый из нас имеет об этом предмете отличное от других мнение, тогда я решился писать, думая, что моя статья не может помешать другому говорить о том же, потому что это дело для каждого важно, мнения всех различны и единомыслие могло бы быть не бесполезно для всех.

Вопрос обыкновенно предлагается таким образом: прежняя Россия, в которой порядок вещей слагался из собственных ее элементов,

была ли лучше или хуже теперешней России, где порядок вещей подчинен преобладанию элемента западного? Если прежняя Россия была лучше теперешней, говорят обыкновенно, то надобно желать возвратить старое, исключительно русское, и уничтожить западное, искажающее русскую особенность; если же прежняя Россия была хуже, то надобно стараться вводить все западное и истреблять особенность русскую.

Силлогизм², мне кажется, не совсем верный. Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться в другое, при других обстоятельствах. Если же старое было хуже, то из этого также не следует, чтобы его элементы не могли сами собой развиться во что-нибудь лучшее, если бы только развитие это не было остановлено насильственным введением элемента чужого. Молодой дуб, конечно, ниже однолетней с ним ракиты³, которая видна издали, рано дает тень, рано кажется деревом и годится на дрова. Но вы, конечно, не услужите дубу тем, что привьете к нему ракиту.

Таким образом, и самый вопрос предложен неудовлетворительно. Вместо того чтобы спрашивать, лучше ли была прежняя Россия, полезнее, кажется, спросить: нужно ли для улучшения нашей жизни теперь возвращение к старому русскому или нужно развитие элемента западного, ему противоположного?

Рассмотрим, какую пользу мы можем извлечь из решения этого вопроса.

Положим, что вследствие беспристрастных изысканий мы убедимся, что для нас особенно полезно бы было исключительное преобладание одного из двух противоположных бытов; положим притом, что мы находимся в возможности иметь самое сильное влияние на судьбу России, — то и тогда мы не могли бы от всех усилий наших ожидать исключительного преобладания одного из противоположных элементов, потому именно, что хотя и один избран *в нашей теории*, но другой вместе с ним существует *в действительности*. Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т.п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь какою-нибудь силою истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет? Можем ли мы не знать того, что знаем, забыть все, что умеем? Еще менее можно думать, что 1000-летие русское может совершенно уничтожиться от влияния нового европейского. Потому, сколько бы мы ни желали возвращения русского или введения западного быта, но ни того, ни другого исключительно ожидать не можем, а поневоле должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал.

Следовательно, и этот вид вопроса: который из двух элементов исключительно полезен теперь? — также предложен неправильно. Не в том дело, который из двух. Но в том, какое *оба* они должны получить направление, чтобы действовать благотворительно. Чего от взаимного их действия должны мы надеяться или чего бояться?

Вот вопрос, как он существенно важен для каждого из нас: направление туда или сюда, а не приобретение того или другого.

Рассматривая основные начала жизни, образующие силы народности в России и на Западе, мы с первого взгляда открываем между ними одно очевидно общее: это христианство. Различие заключается в особенных видах христианства, в особенном направлении просвещения, в особенном смысле частного и народного быта. Откуда происходит общее, мы знаем, но откуда происходит различие и в чем заключается его характеристическая черта?

Два способа имеем мы для того, чтобы определить особенность Запада и России, и один из них должен служить поверкою другому. Мы можем или, восходя исторически к началу того или другого вида образованности, искать причину различия их в первых элементах, из которых они составились, или, рассматривая уже последующее развитие этих элементов, сравнивать самые результаты. И если найдется, что то же различие, какое мы заметим в элементах, окажется и в результатах их развития, тогда очевидно, что предположение наше верно, и, основываясь на нем, нам уже виднее будет, какие можно делать из него дальнейшие заключения.

Три элемента легли основанием европейской образованности: римское христианство, мир необразованных варваров, разрушивших Римскую империю, и классический мир древнего язычества.

Этот классический мир древнего язычества, не доставшийся в наследие России, в сущности своей представляет торжество формального разума человека над всем, что внутри и вне его находится, — чистого, голого разума, на себе самом основанного, выше себя и вне себя ничего не признающего и являющегося в двух свойственных ему видах: в виде формальной отвлеченности и отвлеченной чувственности. Действие классицизма на образованность европейскую должно было соответствовать тому же характеру.

Но потому ли, что христиане на Западе поддались незаконно влиянию классического мира или случайно ересь сошлась с язычеством, но только Римская церковь в уклонении своем от Восточной отличается именно тем же торжеством рационализма над Преданием, внешней разумности над внутренним духовным разумом. Так вследствие этого внешнего силлогизма, выведенного из понятия о Божественном равенстве Отца и Сына, изменен догмат о Троице, в противность духовному смыслу и Преданию; так вследствие другого силлогизма

папа стал главою церкви вместо Иисуса Христа, потом мирским властителем, наконец, непогрешаемым; бытие Божие во всем христианстве доказывалось силлогизмом; вся совокупность веры опиралась на силлогистическую схоластику⁴; инквизиция⁵, иезуитизм⁶ — одним словом, все особенности католицизма развились силою того же формального процесса разума, так что и самый протестантизм, который католики упрекают в рациональности, произошел прямо из рациональности католицизма. В этом последнем торжестве формального разума над верою и Преданием пронизательный ум мог уже наперед видеть в зародыше всю теперешнюю судьбу Европы как следствие воцаре⁷ начатого начала, то есть и Штрауса⁸, и новую философию со всеми ее видами, и индустриализм как пружину общественной жизни, и филантропию⁹, основанную на рассчитанном своекорыстии, и систему воспитания, ускоренную силою возбужденной зависти, и Гёте¹⁰, венец новой поэзии, литературного Талейрана¹¹, меняющего свою красоту, как тот свои правительства, и Наполеона, и героя нового времени, идеал бездушного расчета, и материальное большинство, плод рациональной политики, и Лудвига Филиппа¹², последний результат таких надежд и таких дорогих опытов!

Я совсем не имею намерения писать сатиру на Запад: никто больше меня не ценит тех удобств жизни общественной и частной, которые произошли от того же самого рационализма. Да если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привычками; но в сердце человека есть такие движения, есть такие требования в уме, такой смысл в жизни, которые сильнее всех привычек и вкусов, сильнее всех приятностей жизни и выгод внешней разумности, без которых ни человек, ни народ не могут жить своею настоящею жизнью. Потому, вполне оценивая все отдельные выгоды рациональности, я думаю, что в конечном развитии она своею болезненною неудовлетворительностью явно обнаруживается началом односторонним, обманчивым, оболстительным и предательским. Впрочем, распространяться об этом было бы здесь неуместно. Я припомню только, что все высокие умы Европы жалуются на теперешнее состояние нравственной апатии, на недостаток убеждений, на всеобщий эгоизм, требуют новой духовной силы вне разума, требуют новой пружины жизни вне расчета — одним словом, ищут веры и не могут найти ее у себя, ибо христианство на Западе исказилось своемыслием.

Таким образом, рационализм и вначале был лишним элементом в образовании Европы, и теперь является исключительным характером просвещения и быта европейского. Это будет еще очевиднее, если мы

сравним основные начала общественного и частного быта Запада с основными началами того общественного и частного быта, который если не развивался вполне, то, по крайней мере, ясно обозначился в прежней России, находившейся под прямым влиянием чистого христианства, без примеси мира языческого.

Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии об индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внешних формальных отношений, святость собственности и условных постановлений важнее личности. Каждый индивидуум — частный человек, рыцарь, князь или город *внутри своих прав* есть лицо самовластное, неограниченное, само себе дающее законы. Первый шаг каждого лица в общество есть окружение себя крепостию, из нутра которой оно вступает в переговоры с другими и независимыми властями.

В прошедший раз я не закончил статьи моей, а потому обязан продолжать ее теперь¹³. Я говорил о различии просвещения в России и на Западе. У нас образовательное начало заключалось в нашей церкви. Там вместе с христианством действовали на развитие просвещения еще плодоносные остатки древнего языческого мира. Самое христианство западное, отделившись от вселенской церкви, приняло в себя зародыши того начала, которое составляло общий оттенок всего греко-языческого развития, — начала рационализма. Потому и характер образованности европейской отличается перевесом рациональности.

Впрочем, этот перевес обнаружился только впоследствии, когда логическое развитие, можно сказать, уже задавило христианское. Но вначале рационализм, как я сказал, является только в зародыше. Римская церковь отделилась от Восточной тем, что некоторые догматы, существовавшие в *Предании*¹⁴ всего христианства, она изменила на другие вследствие *умозаключения*. Некоторые распространила вследствие того же логического процесса и также в противность преданию и духу церкви вселенской. Таким образом, логическое убеждение легло в самое первое основание католицизма. Но этим и ограничилось действие рационализма на первое время. Внутреннее и внешнее устройство церкви, уже совершившееся прежде в другом духе, до тех пор существовало без очевидного изменения, покуда вся совокупность церковного учения не перешла в сознание мыслящей части духовенства. Это совершилось в схоластической философии, которая, по причине логического начала в самом основании церкви, не могла иначе согласить противоречие веры и разума, как силою силлогизма, сделавшегося таким образом первым условием всякого убеждения. Сначала, естественно, этот же самый силлогизм доказывал веру против разума и подчинял ей разум силою разумных доводов. Но эта

вера, логически доказанная и логически противопоставленная разуму, была уже не живая, но формальная вера, не вера собственно, а только логическое отрицание разума. Потому в этот период схоластического развития католицизма именно по причине рациональности своей Западная церковь является врагом разума, угнетающим, убийственным, отчаянным врагом его. Но, развившись до крайности продолжением того же логического процесса, это безусловное уничтожение разума произвело то известное противодействие, которого последствия составляют характер теперешнего просвещения. Вот что я разумел, говоря о рациональном элементе католицизма.

Христианство восточное не знало ни этой борьбы веры против разума, ни этого торжества разума над верою. Потому и действия его на просвещение были не похожи на католические.

Рассматривая общественное устройство прежней России, мы находим многие отличия от Запада и, во-первых, образование общества в маленькие так называемые миры. Частная, личная самобытность — основа западного развития — была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное. Человек принадлежал миру, мир ему. По-земельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества.

Но это общество не было самовластное и не могло само себя устраивать, само изобретать для себя законы, потому что не было отделено от других, ему подобных обществ, управлявшихся однообразным обычаем. Бесчисленное множество этих маленьких миров, составлявших Россию, было все покрыто сетью церквей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду одинакие понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение — в обычай, который заменял закон, устраивая по всему пространству земель, подвластных нашей церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни. Это повсеместное однообразие обычая было, вероятно, одною из причин его невероятной крепости, сохранившей его живые остатки даже до нашего времени, сквозь все противодействие разрушительных влияний, в продолжение двухсот лет стремившихся ввести на место его новые начала.

Вследствие этих крепких, однообразных и повсеместных обычаев всякое изменение в общественном устройстве, не согласное со строем целого, было невозможно. Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же предопределенном порядке подчинялась семья миру, мир более обширный — сходке, сходка — вечу и т.д., покуда все частные круги смыкались в одном центре,

в одной православной церкви. Никакое частное разумение, никакое искусственное соглашение не могло основать нового порядка, выдумать новые права и преимущества. Даже самое слово *право* было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду. Потому никакая власть никакому лицу, ни сословию не могла ни даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни браться, но существуют сами по себе, независимо от условных отношений. На Западе, напротив того, все отношения общественные основаны на *условии* или стремятся достигнуть этого общественного основания. *Вне* условия нет отношений правильных, но является произвол, который в правительственном классе называют *самовластием*, в управляемом — *свободою*. Но и в том и в другом случае этот произвол доказывает не развитие внутренней жизни, а развитие внешней, формальной. Все силы, все интересы, все права общественные существуют там отдельно, каждый сам по себе, и соединяются не по нормальному закону, а или в случайном порядке или в искусственном соглашении. В первом случае торжествует материальная сила, во втором — сумма индивидуальных разумений. Но материальная сила, материальный перевес, материальное большинство, сумма индивидуальных разумений, в сущности, составляют одно начало, только в разных моментах своего развития. Потому *общественный договор* не есть изобретение энциклопедистов¹⁵, но действительный идеал, к которому стремились без сознания, а теперь стремятся с сознанием все западные общества под влиянием рационального элемента, переносившего элемент христианский.

В России мы не знаем хорошо границ княжеской власти прежде подчинения удельных княжеств Московскому, но, если сообразим, что сила неизменяемого обычая делала всякое самовластное законодательство невозможным; что разбор и суд, который в некоторых случаях принадлежал князю, не мог совершаться несогласно со всеобъемлющими обычаями, ни толкование этих обычаев по той же причине не могло быть произвольное; что общий ход дел принадлежал мирам и приказам, судившим также по обычаю вековому и потому всем известному; наконец, что в крайних случаях князь, нарушавший правильность своих отношений к народу и церкви, был изгоняем самим народом, — сообразивши все это, кажется очевидно, что собственно княжеская власть заключалась более в предводительстве дружин, чем во внутреннем управлении, более в вооруженном покровительстве, чем во владении областями.

Вообще, кажется, России так же мало известны были мелкие властители Запада, употреблявшие общество как бездушную собственность в свою личную пользу, как ей неизвестны были и благородные

рыцари Запада, опиравшиеся на личной силе, крепостях и железных латах, не признававшие другого закона, кроме собственного меча и условных правил чести, основанных на законе самоуправления.

Впрочем, рыцарства у нас не было по другим причинам.

С первого взгляда кажется непонятным, почему у нас не возникло чего-нибудь подобного рыцарству, по крайней мере, во время татар? Общества были разрознены, власть не имела материальной силы, каждый мог переходить с места на место, леса были глубокие, полиция была еще не выдумана; отчего бы, кажется, не составиться обществам людей, которые бы пользовались превосходством своей силы над мирными земледельцами и горожанами, грабили, управлялись, как хотели, захватили бы себе отдельные земли, деревни и строили бы там крепости; составили бы между собой известные правила и, таким образом, образовали бы особенный класс сильнейшего сословия, которое, по причине силы, могло бы назваться и благороднейшим сословием? Церковь могла бы воспользоваться ими, образуя из них отдельные ордена с отдельными уставами и употребляя их против неверных, подобно западным крестоносцам¹⁶. Отчего же не сделалось этого?

Именно потому, я думаю, что церковь наша в то время не продавала чистоты своей за временные выгоды. У нас были богатыри только до введения христианства. После введения христианства у нас были разбойники, шайки устроенные, еще до сих пор сохранившиеся в наших песнях, но шайки, отверженные церковью и потому бессильные. Ничего не было бы легче, как возбудить у нас крестовые походы, причислив разбойников к служителям церкви и обещав им прощение грехов за убиение неверных: всякий пошел бы в честные разбойники. Католицизм так и действовал: он не поднял народы за веру, но только бродивших направил к одной цели, назвав их святыми. Наша церковь этого не сделала, и потому мы не имели рыцарства, а вместе с ним и того аристократического класса, который был главным элементом всего западного образования.

Где больше было неустройства на Западе, там больше и сильнее было рыцарство; в Италии его было всего менее. Где менее было рыцарства, там более общество склонялось к устройству народному; где более — там более к единовластному. Единовластие само собой рождается из аристократии, когда сильнейший покоряет слабейших и потом правитель на условиях переходит в правителя безусловного, соединяясь против класса благородных с классом *подлых*, как Европа называла народ. Этот класс *подлых*, по общей формуле общественно-го развития Европы, вступил в права благородного, и та же сила, которая делала самовластным одного, естественным своим развитием переносила власть в материальное большинство, которое уже само

изобретает для себя какое-нибудь формальное устройство и до сих пор еще находится в процессе изобретения.

Таким образом, как Западная церковь образовала из разбойников рыцарей, из духовной власти власть светскую, из светской полиции святую инквизицию, что все, может быть, имело свои временные выгоды, — таким же образом действовала она и в отношении к наукам, искусствам языческим. Не изнутри себя произвела она новое искусство христианское, но прежнее, рожденное и воспитанное другим духом, другою жизнью, направила к украшению своего храма.

Оттого искусство романтическое заиграло новою блестящею жизнью, но окончилось поклонением язычеству и теперь кланяется отвлеченным формулам философии, покуда не возвратится мир к истинному христианству и не явится миру новый служитель христианской красоты.

Науки существенною частию своею, то есть как познания, принадлежат равно языческому и христианскому миру и различаются только своею философскою стороною. Этой философской стороны христианства католицизм не мог сообщить им потому, что сам не имел ее в чистом виде. Оттого видим мы, что науки, как наследие языческое, процветали так сильно в Европе, но окончились безбожием как необходимым следствием своего одностороннего развития.

Россия не блестела ни художествами, ни учеными изобретениями, не имея времени развиться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу. Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств: в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам. Все Святые Отцы греческие, не исключая самых глубоких писателей, были переведены, и читаны, и переписываемы, и изучаемы в тишине наших монастырей, этих святых зародышей несбывшихся университетов. «Исаак Сирий»¹⁷, глубокомысленнейшее из всех философских писаний, до сих пор еще находится в списках¹⁸ XII—XIII веков. И эти монастыри были в живом, беспрестанном соприкосновении с народом. Какое просвещение в нашем *подлом* классе не вправе мы заключить из этого одного факта! Но это просвещение не блестящее, но глубокое, не роскошное, не материальное, имеющее целью удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное; это устройство общественное, без самовластия и рабства, без благородных и подлых; эти обычаи вековые, без писанных кодексов, исходящие из церкви и крепкие согласиём нравов с учением веры; эти святые монастыри, рассадники христианского устройства, духовное сердце России, в которых хранились все усло-

вия будущего самобытного просвещения; эти отшельники, из роскошной жизни уходившие в леса, в недоступных ущельях изучавшие писания глубочайших мудрецов христианской Греции и выходившие оттуда учить народ, их понимавший; эти образованные сельские приговоры; эти городские веча; это раздолье русской жизни, которое сохранилось в песнях, — куда все это делось? Как могло это уничтожиться, не принеся плода? Как могло оно уступить насилию чужого элемента? Как возможен был Петр¹⁹, разрушитель русского и вводитель немецкого? Если же разрушение началось прежде Петра, то как могло Московское княжество, соединивши Россию, задавить ее? Отчего соединение различных частей в одно целое произошло не другим образом? Отчего при этом случае должно было торжествовать иностранное, а не русское начало? Один факт в нашей истории объясняет нам причину такого несчастного переворота: этот факт есть *Стоглавый собор*²⁰. Как скоро ересь явилась в церкви²¹, так раздор духа должен был отразиться и в жизни. Явились партии, более или менее уклоняющиеся от истины.

Партия нововводительная одолела партию старины именно потому, что старина разорвана была разномыслием. Оттуда, при разрушении связи духовной, внутренней, явилась необходимость связи вещественной, формальной, отсюда местничество, опричнина, рабство и т.п. Оттуда искажение книг по заблуждению и невежеству и исправление их по частному разумению и произвольной критике. Оттуда перед Петром правительство в разномыслии с большинством народа, отвергаемого под названием раскольников²². Оттого Петр, как начальник партии в государстве, образует общество в обществе и все, что за тем следует.

Какой же результат всего сказанного? Желать ли нам возратить прошедшее России и можно ли возратить его? Если правда, что самая особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства и что форма этого быта упала вместе с ослаблением духа, то теперь эта мертвая форма не имела бы решительно никакой важности. Возвращать ее насильственно было бы смешно, когда бы не было вредно. Но истреблять оставшиеся формы может только тот, кто не верит, что когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее церковь.

Желать теперь остается нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, поверивши ему, изучил нашу церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французам и немцам и сами узнали бы то, что имеем.

КАКИХ ПЕРЕМЕН ЖЕЛАЛ БЫ Я В ТЕПЕРЕШНЕЕ ВРЕМЯ В РОССИИ?²³

Прежде всего желал бы я, чтобы в теперешнее время никаких существенных перемен в России не делалось, покуда европейские волнения²⁴ не успокоятся и не установится там какой-нибудь твердый и ясный порядок вещей, который покажет нам, чего мы можем от них опасаться и чего надеяться.

Я желал бы, чтобы правительство наше не принимало никакого деятельного участия в делах западных, не вмешиваясь ни деньгами, ни войском, ни за правительства, ни за народы, ни за словен²⁵, ни за немцев, ни за турков, ни против турков. Каждое деятельное вмешательство наше, всегда более или менее тягостное для России, будет для немцев только спасительною для них пружиною соединения и ни в каком случае не уничтожит результатов их умственного движения, но разве на время только может отдалить их и тем способствовать к более прочному двоярению.

Быв же предоставлены собственному многоумию и собственной разноразличности²⁶, они поневоле придут к потребности немецкого порядка, к раздроблению на несколько частей, из которых две или три будут словенские, и к добровольному подчинению нашему покровительству и пр. и пр.

Покуда время не позволяет нам без крайнего легкомыслия желать каких-либо существенных изменений в нашем Отечестве, как-то: освобождения крестьян, изменения бессмысленных форм судопроизводства и т.п. — я желал бы некоторых частных улучшений, которые могли бы иметь полезные результаты, не производя никакого заметного переобразования.

Я желал бы, чтобы все фабрики, не вдруг, но постепенно и неприменно, были выведены из столиц и больших городов в маленькие города и села. Это можно было бы сделать так, чтобы все фабрики в столицах обложить каким-нибудь сначала маленьким (например, по 1 рублю с фабрики), но прогрессивно возрастающим налогом и потом назначить срок, к которому (например, через 10 или 15 лет) они должны будут переведены быть за город в расстоянии, например, 30 или 40 верст.

Эту перемену я почитаю весьма полезною: 1) потому что от излишнего скопления бесхозяйных рабочих ощутительно с каждым годом портится нрав низшего класса народа в больших городах, а от испорченной закваски скоро и легко портится народ и новый рабочий, туда приходящий, а из городов порча расходится по всей России; 2) существование огромного фабричного класса народа в городе дает возможность к непредвиденным беспорядкам, подстрекатель-

ствам, бунтам и пр.; 3) существование фабрик в селах и деревнях даст развитию промышленности то направление, которое, соединяя земледелие с промыслом, фабричную работу с близостью семьи, одно может сколько-нибудь остановить быстрое распадение нравов, которое вместе с водворением западной образованности очевидно совершается в нашем народе; 4) фабричные изделия, произведенные в столицах, не могут так дешево обходиться и, следовательно, продаваться, как те, которые произведены в селах, где съестные припасы и топливо обходятся дешевле. Если же столичные фабрики имеют теперь перевес над отдаленными, то только по причине близости тех отношений к заказам и сбыту, которые, не имея никакого влияния на большинство произведений, ни на выгоду потребителей, только подрыгают лучшие отдаленные фабрики и обогащают столичных фабрикантов на их счет и на счет потребителей.

Я желал бы, чтобы не только в приходских, но и в уездных училищах, кроме учителей Закона Божьего, еще и учителя русского языка замещены были лицами духовными, священниками, дьяконами, или, при их недостатке, хотя перворазрядными студентами из семинарий, ожидающими и еще не получившими священнические места, с тем чтобы им предписано было вместе с русским преподавать и начатки словенского языка и словенской грамматики, упражнять детей в словенском чтении, с объяснением и переводом трудных мест, и в учении нужнейших молитв. Кроме нравственной пользы, которая при такой перемене была бы очевидно: сближение образуемого народа с Церковью, — она могла бы быть бесполезна и по тому отношению, что: 1) между духовными гораздо легче можно найти хороших учителей; что они весьма довольны были бы положенным при этом светским жалованьем; 2) что, поступив в училище, они не портились бы в нравственности, как портятся светские оттого, что в маленьких городках не находят себе товарищей других, кроме разгульных писарей и мелких чиновников; 3) что излишек от остающегося жалованья мог бы быть употреблен на другие полезные цели по тому же училищу; 4) что, имея необходимость в меньшем числе светских учителей, правительство могло бы из предстоящих кандидатов избирать лучших и от избранных строже требовать исполнения их обязанностей; 5) что меньшее число учителей светских и большее число учителей духовных даст товариществу учителей другой характер, приблизив их более к обществу священников, чем к пьяному обществу чиновников, и пр. и пр.

Я желал бы, чтобы Библия была не переведена на русский²⁷ (это было бы вредно потому, что отдалило бы народ от знания словенского языка и, следовательно, от понимания церковного богослужения и, кроме того, уничтожило бы ту связь, которая лежит между различными пле-

менами словенскими), но издана на словенском с объяснениями внизу страницы всех слов и оборотов, непонятных для неопытного в словенском языке. Эти объяснения должны быть составлены так, чтобы только дополняли, а никак не заменяли перевод словенский. К ним можно прибавить варианты других изданий, а при том и те места, которые в еврейской Библии отличны от греческой Семидесяти толковников²⁸, не вводя их канонически, но только предоставляя на соображение читателей. Такое издание Библии, предоставляя каждому возможность сличить варианты так называемых старопечатных Библий с новыми изданиями, было бы одним из лучших средств уничтожить в самом корне раскольническую закоснелость старообрядцев, между тем как простой перевод на русский язык может только укрепить старые расколы или еще произвести новые.

Я желал бы, чтобы у нас, прежде всего, и не теряя ни одной минуты, и не дожидаясь никаких благоприятных обстоятельств, была изменена форма присяги²⁹ и отменено беспреостанное, ненужное, вредное и развращающее народ ее употребление при всех самых ничтожных обстоятельствах жизни. Излишнее напряжение пружины не увеличивает, но уничтожает ее силу. Могу ли я быть в самом деле честным гражданином, когда, при самом первом вступлении моем в обязанности гражданства, я должен давать такую присягу, которую наперед знаю, что не могу выполнить и не выполняю, например: доносить о всех ущербах казенного интереса, о которых я узнаю, между тем как я их узнаю всякий день и доносить не только не могу, но по законам нашим и не должен, ибо буду осужден как доносчик? Я знаю, что эти и подобные им нелепые мысли в присяге толкуются не буквальным образом, но знаю также, что эти толкования делаются только для того, чтобы успокоить свою совесть, и что, раз допустивши иносказательные толкования, можно из каждой фразы вывести любой смысл, как английские пьюэристы³⁰ выводят из 36 артиклов чисто католический смысл, хотя эти артиклы составлены были для того именно, чтобы отделить Английскую церковь от католицизма³¹. С такими толкованиями мы можем быть верными Отечеству, не вследствие присяги, а несмотря на присягу. Для чего же она? Что же касается до ее беспреостанного употребления, то, кто замечал ее действие в народе, легко убедится, что большая часть бессовестности его происходит от иного злоупотребления. Я сам слышал, как некоторые говорили: «Присягнуть в правде нельзя, а присягнуть велят — грех на том, кто ее выдумал, эту присягу!» Кто не знает, что за ведро вина можно целую деревню заставить присягнуть в чем угодно. Для чего же присяга? Между тем как, если бы она употреблялась только в редких, особенных и торжественных случаях, она не только была бы силою, но вместе и источником нравственности.

О ХАРАКТЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ ЕВРОПЫ И ЕГО ОТНОШЕНИИ К ПРОСВЕЩЕНИЮ РОССИИ³²

Письмо к графу Е.Е. Комаровскому³³

В последнее свидание наше мы много беседовали с вами о характере просвещения европейского и об его отличиях от характера того просвещения России, которое принадлежало ей в древние времена и которого следы до сих пор еще не только замечаются в нравах, обычаях и образе мыслей простого народа, но проникают, так сказать, всю душу, весь склад ума, весь, если можно так выразиться, внутренний состав русского человека, не переработанного еще западным воспитанием. Вы требовали от меня, чтобы я изложил мои мысли об этом предмете на бумаге. Но тогда я не мог исполнить Вашего желания. Теперь же, когда я должен писать о том же предмете статью для «Московского сборника»³⁴, я прошу позволения дать этой статье форму письма к вам: мысль, что я разговариваю с вами, согреет и оживит мои кабинетные размышления.

Конечно, мало вопросов, которые в настоящее время были бы важнее этого вопроса — об отношении русского просвещения к западному. От того, как он разрешается в умах наших, зависит не только господствующее направление нашей литературы, но, может быть, и направление всей нашей умственной деятельности, и смысл нашей частной жизни, и характер общежительных отношений. Однако же еще не очень давно то время, когда этот вопрос был почти невозможен или, что все равно, разрешался так легко, что не стоило труда его предлагать. Общее мнение³⁵ было таково, что различие между просвещением Европы и России существует только в степени, а не в характере и еще менее в духе или основных началах образованности. У нас, говорили тогда, было прежде только варварство: образованность наша начинается с той минуты, как мы начали подражать Европе, бесконечно опередившей нас в умственном развитии. Там науки процветали, когда у нас их еще не было; там они созрели, когда у нас только начинают распускаться. Оттого там учителя, мы ученики; впрочем, прибавляли обыкновенно с самодовольством, — ученики довольно смышленные, которые так быстро перенимают, что скоро, вероятно, обгонят своих учителей.

«Кто бы мог подумать, братцы, — говорил Петр в 1714 году в Риге, осушая стакан на новоспущенном корабле, — кто бы мог думать тому 30 лет, что вы, русские, будете со мною здесь, на Балтийском море, строить корабли и пировать в немецких платьях? Историки, — прибавил он, — полагают древнее седалище наук в Греции; оттуда перешли они в Италию и распространились по всем землям Европы. Но невежество наших предков помешало им проникнуть далее Польши, хотя

и поляки находились прежде в таком же мраке, в каком сперва были и все немцы, и в каком мы живем до сих пор, и только благодаря бесконечным усилиям своих правителей могли они, наконец, открыть глаза и усвоить себе европейское знание, искусства и образ жизни. Это движение наук на земле сравниваю я с обращением крови в человеке; и мне сдается, что они опять когда-нибудь покинут свое местопребывание в Англии, Франции и Германии и перейдут к нам на несколько столетий, чтобы потом снова возвратиться на свою родину, в Грецию»³⁶.

Эти слова объясняют увлечение, с которым действовал Петр, и во многом оправдывают его крайности. Любовь к просвещению была его страстью. В нем одном видел он спасение для России, а источник его видел в одной Европе. Но его убеждение пережило его целым столетием в образованном или, правильнее, в переобразованном им классе его народа; и тому тридцать лет едва ли можно было встретить мыслящего человека, который бы постигал возможность другого просвещения, кроме заимствованного от Западной Европы.

Между тем с тех пор в просвещении западноевропейском и в просвещении европейско-русском произошла перемена.

Европейское просвещение во второй половине XIX века достигло той полноты развития, где его особенное значение выразилось с очевидною ясностью для умов, хотя несколько наблюдательных. Но результат этой полноты развития, этой ясности итогов был почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. Не потому западное просвещение оказалось неудовлетворительным, чтобы науки на Западе утратили свою жизненность, напротив, они процветали, по-видимому, еще более, чем когда-нибудь; не потому, чтобы та или другая форма внешней жизни тяготела над отношениями людей или препятствовала развитию их господствующего направления; напротив, борьба с внешним препятствием могла бы только укрепить пристрастие к любимому направлению, и никогда, кажется, внешняя жизнь не устраивалась послушнее и согласнее с их умственными требованиями. Но чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которых мысль не ограничивалась тесным кругом минутных интересов, именно потому, что самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений; потому, что при всем богатстве, при всей, можно сказать, громадности частных открытий и успехов в науках общий вывод из всей совокупности знания представил только отрицательное значение для внутреннего сознания человека; потому, что при всем блеске, при всех удобствах наружных усовершенствований жизни самая жизнь лишена была своего существенного смысла, ибо, не проникнутая никаким общим сильным убеждением, она не могла быть ни украшена вы-

сокою надеждою, ни согрета глубоким сочувствием. Многовековой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала своего развития, так что собственные его коренные начала, из которых оно выросло, сделались для него посторонними, чужими, противоречащими его последним результатам, между тем как прямою собственностью его оказался этот самый разрушивший его корни анализ, этот самодвижущийся нож разума, этот отвлеченный силлогизм, не признающий ничего, кроме себя и личного опыта, этот самовластвующий рассудок — или как вернее назвать эту логическую деятельность, отрешенную от всех других познавательных сил человека, кроме самых грубых, самых первых чувственных данных, и на них одних созидающую свои воздушные диалектические построения?

Впрочем, надобно вспомнить, что чувство недовольства и безнадежности не вдруг обнаружилось в западном человеке при первом явном торжестве его разрушительной рассудочности. Опрокинув свои вековые убеждения, он тем более надеялся на всемогущество своего отвлеченного разума, чем огромнее, чем крепче, чем объемлющее были эти убеждения, им разрушенные. В первую минуту успеха его радость не только не была смешана с сожалением, но, напротив, упоение его самонадеянности доходило до какой-то поэтической восторженности. Он верил, что собственным отвлеченным умом может сейчас же создать себе новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на переобразованной им земле.

Страшные, кровавые опыты не пугали его; огромные неудачи не охлаждали его надежды; частные страдания налагали только венец мученичества на его ослепленную голову; может быть, целая вечность неудачных попыток могла бы только утомить, но не могла бы разочаровать его самоуверенности, если бы тот же самый отвлеченный разум, на который он надеялся, силою собственного развития не дошел до сознания своей ограниченной односторонности.

Этот последний результат европейской образованности, правда, еще далеко не сделавшийся всеобщим, но, очевидно, начинающий уже господствовать в передовых мыслителях Запада, принадлежит новейшей и, вероятно, уже окончательной эпохе отвлеченно-философского мышления. Но мнения философские недолго остаются достоянием ученых кафедр. Что нынче вывод кабинетного мышления, то завтра будет убеждением масс, ибо для человека, оторванного от всех других верований, кроме веры в рациональную науку, и не признающего другого источника истины, кроме выводов собственного разума, судьба философии делается судьбою всей умственной жизни. В ней не только сходятся все науки и все житейские отношения и связываются в один узел общего сознания, но из этого узла, из этого об-

щего сознания снова исходят правительственные нити во все науки и во все житейские отношения, дают им смысл и связь и образуют их по своему направлению. Оттого нередко видели мы, как в каком-нибудь уголке Европы созревает едва замеченная мысль в голове какого-нибудь труженика науки, которого и лицо едва заметно толпе, его окружающей, и через двадцать лет эта незаметная мысль этого незаметного лица управляет умами и волею этой же самой толпы, являясь перед ней в каком-нибудь ярком историческом событии. Не потому, чтобы в самом деле какой-нибудь кабинетный мыслитель из своего дымного угла мог по своему произволу управлять историей, но потому, что история, проходя через его систему, развивается до своего самосознания. Он только замечает и сводит в один общий итог совокупность господствующих результатов, и всякий произвол в движении его мысли отнимает у нее всю силу над действительностью, ибо только та система делается господствующею, которая сама есть необходимый вывод из господствующих до нее убеждений. Так, в организме народов, основывающих свои убеждения единственно на своих личных разумениях, голова философа является как необходимый естественный орган, через который проходит все кругообращение жизненных сил, от внешних событий возвышаясь до внутреннего сознания и от внутреннего сознания снова возвращаясь в сферу очевидной исторической деятельности. Посему можно сказать, что не мыслители западные убедились в односторонности логического разума, но сам логический разум Европы, достигнув высшей степени своего развития, дошел до сознания своей ограниченности и, уяснив себе законы собственной деятельности, убедился, что весь объем его самодвижной силы не простирается далее отрицательной стороны человеческого знания; что его умозрительное сцепливание выводных понятий требует оснований, почерпнутых из других источников познания; что высшие истины ума, его живые зрения, его существенные убеждения — все лежат вне отвлеченного круга его диалектического процесса и хотя не противоречат его законам, однако же и не выводятся из них и даже не достигаются его деятельностью, когда она оторвана от своей исконной совокупности с общею деятельностью других сил человеческого духа.

Так, западный человек, исключительным развитием своего отвлеченного разума утратив веру во все убеждения, не из одного отвлеченного разума исходящие, вследствие развития этого разума потерял и последнюю веру свою в его всемогущество. Таким образом был он принужден или довольствоваться состоянием полускотского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов (так сделали многие; но многие не могли, ибо еще сохранившимися остатками прежней жизни Европы были развиты иначе), или должен

был опять возвратиться к тем отвергнутым убеждениям, которые одушевляли Запад прежде конечного развития отвлеченного разума, — так сделали некоторые; но другие не могли потому, что убеждения эти, как они образовались в историческом развитии Западной Европы, были уже проникнуты разлагающим действием отвлеченного разума и потому из первобытной сферы своей, из самостоятельной полноты и независимости, перешли на степень разумной системы и оттого являлись сознанию человека западного как односторонность разума, вместо того чтобы быть его высшим, живительным началом.

Что же оставалось делать для мыслящей Европы? Возвратиться еще далее назад, к той первоначальной чистоте этих основных убеждений, в какой они находились прежде влияния на них западноевропейской рассудочности? Возвратиться к этим началам, как они были прежде самого начала западного развития? Это было бы делом почти невозможным для умов, окруженных и проникнутых всеми оболещеннями и предрассудками западной образованности. Вот, может быть, почему большая часть мыслителей европейских, не в силах будучи вынести ни жизни тесно эгоистической, ограниченной чувственными целями и личными соображениями, ни жизни односторонне умственной, прямо противоречащей полноте их умственного сознания, — чтобы не оставаться совсем без убеждений и не предаться убеждениям заведомо неистинным, обратились к тому избегу, что каждый начал в своей голове изобретать для всего мира новые общие начала жизни и истины, отыскивая их в личной игре своих мечтательных соображений, мешая новое со старым, невозможное с возможным, отдаваясь безусловно самым неограниченным надеждам, и каждый противореча другому, и каждый требуя общего признания других. Все сделались Колумбами, все пустились открывать новые Америки внутри своего ума, отыскивать другое полушарие земли по безграничному морю невозможных надежд, личных предположений и строго силлогистических выводов.

Такое состояние умов в Европе имело на Россию действие, противное тому, какое оно впоследствии произвело на Запад. Только немногие, может быть, и то разве на минуту, могли увлечься наружным блеском этих безрассудных систем, обмануться искусственным благообразием их гнилой красоты; но большая часть людей, следивших за явлениями западной мысли, убедившись в неудовлетворительности европейской образованности, обратили внимание свое на те особенные начала просвещения, не оцененные европейским умом, которыми прежде жила Россия и которые теперь еще замечаются в ней помимо европейского влияния.

Тогда начались живые исторические разыскания, сличения, издания. Особенно благодетельны были в этом случае действия нашего

правительства, открывшего в глуши монастырей, в пыли забытых архивов и издавшего в свет столько драгоценных памятников старины³⁷.

Тогда русские ученые, может быть, в первый раз после полутора-ста лет обратили беспристрастный, испытующий взор внутрь себя и своего отечества и, изучая в нем новые для них элементы умственной жизни, поражены были странным явлением: они с изумлением увидели, что почти во всем, что касается до России, ее истории, ее народа, ее веры, ее коренных основ просвещения и явных, еще теплых следов этого просвещения на прежней русской жизни, на характере и уме народа, — почти во всем, говорю я, они были до сих пор обмануты; не потому, чтобы кто-нибудь с намерением хотел обмануть их, но потому, что безусловное пристрастие к западной образованности и безотчетное предубеждение против русского варварства заслоняли от них разумение России. Может быть, и они сами прежде, под влиянием тех же предрассудков, содействовали к распространению того же ослепления. Но обаяние было так велико, что скрывало от них самые явные предметы, стоявшие, так сказать, пред их глазами; зато и пробуждение совершается так быстро, что удивляет своею неожиданностью.

Ежедневно видим мы людей, разделявших западное направление, и нередко между ними людей, принадлежащих к числу самых просвещенных умов и самых твердых характеров, которые совершенно переменяют свой образ мыслей единственно оттого, что беспристрастно и глубоко обращают свое внимание внутрь себя и своего отечества, изучая в нем те основные начала, из которых сложилась особенность русского быта; в себе открывая те существенные стороны духа, которые не находили себе ни места, ни пищи в западном развитии ума.

Впрочем, понять и выразить эти основные начала, из которых сложилась особенность русского быта, не так легко, как, может быть, думают некоторые. Ибо коренные начала просвещения России не раскрылись в ее жизни до той очевидности, до какой развились начала западного просвещения в его истории. Чтобы их найти, надобно искать; они не бросаются сами в глаза, как бросается образованность европейская. Европа высказалась вполне. В девятнадцатом веке она, можно сказать, dokonчила круг своего развития, начавшийся в девятнадцатом. Россия хотя в первые века своей исторической жизни была образованна не менее Запада, однако же вследствие посторонних и, по видимому, случайных препятствий была постоянно останавливаема на пути своего просвещения, так что для настоящего времени могла она сберечь не полное и досказанное его выражение, но только одни, так сказать, намеки на его истинный смысл, одни его первые начала и их первые следы на уме и жизни русского человека.

В чем же заключаются эти начала просвещения русского? Что представляют они особенного от тех начал, из которых развилось просвещение западное? И возможно ли их дальнейшее развитие? И если возможно, то что обещают они для умственной жизни России? Что могут принести для умственной жизни Европы? Ибо после совершившегося соприкновения России и Европы уже невозможно предполагать ни развития умственной жизни в России без отношения к Европе, ни развития умственной жизни в Европе без отношения к России.

Начала просвещения русского совершенно отличны от тех элементов, из которых составилось просвещение народов европейских.

Конечно, каждый из народов Европы имеет в характере своей образованности нечто особое; но эти частные, племенные и государственные или исторические особенности не мешают им всем составлять вместе то духовное единство, куда каждая особая часть входит как живой член в одно личное тело. Оттого посреди всех исторических случайностей они развивались всегда в тесном и сочувственном соотношении. Россия, отделившись духом от Европы, жила и жизнью отдельной от нее. Англичанин, француз, итальянец, немец никогда не переставал быть европейцем, всегда сохраняя притом свою национальную особенность. Русскому человеку, напротив того, надобно было почти уничтожить свою народную личность, чтобы сродниться с образованностью западную, ибо и наружный вид, и внутренний склад ума, взаимно друг друга объясняющие и поддерживающие, были в нем следствием совсем другой жизни, проистекающей совсем из других источников.

Кроме разностей племенных, еще три исторические особенности дали отличительный характер всему развитию просвещения на Западе: особая форма, через которую проникало в него христианство, особый вид, в котором перешла к нему образованность древнеклассического мира, и, наконец, особые элементы, из которых сложилась в нем государственность.

Христианство было душою умственной жизни народов на Западе так же, как и в России. Но в Западную Европу проникало оно единственно через церковь римскую.

Конечно, каждый патриархат, каждое племя, каждая страна в христианском мире не переставали сохранять свою личную особенность, участвуя притом в общем единстве всей церкви. Каждый народ, вследствие местных, племенных или исторических случайностей развивший в себе преимущественно одну какую-нибудь сторону умственной деятельности, естественно, должен был и в духовной жизни своей, и в писаниях своих богословов удерживать тот же свой особенный характер, свою, так сказать, природную физиономию, только

просветленную высшим сознанием. Так богословские писатели сирийских стран обращали, кажется, преимущественное внимание на внутреннюю, созерцательную жизнь человека, отрешенного от мира³⁸. Римские богословы³⁹ занимались особенно стороною практической деятельности и логической связи понятий. Духовные писатели просвещенной Византии⁴⁰ более других, кажется, имели в виду отношение христианства к частным наукам, вокруг него процветавшим и сперва враждовавшим с ним, а потом покорившимся ему. Богословы александрийские⁴¹, находясь в двоякой борьбе — с язычеством и иудейством, окруженные философскими, теософскими и гностическими школами, по преимуществу обращали внимание на умозрительную сторону христианского учения.

Различные пути вели к одной общей цели, куда стремящиеся по ним не уклонялись от общей цели. Везде бывали частные ереси, которые всегда имели близкое отношение к господствующему направлению народов, где они возникали; но они уничтожались единомыслием церкви вселенской, соединявшей все частные церкви в одно святое согласие. Бывали времена, когда опасность уклонения угрожала и целым патриархатам, когда учение, несогласное с учением вселенской церкви, согласовалось, однако же, с господствующим направлением и умственною особенностью народов, частную церковь составлявших; но в эти времена испытания, когда для частной церкви предстоял решительный выбор: или отторгнуться от церкви вселенской, или пожертвовать своим частным мнением, Господь спасал свои церкви единодушием всего православного мира. Особенность каждой частной церкви тогда только могла бы увлечь ее в раскол, когда бы она отделилась от Предания и общения с другими церквями; но, оставаясь верною общему Преданию и общему согласию любви, каждая частная церковь особым характером своей духовной деятельности только увеличивала общее богатство и полноту духовной жизни всего христианства. Так и Римская церковь имела свою, так сказать, законную особенность, прежде чем отделилась от церкви вселенской, но, отделившись от нее, она естественно должна была эту частную свою особенность обратить в исключительную форму, через которую одну христианское учение могло проникать в умы народов, ей подчиненных.

Образованность древнего дохристианского мира — второй элемент, из которого развилось просвещение Европы, — была известна Западу до половины XV века почти исключительно в том особенном виде, какой она приняла в жизни древнего языческого Рима, но другая сторона ее, образованность греческая и азиатская⁴², в чистом виде своем почти не проникала в Европу до самого почти покорения Константинополя⁴³. Между тем Рим, как известно, далеко не был пред-

ставителем всего языческого просвещения: ему принадлежало только господство материальное над миром, между тем как умственное господство над ним принадлежало и языку, и образованности греческой. Потому всю опытность человеческого ума, все достоинство его, которое он добыл себе в продолжение шеститысячелетних⁴⁴ усилий, принимать единственно в той форме, какую оно получило из образованности римской, — значило принимать его в виде совершенно односторонним и неминуемо подвергаться опасности сообщить эту односторонность и характеру собственной своей образованности.

Так действительно и совершилось с Европою. Когда же в XV веке греческие изгнанники перешли на Запад со своими драгоценными рукописями, то было уже поздно. Образованность Европы, правда, оживилась, но смысл ее остался тот же: склад ума и жизни был уже заложен.

Греческая наука расширила круг знания и вкуса, разбудила мысли, дала умам полет и движение, но господствующего направления духа уже изменить не могла.

Наконец, третий элемент просвещения — образованность общественная — представляет ту особенность на Западе, что почти ни в одном из народов Европы государственность не произошла из спокойного развития национальной жизни и национального самосознания, где господствующие, религиозные и общественные понятия людей, воплощаясь в бытовых отношениях, естественно вырастают и крепнут и связываются в одно общее единомыслие, правильно отражающееся в стройной цельности общественного организма. Напротив, общественный быт Европы по какой-то странной исторической случайности почти везде возник насильственно, из борьбы насмерть двух враждебных племен: из угнетения завоевателей, из противодействия завоеванных и, наконец, из тех случайных условий, которыми наружно кончались споры враждующих несоразмерных сил⁴⁵.

Эти три элемента Запада: Римская церковь, древнеримская образованность и возникшая из насилий завоевания государственность — были совершенно чужды древней России. Приняв учение христианское от Греции, она постоянно находилась в общении со вселенской церковью. Образованность древнеязыческого мира переходила к ней уже сквозь учение христианское, не действуя на нее односторонним увлечением, как живой остаток какой-нибудь частной народности; только впоследствии, утвердившись в образованности христианской, начинала она усваивать себе последние результаты наукообразного просвещения древнего мира, — когда провидению, видимо, угодно было остановить дальнейший ход ее умственного развития, спасая ее, может быть, от вреда той односторонности, которая неминуемо стала бы ее уделом, если бы ее рассудочное образование началось прежде,

чем Европа dokonчила круг своего умственного развития, и когда, не обнаружив еще последних выводов своих, она могла тем безотчетнее и тем глубже завлечь ее в ограниченную сферу своего особенного развития. Христианство, проникнув в Россию, не встретило в ней тех громадных затруднений, с какими должно было бороться в Риме и Греции и в европейских землях, пропитанных римской образованностью. Чистому влиянию его учения на внутреннюю и общественную жизнь человека словенский мир не представлял тех неодолимых препятствий, какие оно находило в сомкнутой образованности мира классического и в односторонней образованности народов западных. Во многом даже племенные особенности словенского быта помогли успешному осуществлению христианских начал. Между тем основные понятия человека о его правах и обязанностях, о его личных, семейных и общественных отношениях не составлялись насильственно из формальных условий враждующих племен и классов — как после войны проводятся искусственные границы между соседними государствами по мертвой букве выпоренного трактата.

Но, не испытав завоевания, русский народ устраивался самобытно.

Враги, угнетавшие его, всегда оставались вне его, не мешаясь в его внутреннее развитие. Татары, ляхи, венгры, немцы и другие бичи, посланные ему Провидением, могли только остановить его образование и действительно остановили его, но не могли изменить существенного смысла его внутренней и общественной жизни.

Между тем эти чуждые России три элемента первоначальной образованности европейской: Римская церковь, древнеримский мир и возникшая из завоевания государственность — определили весь круг дальнейшего развития Европы, как три точки в пространстве определяют круговую линию, которая через них проходит.

Влияние живых еще развалин, уцелевших от разрушения остатков старой римской образованности, на новорождающуюся образованность Запада было всеобъемлющее. Проникая в самое основное строение общественных отношений, в законы, в язык, в нравы, в обычаи, в первое развитие наук и искусств европейских, Древний Рим должен был поневоле сообщить более или менее всем отношениям западного человека тот особенный характер, которым сам он отличался от других народов, и этот особенный характер всей совокупности отношений, окружающих человека, по необходимости должен был проникнуть в самый, так сказать, внутренний состав его жизни, переобразовывая более или менее все другие влияния согласно своему господствующему направлению.

Потому главная особенность умственного характера Рима должна была отразиться и в умственной особенности Запада. Но если мы захотим эту господствующую особенность римского образования выра-

зять одною общею формулою, то не ошибемся, кажется, если скажем, что отличительный склад римского ума заключался в том именно, что в нем наружная рассудочность брала перевес над внутреннюю сущностью вещей. Этот характер, очевидно, представляет нам общественный и семейный быт Рима, логически и нераскаянно уродовавший естественные и нравственные отношения людей по внешней букве случайно выразившегося закона. Тот же характер представляет нам и поэзия римлян, работавшая над художественным усовершенствованием внешних форм чужого вдохновения. То же представляет нам их язык, задавивший под искусственной стройностью грамматических конструкций естественную свободу и живую непосредственность душевных движений. Тот же характер видим мы в самых знаменитых законах римских, где стройность внешней формальности доведена до столь изумительного логического совершенства при изумительном тоже отсутствии внутренней справедливости. То же наружное сцепление мыслей на счет внутренней, живой полноты смысла представляет нам и религия римская, за внешними обрядами почти забывшая их таинственное значение, — римская религия, это собрание всех разнородных, даже противоречащих друг другу божеств языческого мира, наружно совмещенных, внутренне разноречащих, в то же время логически согласенных в одно символическое поклонение, где под покрывалом философской связи скрывалось внутреннее отсутствие веры. Тот же характер рассудочного направления замечаем мы и в нравах римских, где так высоко ценилась внешняя деятельность человека и так мало обращалось внимания на ее внутренний смысл; где гордость была добродетелью; где личное логическое убеждение каждого было единственным руководством его действий; где потому каждая личность сознавала себя не только за нечто особое, но и за нечто отличное от других личностей и не понимала к ним иных отношений, кроме отношений, логически выведенных из наружных условий жизни. Потому римлянин не знал почти другой связи между людьми, кроме связи общего интереса, другого единства, кроме единства партии. Самый патриотизм римлянина — бескорыстнейшее чувство, до которого он мог достигнуть, был для него не тем, чем он был для грека. Он не любил дыма отечества; даже дым греческого очага был для него привлекательнее. Он любил в отечестве интерес своей партии и то особенно, что оно ласкало его гордость. Но непосредственное, общечеловеческое чувство было почти заглушено в душе римлянина. Относительно же сограждан своих понимал он себя почти так же, как его великий Рим понимал себя относительно других городов, его окружавших; равно готовый на союз и на войну, он решался на то или другое по указанию расчета, постоянно слушая внушения той страсти, которая обыкновенно господ-

ствует внутри ума сухо-логического и корыстно-деятельного: я говорю о страсти преобладания над другими, которая в душе римлянина занимала то же место, какое в душе сочувственного грека занимала страсть безрассудного славолубия. Одним словом, во всех особенностях римского человека, во всех изгибах умственной и душевной деятельности видим мы одну общую черту: что наружная стройность его логических понятий была для него существеннее самой сущности и что внутреннее равновесие его бытия, если можно так выразиться, сознавалось им единственно в равновесии рассудочных понятий или внешней формальной деятельности.

Христианство, разумеется, при самом появлении своем среди языческого мира противоречило этому направлению корыстной личности и самомнительной рассудочности римского человека. Обращая главную деятельность духа к внутренней цельности бытия, оно не только противилось всякой страстности увлечений, хотя бы и благовидными предложениями украшенной, но вместе, возводя ум к живому средоточию самопознания, оно боролось и с тем состоянием духовного распада, где односторонняя рассудочность отрывается от других сил духа и думает достигнуть истины наружною связностью понятий.

Между тем как для этой внешней, рассудочной мудрости христианская проповедь казалась безумием⁴⁶, — с высоты христианского учения эта надменная рассудочность являлась во всей бедности своей нечувственной слепоты. Потому в первые века церкви видим мы в богословских писателях даже римского мира нередкие нападения на ложность языческого философствования⁴⁷. Однако же господство чисто христианского направления не могло совершенно изгладить из их ума особенность римской физиономии, которая, как уже мы заметили, оставаясь в своих законных границах, не только не мешала истинному направлению духа, но, напротив, должна была еще увеличивать многостороннее богатство его проявлений и только там увлекала в заблуждения, где ее излишеством нарушалось внутреннее равновесие духа. Так, Тертуллиан⁴⁸, может быть самый красноречивый из богословских писателей Рима, особенно поражает своею блестящею логикою, наружною связностью своих положений; многие из его произведений навсегда остаются украшением церкви, хотя самое излишество логической способности или, лучше сказать, ее отделенность от других сил разума увлекла его в ту крайность, где его учение уже оторвалось от учения чисто христианского. Счастливей был его знаменитый ученик, святитель Киприан⁴⁹, хотя не менее его замечателен особенностью своей логической силы. Но ни один, может быть, из древних и новых Отцов Церкви не отличался столько любовью к логическому сцеплению истин, как Блаженный Августин, по преиму-

шеству называемый учителем Запада⁵⁰. Некоторые сочинения его являются как бы одна, из кольца в кольцо неразрывно сомкнутая, железная цепь силлогизмов. Оттого, может быть, иногда увлекался он слишком далеко, за наружную стройностию не замечая внутреннюю односторонность мысли, так что в последние годы своей жизни должен был сам писать опровержение некоторых из своих прежних утверждений.

Но если эта особенная приверженность римского мира к наружному сцеплению понятий была небезопасна для римских богословов еще в то время, когда Римская церковь была живою частью церкви вселенской, когда общее сознание всего православного мира удерживало каждую особенность в законном равновесии, — то понятно, что после отделения Рима эта особенность римского ума должна была взять решительный перевес в характере учения римских богословов. Может быть, даже эта римская особенность, эта оторванная рассудочность, эта излишняя склонность к наружному сцеплению понятий была одною из главнейших причин самого отпадения Рима.

Конечно, не место здесь разбирать ни причины, ни обстоятельства этого отпадения: римский ли дух преобладания был тайным побуждением главных деятелей или другие причины: все предположения могут быть подвержены спору; но не подвержен сомнению самый предлог отпадения: новое прибавление догмата к прежнему Символу, прибавление, которое, против древнего Предания и общего сознания церкви, оправдывалось единственно логическими выводами западных богословов.

Мы потому особенно упоминаем здесь об этом обстоятельстве, что оно лучше других может нам объяснить характер западной образованности, где римская отрешенная рассудочность уже с IX века проникла в самое учение богословов, разрушив своею односторонностию гармоническую цельность внутреннего умозрения.

С этой точки зрения, для нас становится понятным, почему западные богословы со всею рассудочною добросовестностию могли не видеть единства церкви иначе, как в наружном единстве епископства; почему наружным делам человека могли они приписывать существенное достоинство; почему при внутренней готовности души и при недостатке этих наружных дел не понимали они для нее другого средства спасения, кроме определенного срока чистилища; почему, наконец, могли они приписывать некоторым людям даже избыток достоинства наружных дел и вменять этот избыток недостатку других тоже за какие-нибудь наружные действия, совершенные для внешней пользы церкви.

Таким образом, подчинив веру логическим выводам рассудка, Западная церковь еще в IX веке положила внутри себя неминуемое семя

Реформации, которая поставила ту же церковь перед судом того же логического разума, ею самую возвышенного над общим сознанием церкви вселенской; и тогда еще мыслящий человек мог уже видеть Лютера⁵¹ из-за папы Николая I⁵², как, по словам римских католиков, мыслящий человек XVI века мог уже из-за Лютера предвидеть Штрауса.

Очевидно, что та же нравственная причина, тот же перевес логической односторонности, который произвел учение о необходимости наружного единства церкви, должен был породить и учение о непогрешаемости ее видимой главы. Это было прямым следствием того особенного характера образованности, который начинал господствовать в западном мире. Из этой же причины общего состояния умов в Европе произошло и то обстоятельство, что франкский император мог предложить, а римский архиерей мог принять светское владычество в своей епархии⁵³. Потом по той же логической причине должно было полудуховное владычество папы распространиться над всеми правителями Запада и породить все устройство так называемой Святой Римской империи⁵⁴ и весь характер исторического развития средних веков, где светская власть беспрестанно смешивалась с духовною и беспрестанно боролась с нею, взаимно приготавливая одна другой место для будущего падения во мнении народном, между тем как в то же время внутри человека западного происходила тоже борьба между верою и разумом, между Преданием и личным самоумнением; и как духовная власть церкви искала себе основания в силе светской, так духовное убеждение умов западных искало себе основания в рассудочном силлогизме.

Так, искусственно устроив себе наружное единство, поставив над собою одну единую главу, соединившую власть духовную и светскую, церковь Западная произвела раздвоение в своей духовной деятельности, в своих внутренних интересах и во внешних своих отношениях к миру. Двойная башня, которая обыкновенно возвышается над католическим костелом, может служить символом этого раздвоения.

Между тем светские правители, подчинившиеся главенству тривенчанного правителя церкви⁵⁵, сомкнули таким образом феодальное устройство так называемой Святой Римской империи. Может быть, это был единственный разумный исход общественной жизни народов, которых государственное устройство возникло из завоевания. Ибо непримиримая борьба двух спорящих племен, угнетавшего и угнетенного, произвела на все развитие их истории постоянную ненависть сословий, неподвижно друг против друга стоящих, со своими враждебными правами, с исключительными преимуществами одного, с глубоким недовольством и бесконечными жалобами другого, с упорною завистию возникшего между ними среднего, с общим и вечно болезненным колебанием их относительного перевеса, из ко-

того рождались наружные, формальные и насильственные условия примирения, которыми все стороны оставались недовольными и которые могли получить некоторое утверждение в сознании общественном только из начала, вне государства находящегося. Между тем чем менее было прав для сословия, происшедшего от племени завоеванного, тем менее было правомерности и в понятиях сословия, происшедшего от завоевателей. Каждая благородная личность стремилась сделаться сама верховным законом своих отношений к другим.

Мысль об общей государственности или народности не могла проникнуть в их независимое сердце, со всех сторон защищенное железом и гордостью. Только ими же изобретенные и добровольно установленные правила внешних формальных отношений могли подчинить себе их самоуправный произвол. Таким образом, законы чести хотя родились из потребности времени как единственно возможная замена закона при совершенной беззаконности, однако же характером своим обличают такую односторонность общественного быта, такую крайнюю внешность и формальность личных отношений и такое забвение их существенной стороны, что, взятые отдельно от всей жизни европейской, они одни могли бы служить полным зеркалом всего развития западной общественности.

Каждый благородный рыцарь внутри своего замка был отдельное государство. Потому и отношения между благородными лицами могли иметь только внешний, формальный характер. Такой же внешний, формальный характер должны были носить и отношения их к другим сословиям. Потому и развитие права гражданского в западных государствах получило тот же смысл внешней, спорно-буквальной формальности, какой лежал в самой основе общественных отношений. Римское право, еще продолжавшее жить и действовать в некоторых отдельных городах Европы, еще более укрепило это направление внешней формальности в европейской юриспруденции.

Ибо римское право имеет тот же внешний формальный характер, за наружною буквою формы забывающий внутреннюю справедливость, может быть, потому, что и римская общественная жизнь также развилась из постоянной борьбы двух противоположных народностей, насильственно в одну государственность втесненных.

Этим объясняется, между прочим, отчего чужое для европейских народов римское право так легко могло привиться к ним, исключая те немногие страны, где общественность возникла не из завоевания и которые потому обещают более цельное развитие в будущем.

Но, начавшись насилем, государства европейские должны были развиваться переворотами, ибо развитие государства есть не что иное, как раскрытие внутренних начал, на которых оно основано.

Потому европейские общества, основанные насилем, связанные формальностью личных отношений, проникнутые духом односторонней рассудочности, должны были развить в себе не общественный дух, но дух личной отделенности, связываемой узлами частных интересов и партий. Отчего история европейских государств хотя представляет нам иногда внешние признаки процветания жизни общественной, но в самом деле под общественными формами скрывались постоянно одни частные партии, для своих частных целей и личных систем забывавшие о жизни целого государства. Партии папские, партии императорские, партии городские, партии церковные, придворные, личные, правительственные, религиозные, политические, народные, среднесловные, даже партии метафизические постоянно боролись в европейских государствах, стараясь каждая перевернуть его устройство согласно своим личным целям. Потому развитие в государствах европейских совершалось не спокойным возрастанием, но всегда посредством более или менее чувствительного переворота. Переворот был условием всякого прогресса, покуда сам сделался уже не средством к чему-нибудь, но самобытною целью народных стремлений.

Очевидно, что при таких условиях образованность европейская должна была окончиться разрушением всего умственного и общественного здания, ею же самою воздвигнутого.

Однако же это распадение разума на частные силы, это преобладание рассудочности над другими деятельностями духа, которое впоследствии должно было разрушить все здание европейской средневековой образованности, вначале имело действие противное и произвело тем быстрее развитие, чем оно было одностороннее.

Таков закон уклонения человеческого разума: наружность блеска при внутреннем потемнении.

Еще быстрее совершилось развитие образованности арабской, ибо оно было еще одностороннее, хотя имело то же отвлеченно рассудочное направление, какое приняла и средневековая Европа. Но просвещению магометанскому легче было обратиться в логическую формальность свои основные убеждения, чем просвещению христианскому, существенно живому и цельному. Систематическая связь отвлеченных понятий была высшею целью, до которой могло достигнуть умственное самосознание магометанина и которая лежала, можно сказать, в самом основании его веры⁵⁶. Ибо, требуя от него только отвлеченного признания некоторых исторических фактов и метафизического признания единства Божества, она притом не требовала от него внутренней цельности самопознания, но спокойно оставляла распавшуюся натуру человека в ее непримиренной раздвоенности; она не указывала ему высшей цели бытия, но, напротив, указывала

ему состояние грубо чувственных наслаждений не только как лучшую награду для здешней жизни, но даже как высшую цель будущей. Поэтому все, до чего могла доходить умственная потребность магометанина, заключалось в потребности отвлеченного логического единства, в наружном порядке его мыслей и систематической правильности их взаимных отношений. Крайняя метафизическая задача, которую могла предлагать себе любознательность магометанская, — эта, так сказать, поэзия магометанского любомудрия, заключалась в составлении видимых формул для невидимой деятельности мира духовного: в отыскании талисманической связи между законами мира надзвездного и законами мира подлунного. Отсюда их страсть к логике, отсюда их астрология, алхимия, хиромантия и все их отвлеченно-рассудочные и чувственно-духовные науки. Отсюда также объясняется, почему арабы хотя получили начало своей умственной образованности от сирийских греков, хотя находились в близких сношениях с Византиею, однако же на ход просвещения греческого не имели почти никакого влияния. Но на Западную Европу произвели они тем сильнейшее действие, что принесли туда весь блеск своего процветания наук в то время, когда Европа находилась в состоянии почти совершенного невежества. Своим отвлеченно-логическим направлением учености они, без сомнения, содействовали также к усилению этого же направления в просвещении европейском, примешав только на некоторое время к господствующему течению европейского мышления разноцветную струю своих талисманических умозрений. Они первые познакомили латинских богословов с творениями Аристотеля⁵⁷, которые в первый раз сделались известны им в переводе с арабского, вместе с арабскими толкованиями, — так мало знакома им была греческая образованность.

Аристотель, никогда не понятый вполне, но до бесконечности изучаемый в частностях, был, как известно, душою схоластики, которая, в свою очередь, была представительницею всего умственного развития тогдашней Европы и самым ясным его выражением.

Схоластика была не что иное, как стремление к наукообразному богословию. Ибо богословие было тогда и высшею целью, и главным источником всякого знания. Задача схоластики состояла в том, чтобы не только связать понятия богословские в разумную систему, но и подложить под них рассудочно-метафизическое основание. Главными орудиями для того были творения Блаженного Августина и логические сочинения Аристотеля. Высшее университетское развитие заключалось в диалектических словопрениях о предметах веры. Знаменитейшие богословы старались выводить ее догматы из своих логических умозаключений. Начиная от шотландца Еригены⁵⁸ до XVI века, может быть, не было ни одного из них, который бы не пытался свое

убеждение о бытии Божиим поставить на острие какого-нибудь искусно выточенного силлогизма. Их громадные труды были наполнены отвлеченных тонкостей, логически сплетенных из голо-рассудочных понятий. Самые несущественные стороны мышления были для них предметом науки, причиною партий, целью жизни.

Не отвлеченные споры номиналистов и реалистов⁵⁹, не странные прения о Евхаристии, о благодати, о Рождении Пресвятой Девы и тому подобных предметах могут дать настоящее понятие о духе схоластики и о состоянии умов того времени, но всего яснее выражает их то именно, что в этих спорах составляло главный предмет внимания и занимало мышление ученых философов, то есть составление произвольных вопросов о несбыточных предположениях и разбор всех возможных доводов в пользу и против них.

Такая бесконечная, утомительная игра понятий в продолжение семисот лет, этот бесполезный, перед умственным зрением беспрепятственно вертящийся kaleidoscope отвлеченных категорий должны были неминуемо произвести общую слепоту к тем живым убеждениям, которые лежат выше сферы рассудка и логики, к убеждениям, до которых человек доходит не путем силлогизмов, но, напротив, стараясь основать их на силлогистическом выводе, только искажает их правду, когда не уничтожает ее совершенно.

Живое, цельное понимание внутренней, духовной жизни и живое, непредупрежденное созерцание внешней природы равно изгонялись из оцепленного круга западного мышления, первое под именем «мистики»⁶⁰, — по натуре своей ненавистной для схоластической рассудочности (сюда относилась и та сторона учения православной церкви, которая не согласовалась с западными системами); второе преследовалось прямо под именем «безбожия» (сюда относились те открытия в науках, которые разноречили с современным понятием богословов). Ибо схоластика сковала свою веру со своим тесным разумением науки в одну неразрывную судьбу.

Потому когда со взятием Константинополя свежий, неиспорченный воздух греческой мысли повеял с Востока на Запад и мыслящий человек на Западе вздохнул легче и свободнее, то все здание схоластики мгновенно разрушилось. Однако же следы схоластической односторонности остались на умах, ею воспитанных. Предмет мышления стал другой и направление иное, но тот же перевес рассудочности и та же слепота к живым истинам сохранились почти по-прежнему.

Поучительный пример тому представляет сам знаменитый родоначальник новейшей философии⁶¹. Он думал, что решительно сбросил с себя узы схоластики, однако, не чувствуя того сам, до того еще оставался запутан ими, что, несмотря на все свое гениальное разумение формальных законов разума, был так странно слеп к живым ис-

тинам, что свое внутреннее, непосредственное сознание о собственном своем бытии почитал еще неубедительным, покуда не вывел его из отвлеченного силлогистического умозаключения! И этот пример тем замечательнее, что не был лично особенностью философа, но выразил общее направление умов. Ибо логический вывод Декарта не остался его исключительной собственностью, но был принят с восторгом и сделался основанием мышления для большей части новейших философов почти до половины XVIII века. Может быть, еще и теперь есть глубокомысленные люди, которые утверждают на нем несомненность своего бытия и успокаивают таким образом свою образованную потребность твердых убеждений. По крайней мере, пишущий эти строки еще живо помнит ту эпоху в собственной своей жизни, когда подобный процесс искусственного мышления сладостно утолял для него жажду умственного успокоения.

Я не говорю уже о той особенности Декарта, что, увлеченный строгою необходимостью своих умозаключений, он добродушно мог убедиться в том, что все животные, выключая человека, суть только наружные машины, искусно построенные Создателем, и, не имея сознания, не чувствуют ни боли, ни удовольствия.

Не удивительно после того, что его ученик и преемник в господстве философского развития, знаменитый Спиноза⁶², мог так искусно и так плотно сковать разумные выводы о первой причине, о высшем порядке и устройстве всего мироздания, что сквозь эту сплошную и неразрывную сеть теорем и силлогизмов не мог во всем создании разглядеть следов живого Создателя, ни в человеке заметить его внутренней свободы. Тот же избыток логической рассудочности скрыл от великого Лейбница, за умственным сцеплением его отвлеченных понятий, очевидное сцепление причины и действия и для объяснения их заставил его предположить свою предустановленную гармонию, которая, впрочем, поэзией своей основной мысли восполняет несколько ее односторонность⁶³.

Я говорю: поэзия мысли восполняет несколько ее односторонность, ибо думаю, что когда к достоинству логическому присоединяется достоинство изящное или нравственное, то уже этим соединением сил сам разум возвращается более или менее к своей первобытной полноте и потому приближается к истине.

Нужно ли продолжать исчисление последующих представителей западной философии, чтобы, припоминая их системы, убедиться в общей односторонности западного направления?

Нужно ли напоминать, как Юм — этот прямой и неминуемый результат другой ветви западного любомудрия, последователь Бэкона, Локка и однородных с ними мыслителей⁶⁴, — беспристрастный Юм

силою беспристрастного разума доказал, что в мире не существует никакой истины и правда и ложь подвержены одинаковому сомнению?

Как знаменитый Кант⁶⁵, возбужденный Юмом и приготовленный немецкою школою, из самых законов чистого разума вывел неоспоримое доказательство, что для чистого разума никаких доказательств о высших истинах не существует?

Отсюда, может быть, оставался один шаг до правды, но западный мир тогда еще не созрел для нее.

Из системы Канта развилась одна отвлеченная сторона в системе Фихте, который удивительным построением силлогизмов доказал, что весь внешний мир есть только мнимый призрак воображения и что существует в самом деле только одно саморазвивающееся⁶⁶.

Отсюда Шеллинг⁶⁷ развил противоположную сторону гипотезы, то есть, что хотя внешний мир действительно существует, но душа мира есть не что иное, как это человеческое я, развивающееся в бытии Вселенной для того только, чтобы сознать себя в человеке. Гегель еще более укрепил и распространил ту же систему саморазвития человеческого самосознания. Между тем углубившись более, чем кто-либо прежде, в самые законы логического мышления, он силою своей необыкновенной, громадной гениальности довел их до последней полноты и ясности результатов и тем дал возможность тому же Шеллингу доказать односторонность всего логического мышления. Таким образом, западная философия теперь находится в том положении, что ни далее идти по своему отвлеченно-рациональному пути она уже не может, ибо сознала односторонность отвлеченной рациональности, ни проложить себе новую дорогу не в состоянии, ибо вся сила ее заключалась в развитии именно этой, отвлеченной, рациональности⁶⁸.

Между тем в то же время, как римское богословие развивалось посредством схоластической философии, писатели Восточной церкви, не увлекаясь в односторонность силлогистических построений, держались постоянно той полноты и цельности умозрения, которые составляют отличительный признак христианского любомудрия. Ибо не надобно забывать, что все современное просвещение тогда сосредоточивалось в Византии. Древние писатели христианские, и языческие, и особенно писатели-философы были коротко знакомы образованным грекам, и очевидные следы их основательного изучения видны в большей части духовных творений, до самой половины XV века, между тем как Запад, необразованный и, можно даже сказать, невежественный сравнительно с Византией, до самого почти XIV века обращался в своем мышлении почти единственно в кругу одних латинских писателей, за исключением только немногих греческих. Только в половине

* См. мои статьи: «О современном состоянии просвещения» в № I и II «Москвитянина» 1845 года. (Здесь и далее — *примеч. И. В. Киреевского.*)

XIV века основана была первая ученая академия в Италии знаменитым монахом Варлаамом⁶⁹, учителем Петрарки, — тем самым несчастным предателем православной церкви, который, заразившись западною уверенностью в своей логической разумности, отвергал некоторые непонятные ему догматы христианского учения и был за то осужден Константинопольским собором и изгнан из Греции с бесчестием, но зато — тем с большею честью принят в Италии.

Аристотель, без всякого сомнения, был лучше и основательнее известен грекам, чем латинянам, хотя, может быть, без тех дополнений, которыми обогатили его арабские и латинские ученые и которые до самого падения схоластического воспитания в Европе составляли необходимое условие всякого развития ума на Западе. Однако же в греческих мыслителях не только не видим мы особого пристрастия к Аристотелю, но, напротив того, в большей части из них замечаем явное предпочтение Платона⁷⁰ — не потому, конечно, что христианские мыслители усваивали себе языческие понятия того или другого, но потому, вероятно, что самый способ мышления Платона представляет более цельности в умственных движениях, более теплоты и гармонии в умозрительной деятельности разума. Оттого почти то же отношение, какое мы замечаем между двумя философами древности, существовало и между философией латинского мира, как она вырабатывалась в схоластике, и тою духовною философией, которую находим в писателях церкви Восточной, особенно ясно выраженной в Святых Отцах, живших после римского отпадения⁷¹.

Достойно замечания, что эта духовная философия восточных Отцов Церкви, писавших после X века, — философия прямо и чисто христианская, глубокая, живая, возвышающая разум от рассудочного механизма к высшему, нравственно свободному умозрению, — философия, которая даже и для неверующего мыслителя могла бы быть поучительною по удивительному богатству, и глубине, и тонкости своих психологических наблюдений, — несмотря, однако же, на все свои достоинства (я говорю здесь единственно о достоинствах умозрительных, оставляя в стороне значение богословское), была так мало доступна рассудочному направлению Запада, что не только никогда не была оценена западными мыслителями, но, что еще удивительнее, до сих пор осталась им почти вовсе неизвестною.

По крайней мере, ни один философ, ни один историк философии не упоминает об ней, хотя в каждой истории философии находим мы длинные трактаты о философии индийской, китайской и персидской. Самые творения восточных писателей оставались долго неизвестными в Европе; многие до сих пор еще остаются незнакомы им; другие хотя известны, но оставлены без внимания, ибо не были поняты; иные изданы еще весьма недавно и тоже не оценены. Некото-

рые богословские писатели Запада хотя и упоминали о некоторых особенностях писателей восточных, но так мало могли постигать эту особенность, что из их слов часто должно вывести заключение, прямо противоположное истине. Наконец, ни в одном почти из богословских писателей Запада не заметно живого следа того влияния, которое необходимо должны бы были оставить на них писания Восточной церкви, если бы они были известны им хотя вполнину против того, как им известны были писатели древнеязыческие. Из этого должно исключить, может быть, одного Фому Кемпийского или Герсона, — если только книга⁷², им приписываемая, принадлежит действительно им и не есть, как некоторые полагают, перевод с греческого, переделанный несколько по латинским понятиям.

Конечно, в писателях Восточной церкви, живших после отделения Римской, нельзя искать ничего нового относительно христианского учения, ничего такого, что бы не находилось в писателях первых веков. Но в том-то и заключается их достоинство; в том-то, скажу, и особенность их, что они сохраняли и поддерживали во всей чистоте и полноте учение существенно христианское и, держась постоянно в самом, так сказать, средоточии истинного убеждения, отсюда могли яснее видеть и законы ума человеческого, и путь, ведущий его к истинному знанию, и внешние признаки, и внутренние пружины его разнообразных уклонений.

Впрочем, и древние Отцы Церкви, жившие еще до отделения Рима и, следовательно, равно признаваемые Востоком и Западом, не всегда одинаково понимались на Западе и на Востоке. Это различие могло произойти оттого, что Востоку всегда были вполне известны все писатели и учителя вселенской церкви, западным же ученым были знакомы преимущественно латинские и только некоторые из греческих писателей, на которых они тоже смотрели сквозь готовые уже понятия, почерпнутые ими у римских учителей. Оттого и в новейшие времена, когда они уже короче познакомились с греческою литературою, то все еще невольно продолжали смотреть на нее сквозь то же ограниченное окно если не с цветными, то с тусклыми стеклами.

Этим только можно объяснить себе, каким образом они могли так долго удержаться в односторонности своего рассудочного направления, которое иначе должно бы было разрушиться от совокупного действия всех древних Отцов Церкви. Сохраняя же свою односторонность, они или не замечали, или иногда даже вовсе не знали тех из древних писателей, в которых особенно выражалась сторона, прямо противоположная этой ограниченности, и самодовольно отвергали ее под названием мистики!

Отсюда, кроме различия понятий, на Востоке и Западе происходит еще различие и в самом способе мышления богословско-философ-

ском. Ибо, стремясь к истине умозрения, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутреннего состояния мыслящего духа, западные — более о внешней связи понятий. Восточные для достижения полноты истины ищут внутренней цельности разума, того, так сказать, средоточия умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство. Западные, напротив того, полагают, что достижение полной истины возможно и для разделившихся сил ума, самодвижно действующих в своей одинокой отдельности. Одним чувством понимают они нравственное; другим — изящное; полезное — опять особым смыслом; истинное понимают они отвлеченным рассудком — и ни одна способность не знает, что делает другая, покуда ее действие совершится. Каждый путь, как предполагают они, ведет к последней цели, прежде чем все пути сойдутся в одно совокупное движение.

Бесчувственный холод рассуждения и крайнее увлечение сердечных движений почитают они равно законными состояниями человека; и когда в XIV веке узнали ученые Запада о стремлении восточных созерцателей сохранять безмятежность внутренней цельности духа, то издевались над этою мыслию, изобретая для нее всякого рода насмешливые прозвания.

Правда, они употребляют иногда те же выражения, какие и восточные, говоря о «внутреннем сосредоточении духа», о «собрании ума в себе» и т.п., но под этими словами обыкновенно разумеют они другое: не сосредоточение, не собрание, не цельность внутренних сил, а только их крайнее напряжение. Вообще можно сказать, что центр духовного бытия ими не ищется. Западный человек не понимает той живой совокупности высших умственных сил, где ни одна не движется без сочувствия других; то равновесие внутренней жизни, которое отличает даже самые наружные движения человека, воспитанного в обычных преданиях православного мира, ибо есть в его движениях даже в самые крутые переломы жизни что-то глубоко спокойное, какая-то искусственная мерность, достоинство и вместе смирение, свидетельствующие о равновесии духа, о глубине и цельности обычного самосознания. Европейец, напротив того, всегда готовый к крайним порывам, всегда суетливый, — когда не театальный, — всегда беспокойный в своих внутренних и внешних движениях, только преднамеренным усилием может придать им искусственную соразмерность.

Учения Святых Отцов православной церкви перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола. Под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта.

Обширная Русская земля даже во времена разделения своего на мелкие княжества всегда сознавала себя как одно живое тело и не столько в единстве языка находила свое притягательное средоточие, сколько в единстве убеждений, происходящих из единства верования в церковные постановления. Ибо ее необозримое пространство было все покрыто как бы одною непрерывною сетью, неисчислимым множеством уединенных монастырей, связанных между собою сочувственными нитями духовного общения. Из них единообразно и единомысленно разливался свет сознания и науки во все отдельные племена и княжества. Ибо не только духовные понятия народа из них исходили, но и все его понятия нравственные, общежительные и юридические, переходя через их образовательное влияние, опять от них возвращались в общественное сознание, приняв одно общее направление. Безразлично составляясь из всех классов народа, из высших и низших ступеней общества, духовенство, в свою очередь, во все классы и ступени распространяло свою высшую образованность, почерпая ее прямо из первых источников, из самого центра современного просвещения, который тогда находился в Цареграде, Сирии и на Святой Горе⁷³. И образованность эта так скоро возросла в России и до такой степени, что и теперь даже она кажется нам изумительною, когда мы вспомним, что некоторые из удельных князей XII и XIII века уже имели такие библиотеки, с которыми многочисленностию томов едва могла равняться первая тогда на Западе библиотека парижская⁷⁴; что многие из них говорили на греческом и латинском языке так же свободно, как на русском, а некоторые знали притом и другие языки европейские⁷⁵; что в некоторых уцелевших до нас писаний XV века⁷⁶ мы находим выписки из русских переводов таких творений греческих, которые не только не были известны Европе, но даже в самой Греции утратились после ее упадка и только в недавнее время и уже с великим трудом могли быть открыты в неразобранных сокровищницах Афона⁷⁷; что в уединенной тишине монашеских келий, часто в глуши лесов, изучались и переписывались и до сих пор еще уцелели в старинных рукописях славянские переводы тех Отцов Церкви, которых глубокомысленные писания, исполненные высших богословских и философских умозрений, даже в настоящее время едва ли каждому немецкому профессору любомудрия придутся по силам мудрости (хотя, может быть, ни один не сознается в этом); нако-

* См.: Шлецера прим. на Нестора. Т. 1.

** См.: «Истор. русск. словесности» проф. Шевырев, выпуск второй. Эта книга, без сомнения, одна из самых замечательных, вышедших у нас в последнее время, должна, по вероятности, произвести решительный переворот в общем понимании нашей древней образованности.

*** См.: Писания Нила Сорского.

нец, когда мы вспомним, что эта русская образованность была так распространена, так крепка, так развита и потому пустила такие глубокие корни в жизнь русскую, что, несмотря на то, что уже полтора-ста лет прошло с тех пор, как монастыри наши перестали быть центром просвещения; несмотря на то, что вся мыслящая часть народа своим воспитанием и своими понятиями значительно уклонилась, а в некоторых и совсем отделилась от прежнего русского быта, изгладив даже и память об нем из сердца своего, — этот русский быт, созданный по понятиям прежней образованности и проникнутый ими, еще уцелел почти неизменно в низших классах народа: он уцелел, хотя живет в них уже почти бессознательно, уже в одном обычном предании, уже не связанный господством образующей мысли, уже не оживляющийся, как в старину, единомысленными воздействиями высших классов общества, уже не проникающийся, как прежде, вдохновительным сочувствием со всею совокупностию умственных движений отечества.

Какая же сила должна была существовать для того, чтобы произвести такое прочное действие? И эта твердость быта, следствие прежней образованности, замечается в том самом народе, который так легко мог изменить свою образованность языческую, когда принял христианское учение.

Потому этот русский быт и эта прежняя, в нем отзвучающая жизнь России драгоценны для нас особенно по тем следам, которые оставили на них чистые христианские начала, действовавшие беспрепятственно на добровольно покорившиеся им племена словенские. И не природные какие-нибудь преимущества словенского племени заставляют нас надеяться на будущее его процветание, нет! Племенные особенности, как земля, на которую падает умственное семя, могут только ускорить или замедлить его первое развитие, они могут сообщить ему здоровую или тощую пищу, могут, наконец, ему дать свободный ход на Божьем свете или заглушить его чужими растениями, но самое свойство плода зависит от свойства семени.

Какое бы ни было наше мнение о пришествии варягов: добровольно ли вся Русская земля призвала их или одна партия накликала на другую, но ни в каком случае это пришествие не было нашествием чужого племени, ни в каком случае также оно не могло быть завоеванием, ибо если через полтора-ста лет так легко можно было выслать их из России или по крайней мере значительную их часть, то как же могли бы они так легко завоевать ее прежде? Как могли бы так безмятежно держаться в ней против ее воли^{*78}? При них спокойно и естественно

* См.: Москвитянин. 1845. № 3. «О древней русской истории» — статья моего брата Петра Вас. Киреевского, которого взгляд на прежнюю Россию представляется, по моему мнению, самую ясную картину ее первобытного устройства.

совершалось образование ее общественных и государственных отношений, без всяких насильственных нововведений, единственно вследствие внутреннего устройства ее нравственных понятий. С введением же христианства нравственные понятия русского человека изменились, а вместе с ними и его общежительные отношения; и потому все общественное устройство Русской земли должно было в своем развитии принять также направление христианское.

Лучшим выражением той готовности, с какою русский человек стремился с самого начала осуществить в своей жизни всю полноту принятого им нового убеждения, может служить первое, еще необдуманное (так прекрасно необдуманное!) желание святого Владимира прощать всем преступникам⁷⁹. Сама церковь первая остановила его от исполнения этого желания, положив, таким образом, различие между обязанностями лично-духовными и светски-правительственными.

Вместе с тем определила она, с начала навсегда, твердые границы между собою и государством, между безусловно чистотою своих высших начал и житейскою смешанностию общественного устройства, всегда оставаясь вне государства и его мирских отношений, высоко над ними, как недостижимый, светлый идеал, к которому они должны стремиться и который сам не смешивался с их земными пружинами. Управляя личным убеждением людей, церковь православная никогда не имела притязания насильственно управлять их волею, или приобретать себе власть светски-правительственную, или, еще менее, искать формального господства над правительственною властью. Государство, правда, стояло церковью: оно было тем крепче в своих основах, тем связнее в своем устройстве, тем цельнее в своей внутренней жизни, чем более проникалось ею. Но церковь никогда не стремилась быть государством, как и государство, в свою очередь, смиренно сознавая свое мирское назначение, никогда не называло себя «святым». Ибо если Русскую землю иногда называли «Святая Русь», то это единственно с мыслию о тех святынях мощей, и монастырей, и храмов Божиих, которые в ней находились, а не потому, чтобы ее устройство представляло сопроникание церковности и светскости, как устройство Святой Римской империи.

Управляя таким образом общественным составом, как дух управляет составом телесным, церковь не облакала характером церковности мирских устройств, подобных рыцарско-монашеским орденам, инквизиционным судилищам и другим светско-духовным постановлениям Запада; но, проникая все умственные и нравственные убеждения людей, она невидимо вела государство к осуществлению высших христианских начал, никогда не мешая его естественному развитию. И духовное влияние церкви на это естественное развитие общественности могло быть тем полнее и чище, что никакое истори-

ческое препятствие не мешало внутренним убеждениям людей выражаться в их внешних отношениях. Не искаженная завоеванием, Русская земля в своем внутреннем устройстве не стеснялась теми насильственными формами, какие должны возникать из борьбы двух ненавидящих друг друга племен, принужденных в постоянной вражде устраивать свою совместную жизнь. В ней не было ни завоевателей, ни завоеванных. Она не знала ни железного разграничения неподвижных сословий, ни стеснительных для одного преимуществ другого, ни истекающей оттуда политической и нравственной борьбы, ни сословной презрени, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, следственно, и необходимого порождения этой борьбы: искусственной формальности общественных отношений и болезненного процесса общественного развития, совершающегося насильственными изменениями законов и бурными переломами постановлений. И князья, и бояре, и духовенство, и народ, и дружины княжеские, и дружины боярские, и дружины городские, и дружины земские — все классы и виды населения были проникнуты одним духом, одними убеждениями, однородными понятиями, одинакою потребностью общего блага. Могло быть разномыслие в каком-нибудь частном обстоятельстве, но в вопросах существенных следов разномыслия почти не встречается.

Таким образом, русское общество выросло самобытно и естественно, под влиянием одного внутреннего убеждения, церковью и бытовым преданием воспитанного. Однако же — или, лучше сказать, потому именно — в нем не было и мечтательного равенства, как не было и стеснительных преимуществ. Оно представляет не плоскость, а лестницу, на которой было множество ступеней; но эти ступени не были вечно неподвижными, ибо устанавливались естественно, как необходимые сосуды общественного организма, а не насильственно, случайностями войны, и не преднамеренно, по категориям разума.

Если бы кто захотел вообразить себе западное общество феодальных времен, то не иначе мог бы сложить об нем картину, как представив себе множество замков, укрепленных стенами, внутри которых живет благородный рыцарь с своею семьею, вокруг которых поселена подлая чернь. Рыцарь был лицо, чернь — часть его замка.

Воинственные отношения этих личных замков между собою и их отношения к вольным городам, к королю и к церкви составляют всю историю Запада.

Напротив того, воображая себе русское общество древних времен, не видишь ни замков, ни окружающей их подлой черни, ни благородных рыцарей, ни борющегося с ними короля. Видишь бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу земли Русской расселенных, и имеющих, каждая на известных правах, своего распоряди-

теля, и составляющих каждая свое особое согласие, или свой маленький мир⁸⁰, — эти маленькие миры, или согласия, сливаются в другие, большие согласия, которые, в свою очередь, составляют согласия областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается одно общее огромное согласие всей Русской земли, имеющее над собою великого князя всея Руси, на котором утверждается вся кровля общественного здания, опираются все связи его верховного устройства.

Вследствие таких естественных, простых и единодушных отношений и законы, выражающие эти отношения, не могли иметь характер искусственной формальности; но, выходя из двух источников: из бытового предания и из внутреннего убеждения, они должны были в своем духе, в своем составе и в своих применениях носить характер более внутренней, чем внешней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости — буквальному смыслу формы; святость предания — логическому выводу; нравственность требования — внешней пользе. Я говорю, разумеется, не о том или другом законе отдельно, но о всей, так сказать, наклонности (тенденции) древнерусского права. Внутренняя справедливость брала в нем перевес над внешнею формальностию.

Между тем как римско-западная юриспруденция отвлеченно выводит логические заключения из каждого законного условия, говоря: форма — это самый закон, и старается все формы связать в одну разумную систему, где бы каждая часть по отвлеченно-умственной необходимости правильно развивалась из целого и все вместе составляло не только разумное дело, но самый написанный разум, — право обычное, напротив того, как оно было в России, вырастая из жизни, совершенно чуждалось развития отвлеченно-логического. Закон в России не изобретался предварительно какими-нибудь учеными юристами, не обсуживался глубокомысленно и красноречиво в каком-нибудь законодательном собрании и не падал потом как снег на голову посреди всей удивленной толпы граждан, ломая у них какой-нибудь уже заведенный порядок отношений. Закон в России не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумаге, уже после того, как он сам собою образовался в понятиях народа и мало-помалу, вынужденный необходимостью вещей, взошел в народные нравы и народный быт. Логическое движение законов может существовать только там, где самая общественность основана на искусственных условиях; где, следовательно, развитием общественного устройства может и должно управлять мнение всех или некоторых.

Но там, где общественность основана на коренном единомыслии, там твердость нравов, святость предания и крепость обычных отношений не могут нарушаться, не разрушая самых существенных условий жизни общества. Там каждая насильственная перемена по логическому

выводу была бы разрезом ножа в самом сердце общественного организма. Ибо общественность там стоит на убеждениях, и потому всякие мнения, даже всеобщие, управляя ее развитием, были бы для нее смертоносны.

Мнение, убеждение — две совершенно особые пружины двух совершенно различных общественных устройств. Мнение не тем только отличается от убеждения, что первое минутнее, второе тверже; первое — вывод из логических соображений; второе — итог всей жизни; но в политическом смысле они имеют еще другое несходство: убеждение есть невыисканное сознание всей совокупности общественных отношений, мнение есть преувеличенное сочувствие только той стороне общественных интересов, которая совпадает с интересами одной партии и потому прикрывает ее своекорыстную исключительность обманчивым призраком общей пользы. Оттого в обществе искусственном, основанном на формальном сочетании интересов, каждое улучшение совершается вследствие какого-нибудь преднамеренного плана; новое отношение вводится потому, что нынешнее мнение берет верх над вчерашним порядком вещей; каждое постановление насильственно изменяет прежнее; развитие совершается, как мы уже заметили, по закону переворотов — сверху вниз или снизу вверх, смотря по тому, где торжествующая партия сосредоточила свои силы и куда торжествующее мнение их направило. Напротив того, в обществе, устроившемся естественно из самобытного развития своих коренных начал, каждый перелом есть болезнь более или менее опасная: закон переворотов, вместо того чтобы быть условием жизненных улучшений, есть для него условие распада и смерти, ибо его развитие может совершаться только гармонически и неприметно, по закону естественного возрастания в односмысленном пребывании.

Одно из самых существенных отличий правомерного устройства России и Запада составляют коренные понятия о праве поземельной собственности. Римские гражданские законы, можно сказать, суть все не что иное, как развитие безусловности этого права. Западноевропейские общественные устройства также произошли из разнородных сочетаний этих самобытных прав, в основании своем неограниченных и только в отношениях общественных, принимающих некоторые взаимно-условные ограничения. Можно сказать: все здание западной общественности стоит на развитии этого личного права собственности, так что и самая личность в юридической основе своей есть только выражение этого права собственности.

В устройстве русской общественности личность есть первое основание, а право собственности только ее случайное отношение. Общине земля принадлежит потому, что община состоит из семей, состоящих из лиц, могущих землю возделывать. С увеличением числа

лиц увеличивается и количество земли, принадлежащее семье, с уменьшением — уменьшается. Право общины над землею ограничивается правом помещика, или вотчинника, право помещика обуславливается его отношением к государству. Отношения помещика к государству зависят не от поместья его, но его поместье зависит от его личных отношений. Эти личные отношения определяются столько же личными отношениями его отца, сколько и собственными, теряются неспособностью поддерживать их или возрастают решительным перевесом достоинств над другими, совместными, личностями.

Одним словом, безусловность поземельной собственности могла являться в России только как исключение. Общество слагалось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность.

Запутанность, которая впоследствии могла произойти от этих отношений в высших слоях общества при уничтожении мелких княжеств и слиянии их в одно правительственное устройство, была случайная и имела основание свое, как кажется, в причинах посторонних, являясь не как необходимое развитие, но уже как некоторое отклонение от правильного развития основного духа всей русской государственности. Впрочем, во всяком случае это особенное, совершенно отличное от Запада положение, в котором человек понимал себя относительно поземельной собственности, должно было находиться в связи со всею совокупностью его общественных и общежительных, и нравственных отношений.

Потому общежительные отношения русских были также отличны от западных. Я не говорю о различии некоторых частных форм, которые можно почитать несущественными случайностями народной особенности. Но самый характер народных обычаев, самый смысл общественных отношений и частных нравов был совсем иной. Западный человек раздробляет свою жизнь на отдельные стремления и хотя связывает их рассудком в один общий план, однако же в каждую минуту жизни является как иной человек. В одном углу его сердца живет чувство религиозное, которое он употребляет при упражнениях благочестия; в другом — отдельно — силы разума и усилия житейских занятий; в третьем — стремления к чувственным утехам; в четвертом — нравственно-семейное чувство; в пятом — стремление к личной корысти; в шестом — стремление к наслаждениям изящноискусственным; и каждое из частных стремлений подразделяется еще на разные виды, сопровождаемые особыми состояниями души, которые все являются разрозненно одно от другого и связываются только отвлеченным рассудочным воспоминанием. Западный человек легко мог поутру молиться с горячим, напряженным, изумительным усердием; потом отдохнуть от усердия, забыв молитву и упражняя другие силы в работе;

потом отдохнуть от работы, не только физически, но и нравственно, забывая ее сухие занятия за смехом и звоном застольных песен; потом забыть весь день и всю жизнь в мечтательном наслаждении искусственного зрелища. На другой день ему легко было опять снова начать оборачивать то же колесо своей наружно правильной жизни.

Не так человек русский. Моляся в церкви, он не кричит от восторга, не бьет себя в грудь, не падает без чувств от умиления, напротив, во время подвига молитвенного он особенно старается сохранить трезвый ум и цельность духа. Когда же не односторонняя напряженность чувствительности, но самая полнота молитвенного самосознания проникнет его душу и умиление коснется его сердца, то слезы его льются незаметно и никакое страстное движение не смущает глубокой тишины его внутреннего состояния. Зато он не поет и застольных песен. Его обед совершается с молитвою. С молитвою начинает и оканчивает он каждое дело. С молитвою входит в дом и выходит.

Последний крестьянин, являясь во дворец пред лицо великого князя (за честь которого он, может быть, вчера еще отваживал свою жизнь в каком-нибудь случайном споре с ляхами), не кланяется хозяину прежде, чем преклонится перед изображением святыни, которое всегда очевидно стояло в почетном углу каждой избы, большой и малой. Так русский человек каждое важное и неважное дело свое всегда связывал непосредственно с высшим понятием ума и с глубочайшим средоточием сердца.

Однако же надобно признаться, что это постоянное стремление к совокупной цельности всех нравственных сил могло иметь и свою опасную сторону. Ибо только в том обществе, где все классы равно проникнуты одним духом; где повсеместно уважаемые и многочисленные монастыри — эти народные школы и высшие университеты религиозного государства — вполне владеют над умами; где, следовательно, люди, созревшие в духовной мудрости, могут постоянно руководствовать других, еще не дозревших, — там подобное расположение человека должно вести его к высшему совершенству. Но когда, еще не достигнув до самобытной зрелости внутренней жизни, он будет лишен руководительных забот высшего ума, то жизнь его может представить неправильное сочетание излишних напряжений с излишними изнеможениями. Оттого видим мы иногда, что русский человек, сосредоточивая все свои силы в работе, в три дня может сделать больше, чем осторожный немец не сделает в тридцать, но зато потом уже долго не может он добровольно приняться за дело свое.

Вот почему при таком незрелом состоянии и при лишении единогодушного руководителя часто для русского человека самый ограниченный ум немца, измеряя по часам и табличке меру и степень его трудов, может лучше, чем он сам, управлять порядком его занятий.

Но в древней России эта внутренняя цельность самосознания, к которой самые обычаи направляли русского человека, отражалась и на формах его жизни семейной, где закон постоянного, ежеминутного самоотвержения был не геройским исключением, но делом общей и обыкновенной обязанности. До сих пор еще сохраняется этот характер семейной цельности в нашем крестьянском быту.

Ибо если мы захотим вникнуть во внутреннюю жизнь нашей избы, то заметим в ней то обстоятельство, что каждый член семьи, при всех своих беспрестанных трудах и постоянной заботе об успешном ходе всего хозяйства, никогда в своих усилиях не имеет в виду своей личной корысти. Мысли о собственной выгоде совершенно отсек он от самого корня своих побуждений. Цельность семьи есть одна общая цель и пружина. Весь избыток хозяйства идет безотчетно одному главе семейства, все частные заработки сполна и совестливо отдаются ему.

И притом образ жизни всей семьи обыкновенно мало улучшается и от излишних избытков главы семейства; но частные члены не входят в их употребление и не ищут даже узнать величину их: они продолжают свой вечный труд и заботы с одинаким самозабвением, как обязанность совести, как опору семейного согласия. В прежние времена это было еще разительнее, ибо семьи были крупнее и составлялись не из одних детей и внуков, но сохраняли свою цельность при значительном размножении рода. Между тем и теперь еще можем мы ежедневно видеть, как легко при важных несчастьях жизни, как охотно, скажу даже, как радостно один член семейства всегда готов добровольно пожертвовать собою за другого, когда видит в своей жертве общую пользу своей семьи.

На Западе ослабление семейных связей было следствием общего направления образованности: от высших классов народа перешло оно к низшим прямым влиянием первых на последние и неудержимым стремлением последних перенимать нравы класса господствующего. Эта страстная подражательность тем естественнее, чем однороднее умственная образованность различных классов, и тем быстрее приносит плоды, чем искусственнее характер самой образованности и чем более она подчиняется личным мнениям.

В высших слоях европейского общества семейная жизнь, говоря вообще, весьма скоро стала, даже для женщин, делом почти постоянным. От самого рождения дети знатных родов воспитывались за глазами матери. Особенно в тех государствах, где мода воспитывать дочерей вне семьи, в отделенных от нее непроницаемыми стенами монастырях, сделалась общим обычаем высшего сословия, — там мать семейства вовсе почти лишена была семейного смысла. Переступая через порог монастыря только для того, чтобы идти под венец, она

тем же шагом вступала в заколдованный круг светских обязанностей прежде, чем узнала обязанности семейные. Потому чувствительность к отношениям общественным брала в ней верх над отношениями домашними. Самолюбивые и шумные удовольствия гостиней заменяли ей тревоги и радости тихой детской. Салонная любезность и умение жить в свете, с избытком развиваясь на счет других добродетелей, сделали самую существенную часть женского достоинства. Скоро для обоих полов блестящая гостиня обратилась в главный источник удовольствий и счастья, в источник ума и образованности, в источник силы общественной, в господствующую и всепоглощающую цель их искусственной жизни. Оттуда — особенно в государствах, где воспитание женщин высшего круга совершалось вне семьи, — произошло великолепное, обворожительное развитие общежительных утонченностей; вместе с этим развитием — и нравственное гниение высшего класса, и в нем первый зародыш знаменитого впоследствии учения о всесторонней эмансипации женщины.

В России между тем формы общежития, выражая общую цельность быта, никогда не принимали отдельного, самостоятельного развития, оторванного от жизни всего народа, и потому не могли заглушить в человеке его семейного смысла, ни повредить цельности его нравственного возрастания. Резкая особенность русского характера в этом отношении заключалась в том, что никакая личность в общежительных сношениях своих никогда не искала выставить свою самородную особенность как какое-то достоинство, но все честолюбие частных лиц ограничивалось стремлением быть правильным выражением основного духа общества. Потому как гостиня не правительствует в государстве, которого все части проникнуты сочувствием со всею цельностью жизни общественной; как личное мнение не господствует в обществе, которое неизбежно стоит на убеждении, так и прихоть моды не властвует в нем, вытесняясь твердостью общего быта.

При таком устройстве нравов простота жизни и простота нужд была не следствием недостатка средств и не следствием неразвития образованности, но требовалась самым характером основного просвещения. На Западе роскошь была не противоречие, но законное следствие раздробленных стремлений общества и человека; она была, можно сказать, в самой натуре искусственной образованности; ее могли порицать духовные <лица> в противность обычным понятиям, но в общем мнении она была почти добродетелью. Ей не уступали как слабости, но, напротив, гордились ею как завидным преимуществом. В средние века народ с уважением смотрел на наружный блеск, окружающий человека, и свое понятие об этом наружном блеске бла-

говейно сливал в одно чувство с понятием о самом достоинстве человека. Русский человек больше золотой парчи придворного уважал лохмотья юродивого. Роскошь проникала в Россию, но как зараза от соседей. В ней извинялись, ей поддавались как пороку, всегда чувствуя ее незаконность, не только религиозную, но и нравственную, и общественную.

Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избегнуть тяжести внешних нужд. Если бы наука о политической экономии существовала тогда, то, без всякого сомнения, она не была бы понятна русскому. Он не мог бы согласиться с цельностью своего воззрения на жизнь особой науки о богатстве. Он не мог бы понять, как можно с намерением раздражать чувствительность людей к внешним потребностям только для того, чтобы умножить их усилия к вещественной производительности. Он знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно потому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями, но и в совершенной им подчиненности.

Впрочем, если роскошь жизни еще могла, как зараза, проникнуть в Россию, то искусственный комфорт со своею художественною изнеженностью, равно как и всякая умышленная искусственность жизни, всякая расслабленная мечтательность ума никогда не получили бы в ней право гражданства — как прямое и ясное противоречие ее господствующему духу.

По той же причине если бы и изящные искусства имели время развиваться в древней России, то, конечно, приняли бы в ней другой характер, чем на Западе. Там развивались они сочувственно с общим движением мысли, и потому та же раздробленность духа, которая в умозрении произвела логическую отвлеченность, в изящных искусствах породила мечтательность и разрозненность сердечных стремлений. Оттуда языческое поклонение отвлеченной красоте. Вместо того чтобы смысл красоты и правды хранить в той неразрывной связи, которая, конечно, может мешать быстроте их отдельного развития, но которая бережет общую цельность человеческого духа и сохраняет истину его проявлений, западный мир, напротив того, основал красоту свою на обмане воображения, на заведомо ложной мечте или на крайнем напряжении одностороннего чувства, рождающегося из умышленного раздвоения ума. Ибо западный мир не сознавал, что мечтательность есть сердечная ложь и что внутренняя цельность бытия необходима не только для истины разума, но и для полноты изящного наслаждения.

Это направление изящных искусств шло не мимо жизни всего западного мира. Изнутри всей совокупности человеческих отношений рождается свободное искусство и, явившись на свет, снова входит в самую глубину человеческого духа, укрепляя его или расслабляя, собирая его силы или расточая их. Оттого, я думаю, ложное направление изящных искусств еще глубже исказило характер просвещения европейского, чем само направление философии, которая тогда только бывает пружиной развития, когда сама результат его. Но добровольное, постоянное и, так сказать, одушевленное стремление к умышленному раздвоению внутреннего самосознания расщепляет самый корень душевных сил. Оттого разум обращается в умную хитрость, сердечное чувство — в слепую страсть, красота — в мечту, истина — в мнение, наука — в силлогизм, существенность — в предлог к воображению, добродетель — в самодовольство, а театральность является неотвязною спутницею жизни, внешнею прикрывкою лжи, — как мечтательность служит ей внутреннею маскою.

Но, назвав «самодовольство», я коснулся еще одного довольно общего отличия западного человека от русского. Западный, говоря вообще, почти всегда доволен своим нравственным состоянием; почти каждый из европейцев всегда готов, с гордостью ударяя себя по сердцу, говорить себе и другим, что совесть его вполне спокойна, что он совершенно чист перед Богом и людьми, что он одного только просит у Бога, чтобы другие люди все были на него похожи. Если же случится, что самые наружные действия его придут в противоречие с общепринятыми понятиями о нравственности, он выдумывает себе особую, оригинальную систему нравственности, вследствие которой его совесть опять успокаивается. Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки и чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем более требует от себя и потому тем менее бывает доволен собою. При уклонениях от истинного пути он не ищет обмануть себя каким-нибудь хитрым рассуждением, придавая наружный вид правильности своему внутреннему заблуждению, но даже в самые страстные минуты увлечения всегда готов сознать его нравственную незаконность.

Но остановимся здесь и соберем вместе все сказанное нами о различии просвещения западноевропейского и древнерусского, ибо, кажется, достаточно уже замеченных нами особенностей для того, чтобы, сведя их в один итог, вывести ясное определение характера той и другой образованности.

Христианство проникало в умы западных народов через учение одной Римской церкви — в России оно зажигалось на светильниках всей церкви православной; богословие на Западе приняло характер рассудочной отвлеченности — в православном мире оно сохранило

внутреннюю цельность духа; там раздвоение сил разума — здесь стремление к их живой совокупности; там движение ума к истине посредством логического сцепления понятий — здесь стремление к ней посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной цельности и средоточению разума; там искание наружного, мертвого единства — здесь стремление к внутреннему, живому; там церковь смешалась с государством, соединив духовную власть со светскою и сливая церковное и мирское значение в одно устройство смешанного характера, — в России она оставалась не смешанною с мирскими целями и устройством; там схоластические и юридические университеты — в древней России молитвенные монастыри, сосредоточивавшие в себе высшее знание; там рассудочное и школьное изучение высших истин — здесь стремление к их живому и цельному познанию; там взаимное прорастание образованности языческой и христианской — здесь постоянное стремление к очищению истины; там государственность из насилий завоевания — здесь из естественного развития народного быта, проникнутого единством основного убеждения; там враждебная разграниченность сословий — в древней России их единоклюнная совокупность при естественной разновидности; там искусственная связь рыцарских замков с их принадлежностями составляет отдельные государства — здесь совокупное согласие всей земли духовно выражает неразделимое единство; там поземельная собственность есть первое основание гражданских отношений — здесь собственность только случайное выражение отношений личных; там законность формально-логическая — здесь выходящая из быта; там склонность права к справедливости внешней — здесь предпочтение внутренней; там юриспруденция стремится к логическому кодексу — здесь, вместо наружной связности формы с формою, ищет она внутренней связи правомерного убеждения с убеждениями веры и быта; там законы исходят искусственно из господствующего мнения — здесь они рождались естественно из быта; там улучшения всегда совершались насильственными переменами — здесь стройным естественным возрастаньем; там волнение духа партий — здесь незыблемость основного убеждения; там прихоть моды — здесь твердость быта; там шаткость личной самозаконности — здесь крепость семейных и общественных связей; там шеголеватость роскоши и искусственность жизни — здесь простота жизненных потребностей и бодрость нравственного мужества; там изнеженность мечтательности — здесь здоровая цельность разумных сил; там внутренняя тревожность духа при рассудочной уверенности в своем нравственном совершенстве — у русского глубокая тишина и спокойствие внутреннего самосознания при постоянной недоверчивости к себе и при неограниченной требовательности нравственного усовершенствования; одним словом,

там раздвоение духа, раздвоение мыслей, раздвоение наук, раздвоение государства, раздвоение сословий, раздвоение общества, раздвоение семейных прав и обязанностей, раздвоение нравственного и сердечного состояния, раздвоение всей совокупности и всех отдельных видов бытия человеческого, общественного и частного, — в России, напротив того, преимущественное стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественного и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного. Потому если справедливо сказанное нами прежде, то раздвоение и цельность, рассудочность и разумность будут последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности.

Но здесь естественно приходит вопрос: отчего же образованность русская не развилась полнее образованности европейской прежде введения в Россию просвещения западного? Отчего не опередила Россия Европу? Отчего не стала она во главе умственного движения всего человечества, имея столько залогов для правильного и всеобъемлющего развития духа?

В объяснение этого сказать, что если развитие русского ума отдалось на несколько веков от того времени, когда оно, по вероятности, должно было совершиться, то это произошло по высшей воле Провидения, — значило бы сказать мысль справедливую, но не ответную. Святое Провидение не без нравственной причины человека продолжает или сокращает назначенный ему путь. От Египта до обетованной земли израильский народ мог совершить в 40 дней то путешествие через пустыни аравийские, которое он совершал 40 лет только потому, что душа его удалялась от чистого стремления к Богу, его ведущему.

Но мы говорили уже, что каждый патриархат во вселенской церкви, каждый народ, каждый человек, принося на служение ей свою личную особенность, в самом развитии этой особенности встречает опасность для своего внутреннего равновесия и для своего согласного пребывания в общем духе православия.

В чем же заключалась особенность России сравнительно с другими народами мира православного и где таилась для нее опасность? И не развилась ли эта особенность в некоторое излишество, могущее уклонить ее умственное направление от прямого пути к назначенной ему цели?

Здесь, конечно, могут быть только гадательные предположения.

Что касается до моего личного мнения, то я думаю, что особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней во всем объеме ее общественного и частного быта. В этом состояла главная сила ее

образованности, но в этом же таилась и главная опасность для ее развития.

Чистота выражения так сливалась с выражаемым духом, что человеку легко было смешать их значительность и наружную форму уважать наравне с ее внутренним смыслом. От этого смешения, конечно, ограждал его самый характер православного учения, преимущественно заботящегося о цельности духа. Однако же разум учения, принимаемого человеком, не совершенно уничтожает в нем общечеловеческую слабость. В человеке и в народе нравственная свобода воли не уничтожается никаким воспитанием и никакими постановлениями.

В XVI веке, действительно, видим мы, что уважение к форме уже во многом преобладает над уважением духа. Может быть, начало этого неравновесия должно искать еще и прежде, но в XVI веке оно уже становится видимым. Некоторые повреждения, вкравшиеся в богослужебные книги, и некоторые особенности в наружных обрядах церкви упорно удерживались в народе, несмотря на то, что беспрепятственные сношения с Востоком должны бы были вразумить его о несходствах с другими церквями. В то же время видим мы, что частные юридические постановления Византии не только изучались, но и уважались наравне почти с постановлениями общецерковными, и уже выражается требование применять их к России, как <если> бы они имели всеобщую обязательность. В то же время в монастырях, сохранявших свое наружное благолепие, замечался некоторый упадок в строгости жизни. В то же время правильное вначале образование взаимных отношений бояр и помещиков начинает принимать характер уродливой формальности запутанного местничества. В то же время близость унии страхом чуждых нововведений еще более усиливает общее стремление к боязливому сохранению всей, даже наружной и буквальная, целостности в коренной русской православной образованности.

Таким образом, уважение к Преданию, которым стояла Россия, нечувствительно для нее самой перешло в уважение более наружных форм его, чем его оживляющего духа. Оттуда произошла та односторонность в русской образованности, которой резким последствием был Иоанн Грозный и которая через век после была причиною расколов и потом своею ограниченностью должна была в некоторой части мыслящих людей произвести противоположную себе другую односторонность: стремление к формам чужим и к чужому духу.

Но корень образованности России живет еще в ее народе, и, что всего важнее, он живет в его Святой Православной Церкви. Потому на этом только основании, и ни на каком другом, должно быть воздвигнуто прочное здание просвещения России, создаваемое донныне из смешанных и большею частью чуждых материалов и потому имеющее нужду быть перестроенным из чистых собственных материа-

лов. Построение же этого здания может совершиться тогда, когда тот класс народа нашего, который не исключительно занят добыванием материальных средств жизни и которому, следовательно, в общественном составе преимущественно предоставлено значение вырабатывать мысленно общественное самосознание, — когда этот класс, говорю я, до сих пор проникнутый западными понятиями, наконец полнее убедится в односторонности европейского просвещения; когда он живет почувствует потребность новых умственных начал, когда с разумною жаждой полной правды он обратится к чистым источникам древней православной веры своего народа и чутким сердцем будет прислушиваться к ясным еще отголоскам этой святой веры отечества в прежней, родимой жизни России. Тогда, вырвавшись из-под гнета рассудочных систем европейского любомудрия, русский образованный человек в глубине особенного, недоступного для западных понятий, живого, цельного умозрения Святых Отцов Церкви найдет самые полные ответы именно на те вопросы ума и сердца, которые всего более тревожат душу, обманутую последними результатами западного самосознания. А в прежней жизни отечества своего он найдет возможность понять развитие другой образованности.

Тогда возможна будет в России наука, основанная на самобытных началах, отличных от тех, какие нам предлагает просвещение европейское. Тогда возможно будет в России искусство, на самородном корне расцветающее⁸¹. Тогда жизнь общественная в России утвердится в направлении, отличном от того, какое может ей сообщить образованность западная.

Однако же, говоря «направление», я не излишним почитаю прибавить, что этим словом я резко ограничиваю весь смысл моего желания. Ибо если когда-нибудь случилось бы мне увидеть во сне, что какая-либо из внешних особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдруг воскресла посреди нас и в прежнем виде своем вмешалась в настоящую жизнь нашу, то это видение не обрадовало бы меня. Напротив, оно испугало бы меня. Ибо такое перемещение прошлого в новое, отжившего в живущее было бы то же, что перестановка колеса из одной машины в другую, другого устройства и размера: в таком случае или колесо должно сломаться, или машина. Одного только желаю я: чтобы те начала жизни, которые хранятся в учении Святой Православной Церкви, вполне проникнули убеждения всех

⁸¹ О современном состоянии искусства и о характере его будущего развития было еще в 1845 году высказано несколько глубоких мыслей А.С. Хомяковым в его статье «Письмо в Петербург», напечатанной во 2-м № «Москвитянина» того года; но тогда воззрение это было, кажется, еще преждевременно для нашей публики, ибо литература наша не отозвалась на эти живые мысли тем ответом, какой бы должно было ожидать от нее при более сознательном расположении умов.

степеней и сословий наших, чтобы эти высшие начала, господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но, напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие и чтобы та цельность бытия, которую мы замечаем в древней, была навсегда уделом настоящей и будущей нашей православной России⁸²...

Комментарии

Киреевский Иван Васильевич

¹ В ОТВЕТ А.С. ХОМЯКОВУ

Работа написана зимой 1839 г. как ответ на статью А.С. Хомякова «О старом и новом» и не предназначалась для печати. Оба эти сочинения стали программными документами раннего славянофильства. Впервые опубликована в 1861 г. (*Киреевский И.В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1861. С. 188—200).

Печатается по: *Киреевский И.В., Киреевский П.В.* Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 1. Философские и историко-публицистические работы / Сост., примеч. и коммент. А.Ф. Малышевского. Калуга, 2006. С. 33—46.

² Силлогизм — логическое умозаключение, состоящее из двух суждений (посылка), из которых следует третье суждение — заключение, вывод.

³ Ракита — народное название некоторых видов ивы.

⁴ Схоластика — тип религиозной философии, основанный на приоритете формально-логических рассуждений.

⁵ Инквизиция — судебный институт католической церкви, предназначенный для выявления и искоренения «ересей».

⁶ Иезуитизм — здесь: приоритет политики над нравственностью, беспринципность в выборе средств для достижения своей цели.

⁷ Вотще — тщетно, напрасно.

⁸ *Штраус* (Strauss) Давид Фридрих (1808—1874) — немецкий философ и теолог, в своих работах отрицал историческую достоверность евангельских преданий, рассматривая их как мифы, порожденные духовной «субстанцией» эпохи, а Иисуса Христа — как историческую личность, отделив его от «вечной» идеи божественности как основы христианской веры.

⁹ Филантропия — здесь: благотворительность.

¹⁰ *Гёте* (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт и мыслитель.

¹¹ *Талейран* (Talleyrand-Périgord) Шарль-Морис (1754—1838) — французский дипломат, министр иностранных дел в 1797—1799 гг. (при Директории), в 1799—1807 гг. (в период Консульства и империи Наполеона I), в 1814—1815 гг. (при Людовике XVIII).

¹² Имеется в виду *Луи Филипп* (Louis Philippe) (1773—1850), французский король в 1830—1848 гг. Возведен на престол после Июльской революции 1830 г. Свергнут Февральской революцией 1848 г.

¹³ Киреевские устраивали в своем доме традиционные литературные вечера, на которых читались новые произведения. По-видимому, И.В. Киреевский читал свою работу в течение двух вечеров.

¹⁴ Речь идет о Священном Предании — втором, после Священного Писания, первоисточнике христианской веры, который включает в себя каноны, авторизо-

ванные Церковью литургические тексты, творения Отцов Церкви, Жития Святых, а также обычаи Церкви.

¹⁵ Действительно, общественный договор (теория происхождения государства, согласно которой оно возникло в результате договора между людьми, предусматривавшего добровольный отказ частных лиц от ряда своих естественных прав в пользу государственной власти) имеет глубокие исторические корни. Впервые мысли подобного рода были высказаны еще в древности Эпикуром и Лукрецием Каром. В XVII—XVIII вв. эта теория разрабатывалась Г. Гроцием, Т. Гоббсом, а также Д. Дидро и кругом энциклопедистов (французские просветители, участвовавшие в создании «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (35 томов, 1751—1780)).

¹⁶ Имеется в виду монашеская или рыцарско-монашеская община католической церкви с определенным уставом. Первый орден — крестовый (или вифлеемский) орден (так как участники его нашивали на одежду крест), возник во время крестового похода (1096—1099) в Святую землю для освобождения ее и христианских святынь от власти «неверных» — мусульман.

¹⁷ Имеются в виду поучения преподобного Исаака Сирина (Исаака Ниневийского, ум. в конце VII в.) — христианского писателя-аскета.

¹⁸ Список — рукописная копия.

¹⁹ Речь идет о российском императоре Петре I.

²⁰ Стоглавый собор — церковный собор с участием царя Ивана IV и представителей Боярской думы, заседавший в Москве в январе—феврале 1551 г. (окончательное завершение работы Стоглавого собора относится к маю 1551 г.). Своё название получил от сборника соборных решений, поделенного на 100 глав, — «Стоглав».

²¹ Видимо, имеется в виду ересь жидовствующих, распространившаяся во второй половине XV в. из Новгорода. В частности, жидовствующие отрицали монашество и церковную иерархию, отвергали поклонение иконам, мощам и кресту.

²² Раскольники — официальное название сторонников старообрядчества, возникшего в середине XVII в. в результате раскола Русской православной церкви.

²³ КАКИХ ПЕРЕМЕН ЖЕЛАЛ БЫ Я В ТЕПЕРЕШНЕЕ ВРЕМЯ В РОССИИ?

Рукопись, созданная не ранее 1848 г., впервые опубликована в кн.: *Киреевский И.В.* Разум на пути к Истине. Философские статьи, письма, дневник. М., 2002. С. 27—31.

Печатается по: *Киреевский И.В., Киреевский П.В.* Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. I. Философские и историко-публицистические работы / Сост., примеч. и коммент. А.Ф. Малышевского. Калуга, 2006. С. 66—70. При составлении комментариев использовались примечания Н.Ю. Лазаревой в кн.: *Киреевский И.В.* Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 423—426.

²⁴ Зимой 1848 г. революционные волнения, начавшись во Франции, охватили Италию и государства Германского союза.

²⁵ Здесь словены — славяне.

²⁶ Немецкие государства (королевство Пруссия, Австрийская империя и еще 38 мелких княжеств) в 1840-е гг. составляли Германский союз во главе с Австрией. Из представителей всех государств, входивших в Германский союз, был образован парламент, заседавший во Франкфурте-на-Майне. Во время революции 1848 г. Франкфуртским парламентом была предпринята неудачная попытка государственного объединения Германии.

²⁷ Poleмика о необходимости перевода Библии на русский язык велась в первой половине XIX в. Издание книг Нового Завета на русском языке и работа над переводами книг Ветхого Завета были предприняты Российским Библейским

обществом (до его закрытия в 1826 г.) и возобновилась в 1858 г. Первое издание русской Библии, благословленное Святейшим синодом, вышло в свет в 1876 г.

²⁸ Греческий перевод книг Ветхого Завета, сделанный, по преданию, в III в. до н.э. и получивший название перевода Семидесяти толковников (по числу переводчиков, участвовавших в переводе на греческий язык еврейских священных книг), с апостольских времен был принят в употребление христианской Церковью, но отвергнут иудеями рассеяния, т.е. иудеями, жившими вне Палестины.

²⁹ Присяга — установленная законодательством Российской империи клятва, произносившаяся православными перед Св. крестом и Евангелием. Для иноверцев присяга имела свою форму, согласную с их верованиями. Присягу давали на верность воцарившемуся Императору и его законному наследнику, также при поступлении на военную или гражданскую службу. В уголовном и гражданском судопроизводстве использовалась эта же присяга. По канонам Православной церкви за принятие ложной присяги согрешивший на десять лет отлучался от Причастия Святых Христовых Таин.

³⁰ Пьюизисты — последователи учения проф. Оксфордского университета Э.-Б. Пьюзи, который хотел сблизить англиканскую церковь с католической и тем противодействовать рационалистическому протестантизму.

³¹ Вероучение англиканской церкви изложено в «Книге общественного служения» (1549) и в 42-х догматах — артиклах (Articles) (1552). После пересмотра английский парламент в 1571 г. утвердил 39 артиклов (у И.В. Киреевского неточно — 36).

³² О ХАРАКТЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ ЕВРОПЫ И ЕГО ОТНОШЕНИИ К ПРОСВЕЩЕНИЮ РОССИИ Письмо к графу Е.Е. Комаровскому

Статья с цензурными сокращениями впервые была опубликована в «Московском сборнике» (Т. 1. М., 1852. С. 1—68). Без цензурной правки опубликовано: *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 174—222.

Печатается по: *Киреевский И.В.* Разум на пути к Истине: Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник / Сост., вступ. ст. Н. Лазарева; коммент., указ. имен Л. Копылов, Н. Лазарева. М.: Правило веры, 2002. С. 151—213. Примечания даны с небольшими сокращениями и дополнениями.

³³ *Комаровский* Егор Евграфович (1803—1875) — цензор петербургского Комитета иностранной цензуры, состоял в дружеских отношениях со многими известными представителями русской культуры, включая И.В. Киреевского.

³⁴ «Московский сборник» был издан на средства А.И. Кошелева под ред. И.С. Аксакова весной 1852 г. Фактически это было первое самостоятельное издание московских славянофилов. В нем поместили свои статьи братья Киреевские, А.С. Хомяков, А.И. Кошелев, С.М. Соловьев, братья Аксаковы, И.Д. Беляев. Цензор «Московского сборника» кн. Владимир Владимирович Львов также был близок к кругу славянофилов благодаря своему сотрудничеству в журнале «Москвитянин» (в 1840-е). В силу вообще подозрительного отношения правительства к славянофилам и особенно в связи с их изъявлениями братской любви к угнетенным славянским народам, после выхода сборника на всех его участников и цензора обрушились карательные меры. Так, второй том «Московского сборника» был запрещен, И.С. Аксаков лишен права редактирования, кн. В.В. Львов получил выговор и ушел в отставку. С И.В. Киреевского, К.С. и И.С. Аксаковых, А.С. Хомякова была взята подписка об обязательном представлении рукописей в Главное управление цензуры на предварительную цензуру.

³⁵ Вероятно, автор имеет в виду «общее мнение», выраженное П.Я. Чаадаевым в первом «Философическом письме к г-же ***», написанном в 1828 г. и получившем известность в литературных кругах: «Сначала — дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть, — такова печальная история нашей юности» (*Чаадаев П.Я. Статьи и письма. 2-е изд., доп. М., 1989. С. 42*). Также в программной статье, предназначавшейся для журнала «Московский вестник», Д.В. Веневитинов писал в 1826 г.: «У всех народов самостоятельных просвещение развивалось из начала, так сказать, отечественного: их произведения, достигая даже некоторой степени совершенства и входя, следовательно, в состав всемирных приобретений ума, не теряли отличительного характера. Россия все получила извне; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приносит в дань не удивление, но раболепство; отсюда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности» (*Веневитинов Д.В. О состоянии просвещения в России // Веневитинов Д.В. Стихотворения. М., 1982. С. 136*).

³⁶ Вольно цит. по: *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: В 15 т. 2-е изд. М., 1838. Т. 5. С. 261—262.

³⁷ Здесь имеется в виду работа по собиранию и публикации материалов государственных и монастырских архивов, начатая в 1810-е гг. гр. Николаем Петровичем Румянцевым и его помощниками. Интерес поколения И.В. Киреевского к истории был вызван философскими идеями Ф.В.И. Шеллинга о том, что каждому народу предназначена некая определенная роль во всемирном историческом процессе. Среди славянофилов исследованием русской старины занимались М.П. Погодин, С.П. Шевырев, И.Д. Беляев и П.В. Киреевский.

³⁸ Из сирийских богословов известны прп. Иаков, еп. Низибийский, его ученик, прп. Ефрем Сирий, и прп. Исаак Сирий, еп. Ниневийский, — все они многие годы провели в пустынножительстве, посвятив его изучению и исправлению собственной души. Оставив отшельничество ради общественного служения, они в своих многочисленных словах и поучениях стремились передать верующим собственный духовный опыт.

³⁹ Ряд римских богословов открывает Апостол от 70-ти, сщмч. Климент, папа рим., далее следуют мч. Иустин Философ, сщмчч. Иринея Лионский, Ипполит Римский, Киприан Карфагенский, свт. Амвросий Медиоланский, блжж. Иероним Стридонский и Августин Иппонийский, прп. Иоанн Кассиан Римлянин, свт. Лев Великий и Григорий Двоеслов, папы римские. Прп. Иоанн Кассиан Римлянин и блж. Иероним Стридонский только по происхождению и месту служения своего относятся к Риму, но образованием и духовным устроением были обязаны многолетнему пребыванию в монастырях христианского Востока.

⁴⁰ Расцвет византийского богословия начался в кон. IV в. по всей восточной части Римской империи. Из богословских школ духовное просвещение перешло в многочисленные монастыри Египта, Палестины и Малой Азии, где подвизались в V—XI вв. прпп. Исая Нитрийский, Марк Подвижник, Варсонофий Великий, авва Дорофей, Иоанн Лествичник, авва Фалассий Ливийский, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин, Феодор Студит, Симеон Новый Богослов, Никита Стифат. Для многочисленных трудов этих св. отцов, кроме обычного круга вопросов (обличение ересей, монашеские правила, толкование Священного Писания, гимнография), характерны и антропологические проблемы: внутренний мир человека, его духовное возрастание, смысл и цель человеческой жизни, т.е. приложение сложившегося христианского вероучения к христианской жизни.

⁴¹ Из знаменитой *александрийской* или *новоалександрийской* школы, процветавшей в IV—V вв., вышли свтг. Александр Александрийский, Афанасий Великий,

Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Кирилл Александрийский. Их объединяло глубокое знание античной философии и использование ее для раскрытия христианских истин. Созерцательное направление богословия александрийцев проявилось в аллегорически-таинственном толковании Священного Писания.

⁴² Имеется в виду эллинистическая культура, центрами которой были Александрия в Египте и Антиохия в Сирии.

⁴³ Запад впервые познакомился с византийским просвещением, когда крестоносцами был захвачен *Константинополь*. В 1203—1204 гг. крестоносцы овладели Царьградом и подвергли его разграблению. Множество сочинений античных и раннехристианских писателей попало в Европу и было переведено с греческого языка на латинский. Византийская империя окончательно была уничтожена турками, под ударами которых в 1453 г. пал Константинополь. В Европу, как и в Россию, бежавшими греками было вывезено огромное количество святынь, рукописей и памятников древности.

⁴⁴ Имеется в виду исчисление времени от сотворения мира, принятое на христианском Востоке.

⁴⁵ Во 2-й половине IV в. в результате Великого переселения народов германские, славянские и сарматские племена стали захватывать земли Западной Римской империи и расселяться на них. В 476 г. ими был низложен римский император Ромул Августул, и Западная Римская империя прекратила свое существование. Завоевателями были частично восприняты язык и культура античного Рима.

⁴⁶ Имеются в виду слова ап. Павла: «Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор. 1, 21—25).

⁴⁷ Вероятно, речь идет об *апологетических сочинениях* сщмчч. Иринея Лионского, Ипполита Римского, Киприана Карфагенского, блж. Августина.

⁴⁸ *Тертуллиан* Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — после 220) — выдающийся карфагенский богослов. О его апологетических и полемических сочинениях, а также нравственных поучениях с похвалой отзывались многие духовные писатели, даже величали его самым замечательным из латинских учителей. В зрелом возрасте Тертуллиан уклонился в монтанизм — мистическое учение, ложно трактовавшее действие Святого Духа, смешивавшее понятие о благодати Божией с восторженным или даже расстроенным состоянием человеческой души.

⁴⁹ *Киприан* Фасций Цецилий (ум. в 258) — отец Церкви, принял христианство под влиянием Тертуллиана, управлял Церковью во время гонений на христиан. Его сочинения, посвященные главным образом устройству Церкви и принятию в общение отпавших от нее, проникнуты духом любви и кротости. Он же автор многочисленных апологетических и полемических сочинений; среди них «Книги свидетельств против иудеев» (248), «О единстве Церкви» (251) и др.

⁵⁰ *Августин* Аврелий (354—430) — отец Церкви, ученик свт. Амвросия Медиоланского. Автор многочисленных полемических и апологетических трактатов, направленных против ересей, расколов и язычества (известнейший из них — «О граде Божием» [ок. 413-426]). Наилучшим памятником его проповеднического дара и духовно-нравственных исканий является автобиографическая «Исповедь» (397—401).

⁵¹ *Лютер* (Luther) Мартин (1483—1546) — христианский богослов, инициатор и вождь немецкой Реформации.

⁵² Папа римский Николай I (ум. 867) поставлен на римский престол в 858 г., утвердил верховную власть Рима в Западной Европе и стремился подчинить своему влиянию и Восточную церковь. В 863 г. на поместном Римском соборе он отлучил от Церкви Константинопольского Патр. Фотия; в свою очередь на Поместном Константинопольском соборе патр. Фотий отлучил от общения папу Николая I.

⁵³ Имеется в виду папа римский Стефан II (752—757), который заручился у короля франков Пипина Короткого поддержкой против лангобардов, захвативших часть Италии и угрожавших Риму. При этом папской канцелярией был составлен подложный документ, согласно которому папа римский Сильвестр I якобы крестил Константина Великого и излечил от проказы, а император в награду вручил папе грамоту (так называемый «Константинов дар»), согласно которой папа получал такую же власть над западными провинциями, какую сам император имел над восточными. В итоге получалось так, что Пипин Короткий, освободив Рим от лангобардской угрозы, только вернул (а не даровал) папам законные древние права. Этот документ впоследствии был использован как основа для придания законности созданию Папского государства и его выходу из-под юрисдикции Византии.

⁵⁴ *Святая (Священная) Римская империя* была основана германским королем Оттоном I, включала в себя Германию, Австрию, Чехию, Швейцарию, Северную и Среднюю Италию, земли Бургундии, существовала с 962 по 1806 г. и окончательно была уничтожена в ходе наполеоновских войн. Между императорами и римскими папами постоянно происходила борьба за инвеституру — право назначения на церковные и государственные посты в империи.

⁵⁵ С начала XIII в. символом верховной власти папы служила двойная, а потом тройная корона (тиара).

⁵⁶ Ислам, или магометанство, представляет собой сочетание арабского язычества, иудейских верований и арианской и несторианской ересей. Возник в Аравии в VII в. уже при жизни своего основателя Магомета (Мухаммеда), почитавшегося пророком. Ислам признает единобожие, человеческую жизнь считает предопределенной, загробную жизнь представляет как чувственные наслаждения или страдания. Прежние языческие верования арабов представлены в исламе как верования в талисманы. В начале VIII в. арабы завоевали огромные территории в Ближней и Средней Азии, Северной Африке; они захватили Сицилию и Испанию, проникнув таким образом в Европу. В это же время у арабов достигли своего расцвета наука и культура, на арабский язык были переведены многие сочинения греческих, сирийских и староперсидских авторов. Особых успехов достигли арабы в математике, географии, астрономии, медицине. В основе арабской философии лежало учение Аристотеля, труды которого арабы принесли в Европу.

⁵⁷ *Аристотель* (Ἀριστοτέλης) (384—322 до Р.Х.) — древнегреческий философ, ученик Платона. Аристотель предположил, что идеи не имеют самостоятельного существования вне отдельных предметов, представляют лишь внутренние, субъективные формы действительности. Таким образом, центром философских исследований Аристотеля было отношение понятия к предмету, общего к частному, т.е. логика. Труды Аристотеля получили известность в Европе в XII—XIII вв., после Крестовых походов и вследствие знакомства с арабской культурой.

⁵⁸ *Эриген* (или *Эригена*) (Eriugena) Иоанн Скот (ок. 810 — после 877) — философ-богослов, по происхождению ирландец, а не *шотландец* (ошибка Киреевского). Переводил на латинский язык творения сщмч. Дионисия Ареопагита и прп. Максима Исповедника, сопровождая их комментариями. Взгляды философа сложились под влиянием неоплатоников, блж. Августина и богословов православного Востока. Его главные сочинения: «О Божественном Предопределении» (851) и «О разделении природы» (867). Учение Эригены еще при его жизни

вызвало осуждение католической церкви, а затем и вовсе было признано еретическим.

⁵⁹ Предметом споров двух направлений схоластики — *номиналистов* и *реалистов* являлись универсалии — общие понятия. Номиналисты утверждали, что универсалии существуют только в мышлении, реалисты держались мнения о реальном существовании универсалий.

⁶⁰ Под *мистикой* следует понимать практику и учение о богообщении, непосредственным единении души с Богом. Понятие мистики характерно для западного богословия, в православной богословской традиции ему соответствует понятие благодатного созерцания. Оно достигается — при содействии благодати Божией — непорочной, подвижнической жизнью, исполнением заповедей Божиих, очищением от страстей, трезвенностью ума, непрестанной умной молитвой.

⁶¹ Имеется в виду *Рене Декарт* (Descartes) (1596—1650) — французский философ, математик, физик и физиолог. Его основные сочинения: «Рассуждение о методе...» (1637), «Метафизические размышления» (1641), «Начала философии» (1644). Полемизируя со схоластикой, Декарт подверг сомнению вообще все человеческие знания и сделал отправной точкой своего философствования принцип непосредственной достоверности сомнения, т.е. собственно мышления: «Я мыслю, следовательно, я существую» («Cogito, ergo sum»).

⁶² *Спиноза* (Spinoza) Бенедикт (1632—1677) — нидерландский философ. Его важнейшие сочинения — «Трактат об усовершенствовании разума» (1661) и «Этика» (1675), написанная им наподобие учебника геометрии. Основываясь на законах математики, Спиноза приравнял природу к Богу, представив природу как причину самой себя, а разнообразие отдельных вещей — как единичные проявления природы-субстанции. Связав поведение человека механистическим детерминизмом, философ отверг свободу воли. «Свободный человек» Спинозы действует соответственно с требованиями разума. По существу атеистические, идеи Спинозы оказали значительное влияние на мировоззрение французских энциклопедистов.

⁶³ *Лейбниц* (Leibniz) Георг Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ, логик, математик и физик. Наиболее законченный очерк его философской системы изложен в труде «Монадология» (1714). Согласно Лейбницу, мир состоит из бесконечного числа монад — идеальных сущностей, простых и неделимых. Многообразие мироздания предопределено иерархией монад, высшей монадой является Бог. Монады не взаимодействуют между собой, но тем не менее находятся в единстве благодаря «предустановленной гармонии»: так разные часы, работая синхронно, показывают одно и то же время.

⁶⁴ *Юм* (Hume) Давид (1711—1776) — шотландский философ и историк. Его главная философская работа — «Трактат о человеческой природе» (1734—1737). Развивая концепцию чувственного опыта как соотношения первичных и вторичных восприятий, Юм довел эмпирическую философию до ее логического конца: ничего не принимая на веру, но изыскивая любые указания, которые можно было получить из опыта и наблюдения, философ пришел к выводу, что таким путем нельзя познать ничего. Понятие о существовании причинно-следственных связей между явлениями, по мнению Юма, есть лишь плод человеческого опыта (логической ошибки).

Бэкон (Bacon) Фрэнсис (1561—1626) — английский государственный деятель и философ, которого принято считать основоположником эмпиризма. Трудом всей его жизни было сочинение «Великое восстановление наук» (1620—1623). Считая, что только с помощью науки человек станет владычествовать над природой, Бэкон и основание философии полагал в опытном познании. Он утверждал, что философия должна быть отделена от теологии, не переплетаться с нею, как это произошло в схоластике, а зависеть только от разума.

Локк (Locke) Джон (1632—1704) — английский философ и политический мыслитель, идеолог Английской буржуазной революции 1688—1689 гг. Социально-политические воззрения Локка основаны на теории естественного права и общественного договора. Его философские взгляды изложены в труде «Опыт о человеческом разуме» (1690). Локк — основоположник эмпиризма, согласно которому человеческое знание основывается не на врожденных идеях, а исходит непосредственно из опыта; опыт в свою очередь опирается на ощущения и их восприятие душой человека.

⁶⁵ *Кант* (Kant) Иммануил (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. Своими учителями считал Лейбница и Юма; под влиянием последнего Кант отошел от догматического рационализма. Наиболее важными сочинениями Канта являются «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790). Фундамент всех трех «Критик» есть учение о «вещах в себе» — явлениях и вещах внешнего мира, которые, будучи непознаваемы, только дают материю ощущений. Человеческое сознание упорядочивает эти ощущения в пространстве и во времени и доставляет понятия, посредством которых постигается опыт. Разум человеческий ничего выше опытного познать не может и, следовательно, не может иметь твердых доказательств бытия Божия.

⁶⁶ *Фихте* (Fichte) Иоганн Готлиб (1762—1814) — немецкий философ, последователь И. Канта, не принявший, однако, кантовскую идею «вещи в себе», автор «Речей к немецкой нации», которые способствовали возрождению национального самосознания. Основные философские идеи Фихте изложены им в труде «Основа общего наукоучения» (1794), который представляет собой курс лекций (читанных в Йенском университете), дополнявшийся им в течение всей жизни.

⁶⁷ *Шеллинг* (Schelling) Фридрих Вильгельм Иосиф (1775—1854) — немецкий философ. Созданное им в первые годы научного творчества натурфилософское учение изложено в труде «Система трансцендентального идеализма» (1800); затем Шеллинг разрабатывал «философию тождества», а с середины 1810-х гг. постепенно перешел к так называемой философии мифологии и Откровения, носившей мистический характер. Из всех европейских философов Шеллинг оказал наибольшее влияние на развитие русской философской мысли XIX столетия. В 1820—1840 гг. с ним встречались П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, братья Киреевские, С.П. Шевырев, Ф.И. Тютчев и многие другие. И.В. Киреевский высоко ценил диалектику Шеллинга, но решительно не принимал его поздние религиозные взгляды. Отзывы И.В. Киреевского о философии Шеллинга содержатся в статьях «Десятинадцатый век» (1832), «Речь Шеллинга» (1845), «Обозрение современного состояния литературы» (1845), «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (1852) и «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856).

⁶⁸ В примечании И.В. Киреевского имеется в виду его статья «Обозрение современного состояния литературы» (Москвитинин. 1845. № 1, отд. «Критика». С. 1—28; № 2, отд. «Критика». С. 56—78; № 3, отд. «Критика». С. 18—30). В первой части статьи сделан краткий обзор европейской философии 1-й половины XIX в.

⁶⁹ *Варлаам Калабрийский* (ум. 1348) — монах из Калабрии (юг Италии), некоторое время живший в Византии, противник учения исихастов, отвергавший нетварность Божественного Фаворского света и насмехавшийся над исихастами, которые стремились к молитвенному соединению ума и сердца для созерцания Божественного света. На Первом Поместном Константинопольском соборе 1341 г. был признан еретиком и предан анафеме. Ересиарх уехал в Италию, где его учение было поддержано, и принял католичество, с 1342 г. — еп. Джерачайский (Калабрия). Знаменитый итальянский поэт *Франческо Петрарка* (Petrarca) (1304—

1374) брал у монаха Варлаама уроки греческого языка (летом 1342 г. в Авиньоне). У И.В. Киреевского несовпадение в датах: *Академия* в Неаполе была открыта в 1433 г.

⁷⁰ *Платон* (Πλάτων) (427—347 до Р.Х.) — древнегреческий философ, основатель философской школы. Последовав было за своим учителем, Сократом, в убежденности во всемогуществе добра, но неизбежно столкнувшись со злом, Платон разработал учение о мире идей — вечных умопостижимых прообразах реальных вещей, — мире, в котором предсуществует душа до соединения с телом и будет существовать и после смерти. По учению Платона, изложенному им в диалоге «Федон», душа связана с телом своими постыдными сторонами — страстной и пожелательной. Они, подобно оковам, препятствуют восхождению души в идеальный мир.

⁷¹ Следует отметить, что расцвету европейского Ренессанса хронологически соответствует расцвет исихастского движения на православном Востоке. В центре интеллектуальных и духовных исканий двух этих явлений стоял вопрос о цели и назначении человека. Если для Ренессанса характерно противопоставление духа и материи, то исихазму свойственно стремление к их соединению. В этом контексте споры монаха Варлаама со сторонниками свт. Григория Паламы о природе Фаворского света предстают как противостояние католического и православного мировоззрений, определившее их дальнейшее развитие. Из *святых отцов* этого времени наиболее известны прп. Григорий Синаит, духовный наставник свт. Григория Паламы, и свт. Каллист Первый.

⁷² Имеется в виду сочинение неизвестного автора «*О подражании Христу*», относящееся к 1427—1441 гг. В нем изложены общехристианские идеалы спасения человека через добродетельную жизнь. Впоследствии книга многократно издавалась и была переведена на все европейские языки. К.П. Победоносцев сделал русский перевод (О подражании Христу. СПб., 1869). Автор сочинения не установлен (точно известна лишь его принадлежность к союзу «братьев общинной жизни»), но вероятнее всего им был *Фома Кемпийский* (ум. 1471); как возможного автора И.В. Киреевский называет и французского католического теолога *Жан-Шарля Херсона* (Герсона) (Gerson) (1363—1429).

⁷³ *Святая Гора*, или *Святая Афонская Гора*, *Афон*, — названа так и по преданию о посещении ее Божией Матерью, и по множеству монастырей, издавна на ней находящихся. Афон находится в южной части греческого п-ва Агион-Орос. Первые исторические известия о монастырских поселениях на Афоне относятся к VI в. С тех пор подвижническая жизнь здесь не прекращалась, так что Афон можно назвать «монашеской страной» со множеством болгарских, греческих, грузинских, молдавских, русских, сербских монастырей, скитов и келий. В течение веков Афон переживал периоды расцвета и упадка (своими внешними причинами связанного с гонениями, которые Афон претерпевал от католиков и мусульман).

⁷⁴ Личная библиотека короля Карла V Мудрого, ставшая основой Парижской библиотеки, насчитывала 1200 списков.

В примечании И.В. Киреевский ссылается на немецкого историка *Августа Людвиг фон Шлёцера* (Schlözer) (1735—1809), изучавшего в 1760-е гг. «Повесть временных лет». Шлёцер писал: «В исходе XII столетия были такие князья, которые сами разумели греческий и другие языки; которые в Смоленске основали училище, где преподавался греческий язык (и латинский, по смежности с Польшею); которые сему училищу отдали свою библиотеку, состоявшую более нежели из 1000 всё греческих книг... И так греческая словесность, которая до Пселла, следственно точно до Нестеровых времен, поддерживалась в порядочном состоянии, действительно укоренилась в Руси» (Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке / Сличенные, переведенные и объясненные А.-Л. Шлёцером. СПб., 1809. Ч. 1. С. 16—17).

⁷⁵ В примечании И. В. Киреевского идет речь о труде С. П. Шевырева «История русской словесности...» (История русской словесности преимущественно древней. XXXIII публичные лекции Ст. Шевырева, ординарного профессора Московского университета. Том первый, часть первая; М.: В Университетской типографии, 1846; Том первый, часть вторая. М.: В Университетской типографии, 1846). Этот труд был воспринят как свидетельство появления новой науки — истории древней литературы. И. В. Киреевский писал по этому поводу: «История древнерусской литературы не существовала до сих пор как наука; только теперь, после чтений Шевырева, должна она получить право гражданства в ряду других историй всемирно значительных словесностей» (*Киреевский И. В.* Публичные лекции профессора Шевырева об истории русской словесности, преимущественно древней. Письмо в Белев А. П. Зонтаг // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Калуга, 2006. С. 130).

⁷⁶ *Преподобный Нил Сорский* (ум. 1508) — постриженник Кириллова Белозерского Успенского монастыря, несколько лет подвизался на Афоне, по возвращении основал недалеко от Кириллова монастыря Нила Сорского Сретенскую пустынь (скит), положив начало скитскому пустынножителюству на Руси. Его аскетические творения, широко распространенные в списках, в 1849 г. были изданы Козельской Введенской Оптиной пустынью Калужской губернии.

⁷⁷ Здесь речь идет о предпринятых в XVIII в. трудах ученых монахов по исследованию древних рукописных собраний монастырей *Святой Афонской Горы*.

⁷⁸ Статья «О древней русской истории (письмо к М. П. Погодину)» (Москвитянин. 1845. № 3, отд. «Науки». С. 11—46) написана П. В. Киреевским в ответ на сочинение М. П. Погодина «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» (Москвитянин. 1845. № 1, отд. «Науки». С. 1—18). Киреевский соглашается с Погодиным во мнении, что в основе европейской государственности лежит завоевание одних народов другими, но polemизирует в том, что касается последствий призвания варягов на Русь. Основу славян, общественного устройства П. В. Киреевский видит в родовом строе, а на его существование варяжские князья не оказали-де никакого влияния.

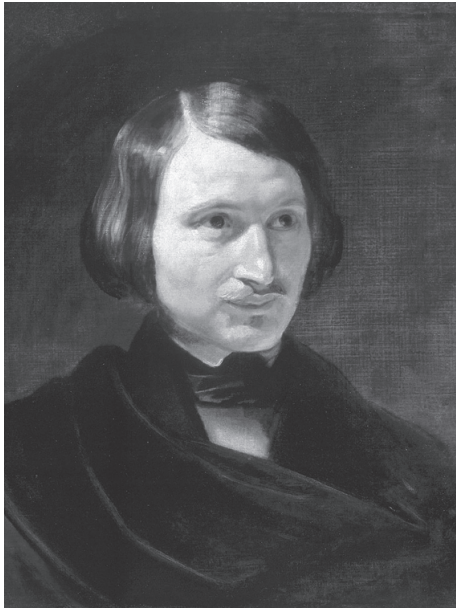
⁷⁹ В «Повести временных лет» говорится, что после своего крещения *равноап. вел. кн. Владимир*, «боясь греха», перестал наказывать «разбойников». Введя смертную казнь по совету греческих епископов, он вскоре заменил ее — по обычаю — штрафом.

⁸⁰ Анализируя летописные источники, П. В. Киреевский, с которым, безусловно, был согласен его брат, писал о значении слова *мир*: «Описывая племена, жившие в южной половине России, Нестор говорит: “И живяху в мире: поляне, и деревляне, и северяне, и радимичи, и вятичи, и хорваты, и дулебы, а угличи и тиверцы сядяху по Бугу и по Днестру, оли и до моря”. Здесь замечательно слово *мир*; оно, как известно, до сих пор на языке нашем выражает и *согласие*, и *совокупность*, и *вселенную*, также греческим словом *космос* называется вместе и *совокупность всех вещей*, т. е. *вселенная*, и *красота*, т. е. *гармония, согласие*. Такое единство слова объясняется близостью, можно сказать единством этих двух понятий. До сих пор еще деревенская сходка, где выражается совокупный голос целой деревни, у нас называется *миром*, и в этом смысле нам встречается это слово еще в “Правде” Ярослава Великого, где оно обозначает даже целый *округ*. <...> ... слово *мир* очевидно выражает не одно отсутствие вражды, а положительный союз, общество» (*Киреевский П. В.* О древней русской истории (письмо к М. П. Погодину) // Москвитянин. 1845. № 3, отд. «Науки». С. 40—42).

⁸¹ Вероятно, имеется в виду мнение А. С. Хомякова о взаимосвязи заимствованного и самобытного в национальной культуре: «Чуждые стихии, занимаемые по необходимости одним народом у другого, поступают в область новой жизни

и нового организма. Они переделываются и усваиваются этим организмом в силу его внутренних не условимых законов: они подвергаются неизбежным изменениям, которых не может угадать практический рассудок и которых не должна предвдывать торопливая догадка. Жизнь всегда предшествует логическому сознанию и всегда остается шире его. Первые попытки художественные у нас были рабским подражанием образцам иноземным: мы переносили к себе готовые формы чувства и мысли; мы переносили к себе даже обороты языков чужих, приравливая только к ним свой родной язык. Эта была дань поклонения, принесенная нами всему прекрасному, созданному другими народами, обогнавшими нас в просвещении. Теперь мы знаем и чувствуем, что искусство — свободное выражение прекрасного — также разнообразно, как самая жизнь народов и как идеалы их внутренней красоты. Время подражания в искусстве проходит. Мы не можем даже удовлетворяться тем, чем недавно восхищались. Мы понимаем, что формы, принятые извне, не могут служить выраженьем нашего духа и что всякая духовная личность народа может выразиться только в формах, созданных ею самой» (*Хомяков А. С.* Письмо в Санкт-Петербург // Москвитянин. 1845. № 2, отд. «Русская словесность». С. 85).

⁸² Статья не была закончена в связи с болезнью И. В. Киреевского и пошла в печать без заключительного обращения к гр. Е. Е. Комаровскому (см.: *Веневитинов М. А.* И. В. Киреевский и цензура «Московского сборника» 1852 г. // Русский архив. 1897. Кн. 3. Вып. 10. С. 290).

Гоголь Николай Васильевич, русский писатель

Родился 20 марта 1809 в селе Большие Сорочинцы Полтавской губернии в семье помещика, отставного коллежского асессора. Обучался в Полтавском уездном училище (1818—1819), в Нежинской Гимназии высших наук (1821—1828). В 1828 переехал в Санкт-Петербург, в 1829 после неудачных литературных опытов, попыток стать актером, короткого заграничного вояжа поступает на службу сначала в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел, затем в Департамент уделов Министерства императорского двора (1830—1831), дослужился до помощника столоначальника. Давал частные уроки, в 1831 стал преподавателем истории в женском Патриотическом институте. Занимался литературной деятельностью, в 1831—1832 опубликовал «Вечера на хуторе близ Диканьки», сделавшие его знаменитым писателем. В 1834 зачислен адъюнкт-профессором всеобщей истории в Санкт-Петербургский университет, читал историю Средних веков для студентов 2-го курса филологического отделения. В 1835 покинул университет. В июне 1836, после неудачной постановки «Ревизора», уехал за границу и пробыл там до 1848 (дважды приезжал в Россию). В 1842 вышел в свет первый том поэмы «Похождения Чичикова, или Мертвые души», в 1843 — сочинения в четырех томах, в 1847 — «Выбранные места из переписки с друзьями», вызвавшие большой общественный резонанс и навлекшие на их автора настоящую критическую бурю. В 1848 совершил паломничество в Святую землю. Вернувшись на родину, пытался продолжать работу над «Мертвыми душами». В Москве, в ночь на 12 февраля 1852, находясь в болезненном состоянии, сжег рукопись второго тома поэмы, а 21 февраля умер.

СОЧИНЕНИЯ

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1952.

Гоголь Н.В. Критика. Публицистика. Духовная проза. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

ЛИТЕРАТУРА

Воропаев В.А. «Сердце мое говорит, что книга моя нужна...» // Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990. С. 3—28.

Золотусский И.П. Гоголь. М., 2005.

Марголис Ю.Д. Книга Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»: Основные вехи истории восприятия. СПб., 1998.

Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя. М., 2004.

Овсяннико-Куликовский Д.Н. Н.В. Гоголь // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы. В 2 т. Т. 1. М., 1989.

Тарасов Б.Н. Гоголь и Чаадаев // Тарасов Б.Н. В мире человека. М., 1986. С. 306—318.

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ¹

VI

О ПОМОЩИ БЕДНЫМ²

(Из письма к А.О. С. ой)

... Обращаюсь к нападениям вашим на глупость петербургской молодежи, которая затеяла подносить золотые венки и кубки чужеземным певцам и актрисам в то самое время, когда в России голодают целиком губернии. Это происходит не от глупости и не от ожесточения сердец, даже и не от легкомыслия. Это происходит от всем нам общей человеческой беспечности. Эти несчастья и ужасы, производимые голодом, далеки от нас; они совершаются внутри провинций, они не перед нашими глазами, — вот разгадка и объяснение всего! Тот же самый, кто заплатил, дабы насладиться пеньем Рубини³, сто рублей за кресло в театре, продал бы свое последнее имущество, если бы довелось ему быть свидетелем на деле хотя одной из тех ужасных картин голода, перед которыми ничто всякие страхи и ужасы, выставляемые в мелодрамах. За пожертвованьем у нас не станет дело: мы все готовы жертвовать. Но пожертвованья собственно в пользу бедных у нас делаются теперь не весьма охотно, отчасти потому, что не всякой уверен, дойдет ли, как следует, до места назначения его по-

жертвованье, попадет ли оно именно в те руки, в которые должно упасть. Большею частию случается так, что помощь, точно какая-то жидкость, несомая в руке, вся расхлещется по дороге, прежде чем донесется, и нуждающемуся приходится посмотреть только на одну сухую руку, в которой нет ничего. Вот о каком предмете следует подумать прежде, чем собирать пожертвованья. Об этом мы с вами после потолкуем, потому что это дело ничуть не маловажное и стóит того, чтобы о нем толково потолковать. А теперь поговорим о том, где скорей нужно помогать. Помогать нужно прежде всего тому, с которым случилось несчастье внезапное, которое вдруг, в одну минуту, лишило его всего за одним разом: или пожар, сжегший всё дотла, или падеж, выморивший весь скот, или смерть, похитившая единственную подпору, словом — всякое лишение внезапное, где вдруг является человеку бедность, к которой он еще не успел привыкнуть. Туда несите помощь. Но нужно, чтобы помощь эта произведена была истинно христианским образом; если же она будет состоять в одной только выдаче денег, она ровно ничего не будет значить и не обратится в добро. Если вы не обдумали прежде в собственной голове всего положения того человека, которому хотите помочь, и не принесли с собой ему наученья, как отныне следует вести ему свою жизнь, он не получит большого добра от вашей помощи. Цена поданной помощи редко равняется цене утраты; вообще, она едва составляет половину того, что человек потерял, часто одну четверть, а иногда и того меньше. Русской человек способен на все крайности: увидя, что с полученными небольшими деньгами он не может вести жизнь, как прежде, он с горя может прокутить вдруг то, что ему дано на долговременное содержанье. А потому наставьте его, как ему изворотиться именно с той самой помощью, которую вы принесли ему, объясните ему истинное значение несчастья, чтобы он видел, что оно послано ему затем, дабы он изменил прежнее житие свое, дабы отныне он стал уже не прежний, но как бы другой человек и вещественно и нравственно. Вы сумеете это сказать умно, если только вникнете хорошенько в его природу и в его обстоятельства. Он вас поймет: несчастье умягчает человека; природа его становится тогда более чуткой и доступной к пониманью предметов, превосходящих понятие человека, находящегося в обыкновенном и вседневном положении; он как бы весь обращается тогда в разогретый воск, из которого можно лепить всё, что ни захотите. Всего лучше, однако ж, если бы всякая помощь производилась чрез руки опытных и умных священников. Они одни в силах истолковать человеку святой и глубокий смысл несчастья, которое, в каких бы ни являлось образах и видах кому бы то ни было на земле, обитает ли он в избе или палатах, есть тот же крик небесный, вопиющий человеку о перемене всей его прежней жизни.

VIII НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАШЕЙ ЦЕРКВИ И ДУХОВЕНСТВЕ⁴

(Из письма к гр. А. П. Т. . . . му)

Напрасно смущаетесь вы нападениями, которые теперь раздаются на нашу церковь в Европе. Обвинять в равнодушии духовенство наше будет также несправедливость. Зачем хотите вы, чтобы наше духовенство, доселе отличавшееся величавым спокойствием, столь ему пристойным, стало в ряды европейских крикунов и начало, подобно им, печатать опрометчивые брошюры? Церковь наша действовала мудро. Чтобы защищать ее, нужно самому прежде узнать ее. А мы вообще знаем плохо нашу церковь. Духовенство наше не бездействует. Я очень знаю, что в глубине монастырей и в тишине келий готовятся неопровержимые сочинения в защиту церкви нашей. Но дела свои они делают лучше, нежели мы: они не торопятся и, зная, чего требует такой предмет, совершают свой труд в глубоком спокойствии, молясь, воспитывая самих себя, изгоняя из души своей всё страстное, похожее на неуместную, безумную горячку, возвышая свою душу на ту высоту бесстрастия небесного, на которой ей следует пребывать, дабы быть в силах заговорить о таком предмете. Но и эти защиты еще не послужат к полному убеждению западных католиков. Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших. Мы должны быть церковь наша и нами же должны возвестить ее правду. Они говорят, что церковь наша безжизненна. — Они сказали ложь, потому что церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильным выводом: мы трупы, а не церковь наша, и по нас они назвали и церковь нашу трупом. Как нам защищать нашу церковь и какой ответ мы можем дать им, если они нам зададут такие запросы: А сделала ли ваша церковь вас лучшими? Исполняет ли всяк у вас, как следует, свой долг? Что мы тогда станем отвечать им, почувствовавши вдруг в душе и в совести своей, что шли всё время мимо нашей церкви и едва знаем ее даже и теперь? Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его. У хозяина спрашивают показать лучшую вещь в его доме и сам хозяин не знает, где лежит она. Эта церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословье, званье и должность войти в их

законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала, — и эта церковь нами незнаема! И эту церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!

Нет, храни нас бог защищать теперь нашу церковь! Это значит уронить ее. Только и есть для нас возможна одна пропаганда — жизнь наша. Жизнью нашей мы должны защищать нашу церковь, которая вся есть *жизнь*; благоуханием душ наших должны мы возвестить ее истину. Пусть миссионер католичества западного бьет себя в грудь, размахивает руками и красноречием рыданий и слов исторгает скоро высыхающие слезы. Проповедник же католичества восточного должен выступить так перед народ, чтобы уже от одного его смиренного вида, потухнувших очей и тихого, потрясающего гласа, исходящего из души, в которой умерли все желания мира, всё бы подвинулось еще прежде, чем он объяснил бы самое дело, и в один голос заговорило бы к нему: Не произноси слов, слышим и без них святую правду твоей церкви!

XI

СПОРЫ⁵

(Из письма к Л^{***})

Споры о наших европейских и славянских началах, которые, как ты говоришь, пробираются уже в гостиные, показывают только то, что мы начинаем просыпаться, но еще не вполне проснулись; а потому не мудрено, что с обеих сторон наговаривается весьма много дичи. Все эти славянисты и европисты, или же староверы и новове-ры, или же восточники и западники, а что они в самом деле, не умею сказать, потому что покамест они мне кажутся только карикатуры на то, чем хотят быть, — все они говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета, никак не догадываясь, что ничуть не спорят и не перечат друг другу. Один подошел слишком близко к строению, так что видит одну часть его; другой отошел от него слишком далеко, так что видит весь фасад, но по частям не видит. Разумеется, правды больше на стороне славянистов и восточников, потому что они все-таки видят весь фасад и, стало быть, все-таки говорят о главном, а не о частях. Но и на стороне европистов и западников тоже есть правда, потому что они говорят довольно подробно и отчетливо о той стене, которая стоит перед их глазами; вина их в том только, что из-за карниза, венчающего эту стену, не видится им верхушка всего строения, то есть главы, купола и всё, что ни есть в вышине. Можно бы посоветовать обоим — одному попробовать, хотя на время, подойти бли-

же, а другому отступить немного подалее. Но на это они не согла-ются, потому что дух гордости обуял обоими. Всякой из них уверен, что он окончательно и положительно прав и что другой окончательно и положительно лжет. Кичливости больше на стороне славянистов: они хвастуны; из них каждый воображает о себе, что он открыл Аме-рику, и найденное им зернышко раздувает в репу. Разумеется, что та-ким строптивым хвастовством вооружают они еще более противу себя европистов, которые давно бы готовы были от многого отсту-питься, потому что и сами начинают слышать многое, прежде не слы-шанное, но упорствуют, не желая уступить слишком раскозырявши-муся человеку. Все эти споры еще ничего, если бы только они оставались в гостиных да в журналах. Но дурно то, что два противо-положные мнения, находясь в таком еще незрелом и неопределенном виде, переходят уже в головы многих должностных людей. Мне ска-зывали, что случается (особенно в тех местах, где должность и власть разделена в руках двух) таким образом, что в одно и то же время один действует совершенно в европейском духе, а другой старается под-визаться решительно в древнерусском, укрепляя все прежние поряд-ки, противоположные тем, которые замышляет собрат его. И оттого как делам, так и самим подчиненным чиновникам приходит беда: они не знают, кого слушаться. А так как оба мнения, несмотря на всю свою резкость, окончательно всем не определились, то, говорят, этим пользуются всякого рода пройдохи. И плуту оказалась теперь воз-можность, под маскою славяниста или европиста, смотря по тому, чего хочется начальнику, получить выгодное место и производить на нем плутни в качестве как поборника старины, так и поборника но-визны. Вообще, споры суть вещи такого рода, к которым люди умные и пожилые покамест не должны приставать. Пусть прежде выкричит-ся хорошенько молодежь; это ее дело. Поверь, уже так заведено и нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались затем имен-но, дабы умные могли в это время надуматься вдоволь. К спорам при-слушивайся, но в них не вмешивайся. Мысль твоего сочинения, ко-торым хочешь заняться, очень умна, и я даже уверен, что ты исполнишь это дело лучше всякого литератора. Но об одном тебя прошу: произ-води его в минуты, сколько возможно, хладнокровные и спокойные. Храни тебя бог от запальчивости и горячки, хотя бы даже в малейшем выражении. Гнев везде неуместен, а больше всего в деле правом, по-тому что затемняет и мутит его. Вспомни, что ты человек не только немолодой, но даже и весьма в летах. Молодому человеку еще как-нибудь пристал гнев; по крайней мере, в глазах некоторых он придает ему какую-то картинную наружность. Но если старик начнет горя-читься, он делается, просто, гадок; молодежь как раз подымет его на зубки и выставит смешным. Смотри же, чтоб не сказали о тебе: «Эк,

скверный старикашка! всю жизнь валялся на боку, ничего не делая, а теперь выступил укорять других, зачем они не так делают!» Из уст старика должно исходить слово благостное, а не шумное и спорное. Дух чистейшего незлобия и кротости должен проникать величавые речи старца, так, чтобы молодежь ничего не нашлась сказать ему в возражение, почувствовав, что неприличны будут ее речи и что сидна есть уже святыня.

1844

ХІІІ КАРАМЗИН⁶

(Из письма к Н.М. Я. . . . ву)

Я прочел с большим удовольствием похвальное слово Карамзину, написанное Погодиным⁷. Это лучшее из сочинений Погодина в отношении к благопристойности как внутренней, так и внешней: в нем нет его обычных грубо неуклюжих замашек и топорного неряшества слога, так много ему вредящего. Всё здесь, напротив того, стройно, обдуманно и расположено в большом порядке. Все места из Карамзина прибраны так умно, что Карамзин как бы весь очерчивается самим собою и, своими же словами взвесив и оценив самого себя, становится как живой перед глазами читателя. Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное. Вот о ком из наших писателей можно сказать, что он весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять. Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именитейший гражданин в государстве. Он первый возвестил торжественно, что писателя не может стеснить цензура, и если уже он исполнился чистейшим желанием блага в такой мере, что желанье это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищей, тогда никакая цензура для него не строга, и ему везде просторно. Он это сказал и доказал. Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право. Какой урок нашему брату писателю! И как смешны после этого из нас те, которые утверждают, что в России нельзя сказать полной правды и что она у нас колет глаза! Сам же выразится так нелепо и грубо, что более, нежели самой правдой, уколется теми заносчивыми словами, которыми скажет свою правду, словами запальчивыми, выказывающими неряшество растрепанной души своей, и потом сам же изумляется и негодует, что от него никто не принял и не выслушал правды! Нет. Имей такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имел Карамзин, и тогда возвещай свою

правду: всё тебя выслушает, начиная от царя до последнего нищего в государстве. И выслушает с такою любовью, с какой не выслушивается ни в какой земле ни парламентский защитник прав, ни лучший нынешний проповедник, собирающий вокруг себя верхушку модного общества, и с какой любовью может выслушать только одна чудная наша Россия, о которой идет слух, будто она вовсе не любит правды.

1845

ХVІ СОВЕТЫ⁸ (Письмо к Щ. ву)

Уча других, также учишься. Посреди моего болезненного и трудного времени, к которому присоединились еще и тяжелые страдания душевные, я должен был вести такую деятельную переписку, какой никогда у меня не было дотоле. Как нарочно; почти со всеми близкими моей душе случилось в это время внутренние события и потрясения. Всё каким-то инстинктом обращалось ко мне, требуя помощи и совета. Тут только узнал я близкое родство человеческих душ между собою. Стоит только хорошенько выстрадаться самому, как уже все страдающие становятся тебе понятны и почти знаешь, что нужно сказать им. Этого мало; самый ум проясняется: дотоле сокрытые положенья и поприща людей становятся тебе известны, и делается видно, что кому из них потребно. В последнее время мне случалось даже получать письма от людей, мне почти вовсе незнакомых, и давать на них ответы такие, каких бы я не сумел дать прежде. А между прочим я ничуть не умней никого. Я знаю людей, которые в несколько раз умней и образованней меня и могли бы дать советы в несколько раз полезнейшие моих; но они этого не делают и даже не знают, как это сделать. Велик бог, нас умудряющий! и чем же умудряющий? — тем самым горем, от которого мы бежим и хотим сокрыться. Страданиями и горем определено нам добывать крупичицы мудрости, не приобретаемой в книгах. Но кто уже приобрел одну из этих крупичиц, тот уже не имеет права скрывать ее от других. Она не твое, но божье достояние. Бог ее выработал в тебе; все же дары божьи даются нам затем, чтобы мы служили ими собратьям нашим: он повелел, чтобы ежеминутно учили мы друг друга. Итак, не останавливайся, учи и давай советы! Но если хочешь, чтобы это принесло в то же время тебе самому пользу, делай так, как думаю я и как положил себе отныне делать всегда: всякой совет и наставление, какое бы ни случилось кому дать, хотя бы даже человеку, стоящему на самой низкой степени образования, с которым у тебя ничего не может быть общего, обрати в то же время к самому себе, и то же самое, что посоветовал другому, посо-

ветуй себе самому; тот же самый упрек, который сделал другому, сделай тут же себе самому. Поверь, всё придется к тебе самому, и я даже не знаю, есть ли такой упрек, которым бы нельзя было упрекнуть себя самого, если только пристально поглядишь на себя. Действуй оружием обоюдоострым! Если даже тебе случится рассердиться на кого бы то ни было, рассердись в то же время и на себя самого, хотя за то, что сумел рассердиться на другого. И это делай непременно! Ни в каком случае не своди глаз с самого себя. Имей всегда в предмете себя прежде всех. Будь эгоист в этом случае! Эгоизм — тоже не дурное свойство; вольно было людям дать ему такое скверное толкование, а в основанье эгоизма легла сущая правда. Позаботься прежде о себе, а потом о других; стань прежде сам почище душою, а потом уже старайся, чтобы другие были чище.

1846

XIX

НУЖНО ЛЮБИТЬ РОССИЮ⁹*(Из письма к гр. А.П. Т. . . . му)*

Без любви к богу никому не спастись, а любви к богу у вас нет. В монастыре ее не найдете; в монастырь идут одни, которых уже позвал туда сам бог. Без воли бога нельзя и полюбить его. Да и как полюбить того, которого никто не видал? Какими молитвами и усилиями вымолить у него эту любовь? Смотрите, сколько есть теперь на свете добрых и прекрасных людей, которые добиваются жарко этой любви и слышат одну только черствость да холодную пустоту в душах. Трудно полюбить того, кого никто не видал. Один Христос принес и возвестил нам тайну, что в любви к братьям получаем любовь к богу. Стоит только полюбить их так, как приказал Христос, и сама собой выйдет в итоге любовь к богу самому. Идите же в мир и приобретите прежде любовь к братьям.

Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны, и так в них мало прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите бога прежде всего за то, что вы русской. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русской Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь сам бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви. Уже крики на бесчинства, неправды и взятки — не просто негодованье благородных на бесчестных, но вопль всей земли, слышавшей, что чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве, рас-

сыпались по домам и наложили тяжелое ярмо на каждого человека; уже и те, которые приняли добровольно к себе в дома этих страшных врагов душевных, хотят от них освободиться сами и не знают, как это сделать, и всё сливается в один потрясающий вопль, уже и бесчувственные подвигаются. Но прямой любви еще не слышно ни в ком, — ее нет также и у вас. Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас всё это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно лишком еще отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России, и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно всё сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите России. А не полюбивши России, не полюбите вы своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к богу, а не возгоревшись любовью к богу, не спастись вам.

1844

XX

НУЖНО ПРОЕЗДИТЬСЯ ПО РОССИИ¹⁰*(Из письма к гр. А.П. Т. . . . му)*

Нет выше звания, как монашеское, и да сподобит нас бог надеть когда-нибудь простую ризу чернеца, так желанную душе моей, о которой уже и помышление мне в радость. Но без зова божьего этого не сделать. Чтобы приобрести право удалиться от мира, нужно уметь распроститься с миром. «Раздай всё имущество свое нищим и потом уже ступай в монастырь», — так говорится всем туда идущим. У вас есть богатство, вы его можете раздать нищим; но что же мне раздать? Имущество мое не в деньгах. Бог мне помог накопить несколько умного и душевного добра и дал некоторые способности, полезные и нужные другим — стало быть, я должен раздать это имущество не имущим его, а потом уже идти в монастырь. Но и вы одной денежной раздачей не получите на то права. Если бы вы были привязаны к вашему богатству и вам было бы с ним тяжело расставаться, тогда другое дело; но вы к нему охладели, для вас оно теперь ничто, — где ж ваш

подвиг и ваше пожертвование? Или выбросивши за окошко ненужную вещь — значит сделать добро своему брату, разумея добро в высоком смысле христианском? Нет, для вас так же, как и для меня, заперты двери желанной обители. Монастырь ваш — Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней. Она зовет теперь сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде. Уже душа в ней болит, и раздается крик ее душевной болезни. Друг мой! или у вас бесчувственно сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия. Вспомните, что когда прихотила беда ей, тогда из монастырей выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее. Чернецы Ослябя и Пересвет¹¹, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину, и легли на кровавом поле битвы, а вы не хотите взять поприща мирного гражданина, и где же? — в самом сердце России. Не отговаривайтесь вашей неспособностью, — у вас есть много того, что теперь для России потребно и нужно. Бывши губернатором в двух совершенно противоположных губерниях¹², исполнивши это дело, несмотря на все ваши тогдашние недостатки, лучше многих, вы набрались прямых и положительных сведений о делах, внутри происходящих, и узнали в истинном виде Россию. Но не это главное, и я бы вас не склонял так служить, несмотря на все сведенья ваши, если бы не видел в вас одно то свойство, которое, по моему мнению, значительнее всех прочих, — свойство, не хлопотав ничего, не работая самому, почти лентясь, уметь заставить всех других работать. У вас всё двигалось быстро и ходко; и когда, изумляясь, спрашивали у вас самих: «отчего это?» вы отвечали: «Всё от чиновников, попались хорошие чиновники, которые не дают ничего мне делать самому»; и когда шло дело до представления к наградам, вы всегда выводили вперед ваших чиновников, приписывая всё им, а себе ничего. Вот ваше главное достоинство, не говоря уже об умении выбрать самих чиновников. Не мудрено, что у вас чиновники рвались изо всех сил, и один записался до того, что нажил чахотку и умер, как ни старались вы оттащить его от дела. Чего не сделает русской человек, если станет таким образом поступать с ним начальник! Это ваше свойство слишком теперь нужно, именно теперь, в это время себялюбья, когда всяк начальник думает о том, как бы выставить вперед себя и приписать всё одному себе. Говорю вам, что с этим вашим свойством вы теперь слишком нужны России. . . и грех вам, что вы даже не слышите этого! Грех был бы и мне, если б я не выставил вам этого свойства. Оно есть ваше лучшее имущество; его от вас просят неимущие, а вы, как скряга, заперли его под замок и еще прикидываетесь глухим. Положим, вам теперь неприлично занять то же самое место, какое занимали назад тому десять лет, не потому, чтобы оно было низко для

вас, — слава богу, честолюбия вы не имеете и в ваших глазах никакая служба не низка, — но потому, что ваши способности, развившись, требуют уже для собственной пищи другого, просторнейшего поприща. Что ж? разве мало мест и поприщ в России? Оглянитесь и обсмотрите хорошенько, и вы его отыщете. Вам нужно проездиться по России. Вы знали ее назад тому десять лет: это теперь недостаточно. В десять лет внутри России столько совершается событий, сколько в другом государстве не совершится в полвека. Вы сами заметили, живя здесь за границей, что в последние два, три года даже начали выходить из нее и люди совершенно другие, не похожие ни в чем с теми, которых вы знали еще не так давно. Чтобы узнать, что такое *Россия нынешняя*, нужно непременно по ней проездиться самому. Слухам не верьте никаким. Верно только то, что еще никогда не бывало в России такого необыкновенного разнообразия и несходства во мнениях и верованиях всех людей, никогда еще различие образований и воспитания не оттолкнуло так друг от друга всех и не произвело такого разлада во всем. Сквозь всё это пронесся дух сплетней, пустых поверхностных выводов, глупейших слухов, односторонних и ничтожных заключений. Всё это сбило и спутало до того у каждого его мнение о России, что решительно нельзя верить никому. Нужно самому узнавать, нужно проездиться по России. Это особенно хорошо для того, кто побыл некоторое время от нее вдали и приехал с неотуманенной и свежей головою. Он увидит много того, чего не видит человек, находящийся в самом омуте, раздражительный и чувствительный к животрепещущим интересам минуты. Сделайте ваше путешествие вот каким образом: прежде всего выбросьте из вашей головы все до одного ваши мнения о России, какие у вас ни есть, откажитесь от собственных своих выводов, какие уже успели сделать, представьте себя ровно не знающим ничего и поезжайте как в новую, дотоле вам неизвестную землю. Таким же самым образом, как русской путешественник, приезжая в каждый значительный европейский город, спешит увидеть все его древности и примечательности, таким же точно образом и еще с большим любопытством, приехавши в первый уездный или губернский город, старайтесь узнать его достопримечательности. Они не в архитектурных строениях и древностях, но в людях. Клянусь, человек стоит того, чтоб его рассматривать с большим любопытством, нежели фабрику и развалину. Попробуйте только на него взглянуть, вооружась одной каплей истинно братской любви к нему, и вы от него уже не оторветесь — так он станет для вас занимателен. Познакомьтесь прежде всего с теми из них, которые составляют соль каждого города или округа; таких бывает человека два-три в каждом городе. Они вам в немногих чертах очертят весь город, так что вам будет видно уже самому, где и в каких местах производить наиболее наблюденье

над нынешними вещами. Разговорясь с человеком передовым из каждого сословия (с вами же все так охотно разговариваются и раз-вертываются чуть не нараспашку), вы от него узнаете, что такое всякое сословие в его нынешнем виде. Расторопный и бойкий купец вдруг вам объяснит, что такое в их городе купечество; порядочный и трезвый мещанин даст понятие о мещанстве. От чиновника-дельца узнаете должностное производство, а общий цвет и дух общества услышите сами. На передовых людей однако ж не весьма полагайтесь, лучше постарайтесь расспросить двух или трех человек из каждого сословия. Не позабывайте того, что теперь все между собою в ссоре, и всяк друг на друга лжет и клеветает беспощадно. С духовенством вы сойдетесь вдруг, потому что с ним вообще вы знакомитесь скоро; от них узнаете остальное. И если вы таким образом проездите только по главным городам и пунктам России, то уже увидите ясно, как день, где и на каком месте вы можете быть полезны и о какой должности следует вам просить. А куда вы уже одной поездкой вашей можете сделать много добра, если только захотите. В самом путешествии этом предстанут вам такие христианские подвиги, каких в самом монастыре не встретите. Во-первых, будучи приятны в разговоре, нравясь каждому, вы можете, как посторонний и свежий человек, стать третьим, примиряющим лицом. Знаете ли, как это важно, как это теперь нужно России, и какой в этом высокий подвиг! Спаситель оценил его едва ли не выше всех других: он прямо называет миротворцев сынами божьими¹³. А миротворцу у нас поприще повсюду. Всё перессорилось: дворяне у нас между собой, как кошки с собаками; купцы между собой, как кошки с собаками; мещане между собой, как кошки с собаками; крестьяне, если только не устремлены побуждающей силою на дружную работу, между собой, как кошки с собаками. Даже честные и добрые люди между собой в разладе; только между плутами видится что-то похожее на дружбу и соединение в то время, когда кого-нибудь из них сильно станут преследовать. Везде поприще примирителю. Не бойтесь, примирять не трудно. Людям трудно самим умириться между собою, но, как только станет между ними третий, он их вдруг примирит. Оттого-то у нас всегда имел такую силу третейской суд, истое произведение земли нашей, успевавший доселе более всех других судов. В природе человека, и особенно русского, есть чудное свойство: как только заметит он, что другой сколько-нибудь к нему наклоняется или показывает снисхождение, он сам уже готов чуть не просить прощенья. Уступить никто не хочет первый, но как только один решился на великодушное дело, другой уже рвется, как бы перещеголять его великодушьем. Вот почему у нас скорей, чем где-либо, могут быть прекращены самые застарелые ссоры и тяжбы, если только станет среди тяжущихся чело-

век истинно благородный, уважаемый всеми и притом еще знаток человеческого сердца. А примиренье, повторяю вновь, теперь нужно: если бы только несколько честных людей, которые, из-за несогласия во мнении насчет одного какого-нибудь предмета, перечат друг другу в действиях, согласились подать друг другу руку, плутам было бы уже худо. Итак, вот вам одна часть подвигов, какие вам могут представиться на каждом шагу вашей поездки по России. Есть и другая, не меньше важная. Вы можете оказать большую услугу духовенству тех городов, через которые будете проезжать, познакомив их лучше с обществом, среди которого они живут, введя их в познание тех вещей и проделок, о которых не говорит вовсе на исповеди нынешний человек, считая их должностными быть вне христианской жизни. Это очень нужно, потому что многие из духовных, как я знаю, уняли от множества бесчинств, возникнувших в последнее время, почти уверились, что их никто теперь не слушает, что слова и проповедь роняются на воздух, и зло пустило так глубоко свои корни, что нельзя уже и думать об его искоренении. Это несправедливо. Грешит нынешний человек, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде, но грешит не от преизобилья своего собственного разврата, не от бесчувственности и не оттого, чтобы хотел грешить, но оттого, что не видит грехов своих. Еще не ясно и не совсем открылась страшная истина нынешнего века, что теперь все грешат до единого, но грешат не прямо, а косвенно. Этому еще не услышал хорошо и сам проповедник; оттого и проповедь его роняется на воздух, и люди глухи к словам его. Сказать: не крадьте, не роскошничайте, не берите взяток, молитесь и давайте милостыню неимущим — теперь ничто, и ничего не делает. Кроме того, что всякой скажет: «да ведь это уже известно», но еще оправдывается перед самим собой и найдет себя чуть не святым. Он скажет: «Красть я не краду: положи передо мной часы, червонцы, какую хочешь вещь — я ее не трону; я даже прогнал за воровство своего собственного человека; живу я, конечно, роскошно, но у меня нет ни детей, ни родственников, мне не для кого копить, роскошью я доставляю даже пользу, хлеб мастеровым, ремесленникам, купцам, фабрикантам; взятку я беру только с богатого, который сам просит об этом, которому это не в разоренье; молиться я молюсь, вот и теперь стою в церкви, крещусь и бью поклоны; помогать — помогаю: ни один нищий не уходит от меня без медного гроша, ни от одного пожертвованья на какое-нибудь благотворительное заведение еще не отказывался». Словом, он увидит себя не только правым после такой проповеди, но еще возгордится своей безгрешностью!

Но если поднять перед ним завесу и показать ему хотя часть тех ужасов, которые он производит *косвенно*, а не прямо, тогда он заговорит другое. Сказать честному, но близорукому богачу, что он, убирая

свой дом и заводя у себя всё на барскую ногу, вредит соблазном, поселяя в другом, менее богатом, такое же желание, который из-за того, чтобы не отстать от него, разоряет не только собственное, но и чуждое имущество, грабит и пускает по миру людей; да вслед за этим и представить ему одну из тех ужасных картин голода внутри России, от которых дыбом поднимется у него волос и которых, может быть, не случилось бы, если бы не стал он жить на барскую ногу, да задавать тон обществу и кружить головы другим. Показать таким же самым образом всем модницам, которые не любят никуда появляться в одних и тех же платьях и, не донашивая ничего, нашивают кучи нового, следуя за малейшим уклонением моды, — показать им, что они вовсе не тем грешат, что занимаются этой суетностью и тратят деньги, но тем, что сделали такой образ жизни необходимостью для других, что муж иной жены схватил уже из-за этого взятку с своего же брата-чиновника (положим, этот чиновник был богат; но, чтобы доставить взятку, он должен был насесть на менее богатого, а тот с своей стороны насел на какого-нибудь заседателя или станowego пристава, а становой пристав уже невольно был принужден грабить нищих и неимущих), да вслед за этим и выставить всем модницам картину голода. Тогда им не пойдет на ум какая-нибудь шляпка или модное платье; увидят они, что не спасет их от страшного ответа перед богом даже и деньга, выброшенная нищему, даже и те человеколюбивые заведения, которые заводят они в городах насчет ограбленных провинций. Нет, человек не бесчувствен, человек подвигнется, если только ему покажешь дело, как есть. Он теперь подвигнется еще более, чем когда-либо прежде, потому что природа его размягчена, половина грехов его — от неведения, а не от разврата. Он, как спасителя, облобызает того, который заставит его обратить взгляд на самого себя. Только слегка приподыми проповедник завесу и укажи ему хотя одно из тех ежеминутных преступлений, которые он совершает, у него уже отнимется дух хвастать безгрешностью своей; не станет он оправдывать свою роскошь подлыми и жалкими софизмами, будто бы нужна она затем, чтобы доставлять хлеб мастеровым. Он и сам тогда смекнет, что разорить полдеревни или пол-уезда затем, чтобы доставить хлеб столяру Гамбсу, есть вывод, который мог образоваться только в пустой голове эконома XIX века, а не в здоровой голове умного человека. А что же, если проповедник поднимет всю цепь того множества косвенных преступлений, которые совершает человек своею неосмотрительностью, гордостью и самоуверенностью в себе, и покажет всю опасность нынешнего времени, среди которого всяк может погубить разом несколько душ, не только одну свою, среди которого, даже не будучи бесчестным, можно заставить других быть бесчестными и подлецами одною только своей неосмотрительностью, словом — если

только сколько-нибудь покажет, как все опасно ходят? Нет, люди не будут глухи к словам его, не уронится на воздух ни одно слово его проповеди. А вы можете на это навести многих священников, сообщая сведения о всех проделках нынешнего люда, которые вы наберете в дороге. Но не одним священникам, вы можете и другим людям сделать этим пользу. Всем теперь нужны эти сведенья.

Жизнь нужно показать человеку, — жизнь, взятую под углом ее нынешних запутанностей, а не прежних, — жизнь, оглянутаю не поверхностным взглядом светского человека, но взвешенную и оцененную таким оценщиком, который взглянул на нее высшим взглядом христианина. Велико незнание России посреди России. Всё живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей. Город не знает города, человек человека; люди, живущие только за одной стеной, кажется, как бы живут за морями. Вы можете во время вашей поездки их познакомить между собою и произвести взаимный благодетельный обмен сведений, как расторопный купец, забравши сведения в одном городе, продать их с барышом в другом, всех обогатить и в то же время разбогатеть самому больше всех. Подвиг на подвиге предстоит вам на всяком шагу, и вы этого не видите! Очнитесь! Куриная слепота на глазах ваших! Не залучить вам любви к себе в душу. Не любить вам людей по тех пор, пока не послужите им. Какой слуга может привязаться к своему господину, который от него вдали и на которого еще не поработал он лично? Потому и любимо так сильно дитя матерью, что она долго его носила в себе, всё употребила на него, и вся из-за него выстрадалась. Очнитесь! Монастырь ваш — Россия!

1845

XXVI

СТРАХИ И УЖАСЫ РОССИИ¹⁴*(Письмо к графине ой)*

На ваше длинное письмо, которое вы писали с таким страхом, которое просили сей же час истребить после прочтения и на которое отвечать просили не иначе, как через верные руки, а отнюдь не по почте, я отвечаю не только не по секрету, но, как вы видите, в печатной книге, которую, может быть, прочтет половина грамотной России. Побудило меня к тому то, что, может быть, мое письмо послужит в то же время ответом и прочим, которые, подобно вам, смущаются теми же страхами. То, что вы мне объявляете по секрету, есть еще не более как одна часть всего дела; а вот если бы я вам рассказал то, что я знаю (а знаю я, без всякого сомнения, далеко еще не всё), тогда бы, точно, помутились ваши мысли, и вы сами подумали бы, как бы убежать из России. Но куды бежать? вот вопрос. Европе пришлось еще

трудней, нежели России. Разница в том, что там никто еще этого вполне не видит: всё, не выключая даже государственных людей, пребывает покуда на верхушке верхних сведений, то есть пребывает в том заколдованном круге познаний, который нанесен журналами в виде скороспелых выводов, опрометчивых показаний, выставленных, сквозь лживые призмы всяких партий, вовсе не в том свете, в каком они есть. Погодите, скоро поднимутся снизу такие крики, именно в тех с виду благоустроенных государствах, которых наружным блеском мы так восхищаемся, стремясь от них все перенимать и приспосабливать к себе, что закружится голова у самых тех знаменитых государственных людей, которыми вы так любовались в палатах и камерах. В Европе завариваются теперь повсюду такие сумятицы¹⁵, что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются, и перед ними будет ничтожная вещь те страхи, которые вам видятся теперь в России. В России еще брезжит свет, есть еще пути и дороги к спасенью, и слава богу, что эти страхи наступили теперь, а не позже. Ваши слова: «все падают духом как бы в ожиданья чего-то неизбежного», равно как и слова: «каждый думает только о спасении личных выгод, о сохранении собственной пользы, точно, как на поле сражения после потерянной битвы всякой думает только о спасении жизни: *sauve qui peut*»¹⁶, действительно справедливы; так оно теперь действительно есть; так быть должно: так повелел бог, чтобы оно было. Всяк должен подумать теперь о себе, именно о своем собственном спасении. Но настал другой род спасенья. Не бежать на корабле из земли своей, спасая свое презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства. На корабле своей должности и службы должен теперь всяк из нас выноситься из омота, глядя на кормщика небесного. Кто даже и не в службе, тот должен теперь же вступить на службу и ухватиться за свою должность, как утопающий хватается за доску, без чего не спастись никому. Служить же теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом небесном государстве, главой которого уже сам Христос, а потому и все свои отношения ко власти ли, высшей над нами, к людям ли, равным и кружащимся вокруг нас, к тем ли, которые нас ниже и находятся под нами, должны мы выполнить так, как повелел Христос, а не кто другой. И уж нечего теперь глядеть на какие-нибудь шелчки, которые стали бы наноситься, от кого бы то ни было, нашему честолюбию или самолюбию, — нужно помнить только то, что ради Христа взята должность, а потому должна быть и выполнена так, как повелел Христос, а не кто другой. Только одним этим средством и может всяк из нас теперь спастись. И плохо будет тому, кто об этом не помыслит теперь же. Помутится ум его, омрачатся мысли, и не найдет

он угла, куды сокрыться от своих страхов. Вспомните *Египетские тьмы*, которые с такой силой передал царь Соломон¹⁷, когда господь, желая наказать одних, наслал на них неведомые, непонятные страхи. Слепая ночь обняла их вдруг среди бела дня; со всех сторон уставились на них ужасающие образы; дряхлые страшилища с печальными лицами стали неотразимо в глазах их; без железных цепей сковала их всех боязнь и лишила всего, все чувства, все побуждения, все силы в них погинули, кроме одного страха. И произошло это только в тех, которых наказал господь. Другие в то же время не видали никаких ужасов; для них был день и свет.

Смотрите же, чтобы не случилось с вами чего-нибудь подобного. Лучше молитесь и просите бога о том, чтобы вразумил вас, как быть вам на вашем собственном месте и на нем исполнить все, сообразно с законом Христа. Дело идет теперь не на шутку. Прежде чем придти в смущенье от окружающих беспорядков, не дурно заглянуть всякому из нас в свою собственную душу. Загляните также и вы в свою. Бог весть, может быть, там увидите такой же беспорядок, за который браните других; может быть, там обитает растрепанный, неопрятный гнев, способный всякую минуту овладеть вашей душой, на радость врагу Христа; может быть, там поселилась малодушная способность падать на всяком шагу в уныние — жалкая дочь безверья в бога; может быть, там еще таится тщеславное желанье гоняться за тем, что блестит и пользуется известностью светской; может быть, там обитает гордость лучшими свойствами своей души, способная превратить в ничто все добро, какое имеем. Бог весть, что может быть в душе нашей. Лучше в несколько раз больше смутиться от того, что внутри нас самих, нежели от того, что вне и вокруг нас. Что же касается до страхов и ужасов в России, то они не без пользы: посреди их многие воспитались таким воспитаньем, которого не дадут никакие школы. Самая затруднительность обстоятельств, предоставивши новые извороты уму, разбудила дремавшие способности многих, и в то время, когда на одних концах России еще доплясывают польку и доигрывают преферанс, уже незримо образуются на разных попрощах истинные мудрецы жизненного дела. Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках. Я бы вам назвал многих таких, которые составят когда-нибудь красоту земли русской и принесут ей вековечное добро; но к чести вашего пола я должен сказать, что женщин еще больше. Целое жемчужное ожерелье их хранит моя память. Все они, начиная с ваших дочерей¹⁸, которые так живо напомнили мне, во сколько раз родство по душе выше всякого кровного родства (дай бог, чтобы наилучшая сестра с такой готовностью исполняла просьбу своего брата,

с какой они исполняли малейшее желание души моей), — начиная с них и продолжая теми, о которых вы едва слышали, и оканчивая теми, о которых вы, может быть, и не услышите никогда, но которые совершеннее всех тех, о коих вы слышали. Все они не похожи одна на другую, и каждая есть сама по себе явление необыкновенное. Только одна Россия могла произвести подобное разнообразие характеров. И только в нынешнее время трудных обстоятельств, расслабленья и развращенья общего, повсеместной ничтожности общества, могли они образоваться. Но всех перевысила одна¹⁹, которую я и в глаза не знаю и о которой до меня достигнул только один темный рассказ. Не думал я, чтобы могло существовать на земле подобное совершенство. Произвести такое умное и великодушное дело и произвести его так, как умела сделать она; сделать так, чтобы отклонить от себя и подозренье в ее собственном участии и разложить весь подвиг на других таким образом, что эти другие стали хвастаться ею сделанным делом, как бы собственным своим, в полной уверенности, что они его сделали. Так умно обдумать уже вперед, как убежать от известности, тогда как само дело уже необходимо должно бы кричать о себе и обнаруживать ее! Успеть в этом и остаться в неизвестности! Нет, подобной мудрости еще не встречал я ни в ком из нашей братья мужеска пола. И передо мною показались в эту минуту бледными все женские идеалы, создаваемые поэтами: они то же перед этой истиной, что бред воображенья перед полным разумом. Жалки мне также показались в эту минуту все те женщины, которые гонятся за блистающей известностью! И где же явилось такое чудо? В незаметном захолустье России, в то время именно, когда стало трудней изворачиваться человеку, когда запутались обстоятельства всех, и наступили пугающие вас страхи и ужасы России.

1846

XXVII

БЛИЗОРУКОМУ ПРИЯТЕЛЮ²⁰

Вооружился взглядом современной близорукости и думаешь, что верно судишь о событиях! Выводы твои — гниль; они сделаны без бога. Что ссылаешься ты на историю? История для тебя мертва — и только закрытая книга. Без бога не выведешь из нее великих выводов; выведешь одни только ничтожные и мелкие. Россия не Франция; элементы французские — не русские. Ты позабыл даже своеобразность каждого народа и думаешь, что одни и те же события могут действовать одинаким образом на каждый народ. Тот же самый молот, когда упадет на стекло, раздробляет его вдребезги²¹, а когда упадет на железо, кует его. Мысли твои о финансах основаны на чтении ино-

странных книг да на английских журналах, а потому суть мертвые мысли. Стыдно тебе, будучи умным человеком, не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиваться, а захламосить его чужеземным навозом. Не вижу и в проектах твоих участия божьего; не слышу в словах письма твоего, несмотря на весь блеск ума и остроумья, чтобы бог присутствовал в твоих мыслях в то время, когда ты писал его; не вижу я на твоей мысли освященья небесного. Нет, не сделаешь ты добра на своей должности, хотя и желаешь того; не принесут твои дела того плода, которого ждешь. С прекрасными намереньями можно сделать зло, как уже многие и сделали его. В последнее время не столько беспорядков произвели глупые люди, сколько умные, а все оттого, что понадеялись на свои силы да на ум свой. Ты горд, и чем же горд? хоть бы уже своим умом; нет, ты загромодил сором свой ум, действительно замечательный и великий, и сделал его чужестранцем самому себе. Ты горд чужим, мертвым умом и выдаешь его за свой. Смотри за собой: ты ходишь опасно. Ты метишь в государственные люди, и будешь человеком государственным, потому что у тебя, точно, есть на то способности; но тем строже теперь смотри за собой. Не заводи этих улучшений, которыми уже наполнилась твоя голова еще прежде, чем ты вступил в свою должность, и помни, что всяким малейшим неосмотрительным поступком можно произвести теперь большое зло. Уже и в твоих нынешних проектах видна скорее боязнь, нежели предусмотрительность. Все мысли твои направлены к тому, чтобы избегнуть чего-то угрожающего в будущем. Не будущего, но настоящего опасайся. О настоящем велит нам заботиться бог. Кто омрачается боязнью от будущего, от того, значит, уже отступилась святая сила. Кто с богом, тот глядит светло вперед и есть уже в настоящем творец блистающего будущего. А ты горд: ты и теперь уже ничего не хочешь видеть; ты самоуверен: ты думаешь, что уже все знаешь; ты думаешь, что все обстоятельства России тебе открыты; ты думаешь, что уже никто и поучить тебя не может; ты стремишься изо всех сил быть похожим на тех государственных людей, которые скоро блеснули и скоро исчезли, которые имели в себе всё для того, чтобы сделать множество добра, которые даже пламенели желаньем сделать добро, даже работали, как муравьи, всю свою жизнь, и при всем том не осталось после них никакого следа, и самая память о них позабыта; как исчезнувший круг на воде, исчезнула жизнь их посреди России. И до сих пор еще, к нашему стыду, указывают нам европейцы на своих великих людей, умней которых бывают у нас иногда и невеликие люди; но те хоть какое-нибудь оставили после себя дело прочное, а мы производим кучи дел и все, как пыль, сметаются они с земли вместе с нами. Ты горд, говорю тебе, и вновь повторяю тебе: ты горд; сторожи над собой и спасай себя от гордости

заране. Начни с того, что уверь самого себя, что ты всех глупее в России и что с этих только пор следует серьезно поумнеть тебе, и слушай с таким вниманием всякого дельца, как бы ровно ничего не знал и всему от него хотел поучиться. Но тебе еще загадка слова мои; они на тебя не подействуют. Тебе нужно или какое-нибудь несчастье, или потрясение. Моли бога о том, чтобы случилось это потрясение, чтобы встретила тебе какая-нибудь невыносимейшая неприятность на службе, чтобы нашелся такой человек, который сильно оскорбил бы тебя и опозорил так в виду всех, что от стыда не знал бы ты, куда сокрыться, и разорвал бы за одним разом все чувствительнейшие струны твоего самолюбья. Он будет твой истинный брат и избавитель. О, как нам бывает нужна публичная, данная в виду всех, оплеуха!

1844

XXVIII

ЗАНИМАЮЩЕМУ ВАЖНОЕ МЕСТО²²

Во имя бога берите всякую должность, какая б ни была вам предложена, и не смущайтесь ничем. Придется ли вам ехать к черкесам на Кавказ или по-прежнему занять место генерал-губернатора — вы теперь нужны повсюду. Что же до затруднительностей, о которых вы говорите, то всё теперь затруднительно; всё стало сложно; везде много работы. Чем больше вхожу умом в существо нынешних вещей, тем менее могу решить, какая должность теперь труднее и какая легче. Для того, кто не христианин, всё стало теперь трудно; для того же, кто внес Христа во все дела и во все действия своей жизни, — всё легко. Не скажу вам, чтобы вы сделались вполне христианином, но вы близки к тому. Вас не шевелит уже честолюбие, вас не завлекают вперед уже ни чины, ни награды, вы уже вовсе не думаете о том, чтобы порисоваться перед Европой и сделать из себя историческое лицо. Словом, вы взошли именно на ту степень состоянья душевного, на которой нужно быть тому, кто захотел бы сделать теперь пользу России. Чего ж вам бояться? Я даже не понимаю, как может чего-либо бояться тот, кто уже постигнул, что нужно действовать повсюду, как христианин. Он на всяком месте мудрец, везде знатель дела. Поедете вы на Кавказ — вы прежде всего пристально осмотритесь. Христианское смирение вас не допустит ни к какой быстрой поспешности. Вы, как ученик, сначала будете узнавать. Вы не пропустите ни одного старого офицера, не расспросив о его собственноручных схватках с неприятелем, зная, что только из знания подробностей выводится знание *целого*. Вы заставите всех рассказать себе порознь все подвиги бранной и бивачной жизни; расспросите и цициановцев, и ермоловцев²³, и офицеров нынешней эпохи и, когда заберете всё, что нужно, обни-

мете все частности, соедините все отдельные цифры и подведете им итог — выйдет в итоге сам собою план полководцу: не нужно будет и головы ломать, ясно будет, как день, всё, что вам нужно делать. И когда весь план будет уже в голове вашей, вы и тогда не будете торопиться; христианское смирение вас к тому не допустит. Не объявляя его никому, вы расспросите всякого замечательного офицера, как бы он поступил на вашем месте; вы не оставите неуслышанным ни одного мнения, ни даже совета от кого бы то ни было, хотя бы от стоящего на низком месте, зная, что иногда бог может внушить и простому человеку умное мнение. Для этого вы не станете собирать военных советов, зная, что не в преньях и спорах дело, но поодиночке выслушаете каждого, кто бы ни захотел с вами поговорить. Словом, вы всех выслушаете, но сделаете так, как повелит вам ваша собственная голова; а ваша собственная голова повелит вам разумно, потому что всех выслушает. Вы будете даже не в состоянии сделать неразумное дело, потому что неразумные дела делаются от гордости и уверенности в себе. Нехристианское смирение спасет вас повсюду и отгонит то самоослепление, которое находит на многих даже очень умных людей, которые, узнавши только одну половину дела, уже думают, что узнали всё, и летят опрометью действовать; тогда как, увы, даже и в том деле, которое, по-видимому, насквозь нам известно, может скрываться целая половина неизвестная. Нет, бог от вас отгонит это грубое ослепление. Чего ж вам бояться Кавказа?

Придется ли вам по-прежнему быть генерал-губернатором где-нибудь внутри России — та же христианская мудрость осенит вас. Очень знаю, что теперь трудно начальствовать внутри России — гораздо труднее, чем когда-либо прежде и, может быть, труднее, чем на Кавказе. Много злоупотреблений; завелись такие лихоимства, которых истребить нет никаких средств человеческих. Знаю и то, что образовался другой незаконный ход действий мимо законов государства и уже обратился почти в законный, так что законы остаются только для вида; и если только вникнешь пристально в то самое, на что другие глядят поверхностно, не подозревая ничего, то закружится голова у наиумнейшего человека. Но вы и тут поступите умно. Христианское смирение заставит вас и здесь не предаваться покуда выводам гордого ума, но терпеливо обсмотреться. Зная, под каким множеством посторонних влияний находится теперь всяк человек, и как все они имеют соприкосновение с отправлением его должности, вы прежде полюбопытствуете узнать каждого из занимающих главные должности, узнать его со всех сторон с его домашней и семейной жизнью, с его образом мыслей, наклонностями и привычками. Для этого вы не будете употреблять шпионов. Нет, вы расспросите его самого. Он вам скажет всё и с вами разговорится, потому что в лице вашем есть

уже что-то такое, что внушает к вам доверчивость во всех; с помощью этого вы узнаете то, чего не узнает никогда крикун-нахрап, или так называемый распекатель. Вы не будете преследовать за несправедливость никого отдельно по тех пор, покуда не выступит перед вами ясно вся цепь, необходимым звеном которой есть вами замеченный чиновник. Вы уже знаете, что вина так теперь разложилась на всех, что никаким образом нельзя сказать вначале, кто виноват более других. Есть безвинно-виноватые и виновно-невинные. Поэтому-то самому вы теперь будете несравненно осторожней и осмотрительней, чем когда-либо прежде. Вы станете покрепче всматриваться в душу человека, зная, что в ней ключ всего. Душу и душу нужно знать теперь, а без того не сделать ничего. А узнавать душу может один только тот, кто начал уже работать над собственной душой своей, как начали это делать теперь вы. Если вы узнаете плута не только как плута, но и как человека вместе, если вы узнаете все душевные его силы, данные ему на добро и которые он поворотил во зло или вовсе не употребил, тогда вы сумеете так попрекнуть его им же самим, что он не найдет себе места, куда ему укрыться от самого же себя. Дело вдруг примет другой оборот, если покажешь человеку, чем он виноват перед самим собой, а не перед другим. Тут потрясешь так его всего, что в нем явится вдруг отвага быть другим, и тогда только вы почувствуете, как благородна наша русская порода, даже и в плуте. Ваше нынешнее генерал-губернаторство будет совсем другое, нежели прежнее. Главная ошибка вашего прежнего управления, которое однако ж принесло большую пользу, несмотря на то, что вы его осуждаете и порочите, состояла, по моему мнению, в том, что вы не вполне верно определили себе существо этой должности. Вы приняли генерал-губернатора за постоянного начальника и хозяйственного правителя губернии, которого благодетельное влияние может быть ощутительно в губернии только от долговременного его пребывания на одном месте. Один государственный наш муж определил так эту должность: «Генерал-губернатор есть министр внутренних дел, остановившийся на дороге». Определение это точней и более согласно с тем, чего требует само правительство от этой должности. Должность эта более временная, чем постоянная. Генерал-губернатор посылается затем, чтобы ускорить биение государственного пульса внутри губернии, привести в быстрейшее движение всё правительственное производство в губернских местах как связанных между собою, так и независимых, состоящих под управлением отдельных министерств, дать толчок всему, своим полномочием облегчить затруднительность многих мест в их сношениях с отдаленными министерствами, не внося никаких новых элементов и ничего не заводя от себя, всё заставить обращаться быстрей в законах и границах, уже указанных и определенных. Власть

эту, состоящую в верховном блюдении над тем, что уже есть и заведено, вы приняли за хлопотливую обязанность управителя, который сам должен изворачиваться в хозяйстве и принять на себя все мелочные расходы; вы захватили себе часть того, что должно принадлежать губернатору, а не генерал-губернатору, и этим самым уменьшили значение высшее вашей должности. Вы сочли ваше место пожизненным. Вы захотели вашими собственными учреждениями оставить по себе памятник вашего пребывания. Стремление прекрасное, но если бы вы уже тогда были тем, чем вы есть теперь, то есть более христианином, вы позаботились бы о другом памятнике. Устроить дороги, мосты и всякие сообщения, и устроить их так умно, как устроили вы, есть дело истинно нужное; но уладить многие внутренние дороги, которые до сих пор задерживают русского человека в стремлении к полному развитию сил его и которые мешают ему пользоваться как дорогами, так и всякими другими внешностями образования, о которых мы так усердно хлопочем, есть дело еще нужнейшее. Пушкин, когда видел заботу не о главном, но о том, что уже исходит из главного, обыкновенно выражался пословицей: «Было бы корыто, а свиньи будут». Мосты, дороги и все эти сообщения суть свиньи, а не что-либо другое. Были бы города, а они сами собой прибегут. В Европе о них не много хлопотали, но как только явились города, сами собой явились дороги: сами же частные люди и завели их без всякого пособия правительств, и теперь развилось их такое множество, что стали уже сурьезно задавать друг другу вопросы: «Зачем эта скорость сообщений? Что выиграло человечество через эти железные и всякие дороги, что приобрело оно во всех родах своего развития, и что пользы в том, что один город теперь обеднел, а другой сделался толкучим рынком, да увеличилось число праздношатающих по всему миру?» В России давно бы завелась вся эта дрянь сама собою, с такими удобствами, каких и в Европе нет, если бы только многие из нас позаботились прежде о деле внутреннем так, как следует. О сем помыслите прежде, сказал спаситель, а сия вся вам приложится. Ваши подвиги в отношении нравственном были гораздо значительней. Кого я ни слышал, все отзываются с уваженьем о ваших распоряженьях; все говорят, что вы искоренили многие неправды, что постановили многих истинно благородных и прекрасных чиновников. Я это узнал, хотя вы по скромности мне не сказали. Но вы бы сделали еще более, если бы вспомнили тогда, что ваша должность на время, и что не о том следовало заботиться, чтобы только при вас все было хорошо, но именно о том, чтобы после вас всё было хорошо. Вы должны были беспрестанно представлять себе, что после вас примет эту должность слабый и бездарный последователь, который не только не поддержит вами заведенного порядка, но еще испортит его, а потому уже с самого на-

чала вы должны были помышлять о том, чтобы действовать так прочно и закалить сделанное так крепко, чтобы после вас никто уже не мог своротить того, что раз направлено. Вы должны были рубить зло в корне, а не в ветвях, и дать такой толчок всеобщему движенью всего, чтобы после вас пошла сама собой работать машина, так чтобы незачем было над ней стоять и надсмотрщику, и сим только воздвигнули бы памятник вечный вашего генерал-губернаторства. Теперь я знаю, что вы совсем поступите иначе, а потому не пренебрегайте никак этой должностью, если бы она была вам вновь предложена. Никогда не был еще так важен и нужен генерал-губернатор, как в нынешнее время. Я вам назову уже несколько подвигов таких, которых никто теперь не может сделать кроме генерал-губернатора.

Во-первых, ввести всякую должность в ее законные границы и всякого чиновника губернии в полное познание его должности. Это дело очень не бездельное. В последнее время все почти губернские должности нечувствительным образом выступили из пределов и границ, указанных законом. Одни слишком стали обрезаны и стеснены, другие раздвинулись в действиях в ущерб прочим; прямые места обессилели и ослабели от введения множества косвенных и временных. В последнее время стали особенно чувствоваться полномочие и развязанные руки там, где нужно *препятствовать* в действиях, и связанные руки там, где нужно *споспешествовать* им. Возвратить всякую должность в ее законный круг тем более стало теперь трудно, что сами чиновники сбились в своих понятиях о ней. Получая ее по наследству от предшественника в том виде, какой дал ей последний, они все соображаются более или менее с этим видом, а не с первообразом ее, который уже почти вышел у всех из головы. От этого многие благонамеренные и даже весьма умные начальники хотели уже уничтожить или вовсе преобразовать те должности, которые следовало только просто возвратить себе. Дело это может произвести только высший и полномочный начальник, если он не пренебрежет вникнуть сам в существо всякой должности. Все наши должности в их первообразе прекрасны и прямо созданы для земли нашей. Рассмотрим нарочно организм губернии. Первое лицо — губернатор. Он является в нескольких видах своей власти.

Он начальник и правитель полномочный во всем, что ни относится до хозяйственного и полицейского управления по всей губернии, как городского разумея здесь всё, что ни относится ко внутреннему устройству городов и содержанию среди их порядка, так и земского, включая сюда всё, что производится в землях вне городов: взъем податей, распределение повинностей, устройство дорог, постройки и поправки всех родов. В первом случае в его полном и непосредственном распоряжении губернский полицмейстер и городничие всех го-

родов; во втором случае — капитан-исправники и земские заседатели, которые относятся к нему посредством губернского правления, образованного в духе коллегиальных правлений с советниками, а не в виде собственной канцелярии с секретарем, так что ответственность во всяком важном злоупотреблении, если бы его сделал губернатор, падает непременно на советников и чиновников, и при всем полномочьи своем он уже ограничен.

Он более нежели присутственный член и свидетель деловых производств в других присутственных местах, от него вовсе не зависящих и состоящих под управлением своих особых министерств; если только эти места совершают какие-нибудь сделки и условия, относительно ли отдачи в наймы или на откупа казенных земель, озер, или вообще относительно всяких продаж, закупок и совершенья на них условий, он должен быть уже там. Никакие казенные подряды и сделки не могут быть произведены без его личного присутствия. Таким образом места, вовсе от него не зависящие относительно внутренних своих производств, уже обрезаны его присутствием на всех путях к злоупотреблениям.

Весь снаряд юстиции, как-то: все суды уездные, так и высшая их инстанция — гражданская палата, находясь в полном заведывании своего министерства, кажутся в независимости от губернатора, но на всех путях несправедливостей они ограничены на всяком шагу губернатором, который во время объездов своих по всей губернии, случающихся не менее двух раз в год, имеет право, заглянувши в суд, потребовать на выдержку два-три решенные дела, проверить их у себя на дому, вместе с секретарем своим, и таким образом держать в страхе их всех. Словом, не имея никакого начальства над местами, зависящими от других начальников, он имеет право остановить злоупотребление повсюду, где бы оно ни было.

На дворян он может иметь только влияние нравственное. В обряде же должностных его соприкосновений с дворянством устроено так, чтобы он имел с ними дело в лице их же представителя, губернского предводителя, и таким образом посредством его одного поладить с ними со всеми; здесь видна особенно мудрость законодателя, потому что иначе не было бы никакой возможности ему сноситься с ними со всеми и ладить, принимая в соображение то различие воспитаний, нравов, образов мыслей и то бесчисленное разнообразие характеров, какого не представляет ни одно из европейских дворянств и которое заключилось только в нашем. Звание предводителя дворянства, будучи почти равное чином званью губернатора, имея право на первое место после него в губернии, уже сим самым указывает им на необходимость быть друзьями, иначе им обоим было бы неловко в отношениях светских и непресторно на поприще должностном. Самые места

капитан-исправника и заседателей, которые, будучи избираемы дворянством, находятся потом в полной зависимости от губернатора, указывают на необходимость взаимного подкрепления одного в другом. Грозя именем губернатора, предводитель может много сделать там, где не хватает собст<венной> власти; равно как и губернатор посредством предводителя может успешней и сильнее действовать на дворян.

Всюду могут случиться просмотры, неправда может проскользнуть везде; за самим губернатором могут завестись грехи. И это предусмотрено: есть отдельное лицо, от всех независимое, долженствующее держать себя от всех в стороне, даже и от самого губернатора. Это прокурор, который есть око закона, без которого ни одна бумага не может выйти из губернии. Ни одно производство дел по всем губернским местам не может его миновать. Оно не решено, если он не пометил на всех его страницах свое слово: читал. Никому не подлежит он сам во всей губернии; никому не дает отчета, кроме министра юстиции, с которым одним только в прямом сношении, и всегда может подать протест на всё, что ни вершится в губернии.

Словом — всё полно, и везде слышна законодательная мудрость, как в установлении самих властей, так и в соприкосновеньях их между собою. Я уже и не говорю о тех учрежденьях, где еще далее простерлось правительственное предвиденье, упомяну только о совестном суде²⁴, подобного которому не знаю в других государствах. По моему мнению, это верх человеколюбия, мудрости и познания душевного. Все те случаи, где тяжело и жестоко прикосновенье закона; все дела, относящиеся до малолетних, умалишенных; всё, что может решить одна только совесть человека, и где может быть несправедлив справедливейший закон; всё, что должно быть кончено по любовно и миролюбно в высоком христианском смысле, без проволочек по высшим инстанциям, — есть уже его предмет. И как умно, что выбор совестного судьи зависит от дворянства, которое избирает обыкновенно на это место того, на кого падает всеобщий голос, как на человеколюбивого и бескорыстнейшего человека. Как хорошо также, что ему не назначается за это никакого жалованья, никаких наград, и что нет здесь никакой мирской приманки человеку. Одно время мне очень желалось занять это место. Как много можно решить на нем запутаннейших спорных дел. Сами тяжущиеся мимо собственных выгод своих перенесут дело в совестный суд, как только пронесется слух, что судья судит истинно по совести и уже прославился мудростью своего божеского суда. Кому из нас не хочется примириться?

Одним словом, чем больше всматриваешься в организм управления губерний, тем более изумляешься мудрости учредителей: слышно, что сам бог строил незримо руками государей. Всё полно, доста-

точно, всё устроено именно так, чтобы споспешествовать в добрых действиях, подавая руку друг другу, и останавливать только на пути к злоупотреблениям. Я даже и придумать не могу, для чего тут нужен какой-нибудь прибавочный чиновник; всякое новое лицо тут не у места, всякое нововведение — ненужная вставка. А между тем нашлись же такие правители губерний, как вы сами знаете, которые пристегнули ко всему этому множество разных чиновников по особым поручениям, множество всяких временных и следственных комитетов, разложили и раздробили действия всякой должности и сбили чиновников так, что они потеряли и последние понятия о пределах точных своего поприща. Хорошо, что вы этого не сделали, потому что вы и тогда понимали это дело лучше других. Вы очень хорошо знаете, что приставить нового чиновника для того, чтобы ограничить прежнего в его воровстве, значит сделать двух воров наместо одного. Да и вообще система ограничения — самая мелочная система. Человека нельзя ограничить человеком; на следующий год окажется надобность ограничить и того, который приставлен для ограничения, и тогда ограничениям не будет конца. Эта пустая и жалкая система, подобно всем другим системам отрицательным, могла образоваться только в государствах колониальных, которые составились из народа всякого сброда, не имеющего национальной целизны²⁵ и духа народного, где неизвестны ни самоотверженье, ни благородство, а только одни корыстные личные выгоды. Нужно оказать доверье к благородству человека, а без того не будет вовсе благородства. Кто знает, что на него глядят подозрительно, как на мошенника, и приставляют к нему со всех сторон надсмотрщиков, у того невольно отнимаются руки. Нужно развязать каждому руки, а не связывать их; нужно напирать на то, чтобы каждый держал сам себя в руках, а не то, чтобы его держали другие; чтобы он был строже к себе в несколько раз самого закона, чтобы он видел сам, чем он подлец перед своей должностью; словом — чтобы он был введен в значенье высшей своей должности. А это может сделать только один генерал-губернатор, если он не пренебрежет постигнуть сам всякую должность в ее истинном существе и мысленно прослужить сам на месте того чиновника, которого бы захотел он ввести в полное значенье его должности. Вследствие этого все ваши сношенья с чиновниками будут самоличны, без всяких секретарей и мертвой бумажной переписки, а от этого и ваша собственная канцелярия сделается маленькой и вовсе не будет походить на те чудовищные, огромные канцелярии, какие заводят другие начальники. Эти же громадные канцелярии, как вы уже сами знаете, наносят много вреда тем, что отберут у всех чиновников их дела, образуют собою вдруг новую инстанцию и, стало быть, новые затруднения, дадут нечувствительно образоваться какому-нибудь новому полномочному

лицу, иногда вовсе ни для кого не зримо, в виде простого секретаря, но через руки которого станут проходить все дела; у секретарей явится какая-нибудь любовница, из-за ней — интриги, ссоры, а с ними вместе и сам чорт пуганицы, который как тут во всякое время; и дело кончится тем, что, сверх нанесенья новых беспорядков и сложностей, пожретя несметное количество казенных сумм. Храни вас бог от заведенья канцелярии. Иначе и не объясняйтесь ни с кем, как лично. Как можно пренебречь разговором с человеком, особенно, если разговор близок к нему самому, к исполнению его обязанностей и долга, стало быть, близок к самой душе его? Как можно променять такой разговор на пустые газетные толки и мертвые речи о всяком вранье, набираемом из лживых европейских журналов? О долге человека можно так разговориться, что обоим покажется, как бы они беседуют с ангелами в присутствии самого бога. Говорите же так с вашим подчиненным, то есть — наставительно и питательно его душе! Не забудьте, что на русском языке, — я разумею не тот язык, который изворачивается теперь в житейском обиходе, и не книжный язык, и не язык, образовавшийся во время всяких злоупотреблений наших, но тот истинно русский язык, который незримо носится по всей русской земле, несмотря на чужеземствованье наше в земле своей, который еще не прикасается к делу жизни нашей, но, однако ж, все слышат, что он истинно русский язык — на этом языке начальник называется отцом. Будьте же с ними, как отец с детьми, а отец с детьми не заводит бумажных переписок и напрямик изъясняется с каждым из них. Так поступая, введете вы каждого в познание его должности и сделаете истинно великий подвиг.

А вот вам другой подвиг, которого никто не может совершить кроме генерал-губернатора и который в нынешнее время есть дело даже необходимое, не только нужное, а именно: ввести дворянство в познание истинное своего званья. Сословие это в своем истинно русском ядре прекрасно, несмотря на временно нарощую чужеземную шелуху. Но дворянство этого еще не слышит. Многие едва-едва только догадываются, другие пребывают в совершенном об этом невежестве, третьи берут себе в идеалы дворянства государств иностранных, четвертые даже не задают себе вопроса: нужно ли на свете дворянство? Если же и находятся между ними такие, которые имеют об этом какие-нибудь светлые мысли, то мысли эти еще не раздаются в массах, и масса их не слышит. В последнее время, кроме всего прочего, восстановился даже в дворянстве некоторый дух недоверия к правительству. Во время последних европейских возмущений и всякого рода смут некоторые из злоумышленников старались особенно распусть в нашем дворянстве слух, будто правительство ищет обессилить их значение и довести их до ничтожества. Беглецы, выходцы за

границу и всякого рода недоброжелатели России писали статьи и наполняли ими столбцы чужестранных газет, с тем именно умыслом, чтобы заронить вражду <между> дворянством и правительством: с одной стороны показать государю России партию каких-то фантастических бояр, оспаривающих самую власть, а с другой стороны показать дворянству, что государь не благоволит к ним и вообще не любит этого звания. То есть им хотелось заварить в России какую-то кашу и сумятицу, среди которой можно было бы и самим сыграть какую-нибудь роль. Расчет был на то, что взаимное опасенье и подозрительность есть страшная вещь и может со временем произвести действительно разрыв самых священной связей. Но, слава богу, уже прошли те времена, чтобы несколько сорванцов могли возмутить целое государство²⁶. Проект так и остался фантастическим проектом, тем однако ж не менее искры недоразумений и взаимного недоверья заронились, и я знаю многих дворян, которые уверены сурьезно, что государь не любит их сословия, и от этого даже тоскуют. Дело это им разрешите и объявите всю правду, не скрывая ничего. Скажите, что государь любит это сословие больше всех других, но любит в его истинно русском значении, — в том прекрасном виде, в каком оно должно быть по духу самой земли нашей. Да и не может быть иначе. Ему ли не любить цвет своего народа? а у нас дворянство есть цвет нашего же народа, а не какое-нибудь пришлое чужеземное сословие. Но следует, чтобы дворянство само себя показало и определило значение своего званья, потому что в том виде, в каком оно теперь, при этом отсутствии единства в общем духе, при этом разнообразии мыслей, воспитания, жизни, привычек, при таком сбивчивом образе понятий о самих себе, никому не могут они подать действительной и полной идеи о том, что такое в нашей земле дворянство. А оттого никакой мудрец не может теперь знать, как ему с ними быть. Следует, чтобы дворянство само вступило в свое истинное и полное значение. И здесь-то вы можете истинно им всем помочь, потому что, будучи сами русский дворянин и уже понимая высшее значение нашего дворянства, вы лучше всех будете в силах это объяснить. Не нужно для этого много слов, потому что начала всего того, что вы им объявите, у них в груди. Дворянство наше представляет явление, точно, необыкновенное. Оно образовалось у нас совсем иначе, нежели в других землях. Началось оно не насильственным приходом, в качестве вассалов с войсками, всегдашних оспаривателей верховной власти и вечных угнетателей сословия низшего²⁷; началось оно у нас личными выслугами перед царем, народом и всей землей, — выслугами, основанными на достоинствах нравственных, а не на силе. В нашем дворянстве нет гордости какими-нибудь преимуществами своего сословия, как в других землях; нет спеси немецкого дворянства; никто не хвастает

у нас родом или древностью происхождения, хотя наши дворяне всех древнее, — хвастаются разве только какие-нибудь англomanы, которые заразились этим на время, во время проезда через Англию; может быть, только изредка похвастается кто-нибудь своим предком, и то таким, который сослужил истинно верную службу царю и земле своей; а похвастанся он плохим предком, на него выпустят тут же эпиграмму его же собратья дворяне. Одним только позволяет себе всяк из них похвастанся — это чувством своего нравственного благородства, которое уже бог им вложил в грудь. И если дойдет дело до того, чтобы выказать каким-нибудь поступком это внутреннее высшее благородство, у нас ни один не отстанет от другого, хотя бы сам был всех суше и весь зажил в грязи и саже. Дворянство у нас есть как бы сосуд, в котором заключено это нравственное благородство, должествующее разноситься по лицу всей русской земли затем, чтобы подать понятие всем прочим сословиям, почему сословие высшее называется цветом народа. И если вы только им скажете почти это самое, что я теперь говорю и что есть истинная правда, да развернете перед ними то поприще, которое теперь всем предстоит им на передачу и увековеченье имен своих в потомстве; если ясно покажете им, что вся русская земля взывает о помощи, и что помощь ей можно оказать одними подвигами благородства, а подвиги благородства следует показать тем, которые уже от рожденья получили благородство, то увидите, что сердца их чокнутся с вашим сердцем, как рюмки во время пирушки. Не скрывайте от них дела, объясните им всю правду. Зачем заставлять их узнавать то же самое из лживых иностранных газет и давать сорванцам кружить им головы? Обнаружьте им всю правду начисто. Скажите им, что Россия, точно, несчастна, что несчастна от грабительств и неправды, которые до такой наглости еще не возносили рог свой; что болит сердце у государя так, как никто из них не знает, не слышит и не может знать. Да может ли быть иначе при виде это<го> вихря возникнувших запутанностей, которые застенили всех друг от друга и отняли почти у каждого простор делать добро и пользу истинную своей земле, при виде повсеместного помраченья и всеобщего уклоненья всех от духа земли своей, при виде, наконец, этих бесчестных плутов, продавцов правосудья и грабителей, которые, как вороны, налетели со всех сторон клевать еще живое наше тело и в мутной воде ловить свою презренную выгоду. Когда вы это им скажете, да вслед за этим покажете, что теперь им всем предстоит сослужить истинно благородную и высокую службу царю, а именно: так же великодушно, как некогда становились в ряды противу неприятеля, так же великодушно стать теперь на неприманчивые места и должности, опозоренные низкими разночинцами, тогда увидите, как встрепенется наше дворянство. Отбою не будет от желающих вступить в службу

и занять самые невидные места. И, отслуживши, не потребуют они себе за это ни наград, ни отличий, ни даже привилегий и преимуществ, довольные тем, что показали высокое внутреннее преимущество свое. Словом, только покажите им высоту их звания, и вы увидите, как благородна их природа. Вы можете указать им также то второе великое дело, которое они могут сделать, воспитавши вверенных им крестьян таким образом, чтобы они стали образцом этого сословия для всей Европы, потому что теперь не на шутку задумались многие в Европе над древним патриархальным бытом, которого стихии исчезли повсюду, кроме России, и начинают гласно говорить о преимуществах нашего крестьянского быта, испытывая бессилие всех установлений и учреждений нынешних, для их улучшения. А потому вам следует склонить дворян, чтобы они рассмотрели попристальней истинно русские отношения помещика к крестьянам, а не те фальшивые и ложные, которые образовались во время их позорной беззаботности о своих собственных поместьях, преданных в руки наемников и управителей; чтобы позаботились о них истинно, как о своих кровных и родных, а не как о чужих людях, и так бы взглянули на них, как отцы на детей своих. Сим только одним могут возвестить они это сословие в то состояние, в каком следует ему пребыть, которое, как нарочно, не носит у нас названья ни вольных, ни рабов, но называется христианами от имени самого Христа. Всё это может вполне объяснить дворянству генерал-губернатор, если о том помыслит заблаговременно и войдет сам в полное значенье нашего дворянства. И это будет вам второй великий подвиг.

А вот вам третий подвиг, которого тоже никто не может сделать, кроме генерал-губернатора. Все европейские государства теперь болеют необыкновенной сложностью всяких законов и постановлений. Повсюду заметно одно замечательное явление, а именно: законы собственно гражданские выступили из пределов и ворвались в области, им не принадлежащие. С одной стороны они вторгнулись в область, состоявшую долго под управлением народных обычаев; с другой стороны они вторгнулись в область, должествующую оставаться вечно под управлением церкви. Случилось это не насильственно: разлив гражданских законов произошел сам собою, встретивши повсюду пустые, себя не ограждавшие места. Мода подорвала обычаи, уклонение духовенства от прямой жизни во Христе оставило на произвол все частные отношения каждого человека в его частном быту. Законы гражданские взяли то и другое, как оставленных сирот, под свою опеку и оттого только стали так сложны. Сами же по себе они вовсе не пространны, и если возвратится то, что законным образом должно принадлежать обычаям, и то, что должно поступить в вечное владение церкви, тогда их может заключить только одна книга, которая

обнимет одни крупные уклонения от общественного порядка и отклонения собственно государственные. Все до единого теперь видят, что множество дел, злоупотреблений и всяких кляуз произошло именно оттого, что европейские философы-законодатели стали заранее определять все возможные случаи уклонений, до малейших подробностей, и тем открыли всякому, даже благородному и доброму, пути к бесконечным и несправедливейшим тяжбам, которые затевать он прежде почел бы бесчестнейшим делом, но которые он затевает теперь смело, увидя в каком-нибудь пункте постановлений возможность и надежду получить когда-то потерянное добро или же просто только возможность оспаривать владение другого. Он уже идет горой, как герой на приступ, и не глядит вовсе на своего супротивника, хотя бы тот лишился через это последней своей рубашки, хотя бы он пошел по миру со всей семьей своей. Человеколюбивый производит теперь бесстыднейшим образом в виду всех жестокое дело и даже им хвастается, тогда как он устыдился бы и самой мысли о том, если бы служитель церкви поставил их обоих лицом ко Христу, а не презренным выгодам личным, и если бы завелось так, как и быть должно, чтобы во всех делах запутанных, казусных, темных, словом — во всех тех делах, где угрожает проволочка по инстанциям, мирила человека с человеком церковь, а не гражданский закон. Но вот вопрос: как это сделать? Как сделать, чтобы гражданскому закону отдано было действительно только то, что должно принадлежать гражданскому закону; чтобы обычаям возвращено было то, что должно оставаться во власти обычаев, и чтобы за церковь вновь утверждено было то, что должно вечно принадлежать церкви? Словом, как возратить всё на свое место? В Европе сделать этого невозможно: она оболется кровью, изнеможет в напрасных бореньях и ничего не успеет. В России есть возможность; в России может это нечувствительно совершиться — не какими-нибудь нововведениями, переворотами и реформами и даже не заседаниями, не комитетами, не прениями и не журнальными толками и болтовней; в России может этому дать начало всякой генерал-губернатор вверенной его управлению области, и как просто: не чем другим, как только собственной жизнью своей. Патриархальностью жизни своей и простым образом обращения со всеми он может вывести вон моду с ее пустыми этикетами и укрепить те русские обычаи, которые в самом деле хороши и могут быть применены с пользой к нынешнему быту. Он может сильно подействовать на то, что отношения между собою как жителей городов, так и помещиков станут проще; а уничтожение этой сложности светских отношений, которая ныне, уменьшит непременно ссоры и неудовольствия, которые возникли, как вихри, между обитателями городов. Так же, как на водворение обычаев, может подействовать генерал-губернатор на за-

конное водворение церкви в нынешнюю жизнь русского человека: во-первых, примером собственной жизни, а во-вторых — самими мерами, не принудительными и насильственными, но сильнейшими в несколько раз всяких насильственных. Об этом когда-нибудь мы с вами поговорим после, когда вы действительно возьмете должность, а до того времени скажу вам только вот что: если уже простой обычай сильнее всякого письменного закона, а между прочим, что такое обычай, если рассмотреть его строго? Иногда он просто не имеет никакого значения в нынешнем времени, установлен неизвестно зачем, пришел неизвестно откуда; не слышишь даже авторитета, его утвердившего; иногда он тянется еще от времен язычества, противоположен христианству и всем элементам новой жизни. И если при всем этом обычай так силен, что его трудно бывает изгладить в продолжение многих лет? Что же, если введется такой обычай, который основан на разуме, единоустно и единодушно будет признан всеми и освящен свыше самим Христом и его церковью? Такой обычай пойдет во веки веков и не сокрушит его никакая сила, какие бы ни наступили всемирные колебания. Но это <т> предмет велик; о нем нужно поговорить умно, а я для того глуп. После, когда бог поможет и вразумит меня, может быть, что-нибудь скажу. Работ вам будет много. Крепитесь и берите твердо должность генерал-губернатора, если только она будет вам предложена. Вы исполните ее теперь именно так, как следует, и сообразно тому, чего требует само правительство, то есть — бодрящею, освежающею силою пронестись по всей области, всех воздвигнуть, всех освежить, всех настроить, всему дать толчок и обратиться потом в другую губернию затем, чтобы и там произвести то же. Вы сами увидите, что должность эта непременно должна быть временная, иначе она не имела бы смысла, потому что внутренний организм губернии недостаточен и полон, и нет надобности в другом управителе, кроме гражданского губернатора. С богом же, и не бойтесь ничего. Но, хотя бы пришлось вам занять и другую должность, руководствуйтесь теми же правилами: не забывайте нигде, что вы на время. Устраивайте так дела, чтобы они не только при вас шли хорошо, но и после вас; чтобы не мог ничего сдвинуть ваш преемник, но вступил бы невольно уже сам в утвержденные вами границы, держась вами данного законного направления. Христос научит вас, как закалять дело накрепко и навеки. Будьте отец истинный всем вам подвластным чиновникам и каждому помогите свято и честно исполнить должность свою. Подавайте братски руку всякому освобождаться от его собственных пороков и недостатков. Имейте на всех влияние, но влияние единственно затем, чтобы заставить каждого иметь на самого себя влияние. Смотрите также, чтобы никто не опирался чересчур и слишком на вас, как на собственный посох свой, подобно тому, как римско-католические

дамы опираются на духовников своих, без воли которых они не смеют переступить в другую комнату, и ждут для этого исповеди; но чтобы помнил человек, что нянька ему дается на время, а не навсегда, и что как только отступает от него наставник, тут-то ему и следует блюсти за собой осторожней, чем когда-либо прежде, помня ежеминутно, что уже некому теперь смотреть за ним, и держа, как святыню, в своей памяти всякое слово, ему сказанное. Старайтесь также, чтобы не было плача при расставаньи с вами, если бы случилось вам оставлять вашу должность, но чтобы бодрей и свежей еще глядел каждый вперед, а потому ко дню расставанья копите всё, что хотели бы вы сказать в наставленьи каждому: в этот день будут для них святы все слова ваши, и то, чего бы они не приняли и не исполнили прежде, то теперь примут и после вас исполнят. Для меня наилучшая минута — время расставанья с моими друзьями; всяк из друзей моих, кто теперь ни расстается со мной, расстается весело и светлеет духом. Вам подтвердят это все те, которые расставались со мною в последнее время. Я даже уверен, что когда буду умирать, со мной простятся весело все меня любившие: никто из них не заплачет и будет гораздо светлее духом после моей смерти, чем при жизни моей. Еще скажу вам слово насчет любви и всеобщего расположения к себе, за которыми многие так гоняются. Заискивать любви к себе есть незаконное дело и не должно занимать человека. Смотрите на то — любите ли вы других, а не на то — любят ли вас другие. Кто требует платежа за любовь свою, тот подл и далеко не христианин. О, как я благодарен за то, что еще от детства вселил в меня бог непонятное мне самому чувство бежать от всяких неумеренных излиятий, даже родственных и дружеских, как от чего-то приторного и неприятного. Как это верно, что полная любовь не должна принадлежать никому на земле. Она должна быть передаваема по начальству, и всякой начальник, как только заметит ее устремленье к себе, должен в ту же минуту обращать ее к постановленному над ним высшему начальнику, чтобы таким образом добралась она до своего законного источника, и передал бы ее торжественно в виду всех всеми любимый царь самому богу.

1845

XXXII

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ²⁸

В русском человеке есть особенное участие к празднику светлого воскресенья. Он это чувствует живей, если ему случится быть в чужой земле. Видя, как повсюду в других странах день этот почти не отличен от других дней, — те же всегдашние занятия, та же вседневная жизнь, то же будничное выраженье на лицах, — он чувствует грусть и обра-

щается невольно к России. Ему кажется, что там как-то лучше празднуется этот день, и сам человек радостней и лучше, нежели в другие дни, и самая жизнь какая-то другая, а не вседневная. Ему вдруг представляется — эта торжественная полночь, этот повсеместный колокольный <звон>, который как всю землю сливает в один гул, это восклицианье «Христос воскрес!», которое заменяет в этот день все другие приветствия, этот поцелуй, который только раздастся у нас, — и он готов почти воскликнуть: «Только в одной России празднуется этот день так, как ему следует праздноваться!» Разумеется, всё это мечта; она исчезнет вдруг, как только он перенесется на самом деле в Россию или даже только припомнит, что день этот есть день какой-то полусонной беготни и суеты, пустых визитов, умышленных незаставаний друг друга, наместо радостных встреч, — если ж и встреч, то основанных на самых корыстных расчетах; что честолюбие кипит у нас в этот день еще больше, чем во все другие, и говорят не о воскресеньи Христа, но о том, кому какая награда выйдет, и кто что получит; что даже и сам народ, о котором идет слава, будто он больше всех радуется, уже пьяный попадает на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня, и не успела еще заря осветить земли. Вздохнет бедный русской человек, если только всё это припомнит себе и увидит, что это разве только карикатура и посмеянье над праздником, а самого праздника нет. Для проформы только какой-нибудь начальник чмокнет в щеку инвалида, желая показать подчиненным чиновникам, как нужно любить своего брата, да какой-нибудь отсталый патриот, в досаде на молодежь, которая бранит старинные русские наши обычаи, утверждая, что у нас ничего нет, прокричит гневно: «У нас всё есть — и семейная жизнь, и семейные добродетели, и обычаи у нас соблюдаются свято; и долг свой исполняем мы так, как нигде в Европе; и народ мы на удивленье всем».

Нет, не в видимых знаках дело, не в патриотических возгласах и не в поцелуе, данном инвалиду, но в том, чтобы в самом деле взглянуть в этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, — так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата, так ему обрадоваться, как бы своему наилучшему другу, с которым несколько лет не видались и который вдруг неожиданно к нам приехал. Еще сильней! еще больше! потому что узы, нас с ним связывающие, сильней земного кровного нашего родства, и породнились мы с ним по нашему прекрасному небесному отцу, в несколько раз нам ближайшему нашего земного отца, и день этот мы — в своей истинной семье, у него самого в дому. День этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство всё человечество до единого, не исключив из него ни одного человека.

Как бы этот день пришелся, казалось, кстати нашему девятнадцатому веку, когда мысли о счастье человечества сделались почти любимыми мыслями всех; когда обнять всё человечество, как братьев, сделалось любимой мечтой молодого человека; когда многие только и грезят о том, как преобразовать всё человечество, как возвысить внутреннее достоинство человека; когда почти половина уже признала торжественно, что одно только христианство в силах это произвести; когда стали утверждать, что следует ближе ввести Христов закон как в семейственный, так и в государственный быт; когда стали даже поговаривать о том, чтобы всё было общее — и дома и земли; когда подвиги сердоболия и помощи несчастным стали разговором даже модных гостиных; когда, наконец, стало тесно от всяких человеколюбивых заведений, странноприимных домов и приютов. Как бы, казалось, девятнадцатый век должен был радостно воспринять этот день, который так по сердцу всем великодушным и человеколюбивым его движеньям! Но на этом-то самом дне, как на пробном камне, видишь, как бледны все его христианские стремленья и как все они в одних только мечтах и мыслях, а не в деле. И если, в самом деле, придется ему обнять в этот день своего брата, как брата — он его не обнимет. Всё человечество готов он обнять, как брата, а брата не обнимет. Отделись от этого человечества, которому он готовит такое великодушное объятие, один человек, его оскорбивший, которому повелевает Христос в ту же минуту простить, — он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, несогласный с ним в каких-нибудь ничтожных человеческих мненьях, — он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, страждущий видней других тяжельми язвами своих душевных недостатков, больше всех других требующий сострадания к себе, — он оттолкнет его и не обнимет. И достанется его объятие только тем, которые ничем еще не оскорбили его, с которыми не имел он случая столкнуться, которых он никогда не знал и даже не видал в глаза. Вот какого рода объятие всему человечеству дает человек нынешнего века, я часто именно тот самый, который думает о себе, что он истинный человеколюбец и совершенный христианин! Христианин! Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, наместо того, чтобы призвать его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане!

Нет, не воспринять нынешнему веку светлого праздника так, как ему следует восприняться. Есть страшное препятствие, есть непреодолимое препятствие, имя ему — *гордость*. Она была известна и в прежние веки, но то была гордость более ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родом и званием, но не доходила она до того страшного духовного

развития, в каком предстала теперь. Теперь явилась она в двух видах. Первый вид ее — гордость чистотой своей.

Обрадовавшись тому, что стало во многом лучше своих предков, человечество нынешнего века влюбилось в чистоту и красоту свою. Никто не стыдится хвастаться публично душевной красотой своей и считать себя лучшим других. Стоит только приглядеться, каким рыцарем благородства выступает из нас теперь всяк, как беспощадно и резко судит о другом. Стоит только прислушаться к тем оправданиям, какими он оправдывает себя в том, что не обнял своего брата даже в день светлого воскресенья. Без стыда и не дрогнув душой, говорит он: «Я не могу обнять этого человека: он мерзок, он подл душой, он запятнал себя бесчестнейшим поступком; я не пушу этого человека даже в переднюю свою; я даже не хочу дышать одним воздухом с ним; я сделаю крюк для того, чтобы объехать его и не встречаться с ним. Я не могу жить с подлыми и презренными людьми — неужели мне обнять такого человека, как брата?» Увы! позабыл бедный человек девятнадцатого века, что в этот день нет ни подлых, ни презренных людей, но все люди — братья той же семьи, и всякому человеку имя брат, а не какое-либо другое. Всё разом и вдруг им позабыто: позабыто, что, может быть, затем именно окружили его презренные и подлые люди, чтобы, взглянув на них, взглянул он на себя и искал бы в себе того же самого, чего так испугался в других. Позабыто, что он сам может на всяком шагу, даже не приметив того сам, сделать то же подлое дело, хотя в другом только виде, — в виде, не пораженном публичным позором, но которое, однако же, выражаясь пословицей, есть тот же блин, только на другом блюде. Всё позабыто. Позабыто им то, что, может, оттого развелось так много подлых и презренных людей, что сурово и бесчеловечно их оттолкнули лучшие и прекраснейшие люди и тем заставили пуше ожесточиться. Будто бы легко выносить к себе презренье! Бог весть, может быть, иной совсем был не рожден бесчестным человеком; может быть, бедная душа его, бессильная сражаться с соблазнами, просила и молила о помощи, и готова была облобызать руки и ноги того, кто, подвигнутый жалостью душевной, поддержал бы ее на краю пропасти. Может быть, одной капли любви к нему было достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь. Будто бы дорогой любви было трудно достигнуть к его сердцу! Будто уже до того окаменела в нем природа, что никакое чувство не могло в нем пошевелиться, когда и разбойник благодарен за любовь, когда и зверь помнит ласкавшую его руку! Но всё позабыто человеком девятнадцатого века, и отталкивает он от себя брата, как богач отталкивает покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего. Ему нет дела до страданий его; ему бы только не видать гноя ран его. Он даже не хочет услышать исповеди его, боясь, чтобы

не поразило обоняние его смрадным дыханием уст несчастного, гордый благоуханием чистоты своей. Такому ли человеку воспрядновать праздник небесной любви?

Есть другой вид гордости, еще сильнейший первого — гордость ума. Никогда еще не возрастала она до такой силы, как в девятнадцатом веке. Она слышится в самой боязни каждого прослыть дураком. Всё вынесет человек века: вынесет название плута, подлеца; какое хочешь дай ему название, он снесет его — и только не снесет название дурака. Над всем он позволит посмеяться — и только не позволит посмеяться над умом своим. Ум его для него — святыня. Из-за малейшей насмешки над умом своим он готов сию же минуту поставить своего брата на благородное расстояние и посадить, не дрогнувши, ему пулю в лоб. Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой. Чего не видит его ум, того для него нет. Он позабыл даже, что ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движения и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы. Он позабыл и то, что нет всех сторон ума ни в одном человеке; что другой человек может видеть именно ту сторону вещи, которую он не может видеть и, стало быть, знать того, чего он не может знать. Не верит он этому, и всё, чего не видит он сам, то для него ложь. И тень христианского смирения не может к нему прикоснуться из-за гордыни его ума. Во всем он усумнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в боге усумнится, но не усумнится в своем уме. Уже ссоры и брани начались не за какие-нибудь существенные права, не из-за личных ненавистей — нет, не чувственные страсти, но страсти ума уже начались: уже враждуют лично из несходства мнений, из-за противуречий в мире мысленном. Уже образовались целые партии, друг друга не видевшие, никаких личных сношений еще не имевшие — и уже друг друга ненавидящие. Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, — дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердца людей повсюду. Уже и самого ума почти не слышно. Уже и умные люди начинают говорить ложь противу собственного своего убеждения, из-за того только, чтобы не уступить противной партии, из-за того только, что гордость не позволяет сознаться перед всеми в ошибке — уже одна чистая злоба воцарилась наместо ума.

И человеку ли такого века уметь полюбить и почувствовать христианскую любовь к человеку? Ему ли исполниться того светлого простодушия и ангельского младенчества, которое собирает всех людей в одну семью? Ему ли услышать благоухание небесного братства нашего? Ему ли воспрядновать этот день? Исчезнуло даже и то

наружно-добродушное выражение прежних простых веков, которое давало вид, как будто бы человек был ближе к человеку. Гордый ум девятнадцатого века истребил его. Дьявол выступил уже без маски в мир. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем виде. Почуя, что признают его господство, он перестал уже и чиниться с людьми. С дерзким бесстыдством смеется в глаза им же, его признающим; глупейшие законы дает миру, какие доселе еще никогда не давались — и мир это видит и не смеет послушаться. Что значит эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустил вначале человек как мелочь, как невинное дело, и которая теперь, как полная хозяйка, уже стала распоряжаться в домах наших, выгоняя всё, что есть главнейшего и лучшего в человеке? Никто не боится преступать несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа и между тем боятся не исполнить ее малейшего приказанья, дрожа перед нею, как робкий мальчишка. Что значит, что даже и те, которые сами над нею смеются, пляшут, как легкие ветреники, под ее дудку? Что значат эти так называемые бесчисленные приличия, которые стали сильней всяких коренных постановлений? Что значат эти странные власти, образовавшиеся мимо законных — посторонние, побочные влияния? Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а божии помазанники остались в стороне? Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила — и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человечеством! И к чему при таком ходе вещей сохранять еще наружные святые обычаи церкви, небесный хозяин которой не имеет над нами власти? Или это еще новая насмешка духа тьмы? Зачем этот утративший значение праздник? Зачем он вновь приходит глуше и глуше скликать в одну семью разошедшихся людей и, грустно окинувши всех, уходит как незнакомый и чужой всем? Всем ли точно он незнаком и чужд? Но зачем же еще уцелели кое-где люди, которым кажется, как бы они светлеют в этот день и празднуют свое младенчество, — то младенчество, от которого небесное лобзание, как бы лобзание вечной весны, изливается на душу, то прекрасное младенчество, которое утратил гордый нынешний человек? Зачем еще не позабыл человек навеки это младенчество, и, как бы виденное в каком-то отдаленном сне, оно еще шевелит нашу душу? Зачем всё это, и к чему это? Будто не известно, зачем? Будто не видно, к чему? Затем, чтобы хотя некоторым, еще

слышащим весеннее дыхание этого праздника, сделалось бы вдруг так грустно, так грустно, как грустно ангелу по небу. И, завопив раздирающим сердце воплем, упали бы они к ногам своих братьев, умоляя хотя бы один этот день вырвать из ряда других дней, один бы день только провести не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях вечною века, в один бы день только обнять и обхватить человека, как виноватый друг обнимает великодушного, всё ему простившего друга, хотя бы только затем, чтобы завтра же оттолкнуть его от себя и сказать ему, что он нам чужой и незнакомый. Хотя бы только пожелать так, хотя бы только насильно заставить себя это сделать, ухватиться бы за этот <день>, как утопающий хватается за доску! Бог весть, может быть, за одно это желанье уже готова сброситься с небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней.

Но и одного дня не хочет провести так человек девятнадцатого века! И непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь; всё мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Всё глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в твоём мире!

Отчего же одному русскому еще кажется, что праздник этот празднуется, как следует, и празднуется так в одной его земле? Мечта ли это? Но зачем же эта мечта не приходит ни к кому другому, кроме русского? Что значит в самом деле, что самый праздник исчез, а видимые признаки его так ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова: Христос воскрес! и поцелуй, и всякой раз так же торжественно выступает святая полночь, и гулы всезвонных колоколов гулят и гудут по всей земле, точно как бы будят нас? Где носятся так очевидно призраки, там недаром носятся; где будят, там разбудят. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе. Померкают временно, умирают в пустых и выветрившихся толпах, но воскресают с новой силой в избранных, затем, чтобы в сильнейшем свете от них разлиться по всему миру. Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — и праздник светлого воскресенья воспряднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов! На чем же основываясь, на каких данных, заключенных в сердцах наших, опираясь, можем сказать это? Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. «Хуже мы всех прочих» — вот что мы должны всегда говорить о себе. Но есть в нашей природе то, что нам пророчит это. Уже самое неустройство наше нам это пророчит. Мы еще расто-

пленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя всё, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней. Что есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа — доказательство тому уже то, что без меча пришел к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших призывала сама собой его слово, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства, что еще нет у нас непримиримой ненависти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие непреодолимое к соединению людей и братской любви между ними, что есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможно ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, всё позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли дома свои и земные недостатки, так рванется у нас всё сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды — всё бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия — один человек. Вот на чем основываясь, можно сказать, что праздник воскресенья Христова воспряднуется прежде у нас, чем у других. И твердо говорит мне это душа моя; и это не мысль выдуманная в голове. Такие мысли не выдумываются. Внушеньем божьим порождаются они разом в сердцах многих людей, друг друга не видавших, живущих на разных концах земли, и в одно время, как бы из одних уст, изглашаются. Знаю я твердо, что не один человек в России, хотя я его и не знаю, твердо верит тому и говорит: «У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднуется светлое воскресенье Христово».

Комментарии

Гоголь Николай Васильевич

¹ ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ

Книга «Выбранные места из переписки с друзьями» вышла в начале 1847 г. (Выбранные места из переписки с друзьями *Николая Гоголя*. СПб.: В Типографии Департамента внешней торговли, 1847). Ю.В. Манн отмечает: «Начало рукописи будущей книги было отослано Гоголем издателю 30 июля 1846 г. Последняя тетрадь рукописи отослана 16 октября того же года. Вопреки ожиданиям Гоголя, книга подверглась строгой цензуре. Пять статей-писем было вообще снято:

XIX. Нужно любить Россию; XX. Нужно проездиться по России; XXI. Что такое губернаторша; XXVI. Страхи и ужасы России; XXVIII. Занимающему важное место. Во многих других письмах были изъяты или смягчены места, содержащие критику царящих в стране злоупотреблений, беззакония, коррупции. Ряд исправлений, в частности стилистического характера, внес в книгу ее редактор П. Плетнев. В результате, авторская воля была настолько искажена, что, по выражению Гоголя, “на место всей книги” был выпущен лишь один ее “клочок”.

Лишь через 15 лет после смерти писателя Ф. Чижову удалось издать полный текст “Выбранных мест...”. Он появился в книге “Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя. Второе издание его наследников, пополненное по рукописи автора” (Т. 3. М., 1867). Но это издание также не было свободным от ряда искажений. Последние были исправлены лишь в советское время, в 14-томном академическом издании Полного собрания сочинений Гоголя (Т. 8. 1952)». (Манн Ю.В. Комментарии // Гоголь Н.В. Критика. Публицистика. Духовная проза / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Ю.В. Манн. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 547.)

Печатается в сокращении по: Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 234—236; 245—246; 261—263; 266—267; 281—283; 299—308; 343—366; 409—418.

Примечания даны по: Гоголь Н.В. Критика. Публицистика. Духовная проза / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Ю.В. Манн. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 552, 553, 556—557, 559, 561, 566—567, 573.

² VI. О ПОМОЩИ БЕДНЫМ

Письмо адресовано А.О. Смирновой. В основу положены письма Гоголя к А. Смирновой 1844 г., в частности письмо от 28 декабря (письма А. Смирновой к Гоголю от 18 и 30 декабря, в которых обсуждается та же проблема «помощи бедным», опубликованы в «Русской старине», 1888, т. 60, № 1, с. 141—147). На основании анализа этой переписки Н. Тихонравов датирует настоящую статью Гоголя декабрем 1844 г. (См.: Гоголь Н.В. Соч. 10-е изд. Т. 4. М., 1889. С. 486).

Смирнова Александра Осиповна (урожденная Россет, 1809—1882) — фрейлина двора, знакомая, друг и собеседник многих русских писателей и поэтов (*примеч. составителей*).

³ *Рубини* (Rubini) Джованни Баттиста (ок. 1794—1854) — знаменитый и модный в свое время итальянский певец. Пел в театрах многих стран, в 1843—1845 гг. и 1847 г. — в России (*примеч. составителей*).

⁴ VIII. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАШЕЙ ЦЕРКВИ И ДУХОВЕНСТВЕ

Письмо адресовано графу Александру Петровичу Толстому (1801—1873), крупному чиновнику, впоследствии обер-прокурору Синода. Гоголь познакомился с Толстым за границей в начале 1840-х гг. и неоднократно встречался и беседовал с ним. После возвращения в Москву писатель в конце 1848 г. поселился у Толстого в доме Талызина на Никитском бульваре — в доме, где он провел последние годы жизни.

⁵ XI. СПОРЫ

Адресат письма не установлен. Письмо представляет собою отклик на разгоревшиеся с начала 1840-х гг. споры между «западниками» и «славянофилами». Хотя Гоголь подчеркивает свое критическое отношение и к тем, и к другим, славянофилы ему ближе: «...правды больше на стороне славянистов и восточников, потому что они все-таки видят весь фасад...». Письмо подверглось существенной

цензурной правке: было вычеркнуто место (от слов «Все эти споры...» до «...поборника новизны»), в котором содержалось обличение «должностных людей», чиновничьего аппарата. В статье о «Выбранных местах...» Белинский воспользовался цитатой из настоящего письма для критики славянофилов (см.: Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. X. С. 65).

⁶ XIII. КАРАМЗИН

Фрагмент из письма Гоголя к Н. Языкову от 5 мая 1846 г. Подготавливая этот фрагмент к печати, Гоголь внес некоторые стилистические изменения.

Речь Погодина, которой посвящено настоящее письмо, вызвала также высокую оценку И. Киреевского. «Честь тебе и слава, и благодарность ото всех, кто дорожит памятью Карамзина...» — писал он к М. Погодину в начале 1846 г. (см.: Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 239). В то же время сопоставление документов — писем Киреевского и Гоголя — позволяет увидеть различие позиций обоих литераторов. Если Гоголь считал, что «все места из Карамзина прибраны... умно», то И. Киреевский горячо запротестовал против одного из таких «мест»: признания за царским правительством права на воспитание «грубого и невежественного народа». Правительство должно осуществлять лишь волю народа, разум которого воплощается «в университетах, в литературе» и в других факторах; и «может ли быть воля умнее разума?» (Там же. С. 241; курсив в оригинале). Столь же несправедливы и нереалистичны были утверждения Гоголя о безвредности цензуры в России. Они вызвали примечательные возражения даже такого человека, как Шевырев, писавшего Гоголю 30 января 1847 г.: «Странно еще говоришь ты, что в наше время можно сказать вслух всякую правду, и в доказательство приводишь Карамзина, которого “Записка о Древней Руси” до сих пор не напечатана, и когда я вздумал из нее немногое (не самое важное) привести на лекции, то получил за это выговор от попечителя» (Отчет Императорской публичной библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Приложения. С. 42—43).

⁷ «Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное, при открытии ему памятника, в Симбирске, Августа 23, 1845 года, в собрании симбирского дворянства, Академиком М. Погодиным». М., 1845. Описание праздника и краткое изложение своей речи М. Погодин дал в «Письме из Симбирска. Об открытии памятника Карамзину (К М.А. Дмитриеву)» (Москвитянин. 1845. № 9. С. 1—18).

⁸ XVI. СОВЕТЫ

Возможный адресат письма — С.П. Шевырев. Письмо развивает идеи, высказанные в письме XII, адресованном, вероятно, тому же Шевыреву, — «Христианин идет вперед».

⁹ XIX. НУЖНО ЛЮБИТЬ РОССИЮ

Письмо адресовано А.П. Толстому. Гоголь обращался к Толстому с поучениями о том, как надо «служить» России, так как последний был крупным чиновником и писатель связывал с ним большие надежды.

Содержащееся в настоящем письме обличение произвола и беззакония переключается со знаменитой речью-инвективой генерал-губернатора в последней из сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ». Есть сходство и в художественной символике: и там и здесь Гоголь сравнивает наступление неправды с вражеским нашествием. (В «Мертвых душах»: «...Пришло нам спастись нашу землю... гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемменных языков, а от нас самих...» Ср. в настоящем письме: «чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве...» и т.д.) Письмо было запрещено цензурой. В первом издании «Выбранных мест из переписки с друзьями», в основном тексте и в оглавлении, указан только порядковый номер письма и дан ряд точек. Впервые настоящее

письмо опубликовано Ф. Чижовым в кн.: Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя. Второе издание его наследников, пополненное по рукописи автора. Т. 3. М., 1867. С. 424—425.

¹⁰ XX. НУЖНО ПРОЕЗДИТЬСЯ ПО РОССИИ

Письмо адресовано А.П. Толстому. Обличительные мотивы, резкая критика «множества бесчинств, возникнувших в последнее время», повлекли за собой цензурное запрещение письма — так же, как и предыдущего. Опубликовано впервые Ф. Чижовым в кн.: Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя. Второе издание его наследников, пополненное по рукописи автора. Т. 3. М., 1867. С. 426—434.

¹¹ Монахи Троице-Сергиевого монастыря Родион (в мире Роман) Ослябя (ум. после 1398 г.) и Александр Пересвет героически сражались в Куликовской битве 1380 г. А. Пересвет погиб в этой битве, участвуя в единоборстве с татарским богатырем Темир-мирзой (Челибеом).

¹² А. Толстой в 1834—1837 гг. был тверским губернатором, а в 1837—1840 гг. — одесским военным губернатором.

¹³ В Евангелии от Матфея (гл. 5, ст. 9): «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».

¹⁴ XXVI. СТРАХИ И УЖАСЫ РОССИИ

Письмо адресовано Л.К. Вьельгорской, жене Мих.Ю. Вьельгорского. Очевидно, оно представляет собою ответ на не дошедшее до нас письмо Л. Вьельгорской к Гоголю; о нем упоминал писатель в письмах к Вьельгорским от 22 октября 1846 г. «Что вы, моя старшая графиня... после вашего длинного письма, исполненного гнева на современный порядок вещей (за которое потом вас побрано), вдруг затихнули и отдыхаете на лаврах?» Письмо Гоголя не было пропущено цензурой. Впервые опубликовано П.И. Бартевым в «Русском архиве» (1866), а затем Ф. Чижовым в кн.: Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя. Второе издание его наследников, пополненное по рукописи автора. Т. 3. М., 1867. С. 472—474.

Графиня Луиза Карловна *Вьельгорская* (урожд. принцесса Бирон, 1791—1853), с которой Гоголь поддерживал дружеские отношения, — жена композитора графа Вьельгорского Михаила Юрьевича (1794—1866) (*примеч. составителей*).

¹⁵ В этих словах отразились впечатления Гоголя — свидетеля приближающихся революционных событий 1848 г.

¹⁶ Спасайся, кто может (*фр.*).

¹⁷ Имеется в виду Книга Премудрости Соломона (гл. 17).

¹⁸ Речь идет о Софье Михайловне (в замужестве Соллогуб), Анне Михайловне (в замужестве Шаховской) и Аполлинарии Михайловне (в замужестве Веневитиновой) Вьельгорских.

¹⁹ Кого подразумевает Гоголь, неизвестно.

²⁰ XXVII. БЛИЗОРУКОМУ ПРИЯТЕЛЮ

Адресат письма не установлен. При печатании письма цензура внесла много мелких поправок, преследующих цель смягчить гоголевскую критику современного положения в России (например, «государственные люди» — было исправлено: «замечательные люди»; «человеком государственным» исправлено: «человеком замечательным» и т.д.).

²¹ Парафраз стихов из «Полтавы» Пушкина («Так тяжкий млат, // Дробя стекло, кует булат»).

²² XXVIII. ЗАНИМАЮЩЕМУ ВАЖНОЕ МЕСТО

Адресат письма не известен. Как отметил еще Н. Тихонравов, в основе письма лежат беседы, которые вел Гоголь с А.П. Толстым (см. о нем в комментарии к письму III. Значение болезней). Начальные строки письма («Во имя Бога берите

всякую должность...») напоминают тот совет поступить на службу, с которым Гоголь, по его словам, обратился к А. Толстому. «Видя его тоскующую душу и безотрадные жалобы на жизнь... я старался подвигнуть его на деятельность и на взятие должности внутри России, мысля, что должность, взятая в смысле поприща для подвигов христианских, может дать пищу душе его. <...> Об этом я писал к нему действительно письма, которые, я не знаю почему, не попали в мою книгу и не пропущены, тогда как, по моему убеждению, они гораздо полезнее и нужнее всех помещенных» (письмо к М. Константиновскому от 9 мая 1847 г. из Неаполя).

Многие места в настоящем письме бескомпромиссностью критики, ощущением острого неблагополучия в стране напоминают речь генерал-губернатора в последней из сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ». Проведем лишь одну параллель. В письме: «...завелись такие лихоимства, которых истребить нет никаких средств человеческих. Знаю и то, что образовался другой незаконный ход действий мимо законов государства...» и т.д. В «Мертвых душах»: «Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаниями нельзя искоренить неправды, она слишком уже глубоко вкоренилась...» (характерен своеобразный риторический зачин: «Знаю, что...», многократно использованный в речи генерал-губернатора).

Статья «Занимающему важное место» не была пропущена цензурой. Впервые опубликована Ф. Чижовым в кн.: Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя. Второе издание его наследников, пополненное по рукописи автора. Т. 3. М., 1867. С. 478—498.

²³ Имеются в виду участники кавказских войн под командованием генерала П.Д. Цицианова (1754—1806) и под командованием генерала А.П. Ермолова (1777—1861).

²⁴ Совестный суд — разновидность суда в губернии; «совестный судья» мог принимать решение не только по закону, но и по собственной совести.

²⁵ «Целизна, челизна — непаханное место» (записная книжка Гоголя 1841—1845 гг.). Здесь слово употреблено в смысле «целостность» (*примеч. составителей*).

²⁶ Возможно, намек на восстание декабристов в 1825 г.

²⁷ Гоголь разделяет весьма распространенное в то время мнение о коренном отличии русской истории от западноевропейской: в России не было завоевания одного народа другим, варяги явились добровольными избранными — все это якобы создавало основу общенациональной гармонии. Ср. дневниковую запись С. Шевырева 1831 г.: «Россия основана не завоеванием, а добровольным уступлением власти варягам. В этом, мне кажется, должен быть главный источник различий» (опубл. И.М. Тойбиным — см. кн.: Проблемы историзма в художественной литературе. Курск, 1975. С. 37).

Запись С.П. Шевырева отражает содержание бесед с его другом — историком М.П. Погодиным, который в своих работах развернул целую систему аргументации в пользу «призвания» власти на Руси (см.: *Погодин М.П. Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев; подготовка текстов А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев, Е.П. Харченко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 87, 98, 121, 250*) (*примеч. составителей*).

²⁸ XXXII. СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Заключительная статья «Выбранных мест из переписки с друзьями». Как и многие другие разделы книги, статья подверглась цензурной правке: была смягчена критика общественной жизни, нравов, обычаев России. См.: *Анненкова Е.И. «Светлое Воскресенье» Гоголя: тема и жанр // Гоголевский сборник. Вып. 2 (4). СПб.; Самара, 2005. С. 148—160.*

Белинский Виссарион Григорьевич, литературный критик, публицист

Родился 30.05.1811 в крепости Свеаборг, в семье флотского лекаря. В 1816 семья переехала в уездный город Чембар. В 1822 был отдан в Чембарское уездное училище, в 1825—1828 учился в Пензенской губернской гимназии, курса не окончил. В 1829 поступил на словесное отделение философского факультета Московского университета. Был исключен из университета в 1832 «по неспособности». В 1833—1839 участвовал в философском кружке Н.В. Станкевича. В 1833—1834 давал частные уроки, работал литературным секретарем, занимался переводами. В 1834—1836 стал ведущим литературным критиком журнала «Телескоп» и приложения к нему газеты «Молва», в которой опубликовал первую свою серьезную работу «Литературные мечтания. Элегия в прозе» (1834). В 1836 провел несколько месяцев в тверском имении Бакуниных Прямухиных. В 1837 осуществил неудачный опыт издания «Основания русской грамматики, для первоначального обучения, составленные Виссарионом Белинским», тяжело заболел и вынужден был уехать на лечение на Кавказ. В начале 1838 стал негласным редактором журнала «Московский наблюдатель», преподавал русский язык в Константиновском Межевом Институте. В конце 1839 переехал в Санкт-Петербург, в 1840—1846 вел критический отдел в журнале «Отечественные записки». В 1846 совершил путешествие по России, по возвращении в Санкт-Петербург стал постоянным сотрудником журнала «Современник». В «Отечественных записках» и «Современнике» вел острую полемику со славянофилами, иногда принимавшую неприличные формы. В 1847 выехал за границу на лечение. В июле 1847 в Зальцбрунне написал «Письмо к Гоголю» по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями». Послание это стало «политическим завещанием» критика, оно распространялось в списках и произвело большой общественный резонанс. Умер 26.05.1848 в Санкт-Петербурге.

СОЧИНЕНИЯ

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953—1959.

Белинский В.Г. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

ЛИТЕРАТУРА

Богучарский В.Я. Три западника сороковых годов (П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский и А.И. Герцен). СПб., 1901.

Нечаева В.С. В.Г. Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности: 1811—1830. М., 1949.

Нечаева В.С. В.Г. Белинский: Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве»: 1829—1836. М., 1954.

Нечаева В.С. В.Г. Белинский: Жизнь и творчество: 1836—1841. М., 1961.

Нечаева В.С. В.Г. Белинский: Жизнь и творчество: 1842—1846. М., 1967.

Сараева Е.Л. Русское западничество: идеология национального самоопределения. Ярославль, 2009.

Тихонова Е.Ю. Русские мыслители о В.Г. Белинском. 2-я половина XIX — 1-я половина XX в. М., 2009.

Тихонова Е.Ю. Человек без маски. В.Г. Белинский. Грани творчества. М., 2006.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕЧТАНИЯ

(Элегия в прозе)¹

Я правду о тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи.
Вот, брат, рекомендую:
Как таких людей учтивее зовут?..

Грибоедов. «Горе от ума»

Есть ли у вас хорошие книги?

— Нет, но у нас есть великие писатели.

— Так по крайней мере у вас есть словесность?

— Напротив, у нас есть только книжная торговля.

Барон Брамбеус²

Помните ли вы то блаженное время, когда в нашей литературе пробудилось было какое-то дыхание жизни, когда появлялся талант за талантом, поэма за поэмою, роман за романом, журнал за журналом, альманах за альманахом; то прекрасное время, когда мы так гордились настоящим, так лелеяли себя будущим, и, гордые нашею действительностию, а еще более сладостными надеждами, твердо были уверены, что имеем своих Байронов, Шекспиров, Шиллеров, Валь-

тер Скоттов? Увы! где ты, о *bon vieux temps*³, где вы, мечты отрадные, где ты, надежда—обольститель! Как все переменялось в столь короткое время! Какое ужасное, раздирающее душу разочарование после столь сильного, столь сладкого обольщения! Подломились ходульки наших литературных атлетов, рухнули соломенные подмости, на кои, бывало, карабкалась золотая посредственность, а вместе с тем умолкли, заснули, исчезли и те немногие и небольшие дарования, которыми мы так обольщались во время оно. Мы спали и видели себя Крезами, а проснулись Ирами!⁴

[...]

(III)

La verite! la veritel rien plus que la veritel⁵

[...]

Французы называют литературу *выражением общества*; это определение не ново: оно давно нам знакомо. Но справедливо ли оно? Это другой вопрос. Если под словом *общество* должно разуметь избранный круг образованнейших людей, или, короче сказать, *большой свет*, *beau monde*⁶, тогда это определение будет иметь свое значение, свой смысл, и смысл глубокий, но только у одних французов. Каждый народ,сообразно с своим характером, происходящим от местности, от единства или разнообразия элементов, из коих образовалась его жизнь, и исторических обстоятельств, при коих она развилась, играет в великом семействе человеческого рода свою особенную, назначенную ему провидением роль и вносит в общую сокровищницу его успехов на поприще самосовершенствования свою долю, свой вклад; другими словами: каждый народ выражает собою одну какую-нибудь сторону жизни человечества. Таким образом, *немцы* завладели беспредельною областью умозрения и анализа, *англичане* отличаются практическою деятельностью, *итальянцы* художественным направлением.

Немец все подводит под общий взгляд, все выводит из одного начала; *англичанин* переплывает моря, прокладывает дороги, проводит каналы, торгует со всем светом, заводит колонии и во всем опирается на опыт, на расчет; жизнь *итальянца* прежних времен была любовь и творчество, творчество и любовь. Направление *французов* есть жизнь, жизнь практическая, кипучая, беспокойная, вечно движущаяся. *Немец* творит мысль, открывает новую истину; *француз* ею пользуется, проживает, издерживает ее, так сказать. *Немцы* обогащают человечество идеями; *англичане* изобретениями, служащими к удобствам жизни; *французы* дают нам законы моды, предписывают правила обхождения, вежливости, хорошего тона. Словом: жизнь *француза* есть

жизнь общественная, паркетная; паркет есть его поприще, на котором он блистает блеском своего ума, познаний, талантов, остроумия, образованности. Для *французов* бал, собрание — то же, что для *греков* была *площадь* или *игры олимпийские*: это битва, турнир, где, вместо оружия, сражаются умом, остроюю, образованностию, просвещением, где честолюбие отражается честолюбием, где много ломается копий, много выигрывается и проигрывается побед. Вот отчего ни один народ не может сравняться с французами в этой обходительности, в этой изящной ловкости и любезности, для выражения которых словами опять-таки способен только один французский язык; вот отчего, все усилия европейских народов сравняться в сем отношении с французами всегда оставались тщетными; вот отчего все другие общества всегда были, суть и будут смешными карикатурами, жалкими пародиями, злыми эпитафиями на французское общество; вот почему, говорю я, это определение словесности, вследствие которого она должна быть *выражением общества*, так глубоко и верно у французов. Их литература всегда была верным отражением, зеркалом общества, всегда шла с ним рука об руку, забывая о массе народа, ибо их общество есть высочайшее проявление их народного духа, их народной жизни. Для писателей французских общество есть школа, в которой они учатся языку, заимствуют образ мыслей и которое они изображают в своих творениях. Совсем не так у других народов. В Германии, например, не тот учен, кто богат или вхож в лучшие дома и блистательнейшие общества; напротив, гений Германии любит чердаки бедняков, скромные углы студентов, убогие жилища пасторов. Там все пишет или читает, там публика считается миллионами, а писатели тысячами; словом: там литература есть выражение не общества, но народа. Таким же образом, хотя и не вследствие таких же причин, литературы и других народов не суть выражение общества, но выражение духа народного; ибо нет ни одного народа, жизнь которого преимущественно проявлялась бы в обществе, и можно сказать утвердительно, что Франция составляет в сем случае единственное исключение. Итак, литература непременно должна быть выражением-символом внутренней жизни народа. Впрочем, это совсем не есть ее определение, но одно из необходимейших ее принадлежностей и условий. Прежде нежели я буду говорить о России в сем отношении, почитаю необходимым изложить здесь мои понятия об *искусстве* вообще. Я хочу, чтобы читатели видели, с какой точки зрения смотрю я на предмет, о котором вызвался судить, и вследствие каких причин я принимаю то или другое так, а не этак.

Весь беспредельный, прекрасный Божий мир есть не что иное, как дыхание единой, вечной *идеи* (мысли Единого, вечного Бога), проявляющейся в бесчисленных формах, как великое зрелище абсо-

лютного единства в бесконечном разнообразии. Только пламенное чувство смертного может постигать, в свои светлые мгновения, как велико *тело* этой души вселенной, сердце которого составляют громадные солнца, жилы — пути млечные, а кровь — чистый эфир. Для этой *идеи* нет покоя: она живет беспрестанно, то есть беспрестанно творит, чтобы разрушать, и разрушает, чтобы творить. Она воплощается в блестящее солнце, в великолепную планету, в блудящую комету; она живет и дышит — и в бурных приливах и отливах морей, и в свирепом урагане пустынь, и в шелесте листьев, и в журчании ручья, и в рыкании льва, и в слезе младенца, и в улыбке красота, и в воле человека, и в стройных созданиях гения... Кружится колесо времени с быстротою непостижимой, в безбрежных равнинах неба потухают светила, как истощившиеся вулканы, и задвигаются новые; на земле проходят роды и поколения и заменяются новыми, смерть истребляет жизнь, жизнь уничтожает смерть; силы природы борются, враждуют и умиротворяются силами посредствующими, и гармония царствует в этом вечном брожении, в этой борьбе начал и веществ. Так — *идея* живет: мы ясно видим это нашими слабыми глазами. Она мудра, ибо все предвидит, все держит в равновесии; за наводнением и за лавою ниспосылает плодородие, за опустошительною грозой чистоту и свежесть воздуха, в пустынях песчаной Аравии и Африки поселила верблюда и страуса, в пустынях ледяного Севера поселила оленя. Вот ее мудрость, вот ее жизнь физическая: где же ее любовь? Бог создал *человека* и дал ему ум и чувство, да постигает сию идею своим умом и знанием, да приобщается к *ее* жизни в живом и горячем сочувствии, да разделяет *ее* жизнь в чувстве бесконечной, жидущей любви! Итак, она не только мудра, но и любяща! Гордись, гордись, человек, своим высоким назначением; но не забывай, что божественная *идея*, тебя родившая, справедлива и правосудна, что она дала тебе ум и волю, которые ставят тебя выше всего творения, что она в тебе живет, а жизнь есть действие, а действие есть борьба; не забывай, что твое бесконечное, высочайшее блаженство состоит в уничтожении твоего я в чувстве любви. Итак, вот тебе две дороги, два неизбежные пути: отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри ногами твое своекорыстное я, дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжким крестом выстрадай твое соединение с Богом, твое бессмертие, которое должно состоять в уничтожении твоего я, в чувстве беспредельного блаженства!.. Что? Ты не решаешься? Этот подвиг тебя страшит, кажется тебе не по силам?.. Ну, так вот тебе другой путь, он шире, спокойнее, легче: люби самого себя больше всего на свете; плачь, делай добро лишь из выгоды, не бойся зла, когда оно приносит тебе пользу. Помни это прави-

ло: с ним тебе везде будет тепло! Если ты рожден сильным земли, гни твой *хребет*, ползи змеею между тиграми, бросайся тигром между овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обремени лавровыми венцами, рамена согни под грузом незаслуженных почестей и титул. Весела и блестяща будет жизнь твоя; ты не узнаешь, что такое холод или голод, что такое угнетение и оскорбление, все будет трепетать тебя, везде покорность и услужливость, отвсюду лесть и хваления, и поэт напишет тебе послание и оду, где сравнит тебя с полубогами, и журналист прокричит во всеуслышание, что ты покровитель слабых и сирых, столп и опора отечества, правая рука государя! Какая тебе нужда, что в душе твоей каждую минуту будет разыгрываться ужасная, кровавая драма, что ты будешь в беспрестанном раздоре с самим собою, что в душе твоей будет слишком жарко, а в сердце слишком холодно, что вопли угнетенных тобою будут преследовать тебя и на светлом пиру и на мягком ложе сна, что тени погубленных тобою окружают твой болезненный одр, составят около него адскую пляску и с яростным хохотом будут веселиться твоими последними, предсмертными страданиями, что перед твоими взорами откроется ужасная картина нравственного уничтожения за гробом, мук вечных!.. Э, любезный мой, ты прав: жизнь — сон, и не увидишь, как пройдет!.. Зато весело поживешь, сладко поешь, мягко поспишь, повластвуешь над своими ближними, а ведь это чего-нибудь да стоит! — Если же, при твоём рождении, природа возложила на твое чело печать гения, дала тебе вещие уста пророка и сладкий голос поэта, если миродержавные судьбы обрекли тебя быть двигателем человечества, апостолом истины и знания, вот опять перед тобою два неизбежные пути. Сочувствуй природе, люби и изучай ее, твори бескорыстно, трудись безвозмездно, отвержай души ближних для впечатлений благого и истинного, избличай порок и невежество, терпи гонения злых, ешь хлеб, смоченный слезами, и не своди задумчивого взора с прекрасного, родного тебе неба. Трудно? тяжело?.. Ну так торгуй твоим Божественным Даром, положи цену на каждое вещее слово, которое ниспосылает тебе Бог в святые минуты вдохновения: покупщики найдутся, будут платить тебе щедро, а ты лишь умей кадить кадилом лести, умей склонять во прах твое венчанное чело, забудь о славе, о бессмертии, о потомстве, довольствуйся тем, если услужливая рука торговца-журналиста провозгласит о тебе, что ты великий поэт, гений, Байрон, Гете⁷!..

Вот нравственная жизнь вечной *идеи*. Проявление ее — борьба между добром и злом, любовью и эгоизмом, как в жизни физической противоборство силы сжимательной и расширительной. Без борьбы нет заслуги, без заслуги нет награды, а без действия нет жизни! Что представляют собою индивидуумы, то же представляет и человечество: оно борется ежеминутно и ежеминутно улучшается. Потоки

варваров, нахлынувших из Азии в Европу, вместо того чтобы подавить жизнь, воскресили ее, обновили дряхлеющий мир; из гнилого трупы Римской империи возникли мощные народы, сделавшиеся сосудом благодати... Что означают походы Александров, беспокойная деятельность Цезарей, Карлов⁸? — Движение вечной идеи, которой жизнь состоит в непрерывной деятельности...

[...]

Да, искусство есть выражение великой идеи вселенной в ее бесконечно разнообразных явлениях! Прекрасно было где-то сказано, что повесть есть краткий эпизод из бесконечной поэмы судеб человеческих!⁹ Под это определение повести подходят все роды художественных созданий. Все искусство поэта должно состоять в том, чтобы поставить читателя на такую точку зрения, с которой бы ему видна была вся природа в сокращении, в миниатюре, как земной шар на ландкарте¹⁰, чтобы дать ему почувствовать веяние, дыхание этой жизни, которая одушевляет вселенную, сообщить его душе этот огонь, который согревает ее. Наслаждение же изящным должно состоять в минутном забвении нашего я, в живом сочувствии с общею жизнью природы; и поэт всегда достигнет этой прекрасной цели, если его произведение есть плод возвышенного ума и горячего чувства, если оно свободно и безотчетно вылилось из его души...

(IV)

Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев!
Воскреснем ли когда от чужевластья мод,
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев!

«Горе от ума». Действие III

Итак, теперь должно решить следующий вопрос: что такое наша литература: выражение общества или выражение духа народного? Решение этого вопроса будет историей нашей литературы и вместе историей постепенного хода нашего общества со времен Петра Великого. Верный моему слову, я не буду говорить, с чего начинались литературы всех народов и как они развивались, ибо это должно быть общим местом для всякого читающего человека.

Каждый народ, вследствие непреложного закона провидения, должен выражать своею жизнью одну какую-нибудь сторону жизни целого человечества; в противном случае этот народ не живет, а только прозябает, и его существование ни к чему не служит. Односторонность вредна для всякого человека, в частности, вредна для всего че-

ловечества. Когда весь мир сделался Римом, когда все народы начали мыслить и чувствовать по-римски, тогда прервался ход человеческого ума, ибо для него уже не стало более цели, ибо ему казалось, что он уже дошел до геркулесовских столбов своего поприща. Утомленный властелин мира опочил на своих лаврах: жизнь его кончилась, ибо кончилась его деятельность, стремление к которой проявлялось у него только в одних беспутных оргиях. Он сделал ужасную ошибку, думая, что вне Рима, наследовавшего, по праву завоевания, сокровища греческого образования, нет мира, нет света, нет просвещения! Бедственное заблуждение! Оно было одною из важнейших причин нравственной смерти сего великого колосса. Для обновления человечества надобно было, чтобы этот хаос смерти и тления огласился благодатным словом Сына Человеческого: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы!»¹¹ Надобно было, чтобы толпы варваров разрушили это колоссальное могущество, размежевали его своим мечом на множество могуществ, приняли слово и пошли каждый своим особенным путем к единой цели.

Да только идя по разным дорогам, человечество может достигнуть своей единой цели; только живя самобытною жизнью, может каждый народ принести свою долю в общую сокровищницу. В чем же состоит эта самобытность каждого народа? В особенном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взгляде на предметы, в религии, языке и более всего в *обычаях*. Все эти обстоятельства чрезвычайно важны, тесно соединены между собою и обуславливают друг друга, и все проистекают из одного общего источника — причины всех причин — *климата и местности*. Между сими отличиями каждого народа обычаи играют едва ли не самую важную роль, составляют едва ли не самую характеристическую черту оных. Невозможно представить себе народа без религиозных понятий, облеченных в формы богослужения; невозможно представить себе народа, не имеющего одного общего для всех сословий языка; но еще менее возможно представить себе народ, не имеющий особенных, одному ему свойственных обычаев. Эти обычаи состоят в образе одежды, прототип которой находится в климате страны; в формах домашней и общественной жизни, причина коих скрывается в верованиях, поверьях и понятиях народа, в формах обращения между неделимыми государства, оттенки которых проистекают от гражданских постановлений и различия сословий. Все эти обычаи укрепляются давностию, освящаются временем и переходят из рода в род, от поколения к поколению, как наследие потомков от предков. Они составляют физиономию народа, и без них народ есть образ без лица, мечта, небывалая и несбыточная. Чем младенственнее народ, тем резче и цветное его обычаи, и тем большую

полагает он в них важность; время и просвещение подводят их под общий уровень; но они могут изменяться не иначе, как тихо, незаметно, и притом один по одному. Надобно, чтобы сам народ добровольно отказывался от некоторых из них и принимал новые; но и тут своя борьба, свои битвы на смерть, свои староверы и раскольники, классики и романтики. Народ крепко дорожит обычаями, как своим священнейшим достоянием, и посягательство на внезапную и решительную реформу оных без своего согласия почитает посягательством на свое бытие. Посмотрите на Китай: там масса народа исповедует несколько различных вер; высшее сословие, мандарины не знают никакой и только из приличия исполняют религиозные обряды; но какое у них единство и общность обычаев, какая самостоятельность, особность и характерность! как упорно они их держатся! Да, обычаи — дело святое, неприкосновенное и не подлежащее никакой власти, кроме силы обстоятельств и успехов в просвещении! Человек, самый развратный, закоренелый в пороках, смеющийся над всем святым, покоряется обычаям, даже внутренне смеясь над ними. Разрушите их внезапно, не заменив тотчас же новыми: и вы разрушите все опоры, разорвете все связи общества, словом, уничтожите народ. Почему это так? Потому же самому, почему рыбе привольно в воде, птице в воздухе, зверю на земле, гадине под землею. Народ, насильственно введенный в чуждую ему сферу, похож на связанного человека, которого бичом понуждают к бегу. Всякой народ может перенимать у другого, но он необходимо налагает печать собственного гения на эти *займы*, которые у него принимают характер *подражаний*. В этом-то стремлении к самостоятельности и оригинальности, проявляющемся в любви к родным обычаям, заключается причина взаимной ненависти у народов младенчествующих. Вследствие сей-то причины русский называл, бывало, немца нехристью, а турок еще и теперь почитает поганым всякого франкам, не хочет есть с ним из одного блюда: религия в сем случае играет не исключительно главную роль.

На востоке Европы, на рубеже двух частей мира, провидение поселило народ, резко отличающийся от своих западных соседей. Его колыбелью был светлый юг; меч азиатца-русса дал ему имя; издыхающая Византия завещала ему благодатное слово спасения; оковы татарина связали крепкими узами его разъединенные части, рука ханов спаяла их его же кровию; Иоанн III¹² научил его бояться, любить и слушаться своего царя, заставил его смотреть на царя как на провидение, как на верховную судьбу, карающую и милующую по единой своей воле и признающую над собою единую Божию волю. И этот народ стал хладен и спокоен, как снега его родины, когда мирно жил в своей хижине; быстр и грозен, как небесный гром его краткого, но

палящего лета, когда рука царя показывала ему врага; удал и разгулен, как вьюги и непогоды его зимы, когда пировал на своей воле; неповоротлив и ленив, как медведь его непроходимых дебрей, когда у него было много хлеба и браги; смышлен, сметлив и лукав, как кошка, его домашний пенат, когда нужда учила его есть калачи. Крепко стоял он за церковь Божию, за веру праотцев, непоколебимо был верен батюшке царю православному; его любимая поговорка была: *мы все Божии да царевы*; Бог и царь, воля Божия и воля царева слились в его понятии воедино. Свято хранил он простые и грубые нравы прадедов и от чистого сердца почитал иноземные обычаи *дьявольским наваждением*. Но этим и ограничивалась вся поэзия его жизни: ибо ум его был погружен в тихую дремоту и никогда не выступал из своих заветных рубежей; ибо он не преклонял колен перед женщиною, и его гордая и дикая сила требовала от ней рабской покорности, а не сладкой взаимности; ибо быт его был однообразен, ибо только буйные игры и удалая охота оцветляли этот быт; ибо только одна война возбуждала всю мощь его хладной, железной души, ибо только на кровавом раздолье битв она бушевала и веселилась на всей своей воле. Это была жизнь самобытная и характерная, но односторонняя и изолированная. В то время, когда деятельная, кипучая жизнь старейших представителей человеческого рода двигалась вперед с пестрою неимоверною, они ни одним колесом не зацеплялись за пружины ее хода. Итак, этому народу надобно было приобщиться к общей жизни человечества, составить часть великого семейства человеческого рода. И вот у этого народа явился царь¹³ мудрый и великий, кроткий без слабости, грозный без тиранства; он первый заметил, что немецкие люди не басурманы, что у них есть много такого, что пригодилось бы и его подданным, есть много такого, что им совершенно ни к чему не годится. И вот он начал ласкать людей немецких и прикармливать их своим хлебом-солью, указал своим людям перенимать у них их хитрые художества. Он построил ботик и хотел пуститься в море, доселе для его народа страшное и неведомое; он приказал заморским комедиантам тешить свое царское величество, крепко-накрепко заказав между тем православному русскому человеку, под опасением лишения носа, нюхать табак, траву поганую и проклятую. Можно сказать, что в его время Русь впервые почувала у себя заморский дух, которого дотоле было видом не видать, слухом не слышать. И вот умер этот добрый царь, а на престол взошел юный сын его¹⁴, который, подобно богатырям Владимировых времен, еще в детстве бросал за облака стопудовые палицы, гнул их руками, ломал их о коленки. Это была олицетворенная мощь, олицетворенный идеал русского народа в деятельные мгновения его жизни; это был один из тех

исполинов, которые поднимали на рамена свои шар земной. Для его железной воли, не знавшей препон, была только одна цель — благо народа. Задумал он думу крепкую, а задумать для него значило — исполнить. Увидел чудеса и дива заморские и захотел пересадить их на родную почву, не думая о том, что эта почва была слишком еще жестка для иноземных растений, что не по ним была и зима русская; увидел он вековые плоды просвещения и захотел в одну минуту присвоить их своему народу. Додумано — сказано, сказано — сделано: русский не любит ждать. Ну — русский человек, *снаряжайся, по царскому наказу, боярскому приказу, по немецкому маниру...*¹⁵ Прочь, достопочтенные окладистые бороды! Прости и ты, простая и благородная стрижка волос в кружало, ты, которая так хорошо шла к этим почтенным бородам! Тебя заменили огромные парики, осыпанные мукою! Простите, долгополые охабни¹⁶ наших бояр, выложенные, обшитые серебром и золотом! Вас заменили кафтаны и камзолы со штанами и ботфортами! Прости и ты, прекрасный, поэтический сарафан наших боярынь и боярышень, и ты, кисейная рубашка с пышными рукавами, и ты, высокий, униженный жемчугом повойник¹⁷ — простой, чародейский наряд, который так хорошо шел к высоким грудям и яркому румянцу наших белоликих и голубооких красавиц! Тебя заменили робы с фижмами, роброндами¹⁸ и длинными, предлинными хвостами! Белила и румяна, потеснитесь немножко, дайте место черным мушкам! Простите и вы, заунывные русские песни, и ты, благородная и грациозная пляска: не ворковать уж нашим красавицам голубками, не заливатьсь соловьем, не плавать по полу павами! Нет! Пошли арии и романсы с выводом верхних ноток:

...Бог мой!

Приди в чертог ко мне златой!¹⁹

пошла живописная ломка: в менуэтах, сладострастное круженье в вальсах...

И все завертелось, все закружилось, все помчалось стремглав. Казалось, что Русь в тридцать лет хотела вознаградить себя за целые столетия неподвижности. Будто по манию волшебного жезла, маленький ботик царя Алексея превратился в грозный флот императора Петра, непокорные дружины стрельцов в стройные полки. На стенах Азова была брошена перчатка Порте: горе тебе, луна двурогая! На полях Лесного и берегах Ворсклы был жестоко отомщен позор Нарвской битвы: спасибо Меншикову, спасибо Данилычу!²⁰ Каналы и дороги начали прорезывать девственную почву земли русской, зашевелилась торговля; застучали молоты, захлопали станы: зашевелилась промышленность!

Да — много было сделано великого, полезного и славного! Петр был совершенно прав: ему некогда было ждать. Он знал, что ему не два века жить, и потому спешил жить, а жить для него значило творить. Но народ смотрел иначе. Долго он спал, и вдруг могучая рука прервала его богатырский сон: с трудом раскрыл он свои отяжелевшие вежды и с удивлением увидел, что к нему ворвались чужеземные обычаи, как незваные гости, не снявши сапог, не помолясь святым иконам, не поклонившись хозяину; что они вцепились ему в бороду, которая была для него дороже головы, и вырвали ее; сорвали с него величественную одежду и надели шутовскую, исказили и испестрили его девственный язык и нагло наругались над святыми обычаями его праотцев, над его душевными верованиями и привычками; увидел — и ужаснулся... Неловко, непривычно и неподручно было русскому человеку ходить, заложа руки в карманы; он спотыкался, подходя к ручкам дам, падал, стараясь хорошенько расшаркнуться. Заняв формы европеизма, он сделался только пародией европейца. Просвещение, подобно заветному слову искупления, должно приниматься с благоразумною постепенностью, по сердечному убеждению, без оскорбления святых, праотческих нравов: таков закон провидения!.. Поверьте, что русский народ никогда не был заклятым врагом просвещения, он всегда готов был учиться; только ему нужно было начать свое учение с азбуки, а не с философии, с училища, а не с академии. Борода не мешает считать звезды: это известно в Курске²¹.

Какое ж следствие вышло из всего этого? Масса народа упорно осталась тем, что и была; но общество пошло по пути, на который ринула его мощная рука гения.

[...]

(V)

Вперед, вперед, моя история!²²

Пушкин

Итак, *народ*, или, лучше сказать, масса народа и *общество* пошли у нас врозь. Первый остался при своей прежней, грубой и полудикой жизни и при своих заунывных песнях, в коих изливалась его душа в горе и в радости; второе же видимо изменялось, если не улучшалось, забыло все русское, забыло даже *говорить русский язык*, забыло поэтические предания и вымыслы своей родины, эти прекрасные песни, полные глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого, и создало себе литературу, которая была верным его зеркалом. Надобно заметить, что как *масса народа*, так и *общество* подразделились, особенно последнее, на множество видов, на множество степеней. Пер-

вая показала некоторые признаки жизни и движения в сословиях, находившихся в непосредственных сношениях с *обществом*, в сословиях людей городских, ремесленников, мелких торговцев и промышленников. Нужда и соперничество иноземцев, поселившихся в России, сделали их деятельными и оборотливыми, когда дело шло о выгоде; заставили их покинуть старинную лень и запечную недвижность и пробудили стремление к улучшениям и нововведениям, дотоле для них столь ненавистным; их фанатическая ненависть к *немецким людям* ослабевала со дня на день и наконец теперь совсем исчезла; они кое-как понаучились даже грамоте и крепче прежнего уцепились обеими руками за мудрое правило, завещанное им от праотцев: ученье свет, а неученье тьма... Это обещает много хорошего в будущем, тем более что сии сословия ни на волос не утратили своей народной физиономии. Что касается до нижнего слоя общества, то есть *среднего состояния*, оно разделилось в свою очередь на множество родов и видов, между коими по своему большинству занимают самое видное место так называемые *разночинцы*.²³ Это сословие наиболее обмануло надежды Петра Великого: грамоте оно всегда училось на *железные гроши*, свою русскую смышленность и сметливость обратило на предосудительное ремесло *толковать указы*; выучившись кланяться и подходить к ручке дам, не разучилось своими благородными руками исполнять неблагородные экзекуции. Высшее ж сословие общества из всех сил ударилось в подражание, или, лучше сказать, передражниванье иностранцев...

[...]

(VI)

Была пора: Екатеринин век,
В нем ожила всей древней Руси слава:
Те дни, когда громил Царьград Олег,
И выл Дунай под лодкой Святослава;
Рымник, Чесма, Кагульский бой,
Орлы во граде Леонида;
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой,
И в Праге, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида!

Жуковский²⁴

Воцарилась Екатерина Вторая, и для русского народа наступила эра новой, лучшей жизни. Ее царствование — это эпопея, эпопея гигантская и дерзкая по замыслу, величественная и смелая по созданию, обширная и полная по плану, блестящая и великолепная по изложению, эпопея, достойная Гомера или Тасса²⁵! Ее царствование — это

драма, драма многосложная и запутанная по завязке, живая и быстрая по ходу действия, пестрая и яркая по разнообразию характеров, греческая трагедия по царственному величию и исполинской силе героев, создание Шекспира по оригинальности и самоцветности персонажей, по разнообразности картин и их калейдоскопической подвижности, наконец, драма, зрелище которой исторгнет у вас невольно крики восторга и радости! С удивлением и даже с какою-то недоверчивостию смотрим мы на это время, которое так близко к нам, что еще живы некоторые из его представителей; которое так далеко от нас, что мы не можем видеть его ясно без помощи телескопа истории; которое так чудно и дивно в летописях мира, что мы готовы почесть его каким-то баснословным веком. Тогда, в первый еще раз после царя Алексия, проявился дух русский во всей своей богатырской силе, во всем своем удалом разгулье и, как говорится, *пошел писать*. Тогда-то народ русский, наконец освоившийся кое-как с тесными и не свойственными ему формами новой жизни, притерпевшийся к ним и почти помирившийся с ними, как бы покорясь приговору судьбы неизбежной и непреоборимой — воле Петра, в первый раз вздохнул свободно, улыбнулся весело, взглянул гордо — ибо его уже не гнали к великой цели, а вели с его спросу и согласия, ибо умолкло грозное *слово и дело*, и вместо его раздается с трона голос, говоривший: «Лучше прощу десять виновных, нежели накажу одного невинного; мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что мы живем для нашего народа; сохрани Боже, чтобы какой-нибудь народ был счастливее российского»²⁶; ибо с «Уставом о рангах» и «Дворянскую грамотою»²⁷ соединилась неприкосновенность прав благородства; ибо, наконец, слух Руси лелеется беспрестанными громами побед и завоеваний. Тогда-то проснулся русский ум, и вот заводятся школы, издаются все необходимые для первоначального обучения книги, переводятся все хорошее со всех европейских языков; разыгрался русский меч, и вот потрясаются монархии в своем основании, сокрушаются царства и сливаются с Русью!..

Знаете ли, в чем состоял отличительный характер века Екатерины II, этой великой эпохи, этого светлого момента жизни русского народа? Мне кажется, в *народности*. Да — в *народности*, ибо тогда Русь, стараясь по-прежнему подделываться под чужой лад, как будто назло самой себе, оставалась Русью. Вспомните этих важных радушных бояр, дома которых походили на всемирные гостиницы, куда приходил званный и незванный и, не кланяясь хлебосольному хозяину, садился за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за питья медовые; этих величавых и гордых вельмож, которые любили жить *нараспашку*, жилища которых походили на царские палаты рус-

ских сказок, которые имели свой штат царедворцев, поклонников и ласкателей, которые сожигали фейерверки из облигаций правительства; которые умели попить и повеселиться по старинному дедовскому обычаю, от всей русской души, но умели и постоять за свою матушку и мечом и пером: не скажете ли вы, что это была жизнь самостоятельная, общество оригинальное? Вспомните этого Суворова²⁸, который не знал войны, но которого война знала; Потемкина²⁹, который грыз ногти на пирах и, между шуток, решал в уме судьбы народов; этого Безбородко³⁰, который, говорят, с похмелья читал матушке на белых листах дипломатические бумаги своего сочинения; этого Державина³¹, который в самых отчаянных своих подражаниях Горацию³², против воли, оставался Державиным и столько же походил на Августова поэта, сколько походит могучая русская зима на роскошное лето Италии: не скажете ли вы, что каждого из них природа отлила в особенную форму и, отливши, разбила вдребезги эту форму?... А можно ли быть оригинальным и самостоятельным, не будучи народным?... Отчего же это было так? Оттого, повторяю, что уму русскому был дан простор, оттого, что гений русский начал ходить с развязанными руками, оттого, что великая жена умела сродниться с духом своего народа, что она высоко уважала народное достоинство, дорожила всем русским до того, что сама писала разные сочинения на русском языке, дирижировала журналом³³ и за презрение к родному языку казнила подданных ужасною казнию — «Телемахидою»³⁴!..

Да — чудно, дивно было это время, но еще чуднее и дивнее было это общество! Какая смесь, пестрота, разнообразие! Сколько элементов разнородных, но связанных, но одушевленных единым духом! Безбожие и изуверство, грубость и утонченность, материализм и набожность, страсть к новизне и упорный фанатизм к старине, пиры и победы, роскошь и довольство, забавы и геркулесовские подвиги, великие умы, великие характеры всех цветов и образов, и, между ними, Недоросли, Простаковы, Тарасы Скотинины и Бригадиры³⁵; дворянство, удивляющее французский двор своею светскою образованностью, и дворянство, выходившее с холопами на разбой!..

[...]

(VII)

Amicus Plato, sed magis amica veritas.³⁶

[...]

Век Александра Благословенного, как и век Екатерины Великой, принадлежит к светлым мгновениям жизни русского народа и, в некотором отношении, был его продолжением. Это была жизнь беспеч-

ная и веселая, гордая настоящим, полная надежд на будущее. Мудрые узаконения и нововведения Екатерины укоренились и, так сказать, окрепли; новые благотворительные учреждения царя юного и кроткого упрочивали благосостояние Руси и быстро двигали ее вперед на поприще преуспеяния. В самом деле, сколько было сделано для просвещения! Сколько основано университетов, лицеев, гимназий, уездных и приходских училищ! И образование начало разливаться по всем классам народа, ибо оно сделалось более или менее доступным для всех классов народа. Покровительство просвещенного и образованного монарха, достойного внука Екатерины, отыскивало повсюду людей с талантами и давало им дорогу и средства действовать на избранном ими поприще. В это время еще впервые появилась мысль о необходимости иметь свою литературу. В царствование Екатерины литература существовала только при дворе; ею занимались потому, что государыня занималась ею. Плохо пришлось бы Державину, если бы ей не понравились его «Послание к Фелице» и «Вельможа»; плохо бы пришлось Фонвизину, если бы она не смеялась до слез над его «Бригадиром» и «Недорослем»; мало бы оказывалось уважения к певцу «Бога» и «Водопада», если бы он не был *действительным тайным советником и разных орденов кавалером*³⁷. При Александре все начали заниматься литературою, и титул стал отделяться от таланта. Явилось явление новое и доселе неслыханное: писатели сделались двигателями, руководителями и образователями общества; явились попытки создать язык и литературу. Но, увы! не было прочности и основательности в этих попытках; ибо попытка всегда предполагает расчет, а расчет предполагает волю, а воля часто идет наперекор обстоятельствам и разногласит с законами здравого смысла. Много было талантов и ни одного гения, и все литературные явления рождались не вследствие необходимости, произвольно и бессознательно, не вытекали из событий и духа народного. Не спрашивали: что и как нам должно было делать? Говорили: делайте так, как делают иностранцы, и вы будете хорошо делать. Удивительно ли после того, что, несмотря на все усилия создать язык и литературу, у нас не только тогда не было ни того ни другого, но даже нет и теперь! Удивительно ли, что при самом начале литературного движения у нас было так много литературных школ и не было ни одной истинной и основательной; что все они рождались, как грибы после дождя, и исчезали, подобно мыльным пузырям; и что мы, еще не имея никакой литературы, в полном смысле сего слова, уже успели быть и классиками и романтиками, и греками и римлянами, и французами и италиянцами, и немцами и англичанами?..

[...]

(X)

Еще одно последнее сказанье,
И летопись окончена моя!

Пушкин³⁸

[...]

Где же, спрашиваю вас, литература? У нас было много талантов и талантиков, но мало, слишком мало художников по призванию, то есть таких людей, для которых писать и жить, жить и писать одно и то же, которые уничтожаются вне искусства, которым не нужно протекций, не нужно меценатов, или, лучше сказать, которые гибнут от меценатов, которых не убивают ни деньги, ни отличия, ни несправедливости, которые до последнего вздоха остаются верными своему святому призванию. У нас была эпоха схоластицизма, была эпоха плаксивости, была эпоха стихотворства, эпоха романов и повестей, теперь наступила эпоха драмы; но еще не было эпохи искусства, эпохи литературы. Стихотворство наше кончилось; мода на романы видимо проходит; теперь терзаем драму. И все это без причины, все это из подражательности: когда же наступит у нас истинная эпоха искусства?

Она наступит, будьте в том уверены! Но для этого надо сперва, чтобы у нас образовалось общество, в котором бы выразилась физиономия могучего русского народа, надобно, чтобы у нас было просвещение, созданное нашими трудами, возвращенное на родной почве. У нас нет литературы: я повторяю это с восторгом, с наслаждением, ибо в сей истине вижу залог наших будущих успехов. Присмотритесь хорошенько к ходу нашего общества, и вы согласитесь, что я прав. Посмотрите, как новое поколение, разочаровавшись в гениальности и бессмертии наших литературных произведений, вместо того чтобы выдавать в свет незрелые творения, с жадностью предаются изучению наук и черпает живую воду просвещения в самом источнике. Век ребячества проходит видимо. И дай Бог, чтобы он прошел скорее! Но еще более, дай Бог, чтобы поскорее все разуверились в нашем литературном богатстве! Благородная нищета лучше мечтательного богатства! Придет время, просвещение разольется в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа. Но теперь нам нужно ученье! ученье! ученье! Скажите, Бога ради, может ли в наше время обратить на себя внимание какой-нибудь недоучившийся мальчик, хотя бы он был наделен от природы и умом, и чувством, и талантом? Этот вечный старец Гомер, если он точно существовал на свете, конечно, но учился ни в Академии, ни в Портике; но это потому, что тогда их и не было; это потому, что тогда учились из великой книги природы и жизни; а Гомер, если верить

преданиям, ревностно изучал природу и жизнь, обошел почти весь известный тогда свет и сосредоточил в лице своем всю современную мудрость. Гете — вот Гомер, вот прототип поэта нынешнего времени!

Итак, нам нужна не литература, которая без всяких с нашей стороны усилий явится в свое время, а просвещение! И это просвещение не законит благодаря неусыпным попечениям мудрого правительства. Русской народ смышлен и понятлив усерден и горяч ко всему благому и прекрасному, когда рука царя-отца указывает ему на цель, когда его державный голос призывает его к ней! И нам ли не достигнуть этой цели, когда правительство являет собою такой единственный, такой беспримерный образец попечительности о распространении просвещения, когда оно издерживает такие громадные суммы на содержание учебных заведений, ободряет блестящими наградами труды учащихся и учащих, открывая образованному уму и таланту путь к достижению всех отличий и выгод! Проходит ли хотя один год без того, чтобы со стороны неусыпного правительства не было совершено новых подвигов во благо просвещения, или новых благодеяний, новых щедрот в пользу ученого сословия? Одно учреждение сословия *домашних наставников и учителей* должно повлечь за собой неисчислимыя блага для России, ибо избавляет ее от вредных следствий иноземного воспитания. Да! у нас скоро будет *свое* русское, народное просвещение; мы скоро докажем, что не имеем нужды в чуждой умственной опеке. Нам легко это сделать, когда знаменитые сановники, сподвижники царя³⁹ на трудном поприще народоправления, являются посреди любознательного юношества в центральном храме русского просвещения возвещать ему священную волю монарха, указывать путь к просвещению в духе *православия, самодержавия и народности...*

Наше общество также близко к своему окончательному образованию. Благородное дворянство наконец вполне уверилось в необходимости давать своим детям образование прочное, основательное, в духе веры, верности и национальности. Наши молодчики, наши *денди*, не имеющие никаких познаний, кроме навыка легко болтать всякой вздор по-французски, становятся смешными и жалкими анахронизмами. С другой стороны, не видите ли вы, как, в свою очередь, быстро образуется купеческое сословие и сближается в сем отношении с высшим. О, поверьте, не напрасно держались они так крепко за свои почтенные, окладистые бороды, за свои долгополые кафтаны и за обычаи праотцев! В них наиболее сохранилась русская физиономия, и, принявши просвещение, они не утратят ее, сделаются типом народности. Равно взгляните, какое деятельное участие начинает принимать в святом деле отечественного просвещения и наше духовенство... Да! в настоящем времени зреют семена для будущего! И они

взойдут и расцветут, расцветут пышно и великолепно, по гласу чадолюбивых монархов! И тогда будем мы иметь *свою* литературу, явимся не подражателями, а соперниками европейцев...

[...]

ИСТОРИЯ МАЛОРОССИИ. Николая Маркевича Москва. 1842. Четыре тома⁴⁰

Одна из самых характеристических черт нашего времени — стремление к единству и сродству доселе разрозненных элементов умственной жизни. Жизнь очевидно стремится теперь стать единою и всецелою. И если доселе проявлялась она в тысячах односторонностей, разьединенною и раздробленною на бесконечное множество сторон, из которых каждая претендовала на право исключительной монополии в области духа, превозносясь над всеми другими и горделиво не признавая их важности, — это противоположное органическому единству стремление было необходимо для самого же этого органического единства, заря которого уже занимается на горизонте человечества. Надобно было, чтоб каждый элемент умственной жизни выработался и развился вполне, а для этого необходимо, чтобы каждый элемент жизни развился отдельно. Таким образом, разьединение есть неизбежное условие единства — первый момент в процессе единства. Только отдельно развившиеся элементы могли развиться вполне, и только вполне развившиеся элементы могли сознать свое родство и увидеть в себе не опасных врагов, а друзей, равно нуждающихся друг в друге и равно полезных друг другу. Доказательство этой истины представляет история народов, история обществ, летописи науки, искусства, даже ремесл. Каждому народу предназначено было развить одну какую-нибудь сторону жизни, и потому один народ оказал огромные успехи в войне, другой — в науке, третий — в искусстве, четвертый — в торговле и т.д. И каждый из этих народов, до периода своей возмужалости, с ненавистью и презрением смотрит на все другие народы, считая одного себя и умным, и добрым, и дельным. Отсюда все национальные ненависти, отсюда соперничество, похожее на злобу, соревнование, похожее на зависть. Так, например, целые три века история Европы двигалась и управлялась мыслию о политическом равновесии, которая состояла в том, чтобы не допускать ни одно государство быть сильнее других, хотя бы его сила была чисто внутренняя и проистекала от успехов торговли, промышленности, цивилизации, просвещения, — и, как скоро одно государство усиливалось благосостоянием и политическим здоровьем, все другие спе-

шили ослаблять его; средством к этому бывали большею частию усиленные кровопускания — и война оканчивалась обыкновенно общим истощением и изнеможением и предмета зависти и самих завистников... Мысль теперь смешная и детская, но тогда стоившая много человеческой крови, много человеческих слез!.. Это был момент кризиса, момент перехода от детства к возмужалости. В мысли, что государства должны ревниво смотреть одно за другим и имеют право друг друга ограничивать, — уже в самой этой мысли видно начало единства, хотя и дурно понятого. Теперь это единство понято иначе и состоит в подчинении великой идеи национальной индивидуальности еще более великой идее человечества. Народы начинают сознавать, что они — члены великого семейства человечества, и начинают братски делиться друг с другом духовными сокровищами своей национальности. Каждый успех одного народа быстро усваивается другими народами, и каждый народ заимствует у другого особенно то, что чуждо его собственной национальности, отдавая в обмен другим то, что составляет исключительную собственность его исторической жизни и что чуждо исторической жизни других. Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, что успехи человечности вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности. Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания старины, которыми так дорожит невежественная посредственность; они знают, что национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с людьми. И недалеко уже время, когда исчезнут мелкие, эгоистические расчеты так называемой политики, и народы обнимутся братски, при торжественном блеске солнца разума, и раздадутся гимны примирения ликующей земли с умиловленным небом! Если настоящее историческое положение так резко противоречит этой картине и представляет ее несбыточною мечтою разгоряченной фантазии, то для умов мыслящих и способных проникать в сущность вещей это настоящее историческое положение человечества, как ни безотраднo оно, представляет все элементы и все данные, на основании которых самые смелые мечты в настоящем становятся в будущем самою положительною действительностью.

Если под «обществами» должно разуметь избранные, то есть наиболее просвещенные, образованные и цивилизованные классы и сословия в государствах, то в лице обществ гуманное сближение давно уже совершилось. Образованный европеец теперь и вне своего отечества живет, как у себя дома, не оставляя своих привычек, не переста-

вая быть сыном земли своей, — и везде пользуется приветом и уважением. Особы разных наций и вероисповеданий вступают в брачные союзы, не нарушая тем ни обычаев, ни законов, ни нравственных понятий своих отечеств. Между тем англичанин и во Франции останется англичанином, француз и в Германии останется французом, и наоборот, и никто из них, вполне симпатизируя чужой земле и, так сказать, чувствуя себя ее гражданином, не перестает быть сыном своей страны, не теряет духовной физиономии своей национальности. Здесь кстати заметить, что ненавистники европеизма⁴¹ упрекают у нас своих соотечественников за их страсть к путешествиям, за легкость и свояность, с какими они перенимают западные обычаи (то есть обычаи людей просвещенных и образованных). Эти мнимые патриоты до того простирают невежественный фанатизм свой, что в образованной части русского общества видят чуть не ренегатов, чуть не вырожденков, в которых нет ничего русского, и выставляют им, как достойный подражания образец неиспорченной русской национальности, неопрятную и грязную чернь. «Посмотрите, — восклицают они, — француз, англичанин, немец, где бы и сколько бы ни жил вне своего отечества, везде — француз, англичанин и немец; а наши во Франции — французы, в Англии — англичане, в Германии — немцы; у себя же дома — и то, и другое, и третье, а потому ни то, ни се». Конечно, в подобном обвинении есть часть истины, но от полной истины оно далеко, как тьма от света, и в целом — это обвинение совершенно нелепо. Навсегда оторванная реформой Петра Великого от своего прошлого, не могла же Россия, с небольшим во сто лет, вдруг вырасти и возмужать, начать жить самостоятельной и оригинальной жизнью и приобрести всемирно-историческое значение. Вместо того чтоб желать невозможного, лучше радоваться тем гигантским успехам в цивилизации, которые и без того сделала она в такое короткое время. Смешно подумать, что это обвинение в подражательности иноземному, под разными формами, повторяется уже лет пятьдесят с лишком. Сперва оно восстало против галломанства⁴² в обычаях и в литературе и предавало анафеме и французский язык и тех из русских, которые говорили и читали больше по-французски, чем на своем родном языке. Против Карамзина составила даже целая литературная партия⁴³, упрекавшая знаменитого преобразователя русского языка в растлении русского языка галлицизмами, хотя исполненный галлицизмов язык Карамзина в тысячу раз более естественный и живой русский язык, чем длинные латинско-немецкие периоды книжного языка Ломоносова. Но время обнаружило всю ограниченность и все ничтожество этих мнимо патриотических выходов против того, что составляло честь и славу Руси. Если образованное русское общество не говорило и не читало по-русски, этому была причина: тогда был только

книжный да простонародный язык и не было разговорного русского языка; следственно, не на чем было и говорить образованному обществу, хотя бы оно и само желало говорить по-русски. Если же и теперь еще на Руси не выработался вполне общественный и разговорный язык, то он уже существует, как материал, вполнину разработанный, а потому им давно уже говорит среднее образованное общество (недавно сформировавшееся) и начинает говорить высшее общество (давно существующее). А что знание французского языка нисколько не находилось в противоречии с истинным патриотизмом и не было в ущерб ему, — лучшим доказательством этой истины служит великая война 1812—1814 годов: известно фактически, что не только в гвардии, но и в армии русской было много образованных офицеров, которые говорили по-французски, — однако ж это не помешало им лить кровь и умирать доблестно за свое отечество, языку которого они предпочитали язык своих достойных по храбрости врагов. Здесь кстати еще заметить, что и теперь, несмотря на страсть русских к путешествиям и поездкам за границу, — русский, навсегда оставшийся там, есть явление почти небывалое: стало быть, чужие обычаи не разрывают в русских кровной связи с их родиною, и те немногие из них, которых судьба забросила на чужую почву и под чуждое небо, и те, среди чудес природы и цивилизации, — мы уверены в этом, — умеют хранить, как сокровище души, святую тоску по степям, городам и селам своей родины...

Что же касается до равнодушия прежнего общества к родной литературе, — оно было неизбежно: общество не читало по-русски, потому что нечего было читать: два-три писателя, хотя бы и с замечательною силою таланта, но писавшие на не установленном еще языке, далеко не могли наполнить всех досугов и удовлетворить всем умственным потребностям людей, перед которыми отверсты были неистощимые сокровищницы богатых и созревших литератур Европы. Теперь все классы образованного и даже полуобразованного общества больше прежнего читают по-русски, потому что, сравнительно с прежним, русская литература представляет больше пищи для чтения, хотя и также далеко не уменьшает потребности в иностранных литературах. Высшее общество, как самое образованное на Руси, больше других навлекло на себя упреки и жалобы на равнодушие к русской литературе со стороны мнимых защитников ее... [...] И до сих пор в литературе нашей есть имена, принадлежащие к высшему кругу, следственно, и знаемые там не по одним светским отношениям. Что высшее общество не знает и не слышало о множестве других «великих» русских писателей, так это потому, что их очень много и что у нас на Руси так легко, за одно стихотвореньице, за одну повестцу, за одну журнальную статейку, сделаться великим писателем: кто ж их

всех перечитает и перепомнит?.. Иногда в спокойном равнодушии бывает больше глубокого смысла, чем в опрометчивой, но детской способности увлекаться, видеть гений во всем, что едва ли обнаруживает и обыкновенное дарование, придавать важность тому, что ничтожно в сущности, и гордиться богатствами, которые скоро портятся и сгнивают в глухих кладовых. В русской литературе, без сомнения, есть кое-что, достойное внимания даже для иностранцев и, следовательно, достойное всей любви, всего уважения нашего; но из этого еще не следует, чтоб мы имели право равнять нежные, светло-зеленые стебли нашей юной литературы с величественными и колоссальными деревьями европейской литературы. Уже самая мысль, что с нас довольно и нашего, — мысль, которую с такою родительскою нежностью лелеют люди, сами себе присвоившие *скромное* титуло «патриотов», — уже одна эта мысль показывает и детство нашего образования и детство нашей литературы. Французская, немецкая и английская литературы не беднее друг друга, — и между тем, каждое новое, хоть сколько-нибудь, почему-нибудь замечательное произведение в одной из них тотчас переводится на языки других. Через этот братский обмен сокровищ национального духа только увеличивается богатство каждой литературы.

В науке и в искусстве также резко проявляется теперь это стремление к единству путем взаимного сопроникновения разнородных элементов.

[...]

В недавнее время возникла наука, которая есть вместе и искусство и в которой сходятся сухое фактическое знание, холодный рассудочный анализ, высшее философическое созерцание, рабская подчиненность действительности, живое поэтическое чувство и творческая фантазия. Эта наука — история. Условия, составляющие ее, так велики и многосложны, соединение их так редко в одном и том же лице, что доселе было больше опытов истории и вообще исторических сочинений разного рода, чем того, что называется «историею». Лучшие опыты по этой части принадлежат французам, которые как писатели, кроме других причин, еще и потому более других способны писать историю, что более других как народ *делают историю* своею национальною жизнью. Немцы, напротив, гораздо лучше понимают теорию истории, чем пишут историю, потому что они живут более умственною и созерцательною, чем историческою жизнью. Итак, вот и еще новое условие для того, чтоб быть хорошим историком, — условие, не зависящее от историка!

Историю разделяют на всеобщую и частную, разумея под первую историю всего рода человеческого и под вторую — историю одного какого-нибудь народа. Это разделение не так важно и существенно,

как думают: ибо, хотя объем «всеобщей» истории и несравненно шире и глубже, чем объем так называемой «частной» истории, однако условия, требуемые от историка тою и другою, совершенно одинаковы: кто лишен созерцания человечества как идеальной личности и потому на всякий народ, взятый сам по себе, смотрит, как на что-то отдельно, без живой связи с человечеством существующее, тот не в состоянии написать хорошей истории и одного какого-нибудь народа. Следовательно, гораздо лучше разумея под «частною» историею не историю одного какого-нибудь народа, а историю одного из множества элементов, из которых слагается жизнь человечества и жизнь всякого народа. Поэтому история религии, искусства, науки, права, торговли, промышленности, история политическая, военная и т.п. будет историею «частною», Такая история, по своей несложности, требует менее условий от историка и относится к настоящей (всеобщей) истории, как материал, хотя в то же время может иметь достоинство полной и стройно созданной истории. Такого рода истории чрезвычайно важны: только при условии их существования может существовать всеобщая история*. Историческая критика, состоящая в сличении и проверке материалов, разборе фактов и т.п., дает тому, кто занимается ею, право на титуло «ученого», но не историка, хотя без таких «ученых» и невозможна история как наука и как искусство вместе.

Предмет нашей статьи есть история собственно (всеобщая — в том смысле, какой мы даем этому слову), а потому и займемся только ею. Выше сказали мы, что история есть и наука и искусство вместе, ученое сочинение и художественное произведение в одно и то же время. Такое значение история получила весьма недавно, вследствие того стремления к единству и полноте прежде одиноко развивавшихся элементов жизни, которое составляет характеристику новейшего времени и о котором мы говорили в начале статьи. [...] Только умы ограниченные и сердца сухие могут видеть в историческом движении

* Здесь кстати заметить, что у нас до тех пор не будет удовлетворительной истории России, пока наши историки не примутся за составление частных историй по предметам, которые каждый из них изучал исключительно, как-то: историк церкви, истории военного ремесла, нравов, торговли, промышленности, права, политики, финансовой системы и пр. Все эти предметы требуют отдельной и частной разработки, фактической, философской и критической, требуют и трактатов и полных историй. Кроме того, полезна разработка каждого важного события особо, как, например, владычества татар, междуцарствия, отдельных царствований и проч. Но наши «славянофилы» и «патриоты» ограничиваются вместо итого пересыпанием из пустого в порожнее, рассматривая такие вопросы, как происхождение Руси, и решая их произвольными гипотезами. Другие, посмелее, пишут историю России, для которой не разработаны фактические материалы; удивительно ли, что вместо истории они издаюто компиляции, да и те недоконченные?.. (Примеч. В.Г. Белинского.)

политику и войны, дела скучно-серьезные и сухо-важные: глубокий ум и живое сердце видят в нем биение пульса мировой жизни... Скажут: этак из истории можно сделать сказку, наполненную поэтическими мыслями, но ложную в фактическом отношении. Нимало! в том-то и заключается трудность условий исторического таланта, что в нем должны быть соединены строгое изучение фактов и материалов исторических, критический анализ, холодное беспристрастие, с поэтическим одушевлением и творческою способностью сочетавать события, делая из них живую картину, где соблюдены все условия перспективы и светотени. В движении исторических событий, кроме внешней причинности, есть еще и внутренняя необходимость, дающая им глубокий внутренний смысл: само движение событий есть не что иное, как движение из себя самой и в себе самой диалектически развивающейся идеи. И потому в общем ходе истории, в итоге исторических событий, нет случайностей и произвола, но все носит на себе отпечаток необходимости и разумности. Такой взгляд на историю далек от всякого фатализма: он допускает и произвол и случайность, без которых жизнь была бы механически несвободна, но в произволе и случайности он видит зло временное и преходящее, видит силу, которая вечно борется с разумною необходимостью и вечно побеждается ею. Историк должен прежде всего возвыситься до созерцания общего в частном, другими словами, идеи в фактах. Здесь ему предлежит не менее трудная задача — с честью пройти между двумя крайностями, не увлекшись ни одною из них: между опасностью затеряться и запутаться в многосложности событий и, за их частностию, потерять из виду их диалектическую связь между собою, их отношение к целому и общему (идее), — и между опасностью произвольно натянуть события на какую-нибудь любимую идею, заставив их лжесвидетельствовать в пользу или односторонней, или и во все ложной доктрины. Избежать этих крайностей самый даровитый историк может только при помощи верного поэтического чутья и современно-философского образования. Отличать истинное от ложного, сомнительное от верного — дело исторической критики; но история, опирающаяся только на исторической критике и непогрешительная только с этой стороны, может быть суха, утомительна, мертва; факты, при всей верности их, могут быть изложены в ней без перспективы, не картинно, не последовательно, так что, читая следующую страницу, читатель забывает предшествующую. Такие истории имеют свою цену и свое достоинство, как обработанные ученою рукою материалы для художника-историка. Понять значение и проникнуть в жизненную сторону фактов можно только поэтическим чутьем. Вот почему, читая иную историю, чуждую всяких вымыслов и наполненную самыми верными фактами, думаешь, что читаешь пло-

хую сказку, где все делается не по законам разумной необходимости, а «по шучьему веленью, по моему прошенью». И вот почему, читая роман Вальтера Скотта⁴⁴, где одно какое-нибудь историческое событие перемешано со множеством вымышленных, думаешь, что читаешь историю: так все естественно, живо и верно в романе! Летописи и другие исторические материалы суть не более, как камни, из которых только творческий гений художника может воздвигнуть стройное, изящное здание. Читая «Историю завоевания Англии норманнами» Огюстена Тьерри или его же «Рассказы о временах меровингских»⁴⁵, думаешь, что читаешь роман Вальтера Скотта; а между тем в этих сочинениях знаменитого историка французского нет ни одной черты, которая не основывалась бы на фактах и не подтверждалась бы хрониками; но и те, которым коротко и ученым образом знакомы были эти хроники, — в творениях Тьерри впервые познакомились с тою и другою эпохою, удивляясь, что в этих эпохах могло оказаться столько жизни, поэзии и разумности. Отсюда видно, что история требует творчества, как и поэзия. Отчего поэтическое произведение, иногда так живо напоминающее нам наше собственное положение в прошедшем, действует на нас сильнее, нежели действовало на нас это прошедшее, когда еще оно было настоящим? Другими словами: отчего поэзия действует на нас сильнее, чем та действительность, которая составляет ее содержание? — Оттого, что в поэтическом произведении устраняется все случайное и постороннее и представляется одно необходимое и знаменательное, совоккупленные в стройной картине, носящей на себе отпечаток единства и целостности. То же условие требуется и от истории, а условие это требует творчества. И потому история в наше время получает то же значение, какое у древних имел эпос.

Современно-философское образование необходимо для историка нашего времени еще более, нежели для поэта: ибо история не только искусство, но еще и наука, и наука многосложная, многосторонняя, которая, обнимая собою историю народа, в то же время обнимает и историю права, его искусства, его науки, а без современно-философского образования можно ли иметь прямое и верное понятие о праве, искусстве, науке и пр.? Приступая к истории какого-нибудь народа, историк прежде всего должен отчетливо и определенно понимать значение этого народа, видеть его отношение к другим народам, степень, занимаемую им в человечестве, и важность его исторической роли. Тогда сами собою, правильно и верно, обозначатся и тон и объем его истории. Мы сказали «объем»: в нем большая важность, ибо нельзя произвольно писать историю большую или малую — объем ее всегда находится в пропорциональном отношении к объему духовной жизни народа. И против этого-то правила больше всего по-

грешают лишенные философского образования историки, особенно у нас, на Руси. Для наших историков написать историю России и историю Костромы — все равно, и только разве недостаток деятельности помешает им историю Костромы растянуть на двенадцать томов. Зато они не задумаются историю Петра Великого, написанную для русских, ограничить, например, четырьмя тощенькими томами листов в шестьдесят, тогда как шестьдесят печатных листов можно наполнить только анекдотами об этом историческом исполине. И потому нашим историкам не худо было бы держаться арифметического и геометрического правила пропорции и задавать себе вопросы вроде следующих: если мифический период народа, от неизвестных времен его начала до Владимира, занял у меня два тома, то сколько же томов должен занять полуисторический период удельных междоусобий, столь обильный многосложными, запутанными и по большей части ничтожными событиями? — Уж, конечно, по малой мере — *четыре* тома. Итак, вот уж у нашего историка и набралось *шесть* препорядочных томов, которые размножаются и толстеют пока довольно последовательно. Но вот он продолжает спрашивать самого себя: если полуисторический период удельных междоусобий занял у меня *четыре* тома, то сколько же должен занять вполне исторический период татарщины, столь обильный событиями важными и огромными для Руси, каковы нашествие Батгя, побоище донское, московская централизация, упадок удельной системы и пр.? — Уж, конечно, не менее восьми томов. Итого — *четырнадцать* томов. Но это чудовищное число ужасает нашего историка, и он, забыв последовательность и симметрию, ограничивается только четырьмя томами, — и из его истории выходит чудовище с огромною головою, непомерными плечами и маленьким, с грецкий орех величиною, брюшком. Разумеется, история от Иоанна III до Петра Великого⁴⁶ должна бы занять у него, по соразмерности с четырьмя томами удельного периода, томов пятнадцать, а между тем вся русская история, от своего начала до Петра Великого, занимает у него каких-нибудь двенадцать томов. И потому русская история только и доходит до Петра: наши историки чувствуют, что одна история Петра, по важности своего содержания, в десять раз объемистее всей предшествующей истории России. Здание, построенное без соразмерности, без уважения к законам тяготения и ответственности, или падает, или остается недоконченным: давно уже здание нашей истории остановилось на третьем этаже — и рухнуло, так что теперь для расчистки мусора нужно больше трудов, чем для сооружения нового здания. И мы думаем, что истинный историк начертал бы себе такой план русской истории: зная, что факты сами по себе ничего не значат и что задача историка состоит именно в том, чтобы прозреть в фактах идею и сделать ее ощутительною для других

в живой исторической картине событий, — он разделит историю России на периоды не для одного внешнего удобства в изложении, но потому, что увидит в каждом периоде особенную идею, которую и постарается выразить, не увлекаясь мелочными фактами и не загромождая ими своего повествования. Первый период (до Владимира, или начала удельной системы и водворения христианства) войдет у него в введение, где он покажет только те немногие факты, которые более или менее несомненны и вероятны, и те результаты ученых исследований, которые более или менее удовлетворительно объясняют эти факты касательно происхождения, мифологии, поэтических и исторических преданий народа. Тут, разумеется, не будет места пустым гипотезам, этимологической дыбе, и все введение очень легко уместится на каких-нибудь ста страницах. Весь смысл удельного периода состоит в распространении русско-славянского племени по обширной степи нынешней России. Это распространение совершилось на Руси совершенно превратным образом в сравнении с тем, как оно происходило в Западной Европе: там оно сперва сделалось через завоевание, потом чрез усиление среднего сословия, имевшее следствием размножение городов и успехи цивилизации. У нас удельный князь срубал себе городок, где и учреждался его *стал*, отчего городок и делался столицею. Помещичье право было душою удельного периода, и князья тогда были — род помещиков, произведших из одного дома; бояре их — род домашних людей, и простой народ — крестьяне. Централизации не было никакой, и Киев, потом Владимир были больше по имени, чем в сущности, великокняжескими столицами: титул великого князя более льстило честолюбию претендентов, чем доставляло им действительную власть и силу. И это понятно: Русь в период уделов расширялась, а не централизовалась. И потому историк должен сделать из удельного периода живую картину этого расширения, ярко и выпукло обозначив главнейшие его фазисы. Если при этом картина его будет оттенена колоритом нравов эпохи и очерками характеров немногих действующих, почему-либо замечательных, — история удельного периода будет не только полна, но и проста, не запутанна, не многосложна: ибо всякая запутанность в истории происходит от неумения историка отличить важное и существенное эпохи от ее мелочных и пустых подробностей. В таком случае история удельного периода объемом своим разве немногими страницами превзойдет введение, так что и история татарского периода, будучи значительно обширнее истории периода удельного, весьма легко уместится с нею и введением в одном томе, и том все-таки не будет особенно велик. Татарский период был началом централизации древней Руси. Общее бедствие мало-помалу воспитало в русских чувство единородности и единоверия; удельные княже-

ства ослабевают по мере возвышения Москвы, счастливо выдерживающей свои споры и с Рязанью и с Тверью. Великий князь постепенно становится из помещика государем, и самодержавие сменяет патриархально-помещичье право. Но под татарским игом нравы грубеют: вводится затворничество женщин, отшельничество семейной жизни; тирания варварского ига монголов приучает земледельца к лености и заставляет делать все как-нибудь, ибо он не знает, будут ли завтра принадлежать ему его хижина, его поле, его хлеб, его жена, его дочь. Застой и неподвижность, сделавшиеся с этого времени основным элементом исторической жизни старой Руси, тоже были следствием татарского ига. Итак, централизация и возвышение княжеской власти на степень государственности, с одной стороны; искажение нравов русско-славянского племени, с другой, — вот идея периода татарского ига и задача историка Руси! На этом кончится первый том его истории России. Падение уделов, укрепление самодержавия, государственные формы, нравы, обычаи, сделавшиеся *statu quo*⁴⁷: вот содержание русской истории от Иоанна III до периода междоцарствия. Событий политических тут немного, и события внутреннего развития гораздо важнее их. Живая и *подробная* картина всего этого легко уместилась бы в раме одного тома. Царствование Грозного было периодом окончательного формирования физиономии и духа старой Руси, а вместе с тем и началом отрицания того и другого. В лице Грозного выразилась идея этого отрицания, и неосновательно было бы думать, что дурное воспитание и смерть Анастасии⁴⁸ сделали Грозного бичом Руси. По натуре своей Иоанн Грозный был великий человек, и для него возможны были только две роли — или Петра Великого, или *Иоанна Грозного*: для первой были непреодолимые преграды, заключавшиеся сколько в отчуждении Руси от Европы, столько и в хаотическом состоянии самой Европы, — и внук Иоанна III сделался не преобразователем России, а грозною карою восточной формы ее государственного быта. Период междоцарствия был доказательством той истины, что если страна, в которой есть зерно жизни, не идет вперед, то она должна идти назад, а вмешательство поляков и шведов было фактом, что отчужденное от Европы существование Руси уже кончилось и что ей должно было или погибнуть, или войти в состав политического тела Европы, — тогда как доселе она даже при царях своих имела только некоторое значение для Европы, трепетавшей оттоманского могущества. Благодатное солнце дома Романовых озарило Русь тишиною и спокойствием. При кротком Михаиле⁴⁹ Русь отдыхала и целилась от глубоких язв междоцарствия и междоусобия, и потому ей было не до движения. Но при царе Алексии Михайловиче⁵⁰ пробудился дух реформы, как выражение внутренней, еще бессознательной потребности России. Сделано было много нововведе-

ний и преобразований; иностранцы все более и более внедрялись в почву русской жизни. Царь Феодор сожигает книги местничества⁵¹: это была перчатка, брошенная старой Руси. Петр возрос и воспитался в атмосфере преобразований, которые были, впрочем, довольно бесплодны, потому что требовали не полумер, но радикального переворота, — а для того, чтоб произвести его, требовалось гения. Таким гением был Петр, — и он совершил переворот, для которого настало время и созрели элементы: Московское царство окончило свое историческое существование — возникла Россия и империя...

Из этого видно, что с эпохой междоцарствия и самозванцев начался новый период Руси, смысл которого — обнаружение недостаточности того политического организма Московского царства, который выработался под влиянием Азии, и, следовательно, приготовление к явлению Петра Великого. Этот период свободно уместился бы в одном томе. Итак, вся история России, от начала ее до Петра Великого, могла бы изложиться в *трех* томах, и притом весьма полно и подробно, если полнота и подробность в том, чтоб не упустить ни одного важного события, ни одной характеристической черты, не гоняясь за мелочами, которые только обременяют собою книгу и делают ее скучною и тяжелого для памяти читателя. Если какое-нибудь большое сражение ознаменовано подробностями, объясняющими успех или неуспех битв, произведших важные последствия или характеризующих страну, — передайте их, но увольте читателя от стратегических подробностей, понятных и интересных только военным людям, изложив им только существенное и главное. Иначе из всякого царствования — даже из жизни царя Феодора Иоанновича⁵², посвятившего себя исключительно жизни молельщика и не вмешивавшегося в дела правления, можно составить книгу в двенадцать больших томов.

Мы твердо убеждены, что история России, написанная по изложенной нами идее историком с талантом и с современно-философским образованием, представила бы собою не сбор хронологически изложенных фактов, а духовную физиономию народа, его жизнь, его биографию как идеального лица. В частях такой истории была бы пропорциональность, а объем соответствовал бы содержанию. Прошедшее являлось бы в ней причиною и объяснением настоящего, а настоящее — результатом прошедшего. В историю должно входить только необходимое, существенное, только то, что оставляет по себе вечные, неизгладимые следы, а это — идея. Мы сказали выше, что идея удельного периода — расширение русско-славянского племени на материке нынешней России; и разве теперь не видим мы плодов, рожденных движением удельного периода и разве теперешняя безграничность России не от него берет свое начало? Мы сказали, что политический быт и нравственный колорит удельного периода за-

ключается в патриархально-помещичьем праве; разве и в теперешнем провинциальном быте России нет указаний на этот факт исторической старины? Мы сказали, что период татарщины был периодом централизации древней Руси и вместе с тем искажения ее нравов; и что ж? — разве крепость и могущество теперешней России не суть результат этой централизации, и разве в нравах и домашнем быту уже изгладились совершенно следы владычества азиатских варваров? Чтоб убедиться в этой истине, стоит только сравнить нравы нашего простонародья с правами простого народа в Малороссии, мало потерявшей или почти ничего не потерявшей от ига татарского: в быту малороссии гораздо больше поэзии и человечности, чем в быту великорусского простонародья. Еще легче открыть в современной России результаты следовавших затем периодов. Каждый из них как бы живыми нервами связывается с последующими, и все они составляют один живой организм, выражением которого и должна быть история России, подобно реке, начавшейся подземными ручьями, мелкой и ничтожной в истоке, но, по мере течения, становящейся все шире и шире, глубже и глубже... Всякая история должна отличаться перспективою, так что, если смотреть от конца к началу, все видно уже и темнее, по мере отдаления. Вот об этой-то *исторической перспективе* говорил покойный профессор Каченовский⁵³, которого здравым и основательным идеям и умному скептицизму в деле русской истории доселе еще не отдано должной справедливости. И вот об этой-то перспективе, по крайней мере до сих пор, мало думали наши историки: оттого у них блистательный двор Ярослава, как две капли воды, похож на блистательный двор Лудовика XIV⁵⁴, а времена полубаснословных Олегов, Игорей и Святославов⁵⁵ они описывают с такою же полнотою, подробностью и достоверностью, как будто бы они, добрые историки, сами недавно были современниками и очевидцами всех этих исторических *теней*...

Мы сказали выше, что одно из главнейших условий хорошей истории — ответственность объема с содержанием. История государств, действующих на всемирно-исторической арене и олицетворивших в себе судьбы человечества, таких государств, как, например, Франция, Италия, Германия и Англия, — и история какой-нибудь Турции, только внешним образом, временным тяготением внешней силы соприкасавшейся с историею человечества, — требуют совершенно различных размеров. И потому первая задача историка, приступающего к изложению истории народа, состоит в определении исторической важности этого народа: от степени его исторической важности должен зависеть объем его истории, равно как колорит и тон повествования.

[...]

Малороссия никогда не была государством, следственно, и истории, в строгом значении этого слова, не имела. История Малороссии есть не более, как эпизод из царствования царя Алексея Михайловича: доведя повествование до столкновения интересов России с интересами Малороссии, историк русский должен, прервав на время нить своего рассказа, изложить эпизодически судьбы Малороссии, с тем чтобы потом снова обратиться к своему повествованию. История Малороссии — это побочная река, впадающая в большую реку русской истории. Малороссияне всегда были племенем и никогда не были народом, а тем менее — государством. Они умели храбро биться и великодушно умирать за свою родину, им не в диковинку было побеждать сильного врага с малыми средствами, но они никогда не умели пользоваться плодами своих побед. Разобьют врагов в пух, окажут чудеса храбрости и геройства и — разойдутся по домам пить горилку. Несмотря на вероломство, предательскую жестокость и клятвопреступничество буйного сейма польского⁵⁶, столько раз казнившего малороссийских депутатов, никогда не бывало недостатка в новых депутатах, с непонятным простоумием стремившихся в раскрытую пасть католического чудовища. Сколько раз малороссияне брали верх над поляками в кровопролитных войнах с ними, и между тем это несколько по подвигало вперед их дела. Отчего же это? Оттого, что и так называемая Гетьманщина и Запорожье⁵⁷ несколько не были ни республикою, ни государством, а были какою-то странною общиною на азиатский манер. Настоящими и достойными их противниками были крымские татары, и малороссияне воевали с ними отлично, в духе своей национальности. Вторгнется в Малороссию толпа крымских хищников, выжжет несколько городов и много сел, перережет порядочное число людей и больше того погонит в плен вместе с бесчисленным множеством малороссийского скота, — удалое казачество, при вести о набеге, вдруг бросится вслед за хищниками, нагонит их, перережет, отобьет добычу и идет само в гости в Крым, где и оставит такие же следы своего посещения. Если же татары успеют благополучно вернуться восвояси, то казаки не замедляют поквитаться с ними визитом. Потом заключат мир или перемирие, которые та и другая сторона считает себя вправе нарушить по первой прихоти. Крымские татары и доблестное казачество понимали политику одинаковым образом, Татары по своему положению могли существовать только грабежом: это был род огромной разбойничьей шайки, имевшей подобие и вид государства. Казачество, с своей стороны, тоже могло держаться одними набегами. Этому было много причин: укажем на главнейшие из них. Казачество возникло из географических причин. Когда нашествие татар разъединило северную Русь с южною, — южная Русь сделалась какою-то нейтральною землею и общим владе-

нием каждого, кому только вздумалось пройти через нее или войти в нее. С севера она отделялась степью от покоренной татарами Руси, с востока и юга была окружена татарами, с юго-запада прилегала к Молдавии, а с северо-запада — к Польше и Литве. Теснимая и раздираемая со всех сторон, Малороссия никак не могла образоваться в органически политическое общество и поневоле образовалась в общину людей, которые считали себя рожденными для того, чтоб резать других и быть зарезанными самим. Война сделалась стихией этой общины; — но война не в европейском смысле, а в смысле удалства и молодечества. Казак знал в жизни только два рода наслаждения: резню и горилку; ко всему остальному он почитал для себя за честь быть совершенно равнодушным. *Товарищество* всегда и везде, в битве и в гульбе, было верованием казака, и он с страстию и рыцарским великодушием каждую минуту жизни своей готов был сделаться мучеником своего верования. Пить и гулять нельзя было долго лихому казаку, тем более что он скоро пропивал все, что приобретал на войне, и пропивал с каким-то мужицким аристократизмом, сыпля деньги без счета, поя знакомого и незнакомого и оказывая к золоту безрассудно-великодушное презрение. Когда же ему нельзя было больше пить, то надо было драться: иначе он не понимал, зачем же ему было бы и жить на белом свете. Кроме этих причин, то есть безденежья и скуки, были и другие причины для войны: начинающим свое казацкое поприще хлопцам нужна была военная наука, то есть битва. С кем же воевать? С турками мир, с татарами мир. Ничего: басурманов никогда не грех бить, и не грех нарушение мирных договоров и клятв с ними. И вот пылают берега Анатолии, дымятся села крымских татар; поход кончен, половина товарищей перетонула, перерезана, зато другая добралась до Сечи с богатою добычею, и пьет, и гуляет себе на славу, угощая весь честной мир, широко разметываясь казацкою душою... Вот вам и политика. Она немногосложна и нехитра. Нравы Гетьманщины были стройней и кротче, но все же и для нее Запорожская Сечь была и идеалом и прототипом истинного *лыцарства*. Гетьман Рожинский⁵⁸ дал некоторый род правильного устройства этой военной общине, и это устройство, как окаменелое, нисколько не изменилось до времен Богдана Хмельницкого⁵⁹, который несколько улучшил его. Из этого можно видеть, как слабо было внутреннее развитие Малороссии и как мало материалов может оно дать для истории. Это была пародия на республику, или — другими словами — славянская республика, которая, при всем своем беспорядки, имела призрак какого-то порядка. Порядок этот заключался не в правах, свободно развившихся из исторического движения, но в *обычае* — краеугольном камне всех азиатских народов. Этот обычай заменял закон и царил над беспорядком этой храброй, могучей широким размахом души, но бес-

толковой и невежественной *мужицкой демократии*. Такая республика могла быть превосходным орудием для какого-нибудь сильного государства, но сама по себе была весьма карикатурным государством, которое умело только драться и пить горилку. Умный Баторий⁶⁰ умел ею пользоваться, к ее и к своей собственной пользе. Рожденная смутными обстоятельствами, возникшая из хаоса, эта странная республика должна была и исчезнуть с прекращением хаоса. По мере того как турки ослабевали, татары приходили в ничтожество, а Россия укреплялась — казачество становилось ненужным, и сила его погасала сама собою. Это глубоко понял величайший из мужей Малороссии — Богдан Хмельницкий. Если он помогал, без пользы для себя и родины, развращенному и безумному злодею Лупуле молдавскому⁶¹, увлекаясь чувством родства, это происходило не от недостатка в гении, а от варварства того века, придававшего такое мистическое значение узам крови. За это Хмельницкий поплатился жизнью достойного своего сына Тимофея⁶². Если Богдан поддался слабости отцовского сердца и согласился на передачу гетьманской булавы ничтожному и слабоумному сыну своему Юрию⁶³ — в этом надо винить не великого человека, а век его, тем более что на эту удочку поддавались и великие люди позднейших времен. Сам Наполеон пал оттого, что интересы своей династии променял на интересы Франции... Богдан Хмельницкий был герой и великий человек в полном смысле этого слова. Много в истории Малороссии характеров сильных и могучих; но один только Богдан Хмельницкий был вместе с тем и государственный ум. Образованием он стоял неизмеримо выше своего храброго, гулливого и простодушного народа; он был великий воин и великий политик. Потому-то и понял он, что Малороссия не могла существовать независимым и самостоятельным государством. Это сознание дорого стоило сердцу благородного сына Малороссии, и с скорбию сошел он в могилу. Невозможность независимого политического существования для Малороссии он приписывал географическому положению этой страны, со всех сторон лишенной естественных границ; но тут была и еще причина, может быть, не понятая им: она состояла в патриархально-простодушном и неспособном к нравственному движению и развитию характере малороссов. Этот народ отлился и закалился в такую неподвижно-чугунную форму, что никак бы не подпустил к себе цивилизации ближе пушечного выстрела, и то для того, чтоб приударить на нее с копьем и нагайкою. Малороссы любили свое мужичество, как свою национальную стихию, как поэзию своей жизни, хотя сами и назывались «дворянами», даже сидя в шинках или валяясь в грязи. И эта черта их народности была причиною фанатической ненависти к ним поляков, кроме католического фанатизма. Поляки называли их мужиками и холопами. Правда, эти му-

жики и холопы поступали с большею честностию, благородством, рыцарственностью и великодушием, чем благородные магнаты польские, хваставшие перед малороссами своим «гонором» и своею «эдукациею»⁶⁴; однако все же если нельзя оправдать этой ненависти цивилизованного и имевшего аристократию народа к простолюдному и невежественному, хотя и доблестному племени, то нельзя и не видеть в ней смысла и причины.

Вот взгляд, с каким, по нашему мнению, должен писатель приступить к истории Малороссии. Тогда он поймет, что история Малороссии есть, конечно, история, но не такая, какою может быть история Франции или Англии; тогда он удержится в своем повествовании и от тона адвоката и от тона панегириста, а постарается живо и просто, в кратких и характеристических чертах, представить картину быта племени, игравшего в истории временную и случайную, но исполненную дикой поэзии роль. В истории Малороссии самое интересное — это нравственная физиономия племени, обладавшего такою упругою, неукротимою силою характера, находившего поэзию и упоение жизни в оргии битвы и молодецкого разгула, как выражение *широкого размета души*... История Малороссии исполнена дикой поэзии, как ее поэтические народные думы. Это-то и упустил из виду новый историк Малороссии, увлекшись своею миссиею историка и как бы вообразивший, что он пишет историю народа и государства, которые могли бы, при других, более благоприятных обстоятельствах, развиться во что-то великое и вечное...

Всею своею место и свое значение; ничего не должно ни унижать, ни возвышать по пристрастию. Вот почему если необдуманная патриотизм кажется иногда жалок, то, с другой стороны, умышленная клевета, особенно печатная, кажется отвратительною. Доказывать, что малороссы были холопы поляков, а не свободное племя, на правах равного с равным, составившее с Польшею и Литвою род соединенных штатов, — доказывать это, вопреки неопровержимым историческим свидетельствам, значит лжесвидетельствовать; а оправдывать безумное зверство магнатов, будто бы имевших право усмирять своих холопей, значит оправдывать тех жидов, которые печатали храмы малороссиян... Заблуждение первого рода заслуживает сожаления, заблуждение второго рода — презрения честных людей, которые умеют благоговеть перед святостию истины...

Народ или племя, по непреложному закону исторической судьбы теряющие свою самостоятельность, всегда представляют зрелище грустное. Но разве не жалки и не заслуживали сострадания на Руси и эти добрые матери, которые назад тому лет 50, с плачем и воплем провожали детей своих в школы, как будто бы дети их шли на место казни? Или, еще лучше, разве не жалки эти жертвы неумолимой ре-

формы Петра Великого, которые, в своем невежестве, не могли понять цели и смысла этой реформы? Им легче было расстаться с головою, чем с бородой, и, по их кровному, глубокому убеждению, Петр разлучал их навеки с радостью жизни... В чем же состояла эта радость жизни? — в лености, невежестве и грубых, но освященных веками обычаях... В жизни Малороссии было много поэзии, — правда; но где жизнь, там и поэзия; с переменою существования народного не исчезает поэзия, а только получает новое содержание. Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке, от которых дотолде непреодолимою оградю разлучал ее полудикий быт ее. Вместе с Россиею ей предстоит теперь великая будущность... В истории ничего не бывает случайного, и трагические коллизии ее исполнены такого же глубокого смысла, как и потрясающей душу поэзии: в них открываются неотразимые определения миродержавного промысла, победоносный ход света разума, вечно борющегося с тьмою невежества и вечно торжествующего над нею...

[...]

ПИСЬМО К Н.В. ГОГОЛЮ⁶⁵

15 июля н. с. 1847 г. Зальцбрунн

Вы только отчасти правы, увидав в моей статье *рассерженного человека*⁶⁶: этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в какое привело меня чтение Вашей книги. Но Вы вовсе не правы, приписавши это Вашим действительно не совсем лестным отзывам о почитателях Вашего таланта. Нет, тут была причина более важная. Оскорбленное чувство самолюбия еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать об этом предмете, если б все дело заключалось только в нем; но нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства; нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедают ложь и безнравственность как истину и добродетель.

Да, я любил Вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею странюю, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса. И Вы имели основательную причину хоть на минуту выйти из спокойного состояния духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считал любовь мою наградою великого таланта, а потому, что, в этом отношении, представляю не одно, а множество лиц, из которых ни Вы, ни я не видали самого большего числа

и которые, в свою очередь, тоже никогда не видали Вас. Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила Ваша книга во всех благородных сердцах, ни о том вопле дикой радости, который издали, при появлении ее, все враги Ваши — и не литературные (Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т.п.), и литературные, которых имена Вам известны⁶⁷. Вы сами видите хорошо, что от Вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с ее духом. Если б она и была написана вследствие глубоко искреннего убеждения, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатление. И если ее принимали все (за исключением немногих людей, которых надо видеть и знать, чтоб не обрadowаться их одобрению) за хитрую, но чересчур перетоненную проделку для достижения небесным путем чисто земных целей — в этом виноваты только Вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что Вы находите это удивительным. Я думаю, это от того, что Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге. И это не потому, чтоб Вы не были мыслящим человеком, а потому, что Вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего *прекрасного далека*⁶⁸, а ведь известно, что ничего нет легче, как издали видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть; потому, что Вы в этом *прекрасном далеке* живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя или в однообразии кружка, одинаково с Вами настроенного и бессильного противиться Вашему на него влиянию. Поэтому Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками*; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само прави-

тельство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), — что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостного кнута треххвостом плетью⁶⁹. Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом полусне! И в это то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое, как будто в зеркале, — является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их *неумытыми рылами!* И это не должно было привести меня в негодование? Да если бы Вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел Вас за эти позорные строки... И после этого Вы хотите, чтобы верили искренности направления Вашей книги? Нет, если бы Вы действительно преисполнились истиною Христова, а не дьяволова ученья, — совсем не то написали бы Вы Вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему, что так как его крестьяне — его братья во Христе, а как брат не может быть рабом своего брата, то он и должен или дать им свободу, или хоть по крайней мере пользоваться их трудами как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном в отношении к ним положении. А выражение: *ах ты неумытое рыло!* Да у какого Ноздрева, какого Собакевича подслушали Вы его, чтобы передать миру как великое открытие в пользу и назидание русских мужиков, которые, и без того, потому и не умываются, что, поверив своим барам, сами себя не считают за людей? А Ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли Вы в словах глупой бабы в повести Пушкина⁷⁰, и по разуму которого должно пороть и правого и виноватого? Да это и так у нас делается в частую, хотя чаще всего порют только правого, если ему нечем откупиться от преступления — быть без вины виноватым! И такая-то книга могла быть результатом трудного внутреннего процесса, высокого духовного просветления! Не может быть! Или Вы больны, и Вам надо спешить лечиться; или — не смею досказать моей мысли...

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете? Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и муче-

ничеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, — чем и продолжает быть до сих пор. Но смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер⁷¹, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели Вы этого не знаете? А ведь все это теперь вовсе не новость для всякого гимназиста...

А потому, неужели Вы, автор «Ревизора» и «Мертвых душ», неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического? Положим, Вы не знаете, что второе когда-то было чем-то, между тем как первое никогда ничем не было, кроме как слугою и рабом светской власти; но неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадю, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: *дурья порода, колуханы*⁷², *жеребцы*? — Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-Вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиэтизм⁷³, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится — молиться, не годится — горшки покрывать*. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними; живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству; ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою, холодною аскетическою созерцательностью — ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами,

теологическим педантизмом да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме; его скорее можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры. Религиозность проявилась у нас только в раскольнических сектах, столь противоположных по духу своему массе народа и столь ничтожных перед нею числительно.

Не буду распространяться о Вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия и уронил Вас в глазах даже людей, в других отношениях очень близких к Вам по их направлению. Что касается до меня лично, предоставляю Вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия (оно покойно, да, говорят, и выгодно для Вас); только продолжайте благоразумно созерцать ее из Вашего прекрасного далека: вблизи-то она не так красива и не так безопасна... Замечу только одно: когда европейцем, особенно католиком, овладевает религиозный дух, — он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии сильных земли. У нас же наоборот, постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем *religiosa mania*, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы наградить его за рабское усердие, да видит, что этим скомпрометировал бы себя в глазах общества... Бестия наш брат, русский человек!

Вспомнил я еще, что в Вашей книге Вы утверждаете как великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать Вам на это? Да простит Вас Ваш византийский бог за эту византийскую мысль, если только, передавши ее бумаге, Вы не знали, что творили...

«Но, может быть, — скажете Вы мне, — положим, что я заблуждался, и все мои мысли ложь; но почему ж отнимают у меня право заблуждаться и не хотят верить искренности моих заблуждений?» — Потому, отвечаю я Вам, что подобное направление в России давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачком с братиею⁷⁴. Конечно, в Вашей книге больше ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях; зато они развили общее им с Вами учение с большей энергиею и большею последовательностью, смело дошли до его последних результатов, все отдали византийскому богу, ничего не оставили сатане; тогда как Вы, желая поставить по свече тому и другому, впали в противоречия, отстаивали, например, Пушкина, литературу и театр, которые, с Вашей точки зрения, если б только Вы имели добросовестность быть последовательным, нисколько не могут служить к спасению души, но много могут служить к ее погибели. Чья же голова могла перевернуть мысль

о тождественности Гоголя с Бурачком? Вы слишком высоко поставили себя во мнении русской публики, чтобы она могла верить в Вас искренности подобных убеждений. Что кажется естественным в глупцах, то не может казаться таким в гениальном человеке. Некоторые остановились было на мысли, что Ваша книга есть плод умственного расстройства, близкого к положительному сумасшествию. Но они скоро отступились от такого заключения: ясно, что книга писалась не день, не неделю, не месяц, а может быть год, два или три⁷⁵; в ней есть связь; сквозь небрежное изложение проглядывает обдуманность, а главные властям предрежающим хорошо устраивают земное положение набожного автора. Вот почему распространился в Петербурге слух, будто Вы написали эту книгу с целью попасть в наставники к сыну наследника⁷⁶. Еще прежде этого в Петербурге сделалось известным Ваше письмо к Уварову, где Вы говорите с огорчением, что Вашим сочинениям в России дают превратный толк, затем обнаруживаете недовольство своими прежними произведениями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда тот, кто и т.д.⁷⁷ Теперь судите сами: можно ли удивляться тому, что Ваша книга уронила Вас в глазах публики и как писателя и, еще больше, как человека?

Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно, почему у нас так легок литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих поэтов, искренно или неискренно отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример — Пушкин, которому стоило написать только два-три верноподданнических стихотворения и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви⁷⁸. И Вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что Ваша книга пала не от ее дурного направления, а от резкости истин, будто бы высказанных Вами всем и каждому. Положим, Вы могли это думать о пишущей братии, но публика-то как могла попасть в эту категорию? Неужели в «Ревизоре» и «Мертвых душах» Вы менее резко, с меньшею истинною и талантом и менее горькие правды высказали ей? И она, действительно, осердилась на Вас до бешенства, но «Ревизор» и «Мертвые

души» от этого не пали, тогда как Ваша последняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему злойредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще и в зародыше, свежего, здорового чутья; и это же показывает, что у него есть будущность. Если Вы любите Россию, порадитесь вместе со мною падению Вашей книги!

Не без некоторого чувства самодовольства скажу Вам, что мне кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного влияния на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся в Петербурге слух, что правительство хочет напечатать Вашу книгу в числе многих тысяч экземпляров и продавать ее по самой низкой цене, мои друзья приуныли; но я тогда же сказал им, что, несмотря ни на что, книга не будет иметь успеха, и о ней скоро забудут. И действительно, она теперь памятнее всем статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русского человека глубок, хотя и не развит еще, инстинкт истины!

Ваше обращение, пожалуй, могло быть и искренно. Но мысль — довести о нем до сведения публики — была самая несчастная. Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться везде все равно, и что в Иерусалиме ищут Христа только люди, или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжело зрелище угнетения чуждых ему людей, — тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим⁷⁹. Смирение, проповедуемое Вами, во-первых, не ново, а во-вторых, отзывается, с одной стороны, страшною гордостью, а с другой — самым позорным унижением своего человеческого достоинства. Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством, стать выше всех смирением может быть плодом только или гордости, или слабоумия, и в обоих случаях ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму. И при этом Вы позволили себе цинически-грязно выражаться не только о других (это было бы только невежливо), но и о самом себе — это уже гадко, потому что, если человек, бьющий своего ближнего по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам самого себя, возбуждает презрение. Нет! Вы только омрачены, а не просветлены; Вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненною боязнию смерти, черта и ада веет от Вашей книги. И что за язык, что за фразы! «Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек!» Неужели Вы думаете, что сказать *всяк*, вместо *всякий*, — значит выразиться библейски? Какая

это великая истина, что, когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант! Не будь на Вашей книге выставлено Вашего имени и будь из нее выключены те места, где Вы говорите о самом себе как о писателе, кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз — произведение пера автора «Ревизора» и «Мертвых душ»?

Что же касается до меня лично, повторяю Вам: Вы ошиблись, сочтя статью мою выражением досады за Ваш отзыв обо мне, как об одном из Ваших критиков. Если б только это рассердило меня, я только об этом и отозвался бы с досадою, а обо всем остальном выразился бы спокойно и беспристрастно. А это правда, что Ваш отзыв о Ваших почитателях вдвойне нехорош. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своим восторгом ко мне только делает меня смешным, но и эта необходимость тяжела, потому что как-то по-человечески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но Вы имели в виду людей, если не с отменным умом, то все же и не глупцов. Эти люди в своем удивлении к Вашим творениям наделали, может быть, гораздо больше восторженных восклицаний, нежели сколько Вы сказали о них дела; но все же их энтузиазм к Вам выходит из такого чистого и благородного источника, что Вам вовсе не следовало бы выдавать их головою общим их и Вашим врагам, да еще вдобавок обвинить их в намерении дать какой-то предосудительный толк Вашим сочинениям. Вы, конечно, сделали это по увлечению главною мыслию Вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземский⁸⁰, этот князь в аристократии и холоп в литературе, развил Вашу мысль и напечатал на Ваших почитателей (стало быть, на меня всех больше) чистый донос⁸¹. Он это сделал, вероятно, в благодарность Вам за то, что Вы его, плохого рифмоплета, произвели в великие поэты, кажется, сколько я помню, за его «*вялый, влачащийся по земле стих*». Все это нехорошо! А что Вы только ожидали времени, когда Вам можно будет отдать справедливость и почитателям Вашего таланта (отдавши ее с гордым смирением Вашим врагам), этого я не знал, не мог, да, признаться, и не захотел бы знать. Передо мною была Ваша книга, а не Ваши намерения. Я читал и перечитывал ее сто раз, и все-таки не нашел в ней ничего, кроме того, что в ней есть, а то, что в ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если б я дал полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось в толстую тетрадь. Я никогда не думал писать к Вам об этом предмете, хотя и мучительно желал этого и хотя Вы всем и каждому печатно дали право писать к Вам без церемоний, имея в виду одну правду⁸². Живя в России, я не мог бы этого сделать, ибо тамошние Шпекины⁸³ распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов. Но нынешним летом начинающаяся чахотка прогнала меня за границу и Н переслал

мне Ваше письмо в Зальцбрунн, откуда я сегодня же еду с Анненковым⁸⁴ в Париж через Франкфурт-на-Майне. Неожиданное получение Вашего письма дало мне возможность высказать Вам все, что лежало у меня на душе против Вас по поводу Вашей книги. Я не умею говорить вполнину, не умею хитрить: это не в моей натуре. Пусть Вы или само время докажет мне, что я ошибался в моих о Вас заключениях — я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь в том, что сказал Вам. Тут дело идет не о моей или Вашей личности, а о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и Вас: тут дело идет об истине, о русском обществе, о России. И вот мое последнее заключительное слово: если Вы имели несчастье с гордым смирением отречься от Ваших истинно великих произведений, то теперь Вам должно с искренним смирением отречься от последней Вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы Ваши прежние.

Зальцбрунн, 15-го июля н. с. 1847-го года

Комментарии

Белинский Виссарион Григорьевич

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕЧТАНИЯ
(Элегия в прозе)¹

Впервые опубликовано: Молва. 1834. Ч. VIII. № 38, 39, 41, 42, 45, 46, 49, 50—52.

Печатается с сокращениями по: *Белинский В.Г.* Избранное / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Е.Ю. Тихонова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 76—80, 82, 83—88, 89—90, 95—97, 103—105, 141, 156—158. Примечания Е.Ю. Тихоновой использованы частично.

² Цитата из книги О.И. Сенковского (псевдоним Барон Брамбеус) «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» (СПб., 1833).

³ О доброе старое время (*фр.*).

⁴ Крез — лидийский царь (VI в. до н.э.), известный своим богатством. Ир — нищий; персонаж из поэмы Гомера «Одиссея», ставший символом бедности.

⁵ Истина! истина! ничего, кроме истины! (*фр.*).

⁶ Высший свет (*фр.*).

⁷ *Байрон* (Byron) Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — английский поэт-романтик. *Гете* (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель.

⁸ Имеются в виду *Александр Великий* (356—323 до н.э.), царь Македонии с 336 г., один из выдающихся полководцев и государственных деятелей Древнего мира; *Гай Юлий Цезарь* (102 или 100—44 до н.э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель, пожизненный диктатор Рима с 44 г. до н.э.; *Карл Великий* (Carolus Magnus) (742—814) — король франков (с 768), создатель Франкского государства.

⁹ Эту мысль высказал Н.И. Надеждин в рецензии на повесть В.А. Ушакова «Киргиз-Кайсак» (Телескоп. 1831. Ч. 1. № 3. С. 383).

¹⁰ Ландкарта — карта мира.

¹¹ «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы!» (Мф. 11: 28).

¹² *Иоанн III Васильевич* (1440—1505), московский великий князь (с 1462), вторым браком был женат на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора, в некоторых документах именовался уже царем.

¹³ *Алексей Михайлович* (1629—1676) — русский царь с 1645 г.

¹⁴ *Петр I* (1672—1725) — русский царь с 1682 г., российский император с 1721 г.

¹⁵ Неточная цитата из «Арапа Петра Великого» А.С. Пушкина.

¹⁶ Охабень — старинная русская верхняя одежда в виде кафтана с четырехугольным меховым воротником и прорезами под рукавами.

¹⁷ Повойник — старинный русский головной убор замужних женщин.

¹⁸ Фижмы — пышная женская юбка на каркасе из ивовых или стальных прутьев или из пластин китового уса; робронд — женское платье с очень широкой колоколообразной юбкой на кринолине (тонких обручах).

¹⁹ Цитата из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «И запишит она (Бог мой!):

Приди в чертог ко мне златой!..»

В примечании Пушкин отметил: «Из первой части Днепровской Русалки». Это начальные слова арии русалки Лесты из оперы «Днепровская русалка», русской переработки немецкой оперы «Das Donauweibchen» («Фея Дуная», 1792—1797), текст Генслера, музыка Ф. Кауэра, русский текст Н. Краснопольского, музыкальные дополнения С. Давыдова, представленной в первый раз на петербургской сцене 26 октября 1803 г. и пользовавшейся шумным успехом.

²⁰ Во время русско-турецкой войны 1686—1700 гг. Петр I в 1696 г. взял крепость Азов. В начале Северной войны 1700—1721 гг. шведские войска Карла XII разгромили русское войско под Нарвой, что побудило Петра ускорить проведение военных реформ. В 1704 г. Нарва была отбита русскими. 28 сентября 1708 г. около деревни Лесной был разбит 16-тысячный шведский корпус. В полтавском сражении на берегу реки Ворсклы в 1709 г. русская армия победила шведов. Сподвижник Петра — Александр Данилович Меншиков (1673—1729) проявил себя крупным военачальником.

²¹ Имеется в виду курский купец-самоучка Ф.А. Семенов (1794—1860) — астроном-любитель, историю самообразования которого сделал достоянием публики М.П. Погодин, опубликовав его автобиографию под заголовком «Курский купец-астроном» в журнале «Телескоп» (1832. № 13).

²² Строка из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

²³ В широком значении слова, «разночинец» — выходец из недворянской среды, человек, родившийся в семье священника или дьячка, лекаря, журналиста, мелкого лавочника, реже — ремесленника или крестьянина. В последней четверти XVIII — начале XIX в. под «разночинец» разумели «не дворянина», «не имеющего благородного происхождения», «простолюдина». В более узком значении определения термина включали по крайней мере три существенных признака — факт исключения из податного состояния, образование и внесословность. С одной стороны, разночинцы не имели права владеть крестьянами, а вплоть до манифеста 19 февраля 1861 г. и земель. Не принадлежа к купечеству или мещанству, они не занимались ни торговлей, ни ремеслами; могли иметь недвижимость в городах (быть домовладельцами), но не могли владеть ни фабриками, ни заводами, ни лавками, ни мастерскими. С другой стороны, в отличие от представителей низших сословий, разночинец, принадлежа к «неподатному сословию», имел такую

степень личной независимости, какой не имел ни купец, ни мещанин, ни тем более крестьянин. Он обладал правом свободного проживания, свободного передвижения по стране, правом вступления на государственную службу, имел постоянный паспорт и обязан был учить своих детей. Это обстоятельство важно подчеркнуть, так как Россия была единственной страной в мире, где «за образование» давалось личное дворянство. Образованный человек «низкого» происхождения, равно как и беспоместный дворянин, положение которого практически не отличалось от положения разночинца, могли найти средства к существованию только на государственной службе или с 1830—1840-х гг. на ниве свободного интеллектуального труда, занимаясь репетиторством, переводами, черновой журнальной работой и т.п. Основная масса разночинцев делала чиновничью карьеру в департаментах и канцеляриях, малая часть составила «мыслящий пролетариат», стоящий во мнении помещика или преуспевающего чиновника едва ли выше лакея и, безусловно, ниже французского парикмахера.

²⁴ Строки из стихотворения В.А. Жуковского «Русская слава» (1831).

²⁵ *Гомер* (между XII и VII вв. до н.э.) — легендарный древнегреческий поэт-сказитель, которому приписывается создание эпических поэм «Илиада» и «Одиссея». Тасс — Торквато Тассо (Torquato Tasso) (1544—1595) — итальянский поэт, автор знаменитой поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1580).

²⁶ «Лучше прощу десять виновных, нежели накажу одного невинного» — афоризм, приписываемый как Екатерине II, так и А.В. Суворову. Далее Белинский вольно перелагает слова Екатерины II из «Наказа Комиссии о составлении проекта нового уложения» (1767): «Однако же МЫ думаем и за славу Себе вменяем сказать, что МЫ сотворены для НАШЕГО народа, и по сей причине МЫ обязаны говорить о вещах так, как они быть должны. Ибо, Боже сохрани, чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив и, следовательно, больше процветающ на земле: намерение законов НАШИХ было бы не исполнено — несчастье, до которого Я дожить не желаю».

²⁷ «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» 1785 г. оформила привилегии дворянского сословия, в частности, исключительное право на владение именными и крепостными крестьянами, а также освобождение от обязательной военной и гражданской службы. Одновременно с ней была утверждена «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», которая делила всех жителей городов на 6 разрядов.

²⁸ *Суворов* Александр Васильевич (1729—1800) — граф, генералиссимус, выдающийся русский полководец, не потерпевший ни одного поражения.

²⁹ *Потемкин* Григорий Александрович (1739—1791) — князь, генерал-фельдмаршал, один из участников дворцового переворота 1762 г., фаворит и ближайший помощник императрицы Екатерины II.

³⁰ *Безбородко* Александр Андреевич (1747—1799) — канцлер, князь. С 1775 г. секретарь Екатерины II, с 1783 г. — фактический руководитель российской внешней политики.

³¹ *Державин* Гавриил Романович (1743—1816) — русский поэт, представитель классицизма.

³² *Гораций* (полное имя Квинт Гораций Флакк (Quintus Horatius Flaccus) (65 до н.э. — 8 до н.э.) — древнеримский поэт.

³³ Екатерина негласно руководила журналами «Всякая всячина» и «Собеседник любителей российского слова».

³⁴ Эпическая поэма Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1768) «Телемахиды» (1766) — стихотворное произведение, манерное, написанное тяжеловесным слогом, навлекло на себя гнев царствовавшей тогда Екатерины II и сделалось мишенью для насмешек: при дворе в качестве наказания от виноватого требовали выучить шесть строк из «Телемахиды».

³⁵ «Недоросль» — комедия Дениса Ивановича Фонвизина (1745—1792). Простаковы, Тарас Скотинин — ее герои. Бригадир — герой одноименной комедии Фонвизина.

³⁶ Платон мне друг, но еще больший мне друг — истина (*лат.*).

³⁷ Имеется в виду Г.Р. Державин, в различные годы занимавший высшие государственные должности: кабинет-секретаря Екатерины II (1791—1793), президента Коммерц-коллегии (с 1794), министра юстиции (1802—1803).

³⁸ Строки из драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов».

³⁹ «Сподвижник царя» С.С. Уваров (1786—1855), автор знаменитой триединой формулы «православие, самодержавие, народность», уже в начале своей деятельности на посту министра, в 1834 г., приезжал в Москву и несколько раз встречался с профессурой и студентами Московского университета.

⁴⁰ ИСТОРИЯ МАЛОРОССИИ. Николая Маркевича
Москва. 1842. Четыре тома

Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1843. Т. XXVIII. № 5. Отд. V «Критика». С. 1—18.

Печатается с небольшими сокращениями по: *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. VII. Статьи и рецензии 1843. Статьи о Пушкине 1843—1846 / Подгот. текста и сост. коммент. В.С. Спиридонов при участии А.П. Могилевского; ред. тома Д.Д. Благой. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 43—48, 50—64.

Маркевич Николай Андреевич (1804—1860) — историк, этнограф, поэт. Автор компилятивной «Истории Малороссии» (т. 1—5, 1842—1843), составленной по «Истории Руссов», созданной в конце XVIII либо начале XIX в. на территории Малороссии неизвестным автором и распространявшейся в рукописных списках (первое русское издание вышло в 1846 г.).

⁴¹ Имеются в виду славянофилы.

⁴² Галломанство — т.е. преклонение перед всем французским, справедливо считалось одной из серьезных болезней русского дворянского общества.

⁴³ Против языковой реформы Н.М. Карамзина выступали члены литературного общества «Беседа любителей русского слова» (1811—1816) во главе с Г.Р. Державиным и А.С. Шишковым.

⁴⁴ *Скотт* (Scott) Вальтер (1771—1832) — знаменитый английский писатель, создатель жанра исторического романа.

⁴⁵ *Тьерри* (Thierry) Огюстен (1795—1856) — французский историк, один из основателей романтического направления во французской историографии. «История завоевания Англии норманнами» (1825), труд Огюстена Тьерри, в котором он развивает идею классовой борьбы, выросшей из борьбы двух «рас»: «расы» победенных против «расы» завоевателей (во Франции галло-римлян против франков, в Англии — англосаксов против норманнов), в результате которой «раса» завоевателей в дальнейшем становится привилегированным классом. «Рассказы о временах меровингских» (отд. изд. 1840) не без дружеского участия Белинского начал переводить А.И. Герцен, поместивший статью и перевод «Рассказа первого» в «Отечественных записках» (1841. № 2, отд. II).

⁴⁶ То есть с середины XV по XVIII в.

⁴⁷ Его состоянием (*лат.*).

⁴⁸ Речь идет о смерти первой жены Иоанна Грозного — Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой (1530/1532—1560), которую, как считалось, отравили.

⁴⁹ *Михаил Федорович Романов* (1596—1645) — первый русский царь династии Романовых (с 1613).

⁵⁰ *Алексей Михайлович Романов* (1629—1676), царь с 1645 г.

⁵¹ Так называемое «местничество» произошло от обычая считаться «местами» на службе и за государевым столом. Тот из феодалов, который считал свое происхождение более древним, благородным и знатным либо личные свои заслуги значительными, занимал место ближе к царю и, соответственно, претендовал на более высокую должность в войске или в гражданской администрации. По воле царя Федора Алексеевича (1661—1682, царь с 1676), в начале 1682 г. местничество было уничтожено, а разрядные книги, хранившиеся в приказах и использовавшиеся служилой знатью для подтверждения знатности, родovitости и высокого служебного положения своих предков, чтобы занять соответствующее «место» в системе феодальной иерархии, публично сожжены.

⁵² *Феодор Иоаннович* (1557—1798), прозванный Блаженным, — царь всея Руси и великий князь Московский с 1584 г., третий сын Иоанна Грозного и царицы Анастасии Романовны, последний представитель московской ветви династии Рюриковичей.

⁵³ *Каченовский* Михаил Трофимович (1775—1842) — русский историк и литературный критик, академик Петербургской АН (1841). С 1810 г. — профессор, с 1837 г. — ректор Московского университета. Глава скептической школы в русской историографии, подвергавшей сомнению достоверность древнейших письменных источников русской истории.

⁵⁴ Имеются в виду Ярослав Владимирович Мудрый (ок. 978—1054) (христианское имя Георгий или Юрий) — великий князь киевский (с 1019) и Людовик XIV (1638—1715) — французский король (с 1643) из династии Бурбонов.

⁵⁵ Легендарный норманский (варяжский) конунг (предводитель дружины) *Рюрик* (?—879), по сказанию летописца, призванный на Русь от варягов славянами (новгородскими словенцами) и угро-финскими племенами (кривичами, чудью и весью), стал основателем династии Рюриковичей, правившей Россией до 1598 г. Умирая, Рюрик завещал управление новым государством и опеку над сыном Игорем своему дальнему родственнику *Олегу* (?—912), прозванному позже «вещим» — мудрым, который со своей дружиной в 882 г. покинул Новгород. Подчинив Смоленск, Любеч, Олег овладел Киевом, провозгласил себя князем, а Киев сделал столицей государства Русь. *Игорь* (?—945), князь киевский (с 912), сын Рюрика. *Святослав Игоревич* (?—972) — великий князь киевский, князь новгородский (964—972), сын князя Игоря Рюриковича и княгини Ольги.

⁵⁶ Сейм — историческое название шляхетского представительного собрания в Речи Посполитой.

⁵⁷ Гетьманщина — полуофициальное название со 2-й пол. XVII в. Левобережной Украины, которую возглавлял гетман, избиравшийся Генеральной войсковой радой и которая, даже войдя в состав Российской империи, некоторое время пользовалась известной автономией, имела свои административно-территориальную систему, суд, финансы и войско.

Запорожье, или Запорожская Сечь, — организация малороссийского казачества за Днепровскими порогами в XVI—XVIII вв.

⁵⁸ Имеется в виду гетман Евстафий Рожинский (Ружинский), при котором в 1514—1534 гг. запорожское войско разделилось «на курени, селения и околицы».

⁵⁹ *Хмельницкий* Богдан (Зиновий) Михайлович (1595—1657) — гетман Войска Запорожского (с 1648).

⁶⁰ *Баторуй* (Batory) Стефан (1533—1586) — польский король (с 1576). В 1583 г. разделил казаков на нерестровых и реестровых, приняв последних на постоянную воинскую службу в Речи Посполитой. Если неерестровые казаки приравнивались к холопам, то реестровые получили привилегии, приравниваясь к безгербовой шляхте (без политических прав), и оплату за свою службу, они имели право

избирать своих командиров, главой реестровиков был «Гетман его королевского величества Войска Запорожского».

⁶¹ *Лулул* (Лулу) Василь (1593—1661) — молдавский господарь (1634—1653), союзник и сват Б. Хмельницкого, за сына которого выдал замуж свою дочь.

⁶² *Хмельницкий* Тимофей (Тимош) Богданович (1632—1653) — старший сын Б. Хмельницкого, погиб, защищая интересы своего тестя — В. Лупула.

⁶³ *Хмельницкий* Юрий Богданович (ок. 1641—1685) — младший сын Б. Хмельницкого, гетман Украины (1659—1663).

⁶⁴ Эдукация (от *лат.* *educatio* — воспитание), в Польше руководящий орган просвещения в 1773—1794 гг., фактически первое в Европе Министерство просвещения.

⁶⁵ ПИСЬМО К Н.В. ГОГОЛЮ. 15 июля н.с. 1847 г. Зальцбрунн

Автограф письма неизвестен. Существует более 20 его списков, сделанных с авторской копии. Впервые опубликовано А.И. Герценом в «Полярной звезде на 1855 год» (кн. 1. Лондон). В России впервые было издано С.А. Венгеровым в 1905 г. и затем многократно переиздавалось. В советской историографии этот документ обычно характеризовали подобным образом: «Письмо Белинского к Гоголю вошло в историю русского освободительного движения, как замечательный документ последовательно-революционной критики, как боевой манифест революционной демократии. Вскоре после смерти Белинского оно превратилось в прокламацию, которую читали, изучали и на которой воспитывались поколения революционеров» (*Лотман Ю.М. и др.* Комментарии // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 780).

Печатается по: *Белинский В.Г.* Избранное / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Е.Ю. Тихонова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 554—562. Примечания Е.Ю. Тихоновой использованы частично.

⁶⁶ Поводом для написания этого произведения послужило письмо Н.В. Гоголя к Белинскому от 8—20 июня 1847 г. с упреками в связи с оценкой книги «Выбранные места из переписки с друзьями» в журнале «Современник» (1847. Т. I. № 2). Получив ответ Белинского, Гоголь написал ему послание, полное обвинений, однако сам же разорвал его. Оно было впоследствии восстановлено по сохранившимся в бумагах Гоголя лоскутам. Вместо него Гоголь послал Белинскому 10 августа 1847 г. сдержанное и примирительное письмо: «Я прочел с прискорбием статью вашу обо мне во втором № “Современника”. Не потому, чтобы мне прискорбно было то унижение, в которое вы хотели меня поставить в виду всех, но потому, что в ней слышится голос человека, на меня рассердившегося. А мне не хотелось бы рассердить даже и не любившего меня человека, тем более вас, о котором я всегда думал, как о человеке меня любящем. Я вовсе не имел в виду огорчить вас ни в каком месте моей книги. Как это вышло, что на меня рассердились все до единого в России, этого я покуда еще не могу сам понять. Восточные, западные и нейтральные — все огорчились. Это правда, я имел в виду небольшой щелчок каждому из них, считая это нужным, испытавши надобность его на собственной своей коже (всем нам нужно побольше смирения), но я не думал, чтоб щелчок мой вышел так грубо неловко и так оскорбителен. Я думал, что мне великодушно простят и что в книге моей зародыш примирения всеобщего, а не раздора.

Вы взглянули на мою книгу глазами рассерженного человека и потому почти всё приняли в другом виде. Оставьте все те места, которые покамест еще загадка

для многих, если не для всех, и обратите внимание на те места, которые доступны всякому здравому и рассудительному человеку, и вы увидите, что вы ошиблись во многом.

Я очень не даром молил всех прочесть мою книгу несколько раз, предугадывая вперед все эти недоразумения. Поверьте, что не легко судить о такой книге, где замешалась собственная душевная история человека, не похожего на других, и притом еще человека скрытно<о>, долго жившего в себе самом и страдавшего неумением выразиться. Не легко было также решиться и на подвиг выставить себя на всеобщий позор и осмеяние, выставивши часть той внутренней своей клети, настоящий смысл которой не скоро почувствуется. Уже один такой подвиг должен был заставить мыслящего человека задуматься и, не торопясь подачей собственного голоса о ней, прочесть ее в разные часы своего душевного расположения, более спокойного и более настроенного к своей собственной исповеди, потому что в такие только минуты душа способна понимать душу, а в книге моей дело души. Вы бы не сделали тогда тех оплошных выводов, которыми наполнена ваша статья. Как можно, например, из того, что я сказал, что в критиках, говоривших о недостатках моих, есть много справедливого, вывести заключение, что критики, говорившие о достоинствах моих, несправедливы? Такая логика может присутствовать в голове только раздраженного человека, продолжающего искать уже одно то, что способно раздражать его, а не оглядывающего предмет спокойно со всех сторон. Ну а что, если я долго носил в голове и обдумывал, как заговорить о тех критиках, которые говорили о достоинствах моих и которые по поводу моих сочинений разнесли много прекрасных мыслей об искусстве? И если я беспристрастно хотел определить достоинство каждого и те нежные оттенки эстетического чутья, которыми своеобразно более или менее одарен был из них каждый? И если я выжидал только времени, когда мне можно будет сказать об этом, или, справедливей, когда мне *прилично* будет сказать об этом, чтобы не говорили потом, что я руководствовался какой-нибудь своекорыстной целью, а не чувством беспристрастия и справедливости? Пишите критики самые жесткие, прибирайте все слова, какие знаете, на то, чтобы унижить человека, способнейшего к осмеянию меня в глазах ваших читателей, не пожалев самых чувствительнейших струн, может быть, нежнейшего сердца, — всё это вынесет душа моя, хотя и не без боли и скорбных потрясений. Но мне тяжело, очень тяжело (говорю вам это истинно), когда против меня питает личное озлобление даже и злой человек, не только добрый, а вас я считал за доброго человека. Вот вам искреннее изложение чувств моих!» (*Гоголь Н.В.* Письмо Белинскому В.Г., около 20 июня н.с. 1847 г. Франкфурт // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, [1937—1952]. Т. 13. Письма, 1846—1847 / Ред. Н.Ф. Бельчиков, Б.В. Томашевский, А.Н. Михайлова. 1952. С. 326—328). По воспоминаниям друга Белинского и Гоголя П.В. Анненкова, Белинский прочел его «с участием» и заметил только: «Какая запутанная речь; да, он должен быть очень несчастлив в эту минуту».

⁶⁷ Книгу Гоголя осудили и западники, и славянофилы, в частности, семья близких друзей Гоголя Аксаковых. С печатной критикой помимо Белинского выступили поэт и переводчик Э.И. Губер (Санкт-Петербургские ведомости. 1847. № 35), писатель Н.Ф. Павлов (Московские ведомости. 1847. № 28, 38, 46; частично разбор перепечатан в «Современнике». 1847. Т. III. № 5; Т. IV. № 8). С похвальными отзывами выступили Ф.В. Булгарин (Северная пчела. 1847. № 8), О.И. Сенковский (Библиотека для чтения. 1847. Т. 80. № 2), П.А. Вяземский (Санкт-Петербургские ведомости. 1847. № 90, 91).

⁶⁸ Использовано выражение из XI главы «Мертвых душ»: «Русь, Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу». В конце 1840-х гг. Гоголь жил в Риме.

⁶⁹ Имеется в виду «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., в котором наказание кнутом заменялось увеличенным количеством ударов плетью.

⁷⁰ Имеется в виду героиня повести Пушкина «Капитанская дочка» Василиса Егоровна, жена коменданта Белгородской крепости Ивана Кузьмича, которая после того, как «капрал Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды», приказала инвалиду Ивану Игнатьичу: «Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи».

⁷¹ *Вольтер* (1694—1778) — знаменитый французский просветитель XVIII в., автор многих критических и сатирических произведений, направленных против католической церкви и придворной знати.

⁷² Колуханы или калуханы — еретики, отщепенцы, отступники от православия, или скопцы.

⁷³ Пиэтизм (*лат.*) — набожность, благочестие.

⁷⁴ *Бурачек* Степан Анисимович (1800—1876) — издатель журнала «Маяк современного просвещения и образованности» (1840—1845). Журнал стоял на правом крыле направления «официальной народности» и отличался реакционными взглядами.

⁷⁵ Гоголь задумал «Выбранные места...» в апреле 1845 г.; закончил в октябре 1846 г.

⁷⁶ То есть великому князю Николаю Александровичу, сыну будущего императора Александра II.

⁷⁷ Эти мысли Гоголь высказал в письме С.С. Уварову в конце апреля 1845 г. и в проекте обращения к царю, который писатель послал П.А. Плетневу в Петербург в январе 1847 г. Гоголь, получив ежегодную пенсию в 3000 рублей серебром на три года, в частности, писал Уварову: «Мне грустно, когда я посмотрю, как мало я писал достойного этой милости (то есть царского пособия). Все написанное мною до сих пор слабо и ничтожно до того, что я не знаю, как мне загладить пред государем невыполнение его ожиданий. Может быть, однако, бог поможет мне сделать что-нибудь такое, чем он будет доволен» (*Никитенко А.В.* Записки и дневник. Т. I. СПб., 1905. С. 361). Сравните с подлинным текстом письма: «...Грустно, во-первых, потому, что всё, доселе мною писанное, не стоит большого внимания: хоть в основание его легла и добрая мысль, но выражено всё так незрело, дурно, ничтожно и притом в такой степени не так, как бы следовало, что недаром большинство приписывает моим сочинениям скорее дурной смысл, чем хороший, и соотечественники мои извлекают извлеченья из них скорей не в пользу душевную, чем в пользу. Во-вторых, грустно мне потому, что и за прежнее я состою ныне в неоплатном долгу пред государем. Клянусь, я и не помышлял даже просить что-либо теперь у государя; в тишине только я готовил труд, который, точно, был бы полезнее моим соотечественникам моих прежних марадий, за который и вы сказали бы, может быть, спасибо, если бы он исполнился добросовестно, ибо предмет его не был бы чужд и ваших собственных убеждений. Меня утешала доселе мысль, что государь, которому истинно дорого душевное благо его подданных, сказал бы, может быть, со временем о мне так: “Этот человек умел быть благодарным и знал, чем высказать мне свою признательность”» (*Гоголь Н.В.* Письмо Уварову С.С., конец апреля 1845 г. Франкфурт // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1952. Т. 12. Письма, 1842—1845. 1952. С. 483—484).

⁷⁸ Имеются в виду стихотворения Пушкина «Стансы» (1826) и «Друзьям» (1828). Звание камер-юнкера поэт получил в 1834 г.

⁷⁹ Гоголь объявил в своей книге о намерении посетить Иерусалим, которое осуществил в 1848 г.

⁸⁰ *Вяземский* Петр Андреевич (1792—1878) — князь, русский поэт, литературный критик.

⁸¹ Имеется в виду статья Вяземского «Языков и Гоголь» (Санкт-Петербургские ведомости. 1847. № 90, 91).

⁸² С просьбой писать ему о своих впечатлениях Гоголь обращался к читателям в предисловии ко второму изданию «Мертвых душ» (1846).

⁸³ Шпекин — почтмейстер в «Ревизоре», из любопытства распечатывавший чужие письма.

⁸⁴ *Анненков* Павел Васильевич (1813—1887) — русский литературный критик, публицист, мемуарист, друг Белинского.

Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич, пропагандист социализма, титулярный советник

Родился 01.11. 1821 в Санкт-Петербурге в семье штатт-физика (городского врача), доктора медицины и хирургии. Учился в Царскосельском лицее (1832—1839), при окончании вместо обычного для выпускников IX чина получил низкий чин XIV класса (коллежского регистратора). В 1840 был принят на службу в Министерство иностранных дел переводчиком, одновременно стал вольнослушателем юридического факультета Санкт-Петербургского университета, который экстерном окончил в 1841 со степенью кандидата. В 1844 безуспешно пытался занять место преподавателя юридических наук в Александровском (бывшем Царскосельском) лицее. В 1845 начал собирать у себя на квартире по пятницам круг людей, интересующихся социальными вопросами. Как редактор и главный сотрудник принял участие в работе над вторым выпуском «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1846). Большая часть тиража издания была конфискована властями и в 1849 сожжена. В 1846—1847 пытался держать адвокатскую контору, ходатайствовал «без всякой платы по тяжёлым делам всех бедных». В 1847 пытаясь воплотить в жизнь фурыеристские идеи, построил для своих крестьян фаланстер, который они сожгли. С 1848 находился под негласным наблюдением полиции, в апреле 1849 по доносу провокатора был арестован. Из 123 человек, привлечённых к следствию по делу участников его кружка — «петрашевцев», 22 были судимы военным судом, 21 из них приговорен к расстрелу. После обряда приготовления к смертной казни 22 декабря 1849 на Семеновском плацу в Петербурге, по конфирмации Николая I они были сосланы на разные сроки на каторжные работы, в арестантские роты и рядовыми

в линейные войска. В 1856 петрашевцы были амнистированы и к началу 1860-х восстановлены в гражданских правах — все, кроме Петрашевского, который отбыв каторгу, в 1856 был амнистирован и определен сначала на поселение в г. Иркутск, затем в 1860 выслан в Минусинский округ, наконец — в с. Бельское Енисейского округа, где и умер 07.12. 1866.

СОЧИНЕНИЯ

Буташевич-Петрашевский М.В. Сочинения. Показания // Дело петрашевцев. Т. 1. М.; Л., 1937.

Буташевич-Петрашевский М.В. Сочинения. Показания. Письма // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953.

ЛИТЕРАТУРА

Возный А.Ф. Петрашевский и царская тайная полиция. Киев, 1985.

Волгин И.Л. Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 г. М., 2000.

Егоров Б.Ф. Петрашевцы. Л., 1988.

Лейкина-Свирская В.Р. Петрашевцы. М., 1965.

Первые русские социалисты. Воспоминания участников кружка петрашевцев в Петербурге. Л., 1984.

Прокофьев В.П. Петрашевский. М., 1962.

Семевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Ч. 1. М., 1922.

КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ, ВОШЕДШИХ В СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

НАЦИЯ². Это слово часто употребляется вместо слова народ в тех случаях, когда имеют в виду обратить внимание читателя или слушателя на пламенную родственность членов какого либо народа, на происхождение их от одного общего родоначальника, или указать на происхождение отсюда общности языка, обычаев и нравов, имеющих силу в каком либо народе. Всякий народ или нация, рассматриваемая с гуманной точки зрения, является в тех же отношениях к целому человечеству, как вид в отношении к роду и только постепенно развиваясь, т.е. *утрачивая свои индивидуальные, частные признаки или прирожденные свойства он может стать на высоту человеческого, космополитического³ развития (s'élever au degré du perfectionnement humanitaire⁴)*, тогда только может настать для него время постижения общечеловеческих интересов, тогда только развитие его жизненных

сил будет совершаться гармонически с требованиями целого человечества. Тогда только может какой-либо народ внести свою собственную лепту в сокровищницу человеческих знаний, дать самостоятельный толчок общечеловеческому развитию, когда будет им усвоена, вместится в нем совершенно вся предшествовавшая образованность и будут поняты все интересы жившего до него человечества и пережиты им все его страдания путем собственного тяжелого опыта. В этом смысле Россию и Русских ждет высокая и великая будущность.

[ОБЪЯСНЕНИЕ О СИСТЕМЕ ФУРЬЕ И О СОЦИАЛИЗМЕ]⁵

I

Что вы желали объяснить о системе Фурье⁶?

Мною было объявлено, что признаюсь в том, что признаю систему Фурье лучшею из всех мне поныне известных социальных учений и что говорил о тех идеях Фурье, которые считал истинными. В дополнение к сему честь имею объявить, что истинными и справедливыми идеями я считаю идеи, не противные основным началам быта общественного.

После того мне было объявлено, что фурьеризм нельзя принимать в том значении, как это было до февральской революции 1848 года⁷. На таком утверждении одно удостоверение виновности гг. фурьеристов не может быть принято ни в какое уважение, а именно на следующих основаниях:

1-ое. Система Фурье излагается во многих сочинениях, не только не запрещенных, но положительно дозволенных иностранною цензурою. Так, полное изложение этой системы, писанное самим Фурье, вышедшее в Париже около 1828 1-ым изданием под название «*Traité de l'association domestique agricole*» (в других изданиях оно известно под именем «*Traité de l'unité universelle*»⁸), поименовано в каталоге книг Белизара⁹, вышедших с 1828 г. и разрешенных иностранною цензурою. Кроме того, сочинение Jules de Chevalier «*Études de la science sociale*»¹⁰ тоже разрешено. Кроме сего, в каталоге дозволенных книг с 1828 по 1845 еще можно отыскать много других соч[инений]¹¹, изд[анных] школою фурьеристов.

2-ое. Система Фурье, как это можно усмотреть ниже даже из одного краткого изложения ее начал, не говорю из прочтения оригинального сочинения, *есть не что иное, как изложение способов соединения выгод частного хозяйства (ménage morcelé) с выгодами хозяйства в складчину — общего (ménage associé) или указание способов и выгод*

соединения всех отраслей промышленности, удобства жизни особняком (своим отдельным хозяйством) и с удобствами жизни в складчину — общинно.

Положим, есть некто в России помещик нескольких тысяч душ — говорю нескольких тысяч потому, что в фаланстере¹² должно быть около 2 000 ч[еловек] разного пола и возраста (см. ниже краткое изложение основных начал системы Фурье), — к тому же имеющий капитал для заведения фаланстера (таких богачей есть немало). Спрошу себя — вправе ли он завести фаланстер? Я скажу положительно — вправе; даже несколько не спрашивая о сем предмете никакого разрешения у правительства, в силу существующих законов, до собственности и пользования ею относящихся, а именно:

В X т. [Свода] гражд. зак[онов] в ст. о собственности говорится: «*Всякий имеет полное право располагать своим имуществом не во вред другим, т.е. продавать, закладывать, делать постройки, изменения в нем, какие сочтет нужными*»¹³. В другой ст. того [же] X т. Св[ода] гражд. з[аконов] говорится, «*что под недвижимыми имуществами понимаются населенные и не населенные земли, дома и т.п.*»¹⁴ В IX т. Св[ода] гражд. [законов] в зак[оне] о дворянстве и в дворянской грамоте говорится, «*что всякий помещик имеет право заводить в своем имении фабрики, заводы, переселять крестьян, продать их с землею или без земли*» и вообще пользоваться работою крестьян, не доводя их до разорения¹⁵.

Руководствуясь этими законами, такой помещик вправе завести фаланстер. И как значительная экономизация труда не только не доведет его крестьян до разорения, но, напротив того, должна улучшить их быт, то на основании законов правительство не вправе вмешиваться в его действия.

Это же может сделать богач-купец, облекши все отношения лиц, вздумавших вступить в фаланстер, в форму договора, коим определена бы и его часть в общем барыше и часть других участников как трудом одним, так и капиталом.

Это может сделать столь же законно всякая компания на акциях.

Объявлять дворянина, не имеющего 2000 душ, *государственным преступником* за то только, что он рассуждал о способах пользования правильно собственностью, — значит: *нарушать право собственности, уничтожать право договора, — разрывать дворянскую грамоту.*

3-ье. Система Фурье есть не что иное, как философия быта общественного (почти то же, что энциклопедия законоведения или естественное право¹⁶ — только потолковее обоих), одна из составных частей философии природы и философии вообще. Мне неизвестно закона, запрещающего заниматься философией вообще или философией природы, либо какой-либо ее частью и даже обнаруживать свое

расположение к какому-либо философу, например Канту, Гегелю, Платону¹⁷ и т.п., и стараться других убедить при случае в справедливости такого уважения. Отвечая на эту статью обвинения, скажешь — «ну можно ли после этого наукам процветать в России?» — и спросишь себя: «Неужели ты в Европе, принадлежишь к кавказскому племени¹⁸ и живешь в середине XIX века?» Это обвинение в нашем веке чуднее обвинения в прежние времена всякого, занимавшегося естественными науками и т.п., в чернокнижии, волшебстве и т.п.

Приняв во внимание эти обстоятельства, делается очевидным, что поставление в вину последование этим идеям и распространение тех из них, которые не противны осн[овным нача]лам общежития, — есть [со] стороны гг. обвинителей дело прямо противузак[онное].

4-ое. Поставление же в доказательство того, что кто-либ[о] умышляет] бунт, то, что кто-либо разделяет идеи многие системы Фурье, показывает [в этом челове]ке совершенное неведение этой системы. Эта система есть не только пря[мо система анти]революционерная, т.е. противная всякому перевороту посредством насилия, [но такая, которая] вообще реформам политическим, т.е. перестановкам властей всякого рода, [не придает почти] вовсе никакого значения, ибо одна перестановка власти не может сама соб[о]ю увеличить малого] благосостояния общественного. В доказательство таково[й] ее антиреволюционности, а] следовательно, и стремления ее сохранить всякий существующий порядок, можно привести множество мест из всех соч[инений] Фурье, как, например, «Théorie des quatres mouvements», «Théorie de l'unité universelle», «Le nouveau monde industriel», «La fausse industrie»¹⁹. Эти соч[инения] мною давно читаны. Г. Ханьков²⁰, недавно их читавший, на места соответственные без труда может указать. Я же укажу на соч[инение] Considerant: «De la politique nouvelle convenant aux intérêts de la société moderne». В этом соч[инении] есть глава под названием: «De l'esprit révolutionnaire dans la société moderne et des moyens sûres pour son anéantissement»²¹. (В точности не помню названия соч[инения], но по каталогу подробному, у меня в бумагах имеющемуся, могу легко на него указать.)

Таким образом, поставление признания идей Фурье многих хорошими в число доказательств преступного злоумышления есть, с одной стороны, дело противузаконное, с другой стороны, это обнаруживает еще совершенное невежество обвинителя.

Вычурность, даже странность языка, которым написаны все соч[инения] Фурье; оригинальность взгляда, непоследование в изложении своих мнений обыкновенно принятым формам систематического или ученого изложения; резкость или даже пренебрежение, с которым везде отзывается Фурье о философах, политиках, моралистах,

филантропах, политико-экономах; необходимость для того, чтоб понимать хорошо его, быть многосторонне и основательно образованным и иметь философское воззрение, — все это было причиною того, что его оригинальные сочинения читались немногими, а система его могла быть хорошо понята еще меньшим количеством людей, и того, что система эта вошла во всеобщую известность только в последнее шестилетие. Вот почему против нее в общем мнении, в людях, незнакомых с нею по самым сочинениям, признанным школою фурьерист[с]кою хорошими, остаются до сих пор несправедливые противу нее предубеждения.

Чтоб в гг. следователях последние остатки предубеждений противу фурьеристов исчезли, считаю нужным сделать:

II

Краткий очерк основных начал системы (учения) Фурье

Два обстоятельства сильно поразили Фурье в его молодости и сделали его тем, чем он впоследствии явился, — гением из гениев. Первое — потеря имущества во время первой французской революции²² и ужасы терроризма; это заставило его ненавидеть всякое революционерное движение. А неисполнение французской большой революцией ее блистательных обещаний для благосостояния общественного внушило ему пренебрежение ко всем политическим переворотам и реформам вообще. Другое обстоятельство, не менее сего его поразившее, была выброска в море целого груза корицы (cannelle) — с целью этим возвысить ее цену; это сделано было в глазах его в бытность его приказчиком в одном из приморских городов. Это, как и вообще необходимость обманывать, в которую поставлен всякий купец, чтоб не оба[н]крутиться, убедило, что эта промышленность, эта торговля ведется неправильно и что купцы по большей части ($\frac{9}{10}$) sont des êtres parasites²³, живущие на чужой счет. Что все искусство торговли состоит в уменьи во-время поприжать производителя и потребителя. Что они собственно сводники, за свое сводничество чересчур много берущие. Это направило ум его на рассмотрение явлений жизни общественной и внушило ему желание отыскать способы для устранения таких удручительных явлений из общежития.

Зная всю бесплодность нравоучения пред голосом страсти и внушенного влечения, видя неосуществление у христианских народов после 1800-летнего проповедования обязанности «любви к ближнему, как [к] самому себе»²⁴, в жизни практической, удостоверяем будучи всем, что всякий человек пребывает под влиянием необходимости, обстоятельств и что главным образом причина преступности челове-

ка лежит, так сказать, вне его; что она заключается часто в бедности, силе страстей, противоречии интересов одного лица с интересами другого, выгод семьи с выгодами общими и т.п.; что человеку хоть уже проповедают о пользе добродетелей 5000 лет, но он от этого лучше не сделался, страстей от советов не унял; что лучше не пытаться более переиначивать или исказить природу человеческую, чтоб ее приспособить к каким-либо формам быта общественного; что большая часть страданий людей происходит от неправильности их развития и что поэтому источника всего худого не следует искать в природе человеческой, но в самом устройстве житейских отношений и что чрез содействие этих отношений правильными могут быть устранены все вредные явления, — чтоб это сделалось, надо:

1. Чтоб выгоды всех были между собою тесно связаны.
2. Чтоб было довольство материальное обилие средств удовлетворения потребностей.
3. Чтоб все в людях способности были правильно развиты, употреблены и направлены.

Разумеется, разрешение таких вопросов, важных и сложных, требовало методы новой и оригинальной. Надо было отбросить с пренебрежением всю прежнюю книжную мудрость. Решась на этот великий труд, он взял себе было в руководители *le doute absolu*²⁵ (недоверие ко всему, до него сделанному) и начал, как он выражается, заново разработывать область человеческого ведения — и природу... Все подверг своему критическому анализу, нашел противоречие и нелепость в тех явлениях жизни общественной, которые существовали рядом тысячелетие, — и этого в них противоречия до него никто не заметил. Прочсть его критический разбор жизни общественной, указание ее несообразностей даже для человека без предрассудков, с хорошим философским образованием — все равно, что заново родиться... Когда я в первый раз прочитал его соч[инения], я как бы заново родился, благоговел пред величием его гения; будь я не христианин, а язычник, я б разбил всех моих других богов... сделал бы его единым моим божеством.

Когда им такой разбор был сделан, ему уже нетрудно было прийти к мысли о *фаланстере*, т.е. общине, в которой соединились бы все удобства частного отдельного хозяйства с удобствами хозяйства в складчину (общинного). Все отрасли промышленности как земледельческой, так и ремесленной и мануфактурной, все отрасли человеческой деятельности без различия (будет ли это деятельность, сопряженная с неудовольствием некоторым, т.е. труд, как это обыкновенно понимают, или прямое удовольствие) нашли надлежащее применение и оценку, все способности человеческие получили правильное разви-

тие и употребление*, все потребности естественные возымели соответственное удовлетворение, а [тесная связь] интересов всех между собою членов общины удалила всякую враждебность между ними, а обилие средств жизни [дало всем] возможность благоденствовать.

[Опреде]лив таким образом то, что должен был выполнить фаланстер, ему оставалось устроить [его соответст]венно с таковым его назначением. Первое, чем ему следовало заняться и чем он занялся, это [было определен]ие *объема, величины его*. Так как промышленность земледельческая есть основа всех прочих промышленностей, то очевидно, что на нее следовало обратить внимание первоначально, чтоб определить величину фаланстера. При этом взгляде определение объема фаланстера, так сказать, само собой дается. Есть предел, за которым и при большом хозяйстве выгоднее становится завести новый центр земледель[че]ский. Вот это наибольшее пространство земли, которое с выгодою может быть обрабатываемо из одного общего центра при большом земледельческом хозяйстве, и взял Фурье для определения пространства земли, потребного под фаланстер. Кроме сего, ему нужно было обратить внимание на то, при каком количестве людей может быть сделана а) достаточная экономизация непроизводительного труда; б) можно надеяться найти в их способностях достаточное количество средств для удовлетворения полного всех важнейших потребностей таковой общины с) и соединены могут быть выгодно почти все отрасли промышленности; д) устранен может быть труд не только непроизводительный, но прямо разрушительный, имеющий место при частном отдельном хозяйстве (*ménage morgelé*²⁶) и поглощающий большую часть сил в настоящем обществе — при раздробленности на частные хозяйства.

Таковые соображения привели его к заключению, что около [кв.] мили должно составлять, так сказать, территорию *фаланстера*, а около 2000 ч[еловек] должны составлять ее население.

* [Все в природе] имеет свое специальное назначение. Человек хотя, сравнительно с прочими животными, кажется [менее специальным, но в] кругу человеческой деятельности всякий человек имеет свою специальность, к которой он призван [самым устройством его] организма. Впрочем, это не противоречит тому, что иной человек может чувствовать [влечение к двадцати, к] тридцати разным занятиям. Одинаковое развитие многих способностей, а тем более всех, есть одно [из редких явлений] человека, имеющего в равной силе все стремления и способности от природы, едва ли можно найти одного [в десятках миллионов]. Все в деятельности человека определяется известным развитием его организма. Спросите об этом мнение [физиолога или доктора хорошего, об этом] он подтвердит мое мнение и скажет, что, напр., что известное развитие орган[а] зрения определяет талант живописца, темперамент его, род его живописи, так сказать, внутреннее освещение зрачка его глаза — колорит его живописи. (Здесь и далее — *примеч.* М.В. Бутаевича-Петрашевского.)

Не буду распространяться о выгодах, которые должны произойти от этого, от применений ко всему всех усовершенствований новейшей механики для облегчения труда человеческого и соделания всего дешевым. Если вычислить в деньгах огромность такой экономизации труда, она превзошла всякий вымысел...^{*} Прочтите об этом [у] Фурье в его: «Traité de l'unité universelle»²⁷... вам там все это было доказано математически: вы бы глядели... удивлялись... не верили глазам, что это так именно... Тогда бы вы сами поверили, что это не мечта, не утопия... и согласились с тем, что самый последний из обитателей или работников в фаланстере будет счастливее... сильнеешего из властителей мира... Если прочтете, осудите нас, последователей Фурье... не за пламенность, не за увлечение других к последованию этому учению... но, может быть, удивитесь нашей холодности не по летам, нашему недостатку рвения... осудите за то, что мало было в нас увлекающей силы... Такое осуждение будет и законно и справедливо...

Так вы видите, гг. следователи, что Фурье нашел, сколько земли нужно под фаланстер и сколько людей должно быть в него помещено... Это не разрешение вопроса или задачи, но только поставление ее к разрешению.

Когда есть земля, капиталы и люди, готовые вступить в фаланстерийскую общину, тогда является новый вопрос: как распределить их занятия, как установить вознаграждение каждому за труд и какое вознаграждение давать труду накопленному предшествующих поколений — капиталу (*le capital ce n'est que du travail accumulé*²⁸).

Естественный метод, которому как-то никто не хочет следовать, и дал Фурье способы разрешить этот, повидимому, неразрешимый вопрос.

^{*} Возьмем, что эти 2 т[ысячи] ч[ел.] помещаются в 300 домах (по 7 ч. на дом). Не говорю уже о том, как велика была бы экономия, если бы из материала, на такую постройку употребленного, устроить толково здание в несколько этажей, разместить сообразно с целями комнаты, но просто сдвинуть эти 300 домов вместе; экономия, происходящая от одних смежных стен, даст возможность еще выстроить такие 300 крестьянских домов. Взглянем на быт крестьянский, мы найдем, что в каждой избе 1/2 дня хозяйка стряпает. Пища почти одна у всех — разве не может успеть то же состряпать одна женщина на 10 домов? Таким образом ежедневно будет экономии 135 женских дней; считая рабочий день женский по 10 к[оп.] с[ер.], будет в экономии труда на 4 927 руб. Сверх того, еще сохранится топливо и т.п., от одного этого будет экономии до 7 000 сереб. в год. Если эту методу экономизации распространить на все... выгоды неисчислимы. Если теперь в детских приютах ребенок окупает своей работою кушанье, то в фаланстере при правильном развитии и направлении способностей 10-летний ребенок не только окупит своим трудом все свое содержание, но даже может быть и излишек от сего; во всех отношениях 10-летний фаланстериец будет развитее 15-летнего дитяти нашего общественного устройства. Склонность детей в грязи пачкаться может [быть] употреблена для очищения огородов и т.п. Только надо возжечь охоту. Переборка фрукт, ягод может быть ими совершаема и т.п.

Вот наблюдения, которые, я думаю, и вам случалось самим сделать, — которые были для Фурье руководством для разрешения этого вопроса, а именно: 1. Что если занимаешься не тем, к чему имеешь естественную склонность, то занимаешься этим лениво — и дело идет плохо. 2. Что если занимаешься одним и тем [же] долго и постоянно одним и тем же делом, — если это будет занятие умственное, то приобретаешь настроение ума одностороннее; если будет это труд механический, то будет одностороннее развитие известных органов или членов тела насчет других; например, у кузнецов руки развиты насчет других органов, у ткачей — ноги и т.п. 3. Что занятие уединенно от других не так весело идет, как в компании. 4. Надежда заслужить одобрение за дела свои от других есть один из важнейших (*stimulant*²⁹) подстрекателей к деятельности и т.п. 5. Что никто во всех частях какого-либо занятия не бывает равно силен, совершенен и т.п.

Поэтому при распределении занятий Фурье следовало их распределить так, чтоб всякий мог: 1) заниматься тем, к чему склонен; 2) переходить от одного занятия к другому, как только к сему почувствует потребность (каждые 1 1/2 или 2 часа эта потребность к перемене занятий во всяком обнаруживается); 3) заниматься вместе с другими и даже теми, к которым он имеет более, так сказать, естественной симпатии; 4) быть уверенным, что его талантливость или достоинства справедливо оценятся и вознаградятся; 5) и чтоб распределение занятий было донельзя дробное.

Вот основание распределения всех занятий по *сериям* и по *группам*^{*} относительно всех родов человеческой деятельности.

Положим, что фаланстер учредился и жизнь фаланстерийская приняла должное течение^{**}, что распределение по способностям установилось, что всякий избрал себе соответственный род занятий. Теперь является вопрос о распределении вознаграждения за труд и за капитал, внесенный в *общину фаланстерийскую*. Вот как это совершается. Все занятия советом общины по выбору распределяются по степени их относительной важности и полезности. Определяется их отношение одного к другому. Так, за работы отвратительные, но не-

^{*} Серией Фурье называет целый род занятий, напр. садоводство; группой — вид этого занятия, напр. воспитание вишен, груш.

^{**} При этом должен быть предварительно сделан расчет, именно определен *minimum*, т.е. сколько необходимо употребить разного рода ценностей (содержание) для удовлетворения последнего рабочего фаланстера... Этот *minimum* будет равен содержанию человека посредственного состояния. Потом определится стоимость содержания среднего состояния людей [и, наконец, тех], которых богатство допускает роскошь. Соответственно с этой расценкой вся цен[ность содержания ф]аланстерий[цев] должна определиться. Как это сделается, слишком много надо говорить и входить во м[ножество мелочей... что[б] все это] имело т[очность] и не-пререк[аемость] аксиомы.

обходимые (travaux immondes³⁰), чистенье отхожих мест, уборку навозу и т.п. полагается наибольшее вознаграждение. Совет же каждой отрасли занятий определяет то, какое вознаграждение следует положить за какую-либо ветвь занятий, и то, чего кто стоит по его талантливости... Время работы сосчитывается каждого из принимавших участие в работе. Потом в конце года все произведенное в фаланстере сосчитывается и разделяется на 3 части, из которых $\frac{4}{12}$ отделяются тем, которые вложили свои капиталы, $\frac{5}{12}$ — тем, кто работою одною участвовал, и $\frac{3}{12}$ — тем, кто по талантам заслужил дивиденд[д]. Потом сосчитывается все потребленное каждым фаланстерийцем в течение года. С оставшеюся затем массою ценностей (капиталов), им произведенной, он может поступить по своему произволу. Всякий может принимать участие в сотне разных занятий и как участник в них получать вознаграждение, получать дивиденд с капитала.

Таким образом устраняется противоречие интересов, источник вражды и преступлений в обществе. Сношения же все, относящиеся до удовлетворения потребностей членов фаланстера, управлением общины сами производятся.

Всякий в фаланстере вправе вести жизнь, как ему угодно. Если он обладает капиталом достаточным, что может без труда обходиться совершенно, никто его не приневолит чем-нибудь заниматься.

Капиталист, если его средства позволяют, может занимать несколько комнат и т.п. Хотите — вы можете обедать за общим столом. Нет — en petit comita³¹; на это есть особые залы, или у себя в комнате одни — это все исполнится.

Если б даже описать один день фаланстерийской жизни, то это превзошло [бы] рассказ тысячи одной ночи³².

Заводя теперь фаланстер, пришлось бы несколько отступить от этой программы, ибо вступившие в него люди уже искажены предшествующею жизнью. Так, например, первоначально работников для тяжелых работ пришлось [бы] нанять и дать им не дивиденд³³, а плату, и хорошего распределения занятий по способностям не могло иметь места.

Метода воспитания, означающая глубокое знание природы человеческой в Фурье, может быть применена и в первоначальном фаланстере. По истечении 5 лет, а может быть и скорее, после заведения первоначального фаланстера должно необходимо самим собою установиться лучшее распределение занятий, ибо в течение этого времени могут во многих развиться способности, до того оставшиеся не развитыми по недостатку к сему способам. Между тем трудно полагать, чтоб в течение этого времени не завелись другие фаланстеры, и тогда могло бы чрез перемещение лиц из одного фаланстера

в другой могло установиться распределение всех лиц по их способностям и их занятиям — лучшее.

Если б у нас сделать испытание над методою воспитания, по Фурье, воспитательные дома к сему представляют достаточно материалов, но людей к сему годных нет. Так что наши воспитатели скорее уродуют детей — даже лиц высокопоставленных, нежели их развивают.

Вот в кратких словах изображение фаланстера — организации труда в общине по Фурье; вот та часть, за которую одну он заслуживает названия гения из гениев.

Всякому отцу, который желает, чтоб его дети не сделались нравственными уродами, я советую прочесть соч[инение] Considerant «Education attrayante dédiee aux mères de familles»³⁴ — (это 3-я часть его «Destinée sociale»³⁵) и следовать этой методе воспитания. Результаты ее превзойдут ожидание. Этого сочинения прочесть достаточно, что[б] оставить тысячу предубеждений противу Фурье, или прочесть «Traité de la science de l'homme» par Gabet³⁶ в 3 ч[астях]. Если это сочинение по величине его читать покажется утомительно, то взамен этого можно прочесть брошюрку Briancourt'a, изданную в 1848 или 1849-г., — «De l'organisation du travail» или «Fou du Palais Royal»³⁷; оба эти соч[инения] в форме разговора излагают систему Фурье. В ком существует ложное мнение о безнравственности этой системы, тот пусть прочтет «De l'immoralité de 'la doctrine de Fourier»³⁸, изданное и отдельной брошюрой и в виде предисловия у второго изд[ания] полных соч[инений] Фурье при его соч[инении] «De l'unité universelle».

Те, кто обвиняют эту систему в безнравственности и т.п., ясно сими утверждениями обнаруживают, что им неизвестна система ни из одного настоящего изложения этой системы или знают ее из тех несчастных опровержений этой системы, которые в гг. опровергателях обнаруживают отсутствие знания предмета, смысла или прямо в высочайшей степени недобросовестность. Так, например, не следует никакой веры давать сочинению Reybaud «Les socialistes modernes»³⁹, соч[инениям] Cherbuliez⁴⁰, соч[инениям] Franc⁴¹, статьям об этой системе всем без исключения, помещенным в «Revue de deux mondes»⁴², особенно статьям Ferrari⁴³, статьям «Journal des débats»⁴⁴, даже соч[инениям] Proudhon⁴⁵, который взвел много небылиц на эту систему, чтоб скрыть свои покражи из нее.

Впрочем, не одна организация работ или занятий в фаланстере дает Фурье право на название гения из гениев. Взгляд его глубокий на природу человеческую, разбор естественных склонностей человека, страстей — вот в этом он превосходит всех философов.

Взгляд его на историю, кратко очерченный, хорошо разработанный, может объяснить множество явлений из прошедшей истории человечества и даже будущей. Так, например, те явления в промыш-

ленности — именно господство больших капиталов и капитала вообще — под именем *féodalité industrielle*⁴⁶ им было предсказано еще в 1800 году, когда еще оно вовсе не обнаружилось вовне. Так, им ясно определено, что наш век есть эпоха гарантизма⁴⁷, т.е. стремления к взаимному обеспечению.

Читать его сочинения и их перечитывать всегда наставительно; в его сочинениях разбросаны тысячи мер, общепользных предложений по всем отраслям промышленности, по части кредита... Это — сокровище, поднесь еще не початое. *Chambres d'asile*⁴⁸ — его мысль, комнаты ночлега — тоже... Это источник живительной жизни общественной всякому; кто только желает быть полезным гражданином, изучай, его... и кто думает быть государственным человеком в настоящем смысле этого слова... прочти... отдай должное уважение этому великому уму... уметь чтить достойное почитания немалого требует: это значит одержать самую трудную победу — победить гордость своего разума, подавить в себе чувство самолюбия своего ума... и проникнуться нелицеприятным чувством любви и уважения к истине... Это дело негромкое, скромное... но великое...

Не знаю, удовлетворительно ли изъяснил это высокое учение... Если что неясно, поставьте вопросительный знак — разъясню это подробнее.

Позвольте мне еще сказать несколько слов о себе... Не осудите этот невольный вопль... всем глубоко растерзанного сердца... Если я виновен тем, что, сообщая эти идеи душам благородным, нашел в них сочувствие... не я возбуждал его... Свойство истины таково, что она, как острый клин в мягкое тело, проникает во всякий светлый ум... Если то потрясение, которое испытал я, когда пред мной открылась гнусная провокация и многое в перспективе, о чем думать страшно... Если тысяча мыслей, столкнувшись, вдруг привели меня в беспамятство... если волнение от негодования... чуть не произведшее разрыва в сердце... лишившее меня слова... было принято вами за запирательство... Если неосторожное выражение радости — что вы не сомневаетесь в моей невинности; если в ней твердая уверенность... смешно было бы мне быть в ней не уверенным — и вы чуть не решились подавить ее наложением на меня оков... Все это за увлечение других... Но где же эти мои преступления... преступления друзей, мною увлеченных?... Не забудьте, что, быть может, не одно это пагубное влияние устранено было моею личностью... и если мне, невинному, за все это... суждено в будущем надеть оковы... Сократ своей рукой поднес чашу смертной отравы⁴⁹... Дайте же мне — я вас прошу сам, надеть мои оковы... чтоб ознакомиться поскорее... с этим будущим членом моего организма, с этим дорогим ожерельем, которое выработала мне мудрость Запада, отыскал мой любознательный ум, принес дух века,

всюду проникающий, а надела на меня торжественно любовь моя к человечеству... У меня нет силы исполинской, к труду механическому не привык... дозволейте, прошу вас, как милости... к ним попривыкнуть, чтоб, идя по пыльному пути, не тяготить своею слабостью своего спутника... Быть может, судьба... поместит меня рядом с закоренелым злодеем, на душе которого лежит 10 убийств... Сидя на привале и полдничая куском черствого хлеба... мы поразговоримся — я расскажу ему, как и за что меня постигло несчастье... Расскажу ему про Фурье... про фаланстер — что и зачем там и как... объясню, отчего люди злодеями делаются... и он, глубоко вздохнув, расскажет мне свою биографию... Из рассказа его я увижу, что много великого сгубили в этом человеке обстоятельства, душа сильная пала под гнетом несчастий... Быть может, в заключение рассказа он скажет: «Да если б было потвоему, если так бы жили люди, не быть бы мне злодеем»... и я, если только тяжесть цепи позволит, протяну ему руку и скажу: «будем братьями», — и, разломив кусок хлеба, ему подам его, говоря: «Есть много я не привык, тебе более нужно, возьми и ешь». При этом на его загорелой щеке мелькнет слеза, и... подле меня явится... не злодей, но равный мне несчастный, быть может, тоже вначале худо понятый человек.

Акт очеловечения совершится, и злодея не будет... Так увлекать нигде не буду я лишен возможности... Надо быть добрым, чтоб быть полезным и любимым... Если кто изранит ногу в дороге, если кого поразит болезнь, некоторые знания в медицине, что я имею, послужат в пользу товарищам моего несчастья. Я перевяжу их гнойные язвы... уврачую их... и между мною и собратами по страданиям установится союз любви священной... И тут я буду виновен в увлечении!.. Если мне на пути придется умереть от истомления... партия осужденных остановится... ближайший ко мне колодник, злодей, мною очеловеченный, с грустью преклонится к моему бездыханному телу... думая, что это легкое головокружение, — желая разогнать его, потянет меня за руку... и скажет уныло: «Вставай, мы тебя с соседом подведем»... Но видя мою безответность, к сердцу приложит ухо, станет ждать его биения... Встревоженный остановкою начальник партии... подойдет... спросит, в чем дело... и чтоб удостовериться в действительности смерти... кольнет хорошо самое мое тело шпагою... или [велит] испробовать меня штыком солдату... Увидя бесполезность таких мер призвания к жизни... велит отвязать от цепи и зарыть в пустой степи... Меня зароят... несколько колодников бросят пригоршен несколько земли... Несколько очеловеченных мною злодеев надо мной прольют слезы искреннего участия... Широкая степь... слезы колодников, мною очеловеченных злодеев, — над трупом моим... это лучше

церемониального марша — мавзолея — этого, надеюсь, никто у меня не отнимет... Позвольте надеть цепи, чтоб с ними заранее свыкнуться.

Уверенность в совершенной моей невинности во мне неподдаема... Осудить меня можно, но не сделать виновным... Ков злодеев хитер... но бог не в силе, а в правде⁵⁰.

Жду всего спокойно... слова спасителя, на кресте умирающего, раздаются в ушах моих... и спокойствие предсмертное нисходит в мою душу...

III

«Honni soit qui mal y pense»⁵¹

Объяснение, что такое социализм

Как более всех из заключенных (из которых многие могли объявить себя социалистами) знающий о социализме, считаю долгом сделать по возможности отчетливое объяснение об этом предмете, дабы ложные предубеждения, которые можно предполагать во вред социализму существующими, совершенно исчезли и все относящееся до сего дела пришло в надлежащую ясность. Я не разделяю мнения Marmontela⁵² или Montaigne⁵³, который говорил: «Если б держал в своей пясти все истины, он никогда бы не разжал ее, ибо человечество этого не стоит»⁵⁴. Пусть узнают истину хоть только пятеро, если нет способов ее сообщить большему количеству людей. Но к делу.

Под *социализмом* разумеют вообще учения об обществе, а *социалистами* именуются все, занимающиеся вопросами быта общественно-го... Какой живой член общества, спрошу после этого, не социалист в некотором отношении, сам того не ведая, как мещанин во дворянстве Мольера⁵⁵, который весьма поздно узнал, что говорит прозою.

Социализм не есть изобретение новейшего времени, хитрая выдумка XIX века, подобная пароходу, паровозу или светописи, — он всегда был в природе человека и в ней пребудет до тех пор, пока человечество не лишится способности развиваться и усовершенствоваться.

Слабость при рождении, нужда посторонней помощи — вот что заставило человека покоя века, с тех пор как человек стал человеком, сойтись в общества. Человеку общество столь же необходимо, как пища, огонь и воздух... Чем ниже развитие человека, тем формы быта общественного и всех гражданских и хозяйственных и т.д. отношений проще... В непрерывных метаморфозах, перерождениях и преобразованиях и заключается вся жизнь природы — в ней нет покоя, существует одно движение — от века равномерное. Человек тоже изменяется, потребности его — тоже, и общество должно тоже изменяться соответственно его потребностям. В человеке, как и во всех прочих существах природы, как в физическом, так и нравствен-

ном отношении находится *способность ассимиляции*, т.е. приспособления всего к себе*. Эта способность, это стремление приспособить общество к своим нуждам и потребностям и есть то, что называется социальное стремление — стремление к усовершенствованию быта общественного. Оно-то и движет общественное развитие... Оно-то обществу дает силу, цвет и свежесть...

Не сразу понято было человеком правильное его отношение к природе. (Зараостр⁵⁶ уже говорит о возделывании земли, насаждении дерев, как о деле благом и божеству угодном.) Долго люди, соединясь в общества, еще пребывали между собою на военном положении — право личной мести служит этому подтверждением. Убеждение, что мир и согласие лучше войны и вражды, постепенно выработывалось в человечестве — тысячелетиями⁵⁷ кровопролитий. Около времен Христа стало проникать в человеческое сознание это убеждение; сперва это выразилось отрицательно, как, например, в римском праве в форме нравственного предписания в словах: «Neminem laede» (не делай вреда другому). Потом, когда уже человечеству мало стало довольствоваться одним таким отрицательным нравоучением, тогда был проречен Христом догмат «любви к ближнему», «прощения обид» (подставь другую щеку, когда тебя ударили в одну) — «невменения преступления». С этих пор социальные стремления, скрывавшиеся в природе человеческой, получили для себя внешнее выражение, формулу, лозунг. Таинства элевзинские⁵⁸ и Мемфиса⁵⁹ разоблачились, покров с Изиды⁶⁰ был снят, и загадке, тяготившей тысячелетия человечество, найдена разгадка. И социализм получил право полного гражданства в обществе человеческом...

Ничто не входит в разумение, не пройдя сперва чрез чувства. Это[т] вечный закон, обнаруженный Лейбницем⁶¹, справедлив в отношении ко всем нравственным или умственным явлениям жизни человеческой...

Формула, данная Христом социализму, — есть более желание, нежели предписание. К ней, как и ко всему нравоучению Христа, относятся слова его: «Могий вместити да вместит»⁶². Этими словами задача социализма определительно выразилась, т.е. чтоб в отношениях между людьми заменила любовь прежнюю вражду. Все последующее развитие христианства и практической философии есть не что иное, как стремление догмат этот сделать действительностью, желание —

* Без этой способности ни человеку, ни другому существу как индивидууму, как существу отдельному существовать не было возможности. Человеку пища не иначе может оказаться питательной, как приспособившись к потребностям его желудка посредством его пищеварения. Если этого не совершится, расстройство, страдание будет в его организме.

делом. Я говорю христианства, потому что костры инквизиции были не его дело, а тех, кто его употреблял как орудие.

Что первые христиане были социалисты по чувству (*les socialistes par le sentiment*⁶³), т.е. коммунисты, — прочтите Деяния апостольские, вы в этом убедитесь сами. Вы из них увидите, что у них существовал на деле коммунизм — общность владения, как и у ессениан, одной еврейской секты⁶⁴, им по времени предшествовавшей. Что основной догмат коммунизма — общность собственности — у них был в начале весьма строго соблюдаем, этому подтверждением может служить то, что Анания и его жену за утайку небольшой суммы денег и при отдаче ими всей цены их имущества постигла смерть⁶⁵. Но так как коммунизм первых веков христианства был только порыв доброго чувства, состоял в пожертвовании богатых в пользу неимущих братии, но не проявлялся в виде правильных хозяйственных учреждений, не обнимал всех отправлений общественной жизни, оттого он и остался явлением или тенденцией, малозамеченной до последних времен в первобытном христианстве.

Не надо силы ума необыкновенной или замысловатости воображения чрезвычайной, чтоб, остановясь на догмате «любви к ближнему, как к самому себе», суметь дойти до коммунизма; это должно совершиться само собою, если только в вас возникнет желание этому догмату добросовестно следовать... Если я полюблю ближнего, как себя, разве могу ему отказать в праве пользования моим добром, собственностью, имуществом наравне с самим собою... Нападая на коммунизм, как на доктрину, нападают на догмат основной христианства и воспрещают его внешнее обнаружение... Осуждая его, вы лишаете человека права на доброе дело... вы вводите в общество мертвящий обществом эгоизм... Зачем мне богатства, если сам ими пользоваться не стану и другим не дам?.. К чему они, к чему обилие всех средств к жизни, когда ими не в ком жизни поддержи[ва]ть?

Это же самое лаконически (Иннокентий, как говорят), обвиненный в проповедывании коммунизма, выразил в этих словах: «Коммунисты говорят: что твое, то мое; я же говорю: что мое, то твое»⁶⁶. Т.е. признался в коммунизме и объявил этими словами, что он мирный коммунист, социалист по чувству, христианин времен апостольства.

С первых веков христианства по сие время всегда среди отцов церкви находились последователи, или приверженцы, коммунизма. Если б понадобилось подтвердить это цитатами, «*Le vrai christianisme*» и «*Voyage en Icarie*» Cabet⁶⁷ могут указать на множество их. Так, например, ими являются Августин⁶⁸ в его соч[инении] «*Cité de dieu*»⁶⁹ и Фелон⁷⁰ в его сочинениях.

В жизни практической социальная тенденция, получившая со времен Христа право полного гражданства в обществе, обнаружилась

разнообразно; так, напр., в соединении с аскетизмом, или учением об умерщвлении плоти, выразилась в разных монашеских орденах, рыцарских орденах; орден иезуитов следует считать тоже одним из ее обнаружений. Их колонии в Парагвае — опыт социальный неудачный, ибо индеец-колонист был принесен в жертву иезуиту и ордену иезуитов⁷¹.

Со времени утверждения завета «любви» идет ряд утопий или теорий социальных, которые представляют идеал надежд и желаний заветных человечества. Все, что в человечестве было лучшим, будет ли то душа, сильно любящая ближнего, нежное сердце, будет ли это глубокий ум, желающий все взвесить и смерять, — все это тяготится его окружающей действительностью, стремится отыскать ту форму быта общественного, при которой блаженство для человека было бы возможным. Так всегда человек, недовольный действительностью, ищет в мечте утешения или, не имея силы из материалов настоящего создать лучшее, им желаемое, переносит свои желания в другой мир и в нем дает полный разгул своему творчеству. Вот вам психическое истолкование и Нового Иерусалима в Апокалипсисе Иоанна Богослова, и Сведенборга видений, и «*Arcanes célestes*»⁷², мистической книги, довольно нелепой, в последнее время вышедшей.

Между этими всеми утопиями или теориями и их появлением⁷³ современной действительностью находится органическая связь: в «Республике» Платона⁷⁴ рабство — необходимое условие быта общественного, ибо во времена Платона везде оно было; в Морелли «*Basiliade*»⁷⁵ существует обязательность труда; в системе Фурье самый акт труда превращается в дело привлекательное, в наслаждение. Не буду вам описывать, как догмат любви христианской, в течение 1800 лет изменяясь, преобразился в формулы настоящего социализма, как явления политические, наука, промышленность и жизнь общественная выработывали то ту, то другую идею, вносили то тот, то другой элемент в сокровищницу нравственного достояния человечества. Для этого нужно изложить внутреннюю историю духа человеческого, представить пред вашими глазами весь органический процесс его развития. Это могло бы дать, быть может, несколько весьма интересных страниц, листов, пожалуй, книгу. Но чтоб писать о многих предметах важных — у меня только один лист этой бумаги. Вся библиотека в пособие к этому труду содержится в нескольких унц[ия]х [мозга], неприятно потрясенного настоящим делом... Что верить мне нельзя своей памяти — этому много и вы имеете доказательств. Обращусь прямо к социализму новейших времен.

Тихо и медленно развиваются идеи в человечестве... Не сразу признано человеком право своей личности во всех отношениях, отброшено в сторону умерщвление плоти, и всесторонность развития стала

для него делом законным. Не вдруг понял он, что общество существует для человека, а не человек для общества, и получил правильное воззрение на отношения свои к обществу, уразумел естественную связь, существующую между всеми человеческими обществами; и только в последние сто лет наука указала ему на тесную связь, существующую между всеми явлениями природы, влияние их на него и дала знать ему в его очередь меру его влияния на природу. С этих пор только человечество перестало во всем в природе видеть для себя присутствие враждебных ему сил, элементов, сговорившихся разрушить его брэнное существование, но стало видеть силы благодатные, готовые служить покорно, подчинясь велению его произвола, и избавить его от нужды в труде удручительном. Это было совершено XVIII веком, и вместе с тем задан на разрешение последующим векам следующий вопрос: «Поставить человека в правильное отношение: 1) к самому себе, 2) к обществу (другим людям), 3) к целому человечеству и 4) к природе». Нашему веку, как ближайшему, и следует приняться за разрешение этого вопроса. Социализм и есть попытка его разрешить. (По мнению моему, фаланстер Фурье, т.е. организация работ в общине, и вполне разрешает этот вопрос*.) Поэтому, как вы усмотреть можете, социализм вообще не есть прихотливая выдумка нескольких причудливых голов, но результат развития всего человечества: это догмат христианской любви, ищущий своего практического осуществления в современной нам действительности... «Nonni soit qui mal y pense».

Так поставлен был этот вопрос в сфере философского мышления. Поглядим, как современная нам действительность наводила на разрешение этого вопроса человечество... Этим объяснится и разность социальных учений и историческая необходимость их появления.

В состоянии современной промышленности всего отчетливее обнаружилась еще не уничтоженная враждебность отношений, которая была при начале учреждения человеческого общежития. Борьба капиталов противу капиталов, так сказать, пожрание большими капиталами или капиталистами маленьких, принесение личности человека в жертву капиталу, — вот что представляет собою настоящая промышленность взорам даже посредственного наблюдателя. Она являет собою анархию совершенную, т.е. применение совершенное начал либерализма и его правила — *laissez faire, laissez aller*⁷⁶.

* По Фурье, в фаланстере: 1. Человек делается воспитанием, именно гармоническим развитием его способностей. 2. Тесная связь интересов приводит всякого ко всем в правильное отношение. 3. Все отношения между фаланстериями и вся деятельность человечества — промышленная, мирная, дружеская, а не враждебная. 4. Земля должна быть и будет тогда правильно обработана и возделана.

Благодаря сему существует неправильное распределение произведений, т.е. богатств; мы видим совершенную нищету, отсутствие возможности удовлетворить первым нуждам при совершенном обилии средств к этому. Видим голод при урожае, дороговизну товара при существенной его дешевизне и т.п. *Социализм в современном обществе, вытекающий даже и не из общего философского воззрения, мною выше приведенного, но из простого наблюдения действительности, и есть не что иное, как реакция духа человеческого противу анархического, разрушительного для быта общественного влияния начал либерализма — выше означенных противуестественных явлений в жизни общественной*⁷⁷. Социализм требует устранения этих явлений из жизни общественной. Вот почему большинство сочинений социальных и носят на себе названия «Organisation du travail», «Organisation de l'industrie», «Organisation de la production»⁷⁸ и т.п.

Причина, почему *социализм* при всей благодатности своего направления и стремления так много подвергался и подвергается еще поныне в Европе превратным истолкованиям и даже площадным ругательствам и насмешкам, заключается в том главным образом, что он есть учение (начало), *прямо противоположное либерализму*, и то, что, восставая противу тех *злоупотреблений*, тех законами дозволяемых по сие время разбоев, которые могут производить в настоящее время в обществе Ротшильды⁷⁹ и другие владельцы капиталов в деньгах чрез *скупы* (assaraage)⁸⁰, *биржевую игру* (agiotage), он таковые безнравственные действия представляет в настоящем их виде и вредит этим удаче их спекуляций подобного рода. Либералы и банкиры суть властители (феодалы) в настоящее время в [ападной] Европе. Одни господствуют влиянием на мнение общественное, другие же чрез посредство биржи и промышленность по своему произволу распоряжаются явлениями жизни общественной. Нет ни одного волнения народного, от которого при видимой сперва потере не понажился хороший банкир подобно Ротшильду от одного уменья выждать время и возможности перенести потерю, для других разорительную, для него — ничтожную.

Вот закулисная *тайна либералов и банкиров* — «Journal des débats», «Constitutionnel», «Presse»⁸¹, изъяснение действительной причины гонению, воздвигнутом[y] Thiers et C⁸² на социалистов, — его *association de la propagande antisocialiste*⁸³, которая для социализма — в чем я не сомневаюсь, — да и все социалисты, вероятно, со мною согласны, — принесет более пользы, чем вреда, — его распространит более.

* Почти в сих выражениях мною было ответено г. Черносивову на его старание доказать тождество либерализма и социализма. Если вам благоугодно будет, то я присовокуплю сие к ответу моему на вопрос о направлении сего разговора г. Черносивова.

Все социалисты или социальные учения между собою в одном сходятся, именно они единогласно говорят: «Должны же быть какие-либо неправильности в настоящей организации общественной (так говорят они, глядя на окружающую их действительность), ибо естественным потребностям человека нет соответственного удовлетворения; и что следует сделать общественные отношения более правильными». Во всем остальном они расходятся.

Все различие социальных систем проистекает от точки их исхода, от тех явлений жизни общественной, которые их поразили наиболее, от того взгляда, который они получили на причины таковых нерадостных явлений. Такой взгляд определяет и направление, и характер их систем, и способы, предложенные к разрешению общественных вопросов. Так, например, коммунисты (их множество подразделений) — социалисты по чувству — мы выше об них уже несколько говорили, — горестно пораженные видом нищеты ужасной рядом с чрезмерным богатством, усмотрели в собственности, капитале главный источник всех общественных бедствий, и в замене частной собственности общую увидели способ к уничтожению всех зол. Упустив из виду, что бедность не оттого происходит собственно, что есть богатые, а оттого, что в человечестве еще до сих [пор] производится менее ценностей, нежели сколько того общественные потребности (305) требуют; и забыли еще необходимость скопления больших капиталов для изобретений и движения промышленности. Их формула «à chacun selon ses besoins»⁸⁴.

Так St.-Simon'исты⁸⁵, видя, что множество людей способных и талантливых пропадает, не принося ни себе, ни другим пользы надлежащей, придумали для устранения этого иерархическое распределение людей по способностям их, предоставив право сего распределения главе их. В формулу же себе выбрали выражение «à chacun selon ses capacités»⁸⁶. А из их учения сделали нечто, подобное вероучению.

Réformist'ы⁸⁷ и прогрессисты — тоже социалисты, но не имеющие определенного учения. Первые считают всякую реформу полезной, как пробуждающей общество от апатии, другие же говорят, «что задача общества есть беспрерывно усовершенствоваться, но что определенной формы быта общественного лучшей отыскать нельзя; что человечество, само развиваясь, должно ее самопроизвольно (d'une manière spontanée⁸⁸) произвести и в нее влиться». Их должно считать последователями учения Ferguson⁸⁹ и Condorcet⁹⁰ «Du progrès indéfini»⁹¹.

Во всех социальных сочинениях, к каким бы они школам ни принадлежали, находится весьма много предложений или мер прекрасных, удобоприменимых ко всем отраслям как частного хозяйства, так общественного и государственного. Можно положительно сказать, что всякая социальная книга, даже посредственная, если только не

Селифаном Гоголя⁹² будет читаться, может навести на множество полезных промышленных предприятий, весьма выгодных и для предпринимателя и для общества, часто не требующих значительных капиталов.

В защиту гг. социалистам против обвинений могут служить те же законы, на которые я ссыл[ал]ся в объяснении системы Фурье, — именно законы о собственности, относящиеся до прав состояний, и сверх того законы, относящиеся до прав на обязательства в разных видах, как, напр., договор товарищества, круговой поруки и т.д.

Еще считаю долгом отстранить от социалистов обвинение, неправильно на них делаемое, что будто они произвели последнюю французскую революцию⁹³. Нет, произвела ее политика худая Louis Philippe⁹⁴, шедшая наперекор общественным потребностям, упорство Guizot⁹⁵ против réforme électorale⁹⁶, неуважение требованья de la petite bourgeoisie⁹⁷ партии Odillon Barrot⁹⁸. Движением воспользовались les républicains purs⁹⁹. Louis Philippe пал от общего к нему равнодушия. В будущей законодательной палате через 3 или 4 года от сего социалистов партия будет сильна. Еще не один настоящий социалист в управлении не был.

Движение же национальностей произведено либерализмом, ибо социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей: для социалиста различие народностей исчезает, есть только люди. Движение национальностей естественно сосредоточиться вредно успеху социализма, как отвлекающее жизненные силы общества от предметов, могущих увеличить массу общественного благосостояния, и заставляющее прибегать к войне — оружию.

Вот в главных чертах изображение того, что есть социализм и новейшего времени *социальные стремления*. Вы из предшествовавшего могли усмотреть, что это есть живая творческая сила общества, гений усовершенствований, догмат христианства, внедряющийся в жизнь практическую, что чем выше и совершеннее общественное развитие, тем более *предметов общего пользования, общего владения* (коммунистических учреждений), или тем дешевле пользование ими *складчиной* (par association¹⁰⁰, как, например, плата за места в театре). Бросьте ваши взоры на храмы божьи, где всякий бесплатно молится, гульбища, комнаты приюта, монастыри, казармы, публичные заведения для воспитания и т.д., — везде, где только есть какое-либо удобство, доступное многим, вы найдете дух социализма. Взгляните на ваши деревни, на вашего мужика, при всей нерадивости не дошедшего до той нищеты, которая бы его лени соответствовала; ищите причину, — вы найдете, что передел полей — общее пользование землею — и есть этому причина.

Если мне удалось это разъяснить вполне, то льщу себя надеждой, что скажете тем, кто будет впредь нападать на социализм, что поступать так — значит нападать на все то, что есть живого и живучего в обществе, разрывать связи общественные, лишать всякого — права на доброе дело, вводить мертвящий эгоизм в общество — и в нем водворять тишину могилы и безмолвие кладбища!!! Скажите ему, что прошедшее невозвратно, что ныне никого, даже киргиза, кочующего по широкой степи Барабинской, не прельщает доблесть Святослава¹⁰¹ — спянье в болоте на потном войлоке и питье вина пополам с кровью из черепа еще теплого неприятеля!.. что закон природы неизменен...

Пагубна кичливая гордость быть фосенгаром* в отношении к целому обществу!.. «Име[я]й уши да слышит»¹⁰²...

Что же я делал, писавши о социализме, — я желал представить дело, как оно есть, в истинном свете, старался утвердить торжество истины над предрассудками. Я занимался *пропагандой*. В этом смысле, но не более, я считаю постыдным отречься от своего дела — от *пропагандорства*!.. «Nonni soit qui mal y pense».

Комментарии

Бутаевич-Петрашевский Михаил Васильевич

¹ КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ, ВОШЕДШИХ В СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА

«Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», издаваемый Н. Кирилловым (выпуск первый включает слова от А до «Мариоттова трубка»), вышел в апреле 1845 г. Его издатель — Н. С. Кириллов, артиллерийский штабс-капитан, служил в Павловском кадетском корпусе. Словарь вышел с посвящением главному начальнику военно-учебных заведений великому князю Михаилу Павловичу, что должно было защитить издание от преследований цензуры. Редактором и автором большинства статей первого выпуска был В. Н. Майков (при участии Р. Р. Штрандмана и др.). Этот выпуск (от А до «Мариоттова трубка») благополучно прошел цензуру и быстро разошелся. В апреле 1846 г. вышел второй выпуск этого словаря (от «Мариоттова трубка» до «Орден Мальтийский»), который был подготовлен в основном М. В. Бутаевичем-Петрашевским, редактором и автором ряда важнейших в теоретическом отношении статей. Второй выпуск был конфискован, в последующем почти весь его тираж был уничтожен, а издание остановлено. В ходе суда над петрашевцами издание словаря составило один из пунктов обвинительного заключения.

² НАЦИЯ

Печатается по: Кириллов Н. С. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым. СПб.: В типографии губернского правления, 1845. С. 220—221.

* *Фосенгары* — секта в Индии, обожатели богини смерти, убийство считают своим mission (миссией) на земле.

³ Термин «космополитический», вслед за Ш. Фурье, Петрашевский употребляет в смысле: интернациональный, общечеловеческий.

⁴ Доходить до степени гуманитарного усовершенствования (*фр.*).

⁵ [ОБЪЯСНЕНИЕ О СИСТЕМЕ ФУРЬЕ И О СОЦИАЛИЗМЕ]

«Объяснение...» написано М. В. Петрашевским в конце мая 1849 г. в тюрьме во время следствия.

Впервые опубликовано: Петрашевцы. Сборник материалов / Под ред. П. Е. Щеголева. Т. II. Статьи, доклады, показания. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 85—110.

Печатается по: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. АН СССР. Институт философии; вступ. ст., общ. ред. В. Е. Евграфова. М.: Госполитиздат, 1953. С. 406—433.

⁶ *Фурье* (Fourier) Франсуа Мари Шарль (1772—1837) — французский социалист, критик буржуазного строя («цивилизации»), основатель утопической системы фурьеризма, согласно которой в обществе будущего — строе «гармонии» вернуться все человеческие способности. В основу этого строя кладется разделение общества на мелкие общины, трудовые ассоциации, которые он назвал «фаланги», живущие в фаланстерах; каждая фаланга сочетает промышленное и сельскохозяйственное производство; общий доход в ней распределяется в известной пропорции между талантом (3/12), физическим трудом (5/12) и капиталом (4/12); независимо от этого каждому члену фаланги обеспечен прожиточный минимум. Новое общество утвердится, как считал Фурье, путем мирной пропаганды социалистических идей.

⁷ Имеется в виду революция 22—24 февраля 1848 г. во Франции, в результате которой была свергнута монархия и провозглашена республика.

⁸ «Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации» (т. 1—2, 1822) в посмертных собраниях сочинений Фурье публиковался под заглавием «Теория всемирного единства».

⁹ Видимо, речь идет о Беллизаре Клавдие Карле (1717—1835), владельце книгопродавческой фирмы в Санкт-Петербурге.

¹⁰ Жюль де Шевалье, «Очерки о социальной науке» (*фр.*). Здесь или описка Бутаевича-Петрашевского, или опечатка издателей, так как имеется в виду Лешевалье (Lechevalier) Жюль (1800—1850) — французский экономист и публицист, последователь Фурье, автор большого количества трудов, в том числе «Etudes sur la science sociale» (Paris, 1832—1834).

¹¹ Текст, взятый в квадратные скобки, воспроизводится по изданию «Дело Петрашевцев», т. I (Дело петрашевцев, т. 1—3, М.; Л., 1937) (*примеч. В. Е. Евграфова*).

¹² Фаланстер — в учении Ш. Фурье специальное здание, центр жизни фаланги — коммуны.

¹³ Бутаевич-Петрашевский неточно цитирует статьи Свода законов, где сказано: «388. Кто, быв первым преобретателем имущества, по законному укреплению его в частную принадлежность, получил власть, в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица посторонняго владеть, пользоваться и распоряжаться оными вечно и потомственно, доколе не передаст другому, или кому власть сия от первого ся преобретателя дошла непосредственно или чрез последующия законныя передачи и укрепления: тот имеет на сие имущество *право собственности*...»

473. имение, состоящее в общем владении многих лиц, не может быть отчуждено одним из них без согласия всех; но каждый соучастник может продать или заложить то, что на часть его из общаго причитается (свой жребий), с тем однако

же, что прочим соучастникам, если не захотят они допустить до выдела той части, предоставляется сохранить оную за собою, заплатив за нее деньгами по оценке». (Свод законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. X. Свод законов гражданских и межевых. Книга вторая. О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще. СПб.: Типография Второго Отделения Его Императорского Величества Канцелярия, 1842. С. 68, 84).

¹⁴ Здесь цитируется 353 ст. Свода законов: «353. Недвижимыми имуществами признаются по закону земли и всякия угодья, деревни, дома, заводы, фабрики, лавки, всякия строения и пустыя дворовые места». (Свод законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. X. Свод законов гражданских и межевых. Книга вторая. О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще. СПб.: Типография Второго Отделения Его Императорского Величества Канцелярия, 1842. С. 62).

¹⁵ Имеются в виду следующие статьи Свода законов: «201. Каждому потомственному дворянину предоставляется полная свобода учреждать в своих деревнях, без записки в гильдию, заводы и фабрики. Равномерно дозволяется дворянам как потомственным, так и личным, заводить и содержать фабрики и заводы в городах, но не иначе, как с запискою в одну из купеческих гильдий. Личные дворяне сверх сего могут, без всякой записки в гильдию, иметь в городах так называемая домашняя заведения или ремесла, с одним причислением таковых заведений по роду оных к цехам...

204. Потомственный дворянин может приобретать законными способами все без изъятия роды имуществ движимых и недвижимых, не исключая и крепостных людей с землею и без земли, с тем только ограничением, что дворянам, неимеющим за собою населенного движимаго имения, не дозволяется приобретать дворовых людей и крестьян без земли ни посредством купли или дара, ни по разделу, ни по духовному завещанию, ни по рядным записям. С достоящимися таким дворянам по семейному разделу крестьянами и дворовыми людьми поступает на основании законов о наследствах, приходящих к неимеющим права владеть крепостными людьми. (Свод законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. IX. Свод законов о состояниях. Книга первая. О разных родах состояний, и различии прав, им присвоенных. СПб.: Типография Второго Отделения Его Императорского Величества Канцелярия, 1842. С. 41, 42).

¹⁶ Под «энциклопедией законоведения» и «естественным правом» здесь подразумеваются отдельные юридические науки в современной Бутаевичу-Петрашевскому России, предмет первой — или как ее еще называли, «энциклопедии права» — «обзор всех наук законоведения в общей их связи» (Неволин К.А.), предмет второй — философия законодательства.

¹⁷ *Кант* (Kant) Иммануил (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. *Гегель* (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — классик немецкой философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма. *Платон* (др.-греч. Πλάτων) (428 или 427 до н.э. — 348 или 347) — знаменитый древнегреческий философ.

¹⁸ Имеется в виду кавказская раса, в классификации немецкого анатома и антрополога Блуменбаха (Blumenbach) Иоганна Фридриха (1752—1840) — большая раса, соответствующая европеоидной расе.

¹⁹ Речь идет о работах Ш. Фурье «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808), «Теория всемирного единства» (1822), «Новый хозяйственный социетарный мир» (1829) и двухтомном сборнике статей «Фальшивая промышленность...» (1835—1836).

²⁰ *Ханьков* Александр Владимирович (1825—1853) — участник кружка Бутаевича-Петрашевского. Проходил по делу петрашевцев в качестве обвиняемого, был приговорен к смертной казни (1849), замененной ссылкой рядовым в линейные батальоны.

²¹ Консидеран «О новой политике, соответствующей интересам современного общества», глава «О революционном духе в современном обществе и о верных способах его уничтожения» (*фр.*).

Консидеран (Considérant) Виктор (1808—1893) — французский социалист, последователь Ш. Фурье.

²² Речь идет о Великой французской революции 1789—1794 гг.

²³ Эти паразитические существа (*фр.*).

²⁴ «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:37—39), см. также (Лев. 19:18).

²⁵ Абсолютное сомнение (*фр.*).

²⁶ Частное хозяйство (*фр.*).

²⁷ «Теория всеобщего единства» (*фр.*).

²⁸ Капитал — это не что иное, как накопленный труд (*фр.*).

²⁹ Стимул (*фр.*).

³⁰ Грязные работы (*фр.*).

³¹ В тесном кругу (*фр.*).

³² Имеется в виду «Сказки Тысячи и Одной Ночи» — памятник средневековой арабской литературы.

³³ Дивиденд (лат. dividendum — то, что подлежит разделу) — часть общей прибыли, причитающаяся на долю каждого участника какого-либо коммерческого предприятия.

³⁴ Консидеран, «Теория естественного образования и привлекательности, посвященная матерям» (*фр.*).

³⁵ «Социальная судьба» (*фр.*).

³⁶ «Трактат, [посвященный] науке о человеке» Габе (*фр.*).

³⁷ Брианкура «Об организации труда» или «Сумасшедший из Королевского дворца» (*фр.*). Скорее всего, Бутаевич-Петрашевский имел в виду произведения французского политического деятеля, ученика Фурье и друга Консидерана — Кантагреля (Cantragrel) Франсуа-Жана (1810—1887) «Le Fou du Palais-Royal» (Paris, 1841) и «Organisation des travaux publics» (Paris, 1847).

³⁸ «О безнравственности доктрины Фурье» (*фр.*).

³⁹ Рейбо «Современные социалисты» (1840). Полное название — «Etudes sur les réformateurs modernes». *Рейбо* (Reybaud) Луи — французский писатель, романист и публицист (1799—1879).

⁴⁰ *Шербюлье* (Cherbuliez) Антуан (1797—1869) — французский экономист и публицист.

⁴¹ *Франк* (Franck) Адольф (1809—1893) — французский философ.

⁴² «Обозрение двух миров», или «Обозрение Старого и Нового света» — двухнедельный французский журнал либерального направления. Издавался в Париже с 1829 г.

⁴³ *Феррари* (Ferrari) Джузеппе (1811—1876) — итальянский историк и философ.

⁴⁴ «Журнал прений» (*фр.*). Имеется в виду «Journal des Débats Politiques et Littéraires» («Газета политических и литературных дебатов») — влиятельная французская консервативная газета, выходившая в Париже с 1789 г.

⁴⁵ *Прудон* (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865) — французский социалист, теоретик анархизма, один из основоположников политэкономии.

⁴⁶ Промышленный феодализм (*фр.*).

⁴⁷ «Эпоха гарантизма» — по учению Фурье — новый период в жизни общества, когда должен осуществиться план его перестройки на основе полной ассоциации.

⁴⁸ Комнаты приюта (*фр.*).

⁴⁹ *Сократ* (ок. 469 г. до н. э. — 399 г. до н. э.) — древнегреческий философ. Был обвинен в том, что не чтит богов, развращает юношей и, как свободный афинский гражданин, не был подвергнут казни, а сам принял яд.

⁵⁰ «Не в силе Бог, а в правде. Иные — с оружием, иные — на конях, а мы Имя Господа Бога нашего призовем! Они поколебались и пали, мы же восстали и тверды были» — слова князя Александра Невского перед победной битвой со шведами на р. Неве 15 июля 1240 г.

⁵¹ «Позор тому, кто дурно об этом подумает» (*фр.*) — ходячее выражение со значением: в сказанном не следует искать никакого скрытого смысла.

⁵² *Мармонтель* (Marmontel) Жан Франсуа (1723—1799) — французский писатель эпохи Просвещения.

⁵³ *Монтень* (Montaigne) Мишель Эйкем де (1533—1592) — французский писатель и философ эпохи Возрождения.

⁵⁴ «Если бы я держал в руке все истины мира, я бы поостерегся разжать ее, чтобы показать их людям» — обычно этот афоризм приписывают не Монтеню, а французскому писателю и ученому *Фонтенелю* (Fontenelle) Бернару Ле Бовье де (1657—1757).

⁵⁵ Имеется в виду «Мещанин во дворянстве» (или «Мещанин-дворянин») — комедия-балет в пяти актах Мольера и Жана Батиста Люлли, написанная в 1670 г.

⁵⁶ *Зороастр* — или Заратустра — основатель зороастризма, жрец и пророк.

⁵⁷ Тысячелетиями — оригинальное написание слова. Оставлено без изменения. Совр. звучание — тысячелетиями.

⁵⁸ *Таинства элевзинские* — в Древней Греции празднества, состоявшие из мистических представлений; в отправлении празднества участвовали только посвященные, которые обязаны были сохранять полную таинственность.

⁵⁹ *Мемфис* — древнеегипетский город (к юго-западу от Каира). Основан в III тыс. до н.э., крупный религиозный, политический, культурный и ремесленный центр, столица Египта в XXVIII—XXIII вв. до н.э.

⁶⁰ *Изида* — египетская богиня, супруга Осириса, символ производительной силы природы, изобретательница искусств, позднее богиня луны.

⁶¹ *Лейбниц* (Leibniz) Готфрид-Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ, математик, юрист, дипломат.

⁶² Букв. цитата: На это Господь сказал: Не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть... Могий вместити да вместит (Матф. 19:11—12).

⁶³ социалисты по чувству (*фр.*).

⁶⁴ Ессениане (совр. — ессениане) — древнеиудейская религиозная секта эпохи становления христианства.

⁶⁵ Речь идет о смерти Анания и Сапфиры, обманувших апостола Петра и Церковь, изложенная в «Деяниях святых апостолов» (5:1—11).

⁶⁶ Фраза, взятая из исторического анекдота: «Шеф жандармов, гр. А.Ф. Орлов, сообщил Иннокентию [харьковскому архиепископу, в последующем — архиепископу херсонскому] донесение о том, будто бы он в своих проповедях распространяет учение коммунистов и социалистов.

— Ваше сиятельство, — ответил Иннокентий, — кто донес это, тот не взял себе в толк того, что слышал. Между тем, что говорю я и учением коммунистов есть маленькая разница. Коммунисты говорят: «что твое, то мое», а говорю: «что мое, то твое»... Граф Орлов удовлетворился этим ответом и сообщил его императору (*Жемчужников Л.М.* Мои воспоминания из прошлого. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2009. С. 96).

⁶⁷ «Истинное христианство» и «Путешествие в Икарию» Кабе (*фр.*) *Кабе* (Cabet) Этьен (1788—1856) — французский коммунист-утопист.

⁶⁸ *Аврелий Августин* (лат. Aurelius Augustinus; 354—430) — Блаженный Августин, Святитель Августин — философ, проповедник, христианский богослов и политик. Святитель католической и православных церквей. Один из Отцов Церкви.

⁶⁹ «Град божий» (413—427) — главное произведение Августина, в 22 томах.

⁷⁰ *Фенелон* (Fenelon) Франсуа де Салиньяк де Ла Мот (1651—1715) — французский писатель и религиозный деятель.

⁷¹ Имеются в виду иезуитские редукции, или индейские резервации иезуитов, созданные в начале XVII в. католическим орденом «Общества Иисуса» в Парагвае — колониальной провинции, подчиненной Испании, в районах, населенных индейскими племенами тупи-гуарани. Эти редукции иногда называют «христианско-коммунистическим государством». «Государство» иезуитов было упразднено во второй половине XVIII в. (см.: *Святловский В.В.* Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. Пг., 1924).

⁷² «Тайны небесные» (*фр.*). Имеется в виду первый выпуск труда шведского ученого и теософа-мистика *Сведенборга* (Swedenborg) Эммануэля — «Arcana Coelestia» (1749—1756).

⁷³ По смыслу фразы должно быть: порождением.

⁷⁴ Здесь речь идет об идеальном государстве, которое Платон представлял как аристократическую республику.

⁷⁵ *Морелли* (Morelly) Этьенн-Габриэль (1717 или 1718—?) — французский мыслитель XVIII в., представитель утопического коммунизма, аббат, автор поэмы «Базилиада» (1753), в которой в аллегорической форме нарисовано коммунистическое общество.

⁷⁶ Не мешайте каждому делать то, что он хочет, предоставьте все естественному ходу вещей (*фр.*).

⁷⁷ В примечании речь идет о Черносвитове Рафаиле Александровиче (1810—1868) — дворянине, сибирском золотопромышленнике, который был привлечен к следствию по делу петрашевцев.

⁷⁸ «Организация труда», «Организация промышленности», «Организация производства» (*фр.*).

⁷⁹ *Ротшильды* — династия финансовых магнатов, начало которой положил банкир Майер Амшель из Франкфурта-на-Майне, обогатившийся в XVIII в. на военных поставках и финансовых спекуляциях.

⁸⁰ *Скуп* — устаревшее значение скупки чего-либо.

⁸¹ «Конституционалист» и «Пресса» — французские газеты.

⁸² *Тьер* (Their) Луи Адольф (1797—1877) — французский политический деятель и историк.

⁸³ Ассоциация антисоциалистической пропаганды (*фр.*).

⁸⁴ Каждому по потребностям (*фр.*).

⁸⁵ Сенсимонисты (*фр.*).

⁸⁶ От каждого по способностям (*фр.*).

⁸⁷ Реформисты (*фр.*).

⁸⁸ Спонтанным образом (*фр.*).

⁸⁹ *Фергюсон* (Ferguson) Адам (1723—1816) — шотландский историк и философ, автор труда «Опыты по истории гражданского общества» («Essay on the history of the civil society», 1766), в котором выдвинул концепцию развития форм человеческого общества от примитивной ступени к более высокой культуре под действием общих законов.

⁹⁰ *Кондорсе* (Condorcet) Мари Жан Антуан Никола, маркиз (1743—1794) — французский писатель, ученый-математик и политический деятель, родоначаль-

ник философии истории, в основу которой была положена теория «прогресса». Главный труд — «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (*Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*, 1795, рус. пер. 1909).

⁹¹ «О бесконечном прогрессе» (*фр.*).

⁹² Селифан — кучер Чичикова в романе Н.В. Гоголя «Мертвые души».

⁹³ Имеется в виду буржуазно-демократическая революция во Франции 1848—1849 гг.

⁹⁴ *Луи Филипп I* (1773—1850) — король Франции с 9 августа 1830 по 24 февраля 1848, представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов, отрекшийся от престола под давлением революционных обстоятельств.

⁹⁵ *Лизо* (Guizot) Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский государственный деятель, историк. Занимал посты министра внутренних дел (август—ноябрь 1830), народного просвещения (1832—1836, 1836—1837), иностранных дел (1840—1848), премьер-министра (1847—1848) Франции.

⁹⁶ Избирательной реформы (*фр.*).

⁹⁷ Мелкой буржуазии (*фр.*).

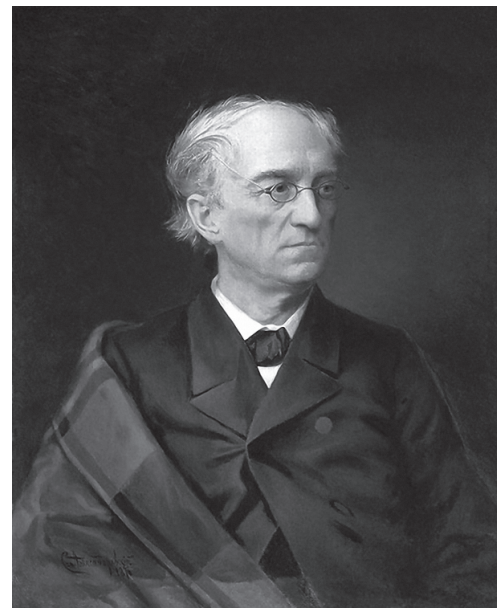
⁹⁸ *Барро* (Barrot) Одиллон (1791—1873) — французский политический деятель, адвокат, в 1830—1840-е гг. лидер династической оппозиции в парламенте, требовавшей более широкого привлечения промышленной буржуазии к управлению государством.

⁹⁹ Чистые республиканцы (*фр.*).

¹⁰⁰ Ассоциацией, объединением (*фр.*).

¹⁰¹ *Святослав Игоревич* (942 — март 972) — великий князь киевский с 945 по 972 г., прославившийся как полководец.

¹⁰² «Имея уши слышати да слышать» (Мф. 25: 30).

Тютчев Федор Иванович, поэт, публицист, дипломат, тайный советник (1865), член-корреспондент Петербургской АН (с 1857)

Родился 23.11.1803 в с. Овстуг Брянского уезда Орловской губернии в семье отставного гвардейского поручика, надворного советника, чиновника Экспедиции кремлевских строений (ведавшей строительными и ремонтными работами во всех императорских дворцах Москвы и ее окрестностей). Получил домашнее образование. С 1818 — вольнослушатель, с 1819 — студент словесного отделения Московского университета. Окончил университет в 1821 со степенью кандидата. В 1819 в трудах Общества любителей российской словесности появилась его первая публикация. С 1822 служил в Коллегии иностранных дел в Санкт-Петербурге, находился на дипломатической работе за границей. Был атташе русской миссии в Мюнхене (с 1822), в 1833 по собственному желанию был направлен курьером с дипломатическим поручением на Ионические острова, в 1837 назначен старшим секретарем посольства в Турине. Исполняя обязанности посланника, без разрешения выехал в Швейцарию, за что был лишен звания камергера и отставлен от службы. После этого вернулся в Мюнхен и прожил там четыре года. В 1830 в журнале «Современник» было опубликовано его знаменитое стихотворение «Silentium!», в течение 1836—1840 — еще около 40 стихотворений под заглавием «Стихотворения, присланные из Германии». В 1841 вышел в отставку. Занялся проектом улучшения имиджа России в европейском общественном мнении. В 1843—1845 со славянофильских позиций объяснил феномен русофобии, подал две записки на имя императора Николая I (1843, 1845), опубликовал в 1844 в Мюнхене на французском языке брошюру «Россия и Германия. Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору “Всеобщей Газеты”». В 1844 возвратился в Россию, числился «чиновником особых поручений VI класса при государственном канцлере» К.В. Нессельроде, с 1848 одновременно работал стар-

шим цензором при Особой канцелярии Министерства иностранных дел. В мае 1849 в Париже в под названием «Записка, представленная императору Николаю после февральской революции одним русским чиновником высшего ранга Министерства иностранных дел» вышла его статья «Россия и Революция», а в 1850, в январском номере журнала «Revue des Deux Mondes» была опубликована статья «Папство и Римский вопрос...». Статьи, идеи которых перекликались с идеями московских славянофилов, получили большой общественный резонанс в Европе. В конце 1840 — начале 1850-х в незавершенном трактате «Россия и Запад» и ряде публицистических статей в стихах выдвинул панславистскую идею создания Православной Империи — союза славянских, православных государств под эгидой России. В 1850-е получает известность как поэт. В 1857 произведен в действительные статские советники, а в 1864 — в тайные советники. С 1858 до конца жизни был председателем Комитета цензуры иностранной. Скончался 15.06.1873 в Царском Селе.

СОЧИНЕНИЯ

Тютчев Ф.И. Избранные сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. М.: Издательский центр «Классика», 2002—2004.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений в стихах и прозе. М.: Вече, 2000.

Россия и Запад: книга пророчеств. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков И.С. Биография Ф.И. Тютчева. М., 1997.

Динесман Т.Г. Ф.И. Тютчев. Страницы биографии (К истории дипломатической карьеры). М., 2004.

Кожин В.В. Тютчев. М., 1994.

Кожин В.В. Пророк в своем отечестве (Ф.И. Тютчев и история России XIX века). М., 2001.

Литературное наследство. Т. 97: В 2 кн. Федор Иванович Тютчев. М., 1988.

Мыркова А.В. Ф.И. Тютчев: Особенности политического дискурса. М., 2003.

Пигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962.

Пигарев К.В. Тютчев и его время. М., 1978.

Тарасов Б.Н. Историософия Ф.И. Тютчева в современном контексте. М.: Наука, 2006.

Тютчевский сборник — I. Таллинн, 1990.

Тютчевский сборник — II. Тарту, 1999.

Ф.И. Тютчев в документах, статьях и воспоминаниях современников. М., 1999.

Ф.И. Тютчев: pro et contra. Личность и творчество Тютчева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2005.

Цымбурский В.Л. Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 86—98.

Чагин Г.В. Тютчевы. СПб., 2003.

РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ¹

Для уяснения сущности огромного потрясения, охватившего ныне Европу, вот что следовало бы себе сказать. Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества.

Факт такого противостояния всем сейчас бросается в глаза, однако отсутствие ума в нашем веке, отупевшем от рассудочных силлогизмов², таково, что нынешнее поколение, живя бок о бок со столь значительным фактом, весьма далеко от понимания его истинного характера и подлинных причин.

До сих пор объяснения ему искали в области сугубо политических идей; пытались определить различия в принципах чисто человеческого порядка. Нет, конечно, распря, разделяющая Революцию и Россию, совершенно иначе связана с более глубокими причинами, которые можно обобщить в двух словах.

Прежде всего Россия — христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному³. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же прежде всего — враг христианства⁴. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство. Ее последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления — все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало, дающее ей также (нельзя не признать) столь грозную власть над миром. Кто этого не понимает, тот уже в течение шестидесяти лет⁵ присутствует на разыгрываемом в мире спектакле в качестве слепого зрителя.

Человеческое я, желающее зависеть лишь от самого себя, не признающее и не принимающее другого закона, кроме собственного волеизъявления, одним словом, человеческое я, заменяющее собой Бога, конечно же, не является чем-то новым среди людей; новым становится самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом⁶. Это новшество и получило в 1789 году имя Французской революции.

С того времени Революция во всех своих метаморфозах сохранила верность собственной природе и, видимо, никогда еще не ощущала себя столь сокровенно антихристианской, как в настоящую минуту, присвоив христианский лозунг: братство. Тем самым можно даже предположить, что она приближается к своему апогею. В самом деле, не подумает ли каждый, кто услышит наивно богохульственные разглагольствования, ставшие как бы официальным языком нашей эпохи, что новая Французская республика явилась миру, дабы исполнить евангельский закон?⁷ Ведь именно подобное призвание торжественно приписали себе созданные ею силы, правда с одной поправкой, которую Революция приберегла для себя, — дух смирения и самоотвержения, составляющий основу христианства, она стремится заменить духом гордости и превозношения, свободное добровольное милосердие — принудительной благотворительностью, а взамен проповедуемого и принимаемого во имя Бога братства пытается установить братство, навязанное страхом перед господином народом. За исключением отмеченных различий, ее господство на самом деле обещает стать Царством Христа.

Это пренебрежительное доброжелательство, которое новые власти выказывали до сих пор по отношению к католической Церкви и ее служителям, никого не должно вводить в заблуждение. Оно является едва ли не важнейшим признаком действительного положения вещей и самым очевидным показателем достигнутого Революцией всемогущества. В самом деле, зачем Революции выказывать себя враждебной к духовенству и христианским священнослужителям, которые не только претерпевают, но принимают и усваивают ее⁸, превозносят все ее насилия для предотвращения исходящих от нее угроз и, не подозревая того, присоединяются ко всем ее неправдам? Если бы в таком поведении содержался лишь расчет, то и тогда он оказался бы отступничеством; но, если к расчету примешивается убеждение, отступничество усугубляется в гораздо значительной степени.

Однако позволительно предвидеть, что не будет недостатка и в преследованиях. В тот же самый день, когда предел уступок будет исчерпан, а католическая Церковь сочтет своим долгом начать сопротивление, обнаружится, что она способна это сделать лишь путем возвращения к мученичеству. Можно положиться на Революцию: во всем она останется верна себе и последовательна до конца.

Февральский взрыв⁹ оказал миру великую услугу тем, что сокрушил до основания все иллюзорные построения, маскировавшие подлинную действительность. Даже самые недаленовидные люди должны теперь понимать, что история Европы в течение последних тридцати лет представляла собой лишь продолжительную мистификацию. И не озарилось ли внезапно безжалостным светом недавнее

прошлое, уже столь отдалившееся от нас? Кто, например, сейчас не понимает всей смехотворности притязаний той мудрости нашего века, которая благодушно вбила себе в голову, что ей удалось укротить Революцию конституционными заклинаниями¹⁰, обуздать ее ужасную энергию законнической формулой? После всего случившегося кто мог бы еще сомневаться, что с проникновением революционного начала в общественную кровь все его подходы и соглашательские формулы являются только наркотическими средствами, которые в состоянии на время усыпить больного, но не в силах предотвратить дальнейшее развитие самой болезни?

Вот почему, проглотив Реставрацию, лично ей ненавистную как последний обломок законного правления во Франции, Революция не сумела стерпеть и другой, ею же порожденной, власти, которую она признала в 1830 году¹¹ в качестве сообщника в борьбе с Европой, но которую сокрушила в тот день, когда вместо служения ей та возомнила себя ее господином.

Да будет мне позволено высказать по этому поводу следующее соображение. Как могло случиться, что среди всех государей Европы, а также ее политических руководителей последнего времени нашелся лишь один, кто с самого начала обнаружил и отметил великую иллюзию 1830 года¹² и остается с тех пор единственным в Европе, единственным, быть может, в своем окружении, неизменно сопротивляющимся ее соблазну? Дело в том, что на этот раз, к счастью, на российском престоле находился Государь, воплотивший русскую мысль¹³, а в теперешнем состоянии мира лишь русская мысль достаточно удалена от революционной среды, чтобы здраво оценить происходящее в ней.

То, что Император предвидел с 1830 года, Революция не преминула осуществить пункт за пунктом. Все уступки и жертвы своими убеждениями, принесенные монархической Европой для июльских установлений в интересах мнимого status quo, были захвачены и использованы Революцией для замышляемого ею переворота. И пока законные власти вступали в более или менее искусные дипломатические отношения с псевдозаконностью, а государственные люди и дипломаты всей Европы присутствовали в Париже как любопытные и доброжелательные зрители на парламентских состязаниях в красноречии, революционная партия, почти не таясь, безостановочно подрывала почву под их ногами.

Можно сказать, что главная задача этой партии, в течение последних восемнадцати лет, заключалась в полном революционизировании Германии¹⁴, и теперь можно судить, хорошо ли она выполнена.

Германия, бесспорно, — та страна, о которой уже давно складываются самые странные представления. Ее считали страной порядка,

потому что она была спокойна, и не хотели замечать жуткой анархии, которая в ней заполняла и опустошала умы.

Шестьдесят лет господства разрушительной философии¹⁵ совершенно сокрушили в ней все христианские верования и развили в отрицании всякой веры главнейшее революционное чувство — гордыню ума — столь успешно, что в наше время эта язва века, возможно, нигде не является так глубоко растравленной, как в Германии. По мере своего революционирования Германия с неизбежной последовательностью ощущала в себе возрастание ненависти к России. В самом деле, тяготясь оказанными Россией благодеяниями, Германия не могла не питать к ней неистребимой неприязни. Сейчас этот приступ ненависти, кажется, достиг своей кульминации; он восторжествовал не только над рассудком, но даже над чувством самосохранения.

Если бы столь прискорбная ненависть могла внушать нечто иное, кроме жалости, то Россия, безусловно, почитала бы себя достаточно отмщенной тем зрелищем, которое представила миру Германия после Февральской революции¹⁶. Это едва ли не беспримерный факт в истории, когда целый народ становится подражателем другого народа, в то время как тот предается самому разнузданному насилию.

И пусть не говорят в оправдание этих столь очевидно искусственных движений, перевернувших весь политический строй Германии и подорвавших само существование общественного порядка, что они вдохновлялись искренним и всеобщим чувством германского единства¹⁷. Допустим, что такие чувства и желания искренни и отвечают чаяниям подавляющего большинства. Но что это доказывает?.. К наиболее безумным заблуждениям нашего времени относится представление, будто страстное и пламенное желание большого числа людей в достижении какой-либо цели достаточно для ее осуществления. Впрочем, следует согласиться, что в сегодняшнем обществе нет ни одного желания, ни одной потребности (какой бы искренней и законной она ни была), которую Революция, овладев ею, не искажила бы и не обратила в ложь. Именно так и случилось с вопросом германского единства: для каждого, кто не совсем утратил способность признавать очевидное, отныне должно быть ясно, что на избранном Германией пути разрешения этой проблемы ее ожидает в итоге не единство, а страшный распад, какая-нибудь окончательная и безысходная катастрофа.

Конечно же, вскоре не замедлят увериться, что одно только единство и возможно для Германии (не для той, какой ее изображают газеты, а для действительной, созданной историей) — единственный шанс серьезного и практического единения этой страны был неразрывно связан с ныне разрушенной ею политической системой.

Если в течение последних тридцати трех лет, возможно самых счастливых в ее истории, Германия создала иерархически организованный и бесперебойно работающий политический организм, то при каких условиях подобный результат мог быть достигнут и упрочен? Очевидно, при условии искреннего взаимопонимания между двумя ее крупными государствами, представителями тех двух принципов, которые вот уже более трех столетий соперничают друг с другом в Германии¹⁸. Но возможна ли была бы долгая жизнь этого согласия, столь медленно созидавшегося и с таким трудом сохранявшегося, если бы Австрия и Пруссия после великих походов против Франции не примкнули тесно к России и не опирались на нее? Такая политическая комбинация, осуществившая в Германии единственно подходящую для нее систему объединения¹⁹, предоставила ей тридцатитрехлетнюю передышку, которую она теперь принялась нарушать.

Ни ненависть, ни ложь никогда не смогут опровергнуть этот факт. В припадке безумия Германии удалось разорвать союз, который, не навязывая ей никакой жертвы, обеспечивал и оберегал ее национальную независимость. Но тем самым она навсегда лишила себя всякой твердой и прочной основы.

В подтверждение высказанной истины взгляните на отражение событий в ту страшную минуту, когда они развиваются почти так же быстро, как и человеческая мысль. Прошло едва два месяца с тех пор, как Революция в Германии взялась за работу, а уже необходимо отдать ей должное — дело разрушения в стране продвинулось гораздо дальше, чем при Наполеоне, после десятилетия его сокрушительных кампаний.

Взгляните на Австрию, обесславленную, подавленную, разбитую сильнее, нежели в 1809 году²⁰. Взгляните на Пруссию, обреченную на самоубийство из-за ее рокового и вынужденного потворства польской партии²¹. Взгляните на берега Рейна, где, вопреки песням и фразам, Прирейнская конфедерация стремится к возрождению²². Повсюду анархия, нигде нет власти, и все это под влиянием Франции, где бурная социальная революция готова вылиться в политическую революцию, разъединяющую Германию.

Отныне для всякого здравомыслящего человека вопрос германского единства является уже решенным. Нужно обладать свойственным немецким идеологам особым непониманием, чтобы всерьез задаваться вопросом, имеет ли сборище журналистов, адвокатов и профессоров, собравшихся во Франкфурте²³ и присвоивших себе миссию возобновления времен Карла Великого, какие-то весомые шансы на успех в предпринятом деле, может ли оно достаточно мощно и искусно вновь поднять на столь колеблющейся почве опрокинутую пирамиду, поставив ее острой вершиной вниз.

Вопрос уже вовсе не в том, чтобы знать, будет ли Германия единой, а в том, удастся ли ей спасти хотя бы частицу своего национального существования после внутренних потрясений, способных усугубиться вероятной внешней войной.

Партии, готовые раскалывать страну, начинают вырисовываться. Республика уже утвердилась во многих местах Германии²⁴, и можно предполагать, что она не отступит без боя, поскольку имеет для себя логику, а за собой — Францию. В глазах этой партии национальный вопрос лишен и смысла, и значения. В интересах своего дела она ни на мгновение не поколеблется принести в жертву независимость страны и уже сегодня или завтра способна увлечь всю Германию под знамя Франции, пусть даже и под красное. Она повсюду находит пособников, помощь и поддержку среди людей и установлений, как в анархических инстинктах толпы, так и в анархических учреждениях, ныне столь щедро рассеянных по всей Германии. Но ее лучшими и могущественнейшими помощниками являются именно те люди, которые вот-вот могут быть призваны к борьбе с ней: так они связаны с ней общностью принципов. Теперь весь вопрос заключается в том, чтобы суметь определить, разразится ли борьба прежде, чем мнимые консерваторы²⁵ успеют своими радениями и безумствами подорвать все элементы силы и сопротивления, еще оставшиеся в Германии. Одним словом, решатся ли они, атакуемые республиканской партией, увидеть в ней всамделишный авангард французского вторжения и найдут ли в себе достаточно энергии, чувствуя угрозу национальной независимости, для беспощадной борьбы с республикой не на жизнь, а на смерть; или же, во избежание такой борьбы, они предпочтут какую-нибудь видимость мирового соглашения, которое, в сущности, оказалось бы с их стороны лишь скрытой капитуляцией. В случае осуществления последнего предположения нельзя не признать, что вероятность крестового похода против России, крестового похода, который всегда был заветной мечтой Революции²⁶, а теперь стал ее воинственным кличем, превратилась бы в почти твердую уверенность; тогда пробил бы час решающей схватки, а полем сражения оказалась бы Польша²⁷. По крайней мере, такую вероятность любовно лелеют революционеры всех стран; однако они не уделяют необходимого внимания одному элементу вопроса, и это упущение способно значительно расстроить их расчеты.

Революционная партия, особенно в Германии, кажется, убедила себя, что коль скоро она сама пренебрежительно относится к национальному элементу, то точно так же происходит и во всех странах, находящихся под ее влиянием, что везде и всегда вопрос принципа будет главенствовать перед национальным вопросом. Уже события в Ломбардии²⁸ должны были вызвать особые размышления у венских

студентов-реформаторов²⁹, вообразивших, будто достаточно изгнать князя Меттерниха и провозгласить свободу печати, чтобы разрешить все чудовищные затруднения, отягощающие австрийскую монархию. Итальянцы же с неизменным упорством продолжают видеть в них лишь *Tedeschi** и *Barbari***, словно они и не возрождались в очистительных водах мятежа. Но революционная Германия незамедлительно получит в этом отношении еще более суровый и знаменательный урок, поскольку он будет преподан из ближайшего окружения. В самом деле, никто не подумал, что, сокрушая или ослабляя все прежние власти, потрясая до самых оснований весь политический строй этой страны, в ней пробуждают опаснейшее осложнение, вопрос жизни или смерти для ее будущности — вопрос племенной³⁰. Как-то забыли, что в самом сердце мечтающей об объединении Германии, в Богемской области и окрестных славянских землях живет шесть или семь миллионов людей, для которых в течение веков, из поколения в поколение, германец ни на мгновение не переставал восприниматься чем-то несравненно худшим, нежели чужеземец, одним словом, всегда остается *Немцем...* Разумеется, здесь идет речь не о литературном патриотизме нескольких пражских ученых³¹, сколь почтенным бы он ни был; эти люди, несомненно, уже сослужили великую службу своей стране и еще послужат ей; но жизнь Богемии состоит в другом. Подлинная жизнь народа никогда не проявляется в напечатанных для него книгах, за исключением, пожалуй, немецкого народа; она состоит в его инстинктах и верованиях, а книги (нельзя не признать) способны скорее раздражать и ослаблять их, чем оживлять и поддерживать. Все, что еще сохраняется от истинного национального существования Богемии, заключено в ее *гуситских* верованиях³², в постоянно живом протесте угнетенной славянской народности против захватов римской Церкви, а также против немецкого господства. Здесь-то и коренится связь, соединяющая ее со всем ее славным боевым прошлым, находится звено, которое свяжет однажды *чеха* из Богемии с его восточными собратьями. Нельзя переусердствовать в настойчивом внимании к этом предмету, поскольку именно в сочувственных воспоминаниях о Восточной Церкви, в возвращениях к *старой вере* (гуситство в свое время служило лишь несовершенным и искаженным ее выражением) и сказывается глубокое различие между Польшей и Богемией³³: между Богемией, против собственной воли покоряющейся западному сообществу, и мятежно католической Польшей — фанатичной приспешницей Запада и всегдашней предательницей своих.

* Немцев (*итал.*). (Здесь и далее — *примеч. ред.*)

** Варваров (*итал.*).

Я знаю, что теперь истинный вопрос еще не поставлен в Богемии и что самый примитивный либерализм с примесью коммунизма в городах и, вероятно, какой-то доли жакерии в деревнях волнуется и дергается на поверхности страны³⁴. Но все это опьянение вскоре пройдет, и, самым ходом вещей, сущность положения не замедлит проясниться. Тогда вопрос для Богемии встанет следующим образом: что сделает Богемия с окружающими ее народностями, моравами, словаками, словом, с семью или восемью миллионами человек одного с ней языка и племени, если Австрийской империи суждено развалиться после потери Ломбардии и сейчас уже полного освобождения Венгрии?³⁵ Будет ли она стремиться к независимости или согласится войти в нелепые рамки будущего Германского Единства, которое обречено быть Единством Хаоса? Маловероятно, что последний вариант может ее привлекать. В таком случае она неизбежно подвергнется всякого рода враждебным действиям и нападениям, для отпора которым ей, конечно, уже не придется опираться на Венгрию. Чтобы понять, к какому государству Богемия будет вынуждена примкнуть, несмотря на господствующие в ней сегодня идеи и на те учреждения, которые станут управлять ею завтра, остается лишь вспомнить слова, сказанные мне в 1841 году в Праге самым национально мыслящим патриотом этой страны. «Богемия, — говорил мне Ганка³⁶, — будет свободной и независимой, достигнет подлинной самостоятельности лишь тогда, когда Россия вновь завладеет Галицией». Вообще, следует особо отметить неизменное расположение, с каким к России, русскому имени, его славе и будущности всегда относились в Праге национально настроенные люди³⁷; и это в то время, когда наша верная союзница Германия скорее из безучастности, нежели по справедливости, сделалась подкладкой для польской эмиграции, чтобы возбуждать против нас общественное мнение всей Европы. Любой русский, посетивший Прагу в последние годы, сможет подтвердить, что единственный услышанный им там в наш адрес упрек относится к сдержанности и безразличию, с какими национальные устремления Богемии воспринимались у нас. Высокие и великодушные соображения внушали нам тогда такое поведение; теперь же, конечно, оно лишилось бы всякого смысла, ибо жертвы, принесенные нами тогда делу порядка, совершались бы ныне в пользу Революции.

Но если правда, что Россия в нынешних обстоятельствах менее чем когда-либо имеет право обескураживать питаемые к ней симпатии, то будет справедливым признать, с другой стороны, существование исторического закона, провиденциально управлявшего до сих пор ее судьбами: именно самые заклятые враги России с наибольшим успехом способствовали развитию ее величия³⁸. Вследствие этого провиденциального закона у нее появился еще один недруг, который,

несомненно, окажет большое влияние на ее будущие судьбы и значительно поспособствует ускорению их исполнения. Недруг, о котором идет речь, — Венгрия, я разумею мадыарскую Венгрию. Из всех врагов России она, возможно, ненавидит ее особенно яростно. Мадыарский народ, самым странным образом соединивший революционный пыл с дикостью азиатской орды (о нем можно сказать столь же справедливо, как и о турках, что он лишь временно разбил свой лагерь в Европе), пребывает в окружении славянских племен, одинаково ему ненавистных³⁹. Личный враг этих племен, чьи судьбы им так долго заточенным среди них. Все его соседи (сербы, хорваты, словаки, трансильванцы, вплоть до карпатских малороссов) составляют звенья одной цепи, которую он считал навсегда разорванной. А теперь он чувствует над собою руку, которая сможет, когда и как пожелает, воссоединить эти звенья и стянуть цепь. Отсюда его инстинктивная ненависть к России. С другой стороны, нынешние партийные вожаки, поверив иностранным газетам, всерьез внушили себе, что мадыарскому народу предстоит исполнить великое призвание на православном Востоке, словом, противодействовать исполнению судеб России... До сих пор умеряющее влияние Австрии худо-бедно сдерживало все это брожение и безрассудство; но теперь, когда последняя связь порвана, а старый и бедный, впавший в детство отец взят под опеку⁴⁰, следует предвидеть, что полностью раскрепощенное мадыарство может свободно развиваться до всех своих крайностей и самых безумных авантюр. Уже ставился вопрос об окончательном присоединении Трансильвании⁴¹. Говорят о восстановлении прежних прав на Дунайские княжества и Сербию. Во всех этих странах удвоится пропаганда для возбуждения антирусских настроений и повсеместной смуты. Расчет делается на то, чтобы в один прекрасный день объявиться с оружием в руках, потребовать во имя ущемленных прав Запада возврата устьев Дуная и повелительно сказать России: «Ты не пойдешь дальше!». — Вот, бесспорно, некоторые статьи программы, вырабатываемой ныне в Пресбурге⁴². В прошлом году все это ограничивалось лишь газетными фразами, которые теперь в любой момент могут обернуться весьма серьезными и опасными попытками. Но всего неотвратимее кажется нам сейчас столкновение между Венгрией и двумя зависимыми от нее славянскими королевствами. В самом деле, Хорватия и Славония, предвидя, что ослабление законной власти в Вене неизбежно предаст их на произвол мадыарству, видимо, получили от австрийского правительства обещание отдельного самоуправления с присоединением к ним Далмации и военной границы. Эта позиция, которую объединенные таким образом страны пытаются занять по отношению к Венгрии, незамедлительно приведет к обост-

рению всех прежних разногласий и разжиганию там открытой гражданской войны. А поскольку авторитет австрийского правительства окажется, вероятно, слишком слабым для мало-мальски успешного посредничества между воюющими сторонами, то венгерские славяне, как слабейшие, возможно, потерпели бы неудачу в борьбе, если бы не одно обстоятельство, которое рано или поздно обязательно должно прийти к ним на помощь: предстоящий им противник является прежде всего врагом России. К тому же по всей этой военной границе, составленной на три четверти из православных сербов, нет ни одной хижины поселенцев (со слов даже самих австрийцев), где рядом с портретом императора Австрии не висел бы портрет другого Императора, упорно признаваемого этими верными племенами за единственно законного⁴³. Впрочем (зачем скрывать от самих себя), маловероятно и то, что все эти разрушающие Запад толчки землетрясения⁴⁴ остановятся у порога восточных стран. И как могло бы случиться, чтобы в столь беспощадной войне, в готовящемся крестовом походе нечестивой Революции, уже охватившей три четверти Западной Европы, против России Христианский Восток, Восток Славяно-Православный, чье существование нераздельно связано с нашим собственным, не ввязался бы вслед за нами в разворачивающуюся борьбу. И, быть может, с него-то и начнется война, поскольку естественно предположить, что все терзающие его пропаганды (католическая, революционная и проч. и проч.), хотя и противоположные друг другу, но объединенные в общем чувстве ненависти к России⁴⁵, примутся за дело с еще большим, чем прежде, рвением. Можно быть уверенным, что для достижения своих целей они не отступят ни перед чем... Боже праведный! Какова была бы участь всех этих христианских, как и мы, народностей, если бы, став, как уже происходит, мишенью для всех отвратительных влияний, они оказались покинутыми в трудную минуту единственной властью, к которой они взывают в своих молитвах? — Одним словом, какое ужасное смятение охватило бы страны Востока в их схватке с Революцией, если бы законный Государь, Православный Император Востока, медлил еще дальше со своим появлением!

Нет, это невозможно. Тысячелетние предчувствия совсем не обманывают. У России, верующей страны, достанет веры в решительную минуту. Она не устрасится величия своих судеб, не отступит перед своим призванием.

И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? Можно сказать, что Господь начертал его огненными стрелами на померченых от бурь Небесах. Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре — Европа Карла Великого⁴⁶ и Европа трактатов 1815⁴⁷ года, римское папство и все западные коро-

левства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода⁴⁸. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками...

И когда над столь громадным крушением мы видим еще более громадную Империю, всплывающую подобно Святому Ковчегу⁴⁹, кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам ли, ее детям, проявлять неверие и малодушие?..

12 апреля 1848

РИМСКИЙ ВОПРОС⁵⁰

Если среди вопросов дня или, скорее, века есть такой, в котором, как в фокусе, сходятся и сосредоточиваются все аномалии, все противоречия и все непреодолимые трудности, с которыми сталкивается Западная Европа, то это, несомненно, римский вопрос.

Да иначе и быть не могло, благодаря неумолимой логике, вносимой Богом, как тайное правосудие, в события сего мира. Глубокий и непримиримый раскол, веками подтачивающий Запад⁵¹, должен был в конце концов найти свое высшее выражение и достигнуть самого корня дерева. Никто не станет оспаривать у Рима его почетного права: в наши дни, как и всегда, он — корень западного мира. Однако, несмотря на живую озабоченность умов этим вопросом, весьма сомнительно, чтобы они отдавали себе ясный и точный отчет в его содержании.

Вероятно, заблуждению относительно природы и значения так поставленного вопроса способствует прежде всего мнимое сходство между свершившимся на наших глазах в Риме⁵² и рядом предшествующих эпизодов из его предыдущих революций, а также самая существенная связь современного римского движения с общим развитием европейской революции. Все эти дополнительные обстоятельства, как будто объясняющие с первого взгляда римский вопрос, в действительности лишь скрывают от нас его глубину.

Конечно же, этот вопрос необычен — и не просто потому, что касается всего на Западе, он, можно сказать, даже превосходит происходящее.

Теперь все, еще остающееся на Западе от положительного Христианства, связано либо наглядным, либо более или менее явным сродством с римским Католицизмом, для которого Папство, как оно сложилось за века, является очевидной основой и условием суще-

ствования. И вряд ли кто решится бросить обвинения в парадоксальности или клевете такого утверждения.

Протестантизм с его многочисленными разветвлениями едва протянул три века и умирает от немощи во всех странах, где он господствовал до сих пор, кроме разве что Англии⁵³; там же, где он еще проявляет какие-то признаки жизни, проявления эти стремятся к воссоединению с Римом. Что касается религиозных доктрин, возникающих вне всякой общности с одним или другим из этих двух вероисповеданий, то они, несомненно, представляют собой лишь частные мнения.

Одним словом, Папство — вот единственный в своем роде столп, худо-бедно подпирающий на Западе ту часть христианского здания, которая уцелела и устояла после великого разрушения шестнадцатого века и последовавших затем крушений. И именно этот столп и собираются теперь разрушить, направив удар на самую его основу.

Нам слишком хорошо известны все те затасканные словеса, коими как ежедневная печать, так и официальные декларации некоторых правительств по обыкновению пользуются для сокрытия подлинной действительности: дескать, до Папства как религиозного учреждения и не думают касаться, пред ним преклоняются, его почитают и обязательно поддержат, у него даже не оспаривают светской власти, а притязают лишь на изменение ее применения. От него потребуют только всеобщие необходимых уступок и навяжут ему только совершенно законные преобразования. Во всем этом хотя и есть изрядная доля сознательной недобросовестности, однако преизобилуют невольные заблуждения.

Конечно же, было бы недобросовестно, даже со стороны наиболее искренних, притворяться, будто они верят, что серьезные и честные реформы теперешнего образа правления римского Государства не могут привести через определенное время к его полной секуляризации.

Но вопрос-то собственно и не в этом: истинный вопрос заключается в знании того, в чьих интересах совершилась бы секуляризация, то есть каковы будут природа, дух и устремления той власти, которой вы передадите отнятое у Папства светское правление? Ведь невозможно скрыть от себя, что именно под опекой этой новой власти Папство будет вынуждено впредь жить.

И вот здесь-то и преизбыточествуют иллюзии. Нам известно идолопоклонство западных людей перед всем, что является формой, формулой и политическим механизмом. Это идолопоклонство стало как бы последней религией Запада. Но если только не закрывать совсем глаза и не запечатывать ум перед всяким фактом и очевидной истиной, то как же, после всего случившегося, можно суметь уверить себя, будто при современном положении Европы, Италии, Рима навязанные Папе либеральные и полулиберальные установления останутся

надолго во власти средних, умеренных и мягких убеждений? Для подтверждения защищаемого вами тезиса вам нравится представлять эти убеждения таковыми, как будто им не угрожает своим быстрым захватом революция, способная сразу же превратить их в боевое орудие для подрыва не только светского суверенитета Папы, но и самого религиозного установления. И было бы зряшным делом наставлять сторонников революционного принципа, как Господь Сатану, мучить лишь тело верного Иова, не касаясь его души. Будьте уверены, что революция, менее советливая, чем ангел тьмы, совсем не примет в расчет ваши наказания.

Всякое заблуждение, всякое недоразумение в этом отношении невозможно для того, кто вполне постиг сущность разворачивающегося на Западе спора, ставшего в течение веков его жизнью; жизнью ненормальной, конечно, но действительной, не вчера зародившимся и все еще развивающимся недугом. И если встречается столь мало людей, осознающих такое положение, то это только доказывает, что болезнь уже чересчур запущена.

Когда речь заходит о римском вопросе, нет никаких сомнений, что большинство требований преобразований и уступок со стороны Папы преследует честные, законные, чуждые задней мысли интересы и что их должное удовлетворение уже не терпит отлагательства. Но такова невероятная роковая предопределенность теперешнего положения, что эти интересы, по своей природе имеющие местное значение и сравнительно незначительные, преобладают и ставят под угрозу огромный и важный вопрос. Это скромные и безобидные жилища частных людей, так расположенные, что они возвышаются над полем сражения, а враг, к несчастью, уже у самых ворот.

Секуляризация римского Государства, повторим еще раз, — вот исход всякой его честной и серьезной реформы; а с другой стороны, секуляризация в нынешних обстоятельствах оказалась бы не чем иным, как сложением оружия перед врагом — капитуляцией...

Итак, каков же вывод? Значит ли, что римский вопрос в такой его постановке является просто-напросто безвыходным лабиринтом, а папское учреждение из-за подспудного развития скрытого в нем порока последовательно пришло с веками к такому периоду своего существования, когда жизнь, как было кем-то сказано, ощущается лишь как трудность бытия? Поставлен ли Рим, подобно Западу, созданному им по своему образу и подобию, в безвыходное положение? Мы не беремся утверждать обратное...

И вот здесь-то выступает, подобно солнцу, промыслительная логика, управляющая силой внутреннего закона событиями мира.

Скоро исполнится восемь веков с того дня, как Рим разорвал последнее звено, связывавшее его с православным преданием вселен-

ской Церкви⁵⁴. Создавая себе в тот день отдельную судьбу, он на многие века определил и судьбу Запада.

Догматические различия, отделяющие Рим от православной Церкви, известны всем⁵⁵. С точки зрения человеческого разума эти различия, вполне обосновывая разделение, не объясняют в достаточной степени образовавшейся пропасти — не между двумя Церквями, ибо Вселенская Церковь Одна⁵⁶, но между двумя мирами, между двумя, так сказать, человечествами, пошедшими под двумя разными знаменами⁵⁷.

Отмеченные различия не совсем объясняют, как произошло тогда отклонение с истинного пути должно было со всей необходимостью привести к наблюдаемому нами сегодня результату.

Иисус Христос сказал: «Царство Мое не от мира сего»⁵⁸. Следовательно, нужно понять, как Рим, отпав от Единства, счел себя вправе ради собственного интереса, отождествленного им с интересом самого христианства, устроить Царство Христово как царство мира сего.

Мы хорошо знаем, как очень трудно, среди западных идей и понятий, придать этому слову его законное значение; всегда будет оставаться соблазн толковать его не в православном, но в протестантском смысле. А между этими двумя смыслами лежит расстояние, отделяющее божественное от человеческого⁵⁹. Однако надо признать, что при всей отделенности столь неизмеримым расстоянием от протестантизма православное учение ничуть не приблизилось и к учению Рима — и вот почему.

Рим, и правда, поступил не так, как Протестантизм, и не упразднил Церковь как христианское средоточие в угоду человеческому я, но он поглотил ее в римском я⁶⁰. Он не отверг предания, а довольствовался его конфискацией ради собственной выгоды. Однако присвоение себе божественного не является ли его отрицанием?.. Вот что устанавливает страшную, но неоспоримую связь сквозь разные времена между зарождением Протестантизма и захватами Рима. Ибо захват имеет ту особенность, что не только возбуждает бунт, но и создает еще для своей корысти видимость права⁶¹.

Стало быть, современная революционная школа тут не ошиблась. Революция, представляющая собой не что иное, как апофеоз того же самого человеческого я в его целостном и полном развитии, не преминула признать за своих и приветствовать как двух славных учителей не только Лютера, но и Григория VII⁶². Родственная кровь заговорила в ней, и она приняла одного, несмотря на его христианские убеждения, и почти канонизировала второго, хотя тот и был папой.

Но если очевидная связь, сцепляющая три звена этого ряда⁶³, составляет самую сущность исторической жизни Запада, то отправной точкой такого единства необходимо признать, бесспорно, именно

глубокое искажение подлинного христианского начала в навязанном ему Римом устройстве.

В течение веков Церковь на Западе, под покровительством Рима, почти совсем растеряла предписанный ей изначально законом характер. Среди великого человеческого сообщества она перестала быть обществом верных, свободно соединившихся в духе и истине под Христовым законом. Она стала учреждением, политической силой — Государством в Государстве. По правде сказать, в Средние века Церковь на Западе оставалась лишь римской колонией, устроенной в завоеванной стране.

Именно это устройство, прикрепив Церковь к земным интересам, и предопределило ее, так сказать, смертные судьбы. Воплощая божественный элемент в немощном и брэнном теле, оно привило ему все болезни и похоти плоти. Из такого устройства по провиденциальной неотвратимости для римской Церкви проистекла необходимость войны, материальной войны, необходимость, равнозначная для церковного установления смертному приговору. В этом устройстве зародилось и столкновение притязаний, вражда интересов, что не могло не привести вскоре к ожесточенной схватке между Священством и Империей — тому поистине нечестивому и святотатственному поединку⁶⁴, который, длясь все Средние века, нанес на Западе смертельный удар самому принципу власти.

Отсюда столько злоупотреблений, насилий, гнусностей, копившихся веками для подкрепления вещественной власти⁶⁵, без чего, как полагал Рим, нельзя было обойтись для сохранения Единства Церкви и что, напротив, как и следовало ожидать, в конечном итоге привело к полному краху столь мнимого Единства. Нельзя же отрицать, что взрыв Реформации шестнадцатого века в своем истоке был лишь реакцией чересчур долго уязвляемого христианского чувства против власти Церкви, от которой во многих отношениях оставалось лишь имя. Но так как издавна Рим старательно вклинился между вселенской Церковью и Западом, то вожди Реформации вместо того, чтобы нести свои жалобы на суд законной и сведущей власти, предпочли вызывать к суду личной совести, то есть сделали себя судьями в своем собственном деле.

Вот тот подводный камень, о который разбилась реформа шестнадцатого века. Такова — не в обиду ученым мудрецам Запада будет сказано — истинная и единственная причина, из-за которой движение реформы, христианское в своем зарождении, уклонилось с пути и наконец дошло до отрицания авторитета Церкви, а затем и самого принципа всякого авторитета. Через эту брешь, проделанную Протестантизмом, так сказать, бессознательно, и вторглось позднее в западное общество антихристианское начало.

Такой исход стал неизбежным, ибо предоставленное самому себе человеческое *я* по своей сущности является антихристианским⁶⁶. Бунт и злоупотребления этого *я* возникли, конечно, не в три последних века. Но именно в это время, что оказалось новым, впервые в истории человечества можно было наблюдать, как бунт и злоупотребления человеческого *я* возводятся в принцип и осуществляются под видом неотъемлемо присущего личности права.

Менее всего необходимо было вхождение в мир Христианства, чтобы пробудить столь надменные притязания, как менее всего было необходимо присутствие законного государя, чтобы сделать бунт полным, а злоупотребления очевидными.

В течение трех последних веков историческая жизнь Запада была — и не могла не быть — лишь непрерывной войной, постоянной атакой на всякий христианский элемент в составе старого западного общества. Эта разрушительная работа продолжалась долго, так как до нападения на установления необходимо было уничтожить их скрепляющую силу, то есть веру.

Первая французская революция навсегда останется памятной да той мировой истории именно тем, что положила почин возведению антихристианской идеи на престол правительственного управления политическим обществом.

Дабы убедиться, что эта идея выражает истинный характер и как бы саму душу Революции, достаточно рассмотреть ее основной догмат — новый догмат, привнесенный ею в мир. Речь идет, несомненно, о догмате верховной власти народа. А что такое верховная власть народа, как не господство человеческого *я*, многократно умноженного, то есть опирающегося на силу? Все, что не является этим принципом, не может быть Революцией и будет иметь лишь чисто относительное и случайное значение. Вот почему, заметим мимоходом, нет ничего глупее или коварнее, нежели иначе оценивать созданные Революцией политические учреждения. Это боевые орудия, превосходно приспособленные для соответствующего употребления, но вне своего прямого назначения, в упорядоченном обществе, им нельзя было бы вообще найти подходящего применения.

Впрочем, Революция сама позаботилась о том, чтобы не оставить нам ни малейшего сомнения относительно ее истинной природы, так высказав свое отношение к христианству: «Государство как таковое не имеет никакой религии». Вот Символ веры современного Государства и, собственно говоря, та великая новость, которую Революция принесла в мир. Вот ее собственное, существенное дело — беспримерный факт в истории человеческих обществ.

Впервые политическое общество соглашалось на власть Государства, совершенно чуждого всякого стоящего над человеком высшего

освящения; Государства, объявившего, что у него нет души, а если и есть, то она совсем не верующая.

Ведь всякий знает, что даже в языческой древности, во всем этом мире по ту сторону креста, находившемся под влиянием вселенского предания, искаженного, но не прерванного язычеством, — город, Государство были прежде всего религиозным учреждением. Это был как бы обломок вселенского предания, который, воплощаясь в отдельном обществе, образовывал как бы независимый центр. Это было, так сказать, местная и овеществленная религия.

Нам хорошо известно, что мнимое невмешательство в область веры со стороны Революции не слишком серьезно. Она чересчур хорошо знает природные свойства своего противника, чтобы не понимать невозможность беспристрастного отношения к нему: «Кто не со Мною, тот против Меня»⁶⁷. В самом деле, для предложения христианству беспристрастности нужно уже перестать быть христианином.

Софизм нового учения разбивается здесь о всемогущую природу вещей. Чтобы это пресловутое невмешательство имело какой-то смысл, а не оставалось лишь обманом и западней, современному Государству следовало бы со всей необходимостью согласиться с отказом от всякого притязания на нравственный авторитет, смириться с ролью простого полицейского учреждения, простого материального факта, неспособного по своей природе выражать какую-либо нравственную идею. Стоит ли всерьез утверждать, что Революция примет такое не только унижительное, но и невозможное условие для созданного ею и представляющего ее Государства? Нет, конечно. Тем более что ее столь хорошо известное учение выводит неправомочность современного закона в вопросах веры из убеждения, будто лишенная всякого сверхъестественного освящения нравственность достаточна для исполнения судеб человеческого общества. Это положение может быть верным или ложным, но в любом случае оно безусловно представляет целое учение, которое для всякого добросовестного человека равнозначно полнейшему отрицанию христианской истины.

В самом деле, несмотря на пресловутую неправомочность и конституционный нейтралитет в религиозных вопросах, можно наблюдать, как современное Государство везде, где оно устанавливалось, незамедлительно предьявляло по отношению к Церкви тот же авторитет и те же права, что и прежние власти, и требовало их осуществления. Так, например, во Франции, этой по преимуществу стране логики, закон напрасно заявляет, что у Государства как такового нет религии. Ведь в своих отношениях с католической Церковью Государство не перестает себя настойчиво рассматривать совершенно законным наследником христианнейшего Короля — старшего сына этой Церкви.

Восстановим же истину фактов. Современное Государство запрещает государственные религии только потому, что имеет собственную, — и эта религия есть Революция. Если вернуться теперь к римскому вопросу, то можно легко понять невозможность того положения, в которое стремятся поставить Папство, вынуждая его принять для своей верховной светской власти условия современного Государства. Природа начала, лежащего в основании такого Государства, хорошо известна Папству. Оно инстинктивно понимает ее, и в случае необходимости христианская совесть священника предостережет Папу. Между Папством и этим началом невозможна никакая сделка, которая стала бы не просто уступкой власти, а чистым отступничеством. Но могут спросить, почему бы Папе не принять учреждений без их основного начала? Вот еще одна из иллюзий так называемого умеренного мнения, считающего себя необыкновенно рассудительным, а на самом деле свидетельствующего об отсутствии ума. Как будто учреждения могут отделиться от создавшего и оживляющего их начала... Как будто обездушенная материальная часть учреждений не является лишь мертвым, бесплодным и громоздким грузом? Впрочем, политические учреждения всегда в конечном итоге обретают то значение, какое им приписывается, не теми, кто их дает, а теми, кто их получает, — особенно если они навязываются.

Если бы Папа оставался только священником, то есть если бы Папство хранило верность своему происхождению, Революция не сумела бы подчинить его себе, поскольку преследования еще не являются овладением. Однако Папство отождествило себя с переходящим и гибельным элементом, делающим его теперь доступным для ударов Революции. Вот тот залог, который римское Папство много веков назад авансом выдало Революции.

Как уже было сказано, здесь ярко проявилась верховная логика промыслительного действия. Из всех учреждений, порожденных Папством со времени его отделения от православной Церкви, установление светской власти Папы, несомненно, наиболее углубило, усугубило и укрепило этот разрыв. И именно об это установление, мы видим сегодня, и спотыкается Папство.

Конечно, давно уже мир не созерцал подобного зрелища, которое представляла несчастная Италия в последнее время перед ее новыми бедствиями⁶⁸. Давно уже ни одно положение, ни один исторический факт не обретали столь странного облика. Иногда случается, что накануне какого-нибудь большого несчастья людьми овладевает без всякой видимой причины приступ безумной радости, неистового веселья, — здесь же целый народ оказался одержим такого рода припадком⁶⁹. И эта горячка, этот бред поддерживались и распространялись месяцами. Была минута, когда они, подобно электрическому

току, пронзили все слои и сословия общества, и лозунгом всеобщего и напряженного безумия оказалось имя Папы⁷⁰!..

Сколько раз бедный христианский священник должен был вздрагивать в затворнической тишине при звуках этой оргии, делавшей его своим кумиром! Сколько раз эти вопли любви, эти судороги восторга зарождали, наверное, горестное изумление и сомнение в его христианской душе, отданной на растерзание столь ужасающей популярности!

Более же всего Папу должно было удручать то, что в основании этой огромной популярности, за всей этой безудержной экзальтацией толпы, какой бы оголтелой она ни была, он не мог не видеть расчета и задней мысли.

Впервые выказывали стремление поклоняться Папе и одновременно старались отделить его от Папства⁷¹. Более того: все эти почести и преклонения воздавались лишь одному человеку потому, что в нем надеялись обрести сообщника в борьбе против самого установления. Одним словом, захотели чествовать Папу, сжигая Папство в огне фейерверка. Такое положение становилось тем более устрашающим, что несомненный расчет и задняя мысль не только содержались в намерениях партий, но и обнаруживались в стихийном инстинкте толпы. И решительно ничто не могло лучше обнажить всю фальшь и лицемерие сложившейся ситуации, нежели зрелище апофеоза главы католической Церкви в тот самый момент, когда развязалось наиболее ожесточенное гонение на иезуитов⁷².

Орден иезуитов⁷³ всегда будет доставлять немалое затруднение для Запада: это одна из тех загадок, ключ от которых находится в другом месте. Можно уверенно утверждать, что иезуитский вопрос слишком сокровенно касается религиозной совести Запада, чтобы он мог когда-нибудь вполне удовлетворительно разрешить его.

В поисках справедливой оценки в разговоре об иезуитах нужно прежде всего оставить без внимания всех тех людей (а имя им легион), для кого слово «иезуит» является лишь паролем, военным кличем. Конечно, самая красноречивая и убедительная из всех апологий этого знаменитого ордена заключается в той яростной и непримиримой ненависти, которую питают к нему все враги Христианской Религии. Соглашаясь с этим, нельзя тем не менее скрыть от себя, что многие католики — и притом наиболее искренние и наиболее преданные своей Церкви, от Паскаля до наших дней, — не переставали из поколения в поколение испытывать явное и непреодолимое отвращение к ордену иезуитов⁷⁴. Такое расположение духа значительной части католического мира создает, по-видимому, одно из самых потрясающих и трагических положений, в какие только может быть поставлена человеческая душа.

В самом деле, можно ли вообразить более глубокую трагедию, нежели раздирающая сердце человека борьба между чувством религиозного благоговения (набожным чувством, превосходящим сыновнюю любовь) и гнусной очевидностью, когда он силится отвергнуть и подавить свидетельство собственной совести, лишь бы не признаться себе в существовании истинной и бесспорной связи между предметами своего обожания и отвращения. Между тем таково положение всякого верного католика, ослепленного своей враждебностью к иезуитам и старающегося скрыть от себя несомненный и очевидный факт — глубокую внутреннюю связь между устремлениями, учениями и судьбами ордена с устремлениями, учениями и судьбами римской Церкви⁷⁵, а также полную невозможность их отделения друг от друга без органического повреждения и существенного ущерба. Ибо если освободиться от всякой предвзятости, от всяких партийных, групповых и даже национальных интересов, если, настроив ум на совершенную беспристрастность, а сердце наполнив христианским милосердием, чистосердечно спросить у истории и у окружающей действительности: что же такое иезуиты? Вот какой, по нашему разумению, должен последовать ответ: иезуиты — это люди, исполненные пламенной, неутомимой, часто геройской ревности к христианскому делу⁷⁶, но тем не менее повинные в великом преступлении перед христианством. Подчиненные человеческому я — не как отдельные личности, а как целый орден, — они посчитали дело христианства настолько нераздельным с их собственным, что в пылу своих хлопот и в волнении битвы совсем забыли слово Учителя: «...не Моя воля, но Твоя да будет!»⁷⁷. В конце концов они стали добиваться победы Божией любой ценой, только не ценою своего личного искупления. Впрочем, это заблуждение, укорененное в первородном грехе человека⁷⁸ и имевшее для христианства неисчислимы последствия, свойственно не только одному Обществу Иисуса. Это заблуждение и устремление настолько роднит орден с самой Церковью Рима, что оно-то, как можно с полным правом полагать, и связывает их поистине органическим родством и подлинными кровными узами. Именно такая общность и совпадение устремлений делает иезуитский орден сгущенным, но совершенно верным выражением римского католичества; говоря до конца, он и является самим римским католичеством, но в состоянии энергичного действия и воинственности. Вот почему этот орден, «*раскачиваясь от века к веку*», колеблясь между гонениями и триумфом⁷⁹, поношениями и славой, никогда не находил, да и не мог бы найти на Западе ни достаточно беспристрастного религиозного убеждения для его оценки, ни правомочного религиозного авторитета для суда над ним. Часть западного общества, решительно порвавшая с христианским принципом, нападает на иезуитов лишь

для того, чтобы под покровом их непопулярности вернее наносить удары своему истинному врагу. Что же касается католиков, оставшихся преданными Риму, но оказавшихся противниками ордена, то они лично, как христиане, могли бы быть и правы; однако, как римские католики, они безоружны перед орденом, ибо, нападая на него, постоянно подвергают себя опасности задеть саму римскую Церковь.

Но не только против иезуитов, этой живой силы католичества, стремились использовать полупритворную и полуискреннюю популярность, в которую облачили папу Пия IX. На него рассчитывала и другая партия — за ним оставляли иное призвание.

Сторонники национальной независимости надеялись, что полная секуляризация Папства для осуществления их целей позволила бы тому, кто прежде всего является священником, согласиться стать знаменосцем итальянской свободы. Таким образом, два самых живых и властных чувства современной Италии — отвращение к светскому господству духовенства и традиционная ненависть к иноземцу, к варвару, к немцу — сообща требовали, каждое в своих интересах, участия Папы в их деле. Все его славили и даже боготворили, как бы условившись, что он сделается слугою всех, однако совсем не в смысле христианского смирения.

Среди общественных мнений и политических влияний, которые, предлагая ему свою поддержку, всячески домогались его покровительства, было одно, наделавшее ранее шума благодаря его нескольким проповедникам и истолкователям — людям с незаурядным литературным даром⁸⁰. Если верить наивно честолюбивым учениям этих политических теоретиков, то современная Италия, под покровительством Понтификата⁸¹, вскоре должна вернуть себе вселенское первенство и в третий раз овладеть мировым скипетром⁸². То есть в то время, когда здание Папства сотрясилось до самых оснований, они всерьез советовали Папе перешагнуть Средние века и предлагали ему ввести нечто вроде христианского Халифата — при условии, разумеется, если новая теократия действовала бы в интересах итальянской нации⁸³.

И правда, нельзя не изумляться той склонности к химерическому и невозможному, которая владеет умами в наши дни и составляет отличительную черту нашего века. Должно быть, есть действительное сродство между утопией и Революцией⁸⁴, ибо, как только последняя на мгновение изменяет своим привычкам и вместо разрушения берет созидать, она всякий раз неизбежно впадает в утопию. Ради справедливости надо уточнить, что та, на которую мы сейчас намекали, является еще одной из самых безобидных утопий.

Наконец, в сложившемся положении вещей наступила такая минута, когда двусмысленное состояние оказалось невозможным, а

Папство, для возвращения своего права, осознано необходимость резко порвать отношения с мнимыми друзьями Папы. Тогда и Революция, в свою очередь, сбросила маску и предстала перед миром в облике Римской республики⁸⁵.

Что касается этой партии, то она теперь известна, ее видели в деле. Она является истинной, законной представительницей Революции в Италии. Эта партия считает Папство своим личным врагом, из-за содержащегося в нем христианского элемента. И потому она не хочет терпеть его, даже для использования в собственных интересах. Она хотела бы просто упразднить его и по сходным соображениям покончить со всем прошлым Италии: дескать, все исторические условия ее существования были запятнаны и заражены католицизмом, а потому у партии остается право, по чисто революционной абстракции, связать замышляемое государственное устройство с республиканскими традициями древнего Рима⁸⁶.

В этой прямолинейной утопии примечательно то, что, несмотря на печать глубоко антиисторического характера, она продолжает хорошо известную в истории итальянской цивилизации традицию. В конце концов она являет классическое воспоминание о древнем языческом мире, языческой цивилизации. Эта традиция играла огромную роль в истории Италии, увековечилась через все ее прошлое, имела своих представителей, героев и даже мучеников и, не довольствуясь почти исключительным господством в искусствах и литературе страны, не раз пыталась сложиться политически для овладения всем обществом в целом. И замечательно, что всякий раз, как эта целенаправленная традиция пыталась возродиться, она неизменно появлялась, подобно призраку, в одном и том же месте — в Риме.

Революционное начало не могло не принять в себя и не усвоить дошедшую до наших дней традицию, поскольку та заключала в себе антихристианскую мысль. Теперь эта партия разгромлена и власть Папы по видимости восстановлена⁸⁷. Однако следует согласиться, что если нечто могло еще увеличить груз роковых обстоятельств, заключенных в римском вопросе, так это именно французское вмешательство⁸⁸, давшее двойной результат.

Расхожее мнение, ставшее общим местом, видит в этом вмешательстве, как обычно случается, лишь безрассудный поступок или оплошность французского правительства. И правда, если французское правительство, вмешиваясь в этот сам по себе неразрешимый вопрос, не могло себе признаться, что для него он еще более неразрешим, чем для кого-либо другого, то данное обстоятельство лишь доказывает его полное непонимание как собственного положения, так и положения Франции... что, впрочем, весьма возможно.

Вообще в Европе за последнее время слишком привыкли заключать оценку действий или, скорее, поползновений французской политики ставшей пословицей фразой: «Франция сама не знает, чего хочет». Это, может быть, и правда, но для вящей справедливости следовало бы добавить: «Франция и не может знать, чего она хочет». Ведь для такого знания необходимо прежде всего обладать *Единой* волей, а Франция вот уже шестьдесят лет⁸⁹, как обречена иметь две воли.

И здесь речь идет не о разногласии, не о расхождении политических или иных мнений, что встречается во всякой стране, где общество в силу роковых обстоятельств оказалось под управлением партии. Речь идет о гораздо более важном факте — о постоянной, существенной и навеки непримиримой вражде, которая в течение шестидесяти лет составляет, так сказать, внутреннюю суть народной совести во Франции. Сама душа Франции раздвоена⁹⁰.

Овладев этой страной, Революция сумела ее глубоко потрясти, изменить, исказить, но ей не удалось и никогда не удастся полностью присвоить ее. Что бы она ни предпринимала, в нравственной жизни Франции есть такие начала и элементы, которые всегда будут ей сопротивляться, — по крайней мере до тех пор, пока Франция будет существовать в подлунном мире. К таковым можно отнести католическую Церковь с ее верованиями и обучением, христианский брак и семью и даже собственность. С другой стороны, можно предвидеть, что Революция, вошедшая не только в кровь, но и в душу этого общества, никогда не решится добровольно отдать добычу. И поскольку в истории мира мы не знаем ни одной заклинательской формулы, приложимой к целому народу, следует весьма опасаться, как бы такое состояние непрерывной внутренней борьбы, постоянного и, так сказать, органического раздвоения не стало надолго естественным условием существования нового французского общества.

Вот почему уже шестьдесят лет в этой стране революционное по своему принципу Государство присоединяет к себе, берет на буксир лишь взбудораженное общество, а между тем правительственная власть, которая распространяется и на то, и на другое, не имеет возможности их примирить, оказывается роковым образом обреченной на ложное и шаткое положение, окружена опасностями и поражена бессилием. Поэтому с тех пор правительства Франции (кроме одного, правительства Конвента в период Террора⁹¹), несмотря на различия в их происхождении, учениях и устремлениях, имели нечто общее: все они, не исключая и появившегося на следующий день после февральского переворота, гораздо более претерпевали Революцию, нежели представляли ее. Да иначе и быть не могло. Ведь только подвергаясь ее воздействию и одновременно борясь с ней, они могли жить.

Однако мы не погрешим против истины, если скажем, что все они до сих пор погибали при исполнении этой задачи.

Как же подобная власть, столь нерешительная по природе и мало уверенная в своем праве, могла бы иметь какой-то шанс на успех, вмешиваясь в такой вопрос, как римский? Становясь посредником или судьей между Революцией и Папой, она никак не могла надеяться примирить то, что непримиримо по самой своей природе. С другой же стороны, она не могла решить тяжбу в пользу одной из противоборствующих сторон, не поранив себя и не отринув, так сказать, своей собственной половины.

Столь обоюдоострое вмешательство, сколь бы ни было оно приглушённым, могло лишь еще более запутать безвыходное положение, раздражить и растравить рану. И в этом власть вполне преуспела.

Каково сейчас истинное положение Папы по отношению к его подданным? И какова вероятная судьба новых учреждений, которые он им дал? Здесь, к сожалению, правомерны лишь самые печальные предположения, а сомнение неуместно.

Теперешнее положение продолжает старый порядок вещей, существовавший нынешнему правлению и уже тогда рушившийся под грузом своей невозможности, но гораздо более обремененный затем всем, что случилось с тех пор: в мире нравственном — огромными разочарованиями и предательствами, в мире материальном — всеми накопленными разорениями.

Известен этот порочный круг, в котором, как мы наблюдаем уже сорок лет⁹², крутятся и барахтаются столько народов и правительств. Управляемые принимали уступки со стороны власти лишь за частичное погашение задолженности, выплачиваемое против собственной воли недобросовестным должником. Правительства же видели в обращенных к ним прошениях только козни лицемерного врага. Такое положение вещей и взаимное недоверие, отвратительное и развращающее всегда и везде, здесь еще более усугубляется особо священным характером власти и совершенно исключительной природой ее отношений со своими подданными. Ибо, повторим еще раз, в сложившейся ситуации, когда не только из-за человеческих страстей, но самую силой обстоятельств все движется по наклонной плоскости, любая уступка, любое преобразование, хотя бы немного искреннее и серьезное, неизбежно толкает римское Государство к полной секуляризации. Секуляризация — вот, вне всякого сомнения, последнее слово нынешнего положения. Однако Папа даже в обыкновенное время не вправе допустить ее, поскольку светская власть принадлежит не ему лично, а является достоянием римской Церкви. Теперь же, при убежденности, что секуляризация, даже если бы она и способствовала удовлетворению насущных нужд, должна обернуться

в конечном итоге на пользу заклятого врага не только его власти, но и всей Церкви, Папа еще менее мог бы согласиться на нее. Допустить ее — значило бы сделаться виновным сразу в отступничестве и предательстве. Вот положение Власти. Что же касается подданных, то, как очевидно, закоренелая, составляющая народный дух римлян неприязнь к господству духовенства не уменьшилась после череды последних событий.

И если, с одной стороны, уже одного подобного расположения умов достаточно для превращения самых великодушных и благонамеренных реформ в мертворожденное дитя, то, с другой стороны, неудача таких преобразований может лишь бесконечно усилить общее раздражение, утвердить общественное мнение в ненависти к восстановленной власти — и *привлечь в стан врага новых бойцов*.

Положение, конечно, совершенно прискорбное, и оно несет на себе печать провиденциальной кары. Ибо нельзя вообразить для христианского священника более ужасной беды, нежели видеть себя обремененным властью, исполнение которой роковым образом ведет к гибели душ и разрушению Религии!.. Нет, разумеется, столь жестокое и противоестественное положение продлиться долго не сможет. Наказание это или испытание, в любом случае немислимо, чтобы римское Папство еще надолго оставалось заключенным в таком огненном кругу и милосердный Бог не пришел ему на помощь и не открыл пути, чудесного, неопровержимого, непредвиденного исхода — или, лучше сказать, ожидаемого уже многие века.

Возможно, еще много терзаний и катастроф отделяют Папство и подвластную ему Церковь от этого мгновения, и они находятся лишь в самом начале бедственных времен. Ведь то будет не ничтожный огонь, не маленький пожар на несколько часов, а огромное пламя, которое, пожирая и обращая в пепел целые века суетных забот и антихристианской вражды, сокрушит наконец роковую преграду, заставляющую желанный исход.

И как при виде всего происходящего в присутствии нового устройства злого начала, самого изобретательного и чудовищного из когда либо виденного людьми, перед лицом этого организованного и всесторонне вооруженного мира зла с его церковью безверия и его мятежным правительством, — как, спрашиваем мы, можно было бы запретить христианам надеяться, что Бог соизволит соразмерить силы Своей Церкви с предназначенной ей новой задачей? Что накануне готовящихся битв Он соизволит восстановить всю полноту ее сил и Сам в положенный час придет и Своей милосердной рукой уврачуе рану, нанесенную ее телу рукой человеческой, — ту открытую рану, которая уже восемьсот лет не перестает кровоточить!..

Православная Церковь никогда не теряла надежды на такое исцеление. Она ждет его, рассчитывает на него — не только с верой, но и с уверенностью. Как *Единому* по своему началу и *Единому* в Вечности не восторжествовать над разъединением во времени? Вопреки многовековому разделению и всем человеческим предубеждениям она всегда признавала, что христианское начало никогда не погибало в римской Церкви⁹³ и что оно в ней всегда сильнее людских заблуждений и страстей. Поэтому она глубоко убеждена, что христианское начало окажется сильнее всех его врагов. Православная Церковь знает и то, что теперь, как и в продолжение многих веков, судьбы христианства на Западе все еще находятся в руках римской Церкви, и надеется, что в день великого воссоединения та возвратит ей неповрежденным сей священный залог.

Да будет нам позволено в заключение напомнить один эпизод, связанный с посещением Рима русским Императором в 1846 году⁹⁴. Там, вероятно, еще не забыли всеобщего одушевления, с каким было встречено его появление в храме Святого Петра — появление православного Императора в Риме после многовекового отсутствия! Помнится, может быть, и электрический ток, пробежавший по толпе, когда он стал молиться у гроба Апостолов. Это волнующее чувство было правым и законным. Коленопреклоненный Император стоял там не один — вместе с ним, преклонив колена, пребывала вся Россия. Будем надеяться, что он не напрасно молился перед святыми мощами.

РОССИЯ И ЗАПАД⁹⁵

1. Положение дел. 2. Римский вопрос. 3. Италия. 4. Единство Германии. 5. Австрия. 6. Россия. 7. Россия и Наполеон. 8. Россия и Революция. 9. Будущность.

<ГЛАВА I>

<1>

Положение дел в 1849 году

Февральское движение⁹⁶, по свойственной ему внутренней логике, должно бы привести к крестовому походу всего *охваченного Революцией* Запада против России... Но этого не произошло, что является доказательством отсутствия у Революции необходимой жизненной силы — даже для осуществления значительного разрушения. Иначе говоря, Революция — болезнь, пожирающая Запад, а не душа, сообщающая ему движение и развитие.

Отсюда проистекает возможность реакции, подобно той, что была вызвана июньскими днями прошлого года⁹⁷. Это реакция еще не пораженных частей страдающего организма против последовательного распространения недуга. Это июньское сопротивление и все другие, вызванные им в последующем, — значительное событие, великое Откровение. Теперь ясно, что Революция нигде не может надеяться на *правление*. И даже если она захватит Власть хотя бы на краткий миг, то породит лишь гражданскую войну. То есть она подточит и разложит общество, но не сможет ни овладеть им как таковым, ни управлять им от своего имени. Вот достигнутый результат, и он огромен. Ибо он свидетельствует не только о немощи Революции, но и о бессилии Запада. Всякое действие вопне ему воспрещено⁹⁸. Он в корне расколот.

Сейчас Революция материально обезоружена. Подавление июньских выступлений 1848 года парализовало ей руки, а победа России в Венгрии⁹⁹ вынудила ее выронить оружие. Само собой разумеется, что и, будучи обезоруженной, Революция тем не менее полна жизни и мощи. Пока она ретируется с поля битвы и оставляет его победителям. Как они воспользуются своей победой?..

И прежде всего, как понимают сложившееся положение вещей законные Власти на Западе? Ибо, чтобы предрешать характер своих будущих отношений с Революцией, им следовало бы заранее определить, каковы нравственные условия их собственного существования. Одним словом, каков тот символ веры, который они могут противопоставить символу Революции?

Что касается революционного символа, мы его знаем и именно поэтому прекрасно понимаем, откуда проистекает его непреодолимое влияние на Запад, — ошибки более невозможны, всякая двусмысленность, вольная или невольная, стала бы отныне неуместной.

Революция, если рассматривать ее самое существенное и простое первоначало, есть естественный плод, последнее слово, высшее выражение того, что в продолжение трех веков принято называть цивилизацией Запада. Это вся современная мысль после ее разрыва с Церковью¹⁰⁰.

Сия мысль такова: человек в конечном итоге зависит только от самого себя — в управлении как своим разумом, так и своей волей. Всякая власть исходит от человека, а всякий авторитет, ставящий себя выше человека, есть либо иллюзия, либо обман. Одним словом, это апофеоз человеческого *я* в самом буквальном смысле слова.

Таково, кто не знает, изначальное верование революционной школы; но, серьезно говоря, разве общество Запада, цивилизация Запада имеет другое верование?..

А Власти предрержащие этого общества, не имевшие для жизни во многих поколениях иной умственной среды, как они теперь смогут

выбраться из нее? И как, не выходя из нее, они сумеют найти нужную точку Архимеда для опоры своего рычага?

Напрасно сам г-н Гизо теперь громко выступает против европейской демократии¹⁰¹, напрасно упрекает ее в самопоклонении, находя в нем начало всех ее ошибок и недостойных деяний: западная демократия, превратив себя в предмет собственного культа, надо признаться, всего лишь навсего слепо следовала инстинктам, которые развивались в ней благодаря вам и вашим собственным доктринам более чем кому бы то ни было. В самом деле, кто более вас и вашей школы¹⁰² столь требовательно и настойчиво отстаивал права независимости человеческого разума¹⁰³; кто учил нас видеть в религиозной Реформации XVI-го века не столько противодействие злоупотреблениям и незаконным притязаниям римского католицизма, сколько эру окончательного высвобождения человеческого разума; кто приветствовал в современной философии научную формулу сего высвобождения и превозносил в революционном движении 1789 года пришествие во власть и во владение современным обществом этого столь раскрепощенного разума, что он не находит иной зависимости, как только от самого себя? И как хотите вы, чтобы после подобных наставлений человеческое я, эта основная определяющая молекула современной демократии, не стало бы своим собственным идолопоклонником? И наконец, кого оно должно, по-вашему, обожать, если не самого себя, поскольку для него нет никакого другого авторитета? Поступая иначе, оно, право, выказывало бы скромность.

Итак, согласимся, что Революция, бесконечно разнообразная в своих этапах и проявлениях, едина и тождественна в своем главном начале, и именно из этого начала, необходимо признать, вышла вся нынешняя западная цивилизация.

Мы не скрываем от себя огромного значения такого признания. Мы слишком хорошо знаем, что изложенный нами факт накладывает на последнюю европейскую катастрофу печать наиболее трагической эпохи среди всех эпох мировой истории. Весьма вероятно, что мы присутствуем при банкротстве целой цивилизации...

И в самом деле, вот уже на протяжении многих и многих поколений мы видим, как все вы, люди Запада, — народы и правительства, богатые и бедные, ученые и невежды, философы и светские люди, — все вы вместе читаете в одной и той же книге, в книге эмансипированного человеческого разума, и вот в феврале 1848 года некоторых из вас, самых нетерпеливых и авантюрных, посетила внезапная фантазия перевернуть последнюю страницу этой книги и прочесть уже известное вам страшное откровение¹⁰⁴... Теперь напрасно возмущаться, сплотаться против смельчаков. Увы, как сделать, чтобы прочи-

танное оказалось непрочитанным... Удастся ли опечатать эту чудовищную последнюю страницу? Вот в чем заключается вопрос.

Я хорошо знаю, что полнота жизни в человеческом обществе не исчерпывается той или иной доктриной или тем или иным началом, что независимо от них возникают материальные интересы, способные более или менее обеспечить в обычное время существование жизни, а инстинкт самосохранения, как в любом живом организме, может какое-то время энергично сопротивляться неизбежному разрушению. Но инстинкт самосохранения, которому никогда не удавалось спасти какую-либо разгромленную армию, сумеет ли долго и надежно защищать разлагающееся общество?

Правда, на сей раз Власти предержавшие, а вслед за ними и общество еще отразили последнюю атаку Революции. Но разве современная цивилизация, либеральная цивилизация Запада сохранила и защитила себя от нападавших врагов с помощью своих собственных сил и законного оружия?

Конечно, если в истории последнего времени и было в высшей степени значительное событие, то, несомненно, вот какое: на следующий же день после провозглашения европейским обществом всеобщего избирательного права верховным судьей своих судеб¹⁰⁵ оно было вынуждено ради спасения цивилизации обратиться к вооруженной силе, к военной дисциплине¹⁰⁶. А чем является вооруженная сила, военная дисциплина, как не наследием, если угодно, обломком старого мира, уже давно затопленного. И тем не менее, цепляясь именно за этот обломок, современное общество смогло спастись от нового потопа, готового вскоре поглотить и его.

Но если военное подавление, являющееся при устоявшемся порядке вещей лишь аномалией, лишь счастливой случайностью, в определенный момент сумело спасти находившееся под угрозой общество, то достаточно ли этого для обеспечения его будущности? Одним словом, сможет ли осадное положение когда-либо стать системой правления?..

И, повторим еще раз, Революция не только враг из крови и плоти. Она более чем Принцип. Это Дух, Разум, и, чтобы его победить, следовало бы обрести умение с ним справляться.

Мне хорошо известно, что последние события породили во всех умах чрезвычайные сомнения и огромные разочарования в революционной мудрости своих отцов. Пустая бесполезность достигнутых результатов стала для них ощутимой. Но если иллюзии, которые уже можно было бы назвать вековыми заблуждениями, развеялись последней бурей, то никакая другая вера не заменила их... Сомнение только углубилось, вот и все. Ибо современная мысль может успешно

сражаться не с Революцией, а с теми или иными ее следствиями — с социализмом, коммунизмом и даже атеизмом. Однако ей надо было бы отречься от себя самой, дабы уничтожить основополагающий революционный Принцип. Вот почему еще западное общество, выражающее эту мысль, видя себя после февральской катастрофы на краю пропасти, смогло инстинктивным движением отпрянуть от нее; но ему потребовались бы крылья, чтобы преодолеть эту пропасть, или чудо, еще не случавшееся в истории человеческого Общества, чтобы вернуться вспять.

Таково настоящее положение дел в мире. Оно, несомненно, ясно для Божественного Провидения, но неразрешимо для современного разума.

Именно под воздействием подобных обстоятельств Власти держащие на Западе призваны руководить Обществом, укреплять и упрочивать его на прежних основах, и они вынуждены заниматься этим делом с помощью инструментов, полученных из рук Революции и изготовленных для ее потребностей.

Однако независимо от этой задачи общего умиротворения, единой для всех правительств, у каждого из крупных государств на Западе есть еще свои отдельные вопросы, которые являются плодом и как бы итогом их особенной истории и которые, будучи, так сказать, поставленными на обсуждение историческим Промыслом, требуют неизбежного решения. Именно на эти вопросы и накинута европейская Революция в разных странах, но она сумела найти там лишь поле битвы против Власти и Общества. Теперь, когда все ее усилия и попытки потерпели позорное поражение и вместо разрешения вопросов она их только обострила, правительства должны, в свою очередь, пытаться их разрешить в присутствии и, если так можно выразиться, под присмотром побежденного ими противника.

Но прежде всего перейдем к обозрению различных вопросов.

<2>

Для того, кто на месте понимающего, но *стороннего* свидетеля наблюдает за происходящим в Западной Европе, нет, конечно же, ничего более примечательного и поучительного, чем, с одной стороны, постоянное разногласие, очевидное и неизбывное противоречие между господствующими там идеями, между тем, что в действительности надлежит называть мнением века, общественным мнением, либеральным мнением, и реальностью фактов, ходом событий, а с другой стороны — столь малое впечатление, которое этот разлад, это так бросающееся в глаза противоречие, кажется, производит на умы.

Для нас, смотрящих *со стороны*, несомненно, нет ничего легче, чем отличать в Западной Европе мир фактов, исторических реальностей от огромного и навязчивого миража, которым революционное общественное мнение, вооруженное периодической печатью, как бы прикрыло Реальность. И в этом-то мираже уже 30—40 лет живет и движется, как в своей естественной среде, эта столь фантастическая, сколь и действительная сила, которую называют Общественным Мнением¹⁰⁷.

Странная вещь в конечном счете эта часть <общества> — Публика¹⁰⁸. Собственно говоря, именно в ней и заключена жизнь народа, избранного народа Революции. Это меньшинство западного общества (по крайней мере, на континенте), благодаря новому направлению, порвало с исторической жизнью масс и сокрушило все позитивные верования... Сей безымянный народец одинаков во всех странах. Это племя индивидуализма, отрицания. В нем есть, однако, один элемент, который при всей своей отрицательности служит для него связующим звеном и своеобразной религией. Это ненависть к авторитету в любых формах и на всех иерархических ступенях, ненависть к авторитету как изначальный принцип. Этот совершенно отрицательный элемент, когда речь идет о созидании и сохранении, становится ужасающе положительным, как только встает вопрос о ниспровержении и уничтожении. И именно это, заметим попутно, объединяет судьбы представительного правления на континенте. Ибо то, что новые учреждения называли по сей день представительством, не является, что бы там ни говорили, самим обществом, реальным обществом с его интересами и верованиями¹⁰⁹, но оказывается чем-то абстрактным и революционным, именуемым публикой, выразителем мнения, и ничем более. И поэтому этим учреждениям удавалось искусно подстрекать оппозицию, но нигде до настоящего времени они не сумели создать хотя бы одно правительство...

И тем не менее действительный мир, мир исторической реальности, даже под чарами миража оставался самим собой и продолжал идти своим путем совсем рядом с этим миром общественного мнения, который, благодаря общему согласию, также приобрел какое-то подобие реальности.

<3>

После того как революционная партия представила нам зрелище своей немощи, теперь наступает черед правительств, которые не замедлят доказать, что если они еще достаточно сильны для противостояния полному разрушению, то для восстановления и какого-либо перестраивания у них более нет достаточных сил. Они похожи на тех больных, которым удается одолеть недуг, но только после того как он

глубоко разложил организм, и их жизнь отныне становится лишь медленной агонией. 1848 год явился землетрясением¹¹⁰, которое обрушило не все поколебленные им здания, однако те, что устояли, оказались в таких трещинах, что их окончательный обвал неминуем в любой момент.

В Германии междоусобная война составляет саму основу ее политического положения. Сейчас это более, чем когда-либо, Германия Тридцатилетней войны¹¹¹ — Север против Юга, разрозненные государства против единой Власти, — но все неизмеримо возросло под воздействием революционного принципа. В Италии теперь не только, как прежде, соперничество с Германией и Францией или ненависть Италии к пребывающему за горами Варвару¹¹². Налицо, кроме того, смертельная война, объявленная Революцией, взявшей на вооружение итальянское национальное чувство, опороченному римским Папством католицизму¹¹³. Что же до Франции, которая не может более существовать без отречения на каждом шагу от того, что вот уже 60 лет составляет ее жизненный принцип, от Революции, — это страна, по логике вещей и воле рока приговоренная к бессилию. Это общество, приговоренное инстинктом самосохранения прибегать к услугам одной своей руки лишь только для того, чтобы связать другую.

Таково, на наш взгляд, сегодняшнее положение на Западе. Революция, являющаяся логическим следствием и окончательным итогом современной цивилизации, которую антихристианский рационализм отвоевал у римской Церкви, — Революция, фактически убедившаяся в своем абсолютном бессилии как организующего начала и почти в таком же могуществе как начала разлагающего, — а с другой стороны, остатки элементов старого общества в Европе, еще достаточно живучие, чтобы при необходимости отбросить до определенной отметки материальное воздействие Революции, но столь пронизанные, насыщенные и искаженные революционным принципом, что они оказались как бы беспомощными создавать что-либо могущее вообще приниматься европейским обществом в качестве законной власти, — вот дилемма, ставящаяся сейчас во всей ее огромной важности. Частичная неопределенность, сохраняющаяся за будущим, затрагивает один-единственный пункт: неизвестно, сколько времени нужно для того, чтобы подобное положение породило все эти последствия. Что касается природы этих последствий, то предугадать их можно было бы, лишь полностью выйдя за пределы западной точки зрения и смирившись для понимания простой истины, а именно: европейский Запад является лишь половиной великого органического целого, и по видимости неразрешимые затруднения, терзающие его, найдут свое разрешение только в другой половине¹¹⁴...

<МАТЕРИАЛЫ К ТРАКТАТУ «РОССИЯ И ЗАПАД»>

<Программы трактата>

<1>

<2>

РОССИЯ И ЗАПАД

I. Общее положение дел.	I. Положение дел в 1849 году.
II. Римский вопрос.	II. Римский вопрос.
III. Италия.	III. Италия.
IV. Германское единство.	IV. Германское единство.
V. Австрия.	V. Австрия.
VI. Россия.	VI. Россия.
VII. Россия и Наполеон.	VII. Россия и Наполеон.
VIII. Будущность.	VIII. Россия и Революция.
	IX. Будущность.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ III>

<1>

Италия

Чего хочет Италия? Истинного, ложного и надуманного.

Истинное: независимость, муниципальная самостоятельность с федеральной связью — изгнание чужеземца, немца.

Ложное: классическая утопия — единая Италия. С Римом во главе. Римская реставрация¹¹⁵.

Откуда эта утопия? Ее происхождение — ее роль в прошлом и до наших дней.

Две Италии. Италия народа, масс, действительности. — Италия книжников, ученых, революционеров, от Петрарки до Мадзини¹¹⁶.

Совершенно особая роль этого направления книжников в Италии. Его значение: это традиция древнего Рима, языческого Рима. — Почему этот призрачный образ наиболее реален в Италии, чем в других местах.

Римская Италия¹¹⁷ была завоеванной Италией. Вот почему единство Италии, как его понимают эти господа¹¹⁸, является римским, а никак не итальянским фактом.

Италия тогда принадлежала Риму, потому что Рим владел *Империей*¹¹⁹. Что такое *Империя*? Это передача полномочий¹²⁰, жалуемые ею права. Сии права теряются, как только полномочия отменяются, — их утрачивают вместе с Империей. Так именно и произошло с Римом. Но поскольку имперского престола больше нет в Италии, в ней не находится места и для этого искусственного единства. — Она с полным правом возвращает себе свою независимость и свои местные самоуправления.

Удаление Империи из Рима и перенос ее на Восток¹²¹ — это христианская мысль, которую языческая мысль стремится отрицать¹²². Вот почему языческая мысль неправильно судит об истинном положении дел в Италии. Италия, предоставленная свободе своих действий, но лишенная Империи, есть Италия, лишенная Империи, но неспособная обходиться без имперской власти.

Имперская власть: это единая связка прутьев.

Почему эта власть никогда не занимала принадлежащего ей места — Папство парализовало ее.

Борьба Папства и Империи — ее последствия для Италии.

Римское Папство и германская Империя. Оба — захватчики в отношении к Востоку — сначала *сообщники*, а потом *враги*. Италия — добыча, оспариваемая ими друг у друга¹²³. — Отсюда все ее беды.

Беглый взгляд на эту плачевную историю.

Оба призывают в Италию чужеземца, который прочно там устраивается. Папство, хотя и значительно умаленное, продолжает хранить и стеречь Рим, центр мира. Рухнувшая Империя завещает Италию австрийскому господству¹²⁴. Последняя схватка: Австрия более чуждая, чем когда-либо. Италия, как никогда, раздираемая и терзаемая. Папство сближается с Австрией¹²⁵. Дело Независимости все более отождествляется с революционным делом. — Огромная важность положения.

Французское вмешательство, в пользу Революции, только осложняет это положение¹²⁶. Раздор. Внутренняя борьба всех элементов между собой.

Единственно возможный выход.

Империя восстановлена¹²⁷. Папство секуляризировано¹²⁸...

<2>

<Италия>

Две вещи по обыкновению одинаково ненавидимы в Италии: *tedeschi** и *preti***.

* Немцы (*итал.*).

** Священники (*итал.*).

Какая сила теперь оказалась бы в состоянии освободить Италию от одних и от других, не позволяя Революции одержать победу и не разрушая Церковь? Такая сила, если она существует, является прирожденной покровительницей Италии¹²⁹.

<3>

Папа лицом к лицу с Реформацией¹³⁰.

Римский вопрос в настоящее время неразрешим. Он мог бы быть разрешен только на путях возвращения римской Церкви в лоно Православия¹³¹.

Есть только одна мирская власть, опирающаяся на вселенскую Церковь¹³², которая была бы в состоянии преобразовать Папство, не разрушая Церковь.

Такая власть никогда не существовала и не могла существовать на Западе. — Вот почему все светские власти Запада, от Гогенштауфенов¹³³ до Наполеона, в своих распрях с Папами в конечном итоге принимали в качестве вспоможения антихристианский принцип¹³⁴ — точно так же, как пресловутые реформаторы, и по той же причине.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ IV>

<1>

Германское единство

Что такое Франкфуртский парламент¹³⁵? Взрыв Германии идеологов. Германия идеологов — ее история.

Идея объединения — плод ее собственной деятельности. Она не исходит от масс, не вытекает из истории. — Доказательством этому служит утопия, отсутствие чувства реальности, всегда достаточного у масс, но почти никогда не достоящего книжникам.

Германское единство = европейское господство, но где для него условия? Что представляла собою древняя германская Империя во времена своего могущества? То была Империя с римской душой и славянским телом (завоеванным у Славян)¹³⁶. То, что составляло ее собственно германский элемент, не содержало, так сказать, необходимого материала для Империи.

Между Францией, нависающей над Рейном, и Восточной Европой, тяготеющей к России, есть место для независимости, но не для главенства.

Подобное же политическое условие, почтенное, но не дающее превосходства, требует федерации и не отвергает единства.

Ибо единство, единое устройство предполагает Призвание, которого Германия уже не имеет...

Но возможно ли для Германии, даже в узких пределах, органическое единство?

Дуализм, внутренне свойственный Германии¹³⁷.

Империя являлась формулой, предназначенной для его предотвращения. Формула эта оказалась недостаточной. Империя была таковой лишь наполовину; дуализм, настойчиво проходящий через все существование Империи.

Империя, сама ее душа, сокрушена Реформацией, которая, напротив, освятила дуализм.

Тридцатилетняя война обустроила и укрепила его¹³⁸. Дуализм стал нормальным состоянием Германии. — Австрия, Пруссия.

Так шло до наших дней. Россия, истинная Империя, превратив их в своих союзников, усыпила враждебное соперничество, но не уничтожила его¹³⁹.

Как только Россия устраняется, война возобновляется.

Единство невозможно изначально, поскольку... с Австрией не может быть никакого единства. Без Австрии нет Германии. Германия не может стать Пруссией, потому что Пруссия не может стать Империей.

Империя предполагает законность¹⁴⁰. Пруссия незаконна¹⁴¹.

Империя в другом месте¹⁴².

Пока же будет две Германии. Это их естественное положение — единство придет к ним извне.

<2>

Германское единство

Весь вопрос единства Германии сводится теперь к тому, чтобы знать, захочет ли она смириться и пребывать Пруссией¹⁴³.

Нужно было бы, разумеется, чтобы Германия сама *добровольно* захотела этого, ибо Пруссия неспособна принудить ее к нему. Для такого принуждения есть лишь два средства. Революция — невозможное средство для упорядоченного правления; завоевание — невозможно из-за соседей.

С другой стороны, король Пруссии по самой природе своего происхождения никогда не сможет стать императором Германии¹⁴⁴. — Почему так? По той же причине, по какой Лютер никогда бы не смог стать Папой.

Пруссия есть не что иное, как *отрицание* германской Империи¹⁴⁵. Успешное отрицание.

Принцип единства Германии уже не заключен в ней самой...

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ V>

<1>

Австрия

Каково было значение Австрии в прошлом? Она выражала факт господства одного племени над другим, германского племени над славянским.

Как это оказалось возможным? При каких условиях?.. Историческое объяснение хода вещей (только династическое)¹⁴⁶.

Этот факт германского господства над славянами, опровергнутый Россией.

Уничтоженный последними событиями¹⁴⁷. — Чем *является* Австрия теперь и чем *собирается быть!*

Австрия, став конституционной¹⁴⁸, провозгласила *Gleichberechtigung**, равноправие для различных народностей. — Каково же значение этого шага?

Система ли это общего нейтралитета? или чистое отрицание¹⁴⁹?

Но возможно ли существование великой Империи на основе отрицания?

Конституционный закон — закон большинства. А поскольку большинство в Австрии принадлежит славянам, то Австрия должна бы стать славянской. — Вероятно ли такое? и даже возможно ли?

Может ли Австрия перестать быть германской, не перестав существовать?

Отношения между этими двумя племенами, политические и психологические (см. Фальмерайера¹⁵⁰).

Германский гнет не только политическое притеснение, он во сто крат хуже. Ибо он проистекает из той мысли немца, что его господство над славянами является его естественным *правом*¹⁵¹. Отсюда неразрешимое недоразумение и вечная ненависть.

Следовательно, искреннее равенство в правах оказывается невозможным. Но немец склоняется перед совершившимся фактом — как в России¹⁵². В результате провозглашенное Австрией *Gleichberechtigung* становится не чем иным, как обманом.

Она германская и останется германской.

Что из этого следует? Постоянная междоусобная война различных негерманских народностей с венскими немцами, а самих этих народностей — друг с другом при использовании конституционной законности.

Таким образом, вместо защиты и обеспечения порядка австрийское господство окажется лишь закваской для Революции.

* Равноправие (нем.).

Славянские народности, вынужденные стать революционными для отстаивания своей национальности от германской власти.

Венгрия — в славянской Империи совершенно естественно до-вольствовавшаяся бы подчиненным местом, согласно своему положению. Примет ли она, находясь лицом к лицу с Австрией, условие, которое та стремится ей создать?..¹⁵³

Серьезные неудобства, опасности — и, наконец, нетерпимое положение — вот чем все это грозит для России.

Возможно ли существование Австрии после этого? И почему она должна была бы существовать?

Последнее размышление.

Австрия в глазах Запада не имеет иной ценности, кроме своей антирусской направленности, и тем не менее она не могла бы существовать без помощи России.

Жизнеспособна ли такая комбинация?..

Вопрос для австрийских славян сводится вот к чему: или оставаться славянами, став русскими, или превратиться в немцев, оставаясь австрийцами¹⁵⁴.

<2>

У Австрии нет больше смысла существования. Сказано: если бы Австрии не было, ее нужно было бы выдумать¹⁵⁵, — но почему? Чтобы сделать из нее орудие против России, и недавнее¹⁵⁶ событие доказало, что участие, дружба, покровительство России является условием самой жизни Австрии.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ VI>

Россия

Западные люди, судящие о России, немного похожи на китайцев, судящих о Европе, или, скорее, на греков (Гресули), судящих о *Риме*. Это, видимо, закон истории: никогда то или иное общество, цивилизация не понимает тех, кто должен их сменить.

А западная колония образованных русских, говорящая их же собственным отраженным голосом¹⁵⁷, вводит их в еще большее заблуждение. — *Насмешка эха*.

Запад, поныне видящий в России лишь материальный факт, материальную силу.

Для него Россия — следствие без причины. То есть, являясь *идеалистами*, они не видят *идеи*.

Ученые и философы, они в своих исторических мнениях зачеркнули целую половину европейского мира¹⁵⁸.

И тем не менее, откуда у них появляется перед этой сугубо материальной силой нечто среднее между уважением и страхом, чувство awe*, испытываемое только по отношению к авторитету?..

Здесь еще присутствует инстинкт, более разумный, чем знание. Что же такое Россия? Что она представляет из себя? Две вещи: *славянское племя, Православную Империю*.

1) Племя.

Панславизм, впавший в революционную фразеологию¹⁵⁹. — Искаженное восприятие народности. Маскарадный костюм для Революции. Литературные панслависты являются немецкими идеологами, точно так же, как и все прочие.

Действительный панславизм в массах. Он обнаруживается при встрече русского солдата с первым встречным славянским крестьянином, словаком, сербом, болгаринном и т.д., даже мадяром. Они все единодушны в своем отношении к немцу.

Панславизм состоит еще в следующем.

Для славян вне России невозможна никакая политическая народность.

Здесь встает польский вопрос (смотреть статью Сен-При¹⁶⁰, *Revue des Deux Mondes*. № 1).

2) Империя.

Племенной вопрос имеет лишь второстепенное значение, он включает в себе, скорее, среду, а не принцип. Формирующий принцип — это православная традиция.

Россия гораздо более православная, чем славянская. Именно как православная она включает в себе и хранит *Империю*.

Что такое *Империя*? Учение об Империи. Империя бессмертна. Она передается. Реальность этой передачи. 4 сменявшихся Империи. 5-я — последняя и окончательная¹⁶¹.

Эта традиция отрицается революционной школой на том же основании, что и предание в Церкви.

Это индивидуализм, отрицающий историю.

И все-таки идея Империи была душой всей истории Запада¹⁶².

Карл Великий¹⁶³. Карл V¹⁶⁴. Людовик XIV¹⁶⁵. Наполеон¹⁶⁶.

Революция убила ее, что и послужило началом разложения Запада¹⁶⁷. Но Империя на Западе всегда становилась захватом и присвоением¹⁶⁸.

Это добыча, которую Папы поделили с германскими Кесарями (отсюда их распри).

Законная Империя осталась преемственно связанной с наследием Константина¹⁶⁹. — Показать и доказать историческую реальность всего этого.

* Благоговейного страха (*англ.*).

Каким образом Восточная Империя (ложные взгляды западной науки на Восточную Империю¹⁷⁰) была передана России.

Именно в качестве Императора Востока царь является Государем России¹⁷¹.

«Волим царя восточного православного»¹⁷², — говорили малороссы, и говорят все православные на Востоке, славяне и прочие.

Что же до турок, то они заняли православный Восток, чтобы заслонить его от западных народов, — в то время как создавалась законная Империя.

Империя едина:

Православная Церковь — ее душа, славянское племя — ее тело. Если бы Россия не пришла к Империи, она не доросла бы до себя.

Восточная Империя: это Россия в полном и окончательном виде.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ VII>

<1>

Россия и Наполеон

В связи с *Наполеоном* занимались словопрением. Историческая реальность оказалась неопознанной, вот почему и Поэзия осталась незамеченной.

Это кентавр¹⁷³ — наполовину Революция, наполовину... Но своим нутром он тяготел к Революции.

История его коронования — это символ всей его истории¹⁷⁴. Он попытался в своем лице заставить Революцию короноваться. Это и превратило его царствование в серьезную пародию. Революция убила Карла Великого, он захотел его повторить¹⁷⁵. — Но с появлением России Карл Великий стал уже невозможен¹⁷⁶...

Отсюда неизбежный конфликт между Наполеоном и Россией. Его противоречивые чувства по отношению к России, влечение и отталкивание¹⁷⁷.

Он хотел бы поделить Империю, но не смог бы этого сделать. Империя — принцип. Она неделима.

(Если Эрфуртская история¹⁷⁸ верна, то это был момент наибольшего отклонения России с ее путей.)

Поразительно: личный враг Наполеона — Англия¹⁷⁹. И тем не менее <разбился-то> он об Россию. Ибо именно Россия была его истинным противником — борьба между ними была борьбой между законной Империей и коронованной Революцией.

Сам он по-древнему пророчествовал о ней: «Она увлекаема роком. Да сбудутся ее судьбы»¹⁸⁰.

Он сам, на рубеже России¹⁸¹ —
Проникнут весь предчувствием борьбы —
Слова промолвил роковые:
«Да сбудутся ее судьбы...»
И не напрасно было заклинанье:
Судьбы откликнулись на голос твой —
И сам же ты, потом, в твоём изгнание,
Ты пояснил ответ их роковой...

<2>

Наполеон — это серьезная пародия на Карла Великого¹⁸²... Не чувствуя за собой собственного права, он всегда играл роль¹⁸³, и нечто суетное в нем лишает его величие всякого величия. Его попытка возобновить дело Карла Великого стала не только анахронизмом, как у Людовика XIV и Карла V, его предшественников, но и постыдной бессмыслицей. Ибо она делалась от имени Власти, Революции, взявшей на себя миссию стереть с лица земли все следы деятельности Карла Великого.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ IX>

<1>

1. Что является *общим местом* в суждениях о вселенской Монархии? Откуда оно взялось?..

2. Политическое равновесие в истории находится в соответствии с разделением властей в государственном праве. И то и другое является следствием с *революционной* точки зрения и отрицанием с органической точки зрения.

3. Вселенская Монархия — это *Империя*. Империя же никогда не прекращала своего существования. Она только переходила из рук в руки.

4. 4 империи: Ассирия, Персия, Македония, Рим. С Константина начинается 5-я и окончательная Империя, христианская Империя¹⁸⁴.

5. Нельзя отрицать христианскую Империю без отрицания христианской Церкви¹⁸⁵. Они соотносительны между собой. В обоих случаях происходит отрицание *предания*.

6. Церковь, освящая Империю, присоединила ее к себе — следовательно, сделала ее окончательной.

Отсюда вытекает, что все, отрицающее Христианство, часто весьма могущественно в *отрицании*, но всегда бессильно в *созидании*, потому что является бунтом против Империи.

7. Но эта Империя, нерушимая в своем начале, в действительности могла проходить периоды слабости, остановок, помрачения¹⁸⁶.

8. Что представляет собою история Запада, начавшаяся с Карла Великого и завершающаяся на наших глазах?

Это история *узурпированной* Империи¹⁸⁷.

9. Папа, восстав против вселенской Церкви, захватил права Империи, которые поделил, как добычу, с так называемым Императором Запада¹⁸⁸.

10. Отсюда то, что обыкновенно происходит между сообщниками. Длительная борьба между *схизматическим* римским Папством и *узурпированной* Западной Империей, окончившаяся для одного Реформацией, то есть отрицанием Церкви, а для другой — Революцией, то есть отрицанием Империи.

<2>

Затронем вселенскую Монархию, то есть восстановление законной Империи.

Революция 1789 года стала разложением Запада. Она развалила самостоятельность Запада.

Революция уничтожила на Западе внутреннюю, местную Власть и, соответственно, подчинила ее Власти чужеземной, внешней. Ибо никакое общество не могло бы жить без Власти. Вот почему всякое общество, которое не может извлечь ее изнутри самого себя, обречено по инстинкту самосохранения заимствовать ее извне.

Наполеон ознаменовал последнюю безнадежную попытку Запада создать себе местную Власть, она закономерно потерпела неудачу. Ибо невозможно было бы извлечь Власть из Революционного Принципа. *Наполеон* же не был и не мог быть ничем иным.

Таким образом, начиная с 1815 года Западная Империя уже более не находится на Западе¹⁸⁹. Империя полностью ушла с него и сосредоточилась там, где всегда сохранялась законная традиция Империи. — 1848 год стал началом ее окончательного воцарения¹⁹⁰... Тем не менее необходимо, чтобы она помогла себе самой в двух великих делах, которые уже идут по пути свершения.

В области светской образование Греко-Славянской Империи¹⁹¹. В области духовной — объединение двух Церквей¹⁹².

Первое из этих дел определенно началось в тот день, когда Австрия для спасения подобия существования прибегла к поддержке России. Ибо Австрия, спасенная Россией, по всей необходимости станет Австрией, поглощенной Россией (*немного раньше*, <немного> позже).

Итак, поглощение Австрии есть не только необходимое пополнение России как славянской Империи, но еще и подчинение ей Германии и Италии, двух *стран Империи*.

Другое дело, предваряющее объединение Церквей, — это лишение римского Папы светской власти¹⁹³.

<ОТРЫВОК>¹⁹⁴

13 сентября 1849

В достигнутом нами положении можно с немалой вероятностью предвидеть в будущем два великих провиденциальных факта, которые должны увенчать на Западе революционное междуцарствие трех последних веков и положить начало в Европе новой эре.

Вот эти два факта:

1) окончательное образование великой Православной Империи, законной Империи Востока — одним словом, России ближайшего будущего, — осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя;

2) объединение Восточной и Западной Церквей.

Эти два факта, по правде говоря, составляют лишь один, который вкратце можно изложить так:

Православный Император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима.

Православный Папа в Риме, подданный Императора.

Комментарии

Тютчев Федор Иванович

¹ РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Автограф неизвестен. Возможно, его не существовало вообще, поскольку «записка» была продиктована Тютчевым жене. Первая публикация в количестве 12 экземпляров была осуществлена Полем де Бургуэном, который издал ее в Париже в мае 1849 г. под названием «Mémoire présenté à l'Empereur Nicolas depuis la Révolution de février par un Russe, employé supérieur des affaires étrangères» («Записка, представленная императору Николаю после февральской революции одним русским чиновником высшего ранга Министерства иностранных дел») в составе брошюры «Mémoire politique. Politique et moyens d'action de la Russie, impartialement appréciés» («Политическая записка. Политика и способы действия России, беспристрастно оцененные»). В России «Записка...» ходила в списках и широко обсуждалась в московских и петербургских салонах.

Печатается по: Тютчев Ф.И. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст., переводов, коммент. Б.Н. Тарасов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 81—93. Примечания Б.Н. Тарасова даны в сокращении.

² Тютчев отмечает отрицательное воздействие агрессивного рационализма, который он противопоставляет «уму», подлинной мудрости, позволяющей понимать и оценивать текущие события и явления не в позитивистской сокращенности, а в многомерной полноте исторических связей и судеб.

³ Для Тютчева православие является «духом», а славянская стихия — «телом» державы. Такое «избирательное сродство» и соподчинение в сочетании с особенностями исторического развития и создавало не подвластную прагматическому рассудку «задушевность» и «смиренную красоту» жертвенного самоотречения и сердечного бескорыстия, которые сам он различал в русском народе (см. стихотворение «Эти бедные селенья...» (1855), «Умом — Россию не понять...» (1866) и т.п.). В данном отношении взгляды Тютчева совпадали с мнениями других религиозных писателей и славянофильских мыслителей.

⁴ Этот антихристианский характер в классическом виде проявился во время Великой французской революции в стремлении «дехристианизировать» и «натурализировать» сами рамки и основы общественной жизни. Так, при закрытии храмов вместо традиционных обрядов предлагался «культ Разума» (на праздновании этого культа в Соборе Парижской Богоматери Разум изображала актриса в голубом платье и с красной повязкой на голове). Основное содержание религии «Высшего Существа» заключалось в почитании «республиканских добродетелей». Решением Конвента в октябре 1793 г. вводился революционный календарь, согласно которому за начало летосчисления, или новой эры, принимался день провозглашения во Франции республики (22 сентября 1792 г.). Месяцы делились на декады по отличающей их погоде, растительности, плодам или сельскохозяйственным работам. Воскресные дни упразднились, а вместо церковных праздников вводились революционные. Многие священники подвергались репрессиям, а регистрация браков, рождений и смертей была передана светским властям.

⁵ То есть со времени Великой французской революции, об антихристианском «новшестве» которой и размышляет далее автор.

⁶ Тютчев рассматривает «самовластие человеческого я» (как и Революцию — его непосредственное следствие) в самом широком и глубоком контексте как богоотступничество и утверждение возрожденческого принципа «человек есть мера всех вещей», превращавшегося в дальнейшей эволюции в принцип «я есть мера всех вещей» (со всей ограниченностью не только его идеологических притязаний и рационалистических теорий, но и тайных и прихотливых желаний).

⁷ Имеется в виду глубинная трансформация и искажение евангельских идей и заповедей в «новом христианстве» социалистов-утопистов, в лозунгах свободы, равенства и «всеобщего братания», которые оживились среди левой радикальной части революционного процесса 1848 г. и которые подменяли свободное единение людей в Боге принудительным братством.

⁸ Имеются в виду первоначальные уступки конституционным и либеральным реформам папы Пия IX. Еще под воздействием народных выступлений в Турине 22—25 октября 1847 г. в Папской области впервые в ее истории было сформировано правительство как орган исполнительной власти и учреждена Государственная консульта — прообраз будущего парламента. Введение конституции в Сицилийском королевстве 29 января 1848 г. и в Тоскане 17 февраля 1848 г. вынудило Пия IX дать согласие на переход Папской области к светским и конституционным методам правления, что было законодательно закреплено принятием специального регламента.

⁹ Подразумевается начало революционных волнений во Франции, когда 22 февраля 1848 г. десятки тысяч парижан вышли на улицы и площади города для участия в запрещенной правительством демонстрации, вступили в ожесточенные стычки с полицией, стали возводить баррикады, а батальоны национальной гвардии уклонялись от борьбы с восставшими. 23 февраля перепуганный король Луи Филипп дал отставку правительству Ф. Г. Гизо. Вечером того же дня войска стрельца в безоружных демонстрантов, что спровоцировало массовые и решительные выступления рабочих, ремесленников, студентов под руководством вожаков социалистов и тайных республиканских обществ. В ночь на 24 февраля столица покрывалась баррикадами, почти все ее стратегические пункты были заняты восставшими, а днем Луи Филипп отрекся от престола в пользу малолетнего внука, графа Парижского, и бежал в Англию. После захвата Тюильрийского дворца королевский трон был выгашен на площадь Бастилии и сожжен. 25 февраля Временное правительство провозгласило Францию республикой, приняло на себя обязательство обеспечить всех граждан работой, а еще через несколько дней издало декрет о введении всеобщего избирательного права. О подробностях «февральского взрыва» см.: Анненков П.В. Парижские письма. «Февраль» и март в Париже 1848 года. М., 1983. С. 163—233.

¹⁰ Подразумеваются сторонники конституционных монархий, надеявшиеся (или вынужденные) уступками новых учреждений умерить радикальные республиканские требования и предотвратить революционные «захваты». Так, когда в Берлине возникло сильное напряжение между бунтовавшими демонстрантами и правительственными войсками, прусский король Фридрих Вильгельм IV 18 марта 1848 г. издал указ с предложением ввести во всех землях Германского союза конституционное правление, что не «укротило» и не предотвратило кровопролитие. И австрийский император Фердинанд I вынужден был прибегнуть к «конституционным заклинаниям», предусматривающим создание двухпалатного парламента. Однако так называемая октроированная конституция была с негодованием отвергнута венскими революционерами из-за содержащихся в ней монархических элементов и императорского права накладывать вето на решения обеих палат.

¹¹ Разгром армии Наполеона в битве при Ватерлоо привел к реставрации монархии Бурбонов во Франции, к возвращению на трон Людовика XVIII. Однако конституция, получившая название «Хартия 1814 г.» и установившая в стране конституционно-монархическое правление, ограничивала власть короля двухпалатным Законодательным корпусом, вокруг которого постепенно формировалось умеренное крыло либеральной оппозиции, конституционалисты-роялисты («доктринеры») во главе с профессором философии и адвокатом П.П. Ройе-Колларом и ее более радикальная часть во главе с Б. Констаном. Одновременно из среды интеллигенции, студенчества, служащих, отставных военных образовалось тайное общество карбонариев, которое ставило целью ниспровержение династии Бурбонов с помощью революционного переворота и учреждение республики, в состав руководителей которой входили многие видные политические деятели. Возшедший на трон после смерти Людовика XVIII Карл X ужесточил борьбу с подобными тенденциями, однако после Июльской революции вынужденно бежал в Англию. Власть сначала перешла к Временному правительству во главе с либеральными депутатами банкиром Ж. Лафитом и генералом М.Ж. Лафайетом, а затем к представителю Орлеанской династии, «королю-буржуа» Луи Филиппу, возглавившему «царство банкиров». Революция 1848 г. «поглотила» в свою очередь либеральную конституционную монархию Луи Филиппа, правившего с 1830 г.

¹² Имеется в виду российский император Николай I, осуждавший двойные стандарты и «фальшивое поведение» в ходе «позорной Июльской революции»

1830 г., а также ту поспешность, с которой были признаны ее результаты европейскими государствами (Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 1. С. 113—114).

¹³ Речь идет о Николае I, в идеологии и политике которого прослеживается отчетливая и последовательная устремленность к преодолению отрицательных последствий безоглядного западничества, активизации плодотворных начал собственной истории.

¹⁴ Июльская революция 1830 г. во Франции дала мощный толчок последующему революционизированию Германии. Уже осенью 1830 г. в Берлине распространялись антиправительственные листовки и осуществлялись попытки строить баррикады, а в Гессен-Дармштадте дело дошло до вооруженных столкновений между крестьянами и кавалерийскими частями. В Ганновере и Саксонии под впечатлением французских событий государи должны были пойти на уступки и даровать конституцию, в Бадене либеральные депутаты добились принятия ландтагом законов о выкупе феодальных повинностей и смягчении цензуры. Весной 1832 г. в баварском Пфальце прошла 20-тысячная демонстрация, а радикальные студенты организовали во Франкфурте-на-Майне революционное выступление и пытались поднять восстание. Революционные цели ставило перед собой и тайное «Общество прав человека» в Гессене, возрождавшее лозунг Французской революции «Мир хижинам — война дворцам!» и разгромленное в 1834 г. Большую активность представители немецкой «революционной партии» проявляли в 1830-х гг. и в эмиграции (общество «Молодая Германия» в Швейцарии, «Союз отверженных» и «Союз справедливых» во Франции), непосредственно участвуя и в местных волнениях. Идеолог «Союза справедливых» писатель В. Вейтлинг оценивал уголовников и люмпенов как перспективных субъектов «революционного действия». С середины 1840-х гг. К. Маркс и Ф. Энгельс развертывают теоретическую, писательскую и организационную деятельность, выдвигая идеи классовой борьбы, насильственной смены общественно-экономических формаций, политического господства пролетариата, создав в 1847 г. Союз коммунистов, а в феврале 1848 г. — написав «Манифест Коммунистической партии». Восстание силезских ткачей в июне 1844 г., так называемая «картофельная война» в апреле 1847 г., когда были разгромлены многие лавки и даже выбиты стекла во дворце наследника престола, как и подобные упомянутым выше явления, составляли важные вехи 18-летнего революционизирования Германии.

¹⁵ Имеется в виду закономерное развитие немецкой философии от классического идеализма к материализму и позитивизму, к господству разнообразных проявлений «самовластия человеческого я» в сфере мысли из-за отказа от религиозного обоснования бытия и всецелой опоры на автономный разум.

¹⁶ После начала революции во Франции вести о ней быстро достигли Германии. Обстановка накалялась в Гессен-Дармштадте, Вюртемберге, Баварии и других частях Германии. В Вене в ночь с 13 на 14 марта вспыхнуло восстание, Богемия требовала автономии, охваченная волнениями Венгрия грозила отделением, итальянские провинции объявили себя независимыми от Австрийской империи, а Пьемонт начал войну против нее. Волны мартовской революции захватили и Пруссию. 3 марта в Кельне состоялось массовое выступление рабочих, подготовленное местной организацией Союза коммунистов, а берлинский бунт привел 17—19 марта к уличным боям и баррикадным сражениям, в результате которых прусскому королю Фридриху Вильгельму IV пришлось выполнить целый ряд требований участников восстания и стоявших за ними либеральных кругов.

¹⁷ Требование национального воссоединения уже давно выдвигалось оппозицией, а к началу 1848 г. опять обострилось и приняло новые формы. На встрече в Гейдельберге либеральные политики из юго-западных германских земель приняли решение о создании революционного органа для проведения выборов в об-

щегерманское Национальное собрание. Таким органом стал предпарламент, заседавший во Франкфурте-на-Майне, в соборе Св. Павла. Подготовленные им выборы в Национальное собрание проходили с середины апреля до середины мая 1848 г.

¹⁸ Речь идет о соперничестве династических «принципов» австрийских Габсбургов и прусских Гогенцоллернов, которое после Вестфальского мира 1648 г. доходило до военных действий друг против друга двух главных государств «Священной Римской империи германской нации».

¹⁹ Имеется в виду «венская система» Священного союза, в которой Россия как примиряла соперничающие «принципы» в Германии, так и служила ей защитой от территориальных притязаний Франции.

²⁰ Речь идет о поражении от Наполеона при Ваграме и вынужденном заключении так называемого Шенбруннского мира, в результате которого Зальцбург отошел к Баварии, а Истрия и Триест объединились с Далмацией и присоединились к Франции под названием Иллирийской провинции. Австрия обязывалась еще и поддерживать континентальную блокаду, сократить армию и уплатить Франции контрибуцию. Революционные же события марта 1848 г. показывали, что единство многонациональной «лоскутной империи» Габсбургов начинает трещать по швам. Всесильный К.В. Меттерних скоропалительно подал в отставку и бежал из Вены в Англию. Император Фердинанд I был вынужден отменить цензуру, разрешить бюргерам и студентам вооружаться. Падение монархии во Франции воодушевило революционные силы и в итальянских государствах, активизировавших действия против Австрийской монархии. Еще 5 марта 1848 г. по инициативе Д. Мадзини была основана Итальянская национальная ассоциация для борьбы за «единую, свободную, независимую нацию». В 20-х числах марта произошли восстания в австрийских владениях Ломбардии и Венецианской области, после чего деморализованные австрийские войска спешно отступили. «Разбитость» Австрии усугублялась еще и тем, что в Праге требовали объединения земель Чешской короны (Чехии, Моравии и Силезии) и создания чешского независимого сейма с полноценными политическими правами. К тому же восставший Будапешт 15 марта 1848 г. стал настаивать на создании независимого венгерского правительства, с чем испуганная центральная власть через день согласилась.

²¹ Под давлением оппозиционных движений (в конце марта — начале апреля 1848 г. предпарламент прямо выскажется за восстановление Польши) прусский король Фридрих Вильгельм IV 20 марта 1848 г. даровал амнистию полякам, сидевшим в берлинской тюрьме Моабит после неудачной попытки поднять восстание в 1846 г. в Познани во главе с Л. Мерославским и К. Либельгом. Когда на следующий день король проезжал по Берлину, приветствовавшие его поляки прикрепили к шляпам польские и немецкие кокарды «в знак братского соединения с немцами». На стихийном митинге Л. Мерославский провозгласил лозунг союза свободной Пруссии с возрожденной Польшей против России. В Берлине был создан революционный комитет и польский студенческий легион для воссоздания Польского государства как заслона для свободной Германии. Великая Польша (Познанщина) стала центром польского национального движения в Прусском государстве, где на митинг 22 марта 1848 г. в речах польских, немецких и еврейских ораторов звучали призывы к совместной борьбе против России. Вместе с тем среди населения Познани росли антипруские настроения: прусские орлы заменялись польскими, отставлялась немецкая администрация (чиновникам приходилось бежать), происходили стычки с прусскими войсками и жандармерией, превратившиеся позднее в вооруженную борьбу против них. Уже в мае 1848 г. в Великом княжестве Познанском началось восстание против Пруссии, которое было подавлено, а на смену эйфории польско-немецкой дружбы пришло новое обострение национальных противоречий.

²² Подразумевается стремление Франции не только сохранить территориальный статус, но и расширить свои пределы за счет левого берега Рейна. В связи с растущим национализмом в 1840-х гг. оживает культ Наполеона I. Именно в эти годы один из ведущих либеральных политиков и государственных деятелей А. Тьер как бы пропагандирует внешнюю политику Бонапарта и риторически оправдывает его завоевания германских земель.

²³ Речь идет о заседании во Франкфурте-на-Майне так называемого предварительного парламента (предпарламента).

²⁴ «Республиканская партия», отличавшаяся более радикальными устремлениями по сравнению с умеренно-либеральными бюргерскими кругами, наиболее активно действовала в юго-западной части Германии. Ее приверженцы открыто требовали немедленного уничтожения монархической власти в разных немецких государствах, а также создания на федеральных началах вместо прежнего Германского союза Всегерманской республики по образцу Северной Америки или Швейцарии.

²⁵ Имеется в виду конституционно-монархическое большинство франкфуртского предпарламента, находившееся в расколе с «республиканской партией».

²⁶ Этот поход состоялся в период Крымской войны, когда кричащие противоречия между «реакционными» и «прогрессивными» партиями и несовместимые интересы разных стран оказались примиренными.

²⁷ Разделенная в конце XVIII в. между Австрией, Пруссией и Россией Речь Посполитая в первой половине XIX в. оставалась одним из главных источников «революционного действия». Борьба поляков за восстановление независимого государства неоднократно выливалась в вооруженные восстания, а Февральская революция во Франции и мартовские революции в Пруссии и Австрии усилили их активность во всех польских землях и в эмиграции.

²⁸ Сразу же после бегства К.В. Меттерниха из Вены в Ломбардии вспыхнуло восстание. Несмотря на императорский указ о реформах и политических свободах, ломбардские радикалы 18 марта 1848 г. возглавили в Милане вооруженную баррикадную борьбу против правительственных войск. Пять дней повстанцы (знать и буржуа, студенты и профессора, рабочие и ремесленники) сражались с отборными частями австрийской армии Ломбардско-Венецианского королевства под командованием фельдмаршала И. Радецкого, 22 марта отступившими и покинувшими город. Вместо австрийской администрации образовалось временное либеральное правительство во главе с Г. Казати. События в Ломбардии послужили мощным толчком для дальнейшего развития национально-освободительного движения в Италии. Более того, в Милане стали вынашиваться планы объединения под эгидой Ломбардии двух бывших австрийских провинций.

²⁹ Студенты австрийской столицы принимали активное участие в революционных событиях — вооружались, пытались овладеть арсеналом и даже проникнуть в охранявшийся войсками императорский замок, организовывали «академические легионы», защищали закрытый правительством Венский университет, выступали на митингах с лозунгами: «Долой Меттерниха!», «Да здравствует народное правительство!», «Свободу!».

³⁰ Европейские революции обострили проблемы объединения Германии. Для «лоскутной» Австрийской империи, включавшей итальянцев, венгров, поляков, чехов, хорватов, словаков, словенцев, украинцев, румын и др., вопрос национальной автономии и независимости являлся миной замедленного действия, которая уже взрывалась в так называемой «галицийской резне» 1846 г., когда польская шляхта испытала на себе стихийную ярость крестьян-русинов. В 1848 г. «племенной вопрос» постоянно давал о себе знать. Польские помещики продолжали ощущать угрозу со стороны украинского крестьянства, в Венгрии револю-

ционные либералы отказывались признавать сербов (тяготевших к балканскому Сербскому государству) как нацию и тем самым способствовали усилению их вражды и объединению с хорватами, Богемская хартия Фердинанда I была вынуждена сделать значительные уступки национальному движению чехов, в идее чехов о возрождении средневекового Королевства св. Вацлава немцы видели опасность уже для собственных национальных интересов и т.д. Через два месяца «мина» в очередной раз срабатывает, когда будет разогнан Славянский съезд в Праге и подавлено Пражское восстание.

³¹ Имеются в виду В. Ганка, И. Добровский, Я. Коллар, П. Шафарик, Л. Штур, Ф. Челаковский и другие чешские и словацкие филологи, писатели, историки, служившие делу славянского этнокультурного возрождения и солидарности.

³² Имеется в виду чешская Реформация, идеологом которой выступил священник, ректор Пражского университета Ян Гус (1371—1415). Он считал главным источником христианского вероучения Священное Писание, хотя и не отрицал Священного Предания, не признавал папу главой Вселенской Церкви, порицал торговлю индульгенциями, требовал возвращения к принципам раннего христианства, уравнивал в правах мирян с духовенством. Был отлучен от Церкви как еретик и сожжен на костре. Последователи учения Яна Гуса, участники народного гуситского движения, выступали против немецкого засилья и католицизма, расшатывая его авторитет и оказывая вооруженное сопротивление всяким карательным мерам. В «гуситских верованиях» Тютчева привлекает устремленность к чистоте христианства, протестантскими же отклонениями в них он пренебрегает.

³³ В данном случае отправное, фундаментальное и решающее значение Тютчев придает размежеванию между подлинным и искаженным христианством.

³⁴ Под влиянием революционных событий в Италии и Франции в Праге в конце февраля — начале марта 1848 г. радикально настроенные демократы распространяли листовки с призывами к борьбе с абсолютизмом, за автономию Чехии и предоставление ее народу политических прав и свобод. Либералы со своей стороны отправляли императору петиции с предложениями преобразования австрийской монархии в федеративную. В городах усиливалось стачечное движение рабочих, а деревенские жители отказывались от выполнения повинностей. Волнения последних Тютчев сравнивает с Жакерией (от *фр.* Жак-простак, намекая на кличка для протонародья) — крестьянским восстанием 1358 г. во Франции, охватившим несколько провинций и жестоко подавленным. Слово «жакерия» стало нарицательным во Франции для стихийных крестьянских восстаний.

³⁵ После пятидневных кровопролитных боев восстание в главном городе Ломбардии Милане одержало победу, и после отступления войск австрийского фельдмаршала И. Радецкого там было сформировано Временное правительство. Что же касается Венгрии, то под влиянием революционных волнений австрийский император вынужден был согласиться на создание в Венгерском королевстве независимого, ответственного перед парламентом страны правительства кабинета.

³⁶ Ганка Вацлав (1791—1861) — один из деятелей чешского культурного возрождения, много занимавшийся переводами со славянских языков и общавшийся с учеными и писателями разных славянских стран.

³⁷ Примеры такого расположения показывали деятели чешского культурного возрождения. Так, Ф. Челаковский переводил на чешский язык произведения А.С. Пушкина, А.А. Дельвига, Н.М. Языкова, И.И. Козлова, И.И. Дмитриева, знакомил соотечественников с русским музыкальным искусством, выражал идею сближения славянских народов. Поэт К. Эрбен переводил на чешский язык летописи Нестора, «Слово о полку Игореве», «Задонщину». Многие русские слависты были поклонниками научных трудов (в частности, «Славянских древностей»)

П. Шафарика, у которого тепло отзывались О.М. Бодянский, Т.Н. Грановский, И.И. Срезневский, М.П. Погодин и др.

³⁸ Имеется в виду борьба с татаромонгольским игом и западными агрессорами, в которой выковывалось могущество и самосознание Русского государства.

³⁹ В Венгерском королевстве проводилась политика мадьяризации сербов, хорватов, словаков и других национальностей, введение венгерского языка в качестве обязательного в учреждениях, школе и даже церкви. На требования сербов предоставления им национальной автономии и использования родного языка глава революционной Венгрии отвечал, что «вопрос будет решен мечом», если они будут настаивать на своих притязаниях. «Ненависть», о которой говорит Тютчев, имела давнее происхождение. Кочевавшие у берегов Дуная и Тиссы мадьяры вели борьбу со славянскими племенами, стремясь обратить их в рабство (осев в конце IX в. в Карпато-Дунайском бассейне, они также совершали набеги на Германию, Францию, Северную Италию). Походы на Трансильванию, Хорватию, Галицию в XI—XIII вв., присоединение к Венгерскому королевству Болгарии, Молдавии, Валахии, Словении в XIV в. не способствовали укреплению межнациональной «дружбы». Попав под власть турок, Венгрия в XVI в. стала терять свою силу и избирать на престол австрийских Габсбургов. Однако память о былом могуществе вдохновляла и революционеров, как пишет Тютчев, на мечты «о восстановлении прежних границ», что приводило сербов Воеводины, румын Трансильвании, русинов Закарпатья, хорватов в оппозицию венгерскому революционному режиму.

⁴⁰ Речь идет об австрийском императоре Фердинанде I, страдавшем слабоумием.

⁴¹ Еще в 1830-е гг. мадьяры вели активную агитацию в Трансильвании с целью ее присоединения к Венгрии, а в революционный период этот вопрос ставился более радикально. В национальном движении румын венгерские лидеры усматривали угрозу революции и территориальной целостности королевства.

⁴² С конца 1847 г. в Прессбурге, где заседало Государственное собрание Венгерского королевства, оппозиция выработывала общую платформу из «10 пунктов»: ответственное правительство, народное представительство, право собраний, отмена неотчуждаемости дворянских имений, инкорпорация Трансильвании и т.д. 3 марта 1848 г. на сейме в Прессбурге глава оппозиции Л. Кошут доказывал необходимость замены «разлагающегося трупа» венской монархии конституционным правлением. Усиление подобных требований и ослабление центральной власти, как пишет далее Тютчев, предоставляло Венгерскому королевству большую свободу в его жестких отношениях со славянскими народностями.

⁴³ Имеется в виду российский император Николай I.

⁴⁴ Образ революции как землетрясения повторяется в трактате «Россия и Запад».

⁴⁵ Это общее чувство сблизило в период Крымской войны, казалось бы, непримиримые партии: в общих проклятиях самодержавию польские эмигранты вставали под турецкие знамена, венгерские революционеры смыкались с австрийским императором, К. Маркс и Ф. Энгельс находили общий язык с Наполеоном III и Пальмерстоном.

⁴⁶ *Карл Великий* (ок. 742—814) — франкский король с 768 г. из династии Каролингов, с 800 г. — император, который покорил Саксонию, присоединил Италию и Баварию, отодвинул испанскую границу до Эбро, увеличил территорию державы почти вдвое и объединил в ней почти всю христианскую Европу. Это объединение было торжественно санкционировано папским престолом, когда на Рождество 800 г. папа Лев III в Риме возложил на Карла Великого императорскую корону.

⁴⁷ Подразумевается европейский статус-кво, сформированный после разгрома Наполеона и создания Священного союза.

⁴⁸ Имеется в виду абсурдность и беспомощность агрессивного просветительского рационализма, стремящегося изменить жизнь согласно «книжным» принципам идеологического позитивизма и прагматизма, но не осознающего того, что, например, те или иные политические формы, общественные отношения или юридические нормы сами по себе мертвы, не заключают положительного критерия, а приобретают значительность при их религиозно-культурном и духовно-нравственном содержании. Отсюда непредвиденные повороты и неожиданные тупики истории. Что же касается свободы, то подлинная свобода как добровольное следование людей Божественной воле и евангельским заповедям теряется, по Тютчеву, в их рабстве низшим страстям и греховным началам своей собственной природы.

⁴⁹ Спасительный образ православной России, всплывающей «Святым Ковчегом» над волнами всеобщего европейского затмения, использовался и другими русскими мыслителями и поэтами, в частности В.А. Жуковским (См.: *Жуковский В. А.* Сочинения: В 6 т. СПб., 1885. Т. 6. С. 540—541).

⁵⁰ РИМСКИЙ ВОПРОС

Статья, законченная Тютчевым в октябре 1849 г., первоначально была озаглавлена «La Papauté et la Question Romaine...» («Папство и Римский вопрос...») и под этим названием опубликована в журнале «Revue des Deux Mondes» (1850. Т. 5. 1 janvier. P. 119—133), а в плане трактата «Россия и Запад» и в списках она уже носит заглавие «La Question Romaine» («Римский вопрос»). С указанием автора и впервые в русском переводе (с правкой первых страниц И.С. Аксаковым) статья была опубликована в «Русском архиве» (1886. № 5. С. 35—51).

Печатается по: *Тютчев Ф.И.* Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст., переводов, коммент. Б.Н. Тарасов. М.: Росийская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 93—110. Примечания Б.Н. Тарасова даны в сокращении.

⁵¹ Подразумевается борьба между первосвященниками и императорами, католицизмом и протестантизмом, христианством и революцией.

⁵² Речь идет о революционных событиях 1848—1849 гг. в Италии и о двусмысленной роли в них католического духовенства и римского первосвященника.

⁵³ Имеется в виду одно из направлений в протестантизме Англии — англиканство, зародившееся в период Реформации после разрыва местной католической церкви с Римом и сложившееся как «средний путь» между римским католицизмом и континентальным протестантизмом во время царствования королевы Елизаветы I (2-я пол. XVI в.). В области догматики и обряда в англиканстве существовало определенное размежевание между «высокой» (близкой к католицизму) и «низкой» (сугубо протестантской) церковью. Именно в среде «высокой» церкви в 30—40-х гг. XIX в. наблюдались известный подъем и особая активность англиканских богословов (Э. Пьюзи, Дж. Ньюмен, Г. Мэннинг, Дж. Кэбл и др.), вошедших в так называемое Оксфордское движение.

⁵⁴ Имеется в виду 1054 г., когда произошло окончательное разделение между Западной и Восточной церквями.

⁵⁵ Тютчев имеет в виду прежде всего filioque — букв. «и от сына» (*лат.*). Сформулированное впервые на Толедском церковном соборе в 589 г. добавление к христианскому Символу веры, согласно которому Святой Дух исходит от Бога Отца. Добавление же заключалось в утверждении, что Святой Дух исходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына. Православная Церковь не приняла этого добавления, что явилось одним из поводов к разделению в 1054 г. христианства на западное и восточное. Среди других догматических различий следует отметить положе-

ния о неприкосновенности греха к природе Богоматери, а также о главенстве папы (впоследствии и его непогрешимости) в Церкви Христа. Среди отличительных особенностей католического учения необходимо подчеркнуть его своеобразное пелагианство (Пелагий — британский монах IV—V вв., утверждавший, что человек может самостоятельным усилием восходить до Бога), в котором умалялась роль Спасителя и Благодати и преувеличивались возможности и заслуги изначально испорченного первородным грехом человека. Этот антропоцентрический крен и приводил (о чем пишет далее Тютчев) к пониманию Царства Христова как царства мира сего. Политико-государственные притязания пап со всеми их злоупотреблениями, чересчур мирские устремления в некоторых монашеских орденах, применение юридического взгляда на отношение человека к Богу и т.п. превращали Церковь в «слишком человеческий» институт.

⁵⁶ Речь идет о Вселенской Церкви любви, свободы и истины во главе с Иисусом Христом, которая только в отношении к человеку делится на видимую и невидимую, а в историческом плане (после многих расколов и отпадений) сохраняет верность своим догматам на православном Востоке. Когда же исчезнут ложные учения и ереси, тогда отпадет необходимость в наименовании «православной», ибо не будет неистинного христианства.

⁵⁷ Имеется в виду глубинное различие в историческом развитии России и Запада, обусловленное разделением христианства на православное и католическое.

⁵⁸ В этих словах Иисуса Христа, обращенных к Понтию Пилату (Ин. 18:36), выражено противоположное всяким «гуманизирующим» и «адаптирующим» представлениям понимание христианства, которое уточнено в Нагорной проповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут...» (Мф. 6:19—20). По убеждению Тютчева, перенесение центра тяжести с «сокровищ на небе» на «сокровища на земле» склоняет историю на путь гибельного антропоцентризма с его разнообразными иллюзиями и злоупотреблениями, конкретные проявления которых он отмечает в своей статье.

⁵⁹ Тема соотношения «божественного» и «человеческого», «сверхъестественного» и «естественного» начал в природе и истории лежит в основании историософии Тютчева, который видел в протестантизме движение к антропоцентрическому, материалистическому и атеистическому пониманию бытия, к нигилистическому торжеству «человеческого» и «природного».

⁶⁰ По мысли Тютчева, протестантизм, выступая против «конфискаций», «захватов», злоупотреблений и искажений христианства в католичестве, вместе с водой выплескивал и ребенка, отказываясь от ценности живого церковного опыта, от Предания, постановлений Вселенских соборов, творений Отцов Церкви, большинства таинств, почитания икон и т.п. и опирался на зыбкую почву «человеческого я», произвольного разумения, ограниченного индивидуального рассудка, что как бы освящало своеволие и эгоцентризм, создавало условия для произрастания «антихристианского рационализма» и революционных принципов.

⁶¹ В установлении и характеристике этой связи Тютчев полностью сближался со славянофилами. Глубокое искажение христианского принципа в римском устройстве, пишет Тютчев далее, отрицание «божественного» в Церкви во имя «слишком человеческого» в жизни и послужили связующим началом между католичеством и протестантизмом.

⁶² Основатель немецкого протестантизма Мартин Лютер (1483—1546), обвиненный Римом в ереси и публично сжегший в 1520 г. осуждающую его папскую буллу, привлекал революционеров антицерковной оппозиционностью, радикальной критикой официального католического учения, индивидуалистическим бун-

тарством «единоспасующей личной веры». Подобные же свойства, но уже направленные, напротив, на укрепление католицизма и соединенные с волей к власти и тайным тактическим маневрированием, были присущи и папе-реформатору Григорию VII Гильдебранду (ок. 1020—1085), занимавшему римский престол в 1073—1085 гг. На протяжении 20 лет находясь рядом с предшественниками, он готовил обновление церковной жизни, получившее по его имени название григорианской реформы: предполагались суровые наказания для духовенства за нарушение безбрачия, а также за продажу и покупку своих должностей, лишение светских властей права на инвеституру, т.е. на назначение, смещение и перевод епископов, запрет верующим причащаться у женатых или корыстолюбивых священников и т.п. Свою программу Григорий VII сформулировал в «Диктате папы», в соответствии с которым и светская власть подчинялась «наместнику Бога на земле», никому не подсудному, имеющему исключительное право именоваться вселенским епископом, выбирать и короновать императора.

⁶³ То есть католицизм — протестантизм — революция, образующие триединый фундамент европейской цивилизации и способствующие «апофеозу» отделяющейся от Бога личности с ее вне- или антихристианскими (в логическом завершении) принципами.

⁶⁴ Устройство католической Церкви как политической силы неизбежно влиялось в борьбу за абсолютное верховенство. В VIII в. при папе Стефане II утверждается его право на обладание светской властью. С XI в. папы распространяли влияние не только на духовенство, но и на императоров. «Диктатом» Григория VII верховенствующий римский епископ признается единоличным, никому не подсудным правителем Церкви. К XII в. при Иннокентии III борьба пап за главенство над светской властью достигла триумфа, когда английский король и другие монархи признали себя его вассалами. Однако усилиями французского короля Филиппа IV Красивого и немецкого Людвига Баварского вселилия папства было поставлено в зависимость от монархов, выразительным проявлением которой стало почти семидесятилетнее Авиньонское пленение пап (1309—1377). На Базельском соборе (1431) светская власть пап получила узаконенное ограничение.

⁶⁵ Соблазны, возникавшие в ходе борьбы католического духовенства за мирскую власть, привели не только к крестовым походам или кострам инквизиции, но и к продаже церковных должностей и духовного сана, торговле отпущениями грехов и т.п. Все это накапливало подразумеваемые «гнусности», которые с особой силой выливались наружу в эпоху Возрождения и выражались в неистовых оргиях в храмах и монастырях (см.: Обратная сторона титанизма // Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1982. С. 120—138). Ярким примером развращенности нравов среди высшего духовенства того времени может служить папа Александр VI Борджиа, при котором ни один кардинал не назначался без большого денежного взноса и который не только имел четырех незаконных детей, но и сожительствовал со своей дочерью Лукрецией, бывшей также любовницей своего брата Цезаря.

⁶⁶ В представлении Тютчева забывший Бога и лишенный своих мистических корней человек утрачивает высшую нравственную норму бытия, подлинную свободу, теряет способность различения добра и зла, становится «бешеным» («между Христом и бешенством нет середины») и обречен на тупиковое развитие.

⁶⁷ Слова Иисуса Христа, обращенные к фарисеям (Мф. 12:30).

⁶⁸ Речь идет о борьбе за национальную независимость, демократические преобразования и государственное объединение Италии в 1848—1849 гг. В условиях разрушения созданных умеренными либералами мифов о Пии IX и Карле Альберте как духовном и военном вождях Италии политическую инициативу осенью 1848 г. перехватили радикальные демократы. Выдвинутая ранее Д. Мадзини идея созыва общетальянского Учредительного собрания нашла широкий отклик

в стране. Складывавшаяся обстановка вынудила герцога Тосканы Леопольда объявить главой правительства республиканца Д. Монтанелли и скрываться в неаполитанской крепости Гаэте. Туда же был вынужден бежать из республиканизующегося Рима, назначив более либеральное правительство, и Пий IX. Подъем республиканского движения заставил короля Пьемонта прервать перемирие и в марте 1849 г. возобновить безуспешную войну с Австрией. Потерпев поражение и спасая династию, Карл Альберт отрекся от престола, передал правление сыну Виктору Эммануилу II и покинул Италию. Месяцем раньше Пий IX обратился из Гаэты к правительствам Австрии, Испании и Франции с просьбой восстановить светскую власть папы в Римской области. Римская республика оказалась в кольце неаполитанских, австрийских и французских войск и несмотря на ожесточенное сопротивление пала 3 июля 1849 г. 22 августа прекратил борьбу и последний очаг революции — осажденная Венеция. Таковы события «последнего времени», представившиеся взору Тютчева во время написания его статьи.

⁶⁹ Борьба 1848—1849 гг. за национальную независимость, демократические преобразования и государственное объединение Италии отличалась повсеместным энтузиазмом, включала самые широкие слои населения — от студентов и крестьян до профессоров и священников.

⁷⁰ Оппозиционное движение в Италии усилилось при вступлении на папский престол в 1846 г. Пия IX, который учредил консультативный совет с участием светских лиц, ослабил цензуру и разрешил сформировать национальную гвардию, а также стремился оседлать революционный дух времени, заявлял о себе как о противнике обскурантизма и стороннике прогрессивных преобразований, обещал поддерживать научные конгрессы и обеспечивать свободу промышленному развитию. Дарованная им амнистия политическим заключенным встретила повсеместный восторг. Общественное мнение воспринимало его как «друга цивилизации», долгожданного папу-реформатора, основателя новой Италии, посредника между католичеством и демократией. Тысячные толпы народа следовали за Пием IX в праздничные дни, мужчины и женщины носили шарфы и ленты его цветов, в честь папы сочинялись гимны, а композитор Дж. Россини написал посвященную ему кантату.

⁷¹ В результате Пий IX оказался как бы зажатым между сторонниками конституционного правительства и войны с Австрией, с одной стороны, и последовательными папистами, иезуитами — с другой. Отсюда его стремление «проводить реформы, никого не обижая», и противоречивость поведения. Например, он обещал законодательные и муниципальные реформы в духе последних веяний и одновременно обрушивался на «новейший прогресс», предавая проклятию учения, подрывающие светскую власть папы. Уже в первые революционные месяцы Пий IX был вынужден обращаться «к народам Италии» с призывами сохранять верность своим государям, не ввергать страну во внутренние распри и смуты, не участвовать в войне против австрийцев и не создавать единой Итальянской республики во главе с папой.

⁷² Гонения на иезуитов усилились к 1848 г., когда сопротивление нараставшим секулярным тенденциям в Италии заставило клерикальную оппозицию заключить негласный австро-иезуитский союз. Один из теоретиков реформированного папизма философ В. Джоберти называл в пятитомном сочинении «Современный иезуит» общество иезуитов «великим врагом Италии». Иезуиты выпроваживались из Генуи, Турина, Неаполя и других городов. Когда известие о мартовской революции 1848 г. в Вене достигло Рима, первое требование возбужденной толпы заключалось в их изгнании. Несмотря на защиту Пия IX, правительство было вынуждено закрыть иезуитскую коллегию.

⁷³ Католический монашеский орден «Общество Иисуса» был основан в 1534 г. испанским дворянином Игнатием Лойолой. В уставе ордена к трем обычным монашеским обетам (целомудрия, бедности и послушания) добавлялся четвертый — «безропотно и слепо повиноваться папе и его преемникам во всем...». Главная его задача заключалась в борьбе с Реформацией, в защите, укреплении и расширении папской власти, в стремлении распространить католичество во всем мире, «стать всем для всех». Папы даровали ордену исключительные привилегии, согласно которым его члены получали неограниченные права в сфере исповеди и проповеди, могли изменять устав в соответствии с духом времени и местными обстоятельствами, имели возможность заниматься торговлей и банковскими операциями, освобождались от денежных повинностей и т.п. Обособленное положение иезуитов позволяло им утверждать, что они не входят в состав ни белого, ни черного духовенства, а подчиняются лишь постановлениям своей корпорации. Методическая регламентация всех аспектов жизни в «дружине Иисуса» сочеталась со строгими иерархическими отношениями и железной дисциплиной. Миссионерская деятельность иезуитов в Азии, Африке и Америке приобрела огромные масштабы и демонстрировала подмену ее целей, перестановку «духовного» и «материального». Так, в Мексике орден владел лучшими сахарорафинадными заводами и доходными серебряными рудниками. В Парагвае ему удалось создать целое государство из селений по несколько тысяч человек. Отцы ордена своими богатыми коллекциями, собранными в дальних странах, знакомством с языками и обычаями экзотических народов способствовали обогащению науки, распространению в Европе азиатских изобретений. Говоря в целом, иезуиты наиболее полно и отчетливо выразили подчеркнутый Тютчевым принцип смешения религии и политики в католичестве, использования первой для второй с целью увеличения силы и мощи в делах мира сего. Этот принцип признает и историк ордена Кретино-Жоли, пишущий, что иезуиты пытались осуществить сделку между бесконечным совершенством и порочной природой человека. Такая составляющая «проблему», «загадку» ордена сделка укрепляла двусмысленности, компромиссы и прочие «естественности» жизни, которые и подвергали Церковь «болезням и похотям плоти», «конфисковывали» ее ради текущей выгоды. Это-то и вызывало сопротивление упомянутых Тютчевым искренних христиан, стремившихся к «чистоте», а не «смешению», к «идеалам», а не «естественностям», к «абсолютам», а не «относительностям».

⁷⁴ Полемика Паскаля (1623—1662), французского религиозного мыслителя и ученого XVII в., с иезуитами в его книге «Письма к провинциалу» (сохранившейся в библиотеке Тютчева) отличалась неприкрытым отвращением к ним, которое питалось благочестием, ощущением правды и неприятием какой-либо смеси лжи и истины. Особо резкой критике в «Письмах...» подвергалась так называемая казуистика, своеобразная моральная наука иезуитов, оправдывающая греховные поступки человека благими целями с помощью бесконечных юридических комментариев и изощренных софистических приемов. Таковым было отношение к иезуитам и Тютчева.

⁷⁵ Связь эта основывалась на общем фундаменте «своеволия», предпочтения «земных» интересов «небесным», сосредоточенности на непросветленной человеческой активности и «политике» в противоположность духовному самоочищению и богопослушанию. Отмеченная общность, как пишет Тютчев, принимала в деятельности ордена иезуитов «одержимый» и «преступный» характер, что позволяет говорить о нем как о подлинном и сгущенном выражении католичества.

⁷⁶ Тютчев имеет в виду прежде всего первоначальный этап миссионерской деятельности иезуитов в Азии, Африке и Америке, когда они проповедовали католическую веру, не страшась зачумленных поселений, охотников за черепами, жестоких гонителей, и нередко принимали мученическую смерть.

⁷⁷ Слова из молитвы Иисуса Христа: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22:42).

⁷⁸ Тютчев выводит «своеволие», «самовластие», «апофеоз» человеческого я в истории вообще и в католицизме (включая иезуитов) в частности из первородного греха. Согласно библейскому преданию, в основе изначального для всего человеческого рода грехопадения Адама лежала антропоцентрическая гигантомания, выразившаяся в желании его свободной воли соперничать с Творцом и стать «как боги». Соединение в своевольном жесте первочеловека зависти, гордости, самовозвышения и прообразует несовершенное темное начало человеческой природы, то «немошное и бренное тело», те «болезни и похоти плоти», которые в католицизме «съедают» и «проглатывают» высокую духовную заданность христианства. В альтернативном плане для Тютчева «менее искаженное» христианство в православии более вменяемо по отношению к радикальным «следствиям» первородного греха и их отрицательным проявлениям в истории, заботится о преображении темной основы человеческой природы и предупреждении смешения ее несовершенных качеств с высокими духовными целями и задачами.

⁷⁹ Двойственность, загадочность, прикованность к «праху земных интересов» ордена иезуитов вызывали неоднозначную реакцию в разных странах. В 1594 г. его представителей изгнали из Франции, после того как вдохновленный ректором иезуитской коллегии Гиньяром молодой парижанин Шастель пытался заколоть короля Генриха IV. Тем не менее в 1608 г. после долгих переговоров, Генрих IV призвал их вновь из-за опасения новых коварных покушений на его жизнь. Иезуиты были изгнаны из Португалии в 1759 г. как замешанные в покушении на короля Иосифа I, снова из Франции — в 1764 г. из-за злоупотреблений в торговле. В 1773 г. папа Климент XIV распустил орден, но Пий VII в 1814 г. восстановил его. Пять раз изгонялись иезуиты и из России.

⁸⁰ Имеется в виду неокатолическое течение, представленное такими именами, как Н. Томмазо (1802—1874) или В. Джоберти (1801—1852). К политическим деятелям с незаурядным литературным талантом Тютчев мог относить и видного романиста А. Манцони, активного сторонника объединения Италии и ее культурного возрождения, а также графа Ч. Бальбо, автора книги «Надежды Италии», считавшего возможным создание союза итальянских монархов под верховенством римского папы или сардинского короля.

⁸¹ То есть под властью и влиянием Римского престола, католического первосвященника, папы (от *лат.* *pontifex* — жрец).

⁸² Под первыми двумя попытками подразумеваются претензии на универсальное господство языческой Римской империи, после падения которой притязания на «мировую скипетр» второй раз выразились уже в христианском Риме, в борьбе пап с императорами.

⁸³ Халифат — власть халифа, духовного главы мусульман, почитавшегося в качестве преемника Мухаммеда, а также название государств, образованных в VII в. после смерти Мухаммеда. Сторонникам католического возрождения и «Новой теократии» были присущи своеобразный мессианизм и гегемонизм в деле создания из раздробленных государств единой и мощной итальянской державы, возрождения прежней роли Рима под началом папского престола. В стремлении к такой державе и к такой роли с ними солидаризировался (вопреки предубеждениям против папства и монархического правления) и последовательный республиканец и демократ Д. Мадзини. В письме-обращении к Пию IX он признавал его огромный авторитет в Европе и призывал папу воспользоваться им для укрепления католической веры и объединения Италии. Мистический мессианизм идей Д. Мадзини предполагал далеко идущие проекты изменения политической карты Центральной и Юго-Восточной Европы, не всегда учитывавшие исторические,

этнические, национальные, культурные, государственные особенности других народов.

⁸⁴ Это сродство заключается в том, что радикал-реформаторы во «внешних» проектах и практических действиях по изменению общественно-политической и государственной реальности не учитывают «внутренних» сил испорченной и несовершенной человеческой природы, на свой лад преломляющих и искажающих их рациональные теории.

⁸⁵ Революционное движение в Риме, «желание поклоняться Папе и одновременно отделить его от Папства» привели к тому, что находившийся у власти ставленник Пия IX граф Росси, готовившийся распустить представительные палаты, 15 ноября 1848 г. был убит. В ответ на последовавшие затем народные демонстрации папа неудачно пытался опереться на наемную швейцарскую гвардию, после чего согласился на создание светского правительства из умеренных демократов, а в ночь на 25 ноября был вынужден бежать из Рима в крепость Гаэту. 21 января 1849 г. на основе прямого, всеобщего и тайного голосования были проведены выборы в римское Учредительное собрание. По предложению Д. Гарибальди, прибывшего в Папскую область со своими легионерами, собрание постановило лишить светской власти папу и провозгласить республику, что и было сделано 9 февраля при огромном стечении ликующего народа и пушечных выстрелах. Вскоре были провозглашены углубляющие революцию антиклерикальные реформы: национализация имущества католических орденов и монастырей вместе с землей, уничтожение политических привилегий духовенства, упразднение инквизиции и церковных судов, установление светского контроля над обучением и благотворительностью.

⁸⁶ Тютчев имеет в виду прежде всего одного из вождей «республиканской партии» Д. Мадзини, в воображении которого рисовался идеал «священного вечного Рима», в теократии отклонившегося от своей миссии. Следовательно, необходимо вернуться к языческим традициям республиканского Рима и внести их дух в европейскую политику, хотя из тактических соображений ему приходилось вести диалог с папским престолом и делать ему своеобразные уступки.

⁸⁷ Светская власть папы была немедленно восстановлена, а все предшествующие демократические преобразования отменены, после того как французские войска 3 июля 1849 г. взяли штурмом осажденный Рим.

⁸⁸ В ночь на 22 апреля 1849 г. президент Французской республики Луи Наполеон Бонапарт начал интервенцию против Римской республики, объясняя ее необходимость защищать земли Папского государства «от притязаний австрийцев и неаполитанцев». После ожесточенных сражений с республиканскими войсками из других стран 3 июля французам удалось завладеть Римом.

⁸⁹ То есть со времен Французской революции 1789 г.

⁹⁰ Раздвоенность между революцией и католицизмом вполне отчетливо проявилась в колебаниях французского правительства по отношению к развитию событий в Италии. С одной стороны, Франция считала себя традиционной защитницей папской власти, а с другой — новая демократическая роль после Февральской революции 1848 г. заставляла ее поощрять итальянских либералов и опять-таки традиционно противодействовать австрийскому влиянию в Италии. В конце концов эти колебания разрешились, и под давлением собственных папистов и ультрамонтанистов Французская республика изменила принципам и весной 1849 г. послала войска для подавления родственной ей демократии под предлогом защиты римского населения от иностранных государств и избежания анархии.

⁹¹ Имеется в виду якобинская диктатура 1793—1794 гг., когда исполнительная, а фактическая и законодательная власть была сосредоточена в руках робеспьеров-

ского Комитета общественного спасения. Конвент принял закон, объявлявший подозрительными всех не получавших свидетельств о благонадежности от народных собраний. Подозрительные выявлялись местными органами и подлежали аресту. Карательными учреждениями якобинской диктатуры стали Комитет общественной безопасности и революционный трибунал, осуществлявший террор.

⁹² То есть со времен завоеваний Наполеона.

⁹³ Тютчев различает в католицизме собственно христианскую и папистскую стороны, наблюдая в ходе истории возобладание и господство последней над первой. Выступая не против другой конфессии, а против искажения христианской истины в ней, Тютчев близок к позиции славянофилов, которых нередко упрекали в предвзятом антикатолицизме.

⁹⁴ Речь идет о посещении Рима Николаем I, сопровождавшим жену на лечение.

⁹⁵ РОССИЯ И ЗАПАД

Знакомясь после кончины поэта с его архивом, И.С. Аксаков замечал: «Немало удивятся многие, когда узнают, что в бумагах Тютчева, уже после его смерти, отыскана черновая Французская рукопись, содержащая план целого обширного сочинения, преимущественно о политическом призвании России, — сочинения, из которого последние две напечатанные его статьи были только отрывком или отдельными главами... эти заметки очень важны как выражающие ту сокровенную, задушевную думу автора, с которою мы были до сих пор лишь отчасти знакомы по неясным намекам, разбросанным в статьях и стихах как прежде, так и позднее написания заметок» (*Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 200.*) «План» и «заметки» представляют собой подготовительные материалы к неоконченному историософскому трактату, рукопись которого содержит два варианта его программы и в основном конспективные наброски семи глав из девяти. По замыслу автора, место VIII главы должна была занять уже опубликованная ранее статья «Россия и Революция», а II — статья «Римский вопрос», которую он завершил 1/13 октября 1849 г. и которая осмыслялась им не только как самостоятельная работа, но и как часть единого целого. И именно это целое как бы заново освещает, дополняет и углубляет содержание и проблематику публицистических произведений поэта. Возможно, к непосредственному осуществлению замысла Тютчев приступил в сентябре 1849 г., но уже 1/13 января 1850 г. его жена в письме К. Пфеффелю констатирует: «Что же касается моего мужа, который два месяца назад, казалось, был убежден, что мир обрушится, если он не напишет труд, часть которого я вам послала и для которого были подготовлены все материалы, — так вот, мой муж вдруг все забросил» (*Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. II. М., 1989. С. 240.*) «Гораздо существеннее другое: даже в таком виде «наброски» дают основание говорить об обширном замысле и всеобъемлющем труде» (*Тарасов Б.Н. Комментарии // Тютчев Ф.И. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст., переводов, коммент. Б.Н. Тарасов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 605—606.*)

Печатается по: *Тютчев Ф.И. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст., переводов, коммент. Б.Н. Тарасов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 110—128. Примечания Б.Н. Тарасова даны в сокращении.*

⁹⁶ Подразумевается Февральская революция 1848 г. во Франции.

⁹⁷ Имеется в виду июньское восстание парижских рабочих 23 июня 1848 г., после того как был издан указ о роспуске национальных мастерских, а в восточной части Парижа начали возводить баррикады. Восстание развивалось стихийно и после некоторых успехов сменилось обороной захваченных позиций. Учреди-

тельное собрание объявило Париж на осадном положении и передало всю власть в руки военного министра, республиканца генерала Л.Э. Кавеньяка. С помощью регулярной армии и мобильной гвардии к вечеру 26 июня были окончательно подавлены последние очаги сопротивления. Всего в дни восстания и после него было убито около 11 тыс. повстанцев, а более 3,5 тыс. отправлено в ссылку и на каторгу.

⁹⁸ Вероятно, подразумевается раздвоенность Запада на «красный» и «белый», «революционный» и «консервативный», которая как бы обессиливает противостоящие стороны и мешает им объединиться для «действия вовне» против России как Восточной Империи, Православной Державы.

⁹⁹ Имеется в виду подавление революционного движения русскими войсками, после того как венгерский сейм 14 апреля 1849 г. принял Декларацию независимости Венгрии и провозгласил династию Габсбургов низложенной. Уже тогда племянник австрийского императора Фердинанда I Франц Иосиф, в пользу которого тот отказался от престола, обратился к Николаю I с просьбой о вооруженной помощи. 21 мая в Варшаве состоялась их встреча. В июне русская армия под командованием И.Ф. Паскевича вошла в Венгрию, и уже 31 августа повстанцы окончательно сдались ей и сложили оружие.

¹⁰⁰ Тютчев рассматривал западную цивилизацию с ее «антихристианским рационализмом», невнятным гуманизмом и гипертрофированным индивидуализмом как следствия «революционного» отпадения человека от Бога и Вселенского Православия, знаменательным этапом на длительном пути которого становится для него трехвековое развитие секуляризирующейся культуры после Реформации.

¹⁰¹ Известный историк Ф.Г. Гизо в конце 1820-х гг. читал в Сорбонне популярный курс истории европейской цивилизации и был одним из вдохновителей умеренной либеральной оппозиции режиму Реставрации, так называемых доктринеров, монархистов-конституционалистов, стремившихся примирить «старую» и «новую» Францию, соблюсти равновесие между династией Бурбонов (отделив от нее ультрароялистов) и идеальными принципами революции 1789 г. (без их воплощенных крайностей). В годы V Июльской монархии Ф.Г. Гизо занимал важные государственные должности (министр внутренних дел, министр образования, посол в Англии), а с 1847 г. до революции 1848 г. он возглавлял правительство Франции, отставки которого требовали последовательные республиканцы. В своей политике ему не удалось укротить «демона революции», сочетать «свободу и порядок» во имя «общих интересов». Более того, будучи сторонником высокого имущественного ценза, он произнес слова, подлившие «масла в огонь» бунтарских настроений: «Обогащайтесь, господа, и вы будете избирателями!» В начале 1849 г. в Париже, Брюсселе и Лейпциге вышла брошюра Ф.Г. Гизо «De la démocratie en France» («О демократии во Франции»), в которой социальный демократический радикализм подвергался резкой критике.

¹⁰² Имеется в виду школа «доктринеров», к которой, наряду с другими, принадлежали профессор философии П.П. Ройе-Коллар, историки А.Г. Барант, О. Тьерри, А. Тьер, Ф.О. Минье (об их деятельности см. в кн.: *Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. Л., 1956*), политики В. де Броньи, П.Ф. де Серра, Ш. Ремюза. Унаследовав просветительский пафос, доктринеры рассматривали историю как столкновение социальных интересов и потребностей, которое находит выражение в борьбе идей и убеждений, мнений и страстей и, несмотря на войны и революции, ведет к совершенствованию человечества, демократизации общества, обретению личностью все больших индивидуальных прав в развивающейся цивилизации. Понятие «цивилизация», становившееся своеобразным заменяющим эквивалентом для идеи единства в понятии «империя», занимает ведущее место и в знаменитых лекциях главы школы «доктринеров» Ф.Г. Гизо по «Истории цивилизации в Европе».

¹⁰³ В понимании значения и самых широких и разнообразных исторических последствий Реформации вплоть до «апофеоза человеческого я» Тютчев занимал противоположную школе Ф. Г. Гизо позицию.

¹⁰⁴ Февральскую революцию 1848 г. и июньское подавление парижского восстания Тютчев рассматривал как «последнюю страницу» и «страшное откровение» в длительной истории развития «современной мысли» и «эманипированного разума».

¹⁰⁵ Через несколько дней после начала Февральской революции и провозглашения республики Временное правительство во Франции издало декрет о введении всеобщего избирательного права для всех мужчин старше 21 года.

¹⁰⁶ Подразумевается подавление Июньского восстания (1848) в Париже.

¹⁰⁷ Тютчев одним из первых отмечает парадоксальность нового социального феномена, так сказать, миражно оторванного во всепоглощающем пристрастии к идеологической и политической ангажированности и актуальности от фундаментальных проблем человеческого бытия и истории и одновременно обретающего огромную мощь внушающего влияния на умы и воображение людей.

¹⁰⁸ Имеются в виду «книжники», «идеологи», «интеллигенция», лишенная исторических корней и связей, не имеющая в своем сознании религиозно-метафизических оснований и целостного масштаба бытия, но становящаяся на Западе и в России активной социально-политической силой и исходящая в реформаторских устремлениях из собственных «прогрессивных», «гуманистических», «просветительских», «рациональных», «научных» представлений о жизни. Это, по мнению Тютчева, «так называемая публика, т. е. не народ, а подделка под него». По убеждению поэта, божественная мудрость и народный инстинкт должны соединиться, минуя средостение антропоцентрических проектов и рационалистического полужнания, амбициозных притязаний и не до конца осознанных действий.

¹⁰⁹ Тютчев, как и ряд других русских писателей и мыслителей, ясно видел «завор» между пропагандируемым и реальным содержанием в конституционно-либеральных и республиканско-демократических идеях «публики», «идеологов», «книжников».

¹¹⁰ Образ землетрясения для всеевропейского революционного года встречается также в статье «Россия и Революция».

¹¹¹ О религиозной и политической войне 1618—1648 гг. протестантских князей и императора «Священной Римской империи германской нации» с католическими князьями, Австрией и папством, в которую оказались втянутыми Франция, Испания, Англия, Голландия, Дания, Швеция и другие страны, как прототипической для исторических междоусобиц в Германии Нового времени Тютчев не раз писал в своих работах.

¹¹² В ходе истории Италия часто подвергалась нападениям соседних германских племен через северные склоны Альп. О сформировавшемся в результате итальянском восприятии немцев Тютчев пишет в статье «Россия и Революция».

¹¹³ Революция в Италии совпала с активизацией национально-освободительного движения 1848—1849 гг., которое после первоначального союза с папой Пием IX приняло антиклерикальную и антипапскую направленность.

¹¹⁴ Тютчев имеет в виду Восточную Европу во главе с Россией, способную, благодаря православным основам «другой» цивилизации, предотвращать и примирять революционные конфликты и противоречия Запада.

¹¹⁵ Имеется в виду стремление восстановить нечто подобное Древнеримской республике в годы революции 1848—1849 гг.

¹¹⁶ Поэт *Ф. Петрарка* (1304—1374) — один из наиболее выдающихся гуманистов эпохи Возрождения, был поборником единой Италии (см., например, его канцону «Моя Италия») и противником папства. В 30—40-е гг. XIX в. появляются

исторические романы Ф. Д. Гверрацци, трагедии Дж. Никколини, лирика Г. Мамели и А. Поэрио, проникнутые революционными идеями Дж. Мадзини (1805—1872). Последний в 1831 г. основал тайную республиканскую организацию «Моя Италия» для подготовки вооруженного восстания и объединения Италии, играл значительную роль в борьбе за создание единого итальянского государства, в 1849 г. вошел в триумвират Римской республики.

¹¹⁷ Имеется в виду древнеримская Италия.

¹¹⁸ То есть либеральная интеллигенция, «книжники, ученые, революционеры».

¹¹⁹ В данном случае имеется в виду притязание на вселенское верховенство и мировое господство языческой Древней Римской империи, павшей под ударами варваров в V в. В целом же для Тютчева смысл понятия «империи», ее «законность» или «незаконность» (узурпаторские претензии) связаны с Истиной подлинного христианского вероучения и неискаженного предания Вселенской Церкви или отступлением от нее.

¹²⁰ Имеется в виду широко распространенная в Средние века и восходящая к толкованиям на книгу пророка Даниила теория «translatio imperii» — «передачи», «переноса», «перехода» единой мировой державы, которая в каждую историческую эпоху может быть только одна. По представлениям идеологов Западной империи, с коронацией Карла Великого начинается translatio imperii от греков к франкам и затем к германцам, что положило начало Священной Римской империи. Последняя претендовала на восстановление прерванной преемственности от Рима и соперничала с Византией за право быть вселенской державой, что породило проблему «двух императоров» и сопровождалось в последующем схизмой, разделением Церквей. С точки зрения Тютчева, подобная «передача полномочий» стала «незаконной» и «узурпаторской», ибо Священная Римская империя как бы параллельно повторяла Византийскую, Константинопольского патриарха заменял римский папа, а василевса — новоявленный император, после того как империя была законно перенесена на Восток.

¹²¹ После завоевания Рима варварами в 476 г. и разделения Римской империи ее центр переместился в Византию, именовавшую себя «империей ромеев» (римлян), носительницей идеи «вечного Рима», где воплотилось Слово. Вместе с тем еще в 330 г. император Константин основал мировую столицу на Босфоре, и «Новый Рим» (этот титул был официально дан Константинополю в третьем каноне второго Вселенского собора в 381 г.) как средоточие христианской державы противопоставлялся древнему как центру языческой империи, гонительнице христиан. В этой столице христианского мира созывались Вселенские соборы, а Константинопольский патриарх с VI в. стал именоваться Вселенским (всехристианским). Для понимания тютчевских представлений о христианской державности необходимо иметь в виду сформулированный «на Востоке», при императоре Юстиниане I (483—565), в шестой новелле Юстинианова Кодекса идеал монархической государственности как «симфонии» священства и царства, Церкви и императорской власти, обретающей источник, силу и смысл своей деятельности во служении Христу.

¹²² В противоречивом единстве «восточного» наследования имперской идеи Тютчев подчеркивает не связь, а разделение между Римской (языческой) и Византийской (христианской) империями. Более того, в «языческой мысли» Древнего Рима он видит неумирающую традицию: «Это Кесарь, вечно воюющий со Христом» (Цит. по: *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 231).

¹²³ С 962 г., когда после коронации папой Иоанном XII Оттона I в качестве «императора Августа» образовалась эта империя, немецкие короли при смене власти отправлялись в Рим, где очередной папа короновал очередного императора.

Однако через некоторое время «сообщничество» превратилось в соперничество, и Италия в XI—XIII вв. стала главной ареной борьбы двух универсалистских и гегемонистских сил — Германской империи, претендовавшей на господство в Европе, и папства, стремившегося утвердить свое верховенство над светскими правителями христианского мира. В ожесточенных конфликтах империи и папства, на время остановленных Вормским конкордатом 1122 г., обе стороны искали поддержки итальянских городов и жаловали им права самоуправления.

¹²⁴ Еще в итоге Войны за испанское наследство (1701—1714) к Австрии перешли Неаполитанское королевство, о. Сардиния и Милан, присоединение которого положило начало австрийскому господству в Северной Италии. После крушения наполеоновской империи, по новым договоренностям на Венском конгрессе 1814—1815 гг., Австрия получила в свое владение Ломбардию и Венецию, а на престолах ряда итальянских герцогств оказались представители Габсбургского дома.

¹²⁵ Еще 29 апреля 1848 г. Пий IX в особом «Обращении» заявил о своем нежелании воевать с Австрией, борьбу с которой начинали вести итальянские государства. 18 февраля 1849 г. уже из Гаэты, куда он бежал, папа обратился к правительствам Австрии, Испании и Франции с просьбой помочь восстановить его светскую власть в Римской области.

¹²⁶ Речь идет об интервенции французских войск, посланных президентом Луи Наполеоном Бонапартом под предлогом защиты римского населения от иностранных армий для подавления Римской республики и установления там своего влияния в противовес Австрии.

¹²⁷ Имеется в виду законная (в понимании божественной легитимности) империя Православного Востока, наследница Византийской, в лоне которой могли бы найти свое «правильное» и достойное место разные народы.

¹²⁸ О секуляризации папства (т.е. о его растворении в светской власти и передаче ей собственных полномочий) как неизбежном результате его внутреннего развития и последовательного реформирования в духе изменяющегося времени и приспособления к текущей политико-идеологической действительности и революционизирующейся истории см. в статье «Римский вопрос».

¹²⁹ По мнению Тютчева, такой покровительницей, разрешающей непримиримый антагонизм между Революцией и Церковью, могла бы стать Православная Империя.

¹³⁰ Подразумевается аналогия между положением Пия IX, когда радикализация революционного движения 1848—1849 гг. усиливала антипапские и антицерковные настроения в массах, и положением папского престола, когда антиримские тенденции в период Лютеровых реформ XVI в. грозили вылиться в народные выступления против католицизма.

¹³¹ Надежду на такое возвращение и преодоление схизмы Тютчев высказывал в конце статьи «Римский вопрос». Он имел в виду не нечто вроде унии или условно-политического и прагматического договора, а такое «возвращение», при котором римская Церковь отказывалась бы от возникших после ее отделения от Вселенской церкви «незаконных» притязаний.

¹³² Подразумевается Восточная империя во главе с Россией, имеющая в качестве своей духовной и исторической основы «неповрежденное» христианство, Вселенское православие.

¹³³ Гогенштауфены — династия германских императоров (1138—1254), притязавших в лице Фридриха I Барбароссы, Генриха VI и Фридриха II на мировое господство в соперничестве с папами.

¹³⁴ Подразумеваются антихристианское революционное начало и насилие, тактическое использование которых оборачивается для имперской власти стратегическими просчетами.

¹³⁵ После мартовской революции 1848 г. во Франкфурте-на-Майне открыло заседание избранное на основе двухступенной избирательной системы общегерманское Национальное собрание, которое предполагало продолжить работу предпарламента, провозгласить республику и выработать конституцию, сформировать пользующуюся всеобщим доверием исполнительную власть. Его подавляющее большинство составляли либералы и демократы, которых представляли 364 юриста, 154 профессора и литератора, 57 торговцев и чиновников, 85 дворян, 4 ремесленника и 1 крестьянин.

¹³⁶ Имеются в виду земли западных славян, входившие в процессе их колонизации в состав «Священной Римской империи германской нации».

¹³⁷ Дуализм, носивший конфессиональный (протестантско-католический) характер, сменился и усугублялся династическо-государственным соперничеством между Пруссией и Австрией. Показательна в этом отношении война за австрийское наследство, когда после смерти Карла VI в 1740 г. наследственные права на владение австрийской короной перешли к его дочери Марии Терезии. В результате военных действий Пруссия захватила у Австрии Силезию.

¹³⁸ Итоги Тридцатилетней войны и условия заключенного после нее Вестфальского мира не давали возможности «Священной Римской империи германской нации» стать единой и централизованной абсолютной монархией.

¹³⁹ Россия играла значительную роль в устранении, смягчении и предотвращении последствий обозначенного выше дуализма и в сохранении равновесия между двумя крупнейшими государствами Германии. В частности, российская дипломатия активно участвовала в заключении Тешенского мира 1779 г. между Австрией и Пруссией.

¹⁴⁰ Имеется в виду высшая божественная легитимность и укорененность в уходящий за горизонт исторического бытия основополагающей традиции и преемственности как особый фундаментальный источник права и правосознания.

¹⁴¹ Подразумевается отсутствие законности в обозначенном выше смысле и подлинных исторических корней. В 1618 г. маркграфство Бранденбург объединилось с герцогством Прусским, возникшим в 1525 г. на территории Тевтонского ордена. Бранденбургско-Прусское княжество, состоявшее из захваченных в XII—XVII вв. земель (преимущественно славянских и литовских), и стало лишь в 1701 г. собственно Пруссией, Прусским королевством, когда курфюрст Фридрих II торжественно короновался в Кенигсберге.

¹⁴² То есть в законном.

¹⁴³ Подразумевается так называемый «малогерманский» путь объединения Германии (во главе с прусскими Гогенцоллернами, а не с австрийскими Габсбургами, как в «великогерманском»), при котором разрозненные немецкие государства должны войти в состав Пруссии.

¹⁴⁴ Правившая Пруссией династия Гогенцоллернов происходила из бранденбургских курфюрстов (1415—1701), а не из императорского рода Габсбургов, имевшего к тому же более древнюю родословную.

¹⁴⁵ По мнению Тютчева, «незаконные» имперские амбиции Пруссии представляют собой отрицание «законной» империи, подобно тому, как «революционное» реформаторство М. Лютера является отрицанием «законного» католицизма.

¹⁴⁶ После Тридцатилетней войны монархия Габсбургов в XVII—XVIII вв. являлась одной из крупнейших европейских держав. Основное ее ядро составляли наследственные земли Габсбургов — Нижняя и Верхняя Австрия, Тироль, словенские Штирия, Каринтия и Крайна, а также Истрия и Триест. Кроме того, в состав монархии входили земли чешской и венгерской короны, германские города Фрейбург, Констанц и ряд других территорий на реках Рейн, Неккар и в Эльзасе. Различные по языку, культуре, обычаям и нравам земли монархии связывались

общностью династии, имевшей, в отличие от Пруссии, более глубокие исторические корни и длительное время укреплявшейся и расширявшейся главным образом за счет династических браков и искусного использования политических противоречий в разных странах.

¹⁴⁷ Имеются в виду революционные события 1848—1849 гг.

¹⁴⁸ В апреле и мае 1848 г. австрийское правительство под давлением революционных событий объявило о введении конституции и всеобщего избирательного права. Однако в последующем обе реформы были отменены.

¹⁴⁹ Имеется в виду отрицание самой Австрией своей имперской идеи в заявленных ею конституционных преобразованиях.

¹⁵⁰ *Фалльмерайер* (Fallmerayer) Якоб-Филипп (1790—1861) — немецкий историк и публицист, создатель теории славянского происхождения новоэллинов, изложенной в книге об истории полуострова Мореи в Средние века. В начале 1840-х гг. он длительное время пребывал в Константинополе, излагая впечатления в *AZ*, а затем обобщив их в 1845 г. в двухтомнике «Fragmente aus dem Orient» («Восточные фрагменты»). Я.Ф. Фалльмерайер отводил большую роль славянским народам во главе с Россией (в контексте векового противостояния Востока и Запада) в будущем развитии человечества, чем привлекал внимание Тютчева, полагавшего возможным привлечь Я.Ф. Фалльмерайера на свою сторону и на практическое позитивное служение «идее Восточной великой самостоятельной Европы» (см. об этом: *Основат А.Л. Тютчев и заграничная служба III Отделения* (Материалы к теме) // Тын्यानский сборник. Пятое Тын्यानские чтения. Рига, 1994. С. 122—128). Однако расчеты Тютчева не имели достаточных оснований. Я.Ф. Фалльмерайер твердо придерживался обратных тютчевским оценок Восточной Церкви и Православной Империи, называя русского царя в своих статьях то «вторым Атиллаем», то «ханом с Невы», то «новым Чингисханом», а в России видя угрожающее Европе «полуварварское азиатское Монгольское царство» (см. об этом: *Rauch Georg von. J. Ph. Fallmerayer und der russische Reichsgedanke bei F. I. Tjutcev // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd I. Hf. 1. 1953. S. 72—96*). Характерен его отзыв о «Московии» в упоминавшихся «Fragmente aus dem Orient»: «Лишить турок собственности и втянуть эстетически-восприимчивые *немецкие племена* в западню, — составляет душу и жизнь Российства... Греки и немцы приготовлены как неизбежные жертвы и заранее внесены для будущего порядка в русские регистрационные листы. Ничто не поставлено в зависимость от времени. Москвитянин рассчитывает на вечность своего государства, и именно потому, что он никогда не торопится, он вернее достигает цели... Нашими естественными врагами, нашими ядовитейшими противниками и клеветниками являются во всяком случае русские. По существующему в стране порядку, религия и наука у русских не больше, как две податливые девки, которые заодно должны справлять и ремесло сводниц для мирового авторитета Императора-Первосвященника. Немец, наоборот, воздвигает религии, как своей королеве, трон в сердце и присягает на верность науке как великой, миродержавной власти. Ненависть между такими народами является инстинктом, а всякое соглашение — невозможностью, в особенности когда они находятся в качестве соседей в ежедневном соприкосновении» (цит. по: Урания. Л., 1928. С. 167). Видимо, Тютчев имеет в виду подобные высказывания Я.Ф. Фалльмерайера, когда приводит его имя в контексте обсуждения политических и психологических отношений между немцами и славянами и «естественного права» первых господствовать над вторыми.

¹⁵¹ Такое понимание своих «естественных прав» имело давнюю историю, когда с середины X в. Отгон I стал проводить активную восточную политику. В последующем история славян рассматривалась лишь в связи с историей Австро-Венгрии и Германии, а о полабских и поморских славянах в период до их завоева-

ния и истребления говорилось как о немецких подданных.

¹⁵² Смысл этих слов остается неясным.

¹⁵³ Об этом «условии» можно судить по новой австрийской конституции, в которой сводились на нет успехи венгерской революции и упразднялась автономия Венгрии, а от венгерских земель отделялись Хорватия, Словения, Воеводина и Трансильвания. После поражения в октябре 1849 г. венгерской революции австрийский главнокомандующий Хайнау утверждал, что в Венгрии «в течение столет не будет революции». Эта уверенность, сочетавшаяся со стремлением Австрии увековечить провинциальный статус мадьяр, подкреплялась многочисленными казнями мятежников, среди которых оказались не только генералы и высшие офицеры, но и первый глава революционного венгерского правительства Л. Батъяни, непричастный к австро-венгерской войне.

¹⁵⁴ Эту дилемму И.С. Аксаков сопроводил таким комментарием: «Тютчев под словом “стать русскими” вовсе не разумеет ни государственного закрепощения, ни обрусения в тесном смысле слова. Употребив это выражение, в черновой записке, для краткости, он дает ему тот смысл, что славяне или должны стать гражданами Греко-Славянского мира, которого душою, без сомнения, может быть и есть только Россия, — или же погибнуть прежде всего духовно, т.е. утратить свою нравственную народную самостоятельность. <...> При этом “объединение с Россией” вовсе не означает ни бунта, ни другого какого-либо насильственного действия относительно Австрийского правительства; оно предлагается Тютчевым вовсе не в виде самостоятельной практической меры: оно требуется только в области Славянского самосознания, — к тому же прежде всего как объединение духовное, или точнее церковное» (*Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 215—216*).

¹⁵⁵ Тютчев подразумевает следующее место из «Письма во Франкфурт» (11 апреля 1848 г.) Ф. Палацко, где впервые была сформулирована его теория австрославизма: «Если бы Австрийского государства не существовало уже с давних пор, мы должны были бы в интересах Европы, в интересах человечества постараться немедленно его создать» (цит. по: Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. I. М., 1988. С. 429).

¹⁵⁶ Имеется в виду вооруженная помощь России Австрии в подавлении венгерской революции.

¹⁵⁷ Имеются в виду такие проживавшие в Европе русские публицисты, как, например, Н.И. Тургенев, И.С. Головин, Н.И. Сазонов или М.А. Бакунин, чья либеральная или революционная фразеология совпадала с западными газетно-журнальными стереотипами.

¹⁵⁸ Имеется в виду мир православного Востока и Восточной Европы во главе с Россией.

¹⁵⁹ Подразумеваются выступления М.А. Бакунина в 1846—1848 гг. (в газете «Constitutionnel», на торжественном праздновании 17-летней годовщины польской революции, на пражском Славянском съезде), в которых он ратовал за союз между русскими и поляками на революционной основе. В «Воззвании к славянам» М.А. Бакунин предрекал скорое падение Николая I («Гольштейн-Готторпа на славянском троне») и пробуждение русского «народа-гиганта»: «В Москве будет разбито рабство всех соединенных под русским скипетром славянских народов, а с ним вместе и все европейское рабство, и навеки будет схоронено в своем падении под своими собственными развалинами; высоко и прекрасно взойдет в Москве созвездие революции из моря и крови, и станет путеводной звездой для блага всего освобожденного человечества» (*Бакунин М. Воззвание к славянам. Б., 1904. С. 39*).

¹⁶⁰ О какой статье идет речь, не установлено.

¹⁶¹ Подразумевается учение об Империи, объясняющее исторический процесс как смену перечисляемых далее великих мировых монархий (Ассиро-Вавилонская, Мидо-Персидская, Македонско-Греческая, Римская) и восходящее к интерпретациям 2-й (30—44) и 7-й (1—28) глав книги пророка Даниила, дополняемым толкованием 2-го Послания ап. Павла к фессалоникийцам (3—8) о «тайне беззакония», которая «не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» появление «сына погибели», т.е. антихриста. Пророк Даниил раскрывает значение сна (как тайны «последних дней») царя Навуходоносора, которому приснился огромный и страшный истукан с головой из чистого золота, с серебряными руками и грудью, с медными бедрами и чревом, с железными голенищами, с ногами — частью железными, частью глиняными. Истукан стоял, пока камень не оторвался от горы «без содействия рук», ударил в его железные и глиняные ноги (превратив в унесенный ветром прах составлявшие его золото, серебро, медь, железо и глину), а сам «сделался великою горою и наполнил всю землю». В пророчестве Даниила разные части истукана означают четыре сменяющих друг друга земных царства, а после них Бог воздвигнет эсхатологическое небесное и вовеки несокрушимое царство. Четвертое царство, исчезающее вместе с историческим временем после второго пришествия Христа, описано Даниилом в двойном свете — и как прочное, монолитно-единое, и как слабое, смешанно-разделенное (Дан. 2:40—43). Вместе с тем четвертое царство символизируется в седьмой главе четвертым зверем (первые три похожи на льва, медведя и барса), который необыкновенно страшен, ужасен и силен (Дан. 7:23—27). Ср. апокалиптического зверя «с семью головами и десятью рогами» в Откровении Иоанна Богослова (17, 3). В последующем четвертое царство отождествляется с Римской империей, в лоне которой протекает земная жизнь Христа, создается «Христово строение», образуется христианская держава и одновременно осуществляются гонения на христиан, сохраняются цезаристские традиции языческой эры, обнаруживаются признаки последних времен и появления «сына погибели». По мнению современных исследователей, «трансформация языческой Римской империи в христианскую Византийскую, наложение Pax Christiana на Pax Romana приводит к коренным изменениям в политической концепции: «В IV в. монархическая идея вступает в новый этап своего мирового развития. От концепции императора-бога приходят к концепции императора милостью Бога. Автократор отныне будет подражанием... и служителем... через посредство которого Бог управляет делами людей». Вся огромная государственная машина Византийской империи была приспособлена для выполнения этой провиденциальной миссии императора — носителя и распространителя христианства» (Медведев И.П. Империя и суверенитет в Средние века (На примере истории Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений. М., 1972. С. 415). Учение о христианской империи как «четвертом царстве» пророчества Даниила («Вечном Риме», «Царстве Ромеев») развивалось в трудах Иоанна Златоуста, Козьмы Индикоплова, Мефодия Патарского, Евсевия Кесарийского и других христианских авторов. В логике христианской империи священство и царство как двуединые «ростки» (подобно нераздельному и неслиянному соединению Божественного и человеческого в двух природах Христа) должны сосуществовать в гармоническом согласии («симфонии»): когда цари заботятся о благочестии духовенства, а оно молится за них Богу, когда священство бесспорно, а царство законно, между ними устанавливаются доброе согласие и должное взаимодействие. После перенесения в 330 г. столицы в Константинополь (на II Вселенском соборе в 381 г. он был назван Новым Римом), разделения Римской империи на восточную и западную части и завоевания Рима варварами в 476 г. «окончательная» христианская империя, призванная удерживать приход «сына погибели» и осу-

ществление «тайны беззакония», утверждается в Византии. В наследии «вечного» Рима (как четвертого царства в пророчествах Даниила) Тютчев проводит принципиальное разграничение, отражающееся на всех этапах и сферах его мысли, между языческим «старым» и христианским «новым» Римом.

¹⁶² Начиная с Римской империи эта идея постоянно воодушевляла европейский мир. Историк Е.Ф. Шмурло подчеркивал: «Рим оставил народам в наследие великую идею единой всемирной монархии. Вы знаете, какое яркое выражение нашла эта идея в лице Карла Великого, в Оттонах Саксонской династии, в Гогенштауфенах, как импонировала она умам Западной Европы, давала тон всему средневековью...» (Шмурло Е.Ф. Москва — Третий Рим // Славяноведение. 1997. № 5. С. 57). В постсредневековый период идея всемирной империи постепенно теряла христианский и приобретала чисто светские черты, когда в XIV в. Людвиг Баварский и Карл IV сумели освободить власть от влияния папского престола, а императорский трон фактически превратился в должность главы союза немецких территорий. Благодаря деятельности таких представителей династии Габсбургов, как Фридрих III, его сын Максимилиан I и правнук Карл V, был восстановлен высочайший престиж императорского титула. «Священная Римская империя германской нации» стала полем деятельности императоров Нового времени, среди которых особо выделялся Карл V. Христианские и династические элементы в имперской идее на Западе сочетались с притязаниями на гегемонизм и светское мировое господство, что по-разному проявлялось в правление Людовика XIV и Наполеона. Далее Тютчев приводит имена правителей, как бы символизирующих важные этапы развития имперского сознания в Европе на фоне такого в России.

¹⁶³ Карл Великий (ок. 742—814) — франкский король с 768 г. из династии Каролингов, сумевший объединить под своей властью почти всю христианскую Европу.

¹⁶⁴ С именем Карла V (1500—1558) связана борьба за создание «всемирной христианской монархии» и окончательное конституирование имперской системы Нового времени. Он возложил на себя миссию восстановления единства церкви и империи и повел решительное наступление на Реформацию. «Великий план» Карла V включал в себя разгром Франции, урегулирование религиозно-политических противоречий в империи, решение династических и конституционных вопросов в духе «всемирной монархии» и с помощью применения военной силы. После Аугсбургского религиозного мира (1555) и политических неудач во Франции, Англии и в отношениях с папой Карл V передал управление империей своему брату Фердинанду (Schalk F. Karl V, der Kaiser und seine Zeit. München, 1960).

¹⁶⁵ Правление Людовика XIV (1638—1715), из династии Бурбонов, является периодом наивысшего развития абсолютизма во Франции и ее территориального расширения. Абсолютистская Франция стремилась к захвату всей территории испанских Нидерландов и немецких областей по левому берегу Рейна, подчинению Голландии, Северной Италии и всей Испании с ее колониями. Однако ее имперские амбиции были ослаблены Аугсбургской лигой (коалицией Испании, Австрии и Голландии), которая вместе с Англией вела десятилетнюю войну с ней и в результате Рисвикского мира 1697 г. сумела сохранить прежний статус-кво. Поражение Людовика XIV в Войне за испанское наследство в 1701—1714 гг. положило конец его претензиям на гегемонию в Европе.

¹⁶⁶ Фигуре Наполеона Тютчев придавал особое значение и видел в ней своеобразное концентрированное воплощение противоречивого единства «старого» и «нового», внешне парадоксальное, но внутренне закономерное саморазрушение «идеи Империи» (вследствие ее «незаконности») в «революционном действии», в «самовласти человеческого я». Исторический подход дает Тютчеву ключ для интерпретации парадоксальной сущности Наполеона как выразительной знаковой фигуры Нового времени.

¹⁶⁷ О разных проявлениях революционной борьбы с имперской идеей и о демократическо-индивидуалистическом разложении Запада Тютчев пишет в статьях «Россия и Германия», «Россия и Революция», «Римский вопрос».

¹⁶⁸ Имеется в виду отсутствие божественной легитимности и подлинной преемственности вследствие искаженного христианства, на основе которого строилась Западная империя. По убеждению Тютчева, уже само «незаконное» восстановление империи на Западе при Карле Великом (в нарушение ее «законного» переноса на Восток при Константине Великом) послужило источником подразумеваемых захватов и присвоений.

¹⁶⁹ Подразумевается монархическая Русь, сохранявшая древние церковные заветы и предания и законно унаследовавшая после Флорентийской унии завоевания Константинополя турками и падения миссии христианской империи. Это преемство как бы стало подготавливаться вскоре после принятия христианства на Руси, когда киевские князья выпускали монеты и печати с изображением Христа, что было атрибутом императорской власти. Подобные имперские притязания обнаруживаются в генеалогических легендах (например, в заявлении сына Ивана III Василия о своем происхождении от кесаря Августа), а также в сказаниях VI в. о князьях владимирских, древность происхождения которых «мотивируется в знакомом библейском контексте о четырех “великих царствах”, с последнего из которых, через Августа, начинается преемственность древних русских князей. Важным пунктом в указанной генеалогии являются родственные связи с византийскими императорами — по линии Константина IX Мономаха и князя Владимира Мономаха, что делает их общими родственниками римских цезарей» (*Бакалов Г.* Универсалистские аспекты идеи о «Третьем Риме» // Рим, Константинополь, Москва: Сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997. С. 217).

Тесные церковные, политические, духовные и культурные связи Древней Руси и Византии, ставшие органической составляющей национальной жизни, сохранялись и после падения Константинополя, в период формирования суверенного и централизованного Русского государства во главе с Москвой и ликвидации его зависимости от Золотой Орды. Брак Ивана III с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI, как бы вручал ему имперские права и освящал их. Включение в государственную символику византийского государственного герба и официальное принятие Иваном Грозным титула царя закрепляли за Россией «наследие Константина». Подобно тому как статус Второго Рима был утвержден актом Вселенского собора 381 г., статус Москвы как «нового» Константинополя, или Третьего Рима, был оформлен в Уложенной грамоте Московского Освященного Собора с участием константинопольского патриарха и греческого Духовенства, когда в 1589 г., при сыне Ивана IV Федоре, официально произошло каноническое учреждение русского Патриаршества. Русская церковь, ставшая к тому времени автокефальной де-факто, превратилась в такую де-юре на тех же основаниях, что обусловили установление в России царского титула. Историческое понятие Москвы (читай России) как Третьего Рима подспудно формировалось еще в первой трети XVI в. в таких значительных трудах, как Русский хронограф, Никоновская летопись, Сказания о князьях Владимирских, и было сформулировано старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем. Таким образом, Россия оказывается третьим воплощением «Ромейского царства» в метаморфозах «четвертого царства» пророчества Даниила и призвана исполнять роль «удерживающего» от наступления «царства беззакония» и прихода «сына погибели». Хотя Тютчев не употребляет понятия «Третий Рим» и вряд ли был знаком с текстами старца Филофея (они стали публиковаться только в 1860-е гг.), их эсхатологическая логика в понимании России как «окончатель-

ной» христианской империи (хранящей православную веру и противостоящей языческим и апостасийным тенденциям истории) типологически оказывается сходной. В аналогичном значении Тютчев употребляет понятие «Святая Русь» («Не верь в Святую Русь кто хочет, лишь верь она себе самой»), которое встречается и у Филофея («Святая и Великая Россия») в послании вел. кн. Василию III.

¹⁷⁰ Тютчев имеет в виду прежде всего взгляды Я.Ф. Фальмерайера.

¹⁷¹ Имеется в виду христианский Восток, средоточием которого является православная Россия во главе с ее царем.

¹⁷² Ссылаясь на Собрание государственных грамот и договоров, И.С. Аксаков отмечает: «Так отвечали Малороссы на вопрос, предложенный Богданом Хмельницким, кому хотят они отдаться в подданство» (*Аксаков И.С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 225).

¹⁷³ Тютчев подчеркивает в этом образе отмеченную ранее изначальную и непримиренную двойственность правления и личности Наполеона, режим которого после переворота 18 брюмера существенно отличался и от революционного, и от реставрационного и не мог быть отождествлен ни с одним из них. В историософском плане Тютчева не могло не занимать противоречивое соединение республиканских и монархических, революционных и имперских элементов в деятельности Бонапарта, пытавшегося осуществить некий «синтез» исторического пути Франции от Хлодвига до Комитета общественного спасения.

¹⁷⁴ Подражая Карлу Великому, Наполеон пригласил римского папу лично участвовать в коронации и освятить ее церковным помазанием. Однако если 800 лет назад Карл Великий отправился на эту церемонию ко Льву III в Рим, то новоиспеченный французский император пожелал, чтобы Пий VII сам прибыл к нему в Париж, в то время как его войска в Северной и Средней Италии угрожали Риму, а папа надеялся на увеличение своих владений и передачу легаций в собственные руки. В подобных обстоятельствах коронавание Наполеона изначально несло на себе печать двойственности, конъюнктурности и пародийности, о которой Тютчев говорит ниже. Воскрешая права и претензии Карла Великого и играя на чувствах миллионов правоверных католиков, Бонапарт вместе с тем во всем хотел показать свое первенство над римским папой. Пик ритуала получил неожиданный символический смысл: император, не дожидаясь возле алтаря возложения на него короны, выхватил ее из рук папы и сам надел ее себе на голову, а затем сам же короновал императрицу Жозефину. В дальнейшем «борьба» между Пием VII и Наполеоном продолжала на свой лад старые распри между римскими папами и германскими императорами; Рим был оккупирован французскими войсками в 1808 г., Папская область присоединена к Франции, а Пий VII находился под присмотром в Фонтенбло вплоть до падения Наполеона в 1814 г.

¹⁷⁵ Наполеон вполне сознательно стремился «повторить» имперские амбиции и деяния своего исторического предшественника, что проявилось и в его «кентаврической» конституции: «Правление Республикой довернется императору, титулуемому императором французов». Наполеон открыто заявлял, что «подобно Карлу Великому он будет императором Запада и что он принимает наследство не прежних французских королей, а наследство императора Карла Великого» (*Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1957. С. 149). В стремлении Бонапарта «повторить» Карла Великого Тютчев находил болезненную раздвоенность, неизбежную противоречивость и логическую и историческую необоснованность, поскольку не совместимый с имперским началом революционный принцип «самовластия человеческого я» лежал в фундаменте его вселенских притязаний.

¹⁷⁶ То есть с появлением государства, сохраняющего в основе божественный правопорядок, принимающего эстафету «законной» империи и продолжающую ее традиции.

¹⁷⁷ Диапазон противоречивых чувств достаточно широк и распространяется от стремления к союзу с Россией до желания ее уничтожить, от презрения до почтения, ставшего более заметным после поражения Наполеона на полях Отечественной войны 1812 г. Он боялся России как восходящей империи и рассчитывал в ее «остановке» даже на союз с Англией, своим главным противником. Говоря в целом, можно утверждать, что Наполеон плохо знал не только историю, но и географию России. Среди бумаг походной канцелярии начальника штаба его армии маршала Бертье была обнаружена карта, на которой Китай начинался сразу же за Уралом. В войне с Россией он оказался недалеким стратегом, ибо, используя пропагандистскую «игру» (фальшивое «Завещание Петра Великого», якобы свидетельствовавшее об извечной агрессивности «русских варваров» и их стремлении к мировому господству, слухи о намерении освободить крестьян и т.п.), привычно учитывал лишь «арифметические» факторы: количество войск и вооружения, боевой авторитет и выучку личного состава, победные навыки и материальные интересы наемников, опирался на корыстолюбивые начала человеческой природы и оставлял вне всякого внимания духовную сторону происходившего, православные и исторические традиции, когда в судьбоносные моменты забываются на время внутренние раздоры и сословные противоречия в общем самопожертвовании. Именно это самопожертвование более всего удивляло Наполеона у «скифов» (так он называл русских), хотя он упорно пытался, так сказать, материалистически оправдать свое поражение плохими погодными условиями, непредвиденными обстоятельствами, несвоевременностью принимаемых решений и т.п. Тютчев, напротив, считал, что «утлый челн» Наполеона разбился в щепы «о подводный камень веры».

¹⁷⁸ Подразумевается двухнедельная встреча Наполеона с Александром I в немецком г. Эрфурте в октябре 1808 г., которая стала своеобразным тактическим маневрированием и дипломатической игрой двух императоров на фоне беспредельных театральных спектаклей (глава Франции взял с собой трупку актеров), балов, пиров, парадов, шмотров, охотничьих вылазок и верховых прогулок. Наполеону, подстрекавшему Турцию и Иран к более энергичному ведению войны с Россией, было важно разуверить Александра I в своих враждебных намерениях и пообещать не вмешиваться в его восточную политику, а также вовлечь Россию в коалицию против Австрии в случае новой французо-австрийской войны. Русскому же императору необходимо было сохранять видимость союзнических отношений с французским для получения с помощью серий демаршей и фактора времени искомой пропорции сил для укрепления военной мощи и обновления междугосударственных альянсов. Таким дипломатическим демаршем и стала «Эрфуртская история», хотя на первый взгляд она и выглядела уступкой: царь в неопределенных выражениях дал согласие на участие в войне с Австрией и пообещал выставить против нее некоторое число войск (Наполеон же взамен обещал не мешать присоединению к России Финляндии, Молдавии и Валахии). На самом деле он не собирался вести серьезных боевых действий, что выразилось в отклонении им двух принципиально важных для французского императора пунктов — определения самим Наполеоном причин вступления России в войну с Австрией и незамедлительного продвижения русских войск к австрийской границе.

¹⁷⁹ Бонапарт считал Англию главным противником и стремился не только разгромить ее военные силы, но и лишить ее политического и экономического влияния, захватив ее колонии и вытеснив с европейского рынка. В ноябре 1806 г. он подписал декрет о континентальной блокаде, согласно которому строго запрещалась торговля с Британскими островами в зависимых от Французской империи странах и нарушение которого сурово каралось, вплоть до смертной казни.

О «личном» характере отношения Наполеона к Англии свидетельствуют слова, сказанные им врачу во время агонии: «После моей смерти, которая уже очень близка... я хочу, требую, чтобы вы обещали мне, что никакой английский доктор не прикоснется к моему трупу. <...> Вы скажете им, что, умирая, он завещал Англии стыд и поношение последних своих минут» (*Гораций Вернет*. История Наполеона. М., 1997. С. 605).

¹⁸⁰ Цитируются слова Наполеона (из его приказа по армии от 22 июня 1812 г.) при переходе французов через Неман и их вторжении в Россию.

¹⁸¹ Тютчев приводит один из вариантов третьей части своего стихотворного цикла «Наполеон» (1850). Под «новой загадкой» Тютчев подразумевает известные слова, сказанные Наполеоном на острове Святой Елены: «Через пятьдесят лет Европа будет либо революционной, либо оказавшейся» (цит. по: *Аксаков И.С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. С. 223).

¹⁸² Тютчев объясняет эту пародийность отсутствием в возводимой империи необходимого фундамента и «законности», прочных исторических корней, христианских традиций и Богопослушания, нарушаемого, напротив, революционным самозахватом и своевольной гордыней.

¹⁸³ По Тютчеву, несовместимое с духом подлинной христианской империи лицедейство в политической практике Наполеона обусловлено теми же причинами, что и ее пародийность. Компенсируя недостаточность «законного» и «вечного» историософского фундамента в своей деятельности, он был вынужден прибегать к созданию искусственных обстоятельств, к подлогам и подменам, к демагогическим и актерским приемам. Наполеон придавал большое значение печатной пропаганде и манипулированию общественным мнением, видя в них незаменимые орудия для создания с помощью ловкой казуистики необходимых стереотипов. По свидетельству современников, Наполеон нередко заставлял присяжных историкографов с чрезмерным пафосом изображать свои победы, прославлять «героя», скрывать собственные промахи и преуменьшать воинскую славу других, а когда готовился к войне, то популяризировал лозунги мира. Особую роль в, так сказать, игровой системе французского монарха играла религия, которую он, в отличие от Тютчева, рассматривал не как божественную основу империи, а лишь как самый необходимый миф для «человеческих, слишком человеческих» построений. Еще отправляясь в Египет, он взял с собой среди разных сочинений Ветхий и Новый Завет, Веды, Коран, но эти религиозные книги числились по разделу политики, которой и должны были служить. В Египте он представлял себя мусульманином, как бы используя миссионерские приемы иезуитов (проповедуя христианство в Азии и Африке, они для достижения искомых целей нередко становились брахманами, факирами, конфуцианцами и т.п.). Заключая конкордат с папой после бурного периода радикального революционного атеизма, он заявлял, что восстанавливает религию «для себя», и видел в христианстве, говоря его собственными словами, не «тайну воплощения», а «тайну социального порядка», незаменимое средство для закрепления неравенства и успокоения бедных, которые должны надеяться на небесное воздаяние, а не убивать богатых на земле. Как самовластный рационалист и утилитарист, Бонапарт находил в Евангелии лишь «прекрасные притчи, превосходную мораль, но мало фактов» и внутренне предпочитал Коран. В католической же Франции Наполеон неизбежно должен был «играть» с христианством, использовать его как важнейшую составную часть имперского прагматизма. Такая игра была тесно связана с его общим представлением о человеке, в природе которого он хотя и обнаруживал определенные духовные достоинства и добродетели, но не находил для них существенной опоры, которой считал тщеславные корыстные интересы и личные выгоды. В спорах с К.В. Меттернихом он непоколебимо стоял на этом пункте, полагая, что для активной и успешной по-

литики на социальной сцене и не может быть никакой другой опоры, и расценивал искренние высокие побуждения и благородные мотивы как бесплодное мечтательство. Тот же К.В. Меттерних отмечает, что чувства преданных ему людей Бонапарт сравнивал с чувствами детей и собак, на симпатиях и инстинктах которых следует искусно играть. Отсутствие законного права Наполеон компенсировал пышными парадами и торжествами, созданием привилегированного дворянства и полицейского аппарата, перлюстрацией писем, негласным наблюдением за рабочими, крестьянами и военными, цензурой прессы, театральной и судебной деятельности, что обесценивало вводившиеся в его правление Гражданский, Торговый и Уголовный кодексы и давало новые примеры республиканско-монархической «игры» его кентаврических проявлений.

¹⁸⁴ Тютчев связывает «окончателность» Империи с ее христианственностью, утверждение которой выразительно проявилось в правление Константина Великого (306—337), продолжавшего традиции «великого» Рима, отмежевавшегося от «падшего» и основавшего Второй Рим. Новое понимание делегации властных полномочий, которое, с точки зрения Тютчева, есть единственно истинное и законное, заключается в божественном предназначении Империи (метафорическое обозначение Христа как Императора и Царя происходит из Священного Писания), в исполнении воли Бога.

¹⁸⁵ Подразумевается нераздельность судеб священства и царства, неразрывность церковной и имперской истории, зафиксированная актами Вселенского (381) и Поместного (1589) соборов в понятиях «Нового» и «Третьего» Рима, ставших мировыми христианскими центрами и попечителями «истинной правой веры». Такое попечительство оставалось обязательным условием и для Третьего Рима, в понятии которого русская Церковь как наследница христианской Церкви первых восьми веков ее существования, Церкви соборного периода, занимает основополагающее место.

¹⁸⁶ Среди таких периодов отступления от нерушимого христианского начала Тютчев мог иметь в виду правление гонителя христиан Юлиана Отступника (361—363), действия которого в библейско-имперском контексте охарактеризованы в учительных гимнах (мадрашах) Ефрема Сирина как отступление от нерушимого христианского начала. В тютчевскую логику монархических слабостей, оснований и помрачений укладывается деятельность императоров-ересиархов, императоров-иконоборцев в Византии, частые нарушения «симфонии», отсутствие четких законов о престолонаследии, политическое вероломство и эпизоды насильственного захвата власти, дворцовых переворотов, Флорентийская уния (1439), духовное падение Константинополя под тяжестью собственных грехов и последующее завоевание турками, а также отступления наследовавшей христианскую империю России от чистоты самодержавных основ в союзе церкви и государства, что неоднократно подвергалось поэтом критическому осмыслению. С точки зрения Тютчева, именно искажение и обесмысливание нормативного идеала «симфонии» священства и царства исторически приводят в конечном итоге к «обессоливанью», обессиливанию и падению христианской империи.

¹⁸⁷ В то время как Восточная империя считала себя законной преемницей «Ромейского царства», Алкуин называл «главой мира» («caput orbis» — *лат.*) Карла Великого, видевшего себя восстановителем Западной империи и стремившегося перенести центр тяжести мира с Востока на Запад, изменить вектор translation imperii от греков к франкам. С коронацией Карла Великого за византийскими василевсами в Западной империи не признавали римского (ромейского) титула, «сокращая» его до «rex Constantinopolitanus», «imperator Gregorum», а его подданных именую не ромеями, а греками. В Византии на Карла Великого смотрели как на узурпатора и позднее ни за Отгонами, ни за Гогенштауфенами не признавали

права на императорскую корону. В результате возникли две империи, соперничество которых сопровождалось усилением раскола в Церкви, что привело в конечном итоге к схизме 1054 г. Именно в правление Карла Великого и его властью получила оформление специфически западная религиозная традиция, в рамках которой утвердился изменение Символа веры и прибавление к нему «филиокве» как догмата на Аахенском церковном соборе 809 г. Возлагая на вселикого короля императорскую корону в 800 г., зависимый от него папа Лев III тем самым возвышал и себя, занимал по отношению к светской власти особое положение и как бы проводил в жизнь завет так называемого «Константинова дара» вопреки установлениям Вселенских соборов. С точки зрения Тютчева, истоки современного враждебного отношения Запада к России (вплоть до нарождавшейся на его глазах Крымской войны) следует искать в «истории узурпированной Империи» и ее протывостояния «законной Империи».

¹⁸⁸ В эпоху Вселенских соборов была сформулирована последовательная православная эkkлезиология, в границах которой на IV (Халкидонском) Вселенском соборе 451 г. отмечалась первенствующая роль римской Церкви, поскольку Рим являлся царствующим градом, а также подчеркивалось равенство прав Римского епископа и Константинопольского патриарха, так как Константинополь стал новой столицей (Новым Римом) — городом царя и синклита (правительства). Богочеловеческая и соборная природа Вселенской Церкви во главе со Христом не предполагала слепого и безусловного ее послушания Риму, неподсудности Римского епископа и т.п. Однако искушения и соблазны, связанные с преимуществами Римской кафедры и исторической памятью о земном могуществе языческого Рима, были достаточно велики, чтобы, по словам Г.В. Флоровского, «проникать сквозь вековой пласт христианства» (Флоровский Г. Исторические прозрения Тютчева // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 225). В результате выработывалось догматическое обоснование примата римских епископов, а некоторые из них стали смотреть на свою поместную Церковь как на привилегированную, на себя же — как на единственных повелителей всей Церкви Христовой с традиционными прерогативами императорской власти. Еще в конце V в. Папа Геласий I заявлял, что папы обладают большим величием, нежели государи, поскольку освящают их, но сами не могут быть освящены ими. В середине VIII в. римские первосвященники становятся обладателями светской власти, получив во владение отвоеванную у лангобардов франкским королем Пипином Коротким (коронованным папой Стефаном II) территорию Равеннского экзархата и город Рим, находившиеся под скипетром византийского императора и подчинявшиеся Константинополю.

Особое значение в возвышении церковной и светской власти пап имела изготовленная в то время подложная грамота Константина Великого, так называемый «Константинов дар» («Donatio Constantini» — *лат.*), для обоснования получения этой власти из рук первого христианского императора. Дарственная грамота за исцеления Константина от проказы и наставление его в «истинной» вере предоставляла кафедре наместников апостола Петра императорские почести и власть, главенство над всеми христианскими Церквями, а папе — Рим, Италию и западную часть Римской империи. Отдав власть над Западом папству, Константин якобы ограничивал свое господство Востоком, ибо «не подобает земному царю властвовать там, где Небесный царь учредил первенство священства и главенство христианской религии». В IX в. «Константинов дар» вместе с другими подложными документами вошел в сборник церковно-канонических декреталий («Лже-исидоровых декреталий» — по имени жившего в VII в. епископа Севильского Исидора), в котором подобраны многочисленные тексты, якобы относящиеся ко II—IV вв. и подтверждающие, будто Римский папа является верховным

главой, законодателем, «высшим судьей» в Церкви, «единым, высшим, первым епископом христианского мира». Тем самым утверждалось его неоспоримое «право» принимать в последней инстанции решения по всем вопросам религиозной и политической жизни.

Как бы в соответствии с подобными декларациями во второй половине IX в. папа Николай I стал ярким выразителем идеи папской теократии и ее примата над светской властью, а также над юрисдикцией восточного христианства, хотя столица всего христианского мира с IV в. находилась в Византии, там созывались Вселенские соборы, а Константинопольский патриарх с VI в. носил титул Вселенского. Николай I добивался низложения патриарха Фотия, противившегося папской экспансии на Востоке, стремился распространить свое влияние на Болгарию, где по инициативе последнего брата Константина (Кирилл) и Мефодий успешно осуществляли миссионерскую и просветительскую деятельность, стремился вернуть в юрисдикцию Римского престола Иллирию, Калабрию и Сицилию. Патриарх Фотий оказался в центре борьбы Римской и Константинопольской Церквей (*Dvornik F. The Photian Schisme. Cambridge, 1948*), ставшей как бы прологом к последовавшему через 200 лет их разделению, после которого первая присвоила себе название католической, т.е. всеобщей, вселенской, и продолжала развивать мнение о собственной супрематии и единоначалии своего главы, доводя это учение до категорических выводов. Вскоре папа Григорий VII сформулировал идею отождествления римского первосвященника с Церковью, которому дана от Бога власть «вязать и разрешать и на земле и на небе», в том числе низлагать и назначать императоров. Все более уподобляясь царствам мира сего и становясь похожей на светскую монархию (в 1302 г. папа Бонифаций VIII издал буллу «Unam Sanctam» о праве Церкви на светскую власть и на обладание не только духовным, но и материальным мечом), римско-католическая Церковь вступала, говоря словами Тютчева, в «святоотатственный поединок» за имперскую «добычу» с германскими государями, о котором он ведет речь в статье «Римский вопрос».

¹⁸⁹ Венский конгресс в 1815 г. отказался от восстановления Римской империи. Его решением и созданием Священного союза было окончательно закреплено поражение имперских амбиций Наполеона.

¹⁹⁰ Тютчев здесь мыслит, так сказать, от противного, исходит из «окончательного» растворения имперской традиции в «революционном действии», что столь же однозначно определяет противоположную роль России.

¹⁹¹ То есть империи, основывающейся на «православной традиции», хранящей и развивающей «наследие Константина».

¹⁹² Надежду на такое объединение Тютчев высказывает в конце статьи «Римский вопрос». См. также комм. к <Отрывку>.

¹⁹³ То есть исправление того крена, в результате которого западная Церковь приспособилась к царству мира сего, становилась «политической силой», «государством в государстве» и тем самым лишалась христовой закваски и силы.

¹⁹⁴ <ОТРЫВОК>

<Отрывок> 13 сентября 1849 г. непосредственно примыкает к трактату «Россия и Запад», над которым Тютчев работал в то же время и в котором он развил идею «окончательной» греко-славянской христианской Империи.

Первая публикация на рус. яз.: *Пигарев К. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Литературное наследство. 1935. Т. 19—21. С. 196.*

Текст печатается по: *Тютчев Ф. И. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст., переводов, коммент. Б. Н. Тарасов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 128—129. Примечания Б. Н. Тарасова.*

Учебное издание

Русская социально-политическая мысль Первая половина XIX века

Хрестоматия

Составители:

*Александр Андреевич Шириняни,
Игорь Юрьевич Демин*

Редактор *И. Е. Новикова*
Переплет *Ю. Н. Симоненко*
Технический редактор *З. С. Кондрашова*
Корректоры *Н. И. Коновалова, Е. А. Босина*
Компьютерная верстка *Ю. В. Одицовой*

Подписано в печать 14.06.2011. Формат 60×90 1/16.
Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 55,0. Уч.-изд. л. 57,5. Тираж 500 экз.
Изд. №» 9388. Заказ №

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел.: (495) 629-50-91. Факс: (495) 697-66-71
(495) 939-33-23 (*отдел реализации*)
E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:
www.msu.ru/depts/MSUPubl2005
Интернет-магазин: www.msupublishing.ru